

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЯНВАРЬ

1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1885 г.

I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. Н. Ѳ. Сумцова.	1
II. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.	20
III. ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЬ МИХАЙЛО МОВЧАНЪ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. В. Антоновича.	57
IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1880 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). С. Голубева.	85
V. ДУНАЙЦЫ. А. Скальковскаго.	117
VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮЖКИ И МАТУШКИ. (<i>Продолженіе</i>). И. Ле- вицкаго.	133
VII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Пчела почаяевская. Изборникъ издательныхъ по- учевій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподавателямъ Ювовъ, игуменомъ лавры почаяевской (1581—1651 г.), издаваемый въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподава- наго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи П. И. Петрова. Почаевъ. 1884 года. — С. Голубевн. — б) Археологическое обозрѣніе, органъ п. к. Музея древностей и львовскаго археологиче- скаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг. — И. Д. — в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г. — Г.	157
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жила первая кіевскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ. — П. Л. — б) Новыя варианты думы «Алексій Поповичъ». — Н. Ѳ. Сумцова. — в) Нѣмецкій трикнелъдь на ядлорусской почвѣ. — С. Бѣлинскаго. — г) Два письма Б. Хмель- вицкаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ влѣнскому, великому гетману литов- скому. — Сообщ. Н. В. С-ко. — д) Изъ народныхъ разсказовъ о сло- бодско-украинскихъ помѣщикахъ. — А. Катрушина. — е) Изъ воспомя- наній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ. — Ф. П-на. — ж) Изъ письма въ редакцію. — з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи. — Ѳ. П.	177
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старини“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8. — Оставшееся незначи- тельное число экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ХІ.

ЯНВАРЬ.

1885 г.

К І Е В Ъ.

Типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київъ, 29-го декабря 1884 года.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА.

Глава I.

Римско-католическая пропаганда, довольно сильная въ западной и южной Россіи въ XIV и въ XV вѣкахъ и почти совсѣмъ прекратившаяся въ XVI ст., въ золотой вѣкъ польской свободы, съ чрезвычайной силой развилась въ послѣднее десятилѣтіе XVI и въ началѣ XVII столѣтія, при королѣ-фанатикѣ Сигизмундѣ III. Пронырливые іезуиты, овладѣвъ королемъ, польскимъ духовенствомъ и частью польской аристократіи, захвативъ въ свои руки высшія учебныя заведенія и цензуру, обнаружили рѣшительное намѣреніе ввести въ западной и южной Россіи церковную унию, какъ переходную ступень къ латинству. замѣнить юліанскій календарь новымъ календаремъ григоріанскимъ и въ замѣнъ церковно-славянскаго языка ввести въ южно-русскую письменность языкъ латинскій. Устроенный посредствомъ козней и интригъ брестскій церковный соборъ разорвалъ южно-и западно-русскій народъ на части, на православное большинство и униатское меньшинство. Меньшинство это было сильно поддержкой короля и католическаго духовенства, ежегодно успливалось приливомъ новыхъ униатовъ.

Отъ южнорусскаго народа прежде всего отпали высшее духовенство и аристократія. Ихъ ослабилъ блескъ польской цивилизаціи, польская наука, литература, коллегіи. Въ особенности ихъ обольстила вольная и роскошная жизнь польской аристократіи. Рус-

ская аристократія и высшее русское духовенство, которое, какъ известно, комплектовалось также изъ людей «уроженныхъ», знатныхъ, стали изъ всѣхъ силъ стремиться къ соединенію съ польской аристократіей, стали принимать латинскія вѣрованія, польскій языкъ, польскіе обычаи и нравы.

Гордые своей наукой и литературой, своими коллегіями латино-уніатскіе писатели въ концѣ XVI столѣтія настойчиво указывали православнымъ южно-руссамъ на ничтожество ихъ школъ, невѣжество и бѣдность духовенства, отсутствіе проповѣди, грубость нравовъ. «Во всей столь обширной русской странѣ, писали они, не имѣете и трехъ ученыхъ, а школъ по всей вашей землѣ Господь Богъ не соизволяетъ». Мало того латино-уніатскіе писатели, хорошо сознавая, какое огромное значеніе имѣли въ Рѣчи Посполитой родовитость и старожитность, особенно настойчиво указывали православнымъ, что у нихъ исчезли сильные паны...

Православные превосходно сознавали всю основательность этихъ упрековъ. Князь Б. К. Острожскій писалъ Потѣю: «Не отъ чого иного rozmножилося mezi людьми такое лѣнливство, оспалство и отступленіе отъ вѣры, яко наибольшей отъ того, пажъ устали учителя, устали проповѣдачи слова Божяго, устали науки, устали казая»...¹⁾ Мелетій Смотрицкій такъ оплакивалъ потерю лучшихъ русскихъ родовъ въ своемъ сочиненіи «Ориность» въ 1610 г.: «Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, которымъ украшена была православная церковь,—гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры? Гдѣ другіе славные роды русскихъ князей, сапфиры и алмазы,—князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыбскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицкіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыпы и другіе безъ числа? Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды,—древніе, имепитые, сильныя роды славнаго по всему міру народа русскаго,—Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Хянецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хреbtовичи, Тризны, Горностаи, Калиновскіе, Мелешки, Сосновскіе,

¹⁾ Акты западной Россіи, IV, стр. 65.

Скумины, Поцѣи и другіе?...» Отвѣты получились самые печальные. «Вы, злые люди, говорить Смотрицкій отъ лица православной церкви, обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ»¹⁾). Современникъ князя Острожскаго и Мелетія Смотрицкаго Іоаннъ Вишневскій подтверждаетъ печальный фактъ отступничества аристократіи отъ народа и указываетъ въ то-же время, что твердость религиозныхъ вѣрованій и преданность церковно-славянскому и малорусскому языкамъ сохранилась нерушимо лишь среди тѣхъ, которые «зъ одной мясочки борщикъ хлебчуть, бицкимъ або муравскимъ кчермачкомъ покрываются и сами соби папове и слуги суть».

Православный южпорусскій народъ созналъ опасность своего національнаго положенія, вѣрно опредѣлилъ свои религиозные интересы, ясно увидѣлъ слабыя стороны своего духовнаго развитія, и съ необыкновенной энергіей принялся за выработку необходимыхъ средствъ самообразованія и самозащиты. Мелкопомѣстное дворянство, низшее духовенство, мѣщане и крестьяне слились въ одномъ стремленіи отстаивать православную вѣру, юліанскій календарь, языкъ церковно-славянскій, сохранить главенство константинопольскаго патріарха, удержать за мірянами право участія въ церковныхъ дѣлахъ, вообще отстаивать всѣ проявленія національной самобытности.

Результатъ этого стремленія оказался поразительнымъ. Народъ южнорусскій, почти вовсе не находя опоры въ могущественной аристократіи, при временномъ случайномъ содѣйствіи высшаго духовенства, главнымъ образомъ усиліями мелкихъ общественныхъ единицъ, повсемѣстно создаетъ церковныя братства, возстановляетъ разрушенныя церкви, учреждаетъ греко-славянскія училища, библіотеки, типографіи, издаетъ «впечатлѣнія книги»²⁾—богослужебныя, правоучительныя, историческія и даже филологическія, отправляетъ дьячковъ за границу въ Румынію учиться церковному пѣнію, снаряжаетъ депутаціи къ королю съ жалобами на угнетеніе православныхъ латинно-уніатами, покрываетъ всю страну мелкими цер-

¹⁾ Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 16.

²⁾ Флеровъ, О православныхъ церковныхъ братствахъ, стр. 121.

ковно-приходскими школами, шпиталями, или больницами и, наконецъ, выдвигаетъ изъ своей среды энергичныхъ и талантливыхъ церковныхъ полемистовъ, историковъ и филологовъ. И все это создается въ короткое время, въ нѣсколько десятилѣтій, такъ что у трудолюбиваго и скромнаго Захаріи Коштынскаго въ 1622 г. вырвалось радостное признаніе: «Омываютъ, за ласкою Божеею; нашу російскую церковь лѣта грубой простоты; свѣтити ей почала свѣтлость умѣтности и правды»¹⁾).

«Свѣтлость умѣтности и правды» въ половинѣ XVII ст. была настолько уже значительна, что озарила всю западную и южную Россію, проникла даже въ другія православныя страны, въ Румынію, Сербію, Московское государство. Молдавскіе госнодари пользовались южно-русскими типографіями и оказывали имъ денежное пособіе. Обладая значительными средствами, церковныя братства снабжали даромъ Сербію необходимыми для нея книгами. Въ кіево-могилянскій коллегіи училось много сербовъ. Малорусскіе ученые проникли даже въ сербское населеніе южной Австріи и завели здѣсь школы. Сербы охотно пользовались сочиненіями южнорусскихъ писателей. Такъ, въ произведеніяхъ Гавріила Стефановича или Венцловича (1725—1745) находятся отрывки изъ сочиненій Лазаря Барановича²⁾). Московское государство стало пользоваться услугами южно-русскихъ и западнорусскихъ ученыхъ съ половины XVII ст. Въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ вызвалъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ инокѣвъ Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго³⁾). Вскорѣ приближеннымъ къ царю человѣкомъ, паставникомъ царскихъ дѣтей становится дѣятельный Симеонъ Полоцкій. Петръ Великій въ своей преобразовательной дѣятельности опирался, между прочимъ, на кіевскихъ ученыхъ, переселившихся по вызову царя въ Великороссію. Ученые малороссіянс работали въ Великороссіи въ духѣ и направленіи южнорусской литературы и лишь въ началѣ XVIII ст. стали приспособляться къ великорусскимъ особенностямъ быта, причемъ въ дѣлѣ такого приспособленія болѣе всего поплы

¹⁾ Завитиевичъ, Далинодія Зах. Коштынскаго, стр. 70.

²⁾ Засадевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 144, 179.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. III, № 323.

и принесли Великой Россіи наибольшую пользу Феофанъ Прокоповичъ и Дмитрій Ростовскій. Южнорусскіе ученые, переселившись въ московское государство, создали здѣсь проповѣдь, ввели въ обыкновеніе составленіе мистерій и, удовлетворяя насущной потребности великороссіянъ, приняли самое дѣятельное участіе въ исправленіи богослужебныхъ книгъ отъ накопившихся въ теченіи вѣковъ ошибокъ и неточностей.

Писателямъ малороссамъ гдѣтъ никакой надобности преувеличивать культурное вліяніе малороссіянъ въ Москвѣ въ XVII ст., такъ какъ вліяніе это признано и по достоинству оцѣнено московскими учеными. Такъ, профес. П. А. Безсоновъ говоритъ слѣдующее: «всякій знаетъ, какъ были они (т. е. малорусскія и бѣлорусскія вліянія) обильны, сильны и вліятельны, напримѣръ для Великой Россіи и особенно Москвы. Пришельцы заняли здѣсь самыя видныя и вліятельныя мѣста, отъ іерарховъ до управленій консисторій, ими устроенныхъ, отъ воспитателей семьи царской до настоятелей монастырскихъ, до ректоровъ, префектовъ и учителей пмиже проэктированныхъ школъ, до кабинетныхъ и типографскихъ ученыхъ, дѣлопроизводителей, дьяковъ и секретарей. Все почти подверглось ихъ реформѣ, по крайности пострадившему вліянію: богословское ученіе, исправленіе священнаго и богослужебнаго текста, печатаніе, дѣла раскола, церковная администрація, проповѣдь, храмовое, общественное и домашнее пѣніе, ноты, виѣшность архіерейскихъ домовъ, образъ ихъ жизни, эвважи и упряжь (цугомъ, въ шорахъ, съ бичами, въ трехъуголкахъ), одежда слугителей, напримѣръ, пѣвчихъ, видъ и составъ школъ, предметы и способы ученія, содержаніе библіотекъ, правописаніе, выговоръ рѣчи устной и въ чтеніи (церковное мягкое г вмѣсто твердаго), общественныя игры и зрѣлища и т. д., и т. д.¹⁾»

По словамъ иностранца Вебера, ознакомившагося съ ученой дѣятельностью малороссіянъ въ Великой Россіи въ началѣ XVIII ст., малорусскіе учителя были «люди острые и разумные»²⁾.

¹⁾ Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни. Предисловіе, стр. VI.

²⁾ Трегубовъ, Религіозный бытъ русскихъ въ XVIII ст., въ «Трудахъ кіевской духовной академіи, 1884 г., т. X, стр. 205.

Г л а в а II.

Въ исторіи южно-русской науки и литературы XVII ст. можно намѣтить два главныхъ періода, періодъ греко-славянскій и періодъ польско-латинскій.

Быстрое развитіе науки и литературы, послѣ продолжительнаго періода духовнаго застоя, предполагаетъ возникновеніе сильныхъ вѣдущихъ культурныхъ вліяній. Малороссія XVII столѣтія служитъ подтвержденіемъ этого общаго историческаго вывода. Благодаря исключительнымъ географическимъ и историческимъ обстоятельствамъ, малорусскій народъ въ XVI и въ XVII ст. вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ южной и западной Европой и воспользовался выработаннымъ здѣсь культурнымъ содержаніемъ жизни для удовлетворенія своихъ насущныхъ духовныхъ потребностей, прежде всего воспользовался тѣмъ, что могла дать греческая и славянская наука XVII вѣка, затѣмъ захватилъ изъ западной латинской науки столько, сколько можно было взять, не нанося большаго ущерба главнымъ красивымъ и національнымъ особенностямъ вѣроисповѣданія и языка.

Греко-славянскій періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ восьмидесятыхъ годовъ XVI ст. до тридцатыхъ годовъ XVII ст., около тридцати лѣтъ въ совокупности. Очагомъ научнаго движенія являются греко-славянскія братскія училища, возникшія въ концѣ XVI ст., какъ необходимое восполненіе существовавшихъ въ странѣ изстари элементарныхъ церковно-приходскихъ школъ. Въ церковно-приходскихъ школахъ обученіе ограничивалось чтеніемъ и письмомъ. Въ высшихъ братскихъ училищахъ изучались языки греческій, славянскій, латинскій, польскій, грамматика, риторика, піитика, діалектика, богословіе. Научное образованіе состояло главнымъ образомъ въ изученія греческаго и славянскаго языковъ и въ основательномъ ознакомленіи съ богословіемъ. Главными просвѣтительными центрами были училища острожское, основанное въ 1580 г., львовское, основанное въ 1586 г., виленское и кіевское, основанныя въ 1588 г. Изъ лицъ высшаго сословія, въ концѣ XVI ст. еще не порвавшаго духовныхъ связей съ народомъ, дѣятельными насадителями науки въ юго-западной Руси были извѣстный московскій эмигрантъ князь Андрей Курбскій и

могущественный его другъ князь Константинъ Острожскій, въ особенности послѣдній. Струи латинской цивилизаціи прорываются въ малорусскія науку и литературу и въ первый періодъ ихъ существованія; уже въ началѣ семнадцатаго вѣка появляются православныя полемическія сочиненія на польскомъ языкѣ, напримѣръ, «Ориность»; появляется искусственная схоластическая проповѣдь, напримѣръ, проповѣди Леонтія Карповича; но все это явленія одиночныя, исключительныя, не нарушающія общаго греко-славянскаго характера южно-русской образованности. Предпочтеніе греческаго языка передъ латинскимъ, церковно-славянскаго и малорусскаго передъ польскимъ выражается во всеобщей склонности давать сочиненіямъ греческія заглавія (напримѣръ, Апокрисисъ, Антирисисъ, Ориность, Палинодія), въ составленіи большинства сочиненій на церковно-славянскомъ языкѣ съ весьма значительной примѣсью малорусскаго языка и въ появленіи сочиненій почти вполнѣ народныхъ по содержанию и языку. Характеристическая особенность науки и литературы конца XVI и начала XVII ст. состоитъ въ ихъ тѣсной связи съ народной жизнью, въ томъ, что онѣ исходятъ изъ народной жизни, питаются ею, почерпаютъ въ ней свои главныя силы, выражаютъ преимущественно интересы народа, во всей его вѣроисповѣдной цѣльности и въ совокупности всѣхъ его сословій.

Степень научнаго развитія южно-русскихъ писателей конца XVI ст. различна, равно какъ весьма различно ихъ умѣніе владѣть перомъ. Изъ всѣхъ научныхъ и литературныхъ дѣятелей конца XVI ст. выдается Христофоръ Бронскій, авторъ «Апокрисиса». Это былъ человекъ глубокаго ума и обширныхъ свѣдѣній. Быть можетъ, самая глубина его научнаго образованія, притомъ основаннаго на латинско-польскихъ школьныхъ началахъ, была причиной, что Бронскій писалъ тяжелымъ искусственнымъ западно-русскимъ языкомъ, съ длинными періодами, съ частыми полонизмами. Другіе южно-русскіе писатели конца XVI ст., напримѣръ, Феодуль и Іоаннъ Вишневскій, далеко отстали отъ Бронскаго въ научномъ отношеніи, но за то значительно его превзошли по ясности изложенія и простотѣ языка. Писатели послѣдней категоріи не могли въ религіозной полемикѣ дать надлежащаго отпора латинско-униатскимъ религіознымъ полемистамъ. Сильное латинско-униатское сочиненіе, въ родѣ сочиненія Скарги «О единствѣ церкви Божіей», дол-

гое время оставалось безъ возраженія. Неизвѣстный авторъ «Ключа царства небеснаго» въ опроверженіи латино-уніатскаго сочиненія Гербеста «Выводы вѣры римскаго костела» откровенно сознается въ томъ, что неудобно «плохому и голому за збройнаго рыцера воевати, а простаку неучепому за мудраго оратора отповедати»¹⁾. Такъ могли говорить только воспитанники элементарныхъ церковно-приходскихъ школъ. Воспитанники греко-славянскихъ братскихъ училищъ выступили на литературное и научное поприще въ первые годы XVII ст. Это были уже «збройные рыцари» въ области полемическаго богословія. Въ то время, какъ православные писатели конца XVI ст., по причинѣ младенческаго состоянія полемической литературы, въ принципѣ отказывались отъ прямой борьбы съ латино-уніатскими писателями и ограничивались лишь простымъ оправданіемъ православной церкви отъ взводимыхъ на нее обвиненій, ученые дѣятели начала XVII ст. относительно своихъ противниковъ занимаютъ твердую оборонительную позицію и по временамъ дѣйствуютъ даже наступательно. Можно сказать, съ каждымъ годомъ въ лагерѣ православныхъ все болѣе и болѣе усиливается «свѣтлость умѣтности». Современники замѣтили, что стремленіе проникнуть въ глубину таинствъ церковныхъ догматовъ овладѣло не только мужичинами, но и «бѣлыми головами, которымъ призвавши-бы куделя зъ веретеномъ, а пижли тое, што писано перомъ»²⁾. Начавшись въ концѣ XVI ст. небольшими и суровыми сочиненіями, «зачепкой» Христофора и «краткословнымъ отвѣтомъ» Федудла, южно-русская литература развивалась очень быстро, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Завершеніемъ и лучшимъ выраженіемъ южно-русской литературы, развившейся подъ вліяніемъ греко-славянскихъ братскихъ училищъ, служить «Паливодія» Захарія Копыстенскаго, — огромное религіозно-полемическое сочиненіе, приготовленное для печати въ 1622 г. и не вышедшее въ свѣтъ по неизвѣстнымъ въ точности причинамъ, вѣроятно, по трудности напечатать столь объемистое произведеніе. «Паливодія» въ рукописи была извѣстна южно-русскимъ людямъ и послужила матеріаломъ и пособіемъ для другихъ, болѣе позднихъ

¹⁾ Завитневичъ, Паливодія, стр. 85.

²⁾ Тамъ-же, стр. 86.

по времени дѣятельности православныхъ полемистовъ, пособіемъ тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ, что тутъ приведены и посредствомъ богословскихъ и историческихъ доводовъ опровергнуты все главныя латино-уніатскія положенія о главенствѣ римскаго папы.

Лучшимъ доказательствомъ высоты и доброкачественности греко-славянскихъ училищъ въ южной Россіи служить то обстоятельство, что подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ развилось не только богословіе, что уже само собою истекало изъ общаго строя тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ, но, что въ особенности заслуживаетъ вниманія историка южно-русской цивилизаціи XVII ст., развились исторіографія и филологія. Цѣнными историческими актами и свидѣтельствами наполнены «Ектезисъ», «Перестрога», «Палиподія». Достаточно самымъ бѣглымъ взглядомъ пробѣжать по страницамъ Палиподіи, замѣчаетъ г. Завитневичъ, чтобы убѣдиться, что авторъ ея много копался въ разнаго рода древнихъ историческихъ памятникахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, прежде чѣмъ рѣшился взяться за перо. У него нельзя отыскать ни одного положенія, которое не было-бы закрѣплено болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ свидѣтельствъ выдающихся церковныхъ авторитетовъ и вообще большимъ или меньшимъ количествомъ фактическихъ данныхъ^{*)}. Извѣстно, что православные писатели въ опроверженіе латино-уніатскихъ доводовъ изъ исторіи въ пользу ученія о главенствѣ папы и существованія уніи въ Малороссіи въ старинное время, доводовъ, часто опиравшихся на подложныхъ историческихъ актахъ, выдвигали цѣнные историческіе документы, отысканные въ братскихъ архивахъ.

Во второе и третье десятилѣтіе семнадцатаго вѣка, время полнаго расцвѣта южнорусской науки и литературы греко-славянскаго характера, появилось два капитальныхъ филологическихъ произведенія: «Славянская грамматика» Мелетія Смотрицкаго и «Лексиконъ славено-россійскій, именъ толкованіе» Памвы Беринды. Грамматика Смотрицкаго, впервые изданная въ Евю, близъ Вильны, въ 1619 г., представляла систематическое изложеніе грамматическихъ правилъ. Смотрицкому принадлежитъ наша грамматическая термино-

^{*)} Тамъ-же, стр. 341.

логия, лишь отчасти измененная Ломоносовымъ. Смотрицкій устранилъ изъ грамматики членъ, какъ несвойственный славянскому языку, ввелъ ученіе о видахъ, замѣтилъ достигающее наклоненіе, удачно означилъ признаки для спряженій, ввелъ дѣепричастіе. Его грамматика пользовалась большою извѣстностью; нѣсколько разъ она была издана (1629 въ Вильнѣ, 1648 и 1721 г. въ Москвѣ); изъ нея дѣлали извлеченія и сокращенія; долгое время она служила единственнымъ руководствомъ при изученіи славянскаго языка; она, по словамъ Каченовскаго, составляеть эпоху и въ исторіи образованія нашего языка; она одна была путеводительницею Ломоносова при наблюденіяхъ его надъ свойствами русскаго слова.—словомъ, она имѣла громадное вліяніе на теорію языка и книгопечатаніе не только въ Россіи, но и въ Болгаріи, въ Сербіи и даже у глаголитовъ¹⁾. Не столь извѣстнымъ, но тѣмъ не менѣе весьма почтеннымъ трудомъ былъ Словарь Беринды. Словарь этотъ представляется любопытнымъ и необходимымъ для всѣхъ изучающихъ основательно русскій языкъ. Архіепископъ Филаретъ замѣтилъ, что «Беринда выполнилъ свое дѣло съ честью... Дѣло сочинителя древняго словаря—выставить слова въ такомъ значеніи, въ какомъ принимали ихъ въ старое время, иначе, представить вѣрный сборникъ мыслей стараго времени; это и сдѣлалъ Беринда»²⁾.

Отмѣтивъ то обстоятельство, что научное развитіе южнорусскихъ писателей конца XVI и начала XVII ст. было весьма различно и что въ этомъ отношеніи одни писатели представляются очень солидными дѣятелями, другіе—скромными литературными тружениками, мы въ заключеніе нашей характеристикѣ греко-славянскаго періода южнорусской литературы должны отмѣтить тотъ замѣчательный въ историко-культурномъ отношеніи фактъ, что почти всѣ писатели южнорусскіе въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія обнаружили отчетливое и ясное политическое самосознаніе. И крупныя ученые дѣятели, какъ Христофоръ Бронскій, и мелкіе труженики пера, какъ неизвѣстные авторы «Перестроги» и «Ключа царства небеснаго», сходятся по широтѣ политическихъ взглядовъ

Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 98—99.

¹⁾ Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, т. I, стр. 266.

на отношенія Малороссіи къ Польшѣ и на взаимныя отношенія различныхъ слоевъ малорусскаго народа.

По силѣ національнаго самосознанія южнорусскіе люди начала XVII ст. стояли очень высоко, выше южнорусскихъ людей конца XVII ст., не говоря уже о болѣе позднемъ времени, о XVIII ст., когда послѣдовало всеобщее духовное оскуднѣніе и измольчаніе. Зрѣлость политическихъ взглядовъ южнорусскихъ ученыхъ конца XVI ст. обнаружилась въ ихъ сужденіяхъ объ отношеніяхъ Польши къ Руси и объ отношеніи высшаго русскаго духовенства и аристократіи къ посольству и горожанамъ. Въ концѣ XVI ст. южнорусскіе политическіе и литературные дѣятели сдѣлали попытку привлечь на сторону угнетаемаго южнорусскаго народа лучшую часть польской интеллигенціи. Князь Острожскій предостерегалъ польскихъ магнатовъ, что ограниченіе свободы вѣроисповѣданія и гражданскихъ правъ южно и западно-руссавъ повлечетъ за собою ограниченіе гражданской свободы польскаго общества. Предостереженіе это повторилъ и разъяснилъ современникъ князя Острожскаго Христофоръ Бронскій. «Вы называете насъ братіей и членами единого тѣла Рѣчи Посполитой, обращается Бронскій въ Апокрисисѣ къ польскимъ магнатамъ, то просимъ васъ, сжалитесь надъ угнетенною братією своею; наши страданія пусть тронуть васъ, какъ собственныя раны и страданія вашихъ милостей! Если-же ваша любовь къ намъ охладилась, то пусть тронетъ ваши милости по крайней мѣрѣ любовь къ собственнымъ правамъ, которыя заключены въ однихъ съ нашими доскахъ и укрѣплены одними связями. Берегитесь, чтобы сквозь ту дыру, которая продѣлывается въ правахъ, служащихъ намъ, не ускользнули всѣ свободы и у вашихъ милостей. Что постигаетъ теперь насъ, то своимъ примѣромъ и въ своихъ послѣдствіяхъ касается и всѣхъ васъ»¹⁾... Голосъ Бронскаго не былъ услышанъ. Нельзя сказать, чтобы въ концѣ XVI ст. въ польскомъ обществѣ не было людей съ свѣтлымъ умомъ, гуманныхъ и вѣротерпимыхъ; такіе люди были, только не они вліяли на ходъ историческихъ событій. Главными дѣйствующими лицами въ это время были узкіе религіозные фанатики, слѣпые слуги римской куріи, въ родѣ знаменитаго діалектика и проповѣдника Петра Скарги. Іоанвъ Вишен-

¹⁾ Бронскій, Апокрисисъ, стр. 240 (академич. изд.), 1870 г.

скій, при всей ограниченности своего научнаго образованія, вѣрнымъ національнымъ чутьемъ превосходно опредѣлялъ, что не помогутъ южно-русскому народу польскій король и сенаторы, не помогутъ ему даже его собственные архіереи и папы. «Бѣдные крестьяне, писалъ Вишенскій южно-русскимъ архіереямъ, день и ночь трудятся и мучатся для васъ, а вы, высосавъ изъ нихъ кровь, силы и плоды трудовъ ихъ, обобравъ ихъ до нитки, наряжаете на ихъ счетъ своихъ сорванцовъ слугъ въ дорогія платья. Вы съ поту ихъ наполняете мѣшки золотымъ, талярами, полталярами, ортами, четвертаками и трояками, а у этихъ бѣдняковъ нѣтъ и шельга на покупку соли». Въ посланіи къ православнымъ южно-руссамъ Вишенскій говоритъ: «На паповъ же вашихъ русскаго рода не надѣйтесь; въ нихъ-же нѣтъ спасенія! Все бо живого Бога и вѣры, аже въ него, отступили, прелести-же еретической, любви духа тщеславнаго, жизнолюбію и лихоимству ся поклонили»¹⁾... Вишенскій былъ правъ, его суровое осужденіе высшаго духовенства и аристократіи оправдывается всей малорусской исторіей XVII ст.

Глава III.

Второй періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ тридцатыхъ годовъ до конца восьмидесятыхъ годовъ XVII ст., около пятидесяти лѣтъ въ цѣломъ. Очагомъ научнаго движенія служитъ кіево-могилянскій коллегіумъ, построенный по образцу высшихъ іезуитскихъ училищъ, на преобладаніи внѣшней показной стороны обученія, на подавленіи духовной пытливости и скептицизма началами строгой школьной дисциплины и тяжестью церковныхъ авторитетовъ, на развитіи формальной стороны науки. Научное образованіе состоитъ главнымъ образомъ въ изученіи латинскаго языка и въ ознакомленіи съ средневѣковымъ схоластическимъ богословіемъ. Второй періодъ южно-русской литературы характеризуется преобладаніемъ въ полемикѣ богословскаго элемента надъ историческимъ, въ развитіи искусственной схоластической проповѣди

¹⁾ Вишенскій, въ Актахъ южной и западной Россіи, т. II.

или казанья, въ рѣшительномъ перевѣсѣ польскаго языка надъ церковно-славянскимъ. Значительное большинство сочиненій написано на языкѣ польскомъ; краевой южно-русскій элементъ проявляется случайно въ немногихъ сочиненіяхъ; изложеніе тяжелое, обильное макаронизмами. Сильно развивается склонность къ стихотворству; склонность эта въ концѣ XVII ст. переходитъ въ манію, въ сумасбродство, исключаящее даже самую возможность появленія строго историческихъ или филологическихъ изслѣдованій. Развивается крайній панегиризмъ,—ясное свидѣтельство всеобщаго упадка духовной жизни, явное доказательство потери строгаго нравственнаго критерія въ области политической и научной дѣятельности. Люди науки гордятся своею наукою и отдѣляютъ ее отъ жизни общественной и народнаго быта, какъ нѣчто чрезвычайно высокое, не допускающее прикосновенія низмецной дѣйствительности.

По времени дѣятельности, по взаимнымъ личнымъ и литературнымъ связямъ южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. раздѣляются на двѣ группы. Въ первую группу входятъ литературные дѣятели тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ XVII ст.: Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ Козловскій и нѣсколько второстепенныхъ по значенію. Во вторую группу входятъ дѣятели шестидесятихъ, семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ: Иннокентій Гизель, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галатовскій, Антоній Радивиловскій. Наиболѣе вліятельными людьми были Петръ Могила и Лазарь Барановичъ, наиболѣе образованнымъ и плодовитымъ писателемъ Іоанникій Галатовскій. Всѣ эти дѣятели стояли тѣсно другъ около друга, поддерживали другъ друга всячески. Петръ Могила покровительствовалъ и повышалъ Коссова, Козловскаго и Гизеля; Гизель—Барановича и Радивиловскаго, Барановичъ—Галатовскаго. Они соединены были другъ съ другомъ тѣсными узами нравственной солидарности, узами дружбы, и всѣ они въ литературѣ и отчасти въ политикѣ дѣйствовали съобща и въ одномъ направленіи, что обусловлено было сходствомъ ихъ литературныхъ и научныхъ понятій. Хотя Барановичъ и Галатовскій обнаружили значительную зависимость отъ схоластической школы, хотя польско-іезуитскія педагогическія пачала вытравляли въ нихъ нѣкоторыя характерныя національныя черты, писатели эти, равно какъ писатели первой группы, жили и дѣйствовали подъ непогас-

шими еще влияніями того строя малорусской жизни, какой созданъ былъ братствами въ началѣ XVII ст. Коллегиумская схоластика имъ повредила во многомъ, но она въ половинѣ XVII ст. была еще настолько парализуема свѣтлыми и чистыми влияніями старинной украинской школы и литературы, что не могла вполне изуродовать Барановича и Галатовскаго въ духовномъ отношеніи, какъ изуродовала въ самомъ концѣ столѣтія Іоанна Максимовича. Въ общественной, научной и литературной дѣятельности Барановича, Гизеля и Галатовскаго есть много еще цѣннаго; въ сочиненіяхъ ихъ среди разнаго схоластическаго хлама мѣстами, нельзя сказать чтобы часто и отчетливо, пробивается свѣтлая мысль и гуманное чувство, обнаруживается пониманіе общественныхъ потребностей и желаніе потрудиться для ихъ удовлетворенія.

Барановичъ, Галатовскій и Гизель свои мнѣнія объ улучшеніи общественной и семейной жизни, науки и литературы высказали въ видѣ случайныхъ замѣчаній и пожеланій. Эти оброненныя мимоходомъ замѣчанія даютъ изслѣдователю возможность намѣтить лишь главныя черты идеальныхъ стремленій поименованныхъ дѣятелей. Нѣтъ надобности доказывать, что идеалы Барановича, Гизеля и Галатовскаго исходятъ изъ малорусской дѣйствительности; идеалы эти не разрываютъ съ ея связей, они только очищаютъ ее отъ недостатковъ и такимъ образомъ возводятъ на опредѣленную, во всякомъ случаѣ значительную по высотѣ степень внутренняго и внѣшняго совершенства.

По мнѣнію Барановича, Галатовскаго и Гизеля, нужно думать, и всѣхъ лучшихъ людей Малороссіи второй половины XVII в., политическій и гражданскій строй страны долженъ былъ представляться въ слѣдующемъ, для нихъ желательномъ видѣ. Малороссія, лѣвобережная и правобережная въ совокупности, должна находиться подъ покровительствомъ московскаго царя. Православный царь защищаетъ православныхъ малороссянъ отъ влѣпныхъ и иновѣрныхъ враговъ. Зависимость Малороссіи отъ московскаго государства выражается въ обязанности охранять южныя границы московскаго государства и въ опредѣленной дани, которая не была-бы тягостна для народа, разореннаго продолжительными войнами; южно-руссы оказываютъ великорусскому народу всякаго рода нравственныя услуги, папримѣръ, посылаютъ въ Москву ученыхъ богослововъ и

и проповѣдниковъ, правоучительныя книги, голосистыхъ пѣвчихъ, опытныхъ садовниковъ. Москва, Польша и Малороссія входятъ во взаимныя дружескія связи и заключаютъ наступательный союзъ противъ общаго врага, магометанства. Усилія великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ должны быть направлены къ тому, чтобы уничтожить крымскихъ татаръ, изгнать изъ Европы турокъ, даровать православнымъ народамъ балканскаго полуострова свободу и освободить Іерусалимъ отъ ига невѣрныхъ. Внутри Малороссія пользуется полной административною автономіей. Духовенство зависитъ исключительно отъ константинопольскаго патріарха, какъ велось изстари. Кіевскій митрополитъ избирается соборомъ духовенства и мірянъ, по предварительному соглашенію духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Низшее духовенство избирается громадой и получаетъ отъ нея достаточное матеріальное обезпеченіе. Оно совершаетъ церковныя службы, говоритъ проповѣди, обучаетъ дѣтей въ школахъ и поддерживаетъ шпитали. Гражданское управленіе страной находится въ рукахъ свободно-избранной старшины, во главѣ которой стоитъ гетманъ. Въ большихъ городахъ должны быть коллегіумы и типографіи, въ селахъ школы, повсемѣстно шпитали. Воспитаніе и образованіе юношества основывается на религіозно-нравственныхъ началахъ. Спеціальныя и семейныя отношенія опредѣляются евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. Писполитые представляются людьми подневольными, и господство надъ ними козацкой старшины и духовенства оправдывается ссылаками на Ветхій Завѣтъ. Старшинѣ впрочемъ поставляется въ нравственную обязанность милостиво относиться къ простому народу, не отягощать крестьянъ тяжелой работой или налогами. Въ нравственную обязанность поставлялось «предпочитать добро общее надъ уединенное» (слова Гизеля въ его книгѣ «Миръ»).

Г л а в а I V.

Южно-русская литература семнадцатаго вѣка, богатая по числу памятниковъ, оригинальная по ихъ внутреннему содержанію, изложенію и языку, долгое время являлась своего рода terra incognita. Трудно къ ней приступить по двумъ причинамъ. Во первыхъ,

въ старинной южно-русской литературѣ преобладають богословскія полемическія сочиненія, большею частью темныя по содержанію и изложенію; изслѣдователи литературы не рѣшались опуститься въ пучину схоластическихъ толкованій догматовъ вѣры. Во вторыхъ, важнымъ препятствіемъ для успѣшнаго хода научной разработки старинной украинской литературы представляется почти полное отсутствіе южно-русской библіографіи. Не сдѣлано даже простаго перечня старинныхъ южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ; не указано, гдѣ ихъ можно найти. Такого рода указанія представляются тѣмъ болѣе необходимыми, что старинные южно-русскіе памятники разбросаны по разнымъ книгохранилищамъ, причѣмъ весьма цѣнныя сочиненія попадаютъ не только въ такихъ громадныхъ книгохранилищахъ, какъ петербургская публичная бібліотека и московскія бібліотеки Румянцевскаго музея и синодальная, но и въ столь скромныхъ сравнительно съ первыми, какъ бібліотека харьковской духовной семинаріи.

Если не считать короткихъ и фразистыхъ статей о Барановичѣ и Максимовичѣ, находящихся въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» сороковыхъ годовъ, то первымъ по времени и превосходнымъ по достоинству специальнымъ изслѣдованіемъ южно-русской литературы XVII вѣка была статья Пекарскаго о кіевскихъ ученыхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1862 г. Долгое время никто не шелъ по дорогѣ, указанной Пекарскимъ. Лишь въ 1873 г. появилась магистерская диссертация г. Сабалаповича объ «Апокризисѣ». Въ 1875 г. въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена статья объ Іоаниѣ Вишенскомъ. Въ 1876 г. Строевъ помѣстилъ въ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» весьма хорошую статью о проповѣдяхъ Лазаря Барановича. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Петербургская Археографическая Коммисія обратила серьезное вниманіе на старинную западно-русскую литературу, и нѣсколько научныхъ и литературныхъ памятниковъ было издано въ двухъ томахъ «Русской Исторической Вибліотеки», при дѣятельномъ содѣйствіи члена коммисіи г. Гильдебрандта. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ вышли XI и XII томы «Исторіи русской церкви» митрополита Макарія, въ которыхъ, между прочимъ, находится нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о южно-русской литературѣ XVII в. Прошлый 1883 годъ принесъ нѣсколько крупныхъ монографій по исторіи

южно-русской литературы XVII в. Въ Кіевѣ вышелъ огромный первый томъ изслѣдованія г. Голубева о Петрѣ Могилѣ (рецензія профессора Н. И. Петрова и профессора Е. Е. Голубинскаго), въ Варшавѣ—спеціальное изслѣдованіе г. Завитневича о Палинодіи (рецензія профессора Н. И. Петрова), въ Одессѣ—богатое фактами изслѣдованіе г. Засадкевича о Мелетіи Смотрицкомъ, какъ филологѣ. Съ появленіемъ сочиненій гг. Голубева, Завитневича и Засадкевича, мракъ, покрывавшій южно-русскую литературу XVII ст., въ значительной степени разсѣялся. Небольшія, но цѣнныя замѣтки о памятникахъ южно-русской литературы XVII ст. разбросаны въ 8-мъ томѣ «Historia literat. polsk.» Вишневецкаго, въ 1-мъ томѣ «Обзора духовной литературы» архіепископа Филарета, въ концѣ перваго тома «Литовской церковной уни» г. Кояловича, во второмъ томѣ сочиненія покойнаго Ф. А. Терновскаго «Изученіе византійской исторіи», въ «Русской исторіи въ жизнеописаніи ея главныхъ дѣятелей» Н. И. Костомарова и въ исторіи русской словесности профессора И. И. Порфирьева. Важные памятники южно-русской литературы изданы въ актахъ западной Россіи, въ актахъ южной и западной Россіи, въ сочиненіи г. Малышевскаго о Мелетіи Пнгалѣ, въ «Чтеніяхъ въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей» (при секретарѣ А. Поповѣ).

Въ интересахъ успѣшной научной разработки южно-русской литературы семнадцатаго вѣка желательно

во 1) чтобы составленъ былъ полный библиографическій указатель южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ, религіозно-полемическихъ сочиненій, богословскихъ трактатовъ, словарей, писемъ, сочиненій о календарѣ и друг., съ подробнымъ приведеніемъ заглавія, съ указаніемъ, гдѣ находится памятникъ, ~~въ какому изданію~~, что о немъ писано;

во 2) чтобы составленъ былъ библиографическій указатель изслѣдованій по политической и бытовой исторіи Малороссіи, который могъ-бы послужить изслѣдователю южно-русской литературы пособіемъ при объясненіи литературныхъ памятниковъ общимъ состояніемъ образованности;

и въ 3) чтобы были издапы южно-русскія старопечатныя книги, правоучительныя, религіозно-полемическія и строго научныя, въ родѣ грамматикъ, словарей, сочиненій о календарѣ, во всемъ ихъ

составъ, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей изложенія и языка, на подобіе того, какъ Обществомъ любителей древней письменности издавы старинныя московскіе литературныя памятники ¹⁾.

Н. В. Сумцовъ.

20 октября 1884 г.

¹⁾ *Примѣчаніе:* Статья эта должна служить предисловіемъ къ первымъ тремъ выпускамъ моего изслѣдованія: «Къ исторіи южно-русской литературы». Первый выпускъ о Лазарѣ Барановичѣ издавъ въ Харьковѣ въ 1884 г., второй объ Юнквикѣ Галятовскожъ и третій о Гизелѣ первоначально были напечатаны въ «Кіевской Старинѣ» 1884 г., потомъ вышли отдѣльно съ дополненіями и поправками.—П. С.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ¹⁾.

I.

На территории между морями Балтійскимъ, Чернымъ и Адриатическимъ жили славяне подъ разными названіями, а въ числѣ ихъ поляки и русь. Жили они отдѣльными родами, т. е. большими семьями. Каждый родъ повиновался своему начальнику. Старшины родовъ собирались въ опредѣленные мѣста для совѣщанія; такія собранія назывались вѣчами. Кромѣ вѣча славяне имѣли еще князей, которымъ принадлежала высшая судебная власть и предводительство на войнѣ. Вѣча были общинныя, на которыхъ обсуждались дѣла отдѣльной общины, и народныя, которыя рѣшали общія дѣла народа.

Полную картину старославянскаго вѣча сохранила памь исторія въ извѣстномъ « Судѣ Любуши », дочери Крива изъ Вышеграда; здѣсь собрана для совѣщанія вся народная старшина, состоящая изъ *кметей*, *леховъ* и *владыкъ*. Такъ какъ въ названномъ памятникѣ древне-чешской литературы термины эти повторяются много разъ въ неизмѣнномъ порядкѣ, то отсюда легко заключить, что *кмети*, *владыюще* землю, составляли главное ядро народа, занимая въ то

¹⁾ Предлагаемый очеркъ составленъ по сочиненію галицко-русскаго ученаго о. Стефана Качалы, вышедшему во Львовѣ въ 1879 г. подъ заглавіемъ *Polityka polaków względem Rusi* и представляетъ сжатое извлеченіе изъ него собственно исторической его части. Трудъ о. Качалы, за устраненіемъ изъ него полемиической и публицистической части, даетъ весьма хорошій прагматическій очеркъ исторіи юго-западной Руси, какового явленію не достаетъ въ скудной южно-русской исторической литературѣ и какого мы тщетно стали-бы искать въ трудахъ Ваптышы-Кажанскаго и П. Марковича, устарѣвшихъ не только со стороны фактическаго содержанія, но еще болѣе по основному взгляду и прилагу изложенія.

время первое мѣсто на вѣчахъ. Рядомъ съ ними стояли *лехи* или вонны, правдоподобно, считавшіеся еще въ то время слугами цѣлаго народа, и наконецъ владыки, т. е. предводители родовъ и верховныя жрецы, какъ высшіе начальники народа.

Не смотря на то, что славяне по природѣ своей племя отважное и воинственное, они избѣгали наступательныхъ войнъ и тогда только вступали въ битву, когда приходилось отражать нападеніе.

Необходимость обороны связывала свободныя племена въ политическія единицы; защита вѣры предковъ, съ которой соединялась идея независимости славянъ, была ихъ лозунгомъ въ битвахъ, побуждало-же ихъ къ защитѣ язычества распространеніе новой христіанской вѣры, происходившее на юго-восточной и въ особенности на западной границѣ славянщины.

Съ востока христіанство распространялось спокойно, путемъ убѣжденія и проповѣди. Совсѣмъ иначе происходило это на западѣ. Здѣсь вѣру христіанскую распространяли германцы, прикрывавшіе жажду завоеванія и захватовъ проповѣдью любви христіанской, лишая покоренныхъ не только ихъ земель, но языка и обычаевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что христіанство пришло къ славянамъ съ востока, а не на оборотъ, и что въ Польшѣ греческая вѣра съ ея обрядностью проповѣдывалась раньше, чѣмъ латинская.

Въ Великой Моравіи слово Божіе проповѣдывали св. Кирилль и Меодій. Въ Польшѣ вѣра христіанская была насаждена еще до Мечислава I проповѣдниками съ востока, а богослуженіе отпирывалось на славянскомъ языкѣ ¹⁾. Случилось такъ потому, что въ большей части своихъ границъ Польша соприкасалась съ славянскими государствами, принявшими вѣру отъ грековъ ²⁾; поэтому греческій обрядъ сдѣлался славянскимъ. Первымъ христіанскимъ храмомъ въ Краковѣ была церковь св. Креста ³⁾. Еще въ 1491 г. въ Краковѣ

¹⁾ Мацѣевскій въ *Pamiętnikach*, стр. 149, говоритъ; *Obrządek łaciński z tychże samych, co i u innych słowian, przyczyn nie przemawiał do serc Polaków, dla tego też bardzo weześnie znalazł do nich przystęp obrządek słowiański.*

²⁾ *Dzieje królestwa polskiego przez I. S. Bandkie*, 1820 г., т. I, стр. 67.

³⁾ Лавровскій, «Кирилль и Меодій», Харьковъ, 1863 г.; Захарія Копытскій, «Защита вѣры восточной въ Польшѣ», 1620 г.

печатались русско-славянскія книги, а возлѣ Опатова за Вислой жили люди, исповѣдывавшіе греко-восточную вѣру.

Польскій языкъ того времени также непогнѣмъ различенъ отъ современнаго ему чешскаго и русскаго, такъ что и языкъ и религія связывали славянъ. Однако еще до Мечислава I противъ объединенія славянъ возстали сильныя непріятели.

Начиная отъ Карла Великаго, врага восточной церкви и цѣлой славящины, сперва франки, а потомъ нѣмцы, подстрекаемые Римомъ, усиленно стремились къ тому, чтобы уничтожить самихъ славянъ, а восточное богослуженіе ихъ замѣнить обрядомъ римской церкви. Устраняя славянскій языкъ изъ храмовъ, старались вмѣстѣ съ тѣмъ вытѣснить его и изъ домашняго обихода, а основаніемъ нѣмецкихъ колоній въ славянскихъ земляхъ старались отмѣчить эти края. Сверхъ того нѣмецкіе императоры старались еще ссорить славянъ между собою. Нѣмцы, эти непрощенные цивилизаторы, называли славянъ язычниками, хотя они были уже христіанами, и считая славянское ученіе языческимъ, вторично крестили исповѣдывающихъ его по латинскому обряду.

Обитавшіе за Эльбою славяне были покорены нѣмцами и, съ теченіемъ времени, мало по малу отмѣчались, другіе хотя и сохранили свою національность, но уже должны были въ своихъ храмахъ принять латинскій языкъ. При Мечиславѣ I въ Польшѣ были христіане какъ греческаго, такъ и латинскаго исповѣданія; первое было насаждено со времени Кирилла и Меѳодія.

Первою женою Мечислава I была Дубравка, чешка славянскаго обряда, отъ чего при дворѣ этого князя господствовало славянское исповѣданіе вѣры. Вторая жена Ода, католическая монахиня, похищенная изъ монастыря, склонила Мечислава къ исповѣданію западной церкви. Примѣру князя послѣдовало рыцарство и такимъ образомъ латинскій обрядъ становится вѣрою *lehowz*, славянскій—вѣрою простаго народа; первый все больше и больше распространялся и бралъ перевѣсъ надъ славянскимъ. Дѣло обращенія въ католичество довершилось св. Войтѣхъ, окончательнаго вытѣснителя изъ Польши ученія восточной церкви ¹⁾. Римская пропаганда съ самаго начала шла объ руку съ религіозной нетерпимостью, которой принципомъ было: прости

¹⁾ Dzieje I. S. Bandkie, I, str. 174, 175.

ближнему всё его прегрѣшенію, но никогда не прощай того, если онъ осмѣлится исповѣдывать неправую вѣру. Русь сохранила греческую вѣру. Не наше дѣло вдаваться въ обсужденіе догматовъ обоихъ исповѣданій; обратимъ только вниманіе на различіе ихъ политическаго характера. Православная церковь стоитъ на принципахъ автономно-федеративныхъ, которыя выработались въ III и IV вв. вселенскою церковью, какъ-то: независимыя епископіи, подлежащія только власти вселенскихъ соборовъ, далѣе національная церковь, т. е. каждое племя съ богослуженіемъ на своемъ языкѣ и т. д.

Принятіе католической вѣры не освободило однако поляковъ отъ опасностей худаго сосѣдства, и послѣ того они должны были выдерживать упорную вѣковую борьбу съ нѣмцами.

Существованіе западныхъ государствъ и германской имперіи основывалось на томъ завоевательномъ принципѣ, что вся земля цѣлаго края принадлежитъ монарху. Отъ него получали се владѣтельные князья съ обязательствомъ военной помощи по первому требованію; подъ ихъ начальствомъ сидѣли на меньшихъ участкахъ мелкіе рыцари и еще болѣе мелкіе владѣльцы, окончивая болѣе веѣхъ ихъ зависимымъ крестьяниномъ. Подобный государственный строй извѣстенъ подъ именемъ феодальнаго.

Зачатки польскаго рыцарства идутъ правда отъ очень отдаленнаго времени, но при такомъ порядкѣ сосѣдскихъ отношеній нужно было подумать объ организаціи военныхъ силъ для защиты края отъ угрожающей ему опасности.

Вѣковая борьба и продолжительное соприкосновеніе съ нѣмцами не осталось безъ послѣдствій. Стоя на защитѣ своей національной независимости, поляки все больше и больше заимствуютъ отъ нѣмцевъ ихъ нравы и обычаи и все быстрѣе теряютъ свой старо-славянскій общественный строй. Тогда старо-славянская равноправность стала колебаться и начало вырабатываться неравенство сословій, такъ какъ рыцарство все больше возвышалось, а крестьянъ постепенно низводили въ состояніе неволи.

Пока однако дѣло дошло до полной неволи, сельскіе жители, притѣсняемые обитателями замковъ, не разъ подымали противъ нихъ возстанія, забирали ихъ имѣнія и женъ, уничтожали привиллегіи, совершенно такъ, какъ то позже дѣлалъ козаки, съ тою только разницею, что здѣсь папы дѣйствовали заодно съ католическимъ

духовенствомъ, состоявшимъ въ началѣ изъ пришлыхъ нѣмцевъ; это духовенство помогало панамъ подчинить себѣ поселянъ и въ концѣ концовъ рыцарство съ духовенствомъ получило перевѣсъ надъ возставшими крестьянами. Поэтому несудивительно, что по смерти Мечислава II народъ снова поднялъ реакцію противъ пановъ и истребилъ латинскихъ епископовъ и ксендзовъ; многіе изъ жителей, по словамъ лѣтописцевъ, оставляли христіанскую вѣру и возвращались къ язычеству, при которомъ были свободными; возвращались они, правдоподобно, не къ язычеству, а къ греческому обряду, который латиняне также называли языческимъ. Догадку эту подтверждаетъ замѣчаніе Лелевля. «Причиною войны между панамъ и крестьянами, говоритъ онъ, было преслѣдованіе греческаго обряда». Эта реакція, или, какъ ее называли, бунтъ хлоповъ противъ пановъ, окончательно подавлена была рыцарскимъ сословіемъ въ XI вѣкѣ; съ помощью нѣмцевъ и вновь присланныхъ епископовъ и ксендзовъ, панамъ удалось подчинить крестьянъ и принудить ихъ къ латинскому обряду. Такъ какъ противъ греческаго исповѣданія никогда не бывало подобныхъ возстаній, то это доказываетъ, что оно не нарушало свободы и равенства сословій.

Христіанская вѣра по восточному обряду проповѣдывалась не огнемъ и мечемъ, какъ это дѣлалъ Карлъ Великій съ саксонцами, крестоносцы и рыцари ордена меченосцевъ съ прибалтійскими народами, и вообще нѣмцы,—эта вѣра распространялась путемъ проповѣди; инквизиція и другія подобныя учрежденія въ ней были неизвѣстны. Характеръ греческаго обряда состоялъ въ томъ, что его іерархи не допускали даже той мысли, чтобы церковь нуждалась въ поддержкѣ путемъ мученій и смерти; крестъ былъ единственнымъ оружіемъ греческой церкви.

Въ началѣ Русью въ тѣсномъ смыслѣ называлась въ Песторовой лѣтописи кіевская земля, которая въ IX в. подчинила себѣ Новгородъ и другія областныя единицы, припавшія также съ этого времени общее имя Руси. Червенскіе города (Галиція) принадлежали Польшѣ; они также принимаютъ названіе Руси послѣ того, какъ Владиміръ святой въ 981 г. присоединилъ ихъ къ своимъ владѣніямъ. Люблинская земля до Данила Романовича, т. е. до половины XIII в., также принадлежала Польшѣ и только со времени этого князя стала называться Русью. Однимъ словомъ все,

что только хотъ на время входило въ составъ русскихъ земѣль, принимало названіе Руси; въ противоположность тому ни червенскіе города, ни люблинская земля, хотя вскорѣ снова возвратились къ Польшѣ, не присвоили себѣ однако имени Лехіи или Польши— мало того, современные польскіе историки не въ состояніи даже указать, какія именно земли и въ какое время начали называться Польшей. Имя это нигдѣ не привилось, и въ настоящее время простой народъ по обѣ стороны Вислы называетъ поляками только шляхту и мѣщанъ, а для себя удерживаетъ старинныя областныя названія: куявяць, мазуровъ, краковяпъ и др.

Русь привлекала къ себѣ тѣмъ, что поддерживала мѣстные порядки, равенство и свободу народа, вѣчевое право и греческое исповѣданіе. Польша напротивъ и равенство, и вѣчевое право присвоила только рыцарскому сословію, ни во что обращая свободу народа и вводила неволю.

Вѣчевое право, общее всѣмъ славянамъ, было свойственно и населенію береговъ Вислы; ограниченное здѣсь, оно удержалось при русскихъ князьяхъ. Вездѣ, гдѣ только нѣкоторое время существовало вѣчевое право, уравнивающее всѣхъ гражданъ, тамъ народъ называлъ себя русскимъ; такимъ образомъ слово *русскій* означало тоже, что *славянскій*. Если-бы князь Владиміръ св. Запалъ все пространство земель до Вислы, или далѣе, то можно съ большимъ основаніемъ допустить, что всѣ эти земли приняли-бы названіе Руси, потому что имя Руси было синонимомъ областныхъ учрежденій. Напротивъ того Польша развивалась вопреки народнымъ обычаямъ, поэтому слово *польскій* означало до нѣкоторой степени подчиненіе опѣмеченнымъ и окатоличеннымъ папамъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе припятія католическаго вѣроисповѣданія и отчасти феодальнаго устройства, Польша становится на сторонѣ запада. Уже въ XI столѣтіи польское рыцарство фактически захватило въ свои руки всю политическую власть въ краѣ и положило основаніе тому порядку вещей, который впоследствии развился въ полномъ цвѣтѣ въ шляхетскую Рѣчь Посполитую, какъ это увидимъ дальше. Такое положеніе вещей въ Польшѣ держалось только потому, что народъ былъ бѣденъ и пригнетенъ, а шляхта всегда была вооружена и содержала на жалованьи нѣмецкіе отряды. Польша развивалась къ государство по общимъ западно-европейскимъ образцамъ,

и вслѣдствіе того стала въ оппозицію съ прочими славянами. Поляки приняла съ давнихъ временъ принципы прогресса, общаго съ Западомъ; однако это стремленіе, которому они отдались добровольно, часто заводило ихъ слишкомъ далеко, а иногда и просто въ глухой копецъ; они не понимали своего исключительнаго положенія и, что еще хуже, не понимаютъ его и теперь. Польское славянское государство, ставши на сторону Запада, принимало отъ него не только образцы политической жизни, обычаи и права противныя славянству, но даже и языкъ, такъ что народности польской угрожала опасность ¹⁾).

Въ 999 г. Болеславъ Храбрый, сынъ Мечислава I, посмалъ въ Римъ просьбу о королевской коронѣ, но папа отказалъ ему въ ней. Помогъ въ этомъ императоръ германскій.

Не смотря на всю свою силу и вліяніе, германская имперія не была безопасна отъ славянъ и пуждалась въ союзникѣ изъ ихъ среды. Поэтому, императоръ Оттонъ III, которому Болеславъ помогалъ противъ лютичей, прибылъ въ Гнѣзно въ 1000 г., подъ предлогомъ посвѣщенія гроба св. Войтѣха, и тутъ возложилъ свою корону на голову Болеслава Храбраго. Однако папа долго еще не давалъ разрѣшенія на религиозный обрядъ коронаціи и Болеславъ только въ 1024 г. приказалъ епископамъ торжественно короновать себя.

Императоръ дѣйствовалъ изъ политическихъ видовъ, желая склонить польскаго князя на свою сторону, чтобы обезопасить себя отъ славянъ, жившихъ за Одеромъ и надъ Эльбою; вмѣстѣ съ короною онъ далъ Болеславу право завоеванія и покоренія западныхъ славянъ и обращенія ихъ въ католичество. Итакъ Болеславъ вмѣстѣ съ цѣмцами покоряетъ славянъ; такимъ образомъ Польша приняла на себя мисію служенія Германіи и Риму, которую выполняетъ и до настоящаго времени.

Польша вѣрывается клиномъ среди славянъ, понижѣ отличаеь сепаратизмомъ отъ славянскаго дѣла, и въ этомъ кроется причина ея собственной слабости и непопулярности среди остальной славянщины. Въ этомъ именно начало того зла, которое

¹⁾ Lelewel.

яркою полосой проходитъ черезъ всю исторію Польши и послужило причиной сперва ея роста, а въ послѣдствіи упадка.

Польша не поняла своего призванія охранять западныхъ славянъ отъ овѣмченія и вмѣсто опоры сдѣлалась для нихъ врагомъ. Послѣдствіями этой исторической ошибки были дальнѣйшіе успѣхи германизациі и наконецъ упадокъ Польши.

II.

Русь и Польша граничили между собою и находясь въ сосѣдскихъ отношеніяхъ, бились и мирились, воевали и братались, какъ то обыкновенно бываетъ между сосѣдями. Это однако не входитъ въ предметъ настоящаго изслѣдованія. Начнемъ съ того времени, когда Польша и Русь начали входить въ болѣе близкія столкновенія между собою, когда различіе взглядовъ и религій выступаютъ на сцену.

Въ 1336 г. скончался Юрій II, праправнукъ Данила, послѣдній князь Галицкой Руси изъ династіи Романовичей. Не желая поддаться татарамъ, галичане вмѣстѣ съ жителями Волини признали своимъ княземъ племянника цоковнаго Юрія по женской линіи Болеслава Тройдеповича, сына мазовецкаго князя. Болеславъ былъ воспитанъ въ грековосточной вѣрѣ, но сдѣлавшись галицкимъ княземъ, онъ измѣняетъ обрядъ и принуждаетъ своихъ подданныхъ обращаться въ латинскую вѣру. Вслѣдствіе такого рода апостольства черезъ три года послѣ избранія (по Даугошу, Анониму Гнѣзненскому и др.) онъ былъ отравленъ и внезапно умеръ. По смерти Болеслава Тройдеповича польскій король Казиміръ III по праву сильнаго вошелъ въ Галицкую Русь, осадилъ Львовъ и съ добычею возвратился въ Краковъ. Увидавъ слабость русскихъ, онъ рѣшилъ завоевать Червоную Русь, и, явившись съ новыми силами, занялъ земли: Черемыньскую, Саноцкую и Любачевскую. Русскіе согласились на подданство Казиміру подъ однимъ условіемъ, чтобы ихъ вѣроисповѣданіе и народность оставались неизмѣнными и ненарушимыми. Казиміръ обѣщалъ не стѣснять вѣры русскихъ и уважать ихъ народность, но въ послѣдствіи, ободренный своими успѣхами,

началь претѣдовать грековосточный обрядъ, притѣснять духовенство и православныя церкви обращать въ латинскіе костѣлы *)).

И такъ польская политика уже съ XIV в. облачилась въ рясу. Поляки дѣйствительно остались побѣдителями, однако имъ не удалось слить оба народа въ одно тѣло. Результатомъ такого обращенія была внутренняя война. Морачевскій (кн. 4, стр. 165) говоритъ: «Только ничтожныхъ людей не оскорбляетъ униженіе ихъ религіи и народности и поэтому перемышльскій князь Дашко условился съ Данииломъ Острожскимъ и призвалъ татаръ на помощь». Въ древнѣйшее время Польша была абсолютной монархіей; правда, при Болеславѣ Храбромъ выступаетъ рыцарство уже какъ отдѣльное сословіе, однако этотъ король держалъ его въ большой дисциплинѣ. Только со времени Болеслава III, когда государство распалось на удѣлы между его потомками, значеніе монарха все больше начинаетъ падать, а рыцарство съ тѣхъ поръ все больше получаетъ вліянія. Правда по волѣ Болеслава III установленъ сеніоратъ, т. е. право старшинства, за краковскимъ княземъ, однако во внутреннемъ управленіи своими удѣлами младшіе князья признавали себя независимыми владѣльцами и старались во всемъ сравняться съ краковскимъ княземъ. Это послужило источникомъ взаимной зависти, раздоровъ и все большаго ослабленія монархическаго принципа.

Краковскій князь желаетъ возвратитъ своей власти прежній блескъ, также и младшіе князья стараются уравниваться съ нимъ въ значеніи, но не могутъ достигнуть своихъ цѣлей безъ помощи сильнѣйшихъ пановъ. Поэтому князья дѣлаютъ въ ихъ пользу различныя уступки, освобождаютъ ихъ отъ многихъ налоговъ и даже отъ всякихъ податей, которыя поэтому всю тяжестью падали на крестьянъ; позволяютъ панамъ собирать съ своихъ подданныхъ чинши, пошлины на таможахъ и заставахъ, освобождаютъ отъ обязанности поддерживать дороги и городскіе замки, разрѣшаютъ постройку собственныхъ замковъ, изыятіе отъ судебныхъ инстанцій и т. д. Эти и другія подобныя изыятія изъ общаго права, называемыя привилегіями, подымая значеніе пановъ, понижали въ равной мѣрѣ крестьянское сословіе и съ теченіемъ времени все больше и больше обезсиляли королевскую власть. Еще болѣе тяжелая

*) Naruczewicz, «Hist. narodu polskiego», t. VI, str. 114.

участь постигла край, когда за обладателями этихъ прерогативъ признано право наслѣдства.

Съ того времени шляхта стремится къ возможно большому расширенію своей власти въ родовыхъ помѣстьяхъ и при Казиміръ Великомъ достигаетъ уже большаго значенія. Законъ вѣмецкихъ рыцарей требовалъ, чтобы заключенный въ Калвишъ миръ (1343 г.), купленный большими жертвами со стороны Польши, былъ утвержденъ государственными штатами. Съ того времени сословія эти поднимають голову, власть законодательная, рѣшеніе всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ переходятъ въ руки рыцарей и шляхты; перевѣсъ шляхты пайбольше усилился послѣ того, какъ Казиміръ, минуя близкихъ родственниковъ, пожелалъ послѣ своей смерти упрочить польскій престолъ за своимъ племянникомъ Людовикомъ Венгерскимъ. Эта передача могла состояться только съ согласія шляхты, а такое согласіе въ свою очередь должно было покупаться дарованіемъ новыхъ льготъ. При вступленіи на польскій престолъ Людовикъ долженъ былъ не только подтвердить, но и расширить эти льготы. Чтобы смягчить другихъ претендентовъ на польскую корону, Людовикъ дѣлаетъ имъ уступки, а именно одному изъ нихъ, Владиславу Опольскому, уступаетъ въ удѣльное владѣніе Галицкую Русь, которая около 12 лѣтъ оставалась подъ его властью.

Вступая на престолъ, Людовикъ также обѣщалъ полякамъ возвратить утраченныя раньше земли, однако въ послѣдствіи присоединилъ Червоную Русь къ Венгріи, такъ что его дочь Ядвига, сдѣлавшись польскою королевою, принуждена была силою выгонять отсюда венгерскіе гарнизоны. Въ правленіе Владислава Опольскаго папа, вслѣдствіе вліянія Людовика, поставилъ на Руси трехъ латинскихъ епископовъ: черемышльскаго, холмскаго и владимірскаго, а надъ ними архіепископа галицкаго. Учрежденіе латинскихъ епископскихъ кафедръ, вмѣсто русскихъ, вызывало ропотъ па Руси и вмѣстѣ съ другими аналогическими дѣйствіями польскаго правительства накопляло причины къ вооруженному столкновенію въ восточныхъ областяхъ Польши ¹⁾. Вслѣдствіе того Владиславъ Опольскій, наскучивъ постоянными волненіями въ краѣ, оставилъ Галицкую Русь, которую Людовикъ присоединилъ къ Венгріи. Не имѣя

¹⁾ Moraczewski, ks. 5, str. 205 i 209.

мужескаго потомства, Людовикъ желалъ польскій престолъ обезпечить въ качествѣ вѣна за одною изъ своихъ дочерей; это обстоятельство снова эксплуатируется для расширенія шляхетскихъ правъ. Съ того времени Польша становится избирательнымъ государствомъ и хотя всегда избирались ближайшіе родственники короля, но все таки они подлежали выборамъ и обязаны были за свое избраніе расплачиваться новыми привилегіями.

Такъ сначала войны съ вѣмцами, дробленіе на удѣлы и раздоры между удѣльными князьями, затѣмъ угасаніе мужескаго потомства и частыя безкоролевья упрочивали привилегіи шляхты, давали ей средства къ увеличенію этихъ привилегій, пока наконецъ Рѣчь Посполитая сдѣлалась чисто шляхетскимъ правительствомъ съ тѣнью короля во главѣ.

При Ядвигаѣ опасность угрожала Польшѣ со всѣхъ сторонъ: отъ чеховъ, вѣмецкихъ рыцарей, венгровъ и литвы. Польшѣ необходима была точка опоры и защита и, когда Ягайло сталъ заискивать брака съ Ядвигаю, поляки сообразили, что самой лучшей охраной будетъ объединеніе Польши съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ.

III.

Поступая подъ власть одного государя, Польша и Русь должны были составить одно политическое тѣло, поэтому намъ слѣдуетъ остановиться надъ тѣми различіями, какія существовали между этими двумя народами.

Правда Русь и Польша говорятъ родственными славянскими нарѣчійми, но эти нарѣчія постепенно расходились въ своемъ развитіи и представители ихъ разнятся между собою не только нравами и обычаями, но языкомъ, письменностью и вѣроисповѣданіемъ. Однимъ словомъ эти двѣ славянскія вѣтви становятся отдѣльными народами:

Первое различіе произвели, какъ мы уже видѣли, обряды греческій и латинскій, въ особенности послѣ того, какъ наступило раздѣленіе церквей восточной и западной.

Кромѣ этого различія были и другіе, а именно разница въ строѣ государственномъ и общественномъ. Мы уже говорили выше,

что вслѣдствіе вѣковой борьбы съ германцами въ Польшѣ произошло раздѣлъ народонаселенія на сословія: военное и земледѣльческое; въ награду за оборону края рыцари пользовались различными выгодами и преимуществами. Такъ на примѣръ предводительство отрядами, верховное управленіе замками, повѣтами и цѣлыми удѣлами король обыкновенно поручалъ храброму рыцарю, давая ему званіе начальника, кастеляна, воеводы, старосты, надѣляя имѣніями и т. д. Все это подымало значеніе рыцарства и возвышало его въ глазахъ прежде равноправнаго съ нимъ крестьянства. Среди военныхъ занятій рыцарь все больше отвыкалъ отъ земледѣльческаго труда и, возвратившись съ похода, считалъ уже хлѣбопашество дѣломъ недостойнымъ своего военнаго званія. Получивъ перевѣсъ въ краѣ, польское рыцарство, не смотря на безпрестанную борьбу съ нѣмцами, заимствуетъ отъ нихъ германскія понятія о сословіяхъ, еще больше усиливающія его вліяніе. Поэтому нѣмецкія институціи были выгоднымъ образцомъ для польскаго рыцаря, по примѣру нѣмцевъ онъ поселялъ на своей землѣ взятыхъ на войнѣ плѣнниковъ, которые обязаны были на него работать.

И такъ военноплѣнные были первымъ постороннимъ явленіемъ, нарушавшимъ старославянское равенство. Поселеніе ихъ на земляхъ побѣдителей приготавливало такую-же участь менѣе зажиточнымъ крестьянамъ, подобно тому положенію, въ какомъ попались славяне въ земляхъ покоренныхъ нѣмцами. Установленію этого порядка еще больше способствовало надѣленіе шляхты правомъ наследства, отдававшее сельскихъ жителей, т. е. земледѣльцевъ на милость владѣльца, въ особенности съ того времени, какъ шляхта вытребовала у королей право суда въ своихъ наследственныхъ помѣстьяхъ. Сельскія общины несли вооруженному рыцарству подати принасами и подводами, сверхъ того работали надъ укрѣпленіемъ замковъ, въ которыхъ сосредоточивалась оборона края.

Всѣ эти бесплатныя приношенія съ теченіемъ времени превратились въ обязательныя повинности уже не по отношенію къ государю, а по отношенію къ владѣльцу. Между тѣмъ какъ въ прежнее время крестьянинъ-землевладѣлецъ уплачивалъ только подать въ королевскую казну, вслѣдствіи онъ вмѣсто того долженъ былъ платить пану чиншь за землю: со времени коницнаго съѣзда крестьяне уже платятъ панамъ и чиншь, и другія подати; будучи

единственнымъ судьей надъ крестьянами, панъ могъ по желанію увеличивать эти повинности, или замѣнять ихъ работами, могъ отобрать у подданнаго землю и отдать тому, кто больше заплатитъ. Не удивительно поэтому, что чиншевая система постепенно была замѣнена панщицею и права рабочаго класса стѣснялись все больше и больше; когда-же наконецъ было постановлено (податными универсалами 1511, 1520 и 1531 гг.), чтобы владѣлецъ пополамъ съ крестьянами оплачивалъ *лановое* (поземельный налогъ), помѣщики стали утверждать, что по справедливости могутъ требовать отъ крестьянъ работы въ вознагражденіе за расходъ. Съ того времени число рабочихъ дней растетъ съ поразительною быстрою, требованія панщины увеличивались съ каждымъ годомъ, пока наконецъ она не была введена повсемѣстно въ 1520 году.

Первоначально крестьяне находили защиту въ лицѣ короля и духовенства. Еще Казиміръ Великій слѣдилъ за тѣмъ, чтобы земледѣльческій классъ не былъ притѣсненъ работами, за что получалъ наслѣдственный титулъ «*короля злоповъ*». Въ силу законодательства Казиміра Великаго крестьяне удерживали многочисленныя мелкія земельныя участки, обложенныя умѣренными налогами. Однако поставленныя имъ преграды не могли устоять передъ своеволіемъ того сословія, которое заботилось только о своихъ правахъ и которому должны были служить суды и все другія власти. Сигизмундъ старшій долго сопротивлялся введенію въ королевскихъ имѣніяхъ статута 1520 г. о педѣльной панщинѣ, такъ-же точно и Сигизмундъ-Августъ, гдѣ только могъ, уменьшалъ число рабочихъ дней съ лана; но королевская власть ослабѣвала и крестьяне лишались защиты.

Когда монархическая власть короля уступила свои права аристократіи,—судьба подданныхъ была рѣшена и они палились въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, поспѣвшихъ изъять ихъ изъ подъ защиты закона, на мѣсто котораго ставили свой произволъ. Естественнымъ послѣдствіемъ того были побѣги крестьянъ. Часто случалось, что крестьянщизнъ, не въ состояніи будучи выполнить всѣхъ повинностей и наскучивъ постоянно усиливающимися требованіями панщины, покидалъ свое убогое жилище и въ другомъ округѣ, у лучшаго, какъ онъ думалъ, дана, искалъ облегченія своей участи.

Народонаселеніе западныхъ удѣловъ Рѣчи Посполитой переселялось на востокъ, въ плодородныя округи Червонной Руси, Подолія и Украины, гдѣ владѣльцы опустошенныхъ войнами пространствъ предлагали поселянцамъ болѣе легкія условія и обезпечивали болѣе продолжительныя льготы. Отсюда убыль рабочихъ силъ и вмѣстѣ крестьянскихъ земель, а въ тоже время въ равной съ нею прогрессіи увеличивались свободныя отъ податей эконоическія земли, увеличивался и недостатокъ рабочихъ рукъ, а вслѣдствіе того росло число рабочихъ дней.

Еще вислицкій статуть 1347 г., предотвращая будто-бы опустошеніе имѣній черезъ выходъ изъ нихъ крестьянъ, ограничиваетъ личную свободу послѣднихъ прирѣдленіемъ ихъ къ землѣ¹⁾, а потому крестьяне уже въ XIV в. утрачиваютъ право свободного перехода съ мѣста на мѣсто. По конституціи краковскаго сейма 1543 г. бѣглое крестьянина никто не могъ принять или выкупить ни за какія деньги,—опъ долженъ быть возвращенъ своему пану вмѣстѣ съ семействомъ и всѣми унесенными пожитками, а всякій дающій ему пріютъ подвергался штрафу.—Исчезли равнымъ образомъ всѣ вольныя крестьянскія общины и потонули въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Нужно признать однако, что не сами поляки изобрѣли неволю, но съ другой стороны нельзя не признать, что въ то время какъ на Западѣ изъ неволи возродилась свобода, въ Польшѣ свобода обращена въ неволю.

Однако германскія аристократическія понятія не могли цѣлкомъ укорениться въ Польшѣ; отдѣляясь отъ равноправной общины, польское рыцарство зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы отдѣльные его члены не присваивали себѣ больше выгодъ и привилегій, чѣмъ всѣ остальные члены военнаго сословія, которое только къ своей средѣ относило старо-славянское равенство и усваивало германскія аристократическія понятія только по отношенію къ несвоеннымъ сословіямъ. Такимъ образомъ Польша сложилась въ ту государственную форму, которой польскіе историки даютъ названіе шляхетской демократіи.

Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ гордость шляхты все болѣе усиливалась; установилось мнѣніе, что самое рожденіе дѣлаетъ способ-

¹⁾ Vol. leg., I, f. 29.

нымъ къ пользованію правами и освобождаетъ отъ всѣхъ обязанностей; съ тѣхъ поръ не одна военная слава, но и самая изысканная роскошь должны были отличать шляхту отъ низшихъ слоевъ народа.

Итакъ характерными чертами общественной жизни въ Польшѣ были: равенство между членами шляхетскаго сословія, полное ограниченіе власти избирательнаго монарха и безусловное господство помѣщика надъ подданными.

Теперь обратимся къ Руси.—Здѣсь установились князья и подвластная имъ дружина. Князьямъ принадлежалъ верховный судъ и вмѣстѣ съ своею дружиной они охраняли край отъ нападений. Поэтому на Руси установилось государство, которое не было королевствомъ, но федераціей многихъ княжествъ, въ которыхъ вліяніе земства брало перевѣсъ надъ значеніемъ князя и не разъ случалось, что князь принужденъ былъ отказываться отъ своего стола, хотя-бы и противъ воли, если не удовлетворялъ требованіямъ земства.

Въ противоположность Польшѣ Русь имѣла демократическое устройство. Эти признаки и понынѣ отличаютъ поляка отъ русскаго и вотъ почему между поляками трудно найти искреннихъ демократовъ.

На Руси не было извѣстно различіе правъ земскихъ и городскихъ, все населеніе было свободно и каждая община имѣла своихъ выборныхъ представителей. Между князьями былъ старшій, великій князь, которому младшіе—удѣльные князья должны были повиноваться. Не всегда однако подчинялись они великому князю, имѣвшему резиденцію въ Кіевѣ, и не одинъ изъ нихъ пытался достигнуть его стола безъ всякихъ правъ на то. Отсюда возникаютъ между князьями несогласія и войны и подъ знаменами этихъ князей русскіе шли противъ русскихъ. Поэтому раздробленная Русь не была въ состояніи оказывать вѣсній отпоръ изнутри при вѣшнихъ столкновеніяхъ. Въ такое-то время вторглись изъ Азии татары, побѣдившіе князей и ихъ дружину. Правда, при татарскомъ господствѣ все было обложено тяжелыми налогами, но кромѣ дани, собираемыхъ баскаками, народонаселеніе Руси не знало другихъ ограниченій, такъ какъ баскаки не мѣшались въ дѣла внутренняго управленія. Татары не только не уничтожили существовавшаго на Руси политическаго строя; въ то время, какъ и прежде, Русь управлялась потомками

Владимира св. Православная религія оставалась неприкосновенной и ханы даже освободили русское духовенство отъ подушной подати, а церковныя имущества обезпечивались отъ всякихъ притѣсненій. Придавленное при князьяхъ общинное право снова поднялось и усилилось на столько, что впоследствии могло уже давать отпоръ каждой силѣ. На этомъ правѣ опирается вся исторія нашего народа, на немъ-же должна основываться и его будущность.

Свѣтскія лица, міряне выбирали сообща духовныхъ лицъ для замѣщенія приходовъ, архимандрій и епископскихъ кафедръ и всѣ важныя церковныя дѣла рѣшались на соборахъ вмѣстѣ съ духовенствомъ по общему совѣту. Поэтому во время татарской неволи русская церковь сдѣлалась не орудіемъ въ рукахъ князей, но святою братскою связью для народонаселенія Руси и обліямъ народнымъ достоинствомъ.

Въ то время, какъ татары раздѣлялись на нѣсколько ордъ и обезсилили вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ, Литва подчинила своему господству всю русскую землю отъ Пѣмана до Чернаго моря. Съ этого времени Литовское Княжество слагалось, за малыми исключениями, изъ чисто русскихъ земель. Сверхъ того между Москвой, Польшей и Турціей простирались неизмѣримыя пустынные степи, такъ что ни одно изъ этихъ государствъ не знало, гдѣ окапчиваются его границы въ ту сторону. Червоная Русь подверглась завосванію Польши.

Литва была краемъ малолюднымъ и непроевѣщеннымъ, поэтому побѣдители подчинились вліянію русской культуры въ отношеніи языка, вѣроисповѣданія и обычаевъ. Поселившись между литвинами, русскіе внесли сюда свой языкъ и культуру, такъ что съ теченіемъ времени почти вся Литва безъ принужденія говорила, писала и молилась по русски; языкъ русскій сдѣлался господствующимъ при дворѣ великихъ князей литовскихъ и официально-административнымъ. Литва почти цѣликомъ ассимилировалась съ Русью, весь край отъ Пѣмана до Чернаго моря сталъ русскимъ.

Совсѣмъ инымъ было положеніе вещей въ Польшѣ; сюда не достигали татары и не подавили той силы, исполненной гордости и самолюбія, которая оскорбляла исконное общинно-славянское право. Такой силой сдѣлались въ Польшѣ паны, богатая шляхта, поступавшая своевольно по отношенію къ сельскимъ общинамъ.

Польскіе короли, какъ мы уже видѣли, замѣчая перевѣсъ шляхты надъ пародоми, ставились сперва на сторону народа и до извѣстнаго времени не давали его во власть пановъ, которые напротивъ добивались того, чтобы въ польской землѣ не было иной воли и иного права, кромѣ панскаго. Эту волю и это право вельможная шляхта распространила и на Червоную Русь.

Польскому шляхетскому сословію соотвѣтствовало вообще на Руси сословіе бояръ. Въ литовской Руси отношенія сложились своеобразно. Великіе князья литовскіе, разсматривая всю территорію какъ свою личную собственность, раздавали земли на ленномъ правѣ то большими удѣлами второстепеннымъ князьямъ литовскимъ и русскимъ, то меньшими участками—землянамъ, потомкамъ дружинниковъ русскихъ князей, или рыцарямъ литовскимъ и чужеземнымъ, состоявшимъ у нихъ въ военной службѣ; наконецъ раздавали землю свободнымъ сельскимъ и городскимъ общинамъ и свободнымъ земледѣльцамъ подъ однимъ и неизмѣннымъ условіемъ военной службы пропорціонально размѣрамъ полученной земли. Въ свою очередь второстепенные князья раздавали полученную землю на такихъ-же точно условіяхъ землянамъ и боярамъ; наконецъ и земляне имѣли своихъ бояръ, обязанныхъ отбывать въ ихъ пользу военную повинность. Такимъ образомъ рыцарское сословіе Великаго Княжества Литовскаго представляло цѣлую градацію ленниковъ, зависѣвшихъ другъ отъ друга и стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ феодальныхъ отношеній къ центральной власти.

Форма феодальная не была однако установлена въ Литвѣ въ отношеніяхъ бояръ къ ихъ подданнымъ. Между тѣмъ какъ высшіе слои военного сословія по праву рожденія, общественному значенію и размѣрамъ своихъ поземельныхъ владѣній становились почти на равнѣ съ великимъ княземъ, низшіе слои незамѣтно сливались съ свободными земледѣльцами и городскими жителями. Отношенія военного сословія къ крестьянскому въ Литвѣ представляли не менѣе рѣзкое отличіе отъ польскаго строя. Подданные Великаго Княжества Литовскаго не были подавлены цѣлымъ рядомъ враждебныхъ для нихъ юридическихъ постановленій, какъ это было въ Польгѣ.

Мы знаемъ изъ исторіи, что крестьяне на Руси въ удѣльный періодъ не сдѣлались собственностью пановъ вмѣстѣ съ землею; они образовали сословіе свободныхъ земледѣльцевъ и по крайней

мѣръ имѣли право перехода съ мѣста на мѣсто и могли сеелиться тамъ, гдѣ находили болѣе выгоднымъ для себя. Строй этотъ удержался и при татарскомъ господствѣ. Литовско-русская аристократія сама еще недавно возникла и поэтому не имѣла времени образовать изъ себя организованное сословіе; ея отношеніе къ подданнымъ, до времени изданія Литовскаго Статута, не было даже опредѣлено закономъ и слагалось подъ влияніемъ обычаевъ, преданій и мѣстныхъ договоровъ. По первоначальной редакціи Литовскаго Статута подданные князей и бояръ освобождались отъ подушнаго и другихъ податей, за исключеніемъ работъ при укрѣпленіи замковъ, поддержкѣ дорогъ и мостовъ. Вообще, до самой люблинской уніи положеніе крестьянъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ было свободнымъ.

Изъ всѣхъ категорій литовско-русскаго подданства одна только несвободная челядь, образовавшаяся изъ военнопленныхъ, находилась въ такомъ безправномъ положеніи, какое въ Польшѣ тяготѣло надъ всею массою земледѣльческаго люда. Но уже послѣ люблинской уніи три раза въ продолженіи шестидесяти лѣтъ измѣнялась редакція Литовскаго Статута, каждый разъ не въ пользу подданныхъ, пока наконецъ они не были совершенно уравнены съ польскими крестьянами.

Сравнивая литовско-русскій строй съ польскимъ, мы видимъ, кромѣ различія въ вѣроисповѣданіи, еще слѣдующія различія между двумя государствами:

- 1) Неограниченность наследственной монархической власти.
- 2) Неравенство между боярами.
- 3) Отсутствие границъ между сословіемъ бояръ и другими свободными сословіями.

Таковы были отличія между Польшею и Литвою въ моментъ объединенія ихъ подъ властью одного государя; они объясняютъ намъ почему, со времени вступленія Ягайла на польскій престолъ въ 1386 г., потребовалось цѣлыхъ 183 года на подготовленіе люблинской уніи.

Поляки, какъ мы уже видѣли, усвоили цивилизацію Запада, напрогивъ того вѣроисповѣданіе, науки и искусства на Руси распространились съ Востока—изъ Византіи, стоявшей въ то время въ полномъ разцвѣтѣ высокой культуры. Такія разнородныя вліянія на развитіе руси и поляковъ увеличивали все больше и больше

первоначальныя различія во взглядахъ и направленіи этихъ народовъ; чтобы сдѣлать возможнымъ ихъ сліяніе, прежде всего необходимо было всѣ указанныя различія устранить, или сгладить такъ или иначе.

IV.

Посадивши Ягайла на польскій престолъ, поляки замѣтили, что раздробленная Русь держится сама собою вслѣдствіе религіознаго единенія, и думали, что господство ихъ надъ Литвою и Русью не будетъ прочнымъ до тѣхъ поръ, пока литовско-русскій народъ будетъ исповѣдывать одну вѣру съ московскою Русью. Лучшимъ средствомъ къ объединенію польскаго народа съ русскимъ, къ которому стремились всѣ униі: городельская, люблинская и брестская, польское духовенство считало замѣну православной вѣры католическою, такъ какъ Польша опиралась на католицизмъ. Повсемѣстное распространеніе латинскаго обряда казалось полякамъ и ихъ духовенству самымъ успѣшнымъ средствомъ, чтобы порвать связь между южной и сѣверной Русью.

Ягайло, сынъ Ольгерда и православной княжны Юліаны тверской, былъ окрещенъ въ православіе подъ именемъ Якова, но по желанію поляковъ крестился вторично по латинскому обряду и принялъ имя Владислава, обѣщая при этомъ присоединить къ Польшѣ Литву и Русь и склонить ихъ къ принятію католицизма. Принятая поляками миссія латинизма выступаетъ гораздо рельефнѣе при этомъ монархѣ, теперь сталкиваются два противоположныя теченія: польское аристократическое и демократическое русское и начинаютъ между собою вѣковую борьбу.

Тотчасъ послѣ коронаціи Ягайло послѣдствіемъ въ Литву, чтобы тамъ крестить язычниковъ, а когда ихъ не стало (по словамъ Шайнохи, въ изслѣдованіи «Ягелло и Ядвига», ихъ было всего 30 тысячъ, остальные были христіанами по восточному обряду), то старались и православныхъ жителей вторично крестить по латинскому обряду. Въ Литвѣ издавна происходила дѣятельная христіанская пропаганда съ двухъ сторонъ: католическаго Запада и православной Руси; литовскіе князья не запрещали доступа въ страну

ни католическимъ, ни православнымъ проповѣдникамъ; однако суровыя войны съ тевтонами, которые мечемъ водворяли католицизмъ, отталкивали отъ него литовцевъ. Гораздо легче распространялось православіе, тѣмъ болѣе, что самая значительная часть Великаго Княжества Литовскаго состояла изъ русскихъ земель.

Желая доставить перевѣсъ католическому вѣроисповѣданію, Ягайло издаетъ распоряженіе, по которому только тѣ шляхтичи Великаго Княжества Литовскаго, которые принадлежатъ къ римской церкви, могутъ пользоваться правами польской шляхты; запрещаетъ браки между католиками и православными и не допускаетъ послѣднихъ къ государственной службѣ ¹⁾. Возвращаясь въ Польшу, Ягайло назначилъ своимъ наместникомъ въ Литвѣ брата своего Скиргайла въ 1387 г.

Глубоко обиженные преслѣдованіемъ изъ религій Ягайломъ, православные жители Великаго Княжества Литовскаго обращаются къ его двоюродному брату Витовту, скрывавшемуся въ Пруссіи. Витовтъ явился въ Литву съ войскомъ прусскихъ рыцарей и осадилъ Вильну. Наконецъ Ягайло, утомленный борьбою, согласился уступить Литву Витовту съ титуломъ великаго князя въ 1392 г. При этомъ одако поляки и литовцы обязывались совѣщаться взаимно при выборѣ правителей, не начинать войны другъ безъ друга и собираться для совмѣстнаго обсужденія общихъ дѣлъ. Тогда сдѣлалось ясно, какое важное значеніе имѣло объединеніе Литвы и Руси съ Польшею, потому что только общими силами имъ удалось уничтожить силы крестоносцевъ подъ Грюнвальдомъ въ 1410 г. и удерживать въ теченіи многихъ лѣтъ нѣмецкое *Drang nach Osten*.

Часто ссылаются на городельскій договоръ 1413 года, которымъ будто-бы вполне обезпечивались русской шляхтѣ тѣ-же самыя права и привилегіи, какими пользовалась польская шляхта; но объ этомъ лучше всего свидѣлствуютъ соответственные параграфы уніи 1413 года:

2) Литовскимъ католическимъ костеламъ сохраняемъ вольности польскихъ костеловъ.

3) Шляхта и бояре католическаго исповѣданія допускаются къ гербамъ польской шляхты, дѣлать съ нею ея привилегіи и вольности.

¹⁾ *Mugocz*, t. XI, str. 338; I. S. *Bandke*, str. 35, 37.

6) Дочерей своихъ обязаны отдавать замужъ только за католиковъ.

8) Каждый сановникъ или какой-бы то ни было земскій чиновникъ долженъ быть католикомъ; королевскія имѣнія могутъ раздаваться только однимъ католикамаъ.

Права и привилегіи, даваемыя литовцамъ, ставили необходимымъ условіемъ принадлежность къ католической религіи и устраняли русскихъ «схизматиковъ». Поэтому ссылаться на городельскую унію значить тоже, что предлагать русскимъ: здѣвайтесь католиками (поляками), инаго примиренія съ вами не можетъ быть.

Будучи самъ католикомъ, Витовтъ не преслѣдовалъ однако восточной церкви; онъ задумалъ создать отдѣльное государство изъ Литвы и Руси и стремился къ тому, чтобы получить его корону, но въ этомъ ему помѣшали поляки.

По смерти Витовта великимъ княземъ литовскимъ сдѣлался Свидригайло, который симпатизировалъ православнымъ, но поляки, составивши противъ него заговоръ, посадили на его мѣсто Сигизмунда Кейстутовича, ревностнаго католика. Этотъ послѣдній, актомъ 15 октября 1432 г., признаетъ себя ленникомъ Ягайла, обеспечиваетъ послѣ своей смерти возвращеніе Литвы королю или его наслѣдникамъ и отрывается отъ своихъ правъ на Подоліе, Луцкъ, Владиміръ, Городло, Ратну, Олескъ и Лопатинъ, какъ принадлежащія къ Польшѣ. Отсюда продолжительныя пререканія между Польшею и Литвою за Волынь и Подоліе. Легко понять сильную симпатію поляковъ къ литовской Руси—они льнули къ Руси, какъ пчелы къ меду.

Сигизмундъ былъ убитъ русскими за преслѣдованіе ихъ вѣры. Ягайло отбиралъ русскія церкви, которыя обращалъ въ костелы, какъ напримѣръ въ Перемишль¹⁾; строилъ такъ-же на Руси новые костелы, надѣлялъ ихъ имѣніями, раздавалъ католикамаъ земли и уряды, основывалъ на Руси города и села, которыя населялъ поляками, и давалъ имъ привилегіи. Тогда-то появилось на Руси такъ называемое магдебургское право, дававшее различныя льготы, вводившее самосудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣленіе городекихъ купцевъ и ремесленниковъ на цехи; этимъ правомъ надѣлялись по преимуществу

¹⁾ I. Dlugosz, lib., XI, pag. 334.

пеществу новые города, заселенные католиками. Такимъ образомъ жители западной Руси распадались на привилегированныхъ и непривилегированныхъ—послѣдними были православные аборигены русскихъ земель.

Видя свои права поправными, русская шляхта собралась во Львовъ, куда прибылъ Ягайло, и просила его прекратить преслѣдованіе русской церкви и насильственное распространеніе католицизма. Передъ лицомъ русской шляхты король Ягайло обѣщаль не опустошать церквей и никого насильственнымъ образомъ не привлекать къ латинской вѣрѣ ¹⁾, но не смотря на это православные исключались отъ занятія должностей. Во время пребыванія Ягайла во Львовѣ паны малопольскіе получили обширныя пожалованія въ русской землѣ: такъ Ясько изъ Тарнова получилъ званіе намѣстника Руси вмѣстѣ съ огромными помѣстьями, Спытекъ изъ Мельштына самборскій округъ, Петръ Калита Дубѣцко, Тарло изъ Щекоржевичъ стрійскій округъ и т. д.; князь мазовецкій получилъ белзскую землю, а Дмитрій Горайскій холмскую ²⁾. Въ то же время русскіе подъ всякими предлогами вытѣснялись изъ своихъ помѣстій, а имущество ихъ конфисковалось. Такъ напримѣръ всѣхъ русскихъ, не желавшихъ на свой счетъ помогать нѣмецкому императору противъ турокъ, Ягайло приказалъ заключить въ тюрьму и конфисковать ихъ имѣнія ³⁾. То же самое дѣлалось и позже подъ различными предлогами ⁴⁾. Много русской шляхты увели въ неволю татары въ 1438 и 1456 годахъ, но еще больше погибло въ войнахъ съ турками и татарами ⁵⁾.

Даже измѣны доусказались по отношенію къ Руси. Такъ при Казиміръ IV польская шляхта пригласила русскую на совѣщаніе въ Перемишль и тамъ арестовала русскихъ и причиняла имъ различныя насилія ⁶⁾. Не удивительно потому, что среди русской шляхты, часть которой погибла въ войнахъ, а другая обѣдѣла, наплосъ значительное число людей слабо-характерныхъ, прини-

¹⁾ Moraczewski, ks. 9, str. 203.

²⁾ Szujski, II, str. 12.

³⁾ Kromer, ks. XX, r. 1426, str. 380. Długosz, ks. XI, str. 494

⁴⁾ Długosz, ks. XI, rok. 1441.

⁵⁾ Długocz, ks. XII, str. 706 i 213.

⁶⁾ Kronika lit. Narbuta, Wilno, 1846, str. 57.

мавшихъ католичество для сохраненія жизни и имущества. Такимъ образомъ Червоная Русь колонизовалась польскою шляхтою.

Мы уже упоминали выше, что еще при Владиславѣ Опольскомъ созданы на Руси дѣльхъ четыре епископства для католиковъ, которыхъ здѣсь почти не было; когда-же при Ягайлѣ упразднена русско-галицкая митрополія въ 1414 году, русскіе этой діоцезіи не получили ни одного епископа до 1539 г. За это время митрополитанскія имѣнія перешли въ руки свѣтскихъ лицъ, которымъ галицкіе старосты повѣряли такъ-же юрисдикцію надъ духовенствомъ греческаго обряда ¹⁾. Мало по малу ополяченіе въ Червоной Руси охватило всѣ высшіе слои народонаселенія. Болѣе вліятельные и зажиточные люди шляхетскаго сословія перешли въ католичество и только почти исключительно простые селяне удерживали вѣру, языкъ и обычаи предковъ. Общинное русское право сохранялось въ теченіи столѣтій только въ нѣкоторыхъ обычаяхъ простаго люда. Распространивши свою цивилизацію далеко вдоль Карпатъ до самаго Покутья, Польша хотѣла такъ-же поступить и съ литовскою Русью.

Щедрый Владиславъ Ягайловичъ, идя по слѣдамъ отца, раздавалъ выпрашивавшимъ у него польскимъ панамъ дѣльы земли и повѣты русскіе съ титуломъ староствъ, воеводствъ и т. д.—Въ царствованіе этого короля возвратился съ флорентинскаго собора кievскій православный митрополитъ Исидоръ, принявши тамъ унію. Поляки дѣлають ему торжественный приемъ въ надеждѣ, что теперь имъ удастся задуманное дѣло слиянія двухъ народовъ въ одинъ. Въ изданной имъ грамотѣ Владиславъ уравниваетъ оба исповѣданія въ правахъ и привилегіяхъ, потому что теперь, какъ онъ выражается, восточная церковь соединилась съ западною. Объединеніе церквей въ то время означало признаніе папы главою вселенской церкви, другаго значенія оно не имѣло; унія въ смыслѣ особаго, средняго католическаго исповѣданія еще не была извѣстна. Однако и въ такомъ видѣ уніи не принялась на Русѣ.

Въ свою очередь Литва настойчиво усиливалась сохранить свою обособленность и своихъ собственихъ отдѣльныхъ отъ Польши великихъ князей, которые обыкновенно избирались изъ сыновей

¹⁾ Acta terrestria haliciensia.

короля; наоборотъ поляки, желая соединить Литву съ Польшей, выбрали себѣ въ короли великихъ князей литовскихъ. Такимъ образомъ польскій король становился владыкою обонхъ государствъ, отъ чего все больше и больше нарушалось самоуправленіе Руси и русскій народъ терялъ политическое значеніе.

Въ правленіе Казимира Ягайловича окончательно устроилась на Петроковскомъ сеймѣ 1446 г. репрезентація польскаго народа, т. е. собственно шляхты, которая одна только и признавала себя народомъ.

Католическіе епископы, высшая шляхта и министры образовали первую ступень общественной іерархіи, родъ высней палаты или сенатъ. Депутаты отъ низней шляхты представляли вторую ступень, низшую палату. О третьемъ сословіи не было и помину: городовъ было мало, да и тѣ были незначительны; мѣщанинъ въ Польшѣ оставался въ пренебреженіи, а крестьянинъ былъ безправнымъ.

Передъ началомъ сеймовъ собирались повѣтовше сеймики, на которыхъ выбирали депутатовъ и составляли для нихъ инструкціи, такъ что депутатъ уподоблялся мѣшку, который везетъ все, что въ него положено. Весело проводилось время на сеймикахъ: вельможные паны высылали сюда сотни возовъ съ живностью и напитками; «паны братья» ѣли и пили, танцовали при панской музыкѣ, по и дѣлали то, чего хотѣлось пану. Депутаты получали отъ пановъ содержаніе и подарки, за что обязывались вести переговоры и дѣйствовать въ ихъ пользу. Никого это не стѣсняло, хотя всѣ знали о томъ, что все было продажнымъ. Послѣ окончанія главныхъ сеймовъ наступали реляційные сеймики, на которыхъ нослы сдавали отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ.

Что касается шляхты, то шляхетская конституція дѣлала каждого пана королемъ въ миниатюрѣ. Знатные содержали на своихъ дворахъ многочисленные вооруженные отряды, какъ малепкіе короли, каждый изъ нихъ поступалъ какъ удѣльный князь; вообще паны на Украинѣ не признавали надъ собою никакого контроля; каждый панскій домъ, какъ напримѣръ князя Острожскаго, былъ государствомъ въ государствѣ. Такимъ путемъ образовался рядъ монархій, изъ которыхъ одна съ королемъ во главѣ—раздавателемъ королевскихъ имѣній, называлась Рѣчью Посполитою, остальные

принадлежали мелкимъ королямъ, которые также окружали себя вассалами, мелкою шляхтой. Сверхъ того каждый городъ, надѣленный магдебургскимъ правомъ, назывался городскою республикой, а козаки даже среди сословій, засѣдавшихъ на сеймѣ, назывались козацкою Рѣчью Посполитою.

Поэтому Рѣчь Посполитая польская не была ни королевствомъ, ни республикой, она была собраніемъ монархій и республикъ, существующихъ другъ подле друга, при чемъ ни одна изъ нихъ не имѣла права вмѣшиваться въ дѣла другой. Такъ напримѣръ, когда въ 1596 г. уніятскіе епископы просили Сигизмунда Ш, чтобы никто не обращалъ уніятскихъ церквей въ латинскіе костелы, король написалъ вынужденнымъ ствѣтять: «мы запретимъ это въ королевскихъ имѣніяхъ, но не можемъ этого сдѣлать въ имѣніяхъ шляхетскихъ». Среди такихъ отношеній все болѣе и болѣе падало значеніе короля, падалъ угнетенный народъ, слабѣла оборона края, а сама Польша распалась на множество мелкихъ государствъ, которыя всего меньше заботились о цѣлости отечества.

Такъ развивалась при Ягеллонахъ польская конституція и съ теченіемъ времени достигла высшаго своего могущества. Преобладаніе шляхты не знало границъ; въ непрерывной борьбѣ съ королевскою властью шляхта мало по малу отняла у этой власти всѣ права и присвоила ихъ себѣ. Для шляхты была невыносима не только власть, происходившая отъ одной особы (короля), но въ равной мѣрѣ становилась она невыносимою и тогда, когда исходила отъ цѣлаго народа. Реляційные сеймики не разъ отвергали постановленія сеймовъ, а любой повѣтъ считалъ себя въ правѣ не подчиняться закону, установленному по волѣ цѣлаго народа.

Великій князь литовскій Казиміръ Ягайловичъ, воспитанный въ Литвѣ, любилъ этотъ край и въ немъ проживалъ по большей части, поэтому онъ симпатизировалъ русскимъ подданнымъ, уважалъ права и обычаи Руси и пользовался такой популярностью, что даже новгородская республика склонялась къ связи съ Литвой. Случилось это главнымъ образомъ вслѣдствіе того обстоятельства, что Казиміръ дипломомъ, выданнымъ на виленскомъ сеймѣ 1447 года, уничтожилъ несправедливое постановленіе городельскаго съѣзда и призналъ равноправность обоихъ народовъ, какъ литовцевъ, такъ и русскихъ, безъ различія вѣроисповѣданія.

Тотъ-же Казиміръ Ягайловичъ, будучи великимъ княземъ литовскимъ, присягалъ литовцамъ, что не отдастъ полякамъ Волыни и Подолія и даже долгое время медлилъ съ принятіемъ польской короны; однако впоследствии, уже какъ король польскій, онъ низводитъ кіевское удѣльное княжество на степень кіевского воеводства.

Слѣдствіемъ переменъ въ отношеніяхъ Польши къ Литвѣ и къ Руси было то, что уже при Казимирѣ IV, правнукѣ Ольгерда, князья Трубецкіе и затѣмъ Ольшанскій, Бѣльскій, Олельковичъ и потомки Владиміра св. князья Одоевскіе и Воротынскіе, вмѣстѣ со своими удѣлами въ Сѣверской землѣ, добровольно переходятъ въ подданство Москвы. Исторія этого короля весьма поучительна: пока онъ былъ справедливымъ по отношенію къ Руси, до тѣхъ поръ самъ Великій Новгородъ склонялся къ Литвѣ, но съ наступленіемъ польскаго господства начинаютъ отпадать и русско-литовскія земли. Поляки однако не поняли этого урока и непріязненное отношеніе къ этому королю мотивировали тѣмъ предлогомъ, что онъ больше симпатизируетъ Литвѣ, нежели Польшѣ¹⁾.

Въ правленіе Казимира IV произошла крупная перемена въ католической церкви: право назначенія епископовъ и другихъ церковныхъ сановниковъ переходитъ отъ папы къ королю. Съ того времени должности эти получали не тѣ, которые были болѣе достойны, а приближенные короля, или имѣвшіе покровителей при дворѣ. По словамъ нунція Висконти, въ Польшѣ встрѣчались епископы, не понимавшіе даже значенія слова епископъ. Такіе іерархи занимались свѣтскими дѣлами, предавались развлеченіямъ, содержали вооруженные отряды, съ которыми производили заѣзды на сосѣдей, а исполненіе духовныхъ обязанностей поручали за известное вознагражденіе своимъ намѣстникамъ. Неудивительно поэтому, что подобные епископы оказались впоследствии склонными къ реформаціи. Съ теченіемъ времени право патроната надъ приходами также переходитъ въ руки шляхты.

Послѣ того, какъ церковная унія не удалась при митрополитѣ Исидорѣ, католики возвратились къ прежнему плану распространенія своего исповѣданія въ Литвѣ и на Руси: они прямо начинаютъ принуждать православныхъ къ принятію католичества. Теперь снова,

¹⁾ Bandke, II, str. 75.

какъ и во времена Ягайла, русскихъ принуждаютъ вторично креститься по латинскому образу, такъ что даже папа принужденъ былъ удерживать поляковъ, чтобы не прямо крестили въ католичество, а только постепенно склоняли православныхъ къ уни. Въ этомъ и нужно искать причины, почему въ правленіе короля Александра города: Черниговъ, Гомель, Любечъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Путивль, Мценскъ, Серпейскъ и Рыльскъ, вмѣстѣ съ своими князьями, боярами и остальными жителями, отдѣлились отъ Великаго Княжества Литовскаго и подчинились Москвѣ.

V.

Лучшія времена наступаютъ для Польши въ царствованіе Сигизмунда I. Въ продолженіи всей своей жизни король этотъ не преслѣдовалъ иновѣрцевъ, хотя сторонники папы сильно настаивали на томъ. Противнику Лютера, Эку, желавшему вооружить короля противъ лютеранъ, Сигизмундъ I отвѣчалъ: «Позволь мнѣ быть королемъ овецъ и козлищъ». При раздачѣ наградъ и должностей король не смотрѣлъ на вѣроисповѣданіе, а только на заслуги. Однако отдачею троцкаго воеводства весьма заслуженному князю Константину Ивановичу Острожскому онъ такъ возсталовилъ противъ себя польскую шляхту, что въ 1522 издава въ Гроднѣ конституція, въ силу которой такія званія могутъ даваться только литовцамъ, исповѣдывающимъ римско-католическую вѣру. Въ 1507 г. король Сигизмундъ I даетъ католическимъ епископамъ въ Червонной Руси право назначать себѣ намѣстниковъ изъ духовнаго или свѣтскаго званія, которые обязывались осматривать русскія синагоги (такъ названы русскія церкви), наказывать и исправлять священниковъ¹⁾.

Желая обезпечить спокойствіе со стороны татаръ на время войны съ Москвою, Сигизмундъ I платилъ ежегодно сиповьямъ Менгли-Гирея 15,000 дукатовъ; но когда и это не помогло, онъ заключилъ миръ съ султаномъ Салиманомъ II, который обязался

¹⁾ Liber privilegiorum capituli Leopoliensis, ч. I, № 4. р. 49. Metryka koronna, 23, str. 307.

удерживать татаръ отъ нападений на Польшу. Въ видахъ болѣе успѣшнаго обезпеченія своихъ границъ, Сигизмундъ I обратилъ вниманіе на козаковъ, составлявшихъ живой оплотъ со стороны Крима, потому что въ то время козаки еще не беспокоили Польши, не испытывая притѣсненій со стороны ея правительства.

Здѣсь слѣдуетъ прибавить, что старый король дважды возвращалъ городскихъ пословъ, изгнанныхъ изъ сейма въ 1533 и 1545 годахъ... Паны признали за собою права сеніоріальнаго суда надъ крестьянами съ правомъ смертной казни; мы не находимъ этого въ законодательствѣ, но такъ происходило на дѣлѣ въ силу обычнаго права ¹⁾. Король хотѣлъ защитить крестьянъ, но не могъ.

Духъ истинной вѣротерпимости и свободы совѣсти усилился въ царствованіе Сигизмунда-Августа II. То было время реформаціи, когда иновѣрчество такъ быстро распространилось въ Польшѣ, что въ сепатѣ, кромѣ католическихъ епископовъ, всѣ почти севаторы за малымъ исключеніемъ были диссиденты. Такое положеніе дѣлъ не позволяло и думать о распространеніи католичества на Русь, нужно было заботиться о сохраненіи его въ Польшѣ. Реформація въ Польшѣ возникла изъ принциповъ охраны шляхетскихъ вольностей. Епископы побуждали короля къ изданію эдиктовъ, направленныхъ противъ диссидентовъ; въ то же время магнаты, объятые духомъ гражданской свободы, брали подъ свое покровительство исповѣдниковъ новаго ученія и даже нѣкоторые епископы открыто становились противъ римской церкви. Диссидентизмъ входитъ въ моду, становится доказательствомъ прогресса; каждый панъ желаетъ принадлежать къ какой нибудь сектѣ, но такъ какъ моды быстро смѣняются, то и не удивительно, что реформація въ Польшѣ такъ же быстро упала, какъ и развилась. Духъ вѣротерпимости благопріятствовалъ соединенію двухъ народовъ, но требовалось еще много времени и продолжительная подготовка, чтобы слить эти два народа въ одно политическое тѣло.

Цѣлью слянія Литвы съ Польшей было то, чтобы соединенными силами отражать внѣшнихъ непріятелей и своимъ общеніемъ взаимно способствовать политическому значенію обоихъ госу-

¹⁾ Hist. T. Wagi, str. 138, 184.

дарствъ ¹⁾). Морачевскій ²⁾ идетъ дальше, называя соединеніе Польши съ Литвою и Русью скорѣе номинальнымъ, чѣмъ реальнымъ договоромъ о вѣчномъ мирѣ, направленнымъ противъ преобладанія ордена крестоносцевъ.

На основаніи федеративной связи каждое изъ соединенныхъ государствъ должно было сохранить главныя условія политической независимости, а именно: самостоятельную территорію, особые законодательные органы и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльную судебную и административную власть.

Такъ было и на самомъ дѣлѣ. Литовскія и русскія земли были точно отграничены отъ земель польскаго королевства и, какъ мы уже видѣли, великіе князья литовскіе правили ими самостоятельно.

По смерти Витовта великимъ княземъ сдѣлался братъ его Сигизмундъ, а когда онъ былъ убитъ, на престолъ литовскій вступилъ братъ Владислава III, Казиміръ IV, сдѣлавшійся вскорѣ послѣ того польскимъ королежъ. Послѣ его смерти (1492 г.) Литва и Польша еще разъ получаютъ особыхъ государей; одинъ изъ сыновей Казиміра, Янъ-Альбрехтъ, былъ польскимъ королемъ, другой Александръ великимъ княземъ литовскимъ. Но со времени вступленія Александра на польскій престолъ Литва уже больше не получала отдѣльнаго князя, оба государства съ тѣхъ поръ имѣютъ постоянно только одного властителя.

Отдѣленная отъ Литвы и Руси прочными границами, благодаря усиліямъ литовско-русскихъ наповъ, Польша въ глазахъ литовско-русскаго народа была чужимъ краемъ; поляковъ считали людьми заграничными, чужеземцами, отъ чего они, на равнѣ съ другими иностранцами, не могли получать никакихъ государственныхъ должностей въ Литвѣ и Руси и не имѣли права владѣть здѣсь поземельной собственностью, какъ то было повторено еще на сеймѣ Брестскомъ въ 1544 г. Женщины высшаго сословія, выходившихъ замужъ въ Польшу, статутъ литовскій лишалъ права наслѣдства послѣ ихъ родственниковъ. Во время пріѣзда короля въ Литву или Русь, всѣ польскіе чиновники изъ его свиты должны были оставаться на границѣ; если-же вступали въ предѣлы Вели-

¹⁾ Vol. leg., t. I, pag. 60—288.

²⁾ Dzieje królestwa polskiego, II, 181.

наго Княжества, то считались иностранцами и гостями и не имѣли права вмѣшиваться въ политическія дѣла ¹⁾). Эти преграды упали только послѣ люблинской уніи. Отсюда видно, что, заключивши федеративную связь съ Польшей, Литва и Русь сохраняли свою политическую независимость, имѣли свою отдѣльную территорию и особую внутреннюю администрацію.

Предвидя пагубныя послѣдствія болѣе тѣснаго объединенія обоихъ государствъ, папы литовско-русскіе охраняли такое положеніе дѣлъ и старались противодѣйствовать политическимъ видамъ польскаго правительства. Еще въ 1526 г. они просили Сигизмунда I короновать его сына литовскимъ королемъ единственно для того, чтобы поднять это княжество на степень королевства, въ той мысли, что королевство не можетъ слиться съ королевствомъ и между ними останется только федеративная связь. Однакожъ поляки были другаго мнѣнія. Какъ теперь говорятъ они: «нѣтъ Польши безъ Литвы и Руси», такъ и прежде думали и заботились о томъ, чтобы Литва и Русь когда-нибудь не отдѣлились, особенно при бездѣтвѣсти Сигизмунда-Августа. Съ нимъ прекратилась династія Ягеллоновъ, служившая политической связью между Литвою и Польшей; въ будущемъ угрожала опасность расторженія этой связи. Польско-католическая партія удвоила свои усилія, чтобы прочно соединить между собою эти два государства ²⁾). Однако эта партія встрѣтила большія препятствія со стороны литовскаго канцлера князя Николая Радзивила, ревностнаго протестанта. Не смотря на то поляки все болѣе и болѣе стремятся къ достиженію своей цѣли—привлеченію Руси къ Польшѣ съ помощью различныхъ уній политическихъ и церковныхъ.

Со времени объединенія Литвы съ Польшей при Ягайлѣ до люблинской уніи прошло около двухъ столѣтій. Въ теченіи этого времени поляки прилагали всѣ усилія, чтобы на сколько возможно упрочить связь между этими двумя землями и слить ихъ въ одно нераздѣльное политическое тѣло; но усилія эти встрѣчали постоянную реакцію со стороны Литвы и Руси, опирающуюся какъ на сознаніе племенной и политической особенности своего госу-

¹⁾ Zbiór praw litewskich, str. 45, 405.

²⁾ Ibidem, str. 433.

дарства, такъ и на различіи въ характерѣ общественнаго строя, нравовъ, обычаевъ, религіи и языка. Нужно было сгладить эти различія и создать въ Литвѣ партію, для которой было-бы желательнымъ сліяніе съ Польшей.

Правда, сдѣлавшись польскимъ королемъ, великій князь литовскій могъ отречься отъ своего наследственнаго права, своей неограниченной власти и отъ верховнаго права на всю поземельную собственность, что и сдѣлалъ, наконецъ, послѣдній изъ Ягеллоновъ, Сигизмундъ-Августъ II; но не легко было справиться съ магнатами. Эти послѣдніе смотрѣли на шляхетское равенство, какъ на принципъ, который долженъ былъ уничтожить ихъ вліяніе въ краѣ и поставить наравнѣ съ зависѣвшими отъ нихъ землями и боярами; эти напротивъ видѣли въ уніи расширеніе своихъ правъ, законное уравниваніе въ правахъ съ высшими сановниками и удѣльными князьями и возможность снискать полную независимость, какъ въ отношеніи земельной собственности, такъ и общественнаго положенія, наконецъ надѣялись такимъ путемъ достигнуть значительнаго политическаго вліянія.

При такомъ несогласіи интересовъ литовскихъ паповъ съ одной стороны и бояръ и земель съ другой, поляки естественно обратили особенное вниманіе на послѣднихъ и старались подробно ознакомить ихъ съ правами и привилегіями польской шляхты, при каждомъ удобномъ случаѣ расширять ихъ права и помочь имъ сплотиться и создать сильную партію. Такой способъ дѣйствій приняли поляки, начиная отъ городельскаго съѣзда.

Такимъ образомъ и Ягайло, объявляя свое намѣреніе объединить Литву съ Польшей, говорить, что задумалъ свять съ литовскихъ бояръ то служебное иго, какое они носили до того времени, и уравниять въ правахъ съ польской шляхтой. На первый разъ онъ разрѣшаетъ боярамъ распорядиться своими землями и отдавать замужь дочерей безъ контроля великаго князя. Такимъ образомъ положенъ первый зародышъ литовской шляхты, которая должна была объединить разнородные слои литовскаго боярства.

И такъ, вълѣдствіе безпрестанной выдачи новыхъ шляхетскихъ дипломовъ, литовская шляхта все болѣе умножается и усиливается, среди нея распространяются польскія шляхетскія понятія, которыя поддерживаются то общими съѣздами, то присоединеніемъ къ Польшѣ

русскихъ земель и поселеніемъ въ нихъ поляковъ и сверхъ того измѣненіемъ литовскаго законодательства на польскій образецъ. Съ того времени Литовскій Статутъ причисляетъ князей, пановъ, шляхту и бояръ къ одному равноправному сословію, точно отдѣляя его отъ крестьянъ.

Между тѣмъ какъ распространялась пропаганда шляхетскаго равенства, представители высшихъ сословій въ Литвѣ заранѣе употребляли мѣры къ тому, чтобы не лишиться своего значенія. Они окружили великихъ князей «Радою», вынудили у Казимира IV обѣщаніе не допускать отторженія земель великаго княжества и не предпринимать ничего важнаго безъ согласія состоявшей при немъ «Рады». Князья Острожскіе, Чарторыйскіе, Глинскіе, Гаштолды, Радзивиллы, Ходкевичи, составляя «Раду», неослабно стоятъ на стражѣ великаго княжества, требуя для Литвы отдѣльнаго князя въ случаѣ избранія предшествующаго князя на польскій престолъ; они предлагаютъ отъ лица земель литовскаго княжества требованія о запрещеніи полякамъ селиться на принадлежащихъ княжеству земляхъ и при каждомъ удобномъ случаѣ оказываютъ стойкое сопротивленіе введенію уни.

Такимъ образомъ высшіе слои литовскаго народа ведутъ борьбу съ Польшей, однако борьба эта рано или поздно должна была окончиться въ пользу послѣдней. Хотя, вслѣдствіе шляхетскаго равенства, партія эта теряетъ свое преобладающее значеніе, за то съ другой стороны она много выигрываетъ, освобождаясь отъ ленной зависимости по отношенію къ великому князю и сверхъ того получая въ собственность огромныя пространства земель, которыми они до того времени владѣли на основаніи леннаго права. Далѣе, отказываясь отъ права составлять «Раду» великаго князя, партія эта входила въ составъ учрежденія, ограничивавшаго власть монарха, гдѣ получала уже голосъ законодательный вмѣсто совѣщательнаго. Наконецъ, легко было предвидѣть, что равенство для нея останется мертвой буквой, потому что огромныя пространства поземельной собственности и невзмѣримое преобладаніе въ имущественномъ отношеніи должны были дать магнатамъ перевѣсъ надъ массой шляхты; поэтому равенство осталось теперь, какъ и впоследствии не болѣе, какъ пышной фразой.

Послѣ люблинской уніи не вполнѣ ослабѣло вліяніе и значеніе магнатовъ, напротивъ литовскіе княжескіе роды сдѣлались центрами, около которыхъ начинаютъ группироваться знатнѣйшіе роды самой Польши. Толпы равноправной братіи поступали въ ряды слугъ къ богатымъ панамъ, продавая имъ свои голоса на сеймикахъ и сеймахъ, участвуя въ ихъ спорахъ и т. д.

Въ силу этихъ причинъ уменьшалась партія, враждебная уніи. Въ 1569 г. создавъ въ Люблинѣ большой сеймъ изъ представителей обохъ народовъ. Неохотно однако шли на этотъ сеймъ представители Великаго Княжества Литовскаго, предчувствуя, что тамъ рѣшится дѣло уничтоженія ихъ политической и національной обособленности. Соединеніе Польши и Литвы подъ властью одного государя, какъ мы уже говорили, было федеративнымъ до того времени; поэтому Литва и Русь боролись противъ люблинской уніи, смотря на нее, какъ на централизацію.

Обѣ стороны предложили на сеймѣ свой проэктъ уніи. Поляки требовали полного слянія Литвы съ Польшей въ одно государство, упраздненія выбора отдѣльнаго великаго князя, а также упраздненія отдѣльныхъ сеймовъ, администраціи, монеты и т. п. Правда, сохраненіемъ титула великаго княжества собственной Литвѣ оставлена была какъ-бы тѣнь политической независимости, но за эту мнимую уступку южная области, т. е. Русь, должны были присоединиться къ Польшѣ.

Съ своей стороны литовцы проэктировали братскій союзъ съ Польшей, свободное избраніе государя для Польши и Литвы, которая, согласно ихъ требованіямъ, должна была удержать свои отдѣльные сеймы, монету, собственное правительство и законодательство, литовцы требовали также, чтобы русскія земли оставались въ составѣ великаго княжества.

Какъ результатъ такихъ противоположныхъ требованій возникаютъ споры между обѣими сторонами, наконецъ литовцы съ престома оставили общій сеймъ.

Чтобы сломить сопротивленіе Литвы, Сигизмундъ - Августъ отрекся отъ своихъ велико княжескихъ правъ надъ нею, а русскія области, до того времени соединенныя съ Литвой, какъ: Подлякія, Волынь, Подоліе, княжество кіевское, черниговское и Украина отторгнуты отъ Литвы и вошли въ составъ Польши въ качествѣ

провинцій. Король грозилъ непокорнымъ отнятіемъ староствъ, а поляки съ своей стороны угрожали, что не будутъ помогать Литвѣ въ войнѣ съ Иваномъ Грознымъ; изъ Подляхи и Волыни вызваны были урядники, которыхъ противъ воли принудили къ принесенію присяги ¹⁾).

Унія провозглашена въ отсутствіе депутатовъ ²⁾, и тѣ, которые по припужденію короля соглашались на унію, отталкивали навязанное имъ благодѣяніе уравнианія Литвы съ Короной и просили: «оставьте намъ наши права,—вы нашихъ не знаете, а мы вашихъ не понимаемъ и т. д.». Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилось это дѣло, если-бы не вмѣшались два знатнѣйшіе и сильнѣйшіе магната Великаго Княжества Литовскаго или собственно Руси, князь Копстаптинъ Острожскій, киевскій воевода и главный дѣятель люблинской уніи и волынскій воевода, князь Александръ Чарторыйскій. Они подписали постановленія люблинскаго сейма; за ними подписались ихъ сторонники, а затѣмъ постепенно и всѣ остальные.

Итакъ въ 1569 году преграда, охранявшая Русь отъ ополяченія, была разрушена руками покровителя православія, князя Острожскаго; съ того времени не только Червоная, но и вся остальная Русь подверглась быстрой колонизаціи. Для поляковъ особенно важными были тѣ постановленія уніи, которыя дозволяли имъ пріобрѣтать на Руси земли и занимать государственныя должности.

Такъ закончилось соединеніе Литвы и Руси съ Польшей въ республику на равныхъ правахъ, съ однимъ общимъ сеймомъ и сенатомъ, отчего федеративный характеръ связи между этими государствами замѣнился централизационнымъ. Правда, обѣ части сохранили свои правительственные органы: канцлера, подканцлера, маршалковъ, гетмановъ и т. д., однако населеніе Руси требовало для себя такихъ же точно привилегій, какими пользовались поляки, и главными условіями ставило русскій языкъ въ общественныхъ дѣлахъ, свободу православнаго вѣроисповѣданія и полную равноправность. Соединеніе въ смыслѣ централизаціи должно было имѣть пагубныя послѣдствія для обоихъ народовъ. Двѣ сильныя, но въ главныхъ своихъ признакахъ совершенно противоположныя между

¹⁾ Działyński, Dziennik lubelskiego sejmu, pag. 69, 71, 82, 128.

²⁾ Józ. Szynski, Dz. P. II, pag. 320.

собою народности, различавшіяся формами управленія, языкомъ и вѣрой, принуждены находиться въ непрерывныхъ столкновеніяхъ, парализовавшихъ возможное развитіе государства. Съ этого времени ни Русь, ни Польша не знали покоя,—обѣ истощали свои силы во внутренней національной борьбѣ. Достаточно вспомнить, что 20 лѣтъ спустя послѣ люблинской уніи начинаются козацкія возстанія, прекратившіяся только съ паденіемъ Польши.

Каждая централизація есть первый шагъ къ нивелированію обществъ, игнорированіе ихъ историческихъ особенностей. Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстная степень централизаціи военной, финансовой и т. д. необходима для могущества государствъ, но стираніе племенныхъ и областныхъ особенностей подрываетъ его силу, потому что калѣчить и связывать тѣ народы, которые должны се двигать и выносить на своихъ плечахъ.

Поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Сигизмунда Августа. Онъ желалъ еще ближе соединить два народа, уже сближенные между собою посредствомъ люблинской уніи; но, прослѣдивъ безпристрастно это дѣло, мы видимъ, что вызывалось оно только антагонизмомъ, проявившимся до конца Рѣчи Посполитой, въ особенности потому, что поляки не выполнили условій люблинской уніи. Правда, централизованная Литва и Русь облечены были въ мундиръ все болѣе и болѣе сходный съ польскимъ, однако это не сохранило Польшу отъ упадка, а напротивъ ускорило и произвело этотъ упадокъ. И хотя король утверждалъ въ своихъ декретахъ, что объединеніе произошло по твердой волѣ и добровольному согласію всѣхъ сословій¹⁾, однако словамъ этимъ противорѣчатъ позднѣйшія королевскія распоряженія. Такъ по закрытіи люблинскаго сейма король принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ; въ прибавленіи къ разосланному королевскому универсалу, которымъ предписывалась форма присяги, значится: «А если кто воспротивится выполненію присяги, у того, какъ сопротивляющагося нашей власти, будемъ конфисковать имѣніе».

Приказано было королевскимъ старостамъ составлять списки всѣхъ присягнувшихъ и тѣхъ, кто отказывался отъ присяги, чтобы король могъ подвергать наказанію непослушныхъ. Однако изъ спис-

¹⁾ Vol. leg. II, pag. 754.

ковъ этихъ видно, что очень много лицъ, принадлежавшихъ къ знатымъ фамиліямъ, не смотря на угрозы короля, не явились для принесенія присяги.

Нужно замѣтить однако, что люблинская унія относилась только къ шляхтѣ, народъ собственно не имѣлъ въ ней голоса и не принималъ участія.

Польша и ея элементы только послѣ люблинской уніи столкнулись съ народомъ, который поэтому тогда только въ лицѣ своихъ представителей съ оружіемъ въ рукахъ начиналъ протестовать противъ этой уніи.

Федеративная связь Литвы и Руси съ Польшей была достаточно для политическихъ цѣлей общей обороны и для могущества обоихъ государствъ и если поляки стремились къ централизациі обѣихъ земель, то руководились главнымъ образомъ интересомъ; ихъ привлекали неизмѣримыя пространства Руси и надежда овладѣть огромными имѣніями. Слѣдующій фактъ можетъ служить доказательствомъ неразборчивости въ средствахъ.

Галшка (Елизавета) Острожская, единственная дочь Пли Острожскаго, оставшаяся подъ опекой своей матери Беаты и дяди Константина Василя, была наследницей огромнаго имѣнія и обширныхъ земель на Волыни и въ Подоліи, принадлежавшихъ въ то время къ Литвѣ, а не къ Польшѣ. Много конкурентовъ добывались руки Галшки; больше другихъ старался князь Дмитрій Сангушко, но мать и дочь отказали ему. Тогда опекунъ, князь Константинъ Василь, предпочитавшій Сангушка для того, чтобы русскія помѣстья не переходили въ руки поляковъ, захватилъ со своимъ женихомъ въ острожскій замокъ и, не смотря на сопротивленіе матери и дочери, повелъ племянницу къ вѣнцу. Беата ѣздила въ Краковъ, требуя правосудія у короля, но Сангушко съ женой удалился въ Чехію, гдѣ и скрывался. Каляинскій воевода Мартинъ Эборовскій, сильно заинтересованный въ расторженіи этого брака, съ цѣлью женить на Галшкѣ своего сына Петра, настигъ Сангушка въ Чехію и убилъ его.

Когда Галшка, по смерти мужа, возвратилась на родину, начались новыя свекательства ея руки и отсюда новыя смуты. Первѣйшіе литовско-русскіе магнаты желали, чтобы она изъ числа ихъ родственниковъ выбрала себѣ мужа; того-же самаго желали какъ

мать, такъ и дочь и дали слово князю Семену Олельковичу Слуцкому; напротивъ польскіе паны хотѣли, чтобы молодая княгиня отдала свою руку поляку. Паны польскіе, владѣвше ничтожными поместьями сравнительно съ литовскими магнатами, издавна старались породниться съ послѣдними, чтобы наследовать имѣнія и земли въ Литвѣ и Руси, такъ какъ зачастую имѣнія эти были обширнѣе цѣлыхъ повѣтовъ въ Польнѣ.

Беата симпатизировала Петру Зборовскому, но одинъ изъ конкурентовъ, воевода брестско-куявскій, Лука Гурка, противъ котораго были и мать, и дочь, и опекунъ, обратился за помощью къ королю. Сигизмундъ-Августъ устранилъ Константина Василія Острожскаго отъ опекуства, въ видѣ исключенія отмѣнилъ предписаніе литовскаго статута, по которому женщины, выходящія замужъ въ Польшу, лишались права наследства послѣ своихъ родственниковъ, и приказалъ, не смотря на сопротивленіе матери и дочери, повѣнчать Галинку съ Лукою Гуркою. Опасаясь насилія, Беата вмѣстѣ съ дочерью держалась при особѣ королевы Юны, а по отъѣздѣ послѣдней въ Неаполь, онѣ удалились во Львовъ и здѣсь заперлись въ доминиканскомъ монастырѣ, занявъ его своимъ гарнизономъ. Гурка снова обращается къ королю, который приказываетъ львовскому старостѣ взять Галинку силою и отдать Гуркѣ. Дѣло дошло до формальной осады монастыря.

Не смотря на то, князь Семень Слуцкій, переодѣвшись нищимъ, пробрался въ монастырь и переѣхался съ княгиней. Однако на это не обратили вниманія.

Староста отрубалъ водопроводныя трубы и овладѣлъ монастыремъ. Галинка выдерживала осаду въ высококомъ замкѣ, пока не вышло рѣшеніе короля—отдать ее Гуркѣ, что было исполнено насильственнымъ образомъ: староста отослалъ княгиню къ Гуркѣ, который поселилъ ее въ своемъ замкѣ въ Шаметулахъ. Не смотря на то, Галинка и здѣсь оставалась вѣрною своему убѣжденію, что она жена одного князя Семена; въ то-же время ея мать употребляла всѣ усилія, чтобы освободить свою дочь изъ рукъ Гурки. Она предлагала 100.000 злотыхъ, но Гурка не соглашался отпустить Галинку, хотя она была враждебно противъ него настроена; онъ пытался всѣми мѣрами привлечь ее къ себѣ, но Галинка оставалась непреклонной даже по смерти князя Семена Олельковича. Наконецъ и сама Галинка умерла

отъ помѣшателства, а Гурка не достигъ цѣли, такъ какъ ея имѣнія перешли въ руки Константина Острожскаго.

Такова вкратцѣ исторія Галшии Острожской, открывающая намъ много характеристическихъ чертъ въ внутреннихъ отношеніяхъ того времени. Исторія несчастной княгини является какъ-бы образомъ люблинской унии въ миниатюрѣ: какъ польскіе женихи старались получить руку Галшии ради ея имѣній, такъ точно и поляки сватали Русь ради ея богатства.

Въ административномъ отношеніи, послѣ присоединенія къ Польшѣ, Литовская Русь была раздѣлена на слѣдующія воеводства: Витебское, Полоцкое, Мстиславское, Минское, Новгородское, Подляшское, Брестско-Литовское, Кіевское, Волынское, Белзское, Люблинское, Брацлавское, Подольское, Русское (т. е. Червонорусское) и Черниговское. Собственно-же Литовская земля обнимала воеводства: Виленское, Троцкое, Ливонское и княжество Жмудское.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЬ МИХАЙЛО МОВЧАНЬ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА.

Каждое общество обладает несомнѣнно стремленіемъ къ саморазвитію и естественною склонностію къ умственной дѣятельности, но для того, чтобы эта склонность могла успѣшно найти примѣненіе, необходимо, чтобы данное общество могло пользоваться извѣстными условіями быта, при которыхъ только возможно развитіе его умственныхъ силъ. Такими условіями мы должны признать: вѣдѣнное спокойствіе, обезпеченность матеріальную и возможность развитія путемъ свойственнымъ характеру данного народа. Конечно, среди военной тревоги всеобщее вниманіе занято исключительно заботою о сохраненіи личной и коллективной безопасности, и не остается времени для труда интеллектуальнаго. При отсутствіи матеріальнаго обезпеченія повседневная забота о средствахъ существованія отвлекаетъ всѣ силы на борьбу за эти средства, и народъ не имѣетъ досуга для самообразованія; если немногочисленные зажиточныя группы и пользуются необходимымъ досугомъ, то онѣ не въ состояніи замѣнить въ дѣлѣ народнаго развитія коллективнаго труда всей народной массы. Если онѣ и не погрязнуть, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, въ эпикуреизмъ, если даже обратятся къ литературной дѣятельности, то во всякомъ случаѣ онѣ не будутъ выразителями прогрессивнаго развитія всего народа, онѣ создадутъ литературу кружковую, необходимо проникнутую узкими сословными взглядами и интересами, недоступную и непонятную, а слѣдовательно и бесполезную для развитія всего народа.—Наконецъ только развитіе, исходящее изъ своеобразныхъ народныхъ на-

чалъ, можетъ слѣлаться вполне доступнымъ для всей народной массы, не заставляетъ людей культурныхъ выдѣляться изъ народной среды и становится ей чуждыми, даетъ полное развитіе всѣмъ сторонамъ народнаго духа и ускоряетъ это развитіе, ведя его по пути, предназначенному самою природою. Конечно, лучшимъ примѣромъ для провѣрки сказаннаго можетъ служить продолжительный застой въ культурѣ западно-европейскихъ народовъ, случившійся въ теченіе среднихъ вѣковъ; между тѣмъ какъ рыцарское сословіе занято было безконечными войнами, крестьяне вели тяжелую борьбу съ нищетою и голодомъ—одни монахи пользовались достаточною безопасностью и досугомъ, необходимымъ для умственнаго развитія; но культура въ монастыряхъ развивалась на чуждой для народовъ западной Европы латинской почвѣ и потому оказалась почти безслѣдною въ исторіи развитія народныхъ массъ.

Если примѣнимъ все сказанное къ исторіи развитія южной Руси, то несомнѣнно лучшія условія для культуры мы встрѣтимъ въ теченіе XVIII столѣтія въ той половинѣ края, которая лежала на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Вѣковая непрерывная борьба съ Польшею была кончена въ смыслѣ благоприятномъ для народныхъ интересовъ; покровительство Россіи обезпечивало вышнюю безопасность и дозволило наконецъ народонаселенію позаботиться о внутреннемъ устройствѣ своего быта. Обезпеченность имущественная достигла значительныхъ размѣровъ и, выражаясь владѣніемъ поземельной собственности, была распределѣна болѣе равномерно и на большее количество лицъ, чѣмъ когда-либо; наконецъ начала умственной жизни, положенная въ предыдущемъ столѣтіи трудами ученыхъ кіевской академіи, открывала путь для народнаго развитія въ направленіи чисто національномъ, обнимавшемъ все потребности и интересы народа на присущей ему степени развитія; лица всѣхъ сословій могли свободно стремиться къ образованію, переходя безпрещетвенно изъ народныхъ церковныхъ школъ на скамьи кіевской академіи, коллегіумовъ черниговскаго, харьковскаго и т. п. Оживленію умственной жизни въ самомъ обществѣ выразилось въ попыткахъ зарождавшейся литературы и въ томъ живомъ интересѣ, какой возбуждало печатное слово. Не говоря о многочисленныхъ сочиненіяхъ богословскаго содержанія, о мистеріяхъ, пасторалкахъ, виршахъ и т. д., историческая литература дѣлается любимымъ за-

нятіемъ многихъ грамотныхъ людей. Восемнадцатый вѣкъ оставилъ намъ цѣлый рядъ козацкихъ лѣтописей, то составленныхъ самостоятельно, то компилированныхъ и все болѣе и болѣе стремившихся перейти отъ формы лѣтописи къ формѣ прагматической исторіи. Лѣтописи впрочемъ составляютъ не единственный отдѣлъ историческихъ памятниковъ XVIII столѣтія въ Малороссіи; люди, получившіе болѣе полное образованіе (какъ Марковичъ, Ханенко), оставляли мемуары, исполненные весьма живаго интереса, въ которыхъ сохранили весьма цѣнный матеріалъ для обрисовки внутренняго быта своей родины, другія лица заводили «записныя книги», въ которыя вносили все то, что интересовало ихъ владѣльцевъ, какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни. Всевозможныя замѣтки, попадавшія въ записную книгу, не смотря на свой отрывочный, повидимому безсвязный характеръ, обрисовываютъ воистинѣ цѣльно внутренній бытъ общества, среди котораго жилъ ихъ составитель, и даютъ картину, правда менѣе полную, но за то и менѣе субъективную, чѣмъ записки мемуариста.

Одну изъ такихъ записныхъ книгъ, принадлежавшую асаулу полковому прилучскому, Михаилу Федоровичу Мовчану, мы имѣемъ въ настоящее время передъ собою. Книга эта сохранилась у потомковъ составителя, и мы получили ее отъ землевладѣльца полтавской губерніи Аркадія Федоровича Мазараки, которому долгомъ считаемъ принести искреннюю благодарность за просвѣщенное и обязательное сообщеніе намъ этого цѣннаго историческаго матеріала.

Записная книга Михаила Мовчана представляетъ томъ in folio въ кожанномъ старинномъ переплетѣ; она содержитъ 164 полулиста сѣрой, желтоватой бумаги; но далеко не всѣ листы ея заняты письмомъ; записанные листы, числомъ 66, разбросаны на протяженіи всей книги и отдѣлены другъ отъ друга значительными промежутками, состоящими изъ бѣлыхъ листовъ; очевидно, что записи вносились въ книгу безъ всякаго порядка, тамъ, гдѣ книга открывалась въ данный моментъ; хронологическій порядокъ записей также не соблюдался: позднѣйшія статьи часто встрѣчаются въ началѣ книги, болѣе-же раннія въ концѣ ея. Книга писана нѣсколькими почерками: два изъ нихъ, очень четкіе и красивые скорописные почерки XVII вѣка, встрѣчаются въ большинствѣ записей, внесен-

ныхъ въ книгу при жизни Михайла Мовчана, два другіе—скорописные почерки второй половины XVIII столѣтія, менѣе красивы, они встрѣчаются въ тѣхъ записяхъ, которыя были внесены при вдухъ Мовчана—Андрѣй Мазараки, къ которому книга перешла по наслѣдству.

Поводъ, по которому книга заведена была Михайломъ Мовчаномъ, а также время ея возникновенія явствуютъ изъ первой записи, помѣщенной на 6 листѣ книги; запись эта гласитъ: «Року 1727 іюня 27 дня. Для всякихъ случаевъ, за помощію Божією, казавемъ въ сію книгу вписать, сколько имѣется въ мене, асаулы полкового прилуцкого, Михайла Мовчана, купчихъ на грунта». Дѣйствительно Мовчанъ приказалъ записать (самъ онъ былъ неграмотенъ, какъ это видно изъ одного документа) въ книгу копіи всѣхъ имѣвшихся у него имущественныхъ документовъ и продолжалъ вносить ихъ въ послѣдствіи въ теченіе 16 лѣтъ до своей смерти (1742 г.); но, не ограничиваясь этимъ первоначальнымъ назначеніемъ книги, онъ заносилъ въ нее копіи всѣхъ тѣхъ документовъ и сочиненій, которые представляли для него какой-бы то ни было личный или общественный интересъ. Вообще всѣхъ статей записано было по указанію Мовчана 86; онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ по содержанію: 64 купчихъ крѣпости или извлеченій изъ нихъ, 11 другихъ имущественныхъ документовъ: жалованныхъ грамотъ на ралговья и наградныя земли, мировыхъ сдѣлокъ съ сосѣдями, судебныхъ приговоровъ, перечней движимаго имущества и т. п.; 2) два документа: универсалъ гетмана Самойловича, данный отцу Михайла Федору на званіе прилуцкаго полковника (1678) и копія челобитной, поданной Аннѣ Іоанновнѣ въ 1739 году; 3) наконецъ въ книгѣ Мовчана мы находимъ 9 лѣтописныхъ отрывковъ и замѣтокъ. Отрывки эти частью списаны изъ лѣтописей, ходившихъ въ то время по рукамъ среди козацкаго общества, частью продиктованы самимъ Мовчаномъ по его воспоминаніямъ. Изъ числа 9 отрывковъ 4 оказываются списанными дословно изъ лѣтописи Самовидца; они содержатъ рассказы о событіяхъ, сдѣлавшихъ особенно глубокое впечатлѣніе на малороссійское общество; это эпизоды: о возстаніи Хмельницкаго (1648), о кончинѣ Брюховецкаго (1668), о взятіи турками Чигрина (1678) и о паденіи Самойловича (1687); затѣмъ два отрывка за 1664 и 1664—

1678 списаны изъ какой-то краткой, не дошедшей до насъ козацкой лѣтописи и, наконецъ, три послѣдніе отрывка написаны правдоподобно изъ словъ самаго Мовчана; они представляютъ, повидимому, его личныя воспоминанія о походѣ подъ Вѣну 1683 года и краткія замѣтки о позднѣйшихъ событіяхъ.

На основаніи документовъ и замѣтокъ, внесенныхъ въ записную книгу, мы можемъ возстановить біографію Михаила Мовчана. личности весьма типической и тѣмъ болѣе интересной для характеристики современнаго ему общества, что онъ занималъ второстепенное положеніе въ ряду козацкой старшины, не достигъ сколько нибудь видной общественной роли, и потому біографія его представляетъ намъ тишь зауядный, гораздо болѣе характеризующій бытъ знатнаго козачества первой половины XVIII ст., чѣмъ біографіи лицъ, выдававшихся особенными личными дарованіями или развитіемъ и составлявшихъ вслѣдствіе того болѣе исключительныя явленія въ своей средѣ.

Родъ Мовчановъ выдвинулся изъ рядоваго козачества, благодаря ловкости отца Михаила—Федора Мовчана; послѣдній началъ свою военную карьеру на службѣ у гетмана Дорошенка. Гетманъ этотъ, старавшійся провести съ замѣчательною стойкостью свои политическіе планы, долженъ былъ бороться съ препятствіями, далеко превосходившими его силы. Не находя нужной поддержки въ городскомъ козачествѣ правобережной Украины, предпочитавшемъ эмигрировать на лѣвый берегъ Днѣпра или примыкать къ различнымъ честолюбцамъ, претендовавшимъ на гетманскую булаву, чѣмъ поддерживать патриотическія усилія своего гетмана, Дорошенко попытался замѣнить въ значительной мѣрѣ земскія козаціи ополченія наемными козацкими полками, носившими названіе «охочевомошнихъ» и «сердепять». Тѣ и другіе, припимая службу у гетмана за жалованье и содержаніе, вполне отъ него зависѣли, повиновались назначеннымъ по его выбору старшинамъ и, конечно, не пользовались правомъ ни составлять рады для обсужденія общественныхъ дѣлъ, ни контролировать политическіе планы и дѣйствія гетмана.

Мы встрѣчаемъ въ 1675 году Федора Мовчана въ должности полковника одного изъ такихъ «сердепятскихъ» полковъ Дорошенка.

Но предусмотрительный полковникъ замѣтилъ, что дѣла довѣрившаго ему начальство гетмана принимаютъ весьма невыгодный оборотъ, и сталъ заблаговременно помышлять о себѣ. Весною 1675 года онъ перешелъ съ своимъ полкомъ на лѣвый берегъ Днѣпра и несмотря на ропотъ своихъ «серденятъ», подчинился Самойловичу и поступилъ къ нему на службу. Самойловичъ выпросилъ для Мовчана и его полчанъ царское жалованье¹⁾ и сталъ опираться на его примѣръ для того, чтобы склонить къ переходу на свою сторону другіе «серденятскіе» полки Дорошенка. Отправляя болѣе или менѣе крупныя отряды противъ Дорошенка, Самойловичъ постоянно присоединяетъ къ нимъ полкъ Мовчана и рассчитываетъ на то, что товарищескія связи этого полковника побудятъ и другихъ «серденятскихъ» начальниковъ послѣдовать его примѣру. Такъ въ мартѣ 1676 года Самойловичъ писалъ въ универсалѣ, посланномъ къ наемнымъ полкамъ Дорошенка: «Можете сами слышати, что господиизъ Мовчанъ съ своими товарищи и иныя компании—пѣхотные полки не безъ хлѣба и достойнаго призрѣнія при насъ живутъ; еъ которыми и вы, безъ всякаго переченія и поруганія, отъ кого ни есть, равныя милости и призрѣнія отъ насъ, яко единого войска запорожского матери дѣти, узнавати будете—нашимъ словомъ обнадёживаемъ»²⁾).

Послѣ сдачи Дорошенка, Самойловичъ рѣшился наградить важныя услуги, оказавшія въ этомъ дѣлѣ Мовчаномъ и возвелъ его въ должность прилуцкаго полковника, отъ которой побудилъ отказаться бывшего полковника Ивана Маценка. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ, которые, начиная съ Брюховецкаго, замѣняли путемъ назначенія полковниковъ, устраняя существовавшее до того времени выборное начало при занятіи этой должности. Каждый новый гетманъ старался смѣнить по возможности большее количество полковниковъ, бывшихъ при его предшественникѣ и замѣстить ихъ людьми, на преданность которыхъ онъ могъ болѣе полагаться.

Такъ въ прилуцкомъ полку Брюховецкій «великимъ шалоумствомъ» заставилъ отказаться отъ должности полковника Лазаря Гор-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. XII, стр. 2, 16.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. XII, стр. 210, 589, 589.

ленка, который «по нуждѣ не для чего иного, только отъ налогу гетмана и злого къ нему намѣренія» выѣхалъ изъ Прилукъ ¹⁾; вмѣсто него Брюховецкій назначилъ полковникомъ Ивана Кошевого, одного изъ запорожцевъ, содѣйствовавшихъ его возведенію въ гетманство и составлявшихъ его ближайшую опору. Послѣ паденія Брюховецкаго, Иванъ Кошевой заявилъ полную готовность подчиниться Многогрѣшному; онъ перебилъ отрядъ татаръ, союзниковъ Дорошенка, и пріѣхавъ къ Многогрѣшному, «со всѣмъ полкомъ добилъ челомъ въ винахъ своихъ царскому величеству» ²⁾. Тѣмъ не менѣе новый гетманъ смѣнилъ его подѣ тѣмъ предлогомъ, что на него поступили жалобы «за налоги» отъ полковой старшины, и на его мѣсто назначилъ прилуцкимъ полковникомъ мѣстнаго полковаго асаула Ивана Маценка, принадлежавшаго къ числу лицъ недовольныхъ Брюховецкимъ ³⁾. Преемникъ Многогрѣшнаго Самойловичъ послѣдовалъ примѣру предшественниковъ и, смѣстивъ Маценка, назначилъ на его мѣсто Федора Мовчана.

Изъ универсала, сохранившагося въ записной книгѣ, которымъ гетманъ извѣщалъ жителей прилуцкаго полка объ этомъ распоряженіи, мы видимъ тѣ приемы, которыми пользовались гетманы при замѣненіи по своей волѣ полковничьихъ должностей; они старались для виду сохранить хотя формальное уваженіе къ выборному началу. Въ гетманскомъ универсалѣ къ прилуцкому полку отъ 13 апрѣля 1678 года сказано: «Поневажъ панъ Иванъ Маценко, бывшій полковникъ вашъ прилуцкій, добровольно извеняся своего старшинства, и за оное намъ подяковалъ, и старшина вашего полку, тутъ въ Батуриніѣ бувшая, зъ товариствомъ певнымъ, за позволенемъ нашимъ, згодливими голосами своими на той полковницкій урадъ пана Федора Мовчана обволали и надъ себе вынесли, tedy и мы его, пана Мовчана, знаючи быти у войску запорожскомъ заслужоного, годного и до дѣлностей рыцарскихъ способного мужа, цале на томъ старшинствѣ подтверждаемъ» ³⁾.

Впрочемъ Федоръ Мовчанъ пользовался не долго полученною должностію: въ томъ-же 1678 году онъ въ качествѣ прилуцкаго

¹⁾ Таяже, томъ VIII, стр. 182.

²⁾ Таяже, томъ VII, стр. 109 и томъ VIII, стр. 61.

³⁾ Записная книга, листь 95 на оборотѣ.

полковника принималъ участіе въ походѣ Самойловича противъ турокъ подъ Чигиринъ, за что и получилъ похвальную грамоту ¹⁾, а въ слѣдующемъ году былъ уже отставленъ по неизвѣстной намъ причинѣ отъ должности и поселился въ Прилукахъ въ качествѣ частнаго обывателя. Кратковременное исполненіе полковничьяго уряда не дало возможности Федору Мовчану разбогатѣть и пріобрѣсти значительную поземельную собственность; единственное владѣніе, доставшееся Федору Мовчану по наслѣдству отъ отца, это небольшая нивка у города Прилукъ, стоимостью въ 7 копѣ грошей литовскихъ ²⁾.

Въ годъ отставки Федора Мовчана единственный его сынъ Михайло началъ службу въ козацкомъ войскѣ; вмѣстѣ съ прилуцкимъ полкомъ, подъ начальствомъ новаго полковника Дмитрія Черпаявскаго онъ ходилъ въ походъ къ Кіеву, гдѣ многочисленныя русскія и козацкія войска были сосредоточены для защиты города отъ ожидавшагося турецкаго нашествія и занимались устройствомъ новыхъ укрѣпленій вокругъ города и печерскаго монастыря ³⁾. По отставкѣ отца и скудные средства семейства Мовчана не предвѣщали Михайлу быстрой и блестящей карьеры въ козацкомъ войскѣ, потому онъ рѣшился искать счастья въ иноземной службѣ: въ 1683 г. польскій король Іоаннъ Собѣскій, собирався въ походъ подъ Вѣну противъ турокъ, отправилъ агентовъ въ Малороссію съ порученіемъ вербовать козаковъ въ королевскую службу; не смотря на строгій запретъ Самойловича, многочисленные охотники отправились въ королевскій лагерь; въ числѣ ихъ находился и Михайло Мовчанъ. Послѣ окончанія вѣнскаго похода онъ оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ польской службѣ и принималъ участіе въ нѣсколькихъ походахъ польскихъ региментарей противъ турокъ. Затѣмъ онъ переѣхалъ къ бѣлоцерковскому полковнику Семѣну Палію, устраивавшему, вопреки желанію польскаго правительства, на службѣ котораго онъ числился, на правой сторонѣ Днѣпра новыя козацкія поселенія. Съ Паліемъ Мовчанъ вѣроатно знакомъ былъ еще во время вѣнскаго похода, въ которомъ этотъ полковникъ принималъ участіе въ качествѣ начальника одного изъ козацкихъ отрядовъ;

¹⁾ Максимовичъ, Собраніе сочиненій; т. I, стр. 733.

²⁾ Запяская книга, листъ 6.

прижкнувши къ Палію, Мовчанъ сопровождалъ его въ многочисленныхъ его военныхъ походахъ и на татаръ подъ Перекопъ и Очаковъ, и на поляковъ подъ Баръ, Павлочъ и т. д.¹⁾ Наконецъ послѣ 1690 года Мовчанъ переѣхалъ въ Запорожье, гдѣ провель нѣсколько лѣтъ въ Сѣчи въ рядахъ «низоваго товариства».

Только въ 1696 году, послѣ тринадцатилѣтняго отсутствія, Михайло Мовчанъ возвратился на родину въ Прилуки. Отецъ его умеръ во время отсутствія сына, а мать, оставшись въ безпомощномъ состояніи, продала нивку сосѣдямъ; молодой Мовчанъ выкупилъ обратно наслѣдственный участокъ поля и поступилъ вновь на службу въ ряды козаковъ прилуцкаго полка въ званіи войсковаго товарища²⁾. Вмѣстѣ съ полкомъ онъ ходилъ въ многочисленные походы во время великой сѣверной войны, находился въ козацкихъ отрядахъ, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ, Ливоніи, Бѣлой Руси, и принималъ участіе въ 10 сраженіяхъ³⁾. Въ 1708 году, во время измѣны Мазепы, Мовчанъ находился «при боку» стародубскаго полковника Ивана Скоропадскаго и вмѣстѣ съ нимъ остался вѣрнымъ русскому правительству.

Послѣ возведенія Скоропадскаго въ гетманское достоинство, Мовчанъ получилъ награду за вѣрную службу: уже въ концѣ 1708 года гетманъ издалъ универсалъ, которымъ предоставилъ въ его пользованіе войсковую мельницу въ селѣ Городиѣ, ввалицкой сотни, прилуцкаго полка, конфискованную у сторонника Мазепы, Григорія Компанѣйца⁴⁾, а годъ или два спустя Мовчану была предоставлена должность полковаго прилуцкаго асаула; чинъ этотъ онъ носитъ уже въ началѣ 1711 года, а въ сентябрѣ того-же года гетманъ отдалъ въ его пользованіе ранговое имѣніе село Талаласку, назначенное на содержаніе прилуцкихъ полковыхъ асауловъ⁵⁾. Должность эту Михайло Мовчанъ занималъ въ теченіи 30 лѣтъ; въ качествѣ асаула онъ сопровождалъ свой полкъ въ походахъ: персидскомъ (1723), польскомъ (1734) и крымскомъ (1736—1738), а также нѣсколько разъ ходилъ «на линію». Но большую часть времени

¹⁾ Тамъ-же, листъ 157.

²⁾ Тамъ же, листъ 6.

³⁾ Тамъ-же, листъ 157.

⁴⁾ Тамъ-же, листъ 20.

⁵⁾ Тамъ-же, листъ 7 и 66 на оборотѣ.

полковой асаулъ провелъ дома; здѣсь, повидимому избѣгая дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, онъ рѣдко появлялся въ гетманской резиденціи и проживалъ большую часть времени въ ранговомъ своемъ имѣніи—Талалаевкѣ; онъ очень энергически занялся увеличеніемъ своего состоянія и сталъ скупать по мелочамъ земли у козаковъ, крестьянъ и духовныхъ лицъ. Изъ многочисленныхъ копій купчихъ крѣпостей, замѣтокъ и перечней, внесенныхъ въ записную книгу, мы имѣемъ свидѣтельства о 77 клочкахъ, приобрѣтенныхъ разновременно Мовчаномъ; онъ скупалъ поземельную собственность во всевозможныхъ ся видахъ: пивви (41), сады и огороды (5), хаты (9), лѣса и гаи (17) и наконецъ «млынки, ставища и гребля» (5); многія изъ этихъ приобрѣтеній представляли вѣроятно мельчайшія единицы землевладѣнія, судя по ничтожнымъ суммамъ, за которыя они были куплены. Продажные акты совершались иногда въ видѣ купчихъ крѣпостей, заключенныхъ въ «мѣстспомъ» прилуцкомъ урядѣ, или въ присутствіи сельскаго атамана, болѣе-же мелкія покупки вѣроятно основаны были лишь на словесномъ договорѣ и вносились въ записную книгу въ видѣ короткихъ замѣтокъ или перечней для свѣдѣнія владѣльца. Приобрѣтенія земельныхъ участковъ, за исключеніемъ 3 статей, купленныхъ близъ города Прилукъ, и 8 угодій, лежавшихъ въ чертѣ земель сель: Блотницы, Краспянъ и Будъ, сосредоточены были въ Талалаевкѣ, которою Мовчанъ пользовался въ качествѣ рангового имѣнія; здѣсь онъ скупилъ у козаковъ и посполитыхъ болѣе 60 участковъ и, округливъ такимъ образомъ свое личное землевладѣніе, закрѣпилъ свое право на него документомъ, въ которомъ козацье общество Талалаевки, въ благодарность за какую-то «уступку и любовь» къ нимъ полковаго асаула, обязалось признавать навсегда неоспоримое его право на потомственное владѣніе землями, купленными имъ въ чертѣ земельного владѣнія ихъ села ¹⁾). Впрочемъ изъ многочисленныхъ купчихъ и записей мы нигдѣ не усматриваемъ, чтобы Мовчанъ прибѣгалъ для увеличенія своей собственности къ насилию или давленію на владѣльцевъ, основанному на его общественномъ положеніи или вліяніи. Постепенная годъ за годомъ приобрѣтенія, производимыя на незначительныя суммы, свидѣлствуютъ лишь о

¹⁾ Записная книга, листъ 90 на оборотѣ.

бережливости и развитіи нормальныхъ хозяйственныхъ способностей полковаго асаула.

Нѣсколько другой взглядъ существовалъ вѣроятно у Мовчана по отношенію къ «войсковому» имуществу: по крайней мѣрѣ на мнѣніе это наводитъ сличеніе двухъ документовъ, записанныхъ въ записную книгу: здѣсь мы встрѣчаемъ универсалъ Скоропадскаго отъ 18 сентября 1711 года, въ которомъ сказано, что гетманъ въ виду заслугъ Мовчана «на уряде асаулства полковаго, . . . для wsparтя достоинства его» предоставляетъ ему въ пользованіе село Талалаевку¹⁾. Затѣмъ, когда при гетманѣ Апостолѣ предприняты были мѣры для точнаго опредѣленія содержанія, выдаваемого генеральной и полковой старшанѣ, то «по справкѣ съ екстрактотвъ слѣдствія о маестностяхъ полку прилуцкого, въ енеральной канцеляріи имѣющихся, явилось, что . . . Михайло Мовчанъ имѣеть во владѣннн своемъ маестность село Талалаевку не на рангъ, . . . но за заслуги войсковыя отъ . . . гетмана Скоропадскаго ему данную универсаломъ року 1711». Въ силу этой «справки» Данилъ Апостоль назначилъ универсаломъ отъ 5 ноября 1733 года Мовчану 50 рублей годичнаго жалованія, какъ полковому асаулу, не пользующемуся ранговымъ имѣніемъ и такимъ образомъ призналъ Талалаевку его личнымъ, заслуженнымъ помѣстьемъ²⁾.

Должность полковаго асаула Михайло Мовчанъ исполнялъ до глубокой старости. Только въ 1741 году онъ, повидимому, вышелъ въ отставку, по крайней мѣрѣ съ этого только года онъ въ совершаемыхъ имъ сдѣлкахъ упоминается съ титуломъ «абштованнаго (отставнаго) полковаго асаула³⁾».

Впрочемъ, собираясь выходить въ отставку, Мовчанъ въ началѣ 1739 года подалъ челобитную императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ которой, перечисляя всѣ свои заслуги въ теченіе 60 лѣтней военной службы, просилъ удостоить его при окончаніи ея какою-либо наградою, или, какъ онъ выразился, просилъ «призрѣнія и ресекту»⁴⁾. Мы не знаемъ, какого рода резолюція послѣдовала на

1) Тамъ-же, листъ 66 на оборотѣ.

2) Тамъ-же, листъ 153 на оборотѣ.

3) Тамъ-же, листъ 10.

4) Тамъ-же, листъ 158.

эту челобитную. Вскорѣ послѣ отставки, 7 августа 1742 года Мовчанъ окончилъ свою многолѣтнюю жизнь; онъ не оставилъ потомковъ мужескаго пола; изъ друхъ его дочерей одна—Марія скопчалась въ пожиломъ возрастѣ въ дѣвцахъ, другая—Екатерина, умершая еще при жизни отца, была замужемъ за «значнымъ войсковымъ товарищемъ» Даміаномъ Ивановичемъ Мазараки; ея дѣтямъ досталось по наслѣдству довольно значительное имущество, сплещное Михайломъ Мовчаномъ.

Записная книга полковаго асаула перешла къ его любимому внуку, Андрею Даміановичу Мазараки, жившему послѣднее время при дѣдѣ и въ угодность ему, подписывавшемуся его фамилією, какъ видно изъ одного документа, залесеннаго въ книгу ¹⁾.

Новый владѣлецъ продолжалъ, хотя изрѣдка, заносить замѣтки въ дѣдовскую книгу, находившуюся въ его владѣніи до самой его смерти, послѣдовавшей послѣ 1787 года; замѣтки эти чисто семейнаго характера, небезъинтересны для характеристики стремленій и круга интересовъ малороссійскаго дворянства второй половины XVIII ст. Статьи, внесенныя въ книгу Андреемъ Мазараки, числомъ 14, по содержанію распадаются слѣдующимъ образомъ: 2 документа представляютъ перечни земель, купленныхъ въ селѣ Талалаевкѣ Даміаномъ Мазараки, отцемъ Андрея; одна записка содержитъ свѣдѣнія, собранныя о генеалогіи рода Мазараки и всѣ попавшіяся Андрею доказательства о дворянскомъ происхожденіи его предковъ; два документа—это договоры, заключенные священниками села Талалаевки съ прихожанами и владѣльцами этого села, опредѣляющіе размѣры вознагражденія за церковныя требы и содержаніе священниковъ и, наконецъ, девять записей посвящены семейнымъ воспоминаніямъ о днѣ смерти и мѣстѣ похоронъ разныхъ членовъ семейства Андрея Мазараки.

Послѣдній очевидно особенно дорожилъ возстановленіемъ своей родословной, слѣдуя общему стремленію болѣе знатныхъ представителей козачества того времени къ отыскиванію дворянскаго происхожденія своихъ родовъ; такъ какъ отецъ Андрея Мазараки умеръ еще во время его малолѣтства, не оставивъ сыновьямъ никакихъ семейныхъ преданій, то онъ занялся очень дѣятельно собра-

¹⁾ Тамъ-же, лствъ 158.

ніемъ этихъ преданій изъ другихъ доступныхъ ему источниковъ. Онъ отправился за справками въ войсковую генеральную канцелярію и тамъ отыскалъ въ гербовникѣ Несецкаго, котораго экземпляръ хранился при войсковой канцеляріи для удовлетворенія любознательности козацкихъ старшинъ, три строчки о нобилитаціи своего дѣда и списалъ ихъ цѣликомъ; затѣмъ онъ встрѣтилъ бывшаго мглинскаго сотника Лесаневича, учившагося нѣкогда съ его отцемъ въ кіевской академіи и со словъ старика тщательно списалъ всѣ воспоминанія, переданныя нѣкогда Даміаномъ Мазараки Лесаневичу на школьной скамьѣ, а также воспоминанія самаго Лесаневича о родовомъ домѣ Мазараки, который мглинской сотникъ видѣлъ за сорокъ лѣтъ до встрѣчи съ Андреемъ во время своего путешествія во Львовъ. Къ этимъ скуднымъ свѣдѣніямъ составитель генеалогіи прибавилъ подробныя свѣдѣнія о себѣ, о своихъ братьяхъ и сестрахъ, отмѣтилъ ихъ брачныя связи и имена ихъ дѣтей и такимъ образомъ заготовилъ матеріалъ для своей родословной.

Изъ записки его мы узнаемъ, что предки Мазараки были греческіе купцы, переселившіеся во Львовъ; здѣсь они по видимому сильно разбогатѣли—они владѣли въ львовскомъ рынкѣ большимъ каменнымъ домомъ, построеннымъ «со статуи и протчими украшеніи». По невѣстной намъ причинѣ представитель рода Янъ Мазараки переѣхалъ при Хмельницкомъ на службу къ козацкому гетману; здѣсь онъ очевидно занялъ выдающееся положеніе и оказалъ важныя услуги, потому что на сеймѣ 1659 года по представленію гетмана Выговскаго, который по гадячскому договору оставилъ за собою право представлять къ «нобилитаціи» болѣе заслуженныхъ козаковъ, Янъ Мазараки вмѣстѣ съ Сомкомъ, Золотаренкомъ, Лесницкимъ и нѣкоторыми другими знатыми старшинами, былъ возведенъ въ дворянское званіе¹⁾. Объ этомъ Янъ Мазараки Несецкій сохранилъ свѣдѣніе, что въ 1678 году онъ, по порученію польскаго короля Яна Собѣскаго, ѣздилъ съ дипломатическими порученіями въ Персію; мы знаемъ также, что онъ принадлежалъ къ числу ревностныхъ поборниковъ православія: въ 1666 году онъ за-

¹⁾ Volumina Legum, т. IV, стр. 303—304.

писался въ члены львовскаго православнаго Братства ¹⁾. Янъ Мазараки оставилъ двоихъ дѣтей: дочь его Анна была въ замужествѣ за лубецкимъ полковникомъ Василиемъ Свѣчкою, сынъ-же Даміянъ служилъ «значнымъ войсковымъ товарищемъ» въ прилуцкомъ полку и въ 1717 году былъ уже женатъ на дочери Мовчана, Епатаеринѣ Михайловнѣ. Въ этомъ году онъ купилъ у одного изъ козаковъ талалаевскихъ «грунтъ, хату, зъ пляцемъ, зъ огородомъ, зъ гребелкою и гаемъ за 200 золотыхъ личбы литовское» и выхлопоталъ у гетмана Скоропадскаго утвержденіе этой покупки универсаломъ отъ 21 января 1719 года ²⁾.

Вскорѣ потомъ вѣроятно Даміянъ Мазараки скончался, потому что въ записной книгѣ прекращаются всякія о немъ упоминанія; онъ оставилъ четырехъ сыновей: старшій Петръ и младшій, Григорій, человекъ болѣзненный, не поступавшій на службу и прожившій всю жизнь при братьяхъ, умерли бездетно; два средніе сына, Иванъ и Андрей Даміановичи раздѣлили между собою наслѣдство, доставшееся имъ, какъ отъ отца, такъ и отъ дѣда Мовчана, служили въ прилуцкомъ полку въ званіи бунчуковыхъ товарищей и довольно дружно прожили до глубокой старости. Изъ слѣдующаго поколѣнія рода Мазараки болѣе всего выдается племянникъ Андрея—Григорій Ивановичъ, который сдѣлалъ быстро подвигаться въ служебной карьерѣ и, будучи еще молодымъ человекомъ, занялъ должность полковаго прилуцкаго асаула, но преждевременная кончина, постигшая его на 26 году жизни, прекратила его служебную дѣятельность.

Остальныя генеалогическія замѣтки Андрея Мазараки не представляютъ особаго интереса и прерываются съ 1787 годомъ, въ которомъ вѣроятно и скончался ихъ составитель. Наслѣдники его не послѣдовали примѣру отца и перестали заносить въ записную книгу факты какъ семейной, такъ и общественной жизни, по крайней мѣрѣ они сохранили свою фамильную записную книгу, за что конечно мы должны выразить имъ искреннюю признательность.

¹⁾ Памятникъ, издаваемые кievскою археографическою Коммиссіею, т. III, отд. I, стр. 91.

²⁾ Записная книга, листы: 11 и 21 на оборотѣ.

Въ виду значительнаго какъ историческаго, такъ и бытоваго интереса многихъ статей, помѣщенныхъ въ записной книгѣ Михайла Мовчана, мы помѣщаемъ въ приложеніи нѣсколько изъ нихъ, выбравъ тѣ, которыя намъ казались болѣе характеристическими для обрисовки общественныхъ отношеній, сложившихся въ Малороссіи въ прошломъ столѣтіи.

В. Антоновичъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Лѣтописныя отрывки, занесенныя въ записную книгу Михайла Мовчана.

Року 1664. Павелъ Тетера, гетманъ чигиринскій, козацкій, за-днѣпрскій, послалъ пословъ своихъ до короля полскаго Яна Казимѣра. абы ишолъ за Днѣпръ воевати царскихъ козаковъ. И затыгъ король орду, рушилъ самъ король съ войскомъ полскимъ и татарскимъ мѣсяца августа 17 дня и пришелъ до Вѣлой Церкви на Украину; и тамъ его споткалъ гетманъ Тетера съ войскомъ козацкимъ, съ уѣбми полками: полкъ черкасскій, полкъ чигиринскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсуньскій, наволоцкій, уманьскій, могилевскій, браславскій и калыницкій. И совокупившись все войско полское, татарское и козацкое, пошли за Днѣпръ мѣсяца поеврія. Переправился король (чрезъ) Днѣпръ въ Иржищевъ, десять миль ниже Кіева, и подъ Воронковъ мѣстечко врійшолъ. И здалися ему: Воронковъ, Борисполе, Козелець и Остеръ. И тамъ въ Острѣ король святковалъ Рождество Христова, а потомъ вышолъ на городи сѣверскія, а гетманъ Павелъ Тетера съ войскомъ своимъ переправилъ Днѣпръ ниже Черкасъ и мѣлъ онъ и татаръ; а ишлы воевати Украину и государя царя православнаго. Алексеѣя Михайловича. Король ишолъ отъ сѣвера, а гетманъ Тетера отъ полудня; и такъ ополчишася на государя российскаго; въ то-бо время государь опановалъ всю Украину и своими людьми военными все столечнія города осадилъ; въ Кіевѣ на тотъ часъ былъ воеводою Иванъ Ивановичъ Чагадаевъ съ людомъ царскимъ военнымъ; о чемъ увѣдавшись, король

полскій обминулъ Кіевъ, столечный городъ украинской. По семь король рушилъ зъ Остра на города сѣверскіе и прииошь до Дѣвици города, и чрезъ мѣчь досталъ, и всѣхъ людей выстиналъ, и городъ спалилъ. А Чернѣговъ и Перезную минулъ. Соспица, Новие Млини и Корояъ здалися. И доишошь король Глухова города, на границѣ Московекоего государства стоячого, людного. Тамже прятягъ панъ Пацъ, гетманъ литовскій зъ войскомъ литовскимъ и зъ татарами и Вогунъ, наказный гетманъ чигиринскій козацкій. Облегли Глуховъ, и штурмовали, и подкопъ чинили, и всѣми силами военными доставали—и не достали, и зъ стыдомъ король назадъ поишошь на Кричевъ и прииошь до Вихова, и здався Виховъ. и тамъ король святковалъ великѣ-день свой римскій, и былъ въ Могилевѣ, и того часу мѣсто все Могилевъ и краи погорѣли, и вернулся король до Полци въ томъ же 1664 року.

Листъ 26 на оборотѣ · 27.

Въ року 1664 король полскій Казѣмѣръ зъ войскомъ полскимъ и чужоземными силами Глухова города доставали полтори неделѣ и не достали.

Въ року 1672 царь турецкій своими бесурманскими силами подолскій Камянецъ опановалъ.

Въ року 1674 также бесурманъ турчинъ Умань, Ладиянъ и ивне города звоевалъ и множество народу въ неволю забралъ.

Въ року 1678 Азевъ, визѣръ порты атакманской, вторияъ приходомъ Чигиринъ взялъ.

Року 1683 турки Вѣдень въ Австріи тѣсною окружили осадомъ. Янъ Собецкій, король полскій, самъ, взявши зъ собою болше двадцати тысячъ человекъ, къ разгѣрѣшевію осади и къ освобожденію осаженныхъ поспѣшилъ; еже, пришедшимъ въкувшъ, на помощь до своихъ, електорамъ-баварскому и саксонскому и князю лотаринскому, храбро и мужественно сотворилъ. Егда-же послѣ жестокае при Барканъ нашель на неприятея, нѣяномъ славы побѣдительной завидяци, которыхъ ужидати былъ должень, въ великое житіи бѣдствіе впалъ; ибо уже нѣкто отъ турковъ, обважнвши мечъ, хотѣлъ ударити короля, и ударилъ-би былъ, аще бы нѣкто воинъ полскій изъ ручной фузен не убилъ неприя-

теля; утружденнаго-же короля и горячестію воинскаго сердца тако ослабѣвшаго, яко на конѣ едва сѣдѣти могъ, полковникъ нѣкто и другіи шляхтичѣ на рамснѣ воспріавшы, зъ собою вынесли.

Листъ 68 на оборотѣ—89.

Первая баталія вѣденская. Року 1683, месеца сентеврил, въ день недельный, на рождество Пресвѣтой Богородицы, зъ вѣзиремъ турецкимъ Янъ Собецкий, король полскій, съ цесарскими електорами совокунившисъ и ушковавши полки такъ полскія, яко и нѣмецкія, зъ вѣзиремъ турецкимъ далъ баталію. Турки Вѣдекъ въ Австріи тѣсною окружали осадю, якъ Собецкий, король полскій, самъ, взявши зъ собою болше ста тысячей челоувѣкъ, къ разрѣшенію осады и ко освобожденію осажденныхъ поспѣшилъ. Еже пришедшимъ папотоу въ купѣ двоимъ електорамъ: баварскому и саксонскому, князю лотаринскому, храбро и мужественно сотворилъ, ишковавши полки сполне зъ нѣмецкими силами, просто пошолъ на вѣзѣра турецкаго и далъ баталію король полскій. А зачалася тая баталія зъ ранку, а предъ вечеромъ за двѣ годины зовѣмъ туркомъ збили и Вѣдекъ свободили. И въ того-жъ вѣзира турецкаго било самихъ вѣднихъ пушокъ вусѣмъ сотъ подъ городомъ Видлюю, а всей турецкой сили было въ баталіи сѣмъ сотъ тысячъ.

Того-жъ року еще двѣ баталіи было зъ вѣзиремъ турецкимъ надъ Дунаемъ противъ замѣку Острогову; и далъ баталію вѣзѣръ на короля полскаго Яна Собецкаго и билъ короля, потому-же ишолъ, полки не ишковавши, въ день, імянно четверъ. И въ той баталіи вырубано полковъ болѣе пяти тысячъ, а пригнали короля полскаго ажъ до нѣмецкой пѣхоти, и тамъ, подлѣ оной пѣхоти одержалъ себе король, какъ дали огонь зъ дробнаго оружя и пушокъ. Король-же полскій Янъ Собецкий дневалъ—стоялъ въ пятницу надъ Дунаемъ совоупне зъ пѣхотою и всюю армією. Розрившисъ-же вѣзѣръ ишетъ листъ до короля полскаго, а въ листе выражае: «нехъ король полскій дасть со мною еще баталію». Переночовавши король полскій зъ пятвицѣ на суботу, ушковавши полскія полки, оставя пѣхоту нѣмецкую, пошолъ до вѣзѣра турецкаго, дати на писани его баталію. Когда-же увидѣлъ вѣзѣръ, же король идетъ прямо къ нему, ишолъ зъ войскомъ сво-

имъ зъ западной долини, зближающися до короля зъ силами войска своего, похиливши значки, просто помолъ. Когда-же приуствлъ король вѣзѣра къ себе, далъ на сили его огонь я, добувши шабель, войско вѣзѣрова едно въ томъ-же мѣстѣ вирубалъ, а другихъ зъ нимъ, вѣзѣремъ, на мѣстѣ нагнали. И въ той баталѣи всѣ турки процали, а зъ малымъ числомъ войска самъ визѣръ въ землю свою утекъ. И поляки такую имъ повѣсть объявляли: «О тожь, гурцѣ, ваша ниша на-робила вамъ лиха».

Листъ 39.

Року 1709 государь Петръ первый, императоръ всероссийскій, зъ войскомъ своимъ якъ московскимъ, такъ и козацкимъ подъ Полтавою на баталѣи збилъ короля шведского.

Листъ 38.

Року 1736, 1737, 1738 и 1739 за помощью Божию и шцетямъ государявѣ нашей, Анни Иоановни, города татарскія: Перекопъ, Козловъ и Бакцѣсаръ и весь Крымъ московскимъ и козацкимъ войскомъ взять.

Листъ 40.

2. Рѣшеніе прилуцкаго полковаго суда по иску войскового товарища Михайла Мовчана на козаковъ Котляренковъ, предъявленному по поводу незаконной покупки Котляренками нивы наследственной Мовчана у его матери въ его отсутствіе. Судъ постановилъ, что Мовчинъ имѣетъ право получить обратно ниву, возвративъ Котляренкамъ деньги, заплаченныя за нее матери Мовчана, 1698 г., сентябрь 8.

За вѣдомомъ самого добродѣя нашего, напъ Дмитрія Горленка, полковника войска его царского величества запорожского прилуцкого. Передъ нами: Иваномъ Носомъ, судею колковымъ прилуцкимъ, Тимошемъ Брескою, атаманомъ городовимъ, Давидомъ Давидовичемъ, войтомъ, а Грицькомъ Лихонкою и Юскомъ Чернишемъ, буряистрами, ставши очевиде напъ Михайло Мовчанъ, товаришъ войсковый, обыватель нашъ прилуцкій, доходилъ добръ своихъ лежачихъ, нивя, по небожчину Федору Мовчану, отцевѣ своесъ на него спадающихъ, у Кондрата и Гаврила Котляренковъ, жителей нашихъ прилуцкихъ, про-

дапныхъ маткою его, Оришкою Мовчанихою, иль Котляренкамъ, за сѣмъ копь, безъ битности пана Михайла, вгди онъ найдовался въ Сѣчи Запорожской. Тоди мы, выдачи оного ближшымъ быти до тыхъ добрь, а къ тому еще и давностю не зашли отъ того часу, якъ панъ Михайло пришелъ зъ Сѣчи, къ тому позволяемъ ему, пану Михайлу, абы помепеннымъ Котляренкамъ отдать гроши копь сѣмъ, за що и они были купили; а що черезъ икій часъ ваковали гроши за нивя динные, то не вотще—за тое Котляренки зъ паненои десятины пожитки собѣ мѣли. Которимъ то нывямъ, въ Котляренковъ откупленнымъ, возно будетъ пану Михайлу иъ малжонкою своею и дѣтками, яко своимъ власнымъ, куннымъ правомъ набытымъ, владѣти, шафовати, дати, даровати, продати и, куда хотячи, на свой пожитокъ оборочати, но узнаючи иъ отъ кого вѣякой жадной турбаціи темерь и въ потомніе часы. На що для лѣншой вѣри и певности и сей записъ, при печати панной мѣскою прилуцкой, пану Михайловѣ казалемо видати. Данъ въ Прилуцѣ сентаврїя 8, 1698 году. Звышъ меновенный урядъ войсковый и мѣскій прилуцкій. (М. II)

Часть 6.

3. Универсалъ гетмана Скоропадскаго, предписывающій передать во владѣніе знатнаго войсковаго товарища Михаила Мовчана войсковую мельницу, находящуюся въ селѣ Городиѣ, отнятую за взмѣну у козаки Григорія Компаньйца. 1708 г. декабря 19.

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшаго великаго государя его царскаго величества войска запорожскаго гетманъ Іоанъ Скоропадскій.

Всей старшинѣ и чернѣ войска его царскаго пресвѣтлаго величества, а особливе пану полковниковѣ на сей часъ наказному, а впредь совершенному прилуцкому, зо всею старшиною полковою, и пану сотниковѣ Іваницкому, зо всемъ товариствомъ и посполетвомъ, ознаймуемъ сямъ нашимъ универсаломъ: Поневажъ Григорій Компаньецъ, полчанинъ прилуцкій, въ противную сторону непріятельскую за змѣнникомъ Мазепою удался, тоди млинокъ войсковый въ сотнѣ Іваницкой, въ селѣ Городиѣ найдующийся, одъ оного Компаньйца одобравши, падаемъ пану Михайлу Мовчану, тогожъ полку прилуцкого знатному товаришомъ войсковому, яко въ неизмѣнной вѣрности и въ услугахъ войско-

вихъ при нашомъ боку найдуючомуея. Прето аби ему, пану Михайлу Мовчану въ отпятію помененого млина и въ одбѣранію зъ него належитихъ розмѣровихъ приходовъ нѣхто изъ старшини и чернѣ полку тамошняго не важдлѣся жадной найменшой чиняти перешкоди, сиязъ унѣверсаломъ нашимъ варуемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ въ Лебединѣ декавря 19, року 1708. Звиниъ менованій гетманъ руюко власною (мѣсто печати рейментарской).

Листъ 20.

4. Мировая записъ, по которой козаки Талалаевки обезпечиваютъ полковому прилуцкому асаулу Михайлу Мовчану неоспоримое право на владѣніе землями, приобретенными имъ въ чертѣ земель Талалаевки. 1729 г. ноября 18.

Року 1729, мѣсяца ноеврія осмоговадцять.

Мы, ниже подписанніе, все товариство курени Талалаевскаго, за тую пана асаулову уступку и любовь, сами и дѣти-наслѣдники наши нѣ до якихъ его, пана асауловихъ загоновъ, такожь и до его подданнихъ, жителей талалаевскихъ, жадною мѣрою интересоватися не мѣемъ и не повинни будемъ подъ штрафомъ рублей ста, по толку въ кого есть тамже около села Талалаевки пахатное поле, чи то у его, пана асаула, или зъ межи насъ у которого, албо у подданнихъ его пана асауловихъ, жителей талалаевскихъ, то всякъ своимъ пахатнымъ полемъ долженъ владѣти спокойно, не узнаючи ни отъ кого въ томъ жадной и найменшей турбаци теперъ и въ потомніе часы. Чого ради и сію мировую отъ себе даемъ и на оной подписуемъ.

Къ сему мировому писму, по прошенію атамана талалаевскаго и всего товариства, яко неграмотнихъ, и, іерей Александръ, священникъ талалаевскій во мѣсто ихъ руку приложилъ.

И, Дорофей Подоляченко, козакъ курени талалаевскаго, по прошенію атамана зъ товариствомъ, во мѣсто ихъ и себе руку приложилъ.

Листъ 90 на оборотѣ.

5. Челобитная Михайла Мовчана императрицы Анны Иоанновны, заключающая перечень военныхъ заслугъ просителя. 1739 г. марта 28.

Всесрещствѣннѣйшая державнѣйшая великая государыня Императрица

Анна Иоановна самодержца всероссійскаго!

Вѣсть челомъ вашему императорскому величеству асауль полковный прилуцкій Михайло Мовчанъ; а въ чемъ тое челобите, нижей того слѣдуетъ;

Служилъ я низжайшій съ 1679 году продкамъ блаженія и вѣчно достойнїа памяти вашего императорского величества по вѣрно присяжной своей рабской должности. Которіе мои службы представляю 1):

1683 году въ Цесарїи подь городомъ Виднею зъ королежъ польскимъ на баталѣи билъ. Тогожь года подь городомъ Острогономъ на баталѣи билъ.

1685 году зъ полскимъ рейментаромъ Ревуцкимъ подь городомъ Жвловцемъ на баталѣи билъ,

1686 году зъ тимъ-же рейментаромъ Ревуцкимъ подь Каменцомъ подолезкимъ на баталѣи билъ.

1687 году зъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ подь крымскимъ Перекопомъ въ походѣ билъ.

1688 году зъ полковникомъ охочекомоннимъ Семеномъ Палѣемъ подь городомъ Варомъ на баталѣи билъ.

1689 году зъ тимъ-же полковникомъ Палѣемъ подь городомъ Паволочу на баталѣи билъ.

1700 году зъ тимъ-же полковникомъ Палѣемъ подь городомъ Очаковомъ на баталѣи билъ.

1712 году въ баталѣи и на приступѣ зъ полковникомъ Куликомъ подь городомъ Гданскомъ билъ.

1714 году другимъ разомъ подь городомъ Очаковомъ зъ полковникомъ Палѣемъ-же на баталѣи билъ.

1) Перечень походовъ и сраженій, въ которыхъ принималъ участіе Михайло Мовчанъ, составленъ имъ въ глубокой старости по памяти и потому многіе факты не датированы, года другихъ проставлены ошибочно и хронологическая послѣдовательность фактовъ не соблюдена.

Зъ фелдмаршаломъ Борисомъ Петровичемъ Шереметовимъ въ баталѣи и на приступѣ подъ городомъ Казикерменомъ и Таванню билъ.

Зъ гетманомъ наказнымъ Скоропадскимъ въ баталѣи подъ городомъ полскимъ Кадьяномъ посланъ былъ въ партіи вдарить на короля шведского.

Подъ Ригою, по отходѣ самоблаженія и вѣчно достойнія памяти Петра перваго императора и самодержца всероссійскаго до Полтавы, противъ выпору зъ Риги на баталѣи билъ.

Зъ наказнымъ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ въ Печерахъ подъ Мидзою Раятіною въ баталѣи билъ.

Подъ Баромъ на службѣ ея императорскаго величества билъ.

Зъ гетманомъ (наказнымъ) Митлашевскимъ подъ Выхомъ на приступѣ и въ баталѣи билъ.

На службѣ императорскаго величества въ Польцѣхъ подъ городами: Варшавою и Гродномъ билъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ на службѣ императорскаго величества на Либедѣ билъ.

Зъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ на службѣ императорскаго величества, якъ Печерское робили, билъ.

Подъ Сяблєю (sic) зъ генераломъ Пляциновимъ въ баталѣи билъ.

Зъ наказнымъ гетманомъ Сулимою на службѣ императорскаго величества въ Царячипѣ билъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ въ баталѣи подъ Полтавою, когда короля шведского били, бувъ.

Зъ гетманомъ Скоропадскимъ на службѣ императорскаго величества подъ Камянымъ Затонемъ билъ.

Зъ наказнымъ гетманомъ Даниломъ Апостоломъ въ низовомъ походѣ у Дербентѣ на службѣ императорскаго величества билъ.

1731 года на службѣ ея императорскаго величества на линѣи за полковника билъ.

1734 года зъ генераломъ Шаховскимъ въ походѣ въ Польцѣ билъ.

1736 года въ военномъ крымскомъ походѣ на Чорной Долинѣ въ баталѣи подъ городами: Перекопомъ, Козловомъ и Вакцисаромъ на приступѣ билъ за полковника.

1737 года въ военномъ крымскомъ походѣ подъ Карасевою въ баталѣи билъ.

1738 года въ военномъ походѣ у Днѣстра билъ.

О вшписанихъ моихъ службахъ свѣдоми при тогдашнихъ акціяхъ бывшіе генералътети, гетмани и полковники. За которіе мои вѣрніе службы всемилостивѣйшая государиня императрица прошу вашего императорского величества на мене низжайшого призрѣнія и респекту.

Вашего императорского величества всенижайшій рабъ асаулъ полковій прилуцкій Михайло Мовчанъ. Писана сіа челобитная 1739 году марта 28 дня. Къ сіи челобитной подписался асаулъ полковій прилуцкій Михайло Мовчанъ, а вмѣсто его неграмотного, по его веленію улукъ оного Андрей Мовчановъ руку приложилъ.

Къ поданію надлежитъ високопревосходительнѣйшему и високоповелительному господину генералу и кавалеру Александру Ивановичу его високопревосходительству Руманцову, въ походную войсковую егеральтовую канцелярію.

Листъ 157—158.

б. Записки Андрея Мазараки о смерти и мсть погребенія его родственниковъ. 1734—1787 г.

1734 года сентеврія 5 числа Екатерина Михайловна Мовчановна, matka наша, умерла, которую похоронили въ обители святой троецкой Густинской подъ церквою на лѣвой сторонѣ. А въ даліую память себѣ записали.

1742 года, августа 7 дня дѣдъ нашъ полковный прилуцкій асаулъ, Михайло Федоровичъ Мовчанъ Божєю волею умре, которого тѣло погребено въ монастыру свято-троецкомъ густинскомъ, въ склепу каменномъ подъ церквою.

1746 года, августа 12 бабка наша Параскевіа Леонтіевна Мовчаныха умерла, которой тѣло погребено по обычаю христіанскомъ въ монастыру густинскомъ подъ церквою, на лѣвой сторонѣ, въ дуболомъ склепу.

1766 года, февраля 22 дни Марія Михайловна Мовчановна, тетка наша родная, умерла, которой тѣло погребено по обычаю христіанскому въ селѣ Блотницѣ подъ церквою, близъ дверей паламарныхъ, на лѣвой сторонѣ, въ склепу дубовомъ. Впредъ для памяти записано.

1771 года, февраля 14 родной племянникъ мой, Григорій Ивановичъ Мазаракій, полковой прилуцкій асаулъ, волею Божію заболѣлъ въ 1770 году декабря послѣднихъ чиселъ, а умре вышесказанныхъ года и числа въ день понедѣлковый, котораго тѣло погребено обычаемъ христіанскимъ, въ дубовомъ склепѣ, при мѣсту обрановѣ на ново строящую церковь въ селѣ Талалаевѣ. Предвираженный племянникъ, асаулъ полковой, имель отъ роду выше двадцати пяти летъ; осталось по немъ дѣтей малыхъ трое, при женѣ его Софїи Федоровнѣ Богасевской. Впрѣдъ для памяти записалъ Андрей Мазаракій.

Любезнѣйшій братъ мой, бунчуковій товарищъ, Иванъ Демяновичъ Мазаракій, сего 1784 году въ генварѣ мѣсяцѣ заболѣлъ и по волѣ Божей отъ временнаго житія во вѣчное блаженство преставился, февраля въ 24 день, предъ утреннею, въ день субботній; погребенъ-же въ церковномъ склепѣ марта 4 числа въ талалаевской успенской церквѣ. И для пребудущаго знанія записалъ бунчуковій товарищъ Андрей Мазаракій. Отъ роду ему было 66 годъ.

Любезный внукъ мой, Степанъ Семеновичъ Мазаракій 1783 года, іюля 27 дня, преставился, а Марѳа Семеновна Мазаракіевна 1787 года, генваря 17 дня, преставилася, коихъ тѣла погребены въ притворѣ церковномъ, съ правой стороны, въ склепахъ дубовыхъ.

Родной братъ мой меншій, Григорій Демяновичъ, проживающій отъ молодыхъ лѣтъ до старости безженнымъ, волею Божію заболѣлъ въ августѣ мѣсяцѣ, преставился сего 1787 году, ноября противъ 6, въ день пятничной, въ вечеру; погребенъ-же въ день субботи подъ церковью, съ лѣвой стороны отъ притвора женскаго, въ обыкновенной домовняѣ и дубовомъ склепѣ. Отъ роду ему 65 лѣтъ было.

Листъ 162 на оборотѣ -163.

7. Записки Андрея Мазараки о генеалогіи своего рода, составленныя въ 1764—1765 годахъ.

1764 года для предбудущаго ознавія шляхетства фамиліи Мазаракіевъ зъ Гербаріума, книги третей печатной, при генеральной войсковой канцеляріи имѣющагося, выписанно и въ ономъ значить тако:

„Янъ Мазаракій, о которомъ конституція 1678 на листѣ 3, былъ посланъ отъ короля Яна третьего до Персіи, ивѣлъ за собою Конституцію (sic, вмѣсто «Констанцію») Крузировне ловчанкен ифлянско“.

Показанній шляхтичъ nobilitatus въ 1658 году, по рекомендаціи гетмана Виговского, отъ короля польскаго за услуги, оказаніе въ войску запорожскомъ, о чемъ значить въ книги конституційныхъ полемикъ. Выше означеній Янъ Мазаракій предприсланный въ универсалѣ полку прилуцкаго товаришу, Демянъ Мазаракію, отцу мене, на сямъ своею рукою подписавшогося, отецъ, а мой дѣдъ, съ польскою области, остави свой домъ и всѣ угодіи, въ Малороссіи жилъ по смерть свою. По смертижъ оного дочь его старшая, Анна Мазараківна была въ замужествѣ за лубенскимъ полковникомъ, Василиемъ Свѣчкомъ, а сынъ Демянъ Мазаракій, женился на дочерѣ полковаго прилуцкаго асаула, Михайла Мовчана—Екатериѣ, и отъ нихъ обоихъ половъ и зъ братомъ моимъ, бунчуковимъ товаришомъ Иваномъ Мазаракіемъ сложени; братижа наши родни: старшій Петръ умре безпотоменъ, а меншій Григорій, въ болѣзни находяся, проживалъ и проживаетъ при нашихъ домахъ, полку прилуцкаго, красноколядинской сотнѣ, въ селѣ Талаславци—безпотоменъ. Отъ менежъ и жени моей Анни Кандибовни родилося двое дѣтей: дочь Марѣя Миклашевская и сынъ Семенъ Андреевичъ Мазаракій; а отъ брата Ивана и жены его Маріи родился сынъ Григорій, кой уморъ, и остались по немъ жена и дѣти. Про память мною, абшитоваемъ бунчуковимъ товаришемъ, Андреемъ Демянновичемъ Мазаракіемъ записано

1765 года, декабря 2 дня, полку стародубовскаго абшитованій млинскій сотникъ Иваѣя Лѣсаніевичъ въ малороссійской коллегіи въ протоколѣ осмого іюля объявилъ мнѣ, яко онъ въ академіи кievской обучался, зъ умершигъ отцемъ менимъ, Демянномъ Мазаракіемъ, содержалъ знаемость, разговаривалъ, что покойной отецъ мой уроженецъ былъ польскою націи, предкижъ его были греческаго рода, nobilitatus польскій шляхтичъ Янъ Мазаракій. И вѣли ихъ доковство въ городѣ польскомъ Лвовѣ противъ рянку. Въ комъ городѣ будучи, вышеименованій Лѣсаніевичъ въ прошедшомъ 1724 году слышалъ про означенихъ фамилію Мазаракія и видѣлъ показаннаго Мазаракія комъ

томъ состроеній домъ, которой подъ прописанную реченного Лѣсаніевича бытность назывался вже королевскимъ; а для чего, о томъ не извѣстень. Состроенъ-же билъ тотъ домъ Мазаракіемъ со статуями и протчими украшеніи и великокоштовно. И какъ о предпрописанномъ всемъ съ вѣдома моего въ сию книгу унясь сдѣлавъ, такъ рукою моею и подписалъ. Бунчуковий товарищъ Андрей Мазаракій.

Листъ 22—23 на оборотѣ.

8. Росписка, данная владѣльцамъ и прихожанамъ села Талалаевки ставленникомъ Василиемъ Андріевскимъ, содержащая обязательство получать вознагражденіе за труды по оцѣнкѣ, обозначенной въ роспискѣ.

1768 года, февраля 10 дня.

Я, ниже подписавшійся, сею моею подпискою, данною владѣльцѣмъ села Талалаевки, господамъ бунчуковимъ товарищамъ Андрею и Ивану Мазаракіямъ и прихожанамъ талалаевскимъ какъ козакамъ, такъ и посполитымъ, обовязуюся въ томъ, что буди ли Богъ мене при церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ селѣ Талалаевкѣ удостоить быти священникомъ, то я за свои труды не большъ, какъ толко по данному мнѣ контракту отъ прихожанъ вышепенной церквиъ взымать буду; а именно: за крещеніе младенца три копейки, за обвенчаніе первого брака десять копейкъ, за второй и третьей бракъ двадцать копейкъ, за выводни по брацѣ пять копейкъ, а когда случится зъ стороны кого вѣнчать, то большъ одного рубли не требовать; за похоронъ малій пять копейкъ, за похоронъ великій десять копейкъ, за уписъ въ помяновеніе умершихъ, когда будетъ соизволеніе чіе и къ заплата възможность, то за суботний пятьдесятъ копейкъ, за сорокоусть два рубли, за молебень десять копейкъ, за панахиду десять копейкъ, за освященіе дому двадцать копейкъ, за обѣдъ, когда случится кунно за упокой и за здоровій отправлять, то десять копейкъ. За роковщину нашихъ: у кого имѣется хоти до тронхъ воловъ—поль четверника государевой мѣры, а у кого чегирь, а хотий и цѣлой плугъ воловъ—еднй четверикъ нашихъ тоей-же мѣры, и какой не случится нашихъ, прынимать безспорно долженъ; отъ вѣшого—три копейки, отъ подсуѣдка двѣ; которыми доходами буду доволять и виматательства чинить не буду, развѣ кто

зъ доброй своей волѣ похощеть дать. О томъ имъ, господамъ владѣльцамъ и прихожанамъ талалаевскимъ даю сію росписку и на оной своеручно при печати подписуюся. Умершого іерея талалаевского Свято-Успенской церкви Петра Андреева сынъ, Василь Петровъ Андрѣевскій руку приложилъ.

Листъ 161.

9. Такая-же росписка, данная славленникомъ Кирилломъ Александровымъ 1769 года.

1769 года, августа 13 дня. Я, ниже подписавшійся, далъ сію господамъ владѣльцамъ села Талалаевки, бунчуковымъ товарищамъ, Андрею и Ивану Демиловичамъ Мазаракіямъ и ихъ наслѣдникамъ, да тогоже села прихожанамъ, козакамъ и посполитству росписку въ томъ, что долженъ я буду, когда удостоюся къ церкви талалаевской священническаго чина, быть во всемъ впредь показаннымъ господамъ владѣльцамъ и ихъ наслѣдникамъ снисходителемъ и малѣйше не противить, а въ служеніи церковномъ не лѣнивъ и послушливъ безъ откѣпи. За мою же въ чину іерейскомъ услугу, по давнему установленію, какъ предкамъ моимъ: дѣду и отцу, отъ прихожанъ плачено, такъ и я безъ прибавокъ и выматательства взымать буду: за вѣнецъ первобрачный десять копѣекъ, а отъ второбрачныхъ и третобрачныхъ въ своихъ прихожанъ по двадцати копѣекъ, а отъ стороннихъ смотря по имуществамъ, однакъ не болѣе рубля; за погребеніе великое десять копѣекъ, за малое пять копѣекъ, за крещеніе младенца три копѣйки, за освященію дому двадцать, а за обѣдъ поминаній десять копѣекъ: за сорокоусть и суботникъ, буди кто пожелаеть, съ прихожанъ оной талалаевской церкви мене о отпращивъ просити, то за сорокоусть два рубля, а суботникъ пятьдесятъ копѣекъ получать имѣю. Роковщина-жь какъ прежде отъ прихожанъ, имущихъ воли, давалась панпиею, какою хто соизволитъ, то принимать безъ разбору мѣрою казенною, а не старою Роменскою, то есть: отъ вола по одному четверику; а яко и прихожанія имѣтиметь воловъ два и болѣе, тотъ давалъ-бы по два четверика. И буди бы я дерзнулъ напроотиву сего господамъ владѣльцамъ отъ мене даннаго обязательства здѣлать

отмѣну, или причинять прихожанамъ во взяткахъ каково вимагательство и другую непристойность, за то подвергаю себе неопустному оштрафованію по моей командѣ и отъ прихода отставки. Во увѣреніе предвыраженнаго, на семъ своеручно подписался року и дня вышеписанного. Къ сей росписки іерея талалаевскаго Александра Андреева еписъ Кирило Александровъ подписался.

Листъ 116 на оборотѣ—162.

ДРЕВНІЯ И НОВІЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

(Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія).

(Посвящается П. А. Лашкарову).

Въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый годъ помѣщены «Историческія замѣтки о Кіевѣ», принадлежація перу извѣстнаго знатока мѣстной исторіи П. Л—ва. Замѣтки эти, изобилуя новыми данными, извлеченными авторомъ изъ разныхъ архивовъ, или-же представляя новую постановку и освѣщеніе данныхъ уже извѣстныхъ, безспорно важны для исторіи нашего города и напоминаютъ собою чрезвычайно любопытнѣе «Объяснительные параграфы о Кіевѣ» другаго знатока южно-русской исторіи М. А. Максимовича. Тѣмъ не менѣе одна изъ 6-ти замѣтокъ уважаемаго автора, именно *о началѣ богоявленскаго братскаго монастыря и кіевской академіи*, не можетъ не вызывать возраженій относительно сообщаемыхъ въ ней фактовъ и сдѣланныхъ на основаніи ихъ выводовъ.

Дѣло въ томъ, что, по недостатку документальныхъ данныхъ о первыхъ временахъ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ, начальная исторія этихъ учреждений восполняется историками при помощи преданія и собственныхъ соображеній и догадокъ, а потому въ нее правнесено много неточнаго, съ дѣйствительными фактами несогласнаго и самый вопросъ о времени, къ которому должно приурочить происхожденіе этихъ учреждений, не имѣя прочной фактической опоры, подтвержень неизбѣжнымъ коле-

бавляемъ, что и отразилось на его давней уже исторіи. Очень долгое время въ нашей исторической литературѣ господствовало мнѣніе, что кіево-богоявленское братство существовало еще въ концѣ XVI стол., что бывшую при немъ школу константинопольскій патріархъ Іеремія въ 1589 г., на возвратномъ пути изъ Москвы чрезъ Кіевъ, благословилъ и возвысилъ на степень первокласснаго училища и что затѣмъ она, просуществовавъ четверть столѣтія, въ 1614 году сторѣла, а въ слѣдующемъ 1615 г. переведена была во дворъ, подаренный для сей цѣли Гальшкою Гулевичевою, женою Стефана Лозки, маршала Мозырскаго. Но сравнительно въ недавнее время это, почти установившееся въ наукѣ, мнѣніе значительно было поколеблено новыми изслѣдованіями и соображеніями покойнаго М. А. Максимовича и проф. П. И. Малышевскаго, которые оба относятъ возникновеніе означенныхъ братства и школы къ 1615 году. Писущій эти строки, раздѣляя мнѣніе названныхъ изслѣдователей, въ свою очередь старался подкрѣпить оное новыми данными и соображеніями, каковыя и были сообщены имъ въ рефератѣ, читанномъ въ церковно-археологическомъ обществѣ при кiev. дух. академіи и впоследствии напечатанномъ въ мѣстномъ академическомъ журналѣ ¹⁾. По высказанному нами тогда мнѣнію, ученая критика, въ лицѣ Максимовича и Малышевскаго, поколебавъ господствовавшее до нихъ мнѣніе о существованіи кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ въ концѣ XVI стол., потому не могла окончательно подорвать историческое его значеніе, что почти вовсе не коснулася главной опоры, которая преимущественно и даетъ ему признанные соки, т. е. тѣхъ документальныхъ данныхъ, на которыя принято указывать, какъ на доказательства несомнѣннаго существованія кіевского братства не позже 1589 года. Мы коснулись этихъ данныхъ—старались провѣрить, дѣйствительно-ли въ нихъ можно находить указанія на существованіе кіевского братства въ концѣ XVI ст. Результатъ получился отрицательный. Мы тогда-же заявили, что мнѣніе о первоначальномъ основаніи кіевского братства и школы при немъ не позже 1589 г., какъ не имѣющее никакой прочной опоры для научнаго устоя, неизбѣжно должно быть оставлено. Но заявленію нашему, не суждено было исполниться: въ упо-

¹⁾ Труды кievской духовной академіи, 1882 г. № 3-й.

минутыхъ «Историческихъ замѣткахъ о Кіевѣ» П. Д—въ, имѣя въ виду нѣкоторыя новыя данныя, возвращается къ прежнему мнѣнію о существованіи кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст., признавая это мнѣніе *вполнѣ достовернымъ*. Затѣмъ, относя первое историческое извѣстіе о существованіи кіевской братской школы къ 1589 году, когда ее благословилъ и возвысилъ константинопольскій патріархъ Іеремія, авторъ «Историческихъ замѣтокъ о Кіевѣ» въ этомъ же году полагаетъ и начало кіевской академіи, возникшей изъ означенной школы,—прибавляя въ заключеніе, что «въ 1889 году въ сентябрѣ или октябрѣ кіевская духовная академія можетъ праздновать трехсотлѣтіе своего существованія».

Такимъ образомъ, вопросъ о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства снова всплываетъ наружу и требуетъ новаго пересмотра. Такой пересмотръ необходимъ не только потому, что защита древняго преданія о возникновеніи кіевского братства въ концѣ XVI ст. принадлежитъ извѣстному специалисту, вооружена нѣкоторыми новыми данными и помѣщена въ распространенномъ мѣстномъ органѣ, но и въ виду практическихъ соображеній: 1889-й годъ не за горами и въ нашей академіи начинаютъ уже сильно интересоваться предстоящимъ ей юбилеемъ. Рука объ руку съ чисто научнымъ интересомъ выдвигается житейскій вопросъ: лѣтъ черезъ пять можетъ-ли кіевская духовная академія праздновать трехсотлѣтіе своего существованія?

Вопросъ разширяется и обобщается, если взять во вниманіе, что съ началомъ кіевской академіи связана исторія южно-русскаго и вообще русскаго просвѣщенія, такъ какъ чрезъ пять лѣтъ русская наука, русское просвѣщеніе праздновали-бы трехсотлѣтній юбилей своего древнѣйшаго, доселѣ угнѣлѣвшаго училища, и это былъ-бы не частный академическій, не русскій только, но общій всероссійскій, скажемъ болѣе—всеславянскій юбилей.

По необходимости надо обратиться вновь къ вопросу о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ, подвергнуть новой критикѣ мнѣніе о возникновеніи братства и школы еще въ концѣ XVI ст., прослѣдить самую исторію этого мнѣнія, проверить выдвигаемыя авторомъ «Замѣтокъ о Кіевѣ» новыя данныя и соображенія, обследовать вообще всѣ данныя и предположенія,

имѣющія отношеніе къ этому предмету, чтобы отвѣтъ на поставленный вопросъ былъ упроченъ на твердыхъ устояхъ и не могъ быть поколебленъ вновь.

I.

Исслѣдователи, отпосильшіе первоначальное возникновеніе кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ къ концу XVI ст., обыкновенно въ подкрѣпленіе своего мнѣнія ссылались на *древнее* якобы *преданіе*, гласившее о пріѣздѣ въ 1589 г. въ Кіевъ константинопольскаго патріарха Іереміи и дающемъ имъ здѣшнему братству благословеніи завести высшее училище. Но дѣйствительно-ли существовало подобное преданіе и при томъ древнее? Весьма сомнительно. Въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ XVII столѣтія, имѣющихъ отношеніе къ кіево-богоявленскому братству, мы не видимъ ни малѣйшаго намека на такое преданіе. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ памятниковъ мы находимъ прямые и ясныя указанія на возникновеніе братства въ Кіевѣ только около 1615 года. Въ относимомъ къ этому году «Улискѣ кіевскихъ братчиковъ» опредѣленно говорится: «Мы грѣшныя, послѣдуя божественному и спасительному и челоѣколюбивому наставленію..... *хотя и поздно*, пробудившись отъ долговременнаго нерадѣнія и лѣности и мрачной суевы мірской, *восхотѣли прозрѣти къ свѣту благоразумія*. И предстательствомъ Пречистыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, силою честнаго и животворящаго Креста и молитвами всѣхъ святыхъ: *по благословенію и повелѣнію* святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха, господина *Тимоѣя*, главѣйшаго во Христѣ пастыря нашего и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ..... *начинаемъ сей душе-спасительный дружескій союзъ, братство церковное, въ богоуспомогаемомъ городѣ Кіевѣ.....*» и пр. ¹⁾ Уніатскій митрополитъ Вельяминовъ Рутскій, въ составленномъ имъ около 1619 года проектѣ относительно введенія униѣ въ Кіевѣ, говоритъ, что большимъ препятствіемъ для латино-уніатской пропаганды въ этомъ городѣ служить *три года тому назадъ основанное здѣсь схизматиками брат-*

¹⁾ Памятникъ, изданный Кіевскою Комиссіею, т. II, № 2.

ство ¹⁾). Іерусалимскій патріархъ Теофанъ, въ 1620 году посѣтившій Кіевъ, въ своихъ грамотахъ кіево-богоявленскому братству ²⁾ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о благословеніи послѣдняго еще патріархомъ Іеремію, между тѣмъ какъ съ этимъ важнымъ и вполнѣ естественнымъ упоминаніемъ мы постоянно встрѣчаемся въ грамотахъ и актахъ тѣхъ братствъ, какія несомнѣнно получили начальное благословеніе отъ Іереміи и другихъ восточныхъ патріарховъ. Равнымъ образомъ другой іерусалимскій патріархъ Паисій, тоже посѣтившій въ 1649 г. Кіевъ, въ своей грамотѣ богоявленскому братству ничего не говоритъ о какихъ-либо отношеніяхъ къ нему Іереміи, между тѣмъ какъ о Теофанѣ упоминаетъ ³⁾). Нѣтъ указа нія на существованіе братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI ст. ни въ грамотѣ Сигизмунда III, данной кіевскимъ братчикамъ въ 1629 году ⁴⁾, ни въ письмахъ самихъ братчиковъ, посланныхъ въ 1625—1626 гг. царю Михайлу Ѳедоровичу и думному дьяку Ивану Грамматину ⁵⁾. Словомъ, въ начальныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ письменныхъ памятникахъ, касающихся кіево-богоявленскаго братства, мы не находимъ никакого слѣда того якобы древняго преданія, на основаніи котораго приурочивается возникновеніе означеннаго братства ко времени не позже 1589 года. Съ подобнымъ преданіемъ, точнѣе историческимъ мнѣніемъ, мы впервые встрѣчаемся лишь во второй половинѣ XVIII ст. Въ январѣ 1765 года въ кіевской академіи полученъ былъ изъ «Духовной митрополіи кіевской коненсторіи» указъ съ требованіемъ доставить для адресъ-календаря свѣдѣнія о томъ, «съ какого времени и кѣмъ именно кіево-братскій монастырь основанъ, и кто, и съ какого года, и по какой годъ, были въ ономъ монастырѣ пачальники». Въ исторической запискѣ, составленной въ исполненіе означеннаго указа, говорится, что документальныя данныя о кіево-братскомъ училищномъ богоявленскомъ монастырѣ не восходятъ ранѣе 1615 года, «когда вос-

¹⁾ Подлинникъ хранится въ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ при св. синодѣ; въ переводѣ напечатанъ въ 8 № «Основы» за 1861 г. и въ «Вѣстникѣ западной Россіи, т. III.

²⁾ Памятникъ кіевской кохмасіи, т. II, №№ 3—5.

³⁾ Ibid., т. II, № 14.

⁴⁾ Ibid., т. II, № 6.

⁵⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣла малороссійскія.

послѣдовала отъ Гальшки Гулевичевой надача (дома и двора) на монастырь ставропигія патріаршей, на школу для дѣтей шляхетскихъ и мѣщанскихъ и на гостиницу странныхъ духовныхъ вѣры церкви восточной». «Но—добавляютъ составители означенной записки—изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ разсуждать можно, что оный монастырь со школою заложенъ въ 1588 году, когда Іеремія, архіепископъ Константина града и вселенскій патріархъ, былъ въ Россіи для поставленія перваго патріарха на Москову»¹⁾. Хотя составители записки и не объясняютъ, какія именно обстоятельства навели ихъ на мысль объ основаніи кіево-богоявленскаго монастыря и школы при немъ въ 1588 году, по изъ сохранившихся между академическими рукописями черновиковъ²⁾, имѣющихъ отношеніе къ данному предмету, видно, что авторы записки въ этомъ случаѣ исключительно имѣли въ виду тотъ фактъ, что въ означенное время, «именно въ лѣто 1588 за королеванья въ Польшѣ короля Жигмонта третьяго и за митрополита кіевскаго Онисифора Дѣвочки пріѣхалъ въ нашу землю русскую святѣйшій вселенскій патріархъ константинопольскій Іеремія, первый отъ крещенія Руси, посѣтившій свою наству», и что сей патріархъ при своемъ посѣщеніи западно-русскихъ областей, «хотяи здѣсь обновити любовь апостольскую, устроити по мѣстамъ (т. е. городамъ) братства церковныя». Если патріархъ Іеремія устроилъ по разнымъ городамъ церковныя братства, то возникало естественное предположеніе, что могъ устроить онъ такое и въ Кіевѣ. И такъ вотъ гдѣ кроется первый зародышъ такого якобы древняго преданія, которое, пріурочивая основаніе кіево-богоявленскаго братства къ 1588 или 1589 г., съ теченіемъ времени обставилось повыми подробностями и столь крѣпко укоренилось въ нашей исторической литературѣ!... Подобнаго-же мнѣнія о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства кіевская духовная академія держалась и въ 1771 г., когда отъ нея требована была вторичная историческая замѣтка по тому-же самому вопросу. Это мнѣніе въ 1773 г. по всей вѣроятности при посредствѣ адресъ-календарей занесено было Герардомъ Миллеромъ и Василіемъ Рубаномъ въ «Старину и Новизну».

¹⁾ Сборникъ рукопис. актовъ кіевской духовной академіи, т. III, № 13.

²⁾ Ibid.

Но въ томъ-же 1773 году, когда изъ св. сѣнода воспо- слѣдоваль новый запросъ о древнемъ и современномъ положеніи кіевской академіи, ученая академическая корпораціи, составляя историческую записку о семь учрежденіи, уже съ недоувѣріемъ отнеслась къ прежнему предположенію о началѣ богоявленскаго братства и школы при немъ и высказала по этому предмету новое мнѣніе. На вопросъ: «съ коего именно года кіево-братскій монастырь училищнымъ учрежденъ?» — воспослѣдоваль отвѣтъ, что *не ранне 1615 г.*, какъ свидѣтельствуютъ о семь несомнѣнныя документальныя данныя (дарственная запись Галышки Гулевичевны). «*Чтожъ нѣкоторые догадкою только утверждаютъ*», объясняютъ составители рассматриваемой записки, «якобы братскій монастырь съ церковію, школою и прочимъ отъ 1588 года, когда патріархъ константинопольскій Іеремія пріѣзжалъ въ российскую землю, начало свое взялъ, а потомъ, по разнымъ случаямъ разоренъ бывши, накіи гетманомъ Петромъ Конашевичемъ возобновлепъ, *то о томъ нѣтъ изъ чего уопрится*, а совершеннѣе можно видѣть такъ по грамотѣ святѣйшаго куръ Паисія, патріарха іерусалимскаго, 1649 года, іюля 23 данной ¹⁾, въ которой поминастся, что оный гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный съ прочими христіанцами, по благословенію патріарха іерусалимскаго куръ Теофана, не разорепную возобновилъ, но вновь своимъ иждивеніемъ церковъ и обитель братскую богоявленскую воздвигъ, яко и изъ грамоты святѣйшаго патріарха куръ Теофана 1620 года мая 17 данной, въ которой между прочаго написано слѣдующее: «Сего ради въ благочиннѣйшее исправленіе и вяцшее еже о церквахъ Божіихъ попеченіе, и сихъ разширеніе, смиренія нашего благословеніемъ новодруженное братство (*что разумется не иначе — новозаложенное или новоооружившееся братство*) богоспасаемаго града Кіева благословихомъ и хартією нашею благословенною въ вѣчные роды уирѣшихомъ, къ нему-же моленіемъ любоподражательныхъ братій, ко еже во множайшее распроостраненіе славы имени Господня въ богоспасаемомъ семъ градѣ Кіевѣ, по образу прочихъ благочестивыхъ братствъ во мнозѣхъ градовѣхъ государства великаго государя короли польскаго сущихъ, братство младен-

1) Напечатано въ Памятникахъ кіевской комисіи, т. II № 14.

ческое, старьйтому братству единомысленное и повинующееся, о Господѣ заложити извольше, благословихомъ и сямъ начертаніемъ нашимъ благословляемъ». Слѣдовательно, хотя, какъ въ продолженіи оной грамоты значится, *и были въ прочихъ Королевствъ Польскаго городахъ братства, но въ градѣ Кіевѣ прежде сего новодруженнаго ни старьйшаго, ни младшаго братства древнѣйшаго не было, да и бытія такового ничьмъ доказать не можно* *)).

Это мнѣніе кіевскихъ ученыхъ, по своей обстоятельности заслуживавшее полнаго вниманія, не было однако раздѣляемо почти всѣми послѣдующими изслѣдователями давнихъ судебъ кіевской академіи **), хотя какъ можно думать, оно и не оставалось, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, безъизвѣстнымъ. Такъ преосвященный Евгеній въ своемъ *Краткомъ извѣстіи о началѣ кіевской академіи* *) держится мнѣнія, пріурочивающаго первоначальное основаніе кіево-богоявленской братской школы къ 1589 году, причемъ, сообщая нѣсколько новыхъ подробностей, впервые указываетъ на документальныя данныя, якобы подтверждающія означенное мнѣніе. Онъ говоритъ что патріархъ Іеремія на обратномъ пути изъ Москвы въ 1589 году *посѣтилъ Кіевъ* и въ это время далъ благословеніе завести въ семъ городѣ высшее училище (подобное острожскому, львовскому и виленскому) при знатнѣйшей тогда изъ кіевскихъ русскихъ школъ, находившейся у богоявленской церкви, которая имѣла уже тогда для содержанія оной и особое братство и доходныя маестности, *какъ видно изъ одной купчей отъ кіевского жителя Андрея Обухова записи 1594 г. на сверчановскій планъ на Подоль, уступленный сему братству*. Но когда богоявленская школа сія сгорѣла, то жена маршала мозырскаго, Анна Гулевичева, отдала подъ школы свой домъ со всею усадьбою и пристройками,

*) Рукопись кіевской духовной академіи, № 26.

**) Не говоря въ всѣмъ, по почти *всѣмъ*, потому что въ концѣ прошлаго столѣтія въ самой академіи кіевской ея начало полагали въ 1620 году, когда она была утверждена и благословлена патріархомъ Теофаномъ. Такъ въ *Кіевскомъ Мтислещесловѣ на лѣто 1798 г.*, составленномъ Принцемъ Фальковскимъ, въ *хронологич. вещей достопамятныхъ* обозначено: *отъ заведенія кіевской академіи—178 годъ*.

*) Помѣщено въ приложенияхъ къ Описанію кіево-софійскаго собора, подъ № 41-мъ.

находившіеся на мѣстѣ нынѣшняго братскаго монастыря.—Тоже самое вслѣдъ за преосвященнымъ Евгеніемъ повторяли и послѣдующіе исторіографы нашей академіи: преосвященный Макарій и В. Аскочепскій, а также и другіе писатели, касавшіеся древнихъ судебъ кіево-богоявленскаго братства (Фундуклей, Закревскій и др.), съ которыми впрочемъ измѣненіями и дополненіями. Такъ Аскочепскій основаніе кіевского училища относитъ «къ той эпохѣ, когда конституціею сейма люблинскаго, въ 1569 году, окончательно утверждено начавшееся еще съ 1501 года соединеніе Литвы и Польши и когда Кіевъ съ прочими своими городами причисленъ къ польскому королевству»¹⁾. По его мнѣнію Іеремія былъ въ Кіевѣ два раза: въ 1588 году, когда отправлялся въ Москву и въ слѣдующемъ 1589 г. на обратномъ пути оттуда. Во время этого вторичнаго посѣщенія Кіева, онъ по просьбѣ здѣшнихъ гражданъ и преобразовалъ существующую при богоявленской церкви школу въ высшее просвѣтительное учрежденіе. «Благословеніе патріарха, по словамъ Аскочепскаго, было первымъ и основнымъ камнемъ того училища, которому суждено было потомъ возвыситься до званія академіи и которое съ того времени рѣзко стало отличаться отъ другихъ совмѣстныхъ и современныхъ ему». Въ подтвержденіе несомнѣннаго существованія кіево-богоявленскаго братства еще въ XVI столѣтіи, Аскочепскій, кромѣ упоминаемой преосвященнымъ Евгеніемъ записи Андрея Обуха 1594 года, указываетъ еще на выписъ изъ гродскихъ кіевскихъ книгъ 1593 года, изъ коей видно, что въ этомъ году «кіевскій нагорскій священникъ Филиппъ Афанасьевъ положилъ передъ урядомъ королевскимъ листы урядниковъ воеводства кіевского для подтвержденія принадлежащихъ къ церкви Трехъ-святительской и Крестовоздвиженской вотчинъ со всѣми ихъ угодьями и для передачи ихъ потомъ кіево-богоявленскому братству»¹⁾.

Указывая на пожаръ 1614 года, якобы истребившій богоявленскую церковь и бывшую при пей школу, исторіографы кіевской академіи печальную пустоту этого пожараща восполняютъ перечнемъ знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ или воинскими подвигами

¹⁾ Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею, т. I, стр. 57.

лицъ, воспитаніе которыхъ, по ихъ словамъ, «неотъемлемо принадлежитъ древней кievской школѣ». Къ числу такихъ лицъ просвященный Макарій относитъ: *Кирилла Транквилиона-Ставровецкаго, Захарію Копыстенскаго, Богдана Хмѣльницкаго*, а Аскоченскій прибавляетъ еще къ нимъ: *Елисея Плетенецкаго, Леонтія Карповича, Кассіана Соковича* и сподвижниковъ *Хмѣльницкаго, Павла Тетерю и Якима Сомка*.

Такъ постепенно укоренилось, распространялось и приумножалось новыми наслоеніями древнее якобы преданіе о возникновеніи кievо-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI столѣтія.

Сводя все сказанное относительно сего преданія, получаемъ нижеслѣдующія положенія о первомъ якобы 25-лѣтнемъ (1589—1615) существованіи братства и школы при немъ:

1) Братство существовало до 1588—1589 гг., ибо посѣтившій въ это время Кіевъ константинопольскій патріархъ Іеремія уже засталъ его сформировавшимся.

2) Начало кievской академіи слѣдуетъ полагать въ 1589 году, потому что въ этомъ именно году означенный патріархъ возвысилъ братскую школу, преобразовавъ ее въ высшее православное училище, по образцу другихъ существовавшихъ въ литовско-русскихъ областяхъ.

3) Братская школа за первое 25-лѣтіе своего существованія воспитала многихъ знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ и разнаго рода услугами отечеству лицъ.

4) Братство въ разсматриваемое время владѣло дворомъ въ Кіевѣ, земельными угодьями и вотчинами, какъ это видно изъ двухъ документовъ 1593 и 1594 гг.

5) Въ 1614 году пожаръ истребилъ братскую церковь и бывшую при ней школу; но уже въ слѣдующемъ году братство, благодаря дару Галлпки Гулевичевой, начинаетъ возрождаться и снова преуспѣваетъ на пользу православной церкви и русской народности.

II.

Укрѣпленное и формулируемое такимъ образомъ мнѣніе о существованіи кievо-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст. впервые было поколеблено М. А. Максимовичемъ въ 1865 г. въ его

статьѣ «О первыхъ временахъ кіевскаго богоявленскаго братства»¹⁾. Вотъ что писалъ онъ тогда по этому предмету. «Къ двумъ съ половиною вѣкамъ исторической жизни кіево-братскаго училища добавляется еще 25-лѣтнее бытіе прежней богоявленской школы, которая ст. 1589 года, благословеніемъ патріарха Іереміа, была возвышена предъ прочими приходскими школами кіевскими. Но объ ней еще не открыто, кажется, того-временныхъ извѣстій, ни объ томъ пожарѣ, которымъ она истреблена, какъ полагають, 1614 года. Печальная пустота этого пожараща восполняется нынѣ знаменитыми именами предполагаемыхъ тамъ наставниковъ и питомцевъ (слѣдуетъ перечень тѣхъ и другихъ по исторіямъ кіевской академіи преосвященнаго Макарія и Аскоченскаго). Но для призыванія неотъемлемой принадлежности ихъ всѣхъ къ прежней богоявленской школѣ надобно того-временное свидѣтельство о каждомъ, начиная съ Елисея Плетепецкаго, который скончался въ октябрѣ 1624 г., семидесятилѣтнимъ старцемъ, и съ 1595 года былъ уже архимандритомъ»... «Нельзя и подумать, продолжаетъ почтенный изслѣдователь, чтобы въ кіевской школѣ, получившей патріаршее благословеніе 1589 года, не принималъ дѣятельнаго участія свято-памятный князь Константинъ Острожскій, будучи воеводою кіевскимъ до кончины своей въ 1608 году. Но объ этомъ не нашлось еще и намекъ въ того-временной письменности, такъ же какъ не видно изъ нея и прежней богоявленской церкви, при которой находилась та братская школа. Единственный слѣдъ ихъ—купчая запись 1594 года, данная кіевскимъ земляниномъ Андреемъ Обухомъ и его женою Настасією Сверцовскою на ихъ сверцовскій домъ на Подольѣ и сѣножать на Оболони. Но и той купчей записи не знаемъ мы въ подлинникѣ; а говорится о ней уже чрезъ сто лѣтъ, въ царской грамотѣ 1694 года».

Спустя четыре года послѣ этого, проф. Малышевскій въ своей «Исторической запискѣ о кіевской академіи», читанной имъ на юбилеѣ академіи 1869 г., еще рѣшительнѣе доказывалъ несостоятельность мнѣнія о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ со времени пріѣзда въ Россію патріарха Іереміа. Сущность его доказательствъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) На откуда не извѣстно,

¹⁾ Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1865 г., №№ 21, 23 в 24.

что Іеремія, на пути-ли въ Москву или обратно, былъ въ Кіевѣ: въ первомъ и другомъ случаѣ онъ ѣхалъ на Замостье, Вильну, Смоленскъ, посѣщая на этомъ пути и другіе города, въ числѣ коихъ ни въ какомъ актѣ не упоминается о Кіевѣ. 2) О грамотѣ и благословеніи Іереміи не упоминается ни въ одномъ изъ начальныхъ и исполнѣ достовѣрныхъ актовъ кіевского братства, что—буде таковая грамота и благословеніе даны—представляется дѣломъ необъяснимымъ. 3) Купчая запись Андрея Обуха неизвѣстна намъ ни въ подлинникѣ, ни въ выписи: мы знаемъ о ней только по ссылкѣ въ грамотѣ 1694 года. 4) Миѣніе о пожарѣ 1614 г., истребившимъ будто-бы братскій монастырь и школу, не могло быть доселѣ подтверждено никакимъ историческимъ документомъ. 5) Самыя выраженія записи Гальшки Гулевичевой 1615 года и братскаго «уписа» начала 1616 г. даютъ прямое заключеніе, что братство со школою только теперь начиналось. Анна Гулевичева говоритъ, что дастъ дворъ съ землею на монастырь ставропигіи патріаршей и школу, т. е. на *будущій* монастырь, *будущую* ставропигію, *будущую* школу, иначе она назвала-бы этотъ монастырь, упомянула-бы объ учрежденіи ставропигіи; далѣе она выражается, что только вводитъ монашествующихъ и школу въ жертвуемый ею для нихъ дворъ съ землею. А члены «уписа» говорятъ еще прямѣе: *начинаемъ сей душеспасительный союзъ—братство церковное; начинаемъ по благословенію святѣйшаго патріарха Тимофея и прочихъ патріарховъ и согласию съ уставами*, которые даны отъ святѣйшихъ патріарховъ братствамъ городовъ: Львова, Вильны, Могилева и церквамъ другихъ городовъ.—Можно-ли было-бы не упомянуть тутъ о братствѣ и школѣ, получившихъ благословеніе отъ патріарха Іереміи, если-бы то и другое дѣйствительно было? ¹⁾

Но ни Максимовичъ, ни Малышевскій, возражая противъ достовѣрности миѣнія объ основаніи кіево-богоявленскаго братства въ 1589 г., не касались тѣхъ документовъ, на которыхъ миѣніе это опирается. Документы эти слѣдующіе: 1) Купчая отъ 1594 г. кіевского землянина Андрея Обуха и его жены Наталіи, урожденной Сверщовской, на проданный ими братству кіевскому дворъ ихъ на Подоль и сѣножать на Оболони за тридцать копѣ грошей литов-

¹⁾ Труды кіевской духовной академіи, 1869 г., т. IV.

слихъ и 2) Листы урядниковъ воеводства кіевскаго отъ 1593 г., подтверждающіе принадлежность трехъ-святительской и крестовоздвиженской церквамъ ихъ вотчинъ и передачу ихъ потомъ со всѣми принадлежностями кіево-богоявленскому братству.

Оба эти документа упоминаются въ царской грамотѣ 1694 г. и съ тою-же датою поименованы въ находящейся и нынѣ въ библиотекѣ кіево-печерской лавры рукописной «Описи» (конца прошлаго столѣтія) документахъ на имѣнія, принадлежавшія кіевскимъ монастырямъ. Въ этой послѣдней подъ рубрикою: «Документы на состоящіе въ городѣ Кіево-Подолѣ, кіево-братскому монастырю принадлежащіе плацы», подъ №№ 1 и 2-мъ, значится: 1) «Выпись съ книгъ градскихъ воеводства кіевскаго 1593 года марта 20 дня, данная бывшему священнику церкви верхне-кіевской трехъ-святительской Филиппу Афанасьевичу съ упоминкомъ данныхъ ему прѣдлѣхъ на оную церковь разныхъ привилегій, правъ и принадлежностей къ той церкви; оная выпись въ книгу оправлена и во многихъ мѣстахъ подклеивана», и 2) «Купчая жителя кіевскаго Андрея Обуха на состоящій въ городѣ Кіево-Подолѣ плаць, называемый сверчановскій, съ уступкою онаго кіевскому Богоявленія Господня братству; 1594 г., сентября 5 дня, на двухъ листахъ; одинъ изъ коихъ писаный, а другой порожній». Такимъ образомъ въ существованіи этихъ документовъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но является вопросъ, могутъ-ли эти документа служить доказательствомъ существованія кіево-богоявленскаго братства въ тѣ годы, которыми они означены. На этотъ вопросъ въ свое время мы дали и теперь даемъ отвѣтъ отрицательный.

Начнемъ съ купчей Андрея Обуха 1594 г. Въ приведенномъ нами по лаврской описи заглавіи этого документа слова: *съ уступкою онаго* очевидно находятся въ противорѣчіи какъ съ названіемъ документа *купчей*, такъ и съ выраженіями царской грамоты 1694 г., гдѣ говорится, что «Андрей Обуховъ съ женою своею Патацією Сверцевскою *продали* въ братскій монастырь дворное свое мѣсто сверчановское и съ сѣножатью... *за тридцать конь литовскихъ*». Слово *уступка* заключаетъ въ себѣ понятіе о подаркѣ, безденежной отдачѣ какого либо предмета другому лицу и потому въ разсматриваемыхъ нами мѣстахъ является несообразностію, вызывающею недоумѣніе. Если Андрей Обухъ продалъ братству свой дворъ

за тридцать копъ литовскихъ, то могъ-ли составитель описи сказать, что этотъ дворъ перешелъ во владѣніе братства посредствомъ *уступки*?—Думаемъ, что не могъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ своемъ обширномъ трудѣ при описаніи документовъ онъ строго различаетъ продажу *отъ уступки*, вездѣ разумѣя подъ послѣднюю *пожертвованіе, дарственную записку*, какъ можно, на примѣръ, видѣть изъ слѣдующихъ выписокъ изъ описи: 1) «*уступной листъ, данный Николаемъ Макаровичемъ пану Пукаловичу на вѣчное владѣніе Совкою*»; 2) «*уступка части мельницы въ Бѣлгородѣ кіево-софійскому монастырю отъ Михаила Мисниченка*», и т. п.

Чѣмъ-же объяснить указанное нами противорѣчіе?

Думаемъ, что другаго способа для этого нѣтъ, какъ предположить, что въ 1594 г. Андрей Обухъ дѣйствительно продалъ свой сверчковскій дворъ, но продалъ не кіево-братскому монастырю, а какому либо частному лицу, а это послѣднее, провладѣвъ извѣстное время купленнымъ мѣстомъ, *уступило* (т. е. пожертвовало) оное кіево-богоявленскому братству, въ то время ужъ существовавшему. Когда судебнымъ порядкомъ закрѣплялось означенное пожертвованіе, братству вручена была съ уступочною надписью и купчая 1594 года, какъ основной документъ на владѣніе означеннымъ мѣстомъ. Можно допустить, что дворъ, принадлежавшій въ 1594 г. Андрею Обуху съ женою, былъ перепроданъ нѣсколько разъ и могъ перейти къ братству чрезъ третьи и четвертыя руки; но очевидно, что сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. Когда въ 1694 году купчая Андрея Обуха, какъ основной документъ на владѣніе сверчковскимъ дворомъ, представлена была, вмѣстѣ съ прочими крѣпостными документами кіево-братскаго монастыря, въ Москву для исходатайствованія подтвердительной царской грамоты на всѣ имѣнія и угодія, издавна принадлежавшія этому монастырю, въ Малороссійскомъ Приказѣ, при вписаніи въ грамоту посланныхъ документовъ, въ купчей Андрея Обуха легко могло быть упущено изъ виду слово: *съ уступкою*, которое мы находимъ въ лаврской описи. Для лицъ, служащихъ въ Малороссійскомъ Приказѣ, документъ, написанный на южно-русскомъ нарѣчій, и при томъ сто лѣтъ назадъ, представлялъ при чтеніи не мало затрудненій. Не мудрено, что какойнибудь малограмотный приказный, обозначая содержаніе разсматриваемаго документа, обошелъ,

быть можетъ по трудности чтенія, уступочную записъ, которая могла быть написана кратко гдѣ либо на оборотѣ купчей, а имѣя дѣло лишь съ купчей и выслѣдивъ въ ней имя продавца, названіе продаваемого мѣста и цѣну онаго, не затруднился самую покушку приписать братскому монастырю, такъ какъ купчая представлена отъ него, какъ одинъ изъ его крѣпостныхъ документовъ. Иначе, т. е. съ большею точностію могъ изложить содержаніе этой купчей составитель упомянутой выше описи, постоянно имѣвшій дѣло съ древними южно-русскими документами и пріобрѣвшій большой навыкъ въ чтеніи ихъ, а потому его изложенію содержанія купчей Андрея Обуха должно отдать предпочтеніе предъ изложеніемъ того же документа писцами Малороссійскаго Приказа.

Было-бы однако съ нашей стороны очень смѣло на одномъ предположеніи о возможной ошибкѣ писца утверждать, что сверчковскій дворъ перешелъ къ братству не непосредственно отъ Андрея Обуха съ женою, по запродажной, а отъ втораго и даже третьяго лица и при томъ чрезъ пожертвованіе, если-бы не имѣли на это положительнаго документальнаго свидѣтельства. Въ 1693 году, мая 17-го, т. е. не задолго до отправки въ Москву крѣпостныхъ документовъ кіево-братскаго монастыря для подтвержденія ихъ царскою грамотою, іеромонахи этого монастыря Рафаилъ Васильевичъ да Парфеній Родовичъ явились въ кіевскую ратушу и просили именемъ своего игумена, ректора Іоасафа съ братією, чтобы войтъ, бурмистры и лавники назначили комиссію для осмотра и описи земель и дворовъ, издавна, посредствомъ купли или пожертвованій пріобрѣтенныхъ братскимъ монастыремъ. Очень можетъ быть, что это именно была провѣрка недвижимостей по документамъ и самихъ документовъ предъ отправленіемъ ихъ въ Москву. Назначенные на этотъ разъ отъ ратуши урядники, вмѣстѣ съ братскими старцами, «дворы осматривали и описали ихъ», а въ описаніи ихъ, между прочимъ, находится слѣдующее весьма важное для насъ свидѣніе о сверчковскомъ дворомъ мѣстѣ: «*седьмой (по счету описи) дворъ сверчковскій данъ въ монастырь отъ Крестины Тешничейвой и отъ Анафіи Козачинки*» (слѣдуетъ затѣмъ вычисленіе границъ и размѣровъ этого двора)¹⁾. И такъ не можетъ подлежать

¹⁾ Рукопись кіевской духовной академіи: *Выпись размѣренія плацовъ монастыря бологлеискаго братскаго.*

сомнѣнію, что въ 1594 году Андрей Обухъ и его жена продали свой сверческовскій дворъ не кіево-богоявленскому братству, а кому-то другому, можетъ быть родителямъ названнахъ выше жертвовательницъ, или имъ самимъ, и уже отъ этихъ послѣднихъ означенный дворъ перешелъ по дарственной записи во владѣніе братства, а слѣдовательно на принадлежности кіевскому братству крѣпостнаго документа съ датою 1594 г. нельзя основывать заключенія о существованіи въ томъ году самаго братства. Купчая 1594 года передана была братчикамъ жертвовательницами Лепничевою и Козачинскою, какъ основной документъ на владѣніе пожертвованнымъ мѣстомъ, а когда это случилось, невѣстно. Но что купчая 1594 года была именно такимъ основнымъ документомъ, это между прочимъ ясно видно изъ дѣвичьей фамиліи жены Андрея Обуха—фамиліи сходной съ названіемъ проданнаго мѣста. Сверчковскій дворъ, очевидно, былъ родовою собственностію Наталіи Сверцовой.

Что касается втораго документа, древняя дата котораго приводится, какъ доказательство существованія кіево-богоявленскаго братства въ концѣ XVI ст., именно «Королевскихъ листовъ...», то какъ въ царской грамотѣ 1694 года, такъ и въ упомянутой лаврской описи документовъ, при изложеніи содержанія этого документа ни однимъ словомъ не упоминается о кіевскомъ братствѣ. Приведенное нами выше полное его оглавленіе или содержаніе съ указаніемъ на братство принадлежитъ историку академіи Аскаченскому и есть не болѣе, какъ его собственное измышленіе. Руководствуясь этою произвольною добавкою или догадкою, сторонники древняго преданія о первоначальномъ основаніи кіевского братства еще въ XVI ст., разсуждаютъ такъ: въ 1693 году братскій монастырь, ходатайствуя предъ московскимъ правительствомъ о закрѣпленіи за нимъ находившихся въ его владѣніи помѣстій, представилъ, между прочимъ, для доказательства своихъ правъ на имѣнія, прежде принадлежавшія двумъ кіевскимъ церквамъ и ему уступленнымъ, документъ отъ 1593 года; слѣдовательно въ означенномъ году братство уже существовало. Но такое разсужденіе столь же основательно, какъ и ссылка на купчую Обуха. Невѣстно, что въ то время частныя лица и общественныя учрежденія, приобретаая (посредствомъ-ли дара или черезъ покупку) какия либо помѣстья, угодья и т. п., всегда старались получить первоначальныя, оспор-

ные документы на эти помѣстья и когда хлопотали объ утвержденіи своихъ правъ на пріобрѣтенную собственность, то представляли въ судебныя и другія правительственныя мѣста эти документы. Такъ, на-примѣръ, кіево-печерская лавра получила въ даръ село Сѣраково отъ князя Воронцакаго въ 1588 году, но когда впоследствии началось тяжёлое дѣло по поводу владѣнія лаврою означеннымъ селомъ, то печерскіе повѣренные предъявляли для судебного утвержденія документъ отъ 1541 года¹⁾. Точно также поступалъ и кіево-братскій монастырь. Въ извѣстной царской грамотѣ 1694 года говорится, что у братскихъ иноковъ есть крѣпости на разныя, принадлежащія имъ, угодіи еще отъ польскаго короля Геприха²⁾, слѣдовательно отъ такого времени, когда даже по мнѣнію сторонниковъ древняго преданія о первоначальномъ возникновеніи кіево-богоявленскаго братства, послѣднее еще не существовало. Такъ поступилъ братскій монастырь и въ данномъ случаѣ: онъ представилъ документъ, который доказывалъ, что земли, которыя перешли къ нему отъ кіевскихъ трехъ-святительской и кресто-воздвиженской церквей, принадлежали этимъ церквамъ на правѣ собственности въ 1593 году. Между тѣмъ по актамъ можно прослѣдить, что имѣнія церквей трехъ-святительской и кресто-воздвиженской перешли въ владѣніе кіево-богоявленскаго братства *не въ 1593 году, а гораздо позже*. Такъ въ 1615 году на владѣніе имѣніями означенныхъ церквей выхлопоталъ привлей священникъ Моисей Ивановичъ³⁾. Въ слѣдующему году церковь св. Воздвиженія съ принадлежащими къ ней землями была въ вѣденіи священника Филища⁴⁾; но затѣмъ опять перешла къ прежнему владѣльцу. Что-же касается до кіево-богоявленскаго братскаго монастыря, то онъ сталъ пользоваться доходными статьями поименованныхъ церквей только съ 1638 года. Прямое указаніе на это находится въ универсалѣ короля Владислава IV, утвердившаго за братствомъ уступочную запись на имѣнія церквей поименованнаго священника Моисея Ивановича⁵⁾.

¹⁾ Рукопись лаврской бібліотеки, № 205.

²⁾ Памятника кіевской колясін, т. II, стр. 312.

³⁾ Рукопись кіевской академіи, № 26.

⁴⁾ Матеріалы для исторіи кіевской митрополіи, издан. П. Г. Лебедицевымъ.

⁵⁾ Рукопись духовной академіи, № 26.

Изъ сказаннаго, надѣмся, достаточно ясно видно, что какъ купчая Андрея Обуха 1594 г., такъ и «королевскіе листы» 1593 года первоначально были выдаваемы не кіево-богоявленскому братству и вообще никакого отношенія къ нему въ означенное время не имѣли. Слѣдовательно и ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на указанные документы, какъ на неопровержимое доказательство существованія братства въ Кіевѣ еще въ концѣ XVI-го столѣтія, теряетъ всякое значеніе.

III.

Перейдемъ теперь къ доводамъ автора «Историческихъ замѣтокъ о Кіевѣ». Какъ мы видѣли, онъ дѣлаетъ рѣшительный поворотъ въ пользу прежняго мнѣнія о возникновеніи кіевского братства и школы при немъ еще въ концѣ XVI ст., называя означенное мнѣніе *вполнѣ достовернымъ* и приводя въ подтвержденіе его нѣкоторыя новыя указанія, бывшія неизвѣстными предшествовавшимъ изслѣдователямъ кіевской старины. Эти указанія касаются пріѣзда въ Кіевъ въ 1589 г. константинопольскаго патріарха Іереміи, который будто-бы благословилъ кіевское братство и его школу и времени построения первой богоявленской церкви, которое авторъ относитъ не къ XVII, а къ XVI ст.

«Что патріархъ Іереміи, говоритъ П. Л.—въ, дѣйствительно былъ въ Кіевѣ, подтвержденіе сему находимъ въ описаніи путешествія антиохійскаго патріарха Макарія, составленномъ спутникомъ его діакономъ Павломъ. Последний пишетъ, что въ 1654 г., бывши въ софійскомъ домѣ кіевского митрополита Сильвестра Косова вмѣстѣ съ патріархомъ, онъ видѣлъ здѣсь портретъ константинопольскаго патріарха Іереміи во весь ростъ, съ красивымъ лицомъ и бородою, между портретами антиохійскаго патріарха Іоакима, александрійскаго Мелетія и іерусалимскаго Теофана. При этомъ онъ говоритъ, что всѣ эти четыре патріарха пріѣзжали въ Кіевъ непосредственно одинъ за другимъ и что въ Кіевѣ издревле ведется обычай списывать портретъ всякаго патріарха, посѣтившаго эту страну, для того, чтобы сохранить память о немъ на вѣчныя времена».

Прежде всего замѣтимъ, что почтенный авторъ, передавая сжато разсказъ Павла Алепскаго, не совѣтъмъ точно приводитъ нѣкоторыя выраженія подлинника. У Павла Алепскаго, въ его «Описаніи путешествія антиохійскаго патріарха Макарія», приведенное мѣсто въ полномъ видѣ читается такъ: «Наконецъ мы (патріархъ Макарій съ своею свитою, въ составѣ которой былъ и авторъ записокъ Павелъ Алепскій)... отправились къ св. Софїи съ визитомъ митрополиту. Мы вошли въ его покои и видѣли тамъ изображенія четырехъ прежнихъ патріарховъ на холстѣ во весь ростъ. *Въ этой странѣ* (in this country) издавна ведется такой обычай, что если какой нибудь патріархъ посѣтитъ ихъ, то они снимаютъ съ него портретъ, точно (въ томъ видѣ), какъ онъ появляется среди нихъ, чтобы они могли сохранить память о немъ навсегда. Всѣ четыре патріарха изображены въ св. облаченіи съ жезлами, въ митрахъ, съ панатіями и крестами. Первый изъ нихъ, прїятно поразившій насъ, былъ Іоакимъ, патріархъ антиохійскій, прозванный *Сотъ*. У него смуглое лицо и сѣдая остроконечная борода. На портретѣ имя его подписано по гречески, а по датѣ (времени написанія) мы считали, что этому портрету 72 года; рядомъ съ нимъ находится Мелетій, патріархъ александрійскій, съ длинною бѣлою бородою; близъ него Іеремя, патріархъ константинопольскій, съ красивымъ лицомъ и бородою, а тотчасъ за нимъ Оеофанъ, патріархъ іерусалимскій, съ длинною черною бородою. Всѣ четверо около одного и того-же времени *прїѣзжали въ эту страну*, непосредственно слѣдуя одинъ за другимъ (All four about the same time came to this country, the one immediately following the other)»¹⁾.

Такимъ образомъ Павелъ Алепскій не говоритъ, что всѣ поименованные патріархи *были въ Кіевѣ*, но заявляетъ только, что *они прїѣзжали въ эту страну*, т. е. литовско-русское государство, въ которомъ находился и Кіевъ. И мы думаемъ, что указанное различіе (замѣна страны городомъ) въ данномъ случаѣ имѣетъ не маловажное значеніе. Правда, портреты четырехъ восточныхъ патріарховъ Павелъ Алепскій видѣлъ въ Кіевѣ, но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, чтобы эти портреты и были писаны именно въ

¹⁾ The travels of Macarius, Patriarch of Antioch: изд. въ Лондонѣ 1836 г., т. 2, стр. 308.

этомъ городѣ и притомъ писаны съ оригиналовъ. Въ западно-русскихъ областяхъ дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ діаконь Павелъ, существовалъ обычай списывать портреты посѣщавшихъ Русь восточныхъ патріарховъ, причемъ, добавимъ мы, списываніе производилось въ весьма обширныхъ размѣрахъ и портреты іерарховъ во многихъ экземплярахъ распространялись между разными лицами и учреждениями на всемъ пространствѣ литовско-русскаго государства. Вслѣдствіе этого, портреты восточныхъ патріарховъ зачастую можно было встрѣчать въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ они никогда не бывали. Когда въ 1620 г. прибылъ въ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ, то съ него снято было здѣсь значительное количество портретовъ, которые тогда-же и разсылались по разнымъ литовско-русскимъ городамъ—братствамъ и наиболѣе значительнымъ лицамъ изъ православной южно-русской аристократіи. Латинюніаты, во время возникшей литературной полемики съ православными по поводу возстановленія означеннымъ патріархомъ южно-русской іерархіи, упрекали виленскихъ братчиковъ, что они воздають турецкому шпіону (такъ униатскія власти называли патріарха Теофана) чуть не божескія почести: ставятъ около иконъ его портреты, имѣють ихъ по церквамъ, носятъ во время крестныхъ ходовъ... Что-же удивительнаго, если у кіевского митрополита половины XVII ст. можно было встрѣтить подобныя портреты восточныхъ патріарховъ? И неужели можно такое обстоятельство представлять въ неизбежную связь съ пріѣздомъ этихъ іерарховъ въ Кіевъ?

Но если-бы у Павла Алецкаго и дѣйствительно было указаніе на посѣщеніе Кіева четырьмя восточными патріархами, въ томъ числѣ и *Іеремією константинопольскимъ*, то и такому указанію нельзя было-бы придавать серьезнаго историческаго значенія, какъ не согласному (за исключеніемъ одного случая—пріѣзда въ Кіевъ Теофана) съ достовѣрными фактами. Такъ положительно извѣстно, что антиохійскій патріархъ Іоанамъ при своемъ посѣщеніи земли русской не доѣзжалъ до Кіева, александрійскій—Мелетій Пигасъ не только никогда не былъ въ этомъ городѣ, но и вовсе не посѣщалъ западно-русскія области; что-же касается Іереміи константинопольскаго, то его двухкратный переездъ по юго-западной Россіи (въ Москву и обратно) можно прослѣдить со всею, иногда довольно

длинными остановками, причѣмъ до очевидности будетъ ясно, что этотъ іерархъ ни въ 1588 году, когда ѣхалъ въ Москву, ни въ слѣдующемъ 1589 г., когда возвращался изъ нея, *изъ Кіева не заѣзжалъ* ¹⁾).

Итакъ, и это новое подкрѣпленіе древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства не можетъ дать ему никакой опоры, какъ неточное и несогласное съ положительными историческими данными. Не подкрѣпляютъ этого преданія и соображенія П. I—ва о времени построенія первой богоявленской церкви, хотя и основанныя на новомъ историческомъ указаніи. Сущность этихъ соображеній и ихъ отношеніе къ данному вопросу слѣдующія.

Извѣстно, что братство кіевское всегда вазывалось богоявленскимъ по имени церкви, при которой оно было учреждено: если

1) Путь патриарха Іеремія въ Москву и обратно чрезъ литовско-русскія области, какъ видно изъ положительныхъ документальныхъ данныхъ, былъ слѣдующій:

а) *Путь патриарха въ Москву.* Въ началѣ мая 1588 г. патриархъ Іеремія прибылъ на границу Польши, откуда послалъ письмо къ польскому канцлеру Яну Замойскому, прося у него дозволенія остановиться въ Замостьѣ. Въ половинѣ мая патриархъ былъ уже въ Замостьѣ, въ концѣ этого мѣсяца выѣхалъ оттуда и, быстро проѣхавъ Брестъ, къ 3-му іюня прибылъ въ Вильну. Здѣсь патриархъ пробылъ 12 дней и затѣмъ чрезъ Оршу отправился въ московское государство.

б) *Обратный путь патриарха изъ Москвы.* Испросявъ 7 іюля 1589 года позволеніе у польскаго короля Сягизмунда III обозрѣвать находящуюся въ его владѣніяхъ православную митрополию, патриархъ Іеремія въ половинѣ этого мѣсяца былъ уже въ Вильнѣ. Пробывши здѣсь около двухъ недѣль, онъ отправился въ сурапольскій монастырь, гдѣ низложилъ настоятеля архимандрита Тимофея Злобу, а къ 6-му августа прибылъ въ Брестъ. Къ половинѣ августа патриархъ былъ уже въ Замостьѣ, гдѣ прогостялъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, принимая въ это время разныхъ представителей западно-русской церкви (епископовъ, братчиковъ) и дѣлалъ разныя распоряженія по духовнымъ дѣламъ. Изъ Замостья чрезъ Каменецъ-Подольскъ (13 ноября 1589 г.) и затѣмъ Галицію Іеремія направился къ своей патриархіи (*Arsenii Plassonis. Iter in Moscoviam. Theiner, Vetera Monum. Polon. et Lithuaniae, т. III, № 46. Собраніе грамотъ г. Вильны, Кононо, т. II, № 3 и 4. Акты западной Россіи, т. IV, №№ 5, 18, 20, 149. А. Ю. и З. Россіи, т. I, № 191. Виленскій археол. сборникъ, т. IX, № 28. Зубрицкий, Литов. львовск. братства и др. Сравни. Исторію русской церкви преосв. Макарія, т. IX, стр. 458—460, 479 и слѣд.*)

основаніе братства относитъ къ 1589 году, то надо доказать и существованіе въ то время богоявленской церкви въ Кіево-Подолѣ. Авторъ «Замѣтокъ о Кіевѣ» дѣлаетъ для этого слѣд. сопоставленія. Создателемъ первой богоявленской церкви покойный М. А. Максимовичъ считаетъ жившаго гораздо позже и умершаго, въ 1632 году гетмана Сагайдачнаго, и того-же Сагайдачнаго антиохійскій патріархъ Паисій въ грамотѣ своей, данной послѣ посѣщенія Кіева въ 1649 г., называетъ создателемъ не только этой церкви, но и обители кіево-братской богоявленской. Но о церкви, которая можетъ быть приписываема Сагайдачному, въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ есть документъ, указывающій, что она не была окончена еще и въ 1625 г. Это именно письмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Федоровичу отъ 10 апрѣля 1625 г., которымъ они просятъ сго о милостивѣ «на украшеніе своей церкви Богоявленія Господня, возведенной уже до верха, но пребывающей еще безъ покрова и иконнаго украшенія». Съ другой стороны извѣстно, что раньше этой существовала другая богоявленская церковь, которую посѣщалъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ въ 1620 г. и въ которой онъ совершилъ посвященіе Исаи Копиискаго въ санъ епископа перемышльскаго, а Іова Борецкаго въ санъ митрополита кіевскаго. Авторъ «Замѣтокъ» спрашиваетъ: «когда-же построена первая богоявленская церковь, старѣйшая сооруженной при Сагайдачномъ?» и отвѣчаетъ: безъ сомнѣнія, не въ 1615 г. (къ которому по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ относится основаніе братства и школы), ибо не могла-же она обветшать такъ скоро, что менѣе, чѣмъ въ десять лѣтъ потребовалось замѣнить ее новою церковію. По всей вѣроятности, это была та богоявленская церковь, о священникѣ которой упомянуто въ описи кіевскаго замка, составленной въ 1555 году. При сей-же церкви могла существовать въ концѣ XVI вѣка и та школа, которую благословилъ въ 1589 году патріархъ константинопольскій Іеремія».

Что сказать противъ этого?

Во 1-хъ почтенный авторъ невѣрно говоритъ, что гетманъ Петръ Копашевичъ Сагайдачный скончался въ 1632 году,—онъ

умеръ десятилѣтіемъ ранѣе, именно въ 1622 году, апрѣля 10-го, и объ этомъ имѣются несомнѣнныя данныя ¹⁾.

Во 2-хъ, предположеніе автора о существованіи какъ въ 1589, такъ и въ 1620 году той богоявленской церкви, о которой упоминается еще въ описи 1555 г., ни чѣмъ другимъ не подтверждается и ему съ большею основательностію можетъ быть противопоставлено другое предположеніе, что богоявленская церковь, въ которой въ 1620 году патриархъ Теофанъ совершилъ посвященіе Исаи Коняинскаго и Іова Борецкаго, построена вслѣдъ за учрежденіемъ братства въ 1615 году. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ допустить, что Анна Гулевичевна, подарившая свой дворъ подъ обитель и уже введшая въ него школу и иноковъ, въ теченіи цѣлыхъ пяти и даже болѣе лѣтъ не озабочилась устройствомъ здѣсь церкви, или, лучше сказать, не озабочилось этимъ кіевское братство, воспользовавшееся фундацію Гулевичевны? Не слѣдуетъ также удивляться и тому, что братство, имѣя уже церковь и притомъ недавно сооруженную, приступаетъ къ постройкѣ новой: во первыхъ, прежняя церковь, безъ сомнѣнія стропная на скорую руку, могла не удовлетворять духовнымъ нуждамъ братства, а во вторыхъ на фундаціи Гулевичевны, по мысли жертвовательницы, долженъ былъ устроиться монастырь (онъ патриархомъ Ософаномъ и былъ уже благословленъ), въ монастыряхъ же сравнительное обиліе церквей дѣло обычное ²⁾...

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами «новыхъ указаній», приводимыхъ П. П.—мъ въ подтвержденіе «полной достовѣрности» древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ еще въ концѣ XVI стол., онъ въ защиту означеннаго преданія ссылается еще на документъ уже давно извѣстный (запись Гальшии Гулевичевны, 1615 г.) и утверждаетъ, что въ немъ якобы находятся ясные намеки на существованіе братской школы ранѣе

¹⁾ Современная записка въ поминникѣ кіево-михайловскаго монастыря; *Вършитъ на жалобный погребъ зацною рыцера Петра Коношевича Сагайдачанаго, гетмана войска его королевской милости запорожскаго... 1622 г.*

²⁾ Не говоримъ уже о противорѣчій, въ которое естественно должны впадать защитники мнѣнія о существованіи кіевского братства въ XVI ст., утверждая, что Теофанъ совершалъ посвященіе Коняинскаго и Борецкаго въ братской церкви, построенной до 1555 года. А страшный пожаръ 1614 года, истребившій якобы всѣ братскія постройки?

1615 года. «Въ своей записи, говоритъ авторъ, жертвовательница (Гальшка Гулевичевна) пишетъ, что она свой собственный дворъ отказала подъ монастырь *ставропигиіи патріаршеской* и что она *тогдашъ* ввела въ этотъ дворъ іеромонаха Исаію Копинскаго и другихъ монашествующихъ, ввела и школу. Спрашивается, о какой патріаршей ставропигиіи говорится здѣсь? Неужели о той, которая дава братской обители іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ спустя пять лѣтъ послѣ сего? Но прибытіе его въ Россію не могли предугадывать ни Гулевичева-Лозкина, ни кто-либо изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ г. Кіевѣ. Гдѣ были доселѣ и откуда явились здѣсь цѣлой корпорацией Исаія Копинскій и прочіе монашествующіе, чтобы принять въ свое вѣдѣніе жертвуемый Лозкиной-Гулевичевой дворъ? Лозкина-Гулевичева не открывастъ школу, не собиравъ дѣтей желающихъ только учиться, а тогдашъ, по учиненіи записи, ввела въ свой дворъ *школу*. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ имѣющей еще составиться школѣ, а о школѣ готовой, существующей уже съ наличнымъ составомъ учащихся и учащихъ. И такъ хотя въ записи Гальшки Гулевичевой-Лозкиной не упоминается о братской или богоявленской церкви и существовавшей при ней обители, но такъ какъ школы въ то время существовали и могли открываться только при церквахъ, а равно и монашествующіе, въ составѣ братства, могли имѣть пребываніе также только при церквахъ; то слѣдуетъ признать вполне достовернымъ сообщенное исторіографомъ Миллеромъ и принятое митрополитомъ Евгеніемъ извѣстіе, что кіево-братская обитель, съ братскою при ней школою, существовала раніше 1616 года, что зданіе этой школы сгорѣло въ 1614 году и что Лозкина-Гулевичева своею записью не создала что нибудь новое относительно братской обители и школы, а только поддержала ихъ существованіе и усилила ихъ средства, пожертвовавъ въ ихъ собственность свой дворъ съ готовыми помѣщеніями, замѣнившими собою прежнія, уничтоженныя пожаромъ».

Припомнивъ замѣчаніе проф. Мазышевскаго относительно несостоятельности мнѣнія о началѣ кіево-богоявленскаго братства еще въ концѣ XVI ст. и сопоставляя ихъ съ приведенными сейчасъ разсужденіями объ этомъ предметѣ, мы видимъ, что одинъ и тотъ-же документъ — дарственная записъ Гальшки Гулевичевны — по мнѣнію одного изслѣдователя заключаетъ въ себѣ *прямое* указаніе, что

кіевское братство въ 1615 году *только что начиналось*, а по словамъ другаго въ немъ паходятся *довольно явныя намекы* на существованіе братской школы и патріаршей при ней ставропитіи *раньше этого времени*.

Обратимся къ разсмотрѣнію самой записи Гальшки Гулевичевны.

Какъ защитники, такъ и противники древняго преданія о началѣ кіево-богоявленскаго братства, различнымъ образомъ истолковывая нѣкоторыя мѣста означенной записи, согласны между собою въ одномъ, именно, что Гальшка Гулевичевна подарила свой дворъ и землю *кіевскому братству*. Только одни изслѣдователи (что непосредственно вытекаетъ изъ ихъ разсужденій) считаютъ записъ Гулевичевны *первымъ* по времени документомъ, съ котораго собственно и должно начинать исторію кіевского братства, другіе же—документомъ, даннымъ сему братству спустя уже нѣсколько десятилѣтій послѣ его возникновенія. Мы думаемъ, что какъ тѣ, такъ и другіе изслѣдователи ошибаются. Въ дарственной записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминается о братствѣ. Здѣсь опредѣленно говорится, что дворъ и земля жертвуются подъ монастырь и школу «правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народу россійскаго, въ повѣstechъ воеводства кіевского, волынскаго и брацлавскаго будущимъ», какаго-бы они званія и сословія не были (духовнымъ и свѣтскимъ, дворянамъ и простолюдинамъ). Скажутъ, что въ составъ западно-русскихъ братствъ и входили именно все православныя разныхъ званій и состояній и что подъ приведенными названіями лицъ, коимъ жертвуется Гулевичевою дворъ съ землею, и должно разумѣть не кого иного, какъ только братчиковъ. Но подобное умозаключеніе будетъ очевидною ватажкою, въ подтвержденіе которой нельзя подыскать ни одного аналогичнаго примѣра во всей довольно обширной западно-русской письменности того времени (т. е. нельзя найти ни одного документа, касающагося братства, гдѣ-бы составлявшіе его члены не назывались этимъ именемъ). Мыслимо-ли также, чтобы въ записи Гулевичевны ни единымъ словомъ не упоминалось о пожарѣ 1614 г. и вообще о матеріальномъ состояніи братства, если-бы вѣрно было предположеніе, что фундаторша своею жертвою *залишила прежнія братскія зданія, уничтоженныя пожаромъ?*

Съ одной стороны, принимая во вниманіе сказанное нами о записи Гулевичевны, какъ не заключающей въ себѣ ни малѣйшаго упоминанія о кіевскомъ братствѣ, а съ другой имѣя въ виду тотъ несомнѣнный фактъ, что вскорѣ послѣ 14 октября 1615 года (дата означенной записи) братчики уже владѣли фундушемъ жертвовательницъ, мы думаемъ (какъ имѣли уже случай замѣтить въ одномъ изъ своихъ сочиненій¹⁾), что въ то время, когда фундація Гулевичевны приводима была въ исполненіе, братство въ Кіевѣ или еще не сформировалось окончательно, или, что едвали не вѣроятнѣе, нѣкоторое, очень непродолжительное время уже существовало при одной изъ кіево-подольскихъ церквей. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что на самыхъ первыхъ порахъ фундація Гулевичевны къ кіевскому братству никакого отношенія не имѣла. Есть довольно твердое основаніе думать, что дарственная запись Гулевичевны состоялась подъ благотворнымъ вліяніемъ кіево-печерской обители: въ числѣ первыхъ лицъ, введенныхъ въ пожертвованный домъ, указывается Исаія Копинскій, *жившій до того въ лавръ*²⁾; самая школа, введенная Гулевичевою, вѣроятнѣе всего происхожденія лаврскаго, дѣло заботливости кіево-печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, «школь на разныхъ мѣсцахъ зычливаго фундатора». Такимъ образомъ, мы думаемъ, что фундушъ Гулевичевны и братство хотя возникли въ Кіевѣ почти одновременно, но независимо другъ отъ друга. Но такъ какъ цѣли, имѣвшіяся въ виду при фундаціи Гулевичевны, совершенно совпадали съ задачами, намѣченными для своей практической дѣятельности новообразовавшимся братствомъ³⁾, то очевидно представлялась польза соединенія обоихъ учрежденій въ одно, каковос соединеніе дѣйствительно и состоялось въ самомъ концѣ того-же 1615 года, или въ началѣ слѣдующаго года.

Слова дарственной записи Гальшки Гулевичевны: *жертвую все сіе на монастырь патриаршей старопитии*, П. Л.—въ, какъ мы видѣли, объясняетъ такъ, что здѣсь заключается указаніе на кіево-братскій монастырь, якобы имѣвшій уже патриаршую

¹⁾ Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, т. I, стр. 294.

²⁾ Объ этомъ есть упоминаніе въ собственноручныхъ запискахъ П. Могилы.

³⁾ Подробнѣе объ этомъ въ сочиненіи: *Петръ Могила*, т. I, стр. 287 и слѣд.

ставропигію, ибо нельзя-же разумѣть въ данномъ случаѣ *ставропигію*, данную братской обители патриархомъ Теофаномъ, пріѣздъ котораго въ Кіевъ нельзя было предвидѣть.

Относительно такого разсужденія можно замѣтить слѣдующее:

1) Приведенныя выраженія въ записи Гулевичевны вовсе не означаютъ, что она жертвуетъ дворъ съ землею на ставропигіальный монастырь, уже существующій: въ такомъ случаѣ она неизбѣжно должна была-бы поименовать его. Гулевичевна въ своей записи выражаетъ только желаніе, или, точнѣе, ставить условіе, чтобы на ея фундушъ устроень былъ монастырь, подчиненный непосредственно патриарху, *ставропигіальный*. Большаго вывода изъ разсматриваемой записи сдѣлать нельзя.

2) Если признать за достовѣрный фактъ, что Гулевичевна дѣйствительно пожертвовала свой дворъ съ землею кіевскому братству, а послѣднее въ то время имѣло уже патриаршую ставропигію (отъ Іереміи), то объясненіе дальнѣйшей исторіи означеннаго братства представить затрудненія непреодолимыя. А именно: въ 1620 году пріѣзжаетъ въ Кіевъ іерусалимскій патриархъ Теофанъ и въ память пребыванія своего въ семь городѣ, на грунтѣ братскомъ, при церкви святаго Богоявленія и Благоуѣщенія, водружаетъ крестъ, *признавая достойнымъ быть здѣсь ставропигіи патриаршей*. Но если кіевское братство съ своимъ монастыремъ имѣло патриаршую ставропигію, то какъ-же объяснить означенное дѣйствіе Теофана? Онъ могъ подтвердить, благословеніемъ своимъ упрочить прежде существовавшую ставропигію: это было-бы естественно; но объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Очевидно, Теофанъ первый изъ патриарховъ водружаетъ крестъ на братскомъ грунтѣ, очевидно, онъ первый даетъ братству ставропигіальныя права... Известно, какъ братства дорожили патриаршими ставропигіями: патриаршес благословеніе они считали «перломъ неоцѣненнымъ, клейнотомъ найдражайшимъ». Между тѣмъ ни въ одномъ изъ начальныхъ документовъ, дошедшихъ до насъ отъ первой половины XVII стол. и имѣющихъ отношеніе къ кіево-богоявленскому братству, ни единымъ словомъ даже не упоминается объ Іереміи. Возможно-ли это дѣло, если признать справедливымъ пріѣздъ въ Кіевъ этого патриарха и учрежденіе имъ здѣсь патриаршей ставропигіи?.. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ документовъ есть прямыя указанія, что кіевское брат-

ство приобрѣло ставропигиальныя права именно отъ Теофана. Кромѣ общезвѣстной, уже указанной нами грамоты послѣдняго, укажемъ здѣсь на извѣстное и нашему автору письмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Осодоровичу, изъ котораго видно, что главнымъ устройтеlemъ братства считается именно Теофанъ, что его грамота посылалась къ царю «во свидѣтельство», что эта грамота постоянно пребываетъ въ братствѣ и почитается за «многоцѣнный бисеръ». Не очевидно-ли, что кіевское братство получило ставропигиальныя права не отъ Іереміи константинопольскаго (имени котораго мы и не встрѣчаемъ въ братскихъ документахъ), но отъ Теофана іерусалимскаго?

IV.

Пишущему эти строки, какъ безусловно отвергавшему достовѣрность сказаній о существованіи братства въ Кіевѣ еще въ XVI столѣтіи, не разъ приходилось выслушивать слѣдующее возраженіе: если возникновеніе кіево-богоявленскаго братства со школою при немъ дѣйствительно относится ко времени не ранѣе 1615 года, то какъ объяснить, что Кіевъ, бывшій центромъ просвѣщенія и главною святынею въ юго-западной Россіи, такъ долго не имѣлъ братства и высшаго училища, когда таковыя учрежденія давно уже существовали въ Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ и многихъ другихъ городахъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не представляетъ затрудненій. Кіевъ сталъ центромъ просвѣщенія въ юго-западной Руси только съ начала XVII столѣтія, благодаря многоплодной и благотворной дѣятельности кіево-печерскихъ архимандритовъ Елисея Плетенецкаго (заведеніе типографіи, изданіе книгъ, фундаціи школъ, вызовы въ лавру ученыхъ мужей), Захаріи Копыстенскаго, въ особенности-же митрополита Петра Могилы; а до того времени, т. е. до самаго конца XVI столѣтія, это былъ городъ, вовсе не могшій хвалиться своими религіозно-просвѣтительными средствами: можно сказать даже болѣе—это былъ городъ въ нравственномъ отношеніи крайне оупустившійся. Правда, Кіевъ ислонъ считался главною святынею русской земли, и кіево-печерская обитель всегда привлекала къ себѣ массы

богомольцевъ даже изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ нашего отечества. Пожертвованія на обитель были частыя и щедрія и она въ матеріальномъ отношеніи занимала одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но, къ сожалѣнію, кіево-печерскіе архимандриты, въ большинствѣ случаевъ, были люди, не стоявшіе на высотѣ своего положенія: они смотрѣли на занимаемое ими мѣсто не болѣе, какъ на доходную статью. Такого взгляда не чужды были даже лучшіе архимандриты. Естественнo, что подобное положеніе дѣлало мало благопріятствовало вліянію кіево-печерской обители на религіозно-нравственную жизнь южно-русскаго народонаселенія. Неудивительно, что не смотря на громадныя богатства, накопившіяся въ лаврѣ къ концу XVI столѣтія, она въ это время не имѣла еще ни типографіи, ни школы, ни хорошей библіотеки, ни больницы, ни богадѣльни¹⁾... Чего не дѣлала богатая лавра, того еще труднѣе было ожидать отъ самыхъ кіевлянъ, постоянно опасавшихся (по положенію Кіева, какъ окраины государства) враждебныхъ нападеній. Въ своемъ «уписѣ» кіевскіе братчики прямо заявляютъ, что доселѣ (т. е. до 2-го десятилѣтія XVII стол.) они (т. е. жители города Кіева) пребывали *въ доловременномъ нерадннн и лнности и мранной суетн мірской*. Трудно было ожидать отъ кіевлянъ рассматриваемаго времени заведенія религіозно-просвѣтительныхъ учрежденій, когда они не находили возможнымъ поддерживать благолѣпіе своихъ, уже существовавшихъ, храмовъ. Одинъ католическій бискупъ, посѣтившій въ 1546 году Кіевъ, упрекаетъ мѣстныхъ горожанъ за крайне пренебрежительныя ихъ отношенія къ такой древней святынь, какъ кіево-софійскій соборъ. По словамъ бискупа, этотъ храмъ не только лишень всякихъ украшеній, но и стоитъ безъ крыши, не имѣетъ дверей; не службы Божіи въ немъ совершаются, а безпрятственно бродятъ внутри его псы, свиньи и т. п. животныя²⁾.

Отзывъ этотъ могутъ найти преувеличеннымъ; въ такомъ случаѣ послушаемъ самихъ кіевлянъ современниковъ. «Писано есть нѣгде, писали въ 1626 году кіевскіе братчики къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, разсмотри сущихъ прежде тебе и тогда разумѣени,

¹⁾ Подробно обо всемъ этомъ см. наше сочиненіе *Петръ Могила и его сподвижники*, т. I, стр. 242 и слѣд.

²⁾ *Ks. Polz. Wereszezyńskiego, Osada Kijowa.*

иже по тебѣ. Всегда видяше разсмотримъ древняго благозѣпнаго создании драгоцѣнныя храмы, прославленни ради всесильнаго имени единосущныя преестествовныя Троицы, отъ прародителей благочестіемъ равноцѣтующимъ великодержавнаго величества вашея царскія милости въ Киевѣ, *нынѣ же точію едаа спѣхъ ихъ обрѣтающихся зримъ, тяжцѣ и неутѣшимъ жалцѣе, яко мы послѣдній родъ силъ зрѣти достигнухомъ*; на мѣстѣ, идѣже первѣи начало просвѣщенемъ родъ російскій истиннаго Бога позна, отнюду же по всѣмъ странамъ, яко отъ источника благоструйнаго, извѣстное всѣмъ спасение истече и процвѣте, идѣже богодухновенни отцы пречуднымъ житиемъ и чудесы просіяша, ихъ же тѣлеса доннѣ въ нетлѣнии, чудодѣйствуя, пребываютъ: зде пунѣ зримъ изсыхающе, всякія же бѣды, гоненія и укоризны исполнентъ, горцѣ рыдающе, слезимъ, съ пророкомъ Іезекиелемъ глаголюще: горе намъ, увы намъ, Аддонаю Господи! сіе отчаяніе ты твориши остаткомъ израилевымъ¹⁾.

V.

Подводимъ итогъ всему нами изложенному.

1) Сказаніе о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патриархомъ Іереміею въ 1588—1589 гг. и объ учрежденіи имъ здѣсь высшаго училища при богоявленскомъ братствѣ не есть древнее преданіе, а сравнительно недавнее историческое мнѣніе, впервые высказанное профессорами кіевской академіи въ объяснительной запискѣ, составленной въ 1765 году по требованію начальства. Хотя спустя 8 лѣтъ профессорами той-же академіи означенное мнѣніе, какъ несогласное съ документальными данными, и было опровергнуто, тѣмъ не менѣе оно тогда-же перешло въ нашу историческую литературу и пустило въ пей глубокіе корни, съ теченіемъ времени пріукрашаясь новыми легендарными подробностями.

Несостоятельность означеннаго мнѣнія не подлежитъ сомнѣнію; ибо:

¹⁾ Съ подлинника находящагоса въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.

2) Изъ дошедшихъ до насъ достовѣрныхъ документальныхъ данныхъ видно, что патріархъ Іеремія ни въ 1588 году, когда ѣхалъ черезъ западно-русскія области въ Москву, ни въ 1589 г., когда возвращался изъ нея, въ Кіевѣ не былъ: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ путь его лежалъ далеко отъ этого города. Ссылка на описаніе путешествія Павла Алепскаго, гдѣ якобы говорится о посѣщеніи Кіева означеннымъ патріархомъ, оказывается неточною.

3) Относительно созданнаго «догадкою» и украшеннаго легендами перваго якобы 25-тилѣтняго существованія кіево-богоявленскаго братства и школы при немъ (1589—1615 гг.) не находится ни малѣйшаго указанія во всей тоговременной письменности. Ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на купчую Андрея Обуха (1594 года) и «королевскіе листы урядниковъ восводства кіевского», какъ на несомнѣнное доказательство существованія въ Кіевѣ братства еще въ концѣ XVI столѣтія, оказывается, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, не состоятельною: поименованные документы въ рассматриваемое время къ кіевскому братству никакого отношенія не имѣли, перешли-же къ нему впоследствии вмѣстѣ съ земельными имуществами, значащимися въ сихъ документахъ.

4) Въ начальныхъ, вполне достовѣрныхъ документахъ, касающихся кіево-богоявленскаго братства, находится довольно прямое и опредѣленное указаніе на то, что означенное братство сформировалось только около 1615 года (Братскій уписъ, Письмо Рутскаго).

5) Ставропигіальная права кіевское братство получило въ 1620 году, во время пребыванія въ Кіевѣ іерусалимскаго патріарха Теофана, какъ опредѣленно говорится объ этомъ въ грамотѣ послѣдняго. Миѣніе-же, якобы означенное право братство получило еще отъ патріарха Іеремія, не находитъ подтвержденія въ дарственной записи Гулевичевой (на которую въ данномъ случаѣ ссылаются) и стоитъ въ явномъ противорѣчій какъ съ поименованою грамотою Теофана, такъ и съ нѣкоторыми другими докумен-

тальными данными (письма братчиковъ къ царю Михаилу Феодоровичу).

6) Накопецъ, сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства и высшаго училища не представляетъ ничего страннаго и необъяснимаго: напротивъ, означенное явленіе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ церковно-исторической жизни этого города.

С. Голубевъ.

ДУНАЙЦЫ ¹⁾.

Въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» 1884 года (стр. 129—131) помѣщенъ любопытный документъ, подъ заглавіемъ: «Запорожская реляція о побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ въ днѣпровскихъ гирлахъ». Отъ сообщенъ *А. М. Лазаревскимъ*, но откуда имъ заимствованъ, не сказано. Упомянутый въ этомъ документѣ войсковой старшина Филиппъ Стягаило, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и заслуженныхъ молодцовъ запорожскихъ, былъ въ 1769—1770 гг. начальникомъ козацкой флотиліи и имѣлъ въ своей командѣ 3-хъ полковниковъ, 8 полковыхъ старшинъ, 1 іеромонаха, 4-хъ хорунжихъ, 38 канонеровъ и 1690 козаковъ ²⁾. Служба этой команды была самая трудная и опасная, ибо требовала частыхъ поисковъ внизу Днѣпра, на лиманѣ и въ самыхъ гирлахъ рѣки, тогда сильно укрѣпленныхъ турками въ Очаковѣ, Кинбурнѣ и на Березанскомъ островѣ. 5 января 1771 года доблестный Стягаило награжденъ въ числѣ другихъ 12 старшинъ большою золотою медалью на Андреевской (блукитной) лентѣ.

Въ дополненіе упомянутой реляціи считаю долгомъ сообщить отъ себя нѣсколько документовъ по тому-же предмету.

Въ моемъ архивѣ есть большое дѣло въ 300 сличкомъ страницъ, подъ заглавіемъ, буквально списаннымъ: «2 дѣль о командахъ 2-хъ потысячныхъ съ запорожскаго войска, съ Днѣпра Чернымъ моремъ, мимо крѣпости очаковскую и кинбурнскую, въ

¹⁾ Изъ подлинныхъ документовъ моего запорожскаго архива.

²⁾ *Исторія Новой Сѣчи* и пр., ч. II, стр. 25—26.

Дунай къ первой россійской арміи командированныхъ въ 1771 и 1772 годахъ». Къ этимъ двумъ дѣламъ мы присовокупили еще многіе документы о походѣ козаковъ въ 1773 и 1774 годахъ, до ихъ возвращенія на родипу. Такимъ образомъ мы дополняемъ ими сказаніе наше о «Дунайцахъ», помѣщенное въ книгѣ нашей (стр. 95—99) о походѣ ихъ въ 1771 году и обращаемъ вниманіе читателей «Кіевской Старины» на новыя свѣдѣнія о доблестяхъ «славнаго войска запорожскаго низоваго».

I.

Опытъ экспедиціи «Дунайцевъ» 1771 года былъ такъ удаченъ, что генераль-прокуроръ князь А. А. Вяземскій обратился къ кошевому П. И. Калнишевскому съ слѣдующимъ, почти дружескимъ письмомъ:

Государь мой Петръ Ивановичь!

Имѣю честь сообщить вамъ, государь мой, высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе, дабы сею наступающею весною, при первомъ удобномъ случаѣ, отправить такимъ-же образомъ, какъ и въ прошедшемъ году было, на лодкахъ въ Черное море до Дуная, изъ запорожскаго войска казаковъ, ежели можно, двѣ тысячи человекъ. Когда-же за какимъ обстоятельствомъ такого числа отправить будетъ не возможно, то по крайней мѣрѣ не менѣе тысячи человекъ, съ тѣмъ, чтобъ по пріѣздѣ они въ Дунай, явились тамо у адмирала Ноласа. И хотя я не сумнѣваюсь, чтобъ въ произведеніи сей экспедиціи въ дѣйство могли произойти съ стороны войска запороженскаго какія либо затрудненія; однакожь поелику не все извѣстны здѣсь могутъ быть настоящіе обстоятельства, то я и прошу васъ, государя моего, съ симъ посланнымъ немедленно меня увѣдомить: къ которому времени и въ какомъ числѣ сіе предриятіе въ дѣйство произвести надѣется. А дабы въ приуготовленіи судовъ и всего потребнаго не было вамъ остановокъ, то ея императорское величество всемилостивѣйше жалуется войску запорожскому на сіе приуготовленіе, естли отправлено будетъ двѣ тысячи человекъ, то десять тысячъ рублей, и послѣднее число нынѣ-же при семъ къ вамъ и посылаю, а достальныя, по мѣрѣ вашего отправ-

ленія, по полученіи о томъ отъ васъ извѣстія, немедленно перешлю съ тѣмъ всемилостивѣйшимъ ея величества повелѣніемъ, что сверхъ сего отправляющіеся получатъ тоже самое награжденіе по прибытіи въ Дунай, какое получили дошедшія войска запорожскаго лодки въ прошломъ 1771 году. Стараніе ваше и прилѣжность въ семъ случаѣ, а болѣе точное онаго исполненіе докажетъ собственно вамъ и всего войска запорожскаго къ службѣи ея императорскаго величества отличное усердіе и вѣрность, себѣ-же приобрѣтете тѣмъ незабвенную славу. Въ прочемъ ожидая на сіе благосклоннаго вашего увѣдомленія, съ искреннимъ усердіемъ пребываю вамъ, государя моего, покорный слуга

Князь Александръ Вяземскій.

Февраля 17 дня.

1772 года.

Получивъ столь лестный ордеръ государыни, Кошовой донесъ о томъ главнокомандующему князю В. М. Долгорукову и просилъ отпустить на лодочную команду 40 фаньконетовъ ¹⁾ и нужное количество сухарей, такъ какъ на лодкахъ, въ походѣ на морѣ и рѣкахъ, самимъ печь хлѣба невозможно. Собрать-же на сходку 17 апрѣля 1771 года старшину и куренныхъ атамановъ, 5,000 р. войска дарованныхъ раздѣлить по 100 руб. на всякій курень, всего 3,800 руб., а изъ остальныхъ «за деготь заплачено 240 руб., а 960 руб. положено въ скарбъ войсковой, для артиллерійскихъ и прочихъ надобностей ²⁾».

Въ отвѣтѣ своемъ князь Долгоруковъ (12 марта 1772 года) пишетъ, что на счетъ фаньконетовъ, пороху и пр. распоряженіе имъ уже сдѣлано, и присовокупляетъ:

«Черезъ сіе-же даю знать, что съ присланою отъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшею грамотою отправляю я къ вамъ переводчика иностранной коллегіи *Архипова*, подтверждая вамъ прежнее мое предписаніе о принятіи сей съ глубокимъ благопестіемъ».

Намъ удалось найти одну весьма подробную реляцію о службѣ козаковъ въ 1771 году на водахъ нашего края, которая допол-

¹⁾ Фаньконети (fancouant) небольшого калибра, длины пушки.

²⁾ Замѣтимъ кстати, что деньги на курени получали *кухарь*, т. е. *повара* куренные; вѣроятно она были, по обычаю, и интендантамъ своихъ куреней.

няетъ пробѣль, указанный въ книгѣ нашей на стр. 98—99. Это рапортъ полковника Сѣдловскаго отъ 24 сентября того года и при немъ:

«Журналь 1771 года сентября 19-го учиненный, гдѣ я съ командою былъ и въ кого подъ командою и въ какое мѣстѣ.

1771 года маія 29 изъ города Аккермана съ командою вошелъ въ усть Дуная; въ Квѣлю мѣсяца іюня 2 числа прибылъ, гдѣ былъ роздохъ дней съ четыре. Послѣ онаго роздоху получалъ я отъ г. генераль-маіора и разныхъ ордеровъ кавалера *фонъ Вейсмана* письменный приказъ о скоромъ слѣдованіи въ мѣстечко Измаилъ.

Въ Измаилъ прибылъ я съ командою іюня 8 и находился въ точной его г. генераль-маіора *фонъ Вейсмана* командѣ. Тогожъ мѣсяца со веѣмъ корпусомъ означенный генераль *фонъ Вейсманъ*, въ томъ и я съ командою, на ту сторону Дуная, въ мѣстечко Тульчу выступилъ, гдѣ имѣли сраженіе съ непріителемъ, гдѣ убито генераль-маіора и кавалера Григорія Ивановича Черешникова, команды моей козаковъ убито въ смерть 7, ранено тяжело и легко 15. Въ добычу получили съ подъ онаго мѣстечка Тульчи, какъ регулярнымъ войскомъ, такъ и козаками кораблей большихъ военныхъ 4, галеръ, багребасовъ и полубакребасовъ, тоже военныхъ, до немалаго числа.

Послѣ оной экспедиціи ежедневно въ розъѣздъ ходили по рѣкѣ Дунаю, въ коемъ розъѣздѣ случились и непріятельскіе розъѣзды и имѣли съ ними частыя перепальки, только безъ всякаго урону возвращались.

Іюля 20 кабардынскаго пѣхотнаго полка полковника *Планина* вышеупомянутый генераль Вейсманъ съ 4 баталіонами гренадеръ и со всею моею командою, на нашихъ самихъ лодкахъ, посылалъ на усть Дуная, къ морю, для взятія при селеніяхъ раскольническихъ турецкой батареи и сосженія тѣхъ селеній, что тамо все удачѣе исполнено. Команды моей козаковъ убито 2, ранено тяжело и легко 5.

Потомъ вышеозначенный генераль-маіоръ *фонъ Вейсманъ*, получа отъ его графскаго сіятельства, генераль-фельдмаршала графа Румянцева ордеръ объ опредѣленіи къ командѣ моей московскаго карабинернаго полка г. подполковника *А. Я. Якубовича* и ротмистра *М. Я. Сах-*

новского главными командирами надо мною и козаками ¹⁾ съ оными іюля 26 дня изъ мѣстечка Измаила выступили для препровожденія отправленныхъ изъ Измаила 5 галеръ въ гору Дуная, на коихъ былъ морскаго флота 1-го ранга капитанъ *Ив. Ив. Нагаткинъ* и какъ надъ тѣми галерами, такъ подполковникомъ Якубовичемъ и мною, главнымъ командиромъ быть. И прибыли въ мѣстечко Галацы августа 1. Получа подполковникъ Якубовичъ отъ графа ордеръ о слѣдованіи мнѣ и ему съ нами въ г. Браиловъ, въ г. Браиловъ прибылъ августа 6. По прибытіи въ оной городъ, получа вышеписанный капитанъ Нагаткинъ отъ его графскаго сіятельства ордеръ объ оставленіи мене тамъ при ономъ городѣ, для разъѣзду и пресиченія непріятелю коммуникаціи. 6 моего вѣденія лодокъ, а самому съ 13 лодками слѣдовать въ команду г. генераль-квартирмейстера фонъ Бавра, въ его корпусъ состоящій надъ рѣкою Яловицею, гдѣ и по сію пору нахожусь. По сему я въ Браиловъ и оставилъ 6 лодокъ, а самъ съ подполковникомъ и ротмистромъ въ корпусъ 9 августа прибылъ.

Тогожь августа 10-го г. генераль-квартирмейстеръ фонъ Бавръ, взявъ 2 лотки нашихъ и нѣсколько маленькихъ казаковъ, рекогносцировала на той сторонѣ Дуная города Гирсова; однако состоящій на островѣ непріятельской бекетъ близко подѣхать не допустилъ; и такъ оной генераль возвратился назадъ, приказавъ г. подполковнику Якубовичу взять всѣ 12 лотки, збить оной бекетъ и тамошняя селеніе на островѣ сожечь. По якому повеленію все казаками исполнено.

19 августа посланы отъ оного генерала съ подполковникомъ Якубовичемъ, всеми 13 лотками, вверхъ по Дунаю въ разъѣздъ, въ которомъ разъѣздѣ будучи, на непріятельскія 2 судна попали и оныя отбили, а супротивлявшихся турокъ до немала побяли, а 6 человекъ въ плѣнъ взяли и благополучно возвратились, безъ потерянія и одного казака.

26 оного-же мѣсяца посланы были тоже съ подполковникомъ и ротмистромъ (*Сахновскимъ*) отъ генерала Бавра, чтобы подъ самымъ непріятельскимъ городомъ Гирсовомъ и батарееми, въ гавани суда

¹⁾ Это вѣроятно по случаю безпорядковъ въ лодочной командѣ по наущенію одного изъ куренныхъ атамановъ.

забрать, но отъ великихъ изъ города батарей и судовъ, пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, и сколько ни усиливались часовъ до 4-хъ, взять не могли и возвратились обратно безъ малѣйшаго вреда.

4-го сентября я безъ подполковника, съ самими козаками послалъ на низъ рѣки Дуная, на состоящій подъ мѣстечкомъ Дуанъ (Девно), на той сторонѣ, непріятельскій бекетъ, кой велено мнѣ разбить и оное село разорять, что по милости Божей съ козаками я учинилъ, оной бекетъ разбилъ, въ плѣнь одного Агу, кой назвалъ себя Бѣмъ-пашею, съ другимъ туркомъ, и 6 турецкихъ, при томъ бекетѣ находившихся знаменъ взявъ, съ немалою добычею на свое мѣсто повернулись. При томъ-же сраженіи убито въ смерть 4, тяжело и легко ранено 28 козаковъ. Тѣмъ добытые знамена и турка отдалъ генералу Бавру, за что онъ всему запорожскому войску благодарилъ и обѣщалея о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ и графу (Румянцову) и государынѣ писать и рекомендовать.

Тогоже мѣсяца 16 числа посланъ я съ командою и при командѣ моей венгерскаго гусарскаго ¹⁾ полка капитанъ *баронъ Эренбергъ* въ гору Дуная, подъ непріятельское село, прозываемое Черноводы, что-бы оное разорить и сжечь; то я съ капитаномъ и со всею командою оное село разграблялъ и всего изжегъ, и возвратился благополучно.

Оставшіеся по ордеру графа Румянцова въ Браиловѣ 6 лодокъ на посту что издѣлали, значится подъ сямъ:

Августа 11 дня, съ опредѣленнымъ къ намъ командиромъ секундъ-майоромъ *Беличемъ*, ходили они подъ непріятельскій берегъ въ развѣздъ, гдѣ напавъ на 2 судны турецкіе разбили, а 9 турковъ въ плѣнь взяли и до немало багажу, возвратились, при томъ нападеніи убито козаковъ въ смерть 2, ранено тяжело и легко 5.

20 августа съ тѣмъ-же майоромъ Беличемъ ходили на низъ рѣки Дуная въ развѣздъ и подъ непріятельскимъ берегомъ встрѣтились имъ 6 турецкихъ военныхъ галеръ и бакчебасовъ, тожь военныхъ, 2, на коп напали и отбили отъ турокъ ти судна и на оныхъ 26 пушокъ и мѣльныхъ судовъ до немалаго числа. Кой судна и пушки

) Изъ поворооссийскихъ поселенныхъ полковъ.

въ Браиловъ и по ся поры. Съ козаковъ-же не убито и не ранено ни едного. Турокъ 3 человекъ взято.

Оныя 6 судовъ теперъ стоятъ зъ войскомъ на рѣкѣ Дунаѣ противъ города турецкаго, прозываемаго Мечина (Мачишъ) на бекети, и имѣлъ съ непріятелемъ дважды сраженіе, съ козаковъ-же ранено 1, убито въ смерть 1».

Полковникъ Сидловскій, окончивъ свой журналъ и рапортъ, на записочкѣ (картелюнкѣ), пишетъ по дружески г. Кошевому:

«Вельможности вашей отъ меня и отъ всей команды в поклонъ съ добытыхъ на той сторонѣ Дуная вещей: наблю, подъ серебромъ ножи, попередникъ козекій съ серебрянными жучками, пану писарю войсковому Ив. Я. Глобѣ часы карманные, тоже тамо добыты, серебрянны, чрезъ атамана поповичева (курня) Петра Мовчана посылаю».

За службу козаковъ запорожскихъ въ компаніи 1771 года войско удостоилось слѣдующей монаршей грамоты, о которой упоминаетъ князь Долгоруковъ въ приведенномъ выше orderѣ отъ 12 мая ¹⁾.

«Божіею милостію мы Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего императорскаго величества подданному, низоваго войска запорожскаго Кошевому Атаману и всему войску запорожскому, нане императорскаго величества милостивое слово.

Предводительствующій второю нашею арміею генераль-аишефъ князь Долгоруковъ доношеніями своими засвидѣтельствовалъ намъ, что во всю прошедшую кампанію отъ поданнаго нашего низоваго войска запорожскаго по всеѣмъ мѣстамъ, гдѣ оное по распоряженіямъ его находилось и упражнено было, возложенная служба исправляема была съ еяностію и возможнымъ прилѣжаніемъ. Мы, будучи всегда полезнаго мнѣнія одолженнаго къ намъ и къ службѣ нашей усердія низоваго войска запорожскаго, съѣмъ болшимъ удовольствіемъ приемлемъ сіе подтвержденіе, чемъ еходственное тому наше было и собственное ожида-

¹⁾ Грамота списана съ копій и формально засвидѣтельствована слѣдующимъ образомъ: «съ оригинальнаго сводаль войсковой канцелярности *Демко Ремаревъ*; перекопѣвана марта 25, 1772 г.».

ніе, в поелику и случай получаемъ предявить сею мужественному и ревности къ вѣрѣ и отечеству пренеполенному войску монаршее наше благоволеніе за подъятыя имъ подвиги, основанныя на сугубой должности вѣрнаго поддѣанства и благочестія, такимъ образомъ всемилоствѣйше мы, похваляя сею нашею императорскою грамотою помянутое низовое войско запорожское, совершенно надѣемся, коимъ образомъ оноо продолжать службу свою будетъ къ намъ и къ нашей имперіи вѣрно, рачительно и мужественно и впредь, какъ при настоящей противъ врага креста Господни войнѣ, пока в мирѣ твердой и полезной не преобразимел, такъ и во всякое время, къ чему когда употреблено быть можетъ, и всегда сточностию по тѣмъ повелѣніямъ поступать имѣеть, кои даванныи будутъ отъ насъ и нашимъ высочайшимъ имянемъ отъ начальниковъ, довѣренности нашей удостоенныхъ. Между тѣмъ и монаршая наша милость и призрѣніе ксеому нашему подданному войску не только продолжаемы, но, по мѣрѣ оказываемыхъ отъ онаго услугъ, и усугубляемы будутъ.

Пробываемъ мы нынѣ къ вамъ Кошевому Атаману и всему войску благонамѣренны и благосклонны. Дана въ Санктъ-Петербургѣ февраля 22 дня 1772 года.

Оригинальная собственною ея императорскаго величества рукою подвисана тако:

Екатерина ¹⁾).

А вотъ нѣсколько отрывковъ похода Дунайцевъ въ 1772 году.

7-го мая командированный съ пѣшей командою полковникъ Ледо, для привода въ море лодочнаго отряда, доноситъ Копу, что команда съ полковникомъ *Иваномъ Мандро*, замѣшившимъ больного, а вскорѣ и умершаго Сидловскаго, мая 5 благополучно отправилась внизъ по Днѣстровскому Лиману, «а мы леда и казаки по близу Кивбурна чрезъ всю ночь стояли и пальбы съ Очакова, съ города и судовъ не слышали».

23 іюня полковникъ Мандро доноситъ уже Кошевому:

«Исполня я данное вашей вельможностью, при выкомандированіи меня въ Черное море, даже до Дуная, повелѣніе, съ командою, съ 7 противъ 8 прошлаго мая, мимо крѣпости очаковской и кивбурнской

¹⁾ Копія почги въ ключахъ, съ трудомъ мною перенесана.—А. С.

прошелъ благополучно, а маршируючи онымъ моремъ, первую имѣли прѣстанъ при Аджибей (нынѣ Одесса), гдѣ простоявши до полтора дня, приняли путь даже до Акермана, и отъ сихъ обоихъ мѣстъ мая 20 ч. съ Акермана даже до Дунайскаго гирла какъ послѣдовали, то несчастливою фортуною, отъ послѣдовавшаго морскаго не малаго вѣтру, 2 лотки куреней каневского и вышестеблевскаго, при косяхъ противъ Татарь-Пунары ¹⁾ лежачой, въ мелкіе части побило и все въ ономъ козачье имѣніе потонуло, и съ тѣхъ лодокъ 3 козаки батуринскаго куреня втонуло. При которой косяхъ мы простояли дней до 5, ожидая тишины погоды. Но сколько не ожидали той тишины, токмо оной не дождавъ, въ Дунай даже до Исмаила прибыли. Откуда въ 28 день мая, по повелѣнію в. в., писарь нашъ Потапенко къ е. п. г. адмиралу Нольбу, кой находился въ Яссахъ, съ представленіемъ, какъ о прибытіи нашемъ, такъ и послѣдовавшей вышеписанной фортуны, былъ отправленъ. По которому представленію былъ полученъ мною отъ е. п. приказъ съ обнадеживаніемъ удовольствоваться высочайшею грамотою за проходъ мимо крѣпостей очаковской и киябурской, съ платою и за пощепленія въ морѣ вещи награжденіе, что все нами и получено».

Въ это время начались были переговоры съ турецкими военными властями и даже были надежды на перемиріе; по этому случаю полковникъ Мандро 29 іюня доноситъ Кошевому, что «онъ состоитъ отъ города Смаилова (Измаила) верстъ за 8, при урочищѣ Ясенѣ, и не имѣлъ еще никакого извѣстія, каково будетъ предпріятіе, только часто требуется съ команды его лотогъ и козаковъ для посылки по разнымъ экспедиціямъ».

Видно служба козаковъ на водахъ была довольно тяжела, ибо изъ команды «Дунайцевъ» посланъ былъ списокъ для поминованія въ сѣчевой церкви, въ которомъ показано, что изъ ихъ отряда 26 убитыхъ въ бою и 74 умершихъ отъ ранъ и болѣзней.

Вскорѣ полученъ былъ отъ главнокомандующаго ордеръ, чтобы козаки съ лодками оставались на мѣстѣ стоянки до дальнѣйшаго распоряженія.

¹⁾ С. *Татарь-Пунаръ*, акерманскаго уѣзда, въ Бессарабіи, при впаденіи рѣчки Кагильникъ въ Дунай.

Замѣтимъ **многочисленно**, что въроятно и въ давно прошедшее время г. генераль-интенданты **были** столь-же любезны къ солдату, какъ и въ минувшія компаніи 1850-хъ и 1870-хъ годовъ. Начальникъ лодочнаго отряда, дѣйствовавшаго столь усердно, по волѣ самой великой государыни, восхваляемый за усердіе гр. Румянцевымъ и княземъ Долгорукиимъ¹⁾, попалъ на время отсутствія адмирала Нольса (въ іюнь 1772 г.) въ команду оберъ-интенданта Мих. Ил. *Рябинина*. На просьбу козаковъ помочь имъ въ поискѣ потерянныхъ въ бурѣ лодокъ или пріобрѣтеніи новыхъ, постоянно «проводучая», отвѣтилъ наконецъ: «что козаки пришли сюда уже не подь военное время и врядь въ нихъ надобность предлежать будетъ».

Не такъ думало настоящее военное начальство, ближайшій командиръ лодочнаго отряда, полковникъ Якубовичъ. Вотъ часть его письма къ кошевому, отъ 25 октября 1772 года изъ Измаила.

«Честь имѣя сверхъ регулярныхъ войскъ, запорожскими, прибывшими сюда на судахъ, козакими командовать, усматривая въ тѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ операціяхъ, въ экспедиціяхъ важныхъ прошлаго года за Дунаемъ: подь Тульчею, Мачиномъ, Гирсовомъ, Силестрою и другими турецкими городами и мѣстечками, достохвальныя, храбрыя ихъ дѣла, довольно тогда же его сіятельству, высокоповелительному г. генераль-фельдмаршалу рекомендовалъ, почему каждый изъ нихъ, кромѣ другихъ награжденій и авантажа, и портреты ея императорскаго величества на медаляхъ получали».

Козаки съ лодками остались все неотлучно при 1-й арміи, какъ видно изъ рапортовъ новаго ихъ командира, полковника Ивана Душлица, отъ 14 октября и 8 ноября. «Нахожусь я, пишетъ оятъ, съ командою противу города Силестріи при урочищѣ Шикпрешли, въ командѣ г. г.-маіора и кав. Григорія Александровича *Потемкина*, гдѣ и повелено пріостановится всей арміи и не производить военнаго дѣйствія до предбудучаго 1773 года марта 9 числа перемирія, порядочно и благополучно».

Мы уже упоминали въ книгѣ нашей²⁾ о бывшей тогда модѣ или прихоти русской знати и даже простыхъ военныхъ людей

¹⁾ См. ниже ордеръ Румянцева отъ 3 октября 1773 года.

²⁾ *Исторія Новой Сѣчи*, ч. I, стр. 126—1828.

записываться въ козачество зашорожское «товарищами» по избраннѣмъ куренямъ. Вотъ полковникъ Душличъ въ письмѣ отъ 8 ноября 1771 года проситъ о зачисленіи въ козаки: черкесскаго князя *Калитанова*, «Кызларскаго Терека войска: *Ивана и Петра Григорей*, поручика греческой націи *Маргарита Арнаутскаго* и донскаго полковника *Михаила Алексѣя*», такъ какъ они «очень честные люди», наивно свидѣтельствуешь намъ полковникъ.

II.

Но вотъ перемиріе кончилось, война съ турками возобновлена, и «Дунайцы», участвуя въ ней, потеряли уже много своихъ братьевъ и въ томъ числѣ полковника Душлича, умершаго отъ ранъ. На мѣсто его въ Кошѣ обществомъ избранъ атаманъ дядьковскаго куреня *Кондратъ Гукъ*. Здѣсь узнаемъ мы, какъ древнее «братство» куренное до самаго конца свято уважалось въ войскѣ. Полковникъ Мандро августѣ 1773 года просилъ, чтобы козаки вновь прибывшіе—вѣроятно на мѣсто 120 умершихъ и убитыхъ,—непремѣнно совокупились «куреньями», ибо таковое желаніе всей лодочной команды.

Первое и весьма тяжкое дѣло имѣли козаки въ іюнѣ 1773 г., какъ видно изъ допесенія Кошу начальника первой команды полковника *Герасима Коленка*.

«Черезъ сего нарочнаго посланнаго отъ насъ, атамана *Илиина Хорта* объявляемъ в. в., что у насъ была съ неприятелемъ баталія, съ начала сего 1773 г. мѣсяца іюня 1 числа, выше Силистріи, за Дунаемъ, въ мѣстечку Вѣтровицы, вторая-же противъ Силистріи, въ островѣ, мая 26 числа баталія была, гдѣ и полковника Душлича поранили, и отъ той рапы и померъ. Въ третьи-жъ разъ какъ пошли подъ городъ Силистрію, гдѣ былъ самъ графъ *Рулинцовъ* и генераль поручикъ *Потемкинъ*, и намъ выигрышъ похвалилъ. За что мы, благодаря Бога, и всемилостивѣйшей нашей государинѣ, и вашу вельможность, что мы счастливо находились, и не отказываемся службы своей. Іюля 31, 1773 г.

Объ этихъ «баталіяхъ» писалъ еще Коленко 8 августа того года слѣдующее.

«Сего 1773 года, іюня черныхъ чиселъ, принося мы вѣрно за вѣру и отечество Богу и всемилостивѣйшей нашей государинѣ службу, будучи

подъ городомъ Силистрією, ише смерть пострадали, а ише раны приняли. Прилагаемъ при семъ именной списокъ козаковъ убитыхъ и отъ ранъ умершихъ (какъ оказалось, 43 человекъ).

Списокъ этотъ посланъ въ Сѣчь для поминовенія во всѣхъ церквахъ запорожскихъ.

Вотъ еще донесеніе начальника второй лодочной команды, полковника Мандро, о томъ-же, но писанное вѣроятно какимъ нибудь писаремъ изъ духовнаго званія, изъ котораго молодежь, особенно школьники, частенько уходили козаконать на Запорожье. Это будетъ и образецъ козацкой литературы.

«Зчисляя мы продолженіе нашей къ всероссійскому е. и. в. престолу службы, которая какъ явила свое начало, то въ томъ мы свою храбрость и мужество первѣе всѣхъ войскъ, не однокжды, на той сторонѣ р. Дуная оказать счастье имѣли. А съ тѣхъ поръ почти во всякій день въ сраженіи съ непрітелемъ какъ на той-же сторонѣ Дуная, такъ особливо подъ часъ чинимыхъ непрітелемъ на сію сторону Дуная переправъ, къ воспрепятствованію его намѣренія, съ усердною ревностью, храбро, якъ долгъ есть воиновъ, поступали, не уступая непріятелю (доколь приказъ не пойдетъ) ни на одинъ сажень мѣста. Въ тыхъ-же сраженіихъ урону съ нашей стороны было козаковъ убитыхъ 5, а раненныхъ до 50.

Городъ Силистровъ (Силистрія) какъ былъ россійскими войсками атакованъ, то къ этому командировано было нѣкоторую часть изъ командъ запорожскихъ, — оставили надлежащее число при судахъ, козаковъ, гдѣ будучи во время сраженія, не только не устрашились силъ въ шанцахъ и рвахъ бывшихъ непріятельскихъ, такожъ многого числа пушекъ, но еще съ помощью Бога, счастиемъ-же е. и. в. и вашей величости, съ усердіемъ и ревностью бросившись на нихъ съ мѣлкими оружіемъ, выбили съ тѣхъ шанцевъ и рововъ, такожъ и отъ ихъ пушекъ отогнавъ, гнали и убивали многихъ въ самомъ форштатѣ. Урону подъ городомъ въ козаклахъ, по воли Божіей, явилось убитыхъ 7 человекъ, а раненныхъ 22.

Нынѣ состоимъ мы при Гирсову и дѣлаемъ поискъ надъ непрітелемъ во верху Дуная лотками, повелителя-же имѣемъ «армін дежурства г. м. *Малорадовича*» (Августа 9, 1773 г.).

За симъ слѣдуютъ и военные комплименты запорожцамъ отъ «высокаго» начальства. Начнемъ съ весьма любопытнаго письма Потемкина, и не въ Кошъ, а прямо къ подчиненнымъ дочичнымъ козакамъ ¹⁾:

«Войска запорожскаго обоихъ командъ полковникамъ, старшинамъ и товариству!

«Бывъ свидѣтель ревностной вашей службы, мужественнымъ поступкомъ и воинскаго одолѣнія христо-ненавистныхъ враговъ, и потребляемаго вами искусства, пользуясь искреннею благосклонностью съ дружбы вашей, по приѣздѣ моемъ въ Петербургъ, имѣвъ счастье получить отличный знакъ монаршихъ милостей жалованьемъ меня: генераль-адъютантомъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка подполковникомъ, воинскаго совѣта членомъ и орденовъ: св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеромъ,—за первый довлѣющій меня долгъ почелъ вновь справедливостью донести о томъ е. и. в., всемилостивѣйшей государицѣ и матери нашей, которая, уважая достойные ваши подвиги, для защищенія отечества предприемлемыя, въ залогъ высочайшаго къ вамъ своего благоволенія, всемилостивѣйше повелѣла въ императорской своей казны учинить вамъ награжденія, для полученія коихъ, по донесеніи къ вамъ сего листа, пришлите кого либо изъ своихъ письменныхъ людей, и если живъ *Герасимъ (Черный)* писарь, то и его затѣмъ сюда повелите отправить. А съ нимъ-же, въ знакъ моей къ вамъ любви, должаюсъ па всѣ курени прислать каменварныхъ котловъ самой лучшей здѣшной работы. Я надѣюсь, что подарокъ сей приобрететъ ваше удовольствіе и будетъ служить напоминаніемъ вамъ моей дружбы, которая навсегда пребудетъ съ моей стороны ненарушимо сохраняема во всякое время, съ желаніемъ разширенія вашей славы, неустрашимость вашу велегласно проповѣдующей и повсемѣстно стягающей вамъ похвалы. Будьте увѣрены, что всѣ случаи въ исходатайствованіи вамъ полезнаго открывающагося не пропустятся мною,—дабы доказать вамъ, что я былъ, и есмь, и на всегда буду. Вашъ всеохотѣйшій слуга

Село Царское

Григорій Потемкинъ.

1774 года, 22 мая.

¹⁾ Къ сожалѣнію списано съ копій; другія письма Потемкина пѣвезъ въ подьяничкакъ. Хотя писано и «высокимъ» вельможею, но по слогу мало отличается отъ донесеній запорожской старшины, писавшихъ бѣдными писарями войска.

За этими деньгами и котлами козаки изъ подъ Силистріи послали въ Петербургъ упомянутого писаря своего Герасима Чернаго и ~~жестка~~ Демида Чернаго.

Но и герой Румянцевъ Задупайскій не отказывалъ «Дунайцамъ» въ своемъ покровительствѣ, какъ видно изъ его ордера отъ 20 октября 1773 года, изъ Фокшанъ, къ Кошевому:

Государь мой Петръ Ивановичь!

Получа письмо ваше, которымъ вы просите, чтобы я учинилъ представительство о награжденіи старшинъ и козаковъ войска запорожскаго, пришедшихъ (къ Дунаю) 772 года, медалями, по примѣру ихъ товариства, что ошіе получили здѣсь за свою службу, не хотѣлъ я упустить, чтобы не обнадѣжить васъ, что сіи усердые службѣ войны, въ многихъ уже дѣйствіяхъ мужествомъ отличившіеся, обязали меня по должности также ходатайствовать о справедливомъ воздаяніи, чего и не оставляю а учинить, пребывая между тѣмъ съ моимъ почтеніемъ Вашимъ, государя моего, доброжелательнымъ слугою.

Графъ Румянцевъ.

А вотъ и финаль «Дунайской» экспедиціи храбрыхъ запорожскихъ аргонавтовъ, а финаль, увы, довольно злополучный. Расскажемъ этого финала мы закончимъ нашу правдивую лѣтопись.

Благодаря побѣдамъ Румянцева, война кончилась. Миръ съ турками заключенъ 10 іюля 1774 года, и войску запорожскому повелѣно возвратиться домой. На этомъ основаніи 15 сентября 1774 года, по распоряженію главнокомандующаго, генераль-поручикъ М. Каленскій¹⁾ уже не ласковымъ тономъ, какъ бывало прежде, а грубымъ казарменнымъ слогомъ предписываетъ полковнику Гуку:

«По полученіи сего слѣдуй со всей запорожской командой къ Сили. А будучи въ пути, встрѣчающимся турецкимъ военнымъ или куческимъ судамъ и на берегахъ обитающимъ жителямъ обидъ и разореній не чинить; а когда оказаны будутъ отъ васъ обиды и дойдутъ о томъ жалобы, то вышние смертью казаны будутъ; о чемъ во

¹⁾ Бывшій въ царствованіе императора Павла новороссійскій военнымъ губернаторомъ.

всѣ лодки объявите. По прибытіи-же въ Сѣчь, явитесь къ вашей командѣ».

Таково было послѣднее, любезное сношеніе «Дунайцевъ» съ меньшимъ начальствомъ армій. 17 сентября злополучные молодцы пустились къ морю и, счастливые до сихъ поръ въ борьбѣ съ врагами, на пути къ роднѣ подверглись враждебнымъ природнымъ стихіямъ. Вотъ подлинныя донесенія Кошу отъ начальниковъ обѣихъ лодочныхъ командъ:

«Достигши мира въ войнѣ, продолжавшейся съ турками, а потому получа отъ командуемаго позволеніе къ движенію въ обратный путь, за таковое емшися сентября съ 17-го, путешествовали Дунаемъ и Чернымъ моремъ благополучно только до 21 числа. А противъ оного въ ночи, вѣющимъ не обычно вѣтромъ, колебаніе моря продолжавшееся на многіе часы постигло тамъ, гдѣ былъ трудной и почти совсѣмъ не возможный способъ къ избавленію судовъ отъ разбитія. Потому и неожиданной гибели предало 37 лодокъ съ девяти пушекъ и при оныхъ во множествѣ бывшій экипажъ, простирающійся съ готовымидеятамъ на 20,000 рублей. Едва мы спаслись наго почти, что артиллерію спасая, къ сему единому пощечію обратились. И такъ съ разбитыхъ лодокъ 2 только, казавшіяся лучшими и удобнѣйшими къ поправкѣ: кущовскую и незамайскую исправивъ, а къ тѣмъ нанявъ въ Аккерманѣ у очаковскихъ турковъ за 107 рублей томбазъ, оной и тѣ 2 лодки подъ оставшуюся артиллерію употребили до *Кизьяго* ¹⁾. А тамъ выгрузя въ суда запорожскіе, на сихъ оттолъ въ надлежаще мѣсто поставили при мнѣ полковника Мандро съ козаками, продолжавшими водою и румомъ (берегомъ) путь. А что былъ оной многотруденъ и бѣдственъ, такъ что могли въ велику силу достигти Сѣчи ноября 14.

И-же полковникъ Гукъ 30 пароволовыхъ воевъ получивъ отъ аккерманскаго коменданта и славъ на оныя харчки и послѣдню оубжъ, при томъ-же и не могущихъ по болѣзнямъ идти, двинувшись, слѣдовали стенью на Бендеры, но надъ Приликомъ (р. Мгорликъ) и Польщю, гдѣ у обывателей перестоятъ порядочно, по отводу, нашелся

¹⁾ *Кизья*. *Кизій-мысъ* или Кизыларъ, урочище, гдѣ оканчивается казальницкое гирло Днѣпра, въ херсонской губерніи и уѣздѣ.

привужденный отъ стужи до времени возможнаго къ ходу. И такъ повольно вступили въ границу нашу, коею слѣдуя, прибыли къ Сѣчи января 27, въ велику зиму, отъ которой, что сильно увеличилась предъ временемъ прибытія, претерпѣли великій холодъ и лишившись здоровья, многіе ощутили калецтво».

Полковникъ *Кондратъ Гукъ. Иванъ Мандро.*

Такъ описывали храбрые и честные «Дунайцы» свое возвращеніе съ послѣдняго, славнаго, какъ и вся ихъ исторія, похода. Иначе объясняли это возвращеніе въ Петербургѣ, гдѣ въ то время рѣшалась участь Запорожья, какъ уже не нужнаго. Вотъ что писалъ оттуда въ Кошъ послѣдній депутатъ войска Антонъ Головатый¹⁾:

«Мы зъ Велигурою (полковникомъ калмусской поланки) цѣль у Потемкина крѣпкій пушиль; нашихъ дунайцевъ оболгалъ какой-то генералъ (Рябининъ): что они отдавали ему свои лодки въ соблюденіе, а самимъ-бы идти пѣшкомъ чрезъ Польшу для грабительства. А когда ему мы сказали, что у нихъ всѣ лодки погода побила, то онъ Потемкинъ не вѣритъ, такъ я ему въ отвѣтъ сказалъ: «бакал въ свѣтъ есть ложь! Они остались бѣдны по причинѣ судьбы своихъ лодокъ, да хотя-бы и пошли пѣшкомъ на грабительство, то что они пѣшіе занесутъ?» А Потемкинъ выговорилъ: «будто я не знаю вашихъ ухватовъ? Пѣшкомъ поидеть, а узду за поясомъ одну, либо въ сакахъ двѣ, то на нихъ и коней весьма скоро добыть могутъ, чтобы не пѣшому быть каждому, а вавьючить добычь, для облегченія себя».

Это было сказано Потемкинымъ въ началѣ февраля 1775 г., т. е. 8 мѣсяцевъ едва спустя послѣ приведеннаго выше любезнѣйшаго письма тогожъ «Нечосы»²⁾ и подарка котловъ кашеварныхъ на всѣ курени.

Вотъ чѣмъ кончились подвиги «Дунайцевъ» въ войну 1770—1773 гг. Потерявъ убитыми и ранеными до 200 челов., потерявъ лодки и все добытое имущество, они увидѣли дорогую Сѣчь на капуиѣ ея гибели и, что было не менѣе тяжело для козака, слышали упреки и ругательства отъ коварнаго царедворца, хотя и военнаго чловѣка.

А. Скальковскій.

¹⁾ Истерія Новой Сѣчи, ч. III, стр. 171—172.

²⁾ «Нечосою» прозвали козаки Потемкина при пріемѣ въ кущовскій курень отварившемъ. Вѣроятно—за его кудрявую прическу или даже парикъ.

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) ¹⁾.

Чѣмъ долѣе жить въ своемъ приходѣ о. Харитонъ, тѣмъ болѣе привязывались къ нему его прихожане: его любили, какъ и прежде, за его тихій нравъ, кроткую и добрую душу, привѣтливое обращеніе, благоговѣйное служеніе, и старались помогать ему во всемъ, предугадывая его нужды, предупреждая его просьбы. Опорядивъ его дворъ еще великимъ постомъ, руками говѣльщиковъ, громада ждала только времени, чтобы вспахать поле своего батюшки, а потомъ сжать, свезти и перемолотить хлѣбъ.

Настала поздняя, теплая весна. Пришелъ свѣтлый праздникъ— Воскресенье Христово. Въ первый день, разговѣвшись «священнымъ» и отдохнувъ послѣ ранней и долгой службы, чуть-ли не вся ольшаницкая громада собралась на погостъ провести время вблизи церкви, какъ заведено съ-покою въку. Староста и братчики, по старому обычаю, наварили къ празднику меду. Медъ продавался въ хатѣ, которая стояла въ концѣ обширнаго погоста и называлась школой. Въ этой хатѣ и въ самомъ дѣлѣ была когда-то школа; но это было давно, а теперь никто въ ней не учился, и звалась она школой лишь по предавію. Мушкетеры и жепичники разсѣлись кружками по всему погосту. Вездѣ видны были разостланныя въ срединѣ кружковъ на зеленой травѣ чистыя скатерти и полотенца. На нихъ

¹⁾ См. «Кіевская Старина» 1881 г., декабрск. кн., стр. 586—620.

лежали крашанки, пшанки, пироги и куски «паски» для закуски. Къ этому приставляли кружки, фляжки и просто горшечки съ медомъ, кое-гдѣ видялись и бутылки съ водкой. На погостѣ стоялъ говоръ, шумъ, веселье, но не громкое, а сдержанное, какъ подобало святому мѣсту. Муцины и женщины христосовались, обнимались и цѣловались. Одинъ кружокъ запрашивалъ къ себѣ близкихъ сосѣдей и пріятелей изъ другихъ кружковъ. Одни другихъ угощали медомъ или водкой, обмѣнивались крашанками и писанками. Подходившія вновь молодицы развязывали платки со «свяченымъ». А за погостомъ, на выгонѣ, дѣвчата и хлопцы впервые вышли цѣть веснянки и играть въ веселныя игры. Дѣвчата впервые, послѣ продолжительнаго поста, нарядились во исѣ цвѣты и ленты, сколько ихъ лежало въ сундукахъ; одѣлись въ свѣтлыя юбки и *сподницы*, въ сафьянныя красныя сапоги. Зеленый выгонъ будто зацвѣлъ роскошными цвѣтами маку и мальвы. Въ одномъ мѣстѣ дѣвчата, побравшись за руки въ кружокъ, выводили тапецъ, распѣвая *перепелки*; въ другомъ бѣгали въ *хрецики*, а тамъ далѣе сидѣли длинными рядами и играли въ *женытана*. Дѣти сновали по погосту и по выгону, катали крашанки по травѣ, играли на *обитки* крашанками. А на выгонѣ, на зеленой травѣ паслись гуси съ желтыми гусятами, паслись и весело подпрыгивали агцята, а крохотныя ребятишки изо всѣхъ силъ гонялись за ягятами. Молодые парни стояли группами вокругъ дѣвчатъ въ новыхъ барашковыхъ шапкахъ, въ черныхъ и бѣлыхъ свиткахъ, подпоясанные красными или зелеными поясами, любовно поглядывая на ихъ разцвѣтшія лица, постукивая баблуклами въ тактъ ирѣ и пѣсель, подмигивая бровями, заигрывая словами. Вездѣ раздавалась пѣсня. Хлопцы згопизи такъ, что тряслась колокольня. На всѣхъ лицахъ сіяла радость, счастье весны и любви. А солнце съ высокаго сизаго неба яснымъ, теплымъ свѣтомъ обливало зеленый выгонъ, цвѣтныя группы дѣвчатъ и парубковъ. Даже старики принарядились, помолодѣли и похорошѣли. И праздникъ, и весна, и зелень, и золотистое солнце всѣхъ развеселили, всѣхъ наполнили радостью и покоемъ.

— А що, шапове громадо,—началъ одинъ старикъ на погостѣ, держа въ рукахъ чарку мѣду: нашъ молодой батюшка не Богъ-зна съ якими достатками. Въ молодого господаря порождя и кипевя

и комора. Коли мы выбрали ёго соби на параквию, то треба ёму и помогти.

— А вже-жъ треба,—отозвался староста, сиди на травѣ: давъ Богъ весну, часъ выражати въ поле плуги. Батюшка самъ не спроможеться выорати поле. Треба выслати въ поле громадскы плуги, та выорати ёму поле пидъ ярилу.

— А вже-жъ треба, поки самъ не стае добре на ноги,—отозвались старики: а якъ не мае насипня на посивъ, то треба бѣ и засіяти.

— Отъ приде правити вечерню, то и спитаемо,—сказаль староста.

Слустя немного вышелъ на погость Моссаковскій съ женою. Нхъ окружили люди и стали христосоваться съ ними: и мужчины и жепцины христосовались и съ батюшкою и съ матушкою, обмѣниваясь крашанками. Молодицы усадили матушку въ одномъ изъ своихъ кружковъ на камнѣ, батюшка присѣлъ у колокольни на ступецькахъ, окруженный стариками.

Послѣ нѣсколькихъ словъ по поводу праздника и погоды, одинъ изъ почетвѣйшихъ стариковъ заговориль къ батюшкѣ отъ лица всѣхъ:

— А що, батюшко, часъ може оце по святахъ и въ поле съ плугами выходить? За теею панциною та за холодами мы ще не орали, але здаеця и ваше поле не почате лежить;—то може благословитимите по святахъ до ёго поспереду зъ плугами зайти.

— Спасибі вамъ, люди добри. Якъ ваша ласка, во й поможитъ,—ласково благодариль Моссаковскій, славяясь народу.

— Допоможемо, батюшко, отозвался староста. Коли мы вже выбрали васъ, то повинни и въ хазайстві вамъ допомогти.—Выоремо, батюшечко, приговаривался другой старикъ, а якъ Богъ ма чимъ засіяти, то й насипня дамо.

— Ни, спасибі вамъ, сказаль Моссаковскій: насипня въ меце с, тесьь давъ, а коли ваша ласка, то выоритъ, бо я не спроможусь своими ваймитами та волами.

— Выоремо! Чому не выорать?—отозвалось вдругъ нѣсколько голосовъ. Громада сильный человекъ: одни пидуть по дню зъ плугами, други зъ ралами, а трети зъ боронами, та и буде кинецъ. Абы вы до насъ добры були, а мы вамъ поможемо.

Моссаковскій вновь кланялся и благодарилъ. Между тѣмъ староста поставилъ столъ. Принесли меду и «свяченого». Чарка пошла кругомъ стола. Между батюшкой и прихожанами шла искренняя, сердечная бесѣда, каковой теперь уже не услышать. Вокругъ церкви, на погостѣ и за погостомъ веселилась, какъ одна душа, убогая паства съ своимъ пастыремъ тихою праздничною радостью.

Зазвонили къ вечернѣ. Говоръ и пѣсни смолкли. Все, что было на погостѣ и выгонѣ, стало на ноги, все двинулось къ церкви. Выгонъ и погостъ опустѣли. Только малые хлопята выглядывали группами изъ оконъ колокольни, выжидая время, когда еще разъ можно будетъ поиграть на колоколахъ.

Прошла Свѣтлая недѣля, минули и проводы. Послѣ проводъ громада выслала плуги на поле Моссаковского. Моссаковскій собрался въ поле съ водкой и закуской угощать и подкрѣплять оравшихъ. Онися навязалась ѣхать съ нимъ.

— Одже, Онисіе Степаповно, безъ васъ мабутъ и вода не освятится,—говорилъ Моссаковскій, ѣдучи въ поле.

— Я, бачъ, и до хаты, и до плуга, и до рала. Куди хочь поверни, скрызъ пайду ладъ. Не дурножь я въ батька часомъ и кони поганяла,—отвѣчала Онися.

Громадскіе плуги покрыли поле. Вспаханная свѣжая земля чернѣла и лоснилась на солнцѣ. Жаворонки весело распѣвали надъ нивой, высоко подымаясь вверхъ. Плугатаря и погоничи выкрикивали на разные лады, погоняя воловъ. Моссаковскіе, подъѣхавъ къ полю, остановились на межѣ и поздоровались съ людьми. Онися соскочила съ воза и побѣжала по межѣ оглядывать поле. Староста и батюшка едва поспѣвали за нею. Моссаковскій совѣтовался со старостой, гдѣ сѣять гречку, гдѣ просо и овесь, гдѣ коноплю и лець. Онися вмѣшивалась въ разговоръ, сама распорядилась, будто она была хозяйномъ; показывала, гдѣ и что сѣять, и доказала, что она и въ самомъ дѣлѣ многое понимаетъ въ мужскомъ хозяйствѣ. Староста съ батюшкой, глядя на нее, только пожимали плечами.

На межѣ развели огонь, поставили треножникъ, повѣсили чугушый котелокъ. Онися засучила рукава, закуталась платкомъ, чтобы не загорѣло лицо, и принялась готовить для рабочихъ полдникъ.

— Що це наши хлопци не выизджають съ плугомъ? говорилъ Моссаковский, посматривая на дорогу: яжъ имъ звеливъ заразъ за нами рупати съ двору.

— И не жди, бо не выидуть,—сказала Онися, кроша лукъ и отирая рукавомъ слезы, которыя текли отъ остраго запаху лука.

— А чомъ вони не выидуть? спросилъ удивленный батюшка.

— А тимъ, що я звелила имъ копати зъ дивчатами городъ.

— Алежъ вы, Онисіе Степановно, кольсь казали, що мы подили-мось слугами: щобъ наймички були ваши, а наймиты мой,—припомпиль насмѣшливо Моссаковский прежій уговоръ, который онъ исполняль свято.

— Атъ, згадавъ торинше свято, отвѣтила Онися: хвба нема кому поле выорати? Дивись, онъ скільки плугивъ!

— Алежъ, Онисіе Степановно, подумайте, що скаже громада. Скажуть, що я скидаю на неи всю роботу, а своихъ наймитивъ жалую.

— Этъ, говори! Вже ты наговоришь «три мишки гречавон повни, та ще и уси не повни». Ты лучше не думай. «Инджкъ думавъ та и здохъ», кажутъ у приказци,—говорила съ неудовольствіемъ Онися, бросая лукъ въ котель.

Батюшка замолчалъ; онъ самъ уже видѣль, что жена его забирасть верхъ въ хозяйствѣ и лишь для формы спрашиваетъ иногда у него позволенія взять къ своей работѣ мужскую прислугу, на самомъ-же дѣлѣ давно сама всѣмъ распоризається.

Каша закипѣла. Онися вытянула изъ воза мѣшокъ съ сухарями и хлѣбомъ, разострала по травѣ полотенца, положила ложки, поставила миски и поставала «орачей» на полдникъ. Староста спяль котелокъ и налилъ кашу въ миски. Въ чистомъ воздухѣ расходился запахъ горячей пици и смѣшался съ тяжелымъ запахомъ дыма и помятой молодой травы. Ароматы луку и сала дразнили нервы и аппетитъ. Отець Харитонъ досталъ съ воза боченокъ съ водкой и налилъ въ фляшки. Загорѣлые плугатарци и пороници въ бѣлыхъ рубахахъ и безъ шапокъ подошли къ возу. Моссаковский выпилъ самъ, попотчивалъ всѣхъ и сѣлъ за полдникъ рядомъ съ «орачами». Онися брала опорожненныя миски, наливала кашу изъ котла, быстро рѣзала и раскладывала предъ рабочими хлѣбъ, чтобы они не тратили много времени за ѣдой и скорѣе вновь приня-

мались за работу. Окончивши полдникъ, орачи выпили еще по чарѣ водки, перекрестились на востокъ, поблагодарили панотця и матушку и пошли къ плугамъ. Опися мигомъ убрала все, сложила на возъ, еще разъ пробѣжала по полю, указала старостѣ, гдѣ посѣять коноплю и ленъ, наиболѣе необходимые для ея женскаго хозяйства, и торопила мужа ѣхать домой.

— Поганяй, паноче, швидче, бо я знаю, що мои наймички не копають, а граються зъ наймитами, говорила Опися мужу.

— Та нехай трохи пограються! Не велика беда.

— Отъ тоби и невелика беда. Швидче скопають городъ,—будуть иншу роботу робити.

Только что они въѣхали во дворъ, Опися соскочила съ воза и побѣжала на огородъ. Наймички дѣйствительно загрывали съ наймитами, кидали въ нихъ корнями бурьяна, комьями земли; наймиты гонялись за дѣвчатами по вскопаннымъ грядкамъ, а заступы торчали въ землѣ, какъ сироты. Опися крикнула на слугъ, выбранилась на весь огородъ и побѣжала съ жалобой къ Харитону, которому было однакожь мало пужды и до слугъ и до огорода. Опися взяла заступъ и пошла сама въ палисадникъ копать грядки на цвѣты.

— А ну, паноче, ходи лишень сюди та скородь мени грядки,—крикнула она мужу, который собирался уже залечь на канапкѣ и почитать «житіє».

Съ этими словами Опися ткнула мужу въ руки грабли, и онъ молча сталъ загребать и выравнивать землю на грядкахъ. Потомъ она заставила мужа чистить дорожки, а сама, продолжая копать грядки, все выглядывала изъ-за угла на огородъ и покрикивала на слугъ.

— Та й забясована оце попади, говорить одинъ изъ наймитовъ. Не дасть и въ голову почухаться; стоить якъ те опудало на конопляхъ, та лякає пась, якъ горобцивъ.

Опися скопала весь палисадникъ и засѣяла его цвѣтами. Надъ самымъ прудомъ былъ крутой, но не высокій зеленый берегъ. Онъ напоминалъ ей возвышенное мѣсто надъ Росью въ отцевскомъ саду, край котораго былъ засѣянъ цвѣтами. Опися скопала цѣлину длиною полоскою, засѣяла цвѣтами и велѣла мужу проложить туда дорожку.

— А лежъ выгадусте вы все що ише; въ мене вже ажъ спина трицать,—замѣтила «панотецъ» и, вздохнувъ, принялся проклады-
вать дорожку.

Между тѣмъ, Онися кликнула наймичку и полетѣла въ кухню готовить «вечерю», въ ожиданіи съ поля рабочихъ. Моссаковскій пошелся за нею, пользуясь случаемъ хоть немного отъ работы отдохнуть.

Видя, какъ она суетится, перебѣгая изъ кухни въ кладовую и назадъ, Моссаковскій говорилъ:

— Та сядьте, Онисіе Степановно, та спочиньте хочъ трохи.

Сядь уже ты, коли тобі такъ хочеться, тай дивись на мене, а я буду робити, говорила Онися.

— Колижъ-бо вы такъ бигаете, що на васъ и дивитись трудно,— говорилъ о. Харитонъ.

— То бигай и ты за мною, якъ курця за квочкою, а вже я не сяду, бо мени николи.

— Ей Богу, я васъ колысь привяжу до стільця, щобъ вы одпочили хочъ на годину.

— Ябъ тобі и мотузки порвала, а такибъ утыкла.

И Онися опять суетилась и бѣгала то въ комору, то на дворъ, то въ покои, то въ погребъ. Въ ся худощавомъ тѣлѣ, въ ея тощихъ жилахъ было столько жизни и движенія; ея сухія руки, длинныя пальцы постоянно вертѣлись, что-то перебирали, перетрахиwали, складывали или раскладывали...

Когда настало лѣто и созрѣли посѣвы, громада толокою сжала своему батюшѣ весь озимый и яровый хлѣбъ и свезла въ гумно, не смотря на то, что была своя работа и заѣдала тяжелая панщина. О. Харитону чувствовалось легко; лучшихъ отношеній къ прихожанамъ желать было нельзя.

Минулъ годъ, Онися родила дочь; дитя прожило только до вечера: отецъ Харитонъ едва успѣлъ окрестить его. Изъ Часкъ пріѣхалъ отецъ съ матерью; поплакала и похоронила дитя возлѣ церкви. Онися такъ плакала и горевала, что едва и сама не умерла. Прошелъ другой годъ, Онися родила сына; но и это дитя умерло чрезъ день. Онися съ отчаянія едва разсудка не лишилась. Насталъ третій годъ,—Онися ходила беременною.

— А що, матушко, борони Боже, якъ в се дитя помре? заговоришь какъ-то Моссаковскій къ женѣ.

— Нехай Богъ милуе, отвѣчала Онися; кажутъ люде, якъ не растутъ діти, треба покликати за кума або старця, або першого, хто на улици стринеться.

— Треба справди покликати за кума старця Олексу Шмида, а за куму абы-лку старчиху, або першу молодицю, яку страну на улици,—сказаль отецъ Харитонъ.

Послѣ рождественскихъ праздниковъ Онися разрѣшилась дочерью. Моссаковскій самъ сходилъ къ нищему Шмиду и пригласилъ его въ кумовья, а возвращаясь домой, встрѣтилъ одну бѣдную женщину-сосѣдку и ее просилъ быть кумою. Дитя было здоровое, и Онися рѣшила устроить крестины немного спустя. Между тѣмъ прихожанки, слышавъ о благополучномъ рожденіи, свѣрили провѣдать свою матушку. Привалъ пачался съ утра слѣдующаго дня: чуть-ли не со всего села шли старья и молодья, богатя и совѣмъ убогія хозяйки «пить родины» матушки, и шли не съ пустыми руками, но каждая съ какимъ-либо подаркомъ изъ своего хозяйства. Предвидя это, Онися еще съ вечера пригласила жену старосты и поручила ей приготовить на утро обѣдъ и варснуху. Подходящія одна за другой прихожанки скоро наполнили всѣ углы просторнаго дома; нѣкоторыя изъ нихъ пришли съ маленькими дѣтьми на рукахъ. Во всемъ домѣ съ каждымъ часомъ усиливался говоръ и шумъ, происходила небывалая суета. Гости помоложе готовили «купиль» для матушки: однѣ носили воду, другія грѣли ее въ горшкахъ, носили въ комнату, гдѣ лежала Онися, и выливали въ большой ушатъ, поставленный у самой постели родильницы. Всѣ суетились, бѣгали, перегораживали дорогу одна другой, спорили... Простая сельская повитуха, въ чистой сорочкѣ, въ бѣлой чистенькой «памиткѣ», озабоченно переходила изъ свѣтлицы въ комнату и обратно, подъ часъ что-то шепча то и дѣло вбѣгавшимъ молодцамъ.

Уставивъ наконецъ ванну и выкупавъ съ разными причитающимися свою матушку, у которой едва хватало силъ стать на ноги, гости-прихожанки усѣлись рядами въ свѣтлицѣ за столы. Старостина распорядилась угощенемъ и сама сѣла за столъ только за послѣднимъ кушаньемъ. Шумъ и говоръ усиливался съ каждой выпитой чаркой, воздухъ стучался по мѣрѣ потребления разныхъ горячихъ яствъ.

Старостиха внесла варенуху. Запахъ меду, калины, перцу, гвоздики и водки смѣшался съ запахомъ кушаньевъ, съ дыханьемъ людскимъ, — создавалась атмосфера, невозможная для здороваго человѣка, тѣмъ болѣе для родильницы. Старостиха наливала варенуху въ миски, молодежи черпали изъ мисокъ ложками и пили. Десятки языковъ совсѣмъ развязались, въ свѣтлицѣ кипѣло, какъ въ котлѣ. День клонился уже къ вечеру, когда гости встали изъ-за столовъ и длиннымъ рядомъ потянулись въ комнату, гдѣ лежала Онися, чтобы поблагодарить за хлѣбъ за соль. Молодицы цѣловали Онисю и на радостяхъ обѣщали напрясть матушкѣ каждая по *пиомитку*, а ткачиха и сама не оглядѣлась, какъ съ языка ея слетѣло обѣщаніе выткать матушкѣ даромъ полотно.

Черезъ недѣлю, въ воскресенье, Моссаковскіе справляли крестины. О. Харитонъ ѣздилъ лично приглашать Балабуху, упростилъ даже и «благочинну». Съѣхались сосѣди священники съ женами, пріѣхали родители Онисы, явились отецъ Мелхиседекъ съ Мартою, пріѣхало нѣсколько семинаристовъ съ своими родителями. «Старець» Шмидъ и его простая, убогая кума пріодѣлись въ чистую одежду. Шмидъ не принадлежалъ къ числу заурядныхъ нищихъ; это былъ сильный плечистый дѣдъ, лѣтъ за 70, подслѣповатый на одинъ глазъ, безъ бороды, съ длинными сѣдыми усами, орлинымъ носомъ, сильнымъ и рѣзкимъ голосомъ, и ходилъ на костылѣ. Родился онъ гдѣ-то подъ Уманью, въ молодые годы попалъ въ Запорожье, былъ свидѣтелемъ его разрушенія, бѣжалъ оттуда за Дунай, тамъ затосковалъ по роднѣ, но когда павѣдался домой, былъ заарестованъ, какъ бѣглый крестьянинъ пана Кошчинскаго, взятъ въ надворную его «корогву», ходилъ съ ней подъ Тарговицу, воевалъ, какъ говорилъ онъ, «за дурицу Польшу», въ стычкѣ съ русскими войсками лишился правой ноги, попалъ въ плѣдъ и при движеніи Суворова къ Вѣлой Церкви брошенъ гдѣ-то на дорогѣ, какъ ненужный хламъ, по какому-то чудомъ выздоровѣлъ и поселился въ окрестностяхъ Богуслава, посвятивъ себя профессіи бандуриста, съ которою ознакомился еще въ дѣтствѣ. Онъ зналъ множество псалмъ, думъ и пѣсень, высоко цѣнилъ свое званіе народнаго рапсода, на «латану свиту» свою смотрѣлъ, какъ на священную ризу, а въ кобзѣ своей видѣлъ гусли царя Давида и самого себя считалъ призваннымъ возвѣщать людямъ по дорогамъ и на ярмаркахъ слово правды. То былъ гордый,

важный дѣдъ, его звала и чтила не одна Богуславщина, но едва не вся Украина.

Гости собрались въ свѣтлицѣ, Шмидъ съ кумою ожидали въ кухнѣ. Дячекъ принесъ надило и свѣчи, о. Харитонъ досталъ съ угла маринцу, принесли *новую* съ полвовой миску и въ ней стакашъ «іорданской» воды для обливанія при крещеніи. Когда все было приготовлено, пригласили кума и куму. Шмидъ гордо вступилъ въ свѣтлицу, какъ-бы древній пророкъ, за нимъ несмѣло вошла и кума. Въ свѣтлицѣ всѣ встали. Повитуха позвала куму въ комнату и подала ей на руки дитя. Ставши рядомъ съ кумою, Шмидъ началъ креститься къ образамъ и тихо шептать молитвы. Благочипный надѣлъ ризы и началъ совершать крещеніе. Свѣтлица сдѣлалась будто церковью. Всѣ стояли чинно, въ молитвенномъ настроеніи. Только Олеся косо посматривала на Шмида и надула губы. Ей очень не нравился этотъ «старецъ» на костылѣ и простая кума. Этотъ простой обычай казался для нея комедіей, очень компрометирующею даже се—гостью, не только хозяина.

Крещеніе, за обычнымъ пропускомъ водоосвященія, прошло скоро. Въ свѣтлицѣ накрыли столы; отецъ Харитонъ попросилъ гостей садиться. Шмида съ кумою посадили прямо противъ Балабухи и его жены. Олеся не могла смотрѣть на Шмида, на его кривой глазъ, и даже брезгала ѣсть. Шмидъ держалъ себя съ достоинствомъ, въ духовныя рѣчи «батюшекъ» вставлялъ свое слово изъ набожныхъ пѣсень и козацкихъ думъ, а когда подвыпилъ, пустился въ воспоминанія и доставилъ немалое удовольствіе многимъ изъ гостей своими разказами про Сѣчь, про житье за Дунаемъ и то, какъ онъ воевалъ «за дурну Польшу».

По окончаніи обѣда, бабка-повитуха вынесла большой подносъ, весь заставленный рюмками съ «варенухой». На подносѣ вокругъ рюмокъ были букеты зеленого *барвинку* съ калиной. Бабка обнесла всѣхъ гостей и дарила всѣмъ букеты. Гости бросали бабкѣ на тарелку деньги.

Вмѣстѣ съ варенухой поданы были на столъ яблоки, груши, орѣхы, пряники и маковники. Варенуха развеселила гостей; матушки шумно заговорили; чувствовалась потребность общаго развлеченія. Отецъ Мелхиседекъ взялъ гитару и, слегка подыгрывая, чуть слышно загудѣлъ своимъ густымъ басомъ:

Тече ричка невеличка, ниду перескочу
Отдай мене, моя мати, за кого я схочу...

При звукахъ гитары и голоса Мелхиседека, молодые матушки затихли. Его длинная, черная борода, широкій лобъ съ густыми черными бровями, орлиный тонкій носъ, темные блестящіе глаза, помимо голоса и умѣнья пѣть, служили для нихъ большимъ магнитомъ. На второмъ куплетѣ его поддержали уже семинаристы своими тоненькими тенорами. Скоро они совсѣмъ сладлись; новая, недавно проникшая въ духовную среду пѣсня пошла бойко, все съ большимъ и большимъ оживленіемъ. Молодые тенора звенѣли, какъ колокольчики, ровный чистый голосъ Мелхиседека гудѣлъ среди ихъ, какъ мѣдная большая труба. Окончивъ эту пѣсню и сдѣлавъ переборъ на гитарѣ, Мелхиседекъ началъ другую, также недавнюю, хоровую и на сходный мотивъ пѣсню: *Ой, послала горлиця приноштя по воду*. Пѣли «Петруся», «Василечка» и другія ново-сочиненныя пѣсни; но Мелхиседекъ пѣлъ ихъ для общаго лишь удовольствія, на самомъ дѣлѣ они не нравились ему, и онъ скоро принялся за свои любимыя: «Семена» и «Шума». Пѣлъ онъ ихъ на этотъ разъ съ особымъ воодушевленіемъ и произвелъ поразжающее впечатлѣніе. При первыхъ звукахъ «Семена» слышались вздохи, едва не перешедшіе въ плачь подъ влияніемъ варенухи. Окончивъ «Семена» и «Шума» и переведя немного духъ, Мелхиседекъ съ какою-то особою торжественностію и глубокою задумчивостію запѣлъ:

Ой, ишли наши славни заporожди
По-падъ Бугомъ рикою...

Взоры всѣхъ устремились на него; гости забыли про варенуху, рюмки торчали будто въ омертвѣвшихъ рукахъ. Но эти грустные потрясающія мелодіи шли въ разладъ съ характеромъ настоящей минуты и компаніи, желавшей и настроенной повеселиться, и вызвали подлѣ копецъ легкой протестъ. Кое-гдѣ по угламъ слышались голоса востерпѣливыхъ матушекъ, а сама Марта, жена Мелхиседека, не выдержала и крикнула изъ угла:

— Ану-бо, паночо, якои веселишом! а то мы й посиемо отутъ съ чарками въ рукахъ.

Мелхиседекъ какъ-бы очнулся, встряхнулъ головой, поднялся со стула и, сказавъ по направленію къ женѣ: «на тоби и веселишом»:

вставай та танцюй!» со всего размаху гаркнулъ: *Ой, за заемъ, заемъ*, да такъ живо и весело, что *паничи* застучали ногами, а благочинная едва удержалась на стулѣ.

— Ой не грай такъ дрибно, бо пиду танцювати! крикнула Марта изъ угла.

Мелхиседекъ на лету отвѣтилъ: «уже тоби не вгодишь: то дуже смутно, то дуже дрибно», и съ гитарой въ рукахъ, притопывая каблуками, продолжалъ начатую пѣсню. Подхватили семипаристы, присоединились батюшки и матушки. Вся свѣтлица зацѣла, только Балабуха сидѣлъ молча съ трубкою въ рукахъ да попивалъ варенуху, а рядомъ съ нимъ, подлѣ Описи сидѣла надутая Олеся.

Долго продолжалось еще пѣніе. Послѣ варенухи, опять поставили на столъ бутылки съ водкою и наливками. Хозяйка вышла закуску; спустя немного предложила ужинъ.

Гости въволю напѣлись и напились. Хозяинъ распорядился готовить для гостей постель. Въ свѣтлицѣ постлали на полу батюшкамъ и паничамъ, въ комнатѣ Описи, также на полу, матушкамъ, а благочинной предоставлена была кровать. Но до сна было еще далеко: настоящее веселье, сильная выпивка и разныя потѣхи начинались именно предъ отходомъ ко сну, у изголовья.

О. Мелхиседекъ былъ большой мастеръ на разныя выдумки и, въ ожиданіи угощенія подъ названіемъ: *до подушки*, задумалъ потѣшить хмѣльную уже компанію. Незамѣтно вышелъ онъ въ кухню и послалъ наймичекъ въ погребу набрать мелкаго картофеля такой величины, какъ орѣхи, наказавъ имъ строго никому о томъ не говорить. Наймички принесли картофель, помыли и вытерли. Мелхиседекъ забралъ картофель въ карманъ. Въ комнатѣ Описи на лежанкѣ стояла большая миска съ волоскими орѣхами. Отецъ Мелхиседекъ незамѣтно положилъ туда мелкій картофель, перемѣшалъ съ орѣхами и присыпалъ еще сверху сѣмечками. Войдя въ свѣтлицу, онъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, заявилъ, что пора-бы уже и спать. Матушки, пожелавъ доброй ночи батюшкамъ, удалились въ комнату Описи; тѣ и другіе, расположившись на постели на полу, стали уже раздѣваться, какъ въ свѣтлицу подано было особое питье «*до подушки*». Это былъ особаго рода цушшъ, приготовленный изъ спирту «перегнаннаго трихи на алембикъ». настояннаго на листьяхъ розы. Сиртъ разбавленъ былъ слегка кипяч-

комъ лишь настолько, чтобы послѣдній покрывалъ собою сахаръ, и закрашенъ чуть-чуть эссенціею чая, свареннаго въ горшкѣ. Такой пуншъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «ведмедика» и билъ въ голову сильнѣе варенухи,—какъ лапа медвѣди; отъ этого напитокъ нельзя было не заснуть. Онися, заготовивъ «ведмедика» въ кухнѣ, сама впесла въ свѣтлицу большущій подносъ со стаканами, чтобы поднести батюшкамъ пуншъ покрѣче, матушкамъ полегче. Но ни разносить, ни дѣлать выборъ ей не пришлось: батюшки бережно приняли подносъ изъ ея рукъ, поставили на постели и расположились вокругъ. Онися стояла въ недоумѣніи. По свѣтлицѣ пошелъ сильный запахъ розы и спирту. Матушки слышали этотъ запахъ и не выдержали.

— Э, панотци, якъ у васъ тамъ гарно пахне! послышался голосъ изъ-за двери. Вы щось дуже смачне пьете.

— Ходьте до насъ, то й вамъ дамо,—послѣдовалъ отвѣтъ изъ свѣтлицы.

Продолженіе было настолько заманчиво, что матушки, на половину уже раздѣтыя, оправивши кое-какъ свои костюмы и накинувъ на плечи большіе платки, скоро, одна по другой, перекочевали къ своимъ муженькамъ.

Въ комнатѣ Ониси осталась только благочинная да нѣсколько молодыхъ застѣнчивыхъ матушекъ. Матушки усѣлись съ батюшками вокругъ подноса. Онисѣ оставалось припросить да указать, въ какихъ стаканахъ пуншъ крѣче, въ какихъ легче.

— А путе, панотци и паниматки, будемо давить сѣго ведмедика: може винъ намъ сонъ легкой дастъ,—заговорилъ о. Мелхиседекъ и, наклонившись къ подносу, сталъ раздавать стаканы. Гости съ усердіемъ принялись пробовать и хвалить напитокъ. Напитокъ оживилъ и развеселилъ всѣхъ; поднялся говоръ, пошли шутки. Стаканы опорожнены, нагорѣвшая свѣча давала слабый свѣтъ; у многихъ изъ гостей и безъ того потемнѣло въ глазахъ. Мелхиседекъ сообразилъ, что настала пора продѣлать задуманную имъ шутку, и онъ обратился къ хозяйкѣ съ такимъ вопросомъ:

— А че нема у васъ, госпожышко, чимъ оцѣго ведмедика придушити? Отъ тамъ на лежанци я бачивъ добру миску зъ якимъсь ласощами, здаєся, орихи та ще й непрости, а турецьки. Тобъ-то попробувать зубы, у кого вони мицни.

Онися, выпешдая раньше въ свою комнату, подала Мелхиседеку черезъ дверь миску съ орѣхами. Матушки набросились на орѣхи, протянувъ руку и благочинный и захватить полную горсть. Мелхиседекъ взялъ для отвода глазъ. Первая—его жена вмѣсто орѣха захватила въ ротъ картофелину, раскусила и выплюнула. Тоже повторилось и съ другими. Мелхиседекъ, давая видъ, что онъ ѣсть орѣхи, приговаривалъ:

— А яки мягки горихи! Це мабуть заграпычни, не прости.

— А справди якись мягки та чудни на смакъ, отозвался благочинный, не разобравъ сперва, что было у него во рту.

— Щось неначе гниля горихи, чи що! И лупиния чогось мягке, неначе картоп... замѣтила жена Мелхиседека, и она выбросила на ладонь раскушенную картофелину и поднесла къ свѣчѣ;—на ладони и въ самомъ дѣлѣ была картофелина.

— Ой картопля! Ей Богу, картопля! Що це за диво! Чи може въ туркинь таки горихи ростуть? крикнула Марта.

— О, въ Турціи не таки горихи, якъ наши, началъ было благочинный; но его перебила другая матушка, удостовѣрившаяся, какъ и Марта, что ей пришлось раскусить также картофель.

— Та це таки справди картопля! Це насъ хтось дурить, громко сказала она, искоса поглядывая на Мелхиседека. Но тотъ, и глазомъ не мигнувъ, добродушно спросилъ:

— Чи таки наша картопля, чи може турецька?

— И що винъ насъ дурить!—крикнула Марта, скорѣе другихъ догадавшаяся, что это продѣлка ся мужа.—Накидавъ въ горихи картопли, та ще й питає: чи наша, чи турецька?

— Отъ и выдумала! Пишовъ-бы я оце въ ночи десь картопли шукати. Це, мабуть, ты сама дурить насъ, отозвался съ серьезною миной отецъ Мелхиседекъ: одначе дозволяйтеся, матушки, на здоровячко, ще и у кишеви наховайте, та повезить дитямъ на гости-нець. Скажете: це одъ зайчика одняли.

Въ свѣтлицѣ поднялся смѣхъ и гвалтъ. Матушки начали бросать въ Мелхиседека орѣхи и картофель. На его голову посыпались сѣмячки.

— Накладимъ ёму пидъ подушку цихъ турецькихъ горихивъ, нехай у ночи самъ поить, говорила Марта, подвладывая Мелхиседеку подъ подушку картофель и орѣхи.

Отецъ Мелхиседекъ съ спокойною миною повыбрасывалъ картофель, а орѣхи поѣлъ.

— Оце вамъ папиматки, выпадае молитву одъ оскверненія читать, шутливо замѣтилъ одинъ изъ батюшекъ.

— Ничого тутъ не поможе та молитва, отозвался другой, а треба хйба по другому ведмедьку одъ такого оскверненія.

Мысль эта принята была всѣми за самую здравую и ведущую прямо къ цѣли. Онися приготовила по *друуму*; но это только охотило гостей къ продолженію обычнаго тогда бражничанья, и Онися долго еще сповала изъ свѣтлицы въ кухню и обратно, унося пустые стаканы и принося полше. Гости расходились такъ, что и сонъ ихъ не бралъ. Всѣмъ хотѣлось говорить. Всѣ рассказывали, кричали, и никто никого не слушалъ. Затѣвали пѣть, но выходило: кто въ лѣсъ по дрова,—одинъ начиналъ, другой кончалъ, тотъ спѣлъ, этотъ хранилъ, обрывались на высокихъ и низкихъ нотахъ и выходило какое-то куроглашеніе. Придумали было послать за Шмидомъ, чтобъ на кобзѣ заигралъ: *И по хати ты-ны-ны и по сinyaхъ ты-ны-ны*, да хозяева замѣтили, что Шмида и въ селѣ пожалуй пѣтъ, что онъ, какъ вольная птица, перелетаетъ съ мѣста на мѣсто и сегодня здѣсь, завтра на десятомъ селѣ.

Кто-то предложилъ позвать бабу Оришку.

— Оця втне! сказалъ Мелхиседекъ.

— А справди, покличмо! крикнули всѣ.

Семипаристы побѣжали въ кухню и разбудили бабу Оришку. Баба съ просонья упиралась, они взяли ее подъ руки и привели въ свѣтлицу. Отецъ Мелхиседекъ поставилъ въ кругу возлежавшихъ стулъ и усадилъ на немъ бабу Оришку. Она сидѣла въ черной запаскѣ, повязанная бѣлымъ платочкомъ; сѣдые косы, выбившіяся изъ-подъ *очинки*, висѣли перовыми прядями, сонные глаза блуждали по сторонамъ; но въ этой сгорбленной фигурѣ, напоминавшей вѣдму съ Лысой горы, таился еще большой запасъ жизни, юмора и игривости.

— Отъ па, бабо, выный цѣго дива, то може швидче прочумаешся, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, подавая Оришкѣ стаканъ съ луншемъ.

Оришка хватила глотокъ и закашлялась по овечьи.

— Ой, цуръ ёму! Якъ ёго поны пють. Якъ-бы я выпила, то до свята здурила-бъ, сказала веселая баба, большая охотница до шутокъ.

— А ну, бабо, выпійте, мы побачимо, якъ вы здурієте,—говорили паничи.

— Эге, здурійте вы попереду, а я стара за вами, сказала баба, развеселившись.

— А може-бъ ты, бабко, заспивала памъ? бо въ насъ одъ цѣго пуншу вже языкъ не повергається, сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

— Потривайте, выпью для смилivosti, щобъ голосу набратись, сказала баба, пропуская пуншъ сквозь зубы. Та и смачну-жъ вы горилочку пьете! добавила Оришка. Ото, коли-бъ памъ таку пылкарь продававъ!

— Ага, розсмакувала! Ну, починай уже та бери тощче, кригнули гости.

— Коли соромлюсь! Ей Богу соромлюсь. Хочъ не дивиться вси на мене, сказала баба.

— А може ты, Оришко, щобъ и замижъ пишла? сказала Марта.

— Пишла-бъ, якъ-бы хто сватавъ; але пи одинъ проклятый дидъ щось не квацягъся мене сватати.

— Посылай старостевъ до Шмида: оце буде тоби цара. Ну, почивнай бо! сказалъ отецъ Харитонъ.

Баба, съ чаркою въ рукахъ, начала тоненькимъ, но еще твердымъ голосомъ «Гриця», спѣла и еще пѣсколько грустныхъ пѣсень. Гости замолкли и слушали. Отецъ Мелхиседекъ зѣвнуль на всю комнату, а за нимъ благочинный.

— Годи, бабо, смутнихъ! Спивай намъ веселихъ, такихъ щобъ жизни задряжали! сказалъ отецъ Мелхиседекъ.

Оришка засмѣялась и пачала:

Пишло двѣя по горішки,
Та не знало, що за гай.
Здибавъ ёго гарный хлопець,
На имяня Миколай.

Оришка развеселилась и, продолжая пѣть, кивала да подмигивала черными длинными бровями. Батюшки и паничи хохотали.

— Ябъ бы музыки, ты бъ, Оришко, и потанцювала? спросили паничи.

— А чомъ же! Якъ выпью ще одну чарку, то такъ и иду по хати метельци.

Пока Оришка тѣшила гостей, Мелхиседекъ вышелъ на дворъ, разбудилъ двухъ прѣзжихъ кучеровъ и пообѣщаль имъ квартиру водки, если они добудутъ изъ подъ камня въ рѣкѣ нѣсколько раковъ. Кучера, прельщенные выпивкою, живо исполнили порученіе батюшки и принесли ему пять раковъ. Мелхиседекъ бросилъ ихъ въ кружку, подъ полою внесъ ихъ въ комнату и поставилъ подъ стуломъ, прикрывъ голенищемъ собственнаго сапога.

Наслушавшись чѣсень и шутокъ Оришки, гости отпустили се спать. Матушки вышли въ свою комнату, а батюшки и паничи легли «покотомъ» и укрылись, чѣмъ попало.

Потушили огонь. Въ комнатѣ стало темно, хоть глазъ выколи. Матушки долгонько еще щебетали, пересуживая сосѣдей; на мужской половинѣ раздавался свистъ и храпъ, хотя спали далеко не всѣ: о. Мелхиседекъ не переставалъ шутить и тормошить сосѣдей. Наконецъ и онъ замолчалъ и притворился, будто спитъ, хотя на самомъ дѣлѣ и не думалъ спать.

Только что всѣ начали дремать, Мелхиседекъ досталъ изъ кармана картофель и пустить ея слегка въ дверь комнаты, гдѣ спали матушки. Картофелина стукнула о дверь, будто пуля.

— Ой, щось стукнуло, зашептали матушки.

— А може то такъ здалось черезъ сонъ,—говорила Марта.

— Ей Богу стукнуло въ двери, неначе кто выстреливъ, сказали одна матушка.

— Та то мабуть двери на морозъ тринать, сказала Марта.

Мелхиседекъ всталъ, на дыночкахъ пробрался въ комнату матушекъ, подкрался къ окну и тихонько постучалъ.

— Ой, щось стучае въ окно, опять вполголоса заговорили матушки.

Мелхиседекъ зацарапалъ ногтями по стеклу.

— Та то мышъ шкребе, хйба не чуєте? промолвила Марта.

Мелхиседекъ, прислонясь къ стѣнѣ, снова постучалъ въ окно. Матушки подняли головы и глядѣли на окно. Въ окнѣ показалась черная фигура,—то Мелхиседекъ заслонилъ собою окно и мгновенно отодвинулся къ стѣнѣ.

— Ой, лишенько! Це якась мара, крикнули матушки въ одинъ голосъ.

Не успѣли онѣ придти въ себя, какъ за окномъ появилась уже бѣлая фигура, съ распростертыми руками, съ бѣлыми широкими

рукавами. Матушкамъ показалось, что въ окнѣ стоитъ мертвецъ, съ наброшеннымъ покрываломъ. Отъ испугу онѣ подняли крикъ и визгъ, вскочили съ постелей и сбились въ одну кучу возлѣ лежанки. Проспулась и благочинная, соскочила съ кровати и бросалась къ порогу. Фигура стояла за окномъ, неподвижно разставивъ руки.

Въ свѣтлицѣ также всё зашевелилось. Проспулся Балабуха, проснулись и старше батюшки.

— Что тамъ такое? чего вы кричите? заговорить отца Мелхиседекъ, очутившійся уже въ свѣтлицѣ.

— Чтось бѣле стоитъ за окномъ. Иди сюда та засвети свѣтло, сказала Марта, болѣе смѣлая, чѣмъ другія.

Мелхиседекъ вошелъ въ комнату, взглянулъ въ окно, — бѣлая фигура исчезла.

— Дежь той мертвецъ? сказалъ Мелхиседекъ, то мабуть вы черезъ миру хлюснули пушу до подушки, то вамъ и мерци поблазуются. Отъ до насъ вони не сміють пристуштити.

Черезъ минуту въ свѣтлицу съ хохотомъ влетѣлъ мертвецъ съ накинутаю простыней, отворилъ дверь къ матушкамъ и пикто поклонился имъ. Это былъ семинаристъ, съ которымъ Мелхиседекъ условился погугать матушекъ. Страхъ прошелъ; мужчины смѣялись, матушки бранились, пока опять не улеглись спать.

Страхъ и шутки прогнали сонъ, и на мужской половинѣ долго еще балагурили, перекидывались шутками, бросали другъ въ друга подушками, пока наконецъ не надоѣло это всё. Чтобы положить конецъ безпутному дурачеству, рѣшили всё задать потасовку Мелхиседеку, какъ главному затѣйнику, не дающему никому покою, и всё бросились къ нему, но вмѣсто него въ потьмахъ цапали на благочиннаго и привялись его тузить. Только гнѣвъ послѣдняго, раздраженнаго неожиданнымъ на его нападеніемъ, заставилъ опомниться опалѣвшую компанію и прекратить перешедшія за предѣлы шутки.

Покорился и Мелхиседекъ, возлагая еще надежду на раковъ. Въ самомъ дѣлѣ всё устало, разговоръ не клеился, шутки не давались. Всё притихло и незамѣтно уснуло крѣпкимъ, мертвецкинымъ сномъ.

Только что на дворѣ стало разсвѣтать, въ комнатѣ зашевелился матушки. Проснулся и Мелхиседекъ: онъ тихонько всталъ, на-

щупалъ кружку съ раками, вынулъ ихъ и подсунулъ подъ кафтанъ двумъ старымъ батюшкамъ, которые спали, какъ убитые. Мелхиседекъ поспѣшилъ растолкать другихъ, въ ожиданіи потѣхи.

Не прошло минуты, какъ одинъ изъ старыхъ батюшекъ, быстро схватившись, закричалъ.

— Ой щось щипається! Чортъ-зна що выдумавъ! Чого ты отецъ Мелхиседекъ щипаешься?

— Духъ свѣтій зъ нами! сказалъ Мелхиседекъ. Я лежу одъ васъ за версту, а вы кажете, що я щипаюсь. То може васъ блохи кусають.

— Добри блохи, замѣтилъ батюшка, и снова крикнулъ и вскочилъ съ постели. У него на ногѣ висѣлъ ракъ.

— А бачите, спали такъ довго, що й раки пидъ вами завелись, сказалъ отецъ Мелхиседекъ, потягиваясь: може и пидъ цимъ старымъ завелись раки. Панчи! а идить печерувати ракивъ.

Отецъ Мелхиседекъ засунулъ руку подъ кафтанъ другаго батюшки и вытянулъ оттуда рака. Семинаристы бросились къ тому мѣсту, гдѣ спалъ старый батюшка, и нашли еще три рака. Старикъ протеръ заспанные глаза, вскочилъ съ постели и началъ ощупывать себя кругомъ, опасаясь, чтобы раки не сдѣлали и ему неожиданнаго сюрприза, какъ его сосѣду.

Въ вомнатѣ поднялся хохотъ. Благочинный схватился съ постели, осматриваясь, пѣтъ-ли и подъ нимъ раковъ. Отецъ Мелхиседекъ, отворивъ дверь въ комнату, гдѣ лежали матушки, бросилъ къ нимъ двухъ раковъ, приговаривая:

— Натє, матушки, на спидавпя павукивъ!

Матушки припили въ переполохъ, подняли визгъ, поскватывались съ своихъ мѣсть, но скоро припили въ себя, увидѣвъ, что то были раки, а не пауки.

— И де вони ихъ въ печетого набрали зимою? говорили матушки. Це все жарты Мелхиседеха. Якъ-же можна такъ жартувати!

— А чого-жъ вы такъ довго спите? отозвался изъ свѣтлицы отецъ Мелхиседекъ: добри хозяйки! сплять до обида. Спасибѣ ракамъ, що васъ побудили.

Матушки скоро умылись, одѣлись и вышли въ свѣтяццу. На столѣ стояла уже водка и закуска. Благочинный читалъ: *Отче нашъ*. —

Давайте-жь, говорили Мелхиседекъ входившимъ матушкамъ, будемо справлять похристины.

И гости начали пить «похристины». Олеся разсердилась изъ-за раковъ, надулась, велѣла запрягать лошадей и, покинувъ мужа, одна уѣхала домой. Балабуха съ удовольствіемъ остался пить «похристины».

Долго еще гости пили и ѣли и уже послѣ обѣда почувствовали, что пора и честь знать.

Однако всѣ разгулялись: никому не хотѣлось ѣхать домой. Время было зимнее, безработное. Дома брала каждого тоска за самое сердце.

— А що люде добри! чи розъїдемося до дому, чи ще куди гуртомъ заїдемо гостювати? предложилъ отецъ Мелхиседекъ.

— Ой не хочеться до дому! Коли-бъ такъ, щобъ проїхати тільки прозь дому та й поминути її, заговорили матушки.

— Чиѣ дома найблизче, туди їдьмо вси гуртомъ гостювати, подалъ совѣтъ отецъ Мелхиседекъ.

— Добре, добре! крикнули матушки.

Ближе всѣхъ жилъ благочинный и Прокоповичъ, отецъ Описи. Гости начали сосчитывать вѣрсты, и оказалось, что Богуславъ на полверсты ближе, чѣмъ Чайки. Приходилось ѣхать къ Балабухѣ. Балабуха зналъ, что его жена станетъ на дыбы, когда увидитъ всю эту компанію; однако не посмѣлъ возражать и запросить къ себѣ гостей.

Запрягли лошадей. Гости одѣлись и выпили на дорогу. Посидѣвъ нѣсколько въ шубахъ и выпивъ еще по одной, гости вышли на крыльцо; на крыльцѣ вышли опять на дорогу, выпили «до коней» и «до санокъ», дали выпить и поговичамъ, и тогда уже тронулись въ дорогу. Балабуха сѣлъ въ однѣ санки съ Прокоповичемъ. Они выѣхали со двора позади всѣхъ.

Санная дорога была отличная; снѣгъ лежалъ большой. По обѣ стороны дороги были частые сугробы. На дворѣ было тихо и стояла легкая оттепель. Снѣгъ приставалъ къ полозьямъ и къ копытамъ лошадей. Все небо было покрыто облаками, словно густымъ бѣлымъ дымомъ.

Балабуха закутался въ теплую волчью шубу, надвинулъ на лобъ теплую сѣрую барашковую шапку съ ушами и не оглядѣлся,

какъ заснулъ. Старый Прокоповичъ въ свою очередь погрузился въ сонъ, хорошенько выпивши на дорогу. Противъ духовнаго поѣзда ѣхалъ другой такой-же длинный поѣздъ: то ѣхали польскіе паны, перекочевывавшіе, подобно батюшкамъ, для гулянья отъ сосѣда къ сосѣду. Батюшкамъ пришлось сварачивать въ сугробы. Заднія санки покосѣлись на сугробѣ и сонные Балабуха и Прокоповичъ выпали изъ санокъ на мягкій снѣгъ, будто на перины. У погонича шумѣло въ головѣ; онъ даже не оглянулся назадъ. Лошади сами пустились догонять поѣздъ, и батюшки остались спать на сугробѣ. Прокоповичъ спалъ; ему приснилось даже, что онъ спитъ у себя въ катрагѣ (пчельникѣ), что въ катрагу влетѣлъ рой, покружился надъ нимъ, погудѣлъ и вылетѣлъ на дворъ.

Веселая компанія мчалась безъ оглядки и цѣлымъ поѣздомъ влетѣла во дворъ Балабухи сквозь не затворявшіеся никогда ворота.

— Благочинна жде насъ, выглядаетъ, воритечка поодчняла, говорили матушки, подъѣзжая къ крыльцу.

— Дежъ це це одни санки? спросилъ Мелхиседекъ, взоидя на крыльцо и окинувъ глазами поѣздъ: мабутъ десь zostались. Це отецъ благочинный съ Прокоповичемъ опивизнись.

Гости вошли въ свѣтлицу. Въ покояхъ было тихо: Олеся по обѣдавши легла отдыхать. Матушки сидѣли, ждая, пикто не выходилъ, а хозяйка не было съ дороги. Онѣ пересмотрѣли картины, посмотрѣли на изображеніе голаго Геркулеса, поражающаго дракона, и притихли, подмигивая одна другой. Казалось, будто Геркулесь замахнулся на нихъ долбенкой.

— Ой стережиться, бо такъ и стукне котрусъ по голови довбнею, говорила Марта, указывая на Геркулеса.

— Такий, якъ Баньковський, тепцула другая веселая матушка.

— Тилъки въ Баньковського велики уси; це мабутъ благочинна зумисне почевила на стипи, щобъ нагадувавъ іи Баньковського, шептала Марта на ухо сосѣдкѣ.

Перешептывались и батюшки, но потомъ не выдержали и стали громко разговаривать и шутить. Олеся проснулась и догадалась, что къ ней по дорогѣ заѣхала нѣяственна компанія. Съ досады, она рѣшила оставаться въ постели.

Тьмъ времевсмъ батюшки выглядывали въ окно, не ѣдетъ-ли Балабуха, а Балабухи все пѣтъ и пѣтъ. Кое-кто вспомнилъ уже про чарку и закуску, а хозяинъ не ѣхалъ.

Вдругъ въ отворенныя ворота вскочили сами. Погонячъ остановилъ лошадей возлѣ крыльца, оглянулся и ротъ разинулъ: сани были пустыя.

— Що це за диво! Прыхали сами санки безъ благочинного, промолвилъ отецъ Мелхиседекъ, выглядывая въ окно.

— Може де встали въ мистечку, отозвалась Марта: а побизи, паноче, та спитай въ погонича.

Мелхиседекъ выбѣжалъ на крыльцо. Погонячъ стоялъ, вытаращивъ глаза.

— А де ты подивавъ панотцивъ? спросилъ отецъ Мелхиседекъ.

— Мабуть десь выпали зъ сапокъ, бо на санкахъ нема, отвѣчала погонячъ, почесывая затылокъ.

— Э ты, роззяво! Выпали... А ты ни разу не оглянусь, чи що? крикнулъ отецъ Мелхиседекъ.

Погонячъ молчалъ; Мелхиседекъ вошелъ въ комнату и разсказалъ всей компаніи, что отецъ благочинный и отецъ Степанъ гдѣ-то вывалились въ дорогѣ. Немедленно посадили на сани одного семинариста и послали исвать по дорогѣ вывалившихся гдѣ-то батюшекъ.

Пока ихъ нашли и привезли, Олеся лежала въ кровати и потягивалась. Отъ скуки она достала «Волшебницу Раги-Мунву» и начала читать ее въ третій разъ. Гости сидѣли и томились. Балабуха не возвращался. Отецъ Мелхиседекъ не выдержалъ: притворилъ дверь въ комнату, гдѣ лежала Олеся, и крикнулъ: «добрыдень тому, хто въ цьому дому!»

Олеся вздрогнула и выпустила книжку. Ей показалось, что Мелхиседекъ бросилъ въ нее рака.

Мелхиседекъ замѣтилъ, что благочинная лежитъ на кровати, и притворилъ дверь, а Олеся снова взяла «Волшебницу Раги-Мунву» и продолжала читать.

— Коли напросивъ гостей, то нехай самъ и панькается коло ихъ, а я не встану, думала Олеся.

— Лежить на лежку та одпочиває, тихолько сказати отецъ Мелхиседекъ матушкамъ. Цесе... бо благочинна книжку читає.

Тѣмъ временемъ семинаристъ поднялъ съ сугробовъ спавшихъ рядомъ благочиннаго и отца Степана и привезъ ихъ домой. Балабуха съ Прокоповичемъ вошли въ свѣтлицу; при видѣ ихъ поднялся громкій говоръ и хохоть.

Балабуха прошла въ Олесѣ; та сердито посмотрѣла на него и снова уткнула глаза въ книгу.

— Вставай, сердце, та витай гостей, тихо сказала Балабуха, будто виновный въ какомъ-нибудь проступкѣ.

Олеся только взглянула на него и еще пристальнѣе смотрѣла въ книгу.

— Вставай-бо, вставай! Годи качатись. Треба гостямъ подати чай та закуску, просилъ Балабуха.

— Коли попросятъ гостей, то и подавай самъ, а я не выйду до тихъ намитокъ.

— Одначе їздила до намитокъ гершиковъ ѣсты. Треба и намитокъ частувати, сказавъ Балабуха.

— Потривай-же ты, сарано, я тебе швидко випроважу съ хаты, подумала Олеся и вздохнула, вспоминая Баньковского.

Пока она встала, Килина подала самоваръ, а Провощъ принесъ съ базара прошлогоднихъ бубликовъ, черствыхъ да твердыхъ.

Олеся кое-какъ причесала голову и какъ была въ будничномъ, плохенькомъ платьѣ, такъ и вышла къ гостямъ. Матушки въ «намиткахъ» и въ синихъ жупанахъ важно и какъ-то грустно сидѣли рядами подъ стѣнками. Олеся поздоровалась съ ними очень холодно и даже пренебрежительно и сѣла возлѣ стола. Она разлила чай, роздала вѣкъ и сидѣла, молча. Матушки попробовали бубликовъ и едва не поломали зубовъ. Голодные батюшки уплетали ихъ, только трещало въ зубахъ. Разговоръ не клеился, вѣкъ молчали. Олеся сидѣла, опершись на столъ и кисло смотрѣла на Геркулеса. Выпили чай. Килина подала на столъ графинъ съ водкой и черствый ржавой хлѣбъ съ масломъ; только и всего угощенія. Гости выпили по рюмкѣ, пожевали чернаго хлѣба и, не предвидя ничего лучшаго, стали давать видъ, что хотятъ ѣзжать; но не только Олеся, даже самъ Балабуха не выразилъ особаго желанія ихъ удерживать и только предложилъ пройтись по другой. Выпили по другой, а веселья не прибавилось ни на грошъ. Гости были скучны и хозяева были скучны. Вѣкъ какъ-то разомъ замолели; сидѣлось такъ тихо, будто

въ комнатѣ не было никого. Но прѣѣхавшей компаніи стало не въ терпежъ: сколько ей не хотѣлось здѣсь оставаться, столько-же хотѣлось еще погулять и потому, какъ только Олеся вышла изъ свѣтлицы, всѣ стали совѣтываться, куда ѣхать. Приходъ отца Мелхиседека былъ теперь пайближе; опъ и запросилъ всѣхъ къ себѣ. Гости сіялись и выѣхали со двора. Ни хозяйпт, ни хозяйка ихъ не удерживали.

— Ой сестрице! Я зуба зломилъ бубликомъ, жаловалась Марта сосѣдкѣ.

— А я трохи не вдавилась черствымъ хлибомъ. Чи вона такъ витае и своего Бальковського? спросила сосѣдка.

— Эге! якъ-разъ такъ! вона Бальковському пече поросята въ вильшаницькихъ поросятникахъ, сказала Марта.

— Тильки трохи переникае, отозвалась сосѣдка; але ничего: въ Бальковського зубы добри, не ламае.

Мелхиседекъ съ женою поѣхали впередъ, чтобы приготовить къ приему голодныхъ гостей. Гости ночевали у нихъ, гуляли еще цѣлый день, но чувствовали, что не пагулялись въ волю. Опять рѣшили всѣмъ вмѣстѣ ѣхать къ Прокоповичу въ Чайки, и только въ Чайкахъ, и то на другой день, почувствовали, что пагулялись до сыта. Отсюда всѣ разъѣхались по домамъ и размесли по околицѣ, какъ благочинная принимаетъ гостей, лежа въ постели съ книжкой.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Жизла почаевская. Изборникъ назидательныхъ поученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобнымъ Іовомъ, игуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), изданный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподобнаго, подъ редакціею профессора кievской духовной академіи Н. И. Петрова. Почаевъ 1884 года.

«Преподобный Іовъ Желѣзо, игуменъ почаевскій, жившій во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII стол. навѣстенъ въ нашемъ отечествѣ по святости жизни и по нетлѣннѣ своихъ мощей, почитавшихъ въ почаевской лаврѣ, волынской епархіи. Но до послѣдняго времени рѣдко кто зналъ, что преподобный Іовъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духовнымъ писателемъ, трудившимся на этомъ поприщѣ въ самый скудный духовными писателями и самымъ смутный періодъ существованія южно-русской православной церкви». «Но отселѣ (т. е. со времени выхода въ свѣтъ разсматриваемой нами книги) авторство преподобнаго Іова почаевскаго не подлежитъ сомнѣнію и, отрывая новую, доселѣ невѣдомую для насъ сферу его духовной дѣятельности, должно пролить новый свѣтъ на внутреннюю жизнь преподобнаго Іова, на его образъ мыслей и убѣжденій и на его отношенія къ церковнымъ и общественнымъ нуждамъ того времени».

Такимъ заявленіемъ начинается свое предисловіе къ разсматриваемой нами книгѣ профессоръ кievской духовной академіи Н. И. Петровъ, которому, какъ специалисту, духовный соборъ почаевской лавры поручилъ разборъ рукописей преподобнаго Іова.

Авторство преподобнаго Іова почаевскаго, по словамъ профессора Петрова, не можетъ подлежать сомнѣнію на слѣдующихъ основаніяхъ.

Въ «житіи блаженнаго отца нашего Іова Желѣза», списанномъ ученикомъ его іеромонахомъ Досифеемъ (изд. въ Почаевѣ, около 1791 г.), говорится, что преподобный Іовъ занимался «списаніемъ книгъ церковныхъ». Между тѣмъ, въ почаевской усупенской лаврѣ доселѣ хранится съ подобающимъ благоговѣніемъ, «книга блаженнаго Іова почаевскаго, власною (собственною) рукою его писанная». Книга эта писана частію уставомъ, частію полууставомъ, который имѣетъ генетическое родство съ тѣмъ курсивнымъ вочеркомъ, какимъ подписался преподобный Іовъ почаевскій на завѣщаніи Ирины Ярмолнической 1646 года, доселѣ хранящемся въ почаевской лаврѣ. Нѣкоторыя буквы скорописи, не смотря на разницу ея съ полууставнымъ письмомъ, все-таки значительно сходны между собою въ томъ и другомъ письмѣ, а другія скорописныя буквы, повидному несходныя съ полууставными, легко могли образоваться изъ послѣднихъ естественнымъ путемъ упрощенія полууставнаго письма въ скорописи. Къ этому нужно присовокупить преданіе о принадлежности этой рукописи перу преподобнаго Іова, восходящее къ XVII вѣку.

Означенная рукопись не дошла до нашего времени въ полномъ видѣ. Въ настоящемъ своемъ составѣ она заключаетъ въ себѣ 123 листка (въ продольную осьмушку). Но остатки прежней, первоначальной пагинаціи показываютъ, что въ ней было болѣе 900 листовъ. Тѣмъ не менѣе и это, сравнительно не многое сохранившееся, имѣетъ, по мнѣнію проф. Петрова, чрезвычайно важное историческое и литературное значеніе.

Все содержаніе книги преподобнаго Іова почаевскаго, насколько позволяетъ судить уцѣлѣвшая часть ея, можетъ быть раздѣлено на слѣдующіе четыре отдѣла: 1) житія, связанія и слова на неподвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года, за августъ, сентябрь и декабрь мѣсяци; 2) выписки изъ Патериковъ и особенно изъ Лѣстницы преподобнаго Іоанна Синайскаго; 3) слова и бесѣды на страстную и свѣтлую седмицы и нѣкоторые подвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года, и 4) выписки изъ разныхъ книгъ, безъ заглавій и указанія источниковъ, замѣтки и краткія поученія заимствованныя, комплиментныя, подражательныя и оригинальныя, не приуроченныя къ извѣстнымъ днямъ, которыя можно назвать поученіями на разные случаи.

Этотъ, послѣдній отдѣлъ особенно важенъ, такъ какъ здѣсь преимущественно находятся самостоятельныя опыты учительной дѣятельности преподобнаго Іова.

По мнѣнію проф. Петрова, главное достоинство рукописнаго сборника преподобнаго Іова состоитъ въ томъ, что этотъ сборникъ не есть безцѣльный сводъ выписокъ изъ попадавшихся преподобному Іову книгъ и отражаетъ на себѣ характеръ личности преподобнаго Іова и его эпохи.

И переписанныя, и компилятивные, и подражательныя статьи книги преподобнаго Иова указывают и опредѣляютъ тотъ кругъ воззрѣній и понятій, въ коемъ работалъ ужь преподобнаго Иова и воспитывалась его нравственная природа. Съ другой стороны составъ книги преподобнаго Иова предполагаетъ собою извѣстный выборъ изъ различныхъ источниковъ такого назидательнаго матеріала, который, соответствуя личному настроенію и вкусу преподобнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ болѣе или менѣе прямое и близкое отношеніе къ обстоятельствамъ мѣста и времени жизни преподобнаго Иова. Въ этомъ случаѣ, выборъ преподобнымъ Иовомъ назидательныхъ статей для своей книги обнаруживаетъ въ немъ опредѣленные цѣли, извѣстное направленіе и самостоятельную мысль, ставящую преподобнаго Иова, *даже въ заимствованныхъ имъ статьяхъ, на одинъ уровень съ самостоятельными проповѣдниками слова Божія...*

Въ рукописи преподобнаго Иова почаевского находятся поученія и выписки, направленные противъ евреевъ, католиковъ и разныхъ протестантскихъ сектъ. Впрочемъ противъ евреевъ и католиковъ здѣсь помѣщено только два обличенія, притомъ заимствованныя у Григорія Цимлака. Главныя усилія преподобнаго Иова направлены были къ обличенію протестантствующихъ сектъ, преимущественно-же быстро распространяшагося въ то время (конецъ XVI и нач. XVII стол.) въ юго-западной Россіи социніанства. Противъ социніанъ преподобный Иовъ ведетъ обширную полемичу, апологически защищая важнѣйшіе догматы православной церкви, отрицаемые еретиками. Такъ въ рукописи преподобнаго находится изложеніе ученія (въ противовѣсъ социніанамъ) 1) *о Пресвятой Троицѣ*, 2) *о Божествѣ Иисуса Христа*, 3) *объ истинномъ Божествѣ и человечествѣ Иисуса Христа*, 4) *о Пресвятой Богородицѣ*, 5) *о крещеніи*; 6) *о пречистыхъ тайнахъ тѣла и крови Господа нашего Иисуса Христа*, 7) *объ образахъ или иконахъ*, 8) *о званіи и чести святыхъ угодниковъ Божіихъ*, 9) *о постѣ*, 10) *о памяти умершихъ*, 11) *о храмахъ Божіихъ*, 12) *о человѣческихъ страстяхъ и необходимости добрыхъ дѣлъ для человека*, 13) *о монашествѣ*, и проч...

Но мнѣнію проф. Петрова, полемическіе и апологетическіе опыты преподобнаго Иова противъ сектантовъ протестантскаго характера должны занять почетное мѣсто въ православной противо-лютеранской полемикѣ второй половины XVI вѣка, къ которой они относятся. Перечисливши (хотя и съ немалыми пропусками) ¹⁾ дошедшія до насъ со-

¹⁾ Такъ, кромѣ *повѣсти противъ безбожныхъ еретиковъ* (полов. XVI столѣтія), находящейся въ рукописи и потому естественно автору неизвѣстной, нѣтъ не указаны: 1) Предисловіе къ острожской Библіи, 2) Омаія Копыстевскаго,

чиненіи православныхъ писателей, обличавшихъ въ разсматриваемое время антигриттаніанство или соцініанство, проф. Петровъ заявляетъ, что по широтѣ круга, захватываемаго полемикою преподобнаго Іова, она можетъ идти въ сравненіе лишь съ наиболее капитальными трудами того времени въ этой области, именно: «Показаніемъ истины» Зиновія Отенскаго, «посланіями» старца Артемія и «Книгой о вѣрѣ» 1602 и 1619 гг., отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и высокими внутренними достоинствами... Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полемика преподобнаго Іова должна быть поставлена даже выше и этихъ капитальныхъ произведеній. Другіе обличители еретиковъ и защитники православія — говоритъ проф. Петровъ — или пользовались католическими пособіями, какъ напр. авторъ «Книги о вѣрѣ», руководившіяся полемическими трудами Вуйка, или же въ борьбѣ съ еретическимъ раціонализмомъ сами становились на раціональную почву, старались опровергнуть еретиковъ доводами ума, пересворить ихъ и заставить признать истину православія, напр., клирикъ Острожскій Василій и Стефанъ Зизаній; тогда какъ преподобный Іовъ всецѣло стоитъ на почвѣ священнаго писанія, церковнаго преданія и святоотеческихъ твореній, вообще на почвѣ церковности, и не столько доказываетъ, сколько раскрываетъ и уясняетъ истины православія и ихъ свѣтомъ освѣщаетъ еретическія заблужденія. Тѣ, ставши на скользкую почву католическихъ, или же раціональныхъ доказательствъ, сами могли пошатнуться на этой почвѣ и впасть иногда въ противоположныя крайности, выходить за предѣлы строгаго православнаго богословствованія, какъ это и случилось со Стефаномъ Зизаніемъ и нѣкоторыми другими. Напротивъ, преподобный Іовъ почаевскій выражалъ свою богословствующую мысль святоотеческими твореніями, выписками изъ нихъ и ихъ выраженіями и потому твердо стоитъ на православной почвѣ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе существенной части изслѣдованія профессора Петрова, помѣщеннаго въ качествѣ предисловія къ изданной подъ его редакціею рукописи преп. Іова почаевского.

Самая рукопись помѣщена въ переводѣ на современный русскій языкъ, а частію и въ подлинникѣ, почти цѣликомъ. Изъ нея исключены только, по словамъ издателя, нѣкоторые произведенія, или сохранившіеся въ отрывкахъ и не могшія быть восстановленными, или непровѣренными по другимъ исправнымъ спискамъ и греческимъ подлинникамъ, остаю-

3) два сочиненія С. Косова, 4) Крестъ Христа Спасителя, Н. Могилы, и др. Съ другой стороны, между лицами несомненно обличавшими протестантовъ, напрасно авторомъ помѣщенъ кievскій митрополитъ Сильвестръ Бѣлькевичъ, который считался нѣкоторыми прежними историками писателемъ по недоразумѣнію.

нимся неизданными, или-же не имѣющимъ особеннаго значенія для характера жизни и дѣятельности преп. Іова.

Въ разсматриваемомъ изданіи рукописи преподобнаго Іова систематизирована слѣдующимъ образомъ:

Часть первая. Отдѣль первый. Слова и бесѣды на воскресные дни и подвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года (79—271 стр.). *Отдѣль второй.* Выписки и поученія о разныхъ предметахъ и на разные случаи (273—316).

Часть вторая. Отдѣль первый. Житія, сказанія и слова на неподвижные праздники и нарочитые дни церковнаго года (3—172). *Отдѣль второй.* Выписки изъ Патериковъ и особенно изъ Лѣтвицы Іоанна Синайскаго (173—194).

Бесѣды и поученія преподобнаго и Богоноснаго отца Іова, игумена и чудотворца снятыя лавры почаевской (стр. 3—46, въ два столбца, изъ коихъ одинъ занятъ подлиннымъ текстомъ, а другой переводомъ на современный русскій языкъ).

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что проф. Петровъ, редактируя разсматриваемую нами рукопись и составляя издѣлованіе объ Іовѣ почаевскомъ, какъ духовномъ писателѣ, трудился весьма много и прилагалъ всевозможное стараніе, дабы придать своему труду научную оболочку. Довольно объемистый сборникъ, мелко и не всегда отчетливо написанный, имъ тщательно разобралъ, переписанъ и старательно, почти въ цѣломъ своемъ составѣ, сличенъ съ святоотеческими писаніями въ подлинникахъ или переложеніяхъ, наконецъ переведенъ на современный русскій языкъ и снабженъ тоже немалого труда стоившимъ предисловіемъ. Но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы результаты, добытые столь большимъ трудомъ, были значительны, — разумѣется въ смыслѣ научномъ. Намъ кажется, что проф. Петровъ при своихъ работахъ надъ почаевскою рукописью сразу-же сдѣлалъ невѣрный шагъ, довѣрчиво, безъ надлежавшей критики отнесшись къ позднѣйшему оглавленію, слѣланному на этой рукописи; а затѣмъ, ставши на невѣрную дорогу, упорно продолжать идти по ней до самаго конца.

Проф. Петровъ считаетъ не подлежащимъ сомнѣнію, что разсматриваемая имъ рукопись собственнолично писана преподобнымъ Іовомъ почаевскимъ. Мы-же думаемъ, что едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію *противное*. Разумѣется, свидѣтельство Досноея о преподобномъ Іовѣ, какъ о лицѣ, занимавшемся «писаніемъ книгъ церковныхъ», несколько не доказываетъ, чтобы разсматриваемая рукопись была именно рукописью

преподобнаго. Также малоубѣдительно сама по себѣ и *позднѣйшая* приписка, сдѣланная на почаевской рукописи въ концѣ XVII или даже въ XVIII стол. рукою какого-то инока и гласящая, якобы означенная рукопись «власною рукою блаженнаго Іова почаевскаго писана». Знакомые съ древнею нашею письменностію хорошо знаютъ цѣну подобнымъ позднѣйшимъ припискамъ, основаннымъ на преданіи,—знаютъ, какъ иногда и возникаютъ подобныя преданія. Совсѣмъ другое дѣло, когда проф. Петровъ для подтвержденія своей мысли о принадлежности разсматриваемой пмъ рукописи Іову почаевскому указываетъ на его собственноручную подпись, находящуюся на одномъ документѣ 1646 года: въ этомъ случаѣ онъ становится на почву положительную, фактическую. Только едва-ли благоприятною для него окажется эта почва. Проф. Петровъ говоритъ, что почеркъ разсматриваемой рукописи, писанный уставомъ и полууставомъ, имѣетъ *генетическое родство* съ курсивнымъ почеркомъ Іова почаевскаго на документѣ 1646 г. Нѣкоторыя буквы *сходны* въ томъ и другомъ письмѣ, а другія скорописныя буквы, повидѣмому *несходныя* съ полууставными, *легко могли образоваться* изъ послѣднихъ естественнымъ путемъ, и проч. Читая и чувствуешь, что экспертиза какъ будто не совсѣмъ надежна. Дѣйствительно, сравнивая почеркъ почаевской рукописи съ указаннымъ автографомъ преподобнаго Іова, сходства между ними и даже генетическаго родства не находишь никакого и жалѣешь, что издатель разсматриваемой книги не приложилъ къ ней снимковъ какъ съ почаевской рукописи, такъ и съ подписей преподобнаго Іова, чтобы дать читателямъ возможность провѣрить его догадку. Скажутъ, что подпись на завѣщаніи сдѣлана была преподобнымъ Іовомъ въ 1646 г., слѣдовательно когда ему было уже 95 лѣтъ, и что неудивительно поэтому, если между почеркомъ его и почеркомъ гораздо ранѣе писанной рукописи не видится сходства? Замѣчаніе не лишено основаній. Но развѣ нѣтъ другихъ болѣе раннихъ автографовъ преподобнаго Іова? Разумѣется есть, и нѣкоторые изъ нихъ находятся даже въ нашей академической библіотекѣ; но почему не упоминаетъ о нихъ проф. Петровъ—недоумѣваемъ. Можетъ быть они неизвѣстны ему; въ такомъ случаѣ весьма жалѣемъ: ознакомленіе съ означенными автографами, надѣемся, во очію убѣдило-бы его въ томъ, что между почеркомъ преподобнаго Іова и почеркомъ разсматриваемой почаевской рукописи *генетическаго сродства нѣтъ*... Независимо отъ сличенія почерковъ въ подписи преподобнаго Іова и почаевской рукописи, въ послѣдней можно находить нѣкоторые и другіе признаки, не позволяющіе приписывать принадлежность ея преподобному. Такъ извѣстно, что Іовъ почаевскій принадлежалъ къ числу лучшихъ людей своего времени, воспытавшихся на древнихъ традиціяхъ и

не сочувственно смотрѣвшихъ на разныя новшества. Къ числу особенностей этихъ лицъ съ консервативнымъ оттѣнкомъ должно отнести сравнительно хорошее знакомство ихъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, въ то время почти забывавшимся въ юго-западной Россіи. Между тѣмъ въ почаевской рукописи, по заявленію самаго составителя предисловія, встрѣчается «смѣшеніе грамматическихъ формъ, на примѣръ, дѣяри-частія съ изъявительнымъ наклоненіемъ и втораго лица съ третьимъ», — вообще по мѣстамъ замѣчается крайне неправильная церковно-славянская рѣчь. Но на это обстоятельство составитель предисловія не обращаетъ надлежащаго вниманія, отдѣльваясь только такими замѣчаніями: «преподобный Іовъ пытался поддержать или возстановить этотъ (церковно-славянскій) языкъ, но его попытка оказалась не совсѣмъ удачною и, можетъ быть, эта неудача была одною изъ побудительныхъ причинъ (?) къ прекращенію преподобнымъ Іовомъ полемиической его дѣятельности противъ еретиковъ и къ оставленію имъ дубенской обители».

За первымъ неврѣнымъ шагомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ: рѣшившіеся признать рассматриваемую рукопись собственноручною рукописью преподобнаго Іова, профессоръ Петровъ рѣшается во что-бы то ни стало доказать важное ея историческое и литературное значеніе. А такъ какъ на самомъ дѣлѣ такого значенія почаевская рукопись не имѣетъ, то послѣдствіемъ этого является цѣлый рядъ изумительныхъ натяжекъ и превратныхъ сужденій. Такъ, на примѣръ, желая въ болѣе яркомъ свѣтѣ представить литературную дѣятельность преподобнаго Іова почаевского, профессоръ Петровъ утверждаетъ, что *преподобный трудился на литературномъ поприщѣ въ самый скудный духовными талантами періодъ существованія южно-русской православной церкви*. Разумѣется, это не болѣе, какъ риторическая фигура, потому что всякому, хотя поверхностно знакомому съ исторіею нашего юго-запада, извѣстно, что вторая половина XVI и первая XVII столѣтія (время жизни и дѣятельности Іова почаевского) представляютъ *самый богатый* духовными талантами періодъ въ исторіи южно-русской церкви. Въ это время (приводимъ выдержку изъ своего сочиненія о Петрѣ Могилѣ) религиозное движеніе, вызванное борьбою съ иновѣріемъ, охватываетъ всѣ слои южно-русскаго общества и достигаетъ самыхъ широкихъ размѣровъ. Реформируются и вновь образуются церковныя братства, заводятся школы и типографіи, выпускаются въ свѣтъ сочиненія религиознаго и преимущественно религиозно-полемическаго содержанія, созываются соборы, пишутся и рассылаются призывающія къ единопущію и твердости въ вѣрѣ посланія, — словомъ, южно-

руссы предпринимаютъ всевозможныя мѣры, чтобы отстоять свою вѣру и народность, подвергавшіяся серьезной опасности отъ напора искусно организованной и располагавшей громадными средствами инновѣрной пропаганды». Это-ли крайняя духовная скудость?

Обращаемся къ содержанію самой почаевской рукописи.

Для непредубѣжденного изслѣдователя рукопись эта представляетъ весьма обычное въ то время собраніе разныхъ душевспасительныхъ словъ, бесѣдъ, поученій, наставленій и т. д., принадлежащихъ преимущественно св. отцамъ и учителямъ церкви. Разумѣется, нельзя думать, чтобы собраніе это представляло безцѣльный сводъ выписокъ изъ попадавшихся книгъ, безъ всякой системы и порядка. И цѣль, и система, и порядокъ явственны. Онѣ до известной степени обозначены самимъ издателемъ, систематизировавшимъ рукопись по указаннымъ нами выше отдѣламъ. Очевидно, что писатель, при составленіи своей книги, имѣлъ цѣлю сгруппировать въ ней святоотеческія слова, бесѣды и поученія на всѣ воскресныя, праздничныя и нарочитыя дни, чтобы имѣть подъ руками ежедневное пазидательное чтеніе. Выборъ означенныхъ словъ и бесѣдъ могъ зависѣть отчасти отъ личнаго вкуса составителя, но едва-ли не въ значительной степени обуславливался количествомъ и подборомъ находившихся въ его распоряженіи книгъ. Весьма легко могло даже быть, что почаевская рукопись, въ цѣломъ своемъ составѣ, переписана съ *одной только книги*, ранѣе составленной, какъ это въ то время случалось зачастую. Такимъ образомъ, первый вопросъ, естественно возникающій при научномъ изслѣдованіи почаевской рукописи (къмъ-бы она ни была писана), долженъ состоять въ томъ, есть-ли это рукопись основная, составляющаяся изъ разныхъ книгъ людей, ее писавшихъ, или-же представляетъ собою простой списокъ со сборника, ранѣе составленнаго. Между тѣмъ этотъ, безъ сомнѣнія, весьма существенный вопросъ проф. Петровымъ совершенно игнорируется. Всѣ старанія его направлены къ тому, дабы доказать, что почаевская рукопись есть замѣчательный полеми-ческій памятникъ противъ соцініанъ.

Приемы, употребляемые при этомъ проф. Петровымъ, весьма замысловаты и выѣтъ съ тѣмъ весьма просты. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

Около 1602 года издана очень замѣчательная «Книга о вѣрѣ», содержащая въ себѣ полемику противъ антиринитаріевъ. Книга эта раздѣлена на главы, изъ коихъ въ каждой приводится какое либо еретическое мнѣніе и затѣмъ довольно пространно опровергается. Такъ въ одной главѣ говорится, напримѣръ, о *пресвятой Троицѣ*, въ другой о *Божествѣ Иисуса Христа*, въ третьей о *пресвятой Богородицѣ* и т. д. Такъ какъ *Книга о вѣрѣ* была въ свое время пайболѣе полнымъ и систе-

матическимъ опроверженіемъ антитринитаріанской ереси, то проф. Петровъ кладетъ ее въ основу «апологическаго ученія» преподобнаго Іова противъ еретиковъ, т. е. выписываетъ изъ нея въ указанномъ нами выше порядкѣ важнѣйшіе догматы въ православномъ вѣроученіи, отрицаемые соцініанами, и подбираетъ въ почаевской рукописи мѣста, гдѣ разбирается нужная для него сторона христіанскаго ученія. Напримеръ, въ *Книжѣ о вѣрѣ* есть глава о *пречистыхъ тайнахъ тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа*, гдѣ сначала излагается мнѣніе еретиковъ, не признававшихъ въ евхаристіи истиннаго тѣла и крови Христовой и вещество сего таинства считавшихъ только подобіями тѣла и крови Христовой. Указавши, на основаніи *Книжѣ о вѣрѣ*, на подобное еретическое мнѣніе, проф. Петровъ находитъ, что и Іовъ почаевскій по данному вопросу велъ полемику съ еретиками; потому что въ рукописи Іова почаевскаго помѣщено слово съ именемъ Іоанна Златоустаго въ великій четвертокъ, а въ этомъ словѣ проповѣдникъ, приглашая своихъ слушателей къ священнои трапезѣ, говоритъ: «Иныѣ предстоитъ Христость, нынѣ предстоитъ Тотъ, кто учредилъ эту трапезу; Онъ-же теперь устроаетъ и эту. Не человѣкъ претворяетъ предложенное въ тѣло и кровь Христову, но распятый за насъ Христость. Стоящій іерей носитъ его образъ, у тѣ слова произноситъ іерей, и дѣйствуетъ сила и благодать Божія». Другой примѣръ. Антитринитаріи отвергали троицность лицъ въ Богѣ. Іовъ почаевскій боролся и противъ этого еретическаго мнѣнія, потому что въ его рукописи приведенъ отрывокъ изъ Шестоднева Северіана Гавальскаго и слова Григорія Цамблака, а въ этихъ произведеніяхъ говорится о троицности Божіей (слѣдуютъ выдержки). Приведемъ еще одинъ примѣръ, изумительный по своей курьезности. Соцініане пренебрежительно отзывались о *жизли и чести святыхъ угодниковъ Божіихъ*. По мнѣнію проф. Петрова, полемика Іова почаевскаго противъ протестантовъ, замѣчательная по широтѣ круга, касалась и этого пункта, что доказывается нижеслѣдующимъ образомъ. Въ рукописи преподобнаго Іова помѣщенъ конецъ слова (замѣтите конецъ слова, а не все слово) Григорія Цамблака. *Если все это слово мы возстановимъ*, то тамъ прочтемъ, между прочимъ, *слѣдующія слова*: «И поелику священная память блаженнаго Филогоніа зоветь нашъ языкъ къ воспоминанію, то, оставивъ теперь ваше безстыдство, побесѣдуемъ вкратцѣ о семъ блаженномъ, поелику память праведныхъ съ похвалами, какъ сказалъ Соломонъ (Притч. 10, 7). Ибо, когда восхвалять праведники, то возвеселятся люди, возвеселятся и воспріимутъ ревность къ добродѣтели». — Не правда-ли, вполне логическое доказательство!

Слѣдую прѣмѣру проф. Петрова, можно доказать, что почавская рукопись составлена противъ какой угодно секты—молоканъ, хлыстовъ и т. д. Слѣдую прѣмѣру проф. Петрова, можно взять любой сборникъ XVI—XVIII в. религіознаго содержанія или любой сборникъ поученій какого либо современнаго проповѣдника и доказать, что онъ составленъ противъ соцініанъ,—ибо соцініане отрицають Божество Иисуса Христа, а въ какой современной проповѣди, или въ старинной книгѣ вы не встрѣтите, что Иисусъ Христосъ многократно называется Богомъ? .. Гдѣ вы найдете, что пресвятая Дѣва Марія не называется Богородицею, Богъ не признается троннымъ въ лицахъ и т. д.

Еще нѣсколько словъ. Въ концѣ разсматриваемой рукописи помѣщены (на 44 страницахъ въ два столбца, изъ коихъ одинъ занятъ подлиннымъ текстомъ, а другой переводомъ) якобы не списанныя бесѣды и поученія, а составленныя первоначальнымъ владѣльцемъ рукописи. Последнее весьма сомнительно. Самъ издатель почти о всѣхъ изъ нихъ говоритъ, что они составлены въ подражаніе то Златоустому, то Цимѣлаку. Не обозначенныя же, какъ подражательныя, имѣють весьма мало значенія. Такъ, напримѣръ, поученія противъ пьянства состоять изъ нижеслѣдующихъ строкъ: «Послушаемъ съ особеннымъ вниманіемъ о поддержаніи и Іезоин и братьевъ его. Они были внуки Юнадава, сына Рихава праведнаго. Ихъ, происходящихъ отъ него, Іеремія искушаетъ, какъ бы отъ имени Божія, новелѣвая имъ пить вино. Они сказали въ отвѣтъ: (приводится нѣсколько строкъ изъ 35 гл. Іеремія, чѣмъ и заканчивается поученіе).

Оканчиваемъ свою замѣтку слѣдующимъ заявленіемъ: мы не отрицаемъ совершенно всякое историческое значеніе разсматриваемой почавской рукописи, мы только не признаемъ ее принадлежащею Юву почавскому (точнѣе писанною имъ), не признаемъ за нею *того важнаго историческаго значенія, какое усвоится ей проф. Петровымъ*, какъ выдающемуся памятнику противо-протестантской (соцініанской) полемики конца XVI и нач. XVII стол. Мы думаемъ, что историческое и литературное значеніе почавской рукописи совершенно одинаково съ тѣмъ значеніемъ, какое обыкновенно усвоится однороднымъ съ нею рукописнымъ сборникамъ прежняго времени, во множествѣ находящихся какъ въ общественныхъ, такъ и частныхъ книгохранилищахъ. Идти далѣе—значить вступать на ложную дорогу.

Безъ сомнѣнія, издатели и проф. Петровъ добрую пѣмлю дѣла, выпуская въ свѣтъ разсматриваемую нами книгу—желали воздвигнуть прѣподобнаго Юва. Но удостоенный за свою святую и многополезную жизнь

небесною влца, преподобный не имѣетъ нужды въ вѣсѣлахъ, снлетаемыхъ грѣшными руками человѣческими, и тѣмъ паче, если онѣ плетутся по узору, ошибочно нарисованному.

С. Голубевъ.

Przegląd archeologiczny, organ s. k. Konserwatorium pomników, oraz Towarzystwa archeol. krajow. we Lwowie. Zesz. 1—3. Lwów. 1882—1883. (Археологическое обозрѣніе, органъ и. к. Музея древностей и львовскаго археологическаго общества. Выпускъ 1—3. Львовъ. 1882—1883 г.).

Нельзя не отдать справедливости той старательности, съ которою польская раціональная наука послѣднихъ десятилѣтій занялась изученіемъ и изслѣдованіемъ родной старины. Она не отстаетъ въ этомъ случаѣ отъ того широкаго интереса къ историческому знанію, какой господствуетъ теперь во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы. Во всѣхъ частяхъ, на которыя раздѣлена бывшая Польша, видимъ значительное вниманіе къ исторіи.

Польскіе историки не ограничиваютъ своего вниманія собственно предѣлами Польши, но касаются миновавшей судьбы тѣхъ русскихъ областей, которыя входили нѣкогда въ составъ Рѣчи Посполитой, интересуются исторіей и этихъ земель въ періодъ польскаго владычества надъ ними.

Разрабатывая исторію этихъ ископно-русскихъ краевъ, хотя-бы и съ своей національной точки зрѣнія, издавая историческіе памятники ихъ, польская историографія оказываетъ услугу и намъ. *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy Pospolitej polskiej*, которыхъ X-й томъ вышелъ на дняхъ, могутъ быть поставлены вслѣдъ за изданіями нашихъ кievской и виленской комиссій и собраніемъ «Актовъ западной и южной Россіи»; къ сожалѣнію, львовскіе акты издаются безъ того строго опредѣленнаго плана, который составляетъ одно изъ крупныхъ достоинствъ изданій кievской комиссіи. Они лишены также предисловія, которыя перѣдко столь цѣнны въ «Архивѣ юго-западной Россіи».

Нельзя не привѣтствовать тѣхъ польскихъ изданій, которыя проникнуты духомъ истинной науки, чтуть историческую правду, не вносятъ въ исторію національнаго пристрастія и риторизма, не искажаютъ исторической истины, въ чемъ былъ новинень, напримѣръ, покойный краковскій профессоръ Шуйскій, въ особенности въ первое время своей

дѣятельности. На почвѣ болѣе или менѣе чистой научности могутъ протянуть другъ другу руку и русскіе, и польскіе историки.

Къ числу отрадныхъ явленій польско-русской исторической литературы принадлежитъ и то изданіе, заглавіе котораго выписано выше.

Это повременное изданіе составляетъ органъ археологическаго общества во Львовѣ, имѣющаго цѣлью розысканіе, описаніе и сохраненіе всякихъ памятниковъ старины въ Галичинѣ и въ краковскомъ округѣ. Уставъ общества былъ утвержденъ въ 1875 г., но вполнѣ оно организовалось въ 1876 г. Изъ галицко-русскихъ ученыхъ въ составъ археологическаго общества вошли извѣстные исследователи и знатоки галицкой исторіи о. А. С. Петрушевичъ и И. М. Шараневичъ, возведенные недавно университетомъ св. Владиміра въ почетные доктора русской исторіи. Въ 1881 г. они были избраны въ члены «Видѣла», завѣдывающаго дѣлами общества, и сверхъ того о. Петрушевичу было предложено званіе заступающаго мѣсто президента археологическаго общества. Оба ученые, въ особенности о. Петрушевичъ, приняли весьма дѣятельное участіе въ изданіи «Археологическаго Обзорнія», которое общество порѣшило издавать въ послѣднее время.

Общество понимаетъ археологію въ широкомъ смыслѣ слова и старается о правильной постановкѣ дѣла охраненія и изученія памятниковъ старины. Въ указанныхъ выше 3-хъ выпускахъ его трудовъ есть много не лишенаго интереса и для насъ.

Содержаніе ихъ очень разнообразно: тутъ находимъ и статьи чисто археологическія, заключающія описаніе тѣхъ или иныхъ памятниковъ, и описаніе архивовъ, и акты, и извлеченіе изъ позднѣйшихъ мемуаровъ, и небольшія историческія монографіи по архивнымъ даннымъ, и историко-археологическія разсказы и наконецъ библиографическіе перечни съ критической оцѣнкой. Укажемъ лишь на статьи и сообщенія, могущія представлять интересъ для читателей «Кіевской Старины».

Спеціально по части археологіи заслуживаетъ упоминанія извѣстіе объ открытіи на поляхъ деревни Залуквы около Галича надъ р. Ломницею развалинъ церкви св. Спаса, которая была замковою церковью князя Владимірка и упоминается въ лѣтописи подъ 1152 г. Фундаментъ указываетъ на строеніе XI в. въ чистомъ церковномъ романо-византійскомъ стилѣ. Г. Шараневичъ, сообщившій это извѣстіе, описалъ также археологическія раскопки, произведенныя въ 1883 г. въ мѣстности древняго Галича и начатыя по плану его-же и профессора Захаревича. Раскопаны *церковище Блговичицкскѣ*, валъ около церкви св. Спаса, нѣсколько могилъ, и намѣчены нѣкоторые пункты для дальнѣйшихъ раскопокъ. Эти раскопки, равно и сдѣланныя г. Шараневичемъ, на осно-

ваніи ихъ, выводы вызвали рядъ возраженій въ галицкомъ «Словѣ» и въ «Вѣстникѣ народнаго дома» 1883 и 1884 г. въ неоконченной еще статьѣ о. А. Петрушевича: «О городѣ Галичѣ за Лубною». Тѣмъ не менѣе г. Шараневичъ питаетъ надежды, что предположенные раскопки могли бы на мѣстѣ древняго Галича привести къ результатамъ подобнымъ тѣмъ, какіе добыты изслѣдованіемъ въ 1881—1882 гг. могилъ стараго города Пяшнска, упомянутого лѣтописью подъ 1190 и 1233 гг., а въ этихъ послѣднихъ встрѣчаются рядомъ съ находками, указывающими на христіанство, слѣды языческихъ обычаевъ, ставленія въ могилы пшци и напштковъ, обращеніе покойниковъ головою на западъ, употребленіе колець, вложеніе въ уста покойнику золотыхъ бляшекъ и пр.

Изъ статей, относящихся къ вещественнымъ памятникамъ старины, можно отмѣтить живо-написанный очеркъ общаго содержанія, принадлежащій перу графа Дзѣдушицкаго, председателя археологическаго общества и хранителя памятниковъ. Очеркъ этотъ озаглавленъ: «Деревянныя постройки на Руси». Авторъ обращаетъ вниманіе на необходимость присматриваться къ деревяннымъ церквамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя заслуживаютъ вниманія и являются истинными произведеніями искусства въ своемъ родѣ. Въ подтвержденіе отчетливости, съ какою выполнена постройка нѣкоторыхъ изъ нихъ, указывается церковь въ Дрогобычѣ, которая, по преданію, стояла нѣкогда въ Украинѣ за Днѣпромъ и дрогобычскими мѣщанами, возвышши туда для продажи соли, приобрѣтена за нѣсколько возовъ соли. Церковь была разобрана, каждая изъ частей ея была положена въ отдѣльности на сани, и всѣ онѣ были перевезены на Червонорусское Подгорье. Гр. Дзѣдушицкій описываетъ обычный складъ «русинской церкви» и говоритъ: «Вотъ стародавняя польская (sic!) церковка, которую мы всѣ знаемъ, которую полюбилъ каждый поэтъ и каждый истинный художникъ, и которую теперь неразумно губить неумѣлыя руки». Указавъ на живописный видъ такой церкви, соответствующій нашему небу, авторъ упоминаетъ о *дзвоницѣ* и переходитъ къ старымъ домамъ по мѣстечкамъ. «Не одинъ, замѣчаетъ онъ, удивится тому, что кому либо пришла охота говорить о такихъ убожествахъ; и однако эта архитектура связана со всѣмъ прошлымъ. Въ деревянныхъ нештукатуренныхъ покоехъ жили наши рыцарственные предки, заслоняшіе грудью Рѣчь Посполитую и христіанство, пока они не опустились подъ вліяніемъ саксонской иноземщины. Въ деревянной церкви молились сотни поколѣвій, она является достойнымъ памятникомъ народнаго обычая и свидѣтельницацею лучшихъ временъ; деревянная церковка среди дубовыя и деревянный домъ въ мѣстечкѣ—то родныя дѣти нашихъ лѣсовъ, нашихъ долинь и нашей исторіи; не позволимъ, чтобы ихъ выгнали изъ родимой Руси

каніе нибудь бездѣтныя, холодныя, гадкія, бѣленыя пришельцы». Помимо тенденціознаго смѣшенія русскаго съ польскимъ, въ статьяхъ со-трудниковъ *Przegląd'a*, принадлежащихъ къ польской націи, перѣдко прорывается элегическій тонъ, указывающій на то, что побуждаетъ польскую интеллигенцію отдаваться такъ ревностно изученію прошлаго. Тѣже ноты звучать и въ такихъ сухихъ статьяхъ, какъ описаніе львовскаго городскаго архива. Въ началѣ этого описанія читаемъ: «*Свое управленіе, свой судъ, своя казна, свое войско* -- все это говоритъ намъ, какъ духи, поднимающіеся по заклипанію чародѣя изъ этихъ книгъ, грамотъ, актовъ, историческихъ автографовъ, даже перѣдко изъ мелкихъ замітокъ и частныхъ листовъ».

Гр. Дзѣдушицкому принадлежитъ также описаніе латинскаго костела и церкви св. Юрія въ Дрогобычѣ. Авторъ говоритъ прежде всего о башнѣ романскаго стила, напоминающей сѣверно-итальянскія и юго-славянскія сооруженія, восходящей ко времени Володаря Осмомысла (sic) и свидѣтельствующей паравнѣ съ другими памятниками, что и Галицкая Русь не оставалась чуждой вліянію запада. Затѣмъ гр. Дзѣдушицкій переходитъ къ костелу готическаго стила, построенному краковскими мастерами въ первой половинѣ XV в. и наглядно знакомящему съ костелами времени Ягайла. Этотъ костель былъ реставрированъ королевой Боной. Надъ главнымъ кораблемъ явился тогда круглый сводъ, подобный тѣмъ, какіе видѣются на Сушеншпахъ, на луцкомъ замкѣ, въ Люблинѣ и въ Красчицѣ. Когда верхъ костела обрушился отъ тяжести народа, искавшаго на немъ защиты во время татарскаго нашествія при королѣ Михаилѣ, его возстановили въ іезуитскомъ стилѣ или *barocco*. Теперь костель приводится въ первоначальный видъ по ходатайству «Видѣла» общества предъ краевымъ сеймомъ. Послѣ описанія надгробнаго памятника Рамултовой, находящагося внутри собора и относящагося къ первому времени возрожденія, слѣдуетъ упоминаніе о деревянной церкви св. Юрія, привезенной, какъ сказано, по преданію изъ Украины и подтверждающей своимъ видомъ это преданіе. По мнѣнію автора, церковь можетъ быть названа привывшею изъ-за Днѣпра и въ иномъ еще смыслѣ: первообразы ея въ Самаркандѣ, въ Тегеранѣ и въ Бенарсеѣ; это «татарское (!) искусство». Такъ далеко шагнулъ авторъ, заключающій замѣчаніемъ, что «дзвоница и церковь характеризуютъ судьбу православія въ Польшѣ, которое становилось постепенно иѣрой хлопской. Но когда высшія сословія ходили въ католическія костелы, церковь все чаще поддавала вліянію, проникавшему съ востока, изъ-за Днѣпра. Раздвоеніе между востокомъ и западомъ, усматриваемое во всей Рѣчи Посполитой, выступаетъ наиболѣе ясно въ судьбѣ русской церкви: одна

часть ея клонилась къ униі, другая отвращалась отъ Европы и тоскливо взирала на Москву».

Переходя къ письменнымъ памятникамъ старины, укажемъ на описаніе городского львовскаго архива, составленное секретаремъ общества К. Видманомъ.

Г. Садокъ Барончъ предпринялъ описаніе доминиканскихъ архивовъ и пода помѣстилъ статьи объ архивахъ въ Ярославль и Быхтъ.

Въ отдѣлѣ «историческихъ матеріаловъ» встрѣчаемъ рядъ актовъ, сообщенныхъ по большей части гг. Петрушевичемъ и Шараневичемъ. Не всѣ документы представляютъ одинаково интересный и цѣнный матеріалъ. Перечислимъ важнѣйшіе. Въ визитѣ 1765 г. церкви и монастыри св. Юрія во Львовѣ есть свидѣніе о времени сооруженія этой церкви и о падшес на колоколахъ, отлитомъ въ 1341 года. Интересно примѣчаніе о. Петрушевича къ грамотѣ XIV в. о пожалованіи села двумъ волохамъ и къ двумъ грамотамъ Федора Любартовича (начала XV в.) объ отграниченіи нѣсколькихъ селъ. Грамоты эти свидѣтельствуютъ о поселеніи румунъ въ порѣчьи Ломницы и вообще въ ждачевскомъ повѣтѣ. О. Петрушевичъ излагаетъ по этому поводу кратко свой любимый и интересный тезисъ о румунскомъ вліяніи на юго-западную Русь: онъ говоритъ о «румунской колонизаціи въ Галичинѣ, приурочивая къ румунамъ и болоховцевъ¹⁾», указываетъ на необходимость изслѣдованія заслугъ румунъ въ исторіи южно-русской образованности. Вліяніе румунъ началось, по мнѣнію о. Петрушевича, съ доисторическаго времени славянъ и объясняетъ начало культуры и христіанства по обѣимъ сторонамъ Карпаты. Нѣсколько документовъ XVI—XVII в. изображаютъ положеніе православнаго духовенства въ Галичинѣ. Двѣ грамоты начала XVI в. говорятъ объ освобожденіи священника церкви св. Николая во Львовѣ отъ государственныхъ повинностей и отъ подсудности львовскому старостѣ. По ходатайству Константина Острожскаго, Сигизмундъ I освободилъ монаховъ львовскаго онуфриевского монастыря отъ государственной подати съ сада. Королевскія и владѣльческія грамоты XVI—XVII вв. предоставляли вносившимъ извѣстную сумму священническимъ мѣста въ различныхъ мѣстностяхъ Галичины въ *потомственное распоряженіе* съ угодьями и опредѣленною данью по 1 коуѣ жита отъ пасомыхъ подданныхъ; коморничьяго и загородничьяго полагалось по одному дню работы, и сверхъ того вносился извѣстный податокъ. Священникъ

¹⁾ Ср. нашъ разборъ гипотезы г. Петрушевича о Болоховцахъ въ хайской книжкѣ «Универс. Изв.», 1884 г. Въ ноябрьскомъ № «Вѣстника Параднаго дома», 1884 г. о. Петрушевичъ кратко отвѣчаетъ на этотъ разборъ.

долженъ былъ вносить ежегодно чиншъ и затѣмъ освобождался отъ всякихъ повинностей и панщины. Отнять поповство у потомковъ пожалованнаго имъ можно было лишь по уплатѣ суммы, которая была внесена получившимъ жалованную грамоту. Иной разъ священникъ самъ строилъ церковь и затѣмъ получалъ грамоту на поповство при ней. Значительный интересъ представляетъ грамота Сигизмунда III, которою было разрѣшено въ 1596 г. бѣгово-печерскому архимандриту Никѳору Туру основать надъ р. Ирпенемъ на урочищѣ *Дидовомъ* замокъ и при немъ *мѣсто*. Мѣщанамъ того мѣста грамота воспрещала ходить безъ разрѣшенія гетмана на *запороги*, въ *дикія поля* и за границу и доставлять туда провизію, олово и порохъ. Изъ позднѣйшихъ документовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ напечатанное А. С. Петрушевичемъ пространное письмо Филиппа Орлика на латинскомъ языкѣ къ генеральному ассистенту іезуитовъ въ Римѣ, написанное 5 августа 1727 г. въ Фессалоникѣ и заключающее въ себѣ разсказъ объ извѣстныхъ странствованіяхъ этого авантюриста по Европѣ, съ цѣлію добиться у европейскихъ дворовъ освобожденія общими ихъ силами Малороссіи отъ московскаго подданства и возстановленія яко-бы его, Орлика, въ гетманскомъ достоинствѣ. Изъ письма открывается, что Орликъ, преслѣдовавшій свою политическую мечту около 20 лѣтъ, послѣ всѣхъ испытаній имъ неудачъ, рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ помощи римской курии. Съ этою цѣлію онъ обратился къ іезуитскому миссіонеру въ Константинополь и открылся предъ нимъ, будто его одолеваетъ ревность о распространеніи католической церкви, и что онъ могъ-бы отдаться этому дѣлу, если-бы ему оказана была помощь въ исполненіи его давнихъ мечтаній. Орликъ далъ миссіонеру записку по этому предмету, которая была сообщена послѣднимъ послу австрійскаго императора. И миссіонеръ, и посольтъ обѣщали Орлику позаботиться о немъ. По плану Орлика, сана долженъ былъ хлопотать предъ римскимъ императоромъ о заступничествѣ за него, Орлика, при русскомъ дворѣ, если-же это окажется невозможнымъ, то велѣлъ-лъ своему нунцію домогаться у польскаго короля и польской республики, чтобы послѣдняя согласилась исполнить обѣщаніе, данное королемъ Портѣ, именно о предоставленіи Орлику правобережной Украины съ гетманскимъ достоинствомъ и древними правами, соблюдавшимися до 1712 г. Орликъ ввелъ-бы тогда унию въ Украинѣ въ теченіи года на насильственными средствами, къ которымъ прибѣгаютъ поляки изъ неузнанной ревности (*ex zelo minus ordinato*), по посредствомъ указанія на заблужденія новѣйшей греческой церкви. Тогда Польша могла-бы быть спокойна относительно козаковъ. Къ этому письму Орликъ прило-

жилъ еще письмо къ папѣ и нѣкоторые документы, относившіеся къ перепискѣ его съ различными лицами, съ которыми онъ сносился.

Въ отдѣлѣ историческихъ матеріаловъ весьма интересенъ отрывокъ изъ дневника холмскаго униатскаго епископа Важинскаго, относящійся къ возстанію Костюшки.

Изъ обработокъ сырого историческаго матеріала отмѣтимъ нѣсколько датъ для исторіи рода Одровонжей на Руси въ XV в., генеалогическую таблицу потомства Тереміи Могилы и статью о Гезін, извѣстномъ епископѣ вармійскомъ и кардиналѣ, ратоборцѣ за католичество въ періодѣ реформациі въ Польшѣ.

Упомянемъ въ заключеніе нашего обзора, что въ «Археологическое обозрѣніе» вошла и одна археологическо-лингвистическая замѣтка, вѣроятно—на томъ основаніи, что самымъ важнымъ и стариннымъ археологическимъ памятникомъ въ научномъ отношеніи является языкъ «рода людскаго». Замѣтка эта принадлежитъ А. С. Петрушевичу и касается слова *рокошь*. Приведши различныя мнѣнія объ этомъ словѣ, о. Петрушевичъ присоединяется къ юридическому толкованію Мацѣевскаго, по которому поляки называли рокошемъ «вооруженное выступленіе шляхты противъ короля». О. Петрушевичъ дополняетъ свѣдѣнія, приведенныя у Мацѣевскаго, указаніемъ на то, что венгерскіе *рокоши* или сеймы на полѣ Ракусъ упоминаются уже подъ 1298 г., а въ венгерское право они вошли не ранѣе 1498 г. Означеніе *ошь* о. Петрушевичъ считаетъ вопреки Мильшницчу не малорусскимъ, а западно-славянскимъ. Въ этой западно-славянской (чешско-польской формѣ) слово проникло въ русскій книжный языкъ уже въ XV в. Изъ языка чеховъ и словаковъ (у послѣднихъ это слово употребляется до сей поры) оно перешло въ языки мадыарскій и румынскій. Въ значеніи бунта слово *рокошь* проникло въ московскую Русь отъ западныхъ славянъ чрезъ Литву или Малую Русь. Оно встрѣчается въ судебныхникахъ Ивана III и Ивана IV. Въ старорусскомъ языкѣ существовала чисто русская форма этого слова, *равоза*, которая была извѣстна и въ юго-западной Русв. Заключена замѣтка г. Петрушевича этимологическимъ производствомъ слова *рокошь* и указаніемъ различныхъ видоизмѣненій первоначальнаго корня.—О. Петрушевичъ помѣстилъ также описаніе молитвенника Терезы, урожденной Опалинской, второй жены Стефана Немприча, воеводы кievскаго, представляющее нѣсколько данныхъ для исторіи польскаго языка.

Н. Д.

Рада, украинскій альманахъ на 1884 года. Кіевъ. 1884 годъ.

Второй выпускъ кіевского альманаха составленъ исключительно изъ беллетристики и поэзіи. Капитальною вещью въ немъ, какъ и во всей малорусской словесности послѣднихъ 10—15 лѣтъ, является романъ «Новія», изъ котораго появилась теперь вторая часть. Какъ ни неблагопріятенъ для цѣльности литературнаго произведенія подобный способъ печатанья по части черезъ годъ, но впечатлѣніе производимое романомъ г. Мирнаго такъ глубоко, что лица и событія вышлываютъ изъ памяти, какъ только приступишь къ чтенію новой части, какъ знакомые, родные, и читатель входитъ сразу и всецѣло въ ихъ жизнь. Въ этой части героиня этой несложной повѣсти, сдѣлавшись жертвою обмана, отслуживаетъ въ городѣ у мѣщанина Загныбиды за деньги, яко бы оставшіеся должными этому кулаку ея покойнымъ отцемъ. Жена Загныбиды — болѣзненная женщина, и молодая, хорошенькая Христя становится цѣлью его назойливыхъ приставаній. Когда, послѣ многихъ терзаній, Христя урывается на денекъ въ село, къ матери, Загныбиды, возвратилась домой и не заставъ наймички, раздосадованный своимъ неуспѣхомъ и считая всему помѣхою постылую жену, панадаетъ на нее съ такою яростью, что несчастная женщина умираетъ отъ побоевъ. Въ испугѣ и попыткахъ онъ вырываетъ домой наймичку, сунувъ ей пятидесятирублевую бумажку. Эти деньги становятся для Христы источникомъ новаго горя. На допросѣ Загныбиды бросаетъ тѣнь на Христю и, какъ улику, указываетъ на деньги. Христю берутъ подъ слѣдствіе, а въ это время тамъ, въ селѣ, сраженная этою послѣднею чашей горя, умираетъ ее мать. Отлученная за отсутствіемъ всякихъ уликъ, Христя попадаетъ въ село на похороны старухи. Она бросаетъ на вѣкъ непризнанную родину и уходитъ на новое мѣсто.

Глубина анализа и правда изображеній — таковы отличительныя черты таланта автора «Новія», который мы пытались уже характеризовать, при появленіи первой части романа. Картина жизни малорусскихъ селъ и городковъ, подъ черомъ г. Мирнаго, является во всей той широтѣ, какая свойственна крупнѣйшимъ представителямъ современнаго романа, этого послѣдствія слова поэзіи. Если дивнись мощи, съ какою изображаетъ авторъ характеры сильные и жестокіе, то особеннаго вниманія заслуживаетъ искусство, съ каковымъ рисуетъ онъ натуры пассивныя, какъ жена Загныбиды, или среднія, какъ Христя. Психологія обыденнаго, средняго человѣка — самая трудная... Скорбнымъ чувствомъ отсутствія правды въ мірѣ дышетъ созданіе поэта. Людей чистыхъ сердцемъ, безкорыстныхъ, высокихъ душею — мало въ мірѣ. Имъ суждено страданіе.

Злоба и эгоизм торжествуют на свѣтѣ и люди сами устроили свои муки. На его любимое село со всѣхъ сторонъ ложатся тѣни. Ложатся олѣ и огъ этого городка, который, какъ всѣ города въ людскихъ общестіяхъ—есть представитель хищнаго эгоизма и калѣчить и губить тѣ свѣжіи силы, какія даетъ ему деревня. Украинское мѣщанство и мелкій промышленный классъ нашли въ г. Мирномъ такого-же несравненнаго изобразителя, какъ и сельская жизнь. Сцену праздничной мѣщанской пирушки у Загныбиды надо прочесть, такъ какъ о ея поразительной живости и юморѣ не дадутъ понятія никакіи слова.

Очерки «Якъ ведется, такъ и живетца», того-же автора,—также романъ, изъ котораго дано пока только два отрывка. Въ лѣтній зной, подъ палищимъ солнцемъ, три крестьянскихъ мальчика пасутъ скотъ въ степи. Предъ ними, въ отдаленіи, темный сѣлуэтъ Батіевщины, разрушенной панской усадьбы, надъ ними—голубой шатеръ неба. Ихъ дѣтскіи рѣчи и составляютъ «содержаніе» очерка «День на пастовняку», а изображеніе ихъ дѣтскихъ натуръ и трехъ различныхъ характеровъ, тонкое и блистательное, составляетъ интересъ этого прелестнаго разсказа. Второй очеркъ «Ватки» ведетъ разсказъ назадъ. Мы предпочитаемъ, когда лица рисуются въ дѣйствіи, параллельно событіямъ, а не такіе ретроспективные очерки. Но когда разсказъ ведется съ этимъ талантомъ, тогда способъ передачи отходитъ на второй планъ. Мы дѣлаемся очевидцами и участниками жизни цѣлой крестьянской семьи: крутой, но честный старикъ—отецъ, любящая мать, хозяйинъ, добрый малый,—старшій братъ, его тихая, покорная жена—всѣ становятся намъ близкими, какъ дѣйствительно видѣнными лица. Но ярче всѣхъ выступаетъ младшій братъ Ёсницъ, обреченный на солдатчину и его жена Параска, этотъ выродокъ панскихъ усадебъ. Ради любви къ ней онъ обкрадываетъ родныхъ, онъ страдаетъ и мучится. Сценѣ примиренія и ухода Ёсница въ солдаты, при всей слержанности и строгости разсказа, суждено имѣть усѣхъ патетизма, усѣхъ слезъ, самый завидный, о какомъ можетъ думать писатель. Надо имѣть очень сильные нервы, чтобъ прочесть ее безъ волненія. Чтобъ покончить съ г. Мирнымъ, скажемъ, что сокровища чувства и слова, внесенныи имъ въ малорусскую литературу, будутъ всегда такимъ-же голосомъ о творческихъ силахъ народа, какъ и самыя созданія народнои музыки.

Два маленькіихъ разсказа въ книгѣ принадлежитъ Ганнѣ Барвинокъ. Это имя давно знакомое въ малорусской литературѣ принадлежитъ писательницѣ, обладающей рѣдкимъ и пріятнымъ свойствомъ: правильнымъ сознаниемъ своихъ силъ. Съ самаго начала своей дѣятельности писательница избрала форму очерка, каждая черта въ которомъ изучена

съ натуры. Выбирая темы съ умомъ и тонкимъ вкусомъ, г-жа Барвинокъ въ формѣ набросковъ, путевыхъ замѣтокъ и т. п. оставила нѣсколько вещей, которыя не забудутся. Любители малорусскаго слова помянутъ ея рассказы въ «Хатѣ» и «Основѣ»: «Не було зъ малку, не буде й до станку», «На Волынѣ», «Жизнь въ одномъ селѣ». Последній рассказъ наиримѣрь ничто иное, какъ простое описаніе украинской мѣстности, одного уголка нашей родины. На этомъ пейзажѣ двѣ три обывденныхъ деревенскихъ фигуры. По все это такъ вѣрно жизни и безыскусственно, рассказано съ такой любовью къ предмету, что отъ этихъ страницъ какъ-бы вѣетъ здоровымъ воздухомъ деревни, ароматомъ цвѣтущаго сада, душистымъ запахомъ полевыхъ травъ... Въ «Основѣ» была цѣлая школа такихъ добросовѣстныхъ писателей: Номисъ, Л. Жемчужниковъ, Ревинъ, Каховскій. Къ этому типу произведеній принадлежитъ очеркъ «Книжки съ слезами, слезы съ книтками», представляющій попытку обрисовки психологін калѣкъ. Три женщины, въ ней выведенныя, настоящія украинки, съ ихъ душевнымъ изяществомъ и глубиною чувства. Рассказъ «Вирна пара» вдохновленъ Шекспировскою «Ромео и Юлія», изъ которой къ нему взяты эпитеты.

Кому не случалось иногда задумываться надъ великими созданіями фантазія и рпсовать въ умѣ, что было-бы, еслибъ измѣнить такъ или иначе ходъ событій въ поэтическихъ фибліяхъ? Представимъ себѣ, что Лоренцій пришелъ минутою раньше и погншалъ Ромео выпить ядъ. Джульета просыпается, узнаетъ своего обожателя и безсмертныя своєю вѣрностью сердца наконецъ соединяются. Въ рассказѣ г-жи Барвинокъ находимъ мѣчто подобное: парубокъ Сергій возвращается домой «съ вокзала», узнаетъ о внезапной смерти своей невѣсты. Она была весела и здорова и, принарядившись, пошла въ послѣдній разъ съ подругами на десвятки. Тамъ парубки хотѣли снять у нее съ руки кольцо, обручальное кольцо Сергія. Чтобы не дать никому кольца, она вылила его въ ротъ и проглотила. Кольцо стало въ горлѣ, что произвело обморокъ, схожій съ летаргіей. Сергій возвращается, когда Онильку только что похоронили. Ночью бѣжитъ онъ на кладбище и въ отчаяніи откапываетъ гробъ, чтобы взглянуть на свою невѣсту еще разъ. Сильнымъ движеніемъ онъ встряхиваетъ мнимую покойницу. Она просыпается и возвращается къ жизни. Маленькій этотъ рассказъ веденъ очень искусно и неожиданность развязки и интересъ поддерживаются до послѣдняго слова. Последнимъ произическая вещь, сказка «Кладовище» — дебютъ новаго автора г. Алатайчева и, что особенно пріятно, дебютъ удачный. Написанная на шопенгауэровскую тему, сказка эта отличаетъ нѣкоторую писательскую неопытность: въ ней два рассказа, вставленные одинъ въ другой, отчего двоятся впечатлѣніе. Но она умна, довольно образна и написана хорошимъ языкомъ.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

ГДѢ ЖИЛИ ПЕРВЫЕ КІЕВСКІЕ МИТРОПОЛИТЫ: ВЪ ПЕРЕЯСЛАВѢ ИЛИ ВЪ КІЕВѢ?

Лѣтописи и списки церковнаго устава Владимірова говорятъ, что св. Владиміръ пріиалъ изъ Царьграда митрополита *Кіевоу*. Между тѣмъ наши ученые историки: архіепископъ Филаретъ, митрополитъ Макарій Булгаковъ и профессоръ Е. Голубинскій, согласно съ мнѣніемъ составителя Никоновской лѣтописи, утверждаютъ, что до построенія кіево-софійскаго собора кіевскіе митрополиты жили не въ Кіевѣ, а въ придѣлѣпровскомъ Переяславѣ, находящемся въ 90 в. ниже Кіева по теченію Днѣпра. Митрополитъ Макарій и Голубинскій указываютъ и причину сего въ томъ, будто «въ Кіевѣ съ самаго начала не нашлось удобнаго помѣщенія для митрополита, а въ Переяславѣ, можетъ быть, существовалъ готовый и удобный для нихъ домъ ¹⁾. Съ этимъ мнѣніемъ соглашается и профессоръ Н. Н. Малышевскій въ своей, только что появившейся статьѣ о кіевскихъ церковныхъ соборахъ (Труды кіевской духовной академіи— декабрь 1884 г.). Митрополитъ кіевскій Евгеній не далъ своего рѣшительнаго заключенія по сему предмету ²⁾. Нашъ историографъ Карамзинъ отвергъ подобное мнѣніе ³⁾. При всемъ уваженіи къ

¹⁾ Исторія русской церкви, м. Макарія, т. 1, стр. 37 и 38; Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, т. 1, ч. 1-я, стр. 286 и 287.

²⁾ Описаніе кіево-софійскаго собора, м. Евгенія. Прибавленіе, стр. 65.

³⁾ Исторія русскаго государства, ч. 1, прилѣч. 160.

ученымъ авторитетамъ названныхъ выше лицъ, позволяемъ себѣ и мы усумниться въ вѣрности ихъ мнѣнія относительно пребыванія кievскихъ митрополитовъ въ Переяславѣ и на то имѣемъ достаточныя причины, которыя представляемъ на судъ лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ.

Первоначальное жительство кievскихъ митрополитовъ въ Переяславѣ обстоятельнѣе прочихъ отстаиваютъ митрополитъ Макарій и г. Голубинскій, стараясь доказать это 1) надписью надъ сохранившимся посланіемъ митрополита Леонтія къ латинянамъ, въ которомъ онъ называется митрополитомъ русскаго Переяслава, и 2) замѣткой кievской лѣтописи подь 1083 г., гдѣ сказано, что «бѣ прежде въ Переяславли митрополья». Переселеніе митрополіи изъ Переяслава въ Кіевъ они полагаютъ не раньше освященія кievо-софійскаго собора, т. е. около 1044 года. Но а) вышеупомянутое посланіе едва-ли принадлежитъ святителю, умершему въ 1008 году, такъ какъ въ немъ въ обличеніе латинянъ говорится объ оцрѣсновахъ, о безженствѣ священниковъ, о постѣ въ субботу и прочихъ такихъ предметахъ, которые только спустя сорокъ пять лѣтъ послѣ сего въ первый разъ обличены константинопольскимъ патріархомъ Михаиломъ Керулларіемъ; посланіе такого содержанія могло явиться у насъ уже послѣ освященія кievо-софійскаго собора и не раньше 1054 г., т. е. послѣ мнимаго переселенія русскихъ митрополитовъ изъ Переяслава въ Кіевъ. б) Съ титуломъ переяславскаго митрополита упоминается въ самой лѣтописи Нестора *Ефремъ*, бывшій съ 1089 по 1091 годъ, когда митрополиты кievскіе несомнѣнно жили въ Кіевѣ, и однако ни митрополитъ Макарій, ни г. Голубинскій не считаютъ его кievскимъ митрополитомъ, а г. Голубинскій считаетъ этого Ефрема митрополитомъ титулярнымъ и доказываетъ это между прочимъ тѣмъ, что сей Ефремъ подь 1091 г. и подь 1124 г. называется въ лѣтописи епископомъ переяславскимъ, а не митрополитомъ, и въ то-же время Леонтія или Леона, автора посланія къ латинянамъ, онъ признаетъ за дѣйствительнаго всероссійскаго или, что то-же, за кievскаго митрополита, временно жившаго въ Переяславѣ, хотя этотъ Леонтій въ одномъ изъ списковъ его посланія, видѣнныхъ В. И. Григоровичемъ на востокѣ, называется *архіепископомъ русскимъ*, а въ другомъ списокѣ только *епископомъ* ¹⁾.

¹⁾ Исторія рус. церкви, Е. Голубинскаго, т. 1 й, стр. 230 и 231.

Не скорѣе-ли нужно прійти къ мысли, что у насъ въ XI вѣсѣ было два Леонтія—одинъ митрополитъ кievскій, управлявшій русскою церковью съ 991 г. по 1008 годъ, а другой епископъ переяславскій, носившій также, какъ и Ефремъ, только титулъ митрополита и жившій въ концѣ княженія Ярослава, когда послѣдовала разрывъ между церквами восточною и западною? Это было-бы согласно съ мнѣніемъ и самого Голубинскаго о томъ, что «первыя переяславскіе епископы или, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторые* изъ нихъ (а не одинъ, значить, Ефремъ) послали *титулъ* митрополитовъ, и не противорѣчило-бы его-же мнѣнію о томъ, что «принадлежность Кіева къ области переяславскаго митрополита только вѣроятна, *не больше того*» (Исторія русской церкви, стр. 298). Тогда не было-бы для него и необходимости исправленіе обязанностей кievскаго митрополита по священнослуженію въ Кіевѣ до 1039 г. поручать бѣлгородскимъ епископамъ, которыхъ рядъ начинается только съ 1072 г., если не признавать первымъ бѣлгородскимъ епископомъ Никиту, поставленнаго въ Никоновской лѣтописи, не заслуживающей довѣрія, по мнѣнію г. Голубинскаго. в) Что касается замѣтки, находящейся въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 1089 г., будто «митрополѣ бѣ прежде въ Переяславѣ», то она принадлежит не преподобному Нестору, а позднѣйшему переписчику лѣтописи, такъ какъ этой приписки нѣтъ въ той-же лѣтописи по Ипатскому списку. Никоновская лѣтопись, говоря, что «живаху множае тамо (въ Переяславѣ) митрополиты кievскіе и всея Россіи и епископы поставляху тамо», только распространяетъ домыслие переписчика кievской лѣтописи. Пресбываніе кievскихъ митрополитовъ въ Кіевѣ со временъ св. Владиміра положительно подтверждается слѣдующими обстоятельствами:

1) По мнѣнію преосвященнаго митрополита Макарія и г. Голубинскаго, основанному на свидѣтельствѣ Степенной книги и Никоновской лѣтописи, при св. Владимірѣ было въ Россіи уже 8 епископскихъ каедръ. Если-же епископскія каедры были тогда не только въ болѣе значительныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ Новгородѣ, Черниговѣ, Ростовѣ, Полоцкѣ, но и въ менѣе значительныхъ, каковыми тогда были Владиміръ-Волицскій, Туровъ, Юрьевъ на р. Роси и Бѣлгородъ на р. Ирпенѣ, то нельзя думать, чтобы Кіевъ—столица русскаго государства—оставался 50 лѣтъ безъ епископской каедръ,

особенно при той любви, какую имѣлъ св. Владиміръ въ духовному чину, и при его уваженіи къ мѣстному митрополиту и епископовъ, съ которыми онъ совѣщался въ важнѣйшихъ, даже государственныхъ дѣлахъ. И почему не быть митрополиту въ Кіевѣ? Неужели потому, какъ думаютъ наши церковные историки, будто не нашлось въ Кіевѣ удобнаго помѣщенія для него? Это болѣе чѣмъ странно предполагать, если находили тогда помѣщенія для архіереевъ даже въ Тмутаракани. Говорятъ, что въ Кіевѣ не было еще тогда митрополичьяго храма. А въ Переяславѣ былъ тогда митрополичій храмъ? Напротивъ, извѣстно, что въ Переяславѣ соборный храмъ освященъ лишь въ 1090 году, а въ Кіевѣ созданный св. Владиміромъ и освященный въ 996 году Десятинный храмъ былъ не меньшихъ размѣровъ, чѣмъ Ярославовъ-софійскій, и былъ украшенъ больше, чѣмъ всякій другой храмъ тогдашнихъ удѣльныхъ городовъ, такъ что весьма прилично въ немъ могло совершаться митрополичье служеніе даже съ соборомъ епископовъ. Хотя лѣтопись не называетъ Десятиннаго храма каѳедральнымъ или митрополичьимъ, хотя въ ней говорится, что св. Владиміръ «вдаде ту церковь Анастасу Кореупянтну» и приставилъ къ ней кореупскихъ поповъ для служенія; но въ этомъ можно видѣть только указаніе на итать блага духовенства при Десятинной церкви, подобный которому былъ при Софій константинопольской, составившей патриархію, и какой существуетъ теперь при каѳедральныхъ соборахъ, не исключая ихъ изъ непосредственнаго вѣдѣнія мѣстныхъ митрополитовъ и епископовъ. Но если-бы Десятинная церковь и не была временно митрополичьею церковью подобно тому, какъ въ Петербургѣ казанскій соборъ долгое время замѣнялъ собою каѳедральный храмъ до окончанія isaакіевского собора, то отсюда нисколько не слѣдовало-бы заключать, что въ Кіевѣ до Ярослава не жительствовавали киевскіе митрополиты; иначе пришлось-бы утверждать когда-нибудь, что до 1858 г. въ Петербургѣ не имѣли жительства петербургскіе митрополиты. Съ другой стороны извѣстно, что, по примѣру Константинополя, каѳедральными соборами въ Кіевѣ, Новгородѣ и Полоцкѣ были софійскіе храмы, что при св. Владимірѣ былъ уже въ Новгородѣ храмъ во имя св. Софій,—обширный, о 12 верѣхъ, хотя деревянный, въ которомъ служилъ первый новгородскій епископъ Іоакимъ, а въ Кіевѣ деревянный храмъ св. Софій освященъ еще при св. Ольгѣ

11 мая въ лѣто 952-е, какъ значится въ Апостолѣ 1307 г., и что въ кievскомъ храмѣ св. Софiи, также деревянномъ, въ 1018 г. кievскій архіепископъ встрѣчалъ Болеслава, польскаго короля, какъ свидѣтельствуеть о семъ современникъ Ярославъ и очевидецъ сего событія Дитмаръ, присовокушляя, что храмъ того-же имени сторѣлъ въ предыдущемъ 1017 году. Эта, безъ сомнѣнiя, церковь и была митрополитичьимъ храмомъ, при ней, конечно, и жили первые кievскіе митрополиты прежде, чѣмъ построенъ Ярославомъ нынѣ существующій кievо-софiйскій соборъ.

2) Первые два кievскіе митрополиты Михайлъ и Леонтій и не могли жить въ Переяславѣ по той простой причинѣ, что митрополитъ Михайлъ умеръ, а митрополитъ Леонтій прибылъ къ намъ, когда г. Переяславъ еще не существовалъ. Хотя г. Голубинскій отвергаетъ существованіе св. Михаила, перваго кievскаго митрополита, но, называя прибытіе митрополита Леонтія въ Русь въ 991 году, онъ поселяеть его въ Переяславѣ за 3 года до появленiя этого города, который, по свидѣтельству Іакова Черноризца, точно опредѣлившаго годами важнѣйшія событія въ жизни св. Владиміра, заложенъ 5 лѣтъ спустя послѣ принятiя св. Владиміромъ крещенiя, т. е. въ 993 году. По той-же причинѣ напрасно г. Голубинскій утверждаетъ, а г. Малышевскій за нимъ повторяеть, будто Переяславъ былъ не только резиденціей, но и собственностью первыхъ кievскихъ митрополитовъ, чѣмъ-то въ родѣ donum Constantini иакѣ Сильвестру ¹⁾. Если Переяславъ немалое еще время послѣ своего заложенiя былъ не болѣе, какъ сторожевымъ пунктомъ, острогомъ для защиты Кіева отъ нападенiя печенѣговъ, то можно-ли было такую боевую станцію, военный форпостъ, назначать для мѣстопребыванiя главы русскои церкви? Также немислимо, чтобы Переяславъ, еще неосвоенный и подвергавшійся ежедневнымъ нападениямъ дикаго народа, могъ быть собственностью и состоять въ распоряженiи духовнаго лица, которое не могло принять на себя обязанности коменданта крѣпости. Соображенiя, приведенiя къ противнымъ сего заключенiямъ, свидѣлствуютъ болѣе о плодовитости воображенiя, чѣмъ объ ихъ основательности.

¹⁾ Сличи прiяѣзаніе къ 489 страницѣ Трудовъ кievскои духовнои академiи за декабрь и прiяѣзаніе къ страницѣ 286 т. I-го Стор. русск. церкви, Голубинскаго.

Наконецъ 3) положительное и неопровержимое доказательство того, что Кіевъ съ самаго учрежденія кіевской митрополіи былъ сѣдалищемъ кіевскихъ митрополитовъ, находится въ соборномъ опредѣленіи патріаршаго константинопольскаго собора (1354 г.) о перенесеніи кафедръ русской митрополіи изъ Кіева въ Владиміръ. Въ этомъ опредѣленіи, извлеченномъ изъ актовъ константинопольской патріархіи, значится, что 1) «въ Кіевѣ *изначала* была соборная церковь митрополіи», и «здѣсь-же вмѣли свое жительство и преосвященные русскіе архіереи»; 2) что «преосвященный митрополитъ русскій куръ Θεогностъ и прежде него двое другихъ, которые посѣщали Кіевъ, оказывали ему подобающую честь, какъ городу, въ которомъ *изначала* находился престоль митрополіи»¹⁾. Въ началѣ XIV вѣка, когда еще живо было преданіе и были цѣлы документы XI вѣка, въ Константинополѣ и въ Россіи вѣрно лучше, чѣмъ теперь, знали, гдѣ первоначально жили кіевскіе митрополиты.

П. Л.

НОВЫЙ ВАРИАНТЪ ДУМЫ „АЛЕКСІЙ ПОПОВИЧЪ“

Три съ половиною года тому назадъ въ г. Ахтырѣ г. Твердохлѣбовъ встрѣтилъ слѣпца бандуриста Илью Журавля изъ с. Пархомовки и записалъ отъ него думу: *Олексій Поповичъ*. Прежде, чѣмъ привести текстъ этого новаго варианта извѣстной давно думы, скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ думкахъ, о ихъ пѣвцахъ вообще и въ частности объ одной особенноти приводимаго варианта.

Въ XVI и XVII стол. кобза или бандура играла важную роль въ жизни малорусскаго народа. Она была вѣрной подругой слѣпца пѣвца нищаго, безстрашнаго наѣздника козака, всего народа безъ различія старшины отъ посольства. Мелодическіе звуки бандуры, сопровождаемые мужественными словами героической пѣсни, оживляли угнетенный духъ народа и поднимали его на новые подвиги борьбы и терпѣнія. Съ прекращеніемъ татарскихъ набѣговъ и польскихъ притѣсненій, съ перемѣной условій народной жизни, мало-по-малу устарѣла и кобза, почти совсѣмъ смолкли героическія думы бандуристовъ и выдохлись, потеряли внутреннюю силу, красоту и

¹⁾ Русская историческая бібліотека, т. VI, ч. 2, стр. 64—66.

свѣжесть ихъ бытовыхъ пѣснй. Въ концѣ сороковыхъ годовъ П. А. Кулишъ на правой сторонѣ Днѣпра не нашелъ уже бандуристовъ; въ лѣвобережной Украинѣ онъ познакомился съ весьма немногими бандуристами и, какъ на выдающихся хранителей и выразителей стариннаго народнаго поэтическаго творчества, указалъ на Андрія Шута и Остапа Вересаю. Въ 1873 году Андрій Шуть скончался, и Остапъ Вересаю такимъ образомъ остался, если не единственнымъ, то самымъ главнымъ выразителемъ стариннаго народнаго поэтическаго творчества. Въ 1874 году г. Иващенко сообщилъ юго-западному отдѣлу географическаго общества, что въ нѣжинскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи, проживаютъ два замѣчательныхъ кобзари, Павло Братыця и Прокопъ Дубъ. Подъ звуки бандуры они спѣли г. Иващенко обыкновеннымъ эпическимъ речитативомъ думу про Зиновія Богдана Хмельницкаго и Барабаша, думу о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, думу про козака Голоту и нѣсколько духовныхъ стиховъ и юмористическихъ пѣсней.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ крестьянскомъ населеніи харьковской губерніи находится значительное число кобзарей. Во второмъ томѣ записокъ юго-западнаго отдѣла географическаго общества на 110 стр. есть указаніе, что въ лебединскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи, въ недавнее время были кобзари, ученики которыхъ расходились по черниговской губерніи. Лѣтъ тридцать назадъ Н. И. Костомаровъ и покойные Метлинскій и (позднѣе) Нѣговскій знали многихъ харьковскихъ кобзарей и записали отъ нихъ крупныя поэтическія произведенія. Замѣчательно цѣльнымъ и художественно выдержаннымъ вариантъ думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова записанъ Нѣговскимъ отъ вильшанскаго кобзара Кулибабы (Антоп., Истор. пѣс. мал. нар., I, 106—113). Одинъ изъ лучшихъ вариантововъ превосходной думы о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ записалъ Н. И. Костомаровымъ въ предѣлахъ харьковской губерніи (Чубинскій, Труды этн.-ст. эксп. въ зап.-рус. кр. V. 747). Весьма хорошій вариантъ думы о Марусѣ Богуславкѣ записанъ П. А. Кулишемъ въ Красномъ Кутѣ богодух. уѣзда, харьковской губерніи (Записки о южн. Руси, I, 210).

Въ «Русск. Филологич. Вѣстникѣ» 1879 г., кн. IV, стр. 268, было высказано сомнѣвіе, чтобы теперь можно было найти кого-нибудь изъ тѣхъ кобзарей, которыхъ въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ

пятидесятихъ годовъ знали въ Харьковѣ покойные А. М. Метлинскій и М. В. Пѣговскій. Быть можетъ, кобзари эти живы, но затерялись въ народной массѣ и, никакъ не отыскиваемые, не находятъ болѣе сочувствія въ интеллигентномъ обществѣ, гдѣ-нибудь въ глуши кончаютъ дни свои. Послѣ умершихъ кобзарей остались ученики, и нѣкоторые ученики превосходно усвоили поэтическое достоинствѣ своихъ наставниковъ. Въ Харьковѣ довольно часто заходить слѣпой съ малыхъ лѣтъ кобзарь изъ Вильшаны Пивать Гончаренко. Кромѣ значительнаго числа духовныхъ и юмористическихъ пѣсень, онъ знаетъ думу о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова и думу о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Первую думу онъ поетъ почти буквально сходно съ вариантомъ, записаннымъ Пѣговскимъ отъ Кулибабы,—обстоятельство, указывающее на возможность преемственной связи этихъ двухъ вальшанскихъ кобзарей. Что въ харьковскомъ уѣздѣ не совсемъ замерла старая козацкая поэзія, видно изъ того, что въ прошломъ году въ двухъ разныхъ мѣстахъ отъ разныхъ лицъ и различными собирателями записаны художественные, свѣжіе и цѣльные варианты старинныхъ пѣсень и думъ. Весьма подробный, цѣльный и художественно выдержанный вариантъ думы (точнѣе пѣсни) о Саввѣ Чаломъ записанъ Д. П. Эварницкимъ въ волчанскомъ уѣздѣ отъ старика крестьянина. Дума «Олексій Поповичъ» въ повѣйшей редакціи слѣнца Ильи Журавля по полнотѣ и цѣльности могла-бы занять почетное мѣсто въ числѣ 9 вариантовъ, приводимыхъ г. Антоновичемъ въ 1 т. «Историч. пѣсень». Дума въ устахъ Ильи Журавля приобрѣла несвойственную эпическому произведенію мягкость, короткость стиха, наклонность къ рѣмѣ, что однако не повредило ея поэтическому достоинству. Что тлетворное начало упадка и разложенія, искаженія и забвенія носится надъ думой, видно изъ первыхъ ея строкъ, именно изъ повѣйшаго осложненія ископаемаго содержанія думы вставкой словъ «на царскій громади, громади козацкій». Эта вставка не имѣетъ смысла. Соколъ сидитъ или, по крайней мѣрѣ, согласно лучшимъ вариантамъ думы, долженъ сидѣть на камнѣ. Онъ смотритъ на Черно море, гдѣ начинается буря. Такого начала думы, и ни царской, ни козацкой громадѣ здѣсь нѣтъ мѣста. Пѣвецъ, очевидно, сплоспалъ, но сплоспалъ лишь на одну минуту, одной чертой, такъ сказать, обмолвился. Начало всегда трудно, и начало сдѣлано съ грѣхомъ пополамъ. Далѣе живая и увлекающая

сила свободнаго отъ пендущихъ къ дѣлу наслоеній пѣснотворчества льется на полномъ просторѣ, и пѣсня дѣлается логически послѣдовательной, цѣльной, вполне художественной. Одна часть думы непосредственно, въ силу поэтической и логической необходимости, вытекаетъ изъ другой части, предыдущей, и обуславливаетъ собой часть послѣдующую. Вариантъ г. Твердохлѣбова не представляетъ, за исключеніемъ обозначенныхъ уже словъ о козацкой и царской громадѣ, ничего новаго, сравнительно съ извѣстными уже въ печати вариантами, но въ немъ есть одно рѣдкое выраженіе, и выраженіе тѣмъ болѣе замѣчательное, что въ вариантѣ г. Твердохлѣбова оно занимаетъ какъ разъ подходящее для себя мѣсто. Въ одномъ или въ двухъ вариантахъ упоминается, что Алексій Поповичъ неумѣренно пилъ вино, и упоминается мимоходомъ, какъ-то случайно. Въ вариантѣ г. Твердохлѣбова въ началѣ перечисленія преступленій Алексія Поповича стоитъ стихъ:

У педальнюку рано поралею (пораненьку?)
Солодкій медъ, винову горилку
До сходы-сопця пивъ-пидшывавъ.

Черта достойная замѣчанія. Правдивое чувство народа возмущается безобразнымъ обращеніемъ Алексія Поповича съ матерью, отцомъ, братомъ и сестрою. Итъ, говорить правдивое чувство народа, Алексій былъ не въ своемъ умѣ, Алексій только въ пьяномъ видѣ могъ такъ обойтись съ матерью, и дума про Алексія Поповича удовлетворяла нравственнымъ понятіямъ народа.

Въ виду того обстоятельства, что скудные остатки кобзарства исчезаютъ съ каждымъ годомъ, желательное приведеніе ихъ въ извѣстность и изслѣдованіе въ подробностяхъ. Для генеалогіи южно-русской кобзы и ознакомленія съ историческимъ типомъ южно-русскаго бандуриста необходимо опредѣлить число кобзарей по мѣстностямъ, села, въ которыхъ они имѣютъ осѣдлость, и села, посѣщаемыя ими временно, главнѣйшія біографическія черты, какъ-то: когда и отчего ослѣвъ, бываль-ли въ городѣ, у кого выучился кобзарскому искусству и на какихъ условіяхъ. Существенный интересъ представляетъ обстоятельное разъясненіе современнаго отношенія крестьянъ къ кобзарю, его матеріальнаго житья-бытья и свойства и степени его вліянія на окружающихъ. Само собою разумѣется, что на пер-

вошь планѣ должно стоять приведеніе въ извѣстность поэтическаго достоянія кобзаря: думъ, духовныхъ стиховъ, юмористическихъ пѣсень, преданій, легендъ и проч.,—съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей выговора, всѣхъ темныхъ словъ и всѣхъ поясненій и указаній пѣвца.

Н. Ф. Суицовъ.

Олексій Поповичъ ¹⁾.

Якъ то на Чорному морю,
 На билому каменя,
 На царській громади,
 Громади козацькій
 Ясній совиць хвилить-прохвиляє,
 Що на Чорному морі
 Не добре, не гараздъ починає:
 Судно козацькее
 Молодецькее
 На три части ёго разбиває:
 Перву часть ухонило,
 На Дунай кинуло—одбило;
 Другу часть у турецькую землю
 Кинуло—отбило,
 Третю часть—въ область
 Виры христіянської
 По Чорному морю посило.
 Тилько между ними
 Старшины козацької
 Молодецької,
 Що бувъ старшиною
 Грицько Коломійченко.
 Тьмаць запорозьській
 До козаківъ словами
 Та й промовляє:

¹⁾ Записавъ А. Твердохлѣбовъ со словъ пархомовскаго слѣпца Ильи Журавля, въ г. Азтыркѣ, 1881 г. іюля 18.

«Вы-жь, козаки,
Панове-молодци,
Добре вы дбайте:
На Чорному морю
Грихивъ вы не тайте!»
Тилько промижь пими
Обизветьця
Олексій Поповичъ,
Тьманъ запорозьскій:
«Вы-жь, козаки,
Панове-молодци,
Добре вы вчините:
Самого мене возьмите,
И червоною кытайкою
Очи мои козацькіи,
Молодецькіи
Затмійте,
Самого-жь мене
У Чорне море пустите.
Нехай буду я
Чорне море дарувати,
Нежели я маю за собою
Козакивъ много
Погубляти!»
Козаки тое зачували,—
Вси до Олексія Поповича
Словами промовляли:
«Ты-жь, Олексію Поповичу,
Ты святе письмо
На день тричи читаешъ,
И насъ, простихъ козакивъ,
Хорошенько навчаешъ».
А Олексій тое зачуває,
До козакивъ словами
Промовляє:
«Я святое письмо
На деньъ тричи читаю

И вась, простихъ козакивъ
Хорошенько поучаю,
Та все-жъ бильше гряхивъ
Соби маю,
Що я самъ не добре,
Не гараздъ починаю...
У недиленьку рапо поранею
Солодкій медъ, винову горилку
До схиць сонця
Пивъ—пидпивавъ,
У охотне висько
Волею пидлизжавъ.
За мною отець-мати
За ворота выбигали,
Мене, Олексія Поповича
Прошеніємъ прохали
И благали.
А самъ не добре,
Не гараздъ починавъ—
Отци, матеръ у груди
Стременомъ пробивавъ.
Старшого брата
За брата не мавъ,
Старшу сестру
Зборзе зневажавъ.
Менша сестра
За ворота выбигала,
Копи за стремена хватала
Мене, Олексія Поповича
Прошеніємъ прохала
И благала.
Я самъ не добре,
Не гараздъ починавъ—
И меншу сестру у груди
Стременомъ пробивавъ.
Мимо сорока
Церковъ пробигавъ,

Изъ себѣ шапки не здѣймавъ
 И отцовскои-матусиной
 Молитвы николи
 Не споминавъ.
 Ото-жъ вы, козаки,
 Найблизше той грихъ
 На Чорному морю
 Мене искаравъ,
 Ще мимо громады
 Я пробѣгавъ,
 Старшимъ козакамъ,
 Мужикамъ и жинкамъ
 Шапки не здѣймавъ,
 Ще за городъ выбѣгавъ,
 Своимъ копемъ добрымъ
 Гравъ-выгрававъ,
 Триста душъ маленькихъ
 Дитокъ розбѣивавъ.
 Ото-жъ вы, козаки,
 Папове-молодци,
 И той грихъ на Чорному
 Морю мене испитавъ.
 Коли-бъ же мене
 Отцевскои-матусиной молитва
 На Чорному морю
 Не втопила.
 Якъ буде мене Господь
 До матушки приношати,
 Буду и и знати,
 Якъ отця-непѣку
 У домици читати,
 Шапувати и поважати».

Якъ ставъ Олексій Поповичъ
 По чистій правди
 Грехи сповидати,
 Ставъ его Господь
 На Чорному морю

Прощати:
Стала зла-велешня
Хвиля утихати,
Утихала, упадала,
Будьто воця непаче
Тутъ не бувала,
Усяхъ козаківъ
До острова прибывала.
И уси козаки
На остривъ выходжали,
Великимъ дивомъ дивували,
Що черезъ Олексія Поповича
Ни одного козака
Не втерали.
Ставъ Олексій выходжати,
Ставъ святое читати:
«Вы козаки, панове-молодци,
Послушайте, якъ оце
Святое письмо высвичуе:
Который чоловикъ буде
Отцевську-матусину молитву
У домивци читати,
И шадувати, и поважати,
Господь ему буде
На поли и на мори,
У купецтви, у ремесътви
На мпшкавію помагати.
Который чоловикъ буде
Отцевську-матусину молитву
У домивци збарзе зпсважати,
Самъ винъ не буде
Щастя и доли
Ни до вику не мати».
А мы довжпи есмо
Тое спамъятати,
За которми молитвами

И хлѣба и соли уживати.
 Вамъ, Боже, пошли
 Всѣмъ на здоровья
 На многи лета спувати (?).

НѢМЕЦКІЙ ТРИНГЕЛЬДЪ НА ЮЖНО-РУССКОЙ ПОЧВѢ.

Ничто не перенимается однимъ народомъ у другаго такъ охотно и легко, какъ хорошіе обычаи. Вездѣ есть бѣдный, трудящійся людъ и всюду онъ составляетъ огромное большинство; а для простаго, бѣднаго рабочаго что можетъ быть пріятнѣе обычая—сверхъ условленной платы за трудъ получить еще приплату, безъ особаго выпрашиванія, просто въ силу обычая, иногда даже безъ всякаго напоминанія? Въ этой формѣ богатый дѣлился своимъ избыткомъ съ бѣднымъ, щадя самолюбіе послѣдняго. Обычай *трингельда* шелъ также, какъ просвѣщеніе и цивилизація, съ запада на югъ, оттуда на сѣверъ. Въ Малороссіи онъ издавна извѣстенъ былъ подѣ названіемъ *тринкала*¹⁾, позже измѣнился въ общерусское *на водку* или *на чай*, а въ Польшѣ удержался и доселѣ подѣ характернымъ терминомъ: *na piwo*. Методичный нѣмецъ придумалъ для него норму, которую предъявляетъ при договорѣ, независимо отъ платы за проѣздъ или иную работу, а широкая славянская натура не любитъ стѣснять себя никакою нормою и платою. Въ Варшавѣ два богатые офицера держали пари, что если вмѣсто 25 коп. за курсъ дать извозчику 25 руб., онъ все-таки попроситъ на пиво. Всяли *дружку* и проѣхали самый краткій курсъ. Предложившій пари офицеръ вынулъ 25 руб. и далъ *дружкаржу*; тотъ нѣжно поблагодарилъ и, ослабившись, прибавилъ: *spodziewalem się od pana ienerala ieszczę coś na piwo*. Офицеръ далъ двугривенный; дружкаржъ принялъ и снова поблагодарилъ.

Нѣчто подобное предѣлалъ простодушный малороссіянинъ-кучеръ и не съ вѣжъ либо изъ простыхъ смертныхъ, а съ строгимъ государемъ Николаемъ Павловичемъ. Вотъ что разсказывалъ мнѣ объ этомъ покойный мой отецъ.

1) См. «Кіевскую Старину» 1884 г., декабрь стр.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ одномъ изъ уѣздныхъ мало-россійскихъ городовъ, получается заблаговременно официалльно извѣщеніе о предстоящемъ проѣздѣ государя чрезъ уѣздъ по пути въ какой-то городъ для осмотра войскъ или военныхъ поселеній. Извѣстно, что тогда существовалъ единственный способъ скорого передвиженія—ѣзда на почтовыхъ, почтовые-же станціи содержались по большей части помѣщиками и содержались хорошо. Но для высочайшихъ проѣздовъ собирались всегда и распределялись по почтовымъ станціямъ собственныя лошади помѣщиковъ и другихъ обывателей, имѣвшихъ хорошихъ лошадей. Понятно, каждый поставившій лошадей почиталъ за особую честь и даже старался, чтобы его лошади, попали непременно подъ экипажъ государя, а не свиты, курьеровъ или кухни. Собранныхъ лошадей долго облѣзжали, гоняли мимо костровъ и даже черезъ костры, пріучали къ ровной и полной рыси, которую такъ любилъ покойный государь, цукали ровнымъ шагомъ и во весь карьеръ. Предводитель дворянства того уѣзда, о которомъ рѣчь, богатый помѣщикъ, хлопоталъ, какъ и всякій, чтобы сдѣлать проѣздъ государя безопаснымъ и удобнымъ. Въ его-же домѣ предназначено было, по предварительво составленному описанію, приготовить для государя вечерній чай. Еще за недѣлю до проѣзда государя, предводитель отправилъ на почтовую станцію четверку своихъ бурыхъ, извѣстныхъ какъ въ этомъ, такъ и въ сосѣднихъ уѣздахъ, со своимъ не менѣе-же извѣстнымъ учеромъ Самойлою, строго приказавъ ему: овса не жалѣть, лошадей ежедневно проѣзжать по той именно дорогѣ, по которой предстояло ѣхать государю, мѣстность изучать, чтобы и ночью, не качнувъ экипажа, всюду проѣхать и лошадей пріучить къ дружной ровной ѣздѣ, какъ-бы шибка она ни была. «Государь любитъ шибко ѣздить, говорилъ предводитель, но помни, вези осторожно, зпай, кого везешь! Да еще: начальства слушай, что прикажутъ, исполняй».

— Добре пане, коротко на все отвѣчалъ Самойло.

Въ ожиданіи высочайшаго проѣзда предводитель не разъ самъ проѣзжалъ по станціямъ своего уѣзда, детали исправникъ и становые, осматривали, все-ли въ порядкѣ, и тутъ-же на мѣстѣ немедленно исправляли, если что находили нужнымъ. За день до пріѣзда государя прискакалъ фельдшеръ и передать, между прочимъ, распоряженіе, чтобы, при проѣздѣ государя ночью, была

соблюдаема всевозможная осторожность и чтобы ямщики не гнали лошадей вскачь. Исправникъ тотчасъ-же поскакалъ по всемъ станціямъ своего уѣзда; на каждой изъ нихъ созываетъ кучеровъ и приказываетъ везти государя какъ можно бережно и ночью лошадей отнюдь не гнать. «А если, заключаетъ онъ вездѣ, ночью хотя одна лошадь будетъ пущена вскачь, кожу сниму».

Въ назначенный день, на станцію, гдѣ ожидалъ Самойло, пріѣзжаетъ государь, въ сумерки; живо переѣздили лошадей. Самойло радостно, уѣренно вскочилъ на козлы, лихо, умѣло подобралъ возжи и весь обратился въ слухъ въ ожиданіи традиціоннаго «пошелъ». Съ мѣста тронули ровно. Сейчасъ со станціи дорога пошла въ гору, невысокую—по версты на полторы; лошади энергически, ровно, дружно берутъ; выѣхали на гору, осталось 22 версты по отличной, ровной, обсаженной по обѣ стороны деревьями, дорогѣ, по благодатной степи малороссійской. Взошла луна, почъ чудная, свѣтлая, хоть иголки собирай, какъ говорятъ въ Малороссіи. Самойло тщательно избѣгаетъ всякихъ неровностей, предупреждаетъ малѣйшіе толчки экипажа; лошади идутъ полной, шибкой рысью; впереди скачутъ барины его—предводитель дворянства, а за нимъ тутъ-же исправникъ. Проѣхали версты три, государь крикнулъ: «пошелъ». Самойло перевелъ возжи, цмокнулъ, но умѣло держитъ на возжахъ лошадей, чтобы ни одна не пустилась вскачь: впереди летитъ исправникъ, обѣщавшій за это кожу снять.. Немного погодя, государь опять крикнулъ: «пошелъ». Самойло снова повторилъ тоже понужденіе лошадей, но вскачь ни одной не пустилъ. Сидѣвшій съ государемъ въ экипажѣ генераль, предполагая, что кучеръ не расслыхалъ цмоканія, указанія, повторилъ отъ себя: «пошелъ»; повторилъ за нимъ тоже слово и сидѣвшій на козлахъ рядомъ съ Самойломъ камеръ-козакъ. Самойло за каждымъ повтореніемъ только переводилъ возжами, цмокалъ, но за всю станцію ни одной лошади вскачь не пустилъ.

Подѣхали къ дому предводителя; государь вошелъ въ домъ, привѣтствовалъ хозяйку дома и гостей-дворянъ, собравшихся здѣсь для встрѣчи его. Послѣ нѣсколькихъ словъ, увидѣвъ съ балкона садъ, онъ пожелалъ пройтись по саду, но вспомнивъ, что кучеръ, не смотря на двукратное его: «пошелъ», все ѣхалъ также рысью, поручилъ флигель-адъютанту узнать причину. Флигель-адъютантъ, выйдя на

крыльцо, потребовалъ къ себѣ Самойла, и когда тотъ явился, произошло слѣдующее объясненіе.

— Ты везъ государя? спросилъ флигель-адъютантъ Самойла.

— А ктожь-бы мигъ везти царя, якъ не я?—съ гордостію отвѣтилъ Самойло.

— Да, положимъ; но отчего ты тихо ѣхалъ?

— Якъ тихо? вже кони швидче рысью не побіжать.

— Отчего-же рысью? Ты вѣдь слышалъ, какъ государь говорилъ: пошеть?

— А вжежь чувъ, обы два разы чувъ: якъ царь казавъ, и якъ казавъ той генералъ, що зъ царемъ сидивъ, и той ще, що зо мною сидивъ.

— Отчего ты не гналъ шибко лошадей?

— Бо справникъ не звеливъ.

— А кто старше: государь или исправникъ?

— А вжежь царь, сказала удивленно Самойло.

— Отчего-же ты не послушалъ царя, а послушалъ исправника?

— Бо царь бувъ тай похачъ, а справникъ сказавъ, що шкуру здіме, якъ побачыть, що кони скачуть.

Флигель-адъютантъ, возвратившись и пайдя государя гуляющимъ въ саду веселымъ и милостиво бесѣдующимъ съ дворянствомъ, докладываетъ ему подробно объясненіе Самойла. Бывшій при этомъ лейбъ-медикъ объясняетъ государю, что распоряженіе исправника о томъ, чтобы кучера не гнали лошадей ночью, сдѣлано по его предупрежденію, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Государь повитересовался выслушать самого кучера. Является Самойло.

— Расскажи-ка, государь, какъ это ты не послушалъ меня, а послушалъ исправника.

— А що-жь, ваше царськее величество, отвѣчалъ Самойло, низко поклонясь. Истинно такъ було: наказували мени мій папъ и справникъ скільки разъ, щобъ визъ ваше величество бережно, доброю рысью въ ночи и щобъ кони не скакали; мы-жь съ дытынства приучени слухать своихъ панивъ и начальства. Вони то вже знаютъ, що приказують, а я якъ-бы смивъ не послухаться ихъ? А борони Боже въ ночи якое оказін!

Оставшись видимо довольнымъ такимъ отвѣтомъ, государь, подзывая ближе къ себѣ Самойла и подавая ему полунимперіаль, говоритъ:

— Спасибо тебѣ, что ты такъ заботился обо мнѣ; молодецъ, что слушаешь и точно исполняешь приказаніе своего барина и начальства; я люблю такихъ.

Самойло, приблизился къ государю со сложенными ладонь на ладонь руками, какъ складываютъ ихъ крестьяне въ церкви, при полученіи отъ священника просфоры, принявъ поданный ему полуимперіаль, поклонился низко до земли и говорить:

— Оте-жь я сѣго золотого буду держать, якъ святую дару, поки мого ѡ выку, и дитямъ и внукамъ закажу. Пожоришите благодарю вамъ величество.

Слова эти сказаны были Самойломъ съ такимъ искреннимъ чувствомъ и такимъ трогательнымъ голосомъ, что невольно привлекли къ нему сочувственный и одобрительный взглядъ какъ самаго государя, такъ и всѣхъ присутствующихъ; но, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ и глядя на государя съ безпредѣльною радостью, Самойло вдругъ сказалъ:

— Ваше величество! пожалуйста кучеру на водку, бо якъ-же не выпить зъ такой радости?

Государь пристально взглянулъ на Самойла и громко сказать: «молодецъ!», отъ души расхохотался; потомъ обращаясь къ хозяину дома, сказалъ: «это кажется твой кучеръ? позволь мнѣ съ нимъ проѣхать еще станцію». Хозяинъ отвѣчаетъ, что онъ очень счастливъ тѣмъ, что государю понравился его кучеръ. Тогда государь, подавая Самойлу ассигнацію, говорить:

— Вотъ-же тебѣ на водку, но я хочу еще съ тобой проѣхать, если ты не усталъ.

— Ге! отвѣчаетъ забывшійся отъ радости Самойло; съ царемъ та щей съ такимъ, та я ѡ до Кременчуга не замучусь.

— А сколько вереть до Кременчуга?

— Сто двадцать, отвѣчаетъ Самойло.

— А дорогу ты знаешь?

— А-же въ церкви читають: Господь умудряе сличивъ; то ѡ мене умудритъ довести своего царя бережно и благополучно ажъ до самаго Кременчуга.

— Хорошо; ступай, поѣдешь! заключилъ государь ѡ, обращаясь къ хозяину дома и присутствующимъ, произнесъ:

— Я весьма радъ былъ выслушать все это; благодарю тебя, что

ты съумѣлъ внушить такія убѣжденія, достойныя похвалы и подражанія дворянамъ, которыхъ ты достойный подражатель. Если-бы такія убѣжденія всё проводили, то никакія враги небыли-бы намъ страшны.

Предводитель дворянства и присутствующіе глубоко поклонились. Государь напился чаю, поблагодарилъ хозяевъ и уѣхалъ съ Самойломъ до Кременчуга.

С. Бѣлинскій.

ДВА ПИСЬМА В. ХМЕЛЬНИЦКАГО КЪ П. САПѢГЪ, ВОЕВОДѢ ВИЛЕНСКОМУ, ГЕТМАНУ ЛИТОВСКОМУ ¹⁾.

1.

Исневельможный, милостивый панъ воевода виленскій, нашъ весьма милостивый панъ и пріятель!

Хотя мы поддерживали междуусобіе, но и у насъ не было иного твердаго намѣренія, какъ чтобы водворить послѣ продолжительной распри въ Рѣчи Посполитой желанный порядокъ и возвратить и себѣ утраченный во время военныхъ дѣйствій покой и здоровье. Но злорадные и непріязненные люди не могли видѣть такого сильнаго желанія нашего—распря разрослась и причиняла бѣдствія обѣимъ сторонамъ, а враги глумились и радовались. Не дай Богъ, чтобы мы находили удовольствіе въ такомъ тяжеломъ положеніи дѣлъ, потерявши столько рыцарей и состояній; но мы преслѣдуемъ неразумныхъ, тайно слѣдящихъ за нами, и искореняемъ такія вещи цетлей. Теперь, когда Всемогущій Богъ направилъ сердца вельможнаго панства къ тому, чтобы объявить намъ свои желанія и узнать обратно наши, мы благодарны

¹⁾ Подлинники сообщаемыхъ писемъ, писанныхъ по польски, хранятся въ Познани, въ публичной библиотекѣ, основанной гр. Эдуардомъ Рачинскимъ. Оба письма отвѣтныя и писаны, какъ видно, по поводу нареканій на Хмельницкаго, вызванныхъ подданствомъ его царю московскому и послѣдовавшаго за тѣмъ войною, въ частности разореніемъ Быхова. Хмельницкій оправдывается, держится на высотѣ своего положенія, не предвидя, чѣмъ кончатся засѣданія виленской комиссіи, открытой въ томъ-же 1656 г. Известно, что въ сентябрѣ этого года московскіе послы заключили въ Вильвѣ съ полномочными Рѣчи Посполитой трактатъ, по которому, между прочимъ Рѣчь Посполитая обязывалась, по смерти Яна Казимира,

за таковыя къ намъ отношенія; но, будучи весьма за это благодарны, объявляемъ однако, что не согласимся и не примемъ ничего, чтобы было сколько нибудь связано съ униженіемъ и пренебреженіемъ вольности нашей. Чтобы соблюсти уваженіе къ его милости царю московскому, мы извѣщаемъ его о всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ для взаимнаго совѣта, такъ и теперь мы не преминемъ дать знать ему съ запросомъ, какого мнѣнія угодно будетъ ему держаться въ настоящемъ дѣлѣ. Мы будемъ ожидать извѣщенія, какого взгляда держится онъ относительно пунктовъ виленской комиссіи, и съ своей стороны будемъ держаться уомянутого соглашенія и сдадимся на его милость царя, дабы только не впасть въ рабство, котораго не желаетъ себѣ послѣдній изъ народовъ. О насъ же, вельможный панъ, будьте того убѣжденія, что мы какъ прежде не были причиною бѣдствій государства, такъ и теперь тяжко печалимся о его распаденіи и жалаемъ, чтобы Богъ соизволилъ помочь и полѣчить его разумъ. Отецъ Тукальскій хотя не упоминаетъ въ своихъ молитвахъ благодарній милостиваго пана, но мы особенно благодаримъ за нихъ и готовы воздать тѣмъ-же при удобномъ случаѣ; что видно милостивому моему пану изъ того, что мы приказываемъ нашимъ воздерживаться. Доброе расположеніе къ войску запорожскому аптецессоровъ и самого милостиваго моего пана мы можемъ сами засвидѣтельствовать; однако на мнѣ повинномъ тяготѣетъ жалоба нашей милости, вельможнаго, милостиваго моего пана относительно Быхова, яко-бы онъ былъ нами утѣшенъ и присилованъ поддаться намъ: этимъ самымъ, открывающимъ самое сокровенное въ сердцѣ, свидѣтельствуемъ, что, ей Богу, какъ насъ добровольно просили о покровительствѣ, такъ и были благосклонно приняты, не испытавши, влѣдствіе той своей добровольности, никакой обиды. А какъ скоро Богъ Всемогущій умротоворитъ распрю и приведетъ къ справедливому окончанію, то меньше будетъ неудовольствія

избрать на польскій престолъ Алексѣя Михайловича, а Алексѣй Михайловичъ, считая уже Польшу какъ бы своимъ достояніемъ, обѣщавъ защищать ее и обративъ оружіе противъ шведовъ, бывшихъ своимъ союзникомъ. Хмельницкій послалъ было на виленскій съѣздъ своихъ пословъ, которые должны были говорить въ пользу южной Руси, но комиссары царя Алексѣя Михайловича напомнили имъ, что Хмельницкій и козакъ—подданные, а потому не должны осмѣливаться подавать голосъ тамъ, гдѣ рѣшаютъ ихъ судьбу посланники государей. Они принуждены были уѣхать, еще до окончанія переговоровъ.—Н. С.

и по поводу Быхова. Повторяя, что мы не можемъ быть клятвопреступниками ого царской милости, будетъ ожидать его воли. Остальное поручили мы пану Речковскому передать устно, чрезъ котораго поручаемъ себя ласкѣ вашей вельможности, милостиваго моего пана Дань въ Чигиринѣ 24 апрѣля 1657 г.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго.

2.

Исневельможный, милостивый панъ воевода вилецкій, панъ весьма милостивый панъ и пріятель!

Всегда мы желали того-же, чего и теперь желаемъ, чтобы кровь христіанская не проливалась въ междоусобіяхъ и чтобы процвѣтала желанный покой послѣ таковыхъ бурныхъ захватительствъ и неоптребныхъ среди христіанъ распрей, какъ то скромно свидѣтельствуютъ намъ давнія времена. Мы приказали своимъ войскамъ расположиться на той сторонѣ Днѣпра, однако собраніе необходимаго продовольствія не можетъ не быть соединено съ стягощеніемъ обывателей, и мы не можемъ этого устраничь до тѣхъ поръ, пока не кончить своихъ занятій комиссіа, для участія въ которой и отъ насъ отправлены послы. Мы надѣемся на милосердіе Божіе, что комиссіа устраничь все причины распри и научитъ и насъ управлять краемъ. Поручаемъ себя вашей памяти и пріязни. Дань въ Чигиринѣ 7 октября 1656 г.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго.

Сообщ. Н. В. С — ко.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ О СЛОВОДСКО-УКРАИНСКИХЪ ПОМѢЩИКАХЪ.

Все мое дѣтство, до поступленія въ гимназію, провелъ я въ деревнѣ, но и потомъ, пріѣзжая домой на канькулы и помогая отцу въ хозяйничаньи по имѣнію, я имѣлъ постоянное общеніе съ народомъ, отъ котораго приходилось слышать много преданій и разсказовъ о прежней жизни и порядкахъ въ б. Слободской Украинѣ. Воспроизвожу, какъ сохранила моя память, разсказъ о моихъ собственныхъ предкахъ, слышанный мною отъ одного глубокаго старика изъ крестьянъ.

«Дидь стараго пана, а вашъ бы то прадиць бувъ чоловікъ соби не абы якій. Винь, та оце дидь Квитковскаго ¹⁾, та ще хтось третій, а хто, а й знавъ, та забувъ, держали тутъ по ричци Красній ²⁾ оборону видь татарвы. Оце по цей бикъ була земля наша, а ото по той бикъ татарська. Татарва що часу набигала до насъ, тутъ людей було омазь, а хуторивъ и зовснмъ не було,—все степъ, то во вона и чимчикувала до насъ за-для грабування; а що було на-граблять, то мершій переправляють на свій бикъ; а дуваняць межъ со бою отъ тамъ самс, де теперь Нижля Дуванка и Верхня Дуванка ³⁾; черезъ то и села ти такъ звутся. Такъ оце вашъ прадиць Грицько Катруха, та Квитковскій, та ще й той панъ, шо я ёго забувъ, берсгли людей видь тіей татарвы, и були вони найстаршими, бо пидъ ними були козаки. За те имъ и надало одъ царя земли, скільки за дель конемъ обьидель. У вашого дѣда було, кажуть, висемнадцять тысячъ десятиць земли. Вашого дѣда и мій батько не памь-тавъ, а зазнавъ тилько его жнцку. Дидизна була, лаже, людина добра и прѣста. Земли у си було, якъ казавъ, багато, а людей, цебъ то крестьянъ, не совснмъ, та й и байдуже, бо вона жила смирно, ходила и одягалась, якъ отъ и теперь наши молодежи, у очнцку та памитци. Жила вона оттамъ пидъ горою, де велики гор-ниці и теперь стоять. Кожна снмья, або двиръ повянни були шо день приосити їй чого попоиств; оттимъ тилько вона и годувалась. Було у ей коней багато, такъ табуванн и ходили безъ лвку по степу. Купували цнхъ коней до виеька. Якъ прииде було ахфи-церъ, та сторгуеця зъ панію, то вона й дасть тамъ яку хустку або шо, щобъ вннь показавъ табуницкамъ, тай бравъ, скільки ёму треба. Було у неи три сыш, цебъ то вашъ дидь Олександръ Гри-горовичъ, та Евтихий Григоровичъ и Андрей Григоровичъ. Були вони вси въ царьски служби ахвицерами. Якось отписала стара паня до ихъ, щобъ вони кидали службы, та йшли до дому хазяи-нувати, бо вона вже стара стала, не здужала. Отъ попрыздчили вони; всего имъ хочеться: и чаю, и тютюньцю, и вина, а въ неи ничого сѣго не було та й грошей не дае. Змагались, коились вони

¹⁾ Квитковскій землевладѣлецъ харьк. губ. купянскаго уѣзда.

²⁾ Рѣка Красная—притокъ Оскола, впадающаго въ Донецъ.

³⁾ Нижняя Дуванка и верхняя Дуванка большія села купянскаго уѣзда харьковск. губ. лежатъ на правомъ берегу рѣки Красной.

зъ нею, ажъ поки не вмерла, а потимъ якъ зачали хазяйнувати, такъ зъ висемнадцати тысячъ десятиць зосталось тильки пять тысячъ, а то все попроживали у Харькови.

Олександръ та Андрій були собі паны ничого, поводились, якъ слідъ, зъ людьми, тай по собі почесно жили. А що вже Евтихій, такъ це бувъ правдивый гайдамака, Позаводивъ злодїивъ зъ своихъ хрестьянъ и никто було не проиде, не пройде, щобъ вони не ограбували. Оце було, якъ ничъ, то випъ уже на великимъ шляху и стерсже. Людности не було ни якои, сама степъ, то имъ було и вильно. Не одинъ тилько винъ и розбийникувавъ, було ихъ чимало.

Грабувавъ Евтихій и суду надъ имъ някого не було, а що зъ хрестьянами робивъ, такъ якъ разказують, то ажъ волосья до горы лизе. До смерти забивавъ. Було бьють, бьють, та ще розсоломъ, або горялкою зачнуть поливати, поки чоловікъ обомліе, а потимъ одкачають, або подождуть день—два, поки очуняе, та упьять, та оттакъ ажъ до смерти забивали. А що вже було дивчата, такъ не одна замижъ чесною не вийшла, такій, простить, бувъ катюга. Ну, тай смерть-же собі заробивъ кативську. Терпили, терпили люде, а дали зибрались бабы та дивки, та й задавили его подушками.

Отъ ще, пехай царствуе, ваша ридна таки бабуса Марьяна Ахванасьевна—Боже, яка люта, та немилосердна була до людей. Було роздягнутъ дивчину, чи молодыцю, такъ якъ мати породила, обмажуть медомъ, та й привьязуть у лѣтку на сонце до стовба, щобъ їи бжолы кусали, або якъ що горимчна зробить не такъ, то возьме голку, або вилку, тай почне колоти видъ погги.

Отъ таке то було, та все, хвалити Бога, минуло. Довелось всѣго покуштовати ».

А. Катрухинъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МАНЕВРАХЪ ПОДЪ ЕЛИСАВЕТТГРАДОМЪ.

На мѣстахъ, гдѣ ютились нѣкогда запорожскіе курени и хутора, гдѣ простота граничила съ дикостію, гдѣ бѣдность лишь по временамъ наряжалась въ золото и серебро, добытыя кровью, гдѣ

не было да и не могло быть, по причинѣ вѣковой, племенной борьбы, никакой гражданственности, гдѣ черныя тучи саранчи смѣнялись такими-же тучами орды татарскихъ и люди, какъ насекомыя, пожирали другъ друга,—миѣ, ближайшему и прямому потомку запорожцевъ, пришлось видѣть иные порядки, инныя формы и условія жизни ихъ внуковъ и правнуковъ, глядѣть на вспаханныя дикія поля, наблюдать бытъ военныхъ поселеній, любоваться стройнымъ движеніемъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ и самому въ немъ участвовать.

Елисаветградъ, Вознесенскъ, Чугуевъ памятны всѣмъ военнымъ служакамъ времямъ императора Николая Павловича. Не проходило года, чтобы тамъ или здѣсь не собирались громадныя массы военныхъ силъ, не производилось маневровъ, смотровъ и ученій. И всюду на нихъ носилась величавая фигура императора Николая Павловича. Часто объ немъ говорятъ и пишутъ теперь, нерѣдко обращая его въ жертву искупленія, но предъ благородною тѣнью его видится миѣ исторія со своими скрижалами, а не всхлищивающіе патриоты, желающіе дѣлать исторію... Чѣмъ болѣе собрано будетъ о немъ всякаго рода, подѣ часъ мелкихъ, незначительныхъ разсказовъ, тѣмъ болѣе уяснится намъ его грандіозная и во всякомъ случаѣ благородная личность. Вотъ нѣсколько мнѣ о немъ воспоминаній изъ времени маневровъ подѣ Елисаветградомъ.

Первыя однако впечатлѣнія мои о покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ относятся ко времени воспитанія моего въ 1 кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, въ 30-хъ годахъ. Изъ лагеря подѣ Краснымъ Селомъ мы, кадеты, часто ходили гулять въ садъ дворца Александріи, привлекаемые угощеніями, которыя высылались зачастую изъ дворца... Случалось, что государь самъ угощалъ насъ и милостиво съ нами разговаривалъ...

Не далеко отъ дворца была утверждена мачта со всѣми морскими принадлежностями; говорили, что тамъ станеть обучаться будущій генералъ-адмиралъ, котораго тогда еще носили няньки, а пока мы не возбранно лазили по снастямъ.

Однажды императоръ, проходя мимо этихъ гимнастическихъ снарядовъ, вылѣзъ на сѣтку окружающую мачту и кликнувъ насъ, сказалъ: «г., я лягу, а вы подымите меня»... Цѣлою массою взлѣтели мы на сѣтку и начали тормозить императора... Кончилось

тѣмъ, что онъ пополь во дворецъ въ порядочно изорванномъ сюртукѣ...

Въ другой разъ, послѣ изряднаго угощенія въ Александріи, государь поставилъ насъ въ положеніе болѣе трудное, изъ котораго мы вышли, благодаря его крайней снисходительности и любви къ намъ дѣтямъ. Когда онъ вышелъ изъ дворца и поздоровался съ нами, ему подали шляпу и подвели извѣстнаго намъ монументальнаго гнѣдаго коня... Государь сѣлъ и прощаясь съ нами, сказалъ:

— Гг! вы тутъ позываете чайкъ, а въ лагеряхъ тревога.

— Ваше величество! мы не посибѣмъ; насъ распустили; ничего не сказали, зажуужжала толпа кадетъ...

— Какъ вы можете говорить, что не посибѣте? я васъ предупредилъ... У васъ ноги молодыя, живо добѣгите въ лагеря!...

— Ваше величество! вы позволите ѣхать верхомъ, а мы пѣшіе, у насъ нѣтъ физической возможности посибѣть во время, доказывали мы государю на ходу...

— А я чѣмъ выповать?... У меня есть конь,--ѣду верхомъ; у васъ лошадей нѣтъ--бѣгите, говорилъ императоръ серьезнѣйшимъ образомъ...

Между тѣмъ вокругъ государя стояла туча кадетъ, словно высыпавшій рой... Объясняясь съ императоромъ, кадеты приблизились къ лошади до того, что стѣснили ее совсѣмъ и она едва могла двигаться. Кто держалъ за поводья мушкетера, кто за трензеля, кто за путлища и стремяна, даже ноги государя, кто по больше, за хвостъ лошади, и величественная, серьезная фигура императора двигалась въ этой оригинальной процессіи шагомъ во всю дорогу, чуть-чуть не доливсекъ лагерей... Тамъ кадеты во всю прыть пустились въ рассыпную. Государь подскочилъ къ первому барабанщику, велѣлъ ударить тревогу; подхватили другіе барабанщики, трубачи, хоры, поднялась въ лагерьъ невообразимая сумятица, и благодаря всему этому, мы во время попали въ строй...

Однажды государь пріѣхалъ въ корпусъ съ какимъ-то посланникомъ. Это случилось во время обѣда. Въ столовой находился и нашъ эконокъ, извѣстный нѣсколькимъ поколѣніямъ кадетъ, статскій совѣтникъ Андрей Петровичъ Бобровъ. Это былъ старикъ одинокій, непостижимой доброты и терпѣнія человекъ, умершій послѣ моего выпуска изъ корпуса. Онъ, по словамъ моихъ послѣ-

дующихъ одокашниковъ, не оставилъ послѣ себя буквально ни гроша и былъ похороненъ на счетъ казны... Государь, увидѣвъ Боброва, сказалъ посланнику по французски: «рекомендую необыкновенную рѣдкость, честнаго эконома»...

Читатель простижь мнѣ, что, увлекшись воспоминаніями, я отклонился отъ предмета моего разсказа. Выпущенный изъ корпуса офицеромъ, я скоро перешелъ въ кирасиры, чтобы служить ближе къ имѣнью отца. Въ 1842 г. состоялся возлѣ Елисаветграда высочайшій смотръ, на которомъ пришлось мнѣ быть въ качествѣ полковаго адъютанта. То было время такъ называемыхъ «боевыхъ порядковъ кавалеріи»; мы стояли въ «четвертомъ» боевомъ порядкѣ. Государь объѣхалъ корпусъ (2-й резервный кавалер.), и раздалась команда: «стройся въ первый боевой порядокъ третій полкъ (нашъ, малороссійскій, кирасарскій) въ первую линію». И тотчасъ усакаль на линію занимать мѣста. Полки всколыхались и третій дивизионъ нашего полка (5 и 6 эскадронъ) удвоенною рысью потянулся къ лѣвому флангу линіи. Дивизию командовалъ генералъ Григвальдъ, бригадою генералъ Александръ Григорьевичъ Сомовъ. Послѣдній ужасно боялся императора, хотя былъ извѣстенъ ему лично и хорошо: въ 1826 году, вмѣстѣ съ Орловымъ, опъ первый прискакалъ со своимъ эскадрономъ на адмиралтейскую площадь... Генералу Сомову вообразилось, что дивизионъ движется неправильно и онъ, подскакавъ къ командиру 6-го, фланговаго эскадрона, моему брату, сказалъ, что онъ не туда ведетъ эскадронъ. Братъ сказавъ на скаку: «прошу васъ генералъ оставить все на мою отвѣтственность» и не ожидая отвѣта, полетѣлъ съ своимъ эскадрономъ во весь карьеръ. Когда войска установились и вѣтеръ пронесъ ужасающую пыль, оказалось, что командиръ 6 эскадрона былъ правъ, а 5 эскадронъ, сбитый съ толку генераломъ Сомовымъ, оказался изломаннымъ и стоялъ не на мѣстѣ. Этимъ эскадрономъ командовалъ вѣчно раздушенный, съ манжетами, ротмистръ Б. О. Складревичъ, умѣвшій лучше танцовать и любезничать... Увидѣвъ это, императоръ помчался во всю силу великолѣпнаго скакуна и подскакавъ къ командиру, закричалъ: «Куда завелъ эскадронъ? И ты ротмистръ? Ты рохая, а не ротмистръ!»

Другой случай тоже съ нашего полка ротмистромъ Харпскимъ. Не знаю, какую-то чепуху сочинилъ предъ государемъ нашъ ходя-

чій иконостасъ, какъ мы въ шутку называли ротмистра, грудь котораго была увѣшана множествомъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ и медалей... Подскакавшій къ нему государь сказалъ:

— Скажи, ради Бога, гдѣ и за что ты нахваталъ столько наградъ, когда и эскадрона поворотить не умѣешь?

— Я былъ адъютантомъ у генерала Муравьева (впослѣдствіи Амурскаго), отвѣчалъ растерявшійся ротмистръ.

— Это и видно, произнесъ государь и поскакалъ далѣе...

Не далеко отъ злосчастнаго Харнскаго стояла батарея. Какъ на бѣду, при приближеніи императора, подручная дышлавая орудійная лошадь стала бить ногами. Напрасно усмирять её ѣздовой, лошадь сумашествовала. Довольно сѣдая, высокая фигура командира батареи стояла верхомъ неподвижно передъ батареею. Вся грудь стараго капитана, тоже какъ у Харнскаго, была покрыта крестами, между которыми ясно видѣлись два георгиевскіе. Подѣзжая къ нему, государь строго произнесъ:

— И ты вѣрно былъ адъютантомъ?!...

— У этого единорога (орудія) 25 лѣтъ, ване величество,—отвѣтилъ суровый артиллеристъ.

Государь посмотрѣлъ на капитана во всё, что называется, глаза, и, не сказавъ ни единого слова, поѣхалъ шагомъ по линіи.

Наконцѣ въ послѣдній день назначены маневры около крѣпости. Посланы диспозиціи и—маневры начались. Нашимъ отрядомъ командовалъ извѣстный Ерофейчъ, т. е. гр. Д. Е. Сакенъ. Я служилъ долго, и всегда во фронтѣ, подъ командою этого крайне требовательнаго командира и, не смотря на то, что я не пользовался его расположеніемъ, кажется, за рѣзкіе и своеобразные отвѣты, утверждаю, что графъ былъ и свѣдущій и талантливый генераль, и рѣшаюсь перечить гениальному писателю и храброму волонтеру, графу Толстому, подшучивавшему надъ безстрашнымъ комендантомъ Севастополя. Въ день маневровъ, начальникъ нашего отряда быстрыми и никѣмъ не предвидѣнными движеніями разстроилъ всё предположенія военнаго ареопага, и затѣйливый маневръ долженъ былъ провалиться крайне быстро, за уничтоженіемъ и малѣйшей возможности возстановить ученыя комбинаціи. Осталось одно: трубить отбой! Императоръ потребовалъ къ себѣ графа... Маленькій, худощавый, съ тусклыми, прикрытыми глазами, вертлявый человѣкъ-

чекъ, съ Георгіемъ на шеѣ, подскакалъ къ нему на своей бѣлой лошади.

— Сакенъ! сказалъ ему государь; я не могу не отдать справедливости твоему отличному знанію своего дѣла.

При этомъ императоръ сдѣлалъ изъ своихъ рукъ пось и, обращаясь къ князю Орлову, сказалъ: «Орловъ, приставь свою ногу».

Говорили, что изъ Вознесенска императоръ прислалъ корпусному командиру награду,—табакерку; но графъ Сакенъ что-то не хвалился наградою, хотя я былъ принимаемъ хорошо въ его домѣ во всю службу мою подъ его командою и послѣ—въ помѣстьѣ...

Ф. П.—нъ.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ дополненіе къ помѣщеннымъ въ майской книжкѣ «Кіевской старины» за 1884 г. рассказамъ о набѣгахъ татаръ, предлагаю сходный рассказъ о томъ-же явленіи въ исторической жизни южной Руси, записанный мною въ этомъ году отъ одной женщины близъ села Лебедина (кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда) и рисующій переполохъ, какой производило въ населеніи извѣстіе о появленіи татаръ.

«Прійде було горда, передавала рассказчица, поपालють геть усе, порижуть, побють тай підуть; тильки земля чорна останется. Десь туди до Шпола (мѣст. звенигородскаго уѣзда) и доси есть мисто, а може вже ёго розорали, де стояла висока, висока виха; якъ тильки покажется горда, заразь виха и повернется у той бивъ, куды вона йде—заразь уся утикають у лѣсъ, кидають и печене и варене. Цылый день бувало дивляться на виху; цозаконують у землю де-що лучче: кожухи, свитки, щобъ потимъ прийти, то хочъ було у що одиться. Звистно, дума соби чоловікъ: прийду, то хочъ усе буде попалено, а всежь таки по дереву якому небудь знайду місце. Хлиба вчинить бувало бояться; дидъ мій напикъ три мишки корживъ, та давай зъ бабою складати на визъ де-що саме главне; наклали вони три возы; коли дивляться, а виха у цей бивъ повернулася; дидъ за коржи; баба зъ переляку забула де вона ихъ поклала; дидъ на визъ, давай складать зъ возу клунел, свиткя... геть често визъ роскидавъ, ажъ на самимъ споди найшовъ коржи; мерщій бабу

за руку, коржи на плечи, та втикать...; геть усе покидали: и хату, й волю, й коровы—вони були сильно багати. Усе село порозбигалось, а одна жинка тилько що родила, не здужала утикати тай осталась. Вонажъ то и розказувала: якъ пришли, давай усе палить; повыривали, де що було въ земли позакопувано; щось таке вивьмутъ тай запусать, а ново гуде та рые землю; все, що тамъ е, найде; тильки одны ямы поостаються. Пришли до той жинки у хату, та їи не тронули, бо вони такихъ (що тилько що родили) не трогають, а дитей взяли, поставили коло стинки тай придавили лавою; кровь ротомъ и носомъ пішла—подавили. Вона бідна сидить ни жива, ни мертва, звистно якъ уже тамъ матери дивиться на дитей; а дали, якъ прошли, вже вбига одинъ: «Марушка», каже, тай показуе, щобъ та дала напиться; вона, вже якъ тамъ здужала, підвелась и повела его у погрибъ; а тамъ стояла велика дижка, зъ буряками чипцо; «нахились», каже, тай показуе—щобъ винъ нахилився; винъ тильки що нахилився у дижку, а вона его за ноги та туды, тай утопила. Отто черезъ яке тамъ время дидъ зъ бабою вернулись голодни, голисеньки, якъ бубонъ; у диди ни сорочки, ни штанивъ, ничого, пішли у свій погрибъ, знайшли тамъ платы, котрыми вкривають дижки, та баба сшила дядови сорочку, а собі спідницю. Довго, довго довелось їмъ бидувати, поки розбагатили. Після того выбрали люди «членивъ», найрозумнишихъ-чи що; списали бумагу, щобъ помилували, взяли хлѣбъ, силъ и пішли до Шполы, де стоявъ той главный, що гордою заправлявъ; упали на вколишки; заклялись, що никто не буде трогать. И доси, мабуть, кипецъ не выбили, що такого и такого году просили замиреніе».

Сообщ. М. Васильевъ.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНЫЯ СТАТЬИ И МАТЕРІАЛЫ ПО ЮЖНО-РУССКОЙ ИСТОРИИ.

При существованіи нашего журнала, спеціально посвященнаго мѣстному, южно-русскому отдѣлу отечественной исторіи и этнографіи, статьи и матеріалы по этому предмету встрѣчаются перѣдко и въ другихъ журналахъ, особенно историческихъ, и отчасти въ газетахъ. Чтобы дать возможность тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые, интересуясь всѣмъ новымъ по части мѣстной исторіи, не могутъ слѣдить за тѣмъ, что появляется въ другихъ изданіяхъ, мы,

независимо отъ обзора отдѣльно выходящихъ книгъ, признаемъ полезнымъ время отъ времени сообщать краткія свѣдѣнія о тѣхъ статьяхъ и матеріалахъ по южно-русской исторіи, которыя появляются въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, не только русскихъ, но, по возможности, и польскихъ. Такія сообщенія могутъ достигать и другой цѣли—сосредоточивать свѣдѣнія по южно-русской исторіи въ одномъ изданіи, что облегчитъ труды занимающихся этимъ отдѣломъ отечественной исторіи. На этотъ разъ мы остановимся на специально-историческихъ журналахъ: «Русской старинѣ», «Историческомъ вѣстникѣ» и «Русскомъ архивѣ». Въ истекшемъ году они дали лишь незначительный матеріалъ по занимающему насъ предмету.

Въ «Русской старинѣ», при ея богатомъ содержаніи вообще, южно-русской исторіи было посвящено нѣсколько случайныхъ замѣтокъ. Таковы статьи: «Иванъ Федоровъ, московскій первопечатникъ. Пребываніе его во Львовѣ, 1573—1583 гг.» (мартовская книжка) и «Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV стол.» (июльская). Первая написана по поводу 300-лѣтняго юбилея Федорова, исполнившагося въ 1883 году. Авторъ, г. С. Л. Птапицкій, имѣлъ возможность работать во львовскихъ архивахъ и извлечь изъ нихъ документы, относящіеся ко времени пребыванія Федорова во Львовѣ въ десятилѣтній періодъ отъ 1573—1583 г. Извлеченные и обработанные г. Птапицкимъ документы знакомятъ насъ съ обыкновенною жизнью и обстановкой русскаго первопечатника: съ кѣмъ и какъ заключалъ онъ сдѣлки по продажѣ книгъ и покупкѣ типографскихъ матеріаловъ, какія препятствія встрѣчалъ въ чужомъ городѣ, на какія суммы велъ свои дѣла и проч. Въ документахъ Федоровъ носитъ названія: *Iwan Fedorowicz Impressor Rutenus*, *Iwanus Impressor litterarum ruteniculium*. Много затрудненій пришлось перенести Федорову во Львовѣ, прежде чѣмъ дѣло его стало на ноги. Цеховое устройство тамошняго общества дало себя чувствовать печатнику, и именно по случаю найма рабочаго столярл. Пришлось обращаться за разрѣшеніемъ дѣла въ городской совѣтъ, дать разныя обязательства, и все-таки вооружить противъ себя требовательный цехъ. Значительная часть разсматриваемой статьи посвящена описанію мелкихъ денежныхъ сдѣлокъ, которыя приходилось дѣлать Федорову при скудости средствъ. Не смотря на разныя неудачи, Федоровъ оставилъ сыновьямъ значительное по тому времени

состояніе. Можемъ подвести итогъ имущества Оедорова, говоритъ авторъ (стр. 475), въ моментъ его смерти. Сумма протестованныхъ и обезпеченныхъ на имуществахъ долговъ равнялась 1,561 зл., сынъ продалъ книгъ на 380 зл., права свои на наследственное имущество уступилъ за 500 зл., отъ бумажнаго фабриканта имѣлъ ко взысканію 100 зл., отъ протопопа Нестора въ Заблудовѣ 15 литовскихъ копѣ, т. е. 37½ зл. Такимъ образомъ все имущество Оедорова ко дню его смерти можно было оцѣнить въ двѣ съ половиною тысячи злотыхъ. Въ тѣ времена въ окрестностяхъ Львова продавался быкъ за 4 зл., корова стоила 2 зл., свинья 1 зл. и 6 грошей, баранъ 15 гр., курица ½ гр., 10 яицъ ½ гр., возъ сѣна 4 гроша. По этому расчету можемъ составить себѣ попятіе, какую цѣнность въ то время представляли двѣ съ половиною тысячи. За нихъ можно было купить болѣе, чѣмъ 600 быковъ». Статья г. Птапицкаго сдужить дополненіемъ къ труду львовскаго ученаго о. Петрушевича, о которомъ упоминалось въ свое время въ «Кіевской Старинѣ».

Въ іюльской книжкѣ того-же журнала помѣщена вступительная рѣчь кіевскаго магистранта г. Линиченка предъ защитой имъ магистерской диссертациі въ петербургскомъ университетѣ. Тема диссертациі: «Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV ст.». По отзыву почтенной редакціи, магистрантъ «блистательно» защитилъ свое сочиненіе. Но самъ г. Линиченко въ своей рѣчи говоритъ между прочимъ: «Я положилъ себѣ слѣдующую задачу: опредѣливъ основныя черты сходства и отличія культуръ Руси и Польши, прослѣдить постепенную замѣну русскихъ началъ польскими въ присоединенныхъ Польшей русскихъ областяхъ. Такимъ образомъ центромъ моей работы должна была стать 2-я половина XIV в. и вѣкъ XV. Естественно, однако, у меня должно было явиться желаніе разсмотрѣть отношенія Руси и Польши и до XIV в., т. е. за время самостоятельнаго существованія обоихъ государствъ, особенно въ виду существующаго въ нѣкоторой части польской литературы мнѣнія, что южная Русь въ теченіе XIII и первой половины XIV в. успѣла уже значительно оползниться, такъ что переходъ ея подъ польское владѣтельство былъ совершенно естественъ. Разборъ отношеній Руси къ Польшѣ за время до половины XIV в.

я предполагалъ предпослать моему основному труду въ качествѣ введенія.

«Однако, съ моей работой произошло то, что обыкновенно бываетъ съ работой каждаго ученаго, вступающаго въ мало разработанную область; пришлось сдѣлать много предварительной работы, массу мелкихъ изслѣдованій, результатомъ чего и было превращеніе моего введенія, которое предполагалось весьма краткимъ, въ цѣлую книгу. Мнѣ не удалось даже издать всего введенія, т. е. разбора русско-польскихъ отношеній до половины XIV в., а пришлось прервать мой трудъ на срединѣ, ибо остальные части моей работы я еще не считаю достаточно законченными для печати... (стр. 219).

Выходитъ, что похвала г. магистранту относится къ будущимъ его трудамъ. Но если *часть 1-я введенія* разрослась въ «цѣлую книжку», то можно себѣ представить, каково (при соответствіи частей) должно выйти самое сочиненіе. Самъ собою является вопросъ: обдумалъ-ли авторъ свою задачу? Отвѣтъ можетъ быть такой, или иной, но, во всякомъ случаѣ, *вазгмныя отношенія* до конца XII в.—дѣло особое, а будущій разборъ этихъ отношеній въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ—тоже дѣло особое.

Изъ остальныхъ статей «Русской Старины», имѣющихъ нѣкоторую связь съ исторіей южной Россіи, можно назвать: «Николай Васильевичъ Гоголь въ письмахъ къ Арк. Ос. Россети, 1843—1847 гг.» (январь), «Письмо Т. Г. Шевченка къ Е. П. Ковалевскому» (май) и «Вилеискіе очерки» (январь). Последняя статья интересна не сама по себѣ, а по приложенію къ ней: «Рукопись Сигизмунда Сбраковскаго, казненаго въ Вильнѣ въ маѣ 1863 года». Это характеристика взгляда передовыхъ поляковъ начала 60-хъ гг. на польскій вопросъ и на отношеніе къ нему юго-западнаго края.

Въ разнообразное содержаніе «Историческаго Вѣстника» попало въ истекшемъ году нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ на книги, разсмотрѣныя и въ «Кіевской Старинѣ», и кромѣ того двѣ-три отдѣльныя статейки. Въ іюльской книжкѣ помѣщена картинка развалинъ дома Хмельницкаго въ Суботовѣ, которая существовали еще лѣтъ 20 назадъ; картинка есть снимокъ съ паброска, сдѣланнаго Шевченкомъ во время посѣщенія Суботова, почему собственно и заслуживаетъ вниманія. Въ ноябрьской книжкѣ при двухъ картинкахъ, изображающихъ, одна видъ на Херсонесъ Таврическій

въ настоящее время, другая храмъ св. Владимира въ Херсонесѣ, приложена замѣтка подъ заглавіемъ: «Храмъ св. Владимира въ Херсонесѣ Таврическомъ». Въ ней нѣсколькими словами разсказана исторія Херсонеса и изображеннаго храма. Храмъ этотъ, возникшій по мысли Александра I, былъ заложенъ только въ 1861 году, причеиъ нѣсколько разъ урѣзывался проектъ и планъ; въ семидесятыхъ годахъ храмъ оконченъ вчернѣ и такъ стоитъ до сихъ поръ. Авторъ замѣтки говоритъ въ заключеніе: «Въ 1888 году Россія вспомнитъ о Херсонесѣ Таврическомъ и о великомъ событіи, совершившемся тамъ за 900 лѣтъ. Неужели и къ тому времени храмъ не будетъ оконченъ?»

Въ «Русскомъ Архивѣ» за истекшій годъ помѣщены двѣ статьи, относящіяся къ юго-западному краю (въ выпускѣ 5-мъ): «Обозрѣніе кievской, волынской и подольской губерній за двѣнадцать лѣтъ Бибиковского управленія (1838—1850), съ послѣсловіемъ издателя» и «Императоръ Александръ Павловичъ въ Кіевѣ 1816». Первая изъ статей имѣетъ высокій интересъ для занимающихся мѣстной исторіей, какъ систематическій обзоръ мѣропріятіи правительства въ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ жизни края. Записка написана неизвѣстнымъ лицомъ около 1850 года, какъ можно судить по одному мѣсту въ ней¹⁾ и—надо отдать честь автору—весьма логично. Въ этой статьѣ сначала излагается краткая исторія юго-западнаго края до 30-хъ годовъ. Констатировавъ печальное положеніе края ко времени генераль-губернаторства Бибикова, авторъ переходитъ затѣмъ къ мѣрамъ, предпринятымъ правительствомъ для устраненія зла. «Мѣры, предложенныя и принятыя въ теченіе 13 лѣтъ (съ 1838 по 1850), по существу самой цѣли, должны были бытъ двухъ родовъ. Первые, *отрицательныя*, клонились 1) къ пресѣченію спешной края съ заграничными врагами Россіи и обезпеченію политической безопасности; 2) къ обезсиленію сословій, которыя были представителями началъ враждебныхъ: мѣстнаго дворянства, латискаго духовенства и евреевъ; 3) къ уничтоженію преградъ, мѣшавшихъ соединенію края съ Россією посредствомъ упраздненія слѣдовъ польскаго владычества въ законахъ и судоустройствѣ, и польскаго вліянія въ публичномъ воспитаніи. Мѣры *положительныя*, имѣвшія цѣлью

¹⁾ «Нынѣ комисиія окончила порученное ей дѣло. Съ 1-го января 1845 г. въ теченіи пяти лѣтъ, она обрѣзала 20,576 дѣлъ».

возбужденіе началъ православныхъ и русскихъ, клонились 1) къ обезпеченію нашего духовенства и возстановленію достоинства господствующей церкви въ ея вѣдѣности, 2) къ обезпеченію сельскаго сословія и дарованію ему возможности самостоятельнаго развитія; 3) къ распространенію вѣрныхъ понятій объ отношеніи края къ Россіи» (стр. 8). Далѣе авторъ разсматриваетъ каждый изъ отмѣченныхъ пунктовъ отдѣльно.

Чтобы пресѣчь сношенія польскаго населенія съ заграничными врагами Россіи, была закрыта такъ называемая *бердичевская станція польскаго банка*, сосредоточившая въ своихъ рукахъ всѣ мѣстные капиталы и безпрепятственно пересылавшая деньги эмигрантамъ для революціонныхъ цѣлей; она замѣнена была *конторой коммерческаго банка* въ Кіевѣ. Далѣе, была усилена полиція и затруднено сообщеніе съ границей строгой выдачей паспортовъ съ пропискою примѣтъ и полнымъ запрещеніемъ выѣзда для лицъ подозрительныхъ.

Мѣры правительства относительно враждебныхъ сословій состояли въ слѣдующемъ. Относительно дворянъ въ 1836 году были учреждены въ губерніяхъ ревизіонныя комиссіи, которыя должны были провѣрить наличныя права шляхты, особенно мелкой, на дворянское званіе, съ цѣлью сократить число этого мятельнаго сословія, такъ какъ извѣстно было всѣмъ, что многіе попали въ него по поддѣльнымъ документамъ. По провѣркѣ оказалось, что внесено въ дворянскіе роды: правильно 581 лицо, по сомнительнымъ доказательствамъ 22,000 лицъ, *совершенно неправильно* 81,121 л. (стр. 15). Последняя категория была введена въ подушный окладъ. Католическое духовенство было весьма сильно своими имѣніями. «Всѣхъ имѣній, принадлежавшихъ римской церкви (монастырямъ и ксендзамъ, не считая личной собственности сихъ послѣднихъ) было до 40,000 душъ въ трехъ губерніяхъ, въ томъ числѣ одно столовое имѣніе луцкаго епископа состояло изъ 6,200 душъ и болѣе 42,000 десятицъ». Имѣнія были отобраны, даже запрещено католическому духовенству держать въ услуженіи лицъ православнаго исповѣданія; изъ Луцка, «какъ-бы Рима той мѣстности», было переведено духовное управленіе, консисторія, семинарія въ Житомиръ, назначенный губернскимъ городомъ. Вслѣдствіе этихъ мѣръ связь латино-польскаго духовенства съ помѣщиками, въ силу единства

интересовъ, прекратилась; оно увидѣло свое благосостояніе въ рукахъ правительства и потому принуждено было измѣнить соотвѣтственно этому и свое политическое поведеніе. Что касается евреевъ, этихъ паразитовъ, всегда игравшихъ въ руку пановъ и ксендзовъ изъ жажды къ наживѣ, то правительство старалось съ одной стороны сократить ихъ подвиги упраздненіемъ кагаловъ, подчиненіемъ земской полиціи и проч., съ другой—распространить въ ихъ массѣ образованіе учрежденіемъ въ Житомирѣ раввиискаго училища. Кромѣ того были употреблены всѣ силы удалить евреевъ отъ шинкарства.

Въ законодательствѣ и воспитаніи реформы состояли въ томъ, что въ первомъ Литовскій Статутъ замѣненъ общероссійскимъ Сводомъ законовъ и такимъ образомъ уничтожена рознь и запутанность въ дѣлахъ, въ послѣднемъ былъ очищенъ отъ польскихъ элементовъ кievскій университетъ и въ среднихъ заведеніяхъ введена закрытая система.

Переходя затѣмъ къ мѣрамъ положительнымъ, авторъ останавливается прежде всего на русскомъ духовенствѣ. Положеніе его во времена уніи было весьма печально. «Удрученные нуждою, они (священники) были въ необходимости вымаливать у католиковъ-помѣщиковъ и посесоровъ скудную помощь, цѣловать у нихъ руки по польскому обычаю и переносить безмолвно разныя оскорбленія. Православныя церкви, большею частію ветхія, находились также въ самомъ жалкомъ положеніи; нѣкоторыя изъ нихъ были крыты соломою, въ иныхъ одежда на престолахъ была изъ холста, въ лампадахъ горѣло коровье масло, въ кадизахъ теплился, вмѣсто ладона, можжевельникъ» (стр. 24). Послѣ возстанія 1830 года вѣрность русскаго духовенства престолу ничѣмъ не была вознаграждена, напротивъ вызвала месть со стороны поляковъ. Положеніе дѣлъ не могло такъ продолжаться, и вотъ въ 1839 году уніаты воссоединены съ православною церковью, храмы приведены въ должное благолѣпіе (въ 1850 году исправлено 2,628 церквей и построено 184 новыхъ), а матеріальное положеніе духовенства обезпечено домами, землями и единовременными пособіями.

Было обращено особое вниманіе на бытъ крестьянъ, которые всегда были опорой русскому правительству и вѣрность свою престолу блистательно доказали въ 1830 году. «Но эта неоцѣненная служба не только не была вознаграждена по достоинству, даже не

было исполнено обѣщаніе, торжественно данное генералъ-фельд-маршаломъ Сакеномъ, по которому поселяне, призванные къ содѣйствію противъ бунтовавшихъ господъ своихъ, не должны впредь оставаться въ ихъ власти» (стр. 26). Между тѣмъ помѣщики послѣ такого случая стали угнетать крестьянъ еще болѣе. «Систематическое раззореніе крестьянъ сопровождалось варварскимъ произволомъ въ наказаніяхъ: за неумышленный проступокъ или неосторожность сѣкли и терзали до полусмерти, забивали въ неподвижныя колодки, томили въ заперти, накладывали на голое тѣло тряпки съ солянымъ растворомъ и сѣкли по нимъ, насилывали женъ и дѣвокъ, подрѣзали у нихъ косы и т. п.» (стр. 29). Положеніе казенныхъ крестьянъ было не лучше: «арендаторы и администраторы употребляли крестьянъ на постороннія работы въ собственныхъ своихъ имѣніяхъ, отбирали у нихъ пахатныя и сѣнокосныя земли, даже самихъ казенныхъ крестьянъ переводили въ свои имѣнія и записывали по ревизіи за собою, насилывали ихъ женъ и дочерей, а за малѣйшее сопротивленіе, за каждую поданную жалобу, безчеловѣчно наказывали, забивали въ неподвижныя колодки, головы брили, обливали водою, засѣкали до смерти» (стр. 27). Правительство дѣятельно изыскивало мѣры къ улучшенію быта какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Относительно казенныхъ крестьянъ, послѣ долгой переписки, 5 апрѣля 1844 года наконецъ послѣдовало высочайшее повелѣніе перевести ихъ на поземельное оброчное положеніе. Для ограниченія-же произвола помѣщиковъ надъ своими подданными были введены извѣстные инвентари. Такъ какъ они весьма памятливы еще и въ настоящее время, то излишне распространяться объ нихъ.

Къ управленію Библикова наконецъ относится учрежденіе временной археографической комиссіи и кievскаго центрального архива. Какъ велико значеніе этихъ учрежденій для науки, показало время. Въ высшей степени благородную надежду на эти учрежденія высказываетъ авторъ,—надежду, которая еще пока, къ сожалѣнію, далека отъ осуществленія. «Со временемъ, издашныя и предназначенныя къ изданію документы, изъ тѣснаго круга ученыхъ, перейдутъ въ учебныя книги, приобрѣтутъ всеобщую извѣстность, и будущія поколѣнія предохранены будутъ основательнымъ изученіемъ нашей исторіи отъ безсознательныхъ вліяній и увлеченій, почти всегда сопровождающихъ невѣжество» (стр. 36).

Статья, какъ видно, составлена по официальнымъ даннымъ, лицомъ близкимъ къ Бибикову, слѣдовательно видѣвшимъ, или хотѣвшимъ видѣть положеніе дѣла нѣсколько въ розовомъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться энергіи и систематичности дѣйствій правительства въ данное время. Если-же при введеніи разныхъ мѣръ дѣло нѣсколько и не шло такъ гладко, какъ пишетъ авторъ *Записки*, то, по замѣчанію почтеннаго редактора «Русскаго Архива», когда возводится зданіе, то не обходится безъ стружекъ и мусору.

Вторая статья «Русскаго Архива» есть извлеченіе изъ письма іеромонаха Антонія Смирнитскаго, впоследствии воронежскаго архіепископа, о посѣщеніи императоромъ Александромъ I въ 1816 году Кіева. Государь пробылъ въ Кіевѣ 5 дней (съ 7—12 сентября), посѣтилъ софійскій соборъ, лавру, академію; вездѣ все внимательно осматривалъ и очаровалъ всѣхъ своею пажобностью и добродушіемъ. Вотъ какъ государь посѣтилъ въ лаврѣ слѣпаго схимника Вассіана. Вассіану дано было знать, что у него будетъ кн. Волконскій; вмѣсто него въ назначенное время является государь. Происходитъ разговоръ.

— Здравствуйте батюшка!—Отвѣтъ обыкновенный.—Пролу сѣсть, ваше сіятельство!—И хозяинъ садитъ на первѣйшее мѣсто гостя, а гость отдаетъ первенство хозяину.

— Женаты-ли, ваше сіятельство?—Женать.—Давно-ли женаты?—Двадцать лѣтъ.—Имѣете дѣтей?—Имѣю.—Давно-ли служите государю?—Давно.

Вассіанъ, воображая предъ собою кн. Волконскаго, спрашиваетъ о государѣ.—Да онъ здѣсь,—отвѣчаетъ ему гость.—Въ Кіевѣ?—Онъ у васъ.—Гдѣ-же, въ лаврѣ, или еще будетъ?—Я Александръ: сказалъ наконецъ мнимый Волконскій схимнику на ухо; благословите меня! Еще въ Петербургѣ слышался я о васъ, и пришелъ поговорить съ вами; благословите меня!

— Я (разсказываетъ Вассіанъ) хотѣлъ поклониться, но государь, не допуская, цѣлуетъ только руку, говоря: «Поклоненіе принадлежитъ одному Богу. Я человекъ, какъ и прочіе, и христіанинъ; исповѣдуйте меня, какъ всѣхъ вообще духовныхъ сыновъ вашихъ».

«Съ симъ словомъ началось совершеніе исповѣди» (стр. 116).

В. Н.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г. НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

ДѢТСКІЙ „РОДНИКЪ.“ ЖУРНАЛЪ

Въ 1885 году (4-й годъ изданія) «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 100 и болѣе страницъ большаго формата, со многими рисунками, съ музыкальными приложеніями и съ отдѣломъ смѣся, въ которомъ помѣщаются мелкія статьи, загадки, задачи, игры и проч. и проч.

Выборъ статей въ «Родникѣ» принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Редакція даетъ главнымъ образомъ оригинальныя статьи изъ русской жпзни и природы. Всѣ, даже мелкія статьи научнаго содержанія редактируются спеціалистами.

Приложеніе къ «Роднику», педагогическій сборникъ «Воспитаніе и Обученіе» выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ нитъ помѣщаются статьи по вопросамъ воспитанія и обученія и библиографія по дѣтской, учебной и педагогической литературѣ.

Премія къ „РОДНИКУ“ 1885 года

будетъ заключаться въ альбомъ 12 оригинальныхъ картинъ по русской исторіи художника А. Земцова, исполненныхъ геліотипіей въ Вѣнѣ, у Ангерера и Гешля. Картины эти будутъ разосланы и. подписчикамъ отдѣльно отъ журнала, всѣ сразу, въ красивомъ конвертѣ, съ первымъ № «Родника» 1885 г.

Кромѣ того, въ видѣ дароваго приложенія къ «Роднику» 1885 г., будетъ данъ «Литературный альбомъ» изъ 12 оригинальныхъ картинъ художника Н. Н. Каразина къ стихотвореніямъ русскихъ классиковъ. Къ каждому № будетъ прилагаться по одной такой картинкѣ.

Журналъ «Родникъ» Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи рекомендованъ, какъ весьма полезный для женскихъ институтовъ и гимназій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Особымъ Отдѣломъ сего Комитета допущенъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1885 г. остаются прежнія:

На годъ, съ доставкою и пересылкою, за 12 книгъ «Родника» съ отдѣльною премією—5 р. блей.

Тожь, съ приложеніемъ 3 книгъ педагогическаго сборника «Воспитаніе и Обученіе»—6 рублей.

Адресъ главной конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Никольская площадь, № 4.

12 книжекъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ книжекъ 12

Изд. 1884 г. (второе изданіе).

съ портретами: имп. Елисавета Алексѣевна; Его Имп. Выс. Вел. Ки. Константинъ Николаевичъ; митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ; гр. Аракчеевъ и П. О. Минкина; гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій; Пушкинъ (отпечатанъ красками); Лермонтовъ; Н. А. Некрасовъ; Н. И. Пироговъ; педагогъ бар. П. А. Корфъ; В. В. Самойловъ; портретъ-группа: лордъ Рогланъ, маркизъ Пелисье и Омёръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ Волинскаго—академ. М. А. Щурупова; имп. Александръ II, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣло; судъ на Русь, каррикатура.

Содержаніе: Записки *Штрандмана*, 1771—1780 гг.;—Записки Мих. Фонвизина: очерки русской исторіи IX—XVIII вв.;—Мих. Пик. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. А. Е. Розена; Разказы кв. Ад. Пик. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. Н. А. Валуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кв. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о бѣдохъ духовенствъ;—Воспоминанія декабриста А. И. Бѣльева;—Дневникъ декабриста В. К. Кюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. М. И. Пущина;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг., зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ 1858—1859 гг.;—Вллевскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. А. Θ. Гамбургера;—Зап. педагога бар. П. А. Корфа;—Посмертныя записки Николая Из. Пирогова;—Зап. крестьянина-поэта С. Дрожжина.

Исследованія и очерки: профес. Д. И. Иловайскаго;—И. А. Линиченко;—очеркъ С. Л. Шташицкаго;—Патр. Пиконъ по вновь открытымъ матеріаламъ Н. А. Гиббнетъ, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. В. А. Бильбасова;—Настасья Милкина, домоправительница гр. Аракчезва; Ермоловъ и его кибяныя жены, очеркъ Ад. П. Берже;—Гр. Каподистри и гр. К. В. Песельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разказъ Можницкаго и переписка ями. Николая

І съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Сиб. въ 1831 г., очерки и рассказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ *Ад. П. Берже*;—Рассказъ правосл. латыша *Индрика Страухита*, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. П. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Дорнью Мелпкову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дя. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Цвк. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милетинъ въ Ц. Польскомъ, —Вредныя секты, очерки *А. Прусовина*;—19 февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положенія о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ, —В. А. Жуковский, —Н. И. Гибдичъ, —Д. В. Давыдовъ, —К. И. Батюшковъ, —А. С. Пушкинъ, —М. Ю. Лермонтовъ, —Н. В. Гоголь, —Сырокомля, —Т. Г. Шевченко, —Н. Г. Помяловскій, —гр. А. К. Толстой, —Ф. М. Достоевскій—Н. С. Тургеневъ, —В. В. Самойловъ— въ ихъ письмахъ, воспом., очеркахъ жизни и литературной дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Открыта подписка на «Русскую Старину» изд. 1885 г.

„Одесскій Вѣстникъ“,

на 1885 г.

(ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Со вступленіемъ въ создатели «Одесскаго Вѣстника» кандидата правъ *С. Ю. Ломницкаго*, средства газеты усиливаются. Вслѣдствіе этого, не позже первыхъ чиселъ декабря настоящаго 1884 года, послѣдуютъ значительныя улучшенія въ отношеніи содержанія и виѣнности газеты. Въ составъ редакціи приглашены новыя литературныя силы для восполненія бывшихъ пробѣловъ и болѣе чуткаго отношенія къ назрѣвающимъ вопросамъ.

Не смотря на увеличеніе объема газеты и другія улучшенія, требующія затратъ, подписная плата остается прежняя.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:

съ пересылкой или доставкой:

Эт годъ (12 мѣсяцевъ). 12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ). 14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ. 7 р. — к.	За 6 мѣсяцевъ. 8 р. — к.
За 3 мѣсяца 3 р. 85 к.	За 3 мѣсяца 4 р. 50 к.
За 1 мѣсяць 1 р. 30 к.	За 1 мѣсяць 1 р. 50 к.

На пересылку за границу прибавляется 50 коп. въ мѣсяць.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа подписной платы по полугодіямъ и по четвертямъ года. При разсрочкѣ *полугодишной* вно-

сится 1 января 8 р., и 1 июля 6 руб.; по четвертямъ года: 1 января 4 руб., 1 апрѣля 4 руб.; 1 июля 3 руб. и 1 сентября 3 руб.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; *иностранныя же*—не иначе, какъ съ 1-го или 15 числа каждаго мѣсяца.

Подписка принимается въ **Одессѣ**, въ конторѣ «Одесскаго Вѣстника», по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

1885 г. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ г. 1885.

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.“

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Редакторъ-издатель П. Н. ПОЛЕВОЙ.

Въ 1885 году годовые подписчики „Живописнаго Обзорѣнія“ получаютъ:

- I. 52 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, каждый не менѣе двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текстѣ.
- II. 12 ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убористаго шрифта.
- III. 12 ежемѣсячныхъ номеровъ «Парижскихъ модъ».
- IV. Бесплатную премію—художественно исполненную олеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одна пейзажъ и два жанра;—подробности въ № 1). Желающіе получить всѣ три картины доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 р.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе порчи картинъ въ дорогѣ, предлагается гг. подписчикамъ пересылка ихъ *страховыми посылками*—прочна упакованными и зашитыми въ холстъ, на полной отвѣтственности конторы, для чего за пересылку одной картины слѣдуетъ добавить 60 к., двухъ—80 к. и трехъ—1 руб.—Всѣмъ подписчикамъ, которые не сдѣлаютъ этого добавочнаго взноса, премія будетъ отправлена обыкновеннымъ бандерольнымъ способомъ, но, въ случаѣ пропажи или порчи ея въ дорогѣ, контора не можетъ принять за это на себя никакой отвѣтственности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкою и пересылкою.

безъ доставки и пересылки.

За годъ	8 р. — к.	За годъ	6 р. 50 к.
За полгода	4 р. 50 к.	За полгода	4 р. — к.

Подписка за границую: за годъ—12 руб., за полгода—6 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ СЛѢДУЮЩІЕ
ЛИТЕРАТОРЫ:

Н. А. Ахшарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Василевскій (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейсбергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенская, Н. Ф. Горбуновъ, Г. С. Дестунисъ (профессоръ), Л. Звонаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, Н. И. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митурячъ, Д. Я. Михаловскій, Д. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ, Е. В. Повежаревъ, Л. Рускинъ, А. Сокольниковъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северяинъ, Л. Х. Симонова, К. И. Соборный (псевдонимъ), С. П. Тернигоревъ (Сергій Атава), П. Тройницкій, М. К. Цибрикова, Дм. Чертковъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шичонко, В. Ю. Юрьевъ, А. П. Яхонтовъ и многіе другіе.

1885 г. „ВОЛЫНЬ“, г. 1885.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ седьмой годъ своего существованія, съ будущаго 1885 года, газета „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статья научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учреждений, и 18) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомиръ, въ конторъ редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 к.	1 р. 80 к.	1 р. — к.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 к.	1 р. 90 к.	1 р. 10 к.
Для иногородныхъ съ пересылк.	4 р. — к.	2 р. 20 к.	1 р. 20 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики при перемѣнѣ адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

Редакторъ **Н. И. Коровицкій.**

Издатель **И. И. Коровицкій.**

1885 г. „КІЕВЛЯНИНЪ“ 1885 г.

21-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

На годъ	12 руб. — к.	На 3 мѣсяца	4 руб. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ	7 руб. — к.	На 1 мѣсяць	1 руб. 50 к.

Подписка принимается въ редакціи „Кіевлянина“ (Уголь Шулявской и Кузнечной ул., д. насл. Шульгина).

„ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“

1885 г.

1885 г.

ВМѢСТѢ СЪ ГАЗЕТОЮ

„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“

Съ Высочайшаго соизволенія, въ 1885 году «Русскій Инвалидъ», издаваемый подъ одною общою редакціею съ «Военнымъ Сборникомъ», будетъ выходить, по прежнему, ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, и «Военный Сборникъ» — ежемѣсячно, книжками до 20 листовъ каждая.

Оба изданія, «Русскій Инвалидъ» и «Военный Сборникъ», служа другъ другу необходимыми дополненіемъ, будутъ: ежедневная газета — сообщать главныя официальныя извѣстія и слѣдить за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, а также за явленіями, имѣющими соотношеніе къ военному дѣлу; ежемѣсячный журналъ — посвятитъ свои страницы всесторонней разработкѣ собственно военнаго дѣла въ болѣе обширномъ значеніи этой отрасли знаній.

Высочайше утвержденныя программы обоихъ изданій остаются прежніи.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И .

Подписка на «Военный Сборникъ» и «Русскій Инвалидъ» на 1885 г. принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи означенныхъ изданій: на Надеждинской, домъ Трута, № 42.

Подписная цѣна назначается: за годовой экземпляръ журнала «Военный Сборникъ» 7 р. 50 коп., съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ. Заграницкая подписка 10 р. На мѣсячные сроки подписка на журналъ «Военный Сборникъ» не принимается.

Подписная цѣна за годовой экземпляръ газеты «Русскій Инвалидъ» 7 р. 50 коп., съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ.

Военно-служащіе и войсковыя управленія, подписывающіеся на «Русскій Инвалидъ» и «Военный Сборникъ» *омѣсть* платятъ, съ доставкою и пересылкою **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ** за оба изданія.

1885 ГОДЪ. „ЭХО“, ГОДЪ 1885

Большая ежедневная, политическая и литературная газета, существ. пятый годъ.

С.-Петербургъ, Пескій просп., домъ № 61.

Изъ большихъ ежедневныхъ газетъ—газета «Эхо» самая дешевая; тогда какъ головная цѣна другихъ равняется 17 р., газета «Эхо» стоитъ всего лишь съ пересылкою и доставкою 10 р., разница громадная. (Допускается разсрочка платежа: для служащихъ—по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не-служащимъ— чрезъ главную контору редакціи «ЭХО», уплачивается при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 р., а въ началѣ августа 2 р.).

Значительно увеличившееся число подписчиковъ, явившееся результатомъ сдѣланныхъ улучшеній, даетъ намъ возможность, *сохраняя подписную цѣну въ наступающемъ 1885 году*, сдѣлать содержаніе газеты богаче, открывъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЬ. Въ немъ редакція постарается дать возможно вѣрное выраженіе движенія въ торговлѣ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, на Кавказѣ и въ другихъ торговыхъ центрахъ Россіи.

ОТДѢЛЬ ПУТЕШЕСТВІЙ. Нѣсколько швейцарскихъ писателей, отпраздновавъ въ послѣднія недѣли великаго поста въ Иерусалимѣ въ поклоненіе Гробу Господню, изъявили согласіе дѣлать описанія этого путешествія, которыя и начнутъ печататься въ нашей газетѣ со времени ихъ отъѣзда. Они посѣтятъ Москву, Кіевъ, Крымъ, пройдутъ весь Кавказъ и Закавказье, предпримутъ восхожденіе на гору Араратъ, побывають въ долинѣ Месопотаміи, на развалинахъ Вавилона и Ниневіи, пройдутъ потокомъ всю Палестину и отъ Иерусалима направятся по Аравійской пустынѣ къ горѣ Синай и въ Египетъ въ долину Нила. Это путешествіе будетъ печататься въ нашей газетѣ, затѣмъ будетъ издано отдѣльно съ приложеніемъ *скицковъ* со всѣхъ святыхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ. Книга эта, на которую редакція ассигнуетъ значительную сумму денегъ, будетъ издана роскошно, отдѣльнымъ томомъ и предложена подписчикамъ за одну только стоимость бумаги и пересылки.

ОТДѢЛЬ БЕЛЛЕТРИСТИКИ составитъ главную часть содержанія воскресныхъ №№, давая читателю романы, повѣсти, стихотворенія и отдѣльные рассказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. Составляя такъ образъ эти номера, редакція расчитываетъ дать своему читателю въ буквальный смыслъ «воскресное чтеніе», чтобы каждое семейство, собравшись въ своемъ кругу, могло имѣть полезное и пріятное развлеченіе. Всѣ помѣщаемые въ газетѣ романы, повѣсти, стихотворенія и рассказы будутъ изданы отдѣльнымъ томомъ и предложены подписчикамъ точно также—за одну только стоимость бумаги и пересылки.

Придавая громадное значеніе *внутренней жизни* нашего государства, редакція газетъ «Эхо» уже имѣетъ въ настоящее время по всѣмъ главнымъ горо-

дахъ Россіи корреспондентовъ, лично извѣстныхъ редакціи, и на добросовѣстное отношеніе которыхъ къ своей высокой обязанности редакція можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакція также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ мѣстную политическую и общественную жизнь.

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“, 1885 г.

Съ 15-го сего октября открыта подписка на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» въ 1885 году, двѣнадцатомъ его изданіи.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. По этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣнія человѣчества.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ подписчикамъ, годовымъ и полугодовымъ, наше обычное бесплатное приложеніе, подъ названіемъ «Календарь для духовенства» на 1885-й годъ. Головая цѣна на газету съ бесплатнымъ приложеніемъ семь рублей, полугодовая четыре рубля и трехмѣсячная два рубля. Для заграницныхъ подписчиковъ цѣна остается прежняя: 10 р. въ годъ.

Подписка принимается: въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» въ С.-Петербургѣ, Троицкій переулокъ, д. № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„НОВОРОССИЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

Газета политическая, экономическая и литературная.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

1-го января наступающаго 1885 года исполнится ровно десять лѣтъ съ той поры, какъ мы приняли на себя изданіе «Новороссійскаго Телеграфа».

Не мало средствъ, труда и энергии пришлось намъ затратить, чтобы возобновленный нами «Новороссійскій Тел.» поставить на уровеньъ общественныхъ задачъ и требованій; съ каждымъ годомъ мы убѣждались, что эти требованія возрастаютъ, и значеніе печатнаго органа увеличивается, почему ежегодно, расширяя программу газеты, мы успѣли довести ее по пути улучшеній до вышншаго ея состоянія.

Сочувствіе общества даетъ намъ силы на дальѣйшую дѣятельность, а десятилѣтній опытъ научалъ насъ по возможности избѣгать случайныхъ промаховъ

и ошибокъ, неизбежныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступаемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше поднимаемъ наше знамя, во имя котораго трудялись десять лѣтъ.

Редакція «Новороссійскаго Телеграфа», не прибѣгая къ обшачаніямъ и зазываніямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста Бумвы (г. Василевскаго), украшающаго страницы «Новороссійскаго Телеграфа» въ теченіи шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обыкновенно появляются въ «Новор. Телеграфѣ» 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перенечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, «Нов. Телеграфъ», не увеличивая подписной цѣны, **увеличиваетъ свой форматъ**, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право изданія **«бесплатныхъ премій»**, которые будутъ выходить въ періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матеріаловъ и возможность изготовленія соответствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Раля, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		Безъ доставки		Съ доставкою				Безъ доставки		Съ доставкою							
		и пересыл.		и пересыл.				и пересыл.		и пересыл.							
На	мѣсяцъ	1 р.	30 к.	1 р.	50 к.	На	7 мѣсяцевъ	8 р.	30 к.	9 р.	50 к.						
»	2	»	60	»	3	»	»	8	»	9	»	60	»	11	»	—	»
»	3	»	85	»	4	»	»	9	»	10	»	—	»	11	»	50	»
»	4	»	—	»	6	»	»	10	»	11	»	—	»	13	»	—	»
»	5	»	30	»	7	»	»	11	»	11	»	50	»	13	»	50	»
»	6	»	—	»	8	»	»	12	»	12	»	—	»	14	»	—	»

За границу къ стоимости экземпляра въ Россію слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для годовыхъ подписчиковъ **допускается разсрочка** въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Вносы разсроченной платы могутъ быть или **полугодовые** (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 юня), или по **четвертямъ** года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го юня и 1-го сентября), т. е. всегда за **мѣсяцъ впередъ** до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ снзъ учрежденіяхъ, **допускается подписка въ кредитъ**, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

1885 (годъ Большой Литературно-Художественный Журналъ, седьмой) 1885

Выходятъ еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ отъ 16 до 20 страницъ, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ; (въ годъ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ).

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ журнала все подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНО**:

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“, въ которыхъ въ теченіи года помѣщаются наиболѣ выдающіеся беллетристическія произведенія **всѣхъ** европейскихъ литературъ. Въ концѣ года *«Еженедѣльные Литературныя Приложенія»* составляютъ нѣсколько томовъ самаго интереснаго и замѣательнаго чтенія.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Нѣкоторыя приложенія печатаются съ тономъ. Прекрасная бумага, изящное исполненіе въ гравюрѣ, артистическая печать, все это даетъ возможность составить изъ художественныхъ приложеній *«Иллюстрированнаго Мира»* роскошный альбомъ.

„**НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ**“, разсылаемая ежемѣсячно и составляющія полный руководяльно-модный журналъ. Въ теченія года дается: *около 500 политическо-художественныхъ рисунковъ* новѣйшихъ модъ, какъ то: домашнія платья, пріемные туалеты, визитные, костюмы для гулянья, выѣздные туалеты, вечерніе для театровъ, концертныхъ, бальные, туалеты для невестъ, для причастія, различныя шубки, пальто, жакетки и пр., а также дѣтскіе костюмы, платье, бѣлье и т. п. *Руководяльныя работы: разнообразныя буквы, инициалы, вензеля* и пр. Въ каждомъ модномъ номерѣ заключаются слѣдующіе отдѣлы: *Модный Курьеръ* (обзоръ модъ), *Описаніе рисунковъ, Хозяйство и кухня, Событія и рецепты, отзывы подписчиковъ, слѣтья* и пр.

Все годовые подписчики получаютъ **главную большую премию**: литературно-художественный

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬМАНАХЪ.

Альманахъ этотъ, украшенный прекрасными картинками, портретами и виньетками, будетъ заключать въ себѣ: стихотворенія, беллетристическія произведенія (оригинальныя и переводныя), біографіи, историческіе очерки, статьи по искусствамъ, путешествія и пр. Въ концѣ альманаха будетъ помѣщенъ юмористическій отдѣлъ съ карриатурами. — *Живописный Альманахъ*, представляющій массу интереснаго чтенія, по своей изящности и богатству картинкамъ *можетъ служить самымъ лучшимъ настоящимъ украшеніемъ въ каждомъ домѣ.*

(Желающие получить альманахъ въ роскошномъ штампованномъ, золоченомъ переплетѣ предлагаютъ за переплетъ къ подписной цѣнѣ 1 р.)

Подписная цѣна журнала на 1885 годъ:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ . . .	4 р.	Безъ дост. въ Москву, чрезъ кон. А. Метцля	4 р. 50 к.	Съ доставк. въ Сиб. и въ друг. городахъ и мѣстечкахъ Россіи.	5 р.
За границу					6 руб.

Принимается подписка на $\frac{1}{4}$ года—1 р. 25 к.; на $\frac{1}{2}$ года—2 р. 50 к.; и на $\frac{3}{4}$ года—3 р. 75 к. Желающие получить журналъ съ разсрочкою платежа подписной суммы, уплачиваютъ: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 1 р., къ 1-му июля 1 р., и къ 1-му сентября 1 р.

Желающие ознакомиться съ журналомъ, могутъ получать пробный номеръ, высылая лишь двѣ 7-ми копѣечныя марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С. Петербургѣ, въ главной канторѣ редакціи, Невскій проспектъ, № 76. Въ Москвѣ, въ Центральной Канторѣ объявленій А. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова, № 6.

„ПРОГРЕССИВНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“

иллюстрированный журналъ рациональнаго веденія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства съ цѣлью полученія наибольшаго дохода.

издающійся при постоянномъ сотрудничествѣ профессоровъ высшихъ учебныхъ земледѣльческихъ заведеній и хозяйствъ-практиковъ, подъ редакціей Л. А. Черноголазова.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ большаго формата съ безплатнымъ приложеніемъ литературно-научнаго журнала „Еженедѣльный Обзоръ“.

По прихѣту истекающаго года, въ журналѣ «Прогрессивное Сельское Хозяйство» каждая отрасль сельскаго хозяйства будетъ имѣть свой отдѣлъ, который будетъ разрабатываемъ съ возможною полнотой. **Программа:** 1) Земледѣіе. 2) Лѣсоводство. 3) Скотоводство и птицеводство. 4) Садоводство и огородничество. 5) Пчеловодство. 6) Сельскохозяйственная механика и архитектура. 7) Вопросы и отвѣты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. 8) Сельско-хозяйственная хроника. 9) Полезныя замѣтки для сельскихъ хозяевъ и хозяекъ. 10) Домашняя медицина, гигиена и санитарное дѣло. 11) Внутренніе и иностранныя рынки. При статьяхъ помѣщаются полнѣйшая въ текствѣ и отдѣльныя рисунки.—Журналъ «Еженедѣльный Обзоръ» даетъ въ каждомъ номерѣ краткую, но обстоятельную характеристику выдающихся событій русской и иностранной жизни, романы, повѣсти, небольшіе рассказы изъ области наукъ, искусствъ и художествъ и т. п.

Благодаря сочувствію гг. хозяевъ, редакція, несмотря на значительный объемъ своего изданія (не мѣся 200 печатныхъ листовъ въ годъ), множество до-

рого-стоящихъ рисунковъ и т. п., находить возможнымъ оставить прежнюю цѣну т. е. съ доставкой и пересылкою *только руб. въ годъ за оба изданія*. Но прямѣру прошлаго года, лица, подписавшіяся до 1 го января, получаютъ при одномъ изъ первыхъ четырехъ № журнала разные огородныя и цвѣточныя сѣмена.

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Прогрессивнаго Сель-Хозяйства» за 1884 г. могутъ быть получены изъ редакціи по 6 р. безъ перес.

Открыта подписка на сборникъ

„ПРАКТИЧЕСКІЕ НАСТАВЛЕНІЯ, УКАЗАНІЯ И РЕЦЕПТЫ“,

примѣняемые въ домашнемъ, городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, состоящіе изъ: 1,000 полезныхъ наставленій и указаній относительно приготовленія разнаго рода съѣстныхъ припасовъ и консервовъ, а также и приготовленія мыла, помады, душистыхъ водъ, чернилъ, красокъ и проч.; выведенія различныхъ ояень, истребленія всякаго рода насѣкомыхъ; 250 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней; 500 средствъ насчетъ ухода и лѣченія лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицъ и проч., и 250 полезныхъ занятій на счетъ разведенія цвѣтовъ, растений, плодовъ и проч.

Тутъ-же продаются:

1) **Культура пшеницы**, монографія профессора Я. П. Капиновскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

2) Печатается сочиненіе Гравенгорста „**Практическій пасѣчникъ**“ съ 56 рисунками; переводъ съ 3-го вѣмецкаго изданія. Цѣна съ пересылкою 2 рубля.

Котора редакція помѣщается въ *С.-Петербурѣ, Троицкій пер.*, д. № 40.

„ТЕХНИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ“,

иллюстрированный журналъ новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ заводско-фабричной промышленности,

СО СПЕЦІАЛЬНЫМИ ОТДѢЛАМИ

электротехники, винокуреннаго, пивовареннаго, сахарнаго, мукомольнаго, писчебумажнаго и кожевеннаго производствъ.

Программа журнала: 1) Указанія и распоряженія заводско-фабричныя. 2) Электротехника. 3) Винокуреніе. 4) Пивоваренное прозв. 5) Сахарное прозв. 6) Мукомольное прозв. 7) Писчебумажное прозв. 8) Кожевенное прозв. 9) Технолоія, какъ-то: кирпичное, крахмальное, маслѣйное, мыловаренное, прядильное, свѣчное, суконное, ткацкое и проч. производства. 10) Химія. 11) Механика. 12) Горное дѣло и металлургія. 13) Техно-химическіе рецепты и наставленія. 14) Гигіена и санитарное дѣло. 15) Патенты. 16) Привилегія. 17) Вопросы и отвѣты. 18) Техническая библиографія. 19) Слѣсь. 20) Объявленія.

Журналъ выходитъ 15 и 30 наждаго мѣсяца, въ 4—5 печатныхъ листовъ большаго формата, со многими полтипажами въ текстѣ.

Подписная цѣна на 1 годъ съ пересылкою 10 руб.

„Технической Обзоръ“ за 1882, 1883 и 1884 гг. можно получать по 10 руб., съ пересылкою за каждый годъ.

Контора редакціи «Технической Обзоръ» въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., № 40.

Открыта подписка на сочиненіе нижеп. Тильмана:

„Подробное руководство къ установкѣ и постройкѣ паровыхъ котловъ“

всѣхъ лучшихъ системъ, съ подробнымъ расчетомъ паровиковъ, дымогарныхъ трубъ, арматуры и проч., съ указаніемъ надежныхъ предохранительныхъ правилъ противъ взрыва, а также съ указаніемъ на рациональное утилизированіе топлива и на повѣйшія усовершенствованія въ отопленіи паровыхъ котловъ сжиганіемъ дыма—чистѣйшаго и лучшаго горючаго матеріала.

1 большой томъ въ 40 печатныхъ листовъ, съ 400 полтипажами.

Это замѣчательнѣйшее сочиненіе становится необходимымъ руководствомъ для каждаго заводчика, фабриканта, владельца паровыхъ котловъ, механика, техника, технического учителя и проч.

Подписная цѣна 6 рублей.

Вышло уже 1, 2, 3 и 4 выпуски—5 и 6 находятся въ печати.

Подписка на соч. Тильмана принимается въ Редакціи „Техническаго Обзора“.

Открыта подписка на книгу

„ПРАКТИЧЕСКІЕ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКІЕ РЕЦЕПТЫ“

1500

новѣйшихъ и полезнѣйшихъ открытій, усовершенствованій и патентованныхъ изобретеній въ областяхъ: винокуреннаго, водочнаго, восковойнаго, горчишнаго, клеовареннаго, кожевеннаго, косметическаго, красильнаго, красочнаго, крахмального, лаковаго, маслосойнаго, малярнаго, металлическихъ издѣлій, мукомольнаго, мыловареннаго, пивовареннаго, печебумажнаго, сахарнаго, свѣчнаго, ситцепечатнаго, скорняжнаго, слесарнаго, снѣлочнаго, стекляннаго, суконнаго, укуснаго, табачнаго, фарфороваго, фаянсоваго, шоколаднаго и прочихъ производствъ.

Подписная цѣна 2 рубля, съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Технической Обзоръ“ въ С.-Петербургѣ.

„Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ“,

1885 г. (третій годъ изданія).

съ приложеніемъ газеты „ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ“

издаваемый при Императорской академіи Художествъ

подъ редакціей А. И. СОМОВА.

Вѣстникъ выходитъ въ свѣтъ шесть разъ въ годъ, т. е. однажды въ два мѣсяца, книжка въ 5—8 печатныхъ листовъ; «Художественныя Новости» появляются 24 раза въ годъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца), въ объемъ $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ печатныхъ листа.

Къ «Вѣстнику» прилагаются эстампы, исполненные гравюрою на мѣди (рѣзкомъ или крѣпкою водкою) и на стали, фотогравюрою, фототипіею, литографіею и проч. Эти эстампы, которыхъ въ году подается не менѣе 24-хъ, состоятъ изъ портретовъ художниковъ и изъ сценокъ съ замѣчательныхъ произведеній искусства. Сверхъ того, къ самому текстѣ «Вѣстника» прилагаются въ неопредѣленномъ числѣ полтипажи, исполненные ксилографіею и фототипографіею.

Въ числѣ сотрудниковъ того и другаго изданія состоятъ: А. П. Андреевъ, П. Д. Ахшарумовъ, Н. М. Благовѣщенскій, бар. Г. Э. Брюнингъ, О. П. Булгаковъ, А. А. Васильчиковъ, М. В. Ватсонъ, М. Вахень (въ Парижѣ), А. В. Вышеславцевъ, Д. В. Грлгоровичъ, Э. Я. Доббертъ (въ Берлинѣ), Г. Е. Квезерлицкій, А. П. Кирпичниковъ, Д. О. Кебеко, О. П. Ланцертъ, В. П. Ламбинъ, А. М. Матушинскій (Эль), Н. В. Павловъ, П. П. Петровъ, Е. Е. Рейгертъ, Е. А. Сабалинъ, Н. П. Собко, М. П. Соловьевъ, В. В. Стасовъ, Н. В. Султановъ, Е. Е. Трей (въ Дрезденѣ), С. С. Шайкиничъ, В. П. Шеміотъ, В. О. Эвальдъ и др.

По части гравированія, сотрудниками будутъ: А. А. Бобровъ, В. А. Бобровъ, М. П. Боткинъ, А. Вегеръ, В. Вериле, О. Гофманъ, Л. Е. Дмитріевъ-Кавказскій, О. А. Кочетова, Е. З. Краснушкина, Б. Мавфельдъ, В. В. Матте, П. С. Мосоловъ, К. Д. Савицкій, Н. Самокинъ, В. Уигеръ, П. И. Шинкаль, и др.

Подписная цѣна за оба изданія вмѣстѣ: Безъ доставки 10 руб.; съ доставкою въ С.-Петербургъ или съ пересылкою въ другія мѣста 12 р., за границу 15 руб.

Отдѣльная подписка на «Вѣстникъ» или на «Художественныя Новости» не допускается.

Въ видѣ *бесплатной преміи* гг. подписчики получаютъ *Альбомъ фототипическихъ снимковъ* большаго формата съ оригинальныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ изъ собраній Императорскаго Эрмитажа, Академіи художествъ и изъ другихъ петербургскихъ коллекцій. Альбомъ этотъ появится въ свѣтъ немедленно по его изготовленіи, во всякомъ случаѣ не позже ноября мѣсяца.

Подписываться можно: въ редакціи *«Вѣстника изящныхъ искусствъ»* (Вас. Остр., зданіе Императорской Академіи художествъ, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 10 час. утра до 4 час. попол.), въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ, въ астаминныхъ магазинахъ *А. Беггрова* и *Фельтена*, въ книжномъ магазинѣ *Мелье* и у всѣхъ публичныхъ книгопродавцевъ столицы.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ редакцію.

Вѣстникъ и Художественныя Новости за 1883 и 1884 годы, вмѣстѣ съ издаваемыми въ этихъ годахъ преміями, можно получать въ редакціи этихъ изданій. Цѣна за каждый экземпляръ каждаго годоваго изданія 10 руб. Гг. иногородные прибавляютъ къ этой цѣнѣ 2 р. на расходы по пересылкѣ.

Ежемесячный журналъ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА“.

1885 годъ.

(Выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ большаго формата и убористаго шрифта).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы преимущественно подъ редакціей профессоровъ-спеціалистовъ; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки, хроника и пр.

Годовая цѣна съ перес. 17 р., безъ перес. 15 р. Студенты, фельдшера и лекареи. помощи, платятъ 14 руб. въ годъ.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883 и 1884) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) *А. Башинскій*. Дѣтскія болѣзни (43 лист.); *Вони. Физиологія* (110 лист.). *Геновъ*. Дѣтскія болѣзни (44 листа). *Землюлеръ*. Первенная болѣзни (23 листа); *Мальгень*. *Оперативная хирургія* (34 лист.). *Шимейеръ*. Частная патологія и терапія (103 листа). *Рибо*. Болѣзни памяти (10 лист.). *Россбахъ*. Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа). *Фритишъ*. Женскія болѣзни (28 лист.). *Шеффъ*. Зубныя болѣзни (17½ лист.). *Эйхгорстъ*. Диагностика (45 лист.). *Эйхгорстъ*. Частная патологія и терапія (140 лист.). *Эриксенъ*. Хирургія (105 лист.). *Ришэ*. Хирургическая анатомія (85 листовъ). *Дюринъ*. Болѣзни кожи (20 л.). *Гринтъ* съ рисунками Гейцмана (24 л.). *Никитинъ*. Ларингоскопія (19 л.).

Всѣ сочиненія, помѣщенные въ «Медиц. Библиот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣщать переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи *Вредена* (*Генсмеръ* подъ редакцію проф.

Левшина. Курьеръ, ушья болѣзнь, 2-ой отдѣлъ *Землюлера* и пр.), психіатрію *Мейнерта* подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція пѣхетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской медицинской литературѣ по гігіенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась обѣщаніемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Вѣст.»).

Отдѣлъ «хроникъ и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывавшимъ др. медіц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ бесплатно при январьской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтамту.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ*.

Пизатель *И. Л. Вилькинъ*.

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА“

иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ 1885 году, газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемесячно прилагаются особо *ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ—по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, повости торговныя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и разсказы преимущественно историческія, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, публіци общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, бібліографія*. Газета даетъ въ годъ *больше 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшія наши ученые художники.

Премія 1885 г. 1) Крестный Календарь на 1886 годъ на веленовой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранныя (въ приложенія къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й—драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать бесплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе **Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ въ 1883 году.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1885 годъ: безъ доставки на годъ 4 руб.; съ доставкой и пересылкою на годъ 5 руб., на полгода съ января и (юля) 3 руб., 1 мѣсяцъ 60 к. За графика 7 руб., на полгода 3 р. 50 к.

«Газету» прежнихъ годовъ, съ 1875 по 1883 (кроме 1880 и 1883) можно получать изъ редакціи по 3 руб. за тожь (годъ), съ пересылкою.—Годовъ 1880 и 1883 не имѣется уже ни одного экземпляра.

Адресъ: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

Редакторъ-издатель А. Гатцунъ.

1885 Г. „СТРАННИКЪ” Г. 1885

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

- 1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія, — преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ православно-восточной и русской жизни.
- 2) Статьи, изслѣдованія и собиравшіеся матеріалы по разнымъ отдѣламъ русской церковной исторіи.
- 3) Бесѣды, поученія, слова п рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ.
- 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли.
- 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни.
- 6) Очерки, рассказы, описанія, знакомящія съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ народовъ, особенно — съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ.
- 7) Бытовые очерки, рассказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа.
- 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни.
- 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ.
- 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей.
- 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала.
- 12) Библиографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы.
- 13) Книжница лѣтопись; ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія, краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.
- 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.
- 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденція; объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная плата: съ пересылкою въ Россію и доставкою въ С.-Петербургъ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: А. Висильковъ. — А. Пономаревъ. — Е. Прилежаевъ.

Вольшой еженедѣльный, художественно-лижурратетурный аль

“РОССІЯ”.

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ), г. 1885

Съ 1 января 1885 года будетъ выходить 4 раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, въ новомъ увеличенномъ объемѣ — 2½ печатныхъ листа, съ четырьмя отдѣльными большими оригинальными рисунками при каждомъ №.

Кромѣ множества другихъ статей и произведеній въ 1885 году будутъ напечатаны: 1) Незданныя письма *Н. С. Тургенева*, 2) Новая Золушка, большой романъ, *пр. Е. А. Саласа*, 3) Историческія повѣсти *Н. А. Часова*, 4) Очерки изъ народной жизни *Н. П. Златовратскаго*, 5) Фантазеръ, большой романъ, *Д. А. Ланова*, 6) Тихія воды глубоки, повѣсть, *А. В. Крулова*, 7) Двѣ избранницы, романъ, *К. Н. Леотьева*, 8) Воспоминанія о *Н. С. Мочаловѣ*, *С. А. Юрвева*. 9) «День византійскаго императора», историч. повѣсть, *Н. П. Аксакова*, 10) «Пасынокъ судьбы», повѣсть, *С. Н. Филиппова*. 11) «Что побуждало?» деревенскій рассказъ, *Д. А. Ланова*. 12) Рассказы изъ современной уголовной хроникъ, *В. А. Скрипичина*.

Независимо отъ названныхъ именъ, въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. С. Лясков-Стеблицкій*, *А. П. Плещеевъ*, *Я. П. Полонскій*, *Л. П. Шальминъ*, *В. С. Бискинъ*, *В. В. Чуйко*, *М. М. Пешковъ*, г-жа *Евгенія Туръ* и многіе другіе.

Художественный отдѣлъ журнала будетъ преслѣдовать въ сущности ту же цѣль, что и отдѣлъ литературный, т. е. представлять собою живописный сводъ иллюстрацій Россіи въ богатомъ многообразіи ея жизни, природы и искусства.

По предвѣду къ каждому № будутъ прилагаться четыре отдѣльных оригинальных рисунка, исполненныхъ автографическимъ способомъ. «Россія» въ этомъ отношеніи представляетъ журналъ, резко отличающійся по своему характеру отъ другихъ иллюстрированныхъ изданій, пользующихся зачастую заимствованными, иностранными клише.

Въ будущемъ 1885 году редакціей устанавливается систематизація рисунковъ, такъ-что въслѣдствіи подвѣсчики могутъ образовывать изъ нихъ нѣсколько отдѣльных альбомовъ.

Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены въ будущемъ году:

1) 12 портретовъ извѣстныхъ русскихъ представителей литературы, науки и искусства.

2) 30 копій съ картинъ русской живописи или произведеній иностранной школы, находящихся въ Россіи.

3) около 25 отдѣльных иллюстрацій къ беллетристическимъ произведеніямъ,

помѣщеннымъ въ журналѣ, въ томъ числѣ нѣсколько ориг. рис. А. С. Янова къ исторической повѣсти П. П. Аксакова: «День византійскаго императора».

4) Оболю 20 видовъ различныхъ живописныхъ мѣстностей Россіи (для собранія матеріала редакціей командированъ уже художникъ лейпцигской академіи фотографъ Тяшнеръ).

5) 12 виветокъ къ стихотвореніямъ, на подобіе помѣщенныхъ уже въ текущемъ году.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала будутъ помѣщены рисунки:

П. М. Бьковскаго, В. М. Виснецова, С. П. Иванова, Н. П. Каравина, К. В. Лемохъ, К. Е. П. Е. и В. Е. Маковскихъ, М. О. Микшица, В. Д. Польнова, И. Е. Рапина, К. А. Савицкаго. К. А. Трутовскаго и мног. друг.

Въ будущемъ 1885 году всѣ годовые подписчики получаютъ роскошную премію январель (размѣр. 140 кв. верш.), заказанную по оригиналу, специально исполненную для журн. «Россія» академикомъ исторической живописи П. В. Чевревымъ: «СЦЕНА У ФОНТАНА» (изъ «Бориса Годунова», Пушкина). Она будетъ исполнена въ знаменитой французской литографіи Лемерсье и К^о.

Подписная цѣна 7 р. на мѣсяцъ и 8 р. съ доставкой на домъ и пересылкой. Подписка принимается: а) въ Москвѣ, въ редакціи, Тверской бульваръ, д. Эфроса, б) въ магазинахъ: Даніаро, Авяццо, Вольфа, Макоитова, «Новаго Времени», Васильева (на Страстномъ бульв.) и въ копторѣ объявленій Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ, в) въ С.-Петербургѣ: у Мелье, Вольфа и Суворина и г) въ Кіевѣ: у книгопродавецъ Столбцова и Корейво. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію. Разсрочка годовой подписной суммы можетъ быть допущена на слѣдующихъ условіяхъ: 5 руб. при подпискѣ и 3 рубля 1 поля.

Редакторъ-издатель О. М. Умнець.

1885 г. (ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Еженедѣльный „РАДУГА“, иллюстрированный семейный журналъ литературы, изящныхъ искусствъ и общественной жизни.

50 номеровъ въ годъ. 50.

Въ 1885 году «Радуга» дастъ своимъ читателямъ рядъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній исключительно изъ русской жизни, съ участіемъ выдающихся современныхъ русскихъ писателей. ИЛЛЮСТРАЦИИ извѣстныхъ русскихъ художниковъ будутъ воспроизведены самымъ тщательнымъ образомъ, съ помощью новѣйшихъ открытій въ области графическихъ искусствъ. Гравюры будутъ исполнены въ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ заведеніяхъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) СЦЕНА. Театральное искусство. Критика. Драматическія пьесы для большой сцены и для любительскихъ спектаклей. Комедіи. Трагедіи. Драмы. Воде-

и при участіи извѣстныхъ драматурговъ, какъ Викторъ Александровъ (Крыловъ) Певѣжинъ, князь Сумбатовъ и др. Провинціальная корреспонденція. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены **ПОРТРЕТЫ** русскихъ драматическихъ писателей и выдающихся артистовъ русской столичной и провинціальной сцены.

2) **АНКОРДЪ**. Новости изъ музыкальнаго міра. Портреты выдающихся современныхъ композиторовъ и исполнителей. Отчеты о концертахъ. Критическія замѣтки. Къ каждому номеру «Анкорда» будутъ приложены также **БЕЗПЛАТНО ПОТЫ** для фортепіано и кбнія: исключительно новыя пьесы, танцы, аранжировки изъ новыхъ оперъ и оперетокъ.

3) **МОДЫ**. Иллюстрированныя парижскія моды. Тексты и рисунки изъ Парижа, подъ редакціею Тьерри. *Руководство для туалетнаго стола. Косметики. Домашній обиходъ. Домашнее хозяйство. Столы.*

4) **ГИГИЕНА**—новый отдѣлъ. Какъ жить здоровому и какъ помочь больному человеку. Совѣты врача. *При этомъ отдѣлѣ открытъ почтовый ящикъ для соотцовъ.* Пользоваться правомъ этого почтового ящика могутъ лишь гг. подписчики.

5) **САЛОНЪ**—новый-же отдѣлъ, иллюстрированныя общественныя увеселенія.

1) Карты. 2) Общественныя игры. 3) Пазлысы. 4) Хореографія (танцы). 5) Парады. 6) Ребусы. 7) Задачи. 8) Фокусы. 9) Эксперименты изъ области химіи и физики. 10) Гимнастика. 11) Спиритизмъ. 12) Обширный шахматный отдѣлъ. 13) Стенографическій отдѣлъ. 14) Почтовый ящикъ для личной корреспонденціи подписчиковъ между собою (право пользованія имѣютъ только подписчики журнала).

Кромѣ всего будетъ дана великолѣпная безплатная премія.

Подписная цѣна на 1885 годъ, со всеми приложениями, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи только 5 руб., за границу—7 руб.; на 1/2 года—3 руб., за границу—4 руб.

Допускается разсрочка платежа годовой подписной цѣны: при подпискѣ 2 р., затѣмъ 1 марта 1 р., 1 апрѣля 1 р. и 1 юня 1 р.

Подписка принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородныхъ просить адресовать: Въ редакцію журнала «Радуга». Москва.

Редакторъ Д. А. Мансфельдъ.

Издатель Л. Метцль.

5 годъ изданія. (ВЫХОДИТЪ ЕЖДЕСВЕННО). изданія годъ **5**
„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Последнія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Что дѣ-

лается на югъ: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Вѣщія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. IX. Наука и искусство. X. Вѣщія корреспонденціи «Южнаго Края». XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судобная хроника. XIII. Критика и библиографія. XIV. Слѣсъ. XV. Биржевая хроника и торговый отбѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковского военно-окружнаго суда. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе чѣмъ въ 100 губерніяхъ, уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ и во многихъ станицахъ, и селахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ. На 6 мѣс. На 3 мѣс. На 1 мѣс.

Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою.	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 40 к.
Съ перес. поперядимъ.	12 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. — к.	1 р. 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются: въ **Харьновѣ** — въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Еватеринославской улицѣ, въ домѣ Файаберга, № 44; въ **Петербургѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Невскѣмъ проспектѣ, въ д. Струбицкаго; въ **Москвѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій П. Печковской; въ **Варшавѣ** — въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френцлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 18; въ **Кievѣ** — въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ **Одессѣ** — въ книжныхъ магазинахъ В. М. Бѣлаго и Е. П. Располова; въ **Полтавѣ** — въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойно-Родзевича, въ конторѣ П. А. Доклана; въ **Кременчугѣ** — въ «Русской книжной торговлѣ» Д. Я. Тартаковского.

„Церковный Вѣстникъ“

и „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

(СЪ ТОЛКОВАНИЯМИ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЬ).

«Церковный Вѣстникъ» съ 1-го января будущаго 1885 г. имѣетъ вступать въ одиннадцатый годъ существованія. Десять лѣтъ — достаточный періодъ времени для выясненія характера, направленія и цѣлей изданія. Въ официальной своей части «Церковный Вѣстникъ» есть официальный органъ св. синода и

состоящихъ при немъ центральныхъ учреждений, въ неофициальной-же части онъ есть органъ с.-петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ официальную часть академической церковной газеты своимъ официальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своихъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ то же время послѣднюю возможности нять въ собственномъ смыслѣ неофициальную часть, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала-бы возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, и такимъ образомъ существовалъ бы взаимный обменъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣля такіа истинно-пастырскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіи десяти лѣтъ, старалась въ неофициальной части «Церк. Вѣсти.» осуществлять прекрасный идеаль свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на попріищѣ духовной публицистики, — идеаль, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развивался, неофициальная часть «Церк. Вѣсти.» получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи, статьи и сообщенія* выдающихся сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) *Милія печати савтской и духовной по церковнымъ вопросамъ*. Для помѣщенія различныхъ извѣстій публикуются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) *Лѣтопись церковная*, представляющая обзоріе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви во всѣхъ ея епархіяхъ; 5) *Иностранное обзоріе*, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и за границей*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 7) *Разныя извѣстія и замѣтки*, содержація разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладываемыя въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обзоріяхъ; не послѣднее мѣсто занимаютъ здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библиографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) *Журнальное обзоріе*, представляющее обзоріе нашей духовной журналистики (каждый мѣсяць разъ); 9) *Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей* (два раза въ мѣсяць), сообщающія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ всѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) *Библиографическія замѣтки* или обзоріе вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяць); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смыслѣ полноты и краткости библиографическихъ обзоріевъ.

Такимъ образомъ, редакція имѣетъ смѣлость думать, что вышеозначеннымъ *десятью отдѣлами* неофициальной части «Церк. Вѣстн.» довольно полно охватываются все важнѣйшія проявленія церковно-общественной жизни, преимущественно въ нашемъ отечествѣ и въ значительной мѣрѣ внѣ его.

«Христіанское Чтеніе», составляющее прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.», помѣщаетъ разнообразныя, преимущественно ученые, статьи по всемъ отраслямъ богословскихъ знаній. Сверхъ того, въ немъ печатаются, съ особымъ счетомъ странницъ, «Толкованія на Ветхій Заветъ». Въ 1885 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу пророка Исаіи», такъ что къ концу года выйдетъ особою книжкою 6-й выпускъ «Толкованій».

Шестой (пятый вышелъ въ 1883 г.) выпускъ, содержащій продолженіе толкованій на книгу Псалмовъ, выйдетъ въ декабрѣ 1884 года. Ц. 75 н. безъ перес. и 1 р. съ перес.

«Церк. Вѣстн.» и «Христ. Чт.» съ «Толкованіями» составляютъ въ годѣ болѣе **двухсотъ шестидесяти (260) печатныхъ листовъ** («Церк. Вѣстн.» 142 л. и «Христ. Чтен.» 142 л.).

Цѣна.—Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнала 7 р.* съ пересылкою; *отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» 5 р., за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями» 5 р. За границей, для всехъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ перес.

Подписка.—*Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церк. Вѣстн.» и Христ. Чт.», въ С.-Петербургѣ». *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ конторѣ редакціи (уголъ Коломенской улицы и Свѣчаго переулка, д. № 10—16, кв. № 26), гдѣ получаютъ также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза по 15 к.—за 1 разъ) и для размѣщ. при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Коралева), въ Москвѣ — при книжн. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ изданій.

Каждый интересующійся политическою и общественною жизнью Россіи и внимательно слѣдящій за ея развитіемъ, могъ, безъ сомнѣнія, замѣтить быстрый ростъ провинціи, которая, не смотря на многія неблагопріятныя условія и экономическій кризисъ, переживаемый странною, успѣла освободиться отъ прежней обывательской замкнутости и занять болѣе самостоятельное мѣсто. Задачи и дѣятельности провинціи ставятся съ каждымъ днемъ шире, сложнѣе, и лучшимъ представителемъ этого политико-экономическаго роста является Одесса, которая, въ

періодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ юга Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ п Варшавы. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго самосознанія въ провинціи, развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачей знакомятъ Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ» въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разрабатывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалы эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный форматъ газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакція имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественного вниманія. Въ виду этого редакція признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ № болѣе подробное обзорнѣе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявленій, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половины ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ неребургскихъ газетъ, въ семь столбцовъ вмѣсто шести, что, однако, не оставитъ редакцію передъ вынужденъ позуторныхъ померовъ, вслучаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованиемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общему, такъ и по крайнимъ вопросамъ), городской, земскій, судобный, отдѣлъ корреспондентій и вѣстей изъ всѣхъ городовъ Южной Россіи, музыкальный, театралный и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія беллетристическихъ и научныхъ произведеній и участія явнѣхъ постоянныхъ фельетонистовъ Барона Икса, Черногорца и Осм, будутъ помѣщаться фельетоны нашего даровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общими заглавіемъ «Чѣмъ хата богата».

Не смотря на вышеупомянутыя улучшения, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ городъ:		Съ пересылкою въ другіе города:	
на годъ	10 р.	на годъ	12 р.
— полгода	6 р.	— полгода	7 р.
3 мѣсяца	3 р. 50 к.	3 мѣсяца	3 р. 80 к.
1 мѣсяць	1 р. 30 к.	1 мѣсяць	1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Ринельевской и Позницкой ул., д. Баржанскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

„СВѢТЪ“ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. 1885.
 въ форматѣ обыкновеннаго листа
ВХОДИТЬ (кромя дней, слѣдующихъ за праздниками).

Начавъ издаваться съ 1 января 1882 года, «СВѢТЪ» имѣлъ невѣроятный и небывалый успѣхъ и сразу сталъ *САМОЮ РАСПРОСТРАНЕННОЮ ГАЗЕТОЮ ВЪ РОССІИ.*

Цѣна на „СВѢТЪ“

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ:

За годъ	4 р.
— полгода	2 р.
— четверть года	1 р.

Въсѣгъ съ тѣмъ, въ 1885 году, по прежнему будутъ выходить и **«ПРИЛОЖЕНІЕ РОМАНОВЪ»** къ газетѣ «СВѢТЪ».

Двѣнадцать романовъ въ годъ, по одному каждый мѣсяцъ, лучшихъ европейскихъ и русскихъ писателей. Романы иллюстрированы.

Цѣна на газету съ «ПРИЛОЖЕНІЕМЪ РОМАНОВЪ», съ пересылкою и доставкою:

на годъ (съ 11 романами) 8 руб.
$\frac{1}{2}$ года (съ 6 романами) 4 руб.
$\frac{1}{4}$ года (съ 3 романами) 2 руб.

Подписка на газету съ «Приложеніемъ Романовъ» принимается нераздѣльно на одинъ и тотъ-же срокъ.

Безъ газеты подписка на одни романы не принимается.

Письма и подписныя деньги адресовать: Сиб., редакция газеты «СВѢТЪ», Гороховая, № 47.

Редакторъ-издатель **В. В. Комаровъ.**

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. Сѣверо-Западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и за границею. Кромя корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей Сѣверо-Западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспонденцію въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ.	Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города.
На годъ 9 р. — к.	На годъ 10 р. — к.
— полгода 4 р. 50 к.	— полгода 5 р. — к.
— 3 мѣсяца 2 р. 40 к.	— 4 мѣсяца 3 р. — к.
За 1 мѣсяць — р. 80 к.	За 1 мѣсяць 1 р. — к.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленаго Вѣстника» (*Виленаго улицы, домъ г. Ленскаго*), въ копторѣ «Виленаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина (*Большая улица, собственный домъ*) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицы и другихъ городовъ.

ИЗВѢСТІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

въ 1885 году.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Въ 1885 году «ИЗВѢСТІЯ» будутъ выходить ежемѣсячными выпусками отъ 2 до 2 $\frac{1}{2}$ листовъ.

ПРОГРАММА: I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и другихъ Славянскихъ обществъ въ Россіи и за-границей. II. Славянское обозрѣніе. III. Славянскія бібліографическія извѣстія. IV. Объявленія.

Подписная годовая цѣна для всѣхъ подписчиковъ безъ различія въ Россіи и за-границей, съ доставкою и пересылкою, **ДВА РУБЛЯ**. Срокъ годовой подписки считается съ 1-го января 1885 года.

Подписка принимается въ *С.-Петербургѣ*, въ помѣщеніи «С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества», на площади Алексаидринскаго театра, домъ № 7. Тамъ-же можно подписываться на «Извѣстія» текущаго года по **ДВА РУБЛЯ** за экз.

Редакторы: **Н. Н. СТРАХОВЪ.**
И. И. СОКОЛОВЪ.

Отъ редакціи.

Журналь «Кіевская Старина» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамиліи, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одно изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ея не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородній-же высылаются *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-соятительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

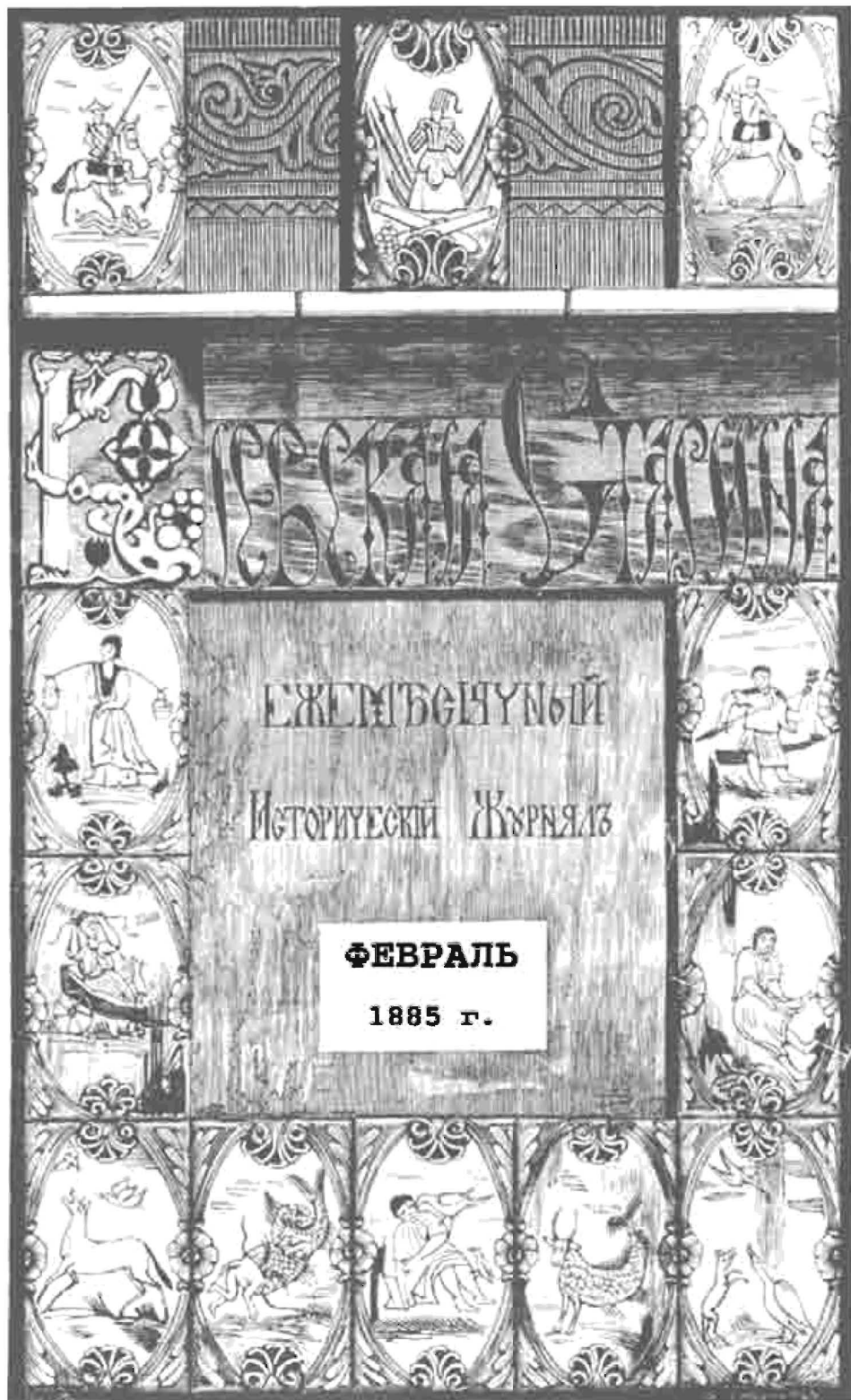
Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, съ возможно *четкою* перепишкѣ, безъ особыхъ поправокъ, и непреятливо съ полями, а не съ слонашими и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: кѣси, сказки, думки, и т. под. просимъ предварительно сѣять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіев. Старина“ принимается подписка на издающіяся во Львовѣ газеты:

1., „ДВЛО.“ Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

2., „ЗОРЯ.“ Газета научно-литературная, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; цѣна съ пересылкою 6 р. за годъ и 3 р. за полугодіе. Адресъ редакціи: Львовъ, улица Фредра, № 3.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XI. 1885 г.

Январь, 1885 г.

	СТР.
I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. Н. Ѡ. Сумцова.	1
II. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.	20
III. ПРИЛУЦКІЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЬ МИХАЙЛО МОВЧАНЬ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. В. Антоновича.	57
IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). С. Голубева. . . .	85
V. ДУНАЙЦЫ. А. Скальновскаго.	117
VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (<i>Продолженіе</i>). И. Ле- вицкаго.	133
VII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Пчела почаевская. Изборникъ назидательныхъ по- ученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподобныхъ Іовомъ, пчуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), издаанный въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственности рукописи преподоб- наго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи П. И. Цетрова. Почасвѣ. 1884 года.—С. Голубеву.—б) Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологиче- скаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг.—Н. Д.— в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—Г. . . .	157
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ.—П. Л.—б) Новый вариантъ думы «Лясскій Пенювичъ».—Н. Ѡ. Сумцова.—в) Нѣмецкій триянгельдъ на малорусской почвѣ.—С. Вльмискаго. ✓) Два письма Б. Хмель-	

никаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, великому гетману литовскому.—Сообщ. *Н. В. С. ко.*—д) Изъ народныхъ разсказовъ о Слободско-украинскихъ помѣщикахъ.—*А. Катрухина.*—е) Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—*Ф. И-на.*—ж) Изъ письма въ редакцію—з) Журнальчо газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.—*Ф. Н.* 177
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Февраль, 1885 г.

I. МАЛУРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ. <i>Н. В. Сумцова</i>	215
II. ВОСПОМИНАНИЕ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА. <i>Б. Суханова-Поднолзина</i>	229
III. ВОСПОМИНАНИЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. (О школѣ и грамотности въ кievской губерніи). <i>Бориса П-снаго.</i>	235
IV. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Отвѣтъ С Т. Голубеву). <i>П. Л.</i>	268
V. ОЦЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (<i>Продолженіе</i>)	282
VI. ХУДОЖНИКЪ КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ. (Біографическій очеркъ). <i>И. Бомерянова.</i>	308
VII. АВТОБІОГРАФІЯ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-Й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ. Съ предисловіемъ	318
VIII. БЪ БІОГРАФИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.	333
IX. КЪ ИСТОРИИ ПОГРАНИЧНЫХЪ НАПИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ. (Путевой журналъ секундъ маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года). Съ предисловіемъ <i>А. Андр.</i>	339
X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной бібліотекѣ. Изданіе виленской археографической комисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильва. 1884 г.— <i>И. Каманьина.</i> —б) Читенія въ импер. обществѣ исторіи и древностей российскихъ при моск. университетѣ. 1884 г. книга 2— <i>Ф. Н.</i> —в) Древнѣйшія карты Россіи. Гамбургъ. 1885—91.— <i>N. S.</i> —г) <i>Ив. Франко.</i> —Затаръ Беркутъ. Образъ громадскаго жияя Карпатской Руси въ XIII вѣдѣ. Львовъ. 1884 г.— <i>Г.</i>	357
XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Русская святыня па западѣ Европы.—б) Сербы въ Кіевѣ.—в) Волинская бывальщина.— <i>И. А. Шафарука.</i> —г) Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской	

исторія и этнографія. — *Н. Θ. Сумцова.* — д) Пребываніе императора Александра I-го въ Кіевѣ въ 1816 г. — Сообщ. *Левъ Мацневичъ.* — д) Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи. (Изъ письма въ редакцію). — *Г. Лебединца.* — е) А. О. Кистиковскій. (Некрологъ) — *И. Луцкичаго.* — ж) Библиографическое извѣщеніе. — *Г.*

377

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Мартъ, 1885 г.

- I. РЕЛИГИОЗНО-МИФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛУРУССКОЙ СВАДЬБЫ.
Н. Θ. Сумцова. 417
- II. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (*Продолженіе*) 437
- III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. (*Продолженіе*). *Н. М.* 465
- IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. *П. Л.—ва.* 500
- V. ЕЩЕ ЦЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. *Θ. Наминскаго.* 519
- VI. КЪ ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССИИ. 501
- VII. УНИВЕРСАЛЬ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУВА 1690 Г.
(Въ разрѣшеніе земельных претензій польской шляхты, изгнанной въ Черлиговщину при Хмельницкомъ) 529
- VIII. СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА 543
- IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остянкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издавъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г. — *Н. Θ. Сумцова.* — б) Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета. — *Дм. Багалъя.* — в) О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. *І. Секигова.* Спб. 1884 г. — *П. Голубовскаго.* — г) Писцовыя книги пинскаго и клецакаго княжества. Изданіе виленской археографической комисіи. Вильна. 1884 г. — *И. Каманина.* 551
- X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ статьѣ г. Беркина „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣрѣ“. — *П. Голубовскаго.* — б) Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи. — *А. Лоначевскаго.* — в) Германскій городъ. — *В. Е. Буцневича.* — г) Вулканъ въ Тавриѣ въ концѣ XVIII ст. — Сообщ. *С. Н. И.* — д) Кіевъ въ 1799 году. — *В. Горленка.* — е) Малорусская историческая шарада. — ж) Евгений Желеховскій. (Некрологъ). — з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи. — *Θ. Н.* 569
- XI. ДѢВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728 — 1753 г.) (*Продолженіе*). 129—144

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Апрѣль, 1885 г.

	стр.
I. КИРИЛЛЪ И МЕФОДИЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ	I—VI
II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюдений). Бориса П—снаго	613
III. ЮАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.). Н. Ѡ. Сумцова	649
IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (<i>Продолженіе</i>)	678
V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. Николая Баная	716
VI. УНИВЕРСАЛЪ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернар- дянскыхъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ)	743
VII. ПРОЕКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕН- НЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССИИ ОБЛАСТЯХЪ	746
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.— <i>И. Сумцова</i> .—б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.—в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.— <i>И. Каманина</i> .—г) П. Л., Кіево-михайловскій золотоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.— <i>И. Каманина</i> .	755
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мураковскій договоръ козаковъ съ поля- ками 1625 года.—Свщ. <i>В. Никифорова</i> .—б) Кіевская актовая рѣчь 1841 года.—Сообщ. прот. <i>Е. Попруженко</i> .—в) Къ характе- ристикѣ шляхетско-козакаго быта XVIII в.— <i>Ѡ. Н.</i> —г) Изъ фамиль- ныхъ преданій.— <i>С—ка</i> .—д) Наслѣдники запорожскихъ земель.—Сообщ. <i>Д. Баилль</i> .—е) Изъ времяя польскаго возстанія 1863 года.— <i>И. Ревы</i> .—ж) Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.—з) Три малорусскія пѣсни изъ періода крымской компа- ніи.—Сообщ. <i>Н. И. Барсовъ</i>	767
X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (<i>Продолженіе</i>)	145-160

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ХІ.

ФЕВРАЛЬ.

1885 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Г. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. доми.

Дозволено цензурою. Київъ, 30-го января 1884 года.

МАЛУРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ.

При первомъ, поверхностномъ взглядѣ на малорусское село возникаетъ мысль объ однообразіи фамильныхъ прозваній. Цѣлые ряды хатъ населены семьями одного фамильнаго прозванія, положимъ, Лободами, Петренками, и самыя улочки и закоулки сельскіе получили потому названіе Лободивки, Петренкивки. Нужно присмотрѣться къ дѣлу ближе; нужно распросить людей съ фамиліями Лободы, Петренка и проч., по возможности, порознь, и тогда откроется все характерное разнообразіе фамильныхъ прозвищъ въ малорусскомъ простонародьѣ. Положимъ, въ десяти и болѣе дворахъ, рядомъ лежащихъ, живутъ все Петренки; но почти каждый домохозяинъ, кромѣ общаго фамильнаго или родоваго прозванія, имѣетъ еще свое особенное прозвище, выдѣляющее его изъ ряда Петренковъ. Почти каждый крестьянинъ малороссъ, по достиженіи совершеннолѣтія, кромѣ личнаго имени, имѣетъ два или три прозвища: одно прозвище, документально засвидѣтельствованное въ спискахъ населенія, вообще закрѣпленное на письмѣ, и потому устойчивое, часто довольно старинное по времени возникновенія, и два или три прозвища сравнительно новыя, прозвища уличныя.

Личныя и фамильныя прозвища возникаютъ въ народѣ въ силу настоящей необходимости отчетливаго и жизненнаго различенія лицъ семействъ, но характернымъ ихъ особенностямъ, необходимости, тѣсно связанной и непосредственно вытекающей изъ духовнаго народнаго творчества. Можно сказать, что и въ созданіи фамильныхъ прозвищъ выступаетъ въ видѣ частнаго проявленія тотъ же творческій духъ народа, который въ болѣе ясныхъ и

отчетливыхъ формахъ выразился въ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ. Въ данномъ случаѣ принимаются во вниманіе самыя типичныя черты людей, ихъ физическаго и нравственнаго облика; для выраженія этихъ чертъ изъ лексическаго состава языка выбираются самыя характерныя и меткія слова, и такимъ образомъ создается нѣчто столь выразительное въ видѣ личнаго или фамильнаго прозванія, что село принимаетъ его всецѣло, какъ памятникъ извѣстнаго проявленія текущей жизни.

Какъ быстро создаются личныя прозванія и какъ быстро они пріобрѣтають въ селѣ право гражданства, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ, представляющемъ одинъ изъ огромнаго числа сходныхъ случаевъ сельской жизни. Въ одномъ селѣ ахтырскаго уѣзда проживаетъ нѣкій Иванъ Кириченко, мужикъ уже пожилой, лѣтъ пятидесяти, бодрый и подвижной, съ открытымъ и красивымъ лицомъ, умный и грамотный, настолько грамотный, что хорошо читаетъ книги гражданской печати и свободно пишетъ. Одно лишь плутовское выраженіе большихъ сѣрыхъ глазъ выдаетъ хищническую сторону его природы. И вотъ этотъ человекъ, выдающійся по уму и грамотности, съ хорошими денежными средствами, среди бѣлаго дня на базарѣ укралъ съ воза ременные возжи, былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и, по скорому крестьянскому самосуду, больно избитъ возжами. Съ тѣхъ поръ Иванъ Кириченко прослылъ Вижататымъ; такъ его зовутъ въ селѣ всѣ отъ мала до велика, и старое прозваніе приходитъ въ забвеніе.

Фамильныя прозванія крестьянъ, какъ многія другія проявленія народнаго быта, не могутъ быть вставлены въ строго размѣренныя хронологическія и историческія рамки. По давности уличныя прозванія весьма различны. Одни прозванія возникли при дѣдахъ, перешли къ сыновьямъ, внукамъ, и послѣдніе забыли причину возникновенія прозванія и его первоначальный смыслъ. Другія прозванія возникли десять, пять лѣтъ назадъ, произоше лѣто, у всѣхъ на виду, и по новости своей еще не успѣли пріобрѣсти въ селѣ полнаго права гражданства.

Любопытное документальное свидѣтельство о малорусскихъ фамильныхъ прозвищахъ относится ко второй половинѣ семнадцатаго вѣка. Въ 1667 г. стольникъ Кикинъ пріѣхалъ въ Полтаву для разясненія и устраненія столкновенія козаковъ съ воеводой. Овъ

сравнилъ имена козаковъ челобитчиковъ со сказкой воеводы и нашель, что многіе козаки прозвищами не сошлись, что одно и тоже лицо имѣеть по нѣскольку прозваній. Киякинъ обратился къ полтавскому полковнику Витязенку за разъясненіемъ. «А что козаки прозвищами не сходятся, то это потому, объяснилъ ему полковникъ, что у насъ на Украинѣ обычай такой: называются люди разными прозвищами; у одного человѣка прозвища три или четыре: по отцу, по тестю, по тещѣ, по женамъ прозываются; вотъ почему одни и тѣ же люди у воеводы въ мужицкомъ спискѣ писаны одними прозвищами, а у насъ въ полковомъ козацкомъ другими»⁴⁾.

Исслѣдователь малорусскихъ фамильныхъ прозваній располагаетъ громаднымъ матеріаломъ, совершенно сырымъ, чрезвычайно разнообразнымъ. Полнота изложенія и несомнѣнная вѣрность выводовъ въ приложеніи къ фамильнымъ прозваніямъ—дѣло въ настоящее время невозможное, по причинѣ отсутствія вспомогательныхъ статей, мѣстныхъ изслѣдованій. Съ теченіемъ времени, съ выходомъ въ свѣтъ хорошаго малорусскаго словаря (хотя-бы на премію П. И. Костомарова), съ разъясненіемъ лексическаго состава малорусскаго языка, при учебной разработкѣ народной этимологіи, фамильныя прозвища, можно надѣяться, послужатъ предметомъ спеціального изслѣдованія. Интересъ такого изслѣдованія увеличится и осложнится, если въ него войдутъ, наравнѣ съ фамильными прозвищами, характерныя наименованія урочищъ, селъ, рѣкъ, явлений природы, животныхъ, растений, болѣзней, кушаньевъ, одежды, дѣтскихъ игръ.

Безъ ошибки можно сказать, что въ современныхъ крестьянскихъ фамильныхъ прозвищахъ живетъ старая Малороссія. Въ селахъ харьковской губерніи встрѣчаются, напримѣръ, крестьяне съ фамильными названіями Сагайдачный, Хмельницкій, Богунъ. Въ числѣ полтавцевъ, убитыхъ въ Болгаріи въ 1877 г., оказываются Скорина и Могила,—фамильныя прозванія, знаменитыя въ исторіи. Впрочемъ Францискъ Скорина XVI ст. и Петръ Могила XVII ст. по происхожденію были чужды малоруссамъ, и самыя ихъ фамильныя прозванія, однозвучныя съ фамильными прозваніями несчаст-

⁴⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XII, стр. 12—13.

ныхъ жертвъ войны, могутъ подлежать совсѣмъ особому филологическому объясненію.

Повидимому, мѣстной чертой представляется обыкновеніе крестьянъ харьковской губерніи, преимущественно лебединскаго уѣзда, личное имя ставить послѣ фамильнаго прозванія; напримѣръ: Ходакъ Иванъ, Новакъ Антинъ, Василенко Петро. Когда спрашиваютъ крестьянина о его имени или прозвищѣ, то онъ не ограничивается тѣмъ или другимъ, а выкладываетъ ихъ рядомъ, полагая на первое мѣсто прозвище, какъ наиболѣе общее и широкое обозначеніе лица и затѣмъ дополняя его именемъ личнымъ.

Фамильныя прозвища весьма разнообразны по окончаніямъ и внутреннему значенію. Слѣдующія окончанія свойственны малорусскимъ фамильнымъ прозваніямъ:

- 1) *ко*: Канько, Райко, Панько и др...
- 2) *ка*: Прядка, Коробка, Маленка...
- 3) *акъ, якъ*: Щербакъ, Шулякъ, Радовичакъ...
- 4) *икъ*: Осовикъ, Гуликъ, Соленикъ...
- 5) *окъ*: Чалокъ, Рачокъ, Цыганокъ...
- 6) *укъ, юкъ, юхъ*: Дундукъ, Челюкъ, Болюкъ, Артюхъ...
- 7) *ай*: Версай, Бакай, Гутай...
- 8) *аа, ааа, яа*: Шульга, Дувага, Дубяга...
- 9) *анъ, анъ*: Дараганъ, Рубанъ, Щербанъ...
- 10) *аль, аръ*: Пахаль, Свичкаръ, Свинаръ...
- 11) *ахъ, аха*: Томахъ, Черепаха, Мантаха...
- 12) *ачъ*: Трембачъ, Сурмачъ...
- 13) *ача*: Педашъ, Кардашъ...
- 14) *ешъ*: Дерешъ, Мелешъ...
- 15) *ышъ*: Славышъ, Гладышъ...
- 16) *еуъ*: Лабунецъ, Рицунецъ, Луговецъ...
- 17) *яа*: Братыця, Пваныця...
- 18) *ій*: Бучмій, Багаій, Бурлій...
- 19) *инъ*: Высочинъ, Добровичъ...
- 20) *ичъ*: Катричъ, Навичъ, Самойловичъ...
- 21) *унъ, унъ*: Корсунъ, Богунъ, Баювъ...
- 22) *на, ня*: Щербица, Борозна, Потебня, Варевя...
- 23) *но*: Дахно, Пхно, Сахно...
- 24) *илъ*: Гудимъ, Бутрымъ, Рудимъ...

- 25) *оль, яль*: Хроль, Мняль...
 26) *ло*: Мурмыло, Подобайло...
 27) *скій, цкій*: Новгородскій, Буцкій...
 28) *стый*: Ярмистый, Женжуристый...
 29) *ра, рл*: Манжура, Матора, Хухря...
 30) *ный*: Головурный, Буденный...
 31) *да*: Лагода, Штогда, Шелегеда, Жейда, Курда...
 32) *ись*: Чупльмись, Номись...
 33) *усь*: Левусь, Бреусь, Усь...
 34) *бей*: Кочубей, Камбей...

Самый обширный отдѣлъ фамильныхъ прозвищъ составляютъ прозвища, произведенныя *отъ личнаго имени родителей*, отца или матери, преимущественно отца или, чрезъ отца, отъ личнаго имени дѣда, прадѣда. Наряду съ Василенками, Петренками встрѣчаются Химченки, Степенки, Домничи, Катричи, Палажченки и другія прозвища отъ женскихъ личныхъ именъ. Отъ одного и того-же личнаго имени производится много фамильныхъ прозваній; напримѣръ, отъ Петра Петренко, Петраченко, Петрикъ, Петриченко, Петрусь, отъ Давиѣла Данилейко, Давилченко, Данильчукъ, Данчукъ, Данушка. Къ разсматриваемому отдѣлу фамильныхъ прозвищъ относятся Антонюкъ, Пилипанъ, Романика, Андрияшъ, Григорашъ, Богданко, Грицай, Федорка, Федакъ. Такъ какъ личныя имена крестьянъ гораздо болѣе разнообразны, чѣмъ личныя имена дворянъ, то среди первыхъ не трудно встрѣтить фамильныя названія Харченко (отъ Харитона), Кононенко, Артеменко, Гапоненко (отъ Агафонъ) и т. п. Разнообразіе это зависитъ отчасти отъ различнаго положенія священника въ селѣ и въ городѣ. Сельскій священникъ относится къ своимъ прихожанамъ болѣе или менѣе свысока, какъ къ людямъ, стоящимъ на нижней сравнительно съ нимъ степени духовнаго развитія, не стѣняется ихъ мнѣніями и потому даетъ новорожденному имя того святого, память котораго празднуется въ день рожденія младенца или въ день первой о немъ молитвы. Въ городѣ священникъ подчиняется мнѣніямъ и желаніямъ интеллигентныхъ родителей новорожденнаго и даетъ ему имя, по выбору родителей, изъ наиболѣе употребительныхъ въ образованномъ обществѣ личныхъ именъ.

Вторую, весьма обширную группу прозвищъ фамилныхъ составляютъ прозвища *по мѣсту жительства*. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ различать два отдѣла: въ первый отдѣлъ входятъ прованія по первоначальному, старинному мѣсту жительства, откуда произошло выселеніе; во второй отдѣлъ прованія по данному мѣсту жительства, по наиболѣе характерной особенноти той мѣстности, гдѣ находится хата. Въ первый отдѣлъ входятъ прозвища: Миргородскій, Новгородскій, Водолажскій, Трипольскій, Сумецъ и др. Во второй отдѣлъ—Луговецъ, Залузанный, Гаевый, Боровый, Лозовый, Степовый, Бузынный, Очеретяный, Пиддубный, Байракъ (известный запорожскій атаманъ), Забайрачный. Къ этому-же отдѣлу слѣдуетъ отнести такія прозвища, какъ Криничный, Бережный, Балужный, Кутнякъ, при первоначальномъ своемъ появленіи обозначавшія нахожденіе хаты у колодца, или на берегу рѣчки, или на низкомъ мѣстѣ, гдѣ весной бываетъ большая лужа, или въ сельскомъ закуулкѣ. Сюда-же можно приурочить прозвища Новохатскій и болѣе ясное, вполне народное Новохатко.

Къ числу весьма характерныхъ фамилныхъ прованій и въ добавокъ весьма многочисленныхъ принадлежатъ прованія *по выдающимся особенностямъ фізіономіи или характера*. Сюда относятся: Лайко, Бій, Войко, Побиванецъ (первоначально забіяка); Буй, Гордына, Громовый (гордый, грозный); Дубяга, Зализнякъ, Жила (крутой человекъ); Левенецъ, Хвижнякъ (хищный); Мурмыло, Нежывый, Черепаха, Несмалпыый, Кислякъ (лѣгкій, угрюмый); Горячий, Метла (въ XVII ст. начальникъ одного козацкаго отряда), Вертій, Борзый, Щиракъ, Баско (дѣятельный, быстрый); Лагода, Розумъ, Мозговой, Човыцло (умный); Патока, Солодай, Солодкій, Лашевко (краснорѣчивый, услужливый); Свѣтлишый, Славишый, Женжуристый, Чепурный, Хорошунъ, Самоквизъ и т. п. Кромѣ того, встрѣчаются прозвища: Насыпайко, Сухомлинъ, Микомелинъ, вѣроятно прозвища мирошниковъ по первоначальному своему происхожденію и значенію. Однородныя прозвища по росту, по физическимъ недостаткамъ, какъ-то: Величко, Довгаль, Малышъ, Малецъ, Куценко, Косякъ, Щербакъ, Ковтуль, Криворучка, Дзюба, Карбань, Шпракко, Ключка, Занка, Губа, Безпалько, Головатый, Спильный, Безбородко. Сюда-же относятся прозвища: Забудько, Приходько, Засядко, Заходько (частый гость). Къ этому отдѣлу тѣсно примы-

кають прозвища по цвѣту лица или одежды: Чернота, Чернышъ, Сирко, Билыкъ, Бѣлашъ, Червонный и т. п. Наконецъ, къ этому отдѣлу можно приурочить фамилыныя прованія, свидѣтельствующія о матеріальномъ достаткѣ лица. Въ крестьянскомъ быту каждый грошъ на счету, и всякое матеріальное приобрѣтеніе подлежитъ суду общественнаго мнѣнія. Отсюда значительное число такихъ прозвищъ, какъ Копило, Роздобудько, Борзобогатый, Скоробогатый, Багацько (въ Запорожьѣ былъ судья Богацько), Видияженко, Сирмаха, Сирота, Голый, Пейжченко.

Весьма распространены прованія *по ремеслу*. Наибольше свойственныя сельскому быту ремесленныя занятія сапожное и кузнечное дали наибольшее число фамилыныхъ прозвищъ. Нѣтъ такого села, гдѣ не было-бы Шевченка и Коваля, Ковалевскаго, Ковальчука; встрѣчаются также Кравченки, Бондаренки, Рыбасы, Рымари, Котляры, Кушпиры, Мирошниченки, Винниченки, Черевинные, Склярки и Шкляревскіе (склярить—стекольщикъ), Тесли, Справники (справникъ—плотникъ), Шаповалы. Сюда-же относятся такія прованія, какъ Крамарь, Базарный и т. п.

Особнякомъ стоятъ фамилыныя прозвища *отъ имени числительныхъ*; напримѣръ, Половинченко, Одионецъ, Первакъ, Пивторакъ, Третьякъ, Пятакъ, Шостакъ, Семеренко, Десятинъ, Сороковый. Что въ языкѣ и обыденной жизни прозвища этого рода представляютъ нѣчто особенное, своеобразное, видно изъ того, что производныя отъ нихъ прованія на *ко* и *скій*, исключая прованія Третьяковскій, встрѣчаются рѣдко. Дѣло въ томъ, что причина возникновенія прозвища по числительному имени скоро теряется изъ памяти, и прозвище дѣлается отвлеченнымъ фамилынымъ значкомъ. Въ моментъ возникновенія прозвища смыслъ его бываеъ ясенъ; напримѣръ, Одионецъ означаетъ крестьянина бобыля или одинокаго жителя въ лѣсу; Пивторакъ,—когда при одномъ хозяинѣ работникъ находится слабое и малосильное существо, требующее прокормленія. Пятакъ при своемъ возникновеніи могло означать то-же, что означаетъ встрѣчающагося въ Малороссіи прозвище Пятибратъ.

Прозвища *по названіямъ животныхъ* не принадлежатъ къ числу распространенныхъ. Въ исторіи Малороссіи встрѣчается однако довольно много дѣятелей съ такого рода прозвищами; напримѣръ: Гоголь, Крыса (сотникъ при Богданѣ Хмельницкомъ), Шпакъ (брак-

лавскій полковникъ), Цугачъ (гайдамацкій ватажокъ), Орликъ (гетманъ), Сичъ (кошевой атаманъ), Муха, Куликъ (козацкіе полковники), Голубъ (генеральный бунчужный при Самойловичѣ), Кишеа (герой народной думы).

Повидимому, болѣе распространены въ настоящее время фамильныя прозвища *по названіямъ растений*. Сюда относятся фамильныя прозванія: Верба, Дубъ, Калива, Лобода, Шандра (шандра—огородная трава въ родѣ мяты, ею вытираютъ внутри улья, чтобы пчелы плодились), Березка, Малина, Маслакъ, Рѣпка (харьковскій полковникъ въ XVII ст.), Хмель (кіевскій купецъ въ XVII ст.), Бодянский (бодякъ—*impinella anisum*), Часныкъ, Гречка, Кулибаба (кулибаба—одуванчики, *leontodon Taraxacum*). Фамильное прозваніе Эварницкій, вѣроятно, представляетъ испорченную форму отъ первоначальнаго Яворницкій; послѣднему соответствуетъ извѣстное въ исторіи прозвище Яворскій. Квитки, благодаря лингвистическому родству своего фамильнаго прозвища съ цвѣтами, создали на эту тему поэтическій разсказъ о происхожденіи своей фамиліи и связали его съ основаніемъ Харькова. Разсказъ этотъ въ литературной формѣ изложилъ Г. О. Квиткой въ «Молодикѣ».

Къ числу характерныхъ фамильныхъ прозвищъ принадлежатъ прозвища *по названіямъ кушаньевъ и разныхъ предметовъ домашняго обихода*; напримѣръ, Галушка, Борщъ, Коряжъ, Кнышъ, Мандрыка, Кисель, Макуха, Балабуха, Скрышка, Халява, Сокирка, Лантухъ, Лембикъ (лембикъ—мѣдный сосудъ для перегонки и очистки водки). Фамильныя прозванія разсматриваемаго разряда устойчивы; производныя отъ нихъ встрѣчаются рѣдко.

Малороссіявъ считаютъ юмористами отъ природы. Таковую репутацію укрѣпили за ними Котляревскій, Квитка и Гоголь. Дѣйствительно, склонность къ юмору проникаетъ все существо малоросса, сказывается въ народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ. Какъ всякій юморъ, юморъ малоросса не заключаетъ въ себѣ элемента злобы. Это проявленіе насмѣшки надъ слабостями человѣка, при любви къ человѣку. Проявилась склонность малоросса къ юмору и въ фамильныхъ прозваніяхъ. Прозваніе Махина (пѣчю очень большое) встрѣчается въ приложеніи къ человѣку небольшого роста и, наоборотъ, къ шутку прозываютъ рослаго парубка Малютой. Нѣкоторыя прозвища по кушаньямъ, животнымъ (мелкимъ) и растені-

ямъ (дурнаго свойства) возникли изъ насмѣшки; напр. Жукъ, Муха, Макуха. Чистымъ порожденіемъ насмѣшки являются прозвища Бабій, Салогубъ, Верещака, Вытрищака, Чсчекало, Вошколупъ, Заплюсвичка, Пупъ, Подлипа, Приблуда, Мара, Довгопять, Доброштанъ, Маргуха, Прилипка, Плакса, Кандыба (въ Подоліи кандыба—дрянная лошадь ¹⁾), Кривошапка. Сюда-же относятся такія прозвища, какъ приведенныя выше: Вертій, Кислякъ, Метла. Попадаются въ этомъ разрядѣ прозвищъ довольно страшныя, напримѣръ, Огченагъ, Продай-вода, Уворвикипки.

Издѣдка попадаютъ прозвища съ указаніемъ на историческое явленіе или событіе; напримѣръ, Гайдукъ (гайдукъ, слово венгерское, означало въ старину рослаго лакея; нынѣ гайдукомъ называютъ одинъ родъ шанца), Сердюкъ (сердюками назывались козаки, составлявшіе гвардію гетмана и служившіе на жалованьѣ) и Палій—довольно распространенное нынѣ прозваніе фамильное. Въ старину Паліемъ называли того, кто жегъ непріятельскія села; такъ Паліемъ называли знаменитаго Іеремію Вишневецкаго. Впрочемъ выпѣ прозвище Палій можетъ снова возникать, какъ насмѣшливое прозваніе крестьянина, спалившаго по неосторожности свою хату. Повидимому, очень любопытная историко-бытовая черта кроется въ прозвищѣ Мороховецъ, встрѣчающемся въ харьковской губерніи среди крестьянъ. Судя по этимологіи слова, Мороховцемъ назвали впервые того, кто спасъ свою жизнь, спрятавшись въ моръ или рѣгѣ. Во время набѣговъ татаръ или послѣ неудачныхъ военныхъ столкновеній съ татарами, малороссійскіе, преимущественно хитрые на всякія штуки запорожскіе козаки скрывались или въ лѣсу, гдѣ былъ лѣсъ, или въ рѣчныхъ камышахъ, или прятались съ головой въ водѣ, причемъ во рту держали длинную очеретинку, пустую въ серединѣ, чтобы втягивать черезъ нее воздухъ. Этотъ страшный способъ самосохраненія, разумѣется, имѣлъ мѣсто лишь въ крайнихъ случаяхъ опасности, въ безлѣсной мѣстности, гдѣ оказывался вблизи очереть.

Малороссы въ старинное время стояли въ тѣсной связи съ своими сосѣдями: татарами, молдаванами, поляками, съ половины XVII ст. съ великороссіянами; въ Украинѣ было много разныхъ инородцевъ: грековъ, армянъ, въ особенности цѣмцевъ и евреевъ.

¹⁾ Чубякскій, Труды эт.-ст. эсеп. т. VII и I, стр. 262.

Однихъ тянула въ Малороссію жажда легкой торговой наживы; другіе являлись, какъ грабители и хищники; третіи какъ мирные колонисты и ремесленники. Въ широкое малорусское этнографическое русло вливалось много стороннихъ этнографическихъ струй и потоковъ. Примѣсь инородческаго элемента обнаруживается въ физическихъ очертаніяхъ малоросса, въ особенностяхъ его нравственнаго характера, въ одеждѣ, въ многихъ событіяхъ и явленіяхъ прошлой исторической жизни, въ языкѣ, въ фамиліальныхъ прозвищахъ. Инородческая примѣсь измѣнялась по мѣстностямъ, въ однихъ мѣстахъ проникалъ литовскій элементъ, въ другихъ молдавскій, въ третьихъ ощущалось вліяніе нѣмцевъ или татаръ. Несомнѣнно присутствіе въ старинное время въ Малороссіи *румынъ*; замѣтно румынское вліяніе въ области названій по скотоводству; извѣстно, что Румынія дала Украинѣ Памву Берынду и Петра Могилу, Украина помогала молдаванамъ своими военными силами и типографіями. Насколько значителенъ румынскій элементъ въ фамиліальныхъ прозваніяхъ во всей Малороссіи, судить трудно; можно только сказать, что въ восточной ея части элементъ этотъ весьма незначителенъ, хотя и тутъ попадаются такіа фамиліи, какъ Стратула, Волохъ, Бонческулъ.

Сколько можно судить по имѣющемуся у насъ подъ руками матеріалу, составляющему небольшой отрывокъ изъ громаднаго цѣлага, въ числѣ крестьянскихъ и даже аристократическихъ малорусскихъ фамиліальныхъ прозвищъ *прозвища нѣмецкаго происхожденія* составляютъ ничтожный процентъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что въ языкѣ малорусскомъ много нѣмецкихъ словъ. Повидимому, нѣмцы въ старинное время оказывали на Малороссію значительное культурное вліяніе; несомнѣнно, что вліяніе это шло не только посредствомъ Польши, но и непосредственно отъ нѣмецкихъ колонистовъ, торговцевъ, ремесленниковъ и наемныхъ нѣмецкихъ ратныхъ людей, проживавшихъ въ правобережной Украинѣ, преимущественно въ городахъ. Оказывая на малороссовъ вліяніе относительно ремесленныхъ занятій и домашняго быта, нѣмцы однако стояли особнякомъ, очень мало смѣшивались съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ. Извѣстная малорусская фамилія Сулимъ производилась отъ нѣмецкихъ графовъ Солмъ. Изъ украинскихъ фамиліальныхъ прозвищъ нѣмецкаго происхожденія за-

служиваетъ вниманія прозвище Гизель, которое въ половинѣ XVII ст. носилъ извѣстный ученостью и благотворительностью кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій. Виниевскій ошибочно слово Гизель считалъ испорченною формою слова Кисель и даже роднилъ Иннокентія Гизели съ извѣстнымъ Евстафіемъ Киселемъ («był podobno bratem Kisiela Gustachego»¹⁾). Гизель—пѣмецъ по происхожденію, и на мѣстѣ его родины, въ Пруссіи, его фамиліное прозвище, должно быть, звучало Gesell, что значить товарищъ, веселый паренъ. Придерживаясь такого словопроизводства, начальное *Г* нужно произносить твердо и удареніе дѣлать на второмъ слогѣ. Что современники Гизели начальное *Г* произносили твердо, видно изъ того, что поляки писали Gisiel, а малороссіяне Кгизель.

Говоря о малорусскихъ фамиліныхъ прозвищахъ татарскаго происхожденія, нужно сказать противное тому, что было сказано о прозвищахъ нѣмецкаго происхожденія. Повидимому, фамиліныхъ прозвищъ татарскаго происхожденія гораздо болѣе, чѣмъ татарскихъ словъ въ обозначеніи предметовъ хозяйства, домашняго быта. Исторія доказываетъ, что между татарами и малороссами было тѣсное общеніе, правда, для послѣднихъ невольное и горькое, общеніе преимущественно военное, отчасти торговое. Существовало даже особое слово «тума», которое означало человѣка, происшедшаго отъ помѣси татарской и русской крови, а можетъ быть, лишь родившагося въ Крыму²⁾. Въ началѣ XVI ст. въ составъ западно-русскихъ дворянскихъ фамилій вошли крещенныя татарскія семьи Глипецкихъ, Кобызевичей, Шабловскихъ и друг. Татарскіе земляне съ правами шляхтичей встрѣчаются въ южной Россіи въ XVI стол., напримѣръ, въ острожскомъ повѣтѣ. Въ числѣ жителей города Черкасскъ 1536 г. встрѣчаются Берендѣй, Янь-Меликъ-бана³⁾. Казацкій гетманъ Павлюкъ Баявъ († 1637) былъ сынъ крещенаго турка. Въ числѣ главныхъ сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго стоитъ крещеный татаринъ Джеджалыкъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ настоящее время въ малорусскомъ простонародьи встрѣчается много фамиліныхъ прозвищъ татарскаго происхожденія, какъ тяжеловѣсный обло-

¹⁾ Wiszniewski, Hist. liter. polskiej, т. XIII, стр. 421.

²⁾ Потебня, Къ исторіи звуковъ, т. II, стр. 14.

³⁾ «Кіевская Старина», 1884 г., сентябрск. кн., стр. 19, 27.

мокъ южно-русской старицы. Довольно часто встрѣчаются крестьяне съ прозвищами Ходжа, Баша, Якубовичъ, Кочубей, Дундукъ (въ татарскомъ языкѣ дундукъ—угрюмый, суровый), Кучмій, Колча, Озамать, Бунякъ, Бурдукъ, Джулай, Келабъ, Кафунъ, Бузукъ. Можно сказать, что почти всѣ прозвища, оканчивающіяся на *бей*, и весьма многія съ окончаніемъ на *ай, ій, укъ, юкъ* татарскаго происхожденія. Прозвище Сагайдачный—также иноземнаго, вѣроятно, татарскаго происхожденія. Слово сагайдакъ давно уже вошло въ русскій и малорусскій языки въ значеніи тула, владальца для стрѣлъ. Такъ объясняетъ это слово и Памво Берында въ «Лексиконѣ словенороссійскомъ» 1627 года. Фамильныя прозвища Чугай, Чугуевецъ, Чугаевъ, Чугинъ—татарскаго, быть можетъ, даже половецкаго происхожденія. Между половецкими князьями встрѣчается Чуга. Слово «чуга», какъ составная часть, входитъ въ наименованіе городовъ Чугуевъ, Кременчугъ.

Измѣненіе малорусскихъ фамильныхъ прозвищъ происходило подъ вліяніемъ тѣхъ культурныхъ движеній, которыя обнаружались въ обществѣ. Фамильныя названія видоизмѣнялись въ угоду той или другой группѣ дѣятелей, которая возвышалась надъ народомъ культурнымъ образомъ или административнымъ своимъ положеніемъ. Даже въ такомъ случаѣ, когда высотѣ административнаго положенія не отвѣчала высота культурнаго развитія господствующей въ обществѣ группы дѣятелей, господствующая въ краѣ сила все-таки давала извѣстное направленіе мѣстной, краевой жизни, подтягивала ее подъ тѣ или другія формы общественнаго существованія и, видоизмѣняя разные проявленія народпой жизни, измѣняла и прозвища фамильныя. Отрѣшеніе общества отъ народа, отдѣленіе людей знатныхъ и уроженцевъ отъ тѣхъ, что «пѣть одной мисочки борщикъ хлебчуть и сами собі панове и слуги суть», возникновеніе и усиленіе духовнаго разрыва между высшими и низшими слоями народа немедленно отражалось на фамильныхъ прозваніяхъ, вызывая ихъ видоизмѣненіе.

Уже въ первые годы XVII ст. благомыслящіе малороссіянцы жаловались на колонизированіе южно-русскихъ фамильныхъ прозваній, какъ на явный признакъ пренебреженія къ родному краю и къ православной вѣрѣ. Суровый инокъ афонской горы Іоаннъ Вишенскій рѣзко упрекалъ южнорусскую аристократію въ стремленіи подлизываться къ польскому панству и покупать его милостивое обхож-

денія переменной религіозныхъ вѣрованій, праѣдовскаго языка, обычаевъ, фамильнаго прозванія. Незвѣстный авторъ «Перестроги» отмѣтилъ то, въ началѣ XVII ст. уже достаточно замѣтное, бытовое явленіе, что «русскіе, войдя въ общеніе съ поляками, позавидовали ихъ обычаямъ, языку и наукамъ и, не имѣя своихъ наукъ, въ науки римскія своихъ дѣтей стали отдавать; науки-же, вліяя на дѣтей съ малолѣтства, всю аристократію русскую перевели въ римскую вѣру, такъ что потомки русскихъ князей изъ православной вѣры перешли въ римскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ поизмѣняли свои фамиліи и имена, какъ будто никогда и не назывались потомками благочестивыхъ прародителей своихъ»¹⁾. Полонизированіе фамильнаго прозванія часто являлось результатомъ политическаго сближенія съ поляками и истекавшаго отсюда проявленія шляхетскаго гонора; такъ, извѣстный въ исторіи Малороссіи XVII ст. Золотаренко, облизившись съ поляками, сталъ называться Златаревскимъ. Въ «Исторіи Руссовъ» Ковисскаго встрѣчается заслуживающее вниманія свидѣтельство, что малороссіянне иногда измѣняли свои фамильныя прозванія на польскій ладъ, вездѣстніе притѣсненій со стороны латино-уніатовъ, и такимъ образомъ изъ Ходыки вышелъ Ходаковскій, изъ Чаплина Чаплинскій, изъ Бурка Бурковскій.

Несвойственное малорусскому языку окончаніе фамильнаго прозвища на *овъ* имѣютъ многіе интеллигентные малороссіянне изъ дворянъ. Въ старинное время, съ переходомъ лица изъ крестьянскаго сословія въ дворянское, окончанія *овъ* или *инъ* являлись, какъ гербовый знакъ сравнительно высшаго общественнаго положенія. Съ цѣлью облагородить фамильное прозвище не только охотно принимали окончаніе *овъ*, но, если фамильное прозваніе было составное, изъ двухъ словъ, то измѣняли одно изъ составныхъ, почему-либо неудобное слово; такъ изъ Салогубъ возникло Соллогубъ. Нужно замѣтить, что окончаніе *овъ* возникло иногда чисто канцелярскимъ или приказнымъ путемъ. Въ старинное время въ московскомъ государствѣ личность, какъ извѣстно, была принижена, и это приниженіе, между прочимъ, выражалось въ урѣзкѣ фамильнаго прозванія. Немногія лица и лишь съ царскаго соизволенія могли пользоваться отчествомъ своимъ на *вичъ*. Для лицъ незнатныхъ это *вичъ*

¹⁾ Акты западной Россіи, т. IV, № 149, стр. 204.

отбрасывали и вмѣсто него ставили *овъ*, какъ выраженіе приниженнаго положенія лица. Если и фамиліное названіе оканчивалось на *вичъ*, то и съ нимъ поступали такимъ-же образомъ. Извѣстные въ малорусской исторіи политическіе дѣятели XVII вѣка, епископъ Меосдій Филимоновичъ и протоіерей Адамовичъ, въ московскихъ актахъ XVII столѣтія обозначены—первый Филимоновичъ, второй Адамовичъ. Точно также Самойловича, по удаленіи его отъ гетманства, называли Самойловичемъ.

Много характерныхъ фамиліальныхъ прозваній было измѣнено въ старину архіереями и ректорами духовныхъ семинарій. Поступаетъ въ духовное училище, положимъ, какой-нибудь Кныпъ, Халыва или Горобецъ; преосвященный пересматриваетъ списокъ учениковъ и переименовываетъ Кныша въ Меліоралскаго, Халыву въ Орпатскаго, Горобца въ Сперанскаго. Иногда новое прозваніе представляло простой переводъ на латинскій или греческій языкъ малорусскаго прозвища, а такое обыкновеніе было распространено въ Германіи въ XVI ст. (Шварцерде-Меланхтонъ, Вейеръ-Писципаріусъ и др.) и вѣроятно, черезъ Польшу, гдѣ оно плохо привилось, перешло въ Малороссію и здѣсь было отчасти принято духовными лицами. Первымъ по времени свидѣтельствомъ перевода фамиліальнаго названія служить прозвище извѣстнаго южно-русскаго писателя конца шестнадцатаго вѣка Стефана Зизанія. Въ русскомъ переводѣ Зизаній означаетъ *куколь*. Латинско-униатскіе писатели предпочитали называть Зизанія его настоящимъ именемъ съ тѣмъ, чтобы выставить себя чистой пшеницей на нивѣ Господней. Прозваніе Галатовскій отзывается семинарщивой. Въ латинскомъ языкѣ *galaxias*—бѣлый, какъ молоко, *galactites*—камень по цвѣту похожій на молоко. Вѣроятно, первоначальное прозвище черниговскаго архимандрита XVII в. Іоанннкія было Молочко или Молочный, потомъ уже явилось и навсегда за нимъ осталось искусственное прозвище Галатовскій.

Н. Ѡ. Сумцовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ

О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА.

Покойная моя матушка, Наталья Борисовна, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, подобно многимъ членамъ тогдашняго русскаго общества, поддавалась вліянію новыхъ, гуманныхъ «вѣяній» и, какъ женщина умная, для свѣтской-же барыни, начитанная и образованная, сумѣла привлечь въ свою гостиную кружокъ людей, подвизавшихся на литературномъ и художественномъ поприщахъ. Довольно сказать, что писатели Полонскій, Щербина, Майковъ, художники Пименовъ, Айвазовскій, Соколовъ и другіе были постоянными посѣтителями нашего дома. Ив. С. Тургеневъ въ свой прїѣздъ въ Россію появлялся также въ гостинной матушки. Кромѣ дебатированія всевозможныхъ и невозможныхъ вопросовъ, возникшихъ въ то время, какъ грибы послѣ дождя, смѣю теперь думать, что крѣпостной поваръ нашъ Семень, ученикъ славной кухни гр. Нессельроде, не мало способствовалъ своими гастрономическими талантами, привлеченію и сплоченію этого небольшого интеллигентнаго кружка.

Хотя я былъ совершеннымъ еще мальчикомъ (мнѣ было лѣтъ 13, 14), на мнѣ отразился упомянутыя «вѣянія», благодаря моему наставнику В. А. Фуксу, человѣку умному и пылкому¹⁾. Я восторженно относился къ бывавшимъ у матушки литературнымъ и артистическимъ корифеямъ и, сколько могъ, старался вникать въ смыслъ неумолкаемыхъ диспутовъ и пререканій, которыя велись,

¹⁾ В. А. Фуксъ, нынѣ преподаватель въ частной московской гимназій.

съ рѣдкимъ увлеченіемъ, и во всѣхъ тогдашнихъ салонахъ и кабинетахъ. То было время общей лихорадки, когда напимѣръ изъ за какой нибудь статьи «Современника», люди, въ обыкновенное время степенные и не рѣчистые, обращались въ какихъ-то изступленныхъ, готовыхъ въ первомъ попавшемся стаканѣ Chateau Lafitte'a или ликера, утопить неуступчиваго оппотента. Понятно, все это не могло не имѣть вліянія на шустрого мальчика и онъ неволью настраивался подь общій діапазонъ.

Не вспомню въ точности, когда именно все чаще и чаще стало при мнѣ повторяться имя Шевченка. Отъ учителя своего я провѣдалъ, что этотъ Шевченко великій малорусскій поэтъ, поэтъ самородокъ, вышедшій изъ народа, много пострадавшій правды ради. Кто-то продекламировалъ мнѣ цѣлое стихотвореніе этого поэта, въ которомъ попадается комическій эпизодъ подзатыльника, берущій свое начало сверху и спускающійся по всѣмъ градаціямъ нисходящей служебной іерархіи.

Опять теперь не вспомню, когда и кѣмъ введенъ былъ въ домъ нашъ, приземистый, лысый, усатый человекъ, котораго всѣ сразу, а мы дѣти въ особенности, полюбили и съ которымъ стали, такъ сказать, на короткую ногу. Особенно ухаживали за нимъ, старались ему угодить наши крѣпостные люди, все уроженцы Малороссіи. Оказалось, что они всѣ давно его знали, что онъ всѣмъ имъ былъ близокъ, благодаря тому обстоятельству, что у дворецкаго Шивоваренка имѣлось старое изданіе «Кобзаря» эта маленькая засаженная книжка перешодила изъ рукъ въ руки, безжалостно трепалась, путешествуя изъ кухни въ переднюю; стихи выучивались наизусть и своими родными теплыми мотивами помогали этимъ простымъ людямъ переноситься мысленно на далекую родину. На заглавномъ листѣ этой книжки изъ-подъ толстаго слоя грязи, выглядывалъ бандуристъ сидѣвшій, подь вербами. Съ того времени мнѣ ни разу не пришлось напасть на это изданіе.

Тѣмъ, что Шевченко, войдя въ домъ моей матери, сразу и безъ всякаго съ его стороны завсѣкиванія, сумѣлъ завоевать общую симпатію всѣхъ домашнихъ, начиная съ затянутыхъ губернаптокъ-англичанокъ и кончая выѣзднымъ «человѣкомъ», лучше всего доказывается, на сколько онъ былъ симпатиченъ, на сколько своей простотой, сердечностью, однимъ своимъ появленіемъ не произвольно

привязывалъ къ себѣ всѣхъ отъ малаго до великаго. Его нѣсколько угловатая, но нѣсколько не вульгарныя манеры, простая рѣчь, добрая, умная улыбка, все какъ-то располагало къ нему и оставляло впечатлѣніе стараго знакомства, старой дружбы, при которой всякаго рода церемоніи становились излишними.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ восторженнаго наставника, весьма понятно, для меня этотъ добрый, чудаковатый поэтъ, въ моемъ почти дѣтскомъ воображеніи, принималъ видъ мученика, за правду претерпѣвшаго, и становился еще болѣе милымъ моему сердцу.

Матушка была хорошо знакома съ семействомъ временнаго президента академіи художествъ графа Толстаго, принимавшаго, какъ всѣмъ извѣстно, горячее и благотворное участіе въ судьбѣ Тараса Григорьевича и доставившаго ему, при возвращеніи его изъ ссылки, казенную мастерскую въ самомъ зданіи академіи. Весьма вѣроятно, что съ общаго согласія было условлено пригласить Тараса Григорьевича давать мнѣ уроки рисованія, дабы, подъ видомъ гонорара, оказать ему на первыхъ порахъ матеріальную помощь. Предложить ему денегъ никто-бы не рѣшился, и я имѣю основаніе предположить, что, благодаря этой маленькой хитрости, я сталъ въ одно прекрасное утро ученикомъ этого, по институтски «обожаемаго» мною, человѣка.

Три раза въ недѣлю отправлялся я въ академію и проводилъ передобѣденные часы въ мастерской моего учителя. Ученіе въ строгомъ смыслѣ было очень незначительно, оно главнымъ образомъ ограничивалось рисованіемъ одного и того-же цвѣточнаго горшка въ разныхъ положеніяхъ и на разныхъ плоскостяхъ. Особной пользы отъ этого метода быть не могло уже потому, что однообразіе сюжета парализовало всякую охоту въ ученикѣ. Поѣздки-же на дальній Васильевскій Островъ, сидѣніе на положеніи взрослоаго въ мастерской уважаемаго художника-поэта, артистическая, невиданная еще обстановка самой мастерской, наконецъ «пробриваніе» болѣе серіозныхъ, но за то и болѣе скучныхъ занятій, все это обращало для меня поѣздки въ академію въ настоящій праздникъ, для котораго я охотно мирился съ монотоніей неизмѣннаго горшка съ цвѣтами.

Находясь такимъ образомъ довольно часто «съ глазу на глазъ» съ Тарасомъ Григорьевичемъ, я вслѣдствіи имѣлъ случай видѣть его

не стѣсненнымъ никакими свѣтскими условіями и пользуюсь этимъ, чтобы изъ всѣхъ силъ возстать противъ тѣхъ біографическихъ портретовъ, которые свлятся изобразить моего учителя какимъ-то спившимся дикобразомъ. Въ домѣ моей матери, гдѣ онъ зачастую обѣдалъ и гдѣ вина подавалось въ изобиліи, никогда онъ не бывалъ въ «подпитіи». Бывая у него и засиживаясь по долгу, мнѣ никогда не случалось видѣть его въ невмѣняемомъ состояніи, никакихъ циническихъ выходовъ онъ себѣ не позволялъ, никакихъ грубыхъ выраженій не употреблялъ. Можно-ли наконецъ допустить, чтобы покойная матушка, женщина умная и свѣтская, рѣшилась отпустить своего сынишку къ завѣдомо пьющему человѣку—одного безъ всякаго присмотра? Можетъ быть, ему случалось «прорываться»; можетъ быть даже, что впоследствии, когда я съ нимъ разстался, онъ сталъ злоупотреблять спиртными напитками; но во всякомъ случаѣ въ моей памяти его образъ сохранился совершенно чистымъ отъ этой унижающей слабости, и я душевно радуюсь тому, что не могу сочувствовать господамъ, изображающимъ Кобзаря, какъ я только что сказала, какимъ-то безобразнымъ чудовищемъ. Мнѣ очень досадно было читать въ книгѣ М. К. Чалаго описаніе дорогой мнѣ по воспоминаніямъ мастерской, въ которой она изображается извѣстнымъ молументныхъ дѣлъ мастеромъ чѣмъ-то въ родѣ отвратительнаго свиушника. Соглашаясь съ тѣмъ, что студія Тараса Григорьевича, а также и спальня его въ аутресоляхъ, не представляли изъ себя *interieur*'а голандскаго *Minherr*'а, не могу согласиться съ безобразной картиной валяющихся повсюду гадостей, неубранной постели и прочихъ проявленій веряшливости, описанныхъ вышесказаннымъ отливателемъ комбовидныхъ памятникъ. Кто когда-либо бывалъ въ студіи художника, а тѣмъ болѣе небогатаго, тотъ не могъ не примѣтить присутіи этимъ помещеніямъ специфическій безпорядокъ, происходящій частью отъ самаго рода занятій.

Такой именно безпорядокъ царилъ и у Шевченка въ его мастерской. Неряшества-же, грязи и безобразія въ ней было столько-же, сколько правды въ описаніяхъ господъ, уподобляющихъ ее кабаку или чему-то хуже.

Въ ту зиму, когда мнѣ впервые пришлось ѣздить къ Тарасу Григорьевичу, онъ началъ заниматься офортными (*eau forte*) рабо-

тами; приче́мъ онъ избра́лъ себѣ въ руководители и паставники величайшаго мастера этого дѣла Рембрандта и усердно копировалъ его неподражаемые рисунки. Бывало такъ, что мое рисованіе прерывалось предложеніемъ идти вмѣстѣ въ академическую библіотеку, эрмитажъ или къ кому либо изъ коллекціонеровъ, чтобы посмотре́ть какой нибудь невиданный еще рембрандтовскій офортъ. Попятна радость, съ которой я шелъ на такое предложеніе, и гордость, съ которою шествовалъ по корридорамъ академіи или улицамъ Петербурга, сопутствуя моему дорогому учителю въ его певѣрогной, всѣмъ знакомой, мерлуничьей шапкѣ. Часто заходили къ Шевченку господинъ Маринъ, обладатель чудесной коллекціи гравюръ, приче́мъ, какъ большой знатокъ этого дѣла, толковалъ съ Тарасомъ Григорьевиче́мъ о разныхъ тонкостяхъ этого своеобразнаго и труднаго искусства.

Помните́ся, что однажды и нашелъ Тараса Григорьевича въ большой суетѣ. Онъ собирался писать масляными красками портретъ извѣстнаго Кочубея, по заказу одного изъ его потомковъ. Требовались: холстъ, разные аксесуары, въ родѣ бархата, парчи, собольяго мѣха и т. п. Тарасъ Григорьевичъ взялъ меня съ собою, и мы до поздняго вечера прошлялись по городу, розыскивая всѣ эти вещи, приче́мъ, нисколько не стѣняясь сопровождавшимъ его «хлопцемъ», онъ заходилъ въ лавки, къ костюмерамъ, въ знакомые ему дома. По поводу того-же Кочубея, одинъ изъ уроковъ прошелъ въ томъ, что мы, забравшись въ какую-то преогромную академическую, не то кладовую, не то чердакъ, рылись въ дѣломъ хаосѣ запыленныхъ старыхъ картинъ, чтобы розыскать какіе-то портреты какихъ-то малороссійскихъ гетмановъ (или даже гетмана), нужные ему для большей вѣрности Кочубеевскаго костюма. Послѣ долгихъ поисковъ, измараньихъ, какъ черти, отыскали мы какого-то стараго чубатаго господина и, окрестивъ его почему-то «Мазепой», торжественно приволокли въ студию. Былъ-ли когда оконченъ этотъ кочубеевскій портретъ, натворившій столько хлопотъ Шевченку, и гдѣ онъ теперь находится?—Посѣщавшіе Шевченка художники единогласно хвалили его работу, что приводило его въ отличное расположеніе духа, выражавшееся тѣмъ, что онъ, подходя къ своей работѣ, давалъ разнымъ вѣжно ругательнымъ прозвища «богатой и знатной» Мазепиной жертвѣ. Кро́мѣ этой работы я помню еще

исполнявшіеся при мнѣ рисунки сепіей. Одинъ изображалъ стараго турка, въ родѣ тѣхъ, которые красуются на табачныхъ выѣскахъ, т. е. въ полной своей турецкой формѣ, въ чалмѣ, при кинжалѣ и чубукѣ, сидящаго, безъ особенно видимыхъ цѣлей, рядомъ съ одалиской. Для этой работы являлся старикъ натуралистъ и очень скромная, почти даже безобразная натурщица. На другомъ рисункѣ изображались довольно легко одѣтая двѣйровскія русалки, увлекавшія молодаго козака на дно рѣки. Козакъ почему-то не удавался Тарасу Григорьевичу и смывался безопасно; при этомъ, и безъ того страдательный запорожець обзывался «бисовой дитиной» и иными непріятными эпитетами. Какъ ни старался я заступиться за бѣднягу, неутомимая кисть продолжала свое разрушительное дѣло, и на мѣсто сгнувшаго козачины къ слѣдующему уроку являлся его замѣститель, котораго русалки продолжали увлекать въ двѣйровскую пучину. Нужно замѣтить, что съ дамами или дѣвками, бравшими на себя трудъ позировать для русалокъ, я никогда не встрѣчался. Для изображенія козака мнѣ случалось по долгу валяться на диванѣ, свѣсивши руку и ногу, иногда въ очень псевдобной и даже мучительной позѣ. Судьба, достигшая эти двѣ сепіи, мнѣ также неизвѣстна, какъ судьба портрета маслянными красками.

Являясь очень аккуратно въ часы, назначенные для уроковъ, я иногда не заставалъ хозяина дома. Въ такихъ случаяхъ на дверяхъ мастерской мѣломъ бывало написано: гдѣ онъ, когда вернется или у кого изъ служителей находится ключъ. Вообще двери неписывались именами незаставшихъ хозяина посѣтителей, иногда даже выраженіями почтенія или восторга, преимущественно на малорусскомъ языкѣ; случалось даже, что обращенія къ «батьку» принимали стихотворную форму.

Порисовавши часокъ, мы подымались на верхъ, въ полутемный антресоля, служившій спальней Тараса Григорьевича, гдѣ происходило своеобразное и неизмѣнное угощеніе. Изъ огромной, вонючонной огромной, зеленой стеклянной банки извлекались кильки, сторожки-старичекъ, отставной солдатъ, вѣчно чѣмъ-то недовольный, приносилъ свѣжаго хлѣба; хозяйка выливалъ рюмку «горилки», и мы принимались улетать непомѣрное количество этихъ ревелскихъ рыбокъ. Повторяю разъ сказанное, никогда Шевченко при этомъ

пьянымъ не пачивался и никакихъ излишествъ себѣ не позволялъ. Окончивъ этотъ незатѣйливый циркъ, мы обратно спускались въ мастерскую, и Тарасъ Григорьевичъ снова принимался за свои мѣдныя доски, подъ посомъ нагѣвая какіе-то заупышые мотивы, гдѣ слова въ родѣ «сердечко», «дивчина» и т. п. возвращались постоянно. Иногда-же онъ садился къ маленькому столу и начиналъ тихо, почти осторожно выводить на первомъ попавшемся ключѣ бумаги какія-то, не то старческія, не то старинныя каракули. Бывали такіе случаи, что онъ подзоветъ меня и тихимъ, добрымъ такимъ голосомъ начнетъ читать мнѣ не вполне понятныя для меня малорусскіе стихи. Очевидно, что, въ виду моихъ ограниченныхъ познаній въ этомъ языкѣ, роль мольеровской служанки была мнѣ не подъ силу, тѣмъ не менѣе я готовъ былъ плакать, какъ ребенокъ, такъ уже жалостно, привѣстисто-пѣжно выходя изъ эти стихи изъ устъ Кобзаря.

За декламацией иногда слѣдовало поясненіе самой темы. Такъ напримѣръ, однажды сюжетомъ стихотворенія былъ сонъ крестьянской матери, что послужило поводомъ къ длинному разсказу о томъ, какъ живутъ бѣдные крестьяне, какъ плохо имъ живется и какъ, благодаря государю Александру, для нихъ открывается иная жизнь.

Поправляя мои рисунки, Тарасъ Григорьевичъ часто и охотно пускался разсказывать мнѣ разнаго рода забавныя вещи, часто на сцену выводилась его солдатская жизнь, въ далекой степи. Много смѣху бывало при воспоминаіяхъ о какомъ-то плутѣ жидѣй-солдатнѣй, который вѣчно «никодилъ» и всегда успѣшно «откручивался» отъ грозныхъ наказаній пачальства.

Иногда-же разсказы принимали болѣе мрачный колоритъ. Вспоминая свою солдатчину, Шевченко вытаскивалъ изъ запыленной папки цѣлую послѣдовательную серію рисунковъ; одинъ изъ нихъ представлялъ наказаніе шпиль-рутснами. Объясняя по этому рисунку, какимъ образомъ производилось это истязаніе, и видя, что я собираюсь ревѣть, онъ, къ моей великой радости, объявилъ мнѣ, что этому звѣрству настала желаемый конецъ. Въ этотъ-то день я на послѣдній гривенникъ приобрѣлъ портретъ Государя. Въ той-же папкѣ, между прочимъ, былъ другой рисунокъ, врѣзавшійся также въ моей молодой памяти, такъ какъ представлялъ подбуктившихъ

купчиковъ, жарящихъ зичпицу на горящихъ кредитныхъ бумажкахъ. Приваждлежалъ-ли этотъ этнографическій рисунокъ къ серіи рисунковъ изъ солдатской жизни, теперь не припомню.

Много доводилось мнѣ слышать разсказовъ о старой Малороссіи, про Свѣчь запорожскую, войны, про вѣдьмъ, русалокъ, славныхъ гетмановъ, лихихъ мореходцевъ и пр. Наскучившись вѣчно поворачиваемымъ со стороны на сторону горникомъ, я подберусь бывало къ Тарасу Григорьевичу и не безъ хитрости пачну разными вопросами наводить его на любимыя его темы. Время летѣло незамѣтно, когда, поддаваясь моимъ замысламъ, Дорошенко и Сагайдачный снова принимались пещадно бить «ляхивъ» и прочихъ супостатовъ, и ни разу этотъ добрый человѣкъ не пугнулъ отъ себя назойливаго мальчугана.

Къ Шевченку, въ его мастерскую часто заходили посетители, но большей части его-же земляки. Понятно, что въ такихъ случаяхъ бесѣды велись исключительно на малорусскомъ діалектѣ. Чаще всѣхъ бывалъ г. Кулишъ, посѣщеніе котораго потому засѣло у меня въ памяти, что я почему-то считалъ эту фамилію ужъ больно странной. Случалось иногда быть свидѣтелемъ трогательныхъ встрѣчъ съ горячими объятіями, цѣлованіями, даже проливаніемъ слѣзъ.

Помню, какъ-то одинъ изъ гостей принесъ съ собою довольно объемистый портфель, повидимому оставившійся гдѣ-то съ давнихъ поръ на сохраненіи. Когда гость удалился, Тарасъ Григорьевичъ принялся при моей помощи разбирать находившіеся въ портфелѣ, или пакѣ бумаги и рисунки. Радовался онъ имъ, какъ малый ребенокъ, и тутъ-же, въ награду за труды, подарилъ мнѣ акварельный эскизъ Карла Брюллова, вопль у меня хранящійся. Между массой самыхъ разнообразныхъ этюдовъ, видовъ и набросковъ отыскался портретъ молодого человѣка со свѣчей въ рукѣ; въ портретѣ этомъ тѣни на лицѣ были очень рѣзкія, растительность преобильная. Тарасъ Григорьевичъ предложилъ мнѣ отгадать, кого изображалъ этотъ рисунокъ. Разумѣется, я этого не могъ исполнить. Тогда онъ объявилъ, что это его собственный портретъ, имъ же самымъ давно когда-то рисованный, еще въ то время, когда онъ учился у Брюллова. Много онъ смѣялся моему удивленію, поглаживая свою лысую голову и расправляя запорожскій усъ и сравнивая себя, стоя предъ зеркаломъ, съ кудлатымъ безбородымъ

юющей со свѣчей въ рукѣ. Онъ утверждалъ, что въ свое время оригиналъ очень былъ схожъ съ портретомъ, а потому тѣмъ болѣе жалко, если этотъ портретъ Кобзаря въ цвѣтущую пору его творчества утерянъ безвозвратно.

Упомянутый въ книгѣ г-на Чалаго прїѣздъ въ Россію трагика Ольдриджа совершенно свѣже сохранился въ моей памяти, а также и то впечатлѣніе, которое онъ производилъ своей игрой на петербургскую публику того времени. Миѣ случилось присутствовать при томъ, какъ покойная матушка, полушутя, полусерьіозно дѣлала строгій выговоръ Шевченку и Н. Д. Старову¹⁾, большому прїятелю и почитателю поэта, за то, что они, бывъ приглашены ею въ ложу Марїинскаго театра, гдѣ подвизался Ольдриджъ, въ какую-то особенно патетическую минуту, въ избыткѣ восторга, подняли такую возню, гамъ и вопли, что не только обратили на себя общее вниманіе и протесты публики, но, не слушаясь увѣщаній моей матери, вынудили ее искать спасенія въ бѣгствѣ и уѣхать домой до окончанія спектакля. Бывшая тутъ-же въ ложѣ напыщенная, знатная барыня разобидѣлась въ концѣ и написала по этому поводу матушкѣ ядовитое письмо, отъ чего между ними произошла ссора. Шевченко и Старовъ молили о пощадѣ, обѣщаясь быть въ другой разъ сдержаннѣе въ проявленіяхъ своихъ восторговъ; матушка смилосердилась и отиѣнила принятое было рѣшеніе не брать ихъ болѣе въ свою ложу. И что-же? На слѣдующій разъ восторгъ взяли свое, клятвенныя обѣщанія были забыты и прїатели совмѣстно нарушили общественную тишину и благочиніе, съ немалымъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый разъ, и къ немалой досадѣ бѣдной матушки.

Этотъ-же самый Старовъ влетитъ бывало въ мастерскую Тараса Григорьевича, начнетъ болтать, сообщать видѣнное, слышанное и лишь только роковымъ образомъ коснется «божественнаго», совершеннаго арапа, какъ начинался взаимный обмѣнъ впечатлѣній, напоминаніе того или другаго подмѣченнаго удачнаго момента, въ этой или иной роли, подымалась возня, стулья отставлялись, глаза

¹⁾ Товарищъ и другъ моего батюшки по харьковскому университету, въ то время былъ преподавателемъ исторіи в русской словесности въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Личность до крайности снхпатичная, Старовъ, нынѣ уже умершій, отличался юморомъ удивительнымъ.

дико выкатывались, начиналась жестикуляція, скрежетаніе зубовъ, Лирь мѣшала Отелло покопчить съ Дездемоной, Шейлоку не давали возобновить требованіе о мясѣ; все, что только попадало подъ руку, служило аксессуаромъ для усиленія эффекта; подушку на диванѣ безжалостно умерщвляли; однимъ словомъ происходило нѣчто совершенно баснословное. И-же единственный зритель этихъ восторговъ или смѣлся до слезъ или не на шутку подумывалъ объ отступленіи. Надо притомъ замѣтить, что оба эти энтузіаста были безусловно незнакомы съ языкомъ Шекспира, и это, повидному, существенное обстоятельство, нисколько не мѣшало имъ до delirium-a проявлять поклоненіе таланту знаменитаго трагика. Въ обыкновенное время Шевченко скорѣе всего подходилъ подъ типъ такъ называемаго «степеннаго» человѣка.

На лѣто семейство наше уѣзжало въ деревню или за границу; съ возвращеніемъ-же въ Петербургъ занятія, или правильнѣе сказать поѣздки на Островъ, возобновлялись; на сколько помнится, въ 1860 году, вернувшись съ путешествія, я не былъ болѣе посылаемъ къ Тарасу Григорьевичу, такъ какъ между нимъ и моею матушкой произошла размолвка.

Дѣло было слѣдующее. Въ самомъ началѣ ихъ знакомства чѣмъ-то разстрогалный Шевченко подарилъ моей матушкѣ рисунокъ, сдѣланный тушью и изображавшій его самого въ казармѣ, ночью, во время солдатской попойки, угонцающимъ крепдеземъ маленькаго киргизенка. Кромѣ дѣйствительно художественнаго достоинства (дивно передана пустая, дымящая атмосфера казармы), этотъ рисунокъ особенно интересенъ тѣмъ, что, по словамъ самого художника, это была первая его попытка снова прижаться къ рисованію послѣ долгаго запрета прикасаться къ перьямъ, карандашамъ и проч. письменнымъ и рисовальнымъ принадлежностямъ. Исторія добычи куска туши, сооруженія кисточки, самаго рисованія втихомолку и украдкой, все это составляло рядъ интереснѣйшихъ эпизодовъ изъ жизни ссыльнаго поэта и придавало этой вещицѣ особенную, если можно такъ выразиться, святую цѣнность.

Прошло года два со дня поднесенія рисунка. Тарасъ Григорьевичъ приходилъ въ домъ нашъ запросто, обѣдалъ, просиживалъ вечера и положительно считался своимъ, домашнимъ, всѣми любимымъ человѣкомъ. Крѣпко установившіяся по видимому добрыя отноше-

нiя прервались совершенно внезапно. Однажды Шевченко попросилъ отдать ему въсегда подаренный имъ рисунокъ, говоря, что онъ ему нуженъ для снятiя съ него фотографическаго снимка. При этомъ онъ такъ конфузился и путался въ словахъ, что матушка, не желая обидѣть его прямымъ отказомъ и въ тоже время замѣчая, по его необыкновенному смущенiю, что онъ не говоритъ правды, рѣшилась, прежде чѣмъ исполнить его желанiе, спросить у профессора Пименова (общаго ихъ друга) объясненiе загадки, откуда-же она ограничилась уклончивымъ отвѣтомъ. Пименовъ рѣшительно посоветовала матушкѣ рисунка Шевченку не отдавать, такъ какъ, по его словамъ, Тарасъ Григорьевичъ часто высказывалъ сожалѣнiе по поводу легкомыслiя, съ которымъ онъ разстался съ нимъ. Кромѣ того, матушка уклонилась отъ исполнiя просьбы Шевченка и подѣтъмъ еще предлогахъ, что альбомъ, въ который между прочимъ былъ вклеенъ злополучный рисунокъ, на столько объемистъ и цѣннъ, что поручать его незнакомому фотографу она не рѣшается; она извѣстила поэта, что сама отвезетъ альбомъ къ извѣстному въ то время фотографу Робильяру, который лучше всякаго другаго сдѣлаетъ снимокъ, причемъ обойдется съ самымъ альбомомъ бережно, не попортитъ и не закачаетъ его. По полученiи этого отвѣта между Тарасомъ Григорьевичемъ и моею матерью возникла переписка, съ обоюднымъ обмѣномъ колкостей, послѣ которыхъ онъ пересталъ у насъ бывать. Какъ ни старалась впоследствии моя матушка возобновить дружескiя отношенiя, Тарасъ Григорьевичъ не поддавался никакимъ увѣщанiямъ, и всѣ старанiя общихъ друзей устроить примиренiе остались безъ результата.

Насъ не было въ Петербургѣ, когда поэтъ скончался, и потому я не могъ отдать послѣднiй долгъ моему доброму, дорогому учителю.

Б. Сухановъ-Подколзинъ.

Село Казника

10 января 1885 года.

P. S. Кромѣ вышеупомянутаго рисунка, послужившаго причиною ссоры между Т. Г. Шевченко и моею покойной матушкой, у меня сохранился слѣдующiя его произведенiя:

1) Портретъ меньшаго моего брата, простымъ карандашемъ, помѣченъ 1858 годомъ.

2) Большая сени; сюжетъ: двѣ малороссіянки, стоящія съ коромыслами подъ вербами, вдали сидитъ Кобзарь.

3) Очень тщательно исполненная меньшая сени, изображающая мать, стоящую на колыбахъ и молящуюся предъ колыбелью спящаго ребенка.

Эти три вещицы не имѣютъ художественной цѣнности, чего нельзя сказать про рисунокъ тушью, который исполненъ очень бойко, съ большимъ вкусомъ и колоритно.

ВОСПОМИНАШЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

(О школѣ и грамотности въ кievской губерніи).

Прочитавъ замѣтку г-на К. Ц., напечатанную въ августовской книжкѣ «Кievской Старичи», въ отдѣлѣ Извѣстій и Замѣтокъ, подъ заглавіемъ: «Движеніе народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ», я вспомнилъ кое-что извѣстное мнѣ изъ сферы народной грамотности въ той-же мѣстности, что самому приходилось видѣть и слышать по сей части, и рѣшилъ передать, что сохранила память моя, къ свѣдѣнію интересующихся этимъ дѣломъ.

Въ шестидесятомъ году въ Кіевѣ были воскресныя школы. Мы, молодежь, съ такимъ рвеніемъ тогда отдавались этому дѣлу, что на каждаго ученика приходилось чуть не по два учителя. Я помню, какъ мы страстно хотѣли вдругъ научить желающихъ читать, какъ старались поскорѣе ограмотить неграмотныхъ, просвѣтить людей темныхъ, передать имъ все то, что сами знали. Пироговъ, Павловъ, Слѣпушкинъ, Чалый, Вороной, Бекмапъ—вотъ памятные имена того времени. Метода Золотова какъ-то вдругъ открыла намъ, учившимся читать по старому, новый способъ сочетанія звуковъ алфавита и рѣчи, и ученіе, благодаря нашему рвенію, шло съ замѣчательнымъ успѣхомъ и быстротою.

Тогда-же въ средѣ студентовъ поляковъ, особенно поляковъ особой украинской окраски, родилась мысль обученія грамотѣ мальчиковъ, имѣвшихся у многихъ студентовъ-панячей въ качествѣ крѣпостной прислуги. И живо припоминаю то первое время объятій нашихъ съ народомъ. Помню вспышки негодованія противъ тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые смѣли добиваться отъ данныхъ имъ изъ дому мальчиковъ прислуживанія, а не ученія, которые

являлись по отношенію къ этимъ мальчикамъ господамъ, помещи-
камъ, а не *старшими братьями*. Слѣшю впрочемъ оговориться,
что случаевъ нарушенія этого общаго любовнаго настроенія было
не много.

Такъ какъ студепты-паньчи, имѣвшіе изъ дому приставлен-
ныхъ къ нимъ мальчиковъ, были исключительно уроженцы юго-
западнаго края, то и мальчики эти были кровные украинцы. Гра-
мотѣ они обучались у насъ на природномъ ихъ малорусскомъ языкѣ,
принятомъ за разговорный съ прислугою почти во всѣхъ панскихъ
дворахъ того края. Ученіе шло тоже по методу Золотова—учились
читать по разнѣрнымъ буквамъ. Для чтенія-же малорусскаго имѣ-
лись грамотки Кулиша, надѣлавшія въ то время немало шума и
послужившія встревоженіемъ намъ улікою къ обвиненію уни-
верситетской молодежи въ демагогической пропагандѣ. Велико на
самомъ дѣлѣ было самоотверженіе и самозабвеніе студентовъ поля-
ковъ, когда они для первоначальнаго чтенія мальчикамъ давали гра-
мотку Кулиша, гдѣ съ первыхъ-же строкъ заявлялась ненависть
ко всему людскому.

Школа эта просуществовала недолго въ ея первоначальномъ
видѣ. Разстроилась она главнымъ образомъ потому, что коптисцентъ
ея велѣлъ за освобожденіемъ крестьянъ разсѣяться, отчасти-же и
потому, что поляки студенты рѣзко повернули въ сторону зарож-
давшагося польскаго возстанія. Въ ограниченномъ числѣ (кажется
пяти или шести мальчиковъ) школа эта поддерживалась кружкомъ
студентовъ малороссіянъ. Рожденная *хлопоманами* она въ концѣ
осталась на рукахъ *холомановъ* (фраза эта понятна помнящимъ
то время). Преслѣдуемая мѣстными властями, въ концѣ концовъ
школа эта уничтожилась; но ученики этой школы продолжали ученіе
при поддержкѣ того-же кружка въ гимназій. Изъ числа этихъ уче-
никовъ однихъ ужъ вѣтъ, а другіе далеко не оправдали возла-
гавшихся на нихъ упованій.

Помню, что, кромѣ грамотки Кулиша, для малорусскаго чтенія
у насъ были: плохенькій букварь Шевченка, повѣсти Квитки и
Марка-Вовчка, Кобзарь, Чорна Рада Кулиша и частью книжки
«Основы». Постѣ уже появились *метелки*—маленькія книжечки,
предназначавшіяся для народнаго чтенія. Все это составляло скуд-
ный матеріаль для народнаго воспитанія и чтенія. Скорѣе все это

воспитывало въ насъ самихъ любовь къ родному и народному, знакомило насъ съ народомъ и какъ нельзя больше отвѣчало нашему любовному настроенію по отношенію къ *меньшимъ братьямъ*.

Изъ университета я въ числѣ немногихъ бросился къ освобожденному отъ крѣпостной зависимости народу: хотѣлось учить народъ, у него учиться, признавалось главенство его социальное если не *de facto*, то *de jure*. Очутился я въ глухой деревнѣ подѣпровской Украины, гдѣ еще жила память о гайдачинахъ, Желѣзнякѣ, Гонтѣ, Швачкѣ, Кравчинѣ, гдѣ, вслѣдъ за освобожденіемъ, въ памяти народной, особенно подъ чаркой, откапывались отрывки козацкихъ думъ и пѣсень. Я не стану говорить про то, что дѣлалось мною, чѣмъ я жилъ, какъ я жилъ: рѣчь идетъ о народной грамотности, о ней и буду говорить.

Учиться, скажу болѣе, поучаться кипулось ко мнѣ все село. Передъ глазами селянъ лежала новая, многознаменательная книга — Положеніе о *воль*. Любопытно было освобожденному крестьянину прочесть эту книгу своими глазами, уразумѣть ее, докопаться въ ней истиннаго смысла царскаго слова, скрывасмаго, какъ говорили, панамы; тутъ кроется, думалъ темный людъ, осуществленіе его заветныхъ идей. Каждый грамотный жадно вшивался глазами въ эту книгу, стараясь вычитать въ ней пріятное для себя. Но большинство, если не все, послѣ нѣсколькихъ попытокъ принуждено было безотрадно отстраниться отъ непонятной грамоты. Можетъ быть, и дорогъ былъ я для селянъ какъ переводчикъ этого непонятнаго. Самъ я чувствовать что-то въ родѣ душевнаго удовлетворенія при обращеніяхъ ко мнѣ моихъ сосѣдей и вообще селянъ съ просьбами прочесть и растолковать Положеніе о *воль*. Иногда являлся ко мнѣ ночью, съ какою-то таинственностію, и я чувствовалъ, что мои вразумленія и просьбы не дѣлать этого, не таится со чтеніемъ закона, уже общеродовацкаго и приводимаго въ исполненіе, отчасти лишали меня пресвижра толкователя *достопочинаго* (настоящаго, истаго). Разъ, помню, между такими ночными посѣтителями я замѣтилъ одного грамотнаго, который слѣдилъ за моимъ чтеніемъ, чтобы я читалъ *правильно*, безъ упущеній. Это была своего рода проверка хитрыхъ украинцевъ. Подъ чаркой все выяснилось. Много времени спустя, мнѣ пришлось въ дѣлахъ слѣдственной коммисіи прочесть, признаюсь, лютый для меня отзывъ: сказано было, что при

введенія уставной грамоты въ томъ селѣ, гдѣ я жилъ, замѣтно было вообще пониманіе крестьянами « Положенія » и разумное отношеніе къ дѣлу, благодаря моимъ толкованіямъ. Можетъ быть, такое впечатлѣніе осталось у членовъ комиссіи потому, что они по повѣтамъ ожидали здѣсь чуть не бунта.

Для деревни въ 1861 г. грамотность стала необходимостію. Цѣлая масса новыхъ отношеній появилась вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ: волость и писарство, податныя книжки, уставныя грамоты, предписанія, требованія, циркуляры, учеты, приговоры—все это вдругъ стало передъ крестьяниномъ со всею необходимостію. Жизнь деревни, знавшей по сю пору только вотчинную власть пановъ и ихъ экономовъ, вдругъ стали втискивать въ рамку письменныхъ регламентацій.—Замѣчу кстати, что это письменное регламентированіе традиціонной жизни деревни впоследствии стало причиною неудобнаго совмѣщенія въ выборномъ сельскомъ начальствѣ двухъ противоположныхъ функцій—представительства интересовъ выборщиковъ и орудія вышней для села государственной власти.—Впоследствии грамотность въ селѣ повела къ своего рода деревенскому карьеризму, но въ 1861 году она нужна была сама по себѣ, нужна, какъ нуженъ почью фонарь, какъ микроскопъ изслѣдователю. Мужикъ хотѣлось прозрѣть въ этомъ новомъ для него мірѣ письменности, и если ужъ онъ признавалъ себя слѣпымъ съ застарѣлою слѣпотою, то съ молодыхъ глазъ своихъ дѣтей желалъ снять эту катаракту. Эти молодые глаза замѣнили-бы для него его собственныя, онъ имъ больше довѣрялъ, чѣмъ постороннимъ: свой *носодыръ* лучше наемнаго. Лишь-бы только прочесть точно, безъ утайки, написанное, а понять поймемъ эту царскую бумагу, думалъ мужикъ, не предчувствуя всѣхъ хитросплетеній этого новаго строя жизни. При томъ-же предполагалось, что истинный смыслъ написаннаго воплѣтъ отвѣчаетъ идеалу, созданному въ его пониманіи. Только-бы умѣть прочесть, излѣчить слѣпоту.

Но этихъ врачей было мало. Но пуждѣ вспомнились старыя церковныя школы. Церковныя сторожки при церквяхъ на Украинѣ во многихъ мѣстахъ не переставали еще называться школами, хотя въ нихъ помѣщались только сторожа да бездомныя причетники. Украинецъ повернулъ свои взоры съ надеждою къ духовенству. Но оно не могло отвѣтить на эти упованія: не всегда и не охотно

предлагало оно алчущему духовную пищу не соответствующую времени. Церковно-славянскія граматки, часословцы, псалтыри съ непонятною мертвою рѣчью, съ титлами и словотитлами, со всею трудностію обученія не отвѣчали назрѣвшей новой потребности. Помимо всего, духовенство, почуввъ неохраннымъ мужика вотчинною ошекою пана, ставъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ мужикомъ, накопилось на него со своими нуждами, не всегда отграниченными строго отъ любостыжавія. Для незнакомыхъ съ порядками того времени въ юго-западномъ краѣ я прибавлю слѣдующее въ объясненіе высказаннаго мною. По проекту обезпеченія православныхъ причтовъ въ томъ краѣ, сверхъ назначеннаго въ 1842 году жалованья, часть земли церковной должны были обрабатывать прихожане, т. е. помѣщичьи крестьяне, равно на ихъ-же обязанность возлагалась постройка и ремонтъ помѣщеній для причта. При крѣпостномъ правѣ обязательства крестьянъ были вмѣстѣ обязательствами самихъ помѣщиковъ, такъ какъ послѣдніе являлись отвѣтственными во всемъ за крестьянъ, находившихся въ ихъ полномъ распоряженіи. Понятно, что выполненіе крестьянами указанныхъ повинностей ставило церковные причты въ ближайшую зависимость отъ помѣщиковъ, и отъ личныхъ отношеній тѣхъ и другихъ зависѣло осуществленіе благаго намѣренія правительства по обезпеченію православнаго духовенства въ юго-западномъ краѣ. Захочетъ помѣщикъ, и крестьяне обрабатываютъ причту всю землю, причтомъ въ пору, строятъ дома, хозяйственныя службы и огорожу въ самое короткое время. Денежныя и матеріальныя издержки по этимъ постройкамъ производились самими помѣщиками, и не всѣ изъ нихъ возвращали затраченное сборами съ крестьянъ. Такимъ образомъ и натуральныя работы и денежныя сборы съ крестьянъ въ пользу причтовъ шли по приказу пановъ, за ихъ какъ-бы счетъ, иногда же и значительно ими облегчались, не возбуждая въ крестьянахъ ропота противъ священниковъ. Съ другой стороны предоставленное священникамъ право чтенія и объясненія прихожанамъ «Инвентарныхъ правилъ», наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ *царскіе* дни не было барщины, и возможность злоупотребленій помѣщичьей власти имѣли свой вѣсь у помѣщика. Дѣло сводилось на компромиссы. Нужно помнить, что большинство помѣщиковъ на Украинѣ поляки и католики. Послѣ освобожденія крестьянъ на послѣднихъ земляхъ вся тяжесть

содержанія причтовъ, при чемъ устращилась какъ помощь помѣщика, такъ и въ иныхъ случаяхъ его контроль. Последнее сказалося въ возвышеніи по мѣстамъ платы за требы, что при крѣпостномъ правѣ не всегда было удобно. Я помню, благочиннымъ было приказано сдѣлать спросъ крестьянъ о томъ, какія школы имъ желательно имѣть—духовныя или свѣтскія. Отвѣты этого плебисцита были разные, смотря по умѣнью вопрошающихъ. «Вы только что nibудь *накинете* батюшкѣ, да соломки дадите на отопленіе—вотъ у васъ и школа будетъ. На что вамъ свѣтская грамота? Вамъ о душѣ нужно заботиться, поприлежнѣе быть къ Богу, къ церкви »..., увѣщевать громаду одинъ благочинный. Но мужики уперлись. «Буде вже й такъ, отвѣчала громада, батюшка самъ соби *накинувъ*: то було за випьчаннѣя бере одинъ карбованецъ, а то давай три, ще й литомъ щобъ молоди (вступающіе въ бракъ) по два дни одробляли... Ще й солому давать... та же винъ (т. е. батюшка) и такъ усю огорожу за зиму спаливѣ (употребилъ на топливо), а по весни загадае городить... Мы такъ хочемо, якъ одъ Царя показано буде »... Не смотря на такіе или подобныя отвѣты громадъ, оффиціальныя донесенія указывали на существованіе по деревнямъ при церквахъ школы, въ которыхъ обучали дѣтей батюшки и причетники. На сколько иногда вѣрны были оффиціальныя свѣдѣнія того времени, можно судить по слѣдующему случаю, за вѣстичность коего я отвѣчаю.

У насъ въ деревнѣ церкви не было, была только часовенка на кладбищѣ, а были мы приходомъ къ церкви соседняго села П—цы. Приходскій нашъ священникъ о. Д. Р—скій былъ особаго покроя человекъ: молодой франтъ въ шелковой рясѣ съ *простоволосою* попадѣй, большой стяжатель, не разбиравшій средствъ къ наживѣ и въ послѣдствіи поплатившійся за свои недостойныя поступки переводомъ на худшій приходъ. Вотъ этотъ-то батюшка и рассказываетъ однажды мнѣ при встрѣчѣ слѣдующее:

— А знаете—пріѣзжаю я отъ васъ (онъ былъ у насъ въ селѣ и видѣлся со мною), застаю у себя гостя: благочинный пріѣхалъ. Что такое?—думаю. Потревожился было. Ну, знаете, послалъ титаря собрать кое-что по селу для начальства... такъ хоть малую толпу. Послалъ за экономомъ преферансикъ устроить... Оказывается, что благочинный пріѣхалъ обзрѣть училище. Гдѣ ему достать учениковъ?! Все это, знаете, въ полѣ. Ну, кое какъ обошелся. Я пока-

заль. что у меня 40 учениковъ, а у васъ 23. Такъ и записано. Помните-же, а то какъ-бы не пробрехаться память.

Да! Вотъ вамъ и свѣдѣнія официальные.

На самомъ-же дѣлѣ въ П—цахъ не было никакой школы, а было два ученика у дьячка—одинъ мальчикъ, а другой лѣтъ 17—18 парубокъ. Ученики эти читали и пѣли на клиросѣ и по праздникамъ ходили съ дьячкомъ *ильновать*, т. е. собирать доходъ; носили *коладу*. У меня-же въ ту пору было постоянныхъ только семь учениковъ.

Школъ дѣйствительныхъ, съ большимъ числомъ учащихся, съ сноснымъ обученіемъ и содержаніемъ было мало, и винить въ этомъ было некого. Народъ еще не успѣлъ осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, администрація тоже; что касается священниковъ, то люди самоотверженные и между ними были рѣдкостью. Для заурядныхъ дѣло школьное было ново и не подъ силу, а было много и такихъ, которые не чувствовали къ нему никакой охоты, преслѣдуя совѣтъ иныя цѣли. У меня была школа, оформленная письменнымъ порученіемъ этого дѣла мнѣ помянутымъ священникомъ, причемъ въ разрѣшеніи было написано: *«подъ моимъ наблюдениемъ и при моемъ участіи въ преподаваніи закона Божія»*. *Наблюденіе и участіе* выразилось развѣ въ томъ, что батюшка взвелъ на меня напраслицу, показавъ благочинному, что у меня 23 ученика. Ни разу онъ не былъ въ нашей школѣ, ни сдвигнаго слова не преподавъ ученикамъ.

Школа моя, если ее такъ можно назвать, не имѣла постоянного числа учениковъ: зимою учениковъ было больше, лѣтомъ меньше. Мальчиковъ—*школьниковъ* было отъ 3 до 12-ти, не болѣе. Кромѣ того зимою у меня и у моего брата учились взрослые три парубка. Они отстали отъ ученія, какъ только научились разбирать, складывать буквы. Ихъ отняло отъ ученія хозяйство, домашній обиходъ. Но послѣ я узналъ, что они все-таки не бросили совершенно грамоту и подучивались сами читать печатное.

Училъ я мальчиковъ по малорусски, по методу Золотова. Наука давалась имъ легко, и скоростію обученія чтенію я много выигрывалъ во мнѣніи родителей: скорое обученіе, безъ мученія, видимо имъ правилось. Разъ, помню, грамотный (умѣвшій читать церковную печать и подписывать свою фамилію) волостной старшина

переконфузилъ, въ присутствіи нѣсколькихъ нашихъ гражданъ, моихъ учениковъ: онъ *задавае* имъ разбѣсныя буквы уложить по алфавитному порядку: *а, б, в, г, д, е*, и т. д.; мои ученики этого не могли сдѣлать и этимъ вызвали сенсаціонное замѣчаніе старшины: *«бачъ, учатьця, а азбуки не знаютъ»*. Присутствующіе граждане были тоже сконфужены, такъ какъ они превозносили мое обученіе. Я вмѣсто всякихъ объясненій развернулъ на удачу бывшее подъ рукой *«Положеніе»*, и большая часть учениковъ свободно прочли указанное. Это уронило въ свою очередь престижъ экзаменатора. Я этимъ не ограничился. Въ ближайшій воскресный день изъ церкви я взялъ въ волостное правленіе двухъ своихъ учениковъ и позвалъ меньшаго, однако бойко читавшаго на кляросѣ, дячковскаго ученика. Въ волости были и наши граждане. Предложено было прочесть что-либо въ *«Положеніи»* кляроскому чтенію, и онъ не могъ прочитать ни одной строчки, мол-же не ударилъ въ грязь лицомъ и читали свободно. Не скрою, что это были лучшіе мои ученики. Побѣда была полная и вызвала немалую сенсацію, особенно когда я не поспешилъ на объясненія.

Для чтенія у меня имѣлось только то, что было напечатано по малорусски. Да и что-же было тогда писано для народнаго чтенія?! Не могъ-же я, помимо уже всякаго малоруссофильства, на самомъ *дѣлѣ преподнести народу Морозовскія, Мапухинскія и Леухицскія изданія. Какъ ни были слабы въ смыслѣ удовлетворенія умственной жажды издававшіеся тогда въ Петербургѣ маленькія малорусскія книжки—*метелки*, все таки онѣ были лучше и понятнѣ названныхъ изданій. Въдѣ это теперь имѣется много хорошаго и дешеваго для чтенія народу на русскомъ языкѣ, а тогда что? Французъ Венціанъ, Юва Королевичъ, Битва Русскихъ съ Кабардинцами и т. п... Помню я хорошо то время. Гр. Швеченна вespою похоронили около Калсва. Гр. Ник. Ч—скій, академикъ-товарищъ Тараса, жилъ нѣкоторое время въ Каневѣ и популяризовалъ сочиненія и имя покойника, прочитывая и раздавая его стихи. Въ Петербургѣ издавалась *«Основа»*, мы смѣло выступали со своею рѣчью, со своею грамотою. Даже нѣкоторые циркуляры писались по малорусски. Я помню циркуляръ по волостямъ, напечатанный въ два столбца: въ одномъ текстъ русскій, а въ другомъ малорусскій. Помню я это время жережанныхъ сорочекъ, широкихъ

итановъ, малорусской иѣсни, польско-панскихъ доцосовъ... Хохлофильство пужно было для внутренней политики края, пужно было, какъ противувѣсь холопизму.

Я читалъ много изъ напечатаннаго по малорусски народу, и чтеніе мое имѣло успѣхъ, выражавшійся обиліемъ слушателей. Живо я помню эти литературные вечера-посидѣлки. Тепло, душно въ хатѣ, фурчатъ веретена у сидящихъ въ сторонѣ отъ стола *дивчатъ*, *парубки* понасунулись поближе ко мнѣ... Читая большею частію навзусь, напримѣръ *Катерину* Шевченка, видѣть я лица слушателей. Улыбаются какъ-то ласкѣшливо, нерѣшительно вслушиваются... Не то это такъ себѣ *вытребенки*, не то и въ самомъ дѣлѣ что хорошее. Но вотъ лица становятся все серіознѣе. «Сидитъ батько въ кильци стола, на руки схлывся, не дивитьця на свить Божій; тяжко зажурився...» декламирую я. Вниманіе все болѣе успливается, веретена перестаютъ фурчать, дивчата одна за другой вздыхаютъ и кой-кто изъ нихъ пересѣлъ уже ближе къ столу; на *полу* маханіемъ руки унимаютъ послѣднее веретено... глаза блестятъ, дыханіе затаяется. Вотъ *титка Тимошиха*, тяжело вздохнувъ, перекрестилась, когда я дочиталъ до того мѣста, гдѣ Катерина бросается въ околонку.

Шубоветь въ воду!... По нидъ лёдомъ
Геть загуркотило.

И я мимовольно вздыхаю, перевожу духъ, дочитавши до эпилога. Всѣ вздохнули, всѣ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, подавлены всѣ какимъ-то ужасомъ, оцѣпененіемъ. Даже *титка Тимошиха*, покачивавшая по сю порю головою, подпертою ладонью, перекрестившись и вздохнувъ, не находитъ, что сказать. Декламирую эпилогъ. Всѣ, какъ-бы встряхиваясь отъ тяжелаго какого кошмара, внимаютъ. Но эпизодъ коротокъ.

Встали сиромаци,
Помолялись на схиць сонця,
Пшли по-надъ пляхомъ...

Кончаю я и выльзаю изъ-за стола. Всеобщее молчаніе.

— А що-жь сталося въ хлонцѣмъ?—спрашиваютъ непремѣнно дивчата.

Чтеніе «Наймички» Шевченка часто вызывало слезы. Стихотворенія легко занамятовывались слушателями, и отрывки послѣ пов-

торялись. Читалъ я повѣсти Квитки, Марка Вовчка, рассказы Сто-роженка, Чорну раду Кулиша, читалъ и «Гайдамакъ». Читалось все это соотвѣтствующимъ слушателямъ. Помню, какъ мнѣ пеловко было читать «Гайдамаки» Шевченка. Въ «Гайдамакахъ» есть нѣжныя сцены, любовныя (Галайда, Титарь, Лебедншъ), есть много неприспособленнаго для простыхъ слушателей. И вотъ пеловко какъ-то становилось при чтеніи нѣжныхъ сценъ старикамъ слуша-телямъ, или мало понятной рѣчи архимандрита, благословляющаго ножи. Мимовольно переношусь памятью болѣе подробно къ тому времени. Пасѣвка дѣда Максима. Теплый, ясный день, зелень, цвѣты, щебетаніе птичекъ, гудѣнье пчель. Насъ человекъ пять: хозяинъ пасѣвки, я, Гаврило Петровичъ, снѣгъ *дѣда* Якимъ и мудроватый *Хведиръ Ковбаса*. Все мы въ *бѣлыхъ сорочкахъ* по случаю празд-ника, свѣтки подосланы на травѣ, шапки разбросаны; тепло, даже жарко видѣ тѣни развѣсистой груши. Новая, только на дняхъ полу-ченная книжка «Основы» со мной. И давно уже обѣщаль дѣду прійти къ нему на пасѣвку почитать *що небудь*. Старикъ радъ гостямъ, угощаетъ насъ медомъ. Идутъ разговоры про наши сель-скія дѣла, про *батьошку*, «що видѣ вытворявъ сѣгодня після службы Волонъ», про урожай, про ройбу...

— А це принесли такі, що обіцяли—спрашиваєть дѣдъ, взгля-нувъ на сиреневую обложку «Основы», и затѣмъ, взявши въ руки, переворачиваетъ листки, какъ-бы и вовсе грамотный.

— Шкода, не про насъ писано, говорить дѣдъ, кивая головою и подавая мнѣ книгу. Я, бывало, такъ таки й прослухаю, якъ покой-ный отецъ Василій, царство ёму небесне, читае. И... чоловікъ бувъ! Нехай ёму земля перомъ. Усе було розскаже. А вже мени ни що, якъ сторія про Іосифа Прекрасного, або про блудного сына...

— Ну, теперешній якъ прочитає, той слухать не хочетьця, встав-ляетъ слово Гаврило Петровичъ. Сѣгодня, оце після службы якъ ставъ вычитувать усняъ по прозекту... Я, каже, могу требувать, щобъ мени усю роботу одробляли литомъ. Та ще, каже, на толову покличу...

— Ну, та Богъ зъ нимъ! Ёму ёго й честь буде... Щожъ, прочи-тайте що небудь... обращается ко мнѣ дѣдъ Максимъ.

Растягиваемся на «свѣткахъ» головами въ бучу, ногами въ рознь, и я читаю «Оповідання Грицька Ключника» Стороженка.

Якимъ глазами впился въ строки читаемаго, умное лицо Гаврила Петровича *насунилось*, у дѣда блаженная улыбка на лицѣ... Чтеніе идетъ съ перерывами. Очевидно слушателямъ, сле только встряхнувшимъ съ себя несправедливое панское иго, не по дугѣ восклицаніе пана, но личность Проконя Ивановича имъ симпатична. Это выражается короткими возгласами и иногда вздохами. «Отъ такъ, доказувались!... вздыхаетъ дѣдъ, кивая головою при чтеніи прощанія запорожцевъ съ Сѣчюю.

— Огъ яко! восклицаетъ Федоръ Ковбаса, когда я читаю, какъ Прокишъ Ивасовичъ возражаетъ: «брехля, тричи брехля. Зроби, доброго чоловіка паномъ, то й буде зъ нѣго ледащо...» Или когда тотъ-же Прокишъ, отказываясь отъ ночлега въ панской хатѣ, говорить: «нехай вола тобі сиризь землю провалитьця. Отъ стану я въ панскій хати почувать...»

При перерывахъ чтенія дѣлаются замѣчанія, вспоминается что-то похожее: какъ заселялось наше село, кто былъ «осадчимъ», почему поселились на этомъ яру, а не на прежнемъ «селищѣ». Вообще слушатели симпатизируютъ герою разсказа. Герой этотъ, Прокопъ Ивановичъ, во всей силѣ своей запорожской натуры являетъ свою нелюбовь къ пану и любовь къ свободѣ и самостоятельности. *Нашъ* разсказа не симпатиченъ слушателямъ, но и этотъ спискиваетъ ихъ благосклонность не хуже того, какъ это ему удалось съ Прокопомъ Ивановичемъ.

Копчили я. Всѣ благодарить. Прочитанное даетъ тему разговору, вызываетъ воспоминаія и «гуторня» идетъ безконечная. Жара спала, солнце спустилось за лѣсъ, за горою слышно мычаніе и блещеніе череды, Якимъ и Ковбаса пошли уже въ село, а мы еще не перестаемъ слушать, разсказывать...

У насъ въ деревнѣ, какъ я уже сказалъ выше, не было церкви, а была часовня на кладбищѣ. Украшенная иконами, ставлянками, лампадами и даже имѣвшая посильные кресты и хоругви; часовня эта замѣняла намъ отчасти церковь, особенно въ день поминовенія усопшихъ на проводы, въ день храмоваго нашего праздника 8-го ноября (соборъ архистратига Михаила), во время лѣтнихъ или лучіше сказать веселыхъ общихъ молебновъ съ крестнымъ ходомъ по полямъ. На первый день св. Пасхи наши селяне, разговѣвшись и прогдохнувъ, тоже почти всей деревней сходились къ часовнѣ,

гдѣ просыживали до вечера, разговаривая и глядя на обрядные хороводы молодежи ¹⁾ Осенью, когда за распутицей нельзя пробиться къ церкви за 7 верстъ, наши селяне тоже собирались въ часовню, гдѣ читались часы. Также совершалось и въ небольшіе лѣтніе и зимніе праздники, когда знали, что и въ П—цахъ службы пѣтъ, или когда послѣ обѣда, а то раняго, нужно было пачинать спѣшныя полевыя работы. Чтецами въ часовнѣ были обыкновенно одинъ или оба вмѣстѣ паличные грамотѣи Михайло Тимофеевичъ К—ць и Якимъ Максимовичъ Ст—пико, а иногда завершувшій по случаю къ намъ дьячекъ. Я тоже участвовалъ въ чтеніи часовъ. При этомъ я въ лѣтнее время иногда прочитывалъ одну изъ проповѣдей протоіерея Вас. Гречулевича. Дѣлалось это обыкновенно такъ, что по окончаніи часовъ я выходилъ на крыльцо часовни, садился на ступенькахъ и читалъ. Слушатели окружали меня, кто стоя, кто сидя, женщины всегда стояли. Читалъ я на крыльцѣ и сидя ради того, чтобы не изображать изъ себя проповѣдника. Подольскій говоръ проповѣдей протоіерея Гречулевича я смягчивалъ и по возможности читалъ такъ, чтобы публика понимала все. Проповѣди эти очень нравились нашимъ селянамъ. Разсорившись съ нашимъ священникомъ, я пересталъ читать проповѣди, чтобы не давать лишней темы для сыпавшихся отъ него на меня доносовъ; тѣмъ не менѣе мое столкновеніе съ нимъ было причиною проявленія еще одной формы моего учительства. Дѣло было такого рода.

Помню, зимою, какъ-то послѣ Рождества, пріѣхалъ ко мнѣ зачѣмъ-то священникъ Р—скій. Велѣдъ за его прибытіемъ приходитъ ко мнѣ вдова Сергіиха съ сыномъ парубкомъ и проситъ моего участія въ томъ, чтобы *упрохатъ батюшку* повѣнчать ея сына съ сосватанной уже въ с. Потапцахъ дѣвушкой. Я предложилъ просителямъ войти въ комнату и при мнѣ *прохатъ*. Въ комнату вошла степенная Сергіиха съ ея красавцемъ сыномъ. Не успѣлъ батюшка обмахнуть ихъ благословеніемъ, не успѣла Сергіиха промолвить слова, какъ уже опъ зачастилъ:

¹⁾ На первый день Пасхи плясствовать и танцовать всеюже. Молодежь водить хороводы, *тула, доюю лозы, короля* и т. п. и при этомъ поетъ старинныя, должно быть, языческія обрядовыя пѣсни. Наприм. «О князе, мій князе, зібди рано! Ой князе, мій князе! прійди *Мило* (?)».

— Ни, ни! Не буду винчать. Берить, яку хотите, а зъ цесою не повинчаю. Я вамъ разъ сказавъ и годи вже. Хоть и не просить... и т. д.

Сергіиха плакала, кланялась, но онъ не давалъ ей слова сказать, твердилъ все свое и въ концѣ концовъ ушелъ въ другую комнату. Я мигнулъ просителямъ, чтобы они вышли, рассчитывая самъ уговорить упрямого батюшку.

Но не тутъ было. Онъ мнѣ изложилъ такіе доводы:

— Нѣтъ, нѣтъ, Б. Ст—вичъ! И не просите за этихъ мерзавцевъ! (Со мной онъ говорилъ по русски). Вы знаете, эта самая дѣвка ни за что не хотѣла заниматься ко мнѣ, сколько не посылать, сколько самъ не уговаривалъ. И отецъ и мать согласились, а она «не пійду, тай не пійду». И вотъ такъ всё онѣ. Замужъ такъ на въ-вы-передки, а ко мнѣ въ наймы пайдуть, мерзавки! Нѣтъ ужъ, пожалуста, не просите. Пужно хоть одну проучить. Пужно, чтобы онѣ знали меня.

Но батюшка былъ неправъ въ данномъ случаѣ по существу дѣла. Я пробовалъ урезонить его, говорилъ, что, при объявленіи манифеста 19 февраля 1861 года, объяснявшіе этотъ манифестъ мѣстные власти (ставовой, исправникъ), при немъ же священникъ, говорили крестьянамъ о предоставляемомъ имъ теперь правѣ жениться и выходить замужъ безъ всякихъ разрѣшеній, что отказъ его Сергіихѣ и ея сыну можетъ вызвать жалобы и нареканія; что женихъ и его мать вдова люди бѣдные, что они уже сдѣлали затраты... и т. п. Наконецъ я просилъ просто отъ себя за нихъ. Нѣтъ и нѣтъ. Заупрямился о. Д. и недовольный уѣхалъ. Садясь въ сань, онъ еще разъ подтвердилъ стоявшимъ у крыльца Сергіихѣ и ея сыну: «берить, кого знаете, тильки не цю, цю не буду винчать».

Мнѣ оставалось одно: указать путь обиженнымъ. Это я и сдѣлалъ. Написалъ жалобу мировому посреднику. Постѣдовалъ запросъ батюшкѣ о причинахъ отказа въ совершеніи таинства бракосочетанія. Но батюшка ничуть не смутился: онъ отвѣтилъ, что не вѣнчаетъ потому, что брачующіеся не знаютъ молитвъ, что эта мѣра принята имъ, какъ крайняя, постѣ многократныхъ съ его стороны внушеній и наставленій о необходимости знать молитвы, а особенно

молитву за Царя (Спаси Господи люди Твоя...), даровавшаго свободу имъ. Вотъ сущность отвѣта о. Д. мировому посреднику—помѣщику и поляку. Я-же рассказалъ тому-же посреднику суть дѣла, все то, что произошло въ виду моемъ. Пошла переписка по этому поводу. Между тѣмъ батюшка въ церкви объявилъ, что незнающихъ молитвъ онъ вѣнчать не будетъ.

На Украйнѣ вообще съ самаго ранняго возраста родители учатъ дѣтей молиться, *проказываютъ Богу*, а потому почти всѣ дѣти знаютъ молитвы Св. Духу, Св. Троицѣ, молитву Господню, Символь вѣры и Богородицу. О. Р—скому это было извѣстно. Онъ сталъ требовать знаніе 10-ти заповѣдей, *Помилуй мя Боже, Достойно естъ и Спаси Господи люди Твоя* ..

Пока тамъ идетъ переписка, и мясоѣдъ идетъ. Молодежь брачнется. Каждая изъ *дичатъ* прибраваетъ хату и накрываетъ столъ чистымъ *настольникомъ* къ ночи... Могутъ *старосты наверху*. А тутъ задержка—батюшка вѣнчать не будетъ. Печего дѣлать, нужно учить молитвы. Не безынтересно было это обученіе. Ко мнѣ приходили цѣлой компаніей *дичата и парубки*. Не дѣти, а все въ брачномъ возрастѣ. Весело и *соромно* имъ: весело потому, что это обученіе было лишнимъ предлогомъ собраться и поболтать, стыдно потому, что, проходя ко мнѣ, дѣвушкамъ приходилось по пути выслушивать шуточные вопросы о желаніи выйти замужъ.

— А, Паляжка! Скортило замнѣть?... и т. п.

Съ топотомъ обмерзлыхъ сапогъ, съ шинками, толчками, со смѣхомъ вся компанія толпилась на крыльцѣ мсей квартиры, пока не впускалась въ домъ. Всѣ здоровались. Лица веселыя, со сдержаннымъ смѣхомъ, *дичата* прячутся одна за другую, вспрыскиваютъ неудержимымъ смѣхомъ. Но вотъ кое-какъ поразмѣстившись на лавкахъ, а то и стоя. Когда я начиналъ *проказывать*, всѣ вставали и крестились. Начиналъ обыкновенно кто-нибудь говорить громко, другіе повторяли, а я или поправлялъ замѣченную мною неправильность, или, если молитвы никто не зналъ,—отчетливо читалъ ее, а всѣ за мною повторяли. Когда я сталъ поправлять и показывать, что нужно говорить не «*воля* Отца и Сына и Св. Духа», а «*во имя* Отца и т. д.» то мнѣ возражали, что такъ пельзя: «треба казать *вомя*, а *во имя*, то це буде по лядзкому», т. е. по католически. Вообще многія слова молитвъ и даже цѣлыя фразы

коверкались ужасно. Я не стапу останавливаться на чисто фонетическихъ измѣненіяхъ звуковъ, но и самыя сочетанія слоговъ и словъ измѣнялись. Слова «даль былъ убо» выговаривались: *доо-бы-хуба, була рэхуба, да-ли-уба*, а ужъ дальне *дол-бихъ убо* цельзя было идти. Это смягченіе *л* и *ы* выходило также, какъ у великорусса *палыцца* вмѣсто *паланиця*. Все это не обходилось безъ хихиканья, подталкиванія, суеты... При словахъ *дали былъ убо* всѣмъ приходила на память одна молодица, взятая изъ другой деревни, которая, услышавши эти слова въ молитвѣ свекра, разказывала другимъ, что ея свекоръ «якъ молитвця, то провадить якись *тельбухи*». Ну, какъ тутъ удержаться отъ смѣха? Да еще компанія молодыхъ парней и дѣвокъ. Оказалось, что выучить заказанныя молитвы далеко нелезко, особенно при полнѣйшемъ непониманіи ихъ. Бились мы такъ, почти безуспѣшно, недѣля полторы, пока *не пришла бумага*, чтобы батюшка оставилъ лишнюю притязательность и вѣчалъ безъ экзамена.

Говорятъ вообще о грамотности въ знакомой мнѣ деревнѣ, я оставилъ-бы пробѣль, ничего не сказавъ о знакомыхъ мнѣ въ той деревнѣ грамотныхъ. Собственно у насъ въ деревнѣ грамотныхъ взрослыхъ, кромѣ монахъ учениковъ, было двое—Михайло К—цъ и Якимъ. Я упоминалъ выше о нихъ.

Михайло обучень былъ церковной грамотѣ, хотя разбиралъ и гражданскую печать. Читалъ онъ все больше церковныя книги, зная, когда какой праздникъ, разбиралъ Пасхалію, къ нему обращались узнавать, сколько будетъ недѣль Петрова поста, въ какой день какія заговѣны (*нущиння*), сколько недѣль мясоѣда и т. п. Это очень льстило его самолюбію и, кажется, что онъ церковничалъ и пабожничалъ только на виду общественнаго мнѣнія. Содержащій и толковый, онъ умѣлъ подписать свою фамилію, написать кое-какой счетъ прихода и расхода и этимъ, повторяю, хвасталъ. Громадяне раскусили его и говаривали про него:

— Ибъ бы ему хоть оттакеничкій (причемъ показывали мизинецъ) хвостикъ, такъ винъ бы вси ребра соби пооббивавъ, чванючись...—Это былъ зарождавшійся еще только въ то время типъ деревенскаго кулака. Теперь, думаю, онъ кулачествуетъ въ селѣ на славу. Его братъ Матвѣй, по профессіи поварь, а потому и горькій пьяница, былъ тоже грамотень и еще больше погружался въ цер-

ковное чтеніе. Опъ даже и говорилъ по церковному. Жилъ опъ въ другой деревнѣ, и даже больше у пановъ на сахарныхъ заводахъ. Разъ при мнѣ опъ давалъ показаніе слѣдователю:

— Вижу я, добигъ на изгорокъ до хреста, когда смотрю—небеса отверзаются. Паль я выцъ и говорю: не достоинъ есмь, Господи, узрѣти славу твою! Такъ я трепещу весь. Коли гляну, ажъ то Дударивська корчма горитъ.

Михайло былъ самымъ меньшимъ изъ нѣсколькихъ сыпоевъ зажиточнаго хозяина К—ци. Не знаю ужъ, какъ это Матѣй очутился поваромъ,—вѣрно по волѣ папа. Еще при жизни отца братья поотдѣлялись, а Михайло жилъ съ отцомъ и былъ особенно любимымъ за свою степенность. Я уже зналъ Михайла самостоятельнымъ хозяиномъ и женившимся во второй разъ. При мнѣ уже опъ порывался на разные гешефты: то исрекупить бочку рыбы и торгуется ею, то съумѣеть заполучить отъ продавца церковныхъ принадлежностей, при продажѣ чего-либо громадянамъ въ долгъ, какой-либо гостинецъ, какъ-бы въ роли титаря, то интригуется по поводу отдачи права торговли водкой въ селѣ. Въ дѣлѣ арцедованія громадою помѣщичьей земли Михайло былъ тоже изъ числа первыхъ, но первенствовать ему не пришлось отчасти по моей волѣ, отчасти потому, что громадяне замѣтили, что опъ *не туды имъ*. Думаю, что если когда въ той деревнѣ задумаютъ строить церковь, то Михайло вотрется въ церковные старосты и старатели. Опъ и при мнѣ былъ уже чѣмъ-то въ родѣ ктитора нашей убогой часовни и при варкѣ меду въ храмовой праздникъ завѣдывалъ этимъ дѣломъ. Со мною опъ не особенно ладилъ, хотя не показывалъ этого. Я отчасти былъ помѣхою его кулаческимъ замашкамъ, и кромѣ того при мнѣ опъ терялъ престижъ грамотѣя. При всемъ наружномъ почтеніи и даже какъ будто-бы дружелюбности ко мнѣ, опъ тѣмъ не менѣе ловко умѣлъ подмѣчать мои промахи и на сторонѣ выставлять меня въ этихъ случаяхъ не въ хорошихъ краскахъ. Разъ, я помню, былъ случай, когда Михайло ловко такъ затѣвалъ урощить меня при мнѣ-же, но публично. Дѣло было такое.

Вечеромъ, позднюю осенью (10 ноября) я увидѣлъ, какъ загорѣлась наша трактовая корчма. Прибѣжавъ первымъ на пожаръ и ничего, кромѣ обыкновеннаго пожара, не подозрѣвая, я, не дозавшись никого, вскочилъ въ середину корчмы съ цѣлю будить ея

обитателей. Одного изъ нихъ я нашелъ въ первой комнатѣ какого-то мокраго, храпящаго какъ-то страшно, и когда я вынесъ его на свѣтъ, то онъ оказался весь въ крови, вздрагивалъ, хрипѣлъ, прыскалъ кровью и сейчасъ-же на моихъ рукахъ умеръ. Это былъ еврей. Ужасно испуганный, я тѣмъ не менѣе вытащилъ еще, тоже окровавленную, мертвую уже еврейку и затѣмъ уже съ подбѣжавшими людьми вытащилъ обгорѣвшій трупъ женщины. Однимъ словомъ я, ничего не подозревая, попалъ на пожаръ, устроенный съ цѣлью прикрытія убійства и ограбленія обитателей корчмы. Никогда въ жизни я не былъ такъ встревоженъ: я положительно дрожалъ весь, хотя не терялъ сознанія и по ходу дѣла руководить тушеніемъ пожара, береженіемъ спасеннаго имущества, охраненіемъ труповъ и разсылкою извѣстій властямъ. Я сдѣлался распорядителемъ безъ моего къ тому стремленія, а такъ какъ-бы всѣми признанный руководитель. Во время пожара я замѣтилъ, что высокая кирпичная труба корчмы вотъ-вотъ рухнетъ, и потому съ брабью и угрозами выгналъ изъ середины людей. Дѣйствительно, выбѣгая послѣднимъ вслѣдъ за выгнанными мною изъ корчмы, я уже услышалъ ревъ толпы, возвыщавшей о наклонѣ трубы. Еле я переступилъ порогъ, какъ свадя меня раздался громъ и трескъ и громадная труба ввалилась, поднявъ цѣлый снопъ искръ. Вижу, выгнанные мною изъ середины корчмы собрались кучкою и что-то разсматриваютъ, снимали шапки, крестятся, другіе подходятъ къ нимъ. И туда къ толпѣ и что-же оказывается?!... Но... тутъ маленькое отступленіе. Со введеніемъ новой аптечной системы стало обязательно имѣть на корчмахъ вывѣски. Наши громадяне поговаривали, что будто-бы маляръ старую доску съ иконы св. Николая, закрывъ *покостомъ*, употребилъ для вывѣски. Подвыпившіе иногда, ругаясь съ шинкаремъ за неопускъ *на боръ горилки*, угрожали ему, попрекали его этою вывѣскою. Корчмарь оградилъ себя тоже руганью и угрозами. «Ну, ну, только рушь таблицю (вывѣску), такъ и посунешь у Сибирь: це казенне діло». И эти предостереженія были дѣйствительны: никто не рѣшался провѣрять молву. Вотъ эту-то самую вывѣску и разсматривали теперь громадяне съ Михайломъ во главѣ. Всѣ, говорю, снимали шапки, крестились. Что-же я увидѣлъ? *Покоство* масляный поцужырился отъ огня, масло выступило каплями, вся доска окончена дымомъ и въ переливахъ пожарнаго освѣщенія пред-

ставляла подобіе стараго, закоптѣлаго, выцвѣтшаго образа. Но тѣмъ не менѣе по срединѣ отчетливо видѣлись буквы надписи «*росск...*» «*актов...*» «*орчма...*» «*шаци...*» «*ковниц...*» «*Габ...*», что обозначало: «Дударовская трактовал корчма помѣщицы полковницы Габель».

«Ось святитель Миколай объявился!» сказалъ мнѣ Михайло, держа въ рукахъ вывѣску, когда я подошелъ и протолкался въ середину толпы. Я разсмотрѣлъ вывѣску, увидѣлъ вышереченную надпись и указалъ Михайлу буквы.

— Дежь тутъ Миколай? Вы жь Михайло грамотни, читайте,— указывалъ я ему.

— Щожь, вишь святитель тилько разъ *вирующимъ* объявился,— срѣзала меня ханжа Михайло.

Я вырвалъ изъ рукъ его доску, швырнулъ ее къ сложенымъ вещамъ, вытащевшимъ изъ корчмы, и съ руганію разогналъ публику тушить пожаръ.

На другой день при дневномъ свѣтѣ всѣ обозрѣли эту вывѣску и ничего похожаго на икону въ ней не нашли.

— Вы однако, Б—съ Ст—чь, поступили, какъ мнѣ разсаазывали, неосторожно,—внушала мнѣ на другой день священникъ Р—скій.

— А что, если-бы кто догадался подмѣнить эту вывѣску иконой, Б. С.?! что-бы было? Вы-бы были виноваты. Не хорошо.

При вещахъ и трулахъ были сторожа,—отвѣчали я хитроумному батюшкѣ.

Другимъ нашимъ сельскимъ грамотѣемъ былъ Якимъ Ст—енко. Для болѣе полной обрисовки Якима я долженъ вспомнить его отца, столяра Максема. Это былъ не только мастеръ, но просто артистъ своего дѣла. Кромѣ обыкновенныхъ столярныхъ работъ онъ умѣлъ точить и вырѣзать. Его замѣчательно хорошіе, оригинальной формы столы, церковные кресты, красиво изъюзорешные рѣзбою, его распятія и атрибуты страстей Спасителя, думаю, и теперь сохранились въ томъ околodikѣ. При другихъ условіяхъ изъ него вышелъ-бы замѣтный рѣзчикъ, икопостасчикъ; но подданство не дало ему ходу. Я зналъ уже *дѣда Максима* старика, пчеловода, садовода, ничего не пьющаго. Онъ плѣнялъ меня какою-то особенно плѣжно ласкающею душу благостію, поэтичностію. Онъ спавалъ чуть не всѣ гнѣзда плѣвчихъ мелкихъ птичекъ кругомъ своей пасѣки (пасѣку онъ перевозилъ по своимъ соображеніямъ изъ лѣсу въ лѣсъ), садилъ по

лѣскамъ фруктовія дерева, прививалъ къ дичкамъ, холить, обчищаль дикія, не плодовая даже деревья. Весь отдавшійся природѣ и ея красотамъ, онъ индифферентно относился къ деревенскому публицизму, даже въ церковь рѣдко хаживалъ. Жизнь людей занимала его въ его прошломъ, природѣ онъ былъ отданъ весь въ его настоящемъ. Онъ какъ-бы бѣжалъ къ ней отъ суеты мірской. Такимъ я знавалъ, но не такимъ онъ былъ въ своей молодости. Страстный по натурѣ, онъ увлекался поэзією жизни. Вино и женщины танули его къ себѣ. Вскорѣ послѣ женитьбы онъ влюбился въ молодую замужнюю цыганку и, бросивъ все, угрожаемый папскою карою, цѣлое лѣто протаскался съ таборомъ цыганъ. Послѣ этого онъ сдѣлался было горькимъ 'пьяницею и былъ имъ до тѣхъ поръ, пока ему приключилъ какой-то знаменательный сонъ (онъ мнѣ его рассказывалъ, но я не помню), послѣ котораго онъ бросилъ пить, углубился, такъ сказать, въ самосозерцаніе. Избѣгая односельчанъ и ихъ сборищъ на первыхъ порахъ ради избѣжанія соблазна выпивки, онъ послѣ совсѣмъ отсталъ отъ общественной жизни деревни и усидчивостію жизни пасѣчника, умерщвленіемъ плоти, тяжелою работою при копаніи омшаника (у него замѣчательный омшаникъ-пенсера, вырытый въ сухой и твердой, какъ камень, глинистой горѣ), онъ дошелъ до того состоянія благодушія и любовности, въ какомъ уже я знавалъ его. Что-то теплое, мягкое, душевное ласкало душу въ бесѣдѣ съ этимъ *дидомъ Максимомъ*, какое-то забвеніе и отрѣшеніе всей суеты земной видѣлось въ немъ. Не доставало ему только наставительнаго краснорѣчія, эрудиціи книжной, а то это былъ-бы пустынный, къ которому или-бы поучаться, неповѣдываться, упокоивать взволнованную страстями душу. Книжность, если можно такъ выразиться, отчасти проглядывала въ его разсказахъ и, скажу по правдѣ, портила цѣльность тѣла. Знакомый по своему ремеслу съ панками, экономами и *батюшками*, онъ нахватался книжности. Его разсказы про житіе святыхъ, про разныя эпизоды священнои исторіи, наконецъ даже про старину, при всей основности народноукраинской, тѣмъ не менѣе просвѣчивали книжностію, тѣмъ, что онъ почерпнулъ изъ слышаннаго устнаго и прочитаннаго ему. Предавшись самосозерцанію, старикъ, очевидно, попялъ, что его страстность, его стремленіе къ познанію добра и зла, что его лиризмъ помѣшалъ ему сдѣлаться достаточно богатымъ, что было возможно

при его профессіи, онъ понялъ, что въ жизни не слѣдуетъ «потурать сердцю», которое его все время «дурило» и не дало никакихъ практическихъ результатовъ. Въ сынѣ своемъ дѣду хотѣлось видѣть нѣчто иное: собственный жизненный опытъ этого требовалъ. Но не тутъ-то было.

Якимъ унаслѣдовалъ отъ отца всю поэзію, весь лиризмъ его естества. Это выразилось во первыхъ въ страстномъ стремленіи за предѣлы крестьянской жизни, изъ той рамки, которая назначалась ему обстановкой и въ которой отецъ хотѣлъ его удержать. Началось съ того, что Якимъ вопреки строгому запрету отца, *итовганьямъ* матери и попрекамъ семьи и родныхъ научился читать у одного экономическаго писарька. Запрещеніе только разжигало его страсть. Страстный по натурѣ, онъ безъ труда дался женить себя на понравившейся ему дѣвушкѣ. При женитьбѣ ему было исполна 19-ть лѣтъ. Женитьба эта собственно и была устроена пораньше ради того, чтобы, какъ говорится, *приборкать* его, подсѣчь его лиризмъ, подрѣзать крылья его фантазіи. При сватаньѣ на Украйнѣ поютъ:

Говорило пиво до своен пивоварочки:
 Якъ вы мене не доварите,
 То вы мене и не вдержите
 А ни въ бочкахъ, ни въ полубочкахъ,
 А ни въ золотихъ кубочкахъ.
 Говоривъ-же та нашъ (имрекъ)
 До своего та пап-отченька:
 Якъ вы мене не ожените,
 То вы мене и не вдержите
 А ни въ доми, ни въ поли,
 Ни на ворономъ кони...

Женитьбою думали удержать Якима *и въ доми и въ поли*, въ предначертанной его отцемъ и рутвиной рамкѣ сельской жизни, такъ сказать, задержать его броженіе. Но пиво это было шумное; слишкомъ много было въ немъ дрожжей отцовской страстности и удержку не было.

Многіе опытные *батьки* на Украйнѣ, женивъ сына въ земній мясобѣдъ, стараются *одлучать* его отъ жены по веснѣ. «*Ажъ змарнивъ, якъ подиалось на нѣю. Сказано молодежи: и молодицю зведе ни*

на *вищо й само обезсиліе*»... говорилъ мнѣ одинъ такой *батько*. И вотъ таковыхъ ради соображеній опытные отцы на время спроваживаютъ куда нибудь сына на сторону. Лучшимъ въ этомъ случаѣ дѣломъ было чумакованье: работа не тяжелая, корыстная и на сторонѣ отъ жены. У Столяренковъ не было воловъ для чумачки, а молодой Якимъ, которому все хотѣлось чего-то новаго и которому, можетъ быть, я жена прискучила, рвался въ *мандривку* (на заработки) въ *Бессарабію*, какъ на Украинѣ называютъ весь югъ. Желаніе это совпало съ планами отца, и Якимъ потянулъ съ котомкою за плечами на югъ на встрѣчу подходящему оттуда лѣту, въ новый загадочный для него, полный бурлацкой поэзіи край. Просторъ степи, пестрота населенія, пѣмецкія колоніи, приморскіе города, самое море, новыя знакомства съ *бурлацкою*, которой тогда киѣли херсонскія степи—все это было не только не унывающее ферментацию страстной натуры Якима, но еще поднимало броженіе идей и чувствъ въ немъ. Онъ и работалъ и мечталъ, поэтизировалъ. То онъ представлялъ себя героемъ—страдальцемъ какой-то небывалой исторіи, воображалъ себя покинувшимъ по нуждѣ отцовскій домъ и принужденнымъ бродяжить, преслѣдуемый какими-то зложелателями; то упивался разказами о «волѣ», которую уже тогда чуяли (это было въ 1860 году); то ставилъ себя въ роли того, кто рассказывалъ про свою горькую судьбину, то заливался слезами подъ разголосъ бурлацкой пѣсни: Ой йшовъ козакъ зъ Дону, та зъ Дону до дому >...; то воображалъ себя влюбленнымъ въ какую-то бурлачку, то разбогатѣвшимъ, взмесащымъ милостями влюбившейся въ него одесской купчихи; то поражался величіемъ города, громадными домами, гаванью, магазинами... Повторяю, броженіе этой страстной натуры не унялось ни чуть за время этой *мандривки*, а напротивъ усилилось.

Но вотъ *стала оснь, михаи година*, бурлачка потянула отъ моря къ сѣверу на Украину *у теплі запички, на мякеньки млинци*. Нужно было и Якиму вернуться домой. Денегъ онъ таки заработалъ: двѣ книжечки прибавилось въ сумгѣ, на шеѣ появился *шарфъ* (шарфъ), несъ онъ *одесскій* поясъ женѣ, платокъ сестрѣ и двадцать два рубля отцу. Любящій сына старикъ давно уже случалъ за нимъ, молодая жена, которой повольготнѣло послѣ лѣтнихъ работъ, уже отъ Семена (1 сентября) *ждала-выглядала* мужа и не разъ уже

изорала бровоньками поле. «Орала, орала тай заволочила, дрибеньскими слизоньками все поле змочила» (такъ поэтично метафорно образно рисуетъ народная пѣсня жену съ поднятыми надъ напряженными глазами бровями, всматривающуюся въ даль, обводящую взоромъ горизонтъ и наконецъ плачущую). Не остывшая еще вполнѣ поэтичная натура *диды Максима* въ этомъ *блуканьѣ* по свѣту Якимъ, въ его возвращеніи создавала себѣ знакомую по разсказу и по чтенію *батьюнокъ* исторію блуднаго сына. Старикъ иначе и не вспоминалъ Якимъ, какъ въ образѣ этого героя евангельскаго разсказа.

Вотъ въ этомъ-то настроеніи и встрѣтили Якимъ дома: старикъ слезами радости, жена объятіями.

Осеннее бездѣлье, храмовые праздники, разсказы про виданное и испытанное, радости свиданій, толки о волѣ—все это заполонило Якимъ на первыхъ порахъ. Настала зима, долгіе вечера, ранніе досвѣтки... Книжечки, которыя не покидали его и въ бурлячествѣ, болѣе смѣло появились при свѣтѣ зимняго *камина* и старикъ, не пересиливая въ себѣ напускнаго пренебреженія къ читаемому, иногда удостоивалъ своимъ вниманіемъ чтеніе. Въ деревнѣ тѣмъ временемъ явилась мысль арендовать помѣщичью землю; желанная *воля* приближалась. Деревенскій публицизмъ былъ по сердцу Якиму. Вопросы публицизма были на лицо—толки о *воли* и объ арендѣ. Такъ прошла зима 1860—61 года. Мечты громады о волѣ и объ арендѣ осуществились: явилось «Положеніе» и само по себѣ новый строй деревенской жизни.

Въ это-то самое время Якимъ натолкнулся на меня. Миѣ онъ съ его любознательностію, съ его поэтичностью сильно понравился, я увлекся имъ; для него-же я представлялъ цѣлый кладъ. Моя грамотность, свѣдѣнія и изобиліе книгъ сразу потянули его ко мнѣ. Онъ пересчитывалъ все, спрашивалъ про всячину. Все малорусское очень полюбилось ему, особенно по вразумительности, ибо русское мало было понятно ему. Изъ прочтannaго онъ усвоилъ себѣ слащавость и пѣжность, какими переполнены были повѣсти Марка Вовчка, Квитки, стихи Шевченка. Практическая сторона жизни не описывалась, не воспѣвалась. Кстати припоминаю слова одной воронезской хохлушки:

— Усе люблятьця, та люблятьця, а колижь и якъ вони дило робили?—спросила она, прослушавъ нѣсколько повѣстей Марка Вовча. Вотъ этого-то «якъ дило робить» въ малорусскихъ князкахъ того времени не было. Правду сказать, и по сю пору литература страдаетъ недостаткомъ указанія, *якъ дило робить*. Я сознавалъ и тогда этотъ недостатокъ; но пополнить его не имѣлъ чѣмъ, да при томъ-же, надо правду сказать, я самъ очень смаковалъ въ лирической сторонѣ народной жизни. Много теплаго, хорошаго, поэтичнаго я нашель въ Якимѣ, много хорошихъ часовъ я провелъ съ нимъ. У меня долго хранились его задушевные письма ко мнѣ. Многое ему разказывалось, многое отъ него выслушивалось. Любопытности его не было предѣла; ему хотѣлось знать физику, химию, учиться по французски и по нѣмецки. Но все это было какое-то порывистое: еле успѣвалъ онъ ознакомиться съ чѣмъ, какъ оно уже ему надоѣдало и онъ начиналъ рваться къ чему другому. Послѣ, когда намъ съ нимъ пришлось погрузиться въ прозу жизни, и поплыть по теченію, а онъ захлебывался, не могъ держаться намѣченного пути и тонуть. Что съ нимъ? Гдѣ онъ теперь? Судьба разлучила насъ. Я съ болью сердца слышалъ, что онъ не добромъ поминалъ меня, что онъ говорилъ, будто я испортилъ его. Можетъ быть, я и виновещъ предъ нимъ. Но въ чемъ вина моя? Рокъ столкнулъ его со мною и я, можетъ быть, поддержалъ въ немъ готовую обсесться ферментацию. Но я тоже былъ молодъ, я тоже подверженъ былъ броженію, я былъ сынъ своего вѣка. Онъ или переселился на новое мѣсто, или попалъ въ чигиринскую или иную аграрную сумятицу Украины или въ лучшемъ разѣ штундистствуетъ. Sic fata tulerant!

Итакъ, возвращаясь къ основному сюжету настоящей замѣтки, я повторяю, что въ селѣ въ началѣ 60-хъ годовъ былъ большой запросъ на грамотность. На этотъ запросъ не послѣдовало своевременнаго предложенія; мы-же учителя дилетанты мало дали народу. Мизерный результатъ нашихъ усилій составляетъ миниатюрная цифра научившихся читать. Но и эту мизерную услугу народу намъ не удалось выполнить по мѣрѣ силъ нашихъ. Вспыхнуло польское возстаніе. У насъ, на Украинѣ, оно было только три четыре дня, но послѣдствія его и до сихъ поръ видны еще. Народъ украинскій не безъ подстрекательства, замѣчу, вскипѣлъ и смялъ-потоп-

тала не только кучки выступившихъ въ поле инсургентовъ, но, ассимилируя въ своемъ пониманіи злѣхъ съ паномъ, и все панское. Націонализмъ вообще мало пріисущъ народу, а потому подогрѣтое національное движеніе народа на Украйнѣ противу *ляхиовъ* само по себѣ перешло на соціальный мотивъ. «Царь намъ волю дасть, а паны й забунтувались»,—такъ рассуждалъ украинець, не вникая въ разныя московскаго вздѣлія памфлетамъ. Тогда появилось много брошюрокъ, въ коихъ на все лады пробирались поляки и ихъ возставіе. Эти брошюрки были чуть не первымъ печатнымъ русскимъ словомъ на Украйнѣ, если не считать «Положенія», официальныхъ бумагъ и лубочной литературы. Я помню эти брошюрки. Это было своевременная и даже послѣ-временная ругань на все лады на поляковъ и на возставіе со стороны тѣхъ, которые, будучи по натурѣ своей ругателями, почували въ то время свободу въ словозверженіи. Мерзко вспоминать этихъ ругателей, не заслуживающихъ, собственно говоря, и воспоминанія. Украинцы-же, не умѣвшіе читать и не понимавшіе по русски, я думаю, мало знали все эти словозверженія. Одна изъ этихъ брошюрокъ: «Польская кривда и русская правда», печатанная церковными буквами, и другая, которая раздавалась при иконкахъ Спасителя, почему-то въ нашей мѣстности получили особое, таинственное значеніе. Ивѣкій Каллистратовъ въ Кіевѣ издалъ во многихъ экземплярахъ и въ разныхъ размѣрахъ писанную, а также хромолитографированную икону Спасителя въ память освобожденія крестьянъ. Это былъ поясной образъ Иисуса Христа, благословляющаго правой рукой, а въ лѣвой рукѣ держащаго открытую книгу, въ которой написаны слова: *Прійдите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. У нижняго бордюра, на краю синей тоги, буквами золотыми или желтыми (смотря потому, былъ-ли образъ писанный или литографированный) было написано: «19 февраля 1861 года».* Кромѣ послѣдней надписи, образъ, собственно говоря, не имѣлъ ничего, что напоминало-бы это знаменательное событіе; но вся суть недостаточна ясно выраженной образомъ мысли издателя разъяснялась въ прилагаемой къ иконамъ брошюркѣ. Одновременно съ появленіемъ въ продажѣ этихъ иконокъ¹⁾, правительство вводило по словамъ *бляхи*—знаки для по-

¹⁾ Начало продажъ было расчитано ловко, по коммерчески. Итель въ Кіевѣ масса богомольцевъ—покупателей иконъ.

левыхъ и лѣсныхъ сторожей. Въ нашей мѣстности крестьяне толковали, что всякъ, принявшій для пошенія такой знакъ, будетъ закрѣпощень опять панамъ и если въ селѣ такихъ носителей будетъ десять человѣкъ, то и все село будетъ закрѣпощено. Единственнымъ спасеніемъ отъ закрѣпощенія, говорили въ народѣ, служатъ вышеномянутыя иконки. Все это я узнала случайно.

Возвращаясь я изъ Кіева, гдѣ также купилъ икону Спасителя, изданія Каллистратова. Высадившись съ парохода въ м. Х—ровѣ, я шелъ домой пѣшкомъ и шелъ иконку въ рукахъ, такъ какъ она была въ рамкѣ за стекломъ и нужно было нести ее бережно. Встрѣтившіеся мнѣ х—вцы объяснили, что иконку слѣдуетъ прятать, чтобы паны не видали, что Василь Щука, одвоселець ихъ, черезъ одного монаха, ходившаго *на прощу* въ Кіевъ, получилъ отъ самаго митрополита такую иконку и къ ней двѣ грамоты, при чемъ ему велѣно иконку и грамоты прятать и не показывать *до слушного часу*, а также *знаковъ* по возможности не брать, ибо если кто возьметъ знакъ, то будетъ опять *паньскимъ*, а если въ селѣ наберется десять человѣкъ со знаками, то все село будетъ *паньскимъ*. Не смотря на всѣ мои просьбы, бывший тутъ-же Василь Щука иконы и грамоты мнѣ не показалъ, а подосланный мною послѣ грамотѣй видаль у него брошюрку, разъясняющую смыслъ иконы, и другую: «Польская кривда и русская правда». На разные лады варьированныя подобныя-же толкованія я слышалъ еще нѣсколько разъ.

Фактъ этотъ, какъ нельзя лучше, доказываетъ во первыхъ неразборчивость издателей и продавцовъ въ средствахъ къ наживѣ и во вторыхъ то, что народъ грамотокъ этихъ вовсе не читалъ.

Какъ извѣстно, украинцы, по случаю польскаго возстанія, при раздѣлѣ съ панами по выкупу земли остались въ выигрышѣ. Побѣрочныя комиссіи понизили по возможности выкупной платежъ и по мѣрѣ силъ соблюли интересы крестьянъ при разверсткѣ угодій. Насколько это повліяло на благосостояніе бывшихъ подданныхъ украинцевъ, я не имѣлъ случая провѣрить. Украинфильство, переставшее по внутренней политикѣ правительства быть нужнымъ, какъ противувѣсь полонизму, было устранимо. Явилась нужда въ «обрусѣніи» спасеннаго отъ полонизаціи украинца. *Обрусители* не замедлили явиться. На сколько удачно вели дѣло обрусѣнія эти «экс-

менты»¹⁾), я не знаю. Люди, преданные украинскому народу, провели дѣло выкупа земли бывшими панскими крестьянами—*элементы* разводили бывшихъ государственныхъ крестьянъ съ казною, прихватывая остатки въ видахъ того-же обрусѣнія края. Чигиринскія дѣла какъ чисто крестьянскія, такъ и въ компаніи съ социалистами, говорятъ сами за себя и о дѣяніяхъ *элементовъ*.

Любопытно-бы своими глазами посмотрѣть на Украину, увидѣть, что сдѣлано за эти 20 лѣтъ по части благосостоянія народа, его просвѣщенія и наконецъ обрусѣнія.

Въ 1866 году судьба съ по-Днѣпровья закинула меня на Донъ. То, что я видѣлъ здѣсь, что подмѣтилъ, расскажу въ слѣдующемъ за этимъ очеркѣ, а теперь, посмотрѣвши своєю памятю-воспоминаніемъ

На ту Украину,
 Де ходили гайдамаки
 Зъ святыми ножами—
 На тв *тляги*, що я мирявъ
 Малеми ногами...

Закапчиваю скорбнымъ рассказомъ эту часть моей замѣтки.

Въ маѣ 1882 года проѣзжалъ я по Днѣпру изъ Кіева въ Кременчугъ. Видѣлъ я эти села

По-над-днѣпрянскыи не весели.

Тоскливо свжималось сердце, оstarѣвшее, измученное. Въ памяти моей возставали дѣлой вереницей представляя моего прошлаго. По дѣламъ я не могъ имѣть даже одного свободного дня, чтобы высадиться на берегъ и побывать въ знакомыхъ мѣ мѣстахъ, повидать прежнихъ друзей. Привлбый берегъ Днѣпра въ м. Х—ровѣ заплллся вынесеннымъ изъ яру муломъ, образовалась отмѣль, на которой устроена дровяная пристань. Празднующій «Зелени святки» людъ нестройной массой толпился къ пароходу; я вшивался глазами въ эту толпу, стараясь угадать хоть одно знакомое лицо. Тщетно! все чужіе, незнакомые мѣ. Но вотъ свистокъ, и мы поплыли ввызь

¹⁾ «Ты понимаешь, я здѣсь представляю собою русскій элемент!» говаривали, часто подъ куражемъ, эти гг. обрусители. Остроумные евреи такъ и звали ихъ: «г. Элементъ, г. элементъ! Пожалуйте...».

по теченію, объѣзжая Трахтемировскую гору. Отдаленный отъ берега рѣки Переяславъ, Трахтемировъ, Монастырище, Зарубинцы, Бучакъ, горы—все это тлѣлось напорамой передъ моими глазами. Вотъ Селище, а далѣе за лугомъ на полугорѣ Капеевъ. И не сходилъ съ мостка парохода; весь отдавшійся воспоминавіямъ, я не хотѣлъ ничего и ни съ кѣмъ говорить; я смотрѣлъ на горы, села, убогія церкви, или всматривался въ группу богомольцевъ—черкаманъ, чигиринцевъ, помѣщавшихся внизу подъ мосткомъ на палубѣ парохода. И ихъ узнавалъ по цокроямъ свитолъ, по формѣ очпиковъ и воротамъ рубахъ. Обойдя лугъ, за которымъ расположенъ самый городъ Капеевъ, мы плыли прямо къ Тарасовой горѣ. На мостокъ вышло нѣсколько пассажировъ—какая-то пожилая дама полька, цѣлое отдѣленіе кievскаго окружнаго суда, вѣдущее въ Черкасы, и нѣсколько жидковъ. На пристани суета, изъ города въ галопъ мчатся жидки въ богуславскахъ бричкахъ. Мостковая публика смотритъ на видѣющійся между жидкими деревьями крестъ на могилѣ Шевченка. Всѣ разговариваютъ.

— То крикъ, поставлены надъ Шевченкомъ,—разъясняла, отдуваясь, захнывавшая при вхождѣ на мостокъ дама полька, *по русскійску*.

— Ахъ, да! Это тотъ народный поэтъ! надѣвая пенсюръ, замѣчалъ одинъ изъ членовъ суда.

И отодвинулся отъ собесѣдей. Вдругъ слышу, у меня подъ ногою длиннополоый еврей объясняетъ богомольцамъ украинцамъ.

— А хибѣ вы не знаете?! Та тожъ вашъ святой! то самъ Тарасъ, що вамъ книжки писавъ...

— А що мы знаємъ? Може й святой. Хибѣ мы неслемени?—отвѣчали украинцы. Сняли шапки и набожно перекрестились.

— А опухи!...

— Имъ байдуже—жито собі сіють—подумалъ я.

Борись П—скій.

6 декабря 1884 года,

г. Павловскъ.

ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

(Отвѣтъ С. Т. Голубеву).

Въ статьѣ: «Историческія замѣтки о Кіевѣ», помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый годъ, мы признали вполне достовѣрнымъ высказанное въ свое время историографомъ Миллеромъ и принятое впоследствии митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ мнѣніе о томъ, что кіево-братская обитель, съ братскою при ней школою, впоследствии академіей, существовала раньше 1615 года, къ которому начало ихъ относятъ позднѣйшіе изслѣдователи этого вопроса, и что эту школу, бывшую при богоявленской церкви, благословилъ въ 1589 году константинопольскій патріархъ Іеремія II. Чтобы утвердить это мнѣніе, подрываемое гг. Максимовичемъ, Малышевскимъ и Голубевымъ, мы старались, путемъ сопоставленія прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ свидѣтельствъ, доказать, что 1) богоявленская церковь въ Кіевѣ, на Подолѣ, существовала еще въ XVI ст. и что начата постройкою при Сагайдачномъ, но не оконченная еще и въ 1625 году, церковь Богоявленія не была первоначальною церковью сего имени, а замѣнила собою церковь существовавшую раньше 1620 г. и даже раньше 1615 года; 2) что константинопольскій патріархъ Іеремія II былъ въ кіевской странѣ на возвратномъ пути изъ Москвы и слѣдовательно могъ благословить кіево-богоявленскую школу, какъ гласить о томъ дошедшее къ намъ издавна извѣстіе; 3) что на существованіе въ концѣ XVI ст. кіево-братскаго монастыря указываетъ одинъ изъ документовъ его, называемый въ числѣ прочихъ въ подтвердительной царской грамотѣ 1694 г., именно купчая Андрея Обуха

1594 г. на продажу сверщовскаго двора монастырю, названному кіево-братскимъ и 4) что существованіе кіево-братскаго монастыря и школы при немъ раньше 1615 г. очевидно изъ данной въ этомъ году записи Гальшкы Гулевичевой-Лозкиной, въ которой она прямо говоритъ, что подарила свой дворъ на Подолѣ на монастырь *патріаршей ставропигіи* и ввела въ этотъ дворъ, при возножъ и свидѣтеляхъ, какъ школу, такъ и монашествующую братію, но отнюдь не даетъ и намека на то, что и монастырь, и церковь, и школа подлежатъ еще учрежденію и устройству.

Статья наша вызвала помѣщенное въ январской книжкѣ «Кіевской Старины» за настоящій годъ обширное возраженіе извѣстнаго изслѣдователя исторіи южно-русской церкви С. Т. Голубева, въ его статьѣ: «Древнія и новыя сказанія о началѣ кіевской академіи». Почтенный авторъ этой статьи не соглашается съ высказанными нами соображеніями и приведенными доводами. Изслѣдуя исторію мнѣній по вопросу о началѣ кіевской академіи, онъ утверждаетъ, что 1) сказаніе о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іеремією въ 1588—1589 г. и объ учрежденіи имъ здѣсь *высшаго училища* при богоявленскомъ братствѣ не есть древнее преданіе, какъ говорятъ нѣкоторые, а позднѣйшее мнѣніе, высказанное впервые въ 1765 г. корпораціею самой академіи въ запискѣ, представленной ею въ отвѣтъ на officialный запросъ о началѣ этого учрежденія и отвергнутое тою-же корпораціею и по такому-же поводу въ 1773 г.; 2) что патріархъ Іеремія ни въ 1588 г., ни въ 1589 г. не былъ въ Кіевѣ и что свидѣтельство о семъ Павла Алешкеаго не можетъ быть принято; 3) что существованія богоявленскаго братства и школы при немъ съ 1588 г. по 1615 годъ не доказываютъ документы того времени, именно «Листы королевскихъ урядниковъ» 1593 г. и «Купчая Андрея Обуха» 1594 г., такъ какъ они извѣстны по позднѣйшимъ указаніямъ, въ которыхъ названіе *братскаго монастыря* употреблено какъ современное этимъ указаніямъ, а не самымъ документамъ; 4) что учрежденіе кіево-богоявленскаго братства около 1615 года доказывается «Братскимъ уписомъ» и свидѣтельствомъ униатскаго м. Рутскаго; 5) что мнѣніе о полученіи кіевскимъ братствомъ отъ патріарха Іеремія правъ ставропигіи, т. е. подчиненности только патріарху, не имѣетъ подтвержденія въ дарственной записи Гулевичевой 1615 г. и стоитъ въ явномъ проти-

ворѣчи какъ съ грамотою патріарха Теофана 1620 г., такъ и съ письмами кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Феодоровичу 1625 г. и б) что сравнительно позднее возникновеніе въ Кіевѣ братства и высшаго училища паходится въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ церковно-исторической жизни этого города.

Не смотря на полноту и обстоятельность изслѣдованія автора названной статьи, выводы его мы не считаемъ послѣднимъ словомъ по вопросу о началѣ кіевского богоявленскаго братства и его училища и находимъ возможнымъ противопоставить новыя возраженія его доводамъ и заключенію. Въ настоящемъ отвѣтѣ ему мы не коснемся названныхъ выше документовъ, именпо: «Листовъ королевскихъ урядниковъ» и «Купчей Андрея Обуха», такъ какъ первый изъ нихъ упоминаютъ у Аскоченскаго, а не у насъ, относительно-же втораго мы готовы согласиться съ разъясненіемъ г. Голубева, что онъ могъ первоначально и не относиться къ братскому монастырю. Оставимъ также въ сторонѣ и вопросъ о характерѣ кіево-братской школы до 1615 года, которой мы не усвоили значенія высшаго учебнаго заведенія. Послѣ этого спорный вопросъ о началѣ кіевской академіи можетъ касаться въ частности только слѣдующихъ 5-ти пунктовъ: 1) посѣщенія Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іеремією, 2) учрежденія кіевского братства, 3) времени построенія братской богоявленской церкви, 4) учрежденія кіево-братскаго монастыря и 5) учрежденія братской школы, которая, постепенно развиваясь, стала кіевскою академією. По каждому изъ этихъ пунктовъ мы дадимъ отвѣтъ.

Начнемъ съ вопроса о томъ, былъ-ли въ Кіевѣ въ 1588 году патріархъ Іеремія, которому древнее преданіе приписываетъ санкцію кіево-братской школы. Прямыхъ свидѣтельствъ того времени объ этомъ нѣтъ. Мы сдѣлали ссылку на пріѣзжавшаго въ Кіевъ въ 1654 г. съ антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ діакона Павла Алевскаго, который говоритъ, что видѣлъ въ кіево-софійскомъ митрополичьемъ домѣ портретъ патріарха Іереміи въ числѣ портретовъ другихъ восточныхъ патріарховъ, и замѣтилъ, что таковой обычай въ той странѣ—снѣсывать портреты съ патріарховъ въ томъ видѣ, какъ они посѣщали ее. Г. Голубевъ говоритъ, что это не доказательство, что страна не городъ, что Іеремія былъ только въ западно-русской странѣ, но не въ Кіевѣ, что портретъ могъ быть снятъ

съ него въ другомъ мѣстѣ и присланы въ Кіевъ. Дѣйствительно, Павелъ діаконъ въ указанномъ нами мѣстѣ не говоритъ, чтобы патриархи, портреты которыхъ онъ видѣлъ, посѣщали именно Кіевъ; но говоря, что они посѣщали *эту страну*, безъ сомнѣнія онъ разумѣлъ то мѣсто, въ которомъ тогда находился самъ, т. е. *страну* кievскую. Г. Голубевъ прибавляетъ, что о посѣщеніи Кіева патриархами антиохійскимъ Іоакимомъ и александрійскимъ Мелетіемъ нѣтъ вовсе письменныхъ свидѣтельствъ того времени; но, скажемъ мы, нѣтъ и тогочасовыхъ указаній на то, что они не были здѣсь. Что до Іереміи, то на чемъ нибудь основывали свое мнѣніе о посѣщеніи имъ Кіева въ 1589 г. составители академической записки 1765 году, на чемъ нибудь основывали свое извѣстіе о томъ-же російскій исторіографъ Миллеръ, который въ 1725 году былъ уже адъюнктомъ исторіи въ с.-петербургской академіи наукъ, на что нибудь опирался въ своихъ историческихъ трудахъ извѣстный Василій Рубанъ, который самъ обучался въ кievской академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. Оба они—Миллеръ и Рубанъ, безъ сомнѣнія, могли имѣть документы о началѣ кievо-братскаго монастыря и его училища, не дошедшіе до насъ, и кое-что могли слышать о семъ отъ Теофана Прокоповича и другихъ старѣйшихъ воспитанниковъ и учителей кievской академіи.—Г. Голубевъ слѣдитъ путь патриарха Іереміи въ Москву и изъ Москвы, съ цѣлію доказать, что онъ не могъ быть въ Кіевѣ; но изъ его-же свѣдѣній видно, что изъ обратнаго пути Іеремія болѣе двухъ мѣсяцевъ приходится на пребываніе его въ Замостьѣ. Точно-ли и жилъ онъ все это время въ Замостьѣ? Вѣдь главною цѣлію его путешествія былъ сборъ пожертвованій на патриархію. Можно-ли допустить, чтобы патриархъ столь долгое время сидѣлъ безъ дѣла въ маленькомъ городѣ, въ которомъ и прежде уже былъ? Естественно-ли вообще думать, чтобы въ это или иное время патриархъ не посѣтилъ г. Острога, гдѣ была резиденція богатѣйшаго и могущественнѣйшаго защитника православныхъ князя Константина Острожскаго, и Кіева, бывшаго все-же главнымъ городомъ воеводства, важнымъ торговымъ пунктомъ и, по своей святинѣ, опорой православія въ Украинѣ?

По вопросу о времени учрежденія кievскаго братства г. Голубевъ въ окончательномъ своемъ выводѣ утверждаетъ, что кievское братство сформировалось около 1615 года; по ранѣе этого гово-

рять, что «братство не сформировалось еще окончательно въ то время, когда фундація Гальшки Гулевичевой приводима была въ исполненіе», т. е. въ 1615 г., и допускаетъ даже, что «въкоторое, очень непродолжительное время оно существовало уже при одной изъ кievо-подольскихъ церквей», словомъ: склопается болѣе къ тому, что братство учредилось и существовало раньше 1615 года, а слѣдовательно оны не стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ нашимъ мнѣніемъ о существованіи кievскаго братства въ 1589 г., т. е. за 25 лѣтъ до записи Гальшки Гулевичевой. Мы не хотимъ однако пользоваться противорѣчіемъ въ словахъ г. Голубева, мы беремъ его окончательный выводъ, что кievо-богоявленское братство сформировалось около 1615 г. На чемъ основанъ этотъ выводъ? Г. Голубевъ ссылается на «Братскій унись». Но «унись» кievскихъ братчиковъ, помѣщенный во 2-мъ томѣ Памятниковъ кievской комиссіи, помѣченъ 1631 годомъ, на самомъ-же дѣлѣ принадлежитъ даже позднѣйшему времени, по отношенію не 1615 году. Тутъ въ числѣ вписавшихся въ братство нѣтъ ни Елисея Плетенецкаго, ни Исаи Колинскаго, ни Иова Борецкаго, которые безъ сомнѣнія принадлежали къ братству 1615 года, а между тѣмъ есть подписи Исаи Трофимовича Козловскаго и Сильвестра Коссова, которые въ 1631 году находились еще въ Львовѣ и въ это время только еще приглашались прибыть въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей, и притомъ не въ братской, а въ лаврской школѣ Петра Могилы¹⁾.

Напрасно также г. Голубевъ полагаетъ, что пожертвованіе Анною Гулевичевою своего двора сдѣлано не кievскому братству, а «состоялось подъ вліяніемъ кievо-печерской лавры». О кievо-печерской лаврѣ въ записи нѣтъ и помину, между тѣмъ дворъ жертвуется не только для школы, но подъ гостиницу и богадѣльню, подъ такія учрежденія, которыя, какъ извѣстно, вѣдало тогда не школьное начальство, а церковныя братства; значить завіщаніе Анны Гулевичевой необходимо даже предполагаетъ существованіе братства. И дѣйствительно братство не только существовало въ 1615 г. во время этой записи, но самая записъ эта дана не кому иному, какъ братству, или, говоря словами записи, «правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народу россійскаго *духовнымъ и свѣт-*

¹⁾ Памятники кievской комиссіи, т. 2, стр. 97.

скизмъ въ повѣstechъ воссоединенія кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго. Г. Голубевъ, не желая подѣ духовными и свѣтскими здѣсь лицами видѣть братчиковъ, говоритъ, будто « во всей довольно обширной западно-русской письменности того времени нельзя найти ни одного документа, касающагося братства, гдѣ-бы составлявшіе его члены не назывались этимъ именемъ », т. е. братствомъ. Но мы можемъ указать по крайней мѣрѣ три такихъ документа, именно: письмо кіевскихъ братчиковъ къ царю Михаилу Феодоровичу отъ 10 апрѣля 1625 года, письмо ихъ-же къ московскому думному дяку Ивану Грамотину отъ тогоже числа и письмо ихъ къ царю Михаилу Феодоровичу отъ 17 января 1626 г. Ни въ одномъ изъ этихъ документовъ братчики не называютъ себя « братствомъ », но братіями духовными свѣтскими; такъ въ подписи подѣ первымъ письмомъ значится: « всѣ о Христѣ братія православныи братства церковнаго кіевскаго *духовныи, вушно и мирстїи* »; во второмъ « всѣ братія православныи братства церковнаго кіевскаго, *духовныи и свѣтскїи* »; въ третьемъ « всѣ о Христѣ братія церковнаго соединенїи при храмѣ Богоявленїя въ Кіевѣ ¹⁾ ». Если-же въ записи Гулевичевой не видѣть упоминанїа о братчикахъ по отсутствїю въ ней слова « братство », то возникаетъ неразрѣшимое недоумѣніе, кому-же дается эта запись? Кто владѣлецъ будущей фундаціи? Кто будетъ вѣдать богадѣльно, гостиницу и школу? Скажутъ: монастырь? Но, по мнѣнію гг. Малышевскаго и Голубева, въ 1615 году братскаго монастыря еще не было, онъ является у нихъ только съ 1620 г., съ прибытїемъ въ Кіевъ патріарха Теофана. Г. Голубевъ свое мнѣніе о сформированїи богоявленскаго братства въ 1615 г. основываетъ еще на фразѣ: « начинаемъ братство церковное », употребленной въ « уписѣ » кіевскаго братства. Но, какъ замѣчено выше, этотъ « уписъ » не 1615 года, а 1631 года. Слово *начинаемъ* было стереотипною фразою не только первыхъ, но и послѣдующихъ дополнительныхъ « уписовъ », а патріархи, митрополиты и епископы въ благословенныхъ грамотахъ братствамъ перѣдко давали благословенїе и утвержденїе братствамъ не только существовавшимъ раньше времени грамотъ, но и утвержденнымъ ихъ предшественниками, безъ упоминанїа о томъ и другомъ. Такъ въ 1606 году львовскїй епископъ Гедесонъ Бала-

¹⁾ Архивъ юго-западной Россїи, т. VI, Приложенїя, стр. 554, 556 и 573.

банъ благословенною грамотою утвердилъ замошское братство, учрежденное при церкви св. Николая славнымъ паномъ Феодоромъ Волосовичемъ до вступленія Феодона на львовскую кафедру и имѣвшее уже грамоту патриаршую на греческомъ языкѣ, «служащую тому братству св. Николая»¹⁾). Грамота эта, какъ полагаетъ профессоръ Петровъ, дана несомнѣнно въ 1588—1589 г. константинопольскимъ патриархомъ Іереміею; но объ пей въ грамотѣ Балабана вовсе не упоминается. Патриархъ іерусалимскій Теофанъ въ 1620 году, во время пребыванія въ Кіевѣ, утвердилъ уставъ виленскаго братства, которое раньше сего, въ 1588 года, было утверждено константинопольскимъ патриархомъ Іереміею. «Чинъ» этого братства напечатанъ былъ въ томъ-же 1588 г. въ Вильнѣ, хотя не дошелъ до насъ. Тотъ-же патриархъ Теофанъ въ томъ-же 1620 году благословилъ и утвердилъ *служное* братство, основанное за 10 лѣтъ предъ тѣмъ, *мошское* братство, учрежденное въ 1588 году со школою и съ коллегіею ученикъ и проповѣдниковъ, по грамотѣ испрошенной у патриарха Іереміи въ Вильнѣ и имѣвшее еще утвердительную грамоту отъ патриаршаго протоспикела Никифора, данную въ Варшавѣ 1597 года, и *лицкое* братство на Волыни, сформировавшееся предъ тѣмъ²⁾). *Люблинское* братство имѣло привилей королевскій, писанный на пергаменѣ русскимъ письмомъ, раньше своего утвержденія, испрошеннаго въ 1594 г. у митрополита кіевскаго Михаила Рагози³⁾). Такимъ образомъ утвержденіе братства патриаршею или митрополичьей грамотами не служитъ еще датой, опредѣляющей его начало. Съ другой стороны извѣстно, что братства гораздо древнѣ XVII вѣка, хотя прежде они имѣли вѣскольکو иной характеръ, будучи болѣе церковными и благотворительными, чѣмъ просвѣтительными учрежденіями. Существованіе львовскаго братства относятъ къ первой половинѣ XV в. Греки еще въ 1498 г. устроили въ Венеціи братскій домъ во имя св. Николая. Особенную извѣстность приобрѣло братство на островѣ

¹⁾ «Кіевская Старина», 1882 г., мѣсяцъ июль, стр. 29—30 и 153, гдѣ напечатана и грамота Феодона Балабана.

²⁾ Исторія русской церкви митр. Макарія, т. XI, стр. 246—247. Петръ Могіла. С. Голубева, т. I, Приложенія, стр. 254—255.

³⁾ Архивъ юго-западной Россіи, т. VI, стр.

Корфу¹⁾. Отъ чего-жь не явиться братству раньше XVII вѣка и въ Кіевѣ, который всегда имѣлъ сношенія и съ Львовымъ и съ Греціей? Хотя кіевскіе митрополиты въ XVI вѣкѣ жили не въ Кіевѣ, а близь Вильны—въ Новоградкѣ, но Кіевъ считался по прежнему ихъ стольнымъ городомъ, а св. Софія кіевская ихъ ка-одрою; при ней находились митрополитчіе памѣстники, собиравшіе и доходъ съ земельныхъ митрополитскихъ здѣсь угодій, а потому *чинъ виленискои церковнои братства*. напечатанный въ 1588 г. по благословенію митрополита кіевского Овнисифора и распространенный по юго-западной Россіи въ такомъ числѣ, что 30 экземпляровъ оного получено было въ одномъ Львовѣ, не могъ не быть извѣстнымъ тогда-же въ Кіевѣ. Могъ-ли онъ не встрѣтить себѣ сочувствія въ кіевскихъ гражданахъ и примѣненія въ тоже время, а не спустя уже 25 лѣтъ? Если вся Литва и Вѣлоруссія къ концу XVI вѣка была уже усѣяна братствами, если около того времени они существовали не только въ болѣе значительныхъ, но и въ меньшихъ городахъ и мѣстечкахъ кіевской митрополіи, каковыми были: Брестъ, Красноставъ, Вѣльскъ, Слуцкъ и др., то быть не можетъ, чтобы тогда не было братства и въ Кіевѣ. Изъ грамоты патриарха Теофана отъ 17 мая 1620 года видно, что въ бытность его въ Кіевѣ учреждено только *младенческое*, или младшее братство, «*старѣйшему* братству единомысленное и повинующееся», какъ говорится въ упомянутой грамотѣ. Когда-же учреждено это *старѣйшее* братство? Кіевскіе братчики въ письмѣ своемъ къ царю Михаилу Феодоровичу отъ 10 апрѣля 1625 г. прописываютъ, между прочимъ, что они «въ единство любви и въ тождество духа совокупились благословеніемъ и *грамотнымъ* утвержденіемъ вселенскаго патриарха *константинопольскаго*», а это ясно указываетъ на начало кіевскаго братства отъ константинопольскаго патриарха Іереміи, ибо никакой грамоты на это дѣло не привозили къ нимъ отъ константинопольскаго патриарха Тимофея ни самъ патриархъ Теофанъ, ни экзархъ константинопольскаго патриарха. Вѣроятно, эта грамота сгорѣла въ пожаръ 1614 года. Наконецъ если въ грамотѣ патриарха Теофана 1620 г. видѣть начальное утвержденіе кіевскаго братства;

¹⁾ Мелетій Пугасъ, патриархъ alexandрійскій. Н. Малышевскаго, т. I, стр. 40, 509—510.

то съ равнымъ правомъ подлежало-бы относить учрежденіе этого братства еще къ позднѣйшему времени—къ 1629 году, въ которомъ польскій король Сигизмундъ III грамотой объявилъ: «мы король на основаніе братства милосердія въ г. Кіевѣ на грунтѣ Лозинной-Гулевичевой, и богадѣльни, и на устроеніе церкви дозволяемъ¹⁾».

Время построенія въ Кіевѣ, на Подолѣ, богоявленской церкви, при которой учреждалось братство, основался монастырь и заведена школа, г. Голубевъ относитъ къ 1615 г. и дѣлаетъ это не на основаніи какого-либо историческаго свидѣтельства, а по простому соображенію, что разъ учреждено было братство и получило фундушъ отъ Анны Гулевичевой, то не могло-же оно не позаботиться о постройкѣ церкви. Но какъ быть съ противорѣчащими сему двумя прямыми указаніями, именно: упоминаемъ о богоявленской церкви въ описи кіевского замка 1555 года и извѣстіемъ грамоты патріарха Теофана 1620 года о строившейся въ его приѣздѣ церкви Богоявленія, между тѣмъ какъ самъ онъ имѣлъ служеніе также въ богоявленской церкви? Первое свидѣтельство г. Голубевъ отстраняетъ тѣмъ предположеніемъ, что существовавшая въ 1555 года церковь сгорѣла во время пожара 1614 года, и въ этомъ случаѣ дѣлаетъ ссылку на исторіографа Миллера, котораго извѣстію о началѣ кіевского братства и школы въ 1589 году онъ не вѣритъ. Но что-нибудь одно: нужно вѣрить или не вѣрить сообщенію Миллера. Если не вѣрить, то за чѣмъ на него и ссылаться? Во всякомъ случаѣ нужно помнитъ, что ни Миллеръ, ни Рубанъ, ни митрополитъ Евгеній не говорятъ, чтобы во время этого пожара сгорѣла богоявленская церковь. А если она существовала и позже—въ 1620 году, если въ ней служилъ и совершалъ архіерейскія хиротоніи патріархъ Теофанъ въ томъ-же году, то нѣтъ сомнѣнія, что не она сгорѣла за 5 лѣтъ предъ тѣмъ, а сгорѣли только жилия, бывшія при ней постройки. Что касается извѣстія грамоты патр. Теофана о новозаложенной предъ его прибытіемъ богоявленской церкви, которое не согласуется съ мнѣніемъ г. Голубева о построеніи въ 1615 г. братской того-же имени церкви, то это противорѣчіе Голубевъ объясняетъ тѣмъ, что послѣдняя церковь стро-

¹⁾ Памятникъ кіевской комисіи, т. 2, стр. 86—90.

она была, безъ сомнѣнія, на скорую руку и не могла удовлетворять духовнымъ пуждамъ братства». Отъ чего-же на скорую руку? Церквей обиденныхъ и на скорую руку въ юго-западной Руси не строили, и если кievскому братству въ 1620 г. потребовалось заложить новую церковь, то, конечно, за обветшаніемъ прежней отъ давности. Эта новая трехъ-престольная церковь, заложенная при участіи гетмана Сагайдачнаго и на основаніе которой «даровано первѣе отъ щедротныхъ и благоподатливыхъ десницы царской», была конечно обширнѣе и великолѣпнѣе первой; но все-же въ постройкѣ ея не представлялось надобности, если менѣе чѣмъ за пять лѣтъ предъ тѣмъ была построена уже церковь.

Для насъ въ данномъ случаѣ важно въ особенности то, что какъ первая, такъ и послѣдняя богоявленскія церкви носили названіе «братскихъ» церквей; такъ первую называютъ братскою Кассіанъ Саковичъ, бывшій ректоромъ кievскихъ школъ въ 1622 г., а послѣднюю такъ называютъ сами братчики въ письмѣ къ московскому дьяку Грамотицу.

Относя къ 1615 году постройеніе богоявленской церкви, при которой получила свое начало школа—будущая академія, г. Голубевъ начало кievо-братскаго монастыря не допускаетъ даже и въ это, довольно позднее время. Онъ думаетъ, что Анна Гулевичева въ своей записи 1615 года выражаетъ лишь желаніе, или, точнѣе, ставитъ условіе, чтобы на ея фундушъ былъ устроенъ монастырь ставропигіальный, и прибавляетъ: «большаго вывода изъ этой записи и сдѣлать нельзя». Въ самомъ изслѣдованіи Голубева находятся два опредѣленія, хотя и противорѣчація другъ другу, давнія мнѣнія о времени устроенія кievо-братскаго монастыря. Такъ, въ исторической запискѣ 1773 г. о началѣ кievской академіи говорится, что «гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный съ прочими христіанскими вновъ своимъ иждивеніемъ церковь и обитель богоявленскую воздвигъ», и въ подтвержденіе этого дѣлается ссылка на грамоту іерусалимскаго патріарха Пансія, бывшаго въ Кіевѣ въ 1649 году; а составители такой-же записки 1765 года, «по соображенію нѣкоторыхъ обстоятельствъ», полагали, что кievо-братскій «монастырь со школою заложенъ въ 1588 году патріархомъ Іеремією, когда онъ былъ въ Россіи». Первое мнѣніе исключаетъ собою второе; но оно опирается на такомъ документѣ, который не имѣлъ въ виду исто-

рической точности въ передаваемомъ имъ случайно свѣдѣніи и потому этому мнѣнію нельзя отдать предпочтенія предъ другимъ, болѣе давнимъ. Тѣ «нѣкоторыя обстоятельства», которые соображали, но о которыхъ умолчали составители записки 1765 г., понятны сами собою. Они, безъ сомнѣнія, имѣли подъ рукою неоспоримыя доказательства существованія братства и школы еще въ 1588—89 г., въ пріѣздъ константинопольскаго патріарха Іереміи, и исходя въ своихъ соображеніяхъ о прошломъ отъ современнаго имъ положенія, въ которомъ не академія содержала монастырь, но монастырь распорядился школою, содержалъ ее и училъ въ ней, пришли къ заключенію, что монастырь заложенъ одновременно со школою въ 1588 г. Но если въ такомъ вопросѣ руководствоваться не одними соображеніями, болѣе или менѣе правдоподобными, а прямыми историческими указаніями, то и въ такомъ случаѣ начало кievо-братскаго монастыря нельзя относить позже 1615 года, какъ это дѣлаетъ почтенный нашъ возражатель. Въ 1625 году кievскіе братчики писали думному дьяку Грамотину, между прочимъ, слѣдующее: «мы, братство сотворше, *монастырь* инокомъ и церковь Богоявленія Господня.... *здати* начахомъ». А какъ церковь, о которой писали братчики и на окончаніе которой они просили теперь царскаго пособія, несомнѣнно начата постройкою до 1620 года то изъ приведенныхъ словъ можно заключать, что и кievо-братскій монастырь существовалъ до 1620 года въ которомъ, въ пріѣздъ патріарха Ософана, получилъ подтвержденіе права ставропигіи. Когда-же именно овъ основанъ? Въ записи Анны Гулевичевой говорится, что она тогда-же, т. е. 15 октября 1615 г., въ пожертвованной ею братству дворъ ввела священноинюка Исаію Купивскаго и прочихъ *монашестяующихъ*, передавъ этотъ дворъ имъ, равно и всѣмъ православнымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, въ дѣйствительное владѣніе и завѣдываніе, при возномъ и дворянахъ, т. е. судебнымъ порядкомъ. Итакъ, не должно быть никакого сомнѣнія въ томъ, что монастырь на нынѣшнемъ братскомъ дворѣ получилъ свое начало никакъ не позже 15 октября 1615 г., если не видѣть въ словахъ завѣщательницы того, что она перевела раніше существовавшій монастырь съ прежняго его мѣста въ свой дворъ. Если понимать слова завѣщанія въ прямомъ смыслѣ, то слѣдуетъ полагать, что основателями кievо-братскаго монастыря были кievскіе братчики, обыватели

кіевскаго воеводства, которые и въ актѣ 30 декабря 1631 г., признающемъ Петра Могилу главнымъ распорядителемъ кіевскихъ школъ, называютъ кіево-братскую церковь своею, «нашею»¹⁾.

Понятно само собою, что когда рѣчь идетъ о началѣ кіевской академіи, явившейся первоначально въ видѣ братской школы при богоявленской церкви и братскомъ монастырѣ, то всѣ изслѣдованные доселѣ вопросы о посѣщеніи Кіева патриархомъ Іеремією, объ учрежденіи кіевскаго братства, о построеніи богоявленской церкви и основаніи кіево-братскаго монастыря имѣютъ значеніе лишь сопровождающихъ обстоятельствъ, хотя такихъ, отъ разъясненія которыхъ зависитъ рѣшеніе главнаго вопроса о началѣ самой академіи, или кіево-братско-богоявленской школы. Почтенный нашъ оппонентъ, рѣшая всѣ эти вопросы заразъ, только отчасти касается вопроса собственно *объ учрежденіи самой школы* — будущей академіи, ограничиваясь однимъ бездоказательнымъ предположеніемъ, что «школа, введенная Гулевичевою въ ея дворъ, вѣроятно же всего происхожденія лаврскаго, дѣло заботливости кіево-печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, «школъ на разныхъ мѣстахъ зычливаго фундатора» (стр. 30). Г. Голубевъ думаетъ, что *учредителемъ кіевской школы* было не братство, а Елисей *Плетенецкій* (1594—1624 г.), и это потому только, что въ надгробномъ словѣ Захарія Коныстенскій называлъ Плетенецкаго «школъ на разныхъ мѣстахъ зычливымъ создателемъ». Но если основываться на одной любви вліятельнаго лица къ просвѣщенію, то почему основателемъ богоявленской школы не считать скорѣе кіевскаго воеводу Константина Острожскаго (1557—1608), учредившаго въ г. Острогѣ школу высшихъ наукъ около 1570 года, а въ 1602 г. устроившаго училище съ типографіею въ Дермани? Вѣдь это было, помимо всего, воевода кіевскій, и въ дѣлахъ Кіева принималъ живое участіе. Въ 1603 г. онъ утвердилъ для Кіева протопопа Іоанна Мужиловскаго, въ 1605 г. назначилъ изъ Острога въ кіево-кирилловскій монастырь игумена Василия Красовскаго, а раньше въ 1599 году прислалъ въ Межигорье съ двумя иноками па игуменство воспитавшагося въ г. Острогѣ Аонасія, обповившаго древній межигорскій монастырь, надѣлялъ угодами кіево-михайловскій мо-

1) Памятникъ кіевской комисіи, т. II, № 8.

пастырь и даже новопосвященному изъ сенаторовъ владимірскому епископу Ипатію Потѣю совѣтоваль, въ 1593 году, позаботиться «о закладаньи школъ и наукъ вольныхъ». Если-бы Елисей Плетенецкій хотѣлъ завести въ Кіевѣ училище, то первѣе всего онъ завелъ-бы такое въ кіево-печерской лаврѣ, подобно Петру Могилѣ, который, только уваживъ просьбы кіевскихъ братчиковъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, согласился соединить открытое имъ въ 1631 году въ лаврѣ училище съ кіево-братскимъ на Подолѣ. Впрочемъ то вѣрно, что училище братское существовало въ Кіевѣ до 1615 года, хотя съ меньшимъ курсомъ, чѣмъ послѣ 1615 года, и достаточнымъ доказательствомъ сего служить уже одно то, что училище, существовавшее только *in spe*, — *будущее*, какъ называлъ его И. И. Малышевскій, не могло быть введено въ дворъ Гулевичевой-Лозкиной 15 октября 1615 г. судебнымъ порядкомъ, при возпомѣ и при свидѣтеляхъ, а въ ея записи значится: «ввожу и ввела въ свой дворъ школу при возпомѣ и свидѣтеляхъ». Кажется, противъ этого возражать нечего. Потому нѣтъ основанія отвергать и вѣрность передаваемого исторіографомъ Миллеромъ свѣдѣнія о томъ, что зданіе кіево-братской школы сгорѣло въ 1614 году и что этотъ печальный для братства случай былъ поводомъ къ пожертвованію Лозкиной-Гулевичевой.

Заключивъ нашъ отвѣтъ С. Т. Голубеву, замѣтимъ еще, что напрасно опъ въ состояніи Кіева въ концѣ XVI ст. усматриваетъ невозможность учрежденія училища до 1615 года, когда училища были уже въ Острогѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Брестѣ, Могилевѣ, Слуцкѣ. Онъ старается подтвердить свое мнѣніе тѣмъ, что въ 1546 году кіево-софійскій соборъ, по свидѣтельству католическаго бискупа, былъ въ запустѣніи, что кіевскіе братчики въ «упищѣ» называютъ себя «пробывавшими въ долговременномъ нерадѣніи и лѣности и мрачной суетѣ мірской»; что самая печерская лавра не имѣла тогда ни училища, ни типографіи, ни богадѣльни. Но въ запустѣніи въ половинѣ XVI ст. стоялъ не одинъ софійскій соборъ, а и другіе древніе храмы такъ называемаго стараго Кіева и не отъ нерадѣнія кіевлянъ, не отъ упадка сего жителей въ нравственномъ отношеніи, а отъ того, что этотъ старый Кіевъ, оставленный митрополитами и князьями велѣдствіе постоянныхъ нападений и разореній татарскихъ, разбѣжался и почти не имѣлъ жителей; одни изъ нихъ переселились на Подоль, надъ защиту литовскаго замка на г. Кисплевѣ,

другіе удалились въ болѣе безопасную лѣсную мѣстность. Но въ послѣднюю четверть XVI вѣка эта древняя часть города стала опять заселяться по вызову кіевскаго воеводы, князя Константина К. Острожскаго, который «на горѣ, подлѣ Софіи, межи валы, вкопалъ столбъ и зазывалъ на слободу». И возстановленіе кіевскихъ храмовъ начато было, какъ извѣстно, въ то-же время. Въ 1577 г. софійскій намѣстникъ Богунъ-Гулькевичъ-Глѣбовскій «своими власными пѣнзями учинилъ не малый поратунокъ и подможенъ въ оправѣ великой церкви св. Софіи, ее покрыть и побилъ», какъ значится въ грамотѣ митрополита Ильи Кучи ¹⁾. Кіево-михайловскій монастырь началъ возобновляться еще раньше, почти съ начала XVI вѣка; затѣмъ приступлено къ возобновленію и древнихъ загородныхъ монастырей: кирилловскаго, межигорскаго, выдубицкаго. Смиренныя о себѣ отзывы братчиковъ не слѣдуетъ обращать въ обвинительный актъ противъ всѣхъ гражданъ Кіева. Отсутствие училища и другихъ учрежденій при печерской лаврѣ въ XVI вѣкѣ не можетъ давать основанія заключать о томъ, чего не было въ городѣ Кіевѣ. Печерская лавра въ то время была загороднымъ мѣстомъ и къ городу не принадлежала, а у насъ рѣчь о городѣ Кіевѣ, который въ XVI вѣкѣ существовалъ только на Подолѣ. Вообще г. Голубевъ, для подкрѣпленія своихъ доказательствъ, бросаетъ Кіеву такой упрекъ, который въ равной мѣрѣ могъ относиться ко всей западной Россіи до 2-й половины XVI вѣка, если не принимать во вниманіе положеніе православной церкви подъ гнетомъ полонизма и католицизма и подъ страхомъ непревращавшихся татарскихъ набѣговъ.

Итакъ, на основаніи приведенныхъ соображеній, мы по прежнему считаемъ вполне достовѣрнымъ, что кіевское братство со школой, будущею академіей, учреждено при Богоявленской церкви въ 1589 г., по благословенію патр. Іереміи—личному или данному чрезъ депутатовъ, посланныхъ къ нему въ Замостье, а въ 1615 г. оно, со школою-же, перешло на новое, сосѣднее мѣсто, во дворѣ, пожертвованный ему Гулевичевой-Лозкиной.

П. Л.

¹⁾ Описание кіево-софійскаго собора, 1882 г., стр. 81.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) ¹⁾.

VI.

Люблинская унія съ ея правами не относилась къ Галицкой Руси, еще ральше завоеванной Казиміромъ III, съ которой поляки обращались, какъ обыкновенно побѣдители съ побѣжденными.

Законы составлялись для Литовской Руси. Правда Сигизмундъ Августъ незадолго до своей смерти уравниалъ также галицкую и подольскую шляхту съ польской; однако и послѣ того права уніи городельской и люблинской распроетрапились только на русскую шляхту, исповѣдывавшую латинскій обрядъ, а православная шляхта исключена была отъ урядовъ и должностей.

Поэтому въ томъ-же 1569 году депутаты львовскіе Васыко Тихоновичъ и Хома Бабичъ, основываясь на актѣ соединенія, обратились къ королю съ такою иетиціею, что русскіе всѣхъ польскихъ провинцій имѣютъ теперь равныя права съ поляками, а потому несправедливо, чтобы русскіе г. Львова лишались этихъ правъ. На варшавскомъ сеймѣ 1572 года 20 мая они получили дипломъ, по которому львовскіе жители, исповѣдывавшіе восточный обрядъ, пользуются равнымъ почетомъ, правами и привилегіями съ послѣдователями латинскаго обряда и могутъ производить всякую торговлю; запрещалось также, подь штрафомъ въ 20,000 злот. венгерскихъ, притѣснять или преслѣдовать какъ

¹⁾ См. ливарск. кв. «Кіевская Старина», 1885 г., стр. 19—56.

ихъ самихъ, такъ и русское духовенство. Однако эта привилегія не была приведена въ исполненіе; король вскорѣ умеръ, а русскіе обыватели г. Львова терпѣли многочисленныя преслѣдованія.

Генрихъ Валуа подтвердилъ этотъ дипломъ своего предшественникъ, но рада города Львова, состоявшая изъ однихъ католиковъ, не хотѣла и слышать о томъ. Русскіе внесли въ урядъ протестацію, на которую радцы не обратили вниманія, когда-же они, во время ярмарки 1575 г. хотѣли публично продавать свои товары, бурмистры приказали разобрать ихъ лавки, а купца Дмитрія Красовскаго арестовать и подвергнуть штрафу. Дѣло представлено было на судъ короля Стефана, который самъ въ 1577 г. подтвердилъ было упомянутый дипломъ. Король рѣшилъ, что русскіе имѣютъ право продавать свои товары только во время ярмарки и то путемъ розничной продажи. Такимъ образомъ дипломъ Сигизмунда Августа, добытый съ большими препятствіями, издержками и усиліями, подтвержденный двумя королями, былъ уничтоженъ при третьемъ.

Говорить о благодѣяніяхъ люблинской уніи въ особенности для Галицкой Руси можетъ только тотъ, кто не знаетъ польской исторіи, или же упорствуетъ, поддерживая это заблужденіе. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія борьба двухъ противоположныхъ между собою элементовъ—польскаго и русскаго въ Червонной Руси. Край этотъ былъ ареной, на которой прежде всего столкнулись русскія и польскія силы, онъ былъ предметомъ споровъ въ теченіи девяти вѣковъ, каковыми остается и до настоящаго времени. Наводненная поляками Червоная Русь первая выработала идею церковныхъ братствъ; она долъше всего удерживала православіе и позже всего приняла унію. Правда, она произвела Жолкевскаго, Собѣскаго и др., но изъ нея-же происходили: Петръ Сагайдачный, Іоаннъ Вишневскій и т. п.

Послѣдствія люблинской уніи оказались еще менѣе благопріятными, вслѣдствіе новаго поворота въ сферѣхъ религіозныхъ отношеній. Для поддержанія католической церкви кардиналъ Гозиусъ водворилъ въ Польшѣ іезуитовъ и въ 1566 г. основалъ для нихъ коллегію въ Вармїи, а въ 1569 г. виленскій епископъ Валерій Протасевичъ вызвалъ ихъ въ Вильно. Іезуиты основали свои коллегіи въ Познани, Пултускѣ, Вильнѣ и т. д. и вновь насаждали въ по-

лякахъ религіозную нетерпимость, которая, какъ гидра, до конца терзала Польшу, потому что іезуиты, ослабивъ протестантскую партію, всю свою эвергію обратили на борьбу противъ православія.

Такимъ образомъ къ политической централизаціи, введенной посредствомъ люблинской уніи, прибавилась еще религіозная нетерпимость, окончательно стувившая Польшу. Поэтому мы не отрицаемъ важности люблинской уніи и напротивъ приписываемъ ей огромное значеніе—это была одна изъ причинъ упадка Польши. Велѣдствіе принесенія Руси въ жертву Польшѣ и происшедшихъ отсюда столкновеній, составныя части Рѣчи Посполитой до такой степени взаимно ослабились, что уже Іанъ Казиміръ, на варшавскомъ сеймѣ 1661 г., былъ въ состояніи предсказать раздѣлъ Польши.

VII.

По смерти Сигизмунда Августа преемникомъ ему избранъ былъ Генрихъ Валуа. Король этотъ пробылъ на польскомъ тронѣ сплникомъ мало, чтобы можно было сказать о немъ что нибудь положительное. Слѣдуетъ развѣ вспомнить только о томъ, что онъ первый присягнулъ на такъ называемыхъ *pacta conventa*, гдѣ между прочими статьями значилось: «никто не можетъ подвергаться наказаніямъ или преслѣдованіямъ за вѣроисповѣданіе», т. е. иными словами это означало, что диссиденты будутъ оставлены въ покоѣ.

Диссидентами называли всѣхъ иновѣрцевъ, но подъ этимъ именемъ слѣдуетъ по преимуществу разумѣть православныхъ русскихъ, которые были многочисленнѣе другихъ въ Польшѣ. Дѣйствительно-ли права и привилегіи диссидентова считались неприкосновенными въ Польшѣ, увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Какъ разумный политикъ, Стефанъ Баторій не только не преслѣдовалъ иновѣрцевъ, а напротивъ даже бралъ ихъ подъ защиту. Онъ говорилъ обыкновенно: «я король надъ людьми, а не надъ ихъ совѣстью». Когда Баторію представляли всѣ выгоды отъ соединенія русской церкви съ римскою для политической цѣльности и усиленія Рѣчи Посполитой, онъ не поддался этимъ наговорамъ и сказалъ въ отвѣтъ слѣдующія памятыя слова: «Благодаримъ Бога за то, что вступивши на польскій престолъ,

мы нашли великій и сильный русскій народъ въ согласіи съ народомъ польскимъ и литовскимъ. У нихъ одни желанія, они равны между собою и взаимно уважаютъ другъ друга; между ними нѣтъ непріязни. Богослуженіе совершается спокойно и безпрепятственно въ римскихъ костелахъ и въ русскихъ церквяхъ. Мы радуемся такому согласію и не считаемъ нужнымъ принуждать къ объединенію двухъ церквей. Мы не знаемъ, что можетъ возникнуть и вырасти изъ такого положенія дѣлъ, но думаемъ и признаемъ, что въ случаѣ принужденія возникнетъ только непріязнь и борьба между Русью и Польшею, вмѣсто единенія и согласія, и послѣдуетъ паденіе и гибель обоихъ народовъ ».

Впрочемъ вліяніе католическаго духовенства на Русь было еще незначительно; ксензовъ было такъ мало, что не только въ лѣвской землѣ, но и на Волыни русскіе священники крестили польскихъ дѣтей, приобщали больныхъ и погребали умершихъ поляковъ, которые не дѣлали большаго различія между католическими и русскими священниками. Иерархія латинская считала необходимымъ выпросить у Баторія универсалъ, запрещающій подъ страхомъ наказанія православнымъ епископамъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла католиковъ.

Изъ приведенныхъ выше словъ короля Баторія ясно, что онъ предвидѣлъ тѣ бѣдствія, какія должны были наступить въ Польшѣ вслѣдствіе нетерпимости, и указывалъ, что она можетъ повести за собою гибель обоихъ народовъ. Но этотъ разумный король не предвидѣлъ, что орденъ іезуитовъ, которому онъ отдалъ виленскую академію и другія школы, вмѣсто распространенія просвѣщенія занялся впоследствии исключительно преслѣдованіемъ иновѣрцевъ и что именно этотъ орденъ произвелъ упадокъ, который предвидѣлъ Баторій. Послѣ завоеванія Полоцка въ 1580 г. Баторій, по просьбѣ іезуита Скарги, отобралъ ижнѣи четырнадцати русскихъ монастырей и церквей и подарилъ ихъ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ.

Въ 1582 г. введенъ новый грегорианскій календарь. Согласно съ планами іезуитовъ въ слѣдующемъ году прислана львовскому бурмистру королевская грамота, запрещающая православнымъ заниматься ремеслами и торговлею въ праздничные дни по новому календарю; іезуиты расширили это запрещеніе и на празд-

ники, чествуемые по старому календарю. Дѣйствуя по обыкновенію скрытно, они преслѣдовали православіе черезъ посредство львовскаго латинскаго архіепископа Суликовскаго. Тотъ поручилъ это дѣло своему брату Войцѣху, который наканунѣ русскаго праздника Рождества Христова ходилъ по церквамъ и монастырямъ въ сообществѣ канониковъ львовской капитулы и вооруженныхъ людей, изговялъ народъ, вытаскивалъ священниковъ изъ алтарей, не дозволяя оканчивать богослуженіе и наконецъ запиралъ и опечатывалъ церкви.

Русскіе мѣщане, сильно оскорбленные такимъ поступкомъ, сорвали печати съ церковной дверей и, вмѣстѣ со своимъ епископомъ Балабаномъ, подали жалобу королю. Жалоба могла-бы имѣть непріятныя для Суликовскаго послѣдствія, такъ какъ здѣсь замѣшанъ былъ интересъ Балабана, принадлежавшаго къ знатному роду. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1584 года Баторій дозволилъ русскимъ сохранить прежній календаръ и запретилъ дальнѣйшее ихъ преслѣдованіе подъ угрозою тяжкихъ наказаній. Однако тотъ-же самый король еще въ 1578 году запретилъ православнымъ публично и торжественно хоронить своихъ покойниковъ.

Со смертью Баторія оканчивается для Польши то свѣтлое, общее прошлое, на которое такъ охотно привыкли ссылаться поляки; то было время, когда не слишкомъ еще допытывались, кто какого вѣроисповѣданія, а больше обращалось вниманія на то, кто какой гражданинъ. Русская кровь проливалась за польскіе интересы и православныя цаны, какъ князь Константинъ Острожскій и другіе, такъ горячо защищали Польшу потому, что въ ея лицѣ защищали собственную свободу. Вмѣстѣ съ жизнью Баторія заканчивается свѣтлая и счастливая эпоха польской исторіи.

Здѣсь слѣдуетъ вспомнить о казни Подковы, потому что она также стоитъ въ связи съ полвтикою, какой держалась при Баторіи Польша по отношенію къ Руси.

Румынскій господарь Петръ угнеталъ молдаванъ. Братъ прежняго господаря, Ивони, поступилъ въ казаки, гдѣ за свою огромную силу былъ прозванъ Подковой, такъ какъ ломалъ подковы. Призванный на господарство частью молдаванъ, Подкова прогналъ Петра съ помощью казаковъ подъ предводительствомъ гетмана Шаха. На помощь изгнанному двинулся братъ Баторія Христофоръ,

господарь трансильванскій. Подкова возвратился на Украину, но здѣсь попалъ въ ловушку къ полякамъ: ему посовѣтовали явиться къ королю, чтобы оправдать свой поступокъ, но король не принявъ Подковы, приказалъ заключить его въ тюрьму и впоследствии казнить во Львовѣ.

Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ казнь Подковы, была его популярность среди козаковъ. Занятый войною съ московскимъ государствомъ, король нуждался въ покоѣ со стороны Турціи и для того хотѣлъ попридержать козаковъ. Крупные землевладѣльцы, въ видахъ обогащенія, раздѣляли взглядъ короля, такъ какъ при такихъ условіяхъ турки не должны были разорять ихъ помѣстья своими набѣгами; напротивъ мелкая русская шляхта считала войны съ невѣрными выгоднымъ промысломъ и даже пограничные старосты не пренебрегали этими походами совместно съ козаками, что давало поводъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ съ турками.

VIII.

Теперь слѣдуетъ приступить къ разбору вопроса о козачествѣ, его происхожденіи и ростѣ на Украинѣ и на Запорожьи, иначе трудно понять дальнѣйшую судьбу этого края. Украина въ собственномъ смыслѣ обнимала всю юго-восточную часть Рѣчи Посполитой. По современнымъ понятіямъ поляковъ, козакъ—это разбойникъ или панскій слуга; даже въ литературѣ польской онъ не заслужилъ иной роли, кромѣ обязанности развозить панскія письма (Мальчевскій), напротивъ, для русскаго люда козакъ былъ идеаломъ свободнаго человѣка.

Начиная съ XV ст. недовольные жители Руси уходили въ степи, особенно на берега рѣкъ и днѣпровскіе острова, защищенные скалами, тростниками и болотами. Эти берега и острова представляли бѣглецамъ весьма выгодныя для поселенія мѣста, благодаря необыкновенному обилію рыбы, дичи и богатыхъ пастбищъ. И такъ рыбная ловля и охота первоначально составляли главное занятіе бѣглецовъ. Но съ теченіемъ времени частыя стычки съ татарами выработали изъ этого свободнаго населенія христіанское рыцарство, названное козаками, которыхъ походы уже не ограни-

живаются мелкими схватками съ татарами или грабежемъ купеческихъ каравановъ,—ихъ главною цѣлью въ жизни становится война съ невѣрными; отсюда неожиданные набѣги на турокъ и въ особенности на татаръ, которыхъ грабили безъ милосердія за ту горькую долю, какую отъ нихъ терпѣла Русь.

Таково было происхожденіе козаковъ, т. е. легкихъ набѣдниковъ, свободныхъ и ненаемныхъ воиновъ, занимавшихся войною противъ мусульманъ. Процессъ роста козачества происходитъ при такихъ обстоятельствахъ: завоевавши Русь отъ татаръ, литовское правительство изгнало ханскихъ баскаковъ изъ русскихъ городовъ и сель. Однако татары не отказались отъ своихъ обычаевъ и, въ особенности послѣ основанія отдѣльнаго крымскаго ханства, не имѣя возможности по прежнему собирать дань, дѣлали набѣги на русскія земли цѣлою ордою и захватывали не только имущество, уводили въ плѣнъ и самое населеніе.

Въ силу внутренняго литовскаго распорядка, князья и крупныя паны въ русской землѣ были пограничными королевскими старостами. Первоначально паны эти скликали охотниковъ до воспныхъ походовъ, водили ихъ противъ татаръ и пріучали къ военной службѣ. Въ первое время козаки были не болѣе, какъ старостинскою пограничною стражей; но выраженіе «ходить въ козаки» показываетъ, что козачество существовало также и независимо отъ пограничной службы.

Каждая козацкая группа звала своего предводителя гетманомъ (гетманствовать значило предводительствовать войсками), а вооруженная дружина называлась козаками. Такими гетманами были: Предславъ Лапцкоронскій, Дмитрій Вишневецкій, Богданъ Ружинскій и др.

Двое гетмановъ являются организаторами козацкаго сословія: Евстафій Дашковичъ, староста каневскій и черкасскій, и Предславъ Лапцкоронскій, староста хмѣльницкій. Часто пограничный староста держалъ себя, какъ удѣльный князь, и каждый изъ сосѣднихъ монарховъ заботился о дружбѣ съ нимъ, такъ какъ онъ могъ быть опасенъ каждому. Въ войнѣ между Польшею и Москвою Дашковичъ служилъ послѣдней, по вносѣдствіи, возвратившись въ Литву, получилъ въ управленіе два значительные замка—Черкасы и Каневъ, которые съ того времени становятся ядромъ козачества. Въ

1533 году онъ составилъ планъ защиты Украины посредствомъ устройства на берегахъ Днѣпра постоянной стражи въ двѣ тысячи козаковъ, которые препятствовали-бы татарамъ переходить на правый берегъ Днѣпра. Дашковичъ предлагалъ этотъ проектъ на сеймѣ въ Петроковѣ, но безуспѣшно. Очевидно, Сѣчь еще не существовала.

Дмитрій Вишневецкій слѣдовалъ по стопамъ Дашковича: онъ значительно сдѣйствовалъ развитію козачества, принимая всѣхъ желающихъ, и когда король отказалъ ему въ какомъ-то требованіи, грозилъ перейти на службу къ султану. Во время управленія Черкасами и Канею Вишневецкій основалъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ и, подобно Дашковичу, сражался противъ турокъ и татаръ. Въ январѣ 1557 г. ханъ осадилъ Хортицу, гдѣ Вишневецкій долгое время выдерживалъ осаду, пока наконецъ голодъ принудилъ его отступить къ Черкасамъ. Вишневецкій пытался завосвать для себя Молдавію, но впоследствии, побѣжденный и припуждаемый къ принятію магометанства, погибъ въ Стамбулѣ, ругая Магомета и его вѣру.

Первоначально, до гетманства Ружинскаго, главное значеніе въ козацкомъ войскѣ принадлежало намѣстникамъ великаго князя литовскаго, но впоследствии князь Богданъ Ружинскій становился выше всѣхъ другихъ предводителей и не столько военными подвигами, сколько благодаря братскому отношенію къ козакамъ. Всѣ прежніе намѣстники великаго князя смотрѣли на козаковъ съ высоты панскаго величія, считали козацкіи общества не болѣе, какъ вооруженною крестьянскою семьею, и на самихъ козаковъ смотрѣли какъ на своихъ крѣпостныхъ слугъ; но Ружинскій, по козацки предводительствовавшій козаками въ походахъ, отказался отъ панской роскоши и въ своей домашней жизни; онъ предоставилъ козакамъ свободную раду, нимало не ограничивая ея своимъ правомъ намѣстника. Такимъ образомъ русское общинное право начинаетъ укрѣпляться среди козаковъ; вотъ почему казаки изъ другихъ округовъ начинаютъ стекаться подъ знамена Ружинскаго. Тогда паны весьма настойчиво начинаютъ докучать королю жалобами на произволъ козаковъ, вследствие чего король хотѣлъ было слова подчинить ихъ власти намѣстниковъ, но принужденъ былъ оставить ихъ въ покоѣ и не препятствовать ихъ устройству, такъ какъ Ружинскій съ козаками много помогалъ ему противъ турокъ. Съ тѣхъ

поръ какъ Ружинскій объединилъ козаковъ подъ одну гетманскую булаву, козачество почувствовало себя силой и стало считать себя свободнымъ сословіемъ, которое не отбываетъ никакихъ податей и повинностей и знаетъ одну только военную службу. Съ того времени козачество развиваетъ для себя громадское управленіе и самосудъ; казаки начинаютъ сами выбирать себѣ гетмановъ, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе, состояніе и расположеніе короля. Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ гетмановъ и не титулованныхъ, какъ: Шахъ, Подкова, Скалозубъ и др.—Козаки селились по обоимъ сторонамъ Днѣпра, заселяя территорію цѣлѣнныхъ губерній: кievской, полтавской и южной части подольской.

Первоначальной задачей козачества было—слѣдить за движеніями татаръ и препятствовать имъ переходить за Днѣпръ. Однако польское правительство не оказало поддержки ни Дашковичу въ его проектѣ объ учрежденіи сильной стражи на Днѣпрѣ, ни князю Вишневецкому во время его небезопаснаго пребыванія на островѣ Хортицѣ. Янъ Орышовскій, бывшій запорожскимъ гетманомъ при Стефанѣ Баторіи, готовъ былъ самъ заняться этимъ дѣломъ, какъ видно изъ его словъ, записанныхъ Бѣльскимъ: «если-бы построить замки на днѣпровскихъ островахъ, то не лазили-бы къ намъ татары, мы могли-бы отнять у нихъ все поддѣпровье, если-бы только захотѣли, но мы предпочитаемъ отражать ихъ у Самбора».

Итакъ, оборона границъ зависѣла отъ доброй воли козаковъ. Охраняя «татарскіе шляхи», они были весьма полезны польскому правительству, поэтому-то короли дѣлали имъ уступки и не считали ихъ опасными. Между тѣмъ козачество распространяется все дальше и дальше, охватываетъ своими поселеніями цѣлую Кіевщину, Брацлавщину и Черниговщину, однимъ словомъ все, гдѣ только встрѣчались свободныя мѣста на Украинѣ. Козаки жили въ городахъ, хуторахъ и усадьбахъ. Съ теченіемъ времени городскіе жители раздѣлились на мѣщанъ и козаковъ, первые назывались «послушными», вторые «непослушными или городскими козаками».

Во времена литовскихъ намѣстниковъ и ихъ бояръ воля народа на Украинѣ не имѣла значенія. Впослѣдствіи Польша надѣлила бояръ шляхетскими правами и отсюда получила начало шляхетская юрисдикція; но, по мѣрѣ распространенія козачества, общинное право брало верхъ надъ шляхетскою юрисдикціею. Гдѣ-бы

ни поселился козакъ на занятомъ имъ грунтѣ, она не имѣла для него значенія,—онъ подчинялся только своему атаману и радѣ.

Полная личная свобода, неограниченное право земельной собственности, самоуправленіе, основанное на выборномъ началѣ, право собственнаго суда, полное равенство между членами общества, презрѣніе къ привилегіямъ и происхожденію, взимшая оборона противъ ви́шнихъ враговъ—вотъ въ чемъ состояли идеалы козачества. Съ особенной ясностью идеалы эти выступаютъ въ исторіи малорусскаго козачества въ то время, когда ему удалось распространить свое вліяніе на весь южно-русскій народъ.

Украинскихъ или осѣдлыхъ козаковъ нужно отличать отъ тѣхъ, которые жили дальше на югъ, за днѣпровскими порогами, отчего и назывались запорожцами. Хотя послѣдніе были причислены къ польскому королевству, но въ дѣйствительности представляли общество вполне свободное и не подлежали никакой посторонней власти. Козаки не забывали пути, указаннаго Дашковичемъ и Вишневецкимъ, и нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя возникла Сѣчь Запорожская за скалистыми днѣпровскими порогами: на островѣ Томаковкѣ козаки расположились кошемъ, т. е. лагеремъ, окружили его засѣками и назвали Сѣчью. Безъ этого укрѣпленія козакамъ не удалось-бы, съ одной стороны, избавиться зависимости отъ старостъ, съ другой они не были-бы въ состояніи удержать побережье Днѣпра отъ татаръ и турокъ.

Съ теченіемъ времени запорожцы образовали родъ военнаго братства, имѣвшаго свои оригинальные обычаи и законы. Высшая власть находилась въ рукахъ козацкаго вѣча или *рады*; рада избирала главнаго кошевого атамана, который пользовался неограниченною властью надъ козаками, но по истеченіи годичнаго срока давалъ отчетъ въ своей дѣятельности и въ случаѣ злоупотребленій наказывался смертию.

Первоначально кошевой избирался для каждаго предстоящаго похода и на то время былъ диктаторомъ. Если походъ былъ удаченъ, его ожидала слава,—въ случаѣ неудачи постигалъ военный судъ.

Старшины, оставившіе должность, по выборѣ на ихъ мѣсто другихъ, становились снова простыми козаками. *Конгъ* дѣлился на *курени*, изъ которыхъ каждый состоялъ подъ начальствомъ выборнаго куреннаго атамана. Сѣчевые козаки жили въ общинахъ <кур-

няхъ» и обѣдали всё вмѣстѣ за общимъ столомъ.—Число запорожцевъ не было ограничено.

Впоследствии, смотря по обстоятельствамъ, Сѣчь переносилась и на другіе днѣпровскіе острова;—это была военная школа для Руси; тамъ находилась войсковая казна, недоступная для непріятеля; тамъ строились чайки для походовъ по Черному морю. Ни одна національность не была исключена отъ доступа въ сѣчевое братство и выходъ изъ него былъ свободенъ во всякое время.

Населеніе Запорожья, какъ мы уже видѣли, состояло первоначально изъ однихъ мушкетъ, только временно проживавшихъ здѣсь для занятій рыбной ловлей, охотой, войной; по съ теченіемъ времени сюда вачиваютъ переселяться семьями и образуются хутора. Территорія Запорожья простиралась отъ Днѣпра до Днѣстра и Черпаго моря. Занятый козаками край этотъ, называемый также «*Низомъ*», все больше пріобрѣталъ значеніе свободнаго пріюта для всѣхъ, кому плохо жилось на родинѣ, или кому правилась борьба съ невѣрными; часто также изъ Запорожья появлялись мстители за обиды, какъ своя, такъ и своихъ братьевъ. Запорожцы находились въ связи съ козаками не только украинскими, но и съ допсыями, съ которыми предпринимали не разъ общіе походы. Поселенія низоваго войска не ограничивались одною Сѣчью,—на днѣпровскихъ островахъ и на обоихъ берегахъ рѣки возникали козацкія села и хутора, но центръ все-таки составляла Сѣчь, куда не допускались женщины. Поэтому низовые козаки дѣлились на женатыхъ и неженатыхъ, хотя между тѣми и другими была тѣсная связь. Контингентъ запорожскаго войска пополнялся главнымъ образомъ бѣглыми крестьянами, владѣльцы которыхъ не въ состояніи были преслѣдовать ихъ въ дикихъ степяхъ и заросляхъ за чертою заселенной Украйны; доказательствомъ такого происхожденія запорожской общины можетъ служить господство въ ней православной вѣры и малорусскаго языка.—Таково было войско низовое запорожское.

Развитію козачества наиболѣе способствовала близость татаръ, свирѣпствовавшихъ на границахъ Украйны. Не занимаясь почти ни ремеслами, ни торговлею, ни какими-нибудь другими промыслами, татары привуждены были довольствоваться только скудными пастбищами на полуостровѣ; въ силу этого они не могли прожить безъ добычи и вотъ главная причина ихъ набѣговъ. Князь Бриншофъ

Збаражскій, бывшій посломъ въ Константинополь въ 1623 г., пишетъ въ своемъ отчетѣ: «Сама необходимость вынуждаетъ татаръ къ нападеніямъ; въ этомъ для нихъ большая выгода, иначе они вымерли бы съ голоду. Почти все галеры, все моря наполнены подданными Рѣчи Посполитой. Даже жены и красивѣйшая прислуга происходятъ оттуда-же. Земля татарская бѣдна скотомъ и стадами, все это добывается татарами изъ Польши». Итакъ татары угоняли скоть, захватывали все безъ разбора, но больше всего предпочитали ясырь (плѣнниковъ), который продавали во все восточныя страны: восточное общество пуждалось въ большомъ количествѣ слугъ—невольниковъ, которыхъ и поставляли татары. Охотнѣе всего они захватывали дѣтей, которыхъ, подъ названіемъ султанскихъ дѣтей, воспитывали въ султанскихъ сераяхъ для янычарства и другихъ услугъ. Такимъ образомъ христіане служили для поддержки магометанства,—отсюда и происходятъ тѣ исполненныя грусти народныя пѣсни, въ которыхъ воспѣвается разлука мужей съ женами, братьевъ съ сестрами, дѣтей съ родителями.

При Салиманѣ I было девять великихъ визирей и все они происходили изъ дѣтей султанскихъ. Турція жила какъ вампиръ, высасывая свѣжую кровь изъ христіанскихъ народовъ и прежде всего изъ присоединенныхъ къ Польсѣ жителей Руси; поэтому никто не дѣлалъ такихъ усилій сломить турецкія силы, какъ южнорусское племя.

Заселеніе украинскихъ степей и развитіе въ нихъ козачества происходило, можно сказать, противъ воли правительства, которое не могло оказывать поддержку козачеству, усиливавшемуся бѣглецами изъ королевскихъ и панскихъ помѣстій. Развиваясь силою оппозиціи русскаго элемента противъ татарскаго, козачество съ одной стороны удерживаетъ главныя особенности своего возникновенія, а именно—христіанскую вѣру и рыцарскіе обычаи, съ другой-же усваиваетъ наѣздническіе обычаи и татарскую политику, безъ чего ему невозможно было-бы существовать. Татары брали быстротою и ловкостью нападеній и воздержаніемъ во время походовъ; тѣ-же качества должны были усвоить казаки еще въ большей степени, чтобы имѣть возможность противустать татарамъ. Какъ татары вторгались въ поддѣиловскую и поддѣиловскую Русь, такъ и запорожцы нападали на татарскіе улусы и турецкія земли, за

разбой платили разбоемъ, за набѣгъ—набѣгомъ. Подобно татарамъ козаки жили добычей, которую брали, гдѣ только было можно, и служили тому, кто больше платилъ; козакъ и добыча были тѣсно связанныя понятія.

Однако захватъ добычи не былъ единственною цѣлью козацкихъ походовъ, перевѣсъ надъ нимъ брала защита края и свободы, освобожденіе христіанскихъ плѣнниковъ; этимъ объясняется, почему и цаны принимали участіе въ походахъ. Отсюда отличительныя черты козаковъ вообще и запорожцевъ въ особенности—стремленіе къ славѣ и добычѣ, свобода и безпредѣльное мужество въ битвахъ съ бусурманами, быстрота и ловкость въ набѣгахъ, необыкновенная выносливость въ походахъ и разгульная расточительность въ мирное время.

Между тѣмъ какъ въ польской исторіи мы встрѣчаемъ рѣзкіе факты утайки и расхищенія общественной казны, козаки грабятъ для своего вооруженія; гетманъ получалъ не больше простаго козака и между ними не было примѣра кровавыхъ столкновеній изъ-за раздѣла добычи. Отчетъ барскаго старосты Претвича оправдываетъ нападенія козаковъ на татарскіе улусы, указывая съ одной стороны ихъ необходимость, съ другой—выгоды, представляемыя козачествомъ. Не смотря на то, король Сигизмундъ I по требованію хана предпочелъ перевести Претвича изъ Бара въ Тербовль. Король этотъ задумалъ было обратить козаковъ въ замковую службу, что, разумѣется, не отвѣчало ихъ желаніямъ; война съ невѣрными да за начало козачеству и должна была служить также основаніемъ ихъ быта.

Уже при Сигизмундѣ I козацкія силы вмѣстѣ съ поляками побѣдили турокъ подъ Аккерманомъ, но наиболѣе прославились козаки своими черноморскими походами, на которые отправлялись въ легкихъ чайкахъ,—такъ назывались ихъ лодки, обшитыя по краямъ тростникомъ и вмѣщавшія до шестидесяти человекъ. На такихъ чайкахъ пускались козаки въ открытое море, нападали на турецкіе города, грабили берега Анатоліи и Румеліи, освобождали христіанскихъ плѣнниковъ изъ галеръ и тюремъ, разбивали турецкіе флоты, не разъ появлялись подъ стѣнами столицы падшаха, и слава козацкая расходилась по свѣту. Такъ въ 1593 г., при гетманѣ Богданѣ Микопинскомъ, императоръ германскій Рудольфъ

II отправилъ на Запорожье посольство, приглашая козаковъ на помощь противъ турокъ. Вслѣдствіе жалобъ и угрозъ турецкаго правительства, Сигизмундъ Августъ приказывалъ запорожцамъ возвратиться въ украинскіе города и замки и не беспокоить турецкихъ земель. Разумѣется, всѣ эти приказанія не имѣли силы.

Что касается внутренняго самоуправленія, то козацкая община обсуждала свои дѣла на сотенныхъ, полковыхъ и «великихъ войсковыхъ» радахъ. Конечно, въ то время козакамъ казалось невозможнымъ, чтобы ихъ рады могли стать паравиѣ съ папскими сеймами; паны въ свою очередь не думали, чтобы низовое братство сохранило въ своемъ «копѣ» предковскіе народные идеалы, какъ искры подъ щепломъ, изъ которыхъ со временемъ долженъ вспыхнуть на Украинѣ сильный пожаръ.

Несомнѣнно однако, что въ дѣлѣ виѣшнихъ отношеній государства борьба козаковъ съ татарами и турками была защитой свободы, личной, территоріальной и имущественной безопасности противъ дикихъ азіатовъ. Правда, послѣ объединенія Руси съ Польшею дѣло обороны края должно было выпасть на долю военнаго сословія Рѣчи Посполитой, если-бы она имѣла достаточно силы, чтобы безъ королевской помощи оказывать дѣйствительную защиту землямъ, которыя носили названіе королевскихъ. Однакоже государственная казна въ Польшѣ была пуста, постояннаго войска было очень мало, а *посполитое рушеніе* не отличалось военной дисциплиной, собиралось медленно и спѣшило расходиться по домамъ. Поэтому всѣ надежды на защиту края обращались къ козакамъ и падворнымъ милиціямъ, которыя содержали у себя паны.

Высшее дворянство отказывало королямъ въ средствахъ для содержанія войска, опасаясь съ ихъ стороны сокращенія своихъ вольностей; а въ тоже время козаки своими военными предпріятіями достигли того, что берега Чернаго моря готовы были признать надъ собою господство запорожеской общины.

Мы не хотимъ этимъ доказать, чтобы польское правительство совершенно оставило въ сторонѣ войны съ татарами и турками, мы утверждаемъ только, что усилія его были недостаточны, въ то время какъ защита границъ была дѣломъ безпрестанной необходимости. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство.

Когда Янушъ Острожскій разбилъ у Пятви войско Косинскаго, панъ поставилъ свою стражу противъ татаръ; между тѣмъ татары захватили стражу и такъ неожиданно ворвались на Волинь, что никто и не узналъ о набѣгѣ, и они удалились также безпрепятственно, какъ и пришли.

Въ слѣдующемъ году, въ то время какъ въ Венгріи шла война христіанъ противъ турокъ, императоръ Рудольфъ II просилъ польскаго короля не пропускать татаръ черезъ Польшу въ Венгрію на помощь туркамъ. Однако въ Польшѣ запяты были другими дѣлами, такъ какъ готовилась церемонія оглашенія канонизаціи св. Яцка. Въ то самое время, какъ въ Краковѣ проводили время въ процессіяхъ, обѣдахъ и публичныхъ диспутахъ о томъ, видятъ-ли св. Яцкъ съ неба, что дѣлаютъ его почитатели, зпалъ-ли онъ, что будетъ причисленъ къ лику святыхъ и т. д., татары ворвались въ Покутье, разграбили и сожгли Снятинъ, Жуконъ, Толмачъ, Тисменицу, Галичь, Калунъ, Долину и др. и прошли безпрепятственно до самаго Самбора.

Итакъ, Польша лишена была вишней безопасности, такъ какъ не имѣла внутренняго порядка. *Посполитое рушеніе* извѣстно было своею медлительностью, дававшей татарамъ возможность истребить шляхту, прежде чѣмъ она выйдетъ въ открытое поле. Впрочемъ, пусть примѣръ наглядно покажетъ, насколько можно было разсчитывать на посполитое рушеніе.

Въ 1537 г. молдавскій господарь Богданъ вторгся въ Покутье. Сигизмундъ I потребовалъ на время похода наложенія одновременной подати, но, получивши отказъ со стороны шляхты, объявилъ посполитое рушеніе. Правда, въ окрестностяхъ Львова собралось до 150,000 вооруженныхъ воиновъ, но вмѣсто того, чтобы воевать съ молдаванами, шляхта начала грабить имѣнія согражданъ изъ Червонной Руси и, не повиная ни королю, ни сенату, вела споры о своихъ вольностяхъ. Только на Руси поддерживался еще военный духъ; неудивительно поэтому, что знаменитые гетманы были родомъ русскіе.

Самое положеніе Руси, соедство дикихъ азіятскихъ ордъ, безпрестанная ихъ нападенія и въ силу этого необходимость обороны границъ съ одной стороны и безсиліе Рѣчи Посполитой съ другой—должны были вызвать такую добровольную защиту, какою является козачество. Къ этому нужно прибавить, что польское правительство

даже не знало точно границъ польской Украины отъ татарскихъ стѣнъ, и козаки были тою передовою стражею, которая обозначала мечемъ эти границы. Но по мѣрѣ того, какъ козаки все дальнѣе отбѣснвали мусульманъ за дѣпровскіе пороги, и паны все дальнѣе подвигались со своею юрисдикціей, считая никому не принадлежащими занятія козаками земли.

Чтобы удержать напоръ кочевниковъ, Русь украинская высылала своихъ избранныхъ сыновъ, цвѣтъ своей молодежи въ широкія стѣны для войны съ невѣрными. Обороняя Русь и Польшу, козаки вмѣстѣ съ тѣмъ заслужили отъ магометанъ и всю Европу, что составляетъ ихъ огромную заслугу въ исторіи общеввропейской культуры.

Польское правительство рано сѣмѣло оцѣнить значеніе того военного сословія, которое могло служить государству твердымъ оплотомъ со стороны сосѣднихъ татарскихъ ордъ; вотъ почему еще Сигизмундъ I пытался подчинить козаковъ военной дисциплинѣ и придать имъ опредѣленное устройство. Баторій также понялъ заслуги козачества и обратилъ на него вниманіе въ видахъ обезпеченія границъ своего королевства. Онъ укрѣпилъ живую преграду между Польшею и Крымомъ, въ лицѣ малорусскаго козачества, придавши ему войсковое управленіе, а для резиденціи гетмана городъ Трехтемировъ.—Занятія козаками области дѣлились на шесть округовъ или полковъ, получившихъ названіе отъ своего главнаго города; эти полки были: черкасскій, чигиринскій, каневскій, корсунскій, бѣлоцерковскій и перяславскій. Баторій подтвердилъ право избранія гетмана, или предводителя всего козацкаго сословія, изъ среды старшины козацкой; послѣ избранія гетманъ утверждался королемъ; знаками его достоинства были: войсковое знамя, бунчукъ, булава и печать. За гетманомъ слѣдовала старшина, состоявшая изъ обознаго, судьи, писаря, асаула, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ и хорунжихъ. Но и Баторій убѣдился, что войско козацкое трудно подчинить непосредственной королевской власти, такъ какъ немного было среди мѣщанства и сельскаго крестьянства такихъ семействъ, которыя-бы не имѣли чего нибудь общаго съ козаками. Любили «козакуваннѣя» крестьяне, ремесленники, прославляя его въ своихъ пѣсняхъ весь южно-русскій народъ.

Въ то время козаковало все, что только было молодого и бойкаго на Украйнѣ, а старики тоже когда-то были козаками; даже паны проникались козацкимъ духомъ. Отважнаго хвалили и уважали за храбрость, не различая, былъ-ли онъ гербовный или простой.

Въ своемъ универсалѣ король Стефанъ, въ числѣ прочихъ своевольныхъ людей называетъ: бродячую шляхту, мѣщанъ и другихъ лицъ плебейскаго состоянія.

Ходили въ козаки не только русскіе мѣщане и крестьяне, угнетаемые шляхтою или принуждаемые къ налицинѣ, но и мелкая шляхта, состоявшая въ услуженіи у знатныхъ пановъ. Часто случалось, что города, сверхъ налагаемыхъ закономъ повинностей, терпѣли еще отъ произвола старостъ и воеводъ, вслѣдствіе чего мѣщане, въ особенности молодые и менѣе состоятельные, приставали къ козачеству. Были и такіе, которые просто желали сражаться съ невѣрными во славу Божию, или для своей собственной славы. По свидѣтельству герольдика Папроцкаго, не только рыцари изъ мелкой шляхты, но и сыновья знатныхъ пановъ ѣздили на Запорожье для изученія военнаго ремесла и военныхъ порядковъ.

Современный кievскій епископъ Верещинскій говоритъ: «многіе переселяются на Украину для защиты христіанства противъ невѣрныхъ, для славы Божіей и прославленія своего рыцарскаго званія».

По законамъ польскимъ каждый шляхтичъ приводилъ съ собою на войну столько вооруженныхъ слугъ, сколько приходилось пропорціонально съ количествомъ владѣемой имъ земли. Изучивши военное ремесло, эти слуги часто оставляли пановъ и приставали къ козакамъ.

Въ то время еще не было среди козачества общественной и національной розни, такъ какъ еще не были извѣстны тѣ противоположные интересы, которые впоследствии раздѣляли козаковъ и шляхту на два враждебные лагеря. Козаки дѣйствовали заодно съ пограничными старостами.

При началѣ козачества, какъ мы уже видѣли, простой народъ отправлялся за добычею подъ предводительствомъ шляхты, но по мѣрѣ развитія козачества шляхта въ свою очередь принимаетъ участіе въ военныхъ походахъ подъ предводительствомъ опытныхъ людей изъ народа. Пограничные жители, проникнутые военнымъ духомъ, выше всего цѣнили личныя качества, привилегіи не имѣли тамъ

значенія; защита края была здѣсь задачей жизни, которой все служило. Наконецъ, кто-бы ни приходилъ или не селся на Украинѣ, его имущественная и личная безопасность гарантировалась только полнымъ объединеніемъ съ массою простаго народа, и пограничная пляхта обонихъ народностей превращалась здѣсь въ демократическую козацкую Русь.

Видя такое положеніе дѣлъ, Баторій не рѣшался вооруженной силой сломить козачество, но желая однако обезопасить себя съ ихъ стороны, онъ рѣшился раздѣлить украинскіхъ козаковъ. При введеніи реформы было объявлено, что «кто хочетъ оставаться въ волѣ королевской, тѣ будутъ вписаны въ реестръ и права ихъ будутъ подтверждены сеймовою конституціею».

Въ реестръ внесены были шесть тысячъ козаковъ, которые и названы реестровыми, всѣ-же остальные, по плану короля, должны были стать въ зависящія отношенія къ папамъ. Реестровые козаки свободно владѣли своими землями, не платили никакихъ податей, не отбывали другихъ повинностей, кромѣ военной, и получали жалованье по козуху и по червонцу въ годъ на человѣка. Однако такое устройство было ничѣмъ инымъ, какъ надѣленіемъ почти шляхетскими правами болѣе зажиточныхъ изъ козаковъ, имѣвшихъ свои усадьбы въ хуторахъ и городахъ, чтобы устранить изъ числа ихъ бѣдняковъ, которыхъ польское правительство постановило уравнять съ крестьянами.

Проектъ переноса козаковъ, обыкновенно приписываемый Баторію, восходитъ однако къ болѣе отдаленному времени. Въ письмѣ Сигизмунда I къ кievскому воеводѣ, князю Коширскому, отъ 1540 г. значится: «Пошляемъ нашего придворнаго, Стрета Солтовича. Мы приказали ему переписать всѣхъ козаковъ кievскаго воеводства и доставить намъ этотъ реестръ». Въ 1572 г. Сигизмундъ Августъ поручилъ также коронному гетману Юрію Язловецкому выбрать для королевской службы лучшихъ козаковъ, жалованье которымъ было опредѣлено изъ королевской казны.

Кромѣ реестровыхъ, польское правительство не хотѣло знать никакихъ другихъ козаковъ, между тѣмъ какъ въ южной Русь, напротивъ, всѣ стремились стать козаками, т. е. людьми свободными. Въ силу этого королевскіе приказы не выполнялись, и многіе жители вновь уходили на Запорожье. Реестровые козаки не считали нуж-

нымъ заключать реестры и охотно принимали новыхъ товарищей: правительство въ свою очередь пересматривало списки и выключало сверхкомисскитныхъ козаковъ. Исключенные изъ реестровъ не переставали и въ послѣдствіи считать себя козаками, съ которыми не разъ и подданные польскихъ пановъ собирались въ вооруженныя «громады» и выбирали своихъ гетмановъ. Такимъ образомъ, кромѣ козаковъ съчевыхъ и реестровыхъ, были еще и самостоятельныя козаки на Украйнѣ, и многое непонятное въ козако-шляхетскихъ войнахъ объясняется тѣмъ, что были козаки осѣдлые и бездомные, богатые и бѣдные. Сущность этого различія заключалась въ томъ, что одни жили въ собственныхъ домахъ и хуторахъ, даже въ такихъ городахъ, какъ Кіевъ, тогда какъ другіе проводили лѣто въ степныхъ промыслахъ и походахъ, а зимою работали на винокурняхъ; эти послѣдніе всегда были готовы погулять на чужой счетъ.

Уже въ концѣ XVI в. самостоятельныя общины становятся опасными для Польши и вызываютъ противъ себя рѣзкія постановленія сеймовъ, которыя однако не приводились въ исполненіе, такъ какъ паны польскіе часто употребляли такихъ козаковъ въ набедахъ на своихъ противниковъ; Мишники и Винпевецкіе съ ихъ помощью водили самозванцевъ въ Москву, даже сами короли употребляли этихъ козаковъ въ войнахъ съ Турціею, Москвою и Швеціею и т. д.

Сегодня король издавалъ универсалъ, направленный къ уничтоженію козаковъ, а на завтра приглашалъ ихъ къ участию въ походѣ, какъ-то случилось при походахъ подъ Можайскъ, Хотинъ и др.

Съ развитіемъ козачества русское общинное право, какъ мы уже упоминали, оживало и брало верхъ. Въ чемъ-же состояло различіе между русскимъ общиннымъ правомъ и установившимся въ Польшѣ правомъ шляхетскимъ?

1) По древне-русскому общинному праву все люди признавались равными и свободными, кромѣ военно-службныхъ. Согласно польско-шляхетскимъ законамъ свободою пользовалась только гербовная шляхта, простой-же народъ былъ закрѣпощенъ.

2) По русскому общинному праву земля считалась собственностью того, кто первый заявилъ ее для своего пользованія. Въ силу польскаго законодательства земля принадлежала исключительно шляхтѣ, — кто не принадлежалъ къ дворянскому сосло-

вію, тотъ по исконнымъ обычаямъ лишался права пріобрѣтать землю въ собственность.

3) Въ силу русскаго обычнаго права всѣ села и города могли посылать своихъ представителей какъ на малыя, такъ и на большія вѣча.—Въ Польгѣ напротивъ одна только шляхта посылала своихъ представителей на повѣтовые сеймики и большой сеймъ.

Вотъ основныя принципы и различія между древне-русскимъ общиннымъ правомъ и правомъ польско-шляхетскимъ. Общая равноправность покоилась въ русскомъ правѣ, діаметрально противоположномъ шляхетскому. Итакъ, козацкая свобода коренилась глубоко въ сознаніи русскаго народа—это была общинная равноправность, которую въ теченіи столѣтій наша Русь сохраняла въ своихъ вѣчахъ.

Три уюмянутые принципа служили причиною постоянной борьбы между двумя республиками—шляхетскою, принявшей въ себя литовско-русскихъ бояръ, и козацкою, бравшею подъ свою защиту крестьянъ и мѣщанъ. Отсюда ясно, что на Руси въ то время сохранялся тотъ внутренний строй, къ какому теперь стремятся многіе народы. Среди польскаго государства Русь была живымъ источникомъ народной свободы, не допустившею подавить себя.

Русское право укоренило принципы выборнаго устройства какъ въ государствѣ, такъ и въ церкви; принципы эти подготовляли реакцію противъ польскаго права, и козаки являются въ отношеніи пановъ такими-же революціонерами, какими были паны по отношенію къ королю.

IX.

Всѣ польскіе историки согласны между собою въ томъ, что упадокъ королевства и народа польскаго начинается со времени Сигизмунда III, но не могутъ согласиться относительно главныхъ причинъ этого упадка. Нѣкоторые въ числѣ причинъ приводятъ козацкія возстанія, но весьма немногіе задумывались надъ тѣмъ, почему именно они вачиваются при этомъ королѣ. Историки польскіе называютъ бунтами козацкія движенія, пародъ украинскій—собраиіемъ бунтовщиковъ, а войну 1648 г. относятъ къ личной обидѣ Хмельницкаго. Но если война безпрестанно возобновляется въ теченіи столѣтія слишкомъ, то это уже не бунтъ своевольной пайки,

а за личную обиду хотя-бы и Хмельницкаго не поднялось-бы 200,000 вооруженнаго люда. Тутъ должны быть иныя причины, потому что, гдѣ нѣтъ достаточно горючаго матеріала, тамъ не можетъ вспыхнуть сильный пожаръ.

Не будемъ спорить, что оскорбленіе Хмельницкаго подало поводъ къ войнѣ, но это была послѣдняя капля, переполнившая мѣру. Цѣлый народъ не подымается изъ-за чисто личныхъ матеріальныхъ причинъ; онъ встаетъ тогда только, когда дѣло идетъ о сохраненіи семейной безопасности, неприкосновенности вѣры или свободы. Польско-козацкія войны не были только борьбою двухъ народовъ и двухъ религій,—онѣ были также усиленіемъ кореннаго населенія древне-русскихъ земель защитить права народныя по отношенію къ польскимъ напамъ.

Если въ развитіи рода человѣческаго поставить за правило, что богатство, власть, просвѣщеніе и свобода должны составить привилегію одного только сословія, тогда придется стать на сторонѣ пановъ. Если-же принять какъ несомнѣнную истину, что добрые нравы, честные поступки и непорочные характеры наиболѣе вырабатываются тамъ, гдѣ личная свобода и поземельная собственность достались на долю всей массы населенія, что право собственности есть необходимое условіе истинной свободы человѣка,—въ такомъ случаѣ трудно не признать справедливости на сторонѣ козаковъ. Тогда ясно вступаетъ впередъ вопросъ объ избыткѣ и бѣдности, демократіи и аристократіи, вопросъ о томъ, должно-ли взять первѣсь право шляхетско-польское или общинно-русское? За нимъ слѣдуетъ вопросъ религіозный.

Въ правительственныхъ актахъ времени Сигизмунда III находимъ частыя упоминанія о неизмѣримыхъ пустыняхъ на Украинѣ. Въ силу польскаго законодательства земля должна принадлежать дворянамъ, и вотъ сеймовое постановленіе 1590 г. объявляетъ отъ имени короля: «чтобы земли эти не оставались впустѣ и приносили какую нибудь выгоду, будемъ раздавать эти пустыни лицамъ шляхетскаго происхожденія за государственныя заслуги».

Поэтому многочисленныя польскіе паны, заслуженные и незаслуженные, обезпечиваютъ себѣ у короля обширныя помѣстья въ Руси и на Украинѣ. Въ королевской канцеляріи также безъ разбору отмѣривались польскимъ панамъ на бумагѣ обширныя про-

странства отъ рѣчки до рѣчки, отъ дороги до дороги, отъ урочища до урочища. Такимъ образомъ кievская, брацлавская и подольская Украина, вмѣстѣ съ заднѣпровьемъ мало по малу очутилась въ рукахъ немногихъ магнатовъ, которые съ теченiемъ времени завели собственныя укрѣпленiя, артиллерiю, войска, и по отношенiю къ подданнымъ были неограниченными владыками. Такихъ пановъ по русски называли *королями*.

Украинская Русь, Волынь и Подолье были вообще драгоцѣнной сокровищницей для польскихъ пановъ, не даромъ поляки называли правобережную Украину раемъ польскаго мiра. Однако такъ называемыя пустыни не оставались въ то время незаселенными, иначе о нихъ-бы такъ много не хлопотали; это значило только, что они до того времени не принадлежали никакому польскому пану и никому изъ нихъ не приносили дохода. Въ дѣйствительности-же эти земли принадлежали козакамъ; они были заселены людьми, искавшими свободы и бѣжавшими сюда изъ королевскихъ и шляхетскихъ имѣнiй.

Современные хроникеры и писатели не могутъ надивиться тому, какъ быстро подвигалась украинская колонизацiя, какъ въ дикяхъ степяхъ, на самихъ татарскихъ путяхъ, вся почти Украина покрылась селами и мѣстечками. Не смотря на то, что татары часто захватывали въ плѣнъ колонистовъ, опустошенныя мѣстности вскорѣ заселялись новыми выходцами. Въ полученныя земли, среди козацкихъ селъ и мѣстечекъ, втискивалась шляхта съ новыми переселенцами, которыхъ привлекала болѣе продолжительными льготами, и шляхетскiя села и мѣстечки росли съ каждымъ годомъ.

Такъ существовали другъ подле друга владѣнiя козацкiя и панскiя. Первые часто некоса смотрѣли на сосѣдей, вторые въ свою очередь завидовали ихъ свободѣ. Въ общемъ козаки не препятствовали разположенiю панскихъ имѣнiй на Украинѣ, они мало обращали вниманiя на постановленiя сеймовъ, и мѣстная шляхта шла одною съ ними дорогою, жила въ прiязни и отправлялась вмѣстѣ съ козаками на военной промыселъ. Уже самая необходимость защищать границы дѣлала каждого жителя воиномъ, поэтому-то въ теченiе условленнаго льготнаго времени на колонистахъ лежала только военная повинность; военная служба подъ начальствомъ

старосты или помѣщика не прекращалась и по истеченіи льготныхъ лѣтъ, и дѣла экономическія шли спокойнымъ чередомъ.

Въ Польшѣ къ тому времени развилось сильное магнатство, которое на сеймахъ и сеймикахъ издавало законы исключительно въ своихъ интересахъ. Народъ лишенъ былъ всѣхъ правъ, такъ какъ законъ отдавалъ крестьянина въ полную и безконтрольную власть пана, воля котораго была единственнымъ закономъ для подданныхъ. Польскіе паны вели роскошную жизнь, и въ ихъ обширныхъ дворахъ кормилось множество мелкой шляхты. Для удовлетворенія своей гордости вельможный панъ считалъ неперемѣннымъ долгомъ держать въ своемъ дворѣ цѣлую толпу шляхтичей-приживальщиковъ, а жена его съ своей стороны держала такую-же стаю шляхтянокъ, что, очевидно, было напрасной тратой денегъ. Главной причиной развитія роскоши было крѣпостное право, дававшее панамъ возможность безъ личнаго труда имѣть постоянные доходы, окружать себя несвободной прислугой, и напротивъ усиливавшее народныя тягости. По свидѣтельству француза, жившаго въ то время въ Польшѣ, обыкновенный обѣдъ у польскаго пана стоилъ больше, чѣмъ званый обѣдъ во Франціи. Старовольскій пишетъ: «Всѣ деньги у насъ уходятъ на заграничныя вина, сахаръ и паштеты, а для защиты отечества и выкупа плѣнныхъ у насъ нѣтъ денегъ».

Не желая или не умѣя заниматься хозяйствомъ въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ и въ тоже время заботясь объ умноженіи доходовъ, паны отдавали свои помѣстья въ аренду съ уступкой всѣхъ принадлежавшихъ имъ правъ и обязанностей. Переуступка владѣній казалась имъ очень выгодною, однако она не уменьшила, а напротивъ увеличила зло. Новыми арендаторами на Русѣ чаще всего являются евреи. Чтобы удовлетворить ненасытнаго пана, а вмѣстѣ съ тѣмъ наполнить и собственный карманъ, еврей предумывалъ такія подати, о которыхъ страшно и подумать. Правда панъ могъ казнить смертью еврея арендатора безъ всякой отвѣтственности передъ судомъ, но зато передавалъ ему всѣ свои права, въ томъ числѣ и право меча, т. е. смертной казни надъ подданными. Еврей арендаторъ носилъ при боку мечъ для отличія отъ невооруженнаго беззащитнаго люда и въ знакъ того, что могъ каждаго казнить смертью за ослушаніе, за дерзкое слово или просто по подозрѣнію.

Жизнь и имущество крестьянина, его жена и дѣти были въ полной власти арендатора. Поэтому ничто такъ сильно не тяготѣло надъ русскимъ народомъ, ничто такъ не оскорбляло его, какъ власть евреевъ.

Чѣмъ болѣе, путемъ козацкихъ войнъ съ мусульманами, гарантировалась экономическая безопасность панскихъ имѣній, тѣмъ сильнѣе тѣснила шляхта мѣщанъ и сельскій людъ различными податями и налогами. Отправлялся-ли панъ на сеймъ, на свадьбу, или на отпускъ, подданные облагались какою-нибудь новою податью. Случается у пана семейная радость—свадьба или крестины, а подданнымъ бѣда,—они обязаны пести *поздравленіе*: купцы песли матерій, рѣзники—мясо, шинкари—напитки, крестьяне—свои дары. Большую изобрѣтательность въ смыслѣ поборовъ обнаруживаютъ паны, старосты, державцы и евреи арендаторы, устанавливаютъ чинши, «ставщину», роговое, выгонное, десятину отъ воловъ, лошадей, свиней, овецъ и пчель, очковое, долю съ помолу на мельницѣ, плату съ жернововъ, наконецъ такъ называемыя худки, о которыхъ ниже, дань хлѣбомъ, сборъ калуповъ, куръ и яицъ по нѣсколько разъ въ годъ. Крестьяне не имѣли права варить для себя напитки и покупать все необходимое иначе, какъ у арендатора.

Шляхта управлялась, какъ хотѣла и умѣла, но отъ ея управленія мало пользы было народу. Большинство пановъ не заботилось о томъ, что дѣлалось за ихъ спиною; обогащались они сами, получая и арендаторы, не жаждала только народъ, надъ которымъ сверхъ того плутили и насмѣхались. Тѣ, кто не могъ стерпеть воеводской, старостинской или жидовско-панской неволи, изъ сель, мѣстечекъ и городовъ уходили въ дикія степи и заселяли ихъ. Такъ являлись жители, колонизовавшіе Украину. Однихъ гнала неволя, другихъ привлекали плодородныя земли и большая свобода. Колонизаторы пустынной территоріи, эксплуатируя такое положеніе дѣль, примаанивали къ себѣ бѣглецовъ обѣщаніемъ льготъ.

Такимъ образомъ Украина раздѣлилась на подчиненную панамъ и свободную, съ козацкой, или простонародной общинной юрисдикціей; эту послѣднюю и считали пустынной и раздавали панамъ. Что-же касается дикихъ степей за дѣбровскими порогами, это была территорія бесплодная, часто опустошаемая саранчою, удаленная отъ людскихъ поселеній, и человѣкъ здѣсь обрекался на

голодную смерть. Только въ некоторыхъ мѣстахъ, представлявшихся рѣдкими оазисами роскошной растительности, изобиловали рыбой и дичью, и для того, чтобы войско могло стоять лагеремъ въ этихъ степяхъ, отряды его должны были заниматься рыбной ловлей и охотой.

Удалаться за днѣпровскіе пороги значило обрекать себя на большія лишенія, поэтому козакъ и бѣдность, козакъ и нищета были родственныя понятія, и пограничнымъ жителямъ Украйны и Запорожья казалось, что для нихъ уже не можетъ быть другихъ тягостей, кромѣ бѣдности и грозившихъ на каждомъ шагѣ опасностей; но случилось иначе.

Поляки еще раньше подавили общинное право въ другихъ провинціяхъ и теперь, овладѣвши почти цѣлой Украйной, они не хотѣли оставить ее такою, какъ она была, а задумали сдѣлать изъ нея другую Польшу въ смыслѣ преобладанія польскаго права надъ русскимъ. Однако введеніе польскаго права встрѣтило здѣсь препятствія: большимъ искушеніемъ для народа украинскаго было добываніе свободы; у него передъ глазами было свободное сословіе, сложившееся изъ его братьевъ, по сосѣдству лежали днѣпровскіе острова, куда можно было бѣжать отъ тяжелой неволи; наконецъ близость татаръ приучила къ оружію украинскій народъ, и сами паны не могли запретить крестьянамъ носить оружіе. Въ силу того въ русскомъ народѣ поддерживался бойкій военный духъ, несогласный съ пригнетеннымъ положеніемъ, какое создалъ для него польскій строй.

Вотъ почему со времени Сигизмунда III сеймъ начинаетъ стѣснять козачество. Конституціею 1590 г. постановлено, что казаки будутъ находиться подъ властью короннаго гетмана, который назначаетъ имъ всю безъ исключенія старшину изъ шляхты. Ни полковники, ни сотники не имѣли права принимать кого либо въ казаки безъ согласія старшаго, или гетмана, у котораго долженъ храниться списокъ всѣхъ казаковъ. Съ цѣлью затруднить крестьянамъ и мѣщанамъ переходъ въ козачество, панамъ и старостамъ предписывалось зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не оставлялъ своего мѣста жительства и не уходилъ въ Сѣчь или въ степи. Строго запрещалось продавать крестьянамъ порохъ, селитру, оружіе и т. д. Непослушные и виновные въ нарушеніи закона подверга-

лись слѣдствію и смертной казни. Эти и подобныя постановленія не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ раздраженія и ожесточенія козаковъ, которыхъ силы постоянно увеличивались. Поэтому къ концу XVI в., когда на Руси экономическіе интересы взяли среди шляхты перевѣсъ надъ интересами защиты края, казаки все болѣе и болѣе обособляются отъ шляхты. Такимъ образомъ Русь раздѣляется на два враждебные лагеря,—одинъ распространяетъ польское право, другой защищаетъ право русское.

Введеніе безъ всякихъ видоизмѣненій польскаго права, уничтожавшаго козацкія привилегіи, должно было вызвать оппозицію свободнаго люда, и дѣйствительно вызвало тѣ бури, которыя долго опустошали Русь и Польшу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХУДОЖНИКЪ КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1885 года исполняется 150-ая годовщина со дня рожденія художника К. И. Гловачевского, который слишкомъ 60 лѣтъ провелъ на службѣ въ академіи художествъ въ качествѣ наставника-воспитателя. Но не одно это обстоятельство заставляетъ насъ сообщать о немъ свѣдѣнія; свѣтлая личность, достойная глубокаго уваженія, какъ ниже увидитъ читатель, олицетворяется въ этомъ въ высшей степени гуманномъ человѣкѣ, по тогдашнему времени, и если слава и знаменитость дѣло не всякаго, то во всякомъ случаѣ, быть можетъ, ни къ кому изъ педагоговъ нашей академіи художествъ нельзя болѣе крѣпко приписать слѣдующій эпитафій:

«Si le sort ne nous a pas donné le talent pour être célèbre,
Il est presque toujours possible de faire un travail qui nous rend utiles».

Гловачевскій родился 27 мая 1735 года, въ городѣ Корочѣ, черниговской губерши; отецъ его былъ священникомъ коронской соборной церкви, изъ дворянъ, предки котораго въ концѣ XV вѣка основали городокъ Корочѣ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ К. И. Гловачевскій былъ отправленъ для обученія въ кievскую академію, единственное того времени учебное заведеніе въ Малороссіи. По праздникамъ Гловачевскій ходилъ въ церковь братскаго монастыря и, полюбивъ церковное пѣніе, часто, во время службы митрополита

Рафаила, пѣлъ на вѣрсоѣ. Въ декабрѣ пріѣхалъ въ Кіевъ отира-
вленнѣй по высочайшему повелѣнію въ Малороссію для набора
придворныхъ пѣвчихъ регентъ или, какъ тогда называли, *«устав-
щикъ»* Каченовскій, который, замѣтивъ хорошій голосъ Гловачев-
скаго, испыталъ его и, найдя вѣрный слухъ и способности къ музыкѣ,
написалъ о немъ въ Петербургъ, вслѣдствіе чего приказано было
императрицѣ Елисаветѣ привести его въ столицу, куда онъ и
прібылъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1748 года.

Находясь въ пѣвческомъ придворномъ хорѣ, Гловачевскій
скоро обратилъ на себя вниманіе государыни, любившей музыку
и обладавшей прекраснымъ голосомъ. Иногда императрица, разска-
зывала своимъ знакомымъ К. П., сама соизволяла пѣть въ хорѣ
въ своихъ внутреннихъ комнатахъ; бывало, положивъ руку на
плечо его, вторила она пѣнію Гловачевскаго, такъ какъ его голосъ
очень правился ей.

Вмѣстѣ съ Гловачевскимъ въ хорѣ находились Антонъ Павловичъ
Лосенко, считающійся родоначальникомъ русской школы живописи,
и Иванъ Семёновичъ Саблуковъ или Саблучокъ, портретистъ, рано
умершій. При видѣ ихъ работъ въ Гловачевскомъ отозвалась его
склонность къ рисованію, а голосъ его какъ-бы нарочно ослабѣлъ,
и онъ началъ учиться съ ними у портретнаго мастера Ивана аргу-
пова, изъ крѣпостныхъ людей Шереметева, который учился за
границею и былъ въ половинѣ XVIII в. очень извѣстенъ въ Пе-
тербургѣ.

Елисавета Петровна узнала о занятіяхъ Гловачевскаго, одоб-
рила ихъ и всемогуществѣнше приказала ему по праздничнымъ
днямъ представлять ей свои работы, при чемъ нерѣдко поощ-
ряла его особенными знаками монаршаго благоволенія. Такое от-
ношеніе государыни объясняется тѣмъ, что въ то время она
предполагала учредить уже академію художествъ; успѣхи Ло-
сенка и Гловачевскаго естественно были ей пріятны. И дѣйстви-
тельно мы видимъ, что вскорѣ по переводѣ изъ московскаго уни-
верситета студентовъ для опредѣленія въ открытую въ Петербургѣ
академію художествъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1759 г. Лосенко, Саблуковъ
и Гловачевскій опредѣлены, по именному ея величества повелѣнію,
въ академіи подмастерьями живописи. Въ томъ-же году для над-
зора Гловачевскому были поручены ученики академіи, а вмѣстѣ

съ тѣмъ на него-же возложено и обученіе ихъ живописи. И это все было, когда ему исполнилось лишь 23 года. Въ спискѣ служащихъ лицъ при академіи, составленномъ въ 1761 году, мы встрѣчаемъ Гловачевского съ Саблуковымъ и Лосенка въ званіи академикова 3-го класса, получающихъ изъ кабинета жалованье по 178 рублей въ годъ. Уча живописи другихъ, Кирилль Ивановичъ продолжалъ учиться и самъ и за успѣхи свои въ августѣ 1762 г. произведенъ былъ въ адъюнкты. Въ этомъ званіи Гловачевскій показанъ въ вѣдомости о состояніи академіи художествъ отъ 28-го января 1763 года (представленной президентомъ графомъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ при допесеніи въ сенатъ), получающимъ содержанія 300 рублей уже въ годъ.

Въ 1765 г. 7 іюли, въ присутствіи императрицы Екатерины II, послѣдовало торжественное открытіе академіи художествъ, или какъ тогда говорили, праздникъ *инанураціи*, выполненный по церемоніалу, напечатанному и розданному посѣтителямъ съ медалями и жетонами. При этомъ торжествѣ Кирилль Ивановичъ Гловачевскій получилъ золотую медаль изъ собственныхъ рукъ императрицы вмѣстѣ съ дипломомъ на званіе академика, такъ какъ адъюнкты были уничтожены новыми штатами. Въ это новое званіе онъ пожалованъ былъ 4 іюля 1765 года обыкновеннымъ собраніемъ господъ членовъ совѣта вмѣстѣ съ другими 7 лицами.

Въ томъ-же году, по опредѣленію академическаго совѣта, Кириллу Ивановичу Гловачевскому были вѣрены: бібліотека, казна и все подвижное имущество академіи. Сдѣлавшись по этимъ должностямъ дѣятельнымъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, хозяиномъ управляемыхъ имъ частей, Гловачевскій часто во время посѣщеній академіи государынею и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ сопровождалъ ихъ по классамъ и заламъ академическаго зданія. Цесаревичъ-же узнавъ особенно Гловачевского, когда онъ былъ назначенъ отъ академіи депутатомъ, для подпесенія его высочеству трудовъ академіи, по случаю принятія наследникомъ престола званія почетнаго любителя художествъ, при чемъ Кирилль Ивановичъ говорилъ рѣчь отъ лица академіи.

Въ августѣ мѣсяцѣ того-же 1765 года утвержденъ инспекторомъ академіи былъ г. Кювлье, а Гловачевскому поручено оставаться при исполненіи другихъ своихъ обязанностей; въ 1766 году

сентября 4 дня, въ четырехъ-мѣсячномъ собраніи, «по предложеніи господина президента Ивана Ивановича Бецкаго, академикъ и казначей Кирилль Ивановичъ Гловачевскій, который какъ добрымъ своимъ поведенъ и талантомъ въ живописи портретовъ, такъ и ревностною службою въ должности казначея и хранителя вещей художественныхъ въ академіи заслужилъ себѣ честь, общаго собранія согласіемъ произведенъ въ совѣтники академіи». И тѣмъ-же собраніемъ, согласно указанію президента, «за немѣнѣемъ довольно числа въ совѣтѣ членовъ, чтобы въ текущихъ дѣлахъ остановки не было», общимъ согласіемъ собранія назначено подписывать и засѣдать въ совѣтѣ: Гроту, Гловачевскому, профессору анатоміи Пеккеру и инспектору Кювилье. Въ слѣдующемъ 1767 году Гловачевскому поручены были: а) обученіе портретнаго живописнаго класса и б) ревизія построенія академическаго зданія; въ томъ-же году онъ явился на крестницѣ императрицы Елисаветы Петровны Ѳедосіи Прохоровѣ Гибзушевой; въ 1771 года совѣтомъ академіи избранъ единогласно въ инспекторы, въ должности котораго пробылъ съ небольшимъ два года, а по увольненіи отъ нея, оставленный членомъ академическаго совѣта, провелъ около десяти лѣтъ въ любимомъ занятіи исключительно живописью. Въ это время произвелъ онъ большую часть своихъ работъ, изъ которыхъ если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые заслужили извѣстность.

Въ 1777 году Гловачевскій поступилъ въ вѣдомство медицинской коллегіи рисовальнымъ учителемъ; но въ 1783 году призванъ былъ вповь къ принятію должности инспектора въ академіи, въ которой и оставался уже по смерть свою. Президентъ академіи художествъ Ив. Нв. Бецкій, призвавъ Гловачевского въ общее собраніе, предложилъ ему должность инспектора такою рѣчью: «Я и академія не находимъ, кому приличнѣе можно поручить воспитанниковъ, какъ вамъ; ибо вы имѣете всѣ качества достойнаго воспитателя. Живя безъ особенной должности и имѣя свободу заниматься художествомъ, вы можете быть полезны собственно для себя; но принявъ предлагаемое вамъ мѣсто, вы будете полезны для многихъ». Вступивъ въ исполненіе должности инспектора, Гловачевскій съ новою энергіею предался надзору за юношествомъ, которому принесъ громадную пользу. Говоря это, мы должны сказать, что виновницею удаленія его отъ академіи была коммисія разбора

счетовъ, которая раскрыла важныя злоупотребленія въ смыслѣ пользованія академическими капиталами для многихъ нуждъ чиновниковъ. Оказался также недочетъ казенныхъ денегъ и у вазначей Гловачевского, хотя не по винѣ этого честнаго служаки. Призывъ же опять въ академію Гловачевского былъ вызванъ докладомъ академическаго совѣта, что порядокъ заведенный инспекторомъ Кювилье въ воспитательномъ училищѣ не можетъ продолжаться далѣе, что приходится или совѣтъ закрыть его, или распустить французовъ-гувернеровъ, между которыми завелись и скандальныя исторіи, и что дѣти воруютъ и пьянствуютъ «при бдительномъ надзорѣ воспитателей». Вотъ при какихъ горькихъ результатахъ президенту Бецкому пришлось призвать Гловачевского, а на сколько этотъ въборъ былъ удаченъ и цѣлесообразенъ, мы видимъ, что и у пресмниковъ президента опъ пользовался тѣмъ-же уваженіемъ и расположеніемъ. Такъ при вступленіи въ должность графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина въ 1794 году, по смерти Бецкаго, Гловачевскій подалъ въ торжественномъ собраніи списки всѣхъ воспитанниковъ и учителей, съ описаніемъ порядка ученія, при чемъ нѣкоторыми изъ питомцевъ говорены были приличные случаи сему рѣчи на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Въ заключеніе-же всего пропѣтъ былъ съ аккомпаниментомъ музыки гимнъ сочиненія бывшаго ученика академіи Скокова, стихи котораго сохранились въ печати (Спб. 1794 г. типографія корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ). Во всемъ этомъ конечно принималъ самое дѣятельное участіе Гловачевскій, затѣмъ слѣдующій президентъ графъ Гавріилъ Августовичъ Шуазель-Гуфье цѣнилъ тоже Кирилла Ивановича, чему служатъ доказательствомъ его представленіе совѣту отъ 16 сентября 1797 г. о выдачѣ Гловачевскому, «въ разсужденіе его усердія и ревностнаго исполненія возложенной на него должности 300 рублей», суммы весьма значительной для того времени. Съ новымъ президентомъ, графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, смѣнившимся вскорѣ Шуазеля, Гловачевскій находился также въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ: еще ранѣе занятія должности въ академіи графъ Строгановъ, по рекомендаціи Гловачевского, давалъ нѣкоторыя работы ученикамъ, за что дарилъ имъ деньги, которыя Гловачевскій представлялъ совѣту; наиримѣръ въ собраніи 1797 г. ноября 17 опредѣлено: «подаренныя деньги 100 руб. графомъ уче-

нику 4-го возраста Ивану Мойсеевичу, записавъ въ приходъ въ настольной книгѣ, отдать надежнымъ людямъ на приращеніе до выпуска его изъ академіи». Наконецъ, уважая личность Кирилла Ивановича и дѣянія его заслуги, графъ Строгановъ постоянно ходатайствовалъ о награжденіяхъ Гловачевскому; при немъ въ 1802 году онъ получилъ орденъ Владиміра 4 степени, весьма рѣдкое отличіе среди тогдашнихъ художниковъ; въ 1807 году получилъ онъ чинъ коллежскаго совѣтника, а въ 1811 году всемилостивѣйше награжденъ былъ пенсіономъ, съ обращеніемъ по смерти его, на жепу и дочерей до выхода послѣднихъ въ замужество.

Государыни императрицы: Елисавета Алексѣевна и Марія Ѳеодоровна знали лично Гловачевскаго и во время посѣщеній академіи оказывали ему милостивое вниманіе, которое К. И. считалъ отличною наградою за свою необыкновенно-долговременную службу. Всѣ однако перечисленные нами отличія не даютъ характеристики Гловачевскаго, какъ человѣка, почему мы для этого обратимся къ воспоминанію о немъ нашего извѣстнаго и маститаго профессора живописи и археолога Ѳедора Григорьевича Солнцева (род. 14 апрѣля 1801 г.), высчитанному въ его автобіографіи.

Гловачевскій одѣвался просто, но довольно оригинально: бѣлые шелковые чулки, башмаки съ пряжками, синее короткое исподнее платье, чернѣйшій суконный камзолъ, синій вицъ-мундиръ съ стоячимъ воротничкомъ, сверху красный плащъ съ бѣлыми кистями, на головѣ академическая фуражка. Регулярно, къ 5-ти часамъ утра, Кириллъ Ивановичъ былъ уже на ногахъ, приходилъ въ спальни и будилъ воспитанниковъ, говоря: «вставайте, вставайте! старики во сто лѣтъ васъ будить!».

Затѣмъ онъ приводилъ воспитанниковъ на утреннюю молитву, и если очередной хорошо прочитывалъ ее, то Кириллъ Ивановичъ обыкновенно самъ приносилъ ему завтракъ—кусокъ ситнаго хлѣба. Случалось иногда, что кто-нибудь изъ учителей омаздывалъ или вовсе не приходилъ въ классъ. Чтобы ученики не шалили, Гловачевскій приносилъ книгу или газету, заставляя когонибудь читать, а прочіе должны были слушать; впрочемъ чаще Кириллъ Ивановичъ рассказывалъ про старинное житье-бытье, что обыкновенно очень нравилось воспитанникамъ, а позднѣе, при президентѣ А. И. Оленинѣ, въ рекреационномъ залѣ, на столѣ, были припшлены

нѣкоторые изъ журналовъ; приходя въ залъ, Кирилль Ивановичъ предлагалъ воспитанникамъ, не желаетъ-ли кто изъ нихъ почитать вслухъ, и если такой находился, то старикъ чрезвычайно былъ доволенъ, особенно если и другіе добровольно приходили слушать чтеніе. Гловачевскій давалъ также ученикамъ читать разныя книги, преимущественно классическія, какъ Иліаду, Одиссею, Энеиду, Овидіевы превращенія—все это разумѣется, въ русскихъ переводахъ; отечественные писатели тоже не были забыты: читали Карамзина, Жуковского, Ватюшкова и др.

Почтенный инспекторъ обращалъ особенное вниманіе на художественное развитіе воспитанниковъ. У него было заведено соревнованіе между ними, такъ что каждый старался отличиться другъ передъ другомъ. Кто получалъ большую медаль, инспекторъ обыкновенно поздравлялъ съ такою наградою; но съ маюю медалью не считалъ нужнымъ поздравлять. Бывало, получишь серебряную медаль, онъ нашьетъ петлицы и потихоньку скажетъ: «я тебя не считаю медальстомъ; ты нашали, я петлицы-то спорю, а въ слѣдующую треть ты опять получи, тогда и будешь настоящій медалистъ».

Къ празднику Р. Х. Кирилль Ивановичъ заставлялъ учениковъ писать картины на бумагѣ; кто ничего не выставялъ, онъ называлъ того «шелопасмъ», единственнымъ браннымъ словомъ, которое позволялъ себѣ почтенный инспекторъ. На свѣтлый праздникъ желающіе изъ воспитанниковъ могли писать транспаранты по указанію Гловачевского.

У cadaго воспитанника было по особой маленькой иконѣ; всѣ иконы помѣщались въ спальнѣ на стѣнѣ въ одномъ изъ простѣнковъ. Къ вербному воскресенью и въ Духовъ день инспекторъ требовалъ, чтобы ученики дѣлали для своихъ иконъ какое нибудь украшеніе, въ родѣ вѣнка, цвѣтнаго убора для люстры и т. д.

Такія требованія и желанія его исполнялись воспитанниками, по большей части, охотно. Да и какъ было не исполнять ихъ? Добродушный старикъ всегда обращался съ ними мягко, ласково; дѣйствовалъ преимущественно внушеніемъ, убѣжденіемъ, выговоромъ, несмотря на то, что воспитанники, происходившіе изъ разныхъ сословій, были пародъ довольно буйный.

Одинъ изъ помощниковъ инспектора, Теглевъ, былъ человекъ строгій, изыскательный и грубый въ обращеніи съ учениками.

Бывало, слышитъ какой-нибудь шумъ у воспитанниковъ, прибѣ-
жить къ нимъ и грозно криклетъ:

— На что это похоже? Такъ дѣлаютъ только свиньи!

— А вы свинопасъ, раздается въ отвѣтъ ему на это привѣтствіе.

Бывали случаи, когда воспитанники выражали Теглеву свое не-
удовольствіе и болѣе грубо. Теглевъ часто жаловался Кириллу Ивано-
вичу, говорилъ, что ученики кидаютъ въ него палками и кирпичами.
На эти жалобы Кирилль Ивановичъ обыкновенно отвѣчалъ:

— А какъ въ меня бросать, то я перескочу.

Разумѣется, въ него не кидали, и прыгать Кириллу Ивановичу
не доводилось.

Случалось иногда, что почтенный инспекторъ вынужденъ былъ
прибѣгать къ розгамъ, какъ къ средству исправленія строитивыхъ
и лѣнивыхъ воспитанниковъ; при этомъ онъ незамѣтно уводилъ
виновнаго въ спальню и тамъ собственноручно отечески наказыва-
валъ. Знаменитый художникъ Егоровъ, будучи воспитанникомъ,
считался отчаяннымъ лѣнтяемъ; рисованіемъ онъ занимался очень
плохо, а о другихъ предметахъ и говорить нечего. Однажды въ
церкви Егоровъ начертилъ на своей ладони священника, который
служилъ обѣдню, и началъ показывать этотъ рисунокъ близъ стояв-
шимъ товарищамъ. А сзади стоялъ инспекторъ, котораго Егоровъ
не замѣтилъ. Старикъ увидалъ рисунокъ и, обращаясь къ Егорову,
сказалъ:

— У, батинька! да у тебя талантъ есть!

По окончаніи обѣдни, Кирилль Ивановичъ отвелъ Егорова
въ спальню и наказалъ розгами: «не рисуй де въ церкви!» Послѣ
этого лѣнь съ Егорова какъ рукой сняло.

Кирилль Ивановичъ былъ образцомъ честности и воздержанія;
пищу употреблялъ самую простую, вина никакого не пилъ; только
три раза въ годъ, а именно въ день именинъ жены своей, въ Ро-
ждество Христово и на Пасху вышывалъ по одной рюмѣ чихирю.
Всѣ воспитанники любили и уважали своего престарѣлаго инспек-
тора. Позднимъ вечеромъ, когда по окончаніи дневныхъ занятій
Кирилль Ивановичъ отправлялся въ свою квартиру, помѣщавшуюся
въ зданіи академіи, двое изъ учениковъ старшаго возраста всегда
его провожали; онъ давалъ имъ по чашкѣ чаю, по сухарю и за-
тѣмъ говорилъ: «прощайте, господа». Умеръ Кирилль Ивановичъ

совершенно спокойно, безъ великой боли и страданія. Это было съ субботы на воскресенье. Вечеромъ онъ былъ въ спальняхъ, два ученика пошли, по обыкновенію, провожать его; онъ при нихъ завелъ часы, простился и легъ въ постель, а черезъ часъ приближали сказать, что Кирилъ Ивановичъ приказалъ долго жить.

Умеръ Гловачевскій съ 27 на 28 число іюля мѣсяца 1823 г. 88 слѣшкомъ лѣтъ; 31 іюля его хоронили. Отпѣвали при собраніи всѣхъ воспитанниковъ въ академической церкви; питомцы вынесли его гробъ и провожали съ церемоніей до Смоленскаго кладбища. «День былъ жаркій, говоритъ В. И. Григоровичъ, стеченіе народа необыкновенное: президентъ академіи, художники и всѣ знавціе Гловачевского почтили погребеніе его своимъ присутствіемъ. Словы чувствительности невольно текли изъ глазъ, при воззрѣніи на маститыхъ, временемъ убѣдѣнныхъ старцевъ членовъ академіи, съ чувствомъ нѣкаго благоговѣнія соудествовавшихъ гробу бывшаго инспектора, наставника и втораго отца».

Гловачевскій имѣлъ несчастіе пережить многихъ своихъ дѣтей и въ томъ числѣ старшаго своего сына, который былъ уже въ чинѣ VI класса совѣтникомъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ нашего посольства въ Испаніи, гдѣ умеръ несчастнымъ образомъ въ Мадридѣ. Эта потеря, а равно и другія немелкіе важныя огорченія, которыя онъ имѣлъ въ послѣднее время, были причиной его смерти. Наконецъ намъ остается сказать, что Гловачевскій свою молодость провелъ въ кругу саміхъ интеллигентныхъ современниковъ, какъ-то: Ломоносова, Хераскова, Княжнина; всѣ они были короткими его пріятелями, а Сумароковъ былъ его другомъ. Бесѣды съ ними развивали его способности, и благодаря ихъ обществу Гловачевскій обязалъ отличительными чертами своего характера, дѣлавшаго его изъ ряда вопъ выходящею личностью.

Изъ произведеній Кирилла Ивановича Гловачевского были извѣстны портреты: императрицы Екатерины Алексѣевны, Павла I въ молодости, фельдмаршала графа Захарова, графа Чернышева, фельдмаршала Миниха, графини Анны Родіоновны Чернышевой, а также графини Чернышевой, жены адмирала Ивана Григорьевича Чернышева, графа Петра Ивановича Шувалова, князя Григорія Григорьевича Орлова (паходится въ академіи художествъ), Петра Ивановича Бакунина, директора театровъ Василія Ильича Биби-

кова, г-жи Шведе, грузинскаго князя Атара Егоровича Джапари, графа Аркадія Ивановича Морьова, Алексѣя Яковлевича Римскаго-Корсакова, Лосенка, Сабдукова; снисалъ опъ также портреты съ брата своего Ивана Ивановича Гловачевского, себя и супруги своей, съ актера Шумскаго (читаетъ Сенеку—гравировалъ П. Лапинъ въ 1769 г.), актеровъ Волкова и Дмитревскаго, жены Дмитревскаго, друга своего А. П. Сумарокова, 2-хъ дочерей его, актрисы Т. Михайловны Троепольской и 90-лѣтней старушки Поморской, славившейся приготовленіемъ особенныхъ конфетъ, которыя правились чрезвычайно при дворѣ. Послѣдній портретъ находили до того превосходно написаннымъ, что сравнивали оный даже со старухою Рембрандта. Черты-же Кирилла Ивановича Гловачевского сохранены для потомства кнзью извѣстнаго художника Венеціанова, который написалъ его, окруженнаго воспитанниками всѣхъ возрастовъ, и за этотъ портретъ получилъ званіе академика. Кромѣ того существуетъ гравюра исполненная черной мацерой Ухтомскимъ, на которой представленъ садъ академическій съ фасадомъ литейнаго зданія; ученики играютъ въ мячъ, а почтовый инспекторъ въ костюмѣ времени Екатерины отдыхаетъ, сидя на скамейкѣ.

Сынъ Кирилла Ивановича—Александръ, ученикъ своего отца и Лосенка, занимался преимущественно миниатюрою, и въ академіи художествъ его работы есть миниатюрный портретъ Григорія Ивановича Угрюмова (1764 † 1823), писанный въ 1814 г., который считается единственнѣмъ изображеніемъ этого знаменитаго профессора.

И. Божеряновъ.

АВТОБІОГРАФІЯ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-Й ПОЛОВИНЫ ХУІІІ СТ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы помѣщаемъ рѣдкій по простотѣ замысла и изложенья, но необработѣнности и безграмотности языка, но богатый историческими вообще и въ частности бытовыми свѣдѣніями, южно-русскій письменный памятникъ половины ХУІІІ ст. Авторъ помѣщаемой рукописи — простой, едва грамотный малорусскій священникъ первой половины прошлаго столѣтія, лѣвой стороны Днѣпра; тѣмъ болѣе удивительно, что въ умѣ его родилась мысль, выражаясь по нынѣшнему, пуститься въ писательство, «списать житіе и страданіе свое, на память дѣтямъ, внукамъ и всему потомству». Но этотъ фактъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, на сколько распространенъ былъ въ Малороссіи того времени обычай писать діаріюши, лѣтописи, дневники, автобіографія и другія формы записки. Обычай этотъ восходитъ къ ХУІ в., проходитъ черезъ весь ХУІІ вѣкъ и въ ХУІІІ ст., провинкая до низшихъ почти слоевъ. Испо говоритъ объ извѣстной умственной высотѣ и развитіи южно-русскаго общества тѣхъ временъ. Если въ началѣ 2-й четверти прошлаго столѣтія совсемъ неграмотный полковой асаулъ Михайло Мовчанъ, съ помощію посторонняго писца, ведетъ свою записную книгу, которую продолжаютъ его наслѣдники¹⁾, то въ началѣ 2-й половины того-же столѣтія «въ память потомству» пишетъ свое житіе простой іерей Ілія Турчиновскій, столь-же мало владѣвшій языкомъ, какъ и перомъ въ буквальной смыслъ этого слова. Къ сожалѣнію, его автобіографія не дошла до насъ сплошн и обрывается на самомъ оригинальномъ эпизодѣ тѣхъ его страданій, въ которыхъ едва-ли не самъ онъ былъ виновень болѣе всѣхъ его враговъ. Передавая въ кратцѣ главныя черты его скитальческой жизни и столкновеній, закончившихся весьма печальною катастрофой, послѣдній исходъ которой намъ неизвѣстенъ.

¹⁾ См. яв. кв. «Кіевской Старина» 1885 г. стр. 60.

Родился о. Ілія въ м. Березани, въ 12-ти верстахъ отъ г. Переяслава, полтавской губерніи. Отець его былъ сотникомъ березанскимъ и носилъ прозваніе Турчяна, что указываетъ несомнѣнно на то, что самъ-ли онъ, или его отецъ былъ плѣнный турокъ. Слѣды восточнаго происхожденія сказались въ буйномъ и дикомъ нравѣ сына, тщательно скрывающаго эти черты въ своемъ разсказѣ. Природа надѣлила его хорошимъ голосомъ, и это опредѣлило его первоначальную профессию въ жизни, случайно разрѣшившуюся священствомъ, къ которому, какъ видно, авторъ «житія» не имѣлъ ни подготовки, ни призванія. Много лѣтъ провелъ онъ въ качествѣ вольнаго пѣвца и устроителя хоровъ, переходившаго съ мѣста на мѣсто.

Еще въ дѣтскомъ возрастѣ, подвучившись грамотѣ у мѣстнаго дьячка, Ілія Турчяновскій былъ отданъ родителями въ Кіевъ для продолженія ученія; но обучался здѣсь въ низшихъ классахъ академіи, онъ состоялъ канонархомъ въ киево-михайловскомъ монастырѣ. Въ шведскую войну, когда отецъ Ілія выступилъ въ походъ, мать взяла сына изъ Кіева для завѣдыванія хозяйствомъ; во хозяйничать онъ такъ плохо, что отецъ, по возвращеніи изъ похода, кромя укоризны, не смало приложилъ ему и ранъ. Именно это обстоятельство толкнуло его изъ дому родительскаго «но школамъ волочиться и для повиданія больше свѣту». Скпталчество съ цѣлю приобрѣтенія знаній и опредѣленія занятій было тогда обыкновеннымъ явленіемъ, и мы видимъ автора «житія» въ этомъ положеніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, которыхъ онъ съ точностію не опредѣляетъ: изъ Спильки онъ переходитъ въ Могилевъ, отсюда въ Шкловъ, Гомель, Черниговъ и наконецъ въ Переяславъ. Жизнь его за эту пору полна самыхъ разнообразныхъ приключеній, которые онъ изображаетъ съ словоохотливостію простаго человѣка того времени; но именно благодаря этой словоохотливости автора, въ его незатѣпливомъ разсказѣ проскальзываютъ весьма интересныя свѣдѣнія объ условіяхъ тогдашняго обученія, о положеніи православія въ Бѣлоруссіи, объ устроеніи хоровъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, о разграниченіи ихъ діалогъ съ интермедією, привлекая все мѣстное населеніе маленькаго города Шклова и вызванной этимъ обстоятельствомъ жизненной бурѣ и проч. Служба Ілія Турчяновскаго въ званіи регента хора переяславскаго архіерея доставляетъ ему наконецъ священство въ родной Березани, а вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось-бы, покойную и обеспеченную жизнь.

Но не таковы были нравъ и характеръ Ілія Турчяновскаго, не такова была его подготовка къ священству, чтобы онъ могъ спокойно жить на предоставленномъ ему мѣстѣ. Слухи о его похожденияхъ въ Бѣлоруссіи доходили вѣроятно до Березани, ибо протестъ противъ назначенія его на березанскій приходъ явился какъ до посвященія его, такъ и въ самый день рукоположенія. Главною протавницею его въ этомъ дѣлѣ была вдова полковника Думитрашка, которую онъ и считалъ виновницею всѣхъ постигшихъ его потомъ бѣдствій. Она преслѣдовала его всякими способами, пока наконецъ съ помощью своего сына, учившагося за границей и став-

паго сотнякомъ въ Березани, не угодила его подъ судъ. Обвинялся о. Ілія въ томъ, что вымогалъ отъ прихожанъ высокую плату за требы и многихъ пзъ нихъ биялъ, что не давалъ причастія полковникѣ Думитрашчухѣ, ходилъ на медвѣдей, биялъ волковъ и зайцевъ ловилъ, но отягчили участь его продерзостныя рѣчи его противъ архіерея и консисторіи. Его судили и по совокупности всѣхъ преступленій, не смотря на ходатайство двухъ членовъ синода, испрошенное ихъ чрезъ своего сына, саужившаго въ Петербургѣ, опредѣляли, лишивъ прихода и права священнослуженія, заточить на три мѣсяца въ монастырь на тяжкія работы въ оковахъ; но кромѣ того, по письму Румицеза къ переяславскому архіерею, ему дано еще сто плетей за какое-то буйство во время ареста, которое онъ называетъ взятіемъ «служебной коледницы съ цѣпью», но которое вѣроятно состояло въ разбитіи арестанскихъ кандаловъ. Въ разсказѣ о. Ілія, хотя и замаскированномъ, живо выступаютъ во всей суровой своей обстановкѣ строгій судъ церковный того времени. Сокрушенный имъ іерей, но видимо, повинился и обѣщавъ удовлетворить обиженныхъ лгъ прихожанъ, но, не доставивъ на мѣсто съ нарочно посланными изъ консисторіи, отказавъ исполнить свое обѣщаніе. Посланные снова заковали его въ кандалы для доставки въ катедру, но, угощенные сотникомъ, на обратномъ пути въ почтовую пору опрокинулись въ ровъ, гдѣ и остались отъ сильнаго опьяненія. Испуганныя лошади понесли по полямъ скованнаго о. Ілію... Но на этомъ и обрывается разсказъ въ его автографѣ, обязательно сообщенномъ намъ старѣйшимъ нашимъ этнографомъ, уважаемымъ Ш. А. Лукашевичемъ. Конецъ автографа очевидно оторванъ и затерянъ, но читавшій его первоначальный владѣтель рукописи передавалъ Платону Акимовичу, что о. Ілія освобожденъ отъ суда, возобновленъ въ священствѣ и послѣ новыхъ и долгихъ заключеній удержъ въ глубокой старости, хотя и на другомъ уже приходѣ.

Самый автографъ представляетъ собою небольшую книжечку въ 16-ю долю листа сѣрой бумаги въ бумажной обклейкѣ, писанную непривычною къ письму рукою, очень плохоня, теперь совершенно уже выцветшими чернилами. Пунктуация и вообще правописаніе таковы, что во многихъ мѣстахъ совершенно затемняютъ смыслъ рѣчи. Для облегченія читателей мы внесли современную пунктуацию, соответственно теченію рѣчи, а въ орфографіи прибавилъ твердый знакъ, отсутствующій въ подлинникѣ. Особенность правописанія подлинника заключается въ употребленіи повсюду *и* вм. *ы* и *и* вм. *і*, что въ большей части и нами удержано. Языкъ подлинника нельзя назвать ни вараднимъ, ни книжнымъ; онъ приближается къ канцелярскому языку того времени, при очевидномъ влияніи русскаго языка и съ значительною склонностію къ славянизму, весьма понятною въ авторѣ-священникѣ. Объединять мелкія бытовые черты, разбросанныя въ разсказѣ, не возможно; онѣ даются только чтеніемъ подлинника, котораго текстъ за сямъ приводимъ.

Списася мною многогрешнымъ, Ілією Турчиновскимъ, священникомъ и намѣстникомъ Березанскимъ, житіе и страда-
ніе свое въ память дѣтямъ своимъ, и внукамъ, и всему
потомству.

Азъ многогрешный Ілія рожденъ отъ благочестивыхъ родителей, въ городку Березанѣ въ 1695 року, іюля 12 дня, отъ отца Михайла, сотника березанскаго, и матки Анны Садковской; воспитанъ по благому наказанію. Приשבыву возрасту моему, вѣдана я родителями моему книжному ученію при церкви святоуспенской березанской, за священника и намѣстника той церкви Павла, и къ дяку Іоану Кудинскому, где я обучался грамотки, часловця и ѳалтири; и когда въ болший возрастъ достигну ми, отецъ мой, отходя въ походъ военный, въ 1699 году, въ Польшу (где и въ Ляховичахъ полкъ увесь перелавскій цѣль полковникомъ Мироничемъ шведа чрезъ змѣну гетмана Мазенци взито), мнѣ приказалъ править господарствомъ; когда же отецъ мой въ походу съ-подѣ Ляховичъ, отъ шведскихъ рукъ сохраненъ, самъ одинъ (а сотня вся тамъ съ полкомъ пропала) пришелъ въ домъ, много мнѣ укоризни, съ накладомъ немалыхъ ранъ, за непорядокъ домовній наложилъ; чего я въ младихъ лѣтахъ не могъ разумѣть.

Отъ того времени сталъ я сожалѣть о науцѣ своей, якую за господарствомъ позаблѣвъ, и, оставя отца и матку, отійшолъ 1710 года изъ Березанѣ по школамъ волочитись. И шедши малый путь, достигъ града Черныгова и тамо при церкви Воздвиженія Господня малое время поживши, отійшолъ въ сотню, въ село Синявку, где черезъ годъ живши, тамъ, при церкви иокровской, обучился книжного чтенія и пѣнія, ибо хоча и трудился чрезъ три года въ богоспасебномъ градѣ Кіевѣ, въ манастирѣ святомихайловскомъ, при игуменѣ Іоаннѣ Сепкутовичи и при намѣстнику Варсонофѣи и уставнику Гедеонѣ, за капархистру лѣваго клироса, та и то еще на контѣ оного игумена и до школъ латинскихъ почалъ бытъ, за ректора Прокоповича, а подирофесора Загурскаго, ходитъ; отъ якого ученія, за отсутствіемъ отца моего у войско противъ шведа подѣ Стародубъ, где въ 1711 года король шведскій въ Стародубъ и вся армія его зимовала, маткою моею съ Кіева взятъ и за домашнюю суетою всего позаблѣвъ. И въ той Спявцѣ обучившись, въ

сотника тамошняго Мандрюки, за писара дворового били и сина его Петра Уалтири обучалъ. И оттоль, для повиданія болѣе свѣта и ученія, пошолъ зъ двома молодиками болшими, Семеномъ и Иваномъ, въ Литовскоу Книженію, въ королевскій градъ Могилевъ. И шедши многими путемъ, пущею, двий два безъ людей, якіе молодики, видя въ мене деньги и одѣяніе не ветхое и уже надходящу вечеру, устремшася на мя не человѣческо, но аки звѣріе, хотя мене убить. Едыя тайно не малымъ дровомъ хотѣлъ мене у главу уязвить, но Божиимъ зашщениемъ и Матере святой его зашщенъ я отъ глави, но по книжкахъ, якіе на правомъ плечи мною несени били (ударилъ?), отъ котораго я бою упалъ о землю; и тамо мя лекащаго родѣли изъ одѣянія и деньги, якіе при мнѣ были, изъ одѣяніемъ побрали. И чиняху, стоя, надо мною сваду: единъ Іоанъ желаетъ мене убить у смерть и заволокти зъ дороги внутръ пущи, а другой, Симеонъ, ялоби милосердию о мнѣ, советъ подае свести мя далечайше зъ пути, и пага къ древу привязать на свѣденіе комарамъ, или звѣрямъ; но Божією силою и заступленіемъ моѣи помощницы Матери Божей, оцущася акибой отъ сна, не чувствуя и мало болѣзни, схватясь въ одной кошулѣ, ялся бѣгу обратно путемъ тмъ, отколь и шествовали. И бежа съ немалымъ риданіемъ, молилъ Матеръ Божію, да избавитъ меня отъ тихъ лютихъ Диоклитіановъ, и голосно кричалъ о ратунокъ; то оніе убійци, бѣжа за мною, аки звѣріе за агницею, не малій путь; и яко оніе тѣломъ толети, ктому же и яни, не могли постити и кричали голосно, даби я остановился, изъ немалою клятвою крестнымъ знаменіемъ утверждая не убить мене, но яти купно къ Могилеву, зъ обшщніемъ мнѣ все плати возвратитъ. Якой я отъ нихъ клятвѣ яви вѣру, оградилу себе крестнымъ знаменіемъ и, прочитавъ *Богородице Дѣво, радуєся* и возложася на помощь я заступленію Матери Божіей, приколъ до онихъ. Икіе оба яша мя въ руцѣ и о землю вдарина, скрежетаху на мя зуби своїми и связаша ми руцѣ и позѣ, побушахуся нести мя внутръ пустыни и тамо мя смерти предать. Видя я остатное свое окончаніе и лютую смерть, лежа, сказывалъ онихъ: „Та коли клятва ваша и крестное знаменіе въ правдѣ остаеъся, усумнѣтесь и убойтесь Бога. За что вы мене желаете убить? И сами за убійство не избежите лютойшей муки, и адскѣ, и на второмъ пришествіи. А буде желаете денегъ и плати

моёго, и вамъ вовсе дарую, и никому сей тайны не явлю". То оиё, полстившись деньгамъ и устрашая мя убийствомъ, сожеля би кому объявилъ, развязали ми руцъ и носъ и отдаша мнѣ одѣвнiе и книжки съ торбою, якіе отъ ерогаго вѣдари вполѣ-дощечки поламались, а деньги рублей десять къ себѣ взяли. И тако изъ оными злосныками яхомся въ путь свой. И дойшли ночу до села, къ границѣ полевой, маѣтности печерскаго монастыра, зоваемаго Попова Гора. Въ якой живучий городничий, еромонахъ Феодосий, усмотря мене въ церькви въ пѣнію и чтенію искусна, сказалъ дячку того села, чтобы ми приналъ до половини дяковской: и потому мя и принято. Чему я и радѣ быль избѣгъ своихъ враговъ; но они, когда очувствовали моё отъ нихъ отлученіе, весьма опечазились и скрежеща на мя зубами, пожелали тамъ бить, но дякъ той школы не допустилъ и пошедши до городничего, объявилъ, а я съ оными много водился и тмѣ часомъ служителей нашедши, отняли мя и оныхъ изъ школы вѣгнали. Но оиё, умѣсла на мя злоковарнiе вымѣсли, пришли до сотника компанейского, который на тотъ часъ въ томъ селѣ Поповой Горѣ стояли на квартирахъ и полкъ Чаусниковъ, и объявили, якобъ я отъ нихъ отъ села Сипявки уговорился, ешелн доведутъ мене до Могилева, тамъ бѣ онымъ покупить ко пари суконь; да и еще сказывали ложно, что де онъ, изъ нами идучи, не маліе обиди дячкамъ подѣлалъ по школамъ, и яку котрый его дякъ не приметъ по его правдѣ, то розками безъ пощады обложитъ ночу и поидеть, а у иныхъ книжки позабиралъ, и тако намъ обратно ити невозможно; якіе де книжки и деньги и нинѣ въ него имѣются. То оный сотникъ, на тотъ часъ будучий въ корчмѣ съ своими козаками, приелалъ пяти компанейцовъ, и оиё взявъ мене насилне изъ школы и приведше предъ сотника, и платты и книжки позабирали. Оный же сотникъ, не испрося ми, отъ якой страни и коего рода, но повелѣлъ изнати изъ мене кунтушъ и кафтанъ и отдать юмкъ зломышленникамъ, а книжки шинкарицъ отдалъ за цеберъ меду, ибо не худіе книжки были. И осталіе деньги, якіе отъ тихъ десяти рублей осталнсь, что онымъ я злочинцямъ отдалъ, еще два рубля оиё отъ мене отобрали, где я тилко въ единой рубашици стои предъ ними, въ немалою ридаянн слези искушалъ; и прочіе мои ручники, хусти, кошулѣ, пояси на провой шинкарицъ вручили. Но я, стоя, сердцемъ ко Господу Богу

и Матери Божей, возводя очеса свои, молился тайно, просил избавленія отъ такой напасти и разоренія, и воспоминала свой отходъ отъ отца и матери тайной. И уже сотникъ, и козакъ, и мои враги Сементъ и Иванъ, за мои книжки и прочее накупленного меду напившись, приказали спивать предъ собою изъ оныхъ моихъ врагами: то и мене принуждали; однако я, хочая и покушался спивать, но за обильнѣмъ слезъ не могъ и гласу отвести. Гдѣ мнѣ оный сотникъ приказалъ у двѣ колоды древяніе ноги забить: який крикъ и шумъ единый атаманъ конпалѣйскій, лежа пилъ за пѣчу, ощутилъ и всталъ, сказуи: „что де то у васъ за шумъ и пѣніе?“ Оный же сотникъ отвѣтствовалъ на то ему атаману: „иди де за столъ, да пий медъ, намъ де злодѣя сіи молодики привели“. Який атаманъ, уже не младъ собою, сядя близъ сотника, сказывалъ: „где тотъ злодей?“ То сотникъ повелѣлъ мя съ подлѣ караула изъ сѣней привести въ двохъ колодахъ и въ одной конулѣ. И приведоша мя предъ того атамана, який много мене присматривалъ у очи и спятуя: „отъ якой ты де страши? чуть де ты мнѣ не по знаку“. То я съ немалыми слезами отвѣтствовалъ: „я подлѣ перелеславскаго, изъ городка Березань“. И оный атаманъ сказывалъ: „не ты ли Михайла Турчина, сотника сѣни?“ То я отъ той радости мало съ плачу не удавился и мало просилъ водѣ напиться. И оный атаманъ сталъ сотнику и козакамъ говорить: „вы де и сами всѣ въ дому что отца були, и пили и ѣли, когда шествіе было государа перваго Петра Алексѣевича въ 710 году подлѣ Прутъ, и онъ де насъ по повеленію отца своего частовалъ и правлять, який палъ изъ сотнѣ палежалъ, выдавалъ на сутки и записывалъ; почему онъ, сотникъ, пріявтилъ ми, что тако ѣсть“. И началъ я подробно оному сотнику и атаману сказывать, что оны мои злочинцы изъ села Сививки добровольче во мною пошли и что въ пути отъ нихъ мнѣ приключалось, подробно расказалъ. И тогда онъ сотникъ и атаманъ повелѣли влады изъ моихъ ногъ разбить, да на моихъ суностатовъ, Семена и Ивана наложить и до другого дни въ немаломъ заключеніи содерживать. И совлекии мою одежду со оныхъ, мнѣ отдали, и все имущество мое бѣдное и деньги отъ нихъ отбрали и что они были взяли, возвратили; что же цеберу меду вынули, съ моихъ денегъ заплатили; мене же онъ сотникъ взялъ на свою квартиру. По утру же, свѣтающе, онъ сотникъ, всѣмъ ата-

мамамъ сошедшимся, судили моихъ клеветниковъ и когда велѣли бить безъ пощады, то онѣ всему своему злему дѣлу повинились: якихъ, еще приваливши бою, повелѣли козакамъ изъ села за границу, за рѣчку Сновку, въ польскую область вигнать и тамъ на границѣ немалѣ раны паложить и, обидравши до копулъ, отпустить. Что я учинилось. Мене же оиъ сотникъ, по совѣту атамановъ и козаковъ, принялъ за писаря (ибо оныхъ писарь во отлуччѣ былъ въ комисси польской), где и квартиру мнѣ опредѣленно. Будучи же въ него немалое число въ правленіи писарскомъ, попустило мя первое желаніе отйти въ Полцу, въ Могилевъ, для обученія языка латинскаго и провидѣніи по свѣту людскаго обхожденія. И упросилъ я сотника и атамановъ компанійскихъ, чтобѣ мя отпустили, отъ якихъ и отащекъ. За Божією же помощію и Божіей Матере, тогожъ времени прилучившемуся купцю зъ Могилева града Іоану Ровѣ, який изъ Стародуба вездѣ желѣзо, и за упрощеніемъ моимъ онаго купца, взятъ я при возахъ его дошедь града Могилева, який стоитъ надъ рѣкою Дѣвпрожь, и отъ него Іоана Ровѣ залѣченъ въ школу при церкви святопокровской на Подоляхъ; гдѣ и преозимѣлъ. По веснѣ, упрощеніемъ того же Іоана Ровѣ, принятъ до школъ латинскихъ язовитскихъ; и тамъ случалось ходить до церкви благочестивой Преображенія Господня, где домъ архіерейскій при той церкви. И ходя на кляросъ, услышано отъ покойнаго архіерея Силивейстра Четвертинскаго мовѣ ибнѣ, и къ ему призванъ. Онѣ же епископъ яспросилъ: „како вѣри, и отъ якои страны и жительства, и гдѣ мовъ пребываніе?“ Оному епископу явалъ я свою вѣру и жительства, яко вѣше сего написано и гдѣ ибнѣ пребываю. Онѣ же епископъ требовалъ мене зъ прошеніемъ, чтобѣ я въ должность пѣвческую къ нему присталъ, зъ обѣщаніемъ награжденія, къ чему я охотне издался. И когда къ чину пѣвческому сталъ обучатись; то уже мене ксензи до школъ и не пустили, сказуя, что тѣ де сизматикъ, що у сизматиковъ жиѣнъ. Но когда обучался презъ годъ и разсмотривъ искусство партесное, то единого времени на Свѣтлое Воскресеніе на всенощной спѣваючи канонъ на хорахъ, реентъ, по единому его на мене гонительству, что за его пляство уже былъ отдаленъ отъ кашелѣи, а мнѣ поручено, якобѣ за невѣходъ концерта за дишкантами, ихнулъ мя изъ хоръ презъ желѣзные балаяси. Где я и зъ

хоръ на долъ летѣлъ вишену у пяти человекъ, и ежели бы не потра-
 нилъ на женскія главы, то бы окамень мармуръ разбился. И многимъ
 женамъ повреждени были главы, а единой старухъ и вся глава сло-
 мплась, лежал у три дни и умерла. Меше же Господь и Матерь Божая
 сохранила невредима. Онъ жъ реинтъ, убоясь, бежалъ изъ хоръ и
 поддался на римскую релію, но не малимъ боварствомъ зъ римскими
 пѣвчими старался, якъ бы мене увѣчить, потому жъ еще согласился
 изъ теми моими врагами, Семеномъ и Ивановъ, кой предъ сего мене
 желали убить, но ихъ зъ села, Поповой Горы, бивши плетми, выгнали
 за границу, а теперъ въ Могилеву въ драгунскій полкъ при замѣлу
 записались, якѣ послѣ вскорѣ православную церковь выгнали, и онихъ
 повѣщено.

Вбѣгая того зла, по прошенію случившихся въ Могилеву мѣ-
 щанъ изъ города Шклова, просился я отъ епископа могилевскаго
 отпуску, объявля ему своихъ гонителей, який и отпустилъ мя зъ не-
 малую жалостію. И съ теми купцами Иоаномъ Мазуровичемъ да Ми-
 хайломъ Косебуцкимъ, имѣя изъ собою двоухъ пѣвчихъ, пойшолъ я
 въ городъ Шклову въ мѣнастиръ Благовѣщенія Господня, въ якомъ
 мѣнастиръ игумень Феодосій изъ братією приняли меня зъ охотою, зъ
 награженіемъ за содержаніе пѣвчихъ талірей десять битихъ, кромѣ
 дохода, ибо тотъ мѣнастиръ имѣеть приходъ, — всѣ благочестивіе къ
 тому мѣнастиру склаплются, где и тотъ городъ стоить надъ рѣкою
 Днѣпромъ. И тамъ я чрезъ четири года при томъ мѣнастири бѣлъ
 реинтомъ и отъ онихъ мѣщанъ, такъ и отъ игумена имѣлъ довольствіе.
 Но и тамъ врагъ, искатель мнѣ зла и гоненія, завидя моему добру,
 воста на мя. Прилучившіися зъ Кіева два студенти, желали у Орниц
 или въ Могилеву ходить до школы, но неприняти за тѣмъ, что благо-
 честивіе. Съ ними я потрудился, и на Свѣтлое Воскресеніе выправили
 діалогъ зъ интермедією. На якой многочестивіе благочестивіихъ собра-
 лось, и римлянъ, и самихъ евонитовъ, и доменѣканъ, и жидовъ. И
 всѣ тому удивлялись, яко тамъ, въ тихъ краяхъ, той вещи не видали.
 Не малую себѣ римляне болѣзнь и безчестіе припявши, умѣслили, яко
 бы мя выгнать изъ города Шклова: просили губернатора, чтобъ мнѣ
 на ихъ празники приходить въ кляиторъ доменѣканскій до аргановъ
 и съ пѣвчими своими сѣвать. Хочай же и бѣлъ прислोकъ отъ гу-

бернатора, то я много отказывался, яко нахъ благочестивимъ въ римскій кляшторъ неприлично входить, да и правила святѣхъ отецъ возбраняютъ. Но и пачей оны римляне опечалились и паславши одной нощи въ мѣнастирь на епѣварю, яко бѣ нечаянно, зъ лихтарнями, арганѣста зъ драгунами замковыми, и начали бить всѣхъ пѣвчихъ и тихъ студентовъ, а мене съ чулана вытягнуши, безъ милосердіе били и шаблями рубили, где главу мою у двоихъ мѣсцевъ до мозгу прорубали, и несли мене у Днѣпръ рѣку утопить. Но я, мало ощутився, просилъ оного арганѣста, яко онъ усерна добръ былъ ко мнѣ, помилванія: яко объявлялъ мнѣ, что посланъ отъ замку убить мене и у Днѣпръ уволокти. Однако Божія помощъ и Матерѣ Божіа заступиста ми: случившійся того града мѣщане вѣхали въ городи зъ крамами и нахавъ на тоѣ, отняли мене и мало въ живыхъ унесли у епѣварю и объявили игумену. Отъ якого я порубанія много страдалъ и все свое имущество врачемъ раздади: но ничтоже не успѣлъ бѣ, ѣжели бѣ не была вдова, женщина Евдокія Манциха, излѣчила: ибо оны римляне, ощутивши, яко врачи до мене ходять (яко тамъ болѣе жидовъ не имѣется никого), намовляли, чтобы ми умертвить. Когда жъ я отъ той старухи уврачеванъ и сталъ по прежнему спѣвать, то извѣщено мнѣ отъ добрыхъ пріятелей, что хотять мене, въ нощи напавши, извезать и воскоря у Днѣпръ укинуть. И, видя и тамъ гоненіе и что уже укрытись отъ палиштаковъ невозможно, а случилось такимъ же способомъ, въ ночное время въ единомъ мѣсцу того арганѣсту самого застать въ шибку, то тамъ зъ своими пѣвчими такожъ ему отреванъ жевалъ кіями и шаблями, и забравши всѣхъ пѣвчихъ, дубомъ по рѣкѣ Днѣпру пустился внизъ.

О такой мой тайнѣ игуменъ и мѣщане извѣстни были и много обо мнѣ сожалѣли, только что сила римская, а на благочестіе гоненіе. И той нощи уплыли миль десять. И приплывши свѣтомъ къ городу, стоящему надъ Днѣпромъ, Гомлю, тамъ препочили дний два. И наки ялася плаванія. И отъ Гомля, когда тамъ же судное плаваніе возымѣли, то въ единомъ мѣсцу, принозясь, случаемъ нагнаши судно на древо, яко въ рѣцѣ отъ берега отвалилось, и тамъ все шесть насъ человекъ изъ судна повернулись. И такъ само судно внизъ Днѣпра пошло, а имущество наше, яко было, все затопуто, ми же хранимъ

Вожимъ за лозі похватались, яко поблизу берега зміжи плаваніє, и много, гласомъ немалымъ, усбали ратунку. Гдє почувши рѣбалки наехали на сѣ и побрали у свои лотки. И тилько ~~въ~~ тѣмъ остались платбежъ, въ якомъ вѣшали изъ судна. И оными рѣбалками вѣзены на брегъ, гдє и огонь отъ нихъ распаленъ ради огрѣтія и обсушенія отъ воды. И оттоль, преночевавши, въ пуци иршимъ путемъ немалый часъ шедши, доспѣли къ Ловву городку, а послѣ до Рѣпокъ, и тамъ преочивши мало, дошли до города Чернѣгова, и тамо премедля, ягася и паки въ путь. Уже со мною были четири тилько пѣвчѣ, а два въ Чернѣговѣ къ архієрею Радіону Жураковскому пристали.

И дошедше до городка Седнева, тамъ задержану уиросеніємъ господина обозного генерального Якова Лизогуба—при его церкви остались за дѣчка изъ содержаніємъ пѣвчихъ. Видя я себе отъ потопленія и при мнѣ будущихъ пѣвчихъ весьма оскуднѣхъ на одѣваніє, принужденъ остались. Въ ономъ Седневѣ жилъ я чрезъ годъ: и мало приодѣвшись, оттоль отийшоуъ, поблагодаря, и оставилъ при господину еще двоухъ пѣвчихъ, а зо мною единъ хлонецъ Іоану. И шедши дний не мало, достигъ до своего пристанища отческого, и засталъ еще въ живихъ отца и матку, и всѣхъ братий и сестеръ, и дѣда своего Стефана (якій уже живши куцно зъ нами лѣтъ сто и тридцать и умре). Въ дому мало поживши, принятъ въ пѣвчѣ въ катедру переясловскую къ преосвященному Кириллу Шумлянскому за рѣчуга. И тамо годъ живши, изволеніємъ Вожимъ и за благословеніємъ родителей своихъ, въ 1718 году женился, февраля остатнихъ чиселъ, на дочери бывшаго сотника березанскаго Михайла Шилипенка, Анастасіє.

По отходѣ, того жъ года марта первихъ чиселъ, отцевъ мою пѣ походъ царичанскій за обозного полкового, на тотъ часъ будущему гетманомъ наказнимъ господину Сулимъ Іоану, хоружому генеральному, то я въ небытность отца моего, по умертвіи наѣвника березанскаго, Андрея Шокоры, тѣмъ же архієремъ Шумлянскимъ за заслуги мои пѣвческія, въ 1718 году въ ноябри 3-мъ числѣ, въ городку Березанѣ до храму Успенія Богоматері въ священника рукоположень. Еше въ ту ю пору въ Березанѣ една церковь была, гдє со времени моего произвожденія много бѣдъ и гоненій отъ Забѣловни Дмитрацхи претерпѣлъ невѣданіємъ презентовъ, по за виданіємъ отъ атамана Іоана Вуя ~~въ~~

козаками презента, принятъ я и рукоположенъ. Якая изъ ярости того же дни прислала до архіерея Шумлянскаго въ письменнѣмъ прошеніѣмъ, якобы я недостойнъ священства, а недостойнства некаяго не показала: то оное писмо Павло Греско того жъ дни идучему архіерею изъ церкви, въ якой я и рукоположенъ, подалъ. Якоу писмо архіерей, когда вшедши по обычаю въ столовой розбранъ въ маітій, велѣвъ при старшиѣ полковой, які въ то время пригодились, писарю Савичу читать. И по вчитаню оного писма, призвавши оного Греска предъ себе и сказывалъ: „Объяви де панюю своей, что она нехай знаетъ хлона, а епископъ попа; а когда не похощетъ его Турчиновского въ руку цѣловать, то нехай где инде поцѣлуетъ“. И тако отправленъ. И отъ того времени не малѣя отъ ней Дмитрацихи и сына ея Василія, хоча въ тую пору и младъ быль, гоненіе и поруганіе претерпѣвалъ и во время моего прихода, по обычаю, съ молитвою и въ праздники въ крестомъ, немало поруганіе и вигнаніе изъ дому ея принималъ. А всегда, бывало, лестію мя хотяще уловить, призывая въ домъ свой, пугнѣмъ и знураетъ, чимъ бы въ словахъ уловить и обезчестить; но я, силою Божескою и Матере Божіей, невредимъ отхожду. Видя оная Дмитрациха, что и не преодолевая съестю, на удану обиду якобы мою устроила въ 1719 году церковь другую на Заричіи, съ помоществованіемъ прихожанъ, свитого Архангела Михайла, якая въ годъ состроена и освящена покойнѣи протопопая Григоріемъ Максимовичемъ да Павломъ Доброницкиемъ. И стала (Дмитрациха) до того прихода рефероватись, а вѣсто ея дому домъ отца моего къ моему приходу определенъ. Къ якой церкви приданъ священникъ Кирилло; но оная Дмитрациха и тмъ священнику вознегодовавши, почала искать духовникъ себя по своей похоти: и во время святѣи четіредесятницѣ для исповѣди отѣхала въ село Семеновку и тамъ въ священника Григоріа исповѣдалась, а до мойи успенской церкви пришла, чтобы Святѣхъ Тайнъ сподобитись. Якую я видя пренебрегательку чина священническаго, послалъ иномаря Михайла, чтобы оная Дмитрациха съ церкви выгнана и ѣхала бы туда причащатись, где исповѣдалась, якая принуждена ѣхать въ церковь Михайловскую и тамъ сподобилась Святѣхъ Тайнъ отъ Кирилла священника: ибо и указъ отъ архіерея Шумлянскаго по всю епархію быль, чтобы священники не своихъ при-

хожаѣ не приймали на духъ и начей святихъ тайнъ не сподобляли. То отъ того времени и начей немалою яростію наполнилась: начала гонить мене явно и тайно, насылая своихъ подданныхъ вѣдѣхъ на мой домъ, бранячи и на путѣ, и въ церкви, а я все снисходительнѣеи вещми сохранялся. Единяго же времени, зѣ ярости, будущому въ домѣ ея полковнику Василію Танскому, многа непогребностей приключила мнѣ паговоркою. Який, призвавши мя въ домъ и предъ себе, бранилъ, порывался бить мене; но я и оттолъ безбѣдно, оправдая себе, отийшолъ. А уже когда сынъ ея Василій, будущий въ тоѣ время во училищахъ въ Шленску и въ Прагѣ, вѣучасъ, отъ Праги въ Петербурхъ дойшолъ и тамъ въ архіереи Лопатинскаго учителемъ при домѣ его сталъ; то уже я отъ оной Дмитращихи весьма бѣдѣ поруганъ и гонимъ, съ похваляки оттолпять мене отъ парафіи и въ Березанѣ. Когда же сынъ ея пришедъ въ Петербурга, то уже незиосніе мнѣ обидѣ и козакамъ сталъ приключать. А когда въ 1740 году сотникомъ березанскимъ сталъ; то и тоже гоненіе на мя востало: въ немалымъ угроженіемъ козакамъ и мужикамъ приказывалъ, чтобъ у мене нѣхто не наймался работать, хотя уморить мя голодомъ и хладомъ. На остатокъ тогожъ 1740 г. мой покупленіеу ставъ, поля, тако жъ и въ козаковъ, неправднимъ слѣдствіемъ сотникомъ бубновскимъ Василіемъ Савичемъ, да Крапивлянскимъ Михайломъ Кандябою, да Капцевичемъ канцеляристою поотнимано и ему сотнику Василію Дмитрашку отдано. Но еще не утоляея на томъ, въ 1746 году подадъ на меня доношеніе онъ, сотникъ Дмитрашко, епископу Никодиму, якобъ я усилупе отъ прихожапъ за вѣнчаня и за сорокоуста бралъ, и за неданіе его матерѣ причастія, и якобъ я многихъ билъ, отъ шого бою и смерть приключилась, и самъ за волками, и за зайцями, и медвѣдями ѣзжу, и бью, и ловлю. По якому его челомъ битію прислалѣ оъ катедрѣ слѣдственниковъ: ермонаха Евкеептїи, да попа петропавловскаго Гонимѣвича, да канцеляристу Василя Козловскаго. Якіе, за привѣтїемъ своимъ въ Березань, оиѣмъ сотникомъ березанскимъ Василемъ Дмитрашкомъ подкупленіи и неправдно людей, козаковъ и мужиковъ допранивали безъ присяги. Къ тому же онъ сотникъ всѣхъ устраниааъ обѣмъ, ежелїбѣ кто за мною правду говорилъ, да къ тому же и отъ епископа Никодима не-малая посяжка бѣла и того ради ни малїишаго оправданія владѣствїи отъ мене не

принимано, а болѣе и въ за что, яко сынъ мой Алексѣи, будучи въ Петербургѣ явъ Алексѣю Малиновскому, для свиданья въ синодальномъ же моемъ Андреевѣ, кой былъ въ службѣ въ то время въ Петербургѣ, у Воронцова графа, испросили у членовъ синодальныхъ архіепископа московскаго Платона Малиновскаго, да архіепископа нековскаго Силона Тодорскаго письма къ Никодиму, чтобы я въ обиду сотнику Дмитрашку не попускалъ. Якій архіерей Никодимъ не только сотнику не возбранилъ, но самъ, согласясь съ сотникомъ, гонителемъ былъ. И по окончаніи слѣдствія, за поданіемъ его Дмитрашка доношенія, чтобы до окончанія дѣла лишили мене священства и наместничества, тогожъ выше писаннаго года, сентября 14 числа, велѣно мнѣ указомъ явиться для выслушанія дѣла въ консисторію. Но когда я явился; то тоже сентября 19 дня велѣно всемъ священникамъ градскимъ переясловскимъ съ причетниками въ консисторію сходитись, а когда сошлись, то при соборѣ, и при мнѣ, и ему Дмитрашку, приговорѣ лишили мене священства, и прихода, и наместничества во вся, и въ кого взималъ за вѣщанья и за сорокоуство поминаніе, мнѣ козакакамъ и его подданнымъ деньги возвращать; за битіе медвѣдя и волковъ и ловленія зайцовъ въ заточеніе сослать на дванадцать недѣль въ ссылку, за неданіе же матеріи сотника Дмитрашка причастія уплатить девятдесятъ и пять рублей безчестія. Все то за то, что я во время слѣдствія сказалъ: буди де консисторіи праведно не осудитъ, то небесная консисторія праведно осудитъ, онъ архіерей приключилъ. А что я взялъ былъ въ канцеляріи колодницу свою служебную, березанскую, и уже за то, по жалобѣ отъ его Дмитрашка до Румянцова (якій тогда гетманствомъ правилъ), Румянцеву писалъ къ архіерей Берлу, и за то я былъ штрафованъ, что взялъ самоуправно (колодницу) въ цепью, то и ще, по его доносу сотника, якобы за то (присуждено) дать мнѣ плетей сто вдаровъ. Где и приказано воловикамъ держать мене; но я, не даясь держать, объявилъ въ консисторіи: „Буди не удержи, то въ тую пору держать“. И такъ, сколько онѣ мorderцы были плетями, я все читалъ: „Отче нашъ“ да „Богородице Дѣво“, и тако Божією помощію и Матері Божіей и малѣйшей болѣзни не ощущаю. А когда я всталъ, то повелѣно мене заковать въ немаліе желѣза и залотовать во вся, безъ замковъ, и въ хлѣбню посадить, и тамъ

полѣзна рубать и дѣжу мѣсить, и всякою послушаніемъ работать. А послѣ тогоже сентября 29 въ сѣлку въ мѣнастирь горскій Золотоносскій сосланъ въ желѣзахъ съ подданнымъ коробовскимъ Василемъ Лепскимъ, який за привозъ въ горку ~~съ~~ плечей остатную съ мене реверенду зялѣ. И тамъ я въ черной работѣ три мѣсяца, въ завѣдованіи игумена Дорфея Лебедевича, въ немалой нуждѣ страдалъ, единакъ Божією силою и Матері Божіей бѣлъ подкрѣплень. Съ якой сѣлки уже ноября 30 числа вѣлно указомъ у желѣзахъ и шаки въ катедрѣ представить; где за представленіемъ моимъ подавалъ самому архіерею Никодиму довошеніе, чтобѣ мой, непринятіи въ слѣдствіи, оправданія въ консисторіи принято и разсматривано бѣлобѣ, и мене помилованобѣ. Якіи архіерей оный мой оправданіе и довошеніе, три дни держѣ въ себе безъ помѣты и безъ резолюцій, мнѣ чрезъ писаря Мирнарха отдалѣ; а когда уже декабря 10 расковали изъ желѣзъ, приказали ѣхать въ домъ, чтобѣ матері сотниковой, якобѣ за безчестіе, такъ и козакамъ и мужикамъ за взятіе за вѣнчанія и номинованія, не включая того, что викарію, дѣячку, панамару давано, все до остатка отъ мене бѣло награждено, и для того чѣ послано изъ мною и въ катедрѣ Ермонова Мелегія, да канцеляристу Василія Козловскаго. Якіи много принуждали мя, чтобѣ я матері это Дмитрашка, такъ козакамъ и мужикамъ уплатѣ; но я, видя оный въ консисторіи неправедный приговоръ, ни мало не повинилъ. Якіи и шаки заковавши въ желѣза и положи на драбничастій возъ, приказали дѣячку Ивану Даниленку, да дѣячку михайловскому Григорію везти мене въ катедрѣ. Якіи когда попились въ это Дмитрашка Василіи, и ночью везѣ мя въ Чирской, у великій ровъ изъ возомъ упали, и тамъ сами остались пьяни, мене же лошади, когда спужась, стали по ролямъ ораніемъ носить; но я, видя...

КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Собраніа писемъ Достоевскаго и Тургенева, умершихъ какъ-бы вчера, служатъ свидѣтельствомъ того, какую важность стали давать въ послѣдніе годы частной перепискѣ крупныхъ писателей. Въ европейской и русской литературахъ она получала нынѣ почти значеніе литературныхъ памятниконъ. Заключая въ себѣ отзывы и мысли, касающіеся всего, на что наталкивала жизнь, вводя въ интимный міръ писателя, письма, эти незначащія къ печати бесѣды, справедливо признаемъ важнѣйшимъ біографическимъ подспорьемъ. Нельзя не выразить большого сожалѣнія о томъ, что не существуетъ до сихъ поръ хронологически изданной переписки Шевченка. Его писемъ разновременна напечатано было не мало; но разные періоды жизни поэта представлены въ нихъ чрезвычайно неравномѣрно, и эти пробѣлы, при дальнѣйшихъ поискахъ, могли-бы быть еще значительно пополнены, а главное — получила-бы та цѣльность впечатлѣнія, которая такъ важна при изученіи всякаго большого писателя и такъ значительна въ особенности, когда дѣло идетъ о поэтѣ столь искреннемъ, каковымъ былъ Шевченко. Нѣсколько сообщаемыхъ ниже писемъ и записокъ его къ Михаилу Александровичу и Марьѣ Васильевнѣ Максимовичамъ должны прикнудить къ этому будущему собранію, скорѣйшаго появленія котораго вмѣстѣ съ нами пожелаютъ, конечно, весьма многіе.

Ничто такъ ни случайно, какъ судьба писемъ. Съ этой истиной можно согласиться, забывши даже о почтовыхъ порядкахъ. Такъ какъ сохраненіе писемъ обуславливается или особенной аккуратностью или счастливой случайностью, двумя вещами равно рѣдкими, то неудиви-

тельно, что и писемъ, даже людей выдающихся, сберегается немного. Переписка обитателя Михайловой горы съ Тарасомъ Григорьевичемъ въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія. Нѣсколько писемъ Максимовича къ Шевченку мы напечатали въ прошломъ году («Кіевск. Стар.» 1884 г., № 4, стр. 644), другія помѣстилъ въ своей книгѣ г. Чалый. Письма Шевченка, предоставленныя намъ теперь, не служатъ на нихъ отвѣтомъ. Очевидно, и то и другое—только клочки переписки, бывшей болѣе дѣятельной и обильной.

Изъ Нижняго Новгорода, мѣста извѣстной, невольной столяки поэта при переѣздѣ его изъ ссылки въ Петербургъ, Шевченко посылаетъ Михаилу Алекс. три новыхъ стихотворенія («Доля», «Муза» и «Слава») и пишетъ нѣсколько изволнованныхъ, «оправдательныхъ» строкъ:

«10 февраля 1858 г. Друзе мій единый! Яка оце тоби сорока брехуха на хвості принесла, що я тутъ ничего не роблю, тилько бенкетую. Брехня, ей-же Богу брехня! Ты й самъ таки подумай гарненько: хто-жъ насъ шануватиме, якъ мы сами себе не шануемъ? Я-жъ уже не хлопцець нерозумний и одь старости, слава Богу, ще не одуривъ, щобъ таке вироблять, якъ ты пишешъ. Плюнь, мій голубе сызый, на цю паскудну брехню и знай, колы мене неволя и горе не поборили, то самъ я не звалюся. А тоби велике, превелике спасьби за щирую любовь твою, мій голубе сызый, мій друже единый. Я ажъ заплакавъ на старость, якъ прочытавъ твое письмо, полное самои чистои, некупленной любви. Ще разъ спасьби тоби, мое сердце еднее!

Я пославъ тоби письмо харьковского директора. Тытиса цилуе тебе, якъ батька ридного ¹⁾ и просить, щобъ ты робивъ зъ нею, якъ Богъ тебе навчить. На Вар—ва нема надіи. Дерево, та ще й дубове. Оставайся здоровъ, мій мыйлыи друже. Незабаромъ прибуду до тебе. А поки що, любы мене оклеветаннаго твоего щырого друга Т. Шевченка.

Хочъ ты и не веливъ, а я таки не втерпивъ, чмокнуть сегодня разочокъ нашу любую Тытисю. Чмокны за мене гарненько благороднаго Сергѣя Тимофеевича ²⁾.

¹⁾ Рѣчь вѣдетъ впрямую объ актрисѣ Піуновой, на которой въ то время Шевченко думалъ жениться, и о сея переходѣ на столичную сцену.

²⁾ Аксакова.

Поэтъ «оправдывается» передъ своимъ другомъ очевидно противъ роковой тѣхъ непрощенныхъ и досужихъ моралистовъ, которые преслѣдовали его всю жизнь и не оставили и за гробомъ. Безупречные въ своемъ ничтожествѣ, не падшіе сами никогда, потому что никто не давалъ себѣ труда ихъ толкать, они мѣрили на свой условный аршинъ каждый шагъ поэта и, глухіе сердцемъ къ его суровой долѣ, пакидывались на каждую мелочь, сто разъ некупленную его тяжелымъ страданіемъ. Голоса такихъ господъ слышалась при жизни и надъ гробомъ великаго поэта. Они желали-бы видѣть Дягтя—чиновникомъ, одинаково служащимъ во Флоренціи при всѣхъ политическихъ переменахъ, Байрона, поэта страстей и тоски, «примѣрнымъ», окруженнымъ потомствомъ семейникомъ...

Слыша эти олеиные голоса и вспоминая жизнь поэта, испытываешь неволью жгучую грусть. Искреннѣе и болѣе прямодушно, чѣмъ золотушные моралисты, исвалъ онъ истинной любви, привязанности, всего того, что даетъ семья; но не такъ сложилась его жизнь. Ушли молодые годы. Въ извѣстномъ, кончавшемся неудачами поискахъ невѣсты относятся три письма поэта къ Марьѣ Вас. Максимовичъ. Вотъ они въ хронологическомъ порядкѣ:

«С.-Петербургъ 22 ноября 1858 г. Вельмы и вельмы шанобная и любал Марье Васильевно! Спасибки вамъ, мое сердце еднее, за ваше щире ласкаве привѣтанія Я думавъ, що вы давно уже въ Москви сумуете, ажъ бачу, що вы теперь по Михайловій гори похажаете, на сини горы поглядаете, зъ Днипрохъ розмовляете, та й мене сирому одынокого на чужини не забуваете. Спасибки вамъ ще разъ, мое сердце еднее. Якъ-бы вы ще згадали про те, що я просивъ васъ въ Москви, та заходилися гарненько коло сего святого (дила), то це було-бъ такъ. А вы мабуть уже и забули мою прозьбу? то отъ важъ нагадаю. Я васъ просивъ, щобъ вы мене оженны. Оженить, будьте ласкави! А то якъ вы не оженете, то й самъ Богъ не оженить, такъ и пронаду бурлакою на чужини. На те лито, якъ Богъ поможе, буду въ Кієви и на Михайловій гори, а вы тамъ де небудь идѣ яворонь, або идѣ вербою и поставьте мою заквичану княгню, а я идѣ погулять та й зоєгрипу їи. Бачьте, якъ просто и гарно Зробить-же такъ, мое сердце еднее, а я вамъ теперъ шлю, замисць парчового

очипка, мій невеличкій *Song*, а литомъ привезу величнену поему, якъ зробите по моему прошенію, а якъ-же ни—то ни».

Слѣдуетъ извѣстное, превосходное стихотвореніе «На панцирни швеняцю жала...», отъ печатнаго текста отличающееся присутствіемъ въ срединѣ двухъ строкъ, впоследствии уничтоженныхъ и дѣйствительно лишихъ, и отсутствіемъ двухъ строкъ заключительныхъ, примиряющихъ и прибавленныхъ послѣ, при слухахъ про «волю». За текстомъ «Сна» приписка:

«Не здивуйте, якій удався. Не забудьте-жь, моя голубко сызая, моею великою прозбы и мене искреннего вашего Т. Шевченка».

Пять мѣсяцевъ спустя, поэтъ пишетъ изъ Петербурга тому-же лицу:

✓ «25 марта 1859 г. Сегодня бувъ я у Александры Михайловны ¹⁾. Вона мени показувала ваше послѣднее письмо до ней. Спасыби вамъ, мое серденько, що вы мене згадуєте и не забуваете моеи прозбы. Спасыби вамъ ще разъ и ще разъ. Якъ Богъ поможе мени до мая мѣсяця кончыть мои дѣла съ цензурою, то намышлю повну кышеню грошей, та й чкурну черезъ Москву прямо на Михайлову гору. Добре, дуже-бъ добре було, якъ-бы то воно такъ сталося, якъ гадаеця. Та вже нехай якъ буде, такъ и буде, а я хочъ безъ грошей прыдѣбаю таки до васъ симъ литомъ, та якъ Богъ та вы поможете, то може й одружуся. Якъ-бы то такъ сталося, дуже добре було-бъ. Ажъ страхъ обисило вже мени бурлагуваты. На сей разъ посылаю вамъ свій патреть, тилько вы его не показуйте мойй молодій, а то злякастца. Оставайтесь здорови, нехай вамъ Богъ поможе на все добре. Згадуйте ишколы искреняго вашего Т. Шевченка».

«Передайте мойй будущій молодій княгынн оцю невеличку и не всяльну писеньку:

Якъ-бы мени черевыки,
То пишла-бъ я на музыки,
Горенько мое! и т. д. ²⁾

Отъ вамъ и друга невеличка:

Якъ-бы мени, мамо, намысто. . ³⁾

¹⁾ Куляшъ?

²⁾ «Кобзарь», 1854 г., стр. 161. ³⁾ Ibid.. таже страница.

Поздоровляю васъ зъ свитымъ Велькоднемъ!

Фотографъ збрехавъ, не принисъ мени портрета. Нехай до другого разу. А на сей разъ скажите *йй*, що я лысый и сывоусый, то вона сердешна и такъ злякаеця.

Якъ буде ласка напысать до мене, то напышитъ усе гарнешко и дрибнешко, та й адресуйте въ С.-Петербургъ, въ академію художествъ, такому-то, цебъ-то мени».

Поиски невѣсты, если они предпринимались г-жей Максимовичъ, успѣхомъ не увѣнчались. Тоже было п съ поисками другихъ лицъ и съ сватовствомъ самаго Шевченка. Въ первый разъ сватался онъ въ Нижнемъ Новгородѣ, на Піуновой. Ея артыстическія способности заставляли поэта закрывать глаза на недостатокъ развитія, и идеализировать свою избранницу. Когда это сватовство разстроилось, любимой мечтой Тараса Григорьевича стало жениться на женщинѣ изъ той среды, изъ которой онъ вышелъ самъ, и притомъ на самой бѣдной, сиротѣ и вѣрпакѣ. Наймичка родственника его Вароолома Григорьевича Шевченка, сирота Харита, успѣда выйдти замужъ, пока велись переговоры о предполагаемомъ сватовствѣ. Позже женитьба Шевченка на горничной г. Макарова Лукерья была очень близка къ осуществленію. Мало видѣвъ и зная ее, Тарасъ Григорьевичъ любилъ въ ней свой идеалъ женщины изъ народа, трогательной своей безпомощностью и силою чувства. Дѣйствительность, однако, скоро разочаровала его. Последнее изъ писемъ къ г-жѣ Максимовичъ относится къ тому времени, когда собственный выборъ поэта сдѣланъ еще не былъ и въ этихъ поискахъ онъ искалъ помощи друзей. Начинается это письмо, впрочемъ, разказомъ о хлопотахъ советѣмъ иного рода.

Спб. 10 маія 1859 г. Вовстину Хрисосъ Вокресе, мій любый, мій едыйный друже! Спасыби вамъ, мое серденько, за вашее щирее, ласковее письмо. Въ той самыи день, якъ я получывъ его, заходывся клопотать о паспорти, та й доси ще не знаю, чы дадутъ мени его, чы ни. Перше въ столицю не пускалы, а теперъ зъ цѣи е... столици не выпускають. Довы вони будуть згнуцатыеъ надо мною? Я не знаю, що мени робыть и що почать? Утекты хйба ныщечкомъ до васъ та одружившыся у васъ и заховатця. Здаеця, що я такъ и зроблю. До 15 маія ждатыму паспорта, а тамъ що буде, то нехай те и буде

А поки що буде, посылаю вамъ свій портретъ, тилько будьте ласкав. не показуйте портретъ дивчатамъ, а то вони злякаюцца, подумаютъ, що я гайдамацкый батько, та ни одна и замижъ не пійде за такого палыводу. А тимъ часомъ одний, найкращій скажить тыхенько, щобъ рупшыкы дбала, та щобъ на своєму огороди гарбузинъ не сажала. Такъ щожъ, позычыть, якъ на своєму не посадить. О! бодай такои сусиды одцуралысь!

Оставайтесь здоровы, мій любый, мій єдиный друже! Въ маи, або въ іюни побачимось, а поки що, де набачите, що гарбузы посажени, то такъ съ коринемъ и выривайте. Искренний вашъ Т. Шевченко».

Лѣтомъ 1859 года Тарасъ Григорьевичъ дѣйствительно прїѣхалъ въ Малороссію и въ іюль гостилъ у М. А. Максимовича. Въ тотъ-же прїѣздъ выбиралъ онъ на днѣпровскихъ берегахъ мѣсто своей будущей усадьбы. Но жить по сосѣдству съ Михайловой горой ему не было суждено. На томъ мѣстѣ, гдѣ думалось жить, онъ успокоился на вѣки и вмѣсто веселой хаты, на Днѣпровой кручѣ выросла черезъ два года высокая Тарасова могила.

>

КЪ ИСТОРИИ ПОГРАНИЧНЫХЪ НАШИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ.

Путевой журналъ секундъ-маіора Матѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года.

Съ переходомъ запорожцевъ въ русское подданство въ 1733 г. явилась надобность въ частыхъ сношеніяхъ русскаго правительства съ крымскимъ ханомъ, по поводу непрерывныхъ пограничныхъ столкновеній и споровъ запорожцевъ съ татарами. Особаго уполномоченнаго отъ Россіи при ханскомъ дворѣ не было; сношенія поручались обыкновенно кievскому генераль-губернатору, въ качествѣ «главнаго пограничнаго командира», и велись при посредствѣ Запорожскаго Коша. Кромѣ улаженія пограничныхъ споровъ, правительство имѣло надобность въ развѣдкѣ о настроеніи хана относительно Россіи, которое служило всегда почти вѣрнымъ отраженіемъ настроенія грозной еще тогда Турціи. Письма къ хану отъ кievскаго генераль-губернатора препровождались обыкновенно чрезъ нарочнаго рейтара при особомъ ордерѣ къ кошевому атаману въ Запорожскую Сѣчь, откуда уже командировались для доставленія писемъ въ Бахчисарай нарочные, два-три человѣка изъ «надежныхъ, искусныхъ и татарскаго языка знающихъ» козаковъ, которымъ при этомъ поручалось секретно провѣдывать о разнаго рода «тамошнихъ обращеніяхъ». Козаки эти, по возвращеніи своемъ, представляли кошевому атаману «доѣздные репорты», копіи съ которыхъ и препровождались къ генераль-губернатору при репортѣ кошеваго объ исполненіи порученія.

Но запорожцамъ въ свою очередь не всегда довѣряли и потому нерѣдко къ хану командировались и прямо изъ Кіева нарочные офицеры, которымъ также поручалось «секретное развѣдываніе» о крымскихъ дѣлахъ, и зачастую это развѣдываніе и бывало главнымъ предметомъ командировки, а письмо къ хану было только предлогомъ. Офицеры эти, по возвращеніи своемъ, представляли особый «журналъ», въ которомъ и давали обстоятельный отчетъ обо всемъ, что, по ихъ мнѣнію, было достойно вниманія и требовало донесенія.

У меня въ рукахъ находится пять такихъ журналовъ, относящихся къ 1750—55 годамъ. Журналы эти не представляютъ собою цѣльнаго историческаго интереса, касаясь мелкихъ отдѣльных случаевъ и захватывая собою лишь самую незначительную часть нашихъ внѣшнихъ сношеній; тѣмъ не менѣе въ нихъ разбросано не мало цѣпныхъ историческихъ указаній и мелкихъ бытовыхъ чертъ и изданіе ихъ было-бы весьма полезно въ смыслѣ историческаго матеріала. Одинъ изъ такихъ «журналовъ» я предлагаю здѣсь вниманію любителей отечественной старины.

Секундъ-маіоръ Матвій Мироновъ командированъ былъ въ Крымъ въ августъ мѣсяцѣ 1755 г. управлявшимъ тогда кіевскою губерніей и пограничными дѣлами вице-губернаторомъ Костюринымъ. Въ январѣ этого года получено было извѣстіе о вступленіи на турецкій престолъ султана Османа, и это обстоятельство вызвало, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, усиленные съ нашей стороны заботы о «соблюденіи сосѣдственной съ турецкою стороною дружбы и объ отвращеніи всего того, что-бы къ малѣйшему несогласію и ссорамъ съ турками поводъ подать могло». Всѣмъ пограничнымъ начальникамъ предшсывалось, чтобы они «старались съ тамошней стороны обо всемъ, что происходитъ будетъ, вѣрныя вѣдомости чрезъ нарочныя посылки доставить». Въ виду-то этого указа, Костуринъ и командировалъ Миронова къ крымскому хану, съ цѣлю поздравить его со вступленіемъ на престолъ поваго султана и переговорить о нѣкоторыхъ пограничныхъ дѣлахъ, а при семъ удобномъ случаѣ и провѣдать о «тамошнихъ обращеніяхъ и воинскихъ приуготовленіяхъ».

Въ очень дѣлиномъ письмѣ своемъ къ хану, наполненномъ объясненіями по заявленнымъ съ крымской стороны на запорожцевъ претензіямъ, Костуринъ, между прочимъ, предлагалъ хану допустить къ себѣ въ Бахчисарай настоящаго русскаго резидента. «Когда-бъ

кто при вашей ханской свѣтлости, писалъ онъ, отъ російской стороны авторизованной человѣкъ безвыѣздно былъ, имѣя власть представлять и доносить, то конечно-бы всѣ оныя жалобы сообразились и послужили-бы къ поправленію всего случающагося и къ пріятному между нами сношенію, чего я искренне желателенъ, да и купечество-бы съ обеихъ сторонъ въ случающихся между нами распряхъ по такому близкому порядку довольными находились и излишніе затѣвательства и увеличиванія прекратились бы».

Въ данной Миронову инструкціи также предписывалось ему испремимо заговорить при свиданіи съ ханомъ «о учрежденіи при немъ съ російской стороны какой авторизованной персоны» и при этомъ примѣчать, какое на то отъ его ханской свѣтлости соизволеніе будетъ».

На путевые въ оба пути расходы выдано было Миронову 50 рублей.

Въ ордерѣ-же къ кошевому атаману отъ 11-го августа предписывалось: «выбрать самыхъ лучшихъ и къ тому достойныхъ и вѣроятныхъ, доброконныхъ и оружныхъ, изъ запорожскихъ козаковъ трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ одного за толмача, знающаго турецкой и татарской языкъ, отправить и снабдить сек.-м. Миронова тремя подводами немедленно».

Изъ «журнала» Миронова видно, что ханъ крайне неблагоклонно отнесся къ предложенію Костюрина относительно «авторизованной персоны», что составляло одно изъ главныхъ порученій, данныхъ Миронову. Самый журналъ знакомить читателей и съ способами «развѣдыванія», и съ характеромъ нашихъ отношеній къ «пріятелиамъ»-чужеземцамъ и нѣкоторыми другими подробностями, я-же считаю нужнымъ предварительно дать поясненіе лишь по двумъ пунктамъ этого журнала.

1) Подъ 23-мъ числомъ августа сек.-м. Мироновъ, говоря о встрѣчѣ своей съ нѣкимъ Гарбузомъ, считаетъ нужнымъ заявить, что Гарбузъ этотъ ѣхалъ безъ «печатнаго билета» и что вообще «многіе, особливо запорожскіе козаки, по своеволію своему, у Пивитпской заставы не являются и безъ печатныхъ билетовъ въ Крымъ за солью ѣздятъ». Дѣйствительно, незадолго передъ этимъ, правительствомъ русскимъ, которое, не довѣряя запорожцамъ, рѣшилось зорко наблюдать за ними, учреждены были по рѣкамъ Бугу

и Днѣпру особыя заставы, на которыхъ и выдавались всѣмъ, проѣзжавшимъ въ турецкую сторону, особыя билеты. Съ этою цѣлью на Никитинскую заставу командированъ былъ, кромѣ караульной команды, переводчикъ Семеновъ, который весьма ревностно, помимо прямой своей обязанности, занимался «секретнымъ развѣдываніемъ заграничныхъ обращеній». Онъ не ладилъ ни съ запорожцами, ни съ караульнымъ офицеромъ и весьма часто писалъ въ кievскую губернскую канцелярію реляціи, а къ Костюрину письма, въ которыхъ жаловался на то, что установленныя заставы то и дѣло обходятся запорожцами и малороссійскими купцами, а билеты не берутся.

2) Сообщение секундъ-маіора Миронова (подъ 1-мъ и 2-мъ числами сентября) объ укрывавшихся въ Крыму сообщникахъ Мазепы Миновичъ и Нафимовскомъ возбудило, какъ это видно изъ имѣющагося у меня особаго дѣла, обширную переписку съ малороссійскими полковыми канцеляріями, которыя не могли однако добыть никакихъ свѣдѣній о томъ, «давнѣ-ли оные Миновичъ и Нафимовскій и изъ которыхъ мѣсть и какимъ случаемъ за границу бѣжали». Между тѣмъ русскія власти, очевидно, придавали большое значеніе этимъ бѣглецамъ и принимали энергическія мѣры къ развѣдыванію о томъ, «отъ помянутыхъ Миновича и Нафимовскаго изъ Бахчисараія или изъ Польши въ Сѣчь и въ Запороги къ кошевому и прочей старшинѣ и къ кому-нибудь, съ письмами или и безъ писемъ, не присылали-ли или собою не пріѣзжали-ли кто, и не имѣютъ-ли они чрезъ кого тайной пересылки за границу со означенными Миновичемъ и Нафимовскимъ».

Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ лицахъ получены были отъ упомянутаго выше переводчика Семенова, который въ октябрѣ мѣсяцѣ писалъ къ Костюрину: «Когда я посланъ былъ сего 1755 г. весною въ Крымъ, видѣлъ сего Миновича и Нафимовскаго у церкви и спрашивалъ у архіерея тамошняго и волоского господаря у резидента, которой находится при ханѣ въ Бахчисараѣ для исправленія господарскихъ дѣлъ; и они мнѣ о нихъ акуратно объявили, что они съ Мазепою изѣбрали и пріѣхали въ турки съ нимъ и съ свейскимъ королемъ, и тогда ему Миновичу съ прочими отъ Порты опредѣлено жалованья въ каждый день по два левка, т. е. по 1 р. 20 к., получать отъ крымскаго хана и жить въ Крыму; то снъ Миновичъ тогда немного жилъ въ Крыму и отлучился въ Польшу

и жить въ Польнѣ, а опредѣленное ему жалованье за отлучкою отъ хана не получалъ. А бывшій Мировичъ-же, которой былъ при російской службѣ артилеріи поручикомъ, потомъ ушедъ изъ Россіи, былъ при крымскомъ ханѣ переводчикомъ и прошедшаго 1753 году здохъ; а сему Федору Мировичу онъ былъ братъ родной меньшей. И услыша сей Федоръ Мировичъ, что братъ его умре, изъ Польни того жъ году прѣѣхалъ за братскими пожитками и, раздѣля тѣ пожитки съ женою брата своего, а его невѣстною, остался въ Крыму и беретъ опредѣленною ему тогда отъ Порты вышеписанное жалованье или кормовые деньги. А Федора Нафимовскаго онъ держитъ при себѣ на своемъ коштѣ. А отъ поляковъ оны не присланы, развѣ поляки что ему пишутъ, ибо присылаемыя изъ Польни къ хану письма пычвшій переводчикъ Есиръ-мехметъ съ нимъ Мировичемъ переводить: Мировичъ читая сказываетъ, а переводчикъ по турецки пишетъ. Но и предъ хана хожденіе его Мировича въ годъ два три или четыре, и то постоя мало и пойдѣтъ; а чтобъ ханъ принималъ его въ такіе глубокіе совѣты, не слышию и не уповательно; только, какъ я вижу, сіе дѣло не иное что, только сплетни запорожскаго толмача». При этомъ Семеновъ, распространяясь о ненадежности запорожскихъ толмачей, совѣтовалъ употреблять «кіевскихъ толмачей». «Ко мнѣ ивволите писать, прибавлялъ онъ, чтобъ сіе дѣло содержалъ я въ найвысшемъ секретѣ и охраненіи, а старшина запорожская тая вся знаетъ, понеже сіе дѣло толмачъ, прѣѣхавши сюда въ Сѣчь, своему атаману сказавъ, а отъ него и всемъ объявлено». Поручикъ Шемаевъ, который задалъ въ Крымъ для «развѣданія тамошнихъ обращеній» въ октябрѣ мѣсяцѣ 1752 года записалъ въ своемъ журналѣ, что видѣлъ «извѣстнаго Мировича» въ Бахчисараѣ на базарѣ и что «ханскій переводчикъ Али при разговорахъ ему поручику упоминалъ, что де помянутой Мировичъ пи въ каемъ дѣламъ нынѣ отъ хана не употребляется, затѣмъ де, что пришелъ онъ Мировичъ отъ пребезмѣрнаго ежедневнаго пьянства въ меланхолію». Видѣлъ-ли онъ Федора Мировича, или брата его Ивана, — неизвѣстно.

А. Андр.

Журналъ, содержащей кіевскаго гарнизона стародубскаго полку секундъ-маіоромъ Матвѣемъ Мироновымъ во время посылки его въ Крымъ до Бакцысарая къ хану крымскому Арсланъ-Гирею съ письмами, а что имъ секундъ-маіоромъ въ бытность его въ Бакцысарай и въ проѣздъ въ оба пути о тамошнихъ обращеніяхъ развѣдано и приемотрѣно, явствуется ниже.

Мѣсяць августъ.

21. По отправленіи изъ запорожской Сѣчи зъ данными ему секундъ-маіору отъ кошевого атамана Федора Толстоногова въ конвой двумя козаками и зъ двумя подводчиками, въ томъ числѣ за толмача однимъ козакомъ, да съ отправленнымъ изъ кіевской губернской канцеляріи солдатомъ однимъ, да Бакцысарая зъ жителемъ грекомъ Ананіемъ, который былъ въ запорожской Сѣчи для купчества и къ російской сторонѣ благосклоненъ, и прежде сего во всю бывшую съ татарами войну жилъ въ запорожской Сѣчи, а нынѣ жительство имѣетъ въ Бакцысарай и весьма ему секундъ-маіору знакомъ и вѣренъ,— и будучи при никитинской заставѣ и ночевали.

22. Отъ никитинской заставы, гдѣ чрезъ Днѣпръ переправлялись, а по перевозѣ на татарской сторонѣ усмотрѣно имъ, секундъ-маіоромъ, у Каменного Затону на татарской землѣ купческимъ промысломъ торгуютъ запорожскіе козаки до 30 шалашей; а отъ Каменной Заставы не въ дальномъ разстояніи оные-жъ запорожскіе козаки накопили въ урочащѣ Малой Цурки сѣна 5 скирдовъ. И отъ Каменной Заставы слѣдовали до р. Рогачика, гдѣ и почевали.

23. Отъ р. Рогачика слѣдовали до р. Дурицкой, гдѣ и почевали. Какъ слѣдуя отъ р. Рогачика до р. Дурицкой, наѣхалъ оный секундъ-маіоръ на дорогѣ полтавскаго миргородскаго полку жителя Гарбуза, и данъ ему изъ сотенной полтавской канцеляріи пашиорть за рукою той сотни атамана Ивана Миненка до запорожской Сѣчи, а не въ Крымъ, а печатного билета, гдѣ при никитинской заставѣ даются, не имѣетъ. Да и многіе, особливо запорожскіе козаки, по своеволію своему, у никитинской заставы не являються и безъ печатныхъ билетовъ въ Крымъ за солью ѣздить.

24. Отъ р. Дурицкой слѣдовали до колодезей и, не доѣзжая тѣхъ колодезей, вышесказанной грекъ Ананій остался на дорогѣ и ѣхалъ съ запорожскими козаками, которые ѣхали въ Крымъ за солью, чтобъ не подать въ Перекопъ подозрѣнія,—гдѣ и ночевали.

25. Отъ колодезей въ Перекопъ прибыли и отведены были оный секундъ-маіоръ и съ будущими при немъ, по приказу коймакама Феде-

эфенди, съ чаушемъ и толмачемъ ихъ армяниномъ Шатаномъ, на квартиру. И по прїѣздѣ на квартиру онъ секундъ-маіоръ толмачу ихъ объявилъ: можно-ли съ коймакамомъ видѣться персонально? Ибо напередъ сего оной коймакамъ къ себѣ въ квартиру посланныхъ изъ Кіева офицеровъ не допускалъ. На что оной толмачъ отвѣтствовалъ, что онъ о томъ ему коймакаму доложитъ.

Находящійся въ Перекопѣ запорожскій козакъ ирклѣвскаго куреня Максимъ Рудь, кой прїѣхалъ изъ запорожской Сѣчи для покупки соли, жаловался ему секундъ-маіору на крымскихъ чебановъ, что, не доѣзжая Перекопа верстъ съ пять у колодезей, хотѣлъ изъ тѣхъ колодезей воловъ напоить, то де попалъ на него безъ всякой причины, одинъ чебанъ гнался за нимъ съ ножомъ и ранилъ одного козака въ руку.

По полудни въ первомъ часу присланъ былъ къ нему секундъ-маіору коймакамскій толмачъ со объявленіемъ, дабы шелъ къ коймакаму въ квартиру, куда онъ, взявъ съ собою обиженного раненного козака, пошелъ. И по приходѣ въ квартиру, оной коймакамъ просилъ его сѣсть и сталъ спрашивать, откуда слѣдуетъ, отъ кого я съ чѣмъ; на что секундъ-маіоръ коймакаму отвѣтствовалъ, что отправленъ изъ Кіева отъ его превосходительства, г. генералъ-маіора и кіевского губернскаго вице-губернатора Костюрина съ письмами къ его свѣтлости хану крымскому; и притомъ онъ секундъ-маіоръ дружелюбно просилъ его коймакама, чтобъ отправленъ былъ безъ умедленія, и требовалъ подводъ какъ подъ себя, такъ и подъ конвойныхъ козаковъ, и на то онъ коймакамъ объявилъ: что касается до отправления, иволь де и сего числа слѣдовать, отправление не умедлю, а подводъ безъ ханскаго фермана дать не смѣтъ. А потомъ у секундъ-маіора онъ коймакамъ спрашивалъ о турецкомъ посланникѣ, гдѣ нынѣ находится, на что ему отвѣтствовано, что отъ всевысочайшаго ея императорскаго величества двора съ великимъ удовольствіемъ отпущенъ и слѣдуетъ на Кіевъ и надежно къ 14 числу сего августа въ Кіевъ прибудетъ.

Оной-же коймакамъ спрашивалъ у секундъ-маіора: не имѣтъ-ли Россія съ шведскимъ или прусскимъ королевствами войны? У насъ-бы все хорошо было и промежъ обими высочайшими имперіями, російскою и турецкою, дружба происходила, токмо мѣшаютъ сосѣдственную дружбу запорожскіе козаки: сколько ни было комиссій, то никакого удовольствія обидящіе не получили. И на то отвѣтствовалъ секундъ-маіоръ: ни съ какимъ королевствомъ великороссійскіе войны не имѣютъ, но со всѣми сосѣдми имѣютъ покой и тишину; что-же мѣшаютъ дружбу запорожскіе козаки, кто изъ нихъ виновенъ лжится, то таковыхъ безъ штрафа не оставляютъ; а что-же по многимъ комиссіямъ стороны татарской никакого удовольствія обиженные не получили, такожь изъ російской стороны обидящіе отъ татарской стороны удовольствія не получили, но предано молчанію со обонхъ сторонъ и не упоминается; жалуетесь вы

на запорожскихъ козаковъ, что чинить татарамъ обиды, но и съ татарской стороны запорожскимъ козакамъ татары болѣе обиды приключаютъ, какъ-то и нынѣ въ прѣздъ его секундъ-маіора въ Вакыцсарай запорожскій козакъ приносилъ жалобу на татарскихъ чебаловъ, что-де не добывая Переконъ вереть съ пшть, хотѣли напоить воловъ изъ колодезя, и манать на него безъ всякой причины чебанъ и гнался за нимъ съ ножемъ и ранилъ того козака въ руку, которого при томъ для лучшаго свидѣтельства предъявлялъ и просилъ оны секундъ-маіоръ оного коймакама по сосѣдственной дружбѣ учинить сатисфакцію и обидного удовлетворить. И на то оны коймакама ему секундъ-маіору объявлялъ, что безъ сатисфакціи и безъ удовольствія обидимый оставленъ не будетъ. И по окончаніи вышесказанныхъ всѣхъ разговоровъ поднесли ему секундъ-маіору кофе, а при коймакамѣ сидѣли старшина переконская человекъ до 12, въ томъ числѣ и личарской ага. И съ тѣмъ оны секундъ-маіоръ въ свою квартиру и отошелъ.

Въ Переконѣ-же хлѣбъ, пшеница и ячмень, продается: пшеницы четверть по 1 р. 20 к., ячмень по 80 к.; да и во всемъ Крыму нынѣшняго лѣта хлѣбу былъ немалой урожай.

Того числа по полудни въ 4-мъ часу, по требованію его секундъ-маіора, прислалъ къ нему на квартиру отъ переконскаго коймакама для препровожденія изъ Переконъ до Вакыцсарай одинъ сеѣмень, и слѣдовали до Соленого озера, гдѣ и ночевали.

Нынѣшняго лѣта отъ многихъ дождей въ крымскихъ мѣстахъ соль по малому числу около береговъ родилась.

26. Отъ Соленого озера слѣдовали до села Вадыха, гдѣ и ночевали.

27. А отъ села Вадыха слѣдовали до г. Козлева, гдѣ и ночевали.

28. Отъ г. Козлева слѣдовали до Вакыцсарай. И по прѣздѣ къ Вакыцсарай послалъ оны секундъ-маіоръ данного въ Переконѣ татарскаго провожатата, да состоящаго при немъ секундъ-маіоръ за толмача запорожскаго козака Ивана Орловскаго къ ханскому визіру съ требованіемъ, куда позволять ему секундъ-маіору съ будучими при немъ бхаты: отъ котораго приказано чрезъ оного провожатата отвезти ихъ, и отвезши, на квартиру.

29. По утру пришелъ къ нему секундъ-маіору ханскій переводчикъ Мегметъ и поздравлялъ съ прибытіемъ и спрашивалъ, откуда прибыли; и послѣдъ нѣсколько времени, оной переводчикъ объявилъ секундъ-маіору: о прибытіи-де вашему его ханской свѣтлости донесли; и съ тѣмъ съ квартиры отошелъ. А потомъ, спустя часа съ 4, оной-же переводчикъ пришелъ къ нему секундъ-маіору со объявленіемъ, дабы шелъ къ хану или подація внести; но оны секундъ-маіоръ ему переводчику объявилъ, чтобъ донесъ его ханской свѣтлости, чтобъ чрезъ

тотъ день позволилъ пребыть въ квартирѣ, для того, что еще зъ дороги здоровьемъ слабъ, а завтрашняго числа въ произведеніи его ханской свѣтлости, какъ позволить приказать. И съ тѣмъ оной переводчикъ и отшелъ. А потомъ спустя часа съ два оной-же переводчикъ пришелъ къ нему секундъ-майору и объявлялъ: его-де ханская свѣтлость дозволилъ до завтрашняго числа пребыть въ квартирѣ. И сидѣлъ оной переводчикъ у него секундъ-майора часа съ два и въ разговорахъ о собѣ объявлялъ, какими образомъ по великороссійски говорить, читать и писать научился: въ прошломъ-де 1737 г. взятъ онъ былъ въ Очаковѣ малолѣтнимъ осьми годовъ въ полонъ и былъ прежде у Андрея Фелика, а Феликъ подарилъ его гвардіи капитану Чеботаеву, а Чеботаевъ Радіону Михайлову сыну Кошелеву, у котораго будучи крещенъ въ православную христіанско-греческаго кеновѣданія вѣру и нареченъ Елпидифоръ, и хотѣлъ-де его оной Кошелевъ въ подушную окладъ въ ревизію записать, и оттого онъ отъ него Кошелева бѣжалъ и записался въ сербской гусарской полкъ и былъ рядовымъ ротнымъ писаремъ и ротнымъ квартирмейстромъ, и по одной причинѣ—а по какой, того не изъяснилъ—содержанъ былъ въ Москвѣ въ военной конторѣ подъ карауломъ и оттуда бѣжалъ и былъ нѣсколько времени въ Иѣжнѣ у грека иѣжинскаго во укрывателствѣ, а у кого именно, того не объявлялъ, и оной-де пріятель его грекъ препроводилъ его тайно чрезъ кременчужской форпостъ, а въ которомъ году, того не сказалъ, и былъ въ запорожской Сѣчѣ года съ два и для воровства бѣдилъ съ запорожекими козаками въ Польшу, и изъ запорожской Сѣчи бѣжалъ въ Бендеры къ отцу своему. И тѣмъ оной переводчикъ свой разговоръ кончилъ и отъ него секундъ-майора съ квартиры отошелъ.

Вышесказанной-же трегъ Янакій (Ананій) 29 числа поутру въ Бахчисарай пріѣхалъ

30. По полудни въ 1-мъ часу присланъ былъ къ нему секундъ-майору ханской переводчикъ Мехметъ со объявленіемъ, дабы шелъ къ хану для подавія писемъ; куда онъ секундъ-майоръ съ письмами и пошелъ; и напередъ его шли ханской переводчикъ вада-баша и, пріиде къ ханскому двору, остановили и привели въ одну камору, гдѣ ханскій лошадиной уборъ содержителъ, и трактванъ былъ кофеемъ. И погодя тамо съ полчаса, пришелъ въ ту камору переводчикъ Мехметъ и объявлялъ, дабы шелъ онъ секундъ-майоръ къ хану для подавія писемъ, и въ тожъ время изъ оной каморы и пошли, и напередъ его секундъ-майора шелъ онъ-же переводчикъ, а за нимъ секундъ-майоромъ шли салдаты да за толмача запорожскій козакъ, въ диванъ. И пріиде въ диванъ онъ секундъ-майоръ, по приказу его превоходительства г. генераль-майора и кievскаго губернскаго вице-губернатора Костюрина, хана поздравлялъ благополучнымъ воешествіемъ на престолъ его солдана величества, а при томъ онъ ханъ спрашивалъ: господишъ-де гене-

ралъ какъ въ своемъ здоровьи находится; на что онъ секундъ-маіоръ отвѣтствовалъ, что г. генералъ въ здоровьи своемъ находится благополучно. И припалъ отъ него секундъ-маіора письма ханской переводчикъ Мехметъ А до приходу въ диванъ секундъ-маіора поставленъ былъ стулъ близъ вхожихъ дверей, и приказалъ онъ ханъ черезъ переводчика своего на томъ стулѣ сѣсть, и притомъ спрашивалъ о турецкомъ посланникѣ—гдѣ нынѣ находится; на что секундъ-маіоръ отвѣтствовалъ со учтливостію, что оной посланникъ отъ всевысочайшаго его императорскаго величества двора съ великимъ удовольствіемъ отправленъ и сѣдуетъ на Кіевъ и надежно къ 14 числу сего августа въ Кіевъ прибыть имѣетъ и, что ко отправленію его изъ Кіева надлежитъ, въ его путь, какъ подвода и прочее все приготоовлено; причемъ трактованъ онъ секундъ-маіоръ конфектами и кофеемъ. И въ то время ханъ черезъ оного-жъ переводчика отъ него секундъ-маіора спрашивалъ: не имѣетъ-ли еще отъ г. генерала словесного приказа, на что отъ него секундъ-маіора пристойнымъ образомъ со учтливостію отвѣтствовано: тогда его ханская свѣтлость изволилъ изъ присланныхъ отъ него писемъ рассмотреть, то въ то время его ханской свѣтлости словесно, что ему секундъ-маіору отъ его превосходительства приказано, донести имѣетъ: и потомъ уволенъ отъ него хана на квартиру по прежнему.

А какъ онъ секундъ-маіоръ приведець былъ въ тотъ диванъ, то ханъ сѣдѣлъ противъ дверей на сафѣ по срединѣ, а отъ хана по правой рукѣ на другой нижней сафѣ сѣдѣли муфтія, ханской взиръ Мехметъ и придворные его хана, которые всегда во всякихъ дѣлахъ съ ханомъ присутствуютъ, казначаръ баша, тефтердаръ кады и знатные мурзы; отъ хана-жъ по лѣвой рукѣ знатные-жъ мурзы сѣдѣли, всѣхъ до 40 человекъ, а прочіе ханскіе придворные и мурзы во ономъ-же диванѣ стояли на ногахъ до 50 человекъ, а на ханскомъ дворѣ простыхъ татаръ было довольно число. Предъ приходомъ къ хану въ диванъ, какъ у него секундъ-маіора, такъ у салдата, шнагъ и у запорожскихъ козаковъ шабель не отбирали.

Того-жъ числа означенный грекъ Янакій, тайнымъ образомъ въ 5 часу ночи пришедь въ квартиру, ему секундъ-маіору объявилъ: вчерашнего-де числа и сегодня былъ онъ грекъ у пріятели своего Хали-хаджи и, что-де вы приказывали о авторизованной персонѣ, Хали-хаджи ему греку обѣщался о томъ хану изушнить.

Да онъ-же грекъ Янакій о томъ Хали-хаджи ему секундъ-маіору объявлялъ, какимъ онъ Хали-хаджи образомъ при ханскомъ дворѣ содержится: мать-де его родная была гречанка вдовою, давнихъ годовъ ханъ ѣздилъ на охоту и усмотрѣлъ ее, что она лица краснаго и спросилъ, чья-де она жена, то донесли: греческая, а мужа у нея нѣтъ, вдова; и онъ ханъ прислалъ за нею коляску и взялъ къ себѣ во дворъ и содержалъ за жену, а оного Хали-хаджу въ малолѣтнихъ лѣтахъ

побасурманить приказать; а годами оной Хали-хаджи болѣе шести-десяти лѣтъ; и нѣкъ тайно вѣру греческаго исповѣданія содержитъ и черезъ оного грека Янакии даетъ тайно деньги по церквахъ, чтобъ оны покушалъ ладопь, свѣчи и вино разносилъ, и по тому случаю оной грекъ Янакій со онымъ Хали-хаджою довольно знакомство имѣеть.

А когда-де салтанъ желаетъ, чтобъ былъ ханомъ Шайнъ-Гирей или Аминъ-Гирей, которые живутъ въ Румиліи, а которые бахтигирейскіе сыны живутъ въ Черкесахъ, такожъ и вси ширинбейская фамиліи желаютъ быть ханомъ калгу салтаномъ; а оная-де у нихъ сеора съ ханомъ происходитъ для того, чтобъ при немъ ханѣ не были визирь его и козлевской командиръ Эминъ-хасанъ, который раздасть на весь ханской дворъ провизію, да ханской сынъ сераскиръ салтанъ, который въ Буджакѣ живетъ.

А война-де у хана съ черкесами по той причинѣ, что черкесы не даютъ хану яскаря, и для того послано было отъ него хана военныхъ людей татаръ изъ Брыму впервые осмнадцать тысячъ, и съ того числа токмо возвратилось три тысячи человекъ, а тѣ-де всѣ съ голоду и съ холоду пропали, такожъ и лошади; въ другой разъ двадцать восемь тысячъ, а возвратилось оттуда изъ черкесъ токмо четыре тысячи семьсотъ человекъ, а прочіе всѣ такожъ съ голоду и съ холоду и лошади ихъ пропали.

А потомъ оной грекъ тайнымъ-же образомъ съ квартиры его секундъ-майора въ тожь ночное время и отошелъ.

Вудучи-же въ Бахчисараѣ, увѣдалъ оны, секундъ-майоръ, что находится при ханѣ бѣглецы малороссіане: бывшаго-жь при ханѣ умершаго Ивана Мировича братъ его родной Федоръ Мировичъ да малороссійскаго лубенскаго полку Федоръ Ивановъ сынъ Нафимовской, у которыхъ оны секундъ-майоръ въ квартирѣ ихъ былъ и ихъ склонахъ, чтобъ возвратились по прежнему въ отечество свое, но токмо они о томъ и слышать не хотѣли, а употребили такіа рѣчи: знаемъ-де, что всемило-стивѣйшая государыня монархиня премилосерда, а москаля-де злые напрасно нашу всю фамилію въ ссылку сослали, а ныхъ и кнутомъ били; и ежели-де мы возвратимся, то и намъ то же будетъ; и для того незначѣмъ-де намъ въ отечество возвращаться; и здѣсь намъ при ханѣ жить не худо: дастся-де намъ на день обоямъ на содержаніе по 2 р. 40 к., и тѣмъ довольны. Оной-же Мировичъ двоекратно въ разговорахъ употреблялъ рѣчь: пообождите-де въ скоромъ времени; а къ чему та рѣчь, того не изъяснилъ. И съ тѣмъ оны секундъ-майоръ съ двумя козаками запорожскими съ квартиры ихъ и отошелъ и просилъ ихъ къ себѣ на квартиру, и обѣщались они на другой день быть поутру на чай.

А при ханѣ оны живутъ въ Бахчисараѣ Мировичъ и Нафимовскій годъ и восемь мѣсяцовъ, а прежде того жили они въ Польнѣ

въ разныхъ мѣстахъ, а гдѣ именно, такожь и о Нафимовскомъ, какимъ былъ человѣкомъ въ лубенскомъ полку, узнать не отъ кого; а годами они уже стары: Мирвичъ 65-ти, а Нафимовской 66-ти.

Мѣсяць сентябрь.

1. Поутру рано ханскій переводчикъ приходилъ въ квартиру къ секундъ-маіору и секундъ-маіоръ объявилъ ему, чтобъ его ханской свѣтлости донесъ: имѣеть онъ секундъ-маіоръ, по приказу его превосходительства г. генераль-маіора и кіевской губерніи вице-губернатора, его ханской свѣтлости словесно донести, чтобъ дозволено къ его ханской свѣтлости быть; и онъ переводчикъ отъ него секундъ-маіора съ тѣмъ докладомъ къ хану и отошелъ.

Того-жь числа, по отходѣ ханскаго переводчика, посланы были отъ секундъ-маіора запорожскіе козаки: за толмача козакъ Иванъ Захарьевъ сынъ Орловской, да полтавскаго курени козакъ Емельянъ Черевко ко онымъ Мирвичу и Нафимовскому съ тѣмъ, чтобъ ихъ просить въ квартиру къ секундъ-маіору да чай, какъ они вчерашняго числа и обѣщались быть; токмо оные Мирвичъ и Нафимовской Орловскому и Черевку объявили: къ нему-де секундъ-маіору не пойдѣмъ и къ себѣ не просимъ, токмо васъ Орловскаго и Черевка къ себѣ на слово просимъ, когда-де оной секундъ-маіоръ будетъ спать; а то-де мы вѣдаемъ, какковы москаля хитры, мало изъ глазъ своихъ выпускають. И съ тѣмъ оные козаки отъ нихъ и отошли и по приходѣ къ секундъ-маіору о вышеписанномъ и донесли.

Того-жь числа по-полудни въ первомъ часу присланъ былъ отъ хана переводчикъ Мехметъ и объявилъ, чтобъ иель для призыва отъ вѣстныхъ отъ хана писемъ, съ которымъ переводчикомъ онъ секундъ-маіоръ къ ханскому двору и пошелъ, а напередъ шли: оной переводчикъ и вады-баша да данной съ Черекона татаринъ соймелъ Измаилъ. И оной переводчикъ привелъ его секундъ-маіора и съ будущими при немъ въ ту-жь камору, гдѣ и съ пріѣзду былъ, и трактванъ былъ кофіемъ, а потомъ, погода съ четверть часа, присланъ былъ отъ хана оной-же ханскій переводчикъ съ приказомъ, дабы къ нему хану идти: и по призываніи не въ диванъ, но въ мамбчи-диванъ ввелъ; такимъ-же порядкомъ поступано, какъ и съ пріѣзду: въ тожь-же числѣ солдаты и за толмача запорожскій козакъ и въ конвой одинъ козакъ допущены всѣ были, и до приходу секундъ-маіора поставленъ былъ стулъ; а какъ онъ секундъ-маіоръ пришелъ въ мамбчи-диванъ, то ханъ чрезъ своего переводчика Мехмета приказалъ сѣсть, и въ то время, по данной изъ кіевской губернскаго канцеляріи запискѣ, ему хану онъ секундъ-маіоръ доносилъ, что его превосходительство, г. генераль-маіоръ приказалъ его ханской свѣтлости словесно донести о учрежденіи при его ханской

свѣтлости съ россійской стороны авторизованной персоны, когда его ханская свѣтлость оной персонѣ для общей на обѣ стороны пользы быть за полезное признать соизволить, о чемъ и письменно отъ его превосходительства къ его ханской свѣтлости, съ показаніемъ всего полезнѣйшаго обстоятельства, изъяснено.

На что оной ханъ черезъ своего переводчика Мехмета ему секундъ-майору отвѣтствовалъ: какъ-де напередъ сего тамо со стороны россійской никакого человѣка не было, то и нынѣ-де быть не для чего, да и такое-де дѣло не генералу дѣлать; но токмо онъ генераль потакаеть запорожскимъ козакамъ и не содержитъ ихъ крѣпко въ рукахъ; а ежели-бы-де содержалъ ихъ крѣпко, то такого-бъ воровства не было. Для чего-де у насъ съ поляками смирно живемъ; они-де на насъ не жалуются, а мы де на ихъ; сколько-де комиссій ни было, а обидящимъ мнѣя подданнымъ отъ запорожскихъ козаковъ въ разныя времена разныхъ вещей и скота пограбленнаго ничего не возвращено. Скажи-де свосму генералу объ ономъ или, гдѣ у васъ падлежить, и выше донеси: долго-ли де мнѣ будетъ терпѣть; но и нынѣшнимъ лѣтомъ многое число запорожскіе козаки у моихъ подданныхъ отогнали лошадей.

И оныя рѣчи, но примѣчашю секундъ-майора, ханъ съ превеликимъ сердцемъ говорилъ и приказалъ скоро отдать отвѣтныя къ его превосходительству письма и болѣе не сталъ ни о чемъ и говорить. Которыя принявъ и откланясь предъ ханомъ со всякою учтивостью, онъ секундъ-майоръ отъ хана отцущень. А препровождать-же его секундъ-майора переводчикъ Мехметъ даже за ханскія ворота, и притомъ секундъ-майоръ переводчику объявилъ, чтобъ доложилъ его ханской свѣтлости, дабы дозволилъ ему секундъ-майору еще перепочевать; и онъ ходилъ къ хану и отъ него пришедъ объявлялъ, что его-де ханская свѣтлость приказалъ: сію ночь перепочевать, а завтрашняго числа въ свой надлежаній путь ѣхать. И шли напередъ до квартиры вада-баша да провожатый изъ Перекопа сейженъ.

Того-жъ числа въ вечеру пріѣхалъ изъ г. Кефы въ Бакицсарай для купечества великороссійскій купецъ г. Воронеза, посадской купецъ Ивановъ сынъ Шумлизовъ и ему секундъ-майору объявилъ: сего-де 1755 г. въ маѣ мѣсяцѣ былъ онъ въ Кубани и жилъ мѣсяца два для промыслу купеческаго, и слышалъ, что было въ Кубани войско крымское и кубанское, которое ходило подъ Черкесы для взятія ясыра, и онога ясыра требовалъ ханской сынъ, токмо оныя черкесы, согласясь съ султаномъ, бахтияреевымъ сыномъ, онога ясыра ему ханскому сыну не дали; которое войско стояло отъ самой зимы даже до весны и того войска съ холоду и съ голоду и во время происходившей промежъ нимъ съ начатія войны нобито и померло и бѣжало съ крымской стороны 50,000, а до 30 человѣкъ новѣшено; оныя-жъ султаны и мурзы, вида себѣ гибель напрасную, учинили промежъ собою бунтъ и раздѣлились

на двѣ части: вышесписанному бахтигирееву сыну половина, а другая половина къ ханскому сыну, и бахтигиреевъ сынъ согласился съ черкесами и ханскаго сына съ немалымъ урокомъ прогнали, и нынѣ какъ съ ханской стороны въ Кубань за показанными ссорами не въѣзжаютъ. такъ и съ кубанской стороны въ Крымъ не ѣздятъ.

Сего-жъ году мѣсяца іюля прислали изъ Константинополя наша и съ нимъ мастеровыхъ людей сто человѣкъ для починки городовъ съ російской стороны, а именно Темрюка, Ачюсова и Капыла.

Сего-жъ году въ Минкале развозили пушки, а сколько числомъ, того показанной купецъ невѣствуетъ, и всякіе что принадлежатъ къ нимъ снаряды, т. е. ядры и порохъ. Оной-же купецъ слышалъ въ тамошнихъ мѣстахъ: бахтигиреевъ сынъ султанъ нынѣшнего хана крымскаго не желаетъ и всю орду на кубанскую сторону перевелъ и самъ нынѣ живетъ въ Капылѣ и сараскирекю должность править.

2. По утру, въ 10 часу, грекъ Янакій козаку Орловскому, увидясь тайно, объявилъ, чтобъ донесъ секундъ-маіору тайнымъ образомъ, чтобъ пришелъ въ церковь: нѣкоторые-де вѣдомости объявляю, а мнѣ-де самому днемъ въ квартиру подозрительно къ нему быть, чтобъ не дознали, а я-де у митрополита просилъ, чтобъ она церковь не заперта была. И та церковь отъ квартиры секундъ-маіора не въ дальномъ разстояніи, не будетъ я 50 сажень. И секундъ-маіоръ тайнымъ образомъ, никто его изъ тамошнихъ людей не видѣлъ, и пришелъ въ означенную церковь, и оной грекъ ему объявлялъ, что его пріятель Хаджи-али ему сказывалъ: во всемъ-де пренятствовалъ визирь ханской и представлялъ хану во время совѣту ихъ, что съ російской стороны отнюдь не надлежитъ быть ихъ персоны при вашей ханской свѣтлости, а ежели-де изволишь допустить, то тотъ-же шпіонъ будетъ, и какъ-де будемъ спать ложиться и вставать, а онъ все то будетъ знать и писать, то нельзя будетъ и на дворъ выйти; а муфтіи и казаскеръ сложились было и хану представляли, чтобъ съ російской стороны былъ человѣкъ, токмо не допустилъ хана, всему тому пренятствовалъ визирь.

А въ предбудущую весну велѣно все въ Крыму гдѣ крѣпости есть починять. А нынѣшнимъ лѣтомъ привезено изъ Константинополя моремъ въ городъ Козлевъ 80 пушекъ съ ядрами и перевезены нѣкоторое число въ Перекоць.

Оной-же грекъ Янакій ему секундъ-маіору объявилъ: ежели-де что будетъ противъ російской стороны отъ хана происходить въ противность, то оной Хали-хаджи общался ему Янакію сообщать, а ежели ему Хали-хаджи возможно будетъ, то и самъ онъ писать въ Кіевъ къ г. генералу будетъ, а грекъ Янакій что отъ него услышитъ, то будетъ находящимся въ Бакцысараѣ великороссійскимъ г. Путивля купцу Андрею Андрееву сыну Сушилину или кто будетъ великороссійскіе знатные купцы, сообщать; а Сушилинь мало оттуда въ Россію

и выѣзжаетъ, но по большой части въ Бахчисараѣ и въ прочихъ крымскихъ городахъ торгуетъ; а я ежели-бы-де самъ умѣлъ писать, то-бы никому ничего не объявлялъ, но самъ-бы писалъ. И на то ему греку Янакію секундъ-маіору отвѣтствовалъ: ежели-де твой пріятель Хали-хаджи будетъ въ Кіевъ къ г. генералу писать о предосторожности какой противъ російской стороны отъ хана противное, то они оба за то отъ стороны російской оставлены не будутъ. Да онъ-же грекъ Янакій секундъ-маіору объявлялъ: ежели-де хана не переимѣнать, то намѣрены войну съ ханомъ имѣть бахтигреевы сыны. И болѣе ко увѣдомленію оной грекъ секундъ-маіору ничего не имѣлъ и тѣмъ все разговоры кончилъ, и въ той церкви съ нимъ разстались, и напередъ секундъ-маіоръ изъ церкви тайнымъ образомъ, и никто изъ ихъ народу не выдавъ, въ свою квартиру пришелъ.

Того-жъ числа, по доносу запорожскихъ козаковъ И. Орловскаго и Е. Черевка, которые посланы были вчерашнего числа звать Миронича и Нафимовскаго на чай, и ихъ, Орловскаго и Черевка, они къ себѣ на слово просили и оныхъ козаковъ секундъ-маіоръ къ нимъ отпустилъ и приказывалъ, что будутъ имъ они говорить, ничего-бъ, по присяжной своей должности, какъ вѣрные его императорскому величеству рабы, не утаили. И съ тѣмъ они къ нимъ пошли и были у нихъ въ квартирѣ, а оттуда возвратясь, донесли ему секундъ-маіору, что отъ нихъ, Миронича и Нафимовскаго, происходило. Во первыхъ, стали-де ихъ увѣщавать: что они, Мироничъ и Нафимовскій, будутъ имъ говорить, никому-бъ не сказывали, и приводили ихъ, козаковъ, къ присягѣ и прикладывались къ образу, и потомъ оные Мироничъ и Нафимовскій стали имъ, козанамъ, говорить: вы-де теперь присягали, мы вамъ объявляемъ, что злуилъ москаль запорожцамъ головы и завладѣлъ-де стчину нашу Малую Россію, и такъ привели Малую Россію, какъ воль въ ярмо, а нынѣ король пруской, король французской и король шведской согласились-де между собою противъ Россіи и намѣрены войну имѣть, а мы-де прислали отъ польской стороны для того, чтобъ совокупить орду татарскую и нападеніе учинить на Россію со всѣхъ сторонъ въ декабрѣ мѣсяцѣ сего года или предбудущаго 1756 г. въ генварѣ мѣсяцѣ; такъ мы москаля со всѣхъ сторонъ возьмемъ; а вы не сказывайте молодымъ козанамъ о семъ, а сказывайте такимъ, которые еще были во владѣніи подъ ханомъ, чтобъ они къ намъ писали и чтобъ согласились съ нами вмѣстѣ на москаля, а мы-де по времени будемъ и отъ себя къ старымъ козанамъ, кого знаемъ, писать, а къ кому именно, того не сказали, и тѣмъ разговоры кончились. А нынѣ де погайская орда кочуетъ въ двухъ мѣстахъ, а именно: первая часть близъ Кивбурна, вторая часть за Очаковымъ.

Того-жь числа по полудни въ 3-мъ часу съ приданнымъ изъ Перекопа сейменовъ изъ Бахчисарая отъѣхали и слѣдовали по дорогѣ, не доѣзжая Козлева, въ ханской постоялой дворъ, гдѣ и ночевали.

3. Отъ постоялаго двора слѣдовали до г. Козлева, гдѣ и ночевали.

Будучи-жь въ Козлевѣ, запорожскій козакъ полтавскаго куреня Трофимъ Григорьевъ приходилъ къ секундъ-маіору и доложилъ, что хлѣба, пшеницы и ячменю въ турецкую сторону запрещено продавать, но зсыпають въ каморы, а въ некоторую часть возать въ Бахчисарай, какъ-де повидяному, заготавлиють въ магазейны, 180 лавокъ насыпаю; а въ продажѣ тамо пшеница и ячмень четверть пшеницы по 1 р. 10 к. и по 1 р. 20 к., ячменя по 80 и по 90 к. Въ Козлевѣ на пристани лежать болшихъ мѣдныхъ новыхъ пушекъ десять, видѣть ихъ самъ секундъ-маіоръ.

4. Отъ Козлева слѣдовали до села Джи-алана, гдѣ и ночевали.

5. Отъ с. Джи-алана слѣдовали до Соленого озера, гдѣ и ночевали. И при томъ озерѣ находился г. Путявля купецъ А. А. Сушилинъ и секундъ-маіоръ ему приказалъ: егда какія грекъ Явакій будетъ ему давать письма, то-бы онъ отъ него принималъ и секретно какъ найскорѣе съ нарочнымъ и надежнымъ или и самъ на янкитинской заставѣ находящемуся переводчику Семенову отдавалъ, которой немедленно отправлять въ Кіевъ будетъ, или что оной-же грекъ и словесно будетъ ему объявлять, то-бы и о томъ какъ найскорѣе давалъ знать.

6. Отъ Соленого озера слѣдовали до Перекопа, гдѣ и ночевали.

7. Отъ Перекопа слѣдовали до урочища Чаплинки, гдѣ и ночевали.

8. Отъ урочища Чаплинки слѣдовали до Каиръ западнаго мѣстечка, гдѣ и ночевали. Того-жь числа у секундъ-маіора на дорогѣ явился запорожскій пезамаевскаго куреня козакъ Федоръ Чернявской и объявлялъ: пойманъ-де ямъ воръ васюринскаго куреня козакъ Григорій Лукьяновъ сынъ Плакущій, которого онъ Чернявскій ему секундъ-маіору представлялъ, и онъ секундъ-маіоръ его Плакущаго спрашивалъ, которой сказалъ: самоволке-де изъ Овчи и безъ наппорту поѣхалъ въ Перекопъ, якобы лошадей продавать, а чрезъ Дибиръ, не являе при янкитинской заставѣ, перевезенъ платнеривскаго куреня козакомъ Иваномъ Тараномъ, и оной воръ отданъ въ смотрѣніе тому-жь козаку Чернявскому и при-

казано ему Чернявскому, чтобъ его не упустилъ и, доведи въ Сѣчь, отдавъ бы кошевому атаману.

9. Отъ Капръ западнаго мѣстечка слѣдовали до рѣчки Рогачика, гдѣ и почевали.

10. Отъ р. Рогачика слѣдовали до никитинской заставы, гдѣ чрезъ Днѣпръ переправлялись и почевали.

Переводчику Семенову отъ него секундъ-маіора объявлено секретно: какіе будутъ пересылаемы изъ Бакицарая письма отъ російскаго купца Андрея Шумилина, то бы не распечатывая отправлять какъ найскорѣе въ кievскую губернскую канцелярію съ нарочнымиъ.

Того-жъ числа отъ никитинской заставы въ запорожскую Сѣчь благополучно прибыли.

Какъ ѣхали отъ запорожской Сѣчи до Черкопа и обратно до Сѣчи и отъ Сѣчи до Кременчука, то многіе ватажане секундъ-маіору жалобу приносили, что по дорогамъ чинятся днемъ разбои, а не отъ кого иного, какъ видно отъ запорожскихъ все козаковъ.

По прибытіи въ запорожскую Сѣчь отъ секундъ-маіоръ кошевого атамана въ Сѣчи не засталъ, и объявилъ судья: еще-де отъ розѣзду не бывалъ. Розѣздная-же команда, кал посылана была внизъ р. Днѣпра на лодкахъ для поиску воровъ и разбойниковъ, не изымавъ ни одного человѣка, возвратилась въ запорожскую Сѣчь по прежнему, а какъ-де слышно, что тоже и у кошевого атамана чинятся, но токмо единой скотъ гонять, лошадей и воловъ.

Въ бытность въ запорожской Сѣчи бывшій кошевой атаманъ Якимъ Игнатовъ ему секундъ-маіору секретно, по прислужной своей должности, объявилъ, дабы ея императорское величество всемилостивѣйше пожаловали въ войскѣ запорожскомъ быть кошевому атаману безперемѣнно, да и великороссійскаго войска регулярнаго по крайней мѣрѣ 600 человекъ иѣхотныхъ, а драгунъ двѣ роты, при добромъ командирѣ, почему-де можно самовольно злодѣевъ гайдамаковъ смирять и къ доброму и постоянному порядку привести, какъ на Дону; а ежели-де кошевыя атаманы и съ старшиною будутъ съ перемѣною по прежнему, то, по тамошнему ихъ обыкновенію, никоимъ образомъ таковыхъ злодѣевъ искоренить невозможно и къ доброму и постоянному порядку привести, ибо-де отъ таковаго самовольнаго и чрезвычайно пьянаго народа, при такихъ переменахъ, такъ какъ кошевого атамана, и старшину бьютъ и смертное убійство чинится, а отъ великаго пьянства промѣется, а взятъ негдѣ, только воровать и разбивать, болѣе не останется.

Будучи-же въ оба пути и въ бытность въ Бакцысараѣ, нигдѣ никакихъ татарскихъ войскъ въ собраніи и къ воинскому дѣйствию приуготовленій ояъ секундъ-маіоръ не видалъ и никакихъ противныхъ къ Россіи съ татарской стороны поступковъ нигдѣ ни отъ кого не слыхалъ.

Какъ въ Крыму и въ самомъ Бакцысараѣ, въ бытность его секундъ-маіора, опасной болѣзни не было, и въ проѣздѣ отъ Перекона до Бакцысарая и обратно до Перекона нигдѣ оной опасной болѣзни не слышно.

Секундъ-маіоръ *Матвій Мироновъ*.

Кіевъ, сентября 1755 г.

Библиографія.

Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библиотекѣ. Изданіе виленской археографической комисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вилна. 1884 г.

Каждое новое изданіе виленской археографической комисіи естественно вызываетъ вниманіе къ себѣ и интересъ въ кievскихъ археографѣхъ, а потому и теперь, съ выходомъ въ свѣтъ названнаго «Сборника», мы чувствуемъ потребность сказать о немъ нѣсколько словъ.

Надо прежде всего отдать должную дань уваженія неустанному трудолюбію членовъ ¹⁾ виленской археографической комисіи и ея павѣстному ученому предсѣдателю Л. О. Головацкому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщенному вниманію и заботливости г. попечителя виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскаго, умѣющаго не только привлечь къ столь трудному и важному дѣлу, какъ археографія, достойнымъ силы, но и внушать имъ необходимость исполненія той или иной работы, вызываемой требованіями обстоятельствъ, не останавливаясь даже предъ денежными затратами изъ бюджета округа на нужды ученаго учрежденія, ему подвѣдомственнаго.

Привѣтствуемъ за сими первый выпускъ «Сборника» палеографическихъ снимковъ, изданный комисіею въ видѣ опыта, полнымъ нашимъ сочувствіемъ, такъ какъ дѣло изданія снимковъ, поставленное на

¹⁾ Желаящихъ ознакомиться подробнѣе съ дѣятельностію комисіи и содержаніемъ ея многочисленныхъ изданій мы рекомендуемъ помѣщенную въ 1-й книгѣ «Сборника археологическаго института» (Сиб. 1878 г.) статью В. А. Лялина: «Виленскій центральный архивъ» (стр. 22—38).

строго научную почву, обещаетъ въ будущемъ обильный практическій и научный плодъ. «Сборникъ» состоитъ изъ «Предисловія», объясняющаго задачу изданія и приемы его исполненія, съ изложеніемъ содержанія любопытныхъ актовъ. Предисловіе составлено членомъ комисіи С. В. Шолкевичемъ. Далѣе, въ «объяснительномъ текстѣ» напечатаны крупнымъ шрифтомъ та часть акта, съ которой сдѣланъ снимокъ, и мелкимъ та, которая опущена, причемъ въ заключеніе указывается, явился-ли документъ въ первый разъ, или былъ уже гдѣ-либо напечатанъ. Къ «тексту» приложено оглавленіе съ указателями: личнымъ, географическимъ и предметнымъ. Самые «снимки», наконецъ, занимаютъ 30 отдѣльныхъ листовъ и потому, по желанію каждаго, могутъ быть сортируемы какъ угодно. Вышность «снимковъ» производитъ пріятное впечатлѣніе: самая главная, литографическая работа исполнена безукоризненно; совершенство сходства копированныхъ почерковъ съ дѣйствительными ясно для всякаго, кто когда-либо работалъ надъ западно-русскими рукописями. Одно неудобство, это—форматъ «сборника» in-folio; неловко читать, ни положи тетрадь на столъ, ни держа ее въ рукахъ. Таковы по формату (правда, не много меньше) и другія изданія виленской комисіи. Кіевская комисія давно уже избрала для себя форматъ in-quarto; остается еще только пожелать, чтобы и объемъ томовъ былъ уменьшенъ ею на половину, а то шутка-ли, книга въ 700 и болѣе страницъ. Въ данномъ случаѣ виленская комисія легко могла отступить отъ газетныхъ размѣровъ, разъ она выпущдена была, какъ сама заявляетъ это, отказаться отъ литографированія снимковъ во всю величину оригиналовъ; и форматъ in-octavo былъ-бы наиболѣе удобнымъ, какъ намъ кажется.

Цѣль изданія снимковъ выражена ясно и опредѣленно въ «предисловіи», гдѣ комисія устами г. Шолкевича говоритъ, «что для цѣлей историческихъ ей казалось болѣе важнымъ представить просвѣщенному русскому обществу возможно большее количество образцовъ древней западно-русской письменности изъ разныхъ мѣстъ, времени и учрежденій, нежели останавливаться только на образцахъ извѣстныхъ» (последніе слова для насъ какъ-то не вполне понятны: какіе и кому это извѣстные образцы, на которыхъ не было необходимости останавливаться?). И эта цѣль будетъ достигнута вполне, если комисія въ слѣдующихъ выпускахъ не отступитъ отъ намѣченной программы изданія снимковъ по мѣсту, времени и учрежденію. Все это весьма важно, но почему важно, въ «предисловіи» не объяснено и не видно, чтобы важность и плодотворность начатаго дѣла, научная и практическая, была ясна для самихъ издателей. Выраженіе, что снимки «наглядно покажутъ изслѣдователямъ

не только образцы западно-русской дѣловой рѣчи съ половины XV до половины XVI столѣтiя, но и характеристическiя особенности очень разнообразныхъ почерковъ ея письменности и этимъ разширять сферу историческихъ свѣдѣнiй о сѣверо-западномъ краѣ, кажется намъ туманнымъ и неопредѣленнымъ, и потому мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу необходимости изданiя снимковъ по мѣстностямъ и эпохамъ. Изъ архивахъ, гдѣ собраны рукописи, обнимающiя собою большой перiодъ времени и притомъ въ болѣе или менѣе хронологической послѣдовательности, а равно добытыя изъ многихъ смежныхъ одна съ другою мѣстностей, занимающихъ значительное пространство, всегда наблюдается очень интересное явленiе, это — генерация почерковъ; каждая эпоха, каждая большая или малая административная единица имѣетъ свой особенный характеръ письма, причемъ въ большихъ единицахъ и разница въ характерѣ больше, въ меньшихъ — меньше. Вышнiя воеводства юго-западнаго края: кiевское, волынское, подольское и брацлавское, каждое имѣетъ свои особенныя отличительныя черты письма, свидѣтельствующiя о характерѣ культуры, развивавшейся въ той или иной мѣстности. Такъ напр., кiевское и волынское письма носятъ характеръ Византийскаго искусства почти до XVII вѣка, тогда какъ подольское весьма рано подвергается влiянiю романо-германскому, которому было подчинено и польское письмо. Позже это влiянiе, распространившись и на Волынь, доходило только до Кiева, который по всѣмъ вѣкамъ сохранялъ особенный характеръ своихъ буквъ и лишь въ началѣ текущаго столѣтiя началъ мало по малу утрачивать его по мѣрѣ того, какъ увеличивался въ городѣ велико-русскiй элементъ. Однимъ словомъ, измѣненiя въ характерѣ почерковъ указываютъ на развитiе и измѣненiя въ культурѣ, и такимъ образомъ письмо служитъ столь-же достовернымъ свидѣтелемъ пережитыхъ народомъ эпохъ, какъ археологическiе памятники и филологическiя дашыя ¹⁾). Только при правильной постановкѣ дѣла изданiя палеографическихъ снимковъ мы получимъ и руководство для начинающихъ занятiя въ архивахъ и материалъ для ученыхъ изслѣдованiй; вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ имѣть основанiе для опредѣленiя по вышнимъ признакамъ времени и мѣста составленiя документа, а также его подлинности или подложности; при изданiи снимковъ съ бумажныхъ руко-

¹⁾ Будь у насъ подобныя палеографическiя изданiя, и проф. П. П. Дашкевичъ приобрѣлъ-бы не мало новыхъ фактовъ для выводовъ при изслѣдованiи вопроса о борьбѣ культуръ и народностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Въ высокой степени интересное изслѣдованiе его объ этомъ печатается теперь въ «Университетскихъ Извѣстiяхъ» (см. № 10 за 1884 г.).

писей нужно обращать всегда вниманіе и на водные знаки бумаги, которые, въ свою очередь, помогают рѣшить безошибочно вопросъ, дѣйствительно-ли документъ написанъ въ томъ мѣстѣ и въ то время, которое обозначено въ немъ. Виленская коммисія упустила это изъ виду такъ-же, какъ упустила познакомить читателей съ особенностями бумаги и болѣе подробно съ виѣнскимъ видомъ оригиналовъ вообще. Сравнивая изданные образцы почерковъ съ южно-русскими, мы находимъ, что они болѣе всего подходят къ волынскому письму и въ частности болѣе къ луцкому, чѣмъ къ владимірскому и кременецкому, съ кіевскими-же и подольскими почти ничего общаго не имѣютъ. Но все это, конечно, только общія положенія; болѣе точно и опредѣленно можно будетъ высказаться тогда лишь, когда объ археографическіи коммисіи: кіевская и виленская дружно возьмутся за трудъ изданія палеографическихъ снимковъ, проведутъ его по строго научному плану и дадутъ этимъ необходимый матеріалъ для изслѣдованія. Поэтому, пожелавъ еще разъ усѣиха такъ удачно и своевременно сдѣланному виленской коммисіей опыту, мы, въ надеждѣ на скорое появленіе слѣдующихъ выпусковъ «Сборника», перейдемъ къ рассмотрѣнію содержанія скопированныхъ въ немъ документовъ.

Нѣкоторые изъ 59 изданныхъ документовъ появляются въ печати въ первый разъ, другіе-же были напечатаны раньше въ разныхъ изданіяхъ виленской коммисіи; послѣдніе составляютъ почти четвертую часть (ихъ 14) общаго числа документовъ «Сборника».

Документы подъ №№ 1, 2, 5, 6, 12, 14, 20, 25 и 29 касаются разныхъ сторонъ исторической жизни бывшей литовской столицы, города Вильны, — ея виѣшняго и внутренняго благоустройства.

№№ 30, 35, 48, 49, 50 и 51 служатъ для исторіи города Ковно, центральнаго города Жмуди.

Подъ №№ 4, 8, 15, 16, 18, 21, 22, 24, 32, 34, 38, 39, 40, 41, 42, и 53 помѣщены грамоты и листы великихъ князей литовскихъ и польскихъ королей, касательно утвержденія за разными лицами правъ на владѣніе землями или на занятіе должностей.

Документъ подъ № 41 относится къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія.

Юридическаго быта евреевъ касается актъ подъ № 45.

Документъ подъ № 36 указываетъ на время, когда вводится въ Литвѣ должность вознаго, а изъ акта подъ № 44 мы видимъ, что съ появленіемъ возныхъ и «вижи» еще не исчезаютъ изъ суда.

Изъ всѣхъ этихъ документовъ для юго-западной Россіи имѣетъ значеніе одинъ № 22; онъ содержитъ въ себѣ подтвердительную грамоту

короля Сигизмунда I отъ 30 июня 1536 года на продажу познанскимъ бискупомъ Яномъ королевѣ Бонѣ сель Дунаева, Куликова и Рутвя, пугѣни Цещюведць, опустѣваго села Демковецъ и хутора Верха-Велья, лежавшія въ кременецкомъ повѣтѣ волынскаго воеводства. Въ примѣчаніи къ этому акту издатели указываютъ на существованіе въ виленской публичной библіотекѣ другой грамоты, которую король подтверждаетъ дарственную запись того-же бискупа королевѣ Бонѣ на свои предмѣстья подъ замкомъ и городомъ Кременецъ и Исаевскій хуторъ, на двухъ крестьянъ съ ихъ землею и сѣнокосомъ Хоженевымъ, Ловчимъ и Гремячимъ, и на второе предмѣстье, которое бискупъ заселилъ на полѣ онисковскомъ, гдѣ прежде было село Онисковды.

Оканчивая нашу замѣтку о виленскомъ «Сборникѣ», позволимъ себѣ въ заключеніе выразить несогласіе съ объясненіями г. Шолкевича относительно того, будто въ актахъ подъ №№ 36 и 44 указывается на время, когда «дѣтскіе» замѣняются «возными». Не знаемъ, какія наблюденія по этому вопросу сдѣланы авторомъ въ западно-русскихъ актахъ, но въ южно-русскихъ мы замѣтили, что «дѣтскіе» всегда вручаютъ только «дѣцкованные листы», которыми тѣхъ-иныхъ стороны призываются на судъ въ королевскую комиссію, разбирающую споры по землевладѣнію; при врученіи «дѣцкованнаго листа» присутствуютъ «вижи». Въ актѣ подъ № 36 дѣйствительно говорится о первомъ возномъ и изъ этого можно заключить, что должность вознаго введена въ Литвѣ въ самомъ началѣ XVI вѣка, тогда какъ въ юго-западной Руси появленіе возныхъ совпадаетъ со введеніемъ въ 1566 году втораго литовскаго статута; ипритѣ же, возный окончательно вытѣснилъ бывшаго до него «вижа» со времени люблинской уніи 1569 года. Въ документѣ, помѣщенномъ № 44, идетъ рѣчь о «вижѣ», котораго авторъ отождествляетъ съ вознымъ ошибочно; это были двѣ должности, хотя и родственныя между собою по нѣкоторымъ одинаковымъ обязанностямъ, но различныя по своимъ правамъ; новладѣютъ акты, гдѣ вижи и возные фигурируютъ рядомъ. Во всякомъ случаѣ, болѣе опредѣленные документальныя данныя о «дѣтскихъ», если они встрѣчаются въ книгахъ виленскаго центрального архива, желательно было-бы видѣть напечатанными. «Дѣтскихъ», такъ-же какъ и «копные» суды, можно считать остатками удѣльно-вѣчеваго періода, свидѣтельствующими лишь разъ о влияніи русской государственной жизни на литовскую.

И. Каманинъ.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей русскіихъ при московскомъ университетѣ. 1884 годъ, книга вторая.

Передъ нами не одинъ изъ обыкновенныхъ томовъ изданій почтеннаго историческаго общества, а книга предназначенная къ поднесенію университету св. Владимира въ день недавно минувшаго его пятидесятилѣтняго юбилея. На второмъ листѣ настоящей книги напечатано: *посвящается императорскому кievскому университету св. Владимира съ день полувѣкового служенія его наукъ и русскому просвѣщенію.* А на челѣ содержанія помѣщенъ адресъ общества кievскому университету по поводу его 50-лѣтняго юбилея. Наша *alma mater* тѣсно связана съ старѣйшимъ и почтеннѣйшимъ изъ русскихъ ученыхъ обществъ дорогою памятью объ общихъ своихъ членахъ, особенно о незабвенномъ въ наукѣ южно-русской исторіи М. А. Максимовичѣ, первомъ ректорѣ университета св. Владимира, и О. М. Водянскомъ, знаменитомъ секретарѣ общества. Упомянувъ объ этомъ обстоятельстве, адресъ говоритъ между прочимъ: «Да хранитъ на долгія времена и вѣка университетъ св. Владимира достопамятно держимый пмъ полвѣка свѣтой его завѣтъ: самобытно и независимо свѣтитъ Владиміровымъ солнцемъ русскому просвѣщенію, оварять исторію священнаго кievскаго края новыми и новыми изслѣдованіями на утвержденіе и уврѣвленіе русскаго сознанія, какъ озарила и просвѣтила это русское сознаніе наша первая лѣтопись, написанная на тѣхъ-же кievскихъ святыхъ горахъ». Приведенными словами московское общество исторіи и древностей ясно очерчиваетъ программу и способъ просвѣдательной дѣятельности кievскаго университета, миссію его въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Въ соотвѣтствіе къ своимъ словамъ оно составляетъ и содержаніе посвящаемаго тома—исключительно почти изъ документовъ, относящихся къ исторіи «Кievскаго края». Въ высшей степени знаменательны и эти слова отъ лица многозаслуженнаго въ наукѣ русской исторіи московскаго общества, и этотъ подборъ содержанія подпосмаго тома. Невольно задаешь себѣ вопросъ: самъ университетъ св. Владимира такъ-же ли сознаетъ свою священнѣйшую обязанность—служить наукѣ роднаго края, этой исконной «русской земли», съ матерью городовъ русскихъ во главѣ?

Но перейдемъ къ содержанію разсматриваемой книги. Она по обыкновенію раздѣлена на 5-ть отдѣловъ: 1) матеріалы историческіе, 2) матеріалы историко-литературные, 3) матеріалы иностранные, 4) изслѣдованія и 5) смѣсь. Наибольшій интересъ для занимающихся южно-русской исторіей заключаютъ въ себѣ два первые отдѣла. Въ отдѣлѣ *матеріаловъ историческихъ* большую часть занимаютъ описанія актовъ

архива Маркевича. Всѣхъ актовъ перечислено здѣсь до 320; изъ нихъ до 300 относится къ 26 малороссійскимъ монастырямъ, преимущественно трехъ сѣверныхъ полковъ и города Кіева, остальные — къ раскольникъ-нымъ слободамъ Стародубья. Акты монастырскіе въ большинствѣ представляютъ собою жалованныя грамоты и универсалы разныхъ гетмановъ на монастырскія владѣнія; но между ними попадаются и такіе, которые даютъ драгоцѣнныя бытовыя указанія, насколько, разумѣется, это можно заключить изъ краткаго описанія ихъ. Мы узнаемъ напримѣръ, что гетману, какъ говорится, отбою не было отъ настоятелей многочисленныхъ монастырей, засыпавшихъ его поздравленіями съ разными праздниками, — поздравленіями, неизмѣнно сопровождавшимися просьбами. Игуменъ крушицкаго батуринскаго монастыря поздравляетъ Скоропадскаго даже «съ полноприщемъ великаго поста» и при сей шаткой оказіи жалуется на чрезмѣрное отягощеніе постоянными монастырскими подданныхъ. Иногда проскользнетъ образчикъ отношенія самихъ духовныхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ, и оказывается, что отцы нетяжывали иногда ихъ не хуже польскихъ пановъ. Вотъ образчикъ другаго рода бытовыхъ указаній. Игуменъ братскаго монастыря Іосифъ, онъ-же и ректоръ кіево-могилинскаго училища, по запросу генеральной войсковой канцеляріи о людяхъ, знающихъ иностранные языки, отвѣчаетъ: «Отнюдь такового челоуѣка изобрѣсти въ насъ не возмогаемъ, найбарзвѣй же-бы кто нѣмецкаго языка къ переводу не только былъ искусень, но ниже и отчасти свѣдомъ, понеже въ насъ языка нѣмецкаго не учать, въ латинскомъ-же и польскомъ языку видно заповне ажъ и канцелярія войсковая ибсутныхъ, честныхъ и пенедозрительныхъ людей имѣеть довольно, а ту студента отъ школы отдорвати, аще самъ добровольно не похощеть, не такъ есть удобно» (1724 г.). Кромѣ этого разряда документовъ, есть еще такіе, которые заключаютъ въ себѣ цѣлую исторію монастырей, нынѣ не существующихъ; таковы два документа спасскаго, рувимо-сосницкаго монастырей. Вообще всѣ документы, относящіеся къ монастырямъ, открываютъ для желающихъ массу новаго матеріала по исторіи ихъ.

Не менѣе важны описанія авторовъ, касающихся раскольниковъ Стародубья. Поселившись колоніями среди хѣстнаго малорусско-бѣлорусскаго православнаго населенія нынѣшнихъ сѣверныхъ уѣздовъ черниговской губерніи, эти пришельцы съ замѣчательною устойчивостью сохраняютъ до сихъ поръ свой національно-великорусскій типъ и по сіе время живутъ совершенно обособленно. Тѣ черты ихъ характера, которыя и нынѣ неприятно поражаютъ сосѣдей, какъ-то: высокомѣріе, узкій обрядовой фанатизмъ и совершенно особый кодексъ нравственныхъ правилъ къ сношеніямъ съ «хохлами-мазенами», особенно давали себя чувствовать

въ первые годы ихъ появленія. Помѣщенные въ разбираемой книгѣ акты именно содержатъ въ себѣ болѣею частію жалобы какъ разныхъ козацкихъ старшинъ, такъ и цѣлыхъ громад на насиліи со стороны раскольниковъ; жалобы дышатъ взаимною ненавистью: «ругатели креста Господня... въ укоризною и наруганіемъ православнои нашей вѣры, прельщеніемъ и превращеніемъ правоѣрныхъ на свое злочестіе наклоняють» (стр. 1); «если раскольникамъ, яко теперь, разширятся въ полку нашемъ (стародубовскомъ; пишетъ полковникъ Жұравка) доущено будетъ, много въ получавъ отъ утиску ихъ чуратся жилищъ своихъ мушать, поневажъ они самовольне, що хотять, чинять, а справедливости никто на ихъ поскати не можетъ, чего самъ дознаваемъ и дознаю» (стр. 2) и проч. До сихъ поръ въ литературѣ нашей нѣтъ сочиненія, которое-бы ознакомило публику съ бытомъ и исторіей раскольничьихъ колоній Стародубья, и потому описанные документы тѣмъ цѣннѣе; въ нимъ кромѣ того приложена интересная карта этихъ колоній, видимо современная ихъ первому описанію. Добавимъ кстати, что въ «Черниговскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» за прошлый годъ есть статья о Стародубьи кандидата московской духовной академіи г. Доброгаева.

Въ томъ-же отдѣлѣ помѣщенъ еще весьма интересный документъ— «росписной списокъ города (крѣпости) Кіева 1677 г.». Это подробная опись всѣхъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ кіевской крѣпости, документовъ, знаменъ, казны, — вообще всего того, что вѣдалъ въ городѣ московскій воевода. Опись и составлена по случаю передачи воеводоу кн. Алексѣемъ Андреевичемъ Голицынымъ Кіева своему преемнику Морозову. До сихъ поръ въ литературѣ были извѣстны подобнаго рода описи, относящіяся къ 1661 и 1682 гг. (См. «Сбор. матер. для ист. топогр. Кіева и его окрест., отд. 3, стр. 87 и 96). Собственно для топографіи Кіева, изъ трехъ нынѣ извѣстныхъ документовъ этого рода, болѣе всего данныхъ заключается въ «росписи» 1682 г.; наиболѣе-же подробный инвентарь представляетъ новая «роспись» 1677 года. «Росписи» даютъ точный матеріалъ для приведенія въ извѣстность длины въ цѣломъ и частяхъ валовъ «города» и крѣпостнаго имущества, но не могутъ замѣнить, со стороны рельефности, описаній очевидцевъ современниковъ¹⁾.

¹⁾ Вотъ напримеръ какъ живо рисуетъ въ началѣ XVIII в. кіевскій замокъ ландр. Лукьяновъ: «*Верхній градъ* (на вышнѣмъ старомъ городѣ) — валъ земляной весьма крѣпокъ и высокъ, а по градской стѣнѣ все караулы стоять крѣпко, по сто сажень караулъ отъ караула; и въ день и въ ночь все полковники ходятъ: тихонько осматриваютъ, такъ-ли крѣпокъ караулъ; а ночь уснуть не да-

Перейдемъ ко второму отдѣлу—къ матеріаламъ историко-литературнымъ. Содержаніе этой части книги состоитъ изъ описанія нѣкоторыхъ южно-и западно-русскихъ рукописей изъ собранія Е. В. Барсова, дающихъ нѣкоторый матеріалъ для исторіи языка, и двухъ документовъ, по поводу которыхъ нельзя не сказать нѣсколько словъ. Первый памятникъ—«Лексисъ съ толкованіемъ словенскихъ мовъ просто». Это приписка на Острожской библии 1581 года, сдѣланная неизвѣстнымъ ея владѣльцемъ-читателемъ. Нынешній владѣлецъ этой замѣчательной книги, о. архим. Амфилохій, въ краткомъ предисловіи во 1) относитъ приписку къ XVII в., во 2) самого автора ея помѣщаетъ, по мѣсту жительства, «между поляками и жидами», въ западныхъ губерніяхъ. Къ сожалѣнію, почтенный ученый не приводитъ основаній, по которымъ онъ относитъ составленіе «Лексиса» въ XVII вѣку. Если-бы это было дѣйствительно такъ, то можно-бы было изъ «Лексиса» воспользоваться нѣкоторыми данными для исторіи языка, но вѣдь при такомъ заимствованіи чьего-бы то ни было увѣренія недостаточно, а внутреннихъ указаній на время составленія, при отсутствіи вѣдѣности подлинника, печатная копія «Лексиса» въ себѣ не заключаетъ. Нѣсколько наивнымъ представляется и замѣчаніе составителя предисловія о жительствѣ автора «Лексиса» между поляками на томъ основаніи, что къ одному мѣстѣ, «противъ словъ: *предъ судомъ Христовымъ*, на полѣ написано: *предъ судомъ панскимъ*», а между жидами потому, что «мѣсяцы въ мѣсяцесловѣ названы по жидовски русскими буквами». Мы не называемъ «Лексиса», обыкновеннаго словарчика, «украинскимъ азбуковникомъ», какъ это дѣлаетъ о. архимандритъ, потому что *азбуковники* были пѣчто другое, — скорѣе слабыя попытки энциклопедическо-филологическихъ словарей. Едва-ли не самый цѣнный документъ во всей книгѣ,—это «Слово на Сошествіе Св. Духа св. Димитрія Ростовскаго, произнесенное въ кievскомъ Кирилловскомъ монастырѣ въ 1693 году, «на украинскомъ наречіи». Нельзя не пожалѣть, что изъ сборника г. Титова, откуда взято «Слово», не напечатаны остальные маторусскія проповѣди св. Димитрія, которыхъ тамъ числомъ 5. «Слово на Сошествіе св. Духа» вообщенно г. Барсовымъ въ книгѣ «Чтеній», «какъ образецъ литературнаго южно-русскаго языка XVIII вѣка», и то съ замѣчаніемъ, что при сравненіи великорусскихъ проповѣдей св. Димитрія съ его-же маторусскими, первыя выгодно отличаются отъ послѣднихъ «простотою, ясностью

духъ, все караулъ отъ караула кричать и окликають: кто идетъ? Зѣло опасно блюнуть сей градъ; да палобе блюсти: прямой замокъ московскому государству». (Сборн. мат., отд. 2, стр. 119).

мыслей и художествомъ выражений». Не говоря уже о томъ, что почтенный ученый забылъ на этотъ разъ, что ясное и простое въ одной сферѣ можетъ оказаться запутаннымъ и сбивчивымъ въ другой и что слѣдовательно рѣчи Дмитрія Ростовскаго на разныхъ нарѣчійхъ—вещи несоизмѣримыя (ибо нельзя-же называть запутаннымъ то, къ чему не пришло современное ухо), не говоря далѣе про то, что св. Дмитрій впоследствии усвоилъ не великорусское нарѣчіе, а тотъ «высокій штыль», про который трактуеть впоследствии Ломоносовъ въ известномъ разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ, — не говоря про все это, достаточно мелкою пробѣжать напечатанную рѣчь, чтобы видѣть, что она и картинностью отличается, и даетъ цѣнныя религіозно-бытовія указанія, стало быть имѣетъ историческое значеніе. Такъ какъ наша записка и безъ того приняла размѣръ большой, чѣмъ слѣдуетъ, то мы ограничимся только двумя примѣрами для доказательства того и другаго. Объясняя напр., въ чемъ должно состоять снновное почтеніе людей къ Богу Отцу, проповѣдникъ говоритъ: «а у людей той (изъ) снновъ пана отца своего чтить, который не смѣетъ при немъ усѣсти, але стоитъ предъ нимъ учтиве, пашочку зивнни, по словеску мовичи—благоговѣнно; таковымъ киталтомъ чтить Бога Отца старши его снпове, святии ангелы»... Или при толкованіи словъ *акція* и *контемпляція* объясняется, что *праца (акція)* состоитъ «въ колепопреклоненіи, въ руку воздѣваніи, въ крестообразномъ на землю упанью» (Крзуземъ Іезеб). Въ виду сказаннаго, весьма было-бы желательнo видѣть въ печати и остальные малорусскія проповѣди св. Дмитрія.

Остальные отдѣлы можно пройти молчаніемъ, потому что въ нихъ или помѣщаются отрывки большихъ сочиненій, какъ въ III и IV, не дающіе понятія о цѣломъ, или менѣе цѣнныя историческіе документы, какъ въ отдѣлѣ смѣси. Въ заключеніе пожелаемъ московскому изданію большей аккуратности въ перепискѣ старыхъ бумагъ и корректрованіи ихъ въ печати, такъ какъ въ настоящемъ томѣ встрѣчается огромное число недосмотровъ переписчика и опечатокъ, совершенно портящихъ научное значеніе печатаемыхъ матеріаловъ.

В. Н.

Dr. H. Michow. Die ältesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geografie (Mit drei Karten und einer Skizze). Hamburg. 1884—91. (Древнѣйшія карты Россіи, докладъ до исторической географіи въ трехъ картахъ и въ одномъ очеркѣ, Гамбургъ. 1885—91).

Восточная европейская равнина, населенная русскимъ народомъ, долго была въ полномъ смыслѣ terra incognita для Запада. Причиной этому были неблагоприятныя условія, въ которыхъ находились русскія княжества въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Кровавыя междоусобія и послѣдовавшее за ними монгольское иго не давали возможности подумать о чемъ иномъ, кромѣ самообороны отъ нашествій — своихъ и бусурманъ. О стремленіи къ лучшему во внутренней жизни, объ участіи въ международныхъ европейскихъ сношеніяхъ, о приданіи своей странѣ политическаго значенія — для чего потребовалось-бы общеніе съ Западомъ — между современниками этихъ мрачныхъ эпохъ въ исторіи русскаго народа не могло быть и рѣчи. Западно-европейскіе-же народы, не нуждавшіеся въ обитателяхъ сѣверо-востока Европы, мало или интересовались, тѣмъ болѣе, что на Западѣ составилось самое фантастическое представленіе о нихъ, какъ о какихъ-то дикаряхъ, попасть къ которымъ значило обречь себя на гибель; а такъ какъ русскіе не показывались на Западѣ и своимъ появленіемъ не разсѣявали ходившихъ тамъ ложныхъ слуховъ, то западно-европейцы боялись даже помыслить о поѣздкѣ на «дальній сѣверъ». Только случайно изъ любопытства заходили туда смѣльчаки, какъ напримеръ рыцарь Николай Поппель, явившійся въ Москвѣ въ 1486 г. съ письмомъ императора Фридриха III, безъ опредѣленнаго порученія; по его собственнымъ словамъ, онъ сдѣлалъ этотъ рискъ изъ любопытства: «я видѣлъ столько странъ и городовъ, что мнѣ хотѣлось ознакомиться и съ русской страной»¹⁾.

Географическія познанія о сѣверо-восточной европейской равнинѣ, которыми, кстати сказать, и теперь не могутъ похвалиться западно-европейскіе народы, въ особенности французы, были микроскопическія.

Начиная съ послѣдняго десятилѣтія XV в., освободившіеся отъ монгольскаго ига русскіе завязываютъ довольно оживленныя дипломатическія сношенія съ Западомъ. Естественно, что вмѣстѣ съ этимъ постепенно разрастается кругъ свѣдѣній о нихъ на Западѣ.

Первое болѣе основательное историко-географическое ознакомленіе Запада съ территоріей, заселенной русскимъ народомъ, относятся ко вре-

¹⁾ H. Michow, I. с. 7.

мени появленія труда звѣснаго рыцаря Сигизмунда фонъ-Герберштейна, царскаго посланника въ Москвѣ въ 1516 г., издавшаго въ 1549 г. въ Вѣнѣ in f-o свое сочиненіе: «Regum Moscovitarum commentarii» съ географической картой. Эта карта была первой картой русской земли, каковую только знаетъ наука землѣвѣднія ¹⁾.

Извѣстный французскій географъ, Vivien de Saint-Martin, говоритъ, что описаніе русской земли Сигизмунда Герберштейна есть первое, какое только имѣлъ Западъ, а приложенная карта— первый опытъ графическаго изображенія сѣверо-восточной европейской равнины ²⁾.

Свѣдѣнія сообщаемыя Герберштейномъ подвергнуты основательному разбору въ трудѣ пестербургскаго профессора Замысловскаго, помѣщавшемся сначала въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», а потомъ вышедшемъ отдѣльной книгой ³⁾.

Но Герберштейнъ скромно признается, что онъ имѣлъ предшественниковъ въ описаніи русской земли и именовать ихъ во введеніи къ своему труду.

Авторъ заинтересовавшей насъ книги, dr H. Michow, задался мыслію отыскать труды этихъ предшественниковъ Герберштейна въ области русской географіи и провѣрить сообщаемыя имъ свѣдѣнія, которую и исполнилъ съ успѣхомъ. Онъ останавливается на Себастьянѣ Мюнстерѣ, Антонѣ Видѣ и Павлѣ Ювінѣ.

По части географіи южной Россіи мы находимъ у нихъ очень мало свѣдѣній. Вотъ все, что можно ихъ нихъ почерпнуть: на картѣ (1544 г.) Себастьяна Мюнстера помѣщенъ на р. Днѣпрѣ (Néper) только одинъ Кіевъ (Kioff); изъ притоковъ Днѣпра упомянута только Десна (Desna), на сѣверъ отъ Десны указанъ Почепъ ⁴⁾ (Potzar). У Антонія Вида (карта выдана въ 1555 г., но составленіе ея нужно отнести къ гораздо болѣе раннему времени) указаны въ области р. Днѣпра (Nerper): Кіевъ (Kioff), Почепъ (Potzar), Стародубъ (Staridob), Черниговъ (Szermilho), Новгородъ-Сѣверскъ (Nowigrad Siderszki). Антоній Вида снабдилъ топографическимъ матеріаломъ бывшій окольничій Иванъ Лятцкій, бѣжавшій изъ Москвы вмѣстѣ съ княземъ Симеономъ Вѣльскимъ къ королю польскому Сигизмунду

¹⁾ O. Peschel. Geschichte der Erdkunde. Ed. 2 von S. Kuge. München. 1848, стр. 318.

²⁾ Vivien de Saint-Martin. Histoire de la géographie et des découvertes géographiques. Paris. 1873, стр. 379.

³⁾ Е. Замысловскій, Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи XIV-го вѣка. Спб. 1884 г. in 8°.

⁴⁾ М. Почепъ—имѣетъ яглицкаго уѣзда, черниговской губерніи.

послѣ смерти (1533 г.) великаго князя Василия Иоанновича, во время правленія великой княгини Елены, матери Иоанна IV ¹⁾). Сигизмундъ думалъ воспользоваться малолѣтствомъ Иоанна IV, чтобы возвратить прежде отплатя Москвой у Польши области. Военныя дѣйствія, въ которыхъ участвовалъ и Лятцкій, происходили въ области Десны, Дибѣра и верхняго теченія западной Двины, оттого Лятцкій и могъ сообщить Антону Виду топографическій матеріалъ. На картѣ (1525 г.) Павла Ювіа, или, какъ предполагаетъ d-r Michow, собственно Ваптивста Аноесе, на сѣверъ отъ Дуная помѣщена подольская земля (Podolia); у устья Дибѣра указаны два города—находящійся на правомъ берегу названъ Ганале (?); въ притоковъ Дибѣра указаны: Psola (Псѣль), Argela (Орель).

Герберштейнъ тоже упоминаетъ: Potzar, Staridob и Czernigow.

Описанія и карты русской земли, упомянутыя нами, были переведены на многіе европейскіе языки и не разъ издавались, такъ какъ представляли едва-ли не все то, откуда можно было почерпнуть географическія свѣдѣнія о русской землѣ.

N. S.

На. Франко.—Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго життя Карпатской Руси въ XIII вѣкѣ. Львовъ. 1884 г.

Въ дѣлѣ развитія историческаго самосознанія исторической беллетристики суждена не маловажная роль. Будучи доступною той массѣ, которая не привыкла къ дѣловитости и строгости ученыхъ трудовъ и еще менѣе къ наивному и энигматическому языку первоисточниковъ, она даетъ не свѣдѣ «сухихъ» фактовъ, не послѣдованіе вырванныхъ у пропалаго свѣдѣній о событіяхъ и лицахъ, а приподнимаетъ завѣсу, за которой видѣется вся совокупность жизни даннаго времени, вводитъ въ другъ живыхъ людей той или другой эпохи. Безъ сомнѣнія очень часто «исторической» она бываетъ только по имени. Ея герои напоминаютъ столько-же своихъ былыхъ прототиповъ, какъ маскарадный рыцарь напоминаетъ настоящаго. Но въ рукахъ писателя талантливаго и добросовѣтнаго, изучившаго прошлое научнымъ путемъ и постигнувшаго его поэтическимъ проищновеніемъ, историческая повѣсть можетъ стать великой силой. Ипгдѣ, однако, роль ея не можетъ быть столь значительной, какъ въ литературахъ молодыхъ, какъ въ обществахъ

¹⁾ Каравазинъ. Ист. воеуд. рес., т. VIII, гл. 1, стр. 9. Изданіе Эйерлянга. Сиб. 1842 года.

Странъ, переживающихъ эпоху культурнаго и политическаго возрожденія. Въ литературѣ родной намъ, возрождающейся Галиціи историческая поэзія еще не имѣла виднаго представителя.) Доселѣ галицкіе авторы разрабатывали преимущественно историческую драму. Но, при всей силѣ патіи въ дѣятельности и дѣламъ этихъ авторовъ, трудно было побороть въ себѣ возбуждаемое чтеніемъ ихъ произведеній чувство тоски. Дѣло въ томъ, что драма, вся основанная на рисовкѣ отдѣльныхъ лицъ и характеровъ и на взаимныхъ ихъ коллизіяхъ, едва-ли возможна изъ эпохъ отдаленныхъ, если она не задается изображеніемъ общечеловѣческихъ чертъ и страстей. А галицкіе авторы племени излюбили сѣдую древность. Какъ очертанія отдѣльныхъ предметовъ на извѣстномъ разстояніи, такъ и облики отдѣльныхъ лицъ во времени сливаются и скрадываются, и глазъ можетъ угадывать только общіе признаки, массовые контуры. Въ этомъ отношеніи форма романа гораздо благодарнѣе. Рисуетъ эпоху, извѣстный строй жизни, такой или иной фазисъ и типъ народнаго развитія, романістъ изображеніемъ общихъ чертъ времени сообщаетъ колоритъ эпохи своимъ героямъ, представленнымъ въ приблизительно намѣченныхъ и скорѣе угаданныхъ, чѣмъ изученныхъ образахъ. Широкія рамки романа, не принуждая писателя держаться одной только психологической области, допускаютъ всѣ виды воспроизведенія жизни и позволяютъ автору обставить свой вымыселъ какъ солиднымъ оружіемъ, взятымъ изъ кладовыхъ науки, такъ и болѣе легкимъ, добытымъ изъ творческаго воображенія.

Названная выше книга молодого писателя г. Франка является въ галицкой литературѣ прекраснымъ опытомъ. Не смотря на отдаленность времени дѣйствія, повѣсть полна живого интереса.) Авторъ взялъ одну изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи Червоной Русіи — время Даміана Романовича. Изображеніе сельскаго общиннаго быта, съ его правдою и младенчески патриархальными порядками, распространеніе губительнаго болѣзкаго вліянія и ужасное народное бѣдствіе — нашествіе монголовъ — таковы главные мотивы повѣствованія. Общинные порядки и типы того далекаго вѣка занимаютъ центръ картины и изображены съ большою любовью. «Злая доля, говоритъ авторъ, издѣвалась вѣка надъ нашимъ народомъ. Тяжелые удары подкосили его благосостояніе, нужда сломила его могучую, свободную постать. И теперь только смутныя воспоминанія наполняютъ правнучкамъ о далекомъ, счастливомъ житіи предковъ. Но мысль поэта летитъ въ тѣ давніе часы и воскрешаетъ давнихъ людей. И у кого чистое сердце и истинно-человѣческое чувство, тотъ въ нихъ увидитъ своихъ братьевъ, живыхъ людей, а въ ихъ жизни, хоть и столь

не похожей на папу, увидеть кое что такое, чего можно-бы пожелать и нашему «культурному» вѣку».

Дѣйствіе начинается весною 1241 года. Бояринъ Тугаръ Вовкъ, вновь прибывшій въ горную тухольскую околицу, охотится на медвѣдей съ обывателями Тухли. Обокъ съ нимъ, не уступая никому изъ охотниковъ ни въ ловкости, ни въ отвагѣ, идетъ его дочь—Мирослава. Въ главѣ тухольскихъ охотниковъ шествуетъ молодой горецъ Максимъ, неустрашимый и достойный сынъ главы тухольской общины, 90-лѣтняго мудреца Захара Беркута. На этой охотѣ молодые люди видятся въ первый разъ и тутъ-же, среди опасностей и на краю смерти, зарождается ихъ любовь. Максимъ спасаетъ жизнь Мирославѣ, неосторожно оставшей отъ охотниковъ и вступившей въ единоборство съ медвѣдицей. Такова экспозиція романа.

Своеобразие изображаемаго міра и свѣжесть письма пріятно дѣйствуютъ съ первыхъ двухъ его главъ. Въ третьей главѣ это впечатлѣніе усиливается. На сценѣ общинная рада и изображение порядковъ общиннаго быта. Руководитъ радю умудренный жизнью, но чистый душою, какъ голубь, беззаветно преданный общему благу, старый Беркутъ. Бояринъ является на раду и заявляетъ свои притязанія на господство въ общинѣ и свои требованія подчиненія. Рада встрѣчаетъ эти заявленія крайне враждебно, а когда, какъ аргументъ въ свою пользу, Тугаръ Вовкъ приводитъ то, что онъ проливалъ кровь за народъ, изъ толпы выступаетъ безрукій человекъ, при видѣ котораго бояринъ мѣняется въ лицѣ. Этотъ человекъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Вовкъ измѣнилъ своимъ и предалъ ихъ въ битвѣ при Калкѣ. Зато князь Даниль, ненавидѣвшій его, но боявшійся, какъ всѣхъ подкапывавшихся подъ него бояръ, услалъ его въ дальнюю Тухлю. Бояринъ убиваетъ безрукаго человека, прежде чѣмъ тотъ успѣваетъ открыть все громадѣ. Послѣ этого онъ бѣжитъ изъ Тухли, увлекая за собой и дочь и прѣстаетъ къ монголамъ, о приближеніи которыхъ уже носились тревожные слухи. Съ небольшимъ отрядомъ монголовъ онъ нападаетъ на село въ то время, когда тухлинская молодежь, съ Максимомъ во главѣ, уничтожала его жилище и разбирала его домъ. Одного Максима щадилъ стрѣлы, вслѣдствіе слова, даннаго бояриномъ дочери. Онъ становится пленникомъ монголовъ. Возбѣшенный бояринъ, потерявшій почти весь свой отрядъ, возвращается къ монгольскому табору и уговариваетъ полководца Бурундая идти на Тухлю, обещая указать ему тамъ проходъ черезъ горы. Приводимъ картину одного изъ эпизодовъ нашествія варваровъ, чтобы познакомить съ манерой автора.

„Монголы! Монголы!“ — и вслѣдъ за тѣмъ приближали сторожевые люди, крича, что монголы въ безчисленномъ количествѣ показались въ долинѣ надъ Опоромъ. Теперь приходилось рѣшать немедленно, что дѣлать и какъ защищаться? Захаръ Беркутъ еще разъ сталъ на томъ, чтобы вывести монголовъ въ тухольскую котловину и тутъ, окруживъ ихъ со-всѣхъ сторонъ, варьзать или выморить всѣхъ до одного.

Теперь не раздавалось уже возраженій противъ этого совѣта и быстро громада рѣшилась дѣйствовать. Всѣ устремились къ своимъ хатамъ, чтобы прятать имущество въ дѣсахъ. Вопны изъ соседнихъ селъ раздавались сейчасъ на противоположную сторону долины, чтобы сдѣлать въ выходѣ изъ нея засѣбу и не дать монголамъ туда пройти. Страшный переполохъ сдѣлался въ селѣ. Крики, рассказы, распроесъ, ревъ воловъ и скрипъ деревянныхъ двухколесныхъ телегъ раздавались со всѣхъ концовъ, наполняя воздухъ какими-то стономъ, отдававшимся эхомъ въ горахъ. Съ тоской прощались тухольцы съ своими хатами, подворьями и огородами, съ засѣанными нивами, которыя сегодня же должны были истребить и вытоптать страшный нашествіе монголовъ. Матери несли на рукахъ и вѣли своихъ плачущихъ дѣтей, отцы гнали скотъ, везли на телегахъ домашніе позитны, мѣшки съ хлѣбомъ, одежду; облака пыли стояли надъ селомъ. Только горный потокъ шумѣлъ, какъ и всегда, серебряной волною.

Уже совсѣмъ опустѣло село. Хаты пропонузи въ вечернемъ туманѣ. Пыль улеглась на дорогѣ. Замолкли голоса и крики, какъ будто въ этой долинѣ никогда и не было жизни. Седлце садилось на тухольскія горы, утоная въ легкихъ, красноватыхъ облакахъ. Темные сосновые дѣса, окружавшіе Тухлю, шептали тихо, таинственно, какъ будто бесѣдовали о какой-то зловѣщей новости. Только земля, неизвѣстно почему, глухо стонала какъ-бы отъ отдаленнаго топоту. Въ воздухѣ, хоть чистомъ и ясномъ, переливались какіе-то необычайные, смѣшанные звуки, отъ которыхъ дрожь пропирала сжато смѣлаго. А далеко-далеко въ дѣсахъ, въ глубокихъ, темныхъ дѣрахъ, въ недоступныхъ ящадхъ выли волки, отрывисто лаяли лисицы, басили олени, рычали туры. А въ селѣ такъ тихо, такъ мертво! А на небѣ такъ ясно и спокойно! Но цѣтъ! Вотъ свѣтъ потемнѣлъ отъ какой-то черной тучи. Эта живая туча сплошную массу движется съ запада, огибая воздухъ дикими каргавьемъ и спускался надъ Тухлей. Это вѣстники и не отступивше спутники орды — хищные вороны тпнутъ безчисленными стадами, чуя ножину. Зловѣщее пернатое ополченіе билось въ воздухѣ, разрывалось огромными черными платками и металось, какъ мечутся тучи вередъ бурей. Мирная кровля тухольскихъ хатъ въ одинъ мигъ покрывалась черными гостями и ихъ немолчный влетѣть раздавался, какъ кнѣжные воды въ какомъ-то гигантскомъ котлѣ. Вѣсь словъ, неподвижно стояли тухольцы надъ обрывистыми берегами своей котловины, смотрѣли на отвратительныхъ птицъ и проявляли въ душѣ тѣхъ вѣщущую смерть и разореній.

Но вотъ видъ пѣзѣнился. Какъ вода, прорывая плотину, такъ начали всгаливаться въ котловину массы темновидныхъ воиновъ, съ страшнымъ крикомъ. Ряды тѣснились са рядами, безъ конца и края. Какъ вода впаду водопада, такъ остановились они. вѣдши къ тѣснинѣ и стали устанавливаться въ динные ряды, двигаясь свободно и шальная пустую равнину. Впереди всѣхъ, дорогѣю, ѣхалъ на бѣломъ конѣ огромный великанъ — Бурундай-бегадиръ, а рядомъ съ нимъ меньшій всадникъ, Тугаръ Волкъ.

Опустѣлая Тухля разсвирѣбѣлыми хищниками была предана пламени и сравнена съ землей. Закованный въ цѣпи Максимъ спдѣлъ на сельской улицѣ во время пожара. Предъ нимъ горѣла его родная хата. Между тѣмъ Мирослава, еще до вторичнаго нападенія монголовъ на Тухлю, будучи не въ состояніи больше оставаться въ монгольскомъ лагерѣ съ измѣнникомъ-отцомъ и пользуется правомъ свободнаго прохода черезъ кордонъ, бѣжала къ тухольцамъ. Здѣсь она принесла Захару Беркуту вѣсть о томъ, что сынъ его живъ. Старикъ, относившійся къ ней сперва недовѣрчиво, побѣжденъ былъ ея самоотверженіемъ, храбростью и умомъ. Когда завязалась битва съ монголами, Мирослава совѣтами, указаніями и личной дѣятельностью принесла великую пользу тухольцамъ. По ея наставленіямъ, ночью, устроены были изъ наскоро срубленныхъ деревьевъ метательныя орудія, оснащенные камнями стоявшихъ въ долинѣ варваровъ. Но безпримѣрный усѣхъ выпалъ на долю тухольцевъ, благодаря мудрости Захара. По его совѣту завалены были каменными глыбами выходы изъ котловины, и вода горнаго потока, не имѣя болѣе выхода, стала заливать долину, затопила стоявшее на ней монгольское войско. Затопое водой и оснаемое сверху камнями, погибло полчище Бурундая. На глыбѣ камней, по полю въ водѣ, стоялъ еще самъ предводитель, съ сотней воиновъ, между которыми были Тугарь Повкъ и плѣнный Максимъ. Его шадли до сихъ поръ, надѣясь цѣною его выдачи купить у тухольцевъ право спасенія хотя остатками войска. Но Захаръ Беркутъ отвергъ такую сдѣлку, рѣшившись лучше пожертвовать сыномъ, чѣмъ оставить горсть готовыхъ къ мести враговъ. Уже мечъ Бурундая занесся надъ головой плѣнника, но Тугарь Повкъ отрубилъ руку монгола. И Бурундай и Максимъ исчезли подъ водой. Прибывшіе на шировизированномъ плоту тухольцы спасли вынырнувшего изъ воды монгольскаго плѣнника. Максимъ съ торжествомъ отведенъ былъ къ своимъ, къ потреспанному и умирающему отцу, гдѣ,—нужно-ли прибавить?—непросить его благословенія на бракъ съ Мирославой. Старикъ не перенесъ гибели роднаго села, волненій и бѣдствій этой ужасной ночи. Онъ умеръ въ тотъ-же день на рукахъ дѣтей, обращаясь къ одпосельцамъ съ словами возвышеннаго паучества. Вотъ эти слова, заключающія въ себѣ «мораль» разсказа:

„Братья! сегодняшняя наша побѣда имѣетъ для насъ великое значеніе. Чѣмъ для побѣдцы? Только-ли нашимъ оружіемъ? Нѣтъ. Одною-ли нашей хитростью? Тоже нѣтъ. Мы побѣдили нашимъ общественнымъ согласіемъ, единодушіемъ и дружностью дѣйствій. Не забывайте этого никогда! Пока будемъ жить въ общемъ согласіи, дружески держаться вмѣстѣ, несокрушимо стоять все за одного и одинъ за всѣхъ, до тѣхъ поръ никакая вражеская сила не побѣдитъ насъ. Но я знаю, братья, и чуетъ это душа моя,

это то не былъ послѣдній ударъ на нашу общинную твердыню, что за нимъ послѣдуютъ другіе и разобьютъ въ концѣ концовъ пану общину. Для нашего народа настанутъ тяжелыя времена. Отстанится братъ отъ брата, отмежуется сынъ отъ отца и пачнутся великія междоусобія и раздоры въ русской землѣ и сокрушатъ они силу народную и попадетъ тогда народъ въ неволю чужимъ и своимъ собственнымъ грабителямъ, которые сдѣлаютъ изъ него покорнаго раба своихъ прихотей и рабочую скотину. Но среди тѣхъ невзгодъ вспомнить наредъ свой давній общинный бытъ, и благо ему будетъ, если во время и быстро вспомнить онъ о немъ: это избавитъ его отъ цѣлаго моря слезъ и крови, отъ цѣлыхъ столѣтій неволи. Но равно или поздно онъ вспомнить непременно жизнь своихъ предковъ и захочетъ пойти ихъ путемъ. Счастливъ тотъ, кому суждено будетъ жить въ тѣ дни! Это будутъ дни прекрасной весны, дня народнаго возрожденія!"

«Съ того времени, кончается свою повѣсть г. Франко, многое произошло. Но въ точности сбылись предсказанія стараго общинника. Великія напасти грозовыми тучами пронеслись надъ русскою землей. Давній общинный бытъ давно предалъ забвенію и казалось-бы похороненъ. Такъ итъ-же! Не нашимъ-ли димъ суждено видѣть, какъ онъ оживаетъ вновь? Не живемъ-ли мы въ ту счастливую пору возрожденія, о которой говорилъ умирающій Захаръ? О, пусть наше время будетъ хоть предразсвѣтными часами той счастливой поры!»

Мы по возможности подробно и близко изложили произведеніе молодого галицкаго писателя, такъ какъ, во первыхъ, съ талантомъ его у насъ совсѣмъ еще не знакомы, а во вторыхъ въ такомъ детальномъ изложеніи могутъ стать болѣе замѣтными какъ сильныя, такъ и слабыя стороны романа. Слабою частью надо признать нѣкоторую искусственность въ развитіи фабулы. Событія являются немного по щучьему велѣнію, какъ *deus ex machina*, и благополучный случай ждетъ непременно героевъ въ самую критическую минуту. Подчасъ просвѣчивается и даетъ себя чувствовать «мораль», тамъ гдѣ достаточно было-бы голоса однихъ художественныхъ образовъ. Но эти недостатки выкупаются симпатичностью всего замысла, оригинальностью и неподдѣльной поэзіей нѣкоторыхъ мѣстъ разсказа. Какъ на самыя сильныя страницы, можно указать на приведенный уже эпизодъ вторженія монголовъ и послѣдующій за нимъ пожаръ Тухли и на сцену языческаго моленія Захара, на разсвѣтъ, передъ рѣшительной битвой. Эта сторона борьбы стародавнихъ языческихъ понятій съ повыми, христіанскими, изображена вообще еще очень своеобразно. Захаръ, человѣкъ стараго вѣка, остается еще поклонникомъ силы природы и плетъ свою молитву къ солнцу, Дажьбогу, — источнику жизни. Образъ стараго общинника наиболѣе удался автору и отъ него вѣетъ эпическимъ величіемъ.

Рисуи общинный строй и общую картину времени, г. Франко не стремится къ фактической точности и беретъ своими героями лицъ вымышленныхъ. Проводниками писателя въ тѣ давніе вѣка могли быть только народныя преданія и безхитростныя слова галицко-волынскаго лѣтописца. Страницы викаревской лѣтописи, полныя горячаго патріотизма и чувства, нашли въ душѣ романиста живой отголосокъ. Онь несправдливо отзрательныхъ прошлыхъ хищниковъ не меньше своего древняго предшественника. «О злѣ зла честь татарская!» готовъ онъ воскликнуть вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ-же съ нимъ покерать горячилья слово въ кралоу, бывшій «въ безбожныхъ боярѣхъ Галицкихъ». Мотивъ борьбы боярства съ народомъ—не выдуманный, это историческій фактъ, гибельно отразившійся на судьбѣ юго-западной Руси на самой зарѣ ея историческаго существованія. Тамъ раиѣ в. его сталъ образовываться туземный, мѣстный классъ угнетателей народа. «Здѣсь, говоритъ Н. И. Костомаровъ, прорывалось уже начало того панства, которое подъ польскимъ владычествомъ охватило страну и, противопоставивъ себя массѣ народа, вызвало напонецъ ея борьбу въ лицѣ козачества». Начавшійся при Ярославѣ Осмомыслѣ и при Романѣ Мстиславовичѣ, боярская «кромела» усилилась особенно при Данилѣ и на борьбу съ собой отвлекла силы этого князя, который при другихъ условіяхъ сдѣлалъ-бы, можетъ быть, болѣе для будущности своей страны и народа, такъ какъ былъ человекомъ рѣшительно выдающимся по уму и достоинствамъ, «бѣ бо, какъ говоритъ лѣтописецъ, дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немъ порока». Имя главнаго монгольскаго предводителя, названнаго въ рассказѣ г. Франко Бурундаемъ, принадлежитъ дѣйствительно историческому лицу, предводителю позднѣйшаго монгольскаго нашествія. Авторъ или взялъ Бурундаю изъ народной легенды, всегда склонной къ вольному обращенію съ хронологіей, или назвалъ тѣмъ-же именемъ начальника какого-нибудь частнаго монгольскаго отряда. Лѣтописный Бурундаю остался непобѣжденнымъ и верховодилъ въ галицко-волынской землѣ, заставляя самихъ князей разрушать города. Такъ, по его приказанію, княземъ Василькомъ былъ разрушенъ городъ Володимерь. Онь былъ начальникомъ нашествия 1229 года.

Целью въ заключеніе не обратить вниманія на хорошій языкъ повѣсти г. Франко, какимъ вообще не особенно избаловали насъ галицкіе писатели. Онь очень близокъ къ малорусской литературной рѣчи, если

не считать небольшого количества мѣстныхъ словъ и нѣкоторыхъ особенностей. Къ этимъ вполнѣ законнымъ особенностямъ привыкаешь, впрочемъ, скоро и не потому только, что ко всему привыкнуть можно, но потому, что въ этомъ говорѣ, столь близкомъ къ украинскому, встрѣчаешь ту-же звуковую прелесть простонародной, «на лонѣ природы» выросшей рѣчи.

Г.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

РУССКАЯ СВЯТЫНЯ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ.

Въ столицѣ папства, въ Римѣ, въ церкви св. Петра хранится таинственный образъ Спасителя. Никому онъ не доступенъ, никто его не видитъ и только три дня въ году,—въ среду, четвергъ и пятницу страстной недѣли, образъ этотъ выставляютъ для поклоненія молящимся, но... съ высоты подкупольнаго балкона. «Вблизи, говоритъ одинъ изъ нашихъ путешественниковъ по Риму, никто, кромѣ членовъ соборнаго причта, не можетъ видѣть этого образа. Даже вѣщепосцы западные не иначе были допускаемы до цѣлованія этой иконы, какъ по предварительномъ возведеніи ихъ въ санъ капюпиковъ св. Петра. Видѣвшіе-же этотъ образъ въ тѣ дни, въ которые его показываютъ, единогласно утверждаютъ, что сколько они ни напрягали свое зрѣніе, не могли, даже при помощи увеличительныхъ стеколъ, разглядѣть что либо, кромѣ какого-то чернаго пятна. А члены соборнаго причта, когда обращаются къ нимъ за разъясненіями относительно лика Спасителя на этомъ образѣ, обыкновенно отвѣчаютъ, что они не разсматривали его вблизи»¹⁾.

Что же это за таинственный образъ?

Въ эстампныхъ магазинахъ Рима продаются, по весьма не дорогой цѣнѣ, литографированныя, различной величины, снимки съ него, а къ каждому снимку дается печатное на латинскомъ языкѣ,

¹⁾ Путеводитель по Риму, Вл. Мордвинова, 1875 г., стр. 36 — 37

за подписью одного изъ членовъ соборнаго прѣвѣта, удостовѣреніе въ томъ, что снимокъ дѣйствительно сходенъ съ подлинникомъ, который называется изображеніемъ Спасителя, даннымъ отъ него св. Вероникѣ. Но это названіе въ свою очередь требуетъ объясненія. Надо сказать, что въ христіанской церкви съ первыхъ вѣковъ существовало преданіе о такъ называемомъ у насъ *нерукотворенномъ* образѣ Іисуса Христа, т. е. не писанномъ кистью художника, а чудесно отпечатѣвшимся на холстѣ, которое Спаситель приложилъ къ своему лицу. По римскому преданію это изображеніе явилось такимъ образомъ. Когда Іисуса Христа вели на Голгофу для распятія и Онъ, изнемогая подъ тяжестью креста, обливался потомъ, шедшая въ толпѣ одна сострадательная дѣвица, по имени Вероника, подала Ему свой платокъ, чтобы Онъ могъ отереть потъ, крупными каплями катившейся съ Его божественнаго лица. Спаситель отеръ потъ и возвратилъ платокъ, но на платкѣ Вероника увидѣла изображеніе лица божественнаго Страдальца. Иначе получалось это изображеніе по преданію восточной церкви. Современный Іисусу Христу едесскій царь Авгарь, слышавшій много о Его чудесахъ, пожелалъ снискать съ Него портретъ и для того прислалъ къ Нему живописца. Живописецъ явился съ кистями, красками и холстомъ и объяснилъ, отъ кого и за чѣмъ прислалъ, просилъ позволенія приступить къ работѣ. Спаситель взялъ холстъ, приложилъ къ своему лицу и отдалъ назадъ живописцу для передачи царю Авгарю. На холстѣ оказалось точное изображеніе Его лица. Какъ извѣстно, православная церковь ежегодно, 16 августа, празднуетъ память объ этомъ чудесномъ событіи и самомъ образѣ.

Напоминаетъ-ли собою то или другое преданіе окруженный таинственностью образъ Спасителя въ римскомъ соборѣ св. Петра?

Этого образа никто, какъ сказано выше, не видѣлъ и видѣть не можетъ; но есть копія съ него, притомъ очень древняя. Объ этой-то копіи мы нашли любопытныя свѣдѣнія въ одномъ старинномъ французскомъ изданіи половины XVIII ст., заключающемъ въ себѣ описаніе городовъ, королевскихъ дворцовъ, замковъ и болѣе замѣчательныхъ памятниковъ Франціи¹⁾. По тому, что говорится здѣсь о копіи, легко разгадать и самый подлинникъ, такъ тща-

¹⁾ Nouvelle Description de la France. Paris. 1753. T. I, pag. 427—430.

тельно скрываемии служителями Ватикана. Передадимъ вкратцѣ сообщеніе автора указальнаго описанія.

Въ женскомъ монастырѣ, называемомъ Montreuil-les-Dames, близъ г. Лаона ¹⁾, у подошвы горы, на которой расположенъ этотъ городъ, славится убрусъ или платъ св. Вероники съ ликомъ Спасителя, привлекающій множество богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ. По мѣстному преданію подлинникъ этого изображенія на убрусѣ или на платѣ изъ Иерусалима принесенъ въ Римъ, гдѣ находится и нынѣ въ храмъ св. Петра, а копія съ него, хранящаяся въ монастырѣ Montreuil-les-Dames, дала сюда въ 1246 году папою Урбаномъ IV, въ бытность его еще архидіакопомъ Лаонскимъ и капелланомъ папы Иннокентія IV. Въ верхней части этого образа начертаны буквы I. C., X. C., которыя означаютъ *Иисусъ Христосъ*, а въ нижней видѣтся надпись, надъ прочтеніемъ которой долго и тщетно трудились многіе ученые. Патеръ Мобильионтъ, сообщая объ этой надписи въ одномъ изъ своихъ сочиненій, сознался, что характеръ сей письменъ остается невѣстнымъ. Впрочемъ онъ полагалъ, что здѣсь начертано слово *Abrasax*, употреблявшееся на талисманахъ или филактерахъ. Другой славный своею ученостію писатель, изслѣдовавъ эту надпись въ 1707 году, нашелъ, что это греческій спонданческій стихъ, но спустя 10 лѣтъ послѣ этого призналъ, что это стихъ гекзаметра. Кармъ Дешоссэ (Carmé Déchausse), получившій названіе почетнаго патера св. Маріи, во 2 томѣ своихъ изслѣдованій о правилахъ критики помѣстилъ цѣлое разсужденіе объ этомъ изображеніи Спасителя и пришелъ наконецъ къ заключенію, что находящаяся на немъ надпись не греческая, а славянская. Такое свое мнѣніе этотъ ученый подкрѣплялъ отзывами москвитянъ, къ которымъ онъ обращался по сему предмету. Но авторитетъ ихъ не призналъ достаточнымъ для рѣшенія дальнаго вопроса. Сомнѣніе ученыхъ оставалось-бы надолго еще неразрѣшеннымъ, если-бы не прибылъ въ Парижъ русскій царь Петръ Великій. Почтенный патеръ de S. Marie чрезъ маршала де Мессъ обратился тогда къ сопровождавшему царя князю Курakinу съ просьбой взглянуть на мѣстно чтимый св. ликъ Спасителя и сказать, дѣй-

¹⁾ Лаонъ — Laon, въ древности *Lugdunum Clavatum* — епископскій городъ, былъ вѣкогда главнымъ городомъ Пикардій.

ствительно-ли буквы, находящіяся на немъ, могутъ быть признаны за славянскія и что они означаютъ. Князь, которому французскій языкъ былъ извѣстенъ почти столько-же, какъ и русскій, письменно удостовѣрилъ, что находящіяся на иконѣ слова значатъ: «Образъ Спасителя или Господа, отпечатлѣнный на платѣ», или что тоже «Образъ Вероники». Это объясненіе оказалось совершенно согласнымъ съ отвѣтомъ, даннымъ прежде почтенному патеру однимъ москвитявиномъ, а бывший у князей Нарышкиныхъ, во время пребыванія ихъ въ Парижѣ, духовникомъ монахъ прочелъ надпись такъ: *Образъ Господень на убрूसѣ*, что по латыни значить: *Imago Domini in lintea*. Что русскій монахъ прочелъ безошибочно, въ этомъ удостовѣряетъ представляемое здѣсь *fac simile* надписи:

ОБРАЗЪ ГСПАРНАУЗРУСЪ

Въ заключеніе своего сообщенія авторъ упомянутого выше описанія замѣчаетъ: «если подлинникъ изображенія дѣйствительно сходенъ съ его копіей, данной папою Урбаномъ IV монастырю Монпелье, то весьма сомнительнымъ должно быть то значеніе, которое усвоится хранящемуся въ церкви св. Петра въ Римѣ изображенію лика Спасителя на холстѣ, извѣстному *il Santo Sudario* (св. убрूसъ) и ни для кого недоступному, а лишь въ нѣкоторые дни выставляемому предъ народомъ съ высоты подкупольнаго балкона».

Это сказано за 130-ть съ лишнимъ лѣтъ предъ симъ и еще раньше разъяснились и всѣ недоумѣнія относительно загадочной надписи на иконѣ Спасителя въ монастырѣ Монпелье, подлинникъ которой увезенъ въ Римъ. Но не смотря на то, служители Ватикана и доселѣ окружаютъ таинственностью этотъ образъ, выдавая его за святыню 1-го христіанскаго вѣка, ежегодно десятками тысячъ распродаютъ снимки съ него и печатныя удостовѣренія въ сходствѣ его съ подлинникомъ, а самый подлинникъ прячутъ отъ всѣхъ, не давая взглянуть на него никому и лишь однажды въ годъ показывая его съ высоты, можно сказать, птичьяго полета... Не потому-ли они такъ тщательно и скрываютъ этотъ образъ, что опасаются, какъ-бы кто не примѣтилъ на немъ славянской надписи?

Что образъ этотъ славянскаго, точнѣе русскаго происхожденія, въ этомъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе. Кѣмъ однако и когда могъ быть занесенъ во Францію, а оттуда въ Римъ нашъ *нерукотворенный образъ Спасителя*? Съ вѣроятностью можно полагать, что это одна изъ святынь, принесенныхъ во Францію въ XI вѣкѣ нашей княжной Анной Ярославной, супругой французскаго короля Генриха 1-го; коня съ нея въ XIII вѣкѣ оставлена въ монастырѣ Монтрель, а подлинникъ увезенъ въ Римъ французскимъ прелатомъ, вступившимъ на епископскую кафедру въ Римѣ.

СЕРБЫ ВЪ КІЕВѢ.

(1753—1754).

Въ среднѣхъ проплаго столѣтія, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ явилась мысль устроить въ сѣверной окраинѣ теперешней Новороссіи военное поселеніе преимущественно изъ австрійскихъ сербовъ, также изъ болгаръ, волоховъ и пр. Какъ извѣстно, раньше другихъ вышелъ изъ Австро-Венгріи Хорватъ и съ 1752 года принялся за поселеніе своихъ полковъ въ сѣверной части нынѣшней херсонской губерніи; за нимъ послѣдовали другія партіи сербовъ, подъ командой Шевича и Прерадовича, которые поселены въ сѣверо-восточной части скатеринославской губерніи. Сербы—колонисты слѣдовали на Кіевъ, откуда ихъ и отправляли на мѣста, предназначенныя для поселенія. Хорватъ оставался въ Кіевѣ зиму 1751 г. и отправился въ свою Новую Сербію весною 1752 г., а Шевичъ съ Прерадовичемъ провели здѣсь 1753 годъ и только въ первыхъ числахъ августа 1754 г. тронулись въ путь. Этимъ продолжительнымъ пребываніемъ Шевича и Прерадовича въ Кіевѣ объясняется документальный слѣдъ ихъ, оставшійся въ видѣ связки дѣлъ, съ которой мы познакомились, благодаря любезности А. А. Андриѣвскаго. Большинство документовъ связки представляютъ «доношенія» и указы касательно выдачи денежныхъ суммъ и потому не имѣютъ важности; но мы отобрали нѣсколько такихъ, которые характеризуютъ нѣкоторыя стороны внутренней жизни будущихъ колонистовъ, ихъ взаимныхъ отношеній и самый способъ ихъ отправленія. Все это—мелочи, конечно, но мелочи, не лишеныя интереса.

Поселившись въ Кіевѣ временно, въ ожиданіи передвиженія, сербы предались пресловутой славянской розни. Главнымъ поводомъ для нея было взаимное переманиваніе людей изъ одной команды въ другую, отъ чего не отставалъ и Хорватъ, хотя его въ это время не было уже въ Кіевѣ.

Прерадовичъ переманилъ у Шевича троицхъ гусаръ; тотъ жаловался военной коллегіи; военная коллегія приказала, чтобы Прерадовичъ возвратилъ гусаръ по принадлежности и чтобы впередъ чужихъ людей не переманивать, потому что такіе за нимъ зачисляемы не будутъ, а старался-бы комплектовать свою команду вызовомъ изъ-за грааницы (16 ноября 1753 г.).

Но оказывались безсильными и указы военной коллегіи. Вслѣдъ за указомъ, Прерадовичу опять удалось переманить изъ команды своего соперника какого-то капрала. Послѣдовала жалоба, за нею новый указъ; въ результатѣ получилось «доношеніе» кіевскому вице-губернатору слѣдующаго содержанія: 16 января 1754 г. команди генераль-майора Шевича подполковникъ Шевичъ отправилъ къ Прерадовичу адъютанта съ просьбою прислать двухъ офицеровъ для выслушанія указа военной коллегіи; Прерадовичъ послалъ капитановъ Радовановича и Губера; когда они пришли къ подполковнику Шевичу, то капитанъ Шевичевой команды, Юзбаша, назвалъ перебѣжавшаго капрала шпиономъ и добавилъ, что его надо бить батожемъ, чтобы онъ изъ команды не уходилъ; парламентары оскорбились и одинъ изъ нихъ, Радовановичъ, съ чувствомъ достоинства замѣтилъ, что онъ съ Губеромъ присланы не съ Юзбашею разговаривать, а выслушать указъ ея императорскаго величества; въ отвѣтъ на это, Юзбаша, восточная кровь котораго вскипѣла, представилъ резоны не словесно, а дѣйствіемъ: бросился на Радовановича, «билъ по щекамъ, и таскалъ за волосы и лицо все ободралъ до крови, а потомъ секундъ-майоръ Шевичъ прыскача, такожъ и прочіе оберъ-офицеры и офицеры и гусары, таскали за волосы», пока Радовановичъ не спасся на квартиру подполковника Шевича. Прерадовичъ съ своей стороны не оставилъ этого дѣла, а просилъ вице-губернатора «куда надлежитъ представить» о происшествіи, изъ опасенія обиды, «а паче смертнаго убивства». Чѣмъ кончилась распря—не извѣстно.

А вотъ волошенинъ Аѳанасій Кору перекочевываетъ изъ Новой Сербіи къ тому-же Прерадовичу, какъ-бы въ утѣшеніе за понесенную его офицеромъ обиду. Этотъ Аѳанасій очень хотѣлъ выбиться въ аристократію. Онъ вывелъ въ Новую Сербію десять волоховъ и одного грека, всего десять человекъ, «съ такимъ намѣреніемъ, чтобы за то награжденъ былъ по вступленіи въ службу какимъ по разсмотрѣнію рангомъ»; но Хорватъ ни чина не доставилъ предприимчивому колонизатору, ни издержекъ не возвратилъ: вотъ причина, побудившая Кору перейти къ Прерадовичу.

Утѣшившись въ горѣ, Прерадовичъ опять принялся за свое. 24 марта 1754 г. Шевичъ жаловался, что пятеро его гусарь, «по паущенію и подговору постороннихъ, многія упрямства и ослушности приставленнымъ надъ ними вахмистрамъ чинять» и отказываются явиться за жалованьемъ, говоря, что они въ командѣ Прерадовича и жалованье получаютъ отъ него; Шевичъ, указывая на то, что до сихъ поръ эти гусары жалованье получали у него, о чемъ, замѣчалъ онъ, правительствующему сенату и военной коллегіи извѣстно, не безъ ядовитости прибавлялъ: «а чтобы таковыхъ въ другую команду отдать, о томъ ни откуда указа у меня не имѣется»; поэтому онъ просилъ предписать Прерадовичу возвратитъ перешедшихъ къ нему гусарь. О послѣдствіяхъ жалобы не знаемъ.

Бывали случаи, когда, не смотря ни на что, удавалось Прерадовичу оттягать у противника людей. Такъ, собираваясь въ путь, 23 іюля онъ доноситъ вице-губернатору, что къ его командѣ причислено трое гусарь «изъ *спортыкъ* команды генераль-майора Шевича», и проситъ увеличить число подводъ.

Интриговалъ въ Кіевѣ и Хорватъ черезъ своихъ агентовъ. 29 іюля подполковникъ его команды Дмитрій Перичъ обратился въ кіевскую губернскую канцелярію за справкою о томъ, по какой срокъ выдано жалованье четыремъ называемымъ имъ гусарамъ команды Шевича: они, «по желанію ихъ», находятся въ Новой Сербіи, и Хорватъ хлопочетъ въ сенатѣ объ опредѣленіи ихъ къ себѣ на службу. Подобную-же справку дѣлалъ послѣ и самъ Хорватъ о четырехъ другихъ гусаряхъ, «дезертировавшихъ» отъ Шевича, и кіевская губернская канцелярія удовлетворила просьбу.

У всѣхъ трюхъ генераловъ чувствовалась пужда въ людяхъ, падо было кѣмъ нибудь комплектовать полки, потому что выведены

ими едва какія нибудь сотни людей, а надобность предстояла въ тысячахъ. Поэтому-то съ такимъ азартомъ они охотились за людьми, поэтому такъ настойчиво просили начальство ловить бѣглецовъ. Губернская канцелярія предписывала объявлять о бѣглыхъ съ барабаннымъ боемъ, а пойманныхъ забивать въ ручныя и пожныя колодки и присылать немедленно; иногда посылались въ погоню гусары-же. Такое свидѣніе имѣемъ отъ 1753 г. о прапорщикѣ Дмитріѣ Марковичѣ, котораго, послѣ по возвращеніи изъ неудачной поѣздки за границу, обвиняли въ ограбленіи жидовки, ѣхавшей съ фастовской ярмарки; было наложено по этой жалобѣ слѣдствіе, но явныхъ уликъ не оказалось; однако истица опредѣлительно заявляла, что ограблена гусарами.

Понятно, что при такой крайней нуждѣ въ гусарахъ, они своевольничали, зная, что не тутъ, такъ тамъ будутъ приняты съ распростертыми объятіями. Интересно напр. слѣдующее «доношеніе», поданное въ губернскую канцелярію муровицкомъ Яковомъ Бубликомъ: изъ 25 работниковъ, данныхъ ему, четверо бѣжали и были замѣнены другими; одинъ изъ бѣжавшихъ, Кириль Шапочникъ, явился въ Кіевъ и записался «въ новобранные сербы», по документальному выраженію,—и, ставши «Сербомъ», напалъ на домъ Бублика, разорилъ и обидѣлъ его (подробностей въ документѣ нѣтъ); не удовольствовавшись и тѣмъ, 13 декабря 1753 г. встрѣтилъ Бублика на улицѣ, напалъ съ «другими» сербами и «хотѣлъ ободрать», но тотъ откупился полтиною; Бубликъ утверждаетъ, что Шапочникъ ни сербъ, ни волахъ, а слобожанинъ, въ чемъ, конечно, нельзя и сомнѣваться. Видно, сербскимъ командамъ не приходилось брезговать и такими самозванными сербами.

Но вотъ, наконецъ, послѣ долгихъ междоусобій, колонисты собираются въ путь. Вѣрный своему праву, Прерадовичъ просилъ отправить его раньше Шевича, на томъ основаніи, что въ его командѣ все обстоитъ благополучно, а въ командѣ его соперника предстоитъ еще разбирать какіе-то споры. Однако, къ обидѣ его, раньше выѣхалъ Шевичъ, а не онъ.

Отправка ихъ не обошлась безъ затрудненій. Надобно было всего 405 подводъ; изъ этого числа 100 подводъ по закону обязаны были поставить магистратъ, остальное число разложено было на кіевскіе монастыри, съ 8 дворовъ по 1 подводѣ; пора была

рабочая (конѣцъ іюля), раскладка сдѣлана только на правобережныя волости, и потому какъ консисторїя, такъ и монастыри согласились удовлетворить требованіе на подводы со стѣсненнымъ сердцемъ, прося выдать впередъ прогоны и увѣдомить, до какихъ мѣстъ наряжаются подводы, а когда вице-губернаторъ потребовать добавочныхъ 12 подводъ, духовная консисторїя отказала, ссылаясь на то, что повинность должна лечь на весь кїевскій полкъ; указывая, что магистратъ принимаетъ на себя слишкомъ малую долю подводъ и наконецъ жалуясь, что передъ тѣмъ съ великою нуждою поставлены подводы и работники для работъ въ Новой Сербїи, консисторїя просила прислать въ копїи указъ, которымъ подобная повинности налагаются только на правобережныя вотчины.

По требованію губернской канцелярїи, войсковая канцелярїя разослала приказы по полкамъ, чтобы сербскимъ командамъ, во время слѣдованїя черезъ полки, ставилось достаточное число подводъ и наряжались комиссары для сопровожденїя ихъ.

Наконецъ въ первыхъ числахъ августа двинулся Шевичъ: Прерадовичу пришлось подождать нѣсколько дней, за недостаткомъ подводъ. По отъѣздѣ ихъ, Хорватъ заявилъ еще о 13 гусарахъ, «дезертировавшихъ» отъ Шевича еще во время пребыванїя послѣдняго въ Кїевѣ; заявилъ о нихъ и на этотъ разъ не съ цѣлью возвратитъ, а, наоборотъ, присвоить. Впрочемъ и по отъѣздѣ Шевича, съ самаго мѣста его поселенїя побѣги продолжалась. Къму, замѣтно, въ этомъ не везло,—быть можетъ оттого, что онъ былъ скромнѣе другихъ.

ВОЛЫНСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА.

Въ мѣстныхъ архивахъ, при бѣгломъ ихъ осмотрѣ, намъ удалось найти нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о дѣлахъ и лицахъ той поры, когда край нашъ присоединялся къ Россїи послѣ распада Польши. Они не имѣютъ между собою близкой связи и мы передадимъ ихъ въ порядкѣ простой нумераціи.

1) Въ настоящее время болѣе и болѣе разъясняется, что при воссоединенїи нашего края съ остальной Россїей нѣкоторыя имѣнія, принадлежавшія польской коронѣ и находившіяся во времен-

номъ или пожизненномъ владѣніи нѣкоторыхъ пановъ, обращены ими въ свою личную собственность. Незнаніе русскими властями законовъ и обычаевъ вновь присоединеннаго края, завѣдомый обманъ со стороны нязскихъ властей и сообщеніе ими певѣрливыхъ свѣдѣній о землевладѣніи и пр., былъ причиною того, что нѣкоторыя казенныя имѣнія остались въ частномъ владѣніи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, генераль-лейтенантъ русской службы, князь Сангушко 2-й, заявилъ, что ему принадлежитъ г. Кременецъ и приноситъ ежегодно дохода 50 тысячъ польскихъ золотыхъ. Дошло дѣло до сената, который, усмотрѣвъ, что сообщеніе о принадлежности Кременца князю Сангушко сдѣлано только на основаніи показанія, даннаго управляющимъ имѣніями Сангушко, поручилъ произвести по этому дѣлу новое разслѣдованіе.

Бывшій въ то время волынскимъ вице-губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ казенной палаты, Грохольскій донесъ военному губернатору мѣсской, подольской и волынской губерніи, графу Гудовичу, что г. Кременецъ не принадлежитъ Сангушко, а находится у него въ должизненномъ владѣніи на правѣ старостинскомъ. Вѣроятно это добросовѣстное разслѣдованіе Грохольскаго и спасло г. Кременецъ изъ частнаго владѣнія.

2) Около 1798 года возникло подозрѣніе о томъ, что наши жида, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жидами заграничными, а особенно французскими, усвоили себѣ тотъ взглядъ на Бонапарта, что «якобы онъ есть Мессія, долженствующій освободить народы отъ рабства». Завѣдывавшій въ то время нашимъ краемъ, графъ Гудовичъ, предписалъ секретно всѣмъ начальникамъ округовъ наблюдать за образомъ мыслей нашихъ евреевъ по отношенію къ Бонапарту. Никакихъ свѣдѣній объ этомъ начальники округовъ Гудовичу не сообщили; но надо полагать, что евреи, находясь въ постоянномъ ожиданіи Мессіи, дѣйствительно обращали свои мечты и на Бонапарта. Затѣмъ, когда Наполеонъ, сдѣлавшись французскимъ императоромъ, постоянными войнами препятствовалъ правильному ходу торговыхъ дѣлъ, а реквизиціями и всеобщими рекрутскими наборами сильно огорчалъ всѣхъ капиталистовъ и особенно евреевъ, то становится весьма понятнымъ, почему евреи во время вѣлствія Наполеона не особенно ему сочувствовали и даже дѣлали довольно серьезныя пожертвованія на военныя надоб-

ности въ пользу русскаго правительства, представляя въ этомъ отношеніи совершенную противоположность помѣщикамъ, которые одни только изъ всѣхъ сословій волынской губерніи отъ пожертвованій на военные надобности въ 1812 году отказались и въ свою очередь смотрѣли на Наполеона, какъ на Мессію. Къ сожалѣнію, во время лашествія Наполеона, помѣщики производили замѣшательства, заявляя то изъ того, то изъ другаго угла губерніи о мнимыхъ возстаніяхъ крестьянъ противъ владѣльцевъ и требуя для усмиренія ихъ военную силу. Политика хорошо рассчитанная: поставить въ непріязненное отношеніе крестьянское народонаселеніе къ властямъ и постоянно беспокоить и разобщать наши войска посылкой отдѣльныхъ отрядовъ для усмиренія мнимыхъ бунтовъ крестьянъ.

3) Лѣтомъ 1795 года распространились на Волыни слухи, что чернь намѣрена рѣзать шляхту и евреевъ и что днемъ всеобщаго избіенія назначены праздники св. Петра и Павла 29-го іюня. Многіе помѣщики сообщили объ этомъ брацлавскому губернатору Берхману, требуя строгихъ мѣропріятій противъ крестьянъ и посылки войскъ для усмиренія бунтовщиковъ. Но Берхманъ къ такимъ заявленіямъ отнесся очень осторожно и предварительно отправленія военной силы по просьбѣ помѣщиковъ, затребовалъ свѣдѣнія отъ начальниковъ округовъ, а особенно вишницкаго, такъ какъ слухи объ избіеніи шляхты и евреевъ шли преимущественно изъ этого округа. Оказалось впоследствии, что слухи эти неизвѣстно кѣмъ распуцены: бригадиръ и кавалеръ Исаевъ слышалъ отъ вице-губернатора Кублицкаго, а Кублицкій отъ судьи кievскаго воеводства Пвановскаго, сей-же послѣдній никакъ не могъ припомнить, отъ кого дошли къ нему слухи о предполагаемомъ избіеніи шляхты и евреевъ.

4) Въ 1794 г. пѣкото Сафоновъ, какъ видно, лице официальное, донесъ по начальству, что профессора житомирской католической академіи на вечерникѣ у ксендза Венціовскаго шли за здоровье Костюшки. Губернаторъ Шереметевъ поручилъ предсѣдатею уголовной палаты Батурину произвести по сему предмету строгое разслѣдованіе. Но при допросѣ профессоровъ и ксендзовъ на Сафопова полетѣло столько грязи и завѣдомой лжи, что бѣдный доноситель на профессоровъ и ксендзовъ, не имѣя, вѣроятно, понятія

о людяхъ, съ которыми пришлось ему вести дѣло, горько раскаялся въ своемъ неосторожномъ сообщеніи по начальству.

Одинъ изъ ксендзовъ показалъ, а остальные ксендзы и профессеры подтвердили, что незадолго передъ этимъ они имѣли въ виду подать губернатору на Сафонова меморіаль, что онъ взялъ у нихъ пять эстамповъ, изображающихъ два образа и три портрета и по требованію не возвратилъ, что онъ, Сафоновъ, также взялъ у нихъ шкатулку, погребецъ, ланкарту для путешественниковъ Царства Польскаго и два червонца, и по требованію ихъ также не возвратилъ, а чтобы предупредить на него жалобу послалъ доносъ. Кончилось тѣмъ, что ксендзы и профессеры вышли сухи изъ воды, а Сафоновъ обвиненъ въ ложномъ доносѣ. Да и какъ было повѣрить, что ксендзы и профессеры могли пить за здоровье Костюшки...

б) Русскій посланникъ графъ Панинъ извѣщалъ изъ Берлина начальника присоединеннаго края графа Гудовича, что Костюшко, оставивъ свое мирное пребываніе въ Америкѣ, появился въ Парижѣ, изъ котораго затѣмъ отправился неизвѣстно куда, подъ именемъ Дюфренуа. Одни говорили, что онъ выѣхалъ въ Гамбургъ, съ намѣреніемъ отправиться въ бышнюю Польшу, для возмущенія своихъ соотечественниковъ, забывъ данное имъ обѣщаніе не служить противъ Россіи, другіе же полагали, что онъ ѣдетъ въ Италію, для соединенія съ извѣстнымъ Домбровскимъ. Вслѣдствіе такого сообщенія, графомъ Гудовичемъ было сдѣлано строгое распоряженіе о томъ, чтобы начальники округовъ наблюдали за появленіемъ между помѣщиками какихъ-либо воззваній или подозрительныхъ лицъ и въ особенности было усилено наблюденіе по границѣ. Поэтому, хотя и были попытки со стороны нѣкоторыхъ мечтателей и почитателей Костюшки пробраться на Волынь изъ Польши съ цѣлю поднятія бунта противъ Россіи, иногда въ составѣ небольшихъ вооруженныхъ шайкъ, какъ напр. шайка подъ предводительствомъ шамбелява Дениска; но эти шайки немедленно были уничтожаемы заглавными границу донскими козаками.

б) Шамбелявъ Дениска, «кой нынѣ», какъ дописалъ 14 октября 1794 года губернатору Шереметеву секундъ-маіоръ Евдокимъ Степановъ, «называется бригадиръ», принадлежалъ къ старой южно-русской дворянской фамилии, окатоличившейся и оцолочив-

шейся, вмѣстѣ съ прочими волынскими и русскими дворянами, въ XVI столѣтіи. Онъ былъ помѣщикъ с. Лысогорки, близъ м. Ямполя, кременецкаго уѣзда. Послѣ разбитія Суворовымъ арміи Костюшки, остатки ея разсѣялись по всей Польшѣ и подъ предводительствомъ различныхъ безпокойныхъ личностей стремились прорваться и на Волынь, предполагая найти здѣсь удобную почву для своего, какъ они думали, еще не потеряннаго дѣла, несмотря на извѣстное изреченіе Костюшки: «*finis Poloniae*». Деныско съ шайкою болѣе 300 вооруженныхъ воиновъ бродилъ по границѣ ровенскаго и дубенскаго уѣзда. Вотъ какія свѣдѣнія о его шайкѣ даны однимъ изъ невольныхъ участниковъ въ его затѣяхъ.

Шляхтичъ Жабинскій, слѣдовавшій за границу по порученію своего довѣрителя князя Четвертинскаго, былъ захваченъ шайкою Деныска. По показанію Жабинскаго, шайка состояла болѣе, чѣмъ изъ 200 человекъ; при ней было четыре плѣнныхъ русскихъ солдатъ, въ синихъ мундирахъ съ красными обшлагами; ни одинъ изъ плѣнныхъ не былъ раненъ. При дальнѣйшихъ переходахъ шайки, Жабинскій услышалъ въ лѣсу мелкую перестрѣлку, а затѣмъ вскорѣ привели къ обозу донскаго козака, котораго одинъ изъ бунтовщиковъ тутъ-же застрѣлилъ въ упоръ изъ ружья. Затѣмъ привели къ обозу другого донскаго козака, въ богатомъ козацкомъ одѣяніи, котораго также застрѣлили, отобравъ у него предварительно вещи и деньги. Шайка продолжала двигаться по направленію къ Дубно и перешла муравинскую дорогу, идущую отъ Тарговицы и Дубно къ Варковичамъ. Здѣсь попался отряду ѣхавшій верхомъ донской козакъ, котораго также схватили; но когда одинъ изъ бунтовщиковъ взялся за ружье, чтобы застрѣлить козака, также какъ и первыхъ двухъ, то козакъ сильно увернувшись, вырвался и скрылся въ лѣсу, такъ что мятежникъ не успѣлъ и выстрѣлить по нему. Отсюда опять поворотили къ Дубно, перешли р. Икву, почевали при с. Садкахъ. Деныско распустилъ свой обозъ и усилилъ маршъ; видя, что Жабинскій, имѣя грижу, не можетъ слѣдовать за отрядомъ, Деныско отпустилъ его. Отправляясь по направленію къ Ровно, Жабинскій видѣлъ отрядъ русскихъ войскъ, очевидно разыскивающихъ бунтовщиковъ.

На этомъ обанчиваются показанія Жабинскаго; но о дальнѣйшей судьбѣ Деныска есть еще сказаніе.

Отрядъ Деныска увеличился присоединеніемъ къ нему еще другихъ мелкихъ шаекъ польскихъ мятежниковъ; но близъ м. Козина былъ разбитъ русскими войсками. Затѣмъ Деныско съ своимъ отрядомъ направился къ г. Кременцу; но подъ Кременцемъ постигъ его донской козацкій отрядъ подъ командой подполковника Ребригова и окончательнo разсѣялъ шаюку Деныска. Козаки, преслѣдуя Деныска, направились въ его имѣніе Лысогорку; но тамъ его уже не нашли; убѣжалъ изъ имѣнія также и комиссаръ Деныска, Александровичъ. Начались допросы; оказалось, что многіе изъ крестьянъ Деныска находились въ шаикѣ мятежниковъ; но были забраны туда насильно. Затѣмъ Деныско очутился въ предѣлахъ Турціи и, тоскуя по роднѣ, находился въ постоянномъ сношеніи съ Волынью, посредствомъ жидовъ. Фамилія Деныска угасла, кажется, вмѣстѣ съ нашимъ героемъ; но отъ родныхъ его по женской линіи намъ приходилось слышать, что по просьбѣ севатора графа Ильинскаго Деныскѣ было разрѣшено возвратиться въ Россію и представиться императору Павлу I-му. Имѣявшійся красивой и осапистой наружностью Деныска, императоръ наградилъ его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а взамѣнъ конфискованной Лысогорки подарилъ большое селеніе «Гетманцы» на Подольѣ, кажется, балтскаго уѣзда.

7) Въ 1800 году состоялось Высочайшее повелѣніе о высылкѣ за границу французскихъ монаховъ ордена трапистовъ, главный религіозный подвигъ которыхъ состоялъ въ обѣтѣ молчанія. Высочайшее повелѣніе о высылкѣ трапистовъ мотивировано тѣмъ соображеніемъ, что траписты принимаютъ къ себѣ на воспитаніе дѣтей мужскаго пола и не обучаютъ ихъ ничему другому, какъ только подвигу «молчанія», почему повелѣно учениковъ трапистовъ, взявъ изъ монастырей, возвратить на прежнее ихъ мѣсто жительства. Въ волынской губерніи траписты находились въ двухъ монастыряхъ, въ то время еще униатскихъ, жидичинскомъ, луцкаго уѣзда и дерманскомъ, дубенскаго уѣзда. Обязанность высылки трапистовъ за границу, чрезъ радзивиловскую таможеню, была возложена на фискала волынской губерніи, надворнаго совѣтника Маньковскаго. Изъ представленнаго Маньковскимъ списка высланныхъ за границу трапистовъ видно, что въ дерманскомъ монастырѣ было трапистовъ:

Хорныхъ священниковъ	7 человекъ.
Братіи	10 >

Послушниковъ или служителей .	3	человѣка.
Учителей	4	»
Обучающихся, отъ 10 до 26 лѣтъ .	29	»

Всего	53	»

Въ жидичинскомъ:

Хорныхъ священниковъ	11	человѣкъ.
Братіи .	10	»
Учителей	12	»
Учащихся, отъ 8 до 17 лѣтъ	27	»

Всего	60	»

Замѣчательно, что всѣ ученики трапистовъ оказались иностранными подданными и названы французскими фамиліями, такъ что учениковъ изъ мѣстныхъ жителей, по изысканіямъ Маньковского, оказалось только 10-ть, которые и возвращены въ свои дома. Видно, что школы трапистовъ не были пустыми и обучали въ нихъ не одному молчанію; но странно, что при высылкѣ трапистовъ за границу всѣ ихъ ученики, даже до десятилѣтняго возраста, оказались французами и выѣхали за границу, а мѣстныхъ учениковъ оказалось будто-бы только 10 человѣкъ.

И. А. Шафарунъ.

ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ, КАКЪ ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ.

Въ 1838 году вышло правительственное распоряженіе объ изданіи въ губернскихъ городахъ официальныхъ печатныхъ листовъ, или вѣдомостей. Правила изданія Губернскихъ Вѣдомостей предписывали различать отдѣлы официальный и неофициальный. Въ первый входили всякаго рода административныя распоряженія и предписанія должностныхъ лицъ. Границы неофициальнаго отдѣла были строго опредѣлены. Статьямъ полемическимъ и беллетристическимъ доступъ въ Губерніи Вѣдомости былъ строго воспрещенъ. Нельзя не признать разумности этого запрещенія. И въ столичныхъ журналахъ тридцатыхъ годовъ полемика стояла на низкой ступени личныхъ нападокъ, клеветы и брани. Тѣмъ менѣе могла обстоять благополучно и прилично провинціальная полемика. Несомнѣнно, она

выродилась-бы въ сплетничество. Беллетристика была также совсѣмъ не по плечу областной официальной печати. Лучшее, чего можно было ожидать отъ провинціальной беллетристики тридцатыхъ годовъ,—это сентиментальныя повѣстунки и хвалебныя стихи разнымъ чиновнымъ милостивцамъ. Правила совѣтовали помѣщать въ неофициальномъ отдѣлѣ вѣдомостей статьи по мѣстной археологiи, исторiи и этнографiи. Тридцатые годы были временемъ пробужденія въ русскомъ образованномъ обществѣ склонности къ археологическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ, временемъ дѣятельности графа Румянцева, Строева, Востокова. Правительственное указаніе редакторiямъ Губернскихъ Вѣдомостей о помѣщенiи статей археологическихъ, этнографическихъ и историческихъ, отвѣчало желаніямъ наиболѣе просвѣщенныхъ русскихъ людей того времени. Много позже, лѣтъ на тридцать, такое желаніе высказывалось самими редакціями Губернскихъ Вѣдомостей. Такъ въ 38 № Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1864 г. редакція съ провинціальной развязностью и словоохотливостью ставитъ такой упрекъ мѣстнымъ, т. е. иркутскимъ пишущимъ людямъ: «статьи этнографическія у насъ рѣдкость; мы больше склонны къ писанію à la Щедринъ (!); насъ все пороки людскіе занимаютъ; мы и Губернскія Вѣдомости старались-бы превратить въ газету сатирическую по преимуществу. А между тѣмъ въ интересахъ края не ощущается именно въ этомъ надобности, при избыткѣ сатирическаго элемента во всѣхъ почти журналахъ и газетахъ и въ особенности при существованіи газетныхъ корреспонденцій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть Губернскихъ Вѣдомостей на длинномъ протяженіи 47 лѣтъ, отъ 1838 до 1885 года, представляетъ бумажный хламъ, обращенный практичными провинціалами на обертку салныхъ свѣчей и вяленой рыбы. Но въ общей громадной массѣ областныхъ вѣдомостей встрѣчаются весьма цѣнные вомера, цѣнные именно для этнографа и историка. Церелектывая Губернскія Вѣдомости пятидесятихъ, шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ въ петербургской публичной библиотекѣ, гдѣ, кстати замѣтить, только и можно отыскать за старые годы Губернскія и разныхъ областей Вѣдомости, я довольно часто находилъ въ этихъ изданіяхъ драгоцѣнныя въ историческомъ отношеніи замѣтки. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ.

Для историка русскихъ народныхъ вѣрованій интересно напечатанное въ 64 № «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1864 года донесеніе псковскаго уѣзднаго священника Яковлева 1783 года о поклоненіи крестьянъ его прихода соснѣ. Яковлевъ доносилъ псковской духовной консисторіи: «усмотрѣно де имъ въ Зачеренскомъ погостѣ, въ церковной оградѣ, на бую, близъ храма, за часовнею лежитъ сладная великая похиловая сосна съ нѣсколькими на маковѣхъ струтѣвными (?) сучьями, оберегаемая отъ прельщеннаго не вѣжествующаго народа, чрезвычайною отъѣвностью почитаемая; на которую сосну отъ околнностей собирающееся повсѣгда множество народа въ празднуемой іюля мѣсяца въ разныхъ числахъ Ильинской пятницѣ приносятъ обѣты свои слѣдующіе: шерсть, сыръ, масло, хлѣбы, свѣчи, конъ свѣчи на той соснѣ прилѣпленныя палятся, и иные капли съ тѣхъ свѣчъ собираютъ себѣ въ тряпочки и въ дома свои носятъ для лезнаемыхъ выгодъ; иные отъ той сосны отламываютъ себѣ гнилупки и берутъ въ дома яко бы для излѣченія животныхъ отъ болѣзней». Но просьбѣ консисторіи, намѣстническое правленіе приказало военною командѣ срубить сосну и ежечъ. Дополненіемъ къ этому документальному свидѣтельству о сохранившемся мѣстами поклоненія народа деревьямъ можетъ служить корреспонденція изъ г. Славянска, напечатанная въ 174 № «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1880 года. «3 іюля по нашему городу пронесся слухъ, говорить корреспондентъ, что будто въ саду одного мѣстнаго обывателя, близъ минеральныхъ водъ, появился какой-то мальчикъ въ красной шапочкѣ, трехъ четвертей росту. Мальчикъ этотъ будто-бы обладаетъ свойствами сверхъестественными; онъ, напримѣръ, внезапно является, внезапно исчезаетъ; для взрослыхъ онъ невидимъ. Послѣднее обстоятельство варьировалось, впрочемъ, различнымъ образомъ; говорили, что онъ является изъ дупла дерева и видимъ только мужчинами; другіе увѣряли, что онъ прыгаетъ по деревьямъ... Иные стали утверждать, что мальчикъ говоритъ; но говоритъ только съ другимъ мальчикомъ, сыномъ хозяйки сада. Послѣдній мальчикъ 8—10 лѣтъ увѣряетъ каждаго, что онъ не одинъ разъ бесѣдовалъ уже съ чудеснымъ мальчикомъ въ красной шапочкѣ. 4 іюля къ мѣсту явленія мальчика хлынула масса любопытныхъ. Наши пабожныя старушки начали уже таскать пироги къ дуплу дерева, клали дѣвьи и восковыя свѣчи. Дерево срубили, въ дуплѣ ничего

не оказалось; но мальчикъ, сынъ хозяйки, вляется, что опъ не одинъ разъ говорилъ съ чудеснымъ мальчикомъ. Показанія мальчика подтверждаетъ царевъ лѣтъ 18, который будто-бы видѣлъ однажды мальчика въ красной шапочкѣ и хотѣлъ поймать его; но тотъ внезапно исчезъ. Въ это время въ городѣ былъ уѣздный исправникъ, который посѣтилъ мѣсто происшествія. — Между дописаніемъ Яковлева и корреспонденціей изъ Славянска лежатъ промежутки времени въ сто лѣтъ; одно извѣстіе идетъ изъ сѣверной Россіи, другое изъ Россіи южной, и однако какое поразительное сходство между ними! Въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ очевидномъ проявленіи языческихъ вѣрованій и языческихъ жертвъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ обнаруживается внимательство администраціи.

Значительное число небольшихъ статей и замѣтокъ о южно-русскихъ народныхъ повѣрьяхъ разбросано въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» пятидесятихъ годовъ. Такъ въ № 22 1859 г. Ромовъ приводитъ интересный народный разсказъ объ ужѣ. Ужа не слѣдуетъ трогать; въ противномъ случаѣ, если его обидѣтъ, опъ отомститъ. Въ доказательство мстительности ужа приводится слѣдующее: однажды мужикъ, поправляя свою комору, нашель подъ гнилымъ столбомъ яйца ужа, взялъ ихъ и спряталъ. Ужъ поползъ въ погребъ и напустилъ отраву въ молоко. Мужикъ не захотѣлъ уничтожить яицъ ужа и положилъ ихъ на прежнее мѣсто. Провѣдавъ объ этомъ, ужъ быстро поползъ въ погребъ и вывернулъ отравленное молоко на землю. Въ 23 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1859 г. П. С. Ефименко сообщаетъ нѣсколько народныхъ повѣрій о волкахъ, о томъ, что волки дѣлятся по уѣздамъ, имѣютъ своего бога Палисуна и высшимъ управителемъ св. Георгія. «Святый Юрь звира пасе».

Наплывъ историческаго и этнографическаго матеріала въ тѣ или другія Губернскія Вѣдомости является спорадически, по мѣрѣ того, какъ появляется тамъ или здѣсь страстный и вмѣстѣ свободный любитель археологій и этнографіи. Такъ въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ оставилъ въ этомъ отношеніи слѣды своего нахождения не удѣлъ извѣстный В. Н. Аскоченскій, въ Черниговскихъ отмѣтилъ время своей тамъ службы А. М. Лазаревскій, въ Архангельскихъ записалъ годы своего заточенія П. П. Чубинскій, и т. д., и т. д.

Болѣе, кажется, этнографическаго, чѣмъ строго историческаго матеріала находимъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ,—множество загадокъ, пословицъ и особенно пѣсень. Встрѣчается много описаній свадебныхъ обрядовъ. Такъ въ 23 и 24 №№ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1880 годъ помѣщенъ весьма интересный этнографическій очеркъ свадебныхъ обычаевъ устюгскаго уѣзда. По какой-то счастливой случайности, въ библиографической литературѣ оказывается хорошей указатель напечатанныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ статей о свадебныхъ обрядахъ. Указатель этотъ составленъ Якушкинымъ и носитъ названіе «Обычное право». Нужно замѣтить, что описанія свадебъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ грѣшатъ однообразнымъ изложеніемъ, пропускомъ важныхъ бытовыхъ подробностей и, за немногими исключениями, пропускомъ пѣсень.

Что касается былевыхъ и семейно-родственныхъ пѣсень, напечатанныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, то между ними встрѣчаются искусственныя, ошибочно принятыя за пѣсни народныя; такова, напримѣръ, малорусская пѣсня: *Ой выйшла зоря*, сообщенная Косменкомъ въ № 24 Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1861 г. Весьма дѣльное и основательное критическое и историко-литературное изложеніе пѣсень мы встрѣтили только въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ конца 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ. Изложеніе это сдѣлано г. Новицкимъ. Такъ въ 87 № этихъ Вѣдомостей за 1867 г. находится пѣсня: *Роднося Травинъ сынъ на чужинѣ самъ одинъ*, представляющая интересный вариантъ пѣсни о «Травинѣ сынѣ», напечатанной позднѣе въ V т. «Грудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край». У Чубинскаго Травинъ сынъ косить въ степу одинъ. Онъ увидѣлъ табунъ лошадей, погналъ ихъ въ Ротжистровку и продалъ за сорокъ тысячъ. Наѣхали паны, поймали Травина сына, связали его, заковали въ цѣпи и отдали въ Черкасахъ въ солдаты. Въ вариантѣ, записанномъ Новицкимъ, Травинъ сынъ родился на чужбинѣ. Онъ имѣлъ «стадовья» (рѣдко встрѣчающееся малорусское слово), продалъ ихъ на базарѣ и собралъ много золота и серебра. Онъ сталъ громко звать своего брата. Его поймали, связали и въ тюрьму посадили. Неожиданно явилась дѣвушка съ черными глазами и серебряными ключами. Она выпустила заключенныхъ въ темницѣ, а Травина сына вывела за руку на улицу. Въ 76 № тѣхъ-же Вѣдомостей за

1871 г. Новицкій напечаталъ три варианта малорусской п'вѣни о состязаніи копя съ орломъ, причемъ въ примѣчаніи п'вѣся эта отнесена къ козацкому періоду южно-русской исторіи; въ 104 № напечатана п'вѣся объ отравленіи брата сестрою и при этомъ указаны пункты сходства этой п'вѣни съ п'вѣнями сербскими, чешскими и польскими. Г. Новицкій полагаетъ, что п'вѣня объ отравленіи брата сестрою занесена въ Малороссію сербами въ XVIII ст. Въ 106 № г. Новицкій помѣстилъ 4 варианта п'вѣни о женитьбѣ сына на матери и указалъ сходную сербскую п'вѣню о Находѣ Симеудѣ. Вообще, малорусскія п'вѣси, напечатанныя г. Новицкимъ въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, замѣчательны какъ по содержанию, такъ и по остроумнымъ историко-литературнымъ примѣчаніямъ Новицкаго.

Не желая дѣлать настоящую статью обширной и спеціальной, прохожу молчаніемъ Мнискія Губернскія Вѣдомости 1865 г., гдѣ напечатана масса бѣлорусскихъ народныхъ п'вѣсень, Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1859 съ малорусскими п'вѣнями, собранными г. Ефименкомъ въ харьковской губерніи, Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1861 г., гдѣ находится много малорусскихъ п'вѣсень, сообщенныхъ Лавренкою, Дорошенкою и Косменкомъ, Гродненскія Губернскія Вѣдомости 1868 г., гдѣ въ №№ 23—36 напечатаны бѣлорусскія п'вѣси съ соблюденіемъ фонетическихъ особенностей; прохожу молчаніемъ также народныя загадки, напечатанныя Носомъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1861 г. Нельзя не сказать хоть двухъ словъ о сборникахъ пословиць, напечатанныхъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1857 и 1859 гг. Шишацкимъ-Иличемъ и П. С. Ефименкомъ. Сборники эти очень маленькіе; но заслуживаютъ вниманія потому, что п'вѣкоторыя пословицы сопровождаются объясненіемъ. Есть, дѣйствительно, пословицы очень темныя, объясненіе которыхъ издателемъ со словъ народа необходимо, напримѣръ: «годуй мене до Ивана, а я зроблю съ тебе пана (хозяинъ долженъ кормить дома скотъ по крайней мѣрѣ до 19 апрѣля,—дня Іоанна Вѣтхопещерника); «Иванъ несе плахту, а Настя булаву» (историческая пословица, намекающая на слабохарактерность гетмана Скоропадскаго, которымъ помылала жена его Настасья); «мовчи видьма! какаська ты дочка!» (приводится народный разсказъ о происхожденіи вѣдьмъ отъ Каипа); «що пьяна живка, що скажена кишка, що зъ Баряшполя чоловікъ—то все

одно» (Ворисполь—мѣстечко переяславскаго уѣзда, полтавской губ., жители котораго отличаются задорливостью и страстью къ тяжбамъ).

Историко-литературный интересъ представляетъ малорусскій рассказъ о цыганѣ въ 29 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1859 г. У цыгана было денегъ всего одинъ шагъ, и вотъ онъ купилъ на него хрѣцу. Бѣтъ бѣдный, слезы изъ глазъ катятся, а онъ все уплетаетъ хрѣтъ, приговаривая: «бачили чортови очи, що куповали». Подобнаго рода рассказъ, какъ извѣстно, легъ въ основаніе повѣсти Квитки-Основьяненко: «Пархимово спиданне».

Въ южно-русскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, харьковскихъ, черниговскихъ, полтавскихъ и др., находится довольно много историческаго, археологическаго и этнографическаго матеріала. Такъ, въ первомъ № Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1838 г. находится статья Квитки: «Краткое историческое свѣдѣніе о харьковской губерніи». Впоследствии въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ были помѣщены статьи о харьковскомъ коллегіумѣ, о городищахъ, о В. Н. Карзинѣ, о Запорожѣ. Въ 1853 г. г. Лазаревскій помѣстилъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ біографическую статью о замѣчательныхъ людяхъ Малороссіи. Въ 1855 г. Геняда напечаталъ въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ дополненіе къ этой статьѣ. Въ №№ 20—21 тѣхъ-же Вѣдомостей за 1859 г. появились добавочныя дополненія Григорія Милорадовича. Въ № 24 Милорадовичъ помѣстилъ списокъ иностранныхъ сочиненій о Малороссіи съ 1855 до 1857 г. Весьма важнымъ и любопытнымъ матеріаломъ для бытовой украинской исторіи представляются старинныя духовныя завѣщанія или «духовниці», помѣщенные г. А. Лазаревскимъ въ 19 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1857 г. Въ этихъ «духовницахъ» находится подробное перечисленіе предметовъ стариннаго домашняго быта, перечисленіе, бросающее яркій свѣтъ на домашнюю жизнь украинскаго народа конца XVII и начала XVIII ст. «Духовниці» интересны также съ историко-юридической точки зрѣнія. «Духовниці» начинаются длинными разсужденіями о кратковременности человѣческой жизни, а оканчиваются цѣлымъ громомъ проклятій противъ того, кто дерзнетъ нарушить выраженную въ духовномъ завѣщаніи волю умершаго. «А на остатокъ, говорится въ концѣ духовницъ, замыкаячи сей моею остатней воли тсстаментъ, въ таковой способъ оный обва-

ровую: да будетъ проклятъ анаѣма и мараѣфа вшеяки въ якоѣ колвекъ пунктѣ параграфѣ оный нарушити и да низвержень будетъ сялюю Всевышняго Бога до ада пресподвѣяго живо, и да постигнетъ его тутъ въ временномъ житїи казнь Вожїя, а въ будущемъ некаяная да ожогнетъ его мука, каждого, кто только важитеметца оный нарушити»...

Черезъ три года исполнится пятидесятилѣтіе существованїя Губернскихъ Вѣдомостей. Пятьдесятъ лѣтъ въ жизни органа печатнаго слова срокъ большой. Губернскїя Вѣдомости сослужили свою просвѣтительную службу, да,—просвѣтительную. Нельзя не признать, что эти скромныя изданїя вносили въ провинціальную глушь кое-какія свѣдѣнїя о мїрѣ и людяхъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ числѣ Губернскихъ Вѣдомостей встрѣчаются Вѣдомости хорошо поставленныя и разумно веденныя, такія напримѣръ содержательныя газеты, какъ Вѣдомости харьковскїя, екатеринославскїя и нѣкоторыя другїя. Можно надѣяться, что редакціи Губернскихъ Вѣдомостей ознаменуютъ пятидесятилѣтній юбилей Вѣдомостей составленїемъ указателя ихъ содержанїя за все пережитое ими время. Это было-бы прямой услугой наукѣ. Въ настоящее время такихъ указателей нѣтъ или почти нѣтъ. Мы знаемъ только одинъ указатель,—къ Владимірскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ, составленный Тихонравовымъ, и слышали еще, что есть указатель Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, но о послѣднемъ только слышали. Указатель Тихонравова составленъ довольно хорошо и могъ-бы послужить до нѣкоторой степени образцомъ (находится въ петербургской публичной библиотекѣ). Тотъ планъ и распорядокъ содержанїя, по какому составленъ указатель содержанїя Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, нуждается въ измѣненїи, въ расширенїи, согласно съ мѣстными, краевыми особенностями извѣстныхъ Вѣдомостей. Такъ нѣкоторыя Вѣдомости имѣли свою исторїю, и потому не лишнимъ представляется сообщенїе при указателѣ краткой исторической записи.

Время отъ времени въ печати проходитъ слухъ, что Губернскїя Вѣдомости въ скоромъ времени подвергнутся преобразованїю. Тутъ могутъ быть предьявлены многїя пожеланїя и требованїя, болѣе или менѣе основательныя, и въ числѣ такихъ требованїй навѣрно крупное мѣсто займетъ требованїе приблизить Губернскїя

Вѣдомости къ массѣ народной. Въ интересахъ этнографіи и исторіографіи вообще, въ особенности этнографіи и исторіи южно-русской, намъ представляется желательнымъ сохранить и, болѣе того, расширить тѣ требованія, которыя были заявлены и выражены въ правительственныхъ правилахъ при самомъ возникновеніи Вѣдомостей, именно требованія этнографическія, историческія и археологическія. Желательно, при этомъ, чтобы малорусскія преданія, пѣсни, заговоры, загадки, историческія сказанія, дневники и письма не были отвергаемы потому только, что изложены языкомъ того народа, среди котораго возникли и сохраняются. Въ строгой наукѣ факты или явленія жизни и слова, ихъ выражающія, неотдѣлимы одно отъ другаго, и полнота смысла и значенія открывается только въ ихъ внутреннемъ органическомъ соединеніи.

Н. Сумцовъ.

ПРЕБЫВАНІЕ] ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го ВЪ КІЕВѢ ВЪ 1816 Г.

Объ этомъ памятномъ Кіеву посѣщеніи его императоромъ Александромъ помѣщено было въ минувшемъ году въ «Русскомъ Архивѣ» извлеченіе изъ письма бывшаго тогда намѣстника кіевопечерской лавры, впослѣдствіи архіепископа воронежскаго Антонія Смирницкаго, перепечатанное въ нѣкоторой части во всѣхъ почти газетахъ. Помимо того разсказывается объ этомъ-же посѣщеніи въ статейкѣ *Кіевской Старины*, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ того-же года, подъ заглавіемъ: *Кіевскія Лѣтописныя Замѣтки XVIII и XIX ст.* Шестидневное пребываніе этого государя въ Кіевѣ (съ 7-го по 12-е сентября) описано Миславскимъ очень кратко. Но и это своего рода находка для лѣтописной исторіи Кіева. Ибо время съ 1812 по 1830 г. лишено лѣтописныхъ замѣтокъ о кіевскихъ событіяхъ и у Закревскаго, и у Сементовскаго. На основаніи записи Миславскаго исправляется напр. ошибка Аскоченскаго, который, упоминая вкратцѣ о пребываніи императора Александра 1-го въ Кіевѣ, между прочимъ говоритъ: «день 2-ю сентября навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ кіевской академіи, т. е. вслѣдствіе посѣщенія ея Александромъ 1-мъ. Оказывается, что этотъ день былъ не 2-го сентября, а 11-го.

Любителямъ лѣтописной исторіи Кіева пріятно будетъ узнать, что существуетъ *подробное описаніе* пребыванія императора Александра въ Кіевѣ въ 1816 г. Мы нашли его лѣтомъ 1883 г. въ архивѣ одной изъ сельскихъ церквей подольской губервіи, именно въ селѣ *Слободо-Вербки*, ольгопольскаго уѣзда. Туда занесъ его какой-нибудь изъ старыхъ кіевскихъ студентовъ-академистовъ; ибо въ архивѣ томъ напались и проповѣди нѣкоторыхъ учителей старой кіевской академіи, напр. *Стефана Семіновскаго*. Старый священникъ села *Слободо-Вербки Юма Новицкій*, коего бумаги преимущественно составляютъ архивъ церкви этого села, очевидно, имѣлъ сношенія съ кіевскою академіею. Самое *описаніе* это принадлежитъ, по всей вѣроятности, перу какого-нибудь кіево-академическаго учителя. Оно, кромѣ сообщенія многихъ подробностей пребыванія Александра I-го въ Кіевѣ, интересно вообще для характеристики этого государя, особенно со стороны его *религіозности*, которая наложила на него свою сильную и неизгладимую печать послѣ великихъ событій *отечественной войны*. Къ сожалѣнію, рукопись *описанія* не вездѣ осталась въ цѣлости... Именно, къ концу, гдѣ описывается посѣщеніе государемъ кіевской академіи, чернила совсѣмъ поблекли—отъ сырости, и нельзя ничего разобрать. Впрочемъ видно, что до конца рукописи уже оставалось немного. Вотъ это краткое описаніе.

«Достоверное извѣстіе о въѣздѣ, пребываніи и выѣздѣ Его Императорскаго Величества изъ Кіева въ 1816 году.

7-го сентября, въ 4 часа по полудни, начался звонъ въ одинъ колоколъ въ лаврѣ, и митрополитъ во всемъ облаченіи съ архимандритомъ и двадцатью иарами іеромонаховъ въ богатыхъ ризахъ вышли во святые врата, и ожидали Его Императорскаго Величества. Лишь только узнали, что Государь въ Красномъ трактирѣ остановился для обзорѣнія лавры съ той стороны Днѣпра,—вдругъ въ лаврѣ и во всемъ городѣ ударили во все колокола. Всякая встрѣча со стороны военной и гражданской была запрещена. Его Величество ѣхалъ тихоенько въ открытой дорожной коляскѣ съ княземъ Волконскимъ, въ шефскомъ кошно-егерскомъ мундирѣ, и прибылъ къ святымъ лаврскимъ вратамъ въ совершенные сумерки. Колокольна и весь монастырь освѣщены были плошками, а у всѣхъ іеромонаховъ были въ рукахъ бѣлыя горячія большія свѣчи. Митрополитъ пріивѣтствовалъ Его Величество комплементами (рѣчью) и началось шествіе въ церковь,

освѣщенную вѣѣми, гдѣ только ни паходятся, лампадами, при пѣвнн вѣѣми духовными и пѣвчими стиха: *Днесь блюодати св. Духа насъ собра* и прочая. Приближившись къ церковнымъ дверямъ, Государь отдалъ свою шагу генераль-адъютарту Уварову и, положивши троекратныя земныя поклоны, приложился къ образу чудотворныя Богоматере и моцамъ, почивающимъ въ большой церкви, предводимъ будучи митрополитомъ; во время лобызанія пѣвчїе пѣли: *Достойно есть*, а по облобызанїи Государь сталъ не на приготовленномъ для него подлѣ праваго клироса тропѣ, но подлѣ онаго, и пропѣта эктенїя малая и многолѣтїе.

Послѣ сего Государь поѣхалъ въ прїуготовленный для него домъ г. Оболонскаго, ибо дворець, хотя совершенно очищенъ и поправленъ послѣ саксонцевъ, но какъ никто еще тамъ не жилъ, то и разсудили вѣѣ остановиться Государю тамъ, гдѣ и ангелоподобный братъ Ею останавливался. Дорога отъ лавры до квартиры Государя была иллюминирована и дома вѣѣ.

8-го сентября, въ день рождества Божїя Матере, Государь былъ въ разводѣ предъ дворцемъ. Весь генералитетъ пѣшкомъ, кромѣ верхамп государя, графа Саксна, прибывшато на сей случай изъ Полтавы, графа Милорадовича, князя Волконскаго и ген. Уварова. Послѣ разводу Государь прибылъ въ Софїйскѣ въ 11 часовъ для слушанїя литургїи. Встрѣченъ былъ въ колокольнѣ отъ митрополита комплементомъ, архимандритами и знатнѣйшимъ духовенствомъ. Прибывши въ церковь, приложился къ иконамъ и почивающимъ моцамъ и слушалъ всю обѣдню, стоя почти неподвижно, кромѣ поклоненїи при изображенїи креста. Обѣдня была нѣта вся напѣвомъ простымъ по присланнымъ книжкамъ изъ Синода, — пять человекъ Государевыхъ пѣвчихъ пѣли вмѣстѣ съ архїерейскими, справившись поутру: и самъ Государь, стоя подлѣ клироса, подпѣвалъ низко баскомъ. По окончанїи обѣдни, Государь осматривалъ митрополичью ризницу и удостоилъ его въ комнатахъ его — угощаемъ былъ богатымъ *столомъ* — завтракомъ. Толпа людей подлѣ дома архїерейскаго была чрезвычайна. Лишь только Государь сѣлъ въ коляску, вдругъ раздалось повсемѣстно: ура! Въ сей день Государь обѣдалъ у себя съ своимъ штатомъ. Въ вечеру Государь подѣ именемъ князя Волконскаго посѣтилъ цевдящаго совершенно схимника въ лаврѣ *Вассїана* (что былъ нѣкогда казначеемъ въ академіи — *Вавила*) въ глубокія

сумерки; побесѣдовать съ нимъ предовольно, какъ поклонникъ, по самымъ словамъ Государевымъ, ищущій путей спасенія, просилъ дать ему повѣдь, что и совершено, и потомъ созналъ свое имя. Туда въ 9 уже часовъ призванъ намѣстникъ лавры *Антоній Смирницкій* и удостоился говорить съ Государемъ по откровенности. Затѣмъ Государь удалился въ квартиру.

9-го сентября, въ 7 часовъ утра Государь изволилъ ходить по пещерамъ съ намѣстникомъ и казначеемъ только, да съ княземъ *Волконскимъ* и *Вилге*, лейбъ-медикомъ, и благоговѣнно прикладался ко всѣмъ мощамъ, разспрашивалъ о житіи всякаго святаго съ удивленіемъ, како Господь удиви вся хотѣнія своя въ нихъ. По полудни въ часъ митрополитъ съ духовенствомъ допущенъ на аудіенцію: отъ академіи архимандриты—ректоръ и префектъ съ богато-оправленою одою; отъ лавры—старцы съ иконою, хлѣбомъ и книгами; отъ собора—протоіерей *Смирновъ* и ключарь *Семяновскій* съ иконою и хлѣбомъ; отъ флоровскаго—монахини съ иконою и хлѣбомъ, и все принято было ласково. Къ вечеру у генерала корпуснаго *Раевского* былъ на балу, данномъ на большомъ государевомъ дворцѣ, и участвовалъ въ танцахъ съ хозяйкою Раевского, покойнаго *Прозоровскаго* женою и статсъ-дамою *Браницкою*.

10-го сентября за золотыми воротами, что на Старомъ Кіевѣ дѣлалъ смотръ тремъ полкамъ, гдѣ проходило войско два раза мимо его величества церемональнымъ маршемъ. Въ 11 часовъ изволилъ прибыть въ лаврскую большую церковь для слушанія литургіи, которую совершалъ митрополитъ; и приказано было отъ его величества пѣть обѣдню лаврскимъ пѣльвомъ, и совершали одни монахи по обѣихъ клиросахъ, и Государю сіе пѣніе понравилось и утверждено навсегда для одной лавры. Государь въ сей день былъ въ полномъ генеральскомъ мундирѣ безъ всякихъ лентъ, кромѣ звѣзды и англійской подвязки, чему подражали всѣ генералы. Послѣ обѣдни, въ архіерейскомъ лаврскомъ домѣ Государь угощаемъ былъ богатымъ завтракомъ; но онъ, кромѣ одной рюмки шампанскаго и одного пирожка, ничего не употреблялъ. Митрополитомъ лавры.

выѣхалъ къ подольскимъ лавкамъ, на флоровскомъ монастырѣ, былъ въ андреевской церкви и въ михайловскомъ монастырѣ. Послѣ обѣда Государь осматривалъ прежнюю крѣпость и арсеналь, а къ вечеру

былъ на балу, данномъ кievской губерніи дворянствомъ, въ красномъ мундирѣ, въ чулкахъ, башмакахъ и участвовалъ въ танцахъ съ княгинею Шуйскою и прежде сказанными дамами. Потомъ, уѣхавши изъ дому дворянскаго, призвалъ лаврскаго намѣстника въ кабинетъ свой, возложилъ на него брилліантами украшенный крестъ, равно поручилъ для доставки такой-же крестъ и схимнику, яко духовному своему отцу.

11 сентября въ 10 часовъ чрезъ полковника гвардіи посланы были митрополиту отъ Государя брилліантовые знаки Андрея Первозваннаго и объявлено симъ полковникомъ, что Государь изволить быть въ академіи послѣ обѣда въ 4 часа. Предъ обѣдомъ осматривалъ Государь крѣпость, ходилъ часа четыре пѣшкомъ. былъ въ военномъ госпиталѣ...

Наступало вождельное время посѣщенія его академіи .

Сообщ. Левъ Мацѣвичъ.

СЛѢДЫ ПОСЕЛЕНІЯ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ВЪ СВАЕТІИ.

(Изъ письма въ редакцію).

Въ почтенномъ вашемъ изданіи за 1882 годъ, въ іюльской книжкѣ сдѣлано было крайне любопытное сообщеніе о живущихъ и въ настоящую пору въ Банатѣ потомкахъ запорожцевъ, неизмѣнно сохранявшихъ свою вѣру, языкъ и обычаи, рѣзко отличающіе ихъ отъ окружающаго ихъ венгерско-сербскаго поселенія. Къ сожалѣнію, это сообщеніе, давая точныя свѣдѣнія о времени поселенія тамъ запорожцевъ и первоначальномъ ихъ устройствѣ и положеніи, содержитъ лишь слабыя и случайныя указанія на мѣсто находенія и положеніе ихъ потомковъ. Тѣмъ не менѣе и эти указанія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что подъ режимомъ цесарско-австрійскимъ и подъ гнетомъ венгерскимъ, совершенно изолированно, живутъ потомки вольныхъ запорожцевъ, лишь въ позднѣйшее время, къ немалому своему удивленію, узнавшіе о томъ, что недалеко отъ нихъ, въ Галиціи находятся люди, говорящіе однимъ съ ними языкомъ и имѣющіе книги на томъ-же, природномъ и имъ языкѣ. Никто однако не взялся подробно изслѣдовать этотъ любо-

пытнѣйшій оазисъ малорусской жизни въ мадьярско - нѣмецкой Сахарѣ.

Г. Кондратовичъ въ своемъ драгоценномъ изслѣдованіи о Сѣчи задунайской, помѣщенномъ въ вашемъ изданіи 1883 года, говоря, со словъ уцѣлѣвшаго 120 лѣтняго запорожца Ананія Коломыйца, о выселеніи запорожцевъ послѣ 1775 г. въ Турцію, Австрію и даже якобы и на островъ Мальту, ни словомъ не упоминаетъ о выселеніи ихъ въ какое-либо другое мѣсто, въ такую наир. неприступную, холодную горную страну, какова Вольная Сванетія, хотя, понятно, не за Дунаемъ можно было искать преданія объ этомъ. А между тѣмъ фактъ выселенія нѣкоторой части запорожцевъ въ Вольную Сванетію имѣеть за собою нѣкоторыя основанія и при тщательныхъ поискахъ могъ-бы быть установленъ и болѣе прочно.

Не давно попали мнѣ въ руки Записки полковника Бартоломея, который еще при императорѣ Николаѣ Павловичѣ былъ командированъ въ Вольную Сванетію, съ цѣлію привлечь и ее въ такую-же зависимость отъ русской власти, въ какую уже приведена была Кляжеская или Дадшкеліаповская Сванетія. Записки эти изданы были отдѣльной книжечкой въ 90 стр. въ 8-ю долю листа, подъ заглавіемъ: «Поѣздка въ Вольную Сванетію полковника Бартоломея въ 1853 году». Въ самомъ концѣ обращенія къ читателю отъ редакціи и находится упоминаніе объ интересующемъ насъ предметѣ. Привожу его цѣликомъ.

«Оканчивая печатаніе сочиненія полковника Бартоломея, редакція получила отъ автора еще нѣкоторыя дополнителныя свѣдѣнія и замѣчанія. «Тамъ, гдѣ я говорю, пишетъ намъ авторъ, о сходствѣ Дадаша Курбіани съ портретомъ одного изъ малороссійскихъ гетмановъ, слѣдуетъ дополнить, что мнѣ случалось слышать на Кавказѣ, будто въ Вольной Сванетіи, въ Муллакѣ, живутъ потомки запорожцевъ, бѣжавшихъ туда неизвѣстно въ какое время. На одной изъ старинныхъ картъ Кавказа я даже видѣлъ въ верховьяхъ Ингура надпись: *мулаки или запорожцы*. Но кромѣ случайнаго сходства Дадаша Курбіани, о которомъ я упомянулъ и которое, конечно, ничего не доказываетъ, въ муллакскомъ обществѣ нѣтъ никакого признака, отличающаго здѣшнихъ сванетовъ отъ жителей прочихъ сванетскихъ обществъ въ верховьяхъ Ингура и Цхенисцхали».

Въ добавокъ къ этому отдаленному и недостаточно опредѣленному сообщенію мнѣ удалось получить на дняхъ новыя и болѣе рѣшительныя указанія на тотъ-же предметъ. Сынъ бывшаго владѣтельнаго князя Сванетіи Куканшшъ Дадешкеліани въ случайномъ разговорѣ о его родинѣ передавалъ мнѣ, что когда онъ поступалъ въ ставропольскую гимназію для обученія и ему попались на глаза въ Ставрополѣ какія-то картины, изображавшія малороссіянъ и запорожцевъ, то его, никогда не видавшаго этого племени, поразило сходство изображенныхъ лицъ въ костюмахъ и другихъ типическихъ особенностяхъ съ видѣнными имъ въ дѣтствѣ жителями трехъ сельскихъ обществъ, живущихъ и доселѣ въ Вольной Сванетіи, не подчинявшейся никакимъ князьямъ. Впослѣдствіи во время своихъ поѣздокъ по Сванетіи онъ посѣщалъ эти общества и на мѣстѣ получилъ отъ тамошнихъ жителей свѣдѣнія, что они не тамошніе аборигены, а вышли съ Кубани въ лицѣ своихъ предковъ. Вѣроисповѣданія они православнаго, но говорятъ языкомъ туземцевъ, а изъ обычаевъ у случайнаго туриста осталось въ памяти лишь обыкновеніе ихъ подбрасывать голову вокругъ и чубъ распускать по бритой уже головѣ. Общества эти: Мужальское, Мулакское и Местійское; всѣ члены ихъ называютъ себя выходцами съ Кубани.

Сопоставляя сообщеніе полковника Бартоломея, въ особенности его упоминаніе о названіи *запорожцы* на старинной картѣ Кавказа, съ тѣми свѣдѣніями, какія вскользь брошены кн. Дадешкеліани, нельзя не видѣть въ обидѣ ихъ совокупности вѣскаго указанія на слѣды поселенія запорожцевъ въ Вольной Сванетіи. Можно сожалѣть, что ни тотъ, ни другой не занялись нарочитымъ и обстоятельнымъ наблюденіемъ надъ языкомъ, вѣрованіями, преданіями, обычаями и домашнимъ бытомъ членовъ названныхъ обществъ. Быть не можетъ, чтобы во всемъ этомъ не оказалось другихъ болѣе существенныхъ указаній на ихъ пришельство, если они сами считаютъ себя пришлецами. Впрочемъ князь Дадешкеліани собирается съ наступленіемъ лѣта вновь посѣтить свою родину, и я надѣюсь, что онъ не откажетъ моей просьбѣ нарочито побывать въ названныхъ выше поселеніяхъ и собрать обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія объ ихъ происхожденіи и настоящемъ видѣ. Если въ нихъ дѣйствительно утратились всѣ признаки малорусской рѣчи, то это можно объяснить развѣ тѣмъ предположеніемъ, что сюда забрели

истые безъсѣмейные сѣчѣвики, что здѣсь они пережились на туземкахъ и что постоянное ихъ потомство произошло отъ смѣшанныхъ браковъ. Подобное перерожденіе, по словамъ очевидцевъ, постигаетъ не только единичныхъ русскихъ, попадающихъ въ Польшу и женящихся на полякахъ, но и переселяющихся туда семьями и обществами нѣмцевъ. Тутъ дѣло не въ культурѣ, а въ изолированности переселенцевъ отъ сродныхъ имъ элементовъ жизни и продолжительности воздѣйствія элементовъ иноплеменныхъ. Языкъ матери является въ такихъ случаяхъ главнымъ и рѣшающимъ факторомъ.

Г. Лебединецъ.

1 янв. 1885 г.

Уроч. Маяглицъ.

А. Э. КИСТЯКОВСКІЙ.

(Некрологъ).

Въ ночь съ 12 на 13 января совершенно неожиданно смерть вырвала изъ нашей среды, не богатой умственными силами и нравственными качествами, еще одну крупную научную и общественную силу, еще одного талантливаго и честнаго дѣятеля. Безжалостно унесла она въ могилу человѣка, еще полнаго умственныхъ силъ и энергіи, обѣщавшаго многое сдѣлать для русской науки, и унесла въ тотъ моментъ, когда онъ готовился подарить насъ рядомъ трудовъ по самымъ интереснымъ и для *ученою* юриста, и въ особенности для историка, вопросамъ. Унесла она лучшаго, выдающагося изъ профессоровъ кievскаго университета, одного изъ самыхъ симпатичныхъ людей, и оставила мѣсто, занимаемое Александромъ Федоровичемъ, какъ ученымъ, профессоромъ и человѣкомъ, пустымъ...

15 января, въ послѣдній разъ, но уже бездыханный оставлялъ Александръ Федоровичъ горячо любимый имъ университетъ. Тридцать съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, вступалъ онъ въ него, въ качествѣ студента, исполненный надеждъ, богатый молодыми силами, и почти ни разу не оставлялъ уже его. Въ немъ онъ воспитался, въ немъ началъ и кончилъ свою учено-педагогическую дѣятельность, ему посвящалъ всецѣло все свои силы. Искренно и горячо предан-

ный своей родной *almae matris*, дорожившій ея успѣхами и процвѣтаніемъ, онъ не могъ и не рѣшался бросить ее, разорвать съ нею связи даже въ самыя тяжелыя для него лично дни, въ минуты тяжелыхъ испытаній, горькихъ разочарованій, трудной борьбы... Съ университетомъ связывали его юношескія воспоминанія, любовь глубокая къ родной ему странѣ.

Покойный былъ сынъ сельскаго священника черниговской губерніи и семинарскій курсъ ученія окончилъ въ 1853 г. двадцатилѣтнимъ юношей (род. 14 марта 1833 г.). Предъ нимъ открывались двери академіи, обезпеченная жизнь въ школѣ, а въ будущемъ, быть можетъ, карьера, но онъ рѣшился искать высшаго образованія въ храмѣ свѣтской университетской науки. Тяжело и неприглядно было то время, не мало способныхъ людей заглохло въ тогдашней атмосферѣ. Но Александръ Федоровичъ, перепеспій тяжелую ломку въ бурѣ, испытавшій фериулу ея съ малыхъ лѣтъ и не исковерканный ею, стумѣлъ и въ средѣ университетской сохранить тѣ нравственныя качества и пачала, которыя онъ вынесъ изъ своей семьи, встрѣчалъ и въ окружавшей его съ дѣтства простой крестьянской средѣ. Глубокая, искренняя привязанность къ родной семьѣ не исчезала въ немъ до послѣднихъ минутъ жизни, глубокое уваженіе къ отцу высказывалось Александромъ Федоровичемъ и потомъ, въ поздніе годы, и выразилось внѣшне въ посвященіи ему одной изъ научныхъ работъ. Ту-же привязанность, ту-же горячую любовь сохранилъ онъ и къ народу, съ которымъ связывали его воспоминанія дѣтства.

Два года спустя по вступленіи А. Ф. въ университетъ (на юридическій факультетъ), стало обозначаться новое движеніе въ обществѣ, занималась заря иной, невиданной жизни, и уже на студенческой скамьѣ его увлекла за собой волна новаго движенія, зародившая въ немъ новыя стремленія и еще болѣе укрѣпившая его нравственныя начала. Любовь къ народу, вопросы о его свободѣ и дальнѣйшей судьбѣ каждаго волновали умъ юнаго студента, страстное желаніе видѣть господство началъ права и справедливости,—этого девиза всей послѣдующей жизни Александра Федоровича,—преданность общему интересамъ, хотя-бы и вопреки личнымъ выгодамъ, уже и тогда, и даже въ рѣзкой формѣ, проявлялась въ немъ. Лица, близкія къ нему, уже тогда подмѣчали, съ какимъ увлеченіемъ онъ

относился къ интересамъ товарищей, къ вопросамъ общественной жизни, съ какимъ упорствомъ и горячностью проводилъ и отстаивалъ свои убѣжденія, несмотря на личныя послѣдствія. То было проявленіемъ юношескаго увлеченія, но Александръ Федоровичъ сумѣлъ сохранить эти качества и до самой смерти. Одна черта его нравственнаго характера уже и на студенческой скамьѣ бросалась въ глаза: это—симпатическое отношеніе къ человѣку, любовь къ нему, вѣра въ него, вѣра въ то, что самый дурной человѣкъ способенъ исправиться, что въ немъ всегда рядомъ съ дурными существуютъ и хорошія стороны, что его проступки—временное заблужденіе—черта, не утраченная Александромъ Федоровичемъ и въ послѣдующіе годы, на аренѣ дѣйствительной жизни. Человѣконенавистничество и тогда, и позже, было ему чуждо, просто непонятно. Человѣкъ пятидесятихъ годовъ, онъ представлялъ изъ себя одну изъ тѣхъ цѣльныхъ, нераздвоенныхъ натуръ, по которымъ не прошелъ разрушающій вихрь скептицизма и отчаянія, натуръ, нерѣдко встрѣчавшихся въ то время и составляющихъ сильный контрастъ съ людьми послѣдующаго времени.

Эта цѣльность природы, эта вѣра въ человѣка, человѣчество и будущее, которая не оставляла его въ самыя тяжелыя минуты жизни, эта сила и искренность убѣжденій, и дѣлали Александра Федоровича прочнымъ и устойчивымъ противъ невзгодъ, не допускали его отступать отъ разъ усвоенныхъ убѣжденій.

«Задача юриспруденціи, высказалъ однажды Александръ Федоровичъ, состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть основныя начала человѣческаго правосудія и *справедливости*. Тотъ не судья, кто не воодушевленъ мыслию, что онъ въ своей дѣятельности долженъ, насколько возможно для человѣка даннаго общества, стремиться при дѣйствующихъ законахъ къ осуществленію *идеала справедливости*; тотъ не достоинъ имени юриста, кто поставитъ задачей своей дѣятельности только одинъ успѣхъ виѣшній, матеріальный, личный, торжество во чтобы-то ни стало своей стороны, съ забвеніемъ началъ права, которыя въ концѣ концовъ суть начала справедливости,—съ поправленіемъ посредствомъ уловокъ, изворотовъ, софизмовъ того, что совѣсть человѣческая издавна признала справедливымъ и истиннымъ. Воплощеніе въ мірѣ человѣческомъ идеи справедливости путемъ дѣятельности практическаго юриста способствуетъ

въ высокой степени благосостоянію и процвѣтанію человѣческихъ обществъ, возвышенію ихъ индивидуальной и общественной морали, водворенію лучшихъ способовъ общежитія и человѣческихъ отношеній. Напротивъ, правосудіе, не воодушевленное идеею справедливости, не руководящееся принципами, равнодушное къ добру и злу, погразшее въ одномъ только лишенномъ духа формализмѣ, въ казуистивѣ, уловкахъ и тонкихъ хитросплетеніяхъ, бываетъ источникомъ большихъ общественныхъ бѣдствій, задерживаетъ развитіе истинно нравственныхъ, справедливыхъ и возвышающихъ общественное благосостояніе отношеній». Въ этихъ словахъ—полное и настоящее *profession de foi* Александра Федоровича. Правда, они были произнесены по одному частному случаю, касаются лишь одной изъ сферъ общественной дѣятельности,—судебной, но то, что сказано имъ было въ 1880 г., при открытіи засѣданій юридическаго общества, повторялось имъ много разъ и раньше по разнымъ другимъ случаямъ, въ отношеніи къ другимъ сферамъ и сторонамъ жизни. Кто встрѣчалъ Александра Федоровича еще юнымъ человѣкомъ, въ скромномъ званіи домашняго учителя, вскорѣ по выходѣ его изъ университета въ 1857 г. (у М. А. Маркевича), кто видѣлъ и сталкивался съ нимъ, простымъ чиновникомъ сначала сената, а потомъ департамента министерства народнаго просвѣщенія (съ 1858 по 1863 г.), кто зналъ его въ Кіевѣ въ первые годы пребыванія его здѣсь (съ 1863 г.), когда онъ проходилъ цѣлую лѣстницу ученыхъ степеней отъ кандидата (1863) до доктора (1868) включительно, тому не разъ приходилось слышать такіа-же рѣчи и мнѣнія, дышавшія всегда тономъ глубокаго и искренняго убѣжденія. Убѣжденіе въ высокомъ значеніи и силѣ идеи справедливости Александръ Федоровичъ вынесъ еще съ студенческой скамьи, хранилъ и поддерживалъ въ теченіе всей своей жизни и могъ сказать съ полнымъ правомъ, что не измѣнялъ ему никогда. Онъ не зналъ, что такое честолюбіе, не искалъ почестей и съ постояннымъ усердіемъ проводилъ вездѣ, гдѣ могъ, чистую идею правды. Проводилъ онъ ее и на кафедрѣ, и въ частныхъ бесѣдахъ, и въ ученыхъ трудахъ, и въ публицистическихъ статьяхъ, и въ рефератахъ, читанныхъ имъ въ кіевскомъ юридическомъ обществѣ, и наконецъ въ собственной жизни. Лицамъ, знавшимъ его близко, либо дѣйствовавшимъ вмѣстѣ съ нимъ, не разъ приходилось видѣть, какъ горячо

отстаивалъ оное то, что считалъ справедливымъ, съ какою энергіею, а иногда и забвеніемъ своихъ личныхъ интересовъ заступался онъ за тѣхъ, кто представлялся ему несправедливо обиженнымъ или оскорбленнымъ, защищалъ тѣхъ, чьи труды подвергались несправедливымъ нападкамъ, злобой и, по его мнѣнію, несправедливой критикѣ. И это не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ пло дѣло объ его друзьяхъ... Будущему историку университета придется не разъ вспомнить въ этомъ смыслѣ покойнаго, какъ придется вспомнить его и тогда, когда рѣчь пойдетъ о лучшихъ членахъ университета, выдающихся научныхъ его силахъ, которые, благодаря его личнымъ усиліямъ, достигли университетской каѳедры. Здѣсь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Александръ Федоровичъ является уже какъ дѣятель науки, какъ защитникъ ея интересовъ.

Но не одни нравственно-общественные идеалы вынесъ Александръ Федоровичъ изъ любимаго имъ университета. Еще на студенческой скамьѣ приобрѣлъ онъ здѣсь любовь къ наукѣ, къ научнымъ занятіямъ, къ тому научному труду, который постепенно создалъ ему почетное положеніе въ русской наукѣ. Еще здѣсь зародились въ немъ нѣкоторыя изъ тѣхъ научныхъ тенденцій, которыя не позволили ему сдѣлаться зауряднымъ, цеховымъ ученымъ, погрузиться въ узкую сферу изученія исключительно правовыхъ отношеній самихъ въ себѣ, безъ отношенія ихъ къ жизни, къ окружающей обстановкѣ. Въ средѣ тогдашнихъ профессоровъ, въ лицѣ покойнаго Иваннишева, къ которому Александръ Федоровичъ не переставалъ питать чувства глубокаго уваженія, какъ къ выдающемуся русскому ученому дѣятелю, онъ встрѣтилъ рѣзко отличившагося отъ цеховыхъ юристовъ, профессора-человѣка юриста, который стремился перенести изученіе права на *научную* историческую почву и одинъ изъ немногихъ мечталъ о разработкѣ вопросовъ исторіи права помощью сравнительно-историческаго метода. Вліяніе Иваннишева сказалось уже рано на Александрѣ Федоровичѣ, и молодой юристъ-студентъ ревностно изучалъ не только право, но и чуждыя тогда юридическому факультету науки: всеобщую исторію и политическую экономію.

Не переставая быть юристомъ, не переставая интересоваться юридическими вопросами самими по себѣ, но съ той точки зрѣнія,

которая составляла его profession de foi, Александръ Оедоровичъ, усиленно работавшій по выходѣ изъ университета въ императорской публичной библіотекѣ, старался всегда находить объясненіе нормамъ и институтамъ права въ ихъ историческомъ развитіи. Уже въ первые годы своей ученой дѣятельности, къ которымъ относятся первые его статьи по уголовному праву (объ уголовномъ судопроизводствѣ въ Англіи 1860 г.), онъ обнаружилъ свои историко-юридическія наклонности въ своей небольшой, но и до сихъ поръ цѣнной статьѣ объ исторіи крѣпостнаго права въ Малороссіи (въ 1861 году). Въ этой полно, обстоятельно и съ большимъ знаніемъ дѣла написанной статьѣ онъ далъ первый и весьма удачный опытъ той исторіи, которую нѣсколько позже, на основаніи новыхъ данныхъ, разработалъ А. М. Лазаревскій въ своей книгѣ «О посполитыхъ». Наклонность къ изслѣдованію вопросовъ права на исторической почвѣ получила еще большее развитіе, болѣе яркое выраженіе въ томъ трудѣ Александра Оедоровича, который создалъ ему сразу высокое положеніе въ научномъ мірѣ, именно въ его «Изслѣдованіи о смертной казни» (Кіевъ 1867 года). «Взявшись за изслѣдованіе этого предмета, заявилъ авторъ въ предисловіи, я обратилъ большую часть вниманія и работы на историческую сторону смертной казни, на связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнмъ развитіемъ чловѣка». И это была не обыденная фраза съ его стороны: какъ-бы мы не относились къ тѣмъ общимъ выводамъ и заключеніямъ Александра Оедоровича относительно послѣдовательныхъ примѣненій, чрезъ которыя прошло развитіе смертной казни, для каждаго знакомаго съ его трудомъ несомнѣнно, что онъ имѣетъ дѣло съ недюжиннымъ изслѣдователемъ, съ глубокимъ знатокомъ своего дѣла. Болѣе того: читающій наталкивается здѣсь на ученаго, появившаго вполне, что изучать кодексы прошлаго можно и должно не такъ, какъ изучасмъ мы современные кодексы, а съ иной научно-исторической точки зрѣнія, что юристу мало знать тѣ или другіе писанные законы, но необходимо знать обычаи и воззрѣнія и первобытныхъ, двихъ народовъ, и народныхъ массъ вообще.

Эта точка зрѣнія, которой придерживался Александръ Оедоровичъ въ своемъ трудѣ «О смертной казни», являющемся первымъ опытомъ исторіи смертной казни не въ одной только русской

литературѣ, была всегда основною и неизмѣнною во всѣхъ чисто научныхъ его работахъ. Она привела его и къ тому ряду работъ по обычному праву, которыя остались, къ сожалѣнію, не оконченными. Тѣмъ не менѣе его труды въ этой области (исслѣдованія о волостныхъ судахъ, о цензурѣ правовъ у народа и т. д.) составили крупный вкладъ въ науку, а его заботы о собираніи этого рода матеріала, составленная имъ программа для собиранія юридическихъ народныхъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву, возбудили общее вниманіе. За такіе труды свои Александръ Федоровичъ избранъ былъ членомъ императорскаго русскаго географическаго общества и награжденъ отъ того же общества серебряною медалью. Въ то же время, въ признаніе ученыхъ заслугъ Александра Федоровича въ той-же области, московское общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Но Александръ Федоровичъ не только работалъ самъ лично, но своимъ вліяніемъ возбуждалъ къ работамъ такого-же рода и другихъ, старался создать цѣлую школу работниковъ въ важной области изученія народныхъ обычаевъ и народнаго обычнаго права (часть трудовъ напечатана была въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» кievскаго университета) и для болѣе быстрой и усиленной разработки матеріаловъ этого рода создалъ при кievскомъ юридическомъ обществѣ специальное отдѣленіе обычнаго права. Благодаря усердной и постоянной своей дѣятельности, Александръ Федоровичъ успѣлъ скопить массу матеріала по обычному праву и началъ даже разработку его, когда смерть прервала драгоценные его труды...

Исторія Малороссіи и сама по себѣ, виѣ специально научныхъ цѣлей сравнительнаго изученія права, нашла въ лицѣ Александра Федоровича не менѣе усерднаго и плодовитаго работника. Достаточно упомянуть изданный имъ сборникъ Малороссійскихъ правъ, его исслѣдованіе по исторіи этого права, столь мало извѣстнаго до него, чтобы оцѣнить тѣ заслуги, которыя онъ и въ этой области оказалъ наукѣ.

Намъ долго пришлось-бы говорить, если-бы мы стали перечислять въ подробности все то, что сдѣлано уже для науки покойнымъ А. Ф. и что предполагалъ онъ сдѣлать. Полная оцѣнка его трудовъ—дѣло исторіи; но можно и теперь уже сказать, что во всѣхъ тѣхъ

сферахъ знанія, въ которыхъ работалъ онъ, имя его останется навсегда въ русской наукѣ. Уже и при жизни ученыя заслуги Александра Федоровича были единогласно признаны всѣми выдающимися дѣятелями науки въ Россіи. Избраніе его почетнымъ членомъ московскаго юридическаго общества, почетнымъ членомъ двухъ русскихъ университетовъ, сосредочивающихъ въ себѣ наиболѣе видныхъ дѣятелей въ области науки, одно уже говоритъ за то, съ какого рода научною силою мы имѣли дѣло въ лицѣ Александра Федоровича. Смерть его въ самомъ разгарѣ его научной дѣятельности является, поэтому одному уже, круцою и трудно вознаградимую потерю.

Научный авторитетъ Александра Федоровича, его личные качества, та постоянная, неустанная дѣятельность, которую обнаруживалъ онъ и какъ ученый, и какъ членъ юридическаго общества, не говоря уже о другихъ сторонахъ его жизни и дѣятельности, легко объясняютъ то отношеніе, то глубокое уваженіе въ нему интеллигентнаго общества, которыя ярко сказались въ тотъ день, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что этого выдающагося дѣятеля науки не стало.

Похороны А. Ф. Кистяковскаго не были похоронами зауряднаго человѣка, не были они и простымъ выполненіемъ долга, обязанности, но были яркимъ выраженіемъ сознанія той горестной утраты, которую въ лицѣ покойнаго понесла наука.

14 января при громадномъ стеченіи публики, состоявшей изъ лицъ самыхъ разнородныхъ сферъ дѣятельности: профессоровъ, учителей, членовъ судебнаго міра, студентовъ и т. д., тѣло Александра Федоровича было вынесено изъ его дома на рукахъ его бывшихъ товарищей и учениковъ въ университетскую церковь. 15 числа въ зданіи университета, въ университетской церкви совершено отпѣваніе дорогаго и уважаемаго покойника. Все время службы церковь и корридоръ подлѣ нея были запружены толпою, чрезъ которую поминутно и съ большимъ трудомъ протискивались лица, приносившія вѣнки, эту послѣднюю дань уваженія покойнику. Вскорѣ вѣнки покрыли весь гробъ. Тутъ были вѣнки отъ ученыхъ обществъ: общества пр. Нестора Лѣтописца, московскаго и кіевскаго юридическихъ обществъ, уважаемымъ и полезнѣйшимъ членомъ которыхъ былъ Александръ Федоровичъ, масса вѣнковъ отъ бывшихъ

его слушателей и учениковъ и отъ студентовъ всѣхъ факультетовъ, вѣнки отъ присяжныхъ повѣренныхъ, отъ чиновниковъ канцелярїи 2-го гражданскаго отдѣленія кїевского окружнаго суда, отъ рубежовской колонїи малолѣтнихъ преступниковъ и т. д., и т. д. Въ половинѣ перваго часа окончилось отиѣваніе; началось послѣднее прощаніе съ покойнымъ. Снова поднять онь былъ руками товарищей и слушателей и вынесенъ изъ церкви на парадный выходъ изъ университета. Въ предверьи университета гробъ былъ поставленъ, чтобы можно было сказать послѣднее «прости» покойному; всякій чувствовалъ, что не одно лишь тѣло многолѣтняго дѣятеля науки выносишь изъ своего зданія университета. Огромныя массы почитателей покойнаго толпились всдѣ и кругомъ. Онѣ наполнили всю громадную переднюю университета, обѣ широкія лѣстницы, ведущія къ большой актовй залѣ университета, скрывались отъ глазъ стоявшихъ внизу въ корридорахъ верхняго этажа. Въ простомъ гробу, въ простомъ костюмѣ лежалъ этотъ дорогой дѣятель съ спокойнымъ лицомъ, застывшимъ въ ту минуту, когда мысль его неслась въ залу суда присяжныхъ. Послѣднее слово ему сказалъ отъ лица университета проф. Тальбергъ, ученикъ и преемникъ его по кафедрѣ, воздавъ должное заслугамъ и трудамъ покойнаго. Похоронное шествіе тронулось, направляясь къ самому скромному изъ кїевскихъ кладбищъ, къ Байковой горѣ. Все время длиннаго пути покойнаго несли на рукахъ, катафалкъ слѣдовалъ пустымъ до самой могилы. Процессія растянулась болѣе чѣмъ на полверсты: за хоругвями и крестами слѣдовалъ хоръ пѣвчихъ, шли факельщики, тянулся длинный рядъ представителей разныхъ учрежденій съ вѣнками въ рукахъ, шель второй хоръ, сформировавшійся экспромптомъ на пути изъ любителей, а съ боковъ и сзади гроба, во всю ширину улицъ, колыхалась трехтысячная масса сопровождавшихъ, главнымъ образомъ изъ лицъ учебнаго и вообще интеллигентнаго міра. Около 3-хъ часовъ похоронная процессія достигла Байковой горы, гдѣ въ уютномъ и отдаленномъ уголкѣ вырыта была простая яма близъ могилы матери покойнаго, по его личному желанію.

Три рѣчи произнесены были у могилы: проф. В. Б. Антоповича, пишущаго эти строки и рѣчь П. И. Житецкаго, прерванная рыданіями. Среди родной семьи и друзей пропѣли въ послѣдній разъ

«вѣчную память». Гробъ былъ опущенъ въ могилу, и чрезъ нѣсколько минутъ земля навсегда раздѣлила покойнаго съ тѣмъ міромъ, который онъ такъ любилъ и отъ котораго такъ часто страдалъ.

Честнаго человѣка, выдающагося ученаго, любимаго учениками профессора—не стало!

И. Лучицкій.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Съ поваго года періодическая печать въ Галиціи увеличилась однимъ органомъ, возникшимъ въ наиболѣе глухомъ и отдаленномъ ея уголкѣ: въ Черновцахъ, столицѣ маленькой Буковины, стала выходить два раза въ мѣсяцъ русинская газета, посвященная исключительно народнымъ дѣламъ и интересамъ. Въ первомъ номерѣ «Буковины», редакція состоящая, какъ видно, изъ кружка мѣстныхъ патріотовъ, высказываетъ въ такихъ словахъ свой взглядъ на задачи и значеніе политическихъ органовъ, желающихъ служить народу: «газеты должны быть зеркаломъ нашей духовной жизни, голосомъ нашихъ желаній и мѣстомъ обмѣна нашихъ мыслей и думъ. Въ нихъ должны мы встрѣчать совѣтъ и утѣшеніе на всѣ наши душевныя боли—отъ нашихъ учителей, наставниковъ, голосъ которыхъ научилъ-бы насъ жить полною народною жизнью, хранить и оберегать нашу народную честь и пробуждалъ-бы въ насъ народное самосознаніе. Ихъ голосъ долженъ свлечь насъ на борьбу съ неправдой и на смѣлое отстаиваніе справедливости и предоставленныхъ намъ законныхъ правъ». Единственною цѣлью, которую ставитъ себѣ газета—это «способствовать тому, чтобы буковинскій русскій народъ сталъ на равную степень моральнаго и духовнаго развитія съ остальными народами австрійской монархіи и вступилъ равноправнымъ членомъ въ общую жизнь страны».

Въ статейкѣ о сеймовыхъ выборахъ и господствующихъ на нихъ порядкахъ газета горько жалуется на отсутствіе въ сеймѣ, не смотря на предоставленную закономъ возможность, истинно мѣстныхъ представителей. Съ 1868 года въ сеймъ не засѣдаетъ ни одинъ русинъ. Объясненіе этого факта авторъ статьи видитъ въ томъ, что ближе къ 1848 году еще жива была въ народѣ память о крѣпостномъ правѣ и онъ относился съ недовѣріемъ ко всѣмъ обществен-

нимъ элементамъ, чуждымъ крестьянству. Но когда черезъ 20 лѣтъ у него явилась своя интеллигенція, то онъ привыкъ къ «сюртучишкамъ», принимая ихъ всѣхъ за происходящихъ изъ подъ сельской «стрѣхи». Передъ выборами всѣ эти господа объявляютъ себя русскими, обѣщаютъ стоять за учрежденіе русской гимназіи въ Коцмани и т. п. и задають угощеніе народу. Главная причина неудовлетворительности буковинскаго представительства—народное легковѣріе, оружіе противъ этого зла—просвѣщеніе.

Особая рубрика заключаетъ въ себѣ обзоръ дѣятельности русскихъ буковинскихъ обществъ. Въ Черновцахъ ихъ нѣсколько: «руска Бесѣда» (библіотека и клубъ), драматическое общество, русскій народный домъ, академическій союзъ и мѣщанская читальня. Изъ этихъ обществъ «Союзъ» собирается въ нынѣшнемъ году праздновать десятилѣтіе своего существованія изданіемъ литературнаго альманаха.

Въ «Мелкихъ Извѣстіяхъ» встрѣчаемъ новости объ успѣхѣхъ народнаго дѣла въ Галиціи: близкомъ открытіи школы въ Львовѣ съ обученіемъ на мѣстномъ языкѣ, учрежденіи тамъ-же пѣвческаго общества, благоприятныхъ для русиновъ распоряженіяхъ министра торговли Пино на галицкихъ желѣзныхъ дорогахъ и т. п.

Но чисто литературный интересъ обѣщаетъ сообщать газетѣ участіе извѣстнаго, талантливаго беллетриста Осипа Федьковича. Въ настоящемъ номерѣ помѣщенъ его очеркъ «Сафать Зивычъ», вышедшій въ собраніе его повѣстей, вышедшее въ 1874 году въ Кіевѣ, но, вѣроятно, еще неизвѣстный на родинѣ писателя. Федьковичъ въ галицкой да и во всѣхъ славянскихъ литературахъ представляетъ совершенно своеобразное явленіе. Никто лучше его не владѣетъ искусствомъ развернуть на двухъ-трехъ страничкахъ текста цѣлую бытовую драму, дать въ этихъ крошечныхъ рамкахъ отличающуюся глубиной бытовую картину. Это настоящій «маньятюристъ» блестящей поры искусства, особенно интересный тѣмъ, что въ его талантѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются типичныя черты народности, къ которой онъ принадлежитъ. Возвращеніе его на литературную арену нельзя поэтому не привѣтствовать истиннымъ сочувствіемъ.

Г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г. НА СЛѢДУЮЩЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

ДѢТСКІЙ „РОДНИКЪ.“ ЖУРНАЛЪ

Въ 1885 году (4-й годъ изданія) «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, въизмами въ 100 и болѣе страницъ большаго формата, со многими рисунками, съ музыкальными приложеніями и съ отдѣломъ смѣся, въ которомъ помѣщаются мелкія статьи, загадки, задачи, игры и проч. и проч.

Выборъ статей въ «Родникѣ» приравленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Редакція даетъ главнымъ образомъ оригинальныя статьи изъ русской жизни и природы. Всѣ, даже мелкія статьи научнаго содержанія редактируются спеціалистами.

Приложеніе къ «Роднику», педагогическій сборникъ «Воспитаніе и Обученіе» выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ нитѣ помѣщаются статьи по вопросамъ воспитанія и обученія и библиографія по дѣтской, учебной и педагогической литературѣ.

Премія къ „РОДНИКУ“ 1885 года

будетъ заключаться въ альбомъ 12 оригинальныхъ картинъ по русской исторіи художника А. Земцова, исполненныхъ геліотипіей въ Вѣнѣ, у Ангерера и Гешля. Картины эти будутъ разосланы и. подписчикамъ отдѣльно отъ журнала, всѣ сразу, въ красивомъ конвертѣ, съ первымъ № «Родника» 1885 г.

Кромѣ того, въ видѣ дароваго приложенія къ «Роднику» 1885 г., будетъ данъ «Литературный альбомъ» изъ 12 оригинальныхъ картинъ художника Н. Н. Каразина къ стихотвореніямъ русскихъ классиковъ. Къ каждому № будетъ прилагаться по одной такой картинкѣ.

Журналъ «Родникъ» Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи рекомендованъ, какъ весьма полезный для женскихъ институтовъ и гимназій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Особымъ Отдѣломъ сего Комитета допущенъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1885 г. остаются прежнія:

На годъ, съ доставкою и пересылкою, за 12 книгъ «Родника» съ отдѣльною премією—5 р. блей.

Тожь, съ приложеніемъ 3 книгъ педагогическаго сборника «Воспитаніе и Обученіе»—6 рублей.

Адресъ главной конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Никольская площадь, № 4.

12 книжекъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ книжекъ 12

Изд. 1884 г. (второе изданіе).

съ портретами: имп. Елисавета Алексѣевна; Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ; митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ; гр. Аракчеевъ и П. О. Минкина; гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій; Пушкинъ (отпечатанъ красками); Лермонтовъ; Н. А. Некрасовъ; Н. И. Пироговъ; педагогъ бар. П. А. Корфъ; В. В. Самойловъ; портретъ группа: лордъ Рогланъ, марш. Пелисье и Омёръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ Волинскаго—академ. М. А. Щурупова; имп. Александръ II, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣло; судъ на Руси, каррикатура.

Содержаніе: Записки *Штрандмана*, 1771—1780 гг.;—Записки Мих. *Фонизина*: очерки русской исторіи IX—XVIII вв.;—Мих. Пик. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. *А. Е. Розена*; Разказы кв. Ад. Пик. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. *Н. А. Валуевъ*;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кв. *С. А. Мадатовой*;—Зап. *Д. И. Ростиславова* о бѣдохъ духовенствъ;—Воспомяніи декабриста *А. И. Бѣльева*;—Дневникъ декабриста *В. К. Кюхельбекера* въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. *М. И. Пущина*;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг., зап. *М. Я. Ольшевскаго*;—Моск. воспом. *Н. В. Берга*, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. *Я. А. Соловьева* о крест. дѣлѣ 1858—1859 гг.;—Вилевскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. *А. О. Гамбургера*;—Зап. педагога бар. *Н. А. Корфа*;—Посмертныя записки *Николая Из. Пирогова*;—Зап. крестьянина-поэта *С. Дрожжина*.

Исслѣдованія и очерки: профес. *Д. И. Иловайскаго*;—*И. А. Лилчиченко*;—очеркъ *С. Л. Иташицкаго*;—Патр. Пиконъ по вновь открытымъ матеріаламъ *Н. А. Гиббенетъ*, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. *В. А. Бильбисова*;—Настася Милкина, домоврательница гр. Аракчеева; Ермоловъ и его кебяшныя жены, очеркъ *Ад. И. Берже*;—Гр. Каподистрій и гр. К. В. Песельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. *С. С. Уварова*;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разказъ *Мознацкаго* и переписка имп. Николая

І съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Сиб. въ 1831 г., очерки и рассказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ *Ад. П. Берже*;—Рассказъ правосл. латыша *Индрика Страухита*, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. П. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Дорнью Мелпкову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дя. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Цвк. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милетинъ въ Ц. Польскомъ, —Вредныя секты, очерки *А. Пруссина*;—19 февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положенія о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ, —В. А. Жуковский, —Н. И. Гнѣдичъ, —Д. В. Давыдовъ, —К. И. Батюшковъ, —А. С. Пушкинъ, —М. Ю. Лермонтовъ, —Н. В. Гоголь, —Сырокомля, —Т. Г. Шевченко, —Н. Г. Помяловскій, —гр. А. К. Толстой, —Ф. М. Достоевскій—Н. С. Тургеневъ, —В. В. Самойловъ— въ ихъ письмахъ, воспом., очеркахъ жизни и литературной дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Открыта подписка на «Русскую Старину» изд. 1885 г.

„Одесскій Вѣстникъ“,

на 1885 г.

(ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Со вступленіемъ въ создатели «Одесскаго Вѣстника» кандидата правъ *С. Ю. Ломницкаго*, средства газеты усиливаются. Вслѣдствіе этого, не позже первыхъ чиселъ декабря настоящаго 1884 года, послѣдуютъ значительныя улучшенія въ отношеніи содержанія и виѣнности газеты. Въ составъ редакціи приглашены новыя литературныя силы для восполненія бывшихъ пробѣловъ и болѣе чуткаго отношенія къ назрѣвающимъ вопросамъ.

Не смотря на увеличеніе объема газеты и другія улучшенія, требующія затратъ, подписная плата остается прежняя.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:

съ пересылкой или доставкой:

Эт годъ (12 мѣсяцевъ). 12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ). 14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ. 7 р. — к.	За 6 мѣсяцевъ. 8 р. — к.
За 3 мѣсяца 3 р. 85 к.	За 3 мѣсяца 4 р. 50 к.
За 1 мѣсяць 1 р. 30 к.	За 1 мѣсяць 1 р. 50 к.

На пересылку за границу прибавляется 50 коп. въ мѣсяць.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа подписной платы по полугодіямъ и по четвертямъ года. При разсрочкѣ *полугодишной* вно-

сится 1 января 8 р., и 1 июля 6 руб.; по четвертямъ года: 1 января 4 руб., 1 апрѣля 4 руб.; 1 июля 3 руб. и 1 сентября 3 руб.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; *иностраннѣе*—не иначе, какъ съ 1-го или 15 числа каждаго мѣсяца.

Подписка принимается въ **Одессѣ**, въ конторѣ «Одесскаго Вѣстника», по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

1885 г. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ г. 1885.

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.“

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Редакторъ-издатель П. Н. ПОЛЕВОЙ.

Въ 1885 году годовые подписчики „Живописнаго Обзорѣнія“ получаютъ:

- I. 52 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, каждый не менѣе двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текстѣ.
- II. 12 ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убористаго шрифта.
- III. 12 ежемѣсячныхъ номеровъ «Парижскихъ модъ».
- IV. Бесплатную премію—художественно исполненную олеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одна пейзажъ и два жанра;—подробности въ № 1). Желающіе получить всѣ три картины доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 р.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе порчи картинъ въ дорогѣ, предлагается гг. подписчикамъ пересылка ихъ *страховыми посылками*—прочнo унакованными и зашитыми въ холстъ, на полной отвѣтственности конторы, для чего за пересылку одной картины слѣдуетъ добавить 60 к., двухъ—80 к. и трехъ—1 руб.—Всѣмъ подписчикамъ, которые не сдѣлаютъ этого добавочнаго взноса, премія будетъ отправлена обыкновеннымъ бандерольнымъ способомъ, но, въ случаѣ пропажи или порчи ея въ дорогѣ, контора не можетъ принять за это на себя никакой отвѣтственности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкою и пересылкою.

безъ доставки и пересылки.

За годъ	8 р. — к.	За годъ	6 р. 50 к.
За полгода	4 р. 50 к.	За полгода	4 р. — к.

Подписка за границую: за годъ—12 руб., за полгода—6 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ СЛѢДУЮЩІЕ
ЛИТЕРАТОРЫ:

Н. А. Ахшарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Василевскій (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейсбергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенская, Н. Ф. Горбуновъ, Г. С. Дестунисъ (профессоръ), Л. Звонаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, Н. И. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митурячъ, Д. Я. Михаловскій, Д. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ, Е. В. Повежаревъ, Л. Рускинъ, А. Сокольниковъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северяиъ, Л. Х. Симонова, К. И. Соборный (псевдонимъ), С. П. Тернигоревъ (Сергій Атава), П. Тройницкій, М. К. Цибрикова, Дм. Чертковъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шичонко, В. Ю. Юрьевъ, А. П. Яхонтовъ и многіе другіе.

1885 г. „ВОЛЫНЬ“, г. 1885.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ седьмой годъ своего существованія, съ будущаго 1885 года, газета „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текуція событія и статья научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библиографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учреждений, и 18) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомиръ, въ конторъ редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 к.	1 р. 80 к.	1 р. — к.
Съ доставкою на дожь	3 р. 50 к.	1 р. 90 к.	1 р. 10 к.
Для иногородныхъ съ пересылк.	4 р. — к.	2 р. 20 к.	1 р. 20 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики при перемѣнѣ адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

Редакторъ Н. И. Коровицкій.

Издатель И. И. Коровицкій.

1885 г. „КІЕВЛЯНИНЪ“ 1885 г.

21-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

На годъ	12 руб. — к.	На 3 мѣсяца	4 руб. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ	7 руб. — к.	На 1 мѣсяць	1 руб. 50 к.

Подписка принимается въ редакціи „Кіевлянина“ (Уголь Шулявской и Кузнечной ул., д. насл. Шульгина).

„ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“

1885 г.

1885 г.

ВМѢСТѢ СЪ ГАЗЕТОЮ

„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“

Съ Высочайшаго соизволенія, въ 1885 году «Русскій Инвалидъ», издаваемый подъ одною общою редакціею съ «Военнымъ Сборникомъ», будетъ выходить, по прежнему, ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, и «Военный Сборникъ» — ежемѣсячно, книжками до 20 листовъ каждая.

Оба изданія, «Русскій Инвалидъ» и «Военный Сборникъ», служа другъ другу необходимыми дополненіемъ, будутъ: ежедневная газета — сообщать главныя официальныя извѣстія и слѣдить за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, а также за явленіями, имѣющими соотношеніе къ военному дѣлу; ежемѣсячный журналъ — посвятитъ свои страницы всесторонней разработкѣ собственно военнаго дѣла въ болѣе обширномъ значеніи этой отрасли знаній.

Высочайше утвержденныя программы обоихъ изданій остаются прежніи.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И .

Подписка на «Военный Сборникъ» и «Русскій Инвалидъ» на 1885 г. принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи означенныхъ изданій: на Надеждинской, домъ Трута, № 42.

Подписная цѣна назначается: за годовой экземпляръ журнала «Военный Сборникъ» 7 р. 50 коп., съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ. Заграничная подписка 10 р. На мѣсячные сроки подписка на журналъ «Военный Сборникъ» не принимается.

Подписная цѣна за годовой экземпляръ газеты «Русскій Инвалидъ» 7 р. 50 коп., съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ.

Военно-служащіе и войсковыя управленія, подписывающіеся на «Русскій Инвалидъ» и «Военный Сборникъ» *омѣсть* платятъ, съ доставкою и пересылкою **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ** за оба изданія.

1885 ГОДЪ. „ЭХО“, ГОДЪ 1885

Большая ежедневная, политическая и литературная газета, существ. пятый годъ.

С.-Петербургъ, Пескій просп., домъ № 61.

Изъ большихъ ежедневныхъ газетъ—газета «Эхо» самая дешевая; тогда какъ головая цѣна другихъ равняется 17 р., газета «Эхо» стоитъ всего лишь съ пересылкою и доставкою 10 р., разница громадная. (Допускается разсрочка платежа: для служащихъ—по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ; не-служащимъ— чрезъ главную контору редакціи «ЭХО», уплачивается при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 р., а въ началѣ августа 2 р.).

Значительно увеличившееся число подписчиковъ, явившееся результатомъ сдѣланныхъ улучшеній, даетъ намъ возможность, *сохраняя подписную цѣну въ наступающемъ 1885 году*, сдѣлать содержаніе газеты богаче, открывъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЬ. Въ немъ редакція постарается дать возможно вѣрное выраженіе движенія въ торговлѣ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, на Кавказѣ и въ другихъ торговыхъ центрахъ Россіи.

ОТДѢЛЬ ПУТЕШЕСТВІЙ. Нѣсколько шибетныхъ писателей, отпрандываясь въ послѣднія недѣли великаго поста въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню, изъявляя согласіе дѣлать описанія этого путешествія, которыя и начнутъ печататься въ нашей газетѣ со времени ихъ отбѣда. Они посѣтятъ Москву, Кіевъ, Крымъ, пройдутъ весь Кавказъ и Закавказье, предпримутъ восхожденіе на гору Араратъ, побывають въ долинѣ Месопотаміи, на развалинахъ Вавилона и Ниневіи, пройдутъ потокомъ всю Палестину и отъ Іерусалима направятся по Аравійской пустынѣ къ горѣ Синай и въ Египетъ въ долину Нила. Это путешествіе будетъ печататься въ нашей газетѣ, затѣмъ будетъ издано отдѣльно съ приложеніемъ *скицковъ* со всѣхъ святыхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ. Книга эта, на которую редакція ассигнуетъ значительную сумму денегъ, будетъ издана роскошно, отдѣльнымъ томомъ и предложена подписчикамъ за одну только стоимость бумаги и пересылки.

ОТДѢЛЬ БЕЛЛЕТРИСТИКИ составитъ главную часть содержанія воскресныхъ №№, давая читателю романы, повѣсти, стихотворенія и отдѣльные рассказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. Составляя такъ образъ эти номера, редакція расчитываетъ дать своему читателю въ буквальный смыслъ «воскресное чтеніе», чтобы каждое семейство, собравшись въ своемъ кругу, могло имѣть полезное и пріятное развлеченіе. Всѣ помѣщенные въ газетѣ романы, повѣсти, стихотворенія и рассказы будутъ изданы отдѣльнымъ томомъ и предложены подписчикамъ точно также—за одну только стоимость бумаги и пересылки.

Придавая громадное значеніе *внутренней жизни* нашего государства, редакція газетъ «Эхо» уже имѣетъ въ настоящее время по всѣмъ главнымъ горо-

дахъ Россіи корреспондентовъ, лично извѣстныхъ редакціи, и на добросовѣстное отношеніе которыхъ къ своей высокой обязанности редакція можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакція также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ мѣстную политическую и общественную жизнь.

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“, 1885 г.

Съ 15-го сего октября открыта подписка на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» въ 1885 году, двѣнадцатомъ его изданіи.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. По этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣванія человѣчества.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ подписчикамъ, годовымъ и полугодовымъ, наше обычное бесплатное приложеніе, подъ названіемъ «Календарь для духовенства» на 1885-й годъ. Головая цѣна на газету съ бесплатнымъ приложеніемъ семь рублей, полугодовая четыре рубля и трехмѣсячная два рубля. Для заграницныхъ подписчиковъ цѣна остается прежняя: 10 р. въ годъ.

Подписка принимается: въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» въ С.-Петербургѣ, Троицкій переулокъ, д. № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„НОВОРОССИЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

Газета политическая, экономическая и литературная.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

1-го января наступающаго 1885 года исполнится ровно десять лѣтъ съ той поры, какъ мы приняты на себя изданіе «Новороссійскаго Телеграфа».

Не мало средствъ, труда и энергии пришлось намъ затратить, чтобы возобновленный нами «Новороссійскій Тел.» поставить на уровень общественныхъ задачъ и требованій; съ каждымъ годомъ мы убѣждались, что эти требованія возрастаютъ, и значеніе печатнаго органа увеличивается, почему ежегодно, расширяя программу газеты, мы успѣли довести ее по пути улучшеній до вышншаго ея состоянія.

Сочувствіе общества даетъ намъ силы на дальѣйшую дѣятельность, а десятилѣтній опытъ научалъ насъ по возможности избѣгать случайныхъ промаховъ

и ошибокъ, неизбежныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступаемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше поднимаемъ наше знамя, во имя котораго трудялись десять лѣтъ.

Редакція «Новороссійскаго Телеграфа», не прибѣгая къ обшачіямъ и зазываніямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста Бумвы (г. Василевскаго), украшающаго страницы «Новороссійскаго Телеграфа» въ теченіи шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обыкновенно появляются въ «Новор. Телеграфѣ» 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перенечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, «Нов. Телеграфъ», не увеличивая подписной цѣны, **увеличиваетъ свой форматъ**, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право изданія **«бесплатныхъ премій»**, которые будутъ выходить въ періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матеріаловъ и возможность изготовленія соответствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Раппа, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		Безъ доставки		Съ доставкою				Безъ доставки		Съ доставкою							
		и пересыл.		и пересыл.				и пересыл.		и пересыл.							
На	мѣсяцъ	1 р.	30 к.	1 р.	50 к.	На	7 мѣсяцевъ	8 р.	30 к.	9 р.	50 к.						
»	2	»	60	»	3	»	»	8	»	9	»	60	»	11	»	—	»
»	3	»	85	»	4	»	»	9	»	10	»	—	»	11	»	50	»
»	4	»	—	»	6	»	»	10	»	11	»	—	»	13	»	—	»
»	5	»	30	»	7	»	»	11	»	11	»	50	»	13	»	50	»
»	6	»	—	»	8	»	»	12	»	12	»	—	»	14	»	—	»

За границу къ стоимости экземпляра въ Россію слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для годовыхъ подписчиковъ **допускается разсрочка** въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Вносы разсроченной платы могутъ быть или **полугодовые** (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 юня), или по **четвертямъ** года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го юня и 1-го сентября), т. е. всегда за **мѣсяцъ впередъ** до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ снхъ учрежденіяхъ, **допускается подписка въ кредитъ**, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

1885 (годъ Большой Литературно-Художественный Журналъ, седьмой) 1885

Выходятъ еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ отъ 16 до 20 страницъ, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ; (въ годъ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ).

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ журнала все подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНО**:

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“, въ которыхъ въ теченіи года помѣщаются наиболѣ выдающіеся беллетристическія произведенія **всѣхъ** европейскихъ литературъ. Въ концѣ года *«Еженедѣльные Литературныя Приложенія»* составятъ нѣсколько томовъ самаго интереснаго и замѣательнаго чтенія.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Нѣкоторыя приложенія печатаются съ тономъ. Прекрасная бумага, изящное исполненіе въ гравюрѣ, артистическая печать, все это даетъ возможность составить изъ художественныхъ приложеній *«Иллюстрированнаго Мира»* роскошный альбомъ.

„**НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ**“, разсылаемая ежемѣсячно и составляющія полный руководяльно-модный журналъ. Въ теченія года дается: *около 500 политическо-художественныхъ рисунковъ* новѣйшихъ модъ, какъ то: домашнія платья, пріемные туалеты, визитные, костюмы для гулянья, выѣздные туалеты, вечерніе для театровъ, концертныхъ, бальные, туалеты для невестъ, для причастія, различныя шубки, пальто, жакетки и пр., а также дѣтскіе костюмы, платье, бѣлье и т. п. *Руководяльныя работы: разнообразныя буквы, инициалы, вензеля* и пр. Въ каждомъ модномъ номерѣ заключаются слѣдующіе отдѣлы: *Модный Курьеръ* (обзоръ модъ), *Описаніе рисунковъ, Хозяйство и кухня, Событія и рецепты, отзывы подписчиковъ, слѣтья* и пр.

Все годовые подписчики получаютъ **главную большую премию**: литературно-художественный

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬМАНАХЪ.

Альманахъ этотъ, украшенный прекрасными картинками, портретами и виньетками, будетъ заключать въ себѣ: стивотворенія, беллетристическія произведенія (оригинальныя и переводныя), біографіи, историческіе очерки, статьи по искусствамъ, путешествія и пр. Въ концѣ альманаха будетъ помѣщенъ юмористическій отдѣлъ съ карриатурами. — *Живописный Альманахъ*, представляющій массу интереснаго чтенія, по своей изящности и богатству картинкамъ *можетъ служить самымъ лучшимъ настоящимъ украшеніемъ въ каждомъ домѣ.*

(Желающие получить альманахъ въ роскошномъ штампованномъ, золоченомъ переплетѣ предлагаютъ за переплетъ къ подписной цѣнѣ 1 р.)

Подписная цѣна журнала на 1885 годъ:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ . . .	4 р.	Безъ дост. въ Москву, чрезъ кон. А. Метцля	4 р. 50 к.	Съ доставк. въ Сиб. и въ друг. городахъ и мѣстечкахъ Россіи.	5 р.
За границу					6 руб.

Принимается подписка на $\frac{1}{4}$ года—1 р. 25 к.; на $\frac{1}{2}$ года—2 р. 50 к.; и на $\frac{3}{4}$ года—3 р. 75 к. Желающие получить журналъ съ разсрочкою платежа подписной суммы, уплачиваютъ: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 1 р., къ 1-му июля 1 р., и къ 1-му сентября 1 р.

Желающие ознакомиться съ журналомъ, могутъ получать пробный номеръ, высылая лишь двѣ 7-ми копѣечныя марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С. Петербургѣ, въ главной канторѣ редакціи, Невскій проспектъ, № 76. Въ Москвѣ, въ Центральной Канторѣ объявленій А. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова, № 6.

„ПРОГРЕССИВНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“

иллюстрированный журналъ рациональнаго веденія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства съ цѣлью полученія наибольшаго дохода.

издающійся при постоянномъ сотрудничествѣ профессоровъ высшихъ учебныхъ земледѣльческихъ заведеній и хозяйствъ-практиковъ, подъ редакціей Л. А. Черноголазова.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ большаго формата съ безплатнымъ приложеніемъ литературно-научнаго журнала „Еженедѣльный Обзоръ“.

По прихѣту истекающаго года, въ журналѣ «Прогрессивное Сельское Хозяйство» каждая отрасль сельскаго хозяйства будетъ имѣть свой отдѣлъ, который будетъ разрабатываемъ съ возможною полнотой. **Программа:** 1) Земледѣіе. 2) Лѣсоводство. 3) Скотоводство и птицеводство. 4) Садоводство и огородничество. 5) Пчеловодство. 6) Сельскохозяйственная механика и архитектура. 7) Вопросы и отвѣты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. 8) Сельско-хозяйственная хроника. 9) Полезныя замѣтки для сельскихъ хозяевъ и хозяекъ. 10) Домашняя медицина, гигиена и санитарное дѣло. 11) Внутренніе и иностранныя рынки. При статьяхъ помѣщаются полнѣйшая въ текствѣ и отдѣльныя рисунки.—Журналъ «Еженедѣльный Обзоръ» даетъ въ каждомъ номерѣ краткую, но обстоятельную характеристику выдающихся событій русской и иностранной жизни, романы, повѣсти, небольшіе рассказы изъ области наукъ, искусствъ и художествъ и т. п.

Благодаря сочувствію гг. хозяевъ, редакція, несмотря на значительный объемъ своего изданія (не мѣся 200 печатныхъ листовъ въ годъ), множество до-

рого-стоящихъ рисунковъ и т. п., находить возможнымъ оставить прежнюю цѣну т. е. съ доставкой и пересылкою *только руб. въ годъ за оба изданія*. Но прямѣру прошлаго года, лица, подписавшіяся до 1 го января, получаютъ при одномъ изъ первыхъ четырехъ № журнала разные огородныя и цвѣточныя сѣмена.

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Прогрессивнаго Сель-Хозяйства» за 1884 г. могутъ быть получены изъ редакціи по 6 р. безъ перес.

Открыта подписка на сборникъ

„ПРАКТИЧЕСКІЕ НАСТАВЛЕНІЯ, УКАЗАНІЯ И РЕЦЕПТЫ“,

примѣняемые въ домашнемъ, городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, состоящіе изъ: 1,000 полезныхъ наставленій и указаній относительно приготовленія разнаго рода съѣстныхъ припасовъ и консервовъ, а также и приготовленія мыла, помады, душистыхъ водъ, чернилъ, красокъ и проч.; выведенія различныхъ ояень, истребленія всякаго рода насѣкомыхъ; 250 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней; 500 средствъ насчетъ ухода и лѣченія лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицъ и проч., и 250 полезныхъ занятій на счетъ разведенія цвѣтовъ, растений, плодовъ и проч.

Тутъ-же продаются:

1) **Культура пшеницы**, монографія профессора Я. П. Капиновскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

2) Печатается сочиненіе Гравенгорста „**Практическій пасѣчникъ**“ съ 56 рисунками; переводъ съ 3-го вѣмецкаго изданія. Цѣна съ пересылкою 2 рубля.

Котора редакція помѣщается въ *С.-Петербурѣ, Троицкій пер.*, д. № 40.

„ТЕХНИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ“,

иллюстрированный журналъ новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ заводско-фабричной промышленности,

СО СПЕЦІАЛЬНЫМИ ОТДѢЛАМИ

электротехники, винокуреннаго, пивовареннаго, сахарнаго, мукомольнаго, писчебумажнаго и кожевеннаго производства.

Программа журнала: 1) Указанія и распоряженія заводско-фабричныя. 2) Электротехника. 3) Винокуреніе. 4) Пивоваренное прозв. 5) Сахарное прозв. 6) Мукомольное прозв. 7) Писчебумажное прозв. 8) Кожевенное прозв. 9) Технология, какъ-то: кирпичное, крахмальное, маслѣйное, мыловаренное, прядильное, свѣчное, суконное, ткацкое и проч. производства. 10) Химія. 11) Механика. 12) Горное дѣло и металлургія. 13) Техно-химическіе рецепты и наставленія. 14) Гигіена и санитарное дѣло. 15) Патенты. 16) Привилегія. 17) Вопросы и отвѣты. 18) Техническая библиографія. 19) Слѣсь. 20) Объявленія.

Журналъ выходитъ 15 и 30 наждаго мѣсяца, въ 4—5 печатныхъ листовъ большаго формата, со многими полтипажами въ текстѣ.

Подписная цѣна на 1 годъ съ пересылкою 10 руб.

„Техническій Обзоръ“ за 1882, 1883 и 1884 гг. можно получать по 10 руб., съ пересылкою за каждый годъ.

Контора редакціи «Техническій Обзоръ» въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., № 40.

Открыта подписка на сочиненіе нижеп. Тильмана:

„Подробное руководство къ установкѣ и постройкѣ паровыхъ котловъ“

всѣхъ лучшихъ системъ, съ подробнымъ расчетомъ паровиковъ, дымогарныхъ трубъ, арматуры и проч., съ указаніемъ надежныхъ предохранительныхъ правилъ противъ взрыва, а также съ указаніемъ на рациональное утилизиrowаніе топлива и на повѣдшія усовершенствованія въ отопленіи паровыхъ котловъ сжиганіемъ дыма—чистѣйшаго и лучшаго горючаго матеріала.

1 большой томъ въ 40 печатныхъ листовъ, съ 400 полтипажами.

Это замѣчательнѣйшее сочиненіе становится необходимымъ руководствомъ для каждаго заводчика, фабриканта, владельца паровыхъ котловъ, механика, техника, технического учителя и проч.

Подписная цѣна 6 рублей.

Вышло уже 1, 2, 3 и 4 выпуски—5 и 6 находятся въ печати.

Подписка на соч. Тильмана принимается въ Редакціи „Техническаго Обзора“.

Открыта подписка на книгу

„ПРАКТИЧЕСКІЕ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКІЕ РЕЦЕПТЫ“

1500

новѣйшихъ и полезнѣйшихъ открытій, усовершенствованій и патентованныхъ изобретеній въ областяхъ: винокуреннаго, водочнаго, воскобойнаго, горчичнаго, клеовареннаго, кожевеннаго, косметическаго, красильнаго, красочнаго, крахмального, лаковаго, маслосбойнаго, мазиннаго, металлическихъ издѣлій, мукомольнаго, мыловареннаго, пивовареннаго, печебуажнаго, сахарнаго, свѣчнаго, ситцелечатнаго, скорняжнаго, слесарнаго, снѣлочнаго, стекляннаго, суконнаго, укуснаго, табачнаго, фарфороваго, фаянсоваго, шоколаднаго и прочихъ производствъ.

Подписная цѣна 2 рубля, съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Техническій Обзоръ“ въ С.-Петербургѣ.

„Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ“,

1885 г. (третій годъ изданія).

съ приложеніемъ газеты „ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ“

издаваемый при Императорской академіи Художествъ

подъ редакціей А. И. СОМОВА.

Вѣстникъ выходитъ въ свѣтъ шесть разъ въ годъ, т. е. однажды въ два мѣсяца, книжкою въ 5—8 печатныхъ листовъ; «Художественныя Новости» появляются 24 раза въ годъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца), въ объемъ $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ печатныхъ листа.

Къ «Вѣстнику» прилагаются эстампы, исполненные гравюрою на мѣди (рѣзцомъ или крѣпкою водкою) и на стали, фотогравюрою, фототипіею, литографіею и проч. Эти эстампы, которыхъ въ году подается не менѣе 24-хъ, состоятъ изъ портретовъ художниковъ и изъ сценокъ съ замѣчательныхъ произведеній искусства. Сверхъ того, къ самому текстѣ «Вѣстника» прилагаются въ неопредѣленномъ числѣ полтипажи, исполненные ксилографіею и фототипографіею.

Въ числѣ сотрудниковъ того и другаго изданія состоятъ: А. П. Андреевъ, П. Д. Ахшарумовъ, Н. М. Благовѣщенскій, бар. Г. Э. Брюнингъ, О. П. Булгаковъ, А. А. Васильчиковъ, М. В. Ватсонъ, М. Вахень (въ Парижѣ), А. В. Вышеславцевъ, Д. В. Грлгоровичъ, Э. Я. Доббертъ (въ Берлинѣ), Г. Е. Квезерлицкій, А. П. Кирпичниковъ, Д. О. Кебеко, О. П. Ланцертъ, В. П. Ламбинъ, А. М. Матушинскій (Эль), Н. В. Павловъ, П. П. Петровъ, Е. Е. Рейгеръ, Е. А. Сабалинъ, Н. П. Собко, М. П. Соловьевъ, В. В. Стасовъ, Н. В. Султановъ, Е. Е. Трей (въ Дрезденѣ), С. С. Шайкиничъ, В. П. Шеміотъ, В. О. Эвальдъ и др.

По части гравированія, сотрудниками будутъ: А. А. Бобровъ, В. А. Бобровъ, М. П. Боткинъ, А. Вегеръ, В. Вериле, О. Гофманъ, Л. Е. Дмитріевъ-Кавказскій, О. А. Кочетова, Е. З. Краснушкина, Б. Мавфельдъ, В. В. Матте, П. С. Мосоловъ, К. Д. Савицкій, Н. Самокинъ, В. Уигеръ, П. И. Шинкаль, и др.

Подписная цѣна за оба изданія вмѣстѣ: Безъ доставки 10 руб.; съ доставкою въ С.-Петербургъ или съ пересылкою въ другія мѣста 12 р., за границу 15 руб.

Отдѣльная подписка на «Вѣстникъ» или на «Художественныя Новости» не допускается.

Въ видѣ *бесплатной преміи* гг. подписчики получаютъ *Альбомъ фототипическихъ снимковъ* большаго формата съ оригинальныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ изъ собраній Императорскаго Эрмитажа, Академіи художествъ и изъ другихъ петербургскихъ коллекцій. Альбомъ этотъ появится въ свѣтъ немедленно по его изготовленіи, во всякомъ случаѣ не позже ноября мѣсяца.

Подписываться можно: въ редакціи *«Вѣстника изящныхъ искусствъ»* (Вас. Остр., зданіе Императорской Академіи художествъ, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 10 час. утра до 4 час. попол.), въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ, въ астаминныхъ магазинахъ *А. Беггрова* и *Фельтена*, въ книжномъ магазинѣ *Мелье* и у всѣхъ публичныхъ книгопродавцевъ столицы.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ редакцію.

Вѣстникъ и Художественныя Новости за 1883 и 1884 годы, вмѣстѣ съ издаваемыми въ этихъ годахъ преміями, можно получать въ редакціи этихъ изданій. Цѣна за каждый экземпляръ каждаго годоваго изданія 10 руб. Гг. иногородные прибавляютъ къ этой цѣнѣ 2 р. на расходы по пересылкѣ.

Ежемесячный журналъ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА“.

1885 годъ.

(Выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ большаго формата и убористаго шрифта).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы преимущественно подъ редакціей профессоровъ-спеціалистовъ; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки, хроника и пр.

Годовая цѣна съ перес. 17 р., безъ перес. 15 р. Студенты, фельдшера и лекареи. помощи платятъ 14 руб. въ годъ.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883 и 1884) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) *А. Башинскій*. Дѣтскія болѣзни (43 лист.); *Вони*. Физиологія (110 лист.). *Геновъ*. Дѣтскія болѣзни (44 листа). *Землянуловъ*. Первенная болѣзни (23 листа); *Мальгень*. Оперативная хирургія (34 лист.). *Шимейеръ*. Частная патологія и терапія (103 листа). *Рибо*. Болѣзни памяти (10 лист.). *Россбахъ*. Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа). *Фритишъ*. Женскія болѣзни (28 лист.). *Шеффъ*. Зубныя болѣзни (17½ лист.). *Эйхгорстъ*. Диагностика (45 лист.). *Эйхгорстъ*. Частная патологія и терапія (140 лист.). *Эриксенъ*. Хирургія (105 лист.). *Ришэ*. Хирургическая анатомія (85 листовъ). *Дюринъ*. Болѣзни кожи (20 л.). *Гринтъ* съ рисунками Гейцмана (24 л.). *Никитинъ*. Ларингоскопія (19 л.).

Всѣ сочиненія, помѣщенные въ «Медиц. Библиот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣщать переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи *Вредена* (*Генсмеръ* подъ редакцію проф.

Левшина. Курьеръ, ушвыя болѣзней, 2-ой отдѣлъ *Землюлера* и пр.), психіатрію *Мейнерта* подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція пѣхетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской медицинской литературѣ по гігіенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась обѣщаніемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Вѣст.»).

Отдѣлъ «хроникъ и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывавшимъ др. медіц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ бесплатно при январьской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтамту.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ*.

Пизатель *И. Л. Вилькинъ*.

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА“

иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ 1885 году, газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемесячно прилагаются особо *ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ—по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, повости торговныя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы преимущественно историческія, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, публіци общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, бібліографія*. Газета даетъ въ годъ *больше 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшія наши ученые художники.

Премія 1885 г. 1) Крестный Календарь на 1886 годъ на веленовой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранныя (въ приложенія къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й—драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать бесплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе **Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ въ 1883 году.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1885 годъ: безъ доставки на годъ 4 руб.; съ доставкой и пересылкою на годъ 5 руб., на полгода съ января и (юля) 3 руб., 1 мѣсяцъ 60 к. За графика 7 руб., на полгода 3 р. 50 к.

«Газету» прежнихъ годовъ, съ 1875 по 1883 (кроме 1880 и 1883) можно получать изъ редакціи по 3 руб. за тожь (годъ), съ пересылкою.—Годовъ 1880 и 1883 не имѣется уже ни одного экземпляра.

Адресъ: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

Редакторъ-издатель А. Гатцунъ.

1885 Г. „СТРАННИКЪ” Г. 1885

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

- 1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія, — преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ православно-восточной и русской жизни.
- 2) Статьи, изслѣдованія и собиравшіеся матеріалы по всемъ отдѣламъ русской церковной исторіи.
- 3) Бесѣды, поученія, слова п рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ.
- 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли.
- 5) Статьи публицическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни.
- 6) Очерки, рассказы, описанія, знакомящія съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ народовъ, особенно — съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ.
- 7) Бытовые очерки, рассказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа.
- 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни.
- 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востоку и Западѣ, особенно у славянъ.
- 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей.
- 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала.
- 12) Библиографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы.
- 13) Книжница лѣтописъ; ежемѣсячный указатель всехъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія, краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.
- 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.
- 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденція; объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная плата: съ пересылкою въ Россію и доставкою въ С.-Петербургъ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: А. Висильковъ. — А. Пономаревъ. — Е. Прилежаевъ.

Вольшой еженедѣльный, художественно-лижурратетурный аль

“РОССІЯ”.

1885 г. (ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ), г. 1885

Съ 1 января 1885 года будетъ выходить 4 раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, въ новомъ увеличенномъ объемѣ—2½ печатныхъ листа, съ четырьмя отдѣльными большими оригинальными рисунками при каждомъ №.

Кромѣ множества другихъ статей и произведеній въ 1885 году будутъ напечатаны: 1) Незданныя письма *Н. С. Тургенева*, 2) Новая Золушка, большой романъ, *пр. Е. А. Саласа*, 3) Историческія повѣсти *Н. А. Чисва*, 4) Очерки изъ народной жизни *Н. П. Златовратскаго*, 5) Фантазеръ, большой романъ, *Д. А. Лисова*, 6) Тихія воды глубоки, повѣсть, *А. В. Крулова*, 7) Двѣ избранницы, романъ, *К. Н. Леотьева*, 8) Воспоминанія о *Н. С. Мочаловѣ*, *С. А. Юрвева*. 9) «День византійскаго императора», историч. повѣсть, *Н. П. Аксакова*, 10) «Пасынокъ судьбы», повѣсть, *С. Н. Филиппова*. 11) «Что побуждало?» деревенскій рассказъ, *Д. А. Лисова*. 12) Рассказы изъ современной уголовной хроникъ, *В. А. Скрипичина*.

Независимо отъ названныхъ пьесъ, въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. С. Лясков-Стеблицкій*, *А. П. Плещеевъ*, *Я. П. Полонскій*, *Л. П. Шальминъ*, *В. С. Бискинъ*, *В. В. Чуйко*, *М. М. Пешковъ*, г-жа *Евгенія Туръ* и многіе другіе.

Художественный отдѣлъ журнала будетъ преслѣдовать въ сущности ту же цѣль, что и отдѣлъ литературный, т. е. представлять собою живописный сводъ иллюстрацій Россіи въ богатомъ многообразіи ея жизни, природы и искусства.

По предвѣду къ каждому № будутъ прилагаться четыре отдѣльных оригинальныхъ рисунка, исполненныхъ автографическимъ способомъ. «Россія» въ этомъ отношеніи представляетъ журналъ, рѣзко отличающійся по своему характеру отъ другихъ иллюстрированныхъ изданій, пользующихся зачастую заимствованными, иностранными клише.

Въ будущемъ 1885 году редакціей устанавливается систематизація рисунковъ, такъ-что въслѣдствіи подвѣсчики могутъ образовывать изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ альбомовъ.

Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены въ будущемъ году:

1) 12 портретовъ извѣстныхъ русскихъ представителей литературы, науки и искусства.

2) 30 копій съ картинъ русской живописи или произведеній иностранной школы, находящихся въ Россіи.

3) около 25 отдѣльныхъ иллюстрацій къ беллетристическимъ произведеніямъ,

помѣщеннымъ въ журналѣ, въ томъ числѣ нѣсколько ориг. рис. А. С. Янова къ исторической повѣсти П. П. Аксакова: «День византійскаго императора».

4) Оболю 20 видовъ различныхъ живописныхъ мѣстностей Россіи (для собиранія матеріала редакціей командированъ уже художникъ лейпцигской академіи фотографъ Тяшнеръ).

5) 12 виньетокъ къ стихотвореніямъ, на подобіе помѣщенныхъ уже въ текущемъ году.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала будутъ помѣщены рисунки:

П. М. Бьковскаго, В. М. Виснецова, С. П. Иванова, Н. П. Каравина, К. В. Лемохъ, К. Е. П. Е. и В. Е. Маковскихъ, М. О. Микшица, В. Д. Польнова, И. Е. Рапина, К. А. Сивичаго. К. А. Трутовскаго и мног. друг.

Въ будущемъ 1885 году всѣ годовые подписчики получаютъ роскошную премію январель (размѣр. 140 кв. верш.), заказанную по оригиналу, специально исполненную для журн. «Россія» академикомъ исторической живописи П. В. Чевревымъ: «СЦЕНА У ФОНТАНА» (изъ «Бориса Годунова», Пушкина). Она будетъ исполнена въ знаменитой французской литографіи Лемерсье и К^о.

Подписная цѣна 7 р. на мѣсяцъ и 8 р. съ доставкой на домъ и пересылкой. Подписка принимается: а) въ Москвѣ, въ редакціи, Тверской бульваръ, д. Эфроса, б) въ магазинахъ: Даніаро, Авяццо, Вольфа, Макоитова, «Новаго Времени», Васильева (на Страстномъ бульв.) и въ копторѣ объявленій Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ, в) въ С.-Петербургѣ: у Мелье, Вольфа и Суворина и г) въ Кіевѣ: у книгопродавца Столбцова и Корейво. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію. Разсрочка годовой подписной суммы можетъ быть допущена на слѣдующихъ условіяхъ: 5 руб. при подпискѣ и 3 рубля 1 поля.

Редакторъ-издатель О. М. Умнець.

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Еженедѣльный „РАДУГА“, иллюстрированный семейный журналъ литературы, изящныхъ искусствъ и общественной жизни.

50 номеровъ въ годъ. 50.

Въ 1885 году «Радуга» дастъ своимъ читателямъ рядъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній исключительно изъ русской жизни, съ участіемъ выдающихся современныхъ русскихъ писателей. ИЛЛЮСТРАЦИИ извѣстныхъ русскихъ художниковъ будутъ воспроизведены самымъ тщательнымъ образомъ, съ помощью новѣйшихъ открытій въ области графическихъ искусствъ. Гравюры будутъ исполнены въ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ заведеніяхъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) СЦЕНА. Театральное искусство. Критика. Драматическія пьесы для большой сцены и для любительскихъ спектаклей. Комедіи. Трагедіи. Драмы. Воде-

и при участіи извѣстныхъ драматурговъ, какъ Викторъ Александровъ (Крыловъ) Певѣжинъ, князь Сумбатовъ и др. Провинціальная корреспонденція. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены **ПОРТРЕТЫ** русскихъ драматическихъ писателей и выдающихся артистовъ русской столичной и провинціальной сцены.

2) **АНКОРДЪ**. Новости изъ музыкальнаго міра. Портреты выдающихся современныхъ композиторовъ и исполнителей. Отчеты о концертахъ. Критическія замѣтки. Къ каждому номеру «Анкорда» будутъ приложены также **БЕЗПЛАТНО ПОТЫ** для фортепіано и кбнія: исключительно новыя пьесы, танцы, аранжировки изъ новыхъ оперъ и оперетокъ.

3) **МОДЫ**. Иллюстрированныя парижскія моды. Тексты и рисунки изъ Парижа, подъ редакціею Тьерри. *Руководство для туалетнаго стола. Косметики. Домашній обиходъ. Домашнее хозяйство. Столы.*

4) **ГИГИЕНА**—новый отдѣлъ. Какъ жить здоровому и какъ помочь больному человеку. Совѣты врача. *При этомъ отдѣлѣ открытъ почтовый ящикъ для соотцовъ.* Пользоваться правомъ этого почтового ящика могутъ лишь гг. подписчики.

5) **САЛОНЪ**—новый-же отдѣлъ, иллюстрированныя общественныя увеселенія.

1) Карты. 2) Общественныя игры. 3) Пазлысы. 4) Хореографія (танцы). 5) Парады. 6) Ребусы. 7) Задачи. 8) Фокусы. 9) Эксперименты изъ области химіи и физики. 10) Гимнастика. 11) Спиритизмъ. 12) Обширный шахматный отдѣлъ. 13) Стенографическій отдѣлъ. 14) Почтовый ящикъ для личной корреспонденціи подписчиковъ между собою (право пользованія имѣютъ только подписчики журнала).

Кромѣ всего будетъ дана великолѣпная безплатная премія.

Подписная цѣна на 1885 годъ, со всеми приложениями, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи только 5 руб., за границу—7 руб.; на 1/2 года—3 руб., за границу—4 руб.

Допускается разсрочка платежа годовой подписной цѣны: при подпискѣ 2 р., затѣмъ 1 марта 1 р., 1 апрѣля 1 р. и 1 юня 1 р.

Подписка принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородныхъ просить адресовать: Въ редакцію журнала «Радуга». Москва.

Редакторъ Д. А. Мансфельдъ.

Издатель Л. Метцль.

5 годъ изданія. (ВЫХОДИТЪ ЕЖДЕСВЕННО). изданія годъ **5**
„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Последнія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Что дѣ-

дается на югъ: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Вѣщія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. IX. Наука и искусство. X. Вѣщія корреспонденціи «Южнаго Края». XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библиографія. XIV. Слѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отбѣль. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковского военно-окружнаго суда. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе чѣмъ въ 100 губернскихъ, уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ и во многихъ станицахъ, и селахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою.	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 40 к.
Съ перес. иностранн. мѣст.	12 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. — к.	1 р. 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются: въ **Харьковѣ** — въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Еватеринославской улицѣ, въ домѣ Файабера, № 44; въ **Петербургѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Струбинскаго; въ **Москвѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій П. Печковской; въ **Варшавѣ** — въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 18; въ **Кіевѣ** — въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ **Одессѣ** — въ книжныхъ магазинахъ В. М. Вѣлаго и Е. П. Располова; въ **Полтавѣ** — въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойно-Родзевича, въ конторѣ П. А. Докмана; въ **Кременчугѣ** — въ «Русской книжной торговлѣ» Д. Я. Тартаковского.

„Церковный Вѣстникъ“

и „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

(СЪ ТОЛКОВАНИЯМИ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЪ).

«Церковный Вѣстникъ» съ 1-го января будущаго 1885 г. имѣетъ вступать въ **одиннадцатый годъ существованія**. Десять лѣтъ — достаточный періодъ времени для уясненія характера, направленія и цѣлей изданія. Въ официальной своей части «Церковный Вѣстникъ» есть официальный органъ св. синода и

состоящихъ при немъ центральныхъ учреждений, въ неофициальной-же части онъ есть органъ с.-петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ официальную часть академической церковной газеты своимъ официальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своихъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ то же время послѣднюю возможности нять въ собственномъ смыслѣ неофициальную часть, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала-бы возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, и такимъ образомъ существовалъ бы взаимный обменъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣля такія истинно-пастырскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіи десяти лѣтъ, старалась въ неофициальной части «Церк. Вѣсти.» осуществлять прекрасный идеалъ свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на попріищѣ духовной публицистики, — идеалъ, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развивался, неофициальная часть «Церк. Вѣсти.» получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи, статьи и сообщенія* выдающихся сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) *Милія печати савтской и духовной по церковнымъ вопросамъ*. Для помѣщенія различныхъ извѣстій публикуются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) *Лѣтопись церковная*, представляющая обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви во всѣхъ ея епархіяхъ; 5) *Иностранное обозрѣніе*, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и за границей*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 7) *Разныя извѣстія и замѣтки*, содержація разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладываемыя въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обозрѣніяхъ; не послѣднее мѣсто занимаютъ здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библиографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) *Журнальное обозрѣніе*, представляющее обзоръ нашей духовной журналистики (каждый мѣсяць разъ); 9) *Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей* (два раза въ мѣсяць), сообщающія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ всѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) *Библиографическія замѣтки* или обзоръ вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяць); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смыслѣ полноты и краткости библиографическихъ обзоръ.

Такимъ образомъ, редакція имѣетъ смѣлость думать, что вышеозначеннымъ *десятью отдѣлами* неофициальной части «Церк. Вѣстн.» довольно полно охватываются все важнѣйшія проявленія церковно-общественной жизни, преимущественно въ нашемъ отечествѣ и въ значительной мѣрѣ внѣ его.

«Христіанское Чтеніе», составляющее прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.», помѣщаетъ разнообразныя, преимущественно ученые, статьи по всемъ отраслямъ богословскихъ знаній. Сверхъ того, въ немъ печатаются, съ особымъ счетомъ странницъ, «Толкованія на Ветхій Заветъ». Въ 1885 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу пророка Исаіи», такъ что къ концу года выйдетъ особою книжкою 6-й выпускъ «Толкованій».

Шестой (пятый вышелъ въ 1883 г.) выпускъ, содержащій продолженіе толкованій на книгу Псалмовъ, выйдетъ въ декабрѣ 1884 года. Ц. 75 н. безъ перес. и 1 р. съ перес.

«Церк. Вѣстн.» и «Христ. Чт.» съ «Толкованіями» составляютъ въ годѣ болѣе **двухсотъ шестидесяти (260) печатныхъ листовъ** («Церк. Вѣстн.» 142 л. и «Христ. Чтен.» 142 л.).

Цѣна.—Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнала 7 р.* съ пересылкою; *отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» 5 р., за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями» 5 р. За границей, для всехъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ перес.

Подписка.—*Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церк. Вѣстн.» и Христ. Чт.», въ С.-Петербургѣ». *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ конторѣ редакціи (уголъ Коломенской улицы и Свѣчаго переулка, д. № 10—16, кв. № 26), гдѣ получаютъ также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза по 15 к.—за 1 разъ) и для размѣщ. при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Коралева), въ Москвѣ — при книжн. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ изданій.

Каждый интересующійся политическою и общественною жизнью Россіи и внимательно слѣдящій за ея развитіемъ, могъ, безъ сомнѣнія, замѣтить быстрый ростъ провинціи, которая, не смотря на многія неблагопріятныя условія и экономическій кризисъ, переживаемый странною, успѣла освободиться отъ прежней обывательской замкнутости и занять болѣе самостоятельное мѣсто. Задачи и дѣятельности провинціи ставятся съ каждымъ днемъ шире, сложнѣе, и лучшимъ представителемъ этого политико-экономическаго роста является Одесса, которая, въ

періодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ юга Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ п Варшавы. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго самосознанія въ провинціи, развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачей знакомить Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ» въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разрабатывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалы эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный форматъ газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакція имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественного вниманія. Въ виду этого редакція признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ № болѣе подробное обзорнѣе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявлений, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половины ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ нибургскихъ газетъ, въ семь столбцовъ вмѣсто шести, что, однако, не оставитъ редакцію передъ вынужденъ позуторныхъ померовъ, вслучаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованиемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общему, такъ и по крайнимъ вопросамъ), городской, земскій, судебный, отдѣлъ корреспонденцій и вѣстей изъ всѣхъ городовъ Южной Россіи, музыкальный, театралный и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія беллетристическихъ и научныхъ произведеній и участія явившихъ постоянныхъ фельетонистовъ Барона Икса, Черногорца и Осм, будутъ помѣщаться фельетоны нашего даровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общими заглавіемъ «Чѣмъ хата богата».

Не смотря на вышеупомянутыя улучшения, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ городъ:		Съ пересылкою въ другіе города:	
на годъ	10 р.	на годъ	12 р.
— полгода	6 р.	— полгода	7 р.
3 мѣсяца	3 р. 50 к.	3 мѣсяца	3 р. 80 к.
1 мѣсяць	1 р. 30 к.	1 мѣсяць	1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Ринельевской и Позницкой ул., д. Баржанскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

„СВѢТЪ“ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. 1885.
 въ форматѣ обыкновеннаго листа
ВХОДИТЬ (кромя дней, слѣдующихъ за праздниками).

Начавъ издаваться съ 1 января 1882 года, «СВѢТЪ» имѣлъ невѣроятный и небывалый успѣхъ и сразу сталъ *САМОЮ РАСПРОСТРАНЕННОЮ ГАЗЕТОЮ ВЪ РОССІИ.*

Цѣна на „СВѢТЪ“

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ:

За годъ	4 р.
— полгода	2 р.
— четверть года	1 р.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1885 году, по прежнему будутъ выходить и **«ПРИЛОЖЕНІЕ РОМАНОВЪ»** къ газетѣ «СВѢТЪ».

Двѣнадцать романовъ въ годъ, по одному каждый мѣсяцъ, лучшихъ европейскихъ и русскихъ писателей. Романы иллюстрированы.

Цѣна на газету съ «ПРИЛОЖЕНІЕМЪ РОМАНОВЪ», съ пересылкою и доставкой:

на годъ (съ 11 романами) 8 руб.
$\frac{1}{2}$ года (съ 6 романами) 4 руб.
$\frac{1}{4}$ года (съ 3 романами) 2 руб.

Подписка на газету съ «Приложеніемъ Романовъ» принимается нераздѣльно на одинъ и тотъ-же срокъ.

Безъ газеты подписка на одни романы не принимается.

Письма и подписныя деньги адресовать: Сиб., редакция газеты «СВѢТЪ», Гороховая, № 47.

Редакторъ-издатель **В. В. Комаровъ.**

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. Сѣверо-Западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и за границею. Кромя корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей Сѣверо-Западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспонденцію въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ.	Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города.
На годъ 9 р. — к.	На годъ 10 р. — к.
— полгода 4 р. 50 к.	— полгода 5 р. — к.
— 3 мѣсяца 2 р. 40 к.	— 4 мѣсяца 3 р. — к.
За 1 мѣсяць — р. 80 к.	За 1 мѣсяць 1 р. — к.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленакаго Вѣстника» (*Виленакая улица, домъ г. Ленскаго*), въ копторѣ «Виленакаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркила (*Большая улица, собственный домъ*) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицы и другихъ городовъ.

ИЗВѢСТІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

въ 1885 году.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Въ 1885 году «ИЗВѢСТІЯ» будутъ выходить ежемѣсячными выпусками отъ 2 до 2 $\frac{1}{2}$ листовъ.

ПРОГРАММА: I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и другихъ Славянскихъ обществъ въ Россіи и за-границей. II. Славянское обозрѣніе. III. Славянскія библиографическія извѣстія. IV. Объявленія.

Подписная годовая цѣна для всѣхъ подписчиковъ безъ различія въ Россіи и за-границей, съ доставкою и пересылкою, **ДВА РУБЛЯ**. Срокъ годовой подписки считается съ 1-го января 1885 года.

Подписка принимается въ *С.-Петербургѣ*, въ помѣщеніи «С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества», на площади Алексаидринскаго театра, домъ № 7. Тамъ-же можно подписываться на «Извѣстія» текущаго года по **ДВА РУБЛЯ** за экз.

Редакторы: **Н. Н. СТРАХОВЪ.**
И. И. СОКОЛОВЪ.

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ *ежемесячно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одно изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтового Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ея не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятидесять коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородній-же высылаются *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехъ-святытельская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

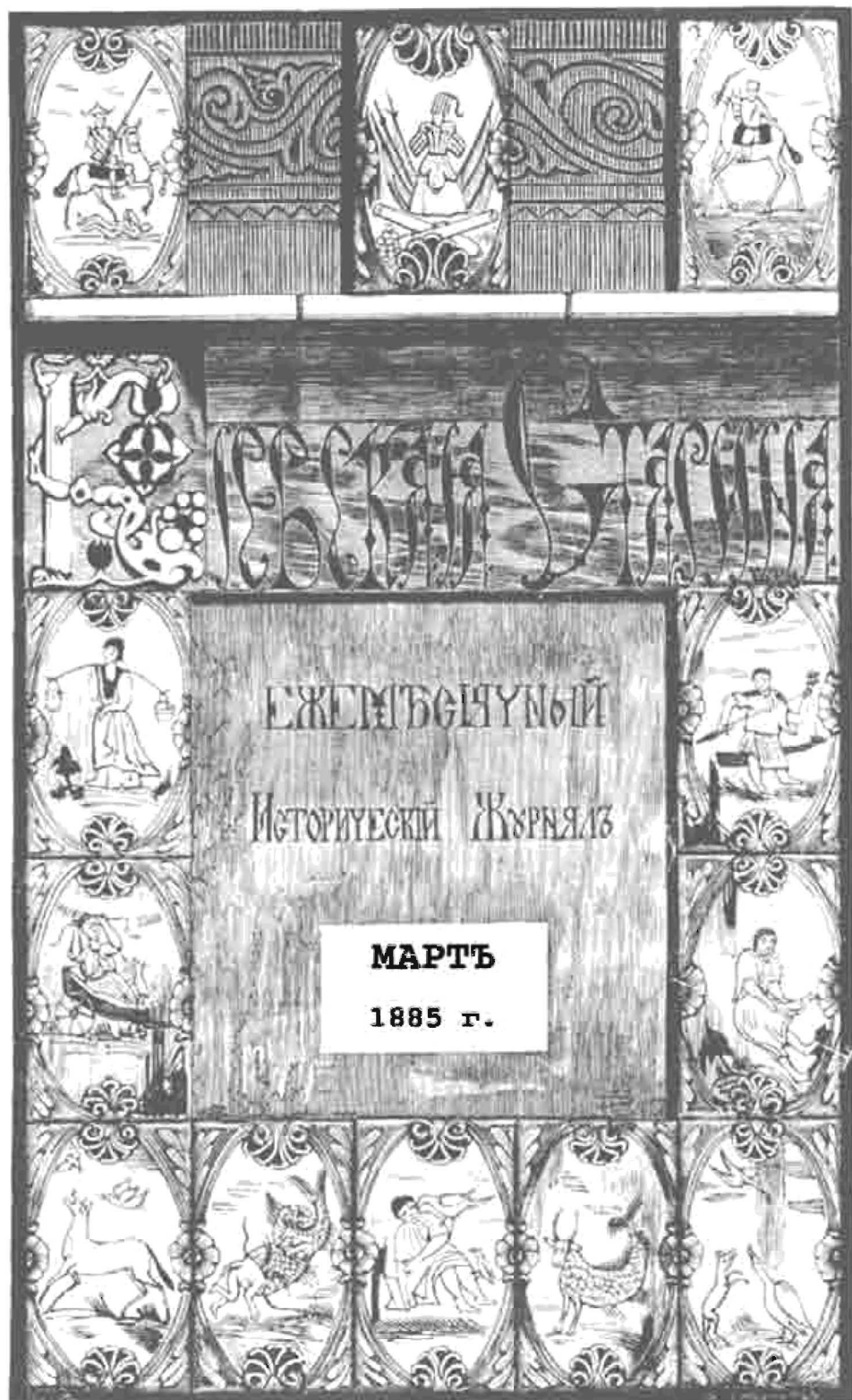
Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, съ возможно *четкою* перепискѣй, безъ особыхъ пометокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ слюшными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: кѣсны, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно сдѣлать съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіев. Старина“ принимается подписка на издающіяся во Львовѣ газеты:

1., „ДѢЛО.“ Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

2., „ЗОРЯ.“ Газета научно-литературная, выходитъ два раза въ мѣсяць; цѣна съ пересылкою 6 р. за годъ и 3 р. за полугодіе. Адресъ редакціи: Львовъ, улица Фредра, № 3.

СЕМЬДЕСЯТЫЙ
Исторический Журнал

МАРТЪ

1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1885 г.

	СТР.
I. РЕЛИГИОЗНО-МИФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛУРУССКОЙ СВАДЬБЫ. Н. <i>Ө. Сумцова</i>	417
II. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (<i>Продолженіе</i>)	437
III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. (<i>Продолженіе</i>). Н. М.	465
IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. П. Л—ва.	500
V. ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. <i>Ө. Каминскаго</i>	519
VI. КЪ ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ ПОВОРОССИИ.	501
VII. УНИВЕРСАЛЬ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА 1690 Г. (Въ разрѣшеніе земельных претензій польской шляхты, изспанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ)	529
VIII. СУНДИКА, АБО ЗАМЫСЛЬ НА ПОПА	543
IX. БИБЛИОГРАФИЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остяккомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издавъ Л. Майковъ. С.-Петер- бургъ. 1884 г.— <i>Н. Ө. Сумцова</i> .—б) Харьковскій календарь и па- мятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета.— <i>Дж. Багалъя</i> .—в) О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. І. Секигова. Спб. 1884 г.— <i>П. Голубовскаго</i> .—г) Писцовыя книги нижскаго и клецкаго княжества. Изданіе вѣденской археографической коммисіи. Вильна. 1884 г.— <i>Н. Каманина</i>	551
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ статьѣ г. Беркина „О посольствахъ Владимира св. для испытанія вѣрь“.— <i>П. Голубовскаго</i> .—б) Архе- ологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи.— <i>А. Доначевскаго</i> .—в) Гетманскій городъ.— <i>В. Е. Буцневича</i> .—г) Вул- канъ въ Тавридѣ въ концѣ XVIII ст.—Сообщ. <i>С. Н. И.</i> .—д) Кіевъ въ 1799 году.— <i>В. Горленка</i> .—е) Малорусская историческая ша- рада.—ж) Евгений Желеховскій. (Некрологъ).—з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи.— <i>Ө. Н.</i>	569
XI. ДВѢВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (<i>Продол- женіе</i>).	129—144
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ХІ.

МАРТЪ.

1885 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собствен. дома.

Дозволено цензурою. Київъ, 27-го февраля 1885 года.

РЕЛИГИОЗНО-МИФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МАЛУРУССКОЙ СВАДЬБЫ.

Въ торжественнымъ днямъ бракосочетанія приурочено множество разнообразныхъ повѣрій, примѣтъ, пѣсенъ, обрядовъ и поговорокъ, въ совокупности выражающихъ не только общую психологию, свойственную всеъмъ народамъ на опредѣленной ступени образованія и культуры, но и психологию опредѣленнаго народа, на примѣръ, малорусскаго, великорусскаго, польскаго, другими словами, обрисовывающихъ въ совокупности то особое направленіе духовной дѣятельности народа, которое обусловлено всей бытовой его обстановкой, особенностями климата, почвы, труда. Свадьба въ цѣлости, со всеми своими религіозно-мифическими, религіозно-христіанскими, юридическими и житейски-бытовыми чертами, служитъ довольно полнымъ и весьма яркимъ проявленіемъ личности народа, какъ живаго организма, выраженіемъ его матеріальной и соціальной развитости и культуры.

Свадебные обряды и пѣсни давно уже обратили на себя вниманіе ученыхъ разныхъ специальностей, и литература предмета представляется громадпой.

Историки быта останавливаются на свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ въ силу того обстоятельства, что нѣкогда свадьбы завязывали узелъ общественности, поддерживали ее и развивали, содѣйствовали сближенію людей на почвѣ общей молитвы и общаго веселья, вообще были однимъ изъ главныхъ двигателей древней гражданственности.

Археологи и мифологи рассматривают свадебные обряды, какъ достопримѣчательныя ископаемыя народнаго быта или какъ нуждающіеся въ научномъ разъясненіи символы обоготворенія вѣщныхъ силъ и явленій природы.

Исслѣдователи словеснаго народно-поэтическаго творчества стремятся или, по крайней мѣрѣ, начинаютъ стремиться къ сравнительно-критическому изслѣдованію свадебныхъ пѣсенъ, съ цѣлью опредѣлить ихъ внутреннее единство и пути распространенія и затѣмъ указать на связь свадебныхъ пѣсенъ съ колытками, заговорами, загадками и сказками.

Этнографы съ живымъ интересомъ относятся къ свадебнымъ пѣснямъ и обрядамъ на томъ основаніи, что въ нихъ просвѣчиваютъ крайныя особенности русскаго народнаго духа. Въ странѣ столь обширной, какъ Россія, областная жизнь въ прошломъ и настоящемъ должна представлять немало разнообразія. Вопросъ о разностороннемъ изученіи крайнихъ особенностей имѣетъ не только научную важность, но и серьезное общественное значеніе, такъ какъ это изученіе должно привести къ извѣстному равновѣсію въ степени жизненности областей и центровъ.

Въ языкъ и бытъ индоевропейскихъ народовъ свадьба имѣетъ значеніе величайшаго на землѣ веселья и торжества. Въ языкахъ малорусскомъ, сербскомъ, польскомъ, въ старинныхъ русскихъ лѣтописяхъ брачное торжество носить характерное названіе *веселья*. Весьма распространено выраженіе «играть свадьбу», причемъ слово «играть» указываетъ на проявленіе вакхическаго экстаза и сильное напряженіе жизненныхъ силъ. Значеніе свадьбы, какъ величайшаго, доступнаго человѣку, веселья, сложилось въ древнюю эпоху подъ непосредственнымъ вліяніемъ религіозно-мифическихъ воззрѣній на творческія силы вѣщней природы и естественныя проявленія половой зрѣлости физической природы человѣка. «Природа, — это живой предметъ, говоритъ Карлейль, предметъ невыразимый и божественный, передъ которымъ лучшее наше положеніе есть благоговѣніе». Къ такому воззрѣнію на природу знаменитый англійскій ученый пришелъ путемъ отвлеченнаго мышленія, построеннаго на пантеистическихъ началахъ германской философіи. Для древняго чело-

вѣка, въ частности славянина, мысль о божественности природы вытекала непосредственно изъ всей окружающей его міровой и бытовой обстановки. Со всѣхъ сторонъ охватывавшей его могущественной внѣшней природой, онъ на каждомъ шагѣ ощущалъ свою отъ нея зависимость, создавалъ по доводамъ горькаго житейскаго опыта ея капризное и деспотическое господство во всѣхъ проявленіяхъ сельскохозяйственной, даже семейной и общественной жизни. Судьба его, его благосостояніе, миръ его души, его радости и печали были обусловлены обстоятельствами, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни отворотить, въ случаѣ непріятнаго ихъ склада. Древній человѣкъ не исчезалъ во внѣшней природѣ и даже не всегда покорно склонялъ голову передъ ея велѣніями и мановеніями. Онъ постоянно стремился освободиться изъ-подъ ея гнетущей власти, обуздать ея произволъ силой своего разума, по крайней мѣрѣ, отгадать ея тайны и такъ или иначе, молитвой или заклинаніемъ, жертвоприношеніемъ или угрозой, обратиться ея могущественныя силы въ свою пользу, и въ этомъ сибѣломъ стремленіи онъ мало по малу успѣвалъ. Прокладывая пути для своего развитія, преслѣдуя цѣли улучшенія по всѣмъ направленіямъ жизни и быта, внося нравственно-гуманитарное начало въ пользованіе матеріальными благами, доставляемыми землей-кормилицей, древній человѣкъ, подобно человѣку современному, измѣнялъ извѣстныя сочетанія природныхъ явленій сообразно съ своими матеріальными нуждами и духовными потребностями. Все это однако происходило чрезвычайно медленно, постепенно, съ громадной затратой силъ и труда. Господство человѣческой мысли надъ грубой міровой матеріей и созданіе или сочетаніе ея элементовъ въ такія благоприятныя для человѣка отношенія, какихъ внѣшняя природа не можетъ представить помимо человѣческой воли и многовѣковыхъ усилій творческаго разума, при постоянно усиливавшемся теченіи нравственно-гуманитарныхъ идей, отъ перваго шага въ устраненіи калибализма до евангельскаго требованія возлюбить ближняго, какъ самого себя,—такого рода побѣда человѣка надъ внѣшнимъ міромъ и животной стороной собственной природы является результатомъ многовѣковой культуры.

Религиозно-миоическая свадьба возникаетъ въ героическій періодъ жизни человѣчества, въ періодъ значительнаго подъема духовныхъ силъ и широкаго развитія поэтическаго воззрѣнія на природу.

Грубое насиліе со стороны мужчины и тупая покорность со стороны женщины, характеризующія дикую эпоху коммунальнаго брака и полудикую эпоху «умыкалія», отошли въ примитивную древность и сохранились лишь въ формѣ большою частью безсмысленнаго обряда. Въ бракъ вмѣшалась уже религія и освятила и очистила его. Коммунистическій бракъ совпадалъ съ самой грубой формою фетишизма, съ крайней матеріальной бѣдностью и умственнымъ ничтожествомъ. Но лишь только улучшилась жизнь бытовая, съ появленіемъ огня и опьяняющихъ напитковъ, съ прирученіемъ животныхъ, наконецъ, съ возникновеніемъ культурнаго воздѣлыванія дико-растущихъ хлѣбныхъ злаковъ, высоко поднялся общій уровень матеріальнаго благосостоянія, соотвѣтственно съ тѣмъ поднялся весь строй міровоззрѣнія, и грубый фетишизмъ возвысился до весьма высокой сравнительно съ нимъ формы обоготворенія небесныхъ свѣтилъ, съ перенесеніемъ на нихъ всего лучшаго, что было на землѣ, и прежде всего семейныхъ связей и отношеній.

Въ благоговѣйномъ созерцаніи обоготворенной природы славянъ небесное и земное сливалось въ одно нераздѣльное цѣлое, внушительное и таинственное. Событія человѣческой жизни были перенесены на небо; небесныя явленія приближены къ скромному человѣческому существованію. Съ зарожденіемъ личнаго брака, какъ определенной формы соединенія двухъ половъ, возникло вѣрованіе въ супружескія связи неба и земли, солнца и земли, солнца и мѣсяца, мѣсяца и вечерней звѣзды, причемъ солнце и мѣсяцъ или выступаютъ, какъ отзвукъ коммунальнаго брака, являются не только мужемъ и женой, но и братомъ и сестрой, съ прямымъ смѣшеніемъ брачной связи съ связью родственной по крови, или выступаютъ исключительно супругами, имѣя дѣтьми звѣзды, что соотвѣтствуетъ историко-культурному различенію брачной связи отъ связи родственной по крови, различенію, выразившемуся въ исторіи брака въ видѣ весьма распространенной формы экзогаміи. Небесныя свѣтила получили значеніе живыхъ, человѣкоподобныхъ существъ, любящихъ другъ друга, во временахъ страдающихъ ревностью, впадающихъ въ гнѣвъ, не чуждыхъ зависти. Они не замедлили въ зооморфической или чаще антропоморфической формѣ явиться верховными устроителями человѣческаго брака, причемъ придали по-

слѣдшему величіе и блескъ, облили его небеснымъ свѣтомъ радости и силы.

Время бракосочетанія поставлено было въ зависимость отъ извѣстныхъ солярныхъ явленій. Весною и лѣтомъ въ природѣ торжествуетъ благотворный повелитель планетной системы—солнце, выражавшее собой пачало свѣта, тепла, производительности, добра, поэзіи. Празднуя обновленіе и оплодотвореніе земли, земледѣлецъ язычникъ въ то-же время въ самомъ себѣ чувствовалъ обновленный позывъ къ любви, къ супружеству, къ основанію семьи. Свадьба получила значеніе міроваго торжества и веселья. Боги и люди принимали въ немъ дѣятельное участіе. Всѣ предметы царства растительнаго и царства животнаго сливались въ одномъ неудержимомъ стремленіи къ любви и производительности. Вѣшняя природа, какъ-то: свѣтила небесныя, флора и фауна, все это, отъ ливанскаго кедра до послѣдней полевой былинки и дождеваго червяка, непосредственно было заинтересовано въ здоровьѣ и благополучіи невесты и обларуживало самое теплое ей сочувствіе, не чуждое мистической таинственности и поэтической прелести. Грандіозное языческое воззрѣніе на всеобъемлющую сущность свадьбы превосходно выразилось, между прочимъ, въ слѣдующемъ древне-индусскомъ изреченіи, которое жрецъ произносилъ передъ отъѣздомъ молодой замужней женщины изъ родительскаго дома въ домъ новобрачнаго: «Всѣ травы, рѣки, поля и лѣса тебя, несущую мужу потомство, сохранять отъ вреда»¹⁾.

Г. Кавелинъ высказалъ мнѣніе, что свадьба въ незапамятныя времена была частью извѣстнаго языческаго праздника, отъ котораго и получила свое религіозное освященіе. Послѣ она отдѣлилась отъ годоваго праздника и совершалась особо²⁾. Мнѣніе это подтверждается свидѣтельствами языка и народныхъ обычаевъ. Такъ, нѣмцы для обозначенія свадьбы имѣютъ слово Hochzeit, древ.-сакс. hōgetidi, слово, пѣюгда обозначавшее высшее и священное время въ году³⁾. У поляковъ <gody>—свадьба; у нижне-лужицкихъ сербовъ <gody>—праздникъ Рождества Христова⁴⁾. Изъ первоначаль-

¹⁾ *Weber*, Indische Studien. V. 394.

²⁾ *Кавелинъ*, Сочиненія. IV, 184.

³⁾ *Hamerte*, Salzburg. Hochzeit-gebr. 2.

⁴⁾ *Haupt u. Smoler*, Volkslieder. II, 270.

наго понятія *godly*—время возникло понятіе о времени праздничномъ по преимуществу, и празднованіе свадьбы названо тѣмъ-же словомъ, что и празднованіе Рождества Христова;—обстоятельство, свидѣтельствующее, что въ древнее время совершшіе свадебъ было приурочено ко времени празднованія рожденія солнца. Въ подтвержденіе мифіа г. Кавелина можно привести еще весьма замѣчательное по глубокой архаичности обыкновеніе македонскихъ болгаръ мьязовъ назначать для обрученія и свадьбы одно опредѣленное время въ году. Того, кто обручается или женится не въ установленное время, община наказываетъ и считаетъ его несчастнымъ человѣкомъ¹⁾. Въ древности уклоненіе подобнаго рода, вѣроятно, было невозможнымъ по самому существу дѣла. Виновный являлся своего рода изгоемъ, нарушителемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, и потому былъ и несчастнымъ и преступнымъ, и община могла карать виновнаго смертью или изгнаніемъ.

Присутствіе боговъ на свадьбѣ представлялось или посредственнымъ или непосредственнымъ. Первое выражалось символически посредствомъ коровай, вѣнка, зажженной свѣчи или факела. Въ древности предметы эти въ обрядовомъ ихъ употребленіи имѣли почти такое-же значеніе и играли въ народной жизни почти ту-же роль, что въ позднее христіанское время предметы иконописи и религіозной скульптуры. Скульптурныя изваянія Спасителя и святыхъ, наполняющія храмы католической Европы, чувствуются во имя чувства, влекущаго благочестиваго католика къ тѣмъ, кого они изображаютъ; славяне, въ частности русскіе, считали себя внуками бога солнца, на что есть указанія въ Словѣ о полку Игоревѣ («Дажьбога внука» ...) и въ народной поэзіи («Дѣдушка—солнышко, выгляни въ оконечко» и проч.). Естественно, славяне дорожили короваемъ и вѣнкомъ, какъ ближайшими къ человѣку вещественными подобіями или символами своего божественнаго и вѣчнаго предка, всевѣдущаго дѣда. Виѣшнее сходство между языческими и христіанскими вещественными символическими выраженіями божества можетъ быть проведено даже въ подробностяхъ, въ наглядныхъ параллеляхъ. Передъ иконописными и скульптурными изображеніями Спасителя и святыхъ становятся на колѣни, прикладываютъ къ нимъ голову и лобызаютъ

¹⁾ *Верковичъ*, *Опис. быта болг.* 1868 г., 8

ихъ. Въ юго-западной Россіи и въ Галиціи преклоняють голову передъ короваемъ и цѣлуютъ его. Въ народныхъ легендахъ преступникъ въ сознаніи своей виновности не рѣшается приложиться ко кресту или иконѣ. Въ старинной галицкой пѣснѣ молодая женщина, убившая своего незаконнорожденнаго ребенка, не рѣшается надѣть на голову вѣнокъ, вслѣдствіе чего и открывается ея преступленіе. Подобно тому, какъ въ христіанское время грубый умъ символъ предмета принималъ за самый предметъ и впадалъ въ поклоненіе дереву и камню, а не духу и истинѣ, упуская основное христіанское ученіе, что *Богъ есть духъ*, и въ дѣтски-наивной и довѣрчивой древности символическій образъ божества заслонялъ собой самое божество и, принявъ на себя всѣ главныя его черты и особенности, дѣлался самостоятельнымъ предметомъ поклоненія. Коровой и вѣнокъ, какъ символическія выраженія поклопаемаго и славимаго божества, явились звеномъ общественнаго соединенія и знаменемъ религіи, нравственнаго добра, поэзій. Это былъ языкъ краткій и простой, но понятный каждому. Благодаря, между прочимъ, этимъ предметамъ, люди понимали другъ друга и сходились на одной общей мысли.

Вѣрованіе въ невидимое личное присутствіе на свадьбѣ обоготворенныхъ небесныхъ свѣтилъ вполне отвѣчало складу древняго народнаго міросозерцанія, признававшаго самое близкое и подробное участіе божества въ дѣлахъ людей. Красное солнышко въ томъ или другомъ антропоморфическомъ образѣ приготовляло приданое и снаряжало молодыхъ къ вѣнцу. Свѣтлый мѣсяцъ съ своей лучезарной супругой—вечерней звѣздой выдавали дѣвушку замужъ и надѣляли ее счастьемъ—долей.

Съ цѣлью задобрить боговъ—покровителей брака и расположить ихъ въ пользу повобрачныхъ имъ предлагали угощеніе. Предметы и приемы кормленія боговъ измѣнялись съ развитіемъ культуры, сообразно съ мѣстными условіями домашняго быта и со степенью зажиточности вступающихъ въ бракъ. Въ древнѣйшее время, при господствѣ пастушескаго быта, жертвоприношеніе богамъ состояло въ закланіи животныхъ, преимущественно коровы, и въ возліяніи молока. Съ развитіемъ земледѣльческаго быта стало преобладать жертвоприношеніе хлѣба. Въ пустынныхъ и лѣсныхъ мѣстахъ грубыя формы жертвоприношенія удерживались долѣе, чѣмъ

въ странахъ, самой природой расположенныхъ къ производительному труду, или странахъ по бойкому водному торговому пути. По консервативности быта, въ особенности въ дѣлахъ религіозныхъ, богатые люди и въ періодъ земледѣльской культуры предпочитали животныя жертвоприношенія, причемъ подъ ножъ шли крушныя животныя, часто корова или быкъ, въ торжественныхъ случаяхъ въ большомъ даже числѣ (гекатомбы). Бѣднѣе люди поневолѣ ограничивались жертвоприношеніемъ мелкихъ животныхъ, чаще всего цѣбуха. Но такъ какъ жертвоприношеніе коровы въ нѣкоторыхъ случаяхъ было необходимо, по религіозно-миоическимъ представленіямъ, связаннымъ съ этимъ животнымъ, и въ то же время матеріальныя средства не допускали такой, такъ сказать, роскоши, то возникло обыкновеніе приносить въ жертву ихъ изображенія изъ тѣста. Самое жертвоприношеніе хлѣба прошло нѣсколько ступеней развитія, согласно съ способами приготовленія хлѣбной пици. Можно думать, что прежде чѣмъ появился хорошій печеный хлѣбъ, на низшей ступени земледѣльской культуры въ пицу, а слѣдовательно и для жертвоприношенія употреблялись или хлѣбныя зерна, болѣе или менѣе поджаренныя, или хлѣбная кашлица, т. е. тѣ же поджаренныя хлѣбныя зерна, только въ размельченномъ и смоченномъ водой видѣ.

Жертвоприношеніе богамъ не ограничивалось животными, хлѣбомъ, молокомъ и опьяняющими напитками, какъ то: сомой у индусовъ, гаомой у францевъ, винограднымъ виномъ у греко-италійцевъ, пивомъ и медомъ у германцевъ и славянъ. Въ число важныхъ предметовъ жертвоприношенія входили также волосы ребенка или новорожденныхъ. Волоса были приносимы въ смыслѣ *pars pro toto*; по внутреннему своему значенію, это прямая замѣна жертвоприношенія человѣка, такого рода религіозно-миоическое и бытовое явленіе, которое слѣдуетъ непосредственно за эпохой капитализма, какъ проявленіе значительной степени культуры. Общеизвѣстнымъ проявленіемъ жертвоприношенія волосъ служатъ постриги младенца и обрѣзываніе или только подрѣзываніе косы невѣсты передъ вѣчаніемъ. Спенсеръ и Тэйлоръ сообщаютъ нѣсколько любопытныхъ проявленій жертвоприношенія волосъ солнцу среди дикихъ и варварскихъ народовъ: отрѣзываютъ клокъ волосъ и бросаютъ его вверхъ, точно также, какъ нивѣ на свадьбахъ плескаютъ вверхъ

въ потолокъ виномъ; по основному своему значенію обряды эти тождественны. Бросаніе вверхъ волосъ и брызганіе молокомъ или опьяняющимъ напиткомъ были однимъ изъ многочисленныхъ проявленій обрядовой обстановки жертвоприношенія.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ есть прямая указанія, что жертвоприношеніе сопровождалось слѣдующими торжественными дѣйствіями: поднимались и опускались, клали на молодыхъ правую руку, обращались въ правую сторону, соблюдали круговращательное движеніе или талець, приводившій при усиленномъ темпѣ въ вакхическій религіозный экстазъ.

Приношеніе яствъ и напитковъ богамъ сопровождалось торжественными молитвами и гимнами. Поэтическая сила славянъ никогда не истощалась. Измѣнялись лишь вышнія формы поэтического творчества, согласно съ измѣненіемъ культуры. Всѣ проявленія мысли и чувства изливались въ формѣ болѣе или менѣе восторженной пѣсни, принимали стихотворный ритмъ, что въ значительной степени зависѣло отъ внутренней пластичности и образности самаго языка. Языческая молитва по содержанию близко подходит къ заговору. Она имѣла стихотворную форму и пѣлась одними лицомъ или большею частью цѣлымъ собраніемъ молящихся. Въ древнее время многія свадебныя пѣсни представляли собой молитвы, обращенныя къ богамъ покровителямъ брака и заключавшія въ себѣ просьбу новобрачныхъ и всего ихъ рода о ниспосланіи имъ богатства и чадородія. Были особаго рода религіозныя пѣсни, *certa et solennia verba* римлянъ, свободныя отъ узкихъ утилитарныхъ цѣлей. Въ нихъ воспѣвался небесный бракъ, какъ священный прототипъ брака человеческого. Между молитвами и религіозными пѣснями не было рѣзкой разграничительной черты, и религіозная пѣсня въ честь и славу боговъ легко переходила въ молитвенную просьбу о ниспосланіи благъ земныхъ, какъ это, между прочимъ, можно и нынѣ видѣть въ колядкахъ, гдѣ прославленіе солнца и мѣсяца послѣдовательно переходитъ въ прославленіе домохозяина и его жены. Музыка существовала изстари; только въ древности она не имѣла самостоятельнаго значенія и служила акомпаниментомъ пѣнію.

Культъ солнца проликаетъ весь свадебный ритуалъ славянскихъ народовъ, и культу громаownika и домашнего огня или печи

остается здѣсь немного мѣста. Въ свадебныхъ обрядахъ сохранились черты древеснаго анимизма и даже обоготворенія предметовъ растительнаго міра. Поклоненіе деревьямъ сказалось, между прочимъ, въ малорусскихъ и великорусскихъ свадьбахъ, быть можетъ, въ зависимости отъ того, что русская страна въ древности была покрыта дремучими лѣсами, дѣйствовавшими импонирующимъ образомъ на духъ древняго русскаго земледѣльца.

Выдающееся положеніе солнца въ свадебныхъ обрядахъ славянскихъ народовъ обусловлено было ихъ преданностью земледѣлію. Хлѣбопашцу естественно твердо стоять въ томъ убѣжденіи, что «alles keimet in der Sonne zu der Bauern Lust und Wonne» (слова Г. Гейне). Солнце даетъ свѣтъ и теплоту. Съ восходомъ солнца вся природа пробуждается отъ ночнаго сна. Весенніе лучи солнца побѣждаютъ суровую зиму и ведутъ за собой «тихихъ майскихъ теплыхъ дней румяный, свѣтлый хороводъ» (слова Ѳ. Тютчева). Люди науки движенія земнаго шара и окружающей его атмосферы, проявленія органической жизни на землѣ, экономическій и социальный строй народовъ ставятъ въ полную зависимость отъ великаго повелителя планетной системы. Гершель полагалъ, что цѣна пшеницы зависить отъ солнечныхъ пятенъ. По мнѣнію Гааза, появленіе саранчи совпадаетъ съ *мінітитомъ* солнечныхъ пятенъ. Древній человѣкъ, по настоятельнымъ доводамъ житейскаго опыта, дошелъ до признанія солнечнаго могущества и посылно выразилъ его въ религіи. При полной зависимости человѣка отъ положенія солнца, культъ солнца естественно получилъ въ жизни культурныхъ земледѣльческихъ народовъ громадное значеніе и выразился во всѣхъ проявленіяхъ религіозно-нравственной жизни народовъ, въ вѣрованіяхъ, священныхъ дѣйствіяхъ и манипуляціяхъ, иѣсняхъ, сказаніяхъ, молитвахъ, заговорахъ, поговоркахъ и на всѣхъ крупныхъ проявленіяхъ семейной и общественной жизни, на родинахъ, на свадьбѣ, на жатвѣ, на годовыхъ праздникахъ, на общественныхъ пирахъ, на похоронахъ.

Религіозно-миоическіе элементы свадьбы у однихъ славянскихъ народовъ сохранились лучше, у другихъ слабѣе. Юго-восточные славяне въ этомъ отношеніи оказались болѣе консервативными, чѣмъ славяне западные.

По обилію религіозно-миоическихъ элементовъ на первомъ мѣстѣ стоятъ свадьбы малорусская и бѣлорусская, преимущественно первая. Южно-русская свадьба отличается торжественностью и цѣльностью; пѣсни и обряды распределены довольно равномерно по всѣмъ отдѣламъ свадьбы; соблюдено строгое различіе между отдѣльными актами свадебной драмы. Любопытной особенностью малорусской свадьбы представляется обиліе хлѣбныхъ обрядовъ и хлѣбныхъ пѣсень. Обрядовое употребленіе хлѣба на малорусской свадьбѣ не представляется сухой и безсмысленной формальностью. Оно оживлено и объяснено пѣснями и, благодаря пѣснямъ, представляется въ большинствѣ случаевъ явленіемъ живымъ и органическимъ, съ плотью и кровью ¹⁾).

Великорусской свадьбы, какъ цѣльнаго и своеобразнаго проявленія всего великорусскаго быта, нѣтъ. Въ научномъ отношеніи слѣдуетъ строго отличать свадьбу средне-русскую отъ сѣверно и восточно-русской. Между ними мало сходства. Средне-русская свадьба имѣетъ общеславянскій характеръ, походитъ на бѣлорусскую, малорусскую, сербскую, болгарскую, какъ по пѣснямъ, такъ и по обрядамъ. Россія сѣверная и сѣверо-восточная относительно свадебнаго ритуала представляетъ нѣчто исключительное въ славянскомъ мірѣ, весьма своеобразное. Обряды немногочисленны и однообразны. Пѣсни чрезвычайно длинны и тоскливы. «Витье» невѣсты и ся подругъ наполняютъ брачный пирь. На свадьбѣ первую роль играетъ колдунъ. Всѣ его боятся, угощаютъ и ублажаютъ. Колдунъ чванится и ломается, задаетъ тонъ всей свадьбѣ и подчасъ деспотически командуетъ молодыми и поѣзжаками. Обрядовый хлѣбъ на великорусскихъ свадьбахъ представляется явленіемъ второстепеннымъ. Важную роль здѣсь играетъ, между прочимъ, баня. Вообще, во всемъ строѣ и тонѣ сѣверно-русской свадьбы проглядываетъ что-то суровое, жесткое и тоскливое ²⁾).

¹⁾ Главные источники для ознакомленія съ малорус. свадьбой: сборники Чубинскаго и Головацкаго; этнограф. сборники; Основа 1862 г., IV; Кіевск. Старина 1883 г., II; Nowosielski, Lud ukraiń., I—II.; Воронежская Бесѣда.

²⁾ О великор. и бѣлорус. свадьбахъ см. Шейна, бѣл. пѣс.; Этногр. Сборн.: Терещенко, Бытъ рус. нар., II; Пермск. Сборникъ, II; разн. журн. и газет. статьи. Особ. много въ Губ. Вѣд. Подроб. перечисл. въ «Обычи. правѣ» Якушкина.

Характерной особенностью болгарской свадьбы представляется *кишкекъ* или каша пшеничная, приготовленная торжественнымъ образомъ. *Кишкекъ* представляется древнѣйшей формой жертвоприношенія хлѣба. Рядомъ съ *кишкекомъ* стоитъ *кравай*. Замѣчательна еще болгарская *бука*, какъ остатокъ жертвоприношенія волосъ ¹⁾.

Въ сербской и хорватской свадьбахъ сохранились многія черты древняго поклоненія домашнему очагу ²⁾.

Въ чешской свадьбѣ характерную роль играетъ пѣтухъ. Вообще въ Чехіи изъ древняго быта полнѣе всего сохранилось жертвоприношеніе пѣтуха богамъ ³⁾.

Польская свадьба растеряла почти все древнее, архаическое. Она состоитъ изъ двухъ или трехъ болѣе или менѣе роскошныхъ угощеній родныхъ и знакомыхъ повобрачныхъ ⁴⁾.

Главныя религіозно-мифическія черты малорусской свадьбы проявились въ высоко торжественномъ и обрядовомъ приготовленіи и употребленіи *коровай*. Свадебный *коровай* играетъ также важную роль въ Бѣлоруссіи, Болгаріи (*кравай*) и Сербіи (*краваль*). По удачному выраженію Новосельскаго, въ *короваѣ* «скрывается великая общественно-религіозная тайна славянскихъ народовъ» ⁵⁾. О свадебномъ *короваѣ* я уже два раза имѣлъ случай подробно говорить въ печати; въ магистерской моей диссертациі «О свадебныхъ обрядахъ» 1881 г. подробно изложилъ порядокъ приготовленія и употребленія свадебнаго хлѣба у разныхъ славянскихъ народовъ. Здѣсь указаны четыре религіозно-мифическія и бытовые стороны свадебнаго *коровая*: 1) *коровай*, какъ предметъ жертвоприношенія богамъ, 2) *коровай*, какъ символъ небесныхъ супруговъ солнца и мѣсяца, 3) *коровай*, какъ символъ жениха и невѣсты и 4) *коровай*, какъ символъ благополучной домашней жизни. Въ изслѣдованіи «Обрядовое употребленіе хлѣба» 1885 г. я подробно остановился

¹⁾ О болгар. свадьбѣ см. у Верковича, Качановскаго, Чолкова, Каравелова, Княжескаго, Милadinovy (собраніе пѣсень и сборники обычаевъ).

²⁾ О сербской свад. см. Гласнякъ 1867 г., V; Kanitz, Serbien, Rajaczych, Das Leben d. Südslav.

³⁾ О чешск. свад. см. Sumlorik, Staroč. obyc. I; Erben, Prost. čes. pis.; Casop čes. Musea 1859 г., I; Kulda, Swadba.

⁴⁾ О польск. свад. см. Kolberg, Lud; Wojcicki, Piesn. ludu.

⁵⁾ *Novosielski*, Lud ukraiński. I, 167.

на первой сторонѣ свадебнаго хлѣба. Я высказалъ здѣсь мнѣніе, что громадная роль въ славянскомъ, особенно въ малорусскомъ мѣрѣ корова обусловлена тѣмъ, что коровой замѣнили собою главное жертвенное животное арійцевъ—корову. Корова у арійцевъ имѣла огромное значеніе. Въ индійскихъ «Ведахъ» она очень часто упоминается по различнымъ поводамъ. Древніе арии время дня раздѣляли по тому, когда скотъ идетъ на пастбу, на водоной. Богатство опредѣлялось числомъ головъ рогатаго скота. Войны обыкновенно возникали изъ-за того, что одно родовое колѣно отнимало скотъ у другаго. Корову заклали въ жертву богамъ и на шкурѣ убитаго для жертвоприношенія животнаго сажали жениха и невѣсту. Наивное воображеніе пастушескаго народа усматривало коровъ даже въ облакахъ и звѣздахъ. Солнце и мѣсяцъ выступали въ такомъ случаѣ пастухомъ или быкомъ. Во всякомъ случаѣ, жертвоприношеніе коровы было до нѣкоторой степени роскошью, которую могли позволить себѣ люди богатые или съ достаткомъ. Бѣдиота придумала замѣнить корову изображеніемъ ея изъ тѣста. Первоначально коровой представлялъ собой подобіе коровы. Не даромъ и теперь на свадьбахъ въ Малороссіи и въ Бѣлоруссіи сверху корова натѣпливаютъ рожки и въ пѣснѣ поютъ: «А рогать я и богатъ—въ печь це вѣзу». Болгарская *боговица*, представляющая замѣну коровы, имѣетъ форму продолговатой булки—витупки съ рожками на концѣ. Въ Малороссіи торжественное приготовленіе коровай называется «бгати коровай», причемъ слово «бгати», по моему мнѣнію, находится въ ближайшемъ родствѣ съ болгарскимъ названіемъ обрядоваго рождественскаго хлѣба *боговицей*. Какъ характерно встрѣчающееся въ Великороссіи, напримѣръ въ орловской губерніи, выраженіе «молить коровай», такъ не менѣе характерно малорусское выраженіе «бгати» коровай. Замѣчательно, что слово «бгати» прилагается лишь къ торжественно приготовляемому свадебному хлѣбу. Что для самаго народа слово «бгати» представляетъ нѣчто глубоко архаическое и непонятное, видно изъ замѣчаемаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи стремленія замѣнить его другими словами. Такъ вмѣсто «бгати» говорятъ гбати, гибати, вить, гафтовать. Въ большинствѣ случаевъ, однако, выдерживается правильно древняя форма «бгати», въ смыслѣ готовить коровай для Бога или, быть можетъ, боготворить. Въ Малороссіи, напримѣръ въ полтавской гу-

бернии, пекутъ еще на свадьбахъ въ дополненіе къ короваю, изрѣдка въ его замѣну, особый хлѣбъ: *дивень*, въ формѣ большаго бублика. Что *дивень* относится къ солнечному культу, видно, между прочимъ, не только изъ его круглой формы, но изъ того еще, что невѣста смотритъ черезъ него на востокъ. Полагаю, что *дивень* есть позднее сравнительно дополненіе къ короваю и возникъ собственно изъ эпитета коровай «дивный». Эпитетъ этотъ очень обыченъ въ коровайныхъ пѣсняхъ. Сначала былъ только «дивный коровай», т. е. свѣтлый, какъ солнце; потомъ получились «дивень» и «коровай»,— первый, впрочемъ, въ подчиненномъ положеніи.

Малорусское *вилъце* или *илъце*—большая вѣтвь, зимою всегда сосновая, лѣтомъ яблоневая, грушевая, вишневая или черемуховая. Вильце украшаютъ обыкновенно дѣвунки, очень рѣдко парубки, каждую вѣточку украшаютъ небольшими букетами изъ калины, овса, барвилка, перевязываютъ цвѣтными шелкомъ и лентами и втыкаютъ вильце въ свадебный хлѣбъ. Вильце стоитъ въ теченіи свадьбы въ красномъ углу. Обыкновеніе «вить вильце» встрѣчается въ Малороссіи почти повсемѣстно. Изрѣдка вильце встрѣчается въ Великороссіи, подъ названіемъ «дѣвья красота», въ Чехіи подъ названіемъ «stromek rajski», у кувявлянъ подъ названіемъ «Jablonke». Свадебное вильце—символь жизни. Зеленое и украшенное выражаетъ молодыхъ, другими словами выражаетъ начало, разцвѣтъ новой жизни, супружество. Такое воззрѣніе на бракъ свойственно разнымъ народамъ. У бедунновъ Синая свать получаетъ отъ отца невѣсты, въ знакъ его согласія на бракъ, зеленую вѣтку и втыкаетъ ее въ тюрбанъ въ знакъ того, что просватала дѣвунку¹⁾. Существуетъ глубоко-древняя поговорка: «вѣчали вокругъ ели, а черти пѣли». Самая поговорка могла возникнуть въ первыя времена христіанства въ Россіи. Древне, можно сказать, первобытно отъщепеное ею явленіе. Обхожденіе вокругъ зеленѣющаго дерева входило въ древне-славянскій свадебный ритуаль, и свадебное вильце служило замѣной этого обычая въ зимнее время. Нечего, разумѣется, пояснять, что обрядовой пляской вокругъ зеленого дерева не ограничивалось свадебное празднество, и хожденіе вокругъ дерева, нахо-

¹⁾ Klemm, Allgem. Kulturgesch. IV, 148.

дившееся въ связи съ поклоненіемъ деревьямъ, вѣсколько не исключало обрядовъ солнечнаго культа.

Нерѣдко замѣчается на небѣ явленіе, что какал-нибудь звѣзда какъ будто идетъ рядомъ съ мѣсяцемъ. Отсюда возникло представленіе, что звѣзда сопровождаетъ мѣсяць, какъ его жена, сестра или товарищъ. У мѣсяца изъ многихъ звѣздъ есть своя любимая звѣздочка. Есть одинъ прекрасный народный разсказъ о братѣ и сестрѣ, пѣжно любившихъ другъ друга и потомъ разлученныхъ. Сестра, обратившись въ вечернюю звѣзду, повсюду ищетъ брата и плачетъ по немъ; она вѣчно орошаетъ поля своими слезами (роса), а братъ груститъ по сестрѣ и ходитъ по всему міру, превратившись въ печальный мѣсяць¹⁾. Подобный разсказъ только въ приложеніи къ солнцу и лунѣ распространенъ у разныхъ народовъ и нашелъ себѣ превосходное поэтическое выраженіе въ стихотвореніи Генриха Гейне «Солнечный закатъ» (одно изъ стихотвореній «Нѣмецкаго моря»): «Нѣкогда въ небесныхъ пространствахъ лучезарно свѣтили въ супружескомъ мирѣ и согласіи солнце—богъ и луна—богиня. Вокругъ нихъ весело толпились звѣзды, ихъ маленькія, невѣщныя дѣти. Злые языки вызвали раздоръ высокихъ и свѣтлыхъ супруговъ, и они враждебно разошлись. Днемъ проходитъ по небу въ одинокомъ величіи богъ-солнце, и гордые, жестокосердые люди возносятъ къ нему молитвы и слагаютъ въ честь его пѣсни. Ночью по небу шествуетъ луна, блѣдная мать, съ своими осиротѣвшими дѣтьми-звѣздами. Въ тихой грусти она свѣтитъ; влюбленные дѣвушки и тихіе поэты посвящаютъ ей свои слезы и пѣсни. Луна, какъ женщина, неизмѣнно любитъ своего прекраснаго супруга. Вечеромъ, дрожащая и блѣдная, смотритъ она на него изъ-за прозрачнаго облака и, кажется, готова воскликнуть: «остановись! Дѣти тоскуютъ по тебѣ»; но упрямое солнце, при взглядѣ своей жены, краснѣетъ отъ гнѣва и грусти, и неумолимое спѣшитъ спуститься въ глубину водъ на свое вдовье ложе»²⁾. Стихотвореніе это должно пояснить намъ родственныя ему по содержанію малорусскія народныя пѣсни. Такъ, я готовъ думать, что въ малорусской пѣснѣ:

¹⁾ *Терещенко*, Бытъ рус. народа. II, 573.

²⁾ *Heines*, Sämtliche Werke, XV, 223—225.

Ой ты, зирочко вечерняя,
 Чому рано не зиходыла?
 Чомъ мисяця не договыла?

скрывается такая-же полнота содержания, какъ въ Гейновскомъ «Солнечномъ закатѣ».

Встрѣча мѣсяца со звѣздой въ малорусскихъ колядкахъ знаменуетъ имѣющійся совершиться на землѣ брачный союзъ:

Иповъ-перейшовъ мисяць по неби,
 Та стрився зъ ясною зорѣю...

Вечерняя звѣзда говоритъ мѣсяцу, что она остановится надъ дворомъ NN (имя хозяина, которому колядуютъ), надъ его хатой:

У его хати дви радости буде:
 Першая радость—сына жешити,
 Другая радость—дочку отдавати ¹⁾.

Послѣ такого заботливаго участія вечерней звѣзды въ устроенія земнаго брака понятна галицкая коломійка:

Ой упала звѣзда зъ неба, та й ся розсыпала,
 Дѣвчинонька позбирала, та й ся затыкала;
 Ой упала звѣзда зъ неба, та й упала ясна,
 Та на тое подвиренько, де дѣвчина красна ²⁾.

Въ Малороссіи мать пѣвсты, отправляя повобрачнаго въ домъ мужа, даетъ ей въ покровители и проводники мѣсяць и звѣзду:

Отсе тоби проводничокъ
 Ясный мисячокъ;
 Отсе тоби проводничка
 Ясна зирныця ³⁾.

Въ коровайной пѣснѣ:

Де-жъ ты бувавъ,
 Що ты чувавъ,
 Святый короваю?
 Бувавъ же я, чувавъ же я
 Мисяця зъ зорѣю ⁴⁾.

¹⁾ Чубинскій, Труды Этн.-Стат. Энци., т. III, стр. 415.

²⁾ Головацкий, «Чтевія въ вост. общ. ист. и древ.» 1872 г., I, 471.

³⁾ Метлинскій, Южно-рус. вѣс., 225.

⁴⁾ Чубинскій, Труды Э.-С. Э. III, 463.

Подобнаго рода малорусскихъ пѣсенъ довольно много, и нельзя потому не признать, что древнее представленіе о брачной связи мѣсяца и вечерней звѣзды въ Малороссіи сохранилось отчетливо, въ силу поэтичности этого представленія.

Въ малорусской народной поэзіи мѣсяць иногда называется «перебирчикомъ», потому что любить перебирать звѣзды, пока не выберетъ себѣ одну звѣздочку. Невѣрный, нарушившій любовныя обѣщанія парубокъ сравнивается съ мѣсяцемъ. Полюбить молодца «по мисяцю стоя» — не будетъ добра. Въ поясненіе этихъ и подобныхъ малорусскихъ пѣсенныхъ выраженій можно привести индусское и литовское объясненіе мѣсячнаго ущерба. У древнихъ индусовъ существовалъ такой разсказъ о любви луннаго бога Сома ¹⁾ къ созвѣздію Рогини. У Праджапати было тридцать три дочери, которыхъ онъ отдалъ за царя Сому. Изъ нихъ только одна сдѣлалась дѣйствительною женою Рогини. Прочія жены разгнѣвались и ушли къ отцу; но Сома пошелъ за ними и требовалъ ихъ къ себѣ. Праджапати согласился возвратитъ зятю дочерей только съ условіемъ, чтобы тотъ раздѣлялъ брачное ложе поочередно со всѣми; но Сома по прежнему любилъ только Рогини, и за это имъ овладѣла пемочь. Древнеиндусское объясненіе ущерба мѣсяца его исключительной любовью къ созвѣздію Рогини въ литовской мифологіи съ незначительными измѣненіями выразилось въ сказаніи о брачной связи мѣсяца и солнца въ первую веспу. Однажды солнце встало рано и отправилось въ прогулку. Мѣсяць отдѣлился отъ него и отправился въ свою очередь въ одиночку гулять по небу. Онъ увидѣлъ утреннюю звѣзду и влюбился въ нее. Перкупъ разгнѣвался на мѣсяць и разрубилъ его лнкъ мечемъ ²⁾).

Обрядовымъ проявленіемъ древняго религіозно-мифическаго представленія мѣсяца и вечерней звѣзды супружеской парой является соблюдаемое въ Малороссіи обыкновеніе отправлять повобрачную въ домъ мужа съ восходомъ звѣзды.

¹⁾ Культъ божества Сома въ древней Индіи подробно разобранъ въ изслѣдованіи Д. П. Овсяннико-Куликовскаго «Опытъ изученія вѣдическихъ культовъ индоевропейской древности» 1884 г. Здѣсь представлена характеристика Сома, какъ божества экстаза, божества солнца и божества мѣсяца.

²⁾ Сумцовъ, О свадьб. обряд., страи. 51 и слѣд.

Если по короваю, гильцу и остаткам вѣрованія въ суиружескія отношенія свѣтилъ небесныхъ малорусская свадьба выдвигается изъ всѣхъ славянскихъ свадебъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы эти проявленія мифологіи не встрѣчались у сербовъ или чеховъ, а въ томъ, что они въ малорусской свадьбѣ сохранились гораздо полнѣе, то въ другихъ проявленіяхъ религіозно-мифическаго міросозерцанія малорусская свадьба или стоитъ наравнѣ, или уступаетъ свадьбѣ великорусской, чешской, сербской, болгарской. Такъ, малорусское «колупаніе» печи невѣстой, находящееся въ связи съ древнимъ поклоненіемъ домашнему очагу, въ гораздо болѣе ясной и полной формѣ, съ гораздо болѣе отчетливымъ указаніемъ на поклоненіе печи встрѣчается въ свадьбѣ бѣлорусской, гдѣ на печи сидитъ особый пѣвецъ и поетъ таинственныя пѣсни, хлопая пироги о пироги, и въ свадьбѣ хорватской и сербской, гдѣ невѣста ходитъ около печи и цѣлуетъ печь. Малорусское обыщаніе молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ представляется явленіемъ общеславянскимъ, и съ характерной обрядностью оно совершается какъ въ южной, такъ и въ средней Россіи, а также въ Болгаріи. Подрѣзываніе у молодой косы или, что гораздо чаще встрѣчается, торжественно-обрядовое ея завиваніе—также явленіе общеславянское, съ особенной полнотой проявлявшееся въ старинное время въ Великороссіи. Обрядовое употребленіе на свадьбахъ вѣлика, чаши, красныхъ лентъ—также явленія общеславянскія, причѣмъ чаша въ особеннѣйшей видную роль играла на старинной великорусской свадьбѣ.

Особенность малорусской свадьбы состоитъ въ томъ, что въ ней встрѣчаются въ большей или меньшей степени всѣ проявленія религіозно-мифическаго міровоззрѣнія, причѣмъ проявленія наиболѣе торжественныя и поэтическія сохранились въ замѣчательной чистотѣ и отчетливости. Религіозно-мифическіе элементы свадьбы главнымъ образомъ выразились въ обрядовомъ употребленіи и приготовленіи короваю, что собственно составляетъ главный актъ свадьбы. Наибольшей архаичностью отличается свадьба въ глубинѣ Малороссіи, въ Полтавщинѣ и Кіевщинѣ. На крайнемъ западѣ малорусскаго племени, въ Галиціи, обнаруживается ослабленіе религіозно-мифическаго элемента свадьбы.

Лѣстко ошибется тотъ, кто, судя по религіозно-мифической архаичности малорусской свадьбы, прійдетъ къ мысли, что въ

правственно-культурномъ отношеніи малорусскій народъ отсталъ отъ другихъ славянскихъ народовъ. Архаичность его свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ стоитъ рядомъ съ проявленіями мягкости и нѣжности его семейныхъ отношеній, уваженія къ личности человѣка вообще, женщины въ частности. Въ немъ, напр., нѣтъ того рѣзкаго выраженія подчиненности женщины, какое удержалось отъ временъ дикости въ великорусской свадебной обрядности и выражается въ томъ, что отецъ, въ присутствіи жениха и родственниковъ, подходитъ къ своей засватанной дочери и даетъ ей пощечину. Ничего подобнаго въ малорусской свадьбѣ и быть не можетъ при той роли, какую занимала всегда въ семейной жизни малорусская женщина, при ея полной здѣсь равноправности, при значительной свойственной ей энергіи и предприимчивости, при жепственпой мягкости и чувствительности малорусса. «Однимъ махомъ дерево не можъ истати», говорятъ малороссіяне при выдачѣ дѣвушки замужъ, и въ этомъ выраженіи уже обнаруживается признаніе нравственнаго достоинства личности женщины. Въ Малороссіи получило полное право гражданства и всеобщее распространеніе заключеніе бракосочетаній по взаимному договору самихъ молодыхъ людей. Противъ воли здѣсь ни жепятъ, ни отдають замужъ. Дѣвушка договоръ родителей скрѣпляетъ своимъ согласіемъ, что, между прочимъ, выражается обрядовымъ положеніемъ руки невѣсты на руки ея отца и женихова свата во время рукобитья:

Змовлена Марусенька

Положила билу руку на заруку ¹⁾.

По заключеніи брачнаго договора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи родня невѣсты, отецъ, мать, кто либо изъ близкихъ родственниковъ и она сама идутъ къ жениху ознакомиться съ его семейнымъ и имущественнымъ положеніемъ ²⁾. Въ малорусскомъ свадебномъ ритуалѣ, при всей его обрядовой архаичности, нѣтъ ни одной черты, оскорбляющей нравственное достоинство личности невѣсты, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда невѣста не признается сохранившей дѣвственную честь, и потому она и въ особености

¹⁾ *Метлинскій*, Южно-русск. пѣсп., 124.

²⁾ *Кіевская Старина* 1883. II, 368.

ея родители подвергаются осмѣянію, въ послѣднее время, впрочемъ, сильно ослабѣвшему. Бракосочетаніе по взаимному согласію и любви жениха и невѣсты отразилось въ народной поэзіи веселой пѣсней. Невѣста нашла возможнымъ надѣяться на привѣтъ и ласку со стороны свекра и свекрови. Во всякомъ случаѣ она, отдаваясь любимому человѣку, съ увѣренностью могла выразиться въ пѣснѣ: «лучше миленькій, якъ братъ ридненькій».

Н. В. Сумцовъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) ¹⁾.

X.

Опасаясь, чтобы Польша не возвратилась вновь къ тому печальному состоянію, въ какомъ находилась до объединенія съ Литвою, поляки боялись также, чтобы Русь литовская современемъ не отдѣлилась и не присоединилась къ Руси московской. Слѣдствіемъ того являются уніи: городельская и люблинская, имѣвшія цѣлью слить литовцевъ и русскихъ въ одинъ народъ съ поляками. Но и этого было мало,—для полнаго слиянія все еще не доставало внутренней основы, и главнымъ препятствіемъ къ тѣсному сближенію русской и польской народности было различіе вѣроисповѣданія.

Не смотря на то, что поляки уже пріучили русскую шляхту къ польскимъ порядкамъ и привилегіямъ, что шляхта эта породнилась съ польской, усвоила себѣ польскій языкъ, нравы, обычаи и весь польскій бытъ,—поляки замѣтили, что растерзанная Русь сдерживается единствомъ вѣры, такъ какъ еще оставалась нетронутой русская православная церковь, этотъ важный элементъ русской народности. Подстрекаемые своими менторами іезуитами, поляки рѣшились измѣнить религію, а съ нею вмѣстѣ и народность въ великомъ княжествѣ литовскомъ, т. е. рѣшились окатоличить и ополячить всѣхъ русскихъ до послѣдняго пана, до послѣдняго шляхтича и мѣщанина. Представленіе о вѣрѣ сливалось здѣсь съ

¹⁾ См. февральск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г.; стр. 283—307.

представленіемъ о національности; всякій католикъ былъ уже полякомъ, напротивъ, кто былъ православнымъ, уже по тому самому признавался и назывался русскимъ.

Король Сигизмундъ III всю славу своего царствованія видѣлъ въ томъ, чтобы всѣхъ иновѣрцевъ обратить въ католичество, а потому и русскую церковь въ Литвѣ желалъ соединить съ римскимъ костеломъ; и король, и все польское общество сходятся здѣсь въ своихъ намѣреніяхъ относительно ополяченія Руси. Обыкновенно бываетъ такъ, что высшая цивилизація побѣждаетъ низшую. Если дѣйствительно польская культура того времени была выше русской, какъ то утверждаютъ поляки, то Русь могла-бы ополячиться постепенно безъ насилія и принужденія; и пужно признать, что во время либеральнаго правленія первыхъ Сигизмундовъ и Баторія польскій языкъ дѣлалъ усилія на Руси. Но потому-ли, что поляки слишкомъ горячо принялись за дѣло національнаго обезличенія русскихъ, потому-ли, что духъ русской обладалъ огромнымъ запасомъ жизненныхъ силъ,—уничтоженіе Руси оказалось дѣломъ неисполнимымъ. Давленіе вызвало отпоръ, наступили кровавыя внутреннія войны, которыя потрясли всѣ основы польскаго государства, ослабили его и подготовили его паденіе. Мы видѣли, что уже Ягайло пытался Литву и Русь обращать въ католичество, но это вѣроисповѣданіе не привлекало русскихъ. Послѣ стойкаго протеста православнаго населенія противъ новой вѣры, иезуиты, недовольные слабыми успѣхами католицизма на Руси, возобновили проектъ уніи съ Римомъ, которымъ усердно занимались Скарга и Поссевинъ.

Для поддержки политической люблинской уніи, рѣшено было ввести унію церковную подъ тѣмъ предлогомъ, какъ говорилось, чтобы не было споровъ между двумя церквями, восточной и западной, при чемъ первая должна была удержатъ свои обряды и богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Унія должна была только соединить православныхъ и католиковъ подъ властью римскаго папы и одинаково уважать обряды восточной и западной церкви. Такою повидимому казалась сущность церковной уніи, но это было только повидимому, на самомъ-же дѣлѣ имѣлось въ виду національное вырожденіе. Оказалось, что католическая подкладка въ православной вѣрѣ должна была служить только новымъ орудіемъ къ обращенію православныхъ въ католичество, или что-тоже, къ превращенію русскихъ въ по-

ляковъ, такъ какъ унія считалась переходной ступенью отъ одного исповѣданія къ другому, или переходомъ изъ одной народности въ другую.

И на этотъ разъ унія также не могла легко привиться на Руси, какъ не оказала она никакого вліянія при митрополитѣ Исидорѣ; дѣло это требовало сперва надлежащей подготовки; необходимо было съ одной стороны путемъ школы и воспитанія расположить къ уніи подроставшее русское поколѣніе, съ другой всѣ мѣста въ церковной русской іерархіи замѣстить лицами, симпатизировавшими Польшѣ и уніи.

Высшій общественный классъ былъ полновластнымъ въ Польшѣ; поэтому, пока русская шляхта твердо держалась языка и вѣры своихъ предковъ, до тѣхъ поръ трудно было думать о введеніи уніи и ополяченіи. Слѣдовательно, необходимо было обратить особенное вниманіе на русскую шляхту. Чего не могли сдѣлать политическія уніи — городельская и люблинская, то должны были довершить школы. Орудіемъ для того служили коллеги, заводимыя іезуитами одна за другою.

Главной и, можно сказать, исключительной цѣлью іезуитскаго воспитанія того времени въ русскихъ областяхъ было приготовить возможно больше adeptовъ католицизма и вмѣстѣ съ тѣмъ привить въ нихъ пренебреженіе и даже презрѣніе къ православію. Для этой цѣли іезуиты пользовались не столько научными доказательствами, сколько разными другими приемами, вліявшими на молодые умы. Внушая не столько глубокой внутренней смыслъ религіи, которая должна все человечество соединять узами любви, сколько по преимуществу внѣшнія ея формы, они прививали своимъ ученикамъ пагубный для народа фанатизмъ и вмѣсто любви учили ненависти.

Католики имѣли несравненно болѣе возможности и способовъ къ образованію, нежели православные, и потому-то дѣти православныхъ паповъ воспитывались у іезуитовъ. Предки наши думали, что, получивши изъ рукъ иновѣрцевъ духовное оружіе, молодое поколѣніе русскихъ людей употребить его на защиту православія. Но іезуиты умѣли привязывать къ себѣ дѣтей, внушая имъ въ тоже время согласія со своими цѣлями убѣжденія о превосходствѣ католическаго исповѣданія. Путемъ такого воспитанія ученики такъ искусно

приучены были оказывать предпочтеніе католичеству и презирать православіе, что сами, какъ-бы на перекоръ своимъ воспитателямъ, спѣшили принимать католичество, и тогда іезуиты приписывали такое обращеніе дѣйствию благодати.

Итакъ, одни оставляли свою народность благодаря іезуитскому воспитанію, другіе — вслѣдствіе браковъ съ поляками и т. д. Несмотря на блестящіе успѣхи, римско-католическая пропаганда не могла, однако, быстро достигнуть намѣченныхъ цѣлей. Православіе поддерживалось съ одной стороны церковными братствами и просвѣщеніемъ, которое уже начало развиваться, съ другой стороны на защиту его выступилъ народъ и козаки. Правда, церковная іерархія рѣдко употребляла въ дѣло козаковъ, однако не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что между корпораціями духовной и воинской существовала тѣсная связь. Какъ представители православнаго духовенства, такъ и знаменитые козацкіе гетманы происходили обыкновенно изъ того класса русской шляхты, который не искалъ карьеры при дворахъ крупныхъ магнатовъ, а самъ прокладывалъ себѣ дорогу къ независимому положенію въ обществѣ.

Братства сами избирали своихъ старшинъ, открывали школы для обученія дѣтей безъ различія сословій, основывали больницы и типографіи, а въ религіозномъ отношеніи, заручившись значительными привилегіями отъ восточныхъ патріарховъ, старались поднять церковь изъ того состоянія упадка, въ какое она приведена была панскимъ патронатомъ.

Магдебургское право, связывавшее мѣщанъ въ цехи, навело русскихъ мѣщанъ на мысль о церковныхъ братствахъ; являются братства съ характеромъ опекуновъ надъ церквами и монастырями, они становятся патронами не на словахъ, а на дѣлѣ; они слѣдятъ за поведеніемъ духовенства и даже за дѣйствіями епископовъ.

Братства являются главнымъ орудіемъ развитія просвѣщенія въ краѣ; они быстро возникаютъ одно за другимъ, и вездѣ, гдѣ появляется братство, тотчасъ открывается школа. Братства посылали способныхъ молодыхъ людей въ западные университеты для высшаго образованія и подготовки къ преподаванію въ братскихъ школахъ. По мѣрѣ размноженія братскихъ школъ и типографій увеличивалось и число тѣхъ, кто писалъ, читалъ и думалъ надъ вопросами,

касающимися ихъ духовной и національной жизни и въ состояніи были бороться противъ іезуитской пропаганды.

Такъ какъ шляхта представляла собою силу въ Польшѣ, то братства стараются вербовать для себя членовъ среди богатой и сильной шляхты православнаго вѣроисповѣданія и часто находятъ содѣйствіе въ томъ-же домѣ и даже въ томъ-же лицѣ, что и іезуиты. Большее значеніе получали братства, когда въ спискахъ ихъ фигурировали имена магнатовъ, приносившія имъ впрочемъ больше блеску, нежели дѣйствительной пользы. Сами эти папы говорили: «мы не живемъ въ городахъ и рѣдко въ нихъ бываемъ, поэтому возлагаемъ надзоръ и передаемъ все дѣло меньшимъ нашимъ братьямъ съ тѣмъ, чтобы они сносились съ нами, а мы, въ свою очередь, обязуемся помогать имъ». Не смотря на свой характеръ, братства церковныя были явленіемъ болѣе или менѣе кратковременнымъ. Они могли держаться только до тѣхъ поръ, пока католической пропагандѣ не удалось обратить въ католичество высшіе слои русскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить мѣщанство. Случилось это въ теченіи XVII ст., и братства сами собою потеряли значеніе.

Что касается церковно-іерархическаго устройства, то предки наши избирали громадской волей достойныхъ лицъ не только на приходы и архимандріи, но и для замѣщенія епископскихъ и митрополичьихъ кафедръ. Церковь русская сохраняла тотъ основной принципъ, что пастыри церковные выбираются для народа, для него и надъ нимъ существуетъ духовная власть; поэтому только народъ, а не кто иной, долженъ избирать пастыря изъ среды себя, такъ какъ онъ лучше всего можетъ знать жизнь и способности избираемаго. Но со времени политическаго объединенія Литвы съ Польшею короли польскіе распространяютъ и на православную церковь захватное ими раньше въ церкви католической право подаванія «духовныхъ хлѣбовъ» и зачастую раздаютъ епископскія мѣста лицамъ, никогда не приготовлявшимся къ занятію духовныхъ должностей.

Русскія епископскія кафедры замѣщались придворными или чиновниками безъ всякаго богословскаго образованія. Клиентъ кн. Радзивилла, воеводствѣ кастелянъ брестскій, Адамъ Поцѣй, измѣнившій православію ради реформатства, а этому послѣднему для католичества, по совѣту близкихъ и вліятельныхъ людей по смерти

жены своей возвратился снова къ вѣрѣ отцевъ и принялъ монашество, чтобы достигнуть епископской катедры. Такимъ образомъ Поцѣй, бывшій еще въ мартѣ кастеляномъ, въ апрѣлѣ того же года былъ уже епископомъ.

Илія Мороховскій изъ королевскаго секретаря сдѣлался епископомъ владимірскимъ.

Арсеній Желиборскій, на двадцать третьемъ году жизни, изъ придворнаго короля Владислава IV сдѣланъ былъ епископомъ львовскимъ.

Кириэль Терлецкій, епископъ луцкій, до поставленія во епископы былъ писаремъ литовскаго скарбника Николая Тривны.

Янъ Рутскій, прежде кальвинистъ, обращенъ былъ въ католичество и затѣмъ, по совѣту іезуита Бокса и по приказанію папы, перешелъ въ православіе, чтобы быть поставленнымъ русскимъ епископомъ.

Такъ продолжалось до самаго конца XVII и начала XVIII ст. Іосифъ Шумлянский изъ солдата сдѣлался епископомъ львовскимъ и т. д.

Однимъ словомъ, люди свѣтскіе, безъ малѣйшаго богословскаго образованія, постригались въ монахи, чтобы вслѣдъ за тѣмъ быть поставленными въ русскіе епископы. Для дополненія картины нужно вспомнить православнаго кievскаго митрополита Онисифора Дѣвочку, чтобы имѣть понятіе о томъ, какими владыками управлялась православная церковь подъ польскимъ патронатомъ.

Русская шляхта, собранная на сеймѣ варшавскомъ въ 1585 г., указываетъ митрополиту на безпорядки въ русской церкви: «много зла произошло въ нашей церкви во время папскаго правленія вашей милости: оскорблялась святыня, запирались св. дары, печатавались церкви, воспрещался колокольный звонъ, священниковъ отрываютъ отъ алтарей и сажаютъ въ тюрьмы, а мірянамъ запрещаютъ молиться, изгоняя ихъ изъ храмовъ Божіихъ. Но того мало,—рубятъ кресты, по требованію жидовъ берутъ на замокъ колокола, а ваша милость своими сочиненіями еще помогаетъ противъ церкви на радость жидамъ, на приниженіе святой вѣры и на нашу погибель. Сверхъ того обращаютъ церкви въ іезуитскіе костелы и въ ихъ пользу записываютъ церковныя имѣнія. Въ монастыряхъ, вмѣсто игумена и братіи, живутъ игумены съ женами и дѣтьми, и то, что

должно-бы служить къ славѣ Божіей, осквернено святотатствомъ... Но хуже всего то, что ваша милость сами ставите епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, своей братіи, что воспрещается и уставами церкви,—въ слѣдствіе того являются недостойные епископы, которые въ своихъ епархіяхъ, на поруганіе святой вѣры, живутъ съ жепами и имѣютъ дѣтей»...

Въ 1588 г. константинопольскій патриархъ Іеремія по пути въ Москву испросилъ у короля Сигизмунда III позволеніе воспользоваться принадлежавшимъ ему правомъ суда и расправы надъ русскимъ духовенствомъ. Патриархъ зналъ о беспорядкахъ въ церковномъ управленіи на Руси и намѣревался изложить митрополита Опкифора Дѣвочку, тѣмъ болѣе, что оказалось, что онъ жилъ въ двоеженствѣ. Католики не противились этому намѣренію—они готовили на этотъ важный постъ своего кандидата, мпскаго архимандрита Михаила Рагозу, воспитаннаго іезуитами. А патриархъ, не собирая справокъ, удовольствовался только рекомендаціей воеводы Скумина Тышневича, будущаго противника униі, да немногихъ русскихъ паловъ, подготовленныхъ къ возвышенію Рагозы на митрополію, и возвелъ послѣдняго въ санъ митрополита.

Между тѣмъ Рагоза получилъ отъ іезуитовъ особую инструкцію относительно подготовки русскаго духовенства и народа къ униі; за усилшное выполненіе этого дѣла они обѣщали сдѣлать его примасомъ восточной церкви и доставить ему первое мѣсто въ сенатѣ послѣ короннаго или католическаго примаса. Въ инструкціи между прочимъ значилось: «поучать декановъ, налагать подати на священниковъ и слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не осмѣливался устраивать собориковъ или слѣздовъ. Непослушныхъ сажать въ тюрьму. Не вводить сразу новыхъ церковныхъ обрядовъ,—обряды могутъ быть замѣнены постепенно. Не пренебрегать диспутами и спорами для виду съ представителями западной церкви, чтобы тѣмъ легче отводить глаза шляхтѣ и черни. Не вступать въ открытую борьбу противъ черни, но вести ее тайно и постепенно. Основывать особыя школы для русской молодежи, но не препятствовать имъ посѣщать католическіе костелы и окончивать образованіе въ школахъ отцевъ іезуитовъ и т. д.» Такъ-то, вмѣсто того, чтобы привязать къ себѣ Русь путемъ удовлетворенія справедливыхъ ея интересовъ, старались усилить дѣло объединенія путемъ деморализаціи.

Деморализація охватила въ особенности высшее русское духовенство. Достижшіе епископскихъ кафедръ путемъ вышеуказаннымъ заботились о себѣ, а не о церкви, ихъ привлекали церковныя имѣнія, а не духовныя интересы, они вели свѣтскую и даже семейную жизнь,—однимъ словомъ жили, какъ магнаты, предпринимали другъ противъ друга походы за обладаніе церковными имѣніями, налагали на низшее духовенство большія подати и тягости, а между тѣмъ церкви разрушалась, приходила въ сильное разстройство и клонилась къ упадку.

Неудивительно поэтому, что такіе пастыри, не задумываясь, принимали участіе, къ чему обыкновенно обязывались еще до посвященія, а потомъ принуждали къ тому свои епархіи.

Скарга приписывалъ упадокъ русской церкви семейной жизни православнаго духовенства, богослуженію на славянскомъ языкѣ и вмѣшательству свѣтской власти въ церковныя дѣла. Іезуитскій духъ мѣшалъ ему видѣть, или, правдоподобнѣе, онъ не хотѣлъ сознаться, въ чемъ состояла причина зла.

Послѣдняя изъ указанныхъ имъ причинъ, именно присвоенное королями право назначенія русскихъ епископовъ по своему произволу имѣло здѣсь огромное значеніе,—оно сдѣлалось вскорѣ источникомъ многихъ золъ для православной церкви; но было-бы несправедливо приписывать все іезуитской пропагандѣ и полякамъ: они только эксплуатировали въ свою пользу положеніе вещей.

Русскому обществу не доставало просвѣщенія, и до второй половины XVI в. оно не имѣло другой литературы, кромѣ хреникъ, актовъ и рукописныхъ церковныхъ книгъ. Правда, во времена Ярослава и его преемниковъ, по свидѣтельству ученыхъ и между прочимъ Шафарика, просвѣщеніе на Руси стояло выше, нежели въ большей части европейскихъ странъ; но съ тѣхъ поръ Русь пережила княжескія междоусобія, татарское иго и религіозно-политическое давленіе Польши сперва въ отдѣльныхъ частяхъ, а потомъ и въ цѣломъ.

Упадокъ богатой древне-русской культуры долженъ былъ произойти не столько подъ вліяніемъ первыхъ двухъ причинъ, сколько отъ продолжительнаго и сильнаго дѣйствія послѣдней. Съ тѣхъ поръ, какъ Русь пришла въ политическое соприкосновеніе съ Польшею, польское правительство не только не способствовало развитію,

а напротив не пренебрегало ничѣмъ, что могло повести къ ослабленію и уничтоженію русской народности,—лучшія силы и способности народа должны были ослабнуть. Когда обрекались на упадокъ церкви и школы, когда ограничивались гражданскія и общественныя права приверженцевъ православія, отнималось ихъ имущество и собственность, когда хитростью или силою отрывали отъ народа русскую шляхту и ополячивали ее,—то каждый легко пойметъ, что остатокъ русскаго народа былъ низведенъ до состоянія матеріальнаго безсилія и политическаго пуля, а по тому самому и языкъ народный оставался въ пренебреженіи.

Собравшись на сеймъ, патроны не разъ толковали объ упадкѣ русской церкви, обращались иногда къ русскимъ епископамъ съ рѣзкими замѣчаніями, какъ мы это видѣли въ письмѣ къ митрополиту Онисифору, и однако ни разу отъ словъ не перешли къ дѣлу.

Правда, явилась было мысль—поднять просвѣщеніе, сдѣлавъ общедоступнымъ для массы священное писаніе; но какъ достигнуть этого, когда долгое время не было ни школъ, ни типографій? Полочанинъ Скорина перевелъ библію на современный русскій языкъ, какой употреблялся высшими сословіями, т. е. болгарскій, уснащенный полонизмами. Эту библію онъ напечаталъ въ чешской Прагѣ. Въ 1562 г. основана первая типографія въ Несвижѣ. Здѣсь Симеонъ Будный напечаталъ протестантскій катехизисъ и предложилъ его русскому обществу. Нѣсколько позже литовскій гетманъ Григорій Ходкевичъ основалъ типографію въ своемъ имѣніи Заблудовѣ, и здѣсь бѣжавшіе изъ Москвы типографщики Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ напечатали евангеліе съ толкованіемъ. Наконецъ основана на Руси знаменитая острожская типографія, въ которой тотъ-же Ѳедоровъ напечаталъ въ первый разъ полную церковную библію на славянскомъ языкѣ. Это было первымъ важнымъ шагомъ на пути къ просвѣщенію русскаго общества.

Давая у себя пріютъ московскимъ типографщикамъ, русскіе паны—Ходкевичъ и Острожскій оказали великую заслугу не только типографскому дѣлу, которое впоследствии расширили братства, но и всей Руси. При посредствѣ книгопечатанія Несвижъ, Заблудовъ, Острогъ, Львовъ, Вильна, затѣмъ Кіевъ и многіе другіе города пришли къ сознанію русскаго единства, а дѣйствовавшіе въ этихъ

городахъ станки сблизили Литву съ Червоною Русью, а вскорѣ потомъ—съ 1580 г. сблизили съ обѣими и Украйну.

Въ XVII ст. южная Русь значительно возвысилась въ европейской цивилизаціи своими школами и типографіями, своими духовными писателями и учеными во время борьбы противъ унии и католицизма (Смотрицкій, Колыстевскій, Могила, Гизель и др.). Между тѣмъ исходъ борьбы между двумя враждебными элементами долго оставался сомнительнымъ.

Въ толпѣ гостей, безпрестанно окружавшихъ магната, ни одинъ изъ элементовъ не имѣлъ перевѣса: ни польскій, ни русскій, ни православный, ни католическій, ни новое реформаціонное ученіе. Домъ магната уподоблялся рынку, на которомъ встрѣчались всевозможные товары; это было какъ-бы порто-франко, куда свозилось все безъ контроля. На столѣ знаменитаго защитника православія, князя Острожскаго, лежали сочиненія Поссевина и Скарги рядомъ съ сочиненіями князя Курбскаго или афонскаго монаха Іоанна Вяшенскаго; іезуитъ Мотовило былъ его любимымъ собесѣдникомъ. Въ дворецъ Острожскаго собирались для диспутовъ и пріятельскихъ бесѣдъ представители католицизма и православія вмѣстѣ съ представителями лютеранства, кальвинизма и социціанства. Неудивительно поэтому, что Янушъ Острожскій еще при жизни отца отрекся отъ вѣры и національности своихъ предковъ и сдѣлался полякомъ.

Итакъ, не патроны охраняли русскую народность. Охраняли ее стойкость мѣщанъ съ одной стороны, монастырскій аскетизмъ съ другой, и наконецъ храбрость запорожцевъ; простой народъ былъ четвертымъ консервативнымъ элементомъ, но онъ находился въ рукахъ тѣхъ, кто владѣлъ имъ.

Въ одномъ изъ параграфовъ инструкціи митрополиту Рагозѣ значилось: православленную церковь унижать во всѣхъ отношеніяхъ.

Для уясненія этого пункта нужно указать, какимъ имуществомъ владѣла русская церковь и что сдѣлано съ нимъ мало по малу. До водворенія польскаго правительства на Руси, здѣсь не было ни одной епархіи, ни одного прихода католическаго, поэтому всѣ церковныя имѣнія составляли собственность православныхъ церквей. Пожертвованія на церкви и монастыри были такъ значительны,

что давали полную возможность епископамъ удовлетворять ихъ миссіи, поддерживать учебныя и благотворительныя заведенія, украшать храмы и т. д. Чтобы упизить русскую церковь, іезуиты задумали лишить ее имущества, что и было постепенно исполнено съ теченіемъ времени. Исторія не знаетъ ничего о томъ, чтобы польское правительство учреждало новыя православныя епархіи, или надѣляло бенефиціями уже существующія; напротивъ, извѣстно огромное число фактовъ отобранія православныхъ церквей и обращенія ихъ въ латинскіе костелы.

Еще Ягайло отбиралъ у православныхъ церкви и отдавалъ ихъ католикамъ. Когда въ 1414 г. сдѣлалась вакантною галицкая митрополія, православные въ теченія 125 лѣтъ не получали для себя епископа, вслѣдствіе чего церковныя имущества перешли въ частныя руки. Гораздо позже начали надѣлять латинскіе епископства и костелы и то по большей части имѣніями, принадлежавшими русскимъ церквямъ, что вызывало вооруженныя схватки и порождало несправедливость.

Вмѣстѣ съ отобраніемъ церквей отнимались у православнаго духовенства и всѣ средства къ существованію. Десятинна, предназначенная для русскихъ церквей, послѣ обращенія ихъ въ католическія, переходила къ послѣднимъ. Такимъ образомъ бѣднѣли православные епископы, духовенство, учебныя и богоугодныя заведенія приходили въ упадокъ и научная подготовка благаго духовенства становилась невозможной, бѣднѣлъ старинный блескъ русской церкви, исчезало ее значеніе и вліяніе. Прежнее богатство монастырей и другихъ учрежденій смѣнилось бѣдностью и нуждою. Для враговъ православія это было самое желательное положеніе вещей, когда духовенство, обнищавшее, погрязшее въ невѣжествѣ и лишенное значенія вмѣстѣ съ церковью, которой оно было представителемъ, могло быть выставлено на позоръ и осмѣяніе. Въ видахъ униженія православія русскихъ епископовъ называли владыками, священниковъ попами, а церкви синагогами.

Такъ, путемъ воспитанія русской шляхты въ іезуитскихъ школахъ, замѣщенія епископскихъ кафедръ удобными для іезуитовъ лицами и обнищанія русскихъ церквей подготовлялось введеніе униі. Послѣ такихъ подготовительныхъ мѣръ агенты римской куріи считали Русь вѣрною и легкой добычей для латинской церкви. Однако

на дѣлѣ оказалось, что добыча далеко не была такъ легка и что невѣжественныхъ православныхъ поповъ и неграмотный русскій народъ гораздо труднѣе заставить переимѣнить вѣру, нежели образованныхъ патроновъ православія.

XI.

Русскіе имѣли много поводовъ задуматься надъ униєю. Съ одной стороны имъ говорили: «примите унию и будете уравнены въ правахъ съ поляками»; съ другой—православные епископы и русская шляхта уже въ теченіи двухъ столѣтій привыкли къ союзу съ католической Польшей.

Долгій путь, исполненный терпѣнія съ одной стороны и всевозможныхъ притѣсненій съ другой, заставилъ многихъ православныхъ освоиться съ мыслью о необходимости какимъ-бы то ни было образомъ положить конецъ двухвѣковой враждѣ одноплеменныхъ народовъ. Мысль эта поддерживалась еще тѣмъ соображеніемъ, что и въ старину обѣ церкви, западная и восточная, были объединены, не смотря на различіе ихъ обрядовъ; поэтому надѣялись, что униія не измѣнитъ православной вѣры.

Съ другой стороны Константинополь находился во власти турокъ, отъ которыхъ зависѣлъ и православный патріархъ; ограбленные турками, патріархи не разъ находились въ необходимости собирать на Руси подаяніе; то-же происходило и при смѣнѣ духовныхъ начальниковъ. Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ являлись большіе беспорядки и униженіе высокаго значенія патріарха.

Упадокъ православной церкви порождаетъ религіозный индифферентизмъ среди русскихъ паповъ; неудивительно поэтому, что послѣдніе такъ быстро переходятъ въ лоно католической церкви, особенно съ того времени, какъ начинаютъ вступать въ родственныя связи съ польскими домами. Вотъ причины, почему даже такіе столпы православія, какъ князь Константинъ Острожскій, входятъ въ переговоры объ униіи. Острожскій, вмѣстѣ со многими другими папами, надѣялся, что покровительство папы можетъ защитить русскую церковь отъ притѣсненій со стороны поляковъ и прекратить неурядицы въ православной іерархіи. Такъ думало и большинство; всѣ надѣялись на возможность сохранить во всей чистотѣ гречко-восточное испо-

вѣданіе, пока не убѣдились наконецъ въ истинномъ значеніи униі.

Что князь Острожскій понималъ унию, какъ дѣйствительное объединеніе церквей, видно изъ того, что онъ предпринималъ соединеніе не одной только западно-русской церкви, но и всей восточной, и съ этою цѣлью началъ сношенія съ московской Русью. Иначе смотрѣли на дѣло русскіе епископы: они думали только о присоединеніи одной западно-русской церкви, находившейся въ польскомъ государствѣ, и для того нѣсколько разъ съѣзжались на совѣщанія, пока наконецъ не подписали согласія на унию. Поцѣй извѣстилъ о случившемся князя Острожскаго, который былъ этимъ сильно раздраженъ.

Душою униатской партіи были: Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, и Ипатій Поцѣй, епископъ владиміро-волинскій.

Возобновленіе униі, популярное въ средѣ польской шляхты, которая усматривала въ ней еще одну сильную связь съ короной, не было однако популярнымъ среди русскаго народа, который предчувствовалъ, что это нововведеніе не будетъ въ его пользу. Если мѣщане и крестьяне и принимали унию, то дѣлали это изъ страха и въ теченіи долгаго времени готовы были отпасть отъ нея. Между тѣмъ на Украинѣ, гдѣ народъ въ силу долговременной привычки къ войлѣ былъ отважнѣе и менѣе проникся невольничьимъ страхомъ, униа прививалась съ большимъ трудомъ. Сверхъ того отвращеніе къ униі усиливали тѣ приемы, какими сопровождалось ея насажденіе въ краѣ.

Когда вѣсти о принятіи униі дошли до народа, со всѣхъ сторонъ поднялись голоса, требовавшіе всеобщаго собора. Между тѣмъ митрополитъ колебался или дѣлалъ видъ, что не можетъ оставить своей церкви; онъ объявилъ главнымъ дѣятелямъ униі, Терлецкому и Поцѣю, а черезъ нихъ и королю, что не отказывается отъ униі,—готовъ принять ее, если она будетъ принята на соборѣ духовенства и мірянъ, до отправленія депутаціи въ Римъ. Князь Острожскій въ свою очередь заявилъ, что такое важное дѣло не можетъ быть рѣшено безъ общаго собора. Этотъ путь былъ самымъ естественнымъ.

Сперва король согласился созвать соборъ и даже распорядился изготовить универсалъ, но, убѣдившись въ невозможности ожидать

общаго согласія на унію, не выпустилъ его изъ канцеляріи и приказалъ Поцѣю съ Терлецкимъ ѣхать въ Римъ. По крайней мѣрѣ сдѣлали видъ, что унія не была навязана, но что ее приняли даже русскіе епископы.

Между тѣмъ, пока Поцѣй и Терлецкій успѣли съѣздить въ Римъ и возвратиться, въ Украинѣ вспыхнуло первое козацкое возстаніе подъ предводительствомъ Косинскаго. Позволительно еще сомнѣваться въ томъ, чтобы возстаніе Косинскаго поднялось изъ чисто религіозныхъ побужденій. Вначалѣ у козаковъ освобожденіе братьевъ изъ неволи считалось лучшимъ дѣломъ благочестія. Если когда-нибудь козакъ задумывался о своемъ душевномъ спасеніи, то навѣрно представлялъ его себѣ не иначе, какъ въ размѣрѣ того вреда, какой онъ нанесилъ татарамъ и туркамъ. Какъ люди необразованные и не посвященные во всѣ тайны богословія, казаки знали только, что вѣра ихъ—не шляхетская; они знали, что ихъ предки, какъ и сами они, убѣгали въ степи отъ пановъ-католиковъ; поэтому папъ-католикъ является для нихъ такимъ-же враждебнымъ существомъ, какъ бусурманинъ, набѣгающій съ лукомъ и арканомъ, или еврей арендаторъ.

Теперь казаки нападаютъ на папскіе дворы, разоряютъ ихъ, уничтожаютъ шляхетскіе документы, они сильнѣе борются противъ польскихъ порядковъ, которые усматриваютъ также и въ подчиненіи русской церкви папѣ. На эту мысль паводитъ то обстоятельство, что Косинскій заѣзжаетъ и опустошаетъ имѣнія князя Острожскаго, котораго считали польскимъ магнатомъ за то, можетъ быть, что онъ хлопоталъ объ уніи.

Овладевъ многими украинскими городами и даже Кіевомъ, безъ особаго ихъ сопротивленія, Косинскій вездѣ отбиралъ присягу на вѣрность украинскому войску. Онъ уже составляетъ планъ—отторгнуть Русь отъ Польши, разрушить въ ней аристократическій порядокъ, ввести козацкое устройство и распространить его равно на лицъ шляхетскаго и не шляхетскаго происхожденія, чтобы не было различія сословій, чтобы всѣ были равны и на равныхъ правахъ владѣли землею. Такой планъ угрожалъ Польшѣ опасностью политическаго и общественнаго переворота, поэтому король обратился къ дворянству южно-русскихъ воеводствъ, призывая его къ оружію противъ врага.

Князь Острожскій вооружилъ шляхту въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ и послалъ ее противъ возставшихъ, подъ начальствомъ своего сына Януша. На этотъ разъ Косинскому не посчастливилось: послѣ неудачнаго боя подъ Пяткой козаки принуждены были дать обѣщаніе выбрать себѣ другаго предводителя,—тѣ-же, которые не были подъ Пяткой, не думали о новомъ выборѣ и, напротивъ, побуждали Косинскаго къ новому возстанію, говоря: «Абожь то не наша земля? чи-жь не мы ии видѣ орды одибрали? Чіе-жь тутъ право?» Косинскій не могъ противиться общественному давленію, но, пока стягивались новыя силы, онъ погибъ во время пирушки въ Черкасахъ; тамъ поднялся споръ, перешедшій въ драку, и одинъ ударъ измѣнника, или просто пьянаго, пресѣкъ бурную жизнь Косинскаго. Козаки избрали послѣ него гетманомъ Лободу.

Такъ начался продолжительная войны между тѣми, кто считалъ землю своею собственностью на основаніи королевскихъ привилегій, и тѣми, которые признавали ее своею собственностью, приобретенною путемъ завоеванія отъ татаръ; между тѣми, кто смотрѣлъ на свободу, какъ на гербовую привилегію, и тѣми, кто считалъ ее природной и неотъемлемой собственностью каждаго человѣка. Силы были неравны и если борьба не имѣла слѣдствіемъ завоеванія свободы, то все таки приготовила упадокъ Польши.

Обыкновенно шляхетская партія, съ помощью наемныхъ регулярныхъ войскъ, одерживала верхъ надъ возставшими, предводители возстанія подвергались строгимъ карамъ, а Украина—еще болѣе тяжкимъ притѣсненіямъ.

Изъ вождей козацкихъ, въ эпоху между 1593—1638 гг., особенно прославились борьбою съ поляками: Наливайко, Тарасъ Трасило, Павлюкъ, Остряницъ. Одному только Сагайдачному, вѣрному защитнику православія, удалось достигнуть почета отъ польскаго правительства и жить въ мирныхъ отношеніяхъ съ шляхетскою партією, какъ то увидимъ ниже.

Между тѣмъ какъ поляки стараются всѣми силами подавить возстаніе Косинскаго, Поцѣй и Терлецкій приносятъ присягу на вѣрность панѣ, обѣщая ему всегдашнее послушаніе въ дѣлахъ вѣры, а на родивъ всѣ возмущаются самовольнымъ ихъ поступкомъ.

Въ это время, кромѣ реестровыхъ козаковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Лободы, появляется другое козацкое войско, возникшее

по собственной инициативѣ, подъ предводительствомъ Наливайка. Возстаніе его, начавшись на Волини, носить до нѣкоторой степени религиозный характеръ. Наливайко нападаетъ на имѣнія русскихъ епископовъ и мірянъ, склонныхъ къ униі, занимаетъ Луцкъ, гдѣ мѣсть козаковъ обращается на сторонниковъ и слугъ Кирилла Терлецкаго; затѣмъ поворачиваетъ на Вѣлоруссію, добываетъ Слуцкъ, гдѣ находитъ большой запасъ оружія, занимаетъ Могилевъ, захватываетъ спрятанныя въ Пинскѣ драгоценныя церковныя вещи, принадлежавшія Терлецкому, и овладѣваетъ важными документами на пергаментѣ съ подписями духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, изъявившихъ согласіе на унию.

Зимою 1595—1596 г. Наливайко соединился съ козацкимъ гетманомъ Лободою и возстаніе начало принимать грозныя размѣры. Король посылаетъ противъ козаковъ короннаго гетмана Жолкѣвскаго и война между ними продолжается упорно до конца мая 1596 г. Для обѣихъ сторонъ рѣшался вопросъ о жизни и смерти, вопросъ о томъ, быть-ли на Руси польскимъ или русскимъ порядкамъ. Стѣсненные польскими войсками, казаки переправились на лѣвый берегъ Днѣпра и были осаждены подъ Лубнами. Тутъ между козаками начались несогласія; сначала Наливайко изложилъ съ гетманства и убилъ Лободу, а самъ сдѣлался гетманомъ, по въ свою очередь былъ схваченъ, выданъ полякамъ и казненъ въ Варшавѣ.

Какой-то *fatum* тяготѣлъ надъ Польшей. Едва казнили одного Наливайка, какъ къ тому времени уже появлялся другой; у воротъ новаго замка въ Жолкѣвѣ явился Михайло Хмѣльницкій, отецъ Богдана, называя себя банитомъ, и этого было достаточно, чтобы онъ былъ принятъ въ замокъ. Недостатокъ людей близъ границъ не позволялъ слишкомъ критически относиться къ ихъ прошлой жизни. После брака дочери Жолкѣвскаго съ богатымъ паномъ Даниловичемъ, Михайлъ Хмѣльницкій былъ причисленъ къ свитѣ, сопровождавшей молодую въ домъ ея мужа.

Даниловичу принадлежала вся Корсуницкая и Чигиринщина и онъ поручилъ Хмѣльницкому управленіе этими обширными имѣніями. Тотъ, съ разрѣшенія своего пана, завелъ собственное хозяйство въ лѣсной мѣстности Суботовѣ, на лѣвомъ берегу рѣчки Тясмина; позиція была опасная—еще недавно за Тясминомъ кочевали татары, да и теперь появлялись они на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Такъ возникло Суботово, послужившее въ непродолжительномъ времени послѣднимъ поводомъ къ всеобщей внутренней войнѣ.

Правда, на Украйнѣ съ давнихъ поръ шли споры съ козаками за поземельную собственность. Шляхта старалась захватить козацкія земли въ фактическое владѣніе и обратить жителей въ крѣпостныхъ, что впрочемъ не такъ-то легко удавалось; но непрерывныя требованія шляхты о распространеніи польскаго права были главнымъ поводомъ непріязненныхъ отношеній между козаками и шляхтой, превратившихся вскорѣ въ упорную борьбу. Козаки видѣли, что тѣ порядки, отъ которыхъ ихъ предки уходили изъ центра шляхетства, послѣдовали за ними и на Украину, а отсюда уже нѣкуда было уходить, развѣ въ турецкую или татарскую певолу. Оставалось на выборъ изъ двухъ одно: или склонить голову подъ панское ярмо, или защищать свободу до послѣдней капли крови. Убѣгая изъ-подъ власти пана или старосты въ козачество, крестьянинъ приносилъ туда глубокую ненависть ко всему, что было панскимъ, шляхетскимъ и польскимъ, такъ какъ ненавистный ему панъ былъ или становился полякомъ. Наравнѣ со всѣмъ панскимъ ненавистна была козаку католическая вѣра, а еще нестерпимѣе была унія, какъ одинъ изъ признаковъ панскаго гнѣта, насильно навязанный его совѣсти; православная вѣра, напротивъ, была для русскаго народа признакомъ свободы. Съ этого времени козачество, которое теперь пополняется исключительно изъ простаго народа, готово защищать съ оружіемъ въ рукахъ все, что было дорогаго для этого народа. Съ этого времени козачество становится народнымъ представительствомъ на Руси.

Въ началѣ 1596 г. возвратились на родину Поцѣй и Терлецкій. Кромѣ писемъ къ православнымъ епископамъ и митрополиту, привезли они отъ папы письмо на имя короля Сигизмунда III съ просьбою возвратить несправедливо отнятыя церковныя имѣнія, русское духовенство уравнивать въ правахъ съ польскимъ, а именно—дать мѣста въ сенатѣ русскимъ епископамъ, однимъ словомъ удовлетворить представленнымъ епископами условіямъ, исполненіе которыхъ зависѣло отъ короля. Однако просьба папы осталась безъ послѣдствій.

Между тѣмъ унія встрѣтила въ краѣ сильное противодѣйствіе со стороны церковныхъ братствъ и даже на сеймѣ варшавскомъ

1596 г. враждебно смотрятъ на введеніе униі, предвидя могущія произойти отсюда волненія. Но не смотря на то, что все опасались народнаго возстанія и предвидѣли большія несчастія, Сигизмундъ III рѣшился ввести унию и созвалъ соборъ въ Брестѣ литовскомъ на 6 октября 1596 г. для ея утвержденія. Съ своей стороны князь Острожскій извѣстилъ о томъ восточныхъ патріарховъ; по его просьбѣ присланы были протосиноклы (памѣтники) отъ константинопольскаго патріарха Никифора и александрійскаго Кирилла. Острожскій также дѣлалъ приготовленія къ собору. Собравшись въ назначенный срокъ, соборъ тотчасъ раздѣлился на два лагеря, изъ которыхъ каждый по своему относился къ униі. Уніатскій лагерь составляли католическіе бискупы, іезуиты, поляки и уніаты, явившіеся съ митрополитомъ Рагозою. Засѣданія уніатской партіи происходили въ кафедральномъ соборѣ. Православный лагерь образовали экзархи двухъ восточныхъ патріарховъ, сербскій митрополитъ Лука, русскіе епископы: львовскій Гедeonъ и перемышльскій Михаилъ, и другіе сановники церкви, далѣе со стороны мірявъ—князь Острожскій, представители братствъ, земскіе послы и т. д.

Брестъ принадлежалъ къ епархіи Поцѣвъ, который приказалъ запереть все остальные церкви, чтобы лишитъ православныхъ мѣста для собраній, такъ что они были принуждены собираться въ частномъ домѣ.

Православные въ свою очередь раздѣлились на двѣ партіи: духовную и свѣтскую. Согласно древнимъ обычаямъ восточной церкви, для измѣненія догматовъ вѣры недостаточно было поставленія одного только духовенства, требовалось также согласіе свѣтскихъ лицъ какъ шляхетскаго сословія, такъ и простаго народа. Въ силу этого принципа, на созванный въ Брестѣ соборъ для совѣщанія объ униі явились многіе изъ свѣтскихъ сановниковъ литовскихъ и русскихъ. Между тѣмъ какъ духовенство занялось обсужденіемъ униі со стороны религіозной, свѣтская партія, не вдаваясь въ богословскіе диспуты, защищала свою вѣру на основаніи правъ, обезпечивавшихъ свободу вѣроисповѣданія и подтвержденныхъ какъ великими князьями литовскими, такъ и польскими королями. Глава православнаго собора, протосинокель Никифоръ, три раза приглашалъ киевскаго митрополита на засѣданія собора, но когда онъ не явился и отвѣтилъ, что подчинился уже западной

церкви, православный соборъ объявилъ лишенными сана какъ самаго митрополита, такъ и епископовъ, признавшихъ унию. Эти съ своей стороны отвѣтили тѣмъ-же, т. е. низложили православныхъ іерарховъ.

Послѣ отказа со стороны духовной партіи, свѣтская единогласно объявила, что весь литовско-русскій народъ настроенъ противъ униі. Составленъ былъ протестъ какъ противъ самой униі, такъ въ особенности противъ способовъ ея введенія, объявлено низложеніе принявшихъ унию священниковъ и послѣпа королю просьба о назначеніи новыхъ епископовъ на мѣсто отпавшихъ отъ православія.

Уніатскій лагерь уже не обсуждалъ вопроса объединенія церквей,—оно еще раньше было рѣшено безъ собора и утверждено папою. Прочитанъ былъ только папскій декретъ, т. е. объявлена униа, которую нужно было ввести насильно.

Такое объявленіе униі сильно возмутило русскихъ пановъ. Всюду ожидали страшныхъ волненій; дѣйствительно, шляхта, мѣщане и козаки могли на этотъ разъ соединиться для общаго дѣла, но іезуиты рассчитывали иначе: они знали, что будетъ полнѣе только на словахъ—дворянское волненіе. Они знали также, что мѣщане не пользуются правомъ голоса на сеймѣ, патроны ограничатся одними словами и не подымутся на дѣло, а козаки были разбиты. Патроны были прежде всего русско-польскими папами и самъ Острожскій, грозившій собрать 15—20,000 вооруженнаго войска, не собралъ ни одной тысячи, а братству львовскому писалъ въ тоже время: «терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе».

Обѣ стороны—уніатская и православная обратились за рѣшеніемъ дѣла къ королю; православные протестовали, ссылаясь на существовавшія права. Король принялъ сторону уніатовъ; онъ не признавалъ другой восточной церкви, кромѣ объединенной уже съ Римомъ. Всѣ не принявшіе униі были въ его глазахъ не исповѣдниками греко-восточной вѣры, а ся отступниками, схизматиками.

Съ этого времени начинается преслѣдованіе православныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и оппозиція съ ихъ стороны. Михаилъ Рагоза вскорѣ умеръ; преемникъ его по митрополичьей кафедрѣ, Поцѣй, такъ усердно распространялъ унию, что едва не былъ убитъ виленискими мѣщанами. Но еще тяжелѣе личной неволи оскорбляло народъ удиченіе православной церкви. Въ свою очередь евреи, пользуясь такимъ положеніемъ, надумали пановъ уступить имъ въ

аренду, вмѣстѣ съ прочими статьями дохода, и православныя церкви; тутъ началась новая эксплуатация. Родится ребенокъ у крестьянина, прежде всего нужно заплатить жиду, иначе дитя останется некрещенымъ; женить крестьянина сына, или отдасть дочь замужъ, опять плати жиду, иначе не будетъ вѣнчанья; нуждался-ли крестьянинъ въ какой-нибудь требѣ или церковной службѣ,—за ключи отъ церкви, за веревки отъ колоколовъ, за все нужно было платить еврею. Даже пасху для освященія нужно было покупать у евреевъ, или оплачивать право печь ее дома. Жалобы народа на все это отзываются и понинѣ въ его пѣсняхъ.

Неудивительно поэтому, что народъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія подобными порядками, толпами обращался въ козачество, неудивительно, что возникали восстанія за восстаніями.

Послѣ казни Наливайка польское правительство издаетъ грозное постановленіе противъ козаковъ; всѣ низовые козаки объявляются врагами отечества и стоящему въ Украинѣ «кварцаному» войску вмѣняется въ обязанность истреблять ихъ; у козаковъ отнимаютъ ихъ старинныя права, земли и даже данный имъ Баторіемъ Трехтемировъ.

Но всѣ эти постановленія только сильнѣе раздражали козаковъ. Напрасно поручалось панамъ и «дозорцамъ» ловить бродягъ и доставлять на мѣсто жительства, гдѣ ихъ могли наказывать смертью безъ суда и слѣдствія; пока Запорожье не находилось во власти пановъ, невозможно было подавить козаковъ. Между тѣмъ сами паны своими колонизаціонными приемами способствовали росту козачества, зазывая народъ на слободы, куда принимали всѣхъ безъ разбора, даже разбойниковъ. Украинскіе паны жили между собою несогласно, наѣзды были для нихъ явленіемъ ежедневнымъ; поэтому каждый нуждался въ козакахъ, какъ для наѣздовъ, такъ и для защиты. Но эти козаки готовы были, при первомъ неудовольствіи, поустить съ своими панами также точно, какъ поступали по ихъ приказанію съ сосѣдями.

Смѣлость козаковъ возрасла до такой степени, что рѣдко выдавался годъ, въ который не бывало похода; такъ въ 1601 г. со стороны крымскаго хана жаловался Ахметъ Калга на набѣгъ запорожцевъ на Крымъ, а уже въ слѣдующемъ 1602 г. жалуются турки на то, что атаманъ Килей разбилъ на Черномъ морѣ отрядъ

Гассана аги, что козаки захватили турецкій вупеческій корабль, шедшій изъ Кафы и т. д. Чѣмъ-же отвѣчали поляки? Пясочинскій объяснялъ, что козаки не были подданными польской короны и король не могъ отвѣчать за своевольныхъ людей, уходившихъ въ степи,—пусть ихъ истребляютъ татары.

Всѣ указанныя выше обстоятельства и жалобы вызвали рѣзкія постановленія противъ козаковъ со стороны сейма 1607 г. Та-же конституція повторена была и въ 1609 г.; козаки подчинены власти старостъ и пановъ, имѣвшихъ надъ ними право смертной казни, а старшій войска запорожскаго долженъ былъ назначаться изъ лицъ шляхетскаго происхожденія. Однако вскорѣ, вслѣдствіе появленія самозванцевъ и войны Сигизмунда III съ московскимъ государствомъ (1609 г.), правительство нашлось въ необходимости понизить тонъ; вербовали всевозможныхъ бродягъ и составляли отряды, часть которыхъ отправилась съ польскимъ войскомъ подъ Смоленскъ, а другіе разошлись на слободы, или прямо въ Сѣчь, а оттуда на Черное море. Наконецъ магнатъ Стефанъ Потоцкій вторгся въ 1612 г. въ Молдавію, съ цѣлью удержать низложеннаго господаря, и польское правительство могло опасаться мести со стороны турокъ—все это способствовало лишь росту козачества.

ХП.

Вступая въ тѣсную связь съ Польшей, русское боярство старалось обезпечить свою народность отъ чуждыхъ вліяній, а главными основами русской національности были—языкъ и православная вѣра. Однимъ изъ важнѣйшихъ условий, поставленныхъ при объединеніи Руси съ Польшею, была гарантія русскаго языка во всѣхъ официальныхъ актахъ. Вслѣдствіе того, когда въ 1576 г. король Стефанъ Баторій вызвалъ ко двору нѣкоторыхъ брацлавскихъ бояръ польскимъ письмомъ, боярство брацлавское запретило своимъ братьямъ исполнить королевскій приказъ и напомнило королю, что всѣ предписанія должны дѣлаться на русскомъ языкѣ, который въ старину употреблялся въ Литвѣ и на Руси во всѣхъ письменныхъ памятникахъ. На этомъ языкѣ писались лѣтописи, законы, княжескія грамоты и т. д. Самъ Ягайло не говорилъ иначе, какъ по русски и мѣстные бояре въ теченіи долгаго времени старались

сохранить неприкосновеннымъ свой языкъ. На конвокаціонномъ варшавскомъ сеймѣ 1632 г. въ число его постановленій занесено слѣдующее (Art. 27): «всѣ русскіе законы, какъ того требуетъ старинное право и какъ то понижѣ было въ обычай, всѣ привилегіи, письма, мандаты и всѣ прочія дѣла воеводствъ: кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго, выпущенныя изъ канцеляріи его королевской милости, должны быть написаны на русскомъ языкѣ *sub nullitate* всего дѣла».

Что касается религиозныхъ отношеній, то для защиты вѣры, какъ мы уже видѣли, учреждалось церковныя братства, куда вступали членами представители знатнѣйшихъ русскихъ родовъ. Предметомъ особаго попеченія русскихъ паповъ была кіево-печерская лавра. Король Сигизмундъ III, вмѣстѣ съ іезуитами, попялъ ея огромное значеніе въ краѣ, поэтому, едва только нѣкоторые изъ русскихъ епископовъ изъявили согласіе на унію, какъ Сигизмундъ, еще раніе ея опубликованія, испросилъ у папы Клементя VIII особую буллу, отдававшую кіево-печерскую лавру, со всѣми ея имѣніями и доходами, въ полное владѣніе кіевскихъ митрополитовъ подъ условіемъ, что эти послѣдніе будутъ пребывать въ единеніи съ римскою церковью. Отсюда произошло такое раздраженіе, что самъ король нашелся вынужденнымъ просить папу оставить лавру въ прежнемъ положеніи.

Со времени брестскаго собора, на которомъ была принята унія, ни одинъ сеймъ не проходилъ безъ того, чтобы не подымались на немъ голоса въ защиту православной вѣры. Цѣлый рядъ жалобъ, начатый соборнымъ посланіемъ къ митрополиту Описифору въ 1585 г., тянется до временъ Хмѣльницкаго. Въ 1606 г., волынскіе бояре въ союзѣ съ боярами кіевскаго воеводства, съѣхавшись подъ Савдомпромъ, постановили просить короля объ уничтоженіи уніи. Напуганный конфедератами король обѣщалъ, что православный русскій народъ на будущее время не станетъ подвергаться преслѣдованіямъ за вѣру. На сеймѣ варшавскомъ 1607 г. внесено было особое предложеніе о православной вѣрѣ. Король обязался не нарушать правъ русскаго народа въ религиозномъ отношеніи и не запрещать ему свободнаго отправленія церковныхъ обрядовъ. Но все это было бесполезно—всѣ королевскія обѣщанія и постановленія польскихъ сеймовъ оставались мертвой буквой. Въ дока-

зательство приведемъ, напримѣръ, жалобу русской шляхты, поданую въ сенатъ во время сейма 1623 г.

«Мы—русскій народъ въ теченіи двадцати восьми лѣтъ докладаемъ вамъ на каждомъ сеймѣ о великихъ несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ, какія терпимъ отъ нашихъ отщепенцевъ—митрополита и епископовъ униатскихъ. Мы просили со слезами вступитья предъ королемъ за освобожденіе русскаго народа отъ упомянутыхъ притѣсненій, но и повышѣ не достигли просимаго. Теперь, если русскій шляхтичъ стараго греческаго вѣроисповѣданія бываетъ въ необходимости обращаться къ властямъ, его сираливаютъ—униатъ онъ или нѣтъ?»

Во многихъ городахъ наши отступники отобрали у насъ церкви, а въ другихъ запечатали; духовенству нашему запрещено крестить или погребать публично; все это дужно совершать ночью, тайно, такъ какъ схваченныхъ при этомъ мѣщанъ строго наказываютъ, а священниковъ арестуютъ и изгоняютъ изъ города».

Однако всѣ хлопоты, просьбы и жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. И король, и сеймы, каждый съ своей стороны, или не обращали на нихъ вниманія, или откладывали разсмотрѣніе дѣла до слѣдующихъ сеймовъ, или, наконецъ, объявляли свободу православной вѣры, не припимаая никакихъ мѣръ къ ея защитѣ. Впрочемъ, Сигизмундъ III, всецѣло преданный іезуитамъ, умѣлъ вновь обходить постановленія сеймовъ и давать поддержку религіозной петеримости. Такъ брестскіе мѣщане, оставшіеся вѣрными религіи своихъ предковъ, были отлучены отъ церкви Цоцкемъ, изъяты королемъ изъ подъ защиты закона и объявлены «банитами», вслѣдствіе чего товары ихъ были опечатаны.

Раньше другихъ выказалъ петеримось къ православнымъ полоцкій архіепископъ, Юсафатъ Кунцевичъ. Всѣ жалобы на насилія, несправедливые процессы, самоуправства, грабежи, зашпраніе и печатаніе церковей православныхъ, выставленіе ихъ на посмѣшище и кощунство, лишеніе народа богослуженія и св. Тайнъ—все это подтверждалъ католикъ и государственный человѣкъ, литовскій канцлеръ князь Левъ Сапѣга, въ письмѣ къ Юсафату Кунцевичу.

Далѣе можно замѣтить, что болѣе образованные изъ католиковъ приходятъ наконецъ къ сознанію, что объединять путемъ насилія значить разлучать; въ сочиненіяхъ, дошедшихъ отъ того времени,

часто встрѣчаются слова: «въ воздухѣ пахнетъ кровью и пожаромъ». Ясно предвидѣлъ канцлеръ Сапѣга смутныя послѣдствія религиознаго фанатизма какъ для государства, такъ и для самой униі, но предотвратить грозившей опасности уже не было возможности. Иосафать самъ вызвалъ въ народѣ раздраженіе, достигшее такой степени, что онъ былъ убитъ въ 1623 г. Вотъ подробности этого дѣла.

Явившись въ Витебскъ, Кунцевичъ, при помощи войскъ, причинялъ православнымъ обычныя насилія, отбиралъ церкви, запиралъ ихъ, опечатывалъ, или обращалъ въ униатскія. Православные жители терпѣливо переносили эти насилія, но отказались посѣщать униатскія церкви, построили за городомъ палатки и тамъ отправляли свое богослуженіе.

Утромъ 12 сентября, въ воскресенье, архидіаконъ Кунцевича Дорофей напалъ на православнаго священника, переправлявшагося черезъ Двину для совершенія службы Божіей. Избивъ священника, онъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ и заперъ въ архіерейской кухнѣ. Вѣсть объ этомъ новомъ насиліи потрясла весь городъ, и терпѣливые до того времени граждане Витебска наконецъ заволновались; ударили въ набатъ; толпа раздраженныхъ людей ворвалась въ домъ архіепископа, православный священникъ былъ освобожденъ, а руководитель ненавистной униі палъ среди своихъ искалѣченныхъ слугъ и трупъ его брошенъ въ рѣку.

Вѣсть объ убійствѣ полоцкаго архіепископа быстро облетѣла всю Польшу. Вначалѣ ее сочли сигналомъ въ истребленію католиковъ, опасались козацкихъ волненій въ Бѣлоруссіи и т. п. Черезъ два мѣсяца и десять дней прибыла въ Витебскъ коммисія для наказанія бунтовщиковъ. Около ста человекъ были осуждены на смерть, но большинство заблаговременно успѣло скрыться и только двадцать душъ было обезглавлено; однако имущество всѣхъ осужденныхъ конфисковано. Сверхъ того Витебскъ утратилъ магдебургское право и старинныя привилегіи, городская ратуша разрушена; соборную церковь Богородицы, близъ которой исполнено убійство, рѣшено снести съ тѣмъ, чтобы на счетъ жителей витебскихъ выстроить новую, болѣе обширную и величественную и т. д. Всѣ церкви отданы униатамъ, всѣ жители безъ исключенія принуждены принять унию; а вслѣдъ за тѣмъ королевскими декретами запрещена была «схизма» въ Полоцкѣ, Могилевѣ, Оршѣ и Мстиславлѣ; запрещено

строить и починять православные храмы и всѣмъ жителямъ бѣло-русскимъ нешляхетскаго сословія приказано принять унию.

Короля поддерживали въ такой политикѣ не одни іезуиты, но также декретъ папы Урбана VIII, отъ 10 февраля 1624 г., въ которомъ сказано: «не падите ни огня, ни меча». Иоасафатъ признанъ блаженнымъ и вскорѣ послѣ того былъ канонизованъ и объявленъ святымъ.

Между тѣмъ униа не имѣла того успѣха, на какой разсчитывали католики; все дѣло ея ограничивалось печатаніемъ церквей и монастырей и отнятіемъ принадлежавшаго имъ имущества. Сельскіе жители просто отказывались отъ церквей, отданныхъ униатамъ, но мѣщане часто оказывали активное сопротивленіе, чѣмъ и навлекали на себя гнѣвъ правительства. Потеря торговыхъ правъ, опечатываніе товаровъ, исключеніе изъ городской общины, лишеніе покровительства законовъ—всѣ эти репрессіи достигли прежде всего мѣщанъ того города, гдѣ засѣдалъ соборъ.

Главной причиной такого стойкаго отпора униі со стороны мѣщанъ и бѣднѣйшаго духовенства было стремленіе сохранить вѣру отцовъ; главною ихъ цѣлью было—спасти предковскія преданія и отстранить отъ своихъ святынь всѣхъ чужихъ и отступниковъ. Если фанатизмъ приводилъ католиковъ къ нетерпимости, то православными руководилъ духъ консерватизма.

Впрочемъ, въ правленіе униатскаго митрополита Вельямна Рутскаго борьба униі съ православіемъ въ Червоной Руси и на Волини теряетъ до нѣкоторой степени тотъ воинственный характеръ, какой она носила при Поцѣѣ. Болѣе тихая пропаганда Рутскаго примиряла стремленія православныхъ и униатовъ и тѣмъ самымъ была еще опаснѣе для православія. Онъ какъ-бы стремился отыскать *modus vivendi*,—извѣстную терпимость между униатами и православными; подавалъ мысль создать для польской Руси патріаршество, которому были-бы равно подчинены какъ православные, такъ и униаты. Православные сложа руки обсуждали проектъ Рутскаго, но насильственные поступки Кунцевича побуждали ихъ снова стать на защиту своей вѣры и народности, а когда собственныя силы оказались недостаточными, тогда начали искать другую точку опоры.

Въ 1622 году епископъ сѣверскій Исаія Кошипскій посылаетъ священника Гедсона къ московскому воеводѣ въ Путивль съ до-

песеніемъ о томъ, что христіане въ южно-русскомъ краѣ терпятъ отъ поляковъ притѣсненія. «Князей и бояръ православныхъ уже нѣтъ,—все отступило отъ вашей вѣры,—одни поляки, другіе уніаты, третьи еретики... Нигдѣ нѣтъ отъ нихъ покою и все мы, православные, тѣсимся пока на Украинѣ въ кіевской землѣ и осѣдомляемся: не дозволить-ли царь монахамъ изъ сѣверской земли переселиться въ свое царство».

Подобное-же посольство отправилъ въ Москву двумя годами позже православный кіевскій митрополитъ Іовъ Воронецкій съ просьбою принять Малороссію подъ свое покровительство. Тоже самое и въ то-же время сдѣлалъ Исакій Борисковичъ, епископъ луцкій и острожскій, педоупущенный уніатами въ свою епархію.

Итакъ, ни одна изъ желанныхъ уній, ни политическая, ни религіозная, не достигли намѣченной цѣли—дѣйствительнаго отдѣленія юго-западной Руси отъ восточной и слиянія ея съ Польшей въ одно государство, въ одинъ народъ. Опѣ, напротивъ, вызвали тяжелую борьбу между обоими вѣроисповѣданіями—борьбу, пробудившую въ населеніи юго-западной Руси стремленіе къ соединенію съ сѣверо-восточной и подготовившую упадокъ Польши.

Если и было когда лучшее проляое и общія цѣли, то теперь они окончательно прекращаются. Необузданное поправіе человѣческихъ правъ и свободы совѣсти вынуждаютъ обитателей южной Руси искать иныхъ путей для будущаго, а поляки, упоенные мнимымъ торжествомъ подавленія схизмы въ одной половинѣ Россіи, простираютъ свои виды на другую. Завосваніе московскаго государства, подчиненіе московской церкви Риму становится польской національной политикой.

Первый самозванецъ, Димитрій, появился въ предѣлахъ Польши, а именно при дворѣ Адама Вишневецкаго; іезуиты объявили его царевичемъ Димитріемъ и подъ этимъ именемъ представили королю, который назначилъ ему на содержаніе 40,000 злотыхъ ежегодно. Въ то же время, чтобы не нарушать мирныхъ отношеній съ Россією, Сигизмундъ, не объявляя войны, разрѣшилъ польскимъ папамъ помогать Димитрію въ отысканіи престола. Подъ знаменами самозванца собралось до 1600 человѣкъ шляхты; къ нимъ присоединилось нѣсколько тысячъ козаковъ.

Самозванецъ съ триумфомъ вступилъ въ Москву и, по предварительному соглашенію съ царицей инокиней Марою, былъ признанъ ею за сына и царевича. Но царствованіе его продолжалось всего одиннадцать мѣсяцевъ,—его сгубили пренебреженіе къ старымъ русскимъ обычаямъ и дружба съ поляками и іезуитами. По убіеніи его царемъ избранъ Шуйскій, но и тотъ не долго пользовался добрымъ расположеніемъ народа.

Между тѣмъ, по примѣру перваго самозванца, стали появляться и другіе обманщики; полякамъ повпавилось вторгаться въ Россію при посредствѣ самозванцевъ. Въѣстѣ съ тѣмъ Сигизмундъ III, находя это время удобнымъ для исполненія своихъ замысловъ, нарушилъ наконецъ миръ и началъ войну съ Россіею, намѣреваясь завоевать ее уже не для самозванца, а для себя, и со временемъ обратить въ католичество. Коронный гетманъ Жолкѣвскій совѣтовалъ королю идти прямо на Москву, но король предпочелъ начать съ осады Смоленска, считая за лучшее сперва овладѣть этимъ пунктомъ. Между тѣмъ въ Москвѣ, по изложеніи Шуйскаго, наступила семибоярщина и среди борьбы различныхъ партій стали наконецъ думать объ избраніи царя. Когда Жолкѣвскій подступилъ къ Москвѣ, партія королевича получила перевѣсъ, бояре заключили съ нимъ договоръ и принесли присягу на вѣрность Владиславу, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы королевичъ самъ принялъ на себя правленіе и чтобы царская власть была ограничена боярскою думою и вліяніемъ высшаго духовенства. Для завершенія договора отправлено къ Сигизмунду подъ Смоленскъ посольство, потребовавшее отступленія отъ Смоленска, прекращенія войны и прибытія королевича Владислава въ Москву для принятія царскаго престола. Но Сигизмундъ не снялъ осады Смоленска, не пустилъ сына въ Москву и, вопреки международному праву, отправилъ пословъ въ качествѣ плѣнниковъ въ Польшу.

Такимъ образомъ, тѣ-же самыя причины, которыя помѣшали удержать при польской коронѣ юго-западную Русь, принесенную ей въ даръ Литвою, помѣшали полякамъ создать великое славянское государство. Это были: гордость и тщеславіе поляковъ, религіозный фанатизмъ, презрѣніе и ненависть къ православною вѣрѣ и народности, оскорбленіе національнаго русскаго достоинства. Съ другой стороны опасность общаго польскаго ярма и нерасположенность къ латинскому исповѣданію пробудили въ московскомъ народѣ сознаніе необходимости согласной дѣятельности; собравшійся въ Москвѣ земскій соборъ избралъ на царство Михаила Оедоровича Романова.

Народъ сплотился вокругъ своего молодого царя, а королевичъ Владиславъ, оставленный среди непріятелей половиною польскаго войска, которое не получало жалованья, довоевался до того, что едва не погибъ подъ Можайскомъ.

Въ такомъ критическомъ положеніи польское правительство волею-неволею принуждено было обратиться за помощью къ козацкому гетману Сагайдачному, котораго до той поры отказывалось признавать въ гетманскомъ достоинствѣ.

Съ того времени, какъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный началъ управлять козаками, ихъ морскіе походы выигрываютъ въ значеніи; въ 1613 г. козаки взяли приступомъ Кафу и освободили множество христіанскихъ плѣнниковъ; въ 1614 г. разрушили Синопъ и т. д.

По призыву короля, Сагайдачный събиралъ на выручку Владислава съ 20,000 тѣхъ самыхъ козаковъ, число которыхъ еще недавно было ограничено до одной тысячи, и освобождаетъ королевича съ остатками польскаго войска изъ осады. Получивъ такое значительное подкрѣпленіе, Владиславъ обратился на Москву, но, послѣ неудачнаго приступа, принужденъ былъ, въ силу Деулинскаго договора, отказаться отъ титула царя.

Не смотря на только что оказанную козаками важную услугу, Жолкѣвскій, по требованію пановъ, мечтавшихъ о подчиненіи своей власти козаковъ, выступилъ противъ нихъ съ войскомъ и обязалъ козаковъ подчиниться сеймовымъ конституціямъ, ограничивавшимъ до минимума ихъ число и права, и не нападать на турецкую землю. Однако требованія эти плохо исполнялись. Послана была комиссія для усмиренія козаковъ, а они снова отплыли на море и на этотъ разъ опустошили окрестности самаго Константинополя. Непривыкшій переносить такое безчестіе, султанъ, какъ пишетъ Жолкѣвскій, былъ до крайности раздраженъ тѣмъ, что козаки, разрушивъ множество турецкихъ городовъ, осмѣлились еще затѣчь свои походные огни передъ окнами сераля. По удаленіи козаковъ, порта рѣшила выслать большое войско съ цѣлью истребить козаковъ и заселить Украину мусульманами. Уже Скандеръ паша вошелъ въ предѣлы Подолія; но какъ война съ Россіей еще не была окончена, то Жолкѣвскій просилъ о мирѣ, обѣщая усмирить козаковъ. Слова учреждена комиссія, снова вымогаютъ у козаковъ обѣщаніе прекратить морскіе походы; въ Константинополь донесли, что козаки укрощены, а между тѣмъ походы ихъ продолжались по прежнему.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(Продолженіе)¹⁾.

VIII.

Дорога изъ Бакоты въ Старую Ушицу.—Общій видъ города.—Экскурсія въ хороборскія пещеры.—Историческія воспоминанія объ Ушицѣ.—Мѣстные промыслы.

Верстахъ въ десяти или двѣнадцати къ юго-востоку отъ Бакоты расположенъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ подольскихъ, теперь заштатный городъ, Старая Ушица. Само названіе указываетъ на древность города и отличаетъ его отъ Новой Ушицы, носившей до недавняго времени названіе Летневцы. Тотчасъ по выѣздѣ изъ Бакоты дорога дѣлаетъ весьма крутой подъемъ и, удаляясь отъ Днѣстра, прорѣзываетъ надднѣстрянскія горы.

Характеръ мѣстности здѣсь чрезвычайно напоминаетъ военпо-грузинскую дорогу, правда въ мѣстностяхъ; налѣво подымается высокая и обрывистая, мѣстами совсѣмъ отвѣсная, стѣна изъ фіолетоваго и зеленаго глинистаго сланца, съ нависшими утесами, которые повидимому ежеминутно готовы обрушиться. Дорога такой ширины, что двумъ экипажамъ едва можно разминуться, и то не совсѣмъ ровная, а нѣсколько наклонная къ обрыву; вправо глубокой, тоже почти отвѣсной обрывъ, куда и заглянуть страшно. Кавказскія дороги по крайней мѣрѣ хорошо вымощены и на всѣхъ сколько-нибудь опасныхъ мѣстахъ ограждены каменными парапетами, такъ что въ лѣтнее время путешественникъ отдѣлывается

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1884 г., октябрьск. кн., стр. 254—275.

только головокруженіемъ, здѣсь-же, хотя обрывъ не сравнится глубиною съ кавказскими пропастями, за то не полагается ни мостовой, ни какой-бы то ни было ограды, не только каменной, но даже простаго плетня. Удивительно право, какъ мѣстные крестьяне умудряются провозить здѣсь тяжело нагруженные возы съ сѣномъ и снопами, когда возъ и безъ того въ наклонномъ положеніи, а разбросанные на дорогѣ камни, разумѣется, мало способствуютъ ровности хода. Впрочемъ крушенія здѣсь сравнительно весьма рѣдки, благодаря выносливости крестьянскихъ лошадей, привычныхъ къ такимъ дорогамъ, какъ это вообще бываетъ въ горныхъ мѣстностяхъ.

За нѣсколько дней до нашего пріѣзда случился сильный проливной дождь, значительно повредившій дорогу: множество камней осыпалось сверху, а между тѣмъ водою до такой степени смело наносную почву съ дороги и размыло ся край, что мѣстами случалось, что одно изъ колесъ нашего воза висѣло въ воздухѣ надъ обрывомъ, а остальные поминутно прыгали съ камня на камень. Не смотря на то нашъ возница погонялъ своихъ лошадокъ и самъ бѣжалъ за возомъ, какъ по самому удобному пути, а мы—пассажиры, давно уже вставшіе изъ экипажа, издали слѣдовали за нимъ, теряя его изъ виду при поворотахъ и мысленно прощаясь со своими пожитками.

Во время этого крутаго подъема намъ удалось видѣть довольно интересную картинку изъ мѣстной жизни—починку подольской дороги. Эта повинность лежитъ на мѣстномъ крестьянскомъ населеніи, и по распоряженію ушницкаго урядника жители окрестныхъ селъ выслали опредѣленное число рабочихъ; но время было лѣтнее, «жнива» и «возовица» въ полномъ разгарѣ, и каждый скольконибудь сильный человѣкъ необходимъ дома, поэтому на обязательную работу вышли только старики да дѣти, большею частью дѣвочки, примѣрно отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Увились они съ запасомъ хвороста и, размѣстившись группами на нѣкоторомъ разстояніи вдоль дороги, закладывали фашипникомъ промолвы по краямъ, сверху присыпали землею и щебнемъ ровню на столько, чтобы первый сильный дождь разрушилъ всѣ ихъ труды; дѣйствительно, отважившись заглянуть на дно оврага, я замѣтилъ огромную массу хвороста и земли, спесепныхъ предшествующими дождями. Рытвины и ухабы

мѣстами замащивали кремнемъ и другими мелкими камнями, а большею частью и такъ оставляли, по пословицѣ: «якъсь-то буде».

Подъемъ на гору продолжается около версты или немного больше, послѣ чего дорога выходитъ на возвышенную плоскогорную равнину и сперва удаляется отъ Дибѣстра, затѣмъ у села Гораевки, на половинѣ разстоянія между Бакотой и Ущицей, снова приближается къ Дибѣстру и до конца тянется вдоль вершины наддибѣстранскихъ горъ, хотя самой рѣки не видно. Мало по малу замѣчается спускъ къ рѣкѣ, сначала очень пологій, прямо по наклонной плоскости горы, но, чѣмъ дальше впередъ, все болѣе крутой и неровный; влѣво отъ дороги показывается глубокій оврагъ, вдоль котораго расположено одно изъ предмѣстій Ущицы.

Ущицу составляютъ два ряда большихъ бѣлыхъ хатъ съ просторнымъ, опрятнымъ дворомъ и прилегающимъ къ нему огромнымъ фруктовымъ садомъ; одни спускаются къ Дибѣстру, другіе—на дно оврага, затѣмъ снова выныряютъ новыми улицами и доходятъ до рѣки Ущицы. Судя по внѣшнему виду предмѣстій, населеніе Ущицы должно быть довольно зажиточно: при каждой хатѣ много разныхъ хозяйственныхъ построекъ, по двору прогуливаются въ значительномъ количествѣ домашнія птица и животныя; въ огородѣ, кромѣ обычныхъ овощей и цвѣтовъ передъ домою, замѣтны довольно обширныя плантаціи аниса, но несомнѣнно, что самыми доходными статьями въ мѣстномъ крестьянскомъ хозяйствѣ являются, кромѣ хлѣбопашества, садоводство и воздѣлываніе табаку. Какъ вездѣ почти по Дибѣстру, хлѣбъ сѣется для продажи, а кукуруза для собственнаго потребленія; въ каждомъ огородѣ, а весьма часто и на поляхъ видны болѣе или менѣе значительныя плантаціи табаку, какъ бессарабскаго, такъ и турецкаго, отличающагося своими розовыми цвѣтами среди зеленовато-желтыхъ цвѣтовъ бессарабскаго табаку. Въ обширныхъ садахъ разводятся главнымъ образомъ сливы лучшей венгерской породы и различные сорта яблочъ. Проѣзжая вдоль улицъ, мы замѣтили разостланныя на крышѣ и на «призбѣ» почти каждой хаты рядна, на которыхъ сушились раннія сливы и порѣзанныя въ куски яблоки и груши, между тѣмъ какъ вдоль стѣнъ красуются гирлянды изъ табачныхъ листьевъ и повязанныхъ на пшурокъ яблочъ, также развѣшанныя для просушки.—Всѣ эти продукты закупаются мѣстными евреями, разумѣется, по самымъ

ничтожнымъ цѣнамъ, но все таки они составляютъ значительное подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ и расходятся отсюда по всемъ рынкамъ южной Руси.

Наконецъ, главная улица поворачиваетъ параллельно теченію Днѣстра, и мы въѣзжаемъ въ глубокое ущелье, окаймленное высокими горами; въ глубинѣ долины, въ углу при впаденіи въ Днѣстръ небольшой рѣчки Ушицы, расположенъ самый городъ въ видѣ треугольника, котораго двѣ равныя стороны сходятся почти подъ прямымъ угломъ у подножія параллельныхъ имъ горъ; третья сторона, самая длинная, тянется вдоль днѣстровскаго берега. Посреди города по обыкновенію находится рынокъ, весьма обширный; ратушу замѣняетъ въ южной сторонѣ продолговатой площади большая каменная корчма съ прилегающимъ къ ней зданіемъ самой заурядной уѣздной архитектуры, кажется, мѣстнымъ полицейскимъ управленіемъ или думою. Рынокъ, разумеется, окруженъ еврейскими заѣздами и лавками, послѣднія дѣйствительно скорѣе напоминаютъ городъ, чѣмъ мѣстечко; сохранилось еще нѣсколько каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ съ балконами, галлерейми, мезонинами подъ острой крышей, повидимому армянской архитектуры, какихъ много еще уцѣлѣло въ Могилевѣ, Каменцѣ и другихъ городахъ. Здѣсь помѣщаются лучшіе ушницкіе магазины, въ которыхъ производится торговля самыми разнообразными товарами и даже такими предметами роскоши, какихъ мы не встрѣчали отъ самаго Хотина. Очевидно Ушица служить промышленнымъ центромъ для весьма значительнаго округа, и дѣйствительно въ ярмарочные дни сюда съѣзжаются столько окрестныхъ помѣщиковъ, что трудно бываетъ пайти квартиру, какъ это и случилось съ нами: хотя ярмарокъ уже разѣзжался, когда мы прибыли въ городъ, но пришлось порядочно таки потолкаться на площади отъ заѣзда къ заѣзду, отыскивая «стацію»; къ счастью одинъ старый еврей выручилъ насъ изъ затрудненія, согласившись уступить свою парадную комнату.

Пока мы располагались на жительство, начались обычные распросы: кто, какъ, куда, зачѣмъ, откуда и т. д., и затѣмъ въ общихъ чертахъ разсказывается біографія самихъ хозяевъ. Въ этой квартирѣ намъ въ первый разъ пришлось встрѣтить извѣстный комфортъ и даже буржуазную роскошь въ еврейскомъ жилищѣ. Большая парадная комната, замѣнявшая гостинную и залу, совмѣщала

въ себѣ все самыя лучшія и дорогія вещи въ домѣ: подъ стѣнами два или три дивана, покрытыхъ клеенкою и ситцемъ, и нѣсколько разнокалиберныхъ мягкихъ стульевъ; правда, обивка нѣсколько потерлась, но все таки мягкая мебель бываетъ не въ каждомъ домѣ; въ углу стеклянные шкафики, наполненные лучшей праздничной посудой, подсвѣчниками и т. д., и шкафикъ съ книгами; на стѣнахъ красуются нѣсколько канделябровъ, а между ними множество картинъ и литографій. Вся эта разнокалиберная обстановка, — ломберные столы, зеркала и пр. очевидно была куплена по случаю и свидѣтельствуесть объ эстетическихъ потребностяхъ своего владѣльца. Дѣйствительно хозяинъ съ гордостью сообщилъ намъ, что мебель привезена изъ Каменца, куда онъ нарочно ѣздилъ за этой покупкой. Вниманіе наше особенно привлекли поставленные на самомъ видномъ мѣстѣ огромный контрабасъ, скрипка и нѣсколько другихъ музыкальныхъ инструментовъ. Оказалось, что хозяинъ папъ — музыкантъ по профессіи и въ свое время имѣлъ большіе заработки, играя на еврейскихъ свадьбахъ и въ особенности при различныхъ торжествахъ въ домахъ окрестныхъ помѣщиковъ; тогда-то была куплена и драгоцѣнная мебель. Но мало по малу времена измѣнились: самъ хозяинъ теперь слишкомъ старъ, чтобы заниматься прежнимъ ремесломъ, и кажется извлекаетъ только незначительный доходъ изъ своихъ инструментовъ, отдавая ихъ на прокатъ другимъ артистамъ. Сыновья его не хотятъ занимать отцовской профессіей, и вообще въ семьѣ замѣчается разладъ: младшее поколѣніе въ лицѣ двухъ сыновей, уже семейныхъ, возстаетъ противъ старшаго. Мы не знаемъ поводовъ этого разлада, выражающагося совсѣмъ непривычнымъ образомъ для папшей мѣщанской среды, именно необыкновенной въ евреяхъ пассивностью и отсутствіемъ всякой дѣятельности; въ семьѣ тихо, не замѣтно ни враждебнаго взгляда, ни грубаго слова, но чувствуется, что тишина эта чисто внѣшняя, и люди не могутъ придумать удовлетворительнаго выхода изъ труднаго положенія; женщины по крайней мѣрѣ занимаются хозяйствомъ, а мужская половина просто слоняется изъ угла въ уголь и не знаетъ, куда себя дѣвать. Чѣмъ-бы ни сдерживалось проявленіе рѣзкаго протеста съ одной стороны и проявленіе насилія съ другой, часто не знающее удержа въ соответственной средѣ папшаго мѣщанства, — сдерживается-ли оно патриархальнымъ воспитаніемъ,

убѣжденіями, нравственнымъ давленіемъ еврейской общины, религіей или другими мотивами, но во всякомъ случаѣ сдержанность служить доказательствомъ сравнительно высшей культуры. При тѣхъ же самыхъ условіяхъ у насъ не только необразованный классъ, но зачастую и представители высшей интеллигенціи умѣютъ заблаговременно устроить себѣ адъ на этомъ свѣтѣ, вѣроятно въ видахъ подготовки къ будущей жизни, а здѣсь люди едва грамотные все такъ живутъ безъ взаимныхъ оскорбленій.

Увидя наши книги и инструменты, старикъ тотчасъ принялся ихъ разсматривать, спрашивать о ихъ назначеніи, и наконецъ замѣтить, что хотя самъ онъ человѣкъ неученый и читаетъ только по еврейски, но тѣмъ не менѣе очень уважаетъ всякую науку. Подтверженіемъ тому дѣйствительно можетъ служить его умная рѣчь, маленькая бібліотека и наконецъ множество портретовъ различныхъ еврейскихъ знаменитостей, болышею частью заграничныхъ ученыхъ, раввиновъ и т. д. Замѣчу кстати для характеристики еврейскаго племени, что подобное уваженіе и интересъ къ наукѣ мы встрѣчали почти въ каждомъ еврей, съ которымъ приходилось сталкиваться и который узнавалъ, что мы заняты не коммерческими или промышленными интересами. Эта черта бываетъ только у народа, очень долго прожившаго культурною жизнью.

Устроившись какъ можно удобнѣе, мы отправились осматривать городъ.

Рынокъ составляетъ центръ города, отъ котораго подобно радіусамъ во все стороны расходятся улицы и переулки, узкіе, кривые, невымощенные; сперва идутъ по обыкновенію еврейскіе дома, затѣмъ у подножія горы лѣнятся окруженныя садами жилища мѣщанъ и крестьянъ. На продолженіи главной улицы виднѣется съ одной стороны каменное зданіе костела и при немъ маленький домикъ для ксендза; по другую сторону возвышается православная церковь, построенная въ 1792 г.; въ настоящее время она перестраивается заново изъ камня по общему типу церквей въ уѣздныхъ городахъ и составляетъ предметъ гордости ушибкаго православнаго населенія. Въ южной части города, примыкающей къ Диѣстру, живутъ мѣстные нотабли, представители интеллигенціи и администраціи.

Мы рассчитывали отыскать въ костелѣ какія-нибудь древнія книги или рукописи, но ожиданія наши не сбылись, и кромѣ простыхъ

метрическихъ книгъ въ архивѣ не оказалось ничего интереснаго. Нужно было свою жажду открытій направить въ другую сторону.

Мы знали еще раньше, что существуетъ нѣсколько пещеръ гдѣ-то въ окрестности Ушицы, и обратились за необходимыми свѣдѣніями къ мѣстному священнику, извѣстному своимъ радушнымъ гостепріимствомъ. Онъ весьма обязательно указалъ намъ средства пробраться въ село Хороборъ или Хоробривъ, гдѣ находились пещеры, и сверхъ того сообщилъ много интересныхъ свѣдѣній о бытѣ и промыслахъ ушницкихъ жителей и ихъ общественныхъ отношеніяхъ. Такъ мы узнали, между прочимъ, что въ лѣтнее время сюда съѣзжаются для пользованія цѣлебными днѣстровскими водами купальники изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ такъ-же, какъ въ Жванецъ и Студеницу. Пріѣзжіе живутъ въ свое удовольствіе, проводятъ время въ полномъ бездѣйствіи и отдыхѣ и, конечно, поправляются, хотя трудно сказать, что больше помогаетъ разстроенному здоровью—спокойная, беззаботная жизнь или *soi disant* минеральная вода Днѣстра.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, мы въ тотъ-же день наняли подводу и отправились осматривать пещеры.

Село Хороборъ лежитъ на лѣвомъ берегу р. Ушицы верстахъ въ четырехъ отъ ея устья. Минувавъ костель и церковь, дорога выходитъ на довольно крутой подъемъ по направленію къ рѣчкѣ; поднявшись на гору, замѣчаемъ на самой вершинѣ лѣво отъ дороги отдѣленное отъ нея оврагомъ земляное городище, съ округленными контурами, окруженное валами. Отсюда начинается спускъ къ рѣчкѣ. Вдоль берега тянутся баштаны съ обычными пугалами и «курениемъ» по срединѣ, съ привязанной у входа собакой и т. д. Каждый баштанъ представлялъ весьма оживленную картину: хозяева всей семьей вышли для сбора спѣлыхъ овощей; старшій «дѣдъ баштанникъ», осторожно ступая среди полувасохшей «огудины», осматриваетъ арбузы и дыни и обрываетъ спѣлые экземпляры; за нимъ со смѣхомъ и шутками бѣгутъ дѣти, собираютъ ихъ и складываютъ въ кучи возлѣ куреня, а старшіе тѣмъ временемъ выпраютъ огурцы и другія овощи и складываютъ все это на возы. Едва удаленся нагруженный возъ, какъ на баштанѣ воцаряется спокойствіе,—старшіе сѣли отдохнуть, рѣжутъ и пробуютъ лучший арбузъ и чинно бесѣдуютъ о своихъ дѣлахъ: о возможной выручкѣ съ баштана,

засухѣ и т. д., между тѣмъ какъ дѣти, получивъ по «кавунчику» или дыныкѣ, сбились въ кучу, и каждый ѣсть самъ свою добычу, разбивая ее объ землю, за отсутствіемъ ножа или для большей скорости; иной, желая лучше полакомиться, продавливая пальцемъ дырочку въ спѣлой дыныкѣ и сперва выливаетъ сокъ, а затѣмъ съѣдаетъ и мясо. Тутъ конца нѣтъ шуткамъ и остроумъ, друзья угощаютъ другъ друга корками, и перѣдно взаимныя любезности оканчиваются рукопашной схваткой. Способъ выраженій самый энергичный, благодаря вліянію сосѣдства съ моздавапами.

Спустившись съ горы, переѣзжаемъ въ бродъ р. Ушицу, настоящую горную рѣчку, неглубокую, но чрезвычайно быструю, извилистую и довольно широкую; высокіе глинистые берега густо заросли вербами и лозою. Дорога все время идетъ вдоль берега, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, параллельно теченію р. Ушицы, тянутся высокія горы, частью поросшія лѣсомъ. При одномъ поворотѣ рѣчки нѣсколько душъ крестьянъ, подъ руководствомъ побережника, заняты починой плотины, поврежденной недавнимъ ливнемъ. Распросивши, куда и зачѣмъ мы ѣдемъ, побережникъ очень настойчиво увѣрялъ насъ, что пещеръ невозможно найти и намъ лучше безъ хлопотъ возвратиться въ городъ. Впрочемъ скептицизмъ его не убѣдилъ насъ, и мы отправились дальше.

Обогнувъ крутой выступъ у берега, сразу въѣзжаемъ въ Хороборъ. Большое село чрезвычайно живописно раскинулось далеко вдоль берега у подножія горы, въ которой по нашимъ соображеніямъ должны были находиться пещеры. Стояла рабочая пора, село почти совсѣмъ опустѣло, на улицѣ живой души не видно, и только постѣ многихъ поисковъ и усилій удалось намъ найти крестьянина, согласившагося служить нашимъ проводникомъ.

Въ разстояніи около версты къ востоку отъ села пролегаетъ глубокой оврагъ съ болѣе или менѣе пологими склонами, поросшими лѣсомъ и въ свою очередь изрѣзанными глубокими рывтинами; на днѣ оврага въ глинистой наносной почвѣ протекаетъ маленькій ручеекъ. Мѣстами каменистая подпочва обнажается въ видѣ огромныхъ скалъ, покрытыхъ мхомъ и горнымъ папоротникомъ; среди этихъ скалъ расположены двѣ пещеры. Снаружи онѣ совсѣмъ незамѣтны—просто скалы нависли на склонахъ горы, и мы-бы преспокойно прошли мимо, если-бы проводникъ не сказалъ, что это и

есть входъ въ пещеры. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ въ нихъ можно было входить ползкомъ, но теперь входы настолько обрушились и запыли землю, что проникнуть внутрь нѣтъ никакой возможности; одна изъ пещеръ закрылась герметически, другая представляется въ видѣ небольшого углубленія у подножія скалы, образующей какъ-бы навѣсъ, куда едва можно влѣзть ползкомъ и лежать совершенно неподвижно. По словамъ проводника, здѣсь недавно въ теченіи нѣсколькихъ дней скрывался солдатъ-дезертиръ, и съ того времени, какъ его убѣжище было открыто, входъ въ пещеру засыпанъ по распоряженію властей. Проводникъ нашъ очевидно рѣдко бывалъ здѣсь и не могъ сообщать ничего положительнаго о внутреннемъ устройствѣ пещеръ, или о какихъ-нибудь находкахъ внутри ихъ, но случай смилостивился надъ нами и вознаградила за неудачу. Пытаясь проникнуть хоть въ ту пещеру, гдѣ скрывался дезертиръ, я замѣтилъ, что входъ въ нее переполненъ сухими листьями, какъ будто нарочно сложенными здѣсь въ такомъ количествѣ. Пока я выгребалъ листья, проводникъ рассказывалъ, какъ зимою во время охоты случается загнать сюда лисицу или зайца, и тогда звѣрь исчезаетъ безслѣдно; очевидно, должно существовать хоть небольшое сообщеніе съ самой пещерой, и я старался всѣми силами отыскать ощупью эту лисью норку, чтобы расширить ее и проникнуть въ подземелье. Но всѣ успія были напрасны—нигдѣ ни малѣйшаго выхода, зато въ самомъ далекомъ углу оказались сложенными десятка два пачушъ табаку, бережно прикрытыя древесными листьями; табакъ нѣсколько отсырѣлъ, но все таки можно было закурить и, попробовавши, мы нашли, что это очень хорошій турецкій табакъ мѣстнаго производства. Теперь становилось понятнымъ, почему побережникъ такъ старался отговорить насъ отъ экскурсіи и осмотра пещеръ. Посмѣявшись надъ его предусмотрительностью, мы хотѣли положить находку на прежнее мѣсто, но проводникъ рѣшительно воспротивился этому; онъ тоже подозрѣвалъ побережника, но былъ съ нимъ не въ ладахъ и считалъ своимъ долгомъ воспользоваться находкой. «Аже-жъ вы не украли его, а знайшли, то ѣ треба взяти, а якъ не хочете, то я визьму»,—отвѣчалъ онъ на всѣ наши доводы и убѣжденія: «тутъ жадного гриха нема, а табакъ дуже добрый,—пехай не роскладає по лисахъ. За ренти, мени нема чого ся турбувати: винь на мене не подумаетъ, а на васъ, то ѣ не посміє ся поскар-

жити, а вы-жь не забаромъ и пойдете зъ Ушици». Пришлось согласиться съ этимъ неопровержимымъ аргументомъ; проводникъ сложилъ табакъ за пазуху, расщелину прикрылъ листьями, такъ что не было замѣтно признаковъ похищенія, затѣмъ пригласилъ насъ на свой баштанъ, угостилъ «кавунами» и братски раздѣлил свою находку съ нашимъ извоицникомъ и со всѣми бывшими на баштанѣ. «Отъ воно я до ладу: поки ще свій табакъ посіє, а тутъ Богъ пославъ готовый, та ще й добрый», такъ рѣшила публика, а гласъ народа—гласъ Божій. Начались догадки и предположенія о томъ, гдѣ и какъ достался этотъ табакъ побережнику, но время уже не позволяло намъ ожидать рѣшенія этого минутнаго вопроса,—солнце садилось за высокими горами, и уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы возвратились въ Ушицу.

Что касается историческихъ воспоминаній объ Ушицѣ, то въ этомъ отношеніи мнѣ удалось собрать весьма немного.

Первое лѣтописное извѣстіе объ этомъ городѣ встрѣчается подъ 1144 годомъ. Къ этому времени всѣ галицкія земли успѣли объединиться въ рукахъ Владиміра Володаревича, одного изъ самыхъ энергичныхъ и даровитыхъ представителей вообще чрезвычайно даровитой династіи Ростиславичей. Князь этотъ былъ очень ловкій и дальновидный политикъ, извѣстный централизаторъ, человѣкъ въ высшей степени самостоятельный, скептикъ и реалистъ своего времени, не останавливавшійся ни предъ какими мѣрами, прибѣгавшій то къ жестокости, то къ хитрости и обману для достиженія своихъ цѣлей. Правда, что касается виѣшней политики, то цѣли, къ которымъ онъ стремился, не были предосудительны, хотя это не всегда можно сказать о его внутреннихъ отношеніяхъ. Воспользовавшись смертью своихъ родственниковъ, Владиміръ Володаревичъ присвоилъ себѣ ихъ удѣлы и устранилъ послѣдняго удѣльнаго князя, своего племянника Ивана Ростиславича, называемаго *берладникомъ*, который представляетъ весьма симпатичный типъ князя кондотьера, скитающагося по чужимъ краямъ и въ то-же время глубоко преданнаго народнымъ интересамъ своей родной земли.

Оставшись единственнымъ распорядителемъ галицкой земли, Владиміръ всю свою дѣятельность и способности направлялъ прежде всего на то, чтобы какъ можно прочпѣе сплотить между собою всѣ

удѣлы и подавить всѣми мѣрами непокойные внутренніе элементы, главнымъ образомъ вѣчевую партію, державшую сторону Ивана берадника. Владиміръ не стремился къ завоеваніямъ внѣ Галичины, но зато ревниво оберегалъ ея неприкосновенность и безопасность отъ покушеній со стороны сосѣдей; онъ зорко слѣдилъ за политическими событіями на Руси и, какъ опытный политикъ, умѣлъ заручиться выгодными союзниками, какъ въ русской землѣ, такъ и за границей, умѣлъ при случаѣ путемъ ловкихъ переговоровъ разединить непріятельскія силы, давалъ обѣщанія, которыхъ и не думалъ исполнять и т. д. Но съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за тѣмъ, чтобы на границахъ его княжества не появлялся такой сильный сосѣдь, который могъ-бы угрожать силѣ и внутреннему росту галицкой земли. Между тѣмъ около половины XII ст. переиѣсь на Руси получали на время князя черниговской вѣтви. Старшій изъ нихъ, Всеволодъ Ольговичъ, сдѣлавшись великимъ княземъ кіевскимъ, по обыкновенію принялся раздавать лучшіе удѣлы своимъ близкимъ родственникамъ, въ томъ числѣ Владиміръ Волинскій отдалъ своему сыну Владиміру. Галицкій князь смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на чрезмѣрное усиленіе одного рода—политика его требовала равновѣсія между всѣми или по крайней мѣрѣ ближайшими къ нему русскими областями—и онъ потребовалъ удаленія новаго владимірскаго князя, но, получивъ отказъ, сталъ готовиться къ войнѣ и призвалъ на помощь венгровъ.

Зная могущество, ловкость и изворотливость Владиміра Володаревича, Всеволодъ собралъ противъ него цѣлую коалицію изъ русскихъ князей и съ огромнымъ войскомъ вошелъ въ галицкую землю. Пока союзники осаждали Владиміра у Звенигорода, одинъ изъ нихъ Изяславъ Давидовичъ съ помощью половцевъ овладѣлъ двумя пограничными подольскими городами: Ушицей и Микулинымъ. Между тѣмъ Владиміръ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятельскими войсками, значительно превосходившими его силы, не могъ рассчитывать на побѣду и прибѣгнулъ къ дипломатіи—спачала ловкими переговорами перессорилъ между собою союзниковъ и затѣмъ безъ боя сдался на капитуляцію, заплативъ за военныя издержки 1,400 гривенъ серебра, послѣ чего ему возвращены Ушица и Микулинъ.

Не смотря на умѣнье ловко обойти непріятелей и выйти изъ труднаго положенія, Владиміръ не могъ быть покойнымъ, пока оставался на волѣ Иванъ берладникъ, проживавшій на службѣ у различныхъ русскихъ князей и неоднократно пытавшійся возвратитъ себѣ отповскій удѣлъ. Онъ умѣлъ хорошо ладить съ народомъ, сочувствовалъ его интересамъ, поэтому галичане предпочитали его своему суровому князю, и при каждомъ удобномъ случаѣ тотъ или другой городъ призывалъ его къ себѣ на княженіе, но подобныя попытки всегда подавлялись вооруженной силой. Последняя попытка въ этомъ смыслѣ случилась въ 1159 году.

Вѣроятно одно имя бѣднаго изгоя было грознымъ для могущественнаго галицкаго князя, и вотъ въ 1159 г. сынъ и наследникъ Владимірка Володаревича, знаменитый Ярославъ Осмомыслъ, собираетъ противъ него огромный союзъ, состоявшій изъ русскихъ и польскихъ князей и венгерскаго короля. Иванъ Ростиславичъ находился въ это время на службѣ у кievскаго великаго князя Изяслава, который пытался защищать его путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Встревоженный однако военными приготовлениями, злополучный князь ушелъ за помощью въ половецкія степи, напалъ здѣсь орду кочевниковъ и отправился съ нею къ низовью Дуная, чтобы отрѣзать пути для греческой торговли, которою очень дорожили русскіе князья. Расположившись «въ городѣхъ подунайскихъ, избидѣвъ кубарѣ и взя товара много въ цю, и паскостяше рыболовомъ галичскимъ». Вскорѣ явилось къ нему сильное подкрѣпленіе изъ множества половцевъ и шести тысячъ берладниковъ¹⁾, и съ этими силами онъ направился къ галицкимъ предѣламъ. Городскія общины, все болѣе и болѣе подавляемыя боярскою партіей, которая въ это время брала перевѣсъ надъ княжескою властью, охотно поддерживали симпатичнаго для себя князя, который сверхъ того былъ-бы имъ всѣмъ обязанъ и потому долженъ былъ отстаивать ихъ интересы. Поэтому первый пограничный городъ въ галицкой землѣ

¹⁾ Жителей берладскаго удѣла въ низовьяхъ Дуная. Иванъ Ростиславичъ по смерти отца владѣлъ нѣкоторое время берладскимъ удѣломъ, отчего и получилъ названіе берладника; кажется, онъ былъ итѣсенецъ отсюда Владиміромъ и съ того времени считался на Руси, но и вдали отъ родины продолжалъ пользоваться симпатіями галицкаго населенія.

Кучелминъ съ радостью принялъ Ивана Ростиславича, который отсюда направился къ Ушицѣ, бывшей въ то время укрѣпленнымъ городомъ. Но здѣсь онъ встрѣтилъ гарнизонъ, присланный заблаговременно галицкимъ княземъ, узнавшимъ уже о народномъ движеніи въ пользу его соперника. Хотя гарнизонъ храбро защищался, но общественное мнѣніе ушичкихъ гражданъ было на сторонѣ осаждавшихъ, и многіе изъ нихъ, именно простой народъ, при удобномъ случаѣ перебѣгали въ лагерь Ивана берладника: «и вошла баше засада Ярославля въ городъ, говоритъ лѣтопись, и начаша ся бити крѣпко засадници изъ города, а смерди скачуть чересь забораля (ограда) къ Иванови, и перебѣже ихъ 300».

Не напрасно народъ такъ сочувствовалъ Ивану берладнику, который особенно наглядно оправдалъ довѣріе народныхъ массъ во время осады Ушицы. Наскучивъ сопротивленіемъ гарнизона и продолжительной осадой, половцы, составлявшіе главный контингентъ въ войскѣ берладника, предлагали князю взять городъ приступомъ. Но Иванъ Ростиславичъ, знавшій обычай кочевниковъ, зналъ, что въ такихъ случаяхъ половцы, ворвавшись въ городъ, грабятъ и захватываютъ все, что только можно взять, и уводятъ жителей въ рабство; онъ велъ борьбу только съ великокняжескимъ гарнизономъ, а не съ горожанами и, не желая вредить имъ, запретилъ половцамъ идти на приступъ. Обиженные отказомъ и лишеніемъ добычи, половцы возвратились въ свои кочевья, а Иванъ берладникъ, оставшись съ незначительными силами, принужденъ былъ снять осаду и удалился въ Кіевъ.

На этомъ обрываются лѣтописныя свѣдѣнія объ Ушицѣ. Вѣроятно укрѣпленія ея были уничтожены въ 1240 г. татарами, какъ и повсюду въ Подоліи; можетъ быть слѣды ихъ уцѣлѣли въ невысокихъ валахъ на одной изъ возвышенностей, господствующихъ надъ вышшею Ушицей. Затѣмъ свѣдѣнія наши объ этомъ городѣ прекращаются почти въ продолженіи пяти съ половиною столѣтій.

Въ 1702 году жители Ушицы потерпѣли какіе-то убытки отъ сосѣдняго помѣщика Станислава Кавецкаго, владѣльца села Лоевцы (ниже по Днѣстру); они призвали на помощь молдаванъ изъ-за Днѣстра и въ числѣ 150 дунъ конницы напали на Лоевцы, ограбили дворъ помѣщика и забрали пасѣки. Сеймикъ подольскаго воеводства того-же года постановилъ употребить противъ нихъ строгія

мѣры взысканія, которыя впрочемъ не могли бытъ приведены въ исполненіе, такъ какъ жители Ушицы, наравнѣ со всѣмъ населеніемъ подиѣстровья отъ Студеницы до Могилева, возстали противъ Польши и, перейдя въ козацество, избрали своимъ полковникомъ Шнака и примкнули къ движенію Самуся и Палія. Вѣроятно воспоминаніе объ этомъ движеніи сохранилось понынѣ въ южной Подоліи въ названіи главнаго чумацкаго пути, пролегающаго по водораздѣльной линіи между системами Буга и Днѣстра. Дорога эта носитъ названіе *шнаковий шляхъ*. Когда это движеніе было подавлено въ Подоліи, жители Ушицы переселились въ Молдавію, откуда напрасно требовали ихъ выдачи дворяне подольскаго воеводства ¹⁾. Около этого времени Ушица вошла въ составъ королевскихъ имуществъ и затѣмъ обращена въ самостоятельное староство, къ которому принадлежало нѣсколько селъ. Заселился городъ вновь вѣроятно благодаря бывшему тогда во всеобщемъ употребленіи колонизаціонному приему *«скикати слободы»*. Въ 1722 г. владѣльцемъ ушицкаго староства былъ князь Юрій Доминикъ Любомірскій ²⁾. Въ люстраціи 1765 г. Ушица описывается, какъ мѣстечко, къ которому принадлежатъ села: Пыжовка, Горасвка и Коноховка, между которыми происходили частыя столкновенія и захваты вслѣдствіе неогласія въ разграниченіи земель. По недостатку земли на подольской сторонѣ жители Ушицы по большей части пользовались полями, лѣсами и пастбищами на молдавскомъ берегу, внося за нихъ арендную плату волохамъ и туркамъ. Староство приносило чистаго дохода 14,500 зл. Въ 1770 году жителямъ ушицкаго староства пришлось вѣроятно испытать общее народное бѣдствіе, постигшее всю подольскую землю—чуму и военныя замѣшательства по поводу барской конфедераціи: однако, не смотря на то, производительность староства не только не уменьшилась, но даже нѣсколько поднялась въ это время. Такъ по словамъ люстраціи 1789 г. оно приносило уже чистаго дохода 19,000 зл.; владѣльцемъ староства въ это время былъ Стапиславъ Садовскій, получившій его въ силу привилегіи 1772 г. Люстрація замѣчаетъ, что иртыбняемые подданыя въ значительномъ количествѣ ушли за границу, къ чему правительство

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. II, стр. 430—561.

²⁾ Ibid., ч. VI, т. II, приложеніе, стр. 329.

не можетъ относиться безразлично. Въ мѣстечкѣ съ давнихъ поръ производилась торговля солью и существовалъ значительный складъ этого продукта; сверхъ того было двѣ мельницы на р. Ушицѣ и фолюша на Днѣстрѣ.

Не знаемъ, пользовалась-ли Ушица когда либо магдебургскимъ правомъ, но послѣ присоединенія края къ Россіи, она сдѣлана уѣзднымъ городомъ и получила городское самоуправленіе. Такъ просуществовалъ городъ до 1826 года, когда уѣздъ перенесенъ въ м. Летневцы, переименованное въ Новую Ушицу, а Старая Ушица осталась заштатнымъ городомъ, который и до настоящаго времени управляется выборною думой.

Памятниками старины здѣсь остались только полуразрушенное городище, православная церковь, построенная въ 1792 г. и костель, по преданію основанный еще въ XIV ст. Когда онъ пришелъ въ упадокъ, на мѣстѣ его въ 1742 г. построены были всендзомъ Мѣрошевскимъ другой деревянный костель, сгорѣвшій въ 1790 г.; постройка пышнѣшняго начата въ 1816 году, приходъ его очень малъ и бѣденъ, по словамъ пышнѣшняго его настоятеля.

Въ настоящее время промыслы жителей весьма немногочисленны: они занимаются воздѣлываніемъ аписа и табаку, приготовленіемъ однихъ фруктовъ, преимущественно сливъ, рыболовствомъ и заработками на днѣстровской пристани. Впрочемъ торговые обороты пристани весьма незначительны и ограничиваются почти исключительно сплавомъ зерноваго хлѣба, да можетъ быть съ недавняго времени вывозомъ за-границу фосфоритовъ, какъ изъ всего средняго подднѣстровья. Изъ статистическихъ данныхъ мы знаемъ, что напримѣръ въ 1868 г. изъ ушицкой пристани отпущено въ Одессу 13,125 мудовъ хлѣба. Что касается рыболовства, то оно не составляетъ правильнаго промысла и носитъ такой-же случайный и первобытный характеръ, какой мы замѣчали повсемѣтно на берегахъ Днѣстра. Чѣмъ дальше внизъ по Днѣстру, тѣмъ встрѣчающіеся сорта рыбъ все лучше и разнообразнѣе, ихъ ловятъ постоянно и не готовятъ въ прокъ.

IX.

Лядава.—Пещерная церковь.—Эпизодъ съ графомъ Душинымъ-Ворковскимъ.—Нагорныя--пещеры и рисунки на камняхъ.

Между Старой Ушицей и Могилевомъ, верстахъ въ восемнадцати къ сѣверо-западу отъ послѣдняго, при впаденіи въ Днѣстръ горной рѣчки Лядавы раскинулось небольшое село того-же имени. Въ этомъ мѣстѣ Днѣстръ дѣлаетъ крутой поворотъ съ сѣвера на югъ, при чемъ лѣвый берегъ носить постоянный общій характеръ подольскихъ береговъ, — это узкая, низменная береговая полоса, окаймленная сплошною стѣной высокихъ горъ, почти отвѣсныхъ въ верхней своей части; ниже осипи камня и земли облегчаютъ подъемъ до половины горы. Въ самой глубинѣ залива горы прорѣзываются широкой, но неглубокой рѣчкой Лядавой, протекающею среди такихъ-же высокихъ скалистыхъ береговъ. На противоположной сторонѣ бессарабскій берегъ представляетъ низменную равнину, шириную въ нѣсколько верстъ, покрытую наносною почвою; равнина эта окаймлена высокими, пологими горами, пролегающими параллельно теченію Днѣстра; она покрывается водою во время половодья, а лѣтомъ составляетъ прекрасный сѣнокосъ.

Само по себѣ село Лядава не представляетъ ничего особеннаго: если не считать прекраснаго мѣстоположенія, это самое обыкновенное подольское село, расположенное у подножія горы въ самомъ углу при устьи р. Лядавы; тѣ-же просторныя бѣлыя хаты, тѣ-же огороды и густые тѣнистые сады, обнесенные низкою каменною оградой. Но достопримѣчательность села, которая привлекаетъ сюда огромное количество посѣтителей, составляетъ весьма интересный, удѣлѣвшій здѣсь памятникъ старины—древній скальной монастырь, обращенный теперь въ приходскую церковь во имя св. Николая.

Къ церкви ведетъ широкая, довольно крутая тропинка, очищенная по склону горы и обнесенная со стороны обрыва легкою деревянною рѣшеткой; по одну сторону тропинки тянется рядъ фонарей, по другую—рядъ крестовъ, высѣченныхъ изъ мѣстнаго бѣловатаго известняка. Въ двухъ мѣстахъ дорога прерывается глубокими оврагами, вырытыми протекающимъ на днѣ ихъ источникомъ; черезъ нихъ перекинуты деревянные мостики; при болѣе крутыхъ

подъемахъ въ скалѣ вырублены ступеньки. Однимъ словомъ сдѣлано все, что можно, чтобы облегчить для посѣтителей доступъ къ храму во всякое время и во всякую погоду. Поднявшись на большую половину горы, мы выходимъ на довольно обширную площадку, разчищенную искусственно еще въ незапамятные времена у подножія отвѣсныхъ скалъ. Справа крутой спускъ къ Днѣстру, слѣва каменные ворота съ жилищемъ для сторожа, вырубленная въ скалѣ часовня съ ярко раскрашенными иконами по стѣнамъ, передъ ними разноцвѣтныя лампадки, а по срединѣ часовни чистой хрустальной струєю бьетъ фонтанъ, для котораго воспользовались естественнымъ источникомъ, прорывавшимся въ этомъ мѣстѣ изъ скалы. Вода, холодная какъ ледъ и необыкновенно пріятная на вкусъ, собирается въ резервуаръ, откуда чрезъ закрытыя трубы проходитъ подъ площадкой и затѣмъ, въ видѣ маленькаго водопада, сбѣгаетъ по склону горы. Подъ праздникъ, когда во время вечерняго богослуженія зажигаютъ лампадки и разноцвѣтные огни отражаются въ мелкихъ струйкахъ и безчисленныхъ брызгахъ, фонтанъ долженъ представлять волшебное зрѣлище для богомольцевъ. Влѣво отъ него гостиница—двухъ-этажное зданіе, приспособенное къ скалѣ, съ весьма изящными открытыми галлереями для лѣтняго помѣщенія; по обѣ стороны отъ нихъ находятся двѣ крытыя двухъ-этажныя пристройки съ номерами. На другомъ концѣ площадки, прямо противъ воротъ, возвышается довольно обширная церковь—двухъ-этажное квадратное зданіе съ непропорціонально низкимъ восьмиграннымъ куполомъ; колокольни нѣтъ, а возлѣ церкви обыкновенная малороссійская «дзвоница». Какъ церковь, такъ и всѣ остальные постройки, за исключеніемъ гостиницы, отдѣланы заново стараніемъ мѣстнаго священника, употребившаго массу времени и труда на украшеніе своего храма. Все это блеситъ самими разнообразными красками всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ чего церковь представляетъ издали подобіе хорошенькой игрушки, чрезвычайно рельефно выдѣляющейся на темномъ фонѣ известковыхъ скалъ, поросшихъ лѣсомъ. Возлѣ церкви возвышается огромный монументъ—неотесанная глыба известняка около двухъ сажень вышиною, сверху до низу испещренная падшими, по большей части на языкахъ русскомъ и польскомъ, гербами и различными эмблематическими изображеніями, иногда весьма сложными.

Это богомольцы и туристы различных временъ, народовъ и сословій вырѣзывали свои имена на память о посѣщеніи лядавскаго монастыря; современные посѣтители, за недостаткомъ времени, поручаютъ эту работу мѣстному причетнику, который за извѣстное вознагражденіе стираетъ старыя надписи и вырѣзываетъ новыя.

Еще до недавняго времени на мѣстѣ нынѣшняго новаго храма видна была въ своемъ первоначальномъ видѣ старая пещерная церковь, высѣченная въ скалѣ монахами въ незапамятныя времена; въ настоящее время она совершенно скрыта новою церковью. Отдавая полную справедливость благочестивому чувству, побуждавшему мѣстнаго священника и его паству къ украшенію ихъ святыни, мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что задача эта была ими не совсемъ правильно понята и что ихъ старанія, заслуживающія полного уваженія, были обращены на обновленіе церкви. Въ настоящее время, когда въ обществѣ уже ясно сознается необходимость сохраненія и изученія всевозможныхъ памятниковъ старины, между которыми весьма видное мѣсто должно принадлежать памятникамъ старинной архитектуры, сохранившимся у насъ почти исключительно въ остаткахъ церквей и монастырей, когда специалисты занялись уже реставраціей такихъ драгоценныхъ остатковъ древнерусской культуры, какъ кіевскіе софійскій и кирилловскій соборы и другіе храмы, вельзя не пожалѣть, что такой рѣдкій и интересный памятникъ, какъ древній скальный монастырь, не сохраненъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, а замаскированъ новою церковью самой обыденной архитектуры, чѣмъ въ значительной мѣрѣ затрудняется изученіе основнаго архитектурнаго типа. Впрочемъ большая часть древней церкви вошла въ составъ новой, такъ что по уцѣлѣвшимъ частямъ можно, безъ большихъ погрѣбностей, представить себѣ цѣлое. Отъ древней церкви сохранился главный престоль, два выступа на подобіе колоннъ, къ которымъ придѣланы клиросы; самое помѣщеніе для вѣрующихъ и надъ нимъ сводъ, довольно высокій для одного этажа, ходъ на хоры и ризница—все это высѣчено въ цѣльной скалѣ и хотя въ настоящее время заново окрашено и заштукатурено, но все таки и сквозь краску ясно видны слѣды древней насѣчки. Алтарная часть значительно расширена: пристроены два боковые престола, которыхъ не было въ древней церкви, иконостасъ, наружная двухъ-этажная стѣна и сводъ надъ

алтаремъ. Всѣ основныя части церкви: престолы, аналои, амвоны, клиросы и т. д. все это высѣчено въ цѣльной скалѣ. Какъ главную святыню лядавской церкви, показываютъ старинный образъ главы Иоанна Крестителя, который считается чудотворнымъ и пользуется большимъ почетомъ среди населенія. Ежегодно, въ день Усѣкиновскаго главы Предтечи, въ честь этого образа бываесть «отпустъ», на который стекается огромное количество богомольцевъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностей какъ Подолии, такъ и Бессарабii; гостинница и церковный дворъ не могутъ вмѣстить всей массы приходящаго люда, многіе должны искать пріюта у мѣстныхъ жителей, и тогда тихое молчаливое сельце на нѣсколько дней принимаетъ оживленный, праздничный видъ; но разъѣдутся гости и все снова обращается къ обычнымъ, мирнымъ занятіямъ.

Тотчасъ за церковью начивнается лѣсъ: здѣсь въ скалѣ видѣется искусственно вырубленный гротъ, повидимому составлявшій часть монастырскихъ построекъ; онъ могъ служить малой церковью или трапезою; въ настоящее время здѣсь помѣщается складъ старой церковной утвари и гротъ запирается деревянною дверью. Нѣсколько дальше, одна надъ другою идутъ три—четыре келия, которыя сообщаются между собою высѣченными въ скалѣ ступеньками. Еще выше, уже совсѣмъ въ отвѣсной скалѣ, расположено нѣсколько пещеръ съ выходами, обращенными на югъ, также какъ и въ келияхъ; доступъ въ эти пещеры весьма затруднителенъ, особенно въ верхнія, куда можно пробраться не иначе, какъ съ помощью канатовъ, лѣстницъ и другихъ приспособленій. Мы не имѣли достаточно времени для подобнаго восхожденія, но проводникъ нашъ, молодой причетникъ, показывавшій намъ церковь и до мельчайшихъ подробностей изслѣдовавшій мѣстность, рассказывалъ, что онъ нѣсколько разъ лазилъ въ пещеры, которыя образуютъ болѣе или менѣе глубокіе корридоры; на днѣ пещеръ попадаются въ значительномъ количествѣ огромной величины кости, принадлежащія по всей вѣроятности ископаемымъ животнымъ, и кремневые орудія. По его мнѣнію кости могли быть занесены сюда орлами, которые и нынѣ гнѣздятся въ пещерахъ; но, кажется, вѣроятнѣе будетъ предположить, что эти пещеры могли служить жилищемъ или убѣжищемъ для первобытнаго человѣка-современника ископаемой фауны. Подтверженіемъ тому можетъ служить: во первыхъ

самый видъ пещерь, очевидно искусственно вырубленныхъ, или по крайней мѣрѣ поддѣланныхъ, съ выходами, обращенными на юго-западъ, а во вторыхъ рисункъ, вырѣзанный на скалѣ у подножія одной изъ болѣе доступныхъ пещерь. Мѣстные жители видятъ въ немъ «лемишь» отъ плуга и приписываютъ его изображеніе мопхамъ. О сюжетѣ рисунка, мнѣ кажется, можно еще поспорить: онъ можетъ дѣйствительно представлять часть плуга, но можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ изображать и многіе другіе предметы; что-же касается характера выполненія, то онъ повидимому носитъ признаки самаго древняго стиля. Кажется, здѣсь повторилось тоже самое, что мы уже видѣли въ Бакотѣ: первобытное населеніе воспользовалось естественными пещерами и гротами, или искусственно произвело ихъ для своего поселенія. Когда исчезла древнѣйшая человѣческая раса и перемѣнились условія быта, пещеры были оставлены, но съ введеніемъ христіанства онѣ были заново отдѣланы и приспособлены для благочетивыхъ цѣлей, какъ нельзя болѣе удовлетворяя потребностямъ монастырскаго пустынножительства. Такимъ образомъ изъ готовыхъ пещерь были устроены келіи и церкви. Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности вполнѣ точно проверить свою догадку о доисторическомъ происхожденіи и заселеніи пещерь.

По словамъ проводника, въ окрестностяхъ Лядавы весьма часто находятся огромныя кости допотопныхъ животныхъ, по всей вѣроятности, мамонта, который встрѣчается повсюду въ известковыхъ и глинистыхъ горахъ Подолія. Сверхъ того эта мѣстность изобилуетъ огромнымъ количествомъ фосфоритовъ, обстоятельство, которое подольскіе геологи и естествоиспытатели ставятъ въ известную зависимость отъ присутствія болѣе или менѣе значительнаго количества остатковъ мамонта въ каждой данной мѣстности.

Разсказываютъ, что прибывшій сюда нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Галичичы графъ Дуницъ-Борковскій, во время своего путешествія по Подоліи, посѣтилъ знаменитый лядавскій монастырь и такъ плѣнился красотою мѣстоположенія и прекраснымъ климатомъ, что задумалъ здѣсь поселиться со всѣмъ семействомъ, по крайней мѣрѣ на лѣтнее время. Получивъ необходимое разрѣшеніе, графъ выписалъ архитектора, всевозможныхъ мастеровыхъ, техниковъ, живописцевъ и въ самое непродолжительное время выстроилъ рядомъ съ церковью то изящное зданіе, состоящее изъ двухъ флигелей,

соединенныхъ галлерейми, которое теперь обращено въ гостиницу. Не было недостатка въ рѣзныхъ и лѣпныхъ украшеніяхъ, стѣны расписаны спаружи и изнутри прекрасными рисунками, наконецъ окончало изящное жилище, черезчуръ роскошное для такого села, какъ Лядава, и графъ перевезъ свою семью на лѣтнюю резиденцію. Хотя графская крыша была увѣнчана крестомъ, но все таки религіозное чувство поселянъ возмущалось такою близостью мірянъ, да еще въ добавовъ иновѣрцевъ, къ ихъ древней, уважаемой святынѣ, гдѣ спасались въ старину благочестивые отшельники. Мало по малу росло въ народѣ раздраженіе и наконецъ приняло такой угрожающей характеръ, что графъ принужденъ былъ удалиться изъ Лядавы, а домъ его, по приговору громады, поступилъ въ пользу церкви. Послѣ того, въ pendant къ нему, построена новая церковь, которая своимъ стилемъ и яркой окраской рѣзко отличается отъ графской постройки, хотя, по всей вѣроятности, вполне удовлетворяетъ эстетическому вкусу мѣстныхъ жителей.

Впрочемъ графъ не безъ пользы для себя провелъ время въ Лядавѣ. Не смотря на свое непродолжительное пребываніе въ этой мѣстности, онъ обратилъ вниманіе на ея минеральныя богатства и, замѣтивъ чрезвычайное обиліе фосфоритовъ, закупилъ на известное число лѣтъ право сбора ихъ въ цѣломъ округѣ и въ свою очередь заключилъ контрактъ съ какой-то иностранной фирмой, обязавшись поставлять ежегодно 600 пудовъ этого минерала.

Въ такомъ видѣ намъ передали этотъ рассказъ на мѣстѣ. Хотя вывозъ такого полезнаго удобрения, какъ фосфориты, въ недалекомъ будущемъ долженъ вреднымъ образомъ отозваться на экономіи края, но по крайней мѣрѣ онъ могъ-бы хоть для настоящаго времени составить сколько-нибудь доходный промыселъ для мѣстнаго населенія, если-бы это дѣло было иначе поставлено. Между тѣмъ повсюду въ Подоліи сборомъ и сбытомъ фосфоритовъ, какъ и всякаго другаго продукта, занялись евреи, которые, обладая паччными капиталами, съ свойственною имъ ловкостью какъ-бы взяли на откупъ эту отрасль промышленности: они закупаютъ фосфориты у крестьянъ за баснословно дилесвую цѣну—до десяти копѣекъ за пудъ, немедленно доставляютъ на ближайшія двѣстровекія пристани и сплавляютъ на галерахъ къ ближайшей желѣзнодорожной вѣтви.

Проходя по горной тропинкѣ вдоль берега Днѣстра отъ Лядавы до Нагорянъ, я могъ наглядно убѣдиться въ изобиліи фосфоритовъ въ этой мѣстности: вдоль откоса на пути довольно часто встрѣчались его экземпляры, имѣющіе всегда видъ шара болѣе или менѣе объемистаго, величиною въ орѣхъ и больше, до размѣра крупнаго апельсина. Поверхность шара гладкая, какъ-бы отполирована, темно-коричневаго цвѣта.

Кромѣ фосфоритовъ въ ущельи на берегахъ Лядавы и въ Днѣстрѣ крестьяне находятъ дорогіе камни: разноцвѣтные колчеданы, аквамарины, рубины и въ большомъ количествѣ темные камни (гранаты?) ¹⁾, покрытые кремнистой массой, но эти находки не составляютъ правильнаго промысла и не приносятъ дохода крестьянскому хозяйству.

Мнѣ почти ничего не удалось собрать о миновавшей судьбѣ Лядавы. Вѣроятно и въ старину это было такое-же небольшое и незначительное поселеніе, какъ и теперь, входившее въ составъ могилевскаго или калюсскаго староства, и потому оно не упоминается отдѣльно ни въ польскихъ, ни въ русскихъ источникахъ. Единственное извѣстіе, какое мнѣ встрѣтилось, состоитъ въ томъ, что всѣ жители Лядавы въ 1702 году ушли въ Молдавію. Изъ этого намёка можно догадываться, что они жили общою жизнью и раздѣляли общіе интересы со всѣмъ населеніемъ Поддѣстровья, которое, какъ извѣстно, въ 1702 г. примкнуло къ движенію Палія, но потерпѣвъ неудачу, удалилось на молдавскій берегъ.

Осмотрѣвши лядавскія достопримѣчательности, оставалось еще увидѣть нагорянскія пещеры, чтобы покончить съ этой мѣстностью. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, мы сѣли на свою подводку, переѣхали въ бродъ рѣчку Лядаву и, поднявшись версты двѣ вверхъ по Днѣстру, очутились противъ Нагорянъ. Это огромное село съ двумя или тремя церквями, вытянутое по вершинѣ горы. Въ противоположность зеленѣющей лядавской возвышенности, болѣе полной и покрытой остатками вѣкогда огромнаго лѣса, нагорянскія горы значительно обривветѣе и выше и совершенно лишены растительности, если не считать тонкаго дерна, пріютившагося мѣстами на уступахъ, по берегамъ микроскопическихъ источниковъ, которые по

¹⁾ Очеркъ Днѣстра, стр. 208.

капелькѣ сочатся изъ камня. Нѣсколько ниже села, почти у самой вершины горы выдѣляется пласть отвѣсныхъ скалъ отъ двѣнадцати до пятнадцати сажень вышины, повидимому отполированный движениемъ льдовъ въ ледниковый періодъ. Въ этихъ скалахъ видѣнъ цѣлый пещерный городъ,—до двадцати пещеръ и гротовъ, расположенныхъ въ пять ярусовъ одинъ надъ другимъ. Крутой склонъ горы покрываютъ осипи вывѣтривающагося известняка, съ каждымъ шагомъ почва уходитъ подъ ногами, стараешься удержаться за выдающіеся камни, но и они начинаютъ по немногу спускаться, лишая путника послѣдней точки опоры,—все это сильно затрудняетъ подъемъ на гору.

Наконецъ кое какъ послѣ многихъ усилій добрались мы къ нижнимъ пещерамъ. Это два-три обширные, высокіе грота съ широкими выходами, обращенными на югъ къ Днѣстру; самый большой гротъ представляетъ обширную залу въ 14 сажень длиною и 9 шириною; потолокъ его состоитъ изъ цѣльной горизонтальной скалы,—дно представляетъ наклонную плоскость, постепенно понижающуюся отъ глубины до входа. Среди мусора на днѣ грота намъ попадались отбитыя кремневые орудія, указывающія, правдоподобно, на то, что гротъ могъ служить жилищемъ для древнѣйшихъ обитателей Поднѣстровья въ доисторическую пору. Это еще болѣе подтверждается множествомъ круглыхъ углубленій на подобіе чашекъ, вырѣзанныхъ на стѣнахъ у входа; такого рода изображенія относятся археологами специалистами къ самой отдаленной порѣ человѣческой культуры.

Кое какъ, съ опасностью для жизни, намъ удалось еще пробраться во второй ярусъ пещеръ, откуда вылетѣлъ огромный орелъ, спущутый появленіемъ человѣка въ своемъ неприступномъ жилищѣ; мы были испуганы, вѣроятно, не меньше его самого, но все таки взяли изъ гнѣзда огромное перо въ видѣ трофея. Второй ярусъ мало чѣмъ отличается отъ перваго—это тѣ-же гроты, только поменьше, лучше закрытые и неспорченные посѣщеніемъ пастуховъ. Пробраться выше не было возможности; въ верхній ярусъ можно было проникнуть только спускаясь на капатѣ сверху, но мы не рѣшились рисковать жизнью изъ любви къ научнымъ изысканіямъ и предпочли возвратиться назадъ.

На склонѣ горы, среди осыпей попадаются фосфориты въ такомъ количествѣ, что мы сперва начали собирать ихъ на память о Нагорянахъ, но, собравши въ нѣсколько минутъ порядочную попу, стали подымать только лучшіе экземпляры.

Утомленные и огорченные неудачнымъ посѣщеніемъ пещеръ, которыхъ даже целью было осмотрѣть надлежащимъ образомъ и въ которыхъ, исключая чашечныхъ углубленій по стѣнамъ, не встрѣтилось ничего замѣчательнаго, бѣдные, голодные туристы медленно возвращались назадъ, но вдругъ были вознаграждены за неудачу самымъ неожиданнымъ образомъ.

Мы замѣтили на южномъ склонѣ горы рядъ огромныхъ глыбъ известняка, числомъ около десяти, расположенныхъ правильнымъ полукругомъ прямо противъ пещеръ. Сидшимъ туда и видимъ, что это скалы не природныя, а искусственно поставленныя на мягкой почвѣ. Въ самомъ центрѣ стоитъ огромный монолитъ, въ которомъ вырубленъ цѣлый гротъ, довольно помѣстительный, обращенный къ Днѣстру; его поддерживаютъ нѣсколько камней поменьше. Вся поверхность этого камня, такъ-же какъ и всѣхъ остальныхъ, покрыта весьма сложнымъ рисункомъ изъ черточекъ, крестиковъ и весьма замысловатыхъ фигуръ, на подобіе крылатата челоуѣка, звѣрей, птицъ и другихъ изображеній; все это испещрено огромнымъ количествомъ чашечныхъ углубленій, величиною отъ орѣха до небольшой тарѣлки, расположенныхъ то единично, то въ видѣ крестиковъ, розетокъ и различныхъ геометрическихъ фигуръ. Рисунки вырѣзаны весьма глубокими чертами и по большей части разбросаны безъ определенной системы, но иногда они располагаются рядами, на подобіе строкъ на страницѣ, и тогда чрезвычайно напоминаютъ іероглифическія надписи, только болѣе условныя, чѣмъ египетскіе іероглифы.

Повидимому мы имѣемъ здѣсь дѣло съ рѣзами или рунами древнихъ обитателей нагорянскихъ пещеръ. Было-бы чрезвычайно интересно прочесть эти надписи,—можетъ быть въ нихъ заключаются біографіи знаменитѣйшихъ гражданъ этого поселенія, или разсказаны важнѣйшія событія изъ его жизни, или изложенъ религіозный кодексъ того народа... Къ сожалѣнію для насъ утерянъ ключъ къ этой грамотѣ; остается только надѣяться, что со временемъ, когда наука сдѣластъ болѣе успѣхи, какойнибудь спеціа-

листь найдеть возможность объяснить таинственный смысл нагорянских надписей. Пока можно сказать только, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ мегалитическими сооружениями, что подтверждается и находкою отбитыхъ кремневыхъ орудій на склонахъ горы у подножія пещеръ. Если допустить, что въ лядавскихъ пещерахъ мы имѣемъ постоянныя или временныя жилища первобытнаго племени, то Нагоряны, гдѣ пещеръ гораздо больше и слѣдовательно населеніе должно было быть многочисленнѣе, могли служить центральнымъ пунктомъ для извѣснаго района и здѣсь легко могли создаваться и уцѣлѣть какіе нибудь памятники религіозныхъ вѣрованій того народа.

Мѣстное преданіе рассказываетъ, что во время существованія лядавскаго монастыря жили отшельники и въ нагорянскихъ пещерахъ, они-то и вырѣзали всѣ рисунки на камняхъ и на стѣнахъ пещеръ. Но достаточно только взглянуть на эти изображенія, чтобы убѣдиться въ неувѣрности этого преданія; монахи дѣйствительно могли жить въ пещерахъ и уличить здѣсь слѣды древнѣйшаго поселенія, но несомнѣнно, что творческая фантазія христіанскихъ инокъ должна была обратиться къ религіознымъ предметамъ и выразить ихъ церковно-славянскимъ шрифтомъ; притомъ культура въ христіанское время стояла у насъ несравненно выше, между тѣмъ какъ эти изображенія отличаются совершеннымъ отсутствіемъ религіозно-христіанскихъ сюжетовъ и напротивъ носятъ несомнѣнные слѣды древнѣйшей культуры.

К. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Изъ представленныхъ нами въ minulomъ году на страницахъ «Кіевской Старины» матеріаловъ для исторіи появленія и распространенія штунды на югѣ Россіи ¹⁾ всякій не предубѣжденный читатель могъ до очевидности удостовѣриться въ томъ, что такъ называемая у насъ штунда есть ничто иное, какъ нѣмецкій баптизмъ, занесенный въ наши нѣмецкія колоніи нарочитыми миссіонерами изъ Гамбурга и что первыми его адептами изъ среды малорусскаго православнаго населенія были лица, случайно, въ качествѣ рабочихъ, попавшіе къ колонистамъ,—люди оторванные отъ дома и семьи, отъ общенія въ молитвѣ церкви и таинствахъ, отъ поученія своихъ пастырей, чувствовавшіе быть можетъ именно поэтому потребность въ духовной пищѣ и подвергнушіеся дѣйствию искусныхъ и фанатичныхъ проповѣдниковъ новаго ученія. Съ появленіемъ первыхъ послѣдователей этого ученія въ средѣ православныхъ малороссіянъ, съ увеличеніемъ числа нарочитыхъ проповѣдниковъ онаго въ средѣ нѣмецкихъ колонистовъ и учрежденіемъ правильно организоваанныхъ баптистскихъ общинъ въ разныхъ пунктахъ Новороссіи и между прочимъ въ Одессѣ, дальнѣйшее распространеніе баптизма въ малорусскомъ населеніи того края не представляетъ ничего удивительнаго, или непонятнаго. Зараза душевная съ такою-же легкостью и быстротою, какъ и физическая, передается людямъ, находящимся въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ зараженнымъ; всякое новое религіозное ученіе дѣйствуетъ съ неотразимою силою во образѣ живаго убѣжденнаго человѣка той-же среды, того-же близкаго, особливо родственнаго круга. Но то удивительно, что зараза, о

¹⁾ См. «Кіевскую Старину» за 1884 годъ, октябр. и ноябр. книжки.

которой у насъ рѣчь, сдѣлала быстрый скачекъ съ крайняго юга въ глубь кіевской губерніи,—сдѣлала при отсутствіи вышеуказанныхъ обстоятельствъ, проникла въ сплошную православную среду, ничѣмъ къ ней непредрасположенную.

Пользуясь и на этотъ разъ официальными данными, мы передадимъ кратко о томъ, когда и какъ проникла къ намъ штунда, каковъ былъ первоначальный ея ходъ, при какихъ обстоятельствахъ она распространялась, какъ локализовалась и какова теперь численность ея послѣдователей, какія общія мѣры принимались къ ея пресѣченію и что способствовало ея распространенію у насъ.

Записаніе штунды въ кіевскую губернію относится къ 1870 г. Первоначально она появилась въ с. Плоскомъ, таращанскаго уѣзда, потомъ перешла въ с. Чаплинку, а отсюда въ с. Косяковку того-же уѣзда. Вблизи этихъ приходоѡ, да и вообще въ таращанскомъ уѣздѣ, никакихъ нѣмецкихъ сектантоѡ не было какъ до этого времени, такъ и послѣ; весь уѣздъ представлялъ сплошное православное населеніе, кромѣ 3,367 лицъ римско-католическаго исповѣданія, паходящихся и теперь въ разныхъ селахъ этого уѣзда. Въ названныхъ приходоахъ священниками въ ту пору были: въ с. Чаплинкѣ Димитрій *Низодинскій* 38 л. изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, имѣвшій въ семьѣ только жену; въ с. Косяковкѣ—Корнилій *Леонович* 41 года, также изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ и помощникомъ благочиннаго; въ семьѣ у него было 8 дѣтей; въ с. Плоскомъ—Тимофей *Руткович* 59 лѣтъ; послѣдній хотя не получалъ семинарскаго образованія, но былъ подготовленъ къ пастырскому званію самообразованіемъ и прохожденіемъ діакопской должности, а въ санѣ священника состоялъ уже 26 лѣтъ; въ семьѣ у него было 4 дѣтей. Какихъ либо жалобъ на этихъ священниковъ не постуало отъ прихожанъ ни къ духовному, ни къ гражданскому начальству и все они паходились въ добрыхъ отношеніяхъ съ своими пасомыми, аттестовались всегда съ лучшей стороны въ своемъ поведеніи и свои обязанности исполняли примѣрно. Въ свою очередь ихъ прихожане и въ религіозномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ стояли нисколько не ниже прихожанъ другихъ церквей той-же мѣстности. Такимъ образомъ въ мѣстной почвѣ не было никакихъ задатковъ или поводовъ къ возникновенію какой либо противуцерковной секты.

И вдругъ нежданно ни для кого являются здѣсь лица, возстающія противъ православныхъ священниковъ, чуждающіяся церкви и богослуженія, отвергающія таинства и обряды и глумящіяся надъ тѣмъ, что дорого и священно было для нихъ, какъ и для всякаго православнаго христіанина. Что-же возмутило душевный миръ этихъ благоговѣно набожныхъ людей, что толкнуло ихъ на путь сомнѣнія въ дѣлѣ вѣры, которую они воспринимали и хранили въ простотѣ сердець своихъ, что привело ихъ къ отрицанію завѣта отцевъ, святыни всего народа, кровію его въ теченіи вѣковъ искупленной и освященной?

Зараза пришла отъянуды—изъ нѣмецкихъ колоній херсонской губерніи; тамъ ученіе баптистовъ раньше было посяано и распространено прусскими миссіонерами изъ Гамбурга, тамъ заразились имъ случайные выходцы изъ кіевской губерніи и принесли оное на свою родину. Цѣмцамъ, а не кому либо другому, мы обязаны появленіемъ у насъ штунды. Вотъ съ чего началось и какъ шло это дѣло.

Село Плоское, въ которомъ баптистское ученіе появилось раньше, чѣмъ въ другихъ приходахъ, въ значительной части населено однодворцами. Не имѣя земельного надѣла, они въ лѣтнее время отправляются обыкновенно для заработковъ въ херсонскую губернію, иногда цѣлыми семьями. Въ числѣ другихъ часто ходили туда изъ с. Плоскаго однодворцы: *Тышкевичъ*, *Богдашевскій* и родные братья *Яковъ* и *Павелъ Цыбульскіе*. Яковъ Цыбульскій былъ на заработкахъ въ Одессѣ, а прочіе около 2-хъ лѣтъ прожили близъ с. Николаевки. Судьба привела ихъ на службу къ цѣмцамъ-баптистамъ, которые принялись завлекать ихъ въ свои собранія и знакомить съ особенностями своего вѣроученія; но совращеніе ихъ произошло не вдругъ и обнаружилось не скоро. Первымъ отсталъ отъ православія Яковъ Цыбульскій. Въ Одессѣ онъ жилъ въ домѣ купца Ксиды, прикащика одного изъ главныхъ членовъ баптистской секты Карла Шутца, чрезъ котораго шла корреспонденція одесскихъ баптистовъ съ ихъ колоніей въ Добруджѣ и получались оттуда брошюры баптистскаго содержанія; здѣсь и произошло совращеніе его въ штунду, обстоятельства котораго намъ неизвѣстны. Извѣстно только, что, совратившись самъ въ новую нѣмецкую вѣру, Яковъ Цыбульскій совратилъ въ нее своего брата Павла Цыбульскаго и односельцевъ своихъ Тышкевича и Богдашевскаго. Число послѣдователей новой вѣры

увеличилось съ возвращеніемъ Павла Цыбульскаго домой въ с. Плоскос, въ концѣ 1868 года; въ эту и слѣдующую зиму къ нему собирались по вечерамъ для чтенія евангелія и пѣнія стиховъ Тышкевичъ, Флоринскій, Богдашевскій и сестра послѣдняго Оекла Богдашевская, хотя эти собранія велись втайнѣ и долго объ нихъ не было извѣстна никому. Въ концѣ-же 1868 года, однодворецъ с. Розумницы Хмѣлевскій, проживая по найму въ экономіи с. Рожевъ, познакомился съ Павломъ Цыбульскимъ, а чрезъ него и съ ученіемъ баптистовъ. Сперва Хмѣлевскій ходилъ изъ Рожекъ въ с. Плоское въ Павлу Цыбульскому на ночныя собранія, въ которыхъ толковалось евангеліе и пѣлись духовныя стихи изъ книги «Приношеніе православнымъ христіанамъ.—С.-Петербургъ 1864 года», а потомъ такія-же собранія захотѣлъ открыть у себя въ с. Рожкахъ, привлеки въ нихъ двухъ молодыхъ крестьянъ изъ бывшихъ учениковъ церковно-приходской школы. О ночныхъ собраніяхъ у Павла Цыбульскаго мѣстный священникъ Руткевичъ узналъ лишь въ сентябрѣ 1869 года, и тотчасъ донесъ объ этомъ благочинному. Благочинный посѣщилъ для дознанія дѣла на мѣстѣ; но въ это время Павелъ Цыбульскій отлучился въ херсонскую губернію, а участники его собраній отреклись отъ всего, въ чемъ ихъ обвиняли, и въ доказательство своей вѣрности православію полагали на себѣ крестное знаменіе, пѣловали крестъ и евангеліе. Скоро однако Цыбульскій возвратился въ с. Плоское, а съ возвращеніемъ его возобновились и ночныя собранія у него. Сектанты настолько утвердились въ своихъ вѣрованіяхъ, что когда священникъ предъ праздникомъ Рождества Христова посѣщалъ съ молитвою и ихъ дома, паравнѣ съ другими прихожанами, они отказались уже цѣловать крестъ. Священникъ опять отрапортовалъ благочинному, а благочинный вновь прибылъ на мѣсто сколько для обстоятельнаго обслѣдованія обнаруженной секты, столько и для увѣщанія сектантовъ. Произведя новое дознаніе и предоставивъ священнику Руткевичу и его сыну, ученику богословія, продолжать увѣщанія заблудшихъ, благочинный Петрушевскій о появленіи секты сообщилъ тогда-же таранцацкому исправнику, а отъ 4 января 1870 г. донесъ уѣздному протоіерею Пахаловичу, который донесъ о томъ митрополиту Арсенію, равно какъ исправникъ губернатору. Въ началѣ того-же января 1870 г. становой приставъ, по порученію исправника, производилъ дознаніе

о совратившихся. При этомъ дознаніи головщики Цыбульскій и Тышкевичъ оказались упорными въ своихъ убѣжденіяхъ, а ихъ послѣдователи показали раскаяніе. Къ концу января хотя иконы находились еще въ домахъ Цыбульскаго и Тышкевича и содержались въ приличныхъ мѣстахъ, но стало уже извѣстнымъ о хулахъ, произносимыхъ на иконы Тышкевичемъ, а потому какъ Тышкевичъ, такъ и Цыбульскій, по распоряженію полиціи, были арестованы и отправлены въ тарашалскую тюрьму. Въ с. Рожкахъ дознаніе о сектѣ произведено благочиннымъ Павломъ Забузскимъ въ началѣ февраля. При дознаніи оказалось, что молодые крестьяне—Копель и Пструкъ еще прежде перестали посѣщать Хмѣлевскаго; Хмѣлевскій повинился въ своемъ заблужденіи и обязался не ходить въ село Плосское на почныя собранія и не открывать таковыхъ у себя. Между тѣмъ во время нахождения подъ арестомъ въ Таращѣ Цыбульскаго и Тышкевича увѣщаніемъ ихъ занимался соборный священникъ г. Таращи Игнатовичъ. Цыбульскій и Тышкевичъ сначала отъ всего отказывались, утверждая, что они ни въ чемъ неповинны, что во всемъ слѣдуютъ ученію православной церкви и если дѣлаютъ иногда частныя собранія въ домахъ, то только для молитвы, для чтенія св. писанія и для пѣнія духовныхъ стиховъ, напечатанныхъ въ С.-Петербургѣ; но послѣ долгихъ увѣщаній, они высказали наконецъ такія свои вѣрованія: Богородица и святые ничѣмъ не отличались отъ прочихъ людей и потому не могутъ ходатайствовать за насъ предъ Богомъ; каждый человекъ долженъ самъ за себя молиться, не надѣясь на молитвы церкви и святыхъ; вѣншнее богослуженіе не пужно; Богу слѣдуетъ поклоняться только духомъ и истиною; поклоненіе кресту и иконамъ есть идолопоклонство; мощи святыхъ не могутъ быть предметомъ поклоненія; увеселенія предосудительны; употребленіе хмѣльныхъ напитковъ, хотя-бы то въ маломъ количествѣ, противно христіанскому ученію.

Не оставалось никакого сомнѣнія, что въ лицѣ увѣщасмыхъ и ихъ немногихъ сообщниковъ появлялась въ средѣ мѣстнаго православнаго населенія особая релігіозная секта съ опредѣленными, твердо усвоенными мнѣніями, хоть и не получившая еще прочной организаціи. Тѣмъ не менѣе относительно подавленія ея, по самой новости дѣла, не было еще придумано опредѣленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Сношенія властей только еще начинались; самое про-

исхожденіе секты не было достаточно выяснено. Митрополитъ кіевскій Арсеній находился въ то время въ Петербургѣ для обычнаго присутствованія въ св. синодѣ. Завѣдывавшій на мѣстѣ дѣлами кіевской епархіи, пр. викарій Порфирій въ столь важномъ дѣлѣ не могъ предпринять чего-либо особеннаго самъ собою. Въ началѣ февраля онъ получилъ отъ кіевского губернатора составленное на основаніи донесенія тарашанскаго исправника увѣдомленіе о появленіи секты въ сс. Плескомѣ и Рожкахъ и въ то-же время препровождено ему тѣмъ-же губернаторомъ въ коніи сообщеніе херсонскаго губернатора о появленіи такой-же секты въ херсонской губерніи и о предполагаемой высылкѣ изъ херсонской въ кіевскую губернію, на мѣсто жительства, одного изъ пропагандистовъ секты, крестьянина с. Чаплики Герасима Болобана. Преосвященный Порфирій доведъ обо всемъ митрополиту Арсенію, испрашивая его дальнѣйшаго распоряженія. По резолюціи митрополита необходимыя распоряженія сдѣланы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по собственному почину преосвященнаго Порфирія, въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатано извлеченіе изъ упомянутаго сейчасъ сообщенія херсонскаго губернатора, въ тѣхъ, конечно, видахъ, чтобы сдѣлать извѣстнымъ для всего духовенства кіевской епархіи опасное лжеученіе, прокрадывавшееся темными путями, указать источникъ, изъ котораго оно исходитъ, и признаки, по которымъ оно могло-бы быть открываемо. При этомъ однако опущено изъ виду, что это сообщеніе, составленное первоначально какимъ-либо полицейскимъ слѣдователемъ со словъ, конечно, преслѣдуемыхъ сектантовъ и прошедшее нѣсколько другихъ редакцій, въ неумѣломъ изложеніи представляло собою порицаніе православныхъ поселенъ и похвалы правдивности послѣдователей баптистскаго ученія и пастору Бонекемферу, а самое происхожденіе лжеученія затемнялось и извращалось; въ сообщеніи, напримѣръ, говорилось, что «Павелъ Цыбульскій, пріобрѣвъ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, вычиталъ въ нихъ наставленія проводить время въ чтеніи св. книгъ и пѣніи псалмовъ, узналъ о необходимости вести жизнь трезвую и благочестивую и согрѣтый сими наставленіями (а не совращенный въ баптистскую секту своимъ братомъ Яковомъ Цыбульскимъ), сталъ приглашать своихъ односельцевъ для чтенія, пѣнія и толкованія св. евангелія». Въ такомъ видѣ сообщеніе способно было привести священниковъ въ недоумѣніе, а на

сектантовъ, если оно достигло ихъ, произвести возбуждающее и ободряющее дѣйствіе.

Не смотря впрочемъ на изложенный первоначальный ходъ дѣла, опасность дальнѣйшаго распространенія ереси скоро какъ будто миновалась и въ маю 1870 года секта какъ-бы совсѣмъ заглохла въ с. Плосскомъ. Богдашевскій былъ отданъ въ военную службу, а Тышкевичъ, по возвращеніи изъ херсонской губерніи, въ наступившій великій постъ говѣлъ въ приходской церкви, раскаиваясь въ своихъ заблужденіяхъ и причащался св. тайнъ. Когда вскорѣ потомъ умерло его дитя, онъ не только позаботился о его погребеніи по христіанскому обряду, но просилъ священника отслужить еще и заупокойную литургію. Въ августѣ того-же года возвратились въ православіе Павель Цыбульскій и Флоринскій.

Но въ то время, какъ огонь потухалъ въ одномъ мѣстѣ, онъ неблагоразумно разведенъ въ другомъ, недалеко отъ прежняго мѣстѣ, именно въ с. Чаплинкѣ таранцапскаго уѣзда; разгораясь здѣсь постепенно, онъ охватилъ и сосѣдніе приходы. Дѣло было такъ.

Въ м. Игнатовкѣ одесскаго уѣзда проживалъ, какъ упомянуто выше, крестьянинъ с. Чаплинки кіевской губерніи, таранцапскаго уѣзда, Герасимъ Болобанъ; онъ скрывался здѣсь изъ опасенія отвѣтственности по дѣлу о выпускѣ фальшиваго 10-рублеваго кредитнаго билета. Для большей безопасности Болобанъ переименовалъ свою фамилію и сталъ называться Витенкомъ. Въ Игнатовкѣ обзавелся онъ и семьей, женившись на православной крестьянкѣ, вдовѣ Марсѣ Ивановѣ Довгошеевой. Сократившись здѣсь въ баптизмъ, при участіи извѣстнаго пролагандиста этого ученія, крестьянина д. Основы, одесскаго уѣзда, Михаила Ратушнаго, Болобанъ сталъ ближайшимъ его сотрудникомъ въ дѣлѣ совращенія православія и распространенія баптизма между православнымъ населеніемъ рянопольскаго прихода. Его участіе въ этомъ дѣлѣ обнаружено въ 1870 году, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылось, что онъ проживалъ подъ чужимъ именемъ и безъ письменнаго вида. Болобану предстояло подвергнуться судебному преслѣдованію за совращеніе другихъ въ баптисскую ересь; но херсонское губернское начальство сочло почему-то за лучшее выслать его на мѣсто приписки въ с. Чаплинку кіевской губерніи. О выселеніи Болобана и его противоправослав-

номъ образѣ мыслей херсонскій губернаторъ увѣдомилъ кіевского митрополита Арсенія 20 іюня 1870 года, по резолюціи коего отъ 23 сентября кіевская консисторія предписала священнику села Чаплинки Изгодинскому и мѣстному благочинному Забускому наблюдать за образомъ мыслей и за дѣйствіями Болобана и о послѣдствіяхъ своихъ наблюденій доносить преосвященному митрополиту полугодично. Но Болобанъ прибылъ въ Чаплинку еще раньше полученія этого указа. Не имѣя здѣсь ни кола, ни двора, онъ первоначально поселился въ сельской корчмѣ, у еврея, гдѣ всего чаще могъ видѣться и бесѣдовать съ народомъ. Въ Чаплинкѣ находилось волостное управленіе, а волостнымъ писаремъ при немъ состоялъ солдатскій сынъ Иванъ Лясоцкій. Болобанъ постарался сблизиться съ нимъ и нашелъ въ немъ столько сочувствія, что отъ чаплинскаго волостнаго правленія не замедлило поступить къ таранчанскому исправнику донесеніе, будто въ дѣйствіяхъ Болобана не оказывается ничего предосудительнаго, а исправникъ отрепортовалъ такимъ-же образомъ губернатору. Это было въ концѣ августа, а вскорѣ послѣ того, при участіи писаря Лясоцкаго, Болобанъ получилъ отъ чаплинскаго волостнаго правленія отпускъ въ херсонскую губернію на 28 дней. Указъ консисторіи о наблюденіи за Болобаномъ не засталъ уже его на мѣстѣ. Но пребываніе Болобана въ херсонской губерніи было открыто, и 20 ноября 1870 года, по распоряженію херсонской полиціи, онъ снова препровожденъ въ кіевскую губернію и водворенъ на жительство въ Чаплинкѣ. Тутъ ждалъ его духовный надзоръ; но Болобанъ, какъ видно, мало имъ смущался: въ церковь онъ приходилъ, но порядка не соблюдать и стоялъ въ пей небрежно, увѣщаніямъ священника Изгодинскаго не подчинялся и приходилъ къ нему въ домъ для собесѣдованія отказался, а между тѣмъ начиналъ уже вести тайно пропаганду—днемъ въ корчмѣ, ночью въ волостномъ правленіи. Священникъ Изгодинскій, навѣщая Болобана, по долгу пастыря, три раза заставлялъ его за чтеніемъ и толкованіемъ евангелія въ русскомъ переводѣ при двухъ или трехъ посѣтителяхъ, причемъ пѣлись также стихи изъ книжки: «Припошеііе православнымъ христіанамъ». Для поддержанія духовнаго или матеріальнаго Болобанъ успѣлъ снова побывать у своихъ единомышленниковъ въ херсонской губерніи, куда отлучался съ 19-го декабря по 6-е января, а

возвратясь оттуда, сталъ уже открыто говорить противъ соблюденія постовъ, почитанія иконъ и св. креста, противъ таинствъ и обрядовъ православной церкви и ожесточенно злословилъ православное духовенство, прилагая къ нему все, что сказано въ евангеліи въ обличеніе книжниковъ и фарисеевъ. Впрочемъ, первая проповѣдь Болобана къ народу въ корчмѣ была неудачна, его даже поколотили за кощунство надъ священными предметами; не помогли и угощенія водкой, къ которымъ прибѣгаль Болобанъ, пользуясь депъгами, принесенными изъ херсонской губерніи. Хотя нельзя сказать, чтобы бесѣды Болобана не заронили въ нѣкоторыхъ изъ прихожанъ с. Чаплинки сомнѣній въ истинности исповѣдуемой ими вѣры, но до конца января 1871 года къ нему никто еще не присоедилился открыто, кромѣ писаря Лясоцкаго, какъ объ этомъ доносили священникъ Изгородивскій и благочинный Забудскій.

Въ маѣ дерзость Болобана достигла крайнихъ предѣловъ; онъ всепародно кощунствовалъ, богохульствовалъ, разбилъ даже икону св. Николая. Сельская власть арестовала его и передала въ руки уѣздной полиціи, а полиція отнеслась къ прокурорской власти о возбужденіи противъ Болобана судебного преслѣдованія. Консисторія не была увѣдомлена объ этомъ ни полиціей, ни судебною властью, но, усматривая изъ дописаній священника, что мѣры, принимаемыя имъ къ вразумленію Болобана, оказываются неэффективными, потребовала, чтобы онъ высланъ былъ къ ней на увѣщаніе. Изъ отвѣта таращанскаго уѣзднаго полицейскаго правленія на это требованіе консисторіи видно, что Болобанъ отправленъ въ киевскій тюремный замокъ 13 іюля; но въ консисторію онъ присланъ только 24 августа, а между тѣмъ раньше сего въ консисторіи было получено отъ судебного слѣдователя таращанскаго уѣзда требованіе объ отпускѣ къ нему Болобана въ Таращу по касавшемуся его дѣлу, которое въ бумагахъ слѣдователя не было объяснено.

И консисторія, и судебный слѣдователь, и самъ Болобанъ были одинаковѣ въ недоумѣніи: первая—зачѣмъ не высылаютъ къ ней Болобана на увѣщаніе, второй—почему консисторія не отпуститъ привлекаемаго къ слѣдствію, а третій—зачѣмъ безъ надобности томятъ его въ тюрьмѣ. Впрочемъ дѣло скоро разрѣшилось вполнѣ благополучно для Болобана, благодаря съ одной стороны его притворству, а съ другой недоразумѣнію, если не намѣренному

исхожденію судебного слѣдователя. Началось съ того, что Болобанъ, являсь въ присутствіе консисторіи, принесъ, такъ сказать, полную повинную: тутъ онъ съ влѣтвоею увѣрялъ присутствующихъ, что никогда не отступалъ отъ ученія, таинствъ и обрядовъ православной церкви, полагалъ на себѣ брестное значеніе съ земными поклонами предъ иконой, обѣщалъ и впредь неизмѣнно слѣдовать уставамъ церкви и требованіямъ духовной власти и далъ собственноручную подписку въ вѣрности своихъ словъ. Консисторія повѣрила искренности заявленія Болобана, признала оное за раскаяніе въ заблужденіяхъ и, отправляя его обратно въ кіевскій тюремный замокъ, сообщила смотрителю оного, что Болобанъ можетъ быть отправленъ въ г. Тарацу къ судебному слѣдователю, согласно требованію этого послѣдняго, а при этомъ въ предѣлахъ своей юрисдикціи заявила, что Болобанъ можетъ считаться свободнымъ по тому дѣлу, по которому былъ вызываемъ въ консисторію. На основаніи этого заявленія судебный слѣдователь счелъ себя въ правѣ дать Болобану полную свободу и отпустить его на жительство въ с. Чаплинку, прекративъ начатое противъ него преслѣдованіе за богохульство, кощунство и разбитіе иконы св. Николая. Ловкому пропагандисту развязаны были теперь руки. О привлеченіи его къ слѣдователю по означеннымъ дѣламъ консисторія узнала изъ донесенія благочиннаго лишь 2-го сентября, и хотя этому послѣднему тогда-же предписано было имѣть наблюденіе за положеніемъ сего дѣла, по до явваря слѣдующаго 1872 года епархіальное начальство оставалось въ полной неизвѣстности о томъ, что дѣлается въ с. Чаплинкѣ и какъ ведетъ себя состоящій подъ полицейскимъ и духовнымъ надзоромъ Болобанъ, а тамъ дѣлалось многое такое, чего впоследствии и болѣе серьезными мѣрами нельзя было ни измѣнить, ни остановить.

Освобожденный судебнымъ слѣдователемъ подъ поручительство чаплинскихъ крестьянъ, подставленныхъ конечно волостнымъ писаремъ Иваномъ Лясоцкимъ, и подворившись опять въ Чаплинкѣ, Болобанъ началъ увѣрять своихъ односельцевъ, что его ученіе и въ Кіевѣ и въ Тарацѣ признано истинно евангельскимъ. Устроивъ затѣмъ ночныя собранія для молитвы, чтенія псалмовъ и толкованія евангелія въ нѣсколькихъ хатахъ, онъ попеременно наставлялъ тамъ и здѣсь и широко развернулъ свою проповѣдь. Плоды этой

проповѣди не замедлили обнаружиться: крестьянка Дарія *Швыдкой*, оповѣщавшая сектантовъ о времени и мѣстѣ ночныхъ собраній, обозвала самымъ поповымъ именемъ икону Спасителя; Гавріиль *Шмель* публично издѣвался надъ таинствомъ крещенія; до открытаго кощунства и поруганія святыни дошли также Иванъ *Свириденко*, Агафія *Музычица* и Евгенія *Цымбалова*. Зналъ, что усильнѣе можно дѣйствовать на молодое поколѣвіе, писарь Лясоцкій, по предложенію Болобана, вызывалъ изъ с. Косяковки и д. Шушковки въ чаплинское волостное правленіе молодыхъ парней будто для исполненія обязанности рассыльныхъ или вѣстовыхъ и удерживалъ ихъ здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ, а Болобанъ совращалъ ихъ въ секту особымъ толкованіемъ разныхъ мѣстъ евангелія. Чтобы расширить дѣло пропаганды новаго ученія, Гавріиль Лясоцкій, родной братъ волостнаго писаря, тайно обучилъ грамотѣ совращеннаго уже изъ православія въ баптизмъ крестьянина села Косяковки Авдасія Курку, 20 лѣтъ, по ремеслу кравца или портнаго. Проповѣдь Курки имѣла большой успѣхъ, чему помогало его ремесло. Это была такъ сказать передвижная школа нововозникшей ереси. Переходя изъ избы въ избу для шитья крестьянскихъ свитковъ и другой одежды, Курка превратнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ стиховъ евангелія разсеивалъ всюду сомнѣнія относительно церкви, церковной іерархіи, таинствъ и обрядовъ. На такую пропаганду употреблены были 4 мѣсяца: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь. Неудивительно поэтому, что въ началѣ января 1872 года на почномъ собраніи въ домѣ крестьянки Швыдкой, въ почъ съ 6 на 7-е января, присутствовало до 60 сектантовъ изъ разныхъ сосѣднихъ селъ. Сектанты оставили соблюденіе постовъ, отвергали таинства, кощунствовали надъ иконами и мощами и глумились надъ духовенствомъ. Хотя священникъ с. Чаплинки съ своей стороны употребилъ все мѣры для противодѣйствія ереси: проповѣдывалъ во все воскресные и праздничные дни, открылъ воскресныя послѣобѣденныя собесѣдованія съ прихожанами въ школьномъ домѣ, перѣдко и у себя въ домѣ собиралъ прихожанъ для разъясненія основъ истины вѣры и возбуждалъ сельское начальство содѣйствовать охраненію православной вѣры; но все эти мѣры оказывались уже тщетными. Прибѣгли опять къ содѣйствію судебной власти. 9 января Болобанъ былъ наконецъ арестованъ и преданъ суду за

распространеніе ереси, кощунство и поруганіе святыни. Спустя немного за тѣ-же преступленія изъ послѣдователей Болобана привлечены къ судебной отвѣтственности Иванъ и Гавріиль *Лясоукіе*, Яковъ *Коваль*, Климентъ *Терещукъ*, Евгенія *Цымбалова*, Агафія *Музычиха*, Окска *Богдановская* и еще 5 лицъ, всего 12; по по известной быстротѣ нашихъ судовъ дѣло о нихъ затянулось надолго.

Между тѣмъ для увѣщанія оставшихся на свободѣ сектантовъ, по распоряженію епархіальнаго начальства, командированы въ Чаплинку, Косяковку и Плоское протоіереи г. Таращи Андрей Пахаловичъ и г. Сквиря Іаковъ Сташевскій съ нѣсколькими священниками. При увѣщаніи чрезъ протоіерея Пахаловича 25 лицъ изъ числа совратившихся дали подписку оставаться въ православіи; при двукратномъ увѣщаніи чрезъ протоіерея Сташевскаго въ мѣсяцѣ сентябрѣ и октябрѣ до 40 лицъ совратившихся также изъявили раскаяніе въ своемъ заблужденіи и желаніе быть православными по прежнему. Къ несчастію, въ это время приходъ с. Чаплинки лишился своего дѣятельнаго и вліятельнаго пастыря, священника Нисодинскаго; въ октябрѣ, возвращаясь изъ Кіева по желѣзной дорогѣ, онъ скоропостижно скончался въ вагонѣ, какъ полагаютъ, отъ огорченія, что мало напелъ въ Кіевѣ утѣшенія по дѣламъ своего прихода. Оставшись безъ пастыря хотя и на короткое, по самое горячее время приходъ сталъ болѣе и болѣе наполняться сектантами; число ихъ скорѣе возросло до 145. 19 ноября 1872 г. всѣ совратенные публично наовонецъ заявили свое отступленіе отъ православной церкви; въ этотъ день они вынесли изъ своихъ домовъ иконы и сложили ихъ въ колокольнѣ. Эта фанатическая выходка сектантовъ вызвала въ Чаплинкѣ цѣлую бурю: волостной старшина арестовалъ зачинщиковъ сходки, арестованные вырвались изъ заключенія и избили старшину.

Болобана и его первыхъ послѣдователей не было въ это время на мѣстѣ; они содержались въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ въ ожиданіи суда по обвиненію—одни въ распространеніи ереси, другіе въ богохульствѣ и кощунствѣ. Въ высшей степени любопытно и важно, какъ отнесся судъ къ этому новому явленію въ народной нашей жизни, такъ глубоко се взволновавшему и смутившему. Рѣшеніе суда имѣло огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу вновь зарождавшейся секты. Судились правда наши сектанты въ старомъ

еще или переходномъ судѣ, въ такъ называсмой Соединенной Палатѣ уголовного и гражданскаго суда, гдѣ было, можно сказать, и *вино ново и мѣхи ветхи*; но едва-ли это обстоятельство могло дѣлать разницу въ оцѣнкѣ такого жизненнаго факта, какимъ являлась повозоброжденная прусскими пѣмцами и пересаженная на малорусскую почву штуда. Если и вообще теологическія познанія судей были не выше такихъ-же познаній какого-либо исправника или становаго пристава, то въ данномъ случаѣ и обвинительная власть и самый судъ не имѣли никакого почти представленія о томъ живящемъ явленіи, которое подлежало ихъ обсужденію и опредѣленію. Баптистская секта, съ послѣдователями которой суду приходилось теперь имѣть дѣло, не была предъусмотрѣна никакими статьями закона; она являлась впервые, въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ, сами послѣдователи мало откровенничали и омытно научились, гдѣ и что говорить, чего и когда не слѣдуетъ открывать. По тѣмъ отрывочнымъ и неяснымъ даннымъ, какія давались сельскимъ протоколомъ или судебнымъ слѣдствіемъ, въ родѣ напр. чтенія евангелія или собраній для молитвы и цѣнія духовныхъ стиховъ, надо было опредѣлять новую ересь, искать въ ея обнаруженіи состава преступленія и подтягивать оное къ той или другой статьѣ закона... Путь столько-же трудный, какъ и скользкій. Судъ, насколько можно судить по его рѣшенію, шелъ оцупью, терялся, искалъ опоры то въ сознаніи подсудимыхъ, то въ свидѣтельскихъ показаніяхъ и въ концѣ концовъ видимо предрасположенъ былъ не придавать новообнаруженному явленію серьезнаго значенія со стороны его преступности или вреда для церкви и общества.

Послѣ того, что намъ уже извѣстно о дѣйствіяхъ Болобана и его послѣдователей, читатель будетъ удивленъ, узнавъ, что кіевскій судъ самый фактъ существованія секты въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи въ данное время призналъ сомнительнымъ. Суду какое дѣло до того, что въ какой-то Чаплинкѣ или Шлосскомъ идетъ чуть не ежедневная, ожесточенная борьба между проповѣдниками господствующей вѣры и проповѣдниками какого-то новаго, малоизвѣстнаго религіознаго вольномыслія, подрывающаго въ основѣ самое существованіе церкви,—что борьба эта оглашается всюду, что она волнуешь общество и доводитъ до рукопашныхъ схватокъ, что она вноситъ раздоръ въ семьи, тотъ раздоръ, котораго сила и значе-

нѣ понятны лишь тому, кто постигъ глубину словъ самаго Христа *не приидохъ на землю воорещи миръ, но мечъ*, что духовная и гражданская власть выбиваются изъ силъ, чтобы потушить поднимающійся пожаръ, способный принять обширные и опасные размѣры,—какое до всего этого суду дѣло? Онъ дѣйствуетъ въ своемъ строго-опредѣленномъ, точнѣе замкнутомъ, узкомъ кругѣ; онъ не руководитъ слѣдствіемъ, не направляетъ, не расширяетъ, не пополняетъ его, онъ имѣетъ дѣло съ тѣмъ матеріаломъ, какой данъ ему обвинительною властію, ему притомъ нужны формальныя доказательства, указанныя закономъ. Мы не касаемся личныхъ убѣжденій обвинителей и судей и ихъ симпатій, которыя тѣмъ не менѣе могли имѣть здѣсь мѣсто, давать извѣстную постановку дѣлу, руководить подборомъ или оцѣнкою доказательствъ. Какъ-бы впрочемъ ни было, судъ разсудилъ и рѣшилъ такъ о Волобанѣ, Лясоцкомъ и другихъ по предмету обвиненія ихъ въ распространеніи ереси: «ни одинъ изъ обвиняемыхъ не сознался въ распространеніи ереси, а большая часть изъ нихъ не сознались даже и въ томъ, чтобы усвоили себѣ какую-либо ересь, и такъ какъ и тѣ изъ нихъ, между которыми распространена будто ересь, не сознались, чтобы они обратились въ какую-либо ересь, то и самый фактъ распространенія ими ереси между другими является ничѣмъ неподтвердившимся, ибо при обнаруженіи того, чтобы кто-либо былъ обращенъ ими въ ересь, выставляемая противъ *Волобана, Лясоцкаго, Шовидкой и Богдашевской*, въ смыслѣ уликъ, собранія ихъ для чтенія св. писанія и письма Богдашевской къ Волобану, сами по себѣ ничего не доказываютъ еще въ этомъ отношеніи, влѣдствіе чего и не представляется достаточныхъ основаній къ обвиненію поименованныхъ лицъ въ распространеніи между другими ереси».

Отстранивъ такимъ образомъ обвиненіе названныхъ лицъ въ распространеніи штундистской ереси, не признавъ и самаго существованія ереси, кievская палата уголовного и гражданского суда, продолжая сужденіе по обвиненію тѣхъ-же и другихъ лицъ въ богохульствѣ и кощунствѣ, относительно главнаго вожака Волобана наткнулась на такіе факты, которыхъ никакими толкованіями отстранить было невозможно, но которыхъ значеніе можно было особыми объясненіями ослабить, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить и самое наказаніе. Волобанъ поносилъ священниковъ, хулилъ иконы, крестъ, таин-

ства, обряды: это подтверждалось «многими свидѣтельскими, присяжными и безприсяжными показаніями». Палата готова была признать Болобана изобличеннымъ въ порицаніи православной вѣры и церкви; но, разсуждала она, «съ одной стороны имѣются увазанія, что Болобанъ во время совершенія упомянутыхъ дѣйствій былъ въ *пьяномъ видѣ*, съ другой нельзя не прійти къ заключенію, что преступленіе это учинено имъ по *невѣжеству*... Какъ же быть?— Но это сейчасъ увидимъ.

Изъ остальныхъ 11-ти подсудимымъ лишь относительно *Цымбаловой* и *Музычки* найдены Палатой такія доказательства по обвиненію ихъ въ богохульствѣ и кощунствѣ, которыхъ ни отвергнуть, ни обойти было невозможно. Два присяжныхъ свидѣтельскія показанія удостовѣряли, что Цымбалова съ язвительною насмѣшкою отзывалась о чудотворныхъ иконахъ и приносимой ими людямъ помощи, и Палата признала ее изобличенною въ кощунствѣ, доказывающемъ явное неуваженіе къ правиламъ церкви православной. Относительно *Музычки* было одно лишь такое показаніе, и въ виду его Палата пришла къ заключенію, что *Музычка* навлекла на себя *подозрѣніе* въ томъ, что произнесла хулу на иконы Спасителя и Божіей Матери. По соображеніи всѣхъ приведенныхъ доказательствъ и подведеніи къ нимъ соотвѣтственныхъ статей свода законовъ, Палата, въ концѣ концовъ постановила: Болобана, Швыдкую, Ивана Ясоцкаго и Богдашевскую по обвиненію въ распространеніи ереси освободить; изобличеннаго въ порицаніи православной вѣры и церкви Болобана подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; Евгенію Цымбалову 19 лѣтъ, какъ несовершеннолѣтнюю, подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца, Агапію-же *Музычку* оставить въ подозрѣніи по обвиненію въ богохульствѣ и отдать на поруки. Остальные подсудимые были признаны совершенно свободными отъ суда.

Рѣшеніе Палаты состоялось въ самомъ концѣ 1872 г., именно 22 декабря. Судъ оказался не скорымъ, какъ и подобало старому суду; но чтобы онъ былъ не милостивымъ, этого никто сказать не могъ. Газеты привѣтствовали такое рѣшеніе полнымъ сочувствіемъ, громкими похвалами; но что вышло изъ него для дѣла и жизни, какъ отразилось оно по дальнѣйшей судьбѣ секты—это вопросъ другой. Палата и относительно признавшихъ ею на сей разъ винов-

ними наша много смягчающихъ обстоятельствъ, и между прочимъ невѣжество въ дѣлахъ вѣры. Замѣчательно, что и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ кіевского губернатора за 1872 годъ, извлеченіе изъ котораго по Высочайшему повелѣнію было сообщено кіевскому митрополиту, возникновеніе и распространеніе штунды между православнымъ крестьянскимъ населеніемъ кіевской губерніи поставлялось въ зависимость главнымъ образомъ отъ его невѣжества въ дѣлахъ вѣры. Но, что болѣе достойно вниманія, таже кіевская Палата, отнесшаяся такъ милостиво къ посадителямъ штунды въ тарашанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, не дала никакого снисхожденія православнымъ крестьянамъ с. Новой Гребли уманскаго уѣзда, которые, поревновавъ о вѣрѣ не по разуму, разорили хату своего односельца, совратившагося въ штунду и начавшаго проагандировать ее въ своемъ селѣ: обвиненные въ насилие, они сосланы въ Сибирь на поселеніе. Тутъ не было уже ничего приведено въ видѣ смягчающаго обстоятельства для тѣхъ, которые не могли стерпѣть безнаказаннаго кощунства надъ святыней, дорогой ихъ вѣрующему сердцу. Позже присяжные засѣдатели новгородскаго окружнаго суда оправдали крестьянъ, сжегшихъ, конечно, по невѣжеству, вмѣстѣ съ пшбой и женщину, заподозрѣнную ими въ колдовствѣ; кіевскіе коронные судьи не вопли въ душевное состояніе лицъ, которыя таже по невѣжеству не нашли другаго средства выжить изъ своей среды человѣка, потрясавшаго душевный миръ ихъ и посягавшаго на ихъ святыню.—Но пойдѣмъ далѣе.

Присужденное Болобану годичное тюремное заключеніе, въ срокъ котораго зачтено было и содержаніе его въ тюрьмѣ во время суда, ни мало не повліяло на него и не охладило его ревности въ распространеніи штунды. Явившись въ маѣ 1873 г. въ с. Чапливку, онъ снова сталъ воодушевлять сектантовъ и дѣлать сходки, по вновь взятъ въ тарашанскую тюрьму. Что могло ждаты его здѣсь, судить не беремъ; но вдругъ судьба перебрасываетъ его на мѣсто прежней его дѣятельности, въ херсонскую губернію и приводитъ его снова на скамью подсудимыхъ. 15 октября 1873 г. Болобанъ, по требованію судебнаго слѣдователя 2-го участка одесскаго уѣзда, былъ отправленъ къ нему изъ тарашанской тюрьмы и вскорѣ, вмѣстѣ съ прежними своими сообщниками, судился въ одесскомъ окружномъ судѣ за распространеніе штунды между православнымъ

населеніемъ херсонской губерніи; но, будучи и здѣсь оправданъ, поселился при своей семьѣ въ м. Игнатовкѣ одесскаго уѣзда, среди первыхъ своихъ послѣдователей, и съ того времени открыто не появлялся въ кіевской губерніи.

Между тѣмъ посѣянныя имъ въ Чаплинкѣ и сосѣднихъ селахъ сѣмена продолжали расти и увеличивать годъ за годомъ число послѣдователей штунды. Принимавшья епархіальнымъ начальствомъ мѣры не приводили къ желаемой цѣли и были лишь слабою преградой къ дальнѣйшему распространенію секты. Въ мартѣ 1873 года для ознакомленія съ ученіемъ сектантовъ на мѣстѣ и для воздѣйствія на нихъ командированъ былъ въ Чаплинку іеромонахъ Владиміръ Терлецкій, докторъ богословія и медицины, служившій цѣлгодъ миссіонеромъ въ латинской церкви. Въ лѣтніе мѣсяцы того-же года вызывались для увѣщаній въ кіевскую консисторію лица, болѣе выдающіяся по своему вліянію между обращенными: солдатъ Григорій Демчукъ, Василь Музыка—казначей обращенныхъ, Романъ Сливенко, Агаѳія Музычиха, Пелагія Ковалева, Тарасъ Волобанъ, Митрофанъ Ковтупъ, Макаръ Горовецко, Дарія Дзюменкова, Евгенія Диденкова, Анастасія Орлюкова, Аѳанасій Курка и нѣкоторые другіе. Постѣ сдѣланнаго имъ увѣщанія въ консисторіи, признано было полезнымъ размѣстить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ мужскіе кіевскіе монастыри и въ кіево-фроловскій женскій. Въ числѣ намѣченныхъ къ водворенію въ монастырѣ находился извѣстный уже намъ пропагандистъ новаго ученія Аѳанасій Курка; онъ былъ помѣщенъ въ кіево-братскій монастырь въ томъ предположеніи, что на исправленіе его убѣжденій повліяетъ и помѣщающаяся тамъ духовная академія. Входилъ-ли кто изъ академической корпораціи въ собесѣдованія съ нимъ, неизвѣстно; по два мѣсяца спустя настоятель монастыря, онъ-же и ректоръ академіи, въ отзывѣ своемъ въ консисторію призналъ дальнѣйшее пребываніе здѣсь Курки не только бесполезнымъ для него, но и вреднымъ для другихъ. Изъ числа всѣхъ удержанныхъ въ Кіевѣ для увѣщаній только Василь Музыка и его жена раскаялись повидимому въ своемъ заблужденіи, другіе показали притворное раскаяніе, а большая часть, особенно женщины, остались упорными. Оказалось потомъ, что бывшіе на увѣщаніи въ Кіевѣ сектанты, возвращаясь домой, становились болѣе дерзкими въ отношеніи къ своимъ властямъ и

мѣстному духовенству, а по пути не удерживались отъ внушенія своихъ убѣжденій лицамъ, встрѣчающимся съ ними на ночлегахъ и отдыхахъ; вслѣдствіе этого сархіальное начальство признало за лучшее дѣлать увѣщанія совращеннымъ на мѣстѣ ихъ жительства.

Умножаясь въ числѣ и становясь смѣлѣе, сектанты чаплинскіе стали вліять и на сосѣдніе съ Чаплинскою приходы звенигородскаго уѣзда, гдѣ имѣли родственный связи, и вотъ штунда появляется въ м. Виноградѣ, с. Вотиляевѣ и въ м. Бярыкѣ. Совращенные въ новую секту все болѣе отдѣляются отъ церкви и организуются въ строго замкнутую самостоятельную общину съ своею особою обрядностію и даже особыми лицами для исполненія оной, которыхъ усвоили названіе пресвитеровъ. Тогда какъ прежде совратившіеся въ штунду отказывались только приносить своихъ дѣтей къ крещенію, теперь они совершаютъ перекрещиваніе надъ взрослыми, погребаютъ своихъ умершихъ съ цѣвьемъ лишь употребительныхъ у нихъ псалмовъ, вступаютъ и въ бракъ безъ благословенія церкви, по своему обряду. Пресвитерами у нихъ явились Яковъ Коваль въ Чаплинскѣ, а въ Косяковкѣ Слалецко, Демчукъ и Полѣщукъ. Тайныя сношенія мѣстныхъ сектантовъ съ херсонскими вожаками Болобаномъ и Рябошайкой не прекращались; въ свою очередь эти послѣдніе тайно навѣдывались въ Чаплинку, а нѣкоторые изъ мѣстныхъ штундистовъ, какъ напримѣръ Григорій Демчукъ, отправлялись въ херсонскую губернію, откуда приносили и денежную помощь, получаемую отъ тамошнихъ баптистовъ. Оказалось наконецъ у нашихъ штундистовъ и письменное вѣроученіе, въ переводѣ съ нѣмецкаго, подъ названіемъ: «Правила новообращеннаго русскаго братства». Ихъ молитвенныя собранія, не въ тайнѣ, какъ прежде, устраиваемыя, ихъ смѣлыя и дерзостныя бесѣды съ оставшимися вѣрными православію, ихъ наконецъ своеобразныя требы, открыто совершаемыя, побудили гражданскую власть для превращенія вѣшняго оказательства ереси помѣстить полицейскаго чиновника въ самой Чаплинскѣ; но и онъ не могъ ничего почти сдѣлать. Посѣщеніе митрополитомъ Арсеніемъ Чаплинки и Косяковки въ іюлѣ 1874 года и не долгая его бесѣда со штундистами могла повліять только на укрѣпленіе вѣры въ тѣхъ, которые еще не совратились въ секту. Ходатайство о выселеніи хотя вожаковъ ереси въ отдаленныя губерніи по представленнымъ приговорамъ сельскихъ обществъ не имѣло успѣха у министра внутреннихъ дѣлъ. Г. ми-

нистръ отвѣтилъ чрезъ оберъ-прокурора св. синода, что, по его мнѣнію, противодѣйствию распространенію ереси можетъ служить «единственно неуслышное пастырское попеченіе духовныхъ лицъ о вѣрнопой имъ цаствѣ, забота о просвѣщеніи оной словомъ евангельской истины и всегдашняя готовность разъяснять возникающія религиозныя заблужденія и недоразумѣнія». Въ 1875 году на новое ходатайство объ удаленіи хотя главныхъ жожаковъ-пропагандистовъ ереси, министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ оберъ-прокурору св. синода, что едва-ли высылка можетъ привести къ благопріятнымъ результатамъ, а скорѣе послужитъ поводомъ къ распространенію заблужденій въ мѣстностяхъ еще не зараженныхъ, какъ случилось съ Болобаномъ, высланнымъ изъ херсонской въ кіевскую губернію.

Мѣстныя духовныя и гражданскія власти терялись въ изысканіи средствъ для того, чтобы какъ нибудь остановить дальнѣйшее распространеніе ереси. Мѣстная власть употребила было такую мѣру: воспретивъ штундистамъ сходки и публичныя оказательства ереси, виновныхъ въ томъ или другомъ она отсылала къ мировому судѣ, какъ ослушниковъ полицейскихъ распоряженій. На призванныхъ виновными мировою судья налагалъ денежные штрафы, и мѣра эта дѣйствительно сдерживала отчасти развитіе ереси, но конечно не могла вразумить и переубѣдить заблуждающихся. Кіевская духовная консисторія въ тѣхъ-же видахъ сдѣлала попытку тѣхъ изъ сектантовъ, которые носили званіе пресвитеровъ, привлечь къ суду по 289 и 290 статьямъ уложенія о наказаніяхъ за самовольное присвоеніе ими названій и должностей, предоставляемыхъ закономъ только лицамъ, опредѣляемымъ духовною властію и особо на это посвящаемымъ. Поводомъ къ этому послужило повѣнчаніе извѣстнымъ уже намъ Мовомъ Ковалемъ штундиста Кирилленка съ штундисткою Михаленковою. По кіевскій губернскій прокуроръ нашелъ, что «лежпресвитеръ могъ-бы подлежать судебному преслѣдованію по означенной статьѣ только въ томъ случаѣ, если-бы оный, выдавъ себя за пресвитера православной церкви или иного, признавнаго нами правительствомъ, исповѣданія, пресвитеры коего утверждаютъ въ семъ званіи установленную властію, совершили-бы бракосочетаніе по правиламъ этого исповѣданія, въ настоящемъ-же случаѣ бракосочетаніе совершено не по правиламъ православной церкви и не по правиламъ одного изъ

признанныхъ закономъ христіанскихъ или нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, совершившій бракосочетаніе Кириленка и Михаленковой Коваль не выдавалъ себя за пресвитера православной церкви или иного признаннаго закономъ вѣроисповѣданія и совершеніе Ковалемъ бракосочетанія не составляетъ самостоятельнаго преступленія, а есть лишь фактъ, указывающій на принадлежность Ковали, Кириленка и Михаленковой къ штундистской ереси». Такимъ образомъ еще разъ духовная власть обманулась въ своихъ надеждахъ на содѣйствіе суда въ борьбѣ съ возникавшею сектою. Приходилось ей возвратиться къ словамъ министерскаго отвѣта, что единственнымъ свойственнымъ ей оружіемъ въ семь дѣлъ можетъ быть «только неуспѣшное пастырское попеченіе духовныхъ лицъ о вѣрнопой имъ паствѣ, забота о просвѣщеніи паствы словомъ евангельской истины и всегдѣшная готовность разъяснять возникающія религіозныя заблужденія и недоразумѣнія».

Прекрасныя, возвышенныя слова! Правъ былъ министерскій чиновникъ, изъ-подъ пера котораго такъ плавно вылились они. Правъ былъ кіевскій прокуроръ, съ такою тонокостію отлщавшій законное пресвитерство всѣхъ признанныхъ исповѣданій съ его функціями отъ пресвитерства самозваннаго, никѣмъ не признаннаго. Правъ былъ даже и тотъ товарищъ прокурора, который разъяснялъ арестованнымъ въ г. Таращѣ первымъ послѣдователямъ Болобапа, что за принадлежность къ сектѣ никто по закону не принадлежитъ отвѣтственности, а только за пропаганду ереси. Но какая глубокая пропасть лежитъ между этими сужденіями и взглядами, позади которыхъ стоитъ возвышенный идеаль свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, и дѣйствительною лашею жизнью, всѣмъ сея строемъ общественнымъ и политическимъ, между умственнымъ, правственнымъ и общественнымъ состояніемъ нашихъ учителей вѣры и тѣмъ-же до безкопечности разнообразнымъ состояніемъ поучаемаго народа! Надо различать однако между свободою совѣсти и индиферентизмомъ въ дѣлахъ вѣры, между идеалами и согласованіемъ ихъ съ дѣйствительнымъ строемъ жизни и примѣненіемъ ихъ къ данному времени и данной мѣстности. Мы готовы стать на какую угодно высоту, начертить такіе возвышенныя идеалы, до которыхъ не достигнуть и американскому баптисту, но примѣнить ихъ къ жизни—это не лаше дѣло. У насъ все власти и гласи и каждая

власть имѣть свою строго ограниченную сферу дѣйствія, и блюдетъ извѣстную серію закона. Гражданская власть мнитъ себя на высотѣ своего призванія, когда никакое исповѣданіе, признающее законъ, не нарушаетъ общественнаго внѣшняго порядка и тишины, судебная—когда во взаимныхъ сопряженіяхъ признанныхъ и даже не признанныхъ еще исповѣданій нѣтъ нарушенія писемнаго закона, нарушеній въ определенной формѣ и извѣстнымъ образомъ доказанныхъ, духовная... но ея высшее призваніе въ томъ, какъ видѣли мы выше, если она просвѣщаетъ словомъ евангельской истины. А жизнь течетъ предъ ними, шѣпая и шумя, течетъ своимъ широкимъ русломъ « тайными новыми извилинами и углубленіями, и лишь когда она прорвется наружу и подѣляетъ серьезные обрывы, провалы и опустошенія,—мы начинаемъ, если дойдемъ до сослашенія властей, дѣлать искусственныя запруды, чтобы ввести жизнь въ ея нормальное теченіе и загладить, на сколько можно, слѣды причиненныхъ ею опустошеній...

Не таково-ли было положеніе палки въ виду распространенія у насъ штунды?—Первое появленіе ея у насъ почти не было замѣчено: прусскіе нѣмцы свободно насаждали ее у насъ, какъ-бы картофель или сѣмена горчицы. То вѣдать былъ долженъ особый далекий отдѣлъ власти. Мы спохватились, когда посѣянная штунда сдѣлала значительные успѣхи въ рядахъ православнаго населенія, а пока мы переписывались, не сибша, по всѣмъ правиламъ канцеляризма и съ неизбежнымъ пререканіемъ властей, штунда пробралась въ большіе центры юга—Одессу, Николаевъ и даже въ Крымъ, проникла въ Курляндію, мелькнула въ Польшѣ, пропла по Волынѣ, свила то тамъ, то здѣсь прочныя гнѣзда и почти официально пересажена съ юга на юго-западъ Россіи, въ губернію кіевскую. Тутъ всѣ власти, новидному, бодрствовали и что-то дѣлали, но каждая отдѣльно, въ кругѣ своихъ обязанностей, по своимъ традиціоннымъ возрѣніямъ, зачастую, какъ мы видѣли, съ признаками несомнѣннаго либерализма и самыхъ высокихъ принциповъ, а штунда корсизлась и ширилась на глазахъ всѣхъ дѣйствовавшихъ властей.

Число сектантовъ увеличивалось въ такой постепенности по годамъ: въ 1875 г. ихъ было 561, въ 1876 г. 706, въ 1877 г. 946, въ 1878 г. 1100, въ 1879 г. 1196, въ 1880 г. 1380, въ 1881 г. 1294 душъ обоюго пола съ дѣтьми. Возвратилось въ православіе

въ 1877 г. 18, въ 1878 г. 51, въ 1879 г. 109, въ 1880 г. 58 и въ 1881 г. 36. До 1875 г. ересь ограничивалась 7-ю приходами таращанскаго уѣзда: Чаплинкой, Косяковкой, Плосскимъ, Веселымъ Бутомъ, Попружной, Малой Березянкой и Жидовской Греблей. Въ 1876 г. она появляется въ с. Вотилевкѣ, Виноградѣ и Болркѣ звенигородскаго уѣзда; въ 1878 г. въ с. Шубиныхъ Ставахъ, Моринцахъ, Каменномъ Бродѣ, Рѣпкахъ и Яблунковѣ того-же уѣзда; въ 1879 г. въ с. Тиновкѣ, Розумницѣ и Крутыхъ Горбахъ таращанскаго уѣзда и въ с. Чижевкѣ и Красногородкѣ звенигородскаго уѣзда; въ 1880 году проникаетъ въ сквирскій и чигиринскій уѣзды, наконецъ въ 1883 г. появляется и въ предмѣстьѣ г. Кіеса Дыміевкѣ. Положеніе секты за 1883 и 1884 годы относительно числа ея послѣдователей и мѣстностей, въ которыхъ они находятся, представляемъ въ слѣдующей таблицѣ:

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты. Число сектан- Число сектан-
товъ въ 1883г. товъ въ 1884г.

I. Кіевъ.

1. Предмѣстье Дыміевка	—	15
Саперная слободка звѣринецкаго прихода	—	26
Кіево-лыбедской владимірскаго прихода	—	60
Итого	—	106

II. Васильковскій уѣздъ.

4. С. Яблуновка	9	—
С. Пруссы	39	—
Итого	48	—

III. Звенигородскій уѣздъ.

6. С. Рижановка	7	8
С. Кобеляки	18	13
С. Вотылевка	39	88
С. Чижевка	8	9
С. Шубины Ставы	20	11
С. Яблуновка	26	28
С. Каменный Бродъ	175	178
С. Рѣпки	81	70
М. Болрка съ д. Порадовкой и Долгой Греблей	49	72
С. Моринцы	34	13
Итого	508	561

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты. Число сектантовъ въ 1883г. Число сектантовъ въ 1884г.

IV. Сквирскій уездъ.

17. С. Скибинцы	38	Свѣд. нѣтъ
С. Капустинцы .	16	—
С. Дѣдовщина .	—	6
С. Лучинъ	19	12
С. Турбовка	—	6
Д. Кошланы, при м. Романовки .	12	—
Д. Ерчики жидовецкаго прихода	3	—
Итого	88	24

V. Уманскій уездъ.

24. С. Русановка	4	—
С. Новая Гребля	4	—
Итого	8	—

VI. Таращанскій уездъ.

25. Г. Тараща .	16	23
С. Бирданы	99	91
Д. Волкунъ, принадл. къ церкви с. Степка	38	—
С. Ставишевка .	19	15
С. Рожки	18	22
С. Брилевка	17	16
С. Лѣсовичи.	15	36
С. Веселый Куть	54	32
С. Косяковка съ д. Шушковой и Антоповкой	242	226
С. Чаплинка съ д. Поповкою	268	221
С. Жидовская Гребля	42	60
С. Попружная .	86	97
С. Изосская	58	59
С. Малая Березявка и д. Малая Волчанка	80	97
С. Крутые Горбы .	48	81
С. Шивка .	50	55
С. Розумица .	35	24
С. Антоповка	5	—
С. Скибинъ	—	13
Итого	1190	1163

Мѣстности, въ которыхъ находятся сектанты. Число сектантовъ въ 1883г. Число сектантовъ въ 1883г.

VII. Чигиринскій уѣздъ.

45. С. Мордва .	—	2
С. Топиловка	104	155
Всего .	1946	2006

Для противодѣйствія распространенію балтической ереси, или такъ называемой штунды, кіевское епархіальное начальство, кромѣ увѣщаній, какія дѣлались совратившимся чрезъ приходскихъ священниковъ и особо командированныхъ лицъ, принимало еще въкоторыя общія мѣры. Такъ, на первыхъ порахъ развитія ереси въ с. Чаплинкѣ, кіевская консисторія, давъ знать по епархіи о появленіи новой противоправославной секты, въ мартѣ 1873 г. предписала всѣмъ священникамъ тщательно слѣдить за отношеніемъ прихожанъ къ ученію православной церкви, богослуженію и таинствамъ, и употребить все стараніе для удовлетворенія тѣмъ потребностямъ духовнымъ, которыя людей простодушныхъ, подстрекаемыхъ лжеучителями, влекутъ къ новопоявившейся сектѣ. Съ этой цѣлью требовалось отъ священниковъ, чтобы они объясняли своимъ прихожанамъ св. писаніе въ поученіяхъ, учили истинамъ вѣры и нравственности, въ особенности-же старались разъяснять ученіе о призваніи святыхъ, почитаніи св. иконъ, о постахъ, о необходимости таинствъ и богослуженія, предотвращали отъ разврата, пьянства, сквернословія и тому подобныхъ пороковъ; сверхъ того священникамъ предлагалось въ помѣщеніяхъ церковно-приходскихъ школъ, въ извѣстные дни, въ неучебные часы, открыть чтенія для возрастныхъ прихожанъ въ житій святыхъ и другихъ назидательныхъ книгъ. Въ ноябрѣ того-же года консисторія выслала въ с. Чаплинку, Косяковку, Плоское и Тарацу нѣсколько экземпляровъ книгъ: «Камень вѣры», «Постановленій апостольскихъ» и «Полемическаго богословія» — архимандрита Иннокентія. Въпослѣдствіи эти-же приходы и другіе, куда проникла ересь, снабжены «Толковымъ Евангеліемъ» архимандрита Михаила, бесѣдами о штундѣ и молоканской сектѣ, посланіями апостольскими въ русскомъ переводѣ и разными брошюрами, заключающими въ себѣ отдѣльныя житія святыхъ. Въ слѣдующемъ 1874 г. консисторія проектировала образовать въ с.с. Чаплинкѣ,

Косыковкѣ и Плоськомѣ бібліотеки книгъ, касающихся тѣхъ предметовъ христіанской вѣры, которые отвергаются сектантами, приобретаемая таковыя книги на счетъ суммъ св. владимірскаго братства и кіевскаго отдѣла миссіонерскаго общества. Подтвердивъ вновь объ открытіи послѣобѣденныхъ воскресныхъ чтеній для народа въ церковно-приходскихъ школахъ, консисторія тогда-же предложила настоятелямъ церквей, чтобы эти чтенія происходили въ опредѣленные часы и чтобы о началѣ ихъ даваемо было знать прихожанамъ посредствомъ трехкратнаго удара въ церковный колоколъ; а чтобы священники могли дѣйствовать съобща и съ большимъ успѣхомъ въ борьбѣ со штундою, для этого вмѣнялось имъ въ обязанность одинъ разъ въ мѣсяцъ собираться у благочиннаго для совѣщанія о мѣрахъ противъ распространенія ереси, обмѣниваться при этомъ своими наблюденіями и помогать другъ другу совѣтами. Въ 1875 г. предписано было открыть въ Чаплинкѣ и Косыковкѣ церковно-приходскія попечительства, съ тѣмъ, чтобы члены его не менѣе одного раза въ недѣлю собирались у приходскаго священника для совѣщаній объ охраненіи оставшихся вѣрными православію отъ вреднаго вліянія ереси и для припятія мѣръ къ возвращенію заблудшихъ; но благочинный донесъ, что открытіе церковныхъ попечительствъ соединено съ большими затрудненіями и почти невозможно при шаткости убѣжденій и тѣхъ, которые еще сохраняютъ въ себѣ привязанность къ православной церкви. Въ августѣ 1882 г. священникамъ кіевской епархіи разослано было наставленіе о мѣрахъ для противодѣйствія штундѣ, составленное архіепископомъ могилевскимъ Евсеіемъ для духовенства могилевской епархіи и сообщенное г. обер-прокуроромъ святѣйшаго синода преосвященному митрополиту кіевскому, хотя слѣдуетъ замѣтить, что мѣры эти и раньше сего были практикованы по кіевской епархіи. Наконецъ, въ виду повторяющихся случаевъ соращенія въ новую ересь, кіевской консисторіей въ августѣ 1883 года разосланы чрезъ благочинныхъ циркуляръ, въ которомъ сведены, обобщены и точнѣе опредѣлены тѣ мѣры, которыя разновременно прежде рекомендованы были приходскому духовенству для борьбы со штундою, а въ частности опредѣленъ порядокъ и характеръ увѣщаній и обличеній сошротившихся. Конечно, дѣло не въ однихъ мѣрахъ, какъ-бы онѣ цѣлесообразны и практичны не были, а въ ихъ примѣненіи, частію въ способности

ихъ исполнителей, въ ихъ энергіи, одушевленіи, въ ихъ нравственномъ авторитетѣ, простотѣ, огнѣ и силѣ слова. Мы далеки отъ мысли, что всѣ предложенныя мѣры въ каждомъ приходѣ выполнялись всегда съ точностію и съ должнымъ усердіемъ, но во всякомъ случаѣ онѣ сдерживали развитіе секты въ теченіи 15 лѣтъ со времени ея появленія въ предѣлахъ кіевской губерніи. Если въ сектѣ числится теперь не болѣе 2,000 душъ обоего пола съ малолѣтними дѣтьми, то уже по этому одному нельзя сказать, чтобы развитіе ея шло у насъ свободно, безъ препятствій.

Но то и составляетъ особенность всякаго новаго ученія, что совершенно остановить его безсильны бываютъ самыя энергическія и рѣшительныя мѣры. Это свидѣлствуютъ опыты всѣхъ вѣковъ и всѣхъ религій. Сила новаго религіознаго ученія—въ обольстительности того представленія, что это есть истинная вѣра, и той страстности и горячности чувства, съ которою оно воспринимается всякимъ новымъ послѣдователемъ. Мѣры преслѣдованія только углубляютъ и распалаютъ этотъ впутренній огонь и сторонники новой идеи, какъ-бы она ни была несостоятельна, готовы бывають перенести какія угодно испытанія, претерпѣть самую смерть за вѣру, которую считаютъ единою истинною. А мы противопоставляемъ имъ спокойное разсужденіе, тотъ сухой, нерѣдко холодный анализъ, какой свойственъ доктринамъ установившимся. сражаемся оружіемъ неравнымъ, безъ одушевленія, свойственнаго христіанамъ первыхъ вѣковъ, стоя далеко не на высотѣ апостольства.

Но помимо этого было много другихъ, нерѣдко случайныхъ причинъ, благопріятствовавшихъ распространенію у насъ штунды, не смотря на всѣ противопоставляемыя ей преграды. Убѣжденные въ правотѣ своего ученія, наши штундисты пользовались для цѣлей пропаганды всякою паллею оплошностию, всякимъ снисхожденіемъ власти, всякимъ сочувственнымъ, неосторожнымъ или съ заднею мыслию пущеннымъ либеральнымъ словомъ. Не даромъ Болобанъ и его послѣдователи, возвращаясь изъ Кіева послѣ увѣщаній и суда, увѣряли всѣхъ и каждого при всякомъ подходящемъ случаѣ, будто ихъ ученію сочувствуютъ «кіевскіе паны».

Большое удобство для ихъ проповѣди представляло распространеніе, съ пными конечно цѣлями, въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, но крайне дешевой цѣнѣ, въ маленькомъ форматѣ

Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Съ карманнымъ евангеліемъ въ рукахъ они проповѣдывали всегда и вездѣ—на работѣ, въ полѣ, въ кузницѣ, на мельницѣ, въ семейныхъ собраніяхъ, извращая смыслъ отдѣльно взятыхъ текстовъ и отвергая всякое св. преданіе. Насколько распространеніе Новаго Завѣта и евангелія въ переводѣ на русскій языкъ по дешевой цѣнѣ послужило уясненію христіанскаго вѣроченія въ массѣ народа, это еще неизвѣстно; а что въ рукахъ нѣмецкихъ миссіонеровъ и малорусскихъ сектантовъ оно сдѣлалось орудіемъ протестантской пропаганды для совращенія изъ православія въ баптизмъ, то не подлежитъ сомнѣнію.

Ничѣмъ почти не сдерживаемые въ своей проповѣди, за которою и услѣдить не представлялось подъ часъ никакой возможности, наши сектанты сильны были тѣмъ единодушіемъ, какого нерѣдко не доставало въ средѣ православныхъ, особливо-же власть имущихъ. Пропагаторы штунды въ таранчанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи сносились съ проповѣдниками того-же ученія въ херсонской губерніи и даже нѣмецкими миссіонерами, на подмогу которымъ не замедляли прійти и наши пашковцы. Волобачъ, какъ уже извѣстно намъ, не разъ уходилъ въ херсонщину къ своему тамоплену сообщнику Ратушному и каждый разъ возвращался оттуда болѣе нафанатизированный и съ большею смѣлостію принимался за распространеніе штунды на своей родинѣ. Съ Ратушнымъ переписывались Созонтъ Капустяный и Никита Исаевъ Воронинъ, а также другія лица изъ крестьянъ Чаплинки и Косяковки. Въ 1873 г. въ Чаплинку пріѣзжалъ самъ Ратушный, давалъ деньги, воодушевлялъ и обѣщаль помощь. Въ 1876 году задержаны полиціей въ с. Топорицахъ житомирскаго уѣзда, волынской губерніи, жители с. Плосскаго таранчанскаго уѣзда, кіевской губерніи, Павелъ Цыбульскій и Исидоръ Красовскій и с. Веселаго Кута Симеонъ Величукъ. При допросѣ они показали, что прибыли туда якобы для знакомства съ нѣмцами и займа денегъ, а по справкѣ оказалось, что они были изъ числа уличенныхъ въ порицаніи православной вѣры и обрядовъ. Годомъ раньше, именно въ 1875 году посѣщаль с. Чаплинку и Косяковку графъ Корфъ, сообщивъ Пашкову. Отъ самаго Пашкова чаплинскій пресвитеръ Яковъ Коваль часто получалъ письма и деньги, а въ 1879 г. получилъ отъ него одновременно 200 р.

Содѣйствіе пашковцевъ распространенію и укрѣпленію штунды среди православнаго населенія кіевской губерніи проявилось нако-

нець еще въ особой формѣ, которой подозрѣвать было невозможно. Извѣстна исторія учрежденія въ Петербургѣ общества распространенія св. писанія и книгъ для религіозно-правственнаго чтенія. Общество состояло подъ Высочайшимъ покровительствомъ; ему сыпались со всѣхъ сторонъ похвалы и пожеланія, о его дѣйствіяхъ печатались отчеты и сообщенія. Пашковцы сумѣли воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Его агенты, подъ названіемъ книгоношъ, не замедлили появиться и въ кіевской губерніи, преимущественно тамъ, гдѣ посѣяна была штунда. Поселяясь здѣсь, они не только бесплатно раздавали книги Новаго Завѣта въ русскомъ переводѣ, но принимали на себя обязанность благовѣстниковъ новаго пути ко спасенію, являлись какъ-бы новыми апостолами. По донесенію учителя церковно-приходской школы с. Плюскаго, окончившаго курсъ семинаріи, Василя Стрижевскаго, въ февралѣ 1876 г. туда являлся въ качествѣ книгоноши рядовой Василій Васильевъ. Поселившись въ домѣ одного изъ начальныхъ сектантовъ—Богдашевскаго, этотъ не призванный проповѣдникъ собиралъ къ себѣ послѣдователей штунды для молитвы и духовныхъ бесѣдъ, руководилъ собиравшимися, читалъ имъ евангеліе, толковалъ его, пѣлъ съ ними духовныя пѣсни, раздавалъ брошюры, внушалъ, что ходить въ церковь не за чѣмъ, что тамъ люди только больше грѣшатъ, присматриваясь, кто во что одѣтъ и т. п. Видно, проповѣдь его была сильна, такъ какъ, по донесенію того-же учителя, въ извѣстные моменты участники собранія, вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ, повергались на землю и плакали. И не мудрено: предъ бѣдными, простыми жителями глухой деревни, склонившимися уже на сторону новаго ученія, но принужденными таиться съ нимъ и терпѣть разныя стѣсненія, появлялся не просто убѣжденный человекъ, но человекъ бывалый, прошедшій тысячи верстъ и забредшій сюда изъ столицы, съ патентомъ отъ общества, состоявшаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ.

Въ высшей степени любопытна эта связь нашихъ штундистовъ съ сектою пашковцевъ, возникшею на огромномъ отъ нихъ разстояніи, въ иной совершенно средѣ, при иныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Но чтобы понять и эту связь, и силу и опасность закрапшагося къ намъ новаго ученія, доселѣ извѣстнаго подъ именемъ штунды, надо заглянуть туда, откуда оно вышло, прослѣдить его развитіе тамъ и причины, обусловившія его возникновеніе, обо-

зрѣть современное положеніе этой секты и ея видоизмѣненія на Западѣ Европы и въ Новомъ Свѣтѣ и наконецъ уяснить ея историческое начало, а также ея мѣсто въ ряду другихъ сектъ и учений, волновавшихъ не одну Европу, но и отдаленный древній Востокъ. Только тогда мы можемъ понять сущность и характеръ отразившагося и у насъ религіознаго движенія, установить для него точное названіе и звать навсегда, съ чѣмъ имѣемъ мы дѣло. Сдѣлать это мы считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ въ виду не перестающаго практиковаться у насъ простаго, домашняго такъ сказать способа рѣшенія вопроса о происхожденіи нашей штунды, формулируемаго приблизительно такъ: «народъ-де нашъ подвинулся въ своемъ развитіи, назрѣли новыя духовныя потребности, а наше отсталое духовенство не могло удовлетворить имъ»... Но это должно составить предметъ особаго очерка, который мы не замедлимъ представить.

П. Л—въ.

ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА.

Ziarko do ziarka —
To zbierzesię miarka.
(Зерно къ зерну
И соберется и́бка).

Польск. пословица.

Нѣсколько писемъ Т. Г. Шевченка къ М. А. Максимовичу, помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за нынѣшній годъ, съ симпатичными поясненіями къ нимъ неизвѣстнаго автора, дополнили и уяснили кое-что изъ скорбной жизни поэта. Его письма, поэтическія его произведенія, работы граверныя далеко не всѣ приведены въ извѣстность; многія изъ нихъ разошлись по рукамъ при жизни и особливо по смерти его и гдохнуть въ безызвѣстности, забытыя не рѣдко самими владѣльцами ихъ. Долгъ каждаго изъ насъ собирать и приводить въ извѣстность все, что можетъ относиться къ характеристикѣ и жизни поэта, какъ-бы не были незначительны тѣ данныя, которыми кто-либо располагаетъ, ибо, только собирая по крохамъ, мы можемъ съ теченіемъ времени приготовить достаточный матеріалъ для полной біографіи и надлежащей оцѣнки Т. Г. Шевченка.

Тѣ немногія и, можетъ быть, очень незначительныя данныя, которыя я намѣренъ предложить здѣсь въ видѣ матеріала для біографіи Т. Г. Шевченка, стали извѣстны мнѣ совершенно случайно и приводятъ меня къ мысли, что такимъ-же путемъ, тѣмъ болѣе при доброй волѣ, можетъ быть найдено еще многое и гораздо болѣе важное для уясненія свѣтлаго образа славнаго нашего поэта. Вотъ что я могу предложить почитателямъ его.

Въ фундаментальной библиотекѣ лубенской мужеской гимназіи есть «Кобзарь» Шевченка, изданіе Семирненка 1860 г., печат. въ типографіи Кулиша. Въ этомъ экземплярѣ, въ трехъ мѣстахъ извѣстной поэмы «Катерина» нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя строки наклеены; если-жъ приподнять наклейки, то подъ ними видны точки. Ясно, что изданіе вышло съ точками или пропусками въ тѣхъ мѣстахъ, а наклейки сдѣланы послѣ. Когда, вѣдь и по какому случаю? Но прежде ознакомимся съ этими таинственными строками. Всѣхъ ихъ счетомъ 28 и содержаніе ихъ не представляетъ ровно ничего особеннаго, запретнаго.

Вотъ эти строки:

Въ главѣ 3-й, за словами: «А серденько одпочине, поки слезы льются», слѣдуетъ.

*Отъ-такѣ то лихо, бачите, дивчата,
Жартуючи кинувъ Катрусю москаль.
Недоля не бачить, съ кимъ їй жартувати,
А люде хочъ бачать, та людямъ не жаль:
«Нехай», кажуть, «чине ледача дитина,
Коли не згуміла себе шанувати».
Шануйтєся жъ, любви, въ недобру юдину
Щобъ не довелоя москаля шукати.*

Поводомъ къ недоразумѣнію и цензурному запрещенію приведенныхъ строкъ послужило, кажется, слово: *москаль*. Но въ смыслѣ великорусской національности это слово никогда не употреблялось и осталось съ этимъ значеніемъ лишь въ польскомъ языкѣ. Въ малорусскомъ говорѣ оно употреблялось и употребляется какъ однозначущее слову: *солдатъ* и въ этомъ смыслѣ употреблено и поэтотъ. Тѣмъ не мевѣ изъ-за него, по очевидному недоразумѣнію, выпущено цѣлыхъ 8 строкъ. Даже въ пражскомъ изданіи «Кобзаря», гдѣ приведены первыя двѣ изъ этихъ строкъ, стоятъ: «*кинувъ Катрусю свою*», а не *москаль*, какъ въ наклейкѣ.

Въ главѣ 3-й, послѣ словъ: «що меня робити?» читаемъ въ наклейкахъ слѣдующіе заключительные стихи:

*«Сирота собака має свою долю,
Має добре слово оз свити сирота;
Ею бьють и лають, закують оз неволю,
Та шизто про матиръ на смихъ не спита.*

*А Ивася спитають, заранне спитають,
 Не дадутъ до мовы дитини дожити.
 На кого собаки на улицѣ лають?
 Хто голый, голодный нидъ тыномъ сидить?
 Хто лобуря водить? Чорняви байстрята...
 Одна ёю доля—чорни бровинята,
 Та й тихъ люде заздри не дають носити».*

Трудно и теперь понять, что могло быть поводомъ къ пропуску въ печати этихъ вполне певинныхъ строкъ.

Наконецъ 4-я глава начинается одиннадцатю слѣдующими прелестными стихами:

*«По нидъ горою, яромъ, доломъ,
 Мовъ ти диды високочили,
 Дубы зъ гетьманщины стоять;
 У яру яребля, вербы въ рядъ,
 Ставокъ нидъ кригою оз невомъ,
 И ополонка—воду братъ...
 Мовъ покотело червоніе,
 Кризь хмару—солнце занялось,
 Надувся витеръ; якъ повіе—
 Нема ничего, скризь биліе...
 Та тільки лисомъ загуло».*

Высоко-поэтическая картина природы и больше ничего.

Меня до крайности заинтересовало происхожденіе паклеекъ, текстъ которыхъ приведенъ. Экземпляръ «Кобзаря», въ которомъ онѣ находятся, подаренъ гимназій землевладѣльцемъ лубенскаго уѣзда О. И. Дейкуномъ-Мочаненко: къ нему я и обратился за разъясненіемъ. Даритель рассказалъ мнѣ объ нихъ слѣдующее.

Бывши въ 1860 г. въ Петербургъ, я зашелъ въ типографію Кулиша; черезъ нѣкоторое время быстро вошелъ туда Шевченко и горюливо спрашивалъ:

— А что, готово? готово?

— Готово, отвѣчали ему, и подали нѣсколько листовъ съ напечатанными стихами.

На вопросъ мой: что это такое? покойный Каменецкій, завѣдывавшій тогда типографіей Кулиша, объяснилъ, что это не пропущенныя цензурою мѣста изъ «Катерины», для наклейки въ

экземплярахъ, предназначенныхъ для поднесенія нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, между прочими, бывшему тогда министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому. Я выпросилъ и для себя такой листокъ и наклеилъ его въ своемъ экземплярѣ.

Вотъ этотъ самый экземпляръ и хранится въ настоящее время въ библіотекѣ лубенской гимназіи.

У 1-на же Дейкуна нашлась давняя тетрадка съ малорусскими стихами. Въ ней рядомъ съ «Хустиною» Шевченка, напечатанною лишь недавно въ кievскомъ альманахѣ «Лупа»; нашелъ я другое, также неизвѣстное еще стихотвореніе Шевченка. Вотъ его заглавіе и самый текстъ.

ДО СЕСТРЫ.

*Не питай ты моихъ писень,
Сестро моя мила!
Щуръ имъ: вони сумни, смутни,
Мовъ тая могила.*

* * *

*Нащо слухать, якъ на хрести
Луначъ завывае,
Коли въ саду соловейко
Весело сливае.*

* * *

*Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари:
Твое сонце свитить ясно,
Мое жъ давно въ хмари.*

* * *

*Нехай твои квіти квітять
На твоій дорози,
Нехай твою минутъ весну
Витри ти морозы.*

* * *

*Нехай доля, що змалечку
Мене не любила,
Тебе щиро привитае,
Сестро моя мила!...*

И сказалъ уже, что прелестное это стихотвореніе въ тетрадьѣ Ѳ. И. Дейкуна стоять рядомъ съ «Хустиною». Дѣлаю это для опредѣленія времени, когда написана «Хустина». Оба стихотворенія сохранились въ однихъ и тѣхъ-же рукахъ, въ рукописи слѣдуютъ одно за другимъ и участь обоихъ одинакова—забыты они и авторомъ, и хранителемъ, не разысканы и издателями; да и настроеніе поэта въ обоихъ глубоко-грустное, хотя спокойное:—поэтъ, какъ-бы упоенный прелестью самой этой грусти, ищетъ и находитъ и сердечно улыбается этому горькому успокоенію; наконецъ и игривая легкость стиха одинакова въ обоихъ; отсюда можно заключить, что и писаны они одновременно, въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, навѣяныя одними и тѣми-же обстоятельствами. Даже одни и тѣже предметы сравненія при писаніи обоихъ носились въ воображеніи автора.

Въ «Хустицѣ»·

Ой заплакавъ сивый пугачъ

Въ степу на могилы.

Въ стихотвореніи «До сестры»:

На що слухать, якъ на хрести

Пугачъ завывае.

Еще одно обстоятельство: стихотвореніе «До сестры», а также и «Хустина» списаны г. Дейкуномъ въ 1855—1856 г. изъ рукописи В. В. Т—скаго, въ которой они находились вмѣстѣ съ другими произведеніями Шевченка и тоже ему приписывались, но почему-то въ собраніе его сочиненій не вошли. Подъ обоими датами нѣтъ; но когда они были списываемы г. Дейкуномъ, поэтъ давно уже надъ Араломъ *мичигозъ въ неволѣ дни и ночи, и ликъ забувае*; значить, позже 1-й половины 1847 года, т. е. времени ареста и ссылки Шевченка, написанными они быть не могли. А гдѣ предъ тѣмъ былъ поэтъ и что особеннаго, выдающагося случилось въ его жизни?—Сообразивъ это, можно съ большою вѣроятностію опредѣлить, къ кому относилось стихотвореніе «До сестры», а за тѣмъ и время, раньше котораго оно не могло быть написано, и даже довольно точно опредѣлить его дату. Если эти соображенія покажутся достаточно убѣдительными, тогда менѣе всего можно рисковать ошибаться, относя къ тому-же времени и «Хустину».

Какія у Шевченка были сестры?—Двѣ родныя: Катря, о которой онъ рѣдко вспоминалъ, и Ярина, которую величалъ «многострадальною и святою»... но была у него и названная сестра—княжна Рѣвнина. Не къ родной, конечно, сестрѣ относятся слова:

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари.

Сестрѣ Иринѣ посвящено совсѣмъ другое стихотвореніе, въ которомъ братъ лучшемъ надежды ободряетъ ее въ тяжкомъ прохожденіи *колочей ницы*:

Молися, сестро! Будемъ живи,
То Богъ поможетъ перейти.

Если мы при этомъ вспомнимъ все, что намъ извѣстно о жизни юнаго (29 л.) художника—поэта, уже пользовавшагося извѣстностію, въ 1843 г. въ Яготинѣ, то у насъ не только мало останется сомнѣнія, что стихотвореніе «До сестры» писано княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Рѣвниной, но, сверхъ того, оно броситъ яркій лучъ свѣта на тѣ ихъ взаимныя, для нихъ самихъ какъ-будто темныя отношенія, надъ формулированіемъ которыхъ ими, особенно княжной, потрачено столько тревожныхъ усилій.

«Княжна Варвара Николаевна, обладая серьезнымъ образованіемъ и неистощимой добротой души, съ высоты своего общественнаго положенія снизошла къ плебею—Шевченку на степень дружескихъ, чисто братскихъ отношеній и т. д. Шевченко благоговѣлъ передъ этой необыкновенной женщиной и т. д. Чувства, питаемыя къ ней, поэтъ выразилъ въ посвященіи ей стихотворенія «Тризна», написанномъ въ 1843 г.» Такъ говоритъ г. Чалый въ своей біографіи Шевченка.

«Княжна, обладая неистощимой добротой души, снизошла къ плебею—Шевченку», и въ то-же время вошла въ *дружескія, чисто братскія* отношенія съ 29-лѣтнимъ художникомъ—поэтомъ. Отношенія эти вышли такъ необыкновенны, такого сложнаго свойства, что у обохъ вызвали тревожную потребность разобраться въ нихъ, формулировать и дать имъ имена. Окрестили ихъ искренней дружбой—мало, назвали братскими отношеніями—еще не то, понадобилось измѣнить обыкновенное значеніе словъ: *братъ, сестра*, придавъ имъ болѣе глубокой смѣсль, повмѣнивъ ихъ значеніе; но все это не удовлетворяло, чувствовалось еще нѣчто не досказанное, еще одно

слово,—слово, которое въ силу общественныхъ условій не только не могло быть произносимо, но должно было быть исключеннымъ изъ самой мысли; княжна, судя по извѣстнымъ даннымъ, первая произноситъ это слово, хотя и въ смыслѣ отрицательномъ, желая такъ сказать документально устранить его изъ отношеній.

По отъѣздѣ Шевченка изъ Яготина, при одномъ изъ своихъ писемъ къ поэту, княжна прилагаетъ длинное разсужденіе о томъ, что такое *сестра* и *возлюбленная*. Въ немъ проводитъ она параллель между этими двумя понятіями, очевидно черпая многое лучшее со втораго понятія на первое, оставляя за вторымъ только очень вульгарное значеніе, и такимъ образомъ разъясняетъ, какъ она понимаетъ принятую на себя роль «сестры» поэта. Если понадобилось устранить слово *возлюбленная*, значить въ отношеніяхъ прокрадывалось нѣчто такое, для выраженія чего напрашивалось уже это слово. Да и устраняется оно не прямо, а съ особенной тревожной заботливостью, чтобы, устраняя слово, не затронуть самыхъ отношеній, сохранить чувства, замѣнивъ ихъ имя. Все это затѣмъ, чтобы чрезъ исключеніе неудобнаго слова, такъ сказать, очистивъ, освятивъ существовавшія отношенія передъ другими и даже передъ самими собою формально, выработать право на ту долю высшаго наслажденія, котораю очевидно чувствовалась въ продолженіи этихъ отношеній. Такъ деликатно дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ княжна. Поэтъ-же, не мудрствуя лукаво, въ приводимомъ стихотвореніи называетъ настоящимъ именемъ тѣ послѣдствія, которыя въ обыденной жизни слѣдуютъ за подобными отношеніями:

Намъ съ тобою, моя сестро,

Не ходити въ пари.

«И, я—сестра ваша, вашъ скрепчій другъ—ваша обвинительница» и т. д., пишетъ княжна въ іюнь 1844 года.

Очень ужъ старая и слишкомъ извѣстная пѣсня. Когда различіе общественнаго положенія или другія условія устраниаютъ всякую возможность проявленія питасмыхъ чувствъ, когда самая возможность существованія этихъ чувствъ даже самымъ дѣйствующимъ лицамъ кажется неумѣстною, преступною, тогда инстинктивное влеченіе между двумя различными полами дѣлаетъ обходъ и продолжаетъ свое дѣйствіе въ болѣе терпимой формѣ, въ формѣ игры въ брата и сестру и въ очень ужъ искреннюю дружбу.

Итакъ, въ этихъ отношеніяхъ была, конечно осложненная многими другими чувствами, и... *нимая любовь*; мы здѣсь, въ стихотвореніи «До сестры» — свидѣтели этой любви и горькаго, но спокойнаго сознанія бѣднякомъ-поэтомъ всей ея неуѣстности.

На що слушать, якъ на хрести
Пугачъ завывае,
Коли въ саду соловейко
Бесело спивае.

* * *

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходити въ пари,—
Твое совце свитыть ясно,
Мое жъ давно въ хмари.

Такъ какъ извѣстно, что на письмо, писанное княжной въ январѣ 1844 г., отвѣта не получено, и переписка на долго прервалась, то является возможность предположить, что именно отвѣтомъ на это письмо и было стихотвореніе «До сестры», въ которомъ такъ глубоко-грустно поютъ и *прощальныя* пожеланія.

Нехай твои квіты квітять
На твоій дорози,
Нехай твою минутъ весну
Витры та морозы.

* * *

Нехай доля, що змалечку
Мене не злюбила,
Тебе щиро привитає,
Сестро моя мила!...

Если это такъ, то и дата приведеннаго стихотворенія будсть: январь—февраль 1844 г. Былъ-ли посланъ вляжнѣ этотъ поэтический отвѣтъ, или нѣтъ—миѣ неизвѣстно и я не имѣю никакихъ данныхъ, чтобы судить объ этомъ хотя гадательно.

Перехожу къ гравернымъ работамъ Шевченка.

Весьма желательно поспѣшить собрать свѣдѣнія о художественныхъ произведеніяхъ Шевченка всѣхъ родовъ—авось когда-нибудь явится возможность собрать все это вмѣстѣ. Отмѣчаемъ здѣсь одинъ

изъ фактовъ. Въ 1845 г. вышло иллюстрированное изданіе Исакова: «Наши, списавныя съ натуры», теперь уже очень рѣдкое. Въ немъ, между прочимъ, есть «Знахарь» Гр. Основьяненко, украшенный значительнымъ числомъ весьма хорошихъ виньетокъ изъ малорусскаго быта. Виньетки въ другихъ статьяхъ подписаны Тимомъ, Клодтомъ и еще кѣмъ-то (перезборчиво); виньетки-же въ «Знахарѣ» не подписаны никѣмъ, кромѣ первой большой—на всю страницу, изображающей знахаря, гдѣ имѣется весьма отчетливая подпись: *Шевченко*. Не принадлежать-ли и остальные виньетки «Знахаря» Шевченку?—Хорошо, если-бы люди знающіе, кому это удобно, успѣли рѣшить этотъ маленькій, но не безынтересный вопросъ, пока, можетъ быть, еще не утрачена возможность его *рѣшенія*.

Отмѣчаю еще одинъ, не замѣченный другими, столь-же незначительный, но не лишенный смысла фактъ изъ жизни поэта: *правописаніе предсмертнаго его письма къ одному изъ земляковъ и пріятелей, правителю канцеляріи оберъ-полиціймейстера П. Н. Мокрицкому*. Привожу самое письмо съ удержаніемъ подлиннаго его правописанія.

Многоуважаемый Иванъ Николаевичъ!

Поздравляю васъ съ вождеденнымъ днемъ вашего святого ангела извѣстите что я не могу лично принести моего искренняго поздравленія я боленъ «другой мѣсяць не только на улицу меня и въ коридоръ не поскаютъ... и не знаю чѣмъ кончится мое затворничество? Глубоко плаваюсь марьи львовни, и лобизаю вашихъ дѣточокъ. отъ души желаю вамъ повеселится по прошлогоднему Досвидадія. Искренній вашъ

Т. Шевченко.

24 февраля
1861 г.

Письмо это списано мною, съ точнымъ соблюденіемъ правописанія самаго автора, въ 1876 г. въ г. Лубнахъ съ подлинника, хранявшагося у г. Мокрицкаго, сына Пвана Николаевича, которому оно адресовано. Текстъ письма приведенъ уже въ книгѣ г. Чалаго, только безъ удержанія правописанія автора, а мнѣ кажется, что именно въ этомъ письмѣ правописаніе подлинника и имѣеть зна-

чение. Т. Гр. Шевченко не проходилъ старо-академическаго класса «грамматики», да и вообще никакихъ классовъ, но въ ряду поэтовъ самоучекъ могъ-бы похвалиться своею грамотностію, въ особенности предъ Кольцовымъ, котораго удобочитаемымъ дѣлали лишь воронежскіе семинаристы. Откуда-же здѣсь полное почти отсутствіе всякой орфографіи? Писано письмо 24 февраля, за день до смерти Шевченка. Смысль его еще довольно бодръ, поэтъ не видитъ быстро приближающейся роковой развязки, хотя въ письмѣ прорывается закрапшаяся уже съ нѣкотораго времени тревога: «и не знаю, чѣмъ кончится мое затворничество?» Но правописаніе ясно свидѣтельствуетъ, что болѣзнь успѣла уже разстроить и ослабить организмъ. Поэтъ и прежде отпосылался къ правописанію небрежно; но кто видѣлъ подлинники его писемъ, для того ясно, что хотя въ этомъ письмѣ есть общее съ другими, но что все-таки это—не то. Это одно изъ проявленій приближавшейся смерти, та болѣзненная слабость, когда человѣкъ не совсѣмъ отчетливо относится къ вышнему міру, самъ того не сознавая.

А «хочется... Боже милый!
 Якъ хочется жити,
 И любити твою правду,
 И весь свить обняти!»

На другой день, 25 февраля утромъ, М. М. Лазаревскій засталъ поэта въ ужасныхъ мученіяхъ—съ ночи началась у него сильная боль въ груди, не позволявшая лечь. Такъ продолжался день, и всю ночь онъ провелъ, сидя на кровати, упершись въ нее руками, а въ половинѣ 6-го утра 26-го февраля поэта не стало¹⁾. Значать, послѣ написанія приводимаго письма оставалась еще въ жизни поэта только 2-я половина дня 24 февраля, когда онъ могъ-бы еще что-либо написать; а потому можно съ большою вѣроятностію предположить, что изъ чувствъ и мыслей, выраженныхъ поэтомъ на бумагѣ, это были послѣднія—къ пріятелямъ-землякамъ.

Упомянутая въ письмѣ Марья Львовна—жена имянинника, уроженка лубенскаго уѣзда полтавской губерніи. Въ дневникѣ Шевченка есть нѣсколько словъ объ этомъ знакомствѣ. «6-го апрѣля (1858 г.). Познакомился съ женою правителя канцеляріи оберъ-

¹⁾ Разсказъ А. М. Лазаревскаго въ 3-мъ т. «Основы», 1861 г.

полиціймейстера И. Н. Мокрицаго. Она урожденная Свичка и настоящая моя землячка. Мы съ нею встрѣтились, какъ старые знакомые».

«Разставшись съ милѣйшкою землячкою, прошелъ я въ академію художествъ на выставку».

Привожу наконецъ послѣднее свидѣтельство на проживаніе Шевченка въ Петербургѣ, съ помѣтами полиціи и съ засвидѣтельствомъ священника о его смерти и погребеніи.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
ОВЕРЬ - ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Канцелярія.

столь 1.

7-го апрѣля 1860 года.

№ 142.

Дано сіе отставному рядовому Оренбургскаго Линейнаго № 1-й баталіона Тарасу Шевченко, для свободнаго проживанія въ С.-Петербургѣ, въ теченіи одного года, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи срока свидѣтельство это было представлено мѣ.

Свѣты его величества генераль-маіоръ (подпись неразборчива).

Правитель канцелярій *Мокрицкій.*

(М. П.)

На обратной сторонѣ свидѣтельства читаемъ:

Означенный въ семъ свидѣтельствѣ Тарасъ Шевченко сего 1861 года 16 февраля волею Божіею умеръ отъ водняной болѣзни и сего-же февраля 28-го дня погребенъ на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ. Въ чемъ свидѣствуется. Марта 2 дня 1861 г.

Екатериинской церквп, что при академія художествъ,

Священникъ *Илья Демисовъ.*

(М. П.)

На послѣдней страницѣ свидѣтельства слѣд. помѣты:

№ 50. По Большой Морской.

1 часть, 3 кварталъ. Записе. на квартирѣ 11 апрѣля 1860 года.

За надзирателя *Дсвидовъ.*

№ 1/6

Васильевская часть, 1 кварталъ. Записанъ на квартирѣ 22-го апрѣля 1860 года.

За надзирателя *Астафьевъ.*

№ 1 и 6 по 5 лпніи

На квартирѣ у Назаревскаго
(Назаревскаго?)

№ 50

Большая Морская. На квартирѣ
возобновлено.

Это копія съ подлинника, хранящагося при фундаментальной библиотекѣ лубенской гимназіи, за № 3257. Подлинникъ въ траурной рамкѣ за стекломъ, подаренъ гимназіи В. Я. Яновскимъ, землевладѣльцемъ лубенскаго уѣзда, а имъ приобрѣтенъ отъ П. Н. Мокрицкаго, брата раньше упоминаемаго Ивана Николаевича, бывшаго правителемъ канцеляріи с.-пестербургскаго оберъ-полиціймейстера.

Съ небольшимъ мѣсяца не дожилъ поэтъ по выданному ему свидѣтельству и пошелъ въ путь, изъ котораго никто не возвращается, въ званіи отставнаго рядового оренбургскаго линейнаго баталіона. Въ этомъ главный интересъ сохраненнаго документа, разрѣшающій вопросъ о томъ, было-ли Шевченку послѣ ссылки возвращено званіе художника. Свидѣтельство причта удостовѣряетъ болѣзнь, которая привела поэта къ смерти, а полицейскія помѣты указываютъ, гдѣ жилъ онъ по возвращеніи изъ Кіева до перехода въ зданіе академіи художествъ.

Ф. Каминскій.

КЪ ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССІИ.

(*Письмо знаменскаго священника Маркіанова о заселеніи нѣкоторыхъ мѣстъ бывшей елисаветградской провинціи*).

Письмо это получено нами отъ достопочтеннаго историка «Новой Сѣчи» А. А. Скальковскаго. Авторъ его, священникъ с. Знаменки, херсонской губерніи, современникъ и отчасти очевидецъ описываемаго въ немъ, что даетъ его свѣдѣніямъ большую историческую достовѣрность. Письмо писано въ послѣдніе годы прошлаго илѣ первыя пятидесятиго столѣтія, по просьбѣ невзвѣстнаго лица, очевидно занимавшагося собиравіемъ свѣдѣній о заселеніи Новороссіи. Множествомъ мелкыхъ, но яркихъ штриховъ оно рисуетъ намъ разные моменты и стороны этой достопамятной колонизаціи: тутъ и всемогущество Потемкина, которому не доставало лишь власти царградскаго патріарха, и его желаніе порисоваться предъ Екатериною дутыми плодами насаждаемой имъ культуры, — мелькаютъ темныя фигуры узурпаторовъ и прихлебателей всемогущаго временника, въ трагично-комическомъ положеніи выступаютъ французскіе эмигранты и обманутые въ своихъ надеждахъ старообрядцы, въ жалкомъ влѣдѣ наріевъ, изъ-за снѣжи налетѣвшихъ со всѣхъ концовъ колонизаторовъ, выглядываетъ та *сволочь*, которую разными льготами влекутъ въ яро неволи и которыхъ кабальнымъ трудомъ дикія степи и луга должны превратиться въ цвѣтущій садъ, а мимоходомъ проскальзываютъ и тѣ естественныя условія, въ которыхъ по мѣстамъ должны были жить новыя поселенцы; есть нѣкоторыя частныя историческія и даже археологическія указанія. Вообще, это частное, простое и не затѣянное, письмо даетъ болѣе для исторіи, чѣмъ десятки офіціальныя бумага.

М И Л О С Т И В Ы Й Г О С У Д А Р Ъ !

Между тѣмъ временемъ, какъ я обѣщался доставить вамъ вѣдомость о поселеніи здѣшняго округа, довольно я промедлилъ, ибо есть человѣческое: «не еже бо иногда хочу, то и творю». Надѣюсь въ томъ отъ васъ имѣть прощеніе.

Вамъ уже извѣстно, что когда въ 1781 году въ Кременчугѣ, по открытіи намѣстничества, была учреждена таврическая губернія, князь Потемкинъ, яко намѣстникъ новыхъ, но малолюдныхъ губерній, а паче таврической, изыскивалъ способъ къ населенію. Ему открывался тогда случай слѣдующій. Старообрядцы, живущіе въ Москвѣ и иныхъ городахъ, равно и черниговской губерніи, слободъ стародубскихъ, сословія купческаго и мѣщанскаго, находи себя недостаточными въ разсужденіи церковнаго чиновначалія, безъ коего живши цѣлый вѣкъ, многіе изъ нихъ, какъ-бы отъ забвенія ономившіеся, стали свое состояніе подозрѣвать въ несправильности, такъ какъ оно было и есть, судили за благо, чтобы секту свою, довольно устарѣлую, возобновить, или только починить, и какъ нужно было на то имѣть духовный матеріаль, согласились требовать не отъ святѣйшаго синода, какъ-бы слѣдовало, но устремились къ его свѣтлости, какъ-бы къ царградскому патріарху, съ прошеніемъ, дабы оныя исходатайствовалъ имъ епископа особеннаго для старообрядцевъ, подъ названіемъ «хореепископъ», то есть селской. Сему ихъ предиріятію былъ я самовидецъ, когда отъ московскихъ и стародубскихъ повѣренныя два человѣка—одниъ чернецъ, другой старикъ изъ купцовъ, повсюду князя преслѣдовали, даже и въ Елизаветградѣ въ домѣ Красноглазова. Когда позванъ былъ я къ его свѣтлости, князь лично у меня спросилъ: 1) здѣшніе стародубскіе слободы имѣютъ-ли желаніе имѣть законныхъ священниковъ и церкви на старыхъ обрадахъ? 2) знаю-ли я повѣренныхъ, отъ старообрядцевъ уполномоченныхъ, требующихъ епископа себѣ особеннаго? И когда отвѣчалъ я, что знаю, князь промолвилъ: «объяви имъ, чтобы они оставили епископа просить; священниковъ дадутъ имъ и церкви на старыхъ обрядахъ имѣть дозволить, если въ таврическую область на жительство пожелаютъ». Вышедши я отъ князя, приказаніе его исполнилъ. Между тѣмъ князь, вышедши, налѣзавался садиться въ кэрету; повѣренныя, подошедши, подали князю бумагу.

— Вамъ сказано? князь промолвилъ.

— Слышали, отвѣчали они.

Князь поѣхалъ къ обѣденному столу, который купечествомъ былъ изготовленъ у Пикеты Ивановича Масляникова. По обѣдѣ тотчасъ ускорилъ въ Кременчугъ, и мнѣ на почтовыхъ лошадяхъ приказано было слѣдовать. На канунѣ открытія намѣстничества я прибылъ, видѣлъ все, что только въ глаза попадалось. Въ ту самую пору въ Кременчугѣ открылась чумная зараза; по сему случаю вся губернія была переведена въ Полтаву. Послѣ тридневнаго торжества и я туда-жъ отправленъ былъ съ курьеромъ и писмомъ княжескимъ къ преосвященному для постриженія въ поны. Все сіе происходило въ Петровъ постъ. По прибытіи посвященъ я въ Петровъ день въ соборѣ. На другой день преосвященный отправилъ меня съ писмомъ къ его свѣтлости; но его въ Кременчугѣ уже не было,—по окончаніи открытія не медля отпразднелъ въ Петербургѣ, откуда въ слѣдующемъ 1785 году, по высочайшей волѣ, князь учинилъ къ старообрядцамъ письменное воззваніе, и оное разпубликовано было внутри Россіи, и виѣ оной: желающіе высокомонаршею милостію пользоваться какъ духовными правами, равно и всѣми чувственными выгодами, приходили-бы въ таврическую область. Тогда-жъ отъ князя и къ знаменскимъ молдавскимъ выходцамъ, въ елисаветградской провинціи жившимъ, прислана грамота о переселеніи, что и было въскорѣ исполнено. Князь надѣялся своими обѣщаніями выманить отовсюду старообрядцевъ, но на опытѣ оказалось противное: черниговской губерніи семей до 60 только согласились и пришли тогда, какъ земли были розданы; знаменскіе, не смотря на выгодное переселеніе: 1) что дома ихъ, ныне ничего не стоящіе, были щедро заплачены, 2) по 50 рублей на каждаго изъ казны и 3) льгота 8-лѣтняя, не хотѣли переселяться. Князю угодно было назначить имъ къ поселенію мѣсто противъ Никополя, гдѣ теперь стоитъ Малая Знаменка, съ такимъ намѣреніемъ, чтобы въ путешествіи государипѣ изъ никопольскаго дворца показать селеніе въ мѣстахъ, дотолѣ не обитаемыхъ; но знаменскіе не захотѣли тамъ селиться. Имъ дано было на волю, только-бы не упорствовали. Князь однако-жъ не оставилъ своего предположенія,—приказалъ моему отцу, чтобы непременно выходцами, какого-бы званія не были, водворять противъ Никополя на первый

разъ хотя одну Набережную улицу, которая удобнѣе могла быть видима изъ никопольскаго дворца во время шествія и пребыванія государини въ дворцѣ. Князь столько былъ доволенъ, что не оставилъ о томъ доложить государинѣ, какъ о томъ я словесно вамъ повѣдалъ.

Князь, видя, что старообрядцы его воззванія не внемлютъ, бросилъ ихъ, а дабы земли, въпустъ лежація, населить, было позволено всякаго званія бродягъ принимать, отъ чего въ Россіи помѣщички многіе липились крестьянъ. Тогда-жъ земли стали быть раздаваемы помѣщикамъ, начиная отъ устья Конской рѣчки, да многія пространства степей, и Великій Лугъ, запорожцами прозванный, г. Поповъ занялъ, ниже того—Бродскій, Ливанидовъ, Синельниковъ.

Слѣдуетъ теперь о Дѣйпроркѣ упомянуть. Выше объявленные черниговской губерніи старообрядцы, семей до 60-ти, за дальнимъ разстояніемъ, опоздали сюда притячь и не зналъ, что земли уже назначены помѣщикамъ, избрали себѣ мѣсто ниже большой Знаменки, верстахъ въ 10-ти поселились, въ землянкахъ перезимовали, весною старались о водвореніи; кромѣ всякаго пособия, изнурились и до послѣдняго имущества истощились, стараясь вновь землю распахали, не зная того, что отъ знаменской межи по теченію рѣки версть до 30-ти, до урочища Лепатихи, земля князю Вяземскому уже назначена. Между тѣмъ къ нимъ-же присовокушился старообрядческій архимандритъ съ чернецами, тотъ самый, котораго собли епископомъ. И сему князь обѣщалъ много, но ничего не исполнилъ, потому что старообрядцы въ Крымъ не пожелали. Сей архимандритъ, не находя себѣ пристойнаго монастыря для мѣста, расположился въ концѣ новой усадьбы и было построилъ нѣсколько келій. Отъ сего поселене вознегодовали, а тѣ въ Симферополь ходили къ губернатору на разрѣшеніе. Тогда былъ Каховскій Михаилъ Васильевичъ; онъ имъ объявилъ, что земля, ими занятая, принадлежитъ князю Вяземскому. Тогда онѣ съ плачемъ, разорившись, принуждены переселяться. Архимандритъ прибѣгнулъ къ знаменскимъ; сіи во уваженіе уступили полюсу земли, на которой, въ горѣ Мамайсуркѣ, и былъ построенъ монастырь съ церковью, а поселене избрали себѣ мѣсто выше селенія Водяной. Поселене и тамъ, нашли неудобство: песчаные кочугуры затрудняли проѣздъ въ пахатное поле, что и понудило ихъ къ вторичному переселенію въ *поды*, отъ чего

название получила Подовка. Сначала они, держась старообрядчества, воздвигнули самобѣднѣйшую церковь, которая и теперь, имѣли и священника; но когда присовокупились къ нимъ народы, въ множествѣ старообрядства не знающіе,—уничтожили старообрядство. Слобода Водяная сначала ея водворенія заселена людьми бывшими прежде елисаветградскаго уѣзда; они жили въ сосѣдствѣ съ знаменскими и вообще исѣ занимались тамъ гончарствомъ; слобода ихъ и тамъ имѣла тоже название—Водяная балка. На водвореніе имъ здѣсь было выдаво только по 15 рублей на хозяина. Вотъ все то, что я знаю о населеніи здѣшней округи народами, по волѣ князя Потемкина селившимися. Изъ нихъ многіе на прежніе свои жилища возвращались по причинѣ чрезвычайной трудности, когда селились: 1-е воздухъ дикой, не очищенной отъ царевъ, проходимыхъ изъ плавень, не проходимыми камнями и трущобникомъ лѣснымъ покрытыхъ; 2-е мошка столько была сильна—душила даже рогатый скотъ, въ поздри набившись, въ день нельзя было работать, а ночью комаръ не давалъ покою. Этой бѣды едва могли переносить. Ктому еще третья: оврахи или суслики въ такомъ были множествѣ въ полѣ, чтобы не было носѣянное, истребляли все до послѣдняго на нивѣ, тоже самое, какъ и сарана. Для истребленія разные опыты отъ поселянъ были: выливали водою, но безуспѣшно, дѣлали самострѣлы и надъ норами ставили, но надобно было сидѣть и заводить; наконецъ вздумали съ огня киняткомъ. Хотя истребляли, но на мѣсто того годъ отъ года болѣе ихъ вышложивалось; поселяне отчаялись было имѣть когда либо свой хлѣбъ, въ елисаветградскомъ и павлоградскомъ уѣздахъ зажимали и покупали, наконецъ отъ овраховъ чудомъ спасены: Богъ знаетъ откуда, появились въ множествѣ хори; сіи истребили овраховъ почти безъ остатка; послѣ того и хори скрылись и до нынѣ не видно тѣхъ и другихъ. По истинѣ чудное въ натурѣ дѣйствіе!

Слѣдуетъ теперь упомянуть о земляной крѣпости, что у переправы подлѣ казармъ: хотя вся уже развалилась и пескомъ засыпалась, но отъ западной стороны есть цѣлость правильного треугольника и часть стѣны и ровъ видны. Надобно думать, что сія крѣпость была сдѣлана при Петрѣ, когда Азовъ былъ взятъ, а когда обратно отданъ туркамъ, тогда оставлена. Сіе повѣствованіе яко не сомнительное есть,

потому что я имѣлъ карту, доставшуюся по кончинѣ графа Клермонтера, тамъ означена ея крѣпость и названіе выставлено «Затонъ», потому что соединяется тутъ зъ Днѣпромъ Копская рѣка;—соединилась и какъ-бы утонула,—или потому что было запинаяніе татарамъ. Я узнать хотѣлъ отъ старыхъ запорожцевъ; но они помнятъ то только, что крѣпость она была російская. Доказательствомъ еще и то, что подлѣ крѣпости на берегу находили серебряныя старинныя копѣйки,—болѣе о семъ ничего не могу сказать. Что-же по сю сторону Дняна къ слободѣ Знаменкѣ видна крѣпость и отъ оной валъ, простирающійся къ Дняну и по ту сторону до селенія Малой Знаменки и въ самомъ берегу Коики кончившійся, такъ объ ономъ для себя разумѣй: быть можетъ или подовцами, или печенѣгами и козарами неправильно построены. Хищные отъ хищныхъ защищались. Въ срединѣ самой крѣпости было строеніе похожее на дворецъ; знаменскіе рыли и доставали въ землѣ камень тесаный и кирпичъ жженый, весьма прочный, болѣе никакихъ имѣть признаковъ. Еще въ вершинѣ Дняна есть окопы или ретраншаменты, имѣющіе правильные треугольники. Когда князь готовился къ взятію Очакова и самъ во всю зиму до самой весны находился въ крѣпости елисаветградской, въ ту самую зиму отъ него былъ присланъ подполковникъ инженерный, нѣкто Андрей Алексѣевичъ Темкивъ, въ здѣшнія плавни для заготовленія туровъ и фашинъ; онъ любопытствовалъ оный окопъ и увѣрялъ, что во время Минихова похода здѣланъ. Тамъ же, по теченію рѣки въ верхъ, примѣтно былъ лѣсъ: находили коренья не у самой рѣчки, но въ полу-горѣ, слѣдовательно не вербовой, но иного рода, — думать надо, войска истребили. Годовъ пять или шесть тому прошло, какъ знаменской мужьякъ скотоводникъ въ степя, вереть за 50-ть, на казенномъ участкѣ для скота рылъ колодезь; вырвыши аршинъ 6, открылъ необыкновенной величины кость, толщиною едва можно обхватить двумя четвертьми аршина, излучистал, похожа какъ-бы на ребро какого звѣря; они по глупости разбили и раздробили; потомъ, не выведши воды, оставили и завалили. Сіе есть доказательство бывшаго всемірнаго наводненія.

Минуя Рогачинъ, бывшее имѣніе князя Вяземскаго, скажу нѣчто мимоходомъ о Лепатихѣ. Сіе мѣстоположеніе, не бытъ удобное къ населенію, оставалось нѣкѣмъ не занятое до дней извѣстныхъ француз-

ской революціи. Въ то самое время два графа, извѣстные Шуазель и Клермонтеръ, избѣгнувши, получали здѣсь въ удѣлъ себѣ землю депатихскую, гдѣ теперь казенное селеніе. Тамъ они графы водворились по обѣ стороны балки: Клермонтеръ восточную сторону занялъ, а Шуазель западную. Имѣя деньги, старались во первыхъ о населеніи людьми всякою сволочью, не надежными бродягами; записывали имена и прозванія, какіе были фальшиво показаны, между тѣмъ (записавшіеся) для заработковъ отходили и не возвращались. Когда учинена была ревизская перепись, тогда графы увидѣли, что со временемъ платить надобно подати, у нихъ-же, кромя изнуренія и убытковъ, все пустое, языка руссійскаго, ни его свойства не знали; хотя и былъ переводчикъ, молодой, 18-ти лѣтній, но и тотъ былъ утопленъ тамъ же въ рѣкѣ. За тѣмъ Клермонтеръ помере; тамъ и погребень, не имѣя памятника. Имущество его, какое оставалось, земскою полиціею продано. Тогда и мнѣ досталось имѣть карту, объемлющую одну только крымскую область по самый Дняпръ. Оставался Шуазель; онъ просилъ императрицу, было повелѣно принять землю и людей по списку въ казну; взамятъ ему дано въ Вѣлороссіи; такъ о томъ слышалъ я отъ его превосходительства Семена Семеновича Жегулина. Депатиха славна должна быть по первому заведенію!

Ниже Депатихи было занято Самойловымъ; онъ потомъ продалъ Рахманову; сей своими людьми населялъ большую слободу. За Рахмановымъ земля принадлежала прежде Завадовскому и во многіе годы не была населена такъ, какъ теперь: у графа Кочубея здѣлалось селеніе многочисленное. Казенные Каиры есть давніе, также какъ и Знаменка; тамъ отставной былъ капитанъ, старикъ смолдавскій (изъ Молдавіи), подъ его смотрѣніемъ она слобода населялась. Дурицкая земля и слобода прежде всего принадлежала принцу Нассау. Его жена, неизвѣстно по какимъ причинамъ, года два или три жила однихонька, претерпѣвая оводъ, мошку и комары, въ простой хижинѣ, никуда не выѣзжала. Однажды пріѣзжала къ Дмитрію Матвѣевичу Куликовскому, болѣе никуда; имѣла прилежаніе къ разведенію разныхъ садовыхъ и иныхъ деревъ, пайпаче-же акацій, но увидя изъ опыта, что здѣшній климатъ ей не благопріятствуетъ, продала Константинову и навсегда удалилась въ родину свою.

Каховка имѣетъ названіе въ честь бывшаго первоначально въ Крыму генералъ-губернатора Михаила Васильевича Каховскаго. Дмитрій Матвѣевичъ Куликовскій, имѣвши тогда случай, занималъ земли, гдѣ только пожелалъ; онъ имѣлъ тѣсную дружбу съ Василіемъ Степановичемъ г. Поповымъ. По княжескому благоволенію Куликовскій опредѣленъ былъ къ соли; свои земли заселилъ людьми и Васильеву г. Попова слободы. Государь Павелъ когда воцарился, фельдъ-егерь, подхватилъ Куликовскаго, отвезъ въ кievскую крѣпость, гдѣ около двухъ лѣтъ содержался, потомъ освободился. Тогда прѣсходили повски за военныхъ, оставившихъ службу и въ поселане приписавшихся, подъ видомъ бродягъ. Гдѣ только таковыя были отысканы, были штрафованы наборомъ два рекрута за одного; въ Большой и Малой Знаменкахъ штрафныхъ человѣкъ 20 отдали; тоже самое и у помѣщиковъ. Дабы освободиться отъ помѣщиковъ, не бывъ никогда служивыми показывались.

Вотъ все, что я знаю о населеніи здѣшней округи. Благоснисходительно за медленное донесеніе и за всю въ письмѣ неисправность, — ибо ни ладу, ни складу, — простите.

Честь имѣю пребыть къ вамъ навсегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностью,

Милостивый государь, вашъ всеохотнѣйшій слуга

Карлъ Маркіановъ.

День Преполовенія.

Знаменка.

УНИВЕРСАЛЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУБА¹⁾ 1690 Г.

(Въ разрушеніе земельных претензій польской шляхты, признанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ).

Какъ ни страннымъ можетъ казаться въ настоящее время, но то несомнѣнный историческій фактъ, что до половины XVII ст. нынѣшняя черниговщина и полтавщина находились въ фактическомъ владѣніи польскихъ пановъ, а польская культура и языкъ господствовали тамъ, особливо въ Черниговщинѣ, до половины XVIII в. Дальнѣйшія измѣненія въ землевладѣніи лѣвобережной Украйны являются результатами переломовъ въ политической исторіи Украйны.

Въ началѣ XVII вѣка, говоритъ Багалѣй въ своей статьѣ: «Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст.»²⁾, начинается усиленное нашествіе польскихъ пановъ..., ко второй половинѣ XVII в., т. е. къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, шляхта пустила уже прочныя корни въ Черниговщинѣ.. Возстаніе Хмельницкаго произвело цѣлый социальнo-экономическій переворотъ въ лѣвобережной Украйнѣ:—крупное землевладѣніе совершенно почти исчезло..., земля сдѣлалась собственностью всего народа малороссійскаго... Займанщина—вотъ та типичная форма землевладѣнія, которую народъ малороссійскій избралъ себѣ, освободившись отъ всяческихъ

¹⁾ Биографическія о немъ свѣдѣнія см. въ янв. кн. «Кіевской Старины» 1884 г., въ статьѣ А. М. Лазаревскаго: «Лизогубы».

²⁾ «Кіевская Старина», декабрь, 1883 г.

экономических оков... Постепенно количество земли должно было уменьшиться какъ отъ естественнаго прироста населенія, такъ и отъ прилива новыхъ переселенцевъ съ праваго берега Днѣпра... Но едва-ли не самую важную роль въ этомъ случаѣ играетъ также развитіе крупной земельной собственности, которая произошла путемъ пожалованія, скупки и захватовъ».

Помѣщаемый ниже универсаль черниговскаго полковника Якова Кондратовича Лизогуба (1687—1698) можетъ служить дополненіемъ къ упомянутому изслѣдованію г. Багатѣя, иллюстрируя положеніе землевладѣнія въ Черниговщинѣ послѣ возстанія Хмельницкаго и установленіе въ немъ новаго, прочнаго порядка, безобиднаго для обѣихъ столкнувшихся на этомъ сторонѣ.

Извѣстно, что польская шляхта бѣжала изъ Украины безъ оглядки при первомъ громѣ козацкаго оружія: дома, грунты, поля опустѣли. Послѣ первой войны Москвы съ Польшей (1653), переяславской рады и второй войны, окончившейся андрусовскимъ договоромъ (1667), лѣвобережная Украина фактически присоединилась къ Москвѣ. Пока прежніе владѣльцы земельной собственности считались по разнымъ областямъ польскаго государства, спасаясь отъ ужасовъ народнаго возстанія, ихъ имущество попало въ другія руки: давно уже кто хотѣлъ, тотъ и занималъ ихъ, инос-же отдано было за военныя заслуги чинамъ войска запорожскаго, по за все, какъ говоритъ универсаль, «великіе государи православно-россійскіе черезъ мирніе договоры сумою своею монаршою королю польскому и Речи Посполитой оплачивали».

Но вотъ, послѣ андрусовскаго договора, когда въ Украинѣ наступили относительно тихія времена, шляхта начала мало по-малу возвращаться на свои старыя гнѣзда и нашла тамъ другой режимъ, другіе порядки: чужіе люди полноправно владѣютъ ся прежними имуществами. Шляхта не желаетъ примириться съ совершившимся фактомъ, подаетъ жалобы высшему малороссійскому уряду, ведетъ процессы съ новыми землевладѣльцами и добивается возвращенія своихъ прежнихъ имуществъ *statu quo ante*. Эти-то «частыя добуки и уприкренія» и заставили высшій урядъ страны войти въ обезумѣніе вызваннаго предшествованіемъ бурей ягучаго земельного вопроса. Дѣло обезумѣлось по полкамъ: полковники, совмѣстно съ

старшиной и значнымъ войсковымъ товариствомъ, придумывали исходъ изъ такого положенія дѣлъ и результаты своихъ обсужденій объявляли особыми универсалами во всеобщее вѣдѣніе. Одинъ изъ такихъ универсаловъ предъ глазами читателя. Вотъ его текстъ:

Изъ царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго

Полковникъ черниговскій Яковъ Кондратовичъ Лизогубъ.

Всѣмъ, кто-бы потребенъ того былъ вѣдати, теперь и въ пришлои часи, а особливо всѣмъ жителемъ постовбицкимъ, слободскимъ, золубицкимъ, гоноцаловскимъ, даницкимъ, гусятскимъ войсковымъ и посполитымъ людямъ, ознаймую, ижъ, узнаючи я, за ураду моего, частии докуки и укрѣпенія черезъ заводы неуспокоення о кгрунтахъ, на которихъ описаніи сидятъ села, же ославяючіися шляхтою въ тыхъ селахъ, за антесесоровъ моихъ, прошлыхъ пановъ полковниковъ, черезъ всѣ мѣшущіе лѣта, не обивалися до тыхъ кгрунтовъ и не доходили ихъ, ажъ теперь, давнимъ шляхецкимъ правомъ, якъ передъ войною было, почали себѣ за отчизніе винаходити и трудности немалыи чинити. Для успокоення того, за сполною обрадою, съ полковою старшиною и значнымъ войсковимъ товариствомъ, казалемъ видати сей мой универсалъ зъ такимъ постановленіемъ и вырокомъ: поневажъ якъ война першая наступила и освободивши съ подданства людского войско запорожское отчизну свою, увесь малороссійскій край, волне и свободне помежи тими и на тыхъ то шляхецкихъ кгрунтахъ поседали селами войсковіе и посполитіе люде, а оніи тѣмъ-жъ шляхецкіе кгрунта заустѣлія зостали, которіе, или тутъ у Сѣверциѣ лежатіе, Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи наши православно-россійскіе, обнявши въ свою державу Украинну, черезъ мирніе договори сумою своєю монаршою королеви польскому и Речи Посполитой оплачували, и годніи особы заслугуючіеся у войску запорожскомъ, за универсалами рейментарскими, одержали тѣмъ-жъ ку пожитковѣ своему кгрунта, теди на чомъ хто оседѣлъ зъ шляхти и всякихъ людей по селахъ описанихъ прошлыми часы и теперь сколко собою розробленыхъ своихъ уживае и держать кгрунтовъ, а болше роспахати и розробити самъ не може, абы тѣмъ ся контентовали, и тѣмъ за власность свою мѣли, а що надъ-то мними хто розробилъ, и еще не розробленыхъ и заустѣлихъ мѣло бы

бути въ тѣ околичности кгрунтовъ, которіе за отчискіе собѣ иле шляхта звякла ославлювати, и давнимъ шляхецкимъ правомъ граничити, присвоюють и не допускають сполмешканцомъ своимъ розробляти и поседати, тое цале касую и овшемъ, жебы ровне и спокойне зъ шляхтою и всякіе люде, якихъ хто може, кождіе селяне въ своемъ ограниченію лежачіе пустуючіе кгрунта посѣдали, розробляли и ку пожитковъ своему, безъ жаднихъ заводовъ и турбациа, приводили, нивѣшнимъ, подъ щасливою Пресвѣтлѣйшихъ и Державнѣйшихъ православно-россійскихъ монарховъ нашихъ державою, властя войсковою служачимъ правомъ, теперь и на потомніе часы, подъ винами и карою сроктою на сопротивнихъ и упорнихъ, утверждаю.

Данъ въ Чернѣговѣ 13 септеврїа року 1690.

Вышменованный полковникъ чернѣговскій.

(М. П.)

Притиска. Тутъ-же и тое докладаю, не отпустьною виною на мастку и не легкою карою на здоровю варую, и срокій заказъ чиню, абы никто зъ тихъ-же селянъ и въ тихъ кгрунтахъ давно и ново-прибранныхъ сѣвожатахъ не важился орати, яко мѣло уже своволно и допустно поорано, иле рачей гдѣ прибрало на сѣвожати, нехай тое сѣвожати буде, а що на поле пахати, абы кождый працею своею старался робити, албо на томъ пересталъ, що хто старого розробленїя має.

СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА.

Подъ этимъ заглавіемъ дошла до нашего времени и циркулируетъ не въ однихъ спискахъ, но даже въ живомъ изустномъ обращеніи одна изъ такъ называемыхъ *интермедій*, начало которыхъ теряется въ первыхъ годахъ XVII ст., но которыя полное свое развитіе получили въ срединѣ прошлаго столѣтія и дожили до самаго почти конца онаго. Печатаемую теперь интермедію мы слышали въ дѣтствѣ, въ звенигородскомъ уѣздѣ кievской губерніи, отъ многихъ лицъ и знали ее наизусть; но это было лѣтъ 50 назадъ. Интермедія давно была забыта нами, какъ вдругъ въ минувшемъ году съ одной почтой мы получили два списка оной: одинъ сдѣланный первоначально въ Бессарабіи, по циркулировавшей въ Галиціи и пріобрѣтшей тамъ особенности галицкаго правописанія, а другой болѣе близкаго и, такъ сказать, живаго происхожденія—онъ сдѣланъ въ м. Новомъ Ронскѣ, черниговской губерніи, повозыбковскаго уѣзда, подъ диктовку 73-лѣтняго, уже ослѣпшаго старика изъ крестьянъ Алексѣя Лисовскаго, совершенно неграмотнаго, но въ молодости бывшаго приватнымъ дьячкомъ, по выбору прихожанъ. Обѣ редакціи значительно повреждены—первая неяснѣйшими переписчиками, а вторая ослабѣвшею памятью старика, но обѣ въ такой степени другъ друга исправляютъ и пополняютъ, что остается одно лишь мѣсто, въ которомъ чувствуется нѣкоторый пропускъ, что и отмѣчается нами въ самомъ текстѣ интермедіи. Смыслъ искаженныхъ и неопытныхъ словъ намъ легко было возстановить и по памяти, и по ходу рѣчи.

Содержаніе интермедіи—простая, несложная сцена изъ жизни малорусскаго народа той отдаленной эпохи, когда дѣйствовалъ еще

гетманскій режимъ и существовалъ козацкій строй въ папѣй гражданско-общественной жизни. Авторъ иптермедіи неизвѣстенъ, но конечно это было лице, принадлежавшее къ составу старой кievской академіи, и самая иптермедія—произведеніе школьное, хотя довольно уже обшлифованшееся въ пародномъ обращеніи, съ размѣромъ стиха силлабическимъ. Дѣйствіе происходитъ вѣроятно все во второй уже половинѣ XVIII столѣтія и несомнѣнно на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Селомъ отъ имени громады править атаманъ, но тутъ-же и резиденція сотника. Священникъ этого села втерся въ приходъ путемъ окольнымъ, помимо выбора громады, женившись на воспитанницѣ сотника. Онъ изъ молодыхъ, сторонится отъ народа, не раздѣляетъ его предковскихъ, перѣдко суевѣрныхъ обычаевъ, борется съ предразсудками и невѣжествомъ народа, заводитъ школу для дѣтей, энергически преслѣдуетъ нравственную распущенность прихожанъ и ихъ охлажденіе къ церкви. Недовольные давно уже своимъ священникомъ прихожане въ случайно сошедшемся кружкѣ толкуютъ о томъ, какъ-бы избавиться не милаго и строгаго священника, перечисляютъ все его выдумки и затѣи, сравниваютъ его порядки и поступки съ тѣмъ, что было при прежнемъ ихъ священникѣ старикѣ, ничѣмъ не отличавшемся отъ нихъ въ жизни, не превосходившемъ ихъ въ своихъ религіозно-нравственныхъ и другихъ воззрѣніяхъ и потому не преслѣдовавшемъ того, что издавна вошло въ ихъ общую жизнь. Результатомъ этого случайнаго совѣщанія нѣсколькихъ громадянъ является рѣшимость ихъ идти гуртомъ къ протоіерею и архіерею съ письменною просьбою о перемѣнѣ священника, за составленіемъ которой они и направляются къ дьячку. Тутъ толки о винахъ священника продолжаются; подходятъ еще нѣсколько стариковъ. Дьячекъ не слушаетъ, что говорятъ, строчитъ свое, безъ подготовки и запявки сочиняетъ жалобу—*суплику* (supplicare—жаловаться, доносить) въ непроглядно-темныхъ общихъ фразахъ, пересыпанныхъ церковно-библейскими словами и съ соблюденіемъ тогдашней формы прошеній; но когда онъ кончилъ и прочелъ, громада, толковавшая уже о необходимости подкрѣпленія просьбы обычною тогда во всѣхъ сферахъ и слояхъ общества посулою, ничего не понявъ изъ прошенія, пришла въ смущеніе, изъ котораго выручилъ одинъ изъ стариковъ, заявивъ, что причина зла въ сотникѣ, вліяніемъ котораго превосходитъ священникъ, и что надо начинать съ

сотника, а потомъ уже приниматься за священника. Но какъ подобная борьба казалась почти невозможною, то собравшіеся громадине, признавъ, что тицетно было-бы сыпать противъ вѣтра пескомъ, предпочли, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, направиться въ корчму и запить неудавшуюся попытку водкой. Уходя, они приглашаютъ съ собою составителя прошенія, но тотъ отказывается въ виду скорого начатія вечерни.

Драматичности дѣйствія, комичности сцены въ общемъ и мелочахъ и глубокой вѣрности ея съ жизнію интермедія обязана своею долговѣчностью и широкою распространенностію. Она даетъ намъ яркую картину нравовъ и понятій, господствовавшихъ въ сельской средѣ далекаго отъ насъ времени, меткими чертами рисуетъ происходившую тогда борьбу привычекъ и воззрѣній старыхъ съ новопроторгавшимися и рисуетъ, надо сказать, такъ вѣрно, что многія, даже мелкія явленія можно подтвердить архивными ссылками. Такимъ образомъ помѣщаемая нами интермедія есть не только литературный, но вмѣстѣ и историческій памятникъ. Вотъ ея любопытный текстъ.

Пархимъ. Охримъ!

Охримъ. Ащо, Пархимъ?

Пархимъ. А нумо лишь, свату Охримуе, думати, гадати,
 Якъ бы намъ попа свого у шоры вѣрати.
 Геть винъ силомъ тѣю влизъ въ нашу парафію,
 Та двивсь, яку надъ нами крутить веремію.
 Чого наши дяди й батьки не чували,
 То щобъ мы ѣму на сповиди слезбували.
 Та щежъ выдумавъ яку затію,
 Щобъ мы давали дитей у винацію!¹⁾...

Охримъ. Геть я вамъ самъ казавъ: не дуже вы на ту оковитку!²⁾
 А въ репті хто-жъ те знавъ? винъ добрымъ казався зъ дитку.

Пархимъ. Нема на свѣті, якъ нашъ бувъ пипъ старій,
 Що ѣго и доси згадує великій и малій.

Охримъ. Та й будемо, свату, довго споминати,
 Бо вже не будемо такого попа мати.

¹⁾ *Винація*—обученіе, школа, отъ лат. *vinacea* въ производ. пия перен. смыслѣ.

²⁾ Намекъ на выборы священника и поднапванье при томъ водкой.

Умивъ бо, свате, изъ людьми обходитися,
 Та ще було де й горилки напиться.
 Хочъ за винчаия и добре бравъ,
 Та добре обь храми й людей пацувавъ.
 Пошили, голубчики, теи оковитки,
 Та ще не тилько мы, але и наши дитки.
 А до сего але шіакъ и приступитися,
 Не тилько щобъ коли горилки палитися.
 Хочъ и за диломъ прійдешь, то все рыло дуге,
 А якъ чого попросишь, то мовъ и не чуе.

Тарасъ. Нехай але то насъ не шануе,
 А то й Грицька Дяденка, що ще й титаруе.

Опанасъ. Та винъ и отамана ни въ-впню не ставить:
 Хочъ той що слаже, то вишь свое все править.

Левко. Хочъ е за що, хочъ нема, а сажаетъ въ купу,
 Ось якъ посадивъ и Хиврю, мою куму;
 А то тилько за те, що согришила,
 Выбачайте, якъ дижу мисля.
 Хоми причастя зовсімъ не давъ,
 Що до церкви йдучи, горилки покуштувавъ.
 И Семена старого за то въ куни державъ,
 Що якосъ разъ съ кумою пожартувавъ;
 Педора передъ причастямъ квашни покуштувала
 Та й за те въ куни весь день стояла;
 Снигуръ Гарасимъ тилько въ пятинку скорому наився,
 То й за то въ куни добре пасидився;
 И Кирієвъ Овадченко не втикъ сего сороза:
 Залізався на Настю, а вона ёго кума;
 Та й Левко Музыка три дни въ куни-жъ сидивъ,
 Що куми, выбачайте, щось не до ладу зробивъ.
 А Процько за куму хочъ въ куни й не сидивъ,
 Такъ на саме Риздво весь день поклони гривъ;
 Зипецъ изъ ридною кумою женихався,
 Та и за то неборакъ у купу поцався.

Педько. Ходимъ лишъ до дяба, та все ёму гарненько розкажимо,
 Та ще й хороше ёго попросимо.

Приходять до дяка.

- Свиридъ.* Здоровь будь, пане дяче, якъ соби маешъ?
А за чимъ прійшли, чомъ не питаешъ?
- Дякъ.* Почтенніи парафіяне, извольте сидати,
Коли въ гости прійшли, то будемъ витати.
- Миرونъ.* Та спасьби, пане дяче, за твою ласку,
Послухай насъ, яку мы скажемо тоби казку:
Возьми лишъ каламаръ и перо, та напиши круто,
Щобъ падали на нашего попа залізце путо.
- Дякъ.* Почтенніи миряне, извольте казати;
Чернилница готова, що маю писати?
- Педько.* Ой пиши, пане дяче, що не велывъ челяди колядувати,
На улицю ходити и на Купайла черезъ огонь скакати;
Объ клечивии заказавъ винцивъ робити
И тихъ въ почи на воду до рички носити.
Не вольно вже парубкамъ зъ дивчатами гуляти;
По чимъ же вопи молодистъ свою будуть знати?
- Охримъ.* А праздыкивъ лаказавъ—що може зъ пивкопы буде
И щобъ кожного свята ходили до церкви вси люде.
- Пархимъ.* А воли жъ, пане свате, будемо робити,
Якъ станемо що свята до церкви ходити?
Старый, пебижчикъ, не знавъ тихъ винацій,
Та й не було тоди мйякихъ затій:
До церкви ходили не кожнои неділи,
А говляли тильки тіи, котри сами хотіли.
А сей же молодой выдумавъ таку затію:
Не сповидае, хто скаже, що *Отче нашъ* не выю,
А хто *Тройци* не скаже, то й не причащае,
А самъ зъ дякомъ въ церкви що день галагалае.
- Педько.* А жежъ старый пебижчикъ пиць не разъ и въ шивку
хрестивъ,
И на Купайла скакавъ, и колядувати ходивъ,
А по веселяхъ не тилько було старостуе,
—Ходить у придани, та ще було й задружжуе;
И винчавъ, пебижчикъ, не тилько що зъ кумою,
А хочъ прійди до ёго изъ ридною сестрою.
Аже виць, повійникъ, не менше грихивъ зпавъ,

Та парафіянъ своихъ такъ не мордувавъ
И хочъ мы тогди помолиться и не вмиш,
А все жъ таки насущный хлѣбъ ѣли.

Супрунгъ. Тогди, пане Педьку, и Богъ лучше годивъ,
Отъ тилько що народъ до церкви не ходивъ;
А при сѣму то и Богъ не хоче годяти,
Бо цей ставъ дітей въ винаціи вчити.

Стецько. Геть правду казала небижчиця Настя,
Що не буде народъ мати блше щастя;
Бо вона бачила, якъ замирала,
Що пятинка свята Пречисту прохала:
«Перестали люди Пречисту давно шанувати,
Не дай-же имъ щастя и доли мати.
Все кажуть: николи й погуляти;
А коли-жъ пятинку святую шанувати»¹⁾?

Федько. Чи любо дивиться на дивку Стицькивну,
Що волосъ поблєвѣвъ, та не найде соби ривню?
Бо теперъ безъ вина²⁾ не до порога.
Ось якъ дивче Иваська—небога,
Що до пей пвхто и не заглядає,
Геть тимъ, що въ бодии ничего лємає.

Лаврингъ. Приїдется и нашимъ дочкамъ дѣвувати,
Якъ сей довго буде поцувати.

Буцъ Илько. Не бійся, пане Лецьку, не буде довго попомъ.
Отъ якъ до хурхурєя вси идємъ гуртомъ,
А тамъ якъ розкажемъ, якъ винъ нами крутить,
Або и сулику якъ розберє,
То може й самого до рукъ прибере.
Та якъ крутоцоша попросимъ старого,
То, не бійся, заразъ дадутъ другого.
Тоди перестанє намъ за шкуру сала заливати,
Вывчино ми єго, якъ має поцувати;
Буде вилъ памятати, що робивъ тутъ тартаръ,
Якъ одъвидас хурхурєйськихъ барбаръ.

¹⁾ Послѣ этого чувствуется въ общемъ спискѣ пропускъ.

²⁾ *Вино*, придавє.

Винтикъ. Колябъ, Ничипоре, хоть по мошличку таки зложили,
Та пиднесли-бъ хурхурееви, щобъ его виддалили;
Тай крутопопи треба щось дати,
Бо правду казала небижчица мати,
Що безъ грошей не доступити до пана,
Якъ безъ сукна до гетмана.

Еотухъ. То правду, пане куме, оце ты кажешъ;
Бо й цееи справы дурницею не розвяжешъ.
Пиди лишъ, влики мого Демка кума,
Тай попросите сюда Безпалька Наума,
Вони люде стари и всюда бували,
Тобъ може й вони що небудь сказали.
А ось вони й сами сюда чимчкуютъ...
Читай лишъ, напе дяче, нехай и вони почують.

Дякъ читаетъ:

«Въ Бозѣ Пресвященнѣйшему, надъ Владиками
владичествующему, Божіей церкви и Христовой невѣсти
красителю, премудрѣйшему учителю, усердному всѣхъ
бидныхъ защитителю, епархіи новгороденской архіепис-
копу, смиреннѣйшему Егору Своевольскому отъ право-
славныхъ парахвіянъ села Нерупъ-мене, пресвятой елен-
ской церкви, премного грѣшнихъ рабовъ;

Слѣзное доношеніе:

Мы нижайшіи раби просимо и молбы дѣємо, услыши
святій, пресвятій Владико просящихъ и молящихъ Тебѣ,
припадающихъ и цѣлующихъ святѣйшіи нозі твои, прося-
щихъ милосердія твоего.

Избави насъ отъ хищнаго волка, бѣспословлющаго
латвиника, недостойнаго пресвитерскаго сана.

Ібо яко волкъ овцы пожераеть, а не яко пастиръ
во едино стадо собираеть, и яко левъ свирѣпствующій
ищетъ кого поглотити, тако и сей нашъ по Божому до-
цуценію, грѣхъ ради нашихъ випаціанъ. У вѣчной памяти
бувъ Хома Боголюбскій, не воспрецавшій, но еще поучав-
шій такову паству. На всякомъ мѣстѣ владычества твоего
благослови душе моя Господа!

- Наумъ.* А щожъ вы це написали?
Аже вы сами себе извлязали.
Аже-жъ винъ не самъ се крутить,
То все ёго панъ сотникъ учить.
- Демко.* Та винъ-же ёго сюда и втоптавъ,
Бо за пёго свою годованку видавъ.
- Терешко.* Та вже-жъ, Демку, хоть грунты позбуваемъ,
А такн его съ попивства зипхаемъ.
- Супрунъ.* Ты гляди, Терешку, не дуже тушай,
Та старихъ людей послухай.
Бо въ ихъ багацько грошей и вони розумни люде,
То куда не идуть, то ихъ правда буде.
- Наумъ.* Треба першъ сотника спашлювати,
То тоди будемо и на попа подавати.
- Лавринъ.* Та вже жъ, Терешку, не сыпати противъ ветру пискомъ,
А черезъ цозовы будемо ходити лишкомъ.
Ходимъ лучше до Манайла горѣлки пити,
Чимъ маемъ, врагъ знае, що робити.
- Стецько.* Кликнуть-же и дяка, пехай и винъ выпье чарку.
- Супрунъ.* Ходимъ зъ нами, пане-дяче, Марку!
- Дякъ.* Благодарю покорно за ваши привиты,
Бо йде паламаръ до церкви звонити!
-

Библиографія.

Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 г. Издавъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г.

«Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ» Новицкаго изслѣдователемъ этнографіи и исторіи Сибири было извѣстно въ рукописи съ тридцатыхъ годовъ. Въ истекшемъ году это описаніе было издано обществомъ любителей древней письменности подъ редакціей Л. Н. Майкова. Изъ небольшого предисловія Л. Н. Майкова видно, что свѣдѣній объ авторѣ «Краткаго описанія», Григоріѣ Новицкомъ, очень мало, и извлекаются они почти исключительно изъ его сочиненія. Языкъ «Описанія», манера изложенія, а равно и фамилія автора несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что Григорій Новицкій былъ малороссіянинъ, но всей вѣроятности, питомецъ кіево-могилянскаго коллегіума. Новицкій былъ по неизвѣстной причинѣ сосланъ въ Сибирь въ 1712 году. Въ бытность свою въ Сибирь Новицкій пользовался расположеніемъ губернатора кн. М. П. Гагарина и митрополита Филофея Лещинскаго; послѣднiго Новицкій сопровождалъ въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской вѣры остякамъ и вогуламъ; эти побѣдки подали Новицкому поводъ къ сочиненію «Описанія» въ 1715 г. При преемникѣ Филофея митрополитѣ Антоніѣ Стаховскомъ Новицкій назначенъ былъ въ кондинской волости надзирателемъ за исполненіемъ новоокрещенными остяками христіанскихъ обязанностей и тамъ впоследствии убитъ. Изъ «Описанія» видно, что авторъ его былъ человекъ весьма образованный и любознательный; онъ зналъ латинскій языкъ, читалъ римскихъ поэтовъ, самостоятельно ознакомился съ прошлыми судьбами сибирскаго края по лѣтописи Саввы Есипова. Несомнѣнно, Новицкій обладалъ свѣтлымъ умомъ и энергіей. Много малороссіянъ въ разное время было заброшено на дальній сѣверъ, гдѣ

пришлось имъ быть превозвѣстниками научнаго и литературнаго развитія краевой жизни, и среди нихъ Григорій Повицкій занимаетъ почетное мѣсто. Уважаемый редакторъ изданія даетъ «Краткому описанію» слѣдующую оцѣнку: «Крайне замѣчательно сочиненіе Новицкаго по внутреннему своему содержанію. Извѣстія его о миссіонерской дѣятельности преосв. Филоеен даютъ «Краткому описанію» значеніе первоисточника въ этомъ отношеніи; а сообщаемые имъ многочисленныя факты о древнемъ бытѣ западно-сибирскихъ племени ставятъ его на ряду съ записками старинныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Америкѣ, напригѣръ, Лафито и Шарлева, съ «Описаніемъ Камчатки» Крашенинникова и съ описаніями путешествій кругосвѣтныхъ мореплавателей прошлаго вѣка, изъ которыхъ новѣйшіе этнографы почерпаютъ столько важныхъ извѣстій по сравнительной исторіи культуры. Относительно этнографіи сибирской это—первое по времени специальное сочиненіе. Да и вообще ему слѣдуетъ отвести почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ историческаго времени; въ ряду литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ писателями, воспитавшимися на почвѣ схоластическаго направленія, не много найдется произведеній, которыя были-бы столь богаты фактическимъ содержаніемъ самаго живаго интереса»

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Харьковскій календарь и Памятная книжка на 1885 годъ. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствительнаго члена-секретаря П. С. Ефименка. Харьковъ, X, 674, 128, 41 стр. Цѣна 1 рубль.

Съ тѣхъ поръ, какъ харьковскій календарь сталъ издаваться подъ редакціей нынѣшняго секретаря статистическаго комитета, П. С. Ефименка, онъ совершенно преобразился: изъ обыкновеннаго сборника справочныхъ свѣдѣній онъ обратился въ солидную книгу, заключающую множество интересныхъ данныхъ по харьковской губерніи. Редакторъ, очевидно, поставилъ себѣ задачу группировать въ своемъ изданіи всѣ данныя (преимущественно-же статистическія), на основаніи которыхъ можно начертать картину быта какъ города Харькова, такъ отчасти и всей харьковской губерніи. Въ этомъ и заключается на нашъ взглядъ задача статистическихъ комитетовъ. Никакой частный предприниматель не сможетъ дать такого календаря, какой длетъ харьковскій статистическій комитетъ, во первыхъ потому, что подъ руками у него не будетъ такихъ богатыхъ матеріаловъ, а во вторыхъ потому, что онъ не получитъ

барышей, а въ убытокъ себѣ благодѣтельствовать не пожелаетъ. Въдъ продавать по 1-му рублю книгу, заключающую въ себѣ болѣе 53-хъ печатныхъ листовъ, врядь-ли кто согласится.

По содержанію своему харьковскій календарь распадается на три отдѣла—справочный, статистическій и литературно-научный.

Уже и первый справочный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ интересные свѣдѣнія (напримѣръ о количествѣ газетъ и журналовъ, выписываемыхъ въ Харьковѣ, о числѣ книгъ, напечатанныхъ въ харьковскихъ типографіяхъ); но ихъ гораздо больше во второмъ—статистическомъ отдѣлѣ; этотъ послѣдній представляетъ намъ дѣйствительное положеніе губерніи и города Харькова въ разныхъ отношеніяхъ—экономическомъ, хозяйственномъ и т. д.

Но мы не будемъ останавливаться даже и на этомъ отдѣлѣ, а обратимся непосредственно къ третьему, литературно-научному отдѣлу, болѣе интересному для читателей «Кіевской Старины».

Здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи: 1) «Статистическіе и описательные труды по харьковской губерніи», 2) «Отходъ крестьянъ изъ харьковской губерніи, 3) Нѣсколько данныхъ о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ въ харьковской губерніи, 4) Торговля г. Вѣлополья, 5) Забѣчательные уроженцы и дѣятели харьковской губерніи, 6) Архивы харьковской губерніи, 7) Харьковъ въ семнадцатомъ столѣтіи, 8) Городъ Харьковъ полтора столѣтія назадъ, 9) Выписка изъ фамиліи записи Квитокъ и 10) Мандрованые дяки въ слободской Украинѣ. Минуя первыя четыре статьи, остановимся только на шести послѣднихъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ южно-русской исторіи.

Въ статьѣ о замѣчательныхъ уроженцахъ и дѣятеляхъ харьковской губерніи помѣщены краткіи біографіи слѣдующихъ лицъ: малорусскихъ поэтовъ отца и сына Александровыхъ, извѣстнаго русскаго писателя Григорія Петровича Данилевскаго, Коваленскихъ, пр. Черниева, малороссійскаго поэта И. И. Щоголева, малороссійскаго поэта Кореницкаго, извѣстнаго педагога бар. Корфа, пр. Осиповскаго, малороссійскаго поэта Нисаревскаго и знаменитаго астронома Савича. Не зачѣмъ доказывать, какъ важно подводить итоги дѣятельности разныхъ лицъ, стяжавшихъ себѣ большую или меньшую извѣстность на разныхъ поприщахъ дѣятельности; достаточно сказать, что къ этому насъ побуждаетъ и нравственная обязанность, ибо это есть своего рода *vis major*. И мы въ значительной степени выполняемъ эти обязанности по отношенію къ наиболѣе выдающимся дѣятелямъ—ученымъ, писателямъ и т. п. Но заслуги болѣе скромныхъ, въ особенности провинціальныхъ труженниковъ, предаются забвенію. Ихъ-то именно поэтому и нужно заносить на страницы

провинціальнихъ изданій, чтобы ихъ знали по крайней мѣрѣ въ томъ краѣ, которому они посвящали свои силы и способности, и чтобы примѣръ ихъ ободрялъ другихъ. Это до нѣкоторой степени могло-бы содѣйствовать подъему энергій и общественной самодѣтельности въ провинціи; съ другой стороны полученыя такимъ путемъ цифры могли бы разрѣшить намъ любопытный вопросъ—въ состояніи-ли процвѣтанія или оскудѣнія находится научная, литературная и общественная дѣятельность въ томъ или иномъ уголкѣ нашего обширнаго отечества. Рассматривая съ этой точки зрѣнія біографіи уроженцевъ и дѣятелей харьковской губерніи, невольно натапливаемся на грустные мысли. Больше выдающихся лицъ сдѣлали для своего края гораздо меньше, чѣмъ позволяли имъ ихъ таланты; иные не сдѣлали ничего. Въ видѣ рѣдкихъ исключеній являются такіе лица, которымъ удалось найти желанное равновѣсіе и которые одинаково дороги и для своего роднаго края и для всей Россіи.

Къ такимъ именно лицамъ нужно причислить Григорія Петровича Данилевскаго. Его «Украинская Старина» надолго останется настольною книгою для всякаго, интересующагося судьбами слободской Украины нынѣшней харьковской губерніи. Но эта-же самая книга была цѣлымъ вкладомъ и въ общую русскую историческую литературу; не даромъ-же авторъ ея былъ награжденъ уваровскою преміею отъ академіи наукъ! Въ другихъ своихъ произведеніяхъ Григорій Петровичъ Данилевскій также затрагиваетъ темы, касающіяся исторіи, археологіи и этнографіи южной Россіи. Романы изъ жизни новороссійскаго края—«Бѣгле въ Новороссію», «Бѣгле воротился»—создали ему славу романиста.

Статья «Архивы харьковской губерніи» составлена на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя были собраны статистическимъ комитетомъ. Всякому занимающемуся и интересующемуся южно-русскою исторіею извѣстенъ тотъ грустный фактъ, что исторія слободской Украины почти совершенно не разработана. «Съ трудомъ вѣрится, говоритъ авторъ разбираемой нами статьи, «что этотъ интеллигентно ученый центръ (т. е. Харьковъ) за весь не малый періодъ своего существованія, почти ничего не сдѣлалъ для исторіи своего края, бывшей слободской Украины, и что только теперь начинаются заботы о сохраненіи источниковъ для ея исторіи, теперь, когда многое безвозвратно утрачено».

Нельзя не согласиться съ этимъ. Въ настоящее время въ Харьковѣ имѣется историческій архивъ (малороссійской коллегіи), перевезенный изъ Чернигова и заключающій въ себѣ богатые матеріалы для исторіи лѣвобережной Украины, т. е. гетманщины въ XVIII и даже отчасти въ XVII вѣдѣ. Но документы бывшей слободской Украины частью отсыла-

лись въ Москву въ архивъ министерства юстиціи, а частью были разбросаны по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ. Недавно въ мѣстномъ историко-филологическомъ обществѣ было выражено желаніе по крайней мѣрѣ привести ихъ въ извѣстность для того, чтобы потомъ припятъ какія нибудь мѣры для сосредоточенія ихъ въ какомъ нибудь надежномъ хранилищѣ. По собраніемъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣніемъ оказалось, что сохранились доселѣ еще нѣкоторые любонитные документы, но исключительно только XVIII вѣка; среди нихъ на первомъ планѣ пужно поставить дѣла харьковской полковой канцеляріи, актырской полевой канцеляріи, переписную книгу харьковского полка, перепись лейбъ-гвардіи майора Хруцова 4-хъ слободскихъ полковъ, комиссарскія вѣдомости и др. Въ настоящее время харьковское историко-филологическое общество обратилось съ ходатайствомъ къ подлежащимъ властямъ о передачѣ ему старыхъ дѣлъ, хранищихся при губернскомъ правленіи. Ходатайство это, нѣтъ сомнѣнія, будетъ уважено и тогда вышѣшій архивъ малороссійской коллегіи, хранищійся при историко-филологическомъ обществѣ, сдѣлается центральнымъ хранилищемъ матеріаловъ харьковской, черниговской и отчасти молтавской губерній. Но харьковское историко-филологическое общество располагаетъ совершенно ничтожными средствами (сторублевой субсидіей и членскими взносами на такую-же сумму). Поэтому организовать и уоставить прочно на ноги своего архива оно не можетъ. Остается единственная надежда на помощь правительства. Въ послѣднемъ своемъ засѣданіи историко-филологическаго общества мною была прочитана записка объ историческомъ архивѣ, принадлежащемъ обществу, гдѣ высказана мысль о необходимости болѣе прочной постановки архивнаго дѣла въ Харьковѣ; въ виду этого я предложилъ войти съ ходатайствомъ къ г. попечителю харьковскаго учебнаго округа о передачѣ архива въ непосредственное распоряженіе университета, на подобіе нумизматическаго кабинета и музея изящныхъ искусствъ, и объ ассигнованіи ему известной штатной суммы. Историко-филологическое общество единогласно рѣшило войти съ такимъ ходатайствомъ черезъ историко-филологическій и юридическій факультеты къ г. попечителю округа. Если это ходатайство увѣнчается успѣхомъ, то въ Харьковѣ, по всей вѣроятности, образуется и архивная коммиссія, которая съ энергіей и любовью отнесется къ своей задачѣ; тогда судьба документовъ, разбросанныхъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, будетъ вполне обезпечена и явится возможность разрабатывать и мѣстную исторію, которая играла нѣкогда столь важную роль въ общерусскихъ событіяхъ. Известный архивистъ Пнк. Вас. Калачовъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ мысли объ устройствѣ въ Харьковѣ исторп-

ческаго архива и архивной комисіи; и это одно уже обстоятельство служить хорошимъ признакомъ.

Статья «Харьковъ въ семнадцатомъ столѣтіи» принадлежитъ мнѣ и потому распространяться о ней я не буду. Состоитъ она изъ документа, представляющаго описаніе города въ 1686-мъ году, и предисловія къ нему.

Слѣдующая статья «Городъ Харьковъ полтораста лѣтъ назадъ» является какъ-бы продолженіемъ предшествующей. Она основана исклю-чительно на данныхъ, заключающихся въ переписной книгѣ харьковскаго полка, составленной лейбъ-гвардіи майоромъ Хрущовымъ въ 1732 г. и хранящейся въ мѣстной казенной палатѣ. Главную массу населенія въ то время составляли козаки и ихъ подпомощники; первыхъ было — 171 дворъ, 247 хатъ и 775 душъ (мужскаго пола); вторыхъ — 422 двора, 515 хатъ и 1,531 душа (мужскаго пола); громадное большинство ихъ были малороссіяне или, какъ ихъ тогда называли, черкасы; великорос-сіицы, записанныхъ въ козацкую службу, было всего 13 дворовъ. Въ XVII ст. они составляли особый классъ служилыхъ людей и находились въ непосредственной зависимости отъ московскихъ воеводъ; но въ началѣ XVIII вѣка они стали записываться въ козацкую полковую службу и перешли вмѣстѣ съ тѣмъ въ вѣдѣніе слободскихъ полковниковъ. Въ переписи харьковскаго полка 1722 года мы находимъ цѣлый рядъ грамотъ, позволяющихъ такой переходъ отдѣльнымъ лицамъ. Другою видною группою населенія въ Харьковѣ были ремесленники; ихъ было 65 дворовъ, 190 хатъ и 492 души (мужскаго пола); среди ихъ встрѣчаются ткачи, шевцы, котляры, ковали, рымари, музыки, селяри, шаповалы, гончари, крапцы, кушнери, тесли, олейники, вышивки, солодовники, капары. Но если въ Харьковѣ цеховые составляли менѣе видную группу, чѣмъ козаки, то въ другихъ городахъ (Ахтырѣ, Сумахъ, Изюмѣ) козачество достигло еще большаго преобладанія. Очевидно, что въ слободской Украинѣ города по составу своего населенія отличались такимъ-же характеромъ, какъ и въ гетманщинѣ, съ тою только разни-цею, что въ гетманщинѣ было нѣсколько городовъ, выдававшихся по своему торговому и промышленному значенію (въ родѣ, напримѣръ, Пѣжина или Стародуба), а въ слободской Украинѣ такихъ городовъ не было ни одного. Наконецъ, третью и самую меньшую группу составляли разно-чивцы; въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ грековъ, армянь, поляковъ. Въ предмѣстьяхъ города на подворьяхъ и въ хуторахъ жили *подданные* раз-ныхъ владѣльцевъ; ихъ нужно отличать отъ крѣпостныхъ крестьянъ, приведенныхъ ихъ владѣльцами изъ разныхъ великороссійскихъ губер-ній. Всего въ Харьковѣ въ 1732 году считалось 950 дворовъ, 1280 хатъ и 3965 душъ (мужскаго пола); общее количество душъ обоето

пола правдоподобно простиралось до 7,435 душъ. На это число приходилось 5 церковно-приходскихъ школъ съ 19 учителями, одинъ коллегіумъ, 3 шпитали и 25 шинковъ. Таковы интересныя свѣдѣнія о городѣ Харьковѣ, извлеченныя изъ переписной книги харьковскаго полка лейбъ-гвардіи майора Хрущова; такія-же свѣдѣнія имѣются относительно всѣхъ городовъ и селеній 4-хъ слободскихъ полковъ. Всѣ цифровыя данныя изъ этихъ книгъ извлечены мною и будутъ напечатаны въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи слободской Украйны.

Слѣдующая статья «Выписка изъ фамиліной записи Квитовъ» затрогиваетъ любопытный вопросъ о мемуарахъ, касавшихся южной Руси. Мы знаемъ, что въ слободской Украйнѣ велись записи представителями разныхъ дворянскихъ фамилій—Квитками, Тевяшовыми, Лесевидками, Кондратьевыми и, можетъ быть, еще многими другими. Этотъ фактъ имѣетъ полную аналогію съ тѣмъ, что мы видимъ въ гетманщинѣ, гдѣ въ теченіе XVII и XVIII в. появилось нѣсколько лѣтоисцевъ, историковъ и мемуаристовъ (въ родѣ, напримѣръ, Самойла Зорки, Самуила Величка, Самовидца, Грабянки, Ханенка, Марковича и друг.). Къ несчастію даже тѣ произведенія, которыми пользовался преосвященный Филаретъ харьковскій, не дошли до насъ; не избѣжали общей участи и фамиліныя записи Квитовъ, сохранилась только незначительная выписка изъ нихъ, напечатанная теперь въ харьковскомъ календарѣ. Если судить о содержаніи записей по тому отрывку, который теперь напечатанъ, то это скорѣе была *лѣтописная записка*, чѣмъ фамиліные мемуары; но если даже большинство извѣстій тамъ относилось къ фамиліи Квитовъ, то и въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть объ ихъ уtratѣ, такъ какъ фамилія эта играла видную роль въ судьбахъ Слободской Украйны и ея исторіи пропала-бы свѣтъ и на судьбы всей Слобожанщины. Въ приведенномъ отрывкѣ представляютъ значительный интересъ рассказы о моровой язвѣ въ харьковскомъ полку въ 1738 году и о нашествіи татарскихъ ордъ. Главное достоинство этихъ отрывочныхъ замѣтокъ заключается въ томъ, что онѣ писаны современниками и очевидцами событій; замѣтки одного члена фамиліи потомъ продолжались другими, такъ что получились записи на протяженіи почти цѣлаго столѣтія.

Наконецъ, послѣдняя историческая статья въ харьковскомъ календарѣ «Мандрованные дяди въ слободской Украйнѣ» передаетъ намъ біографію одного дядеа-учителя, переходившаго изъ одного селенія въ другое; мандрованными такіе дядеи назывались потому, что постоянно перекочевывали съ одного мѣста на другое; вся жизнь ихъ проходила «въ мандривкахъ». Любопытный примѣръ такого мандрованного дядеа представилъ изъ себя и тотъ «безнаспорный» дядокъ и учитель,

Козьма Пораднѣ, о скитальческой жизни котораго рассказывается въ документѣ, разысканномъ пр. А. С. Лебедевымъ и воспроизведенномъ на страницахъ харьковскаго календаря. Происхожденіе этого оригинальнаго явленія мѣстной жизни объясняется тѣмъ рѣшительнымъ вліяніемъ, которое имѣли на выборъ священника и причетниковъ прихожане; вотъ почему такихъ-же бочующихъ священниковъ и причетниковъ мы встрѣчаемъ въ древней новгородской области, а съ другой стороны въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи; и тамъ и здѣсь отношенія прихожанъ къ священно и церковно-служителямъ опредѣлялись свободнымъ договоромъ, который, конечно, могъ быть прекращенъ, если одна изъ сторонъ плохо исполняла свои обязанности. Нельзя также не поставить этого явленія въ связь съ тою свободою передвиженія, которою въ то время пользовались всѣ классы южно-русскаго общества, начиная отъ шляхты и оканчивая *подданными*, т. е. посполитыми крестьянами. Въ Слободской Украинѣ въ частности постоянное передвиженіе населенія было еще болѣе господствующимъ явленіемъ, такъ какъ край заселился исключительно пришлымъ людемъ, являвшимся сюда изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ, а потомъ и у насъ, ремесленники переходили изъ одного города въ другой съ цѣлью усовершенствованія въ своемъ ремеслѣ,—и лица, готовившія себя къ учительской или причетнической профессіи, посѣщали болѣе пзвѣстныхъ учителей и обучались у нихъ школьной премудрости, потному пѣнію и т. п. Такимъ путемъ вырабатывалась страсть въ постояннымъ путешествіямъ, при чемъ вѣрнымъ пристанищемъ бывала школа, иногда церковный приходъ, а иногда и помѣщичій дворъ, гдѣ «мадривныкъ» получалъ кондицію. Пѣсколько любопытныхъ подробностей изъ быта такихъ мадровапыхъ дичковъ, школьничковъ и учителей можно найти въ «Украинской Старинѣ» г. Данилевскаго и въ недавно вышедшемъ отдѣльнымъ изданіемъ сочиненіи М. И. Семевскаго «Слово и дѣло».

Таковы интересныя историческія статьи, помѣщенные въ харьковскомъ календарѣ на 1885-й годъ. Дж. Багалъй.

О первоначальной летописи Великаго Новгорода. Г. Сениова.
Спб. 1884 г.

«Основная задача предлагаемаго изслѣдованія, говоритъ авторъ,—опредѣлить время возникновенія первоначальной новгородской летописи». Въ первой части этого труда приводятся мнѣнія по вопросу о возникно-

веніи новгородской лѣтописи, уже существующія въ наукѣ. Въ этомъ перечнѣ авторъ упустилъ лишь мнѣніе, высказанное въ послѣднее время г. Голубинскимъ, который признаетъ всю Іоакимовскую лѣтопись за подлогъ¹⁾. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго ученаго и вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Лянвиченка, что отношенія Татищева къ источникамъ, которыми онъ пользовался, не оставляютъ никакой возможности подозрѣвать его въ фальсификаціи²⁾. Изъ приводимыхъ г. Сениговымъ мнѣній о первоначальной новгородской лѣтописи ясно видно, «что никто изъ нашихъ ученыхъ не сомнѣвался въ древности новгородскаго лѣтописанія, при чемъ одни изъ нихъ относятъ начало новгородской лѣтописи къ первой половинѣ XI в., а другіе полагаютъ возможнымъ существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X в. до Владиміра св.»

Затѣмъ авторъ разбираемой статьи анализируетъ тѣ лѣтописныя извѣстія, которыя служатъ основаніемъ для мнѣнія о существованіи лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X в. до Владиміра св. Нельзя не согласиться съ г. Сениговымъ, что эти извѣстія не даютъ возможности признать этого мнѣнія. Подобныя записи, какъ о св. Ольгѣ, о мѣстѣ погребенія Олега, о построеніи Ладоги и Новгорода, объ избраніи перваго новгородскаго посадника Гостомысла и т. и., внесены въ лѣтопись изъ устъ народа, у котораго все эти событія могли долго сохраняться въ памяти и переходить отъ предковъ къ потомкамъ путемъ устной передачи, и прибавимъ, съ присоединеніемъ новыхъ подробностей, создаваемыхъ народою фантазіей. Противорѣчія въ хронологіи этихъ преданій съ хронологіей «Повѣсти временныхъ лѣтъ» также доказываютъ, что все эти записи нельзя считать современными самымъ событіямъ, въ нихъ описываемымъ. Если это такъ, заключаетъ авторъ, то нѣтъ основанія предполагать, существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ до Владиміра св.—Намъ кажется, что авторъ не совсемъ правъ, дѣлая подобный выводъ. Можно сказать, что *въ дошедшихъ до насъ спискахъ новгородскихъ лѣтописей нѣтъ данныхъ, указывающихъ, что начало лѣтописанія въ Новгородѣ относится ко времени до Владиміра св., но, можетъ быть, существовали списки, которые содержали записи событій до принятія христіанства и притомъ записи, современные самымъ событіямъ.* Авторъ останавливается на этомъ вопросѣ. Еще Срезневскій, на основаніи утраты начала синодальнаго и академическаго списковъ новгородской лѣтописи, предполагалъ, что въ Новгородѣ существовала обширная лѣтопись о древ-

¹⁾ См. его Исторію Русской Церкви и Актъ московской дух. академіи, 1881 г.

²⁾ Крапедворская рукопись и Іоакимовская лѣтопись. Въ Ж. М. Н. Пр.

нѣйшихъ событіяхъ, какъ и такъ называемая Несторова⁴⁾, а недавно г. Янинъ высказывалъ мысль, что въ начальныхъ тетрадахъ синодальнаго списка утратился не какой-нибудь клочекъ кievской «Повѣсти временныхъ лѣтъ», а самостоятельная новгородская начальная лѣтопись и вмѣстѣ съ нею значительное количество мѣстныхъ извѣстій и преданій о древнихъ судьбахъ Новгорода и объ отношеніяхъ его къ остальной Русн. Это предположеніе весьма правдоподобно. Г. Секиговъ старается доказать его несостоятельность на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Первый зародышъ лѣтописей заключается въ потребности сохранить воспоминаніе о достопамятныхъ дняхъ и случаяхъ. Такими достопамятными событіями у всѣхъ народовъ считались событія политической жизни. Въ древнѣйшей жизни В. Новгорода не было такихъ событій, которыя-бы свидѣтельствовали о политическомъ ростѣ новгородской области, о расширеніи предѣловъ и т. д.; политической силы В. Новгородъ не имѣлъ и находился въ полной зависимости отъ вышней кievскихъ. Стало быть, въ В. Новгородѣ не могло зародиться лѣтописаніе въ первый періодъ его исторіи. Этотъ выводъ логически вѣренъ, но не вѣрилъ самымъ посылку этого умозаключенія. По нашему мнѣнію, категорически ставить ихъ нельзя. Уважемъ на нѣкоторые факты, ослабляющіе категоричность этихъ выводовъ. Авторъ считаетъ В. Новгородъ слабымъ, находящимся въ полной зависимости, подчиненіи у кievскихъ князей; онъ приводитъ мнѣніе С. М. Соловьева, что междоусобіи въ русской землѣ дали силу этому вольному городу. Но подъ 970 г. лѣтопись рассказываетъ, что новгородцы пришли просить себѣ князя у Святослава, который отвѣчалъ: «абы кто къ вамъ шелъ;» Ярославъ и Олегъ дѣйствительно отказались. Новгородцы говорятъ: «аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя себѣ». Неужели этотъ фактъ указываетъ на слабость В. Новгорода? Напротивъ видно, что новгородцы не церемонились съ своими князьями и третиовали ихъ и въ это время уже такъ, что князья боялись сдѣять у нихъ. Угроза — отыскать себѣ князя въ другомъ мѣстѣ также могла быть сдѣлана только при сознаніи своей силы. Припомнимъ дальше, что въ 1014 г. Ярославъ отказался платить дань Киеву. Очевидно, онъ рассчитывалъ на силы Новгорода въ борьбѣ, которая неминуемо должна была открыться съ кievскимъ княземъ: Владиміръ св. уже приказалъ: «стеребите нуть и мосты мостите», приготовляясь идти на Новгородъ, и только смерть помѣшала ему исполнить свое намѣреніе⁵⁾. Если до второй четверти XII в. кievскіе князья сажали въ Новго-

⁴⁾ Срезневскій, Чтеніе о лѣтописяхъ, 1862 г., стр. 16.

⁵⁾ Ипатск. лѣт., стр. 89.

родѣ своихъ сыновей, то это еще нисколько не указываетъ на слабость этого города. Что и самъ Новгородъ сознавалъ свою силу, и князья признавали ее, лучше всего видно изъ слѣдующаго факта. Между Святполкомъ кievскимъ и Владиміромъ Мономахомъ заключенъ былъ договоръ, по которому В. Новгородъ долженъ былъ принадлежать Святполку, а Владиміръ Волынской—Мономаху. Въ силу этого договора Святполкъ хотѣлъ отправить въ В. Новгородъ своего сына. Но новгородцы прислали въ Кіевъ пословъ, которые сказали Святполку: «се ми, княже, прислали къ тобѣ, и рекли намъ тако: «не хожемъ Святполка, ни сына его; аще-ли двѣ головѣ имѣеть сынъ твой, то послѣ и». Святполкъ долго спорилъ съ ними, но новгородцы не уступили и взяли себѣ снова Мстислава, сына Мономаха ¹⁾. Если-бы В. Новгородъ былъ слабъ, неужели-бы кievскій князь такъ легко уступилъ постановленію его вѣча. Не въ половинѣ XIII в., не вслѣдствіе междоусобій на Руси возроста сила Новгорода, когда уже въ 1102 г. мы видимъ, что новгородцы грозятъ смертію князю, принять котораго не хотятъ. Сила В. Новгорода заключалась въ матеріальныхъ средствахъ. Что изъ Новгорода князья въ случаѣ опасности бѣгали за море для найма варяговъ (напр. Ярославъ), — это не показываетъ слабости его: средства на всемъ западныхъ дружинахъ давали тѣ-же новгородцы. Кароленъ былъ могучъ, но имѣлъ также наемныя войска и распускалъ ихъ по минованіи надобности, но, повторяемъ, онъ былъ могучъ. Сила В. Новгорода заключалась въ его торговлѣ. Богатства были у Новгорода всегда, и, пока можно было напимать въ Западной Европѣ войска, до тѣхъ поръ онъ могъ бороться со вселенны притязаніями, и сила его сознавалась и уважалась современниками. Мы приведемъ эти лѣтописныя извѣстія только потому, что авторъ разсуждаемой статьи не обратилъ на нихъ должнаго вниманія. Не станемъ приводить фактовъ, доказывающихъ древность торговли В. Новгорода: желающіе могутъ найти ихъ въ нашей лѣтописи, у Адама Бременскаго; они сгруппированы въ сочиненіяхъ гг. Костомарова, Аристовъ, Фортинскаго ²⁾. Въ трудѣ г. Григорьска о кувическихъ монетахъ находится указаніе, что онѣ были открываемы на шведскомъ материкѣ, и еще болѣе на островѣ Аландѣ и Голландѣ. Онѣ относятся къ промежутку времени VII—X в. ³⁾. Заходить на Балтійское побережье онѣ могли только чрезъ Русь, кото-

¹⁾ Ипатьев. лѣт., стр. 181—182.

²⁾ Костомаровъ, Сѣверно-Русскія народоправства; Аристовъ, Промышленность древней Руси; Фортинскій, Ганзейскіе города.

³⁾ Записка одесскаго общества исторіи и древностей, 1848 г., т. II; затѣмъ въ Сборникѣ «Россія и Азія».

рая была съ востокомъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Слѣдовательно съ огромною вѣроятностью можно относить торговлю Новгорода съ берегами Балтійскаго моря еще къ VII в.

И такъ въ силѣ В. Новгорода, намъ кажется, сомнѣваться нельзя. Соглашался съ г. Сениговымъ, что до оффиціального введенія христіанства въ В. Новгородѣ не могло быть тамъ важныхъ событій церковнаго характера, мы не можемъ согласиться съ нимъ въ томъ, что во внутренней жизни этого города не было фактовъ, которые могли-бы быть записаны въ первоначальной новгородской лѣтописи. Если была обширная торговля, сношенія со всеми берегами Балтійскаго моря, то смѣло можно предположить, что было много достопамятнаго для записанія въ лѣтопись. Исторія Новгорода стояла въ тѣсной связи съ его торговыми сношеніями. Извѣстно, что прекращеніе торговли съ югомъ или низовыми городами служило сильнымъ орудіемъ у князей въ послѣдующій періодъ для ослабленія силы Новгорода и подчиненія его своей власти. Не станемъ приводить фактовъ. Если такова была зависимость политической жизни Новгорода отъ его торговли, то понятно, что всякій выдающійся фактъ ея, всякое событіе, способствовавшее развитію его торговыхъ сношеній или приносившее имъ вредъ, могло служить матеріаломъ для первоначальной лѣтописи.

Нѣсколько нельзя сомнѣваться въ томъ, что письменность существовала въ Кіевѣ до принятія христіанства; несомнѣнно существовала она и въ Новгородѣ, и, насколько мы поняли, самъ г. Сениговъ не сомнѣвается въ этомъ. Кто могъ принадлежать къ числу грамотныхъ людей? Прежде всего, конечно, христіанское духовенство, существовавшее на Руси еще до Владиміра св. Въ договорѣ съ греками 944 г. читасмъ: «мы же свѣщаное все положихомъ на двою харатью, и една харотья есть у царства нашего, на нейже есть крестъ и имена паша написана, а на другой послн вапа и гостье ваши»¹⁾. Въ договорѣ 912 г. также говорится о двухъ хартіяхъ²⁾. Не имѣло-бы никакого смысла оставлять одинъ экземпляръ договора на Руси, если бы въ ней не было людей грамотныхъ. Договоры эти по преимуществу касаются торговыхъ сношеній Руси съ Византіей, а стало быть и точное выполненіе заключающихся въ нихъ условій интересовало главнымъ образомъ купцовъ, которые подъ договорамъ и подписываются. Въ договорѣ 944 г. между прочимъ находимъ; «иже посылаемн биваютъ отъ нихъ послы и гостье, да приносятъ

¹⁾ Ипатск. лѣт., стр. 32—33.

²⁾ Ibidem., стр. 22.

грамоту, пишуще сице ¹⁾»... Что купцы умѣли писать, это видно изъ сообщенія арабскаго писателя Ибнъ-Фозлана, видѣвшаго ихъ на Волгѣ. По его разсказу, купцы поставили на курганѣ, насыпанномъ надъ пещомъ ихъ умершаго товарища, столбъ, на которомъ написали имя покойника и имя князя, при которомъ онъ умеръ ²⁾. Слѣды хронологіи до-христіанской, когда счетъ времени велся по годамъ правленія правившаго князя, мы находимъ и въ періодъ христіанскій, на первыхъ страницахъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ списковъ и въ похвалѣ Владиміру св. Іакова Мнѣха ³⁾. Если сохранялась такая хронологія, значитъ, она и употреблялась раньше, слѣдовательно существовали записи и въ языческой періодъ. Въ разсказахъ нашихъ лѣтописей, въ очень и очень многихъ мѣстахъ, видно, что писавшіе были лица не духовныя; тѣмъ съ большимъ основаниемъ можно предположить это для времени языческаго. Первоначальная лѣтопись В. Новгорода могла вестись и въ языческой періодъ людьми мірскими; въ нее могли входить записи о фактахъ внутренней жизни В. Новгорода, о его торговыхъ предпріятіяхъ, о распространеніи его колоній. Что съ утвержденіемъ христіанства, особенно въ первое время, лѣтопись слѣдуетъ, главнымъ образомъ, за фактами религіозной жизни и дѣйствіями князей, а на первыхъ страницахъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ списковъ почти нѣтъ извѣстій о внутренней жизни, это не можетъ служить доказательствомъ отсутствія подобныхъ записей и въ тотъ періодъ, когда лѣтопись велась лицомъ не духовнымъ. Итакъ, намъ кажется, что *дѣлать категорическій выводъ* объ отсутствіи лѣтописи въ В. Новгородѣ въ періодъ до утвержденія тамъ христіанства нельзя. Можно только сказать, что *имѣющіяся у насъ лѣтописныя данныя* не могутъ служить въ утвержденію мнѣнія о существованіи первоначальной новгородской лѣтописи до Владиміра св... Словомъ, лѣтописи, если основывать все дѣло на ихъ содержаніи, не говорятъ ни за, ни противъ. Но нѣкоторые факты, сообщаемые нашими древнѣйшими лѣтописями и другими источниками, скорѣе даютъ право предполагать существованіе въ В. Новгородѣ лѣтописныхъ записей и въ до-христіанскій періодъ.

П. Голубовскій.

¹⁾ Ипатьев. лѣт., стр. 30.

²⁾ Разсказъ Ибнъ-Фозлана у Фреля въ Ibn-Fozlan's und andere Araber Berichte.

³⁾ Ипатьев. лѣт., стр. 10; Лавр. лѣт., стр. 17. Похвала въ послѣдній разъ напечатана у г. Голубинскаго въ Исторія Русской церкви, т. I, стр. 2.

Писцовая книга пинскаго и клецкаго княжества, составленная Станиславомъ Хвалевскимъ въ 1552—1555 г. Изданіе виленской археографической комисіи. Вильна. 1884 г.

«Читали-ли вы писцовыя книги? А если вы ихъ не читали, то я съ вами и разговаривать не буду!» такъ рѣзко иногда обрываетъ покойный А. П. Щаловъ горячіе споры свои съ товарищами. Мы вспоминаемъ его слова не съ тѣмъ, конечно, чтобы отнестись къ нимъ въ нашихъ благосклоннымъ читателямъ и самимъ отказаться отъ приятной бесѣды, но съ тѣмъ, чтобы указать на то, какое важное значеніе этимъ книгамъ придается лучшими исследователями въ наукѣ русской исторіи. Хотя наши историки давно уже обратили на нихъ должное вниманіе и время отъ времени подвергали ихъ разработкѣ, тѣмъ не менѣе этотъ родъ книгъ не только еще не весь изданъ, но и изданный далеко еще не весь исследованъ. Въ особенности мало писцовыхъ книгъ издано для исторіи южной и западной Россіи. Въ этомъ отношеніи виленская археографическая комисіи, надо отдать ей справедливость, сдѣлала больше другихъ. Благодаря ея неутомимости, мы имѣемъ:

1) Ревизію пуць и переходовъ зѣбрныхъ въ бывшемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ Григорія Водовича 1559 года. Вильна. 1867 г.

2) Ординацію королевскихъ пуць въ лѣсничествахъ бывшаго Великаго Княжества Литовскаго 1641 года. Вильна. 1877 г.

3) Писцовую книгу пинскаго староства Лаврина Войны. Часть I и II. Вильна. 1874 г.

4) Ревизію кобринской экономіи 1563 года. Вильна. 1876 г.

и 5) Писцовую книгу гродненской экономіи (XVI ст.). Вильна. 1881 г.

Каждая изъ названныхъ книгъ ждетъ еще до сихъ поръ своего исследователя, такъ какъ обычныя предисловія кого либо изъ членовъ археографической комисіи знакомятъ только съ памятникомъ въ самыхъ общихъ чертахъ и далеко не исчерпываютъ всѣхъ заключающихся въ немъ данныхъ. Этими словами мы вовсе не хотимъ упрекнуть авторовъ «предисловія» за то, что они не обработали своего матеріала во всемъ его объемѣ или въ какой либо части его, съ большей полнотой, но имѣемъ въ виду указать лишь на ту «жатву многу», для которой «дѣлателей» у насъ мало, да и тѣ немногіе, которые есть, не всегда знаютъ, гдѣ ее искать, и напоминаютъ судьбу крестьянъ, пускающихся зря въ отхожіе промыслы. Что дѣйствительно «жатва» въ писцовыхъ книгахъ «многа», въ доказательство этого мы позволимъ себѣ напомнить кратко объ ихъ происхожденіи и содержаніи, конечно, не для тѣхъ почтенныхъ специалистовъ, которые могутъ еще и насъ поучить. Цѣль составленія

писцовыхъ книгъ была двоякомъ: съ одной стороны имѣлось въ виду укрѣпить права частныхъ лицъ на владѣніе въ опредѣленныхъ границахъ и извѣстнаго рода и качества поземельной собственностью, съ другой—доставить правительству свѣдѣнія: а) о всѣхъ земляхъ и угодьяхъ извѣстной области, б) о ея населеніи и в) о податяхъ и повинностяхъ его. Попытки привести въ извѣстность и перечислить имущество, съ котораго собиралась подать, дѣлались со времени основанія русскаго государства; опредѣленіе всего это выражено въ разсказѣ Нестора лѣтописца о княгинѣ Ольгѣ, которая, съ сыномъ своимъ и дружиной, ходила по землѣ древлянъ, «устанавливающи уставы и уроки»¹⁾. Въ первое время, за недостаткомъ письменности, все основывалось на памяти, и едва-ли князья прибѣгали къ тѣмъ «чрѣтамъ и рѣзамъ», которыми сначала славяне «чѣтиху и гадаху». Въ удѣльно-вѣчевой періодъ дальнѣйшее развитіе писцовыхъ книгъ К. А. Невольнѣ видятъ въ грамотѣ великаго князя Всеволода Юрьеву монастырю въ Новгородѣ, въ уставѣ новгородскаго князя Святослава о церковной дани (1137 г.) и въ уставныхъ грамотахъ (1150 г.), данныхъ смоленскимъ княземъ Ростиславомъ смоленской епископіи²⁾. Потомъ дѣло описанія продолжалъ въ восточной Руси монголы, а въ западной литовскіе князья, а за ними и польскіе короли. Разъ начатое дѣло продолжалось и позже, становясь все болѣе необходимымъ, постепенно развиваясь и совершенствуясь. Дальнѣйшая судьба писцовыхъ книгъ въ Россіи изложена обстоятельно въ актовомъ рѣчи К. А. Невольна, читанной имъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и помѣщенной въ томъ же томѣ «Полнаго Собранія его сочиненій» подъ заглавіемъ: «Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до императрицы Екатерины II» (стр. 431—517). Къ тому времени, къ которому относится писцовая книга пинскаго и веццкаго княжествъ, оно велось уже весьма обстоятельно. Въ этихъ книгахъ мы находимъ богатый матеріалъ для исторической географіи: указанія на характеръ мѣстности, перечисленіе рѣкъ, рѣчекъ, болотъ, озеръ, лѣсовъ и проч., описаніе путей сообщенія, свѣдѣнія объ административномъ дѣленіи страны, топографіи городовъ и селъ, съ опредѣленіемъ занимаемаго ими пространства, количествомъ улицъ, общественныхъ зданій, частныхъ домовъ, съ опредѣленіемъ величины усадьбъ, перечнемъ домохозяевъ, ихъ семей и съ указаніемъ на занятія жителей; въ селахъ описывалось, кромѣ вели-

¹⁾ Лавр. лѣт., т. I, стр. 25. Полагаютъ, что описаніе земель заимствовано изъ Греціи, вхѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Мы думаемъ, что потребность въ такихъ описаніяхъ возникла еще до принятія христіанства, какъ доказываетъ примѣръ кн. Ольги (Полное собраніе сочиненій К. А. Невольна. Спб. 1859, т. VI, стр. 446).

²⁾ При этомъ Невольнѣ предлагаетъ гипотезу о заимствованіи обычая.

чины крестьянских надѣловъ, качество и количество обрабатываемой земли, размѣръ и все разнообразіе крестьянскихъ платежей и натуральныхъ повинностей и проч. Какъ видите, Щаповъ отчасти правъ былъ, пожалуй, упрекая изслѣдователей въ томъ, что они обходятъ этотъ главный матеріалъ для выводовъ и заключеній при рѣшеніи вопросовъ о судьбахъ общества и государства. Историческая географія, политическая экономія и статистика должны быть и будутъ, въ числѣ другихъ вспомогательныхъ наукъ исторіи, краеугольными камнями, на которыхъ только, съ увѣренностью въ прочность, и можно будетъ построить законы развитія общества. Кто-же послѣ этого не пожелаетъ, чтобы изданіе и разработка такого рода данныхъ нашли себѣ побольше преданныхъ работниковъ? Кто-же послѣ этого не порадуетъ, вмѣстѣ съ нами, выходу въ свѣтъ новой писцовой книги, заглавіе которой мы привели выше и къ обзорѣнью которой мы и приступимъ теперь?

Названіе «писцовая книга» усвоено только описаніямъ земель, производившимся въ восточной половинѣ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, а разсматриваемый матеріалъ получалъ его впервые отъ своихъ издателей; въ дѣйствительности-же заглавіе книги таково: «Regestr pomierzania ziem na włoki powiatow u these kxiestwa Pynskiego, Kliczkiego» ест. ¹⁾). Это уволочное измѣреніе начато было весной 1552 года, а окончилось также весной въ 1555 году. Приказъ объ измѣреніи былъ данъ королевой Боней пинскому и клецкому старостѣ Станиславу Хвальчевскому, который, въ свою очередь, поручилъ исполненіе этого дѣла дворянину Яну Горецкому и землебрау Яну Дубовскому и Богусу Михновичу. Измѣреніе было произведено въ пинскомъ и клецкомъ княжествахъ ²⁾), которыя, принадлежа сначала князьямъ Ярославичамъ, Ивану и его сыну Теодору, перешли потомъ по наслѣдству къ королю Сигизмунду I, отдавшему ихъ въ пожизненное владѣніе своей женѣ королевѣ Бонѣ. Одной изъ главныхъ задачъ при назначеніи измѣренія земель было округленіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ посредствомъ размежеванія ихъ съ сосѣдними землевладѣльцами, при чемъ интересы частныхъ лицъ, если они сталкивались съ интересами королевскихъ крестьянъ, всегда приносились въ жертву послѣднимъ. Издаваемому «регистру» предшествуетъ обычное предисловіе, авторомъ котораго на

¹⁾ Вообще подобныя описанія въ западномъ краѣ носятъ названіе: люстрацій, ревизій, тарифовъ, инвентарей и проч.

²⁾ Г. Пинскъ, уѣздный городъ, и м. Клецкъ, случагаго уѣзда, оба въ мнвской губерніи, были въ XVI и слѣд. вѣкахъ повѣтовыми городами брестъ-литовскаго воеводства, граничившаго на югѣ съ кievскыиъ и волынскыиъ воеводствами.

сой разъ является г. Снитко. Въ своей статьѣ онъ касается всего по немножку: и экономическаго положенія крестьянъ въ королевскихъ имѣнiяхъ, и администраціи сихъ послѣднихъ, и состава населенія по профессіямъ, и количества земли въ волокахъ подъ землями разнаго назначенія, и количества населенія, съ выдѣленіемъ въ главныхъ городахъ евреевъ, и описанія городовъ и мѣстечекъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на состояніе православія, количество церквей и монастырей и надѣлы духовенства. Правду сказать, статья читается легко и не безъ удовольствія, хотя пониманіе ея затрудняется постояннымъ употребленіемъ древнихъ мѣръ: земельной и денежной, безъ перевода ихъ на современныя¹⁾; самый главный отдѣлъ статьи—объ экономическомъ положеніи крестьянъ—изложенъ нѣсколько неясно, и чтобы ориентироваться въ немъ, приходится прочитывать одно и то-же два, три раза. Но такъ какъ этотъ отдѣлъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе интересный, то мы извлечемъ изъ него общіе выводы и сопоставимъ ихъ съ имѣющимися у насъ данными о положеніи крестьянъ въ юго-западномъ краѣ. Оказывается, что повинности, наложенныя на крестьянъ пинскаго и плецкаго княжествъ королевою Боной, были ниже повинностей, въ общей сложности, ложившихся на крестьянъ по «уставѣ на волости» короля Сигизмунда-Августа (приблизительно, будто-бы, для туглыхъ на 65 коп., и для осадныхъ на 1 руб. 43 коп., по современному счету). Въ имѣнiяхъ-же частныхъ владѣльцевъ крестьянскія повинности были гораздо разнообразнѣе и вообще обременительнѣе, нежели въ королевскихъ. Сравнивая теперь брестъ-литовскихъ крестьянъ съ сосѣдними волыцкими того-же времени, находимъ, что положеніе однихъ ничуть не было лучше положенія другихъ. Какъ брестъ-литовскіе, такъ и волыцкіе крестьяне въ королевскихъ имѣнiяхъ должны были работать въ году отъ 108 до 128 дней или, переизвая натуральными повинностями на денежные, платить около 10 рублей, тогда какъ въ имѣнiяхъ частныхъ лицъ число рабочихъ дней въ году возвышалось отъ 190 до 290, что, въ переводѣ на деньги, равнялось 15—20 рублямъ. Мы не говоримъ о вiевскомъ воеводствѣ, особенно южной половинѣ его, гдѣ постоянно

1) Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что уволокъ равна 19 десятинамъ съ половиной (почтя), а жеребей равняется уволокѣ; причемъ переводъ уволокъ занимаетъ изъ «Словари древняго актовaго языка» г. Горбачевскаго, безъ указанія источника, а при переводѣ жеребей дѣлается ссылка на сочиненіе г. Ярошевскаго: «Образъ Литвы», тогда какъ гораздо лучше и проще было-бы сослаться на наши русскіе законы («Законы гражданскіе и жежевые», часть 2-я, статья 500—502), гдѣ прямо сказано, что уволокъ равна 19 десятинамъ, 2010 квадратнымъ саж.; шнуръ—23 саж.; служба—190 десятинамъ и 900 квадратнымъ саженьямъ; сѣнные покосы—100 копнамъ или 10 десятинамъ; моргъ—1452 квадратнымъ саженьямъ, а жеребей—20 десятинамъ.

крестьянскія повинности и платежи были не высоки, вследствие близости Запорожья и частых побѣговъ туда крестьянъ, искавшихъ приволья и независимости. Къ концу XVIII столѣтiя число рабочихъ дней на Волыни увеличилось до 320; въ пинскомъ и клецкомъ повѣтахъ, само собою разумѣется, оно должно было быть не меньше, если еще не больше. Охраняемыя кievскаго и подольскаго воеводства и въ это время находились въ болѣе выгодныхъ условiяхъ.

Характеръ землевладѣнiя былъ подворный, хотя есть указанiе и на общинный; напримѣръ: въ селѣ Матвѣевичахъ, послѣ исчисленiя крестьянскихъ надѣловъ (среднiй надѣлъ въ обонхъ княжествахъ равняется 20 десятинамъ или одной уволокѣ), говорится, что крестьяне *«przely wszystkich szyolem na szynszu w tym ze obrubye szochu nye rozganianych wlok 3 (60 десятиць) grunthu sredniego»*. Подобныя-же указанiя встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ книгъ. Пожертвованiе крестьянами земли въ пользу церквей («мужнцкое наданье», фундушъ) въ свою очередь служить, по нашему мнѣнiю, доказательствомъ общиннаго землевладѣнiя.

О католическихъ церквяхъ и монастыряхъ, равно какъ и объ ихъ служителяхъ упоминается рѣдко, вследствие того, конечно, что католицизму въ это время далеко не принадлежала здѣсь преобладающая роль и всюду, напротивъ, господствовало православiе, хотя польская колонизацiя края уже даетъ себя чувствовать и сказывается въ языкѣ.

Евреи въ пинскомъ и клецкомъ княжествахъ составляли самый незначительный процентъ (въ городахъ около 4%). Изъ 28 домохозяевъ въ Пинскѣ, напримѣръ, только два занимались земледѣлiемъ, остальные довольствовались усадьбами и огородами въ городѣ и принадлежали, по мнѣнiю г. Снитко, къ торговцамъ; въ селахъ-же, какъ видно изъ нѣсколькихъ примѣровъ, евреи чаще всего отдавались земледѣлiю (стр. 75 и 76).

Таково въ общихъ чертахъ содержанiе этой богатой новыми и при томъ, что особенно важно, точными данными.

Въ заключенiе пожелаемъ, чтобы въ будущемъ изданiе всякаго рода люстрацiй, ревизiй, тарифовъ и другихъ книгъ со статистическимъ матеріаломъ приняло болѣе явровiе размѣры, ибо только цифры могутъ дать незыблемое основанiе историческому знанiю. Старая, правда, это истина, но она долго еще будетъ нова.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КЪ СТАТЬѢ Г. ВЕРХИНА „О ПОСОЛЬСТВАХЪ ВЛАДИМИРА СВ. ДЛЯ ИСПЫТАНІЯ ВЪРЪ“¹⁾.

Нельзя сказать, чтобы исторія нашего древняго періода изобиловала источниками, а поэтому всякое новое извѣстіе, дополняющее наши свѣдѣнія, встрѣчается съ большимъ интересомъ. Извѣстіе Іегуды о посольствѣ Владиміра св. въ Хозарію для испытанія вѣры іудейской несомнѣнно заслуживаетъ полнаго вниманія, но признать его достовѣрность можно только послѣ тщательнаго критическаго изслѣдованія. Главнымъ образомъ вопросъ о подлинности самого этого документа можетъ быть рѣшенъ только ориенталистами. Въ настоящей нашей замѣткѣ мы хотимъ сказать лишь нѣсколько словъ о легендѣ лѣтописной, которую подвергаетъ разбору и г. Берхинъ.

Г. Гаркави въ своемъ разборѣ извѣстія Іегуды указываетъ весьма справедливо, что въ Кіевѣ были евреи при Владимірѣ св. и что поэтому испытать іудейскую вѣру можно было, и не посылая въ Хозарію. Г. Берхинъ, возражая г. Гаркави, говоритъ, «что это возраженіе можно съ такой-же силой направить и противъ подлинности такъ называемой лѣтописи Нестора». Онъ приводитъ цѣлый рядъ извѣстныхъ доказательствъ о существованіи въ Кіевѣ христіанъ и до Владиміра св. и при немъ и въ заключеніе спрашиваетъ: «для чего Владиміръ св. отправилъ пословъ въ Грецію, когда онъ могъ

¹⁾ «Кіевская Старина» 1884 г. Декабрь.

увидѣть христіанское богослуженіе въ самомъ Кіевѣ?» Совершенно вѣрно. Если было безъ всякой нужды отправлено посольство въ Грецію, то могло быть послано и въ Хозарію. Но тутъ произошло недоразумѣніе. Г. Берхинъ ошибочно предполагаетъ, будто наукой признается фактъ отправки посольства въ Грецію: онъ отрицается, какъ и фактъ посольства въ Болгарію. Посольства были не нужны, потому что представители христіанства, мусульманства и іудейства были тогда въ Кіевѣ, какъ въ важномъ торговомъ центрѣ. Тутъ путями греческимъ, залознымъ и соленнымъ сходились кушцы изъ Греціи, Хозаріи и культурнаго арабскаго юга. Фактъ посольства въ Грецію не подтверждается при томъ извѣстіями иностранныхъ писателей. Византійскіе хроникеры рассказываютъ о крещеніи св. Владиміра, о женитьбѣ его на Аннѣ, но ничего не упоминаютъ о посольствѣ для испытанія вѣры. Нужно замѣтить, что византійцы были народъ весьма самолюбивый. Они могли умолчать о завоеваніи руссами Корсуна (Херсонеса), но не преминули-бы рассказать о подавляющемъ впечатлѣніи, произведенномъ на руссовъ пышностью и торжественностью ихъ богослуженія. Кедрицъ и другіе не преминули-бы разукрасить это событіе, какъ льстившее ихъ національной гордости. Писатель западный, Дитмаръ Мерзбургскій, также знаетъ о крещеніи св. Владиміра и его женитьбѣ на Аннѣ, которую смѣшиваетъ съ Еленой, но ему ничего неизвѣстно о посольствѣ для испытанія вѣры. Говорятъ объ этомъ событіи и восточные писатели, Ибнъ-эль-Атиръ и Яхія антиохійскій. Они раскрываютъ намъ дѣйствительную причину фактовъ. Императоры Василій и Константинъ просили у Владиміра помощи, обѣщая выдать за него свою сестру. Крещеніе совершилось, и съ обѣихъ сторонъ было исполнено условіе ¹⁾). Таково извѣстіе Ибнъ-эль-Атира, заслуживающаго полнаго нашего довѣрія по своей добросовѣстности и обшпрнымъ свѣдѣніямъ ²⁾). Оказывается, что внутреннія неурядицы въ самой Византіи дали толчекъ къ женитьбѣ Владиміра св. на Аннѣ. Стало быть,

¹⁾ D'Ohsson. Les peuples du Caucases, pag. 240.

²⁾ О немъ см. «Записки академіи наукъ», по I и III отд. 1854 г., т. II, а также Defrémerey. Fragments des géographes et d'historiens... О Ибнъ-Яхія антиохійскомъ см. статью г. Флорискаго въ Киевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ: «Новыя книги по южно-славянской исторіи».

извѣстіе лѣтописи о посольствахъ для испытанія вѣрѣ не можетъ быть признано исторически достовѣрнымъ. Такимъ образомъ, фактъ посольства въ Хозарію отрицается не вслѣдствіе умолчанія о немъ лѣтописи, а вслѣдствіе непризнанія достовѣрнымъ *осею* разказа лѣтописи о вѣрѣхъ посольствахъ для испытанія вѣрѣ.

Г. Беркинъ дѣлаетъ остроумное замѣчаніе, что разказъ о крещеніи Руси былъ написанъ послѣ взятія Іерусалима крестоносцами. Это по нашему мнѣнію вполне вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, не могли-же іудейскіе проповѣдники говорить: «и предана бысть земля наша христіанамъ»¹⁾, пока крестоносцы не основали іерусалимскаго королевства. Слѣдовательно весь разказъ о принятіи Владиміромъ св. христіанства явился въ послѣдней своей редакціи послѣ 1099 г. Источниками этого разказа признаются: Палея, житія Владиміра св. Іакова Мпиха, исповѣданіе вѣры Михаила Сянкела²⁾, но несомнѣнно также сюда вошли и народныя преданія, а можетъ быть и мѣстныя русскія литературныя произведенія, существовавшія до составленія лѣтописнаго свода Сильвестромъ. «Се-же не свѣдуще право, глаголють, яко крестился есть въ Кіевѣ, инии-же рѣна въ Василевѣ, друзии-же рѣна, иго сказующе», говоритъ Сильвестръ³⁾. Итакъ Владиміръ св. крестился въ Корсушѣ, въ Кіевѣ, въ Василевѣ и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Существовало значитъ нѣсколько преданій, привязанныхъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ; можетъ быть, каждое изъ нихъ существовало въ формѣ литературнаго произведенія. Но несомнѣнно, что народныя преданія, съ характеромъ своего особеннаго творчества, послужили въ сильной степени для послѣдняго редактора: живость и юморъ—вотъ двѣ характеристическія черты всего разказа о крещеніи Руси. Народная память разукрасила фактъ, расширила его несуществовавшими подробностями. Выкиньте исповѣданіе вѣры, поученіе о вѣрѣ греческаго философа, что все есть несомнѣнная вставка; оставьте только діалогъ Владиміра св. съ этимъ философомъ въ видѣ краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ, и тогда весь разказъ о приходѣ проповѣдниковъ и о докладѣ возвратившихся пословъ приметъ харак-

1) Ипатск. лѣт., стр. 57.

2) См. работы: Сухомлинова, Бестужева-Рюмина, Костомарова и др.

3) Ипатск. лѣт., стр. 76.

терь народной пьесы, въ родѣ вертепнаго представленія объ Иродѣ. Южно-русскій народный юморъ, который былъ таковъ-же прежде, какъ и теперь, вывелъ на сцену своихъ сосѣдей и заставилъ ихъ предстать въ комическомъ видѣ, не упустивъ случая посмѣяться надъ врагомъ и недругомъ. Составитель лѣтописи сгладилъ нѣсколько этотъ колоритъ народнаго творчества, внесъ поученіе и исповѣданіе вѣры, а также то извѣстіе обо всѣхъ этихъ событіяхъ, которое существовало, можетъ быть, въ какомъ-нибудь письменномъ документѣ. Интересно, что рассказъ Ибнъ-эль-Атира въ одномъ мѣстѣ вполне согласенъ съ лѣтописнымъ. Хозарское владычество заставило тѣсно сблизиться Русь съ Хозаріей. Припомнимъ, что титулъ «каганъ», придаваемый митрополитомъ Иларіономъ русскому князю, есть наслѣдіе хозарское. Въ южной Руси до сихъ поръ сохранились названія: Козаровка, Козари, Козаричи, что ясно указываетъ на пребываніе козарь среди туземнаго населенія. Тѣмъ болѣе они должны были существовать въ Кіевѣ.

Остановимся еще на одномъ соображеніи г. Берхипа. Предположеніе, что лѣтописецъ или составитель духовнаго званія выпустилъ извѣстіе о посольствѣ къ хозарямъ по своей враждѣ къ іудейству и евреямъ, не имѣетъ твердаго основанія. Наша лѣтопись отличается вообще большою религиозною и національною терпимостью. Лѣтописцы наши готовы были представить всѣхъ вѣроисповѣдцевъ, не только евреевъ, въ смѣшномъ видѣ, рассказать ужасныя вещи про ихъ нравы и обычаи, но цѣтъ у нихъ нигдѣ при этомъ и тѣни враждебности. Что-же касается евреевъ, то въ рассказѣ о крещеніи Руси лѣтопись не только не относится къ нимъ враждебно, но даже какъ-бы старается обходить ихъ, не позволяеть въ отношеніи ихъ ни одной насмѣшки, никакого преувеличенія. Прочтите, что рассказывается въ этой повѣсти о католикахъ, а особенно о магомстанахъ. Ничего подобнаго лѣтопись не допускаеть, говоря объ евреяхъ.

Извѣстіе Іегуды само по себѣ можетъ быть не поддѣлано, потому что и въ древности, и въ средніе вѣка не было цѣли этой поддѣлки, но нужно доказать, что дѣйствительно существовалъ съ давнихъ поръ (съ древности) этотъ документъ, эта бумажка или пергаментъ съ надписью, что эта бумажка съ этою надписью не есть плодъ поддѣлки ни собирателя коллекціи рукописей, ни болѣе

ранняго владѣтеля, знакомыхъ, по всей вѣроятности, съ русской исторіей. Словомъ, повѣрить можно тогда, когда вполне ясно будетъ представлена исторія рукописи, при чемъ ни малѣйшаго вниманія не должно быть обращено на сообщенія собирателя коллекціи. Исторія рукописи, ея переходы изъ рукъ въ руки, должны быть прослѣжены какъ можно тщательнѣе. Когда ориенталисты разскажутъ намъ эту исторію, укажутъ, подлинникъ-ли это или копія, и если копія, ясно обнаружатъ, что оригиналъ существовалъ или существуетъ и гдѣ именно, только тогда извѣстіе Іегуды можно будетъ принять, какъ доказательство вѣрности во всѣхъ подробностяхъ лѣтописнаго разсказа о посольствахъ къ Владимиру св.

П. Голубовскій.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ НАХОДКИ ВЪ ГОМЕЛЬСКОМЪ УѢЗДѢ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Года два назадъ, когда я уѣзжалъ въ Гомель, Владиміръ Бои-фатьевичъ Автоновичъ не преминулъ, по обыкновенію, попросить и меня поискать на мѣстѣ моего жительства археологическихъ памятниковъ.

Мнѣ дѣйствительно удалось кое-что если не найти, то раззнать, и какъ гомельскій уѣздъ принадлежитъ къ мѣстностямъ, наименѣе изслѣдованнымъ въ археологическомъ отношеніи, то полагаю, что сообщаемыя теперь мною свѣдѣнія не будутъ лишними для нашихъ археологовъ.

Свѣдѣнія, которыя хочу здѣсь передать, получены мною, главнымъ образомъ благодаря М. М. Филопову. Состоя болѣе двадцати лѣтъ землемѣромъ въ имѣніи князя Паскевича, онъ собралъ, согласно желанію князя, значительную коллекцію древностей, которая и хранится въ гомельскомъ дворцѣ князя.

Наибольшее число предметовъ найдено на берегу озера, котораго на картѣ генеральнаго штаба обозначено надписью: «оз. Козарино», а по мѣстному «озеро Козара». Находится оно на лѣвомъ берегу р. Сожа (съ которымъ сливается во время весенняго разлива) верстахъ въ 40 отъ устья рѣки, противъ села Новые Дят-

ловичи, расположеннаго на противоположномъ берегу рѣки. Озеро имѣетъ форму буквы С, написанной обратно—отверстіемъ къ рѣкѣ.

Исторія произведенной здѣсь раскопки очень своеобразна.

Одпажды г. Филоновъ работалъ надъ измѣреніемъ земли возлѣ озера и замѣтилъ, что весь восточный берегъ его усаженъ небольшими курганами, разбросанными безъ всякой системы на значительномъ пространствѣ. У него явилось желаніе ознакомиться съ содержаніемъ кургановъ, но не имѣя свободнаго времени, по причинѣ спѣшной работы въ другой мѣстности, онъ обратился къ одному изъ крестьянъ сосѣдней деревни съ такимъ предложеніемъ: если онъ раскопаетъ указанный ему курганъ и найдетъ какую-нибудь вещь, глиняную, каменную или металлическую, то получить за нее рубль, хотя-бы эта вещь была годна ли для какого употребленія. Черезъ нѣкоторое время крестьянинъ явился къ г. Филонову: «Пожалуйте, баринъ, рубль!» — «За что?» — «А вотъ за это!» и крестьянинъ подалъ мѣдный браслетъ, найденный имъ на ногѣ скелета въ курганѣ. Черезъ нѣкоторое время опять явился тотъ-же крестьянинъ: «Пожалуйте, баринъ, и другой рубль вотъ за эту штуку». На этотъ разъ онъ принесъ еще браслетъ, снятый съ руки того-же скелета.

Г. Филоновъ сообщилъ князю о козарскихъ курганахъ и о найденныхъ тамъ браслетахъ. Князь поручилъ ему распорядиться относительно раскопки этихъ кургановъ, при чемъ и самъ пожелалъ присутствовать на мѣстѣ раскопки, когда все уже будетъ готово. Г. Филоновъ послалъ рабочихъ къ оз. Козара и приказалъ имъ снимать верхи кургановъ, пока не наткнутся на скелетъ или на какой-либо предметъ, а если ничего не найдутъ, то копать до цѣлныи. Когда такимъ образомъ было препарировано около двадцати кургановъ, пріѣхалъ г. Филоновъ и затѣмъ князь съ семействомъ. Изъ кургановъ выбрали всѣ предметы, которые признаны были достойными вниманія, и приобщили ихъ къ археологической коллекціи въ гомельскомъ дворцѣ князя.

Г. Филоновъ доставилъ мнѣ возможность ознакомиться съ этой коллекціей; съ помощью горнаго инженера М. П. Мельникова составлено мною слѣдующее описаніе археологическихъ предметовъ, найденныхъ въ гомельскомъ уѣздѣ.

Прежде всего предметы, найденные во время описанной выше раскопки козарскихъ кургановъ:

Два глиняныхъ кувшина, въ 4 и 8 д. высоты, по формѣ похожи на нынѣшніе молочные кувшины. У каждаго по 2 ушка съ дырочкой. Снаружи—орнаментъ въ видѣ зигзагообразной линіи.

Бѣлый глиняный горшечекъ, около 5 д. высоты. Снаружи—орнаментъ изъ зигзагообразной линіи въ три пояса.

Глиняная «мысочка», величиною въ обыкновенную тарелку; по формѣ похожая на теперешнія.

Каменный топоръ изъ мелкозернистаго гранита, около 5 д. высоты. Неполированъ, очень грубой работы. Найденъ на ребрахъ скелета.

Ожерелье изъ семи продолговатыхъ зеренъ, около полудюйма длиною—пять сердоликовыхъ и два янтарныхъ. Зерна различной формы—цилиндрическія, призматическія и проч. Всѣ отшлифованы и хорошо полированы. Попали-ль эти зерна на одну нитку случайно, или-же потому, что найдены были въ одномъ курганѣ—свѣдѣній не имѣется; это замѣчаніе относится и къ остальнымъ ожерельямъ: на предметахъ коллекціи имѣется одна лишь надпись—въ какой мѣстности предметы найдены.

Ожерелье изъ нѣсколькихъ десятковъ одинаковыхъ зеренъ синеватаго цвѣта, лишь немногихъ больше зеренъ проса.

Ожерелье изъ 30-ти зеренъ длиною отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{4}$ дюйма; преимущественно стекляныя, нѣкоторыя—будто фарфоровыя. Формы самой разнообразной. Нѣсколько штукъ, изъ числа имѣющихся цилиндрическую форму, позолочены снаружи; остальные по цвѣту бѣлыя, синія, желтоватыя и черныя.

Два браслета красной мѣди, сдѣланные изъ проволоки.

Семь мѣдныхъ колець для пальцевъ. Два изъ нихъ плоской формы, широкія, съ орнаментомъ въ видѣ какихъ-то фигурокъ.

16 серебряныхъ ушныхъ колець, серегъ.

8 подвѣсокъ къ серьгамъ изъ какого-то сплава. Состоятъ изъ пластинокъ, причудливо по краямъ обрѣзающихся,—такъ что можно принять ихъ, при пылкомъ воображеніи, за намекъ на изображенія животныхъ. Формы различной.

7 подвѣсокъ къ серьгамъ изъ какого-то сплава,—замѣчательно изящной формы. Сдѣланы изъ тончайшей проволоки (филигреновыя) и имѣютъ видъ ажурныхъ бубенчиковъ.

Изъ козарскихъ кургановъ только три желѣзныхъ предмета попали въ коллекцію: что-то въ родѣ клинѣа кипжала, гвоздь въ 3 д. длиною и обыкновенное огниво.

Къ великому сожалѣнію, во время раскопки на берегу озера Козара никто никакого журнала не велъ, и потому не осталось никакихъ по этому предмету свѣдѣній. Воспоминанія г. Филонова, за давностію времени, ступевались относительно подробностей. Однако-жъ онъ съ увѣренностію утверждаетъ, что во 1-хъ, чуть-ли не въ каждомъ курганѣ попадались человѣческія кости (одинъ скелетъ головы попалъ и въ коллекцію, а вещи найдены лишь въ нѣсколькихъ изъ числа раскопанныхъ кургановъ, и во 2-хъ, что кости и вещи лежали на уровнѣ земли, т. е. что при погребеніи покойниковъ не дѣлали углубленій въ почвѣ—могилъ не копали.

Кромѣ поименованныхъ предметовъ, найденныхъ возлѣ озера Козара, въ коллекціи князя Паскевича есть еще слѣдующіе предметы, найденные въ другихъ мѣстахъ гомельскаго уѣзда.

Нѣсколько глиняныхъ черепковъ, вѣроятно изъ большой урны, съ острымъ коническимъ дномъ,—самой первобытной грубой работы. Черепки около дюйма толщины, спаружи красно-желтые, а съ внутренней стороны—черные. На нѣкоторыхъ простой орнаментъ. Найдены возлѣ села Осовцы, въ 6-ти верстахъ на ю.-з. отъ Гомеля.

Обручъ изъ сплава въ родѣ бронзы, $\frac{3}{4}$ арп. длиною. Состоитъ изъ четырехъ нитокъ проволоки, сплетенныхъ въ видѣ обыкновенной веревки. Концы застегиваются, обвивая другъ друга, подобно концамъ обруча на бочеплѣ. Найденъ на шеѣ скелета въ курганѣ возлѣ м. Добруша, на рѣкѣ Ипути, въ 30 верстахъ отъ Гомеля.

Два каменныхъ топора, съ сквозными отверстиями, найденные крестьянами въ полѣ, при раскопкѣ нови, — одинъ возлѣ деревни Вылевъ (7 верстъ отъ Гомеля, на сѣверо-западъ), а другой возлѣ села Волковичи, на рѣкѣ Ипути, выше Добруша. Послѣдній изъ нихъ (5 $\frac{1}{4}$ д. длины) изъ зеленовататаго порфира; онъ представляетъ рѣдкій и поразительный примѣръ красоты и изящества, какъ по формѣ, такъ и по чистотѣ отдѣлки; украшенъ кольцевымъ валикомъ вокругъ отверстія. Не имѣетъ ни малѣйшей царапинки и вообще такъ хорошо сохранился, будто только что вышелъ изъ рукъ художника-мастера. Можно полагать, что этотъ топоръ предназначался не для

обыкновеннаго практическаго употребленія, а служилъ атрибутомъ какого-либо сана или священнодѣйствія.

Слѣдуетъ еще упомянуть о костяхъ мамонта и другихъ допотопныхъ животныхъ, которыхъ достаточное количество собрано въ коллекціи князя Паскевича. Г. Филоновъ сообщаетъ, что подобныя кости ежегодно обнажаются весною на берегахъ Сожа, верстъ 15 ниже Гомеля, возлѣ селъ Бобовичи и Терешковичи.

Полагаю, что нашимъ археологамъ пригодятся и свѣдѣнія, собранныя мною относительно мѣстонахожденія въ гомельскомъ уѣздѣ кургановъ и городковъ.

Курганы находятся возлѣ селъ: Абрамовки, Жгуня, Студеной Гуты, Осовець, Якубовки и возлѣ Романовскаго парома.

Городки возлѣ Добруна, Любень, между Покалюбичами и Хохлицей, между Иваками и Хохлицей.

Послѣ этого я въ правѣ разсчитывать, что Владиміръ Бонифатьевичъ не откажется посѣтить нашу уѣздь съ археологической дѣлюю. На сочувствіе и содѣйствіе князя Паскевича въ его обширныхъ владѣніяхъ можно съ увѣренностью разсчитывать. Чтобы еще болѣе подвинуть къ этому дѣлу нашего уважаемаго археолога, я ему напомню одно обстоятельство. Въ 1873 году я уѣзжалъ на жительство въ г. Лубны, и Владиміръ Бонифатьевичъ тоже присутствовалъ меня пожеланіями доставить ему археологическія свѣдѣнія. Результатомъ моихъ сообщеній была хорошо извѣстная всѣмъ археологамъ раскопка, произведенная въ с. Гонцахъ г. Каменскимъ и г. Ософизаковымъ. Можетъ и теперь посчастливится...

До сихъ поръ гомельскій уѣздъ совсѣмъ неизвѣстенъ относительно археологическихъ памятниковъ; но, какъ видно изъ приведеннаго сообщенія, вовсе не потому, что этихъ памятниковъ нѣтъ, а потому лишь, что такая уже доля радимичей съ незапамятныхъ поръ. Оказывается однако-жь, что хотя почтенные здѣшніе аборигены и имѣли страшную натуру (сохраненную и до сего дня) бѣгать Волчья Хвоста, тѣмъ не менѣе и послѣ нихъ остались историческіе памятники. Впрочемъ я боюсь, чтобы господа археологи не вздумали догадываться, будто эти памятники остались послѣ тѣхъ, кому радимичи такъ смиренно платили по шелягу отъ рала (кстати и помянутое озеро называется такимъ именемъ)...

А. Лоначевскій.

ГЕТМАНСКІЙ ГОРОДЪ.

Въ любопытной замѣткѣ г. Бакая о Гадячскомъ рукописномъ сборникѣ XVIII ст., помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1884 годъ, о самомъ Гадячѣ сказано лишь нѣсколько словъ. Но подобныя замѣтки вызываютъ собою цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній, и только иллюстрируемая ими всякая такая замѣтка способна оживить заглохшую старину. Хочу поэтому дополнить почтеннаго автора, къ его немногимъ словамъ о Гадячѣ хочу прибавить еще нѣсколько словъ.

Я назвалъ Гадячъ гетманскимъ городомъ не въ смыслѣ постоянной резиденціи гетмановъ. Въ этомъ смыслѣ ни одинъ малорусскій городъ не можетъ быть названъ такимъ именемъ. Гетманство въ томъ видѣ, какъ оно прошло въ исторіи, и не могло имѣть постоянной резиденціи. Это была особаго рода военно-административная функція, доседевшая едва не до степени верховной власти силою исключительнаго положенія народа, по случайная и временная, какъ и самое это положеніе. Въ вихрѣ кровавой борьбы и случайностей военнаго счастья, гетманская власть витала на всемъ пространствѣ борьбы и не могла установиться на одномъ мѣстѣ прочно и на долго, пока сама не испарилась съ измѣненіемъ политическаго положенія народа. Самъ «батько козачій» всю жизнь носился на поляхъ битвъ и лишь кости свои сложилъ въ родномъ ему Суботовѣ. Наиболѣе продолжительное время резиденціею гетмановъ былъ Глуховъ, за нимъ Гадячъ въ гетманство Брюховецкаго и потомъ Батуринъ при Мазепѣ и Разумовскомъ. Но Гадячъ сверхъ того былъ жалуетъ въ собственность тремъ гетманамъ и потому ему по преимуществу можетъ принадлежать названіе гетманскаго.

Гадячъ основанъ въ 1634 году польскимъ шляхтичемъ *Жолкевскимъ*. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ московскому государству, городъ этотъ царскою грамотою 1654 г., марта 24 дня, со всеми угодьями, составлявшими имѣніе королевское, пожалованъ былъ въ вѣчность гетману Богдану Хмельницкому и его потомкамъ. Въ 1726 году, 25 іюля, князь Меншиковъ получилъ отъ Екатерины I во владѣніе Гадячъ съ принадлежащими къ нему мѣстечками, селами и слободами; но въ малолѣтство Петра II сильный временщикъ, помолвивъ за него дочь свою, вмѣсто Гадяча взялъ себѣ

лучшія и доходлѣйшія мѣста. Императрица Анна Іоанновна, въ 1730 году, подарила Гадячъ гетману Даниилу Апостолу († 17 января 1734 года), а Екатерина II пожаловала тотъ-же городъ въ потомственное владѣніе графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, при увольщеніи его отъ гетманства въ 1764 году, 10 ноября. Но въ 1785 году императрица выкупила въ казну Гадячъ съ волостью, гдѣ считалось крестьянъ 9,948 душъ мужескаго пола, заплативъ 596,880 рублей, т. е. по 60 рублей за душу. Въ 1791 году Гадячъ съ округомъ былъ причисленъ къ кievскому намѣстничеству, а въ 1802 году, 9 марта, вошелъ въ составъ полтавской губерніи.

Вотъ важнѣйшія историческія событія, свидѣтелями которыхъ былъ Гадячъ.

Когда писарь Хмельницкаго Выговскій, принявъ сторону Польши, достигъ гетманства, имъ заключенъ былъ здѣсь (1658 года, 16 сентября) договоръ съ крымскимъ ханомъ и польскимъ королемъ. Ведя потомъ войну съ Москвою, Выговскій въ 1659 году цѣлыя три недѣли держалъ Гадячъ въ осадѣ и снялъ ее лишь послѣ того, какъ всѣ его приступы съ великою потерей были отражены дослѣднимъ козачьимъ полковникомъ Ефремовымъ, а за Днѣпромъ появился Юрій Хмельницкій и провозглашенъ гетманомъ. Выдержавшіе осаду жители Гадяча, за вѣрность царю, получили въ награду, въ числѣ 922, по полтипѣ на брата. Во время возстанія Мартина Пушкаря, пѣжинскій полковникъ Григорій Гуляницкій взялъ приступомъ этотъ городъ, державшій тогда сторону соперника Выговскаго. Въ памятную эпоху вторженія Карла XII въ Украину Гадячъ былъ занятъ пведами и, осажденный войсками Петра I-го, выдѣлъ подъ стѣнами своими самаго Карла, поспѣшившаго на помощь осажденнымъ.

Бывъ такимъ образомъ не разъ мѣстомъ и предметомъ военныхъ дѣйствій, Гадячъ имѣлъ укрѣпленіе, слѣды котораго замѣтны еще и теперь въ той части города, которая обращена къ р. Пслу. Гадячъ долгое время былъ полковымъ городомъ сперва лубенскаго, а потомъ и собственнаго имени полка. Нѣкоторое время, какъ сказано выше, онъ былъ и гетманскою резиденціею. Здѣсь имѣлъ свое мѣстопребываніе гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій, убитый въ маѣ 1668 года въ мѣст. Опошиѣ (зеньковскаго уѣзда). Внутри гадячскихъ укрѣпленій паходился замокъ, а въ немъ дере-

явный дворец гетмана. Здѣсь-же была и полковая деревянная церковь Богоявленія Господня, построенная тѣмъ-же гетманомъ Брюховецкимъ: въ ней онъ и былъ погребенъ. Въ настоящее время не осталось никакихъ сѣдловъ прежнихъ укрѣпленій, а равно церкви и замка.

Къ городу Гадячу приписаны были села: Вельбовка, Свинарное, Лютевка, Будище, Пльшивецъ, Клишовка, Подолки, Капуставцы, Сергѣевка, Липовая Долина, Красная Лука, Крутьки и деревня Млины, за исключеніемъ жительствовавшихъ въ этихъ мѣстахъ козаковъ. Эти имѣнія составляли такъ называемый *гадячскій ключъ*.

Каковъ былъ гербъ города Гадяча въ прежнее время, точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. При Екатеринѣ II, въ 1782 году, 4 іюня Гадячу присвоенъ слѣд. гербъ: въ красномъ полѣ архангелъ Михаилъ въ голубомъ военномъ одѣяніи; онъ поражаетъ золотымъ копьемъ лежащаго змія, стоя лѣвой ногой на его животѣ.

В. Е. Бучневичъ.

ВУЛКАНЪ ВЪ ТАВРИДѢ ВЪ КОНЦѢ XVIII СТ.

Недавно всѣ газеты обошло извѣстіе изъ смоленской губерніи о примѣченномъ тамъ будто-бы вулканѣ. Оно вызвало множество опроверженій и насмѣшекъ и лишь одно научное объясненіе описавшаго въ немъ явленія, да и это объясненіе признано излишнимъ.

Упомянутое извѣстіе припомнило намъ другое извѣстіе, не надѣланное въ свое время столько говору лишь потому, что во время явленія его не было такого множества газетъ. Извѣстіе это найдено нами въ видѣ замѣтки на отдѣльномъ листѣ, въ ворохѣ фамильныхъ нашихъ бумагъ, и гласитъ слѣдующее.

«Изъ Санктпетербурга, апрѣля 14 дня.

Сообщенно отъ таврическаго генераль-губернатора Зубова.

Прошедшаго февраля 27 дня въ области таврической, управленію его вѣренной, случилось достойное примѣчанія явленіе природы. Въ половинѣ 9 часа, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, слышенъ былъ близъ сѣверной косы, разстояніемъ отъ города Тамани въ прямую линію на 12, а въ объѣздъ на 60, въ состоящей при урочищѣ Пуцуконѣ—небольшой горѣ великой шумъ и трескъ, по-

добный гром; послѣ чего вскорѣ изъ вершины ея появился густой черной дымъ столбомъ и чрезъ минуту началъ изъ нея пылать огонь съ высокымъ преужаснымъ пламенемъ, которое поднималось перпендикулярно вверхъ до 30-ти сажень и продолжалось около получаса. Потомъ гора изъ отверстія навѣр гося стала выбрасывать вокругъ себя ячную глинистую матерію и камѣнья углой дѣль земля была покрыта отъ полтора до четырехъ аршинъ вышиною семи изверженіями; а мѣстами составились изъ нихъ большія кучи въ три сажени и болѣе вышиною. Выбрасываніе глинистой матеріи продолжалось еще и на третій день, временно показывалось пламя и слышенъ былъ внутри горы шумъ на подобіе кипящей воды. Явленіе сіе тѣмъ паче заслуживаетъ примѣчаніе и любопытство, что имѣетъ великое вліяніе въ естественную исторію края сего; ибо посредствомъ онаго докажется, отъ куда произошли издавна уже извѣстныя на нѣкоторыхъ на островѣ Фанагоріи находящихся горахъ и холмахъ круглыя отверстія, изъ коихъ выбрасывается безпрестанно солонцоватой жидкой илѣ, мѣстами съ горнымъ масломъ, или съ нефтью сѣмѣшанными. Такожъ подтвердится тѣмъ и мнѣніе то, что въ нѣдрахъ всего острова сего должны скрыты быть многія горючія вещества. При томъ нужно еще и сіе замѣтить, что со временъ Плинія, описавшаго въ письмѣ своемъ къ Тациту страшное изверженіе горы Везувія, не было еще въ Европѣ подобнаго явленія.

Сіе извѣстіе есть только предварительное для дальнѣйшаго освидѣтельствованія на мѣстѣ сего явленія и снятія плана съ горы и вида оной, также и для собранія разныхъ веществъ, изъ горы сей выкинутыхъ, отправленъ землеѣрцъ, коего замѣчанія обнародованы будутъ въ удостовѣреніе любителей естественной исторіи».

Сообщ. С. Н. И.

КІЕВЪ ВЪ 1799 ГОДУ.

Весною 1799 года изъ Москвы на Серпуховъ выѣзжала дорожная коляска. Въ коляскѣ сидѣлъ баринъ, державшій на рукахъ «англинскую собачку». На возлахъ сидѣло двое крѣпостныхъ «людей». Баринъ ѣхалъ обозрѣвать свое отечество и направлялся на югъ, «въ прекраснѣйшую его часть». Это былъ начинающій писатель

Владиміръ Измайловъ. Черезъ три года, плодомъ его поѣздки явилось нѣсколько томиковъ дорожной болтовни, названной «Путешествіемъ въ полуденную Россію».

Болтливость,—сама по себѣ вещь неспосная,—при наблюдательности и въ путевыхъ запискахъ превращается чуть не въ достоинство. Было бы счастьемъ, если бы нашъ путникъ, человекъ не безъ способностей, оставилъ правдивый, богатый наблюденіями дневникъ своихъ странствій по Украйнѣ и югу въ то далекое время. На бѣду онъ больше занятъ былъ своими чувствованіями, чѣмъ тѣмъ, что мелькало передъ его глазами, и смотрѣлъ внимательно внутрь себя, чѣмъ по сторонамъ. Это былъ путешественникъ *сентиментальный*.

Въ то время въ Европѣ сентиментализмъ доживалъ свои дни. На сценѣ оставались только третъестепенные послѣдователи Руссо и Ричардсона. Въ Англіи это направленіе дошло до уродливыхъ крайностей. Послѣ романа Мекензи «Чувствительный человекъ» идти дальше было некуда. Герой этой удивительной повѣсти, пѣкный, деликатный, волнуется чувствами разъ шесть въ день, отъ избытка чувствъ впадаетъ въ чахотку, рѣшается открыть свою любовь только передъ смертію и, потрясенный признаніемъ, умираетъ... Въ Россіи сентиментализмъ переживалъ тогда блистательную пору. Дорогу ему проложили «Письма русскаго путешественника». Одинъ изъ самыхъ горячихъ и ревностныхъ карамзинистовъ, Измайловъ задумалъ въ томъ-же духѣ описать поѣздки по Россіи.

Его вниманіе занято тѣмъ, чтобъ передать какъ можно больше ощущеній, обличающихъ чувствительность души. Въ каждомъ лѣсу онъ прислушивается къ пѣнію птичекъ, на каждой горѣ приходитъ въ восторгъ, на холмахъ и долинахъ воспоминаетъ о своей юности, каждое утро неистово восхищается восходомъ солнца... Эциграфомъ къ книгѣ онъ ставитъ слова дю-Шатти: «пусть другіе путешественники привозятъ изъ посѣщенныхъ странъ медали, статуи и произведенія природы. Я возвращаюсь съ идеями и чувствами!» При такомъ настроеніи, озабоченный выкладкой своихъ чувствъ, онъ говоритъ о мѣстахъ и людяхъ въ одностороннихъ, общихъ выраженіяхъ. Тѣмъ не менѣе отрывочныя, случайныя его замѣтки—голосъ живаго очевидца. Въ помощь имъ возьмемъ двѣ-три старыхъ

эпиги и попробуемъ представить себѣ хоть уголокъ того стараго Кіева, какой Измайловъ видѣлъ своими глазами.

Дорога путника по Малороссіи есть рядъ умиленій и трогательныхъ сценъ. Но описываемые имъ люди какъ-то космополитично-добродѣтельны. Въ разговорѣ съ «поселянами», гдѣ нибудь на греблѣ близъ Сумъ, подъ высокими осокорами, въ бесѣдѣ съ семействомъ «малороссійскаго дворянина Карпова», видятся не старосвѣтскіе украинцы, а швейцарцы «Шисемъ русскаго путешественника». Полесвые курганы, какъ памятники войны и борьбы, наполняютъ его нѣжное сердце ужасомъ: Онъ «не можетъ ихъ видѣть безъ содроганія». Зато видъ какихъ-то счастливыхъ супруговъ распаляетъ его воображеніе, и вотъ уже готовъ плачь, какъ «въ низкой хижинѣ» будетъ жить онъ «съ нѣжною подругою и еще нѣжливѣйшими плодами любви». О малороссіянахъ у него вырывается нѣсколько искреннихъ строкъ. Уроженцу сѣвера, ему любя и чистота жилищъ и живописность мѣстностей, независимый характеръ народа и самый національный типъ. «Малороссійскій народъ, заключаетъ онъ, достоинъ любопытства и можетъ быть славы, если не одинъ наружный блескъ въ состояніяхъ человѣческихъ заслуживаетъ уваженія».

Не останавливаясь нигдѣ, Измайловъ свѣситъ въ Кіеву и «любопытство его обвиняетъ въ медленности природу». Наконецъ, подлѣ бориспольскихъ болотъ, онъ дышетъ смолистымъ воздухомъ броварскаго бора. «Мрачныя сосны возносились въ облакамъ, святая древность цвѣла на ихъ кудрявыхъ вершинахъ». Какъ видитъ читатель, это было задолго до процесса, предъявленнаго броварскимъ лѣснымъ казеннымъ управленіемъ. Броварской боръ не похожъ былъ на свои теперешніе остатки. Подъ его сѣнью укрывались не только грѣхи лѣспичихъ, но и усталые путники. Но вотъ сквозь просвѣты лѣса мелькнулъ золотой куполъ печерской колокольни. Кіевъ вдали! «Зеленая отдаленная гора, бѣлыя кучи пескомъ, нѣсколько блестящихъ главъ показались сквозь ряды деревъ и снова скрылись». Вотъ открылась наконецъ и вся, милая сердцу южанина, гористая панорама древняго города. Вмѣстѣ съ сотнями богомольцевъ путникъ переплываетъ черезъ Днѣпръ, въ ночи водворяется въ Кіевъ.

Гдѣ поселился онъ? Обуреваемый ощущеніями, онъ забываетъ сообщить о такой мелочи, но по всѣмъ признакамъ—на Печерскѣ,

обстрѣливавшемся тогда каменными и частными здавіями. Онъ что-то толкуеть объ «отелѣ», по очевидно это такая-же гипербола, какъ «сосны, уходящія въ облака». По «Краткой вѣдомости о числѣ публичныхъ мѣсть и стросній въ городѣ Кіевѣ», издавшой 17 лѣтъ спустя¹⁾, видно, что въ городѣ Олега и Владиміра было въ то время только четыре постоянныхъ двора. Конечно одинъ изъ нихъ пріютилъ и сентиментальнаго путешественника.

По обычаю странниковъ всѣхъ временъ и народовъ, онъ спѣшитъ бросить взглядъ на городъ, чтобы составить о немъ общее представленіе. Предъ нимъ какъ-бы три отдѣльныхъ поселенія, раздѣленныхъ рощами и пустырями. «Съ одной стороны печерская крѣпость съ ея предмѣстьями и зеленымъ валомъ, на высокой горѣ надъ Днѣпромъ, съ другой стороны, на нѣсколькихъ холмахъ, съ Михайловскимъ и Софійскимъ монастыремъ въ видѣ замковъ, съ домами и садами лежитъ старый Кіевъ. Внизу, къ самому Днѣпру, подобно острокопечному мысу, видѣнъ Подоль, украшенный громадою здавій». Все залито веселымъ блескомъ майскаго солнца. Оно горитъ на золотыхъ главахъ церквей, играетъ въ днѣпровскихъ волнахъ, по которымъ плывутъ медленно барки. Эта зелень, солнце и блескъ, далекіе днѣпровскіе луга и пески, синіе лѣса, уходящіе на горизонтъ тонкой олушкой, вся эта лѣтняя кіевская картина наполняетъ путника неподдѣльнымъ восторгомъ. «Если-бы любовь къ природѣ и къ изящному могла когда нибудь угаснуть въ душѣ человѣческой, восклицаетъ онъ, то одилъ взглядъ на Кіевъ возжегъ бы ее снова».

Посѣщеніе Лавры—первое дѣло каждаго путника въ Кіевѣ. Паружный видъ лаврскихъ здавій, въ описаніи Измайлова, не разнится отъ нынѣшняго. Святые ворота и тогда украшены были изображеніями праведниковъ, по его словамъ, «оживленныхъ конечно не кистью эспальозста». По описаніи Великой церкви и живописи ея стѣнъ говорить о вещахъ безвозвратно исчезнувшихъ. «На лѣвой рукѣ отъ большаго входа написаны на стѣнѣ портреты великихъ мужей нашего отечества. Великіе князья и малороссійскіе гетманы являются одинъ за другимъ къ великому удовольствію того, кто любить отечество и славные подвиги его сыновъ». Отдѣльно отъ

¹⁾ «Краткое описаніе Кіева», Берлинскаго, 1820 г.

другихъ, за лѣвымъ клиросомъ, былъ портретъ Хмельницкаго, о которомъ упоминаеть еще въ 1820 г. Берлинскій. По его словамъ портреты князей русскихъ и литовскихъ были плохи и испорчены реставрировкой. Интересъ подлинности имѣли конечно портреты позднѣйшаго времени, когда искусство живописи подвиглось до извѣстной высоты. Взглянувъ на Хмельницкаго, нашъ путникъ наивно видитъ портрета Наливайка и восклицаетъ съ огорченіемъ: «Нѣтъ сего великаго мужа!» Онъ не знаетъ еще той истины, что изображеній лицъ отъ эпохъ столь отдаленныхъ и смутныхъ искать въ храмахъ и общественныхъ зданіяхъ напрасно: всѣ онѣ пахотятся въ галлерейхъ любителей, у которыхъ коллекціонерская рьяность побѣждаетъ научныя познанія.

«Князь Острожскій, изваянный изъ бронзы, лежитъ на одрѣ подъ балдахипомъ. И онъ имѣетъ право на признательность малороссійскаго народа». Надгробный памятникъ князя Острожскаго описываетъ и позднѣйшій путешественникъ, Левшинъ, видѣвшій его въ 1815 году ¹⁾. Оба они, да и прочіе описатели стараго Кіева, считаютъ этотъ исчезнувшій памятникъ надгробіемъ славнаго князя Константина Константиновича. Но какъ помирить съ этимъ мнѣніе ученѣйшаго и всезнающаго начетчика, почтеннаго М. А. Максимовича? Онъ утверждаетъ рѣшительно, что то была могила отца князя Константина, великаго гетмана литовскаго ²⁾. Надо думать что великій знатокъ кіевской старины былъ и въ этомъ случаѣ правъ.

Надпись надъ прахомъ Румянцева—«Вземли, Россія!»... сдѣлана была, кажется, позже. Поклонникъ эффектныхъ словъ, Пзмайловъ не упоминаетъ о ней, описывая могилу фельдмаршала. Но мы замѣтимъ къ слову, что мѣсто постановки доски съ этой надписью ставить и понинѣ умиленнаго Росса въ нѣсколько странное положеніе: прахъ полководца въ дѣйствительности покоится не «предъ тобою», а какъ разъ въ противоположномъ концѣ храма.

Замѣтки о живописи другихъ древнихъ церквей Кіева, какъ у Пзмайлова, такъ и у позднѣйшихъ описателей, крайне поверхностны. Какъ ни старайся, ничего не представишь себѣ изъ отзывовъ въ

¹⁾ «Письма изъ Малороссіи», Харьковъ, 1816 г.

²⁾ Сочиненія, т. III, стр. 717.

родъ слѣдующаго: «Живопись образовъ сей церкви, хотя не соответствуетъ вѣку, но довольно разительна!»

Отъ древностей взоры путника обращаются къ окружающей дѣйствительности. Съ своими пышными представленіями о предметахъ, онъ не удовлетворяется тою въ сущности скромною картиною, какую представляла фізіономія Кіева въ ту эпоху. Какъ пришельцу, ему ничего не говорятъ та сила воспоминаній, преданій прошлой жизни, которая мѣстамъ и предметамъ самымъ бѣднымъ сообщаетъ неотразимую прелесть. Онъ оставилъ хотя сухую, но по счастью довольно точную страницу описанія общей внѣшности города. «Нѣтъ домовъ каменныхъ, нѣтъ порядка въ строеніи, нѣтъ регулярности и архитектуры. Улицы не мощены, пески покрываютъ ихъ. Пѣшеходецъ глотаетъ несносную пыль и туманный столбъ встаетъ безпрестанно вокругъ проѣзжающихъ. Самый Подоль, болѣе населенный, нежели другія части города, не имѣетъ совсѣмъ вида города. Деревяныя кровли, низкія хижины прикрываются церквями и монастыремъ. Улицы такъ узки на Подоль, что едва-ли двое дрожекъ могутъ разѣхаться. Соебщеніе между тремя частями города чрезвычайно затруднительно, оттого что горы отдѣляютъ ихъ одна отъ другой. Кажется, что вы видите три разныхъ селенія. Я говорю селенія, ибо и весь Кіевъ едва-ли заслуживаетъ названія города». Не забудемъ, что рѣчь идетъ о Кіевѣ конца прошлаго вѣка. Въ то время Подоль сохранялъ еще свой старыи видъ, совершенно измѣнившійся послѣ страшнаго пожара 1811 года, а Печерскъ и Старый городъ не приняли еще того строгаго отдѣлка, какой приданъ былъ имъ казенными постройками къ концу царствованія Николая I. Какъ сказочная красавица, за руку которой спорило нѣсколько богатырей, надѣвала въ угоду имъ разные уборы, сохраняя все ту-же красоту, тѣ-же прекрасныя очи, такъ нашъ Кіевъ мѣнялъ не разъ свой видъ въ теченіи своей исторической судьбы. Къ картинкѣ Измайлова подставимъ цифры. Ихъ сохранилъ усердный Берлинскій. Въ этомъ деревянномъ городкѣ отдѣльныхъ домовъ было тогда много: 3,968. Изъ нихъ каменныхъ было только 49. Лавокъ деревянныхъ городскихъ и партикулярныхъ—214, каменныхъ—147. Послѣднія—почти всѣ (136) на Подоль, на Печерскѣ же была большая часть деревянныхъ (147). Было 17 «цахвахтерскихъ будокъ», три гостинныхъ двора, два каменныхъ, одинъ

деревянный. Противъ нынѣшняго подольскаго гостиннаго двора стояло, уничтоженное пожаромъ 1811 года, огромное каменное зданіе магистрата, а въ началѣ нынѣшняго Крещатика, покрытаго густой растительностью,—деревянный театръ. Жителей обоего пола, всякаго званія и состоянія, числилось около 40 тысячъ. Самою бойкою и торговою частью былъ Подоль. Тамъ-же «цѣвля» и еще дореформенная академія. Страстствуя по Кіеву, въ одинъ изъ дней нашъ путникъ попалъ туда на учений диспутъ.

«Святѣице искуствъ и наукъ, получившее свое имя отъ грековъ», ввело у себя обычай диспутовъ со времени Петра Могилы. Диспуты были третніе, еженедѣльные, годичные и двухгодовые, одни—какъ замѣна экзаменовъ, другіе—какъ торжественныя акты. Со свойственнымъ ему легкомысліемъ, нашъ путникъ не допрашиваетъ себя хорошенько о значенія явленія, происходящаго передъ нимъ и, говоря о самомъ диспутѣ въ 50—60 строкахъ, на нѣсколькихъ страницахъ распространяется о чувствахъ, вызванныхъ въ немъ ученымъ поединкомъ. «И пришелъ требовать позволенія видѣть академію и нашелъ у префекта собраніе духовныхъ. Это былъ день диспутовъ, и господня префектъ пригласилъ меня съ собою. Зданіе древнее, но достойное служить театромъ академическихъ лекцій, возносится съ прекрасною галлереею и колоннадою въ стѣнахъ монастыря. Въ огромной залѣ, на каедрѣ, студентъ ожидалъ слушателей. Хоръ цѣвчихъ встрѣтилъ духовенство. На листѣхъ, поданномъ при входѣ, написаны были утверждаемые и оспариваемые тезисы. Всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ и студентъ, принявъ благословеніе архимастыря, началъ говорить на латинскомъ языкѣ. Послѣ того начались споры». Они показались нашему слушателю какъ-бы затверженными. Весьма возможно, что это и было такъ. Въ то время академія находилась уже въ состояніи упадка, да къ тому-же еще едва оправилась отъ постигнутаго ей неожиданнаго сюрприза. Въ 1786 году та школа, гдѣ цвѣли науки въ то время, когда мракъ невѣжества покрывалъ почти всю Россію», однимъ почеркомъ пера переведена была въ кіево-печерскую лавру, а слава Кіева, братскій монастырь превращенъ былъ въ военный госпиталь. Черезъ нѣсколько времени дѣло поправилось, но вся эта перетасовка не могла не отразиться на ходѣ академической жизни.

Не такой видъ имѣли диспуты въ блестящую пору академіи. Въ своемъ любопытномъ трудѣ о «Кіевѣ, съ его древнимъ училищемъ» Аскаченскій довольно живо рисуетъ ученые споры того времени. Годичные диспуты, гдѣ возражатели являлись изъ охотниковъ, были очень любимы и посѣщаемы кіевлянами. Но самыми торжественными были диспуты, происходившіе по окончаніи двухгодоваго курса. «Наканунѣ назначеннаго дня на большихъ вратахъ братскаго монастыря прибывали большою, вычурно раскрашеный листъ или афишу, извѣщавшую кіевлянъ о времени, а иногда о самомъ предметѣ ученыхъ состязаній. Такой листъ обыкновенно назывался *конклюдией*. Это уже были подготовленные диспуты, и самыя темы избирались какъ можно ближе къ понятію большинства посѣтителей. А чтобы сдѣлать ихъ сколько-нибудь вразумительнѣе и для простого народа, незнакомаго съ языкомъ латинскимъ, на какомъ преимущественно производились эти ученые состязанія,—нѣкоторыя изъ положеній были переводимы на русскій языкъ. По прибытіи митрополита въ академическую залу, производимы были привѣтствія на разныхъ языкахъ и потомъ начинались диспуты, въ промежуткахъ между которыми ученики низшихъ классовъ произносили діалоги и читали стихи собственнаго сочиненія. Въ анналахъ академіи особенно памятнымъ остался диспутъ, на которомъ присутствовала въ 1744 году императрица Елисавета Петровна. Здѣсь ректоръ Сильвестръ Думницкій произнесъ рѣчь о томъ, «какое счастье государству бываетъ, гдѣ свободныхъ ученій любитель государь», а профессоръ греческой словесности, іеромонахъ Варлаамъ Мящевскій, поднесъ наследнику престола Петру III переведенную имъ книгу «Зерцало должности государей»¹⁾).

Немалый блескъ сообщало диспутамъ участіе знаменитыхъ академическихъ пѣвческихъ хоровъ. Инструментальная музыка была въ академіи также въ ходу, и прекрасный оркестръ исполнялъ произведенія западныхъ композиторовъ. Чубатые студенты-любители, въ киреяхъ и цвѣтныхъ «сапьянцахъ» разыгрывали сочиненія Палестрины и Скарлати.

Библіотека академіи, посѣщенная также нашимъ путешкомъ, не разъ подвергалась пожарамъ. Она пострадала не задолго до этого,

¹⁾ Аскаченскій, т. 2, стр. 96.

въ 1780 году. Однако, по свѣдѣніямъ Берлинскаго, до новаго пожара 1811 года, въ ней было опять 10,000 томовъ.

На общую легкость сентиментальнаго путешественника приходится сѣтовать еще разъ, переходя къ его замѣткамъ о кievскомъ обществѣ. Ему не по силамъ, разумѣется, подмѣтить тѣ видоизмѣненія, ту ломку, какая происходила въ общественномъ, бытовомъ строѣ Кіева въ ту переходную эпоху. О цѣлыхъ классахъ, о народѣ, о духовенствѣ, онъ прямо отказывается говорить и ограничиваетъ свои наблюденія «вышнимъ состояніемъ». Отзывъ получается однако довольно кислый. «Здѣшняя жизнь ограничивается кругомъ простой, домашней жизни и тѣмъ состояніемъ, гдѣ человѣкъ находитъ мирное счастье въ удовлетвореніи мирныхъ потребностей и въ умѣренномъ дѣйствіи своихъ способностей». За то изъ поведенія онъ ставитъ кievлянамъ хорошей балъ. «Счастье и вѣрность сохраняютъ супружеское состояніе, согласіе обитаетъ въ семействахъ, цвѣтъ стыдливости не увядаетъ на лицѣ невинности». Онъ приписываетъ всѣ эти совершенства первобытному строю жизни и не сомнѣвается, что, «при сближеніи правовъ и народовъ», кievскіе жители позаимствуютъ новые обычаи и мнѣнія. «Пройдетъ немного времени, злобѣще предрекаетъ онъ, и они потеряютъ все доброе, что показываетъ въ нихъ юность рода человѣческаго». Они пріобрѣтутъ нѣкоторыя, недостающія имъ «блестящія качества», но вмѣстѣ съ ними «захватятъ и развратности, сопряженныя съ дальнѣйшимъ шагомъ къ просвѣщенію».

Изъ отдѣльныхъ лицъ Измайловъ упоминаетъ о какой-то богомольной старушкѣ В. и о генералѣ К., съ которымъ можно пріятно провести время, «говоря не объ изящной словесности, и не объ задачахъ философіи и метафизики».

Старушки, болѣе или менѣе богомольныя, генералы, военные и штатскіе, болѣе или менѣе храбрые, конечно не характеризовали никогда и ничего. Интересны воспоминанія объ извѣстномъ проповѣдникѣ Левандѣ. Измайловъ нѣсколько разъ носѣтилъ его въ скромномъ домикѣ его на Подолѣ и, согласно со всѣми другими, говоритъ о его значительномъ образованіи, простотѣ и рѣдкомъ дарѣ слова. Сынъ подольскаго сапожника Сикачки, принявшій при поступленіи въ братскую школу имя благоухающаго цвѣтка, Леванда, въ одинъ моментъ своей жизни, явился истиннымъ народнымъ

человѣкомъ и историческимъ лицомъ. Это было во время моровой язвы 1770 года, когда своими огненными проповѣдями въ подольской церкви Успенія онъ поднималъ духъ народа и призывалъ его къ высокой задачѣ самоисправленія. Популярность его въ Кіевѣ и въ послѣдствіи была громадна. Біографъ его, покойный Ф. А. Терновскій, отдастъ впрочемъ преимущество въ его дѣятельности первой половинѣ его жизни, и чтеніе рѣчей Леванды подтверждаетъ это мнѣніе. Въ послѣдствіи Леванда сталъ, такъ сказать, присяжнымъ ораторомъ, и «его рѣчь сдѣлалась таковой-же необходимою принадлежностью кіевского праздника, какъ колокольный звонъ, басъ протодіакона и громкій хоръ пѣвчихъ». Это былъ ораторъ по призванію, надѣленный блестящими внѣшними средствами; насколько велика была въ немъ склонность къ публичному слову, показываютъ тѣ двѣ рѣчи, которыя онъ произнесъ *на собственной свадьбѣ*, одну передъ вѣнцомъ, другую послѣ вѣнца.

Изъ замѣтныхъ людей того времени Измайловъ упоминаетъ о цитованномъ нами нѣсколько разъ Максимѣ Берлинскомъ, «профессорѣ натуральной исторіи въ главной школѣ». Къ сожалѣнію изъ бесѣдъ своихъ съ этимъ знатокомъ кіевскихъ древностей, намъ нигдѣ не приводитъ только какую-то «философическую прію» самаго общаго содержанія, гдѣ Берлинскій будто-бы заявлялъ, что «для него веселѣе быть отцомъ семейства и любить натуру, нежели гоняться за блестящими призраками». Этому Берлинскому, почтеннаго ученаго, не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ почти сказочнымъ Кесаремъ Берлинскимъ, о которомъ талантливый г. Пѣсковъ, на этихъ самыхъ страницахъ, рассказалъ столько уморительныхъ анекдотовъ.

Вѣрный своей задачѣ—все видѣть, путешественникъ не прѣминулъ посѣтить одно изъ ежедневныхъ общественныхъ гуляній въ дворцовомъ саду. Въ качествѣ столичнаго фрэпта и поклонника красоты, онъ позаботился конечно о своей внѣшности. Отдаленное подобіе парижскихъ «мюскаденовъ» и *incroyable* той поры, вотъ выступать онъ по кіевскимъ улицамъ въ предвечерній часъ, когда спалъ уже дневной жаръ. Зеленый фракъ, вздернутый выше ушей огромный галстухъ, треугольная шляпа, мудренныя волосы съ косою, кривая палка и четырехугольный мопокъ въ рукахъ—таковъ его уборъ. По кривой улицѣ идетъ онъ къ «большой площади, которая, какъ кажется, составляетъ украшеніе города». Тамъ дворецъ, тамъ

присутственныя мѣста, дома частныхъ лицъ, тамъ рядъ молодыхъ березокъ, изъ-за которыхъ синѣеть Днѣпръ и отдаленныя окрестности Кіева. «Кареты скачутъ, форейторы кричатъ: *поди!* Пыль вьется столбомъ, и вапъ философствующій пѣшеходъ, скрываясь въ пыльномъ туманѣ, по счастливѣе Діогена, находитъ между собою и солнцемъ не страшныхъ Александровъ, но кроткихъ красавицъ, распудренныхъ петиметровъ и старушекъ, забывшихъ на часъ богомолье». Вступивши въ тотъ садъ, гдѣ кныѣ бродитъ угрюмый босякъ, а прежде гуляли нарядныя пары, столичный человекъ прислушивается къ разговорамъ. Онъ находитъ, что въ нихъ нѣтъ души и «не проглядываетъ основательный разумъ», Но онъ съ избыткомъ утѣшаетъ другимъ: «я сижу въ царствѣ красоты. Женщины, одна другой прелестнѣе, мелькаютъ предо мною и взоръ не успѣваетъ ловить всѣ черты нѣжности, любви и безстрастія». Его взоры привлечены преимущественно одной, и онъ готовъ отзѣваться о ней стихами той поры:

На лицахъ прелести у многихъ раздѣлены,
Въ ея лица чертахъ цвѣтутъ совокупленны!..

«Она улыбнулась, ея улыбка принадлежитъ мнѣ, я имѣю на нее право. Ахъ! Одна улыбка дала мнѣ предчувствовать всѣ восторги любви!»

Подъ влияніемъ этой невѣдомой, давно забытой въ могилѣ кіевской розы, онъ окончательно впадаетъ въ сентиментальный экстазъ. Только на обратномъ пути домой, нѣсколько приходитъ опъ въ себя и занимается параллелями между женщинами кіевскими и московскими. Побѣда остается за кіевлянками. «Въ Кіевѣ болѣе красавицъ, но въ Москвѣ болѣе грацій. Москвички мнѣе для холоднаго разсудка, а кіевлянки для пламеннаго сердца».

Прощаніе страпника съ Кіевомъ—трогательно. «Прости Кіевъ, прости мѣста прекрасныя!» Въ послѣдній разъ гуляетъ онъ по зеленымъ горамъ и даетъ обѣтъ привезти сюда, подъ это ласковое небо, своего будущаго сына. Мечты объ этомъ сынѣ и о семейныхъ радостяхъ увлекаютъ его. Незамѣтно для него самаго волна Днѣпра уже уносятъ его изъ Кіева. Своей мечтою онъ наслаждался до самаго вечера. Когда онъ очнулся на почлегѣ, то оказался вдали отъ Кіева, «безъ подруги, безъ сына!.. Одинъ!»...

На этой скорби объ отсутствіи сына и потомства,—скорби наименѣе допускающей постороннее вмѣшательство, простимся съ сентиментальнымъ странникомъ и мы. Лѣтъ пятнадцать спустя, мы встрѣчаемъ его уже издателемъ «Вѣстника Европы», переданнаго ему Карамзинымъ. Въ этомъ журналѣ появились первые опыты Пушкина. Если-бы печатавшій простые, глубоко-реальные стихи юнаго поэта представитель сентиментализма зналъ, кого онъ выпускаетъ въ домъ, то навѣрное закрылъ-бы передъ нимъ двери. Рассказываютъ, что когда одинъ изъ министровъ Людовика XVI явился къ докладу въ простомъ чорномъ платьѣ и безъ парика, то церемоніймейстеръ въ ужасѣ воскликнулъ: теперь все кончено! Дѣйствительно это была минута, съ которой измѣнилось все.

В. Горленко.

МАЛОРУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШАРАДА.

Въ доставшейся намъ отъ г. Григоріади записной книгѣ рода Забѣлъ, напоминающей собою записную книгу асаула Мовчана, описанную В. Б. Антоновичемъ, но болѣе пространныю, мы нашли въ ряду другихъ любопытныхъ замѣтокъ и слѣдующую запись:

«Року 1733, октоврѣ 10 въ Глуховѣ получено: Игра ломберъ знатнѣйшихъ европейскихъ дворовъ.

Папа. Если-бъ я болше козирей, нежели иныхъ картъ, имѣлъ, то ѿ я сталъ играть.

Цезарь. Я имѣю добрыхъ козирей: три короля и даму одну: однако-жъ я подожду, пока другіе стануть играть.

Англѣя. Пусть играютъ, какъ хотятъ, только-бы козири раздѣлены были.

Францѣя. Я стану грать, когда мой король прикритъ будетъ.

Пруссія. Я радъ былъ, только опасуюсь, что перебудутъ.

Швейцарская Земля. Когда будутъ играть, то надлежащія игри отъ мене не уйдуть.

Россія. Я нарочитую игру имѣю, и выиграть допустить могу.

Швеція. Я не буду играть, если-жъ мнѣ гоноровъ не заплатятъ.

Гяшпанія. Моя игра не весьма важна, развѣ въ черной масти.

Далія. По малой мѣрѣ не буду играть безъ матадоровъ.

Польша. Отъ одного короля, котораго у мене ибѣтъ, могу всё програть.

Имперія. Миѣ трохъ картъ не достааетъ, и я опасася, чтобъ ремиза не заплатитъ.

Португалія. Я не буду играть, ежели стадали мои не принудятъ.

Савойская Земля. Я прежде не играю, пока не имѣю надежной игри.

Голандія. Когда всё напуютъ, то и я такъ.

Курфиреть Саксонскій. Я напрасно пашоваль, а теперъ я подиймаю играть, хотя можетъ быть и лабетъ поставлю, чтобъ проклятого хлопа до игри не допустити.

Король Станиславъ. Пождѣте, моѣ господа, я не отрелъся и не хочу лабетъ дважды поставитъ.

Пріймась. Играйте, какъ изволите, а я одинъ зъ сихъ лабетъ озьму.

Республика польская. Я ставлю карты, и сущіе прибилъ всегда на моей сторонѣ.

Neve patior telis vulnera facta meis.

Pro patria et in patria dulce est mori.

Vir honestus, sincerus, nemini molestus, omnibus gratus.

Prima philosophia est meditatio mortis.

Pódź, Polska, zamaż, ięśli dziweczka!

Ou, nie róyde, francuzowie, oz nie róyde, alendrowie,

Bom nie caleczka.

Zgwalcili mnie w Litwie panowie,

Wzieli wianek mey czystosci

I nabytey znak wolnoscі

Zli synowie.

Saturnus in Roma infortunatus, super alios elevatus, malum per-
tendet ex frigiditate et infortunio, quod totam terram premet.

Предлагаемъ читателямъ разгадать эту шараду, а мы пока воздержимся отъ объясненія оной.

ЕВГЕНІЙ ЖЕЛЕХОВСКІЙ.

(Некрологъ).

Маленькая, родная намъ Галиція, живущая въ ипыхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ и несущая непосильную борьбу за свою вѣру и народность съ польскою «справою», теряетъ годъ за годомъ своихъ лучшихъ дѣятелей. Въ короткое время похоронивъ Барвинскаго, Навроцкаго, Заклинскаго и Шашкевича, 6-го сего февраля она лишилась Желеховскаго.

Умершій Евгений Желеховскій извѣстенъ у насъ, и лишь весьма немногимъ, какъ составитель малорусско-нѣмецкаго Словаря, не доведеннаго имъ до конца. Въ единоплеменной намъ Галиціи его смерть составляетъ событіе дня и вызвала болѣзненный стонъ во всей странѣ. Что-же такое самъ Желеховскій? Сынъ мѣщанина, если не крестьянина, жившаго частною службою, воспитанникъ львовскаго университета, учитель, выражаясь по нашему, русскаго языка и словесности въ гимназій маленькаго городка Станиславова. У насъ съ подобнымъ положеніемъ и формуляромъ, въ случаѣ смерти, можно занять мѣсто лишь въ ряду происшествій, и то въ случаѣ напр. тифозной или иной эпидеміи, какъ упоминано было недавно въ кievскихъ газетахъ о смерти одного изъ учителей кievской гимназій. Въ Галиціи вѣсть о смерти Желеховскаго передавалась изъ конца въ конецъ страны, а его похороны собрали до 50-ти священниковъ, мѣстный муниципалитетъ, подняли на ноги всю мѣстную интеллигенцію и большую часть населенія Станиславова, вызвали множество телеграммъ, до 20 депутацій, массу вѣнковъ и цѣлыя группы крестьянъ изъ ближнихъ и дальнихъ селъ. Статьями о смерти, погребеніи и дѣятельности Желеховскаго переполнены теперь всѣ русскія газеты въ Галиціи, какъ у насъ въ свое время объ Н. С. Тургеневѣ. Даже польскія газеты пишутъ объ немъ и отдають честь своимъ противникамъ за то, что они умѣють чтить память своихъ дѣятелей.

Что-же сдѣлалъ Желеховскій для своей родины, за что такъ ублажаетъ она его память и такъ горячо оплакиваетъ его смерть?

Онъ былъ «гимназійальнымъ» учителемъ..., онъ участвовалъ въ учрежденіи общества «Прозвѣты» въ Львовѣ, учредилъ отдѣленіе этого общества въ Станиславовѣ, выдавалъ изъ его библіотеки книги

приходившимъ изъ сель крестьянамъ, содѣйствовалъ учрежденію дамскаго станиславовскаго кружка, былъ членомъ уѣзднаго и городскаго совѣта, сотрудничалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, издавалъ, хотя и не довелъ до конца, малорусско-пѣмецкій Словарь. Вотъ и все.

У насъ малопонятна будетъ вызванная смертію Желеховскаго общественная, почти всенародная скорбь въ Галиціи, и мы считаемъ нужнымъ пояснить ее.

Наши братья галиціе живутъ не похоже на насъ. Они представляютъ собою общество, не подраздѣленное ни на какіе классы. У нихъ нѣтъ ни высшаго, ни средняго классовъ, нѣтъ магнатовъ, ни богачей, нѣтъ саповниковъ, графовъ и князей,—не только политическая, даже административная власть не въ ихъ рукахъ. Это въ собственномъ смыслѣ народъ, который изъ среды себя путемъ образованія, но отиудъ не богатства, выдвигаетъ интеллигенцію—священниковъ, учителей, незначительное число чиновниковъ на не важныхъ постахъ и еще меньшее число людей торговыхъ. И этотъ столь бѣдный народъ находится подъ двойнымъ—пѣмечскимъ и особенно польскимъ гнетомъ и ведетъ непрерывную тяжкую борьбу за свою политическую равноправность и сохраненіе своей вѣры и національности. Но именно эти обстоятельства даютъ ему то единство, котораго мы не имѣемъ, и ту сплоченность, которой не можетъ одолѣть съ своими громадными средствами польская пропаганда. Непрерывная жизненная борьба выдвигаетъ дѣятелей, увлекаетъ ихъ въ свой водоворотъ и надѣляетъ ихъ тѣми свѣтлыми качествами и дѣлами, которыя влекутъ къ нимъ симпатіи всего народа и даютъ популярность въ его средѣ. Такими дѣятелями являются здѣсь и священникъ, и чиновникъ, и торговецъ, и редакторъ газеты, и учитель гимназій, даже учитель сельской школы. Тутъ общественнымъ, народнымъ дѣятелемъ, даже противу воли, сдѣлаться легко, но быть имъ необычайно трудно. Патріотизмъ всасывается, можно сказать, съ молокомъ матери и воспитывается всею послѣдующею жизнью. Это не тотъ патріотизмъ, о которомъ пишутъ въ книгахъ, который высказываютъ въ застольныхъ рѣчахъ или проявляютъ на поляхъ битвъ, это жизненный стимулъ, непрерывною пылью идущій отъ колыбели до гроба. Но и патріотомъ надо умѣть и имѣть твердость духа быть. И въ средѣ галичанъ находятся люди равнодушные къ

судьбамъ родины, непостоянныя, колеблющіяся, даже «перекинчики», или-же патріоты односторонніе, не умѣлые, не въ мѣру рьяные. Борьба воспитываетъ не одинъ патріотизмъ, но вмѣстѣ тактъ, умѣлость, твердость, энергію, честность, мягкость души, любовь къ ближнему—высшія качества, составляющія лучшее украшеніе человека. И такимъ именно былъ, судя по отзывамъ всѣхъ галицкихъ газетъ, преждевременно скончавшійся Желеховскій. Его научный трудъ—Малорусско-нѣмецкій Словарь, для котораго онъ приготовилъ весь необходимый матеріалъ и окончаніе котораго записалъ въ предсмертный часъ своему товарищу и другу—Недѣльскому, еще ждетъ своей оцѣнки, а его патріотическая дѣятельность очерчивается и долго еще будетъ очерчиваться въ родной ему странѣ на всѣ лады.

Только сообразивъ все вышесказанное, мы поймемъ то глубоко трогательное объявленіе о смерти Желеховскаго, какое мы нашли въ наиболее распространенной галицкой газетѣ «Дѣло». Оно стоитъ на первой страницѣ, непосредственно послѣ заголовка, и занимаетъ мѣсто строкъ въ 20-ть во всю ширину большого газетнаго листа. Въ траурной широкой рамкѣ—осьмикопечный въ сіяніи крестъ, а подъ нимъ слѣдующія скорбныя слова:

«Съ тяжкимъ болемъ въ сердцю, съ дрожачою одъ зворупенія рукою приходится намъ сегодня дѣлиться съ Вл. читателями печальною вѣстею: *Евгеній Желеховскій*, профессоръ русскаго языка при гимназіи въ Стапиславовѣ, взорець (образецъ) русина патріота, найчестнѣйшого характеру, авгельской доброты сердця, довголѣтній неутомимый предсѣдатель фвліи товариства «Просвѣта» и членъ другихъ русскихъ товариствъ, одинъ зъ першыхъ найгорячѣйшихъ піонеровъ просвѣты народнои, человекъ неунышпои науковои працѣ, авторъ першого руско-нѣмецкого «Словаря», упоковъся вчора, для 6 лютого 1885 р., о 5 годивѣ по-полудни, въ Стапиславовѣ, на рукахъ опечаленои дружины, дѣточокъ и друговъ. Въ субботу рано мощѣ покойного Евгенія прійме свята земля русска, а память его буде жити у васъ и у грядучихъ поколѣнь на Руси—на вѣки!»

Буди вѣчная память ему!—скажемъ и мы, знавшіе покойнаго еще скромнымъ юношею, стремившимся къ намъ для довершенія образованія и возвратившимся на родину по исключительному случаю, о которомъ расскажемъ когда нибудь вполсѣдствіи.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНІЕ СТАТТІ І МАТЕРІАЛИ ПО ЮЖНО-РУССКОЇ ІСТОРІІ.

(*Русскій Вѣстникъ. — Новь. — Кіевлянинъ. — Заря.*)

Въ ливарьской книжкѣ «Кіевской Старины» мы разсмотрѣли съ точки зрѣнія нашей программы содержаніе столичныхъ *историческихъ* журналовъ прошлаго года; обратимся теперь къ остальнымъ. Какъ извѣстно, на страницахъ «толстыхъ» журналовъ ипогда являются весьма цѣнныя монографіи нашихъ историковъ, которыя часто выходятъ потомъ отдѣльными книгами. Таковы по южно-русской исторіи извѣстныя статьи Костомарова, печатавшіяся въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Мысли». Истебліій годъ, къ сожалѣнію, не далъ намъ ничего подобнаго. Мы имѣли возможность разсмотрѣть всѣ книги за прошлый годъ журналовъ: «Вѣстника Европы», «Русской Мысли», «Наблюдателя», «Русскаго Богатства», и ни въ одной изъ нихъ не нашли ничего, на чемъ можно было бы остановитъ вниманіе. Только въ мартовской книжкѣ «Русскаго вѣстника» была статья А. Воронова о штундизмѣ («Штундизмъ. Очеркъ релігіозно-бытовой жизни въ Малороссіи», 1—45 стр.), о которой скажемъ нѣсколько словъ,—статья для сопоставленія ея съ помѣщаемымъ въ этой-же книжкѣ «Кіевской Старины» очеркомъ штунды въ кіевской губерніи.

Статья носитъ чисто публицистическій характеръ. Сначала авторъ разсматриваетъ, въ чемъ состоитъ ученіе штундистовъ и откуда оно появилось. На первый вопросъ отвѣчаетъ весьма неясно, въ нѣсколькихъ общихъ выраженіяхъ о сходствѣ ученія штундистовъ съ протестантами-анбаптистами; на второй,—что штундизмъ явленіе запосное, пришедшее къ намъ отъ цѣмцевъ. По словамъ автора, онъ 10 лѣтъ наблюдалъ за штундою въ центрѣ ея развитія, таранецкомъ уѣздѣ кіевской губерніи, и констатируетъ, что въ эту мѣстность она занесена изъ Новороссіи, отъ херсонскихъ колонистовъ. Въздъ за этимъ разсматриваются элементы общества, среди котораго появилась штунда: крестьянство, духовенство, интеллигенція (русская и польская) и еврей.

Изъ крестьянъ уклонились въ штунду большею частію низшіе слои, голяки, необеспеченные матеріально на родинѣ и потому припущенные искать пропитанія на сторонѣ. Долія скитанія по раз-

ными краями приучаютъ къ разнообразію, воспитываютъ индиферентизмъ ко всѣмъ формамъ быта и проявленіямъ жизни, въ томъ числѣ и къ религіи,—ослабляютъ традиціонную привязанность къ родной вѣрѣ и обрядамъ и слѣдовательно дѣлаютъ человѣка болѣе воспріимчивымъ къ стороннимъ влияніямъ. А тутъ экономическое и нравственное давленіе пѣмца хозяина. Не мудро, что голякъ уступаетъ. Вотъ какъ описываетъ авторъ, словами мужичковъ, то положеніе, въ которое попадаютъ они у пѣмцевъ-хозяевъ на заработкахъ, и которое подготавливаетъ ихъ къ штундѣ:

«Напаялся мы до нямца, та й не знали потимъ, якъ vybrатца одъ ёго. Въ середу и пятницу обидь скоронный: все зъ холокомъ та зъ мясомъ; въ Петровку тожь скоромне. Стали казати, щобъ намъ плесный варилп, такъ де тоби! не хоче нямецъ: каже, косить не будешь за ти гроши, що даю. Та ще такъ тоби верзе про посты, що лучше уня заткни. Цялыхъ 2 — 3 мясяци праздника не знаешь, все на роботы, въ церкви не буваєшь; руськи слободы не близько, а стань просытця въ недѣлю у хозяина до церкви, то внивъ заразъ тоби каже: иди въ нашу кярку, та все смѣти зъ насъ» (стр. 16).

Нѣкоторые убѣгаютъ домой отъ такой обстановки, другіе приываютъ къ ней, и почва для штунды готова.

Что касается духовенства въ зараженномъ ересью краѣ, то оно, по мнѣнію автора, совсѣмъ не такъ низко стоитъ въ нравственномъ отношеніи, какъ пишутъ обыкновенно либералы; напротивъ, оно стоитъ на высотѣ своего призванія; жалъ только, что не обезпечено матеріально и лишено возможности вліять на народъ посредствомъ школы. Далѣе—длинный панегирикъ церковно-приходскимъ школамъ: Причина появленія ереси та, что постѣ крѣпостнаго права, когда народъ очутился въ возможности, сверхъ насущнаго хлѣба, думать и о духовныхъ нуждахъ, опъ не былъ до сихъ поръ обезпеченъ надлежащимъ образомъ въ своемъ нравственномъ развитіи, не былъ надлежаще охраняемъ и утверждаемъ въ вѣрности кореннымъ основамъ и вѣковымъ формамъ своего бытія» (стр. 32). Жаль, что «охраненія» не дали въ руки духовенству.

Интеллигенція, напротивъ, не соответствуетъ своему высокому положенію—учителей простаго народа; она не утверждаетъ его въ вѣрѣ, но даже хвалитъ штунду въ печати, какъ «религію прогресса». Особенно развращающимъ образомъ, за немногими исключеніями, дѣйствуетъ мѣстная польская интеллигенція.

Евреи въ корчмахъ тоже помогаютъ проповѣдникамъ штунды, ругая поповъ и иконы.

Въ концѣ прошлаго года сталъ выходить въ Петербургѣ новый двухнедѣльный журналъ «Новь», съ неслыханно цестрымъ содержаніемъ. Въ двухъ сло книгахъ (т. I, № 4—вторая половина декабря 1884 г., и т. II, № 5—первая половина января 1885 г.), въ отдѣлѣ критики и библиографіи, приютилась весьма интересная историко-литературная статья г. Н. М. В. подъ заглавіемъ: *Иванъ Петровичъ Котляревскій. Критико-біографическій очеркъ.*

Русская литература, начиная авторъ, выгодно отличается отъ другихъ европейскихъ литературъ однимъ весьма важнымъ достоинствомъ, подмѣченнымъ уже давно и повтореннымъ покойнымъ Тургеневымъ въ рѣчи на пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ,— «прямодушной правдою, отсутствіемъ лжи и фразы, простою, откровенностью и честностью ощущеній». Достоинство это принадлежитъ ей давно, съ первыхъ шаговъ ея самостоятельнаго развитія, тогда какъ иностранная литература начинаетъ выставлять эти начала только теперь, и то какъ *ria desideria*. Какія-же причины этого явленія?

«Одна изъ причинъ, недостаточно выясненная нашей критикой, заключается въ томъ, что въ созданіи русской поэзіи участвовала не одна народность, но двѣ, хотя единавѣрныя и единокровныя, но выработавшія свою духовную фпзіюнію подъ такими различными условіями быта, исторіи, климата и почвы, что было-бы нецѣбно ихъ національныя свойства смѣшивать въ одну народную сущность. Наоборотъ, въ русской литературѣ отразились и слились двѣ народныя сущности, не противоположныя, но взаимно восполняющія одна другую, и въ этомъ заключается тайна ея скорого и пышлага развитія. Подобное сліяніе имѣло мѣсто не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ литературахъ и вездѣ служило залогомъ высокаго развитія... Каждая народность, предоставленная самой себѣ, спѣшитъ довести свои врожденныя свойства до крайняго развитія, — и цивилизація такой народности будетъ отличаться исключительной односторонностію, а литература, въ которой долженъ преобладать элементъ или разсудочный, или чувствительный, будетъ носить въ себѣ признаки разложенія и фальши... Исключительность и правда враждебны одна другой. Только при сочетаніи двухъ элементовъ является художественная правда. Тургеневъ эти два элемента называетъ восприимчивостію и самодѣятельностію, началомъ женскимъ и мужскимъ.

Въ русской литературѣ, къ счастью, эти два элемента слились во едино, потому что въ ея созданіи участвовали двѣ народности, общія по происхожденію, но различныя по характеру, -- народности великорусская и малорусская». (Т. I, № 4-й, стр. 702--703).

Участіе малороссовъ въ выработкѣ обще-русской культуры начинается очень рано.

«Въ XVI и XVII столѣтіяхъ кievская ученость была возбуждающей силой для Москвы. Константинъ Острожскій, Смотрицкій, Петръ Могіла, Епифаній Славяненскій, Симеонъ Полоцкій -- вотъ единственныя проводники между европейскою ученостью, правда -- схоластической, и допетровской Москвою. Петръ выбиралъ среди малороссовъ ревностныхъ поборниковъ своихъ реформъ, какъ напримѣръ Стефана Яворскаго, Дмитрія Ростовскаго, Ософана Прокоповича, Варлаама Коссовскаго, Осодосія Яновскаго, Гедесна Вплишевскаго, Ософлакта Лопатинскаго и др.» (Ibid., стр. 703).

Впослѣдствіи малороссъ Гнѣдичъ первый создаетъ русскій гекзаметръ и двадцать лѣтъ трудится надъ переводомъ Илиады, Капнистъ своей «Ябедой» первый послѣ Фонвизина создаетъ серьезную общественную комедію, Богдановичъ «Душенькой» освободилъ русскую литературу отъ оковъ ложно-классицизма и «оживилъ ее духомъ шутки и бодрой веселости».

«Но центральнымъ поэтомъ, сосредоточившимъ въ себѣ весь своеобразный гений Малороссіи и приобщившимъ этотъ гений нашей литературѣ, былъ Гоголь. Онъ, можно сказать, вдыхнулъ душу живую въ нашу поэзію и первый придалъ ей тотъ характеръ правдивости и человѣчности, которымъ мы по справедливости такъ гордимся. Да, этотъ характеръ придалъ ей Гоголь, а не Пушкинъ, не потому чтобы онъ былъ талантливѣе Пушкина, а потому, что онъ заставилъ звучать въ великорусской поэзіи струны ей дотошѣ чуждыя, -- примиряющаго юмора, непритворной чувствительности и горячей любви къ человѣку, ко всякому человѣку вообще. Только Гоголь сдѣлалъ у насъ навсегда невозможнымъ возвращеніе къ фальши и условности, только онъ приготовилъ появленіе Тургенева, Достоевскаго и Льва Толстого». (Ibid., стр. 704).

Послѣ Гоголя малорусская народность, почувзвъ собственныя силы, направила ихъ къ созданію собственной литературы. Пока литература эта воспроизводила чисто народные идеалы, ей достаточно было и исключительно малороссамъ свойственныхъ качествъ -- сосредоточенной глубины чувства и юмора, «въ которомъ нераз-

рывно сливаются злоба и нѣжность, насмѣшка и любовь». Апогеемъ развитія въ этомъ направленіи были произведенія Шевченка. Но лишь только малорусскіе писатели захотѣли коснуться культурныхъ сторонъ общественной жизни, національныхъ качествъ малорусскаго характера оказалось недостаточно; а такъ какъ они пожелали замкнуться исключительно въ кругу этихъ качествъ, то вырожденіе малорусской поэзіи пошло быстрымъ шагомъ.

Всѣ малорусскіе писатели, до Шевченка, должны быть изучаемы, какъ элементы, подготовлявшіе почву для появленія его генія.

«Но есть и другая исходная точка при изученіи украинскихъ писателей. Юморъ и чувствительность малорусскаго генія оказали громадное вліяніе на нашу литературу, служили основнымъ элементомъ при ея созиданіи,—и поэтому всякое проявленіе этого генія для насъ фактъ не случайный, а глубоко поучительный, являющій связь съ нашей родной поэзіей. Изученіе малорусскихъ писателей для насъ крайне важно, и въ особенности такія, въ произведеніяхъ которыхъ наиболѣе ярко отразились основныя свойства малорусской природы. Родовачальникомъ этихъ писателей по справедливости слѣдуетъ считать Котляревскаго, и потому его жизнь и поэтическая дѣятельность имѣютъ такое-же право на наше вниманіе, какъ и на вниманіе природныхъ малороссовъ». (Ibid., стр. 705).

Затѣмъ авторъ излагаетъ біографію Котляревскаго, совмѣстно съ его литературной дѣятельностью и оцѣнкой его произведеній. На фактахъ біографіи мы не будемъ останавливаться, такъ какъ они и безъ передаваемой нами статьи хорошо извѣстны, а посмотримъ, какъ г. Н. М. В. смотритъ на «Энеиду», «Наташку-Полтавку» и другія творенія Котляревскаго.

По окончаніи полтавской гимназій Иванъ Петровичъ поступилъ домашнимъ учителемъ къ одному помѣщику малороссу. Здѣсь, къ концу 1795 года, 26 лѣтъ отъ роду, онъ начинаетъ набрасывать начерно строфы «Энеиды».

«Прежде чѣмъ выяснитъ значеніе этой поэмы, намъ сперва необходимо опредѣлять, какъ она зародилась въ мозгу поэта, какія жизненныя явленія вызвали идею о ней. Глухая Украина конца прошлаго столѣтія и пародія Виргилія, патриархальные помѣщики С—іе съ ихъ балбесами-племянниками и насмѣшка надъ классическими богами и героями, все это такіе разительные контрасты, которые невольно наводятъ на размышленіе. Какимъ образомъ бурсацкій виршеплетъ поваялъ художественную несостоятельность «Энеиды», какъ Эней очутился въ золотонош-

скомъ уѣздѣ полтавской губерніи, переселенный въ малороссійскую святу и чобота? Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ очутиться въ такомъ медвѣжьемъ углу, Эней совершилъ довольно далекое странствіе, перемѣнявъ на себѣ не одинъ костюмъ и не одну маску». (Ibid., стр. 706).

Впервые «Энеида» подверглась пародированію у француза Скаррона, этого «шута, поэта и философа въ одно и то-же время». Другая замѣчательная передѣлка Энеиды появилась въ 80-хъ гг. прошлаго вѣка въ Вѣнѣ и принадлежала перу иѣмца Блумауера. Эта пародія попала въ руки россійскаго стихотворца Николая Осипова и окончательно «раздѣлана имъ подъ орѣхъ», выражаясь при-мѣнительно къ кабацкому языку произведенія Осипова. Въ то время какъ Скаррону и Блумауеру нуженъ былъ только предлогъ для сатиры надъ ихъ отечественными пороками, цѣль Осипова заключалась единственно въ кабацкомъ смѣхотворствѣ, такъ какъ публика, которой адресована была россійская «Энеида» не имѣла ровно никакого представленія о предметѣ, подвергнушемся вывороту на изнанку. Эта-то знаменитая поэма Осипова «въ Элесвомъ вкусѣ» и попала къ Котляревскому и послужила стимуломъ къ его «Виргиліевой Энеидѣ, на украинскую мову переладчанной». Вопросъ о томъ, кто для кого послужилъ образцомъ, Котляревскій-ли для Осипова, или наоборотъ, рѣшается авторомъ въ пользу первенства Осипова на основаніи слѣдующихъ соображеній:

«Первое паданіе «Энеиды» Котляревскаго было сдѣлано въ 1798 г., безъ его вѣдома, какимъ-то черниговскія помящикомъ Пурпуромъ, которому авторъ далъ поэму только для списанія. Вотъ этотъ-то Пурпура, по отзывамъ всѣхъ биографовъ Котляревскаго, былъ осмѣянъ въ строфѣ о «мацанурѣ» и осмѣянъ не за присвоеніе себѣ чужаго творчества (въ изданіи г. Пурпуры авторомъ названъ Котляревскій), а лишь за промисель чужимъ добромъ. Первое-же изданіе «Энеиды» Осипова появилось въ 1791 году, слѣдовательно за семь лѣтъ раньше малороссійской передѣлки. Но мы знаемъ, что еще къ концу 1795 года Котляревскій писалъ на доскуткахъ свою «Энеиду», въ то время никому неизвѣстную даже въ Малороссіи, а тѣмъ менѣе въ Петербургѣ. Въ 1791 году Котляревскому было всего 21 годъ; онъ былъ еще въ бурсѣ, но ни одинъ изъ его товарищей по бурсѣ не упоминаетъ, что-бы онъ уже тогда писалъ свою «Энеиду». Принимая-же во вниманіе, что «Энеида» Осипова представляетъ искаженную копію съ передѣлки Блумауера, мы приходимъ къ неопровержимому выводу, что первенство

по времени принадлежить поэмѣ Осипова, которому несомнѣнно подражаетъ Котляревскій». (Ibid., стр. 708).

Какъ-же вышло, что подражаніе такому шутовскому произведенію, какъ «Энеида» Осипова, сдѣлалось бессмертнымъ твореніемъ? Причины этого—какъ въ талантѣ писателя, такъ и въ историческихъ обстоятельствахъ времени появленія поэмы. Малороссы, обреченные на усвоеніе чуждыхъ, сосѣднихъ культуръ, всегда однако хранили въ себѣ безсознательно любовь къ родному языку, обычаямъ и, главное, къ славнои своей исторіи. Усвоенная культура обрекала всѣ эти вещи на посмѣяніе, какъ принадлежащія просто-народью, а внутреннее чувство тяготѣло къ нимъ. Вотъ почему малороссійскіе паны ушивались смѣшными украинскими анекдотами, полными національнаго юмора. Они относились къ нимъ свысока только потому, что ложный стыдъ культурнаго челоуѣка мѣшалъ признаться къ народнымъ произведеніямъ, стать открыто на сторону народнаго гелія. Нуженъ былъ только писатель, «который, подъ предлогомъ насмѣшки, раскрылъ-бы предъ культурными людьми всѣ сокровища языка и духа украинскаго просто-народія, предъуготовывая такимъ образомъ путь для будущаго вдохновеннаго пѣвца».

«Этѣмъ писателемъ и былъ Котляревскій, который, приступая къ своей поэтической дѣятельности, имѣлъ вначалѣ только одну сознательную цѣль: смѣшить образованную публику сценами изъ просто-народнаго быта, написанными на малороссійскомъ языкѣ. Но, изучая для этого народный языкъ и нравы, Котляревскій безсознательно исполнялъ великую историческую миссію. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ онъ проникалъ все глубже въ народную жизнь, его отношеніе къ ней мѣняется, безсознательная миссія разъясняется въ его душѣ, и онъ пользуется знаніемъ народной жизни не для издѣвательства надъ ней, а для поэтическаго ея воспроизведенія, пробудивъ своими прежними произведеніями интересъ и любовь культурныхъ читателей къ языку и быту просто-народья. Такимъ образомъ дѣятельность Котляревскаго распадается на два періода: безсознательнаго народничества и сознательнаго. Къ первому періоду относится большая часть «Перелопочанной Энеиды», ко второй—послѣдніи пѣсни этой поэмы и, главнымъ образомъ, драматическія произведенія Котляревскаго». (Стр. 709—710).

Изъ сказаннаго вытекають и достоинства и недостатки «Энеиды».

«Главное достоинство ея—народность, выражающаяся, во первыхъ, въ языкѣ, подслушанномъ у народа и впервые отлитомъ въ литературныя формы, во вто-

рыхъ, въ народномъ бытѣ, описанномъ живыми и талантливими штрихами и въ третьихъ, въ народномъ юморѣ, разлитомъ по всему произведенію. Главный недостатокъ «Энеиды» — отсутствіе цѣльности въ замыслѣ и въ исполненіи: народная поэма была задумана съ намѣреніемъ позабавиться на счетъ народа!... Цѣльность поэмы страдаетъ и отъ того, что послѣднія лѣсли, когда отношеніе Котляревскаго къ народу стало измѣняться, написаны въ другомъ тонѣ, псжили первые». (Ibid., стр. 712).

Успѣхъ «Энеиды» имѣла колоссальный. Она разошлась въ громадномъ количествѣ списковъ до напечатанія, а по напечатаніи въ 1798 году, въ теченіи 11 лѣтъ, выдержала 4 изданія. Одинъ экземпляръ попалъ даже въ походную бібліотеку Наполеона I и завезенъ имъ въ Парижъ. Общественное мнѣніе признало «Энеиду» основаніемъ малорусской поэзіи, «но не столь согласны были разговоры о ней критики».

Далѣе разбирается двукратное сужденіе объ «Энеидѣ» Кулиша: одно, 60-хъ годовъ, въ которомъ онъ не находитъ словъ для порицанія Котляревскаго за карикатурное изображеніе малорусскаго народнаго характера и за насмѣшку надъ народнымъ языкомъ, другое 80-хъ годовъ, гдѣ Котляревскій превозносится за демократизмъ, за то, что «онъ стащилъ съ олимпійскихъ высотъ боговъ и богинь съ полубогами... и все олимпійское барство обратилъ въ мужицкую простоту». «Выходитъ, слѣдовательно, остроумно замѣчаетъ г. П. М. В., что Котляревскій имѣлъ намѣреніе смѣяться не надъ простолудивомъ, а надъ барствомъ, надъ сильными міра, но такъ искусно скрылъ свое намѣреніе, что г. Кулишу пощадилося 20 лѣтъ размыслелій, чтобы пропикнуть въ него».

Выше авторъ замѣтилъ, что ко второму періоду настроенія Котляревскаго, времени искренней любви къ народу, относятся созданіе его драматическихъ произведеній: «Наташки-Полтавки» и «Москаля-Чаривышка». Первую пьесу г. П. М. В. называетъ «комедіей типовъ» и защищаетъ ее отъ упрека въ тогдашнемъ общерусскомъ литературномъ сентиментализмѣ.

«Правда, въ «Наташкѣ-Полтавкѣ» несомнѣнно звучитъ сентиментальная нотка; правда и то, что въ русской литературѣ въ концѣ прошлаго и началѣ имѣшняго вѣка господствовало сентиментальное направленіе; но между сентиментальностью Карамзина и его послѣдователей, съ одной стороны, и Котляревскаго — съ другой, лежатъ цѣлыя бездна. У Карамзина чувствительность была болѣзненная, заимство-

ванная съ Запада, чуждая великорусскому характеру, и потому успѣхъ ея былъ крайне недолговѣченъ... Не то было съ Котляревскимъ. Чувствительность въ его пьесахъ была ничуть не заимствованная извнѣ, а почерпнутая изъ самыхъ тайниковъ національнаго духа украинцевъ» (Ш. Н, № 5-й, стр. 129).

Затѣмъ авторъ для иллюстраціи къ только что высказанному имъ проводитъ параллели между аналогичными положеніями персонажей Карамзиновской «Бѣдной Лизы» и «Наталки-Полтавки» Котляревскаго, и каждый разъ находитъ, что лица «Наталки-Полтавки» поступаютъ вполне естественно, сообразно съ данными обстоятельствами и своимъ національнымъ характеромъ, между тѣмъ какъ въ «Бѣдной Лизѣ» они просто ломаются.

«Москаля-Чаривныка» авторъ называетъ «забавнымъ водевилемъ изъ народной жизни, въ которомъ много шаржа и случайностей, но веселье котораго нѣтъ ни одной пьески среди всѣхъ, посвященныхъ изображенію народнаго быта».

Художественная дѣятельность Котляревскаго оканчивается 1819 годомъ. Въ 1822 году его избрали членомъ петербургскаго общества любителей россійской словесности; литературная извѣстность его къ этому времени достигла довольно обширныхъ размѣровъ. Иванъ Петровичъ умеръ въ 1838 году, на 70-мъ году жизни, въ родной Полтавѣ, среди всеобщей любви и почитанія.

«Въ 1869 г. кружокъ полтавцевъ торжественно отираздновалъ столѣтній юбилей для рожденія Котляревскаго, имя котораго навсегда останется памятнымъ въ Малороссіи не столько потому, что Котляревскій былъ великій талантъ, какъ потому, что ему выпало счастье быть инициаторомъ, первымъ народнымъ поэтомъ, отцомъ малорусской литературы. Струны юмора и чувствительности, впервые имъ затронутиы, продолжали звучать во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ украинской поэзіи. Но особенно явное подражаніе Котляревскому видно въ слѣдующихъ произведеніяхъ малорусской литературы: въ «Горнявидѣ» П. Н. Бѣлецкаго-Носенка, «Гараськиныхъ одахъ» П. П. Артемовскаго-Гулака, «Жабомышодраківкѣ» Б. Д. Думитрашкова, «Патреть» Квитки-Основьяненка, затѣмъ—въ комедіяхъ и операхъ Гоголя—отца, Я. Кухарепка и др. Котляревскій принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ литературнымъ инициаторамъ, произведенія которыхъ пѣвуть не одно историческое, но и художественное значеніе и спустя почти столѣтіе послѣ своего написанія еще читаются съ живымъ интересомъ. Котляревскій бросилъ первое зерно той богатой жатвы, которую впоследствии собралъ Шевченко, и подарилъ этотъ въ лучшемъ

смыслѣ слова народный пѣвецъ посвятивъ памяти Котляревскаго одну изъ самыхъ прочувствованныхъ своихъ думъ»... (Ibid., стр. 133).

Хорошо сдѣлалъ авторъ переданной нами статьи, что въ концѣ ея приложилъ для интересующихся предметомъ «библіографическій указатель сочиненій Котляревскаго и о Котляревскомъ», который мы дополнимъ указаніемъ на статью о Котляревскомъ въ галицко-русскомъ журналѣ «Світъ» за 1881 годъ, гдѣ между прочимъ высказано объ одѣ Котляревскаго «до князя Куракина» мнѣніе, замѣчательно сходное съ мнѣніемъ о томъ-же г-на Н. М. В.

Замѣтимъ кстати, что въ одной изъ тѣхъ-же книжекъ «Нови», именно въ т. I, № 4-мъ, напечаталъ новый рассказецъ П. А. Кулиша—«Дядушкинъ завѣтъ», заслуживающій упоминанія на страницахъ нашего журнала хотя-бы потому, что самъ г. Кулишъ теперь нѣкоторымъ образомъ принадлежитъ уже исторіи.

— — — — —

Обѣ кievскія газеты, «Кіевлянинъ» и «Заря», въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ не только своевременно отзывались на извѣстныя явленія, такъ или иначе относящіяся къ мѣстной исторіи, но удѣляли на своихъ столбцахъ мѣсто даже историческимъ документамъ. На статьяхъ, вызванныхъ злобой дня, мы останавливаться не будемъ, а только перечислимъ ихъ параллельно въ обѣихъ газетахъ; помѣщенные-же документы, въ интересахъ исторіи, позволимъ себѣ привести цѣлымъ.

Въ январѣ прошлаго года, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, скончался заслуженный въ наукѣ южно-русской этнографіи Павелъ Платоновичъ Чубинскій. Въ «Кіевлянинѣ» (№ 17) помѣщенъ некрологъ его, написанный Нв. Повицкимъ. Въ «Зарѣ» (№ 15), кромѣ некролога, принадлежащаго г. В. А., напечатаны и подробныя рѣчи, сказанныя на похоронахъ Чубинскаго гг. Кулябкой, Науменкомъ и покойнымъ А. О. Киятковскимъ.

2 февраля исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія Гнѣдича, автора приспомянутой «Шляды», родившагося и воспитывавшагося въ Полтавѣ. Обѣ газеты почтили память его статьями: въ «Зарѣ» въ день годовщины (№ 27) памяти Гнѣдича посвящена передовая статья, а въ «Кіевлянинѣ», тоже начиная со 2 февраля, въ трехъ померахъ (№№ 27, 28 и 29) помѣщены довольно обстоятельныя

біографическія замѣтки г-на П. С., подъ заглавіемъ «Къ столѣтней годовщинѣ Николая Ивановича Гнѣдича».

По выходѣ въ свѣтъ книги г. Петрова: «Очеркъ исторіи украинской литературы XIX ст.», въ обѣихъ газетахъ помѣщены рецензіи на нее, въ «Кіевлянинѣ» (№ 43) г. Ив. Новицкаго, въ «Зарѣ» (№ 48) обстоятельная рецензія г. М-на, и еще ральше, въ № 37, замѣтка на ту-же книгу: «Судьбы украинской литературы въ девятнадцатомъ столѣтіи».

Обѣ газеты въ теченіи августа и сентября, по случаю 50-лѣтняго юбилея университета св. Владимира, помѣстили массу замѣтокъ, такъ или иначе касающихся исторіи университета, причемъ «Кіевлянинъ» очевидно пользовался офіціальными свѣдѣніями и потому далъ болѣе матеріала. Всѣ эти замѣтки, впрочемъ, утратили свой интересъ послѣ появленія исторіи университета профессора Владимірскаго-Буданова.

Та и другая газета своевременно давала публикѣ отчетъ о засѣданіяхъ и чтеніяхъ мѣстнаго историческаго общества Нестора-лѣтописца.

Остановимся теперь на каждой газетѣ отдѣльно. «Кіевлянинѣ» помѣстилъ въ нѣсколькихъ номерахъ (№ 60, 61, 65 и 66) «Очеркъ развитія малорусской штинды», неизвѣстнаго автора. Очеркъ написанъ на основаніи газетныхъ корреспонденцій и журнальныхъ статей; о достоинствѣ его можно судить по отзыву объ этомъ очеркѣ г-на П. Л. въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины».

Въ той-же газетѣ два неодинаковой достовѣрности сообщенія. По поводу помѣщеннаго въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» портрета русской княжны Анны Ярославны, вышедшей замужъ за французскаго короля Генриха I, въ № 152 сообщалось, будто объ этой княжнѣ готовится ученымъ православнымъ монахомъ о. Августиномъ Мовильономъ, французомъ по происхожденію, цѣлое сочиненіе, основанное въ значительной степени на неизвѣстныхъ доселѣ источникахъ. Извѣстіе это, обошедшее всѣ почти газеты, оказалось ни на чемъ не основаннымъ. Ничего рода сообщеніе о томъ, что высокопреосвященный митрополитъ Платонъ испросилъ у Государя Императора позволеніе возстановить славную межигорскую обитель, эту драгоценную по историческимъ воспоминаніямъ руну, храмы которой стоятъ почти въ заустѣніи съ 1798 года, когда она по

распоряженію правительства обращена была въ фаянсовую фабрику («Кіевлянинъ», № 148).

Не лишены интереса также выдержки изъ доставшагося редакціи «Кіевлянина» «*Росписанія доходовъ и расходовъ губернскаго города Кіева, 17 сентября 1831 года*» (№ 16).

«Изъ документа этого видно, что въ 1831 г. всѣ доходы города равнялись 243 тыс. руб. ассигнац., что составляетъ рублями металлическими около 81,000 р., между тѣмъ какъ по отчету 1882 года доходы города равняются почти миллиону рублей кредитныхъ, или считая по курсу въ 60 коп. металлическихъ, 600 тысячъ руб. металлическихъ. Расходы въ то же время были опредѣлены въ 209 тыс., такъ что предполагалось сбереженія 34 тыс. руб.»

Газета сравниваетъ дальше различныя статьи дохода и расхода того времени съ настоящими и отмѣчаетъ несуществующіе нынѣ источники доходовъ, напр. питейный откупъ, или «съ эквилибристовъ, ташеншизеровъ, штукмейстеровъ и отъ театра—500 р.» Изъ статей расхода интересна—содержаніе городского общественнаго управленія, которое обходилось въ 20,270 руб., причеиъ войтъ получалъ 700 р., два бухгалтера по 250 р., четыре ратсгера по 200 р.

«Содержаніе словеснаго суда обходилось всего въ 420 р., изъ конхъ лавникъ получалъ 100 р., инстигаторъ 80 р., урядникъ 80 р., и 2 разсыльщика по 80 р.» «На пародное образованіе расходовалось 4,000 руб. въ настоящее время до 65,000 р.; расходы на врачебную помощь заключались въ платѣ городовому врачу, въ настоящее время на больницы и врачей расходуются 72 т. рублей» («Кіевл.», № 16).

Но дѣйствительно важное историческое значеніе имѣютъ два документа, напечатанные «Кіевляникомъ» и относящіеся къ извѣстной успецкой церкви въ г. Переяславѣ, въ которой по преданію присягалъ на вѣрность московскому царю Богданъ Хмельницкій. 10 августа (№ 178) въ газетѣ помѣстилъ какой-то «любитель старины» замѣтку, въ которой негодуетъ на то, что по распоряженію епархіальнаго начальства имѣетъ быть въ скоромъ времени разрушена въ Переяславѣ успецкая церковь, стоящая въ центрѣ города, въ «Замковищѣ», въ которой по преданію присягалъ 8 января 1654 г. Богданъ Хмельницкій и въ которой хранятся до сихъ поръ крестъ и евангеліе, употребленные при присягѣ. Разнохарактерность постройки зданія собственно и дала поводъ автору замѣтки думать, что старая успецкая церковь, обреченная на сломъ, въ своемъ остовѣ

есть именно знаменитая церковь Хмельницкаго. Эту ошибку раздѣляли многіе. Было доведено о церкви до свѣдѣнія президента академіи художествъ, великаго князя Владиміра Александровича, который озабочился дать средства для поддержанія древняго храма и командировалъ на мѣсто депутата отъ академіи художествъ для осмотра зданія. Но мѣстное епархіальное начальство и предсѣдатель мѣстнаго комитета о. Терлецкій не соглашались почему-то съ мнѣніемъ нѣсколькихъ членовъ на счетъ древности церкви и приготавливали матеріалъ для постройки новой, каменной на ея мѣстѣ. Пошли пререканія съ обѣихъ сторонъ, члены комитета раздѣлились, почетныя лица города перестали въ немъ участвовать. Дѣло принимало неблагоприятный оборотъ. Къ счастью, мѣсяца черезъ два послѣ замѣтки «любителя старины» въ редакцію «Кіевлянина» была прислана изъ Переяслава другая замѣтка, г. Т., съ двумя документами, которые рѣшили споръ. Оказалось, что нынѣшняя обветшавшая успенская церковь построена прихожанами въ 1767 году, на мѣстѣ сгорѣвшей исторической. Одинъ изъ документовъ—копія указа епархіальнаго архіерсея о постройкѣ нынѣшней успенской церкви, другой—копія контракта мастера съ причтомъ и прихожанами. Вотъ эти документы: («Кіевлянинъ», № 229).

І. «Божію милостію смиреннѣйшій Гервасій, епископъ переяславскій и бориспольскій. Всечестному протопопу переяславскаго полку Скрипнивскому, Божіе благословеніе препосылая, предлагаемъ. Настоящаго 1767 года іюня 1 дня, священникъ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы верхняго горлазонаго переяславскаго города Андрей Берло съ прихожанами той церкви подавнымъ какъ пастыремъ доносилемъ представили: прошлаго де 1761 года, позволеніемъ Божіимъ, церковь пхъ приходская болшая Успенія Богоматере, бывшая о трехъ престолахъ, до основанія старѣла, на мѣсто которой устроена была болшая съ хоромнаго строенія, пока къ строенію по надлежащему болшой церкви дерева и прочихъ принадлежащихъ матеріаловъ изготовили. А яко де нынѣ уже какъ деревенетъ, такъ и другихъ матеріаловъ довольное число ирѣготовлено, и мастера увантрактованъ и за Божіимъ благословеніемъ желаютъ оную начати на прежнемъ мѣстѣ, такъ же о трехъ престолахъ, съ конехъ будетъ первый, средній, престолъ во имя Успенія Пресвятыя Богоматере, другой, по правую сторону, во имя святаго Іоанна Предтечи, третій, съ лѣвой стороны, во имя святихъ апостолъ Петра и Павла, для того просили на заложеніе показанной ихъ о трехъ престолахъ церкви нашего благословенія: того ради мы пастырь всечестности вашей предлагаемъ и показанную новую цер-

ковъ во имя Господне, въ честь Успенія Пресвятыи и Преподобнословенныи Богородицы и Приснодѣвы Маріи и во имя святыихъ великаго Іоанна Предтечи и первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла, по чинположенію святыя восточныи церкви, заложитя благословляемъ, а по заложеніи въ консисторію нашу ренотировати; 1767 года іюня 2 дня. Въ подлинномъ тако: вышеназванный Гервасій епископъ».

II. «1766 года поября 6 дня. Я нижеподписавшійся полку переяславского, житель селѣ бубновской, села Сошковъ, майстеръ Евстратій Прохоровъ, даю сей контрактъ церкви Успенской переяславской презвитеру Андрею Верлу съ прихожанами въ томъ, что подрадлиа я нижеподписанныи строить церковь Успенія Богоматере кирпичовую (въ формѣ креста) на три престола съ предѣлами, на копей и главы три имѣть быть... за цѣну денгами сто девяносто рублевъ, съ харчей, яко то: житнаго баранна четвертковъ новой мѣры 40, гречанаго тоже, пшеничнаго 10, сала пудовъ 10, пшона 10, олѣи три ведра, сивузи здѣшней работы 10 кадокъ, рыбы игольн (иглою визанной) 4 тысячи, барановъ 10, когда постребуется, работникамъ капущи дѣжка, бураковъ дѣжка, квартера, кухарь, горшки, мяски и ложки, при закладѣ сумки на кунтушь товароваго пять локотъ съ полоняною, и за всю вышеназваную сумку пятю я нижеподписанныи означенную церковь строить съ крайнихъ мѣстамъ раченіемъ, скоропоспѣшно и неостановительно, подъ потераніемъ, за составкою моего дѣла, всей посуленной отъ нихъ суммы, въ томъ и подписуюся. Майстеръ Евстратій Прохоровъ».

«Изъ приведенныхъ документовъ, говорить г. Г., ясно видно, что зданіе успевской церкви XVIII вѣка, въ коей присягалъ Богданъ Хмельницкій, 8 января 1654 года, съ малороссійскимъ народомъ на вѣрнопопданство Россіи, сгорѣло до основанія въ 1761 г. На мѣстѣ сгорѣвшей церкви построена была маленькая церковь, въ родѣ часовни, на время, изъ простаго жилого зданія. Затѣмъ уже въ 1767 году, прихожане, собравшись съ силами, начали строить на старомъ мѣстѣ новую деревянную церковь о трехъ престолахъ и трехъ главахъ. Но похожа-ли эта церковь была на сгорѣвшую въ своемъ планѣ и фасадѣ, изъ документовъ не видно. Несомнѣнно только, что церковь построена на прежнемъ мѣстѣ и что главный престолъ во имя Успенія Божіей Матери. Значить, памятникомъ XVII вѣка служить не зданіе церкви, а мѣсто, ею занимаемое, и ся имя. Это-то и нужно сохранять и укрѣпчивать, если не сохранилось самое зданіе».

Въ 47 номерѣ «Зари» также помѣщенъ любопытный документъ, дополняющій извѣстный «Сборникъ матеріаловъ для исто-

рической топографіи Кіева» и трактующей о «Шевномъ дворѣ» на Подолѣ. Документъ появился въ газетѣ по слѣдующему поводу. Въ январѣ прошлаго года окончился процессъ между кіевскимъ сапожнымъ цехомъ и мѣщанами г. Кіева о владѣніи *Шевнымъ дворомъ*, что на Подолѣ, противъ такъ называемой толкучки. Дворъ этотъ купленъ былъ кіевскимъ шевскимъ цехомъ въ 1609 г. у бѣлгородскаго священника Киріяка Псаевича, за 140 копѣй литовскихъ. Король Сигизмундъ III выдалъ сапожному цеху въ 1619 году грамоту на право пользованія купленнымъ дворомъ, а Владиславъ II впоследствии подтвердилъ ея. Но такъ какъ *шевы* прежде составляли часть мѣщанъ кіевскихъ, то дворомъ владѣли вообще мѣщане. Мѣщане продолжали владѣть имъ и по отдѣленіи отъ ремесленниковъ сословно. Но вышній сапожный цехъ г. Кіева, считая себя прямымъ преемникомъ «шевскаго цеху», предъявлялъ къ мѣщанской управѣ искъ о «Шевномъ дворѣ» и отобралъ его у мѣщанъ по рѣшенію окружнаго суда, причемъ дѣло въ пользу сапожниковъ, по сообщенію редакціи, рѣшила упомянутая выше грамота Сигизмунда III, которая читается такъ:

«Жалямоу гретій, Божію милостію король польскій, великій князь литовскій, рускій, прусскій, мазовецкій, жинонтскій, ияфлянтскій, шведскій, готскій, вандалевскій, дедичный король. Ознайдуемъ тымъ листомъ нашимъ всѣмъ послыате и каждому засобна, иннешнимъ и напо томъ будучимъ: показвали передъ нами мещане киевские присуду замкового, то есть цехмистръ швенскій и все братте цеху швенского и тарбарского (кожемяки) выписъ съ книгъ земельных киевскихъ, подъ датою року тысяча шестсотъ девятого, мѣсяца октябра пятого дня для продажи вечное пляцу и дому съ коморами и всѣмъ будовамъ въ месте нашемъ киевскомъ, межъ домами съ одное стороны Макаровича, зъ другое монастыра печерского, тыломъ къ дому Севасткова, а воротами ку улицы рыноковой лежачий, котораго-то плянцъ в дому (у) Кирияка Псаевича попа белгородскаго и у жены его за невную суму пенезей, то есть за сто и сорокъ копѣй литовскихъ достала и купили на вѣчность себе самыхъ и наступниковъ своихъ, яко-то въ томъ выписе выражено есть; и были намъ челомъ преречоные мещане, абымы ихъ при томъ пляцу и дому, яко власное купили ихъ вечное, заховали и водлугъ давнихъ правъ и звычайевъ ихъ за томъ пляцу шопы и коморы для продаваня товаровъ разныхъ побудовать позволяли. А такъ мы, король, бачечи бытъ въ томъ челомбите ихъ слушное, того всего, чого рѣчь и слушность самая потребуеть, не одмовляемо, и овшемъ, заховавши ихъ самихъ и наступниковъ ихъ при томъ пляцу и доме, яко

при власномъ кругу ихъ, на вѣчные часы, надго шоны и коморы, для продаваня товаровъ ихъ, тыхъ то мещаномъ побудовати позволяли есмо я тымъ листомъ нашимъ затвержене тое купли позволяемъ; волни водлугъ волности и правъ давимыхъ ихъ, ваднихъ темъ, шевци, яко и гарбари, гаделевати и оные продавати, и ихъ наступшики на всѣ потомные часы, безъ вшелякихъ податковъ местскыхъ, въ чемъ имъ мещане киевские права майдебургского и тежъ врьдъ замковий киевскій жадное перешкоды и перевагабали чинити не мають и не будуть съ повинности своей и для ласки нашея королевское. И на то далисмо сей нашъ листъ съ подписомъ руки нашею, до которого и печать нашу коропную притиснути есмо казали. Писано у Варшаве, лета Бжого нароженя тысяча шестсотъ девятнадцать, месяца марта дванадцетаго дня, панованя вашего полского трядцать второго, а шведского двадцеть шестого року. Sigismundus Rex. Florian Oleszko, woisky Wlodzimirsky Pisarz. 3 Maja 1619, cechmistrz pomieniony per oblatam podał do Ksiąg grodzkich Kijowskich. Przyiołem Michał Myszka Choloniewsky. Conserwatia placu kupnego mieszczanom kijowskim szewskiego cechu na zbudowanie kramnic i na sprzedawanie towarow ich szewskich». («Заря» 1884 г., № 47).

Отмѣтимъ въ заключеніе, что въ той-же газетѣ, №№ 229 и 231, напечатанъ краткій очеркъ исторіи кирилловской церкви и сообщеніе о ходѣ работъ въ ней проф. Прахова; въ № 273—рецепзія на вторую часть украинскаго альманаха «Рада».

В. Н.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г. НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

1885 г. „ВОЛЫНЬ“, г. 1885.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ седмой годъ своего существованія съ началомъ 1885 года, газета „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хропка Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержания. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обзорѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Бюджетныя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомиръ, въ контору редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣсяца.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 к.	1 р. 80 к.	1 р. . . к.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 к.	1 р. 90 к.	1 р. 10 к.
Для иногороднихъ съ пересылк.	4 р. — к.	2 р. 20 к.	1 р. 20 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики при переѣздѣ адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

Редакторъ **Н. И. Коровицкій.**

Издатель **И. И. Коровицкій.**

1885 г. „КІЕВЛЯНИНЪ“ 1885 г.

21-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

На годъ	12 руб. — к.	На 3 мѣсяца	4 руб. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ	7 руб. — к.	На 1 мѣсяць	1 руб. 50 к.

Подписка принимается въ редакціи „Кіевлянина“ (Уголь Шулявской и Кузнечной у., д. насл. Шульгина).

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

«Виленскій Вѣстникъ», давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, уделяетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. Сѣверо-Западнаго края Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкой на домъ по городской почтѣ.	Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города.		
На годъ	9 р. — к.	На годъ	10 р. — к.
— полгода	4 р. 50 к.	— полгода	5 р. — к.
— 3 мѣсяца	2 р. 40 к.	— 4 мѣсяца	3 р. — к.
За 1 мѣсяць	— р. 80 к.	За 1 мѣсяць	1 р. — к.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» (*Виленская улица, домъ г. Ленского*), въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина (*Большая улица, собственный домъ*) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Гравированный съ оригинала Боровиковскаго академикомъ В. А. Бобровымъ портретъ знаменитаго композитора нашего Д. Ст. Бортнянскаго, съ маленькими портретами Дамаскина и Львова, продается въ оттискахъ для любителей и собирателей гравюръ до подписи (*a vant la lettre*) по 10 р., а остальные по 2 р. На упаковку и пересылку прилагается особо по 1 р. Адресоваться къ Виктору Алексѣвичу Боброву. С.-Петербургъ. Васильев. Остр., л. 13, д. № 42, кв. № 3.

16. Парфененку даны за медь 12 рублей.

17. Золотарю Ивану Сергуну дакъ на позолоту чирвоный, ему-жъ на живое сръбро 18 к. Ивану Пищолцѣ дакъ до оправованя рондзигъ и 30 к. Отехалъ зъ Стародуба, почовалъ въ Левенцѣ.

18. Рано одтоль вѣсхавни, обѣдалъ въ Случку и тамъ за скопцину взято у Киселка коць и кобилка. На ночь прибылъ въ Перегонъ.

19. Отехалъ въ Погаръ и тамъ почовалъ.

20. На силу приняли гнѣдого коня за Борцовцѣвъ въ 10 р., которій и посланъ чрезъ погарского человѣка, якому на дорогу даны 1 р. 50 к. Обѣдали у мене прапорщикъ тоболского полку Алексій Ивановичъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій Христинчевскій. Драгуну дано 5 к. На рыбу пошло 22 к.

21. Послѣ службы Божой посвящали дворъ и хата на Василювцѣ. Священникамъ и прочимъ причетникамъ дано 47 к. Иванъ Мелниченкоъ отклонился, которому и дано 25 к. За Гршика Шрама Микрунова, на линии работавшого, который долженъ былъ 11 осмачоць овса, заплатили Куровщи шесть рублей. Нѣмому дакъ кунтушь зеленой мой.

22. Впехалъ зъ Перегону, былъ въ Левенцѣ, прибылъ въ Стародубъ. Пересздомъ въ Случку за Рубанову кобилу велѣлъ заграбить у Романовичового подданного Клима Мигаля два копѣ, обѣдаючи у Коменка.

23. Радя тезоименитства у полковника нашего обѣдали, которому окончилось 63 года, и до позна гуляли.

24. За офарбованне габи 25 к., за вичинку лисецъ и зайцовъ Чубѣ 15 к. Розышлося на розницю 9 к. Прапорщикъ Темиразовъ и сотникъ новгородскій были у мене. За муку брапную передъ симъ у колачниковъ 36 к., за булки 24 к.

25. Даны до роблеция Максиму шашочнику два муфи зъ медведя для мене и для Василя, а для палецъ зъ огонковъ куничихъ, да на шю ожерѣля съ огонковъ-же и кучму зъ черного баранка. На питки 3 к.

26. Купили до кузицъ дворовой ковадло и мѣхъ за 3 р. 50 к. у коваля Силка, которому дакъ 1 р. Кунтушь мѣхъ покраецъ зъ кофейного сукна, до которого дано на питки и шовкъ 7 к. Васильковѣ кунтушицѣ, кафганикъ и штаны покраены; на потреби дано

8 к. Куплено выбойки 3 локтя зъ $\frac{1}{4}$, за которую дано 81 к. Даль Плесковъ зять на пенгу 10 р. Шабелнику дано 10 к. Посланы письма въ Глуховъ, чрезъ сторожа Ивана Грипевича, до пана Скоропадского, до Валкевича и привилегіи и мапу, и до Юркевича.

27. Даны остальные Парфеняку за медь 10 р. Розышлося на розницю 6 к.

28. За илеи до стапка конского, що подкѣбовать коней, 18 к., живодіорамъ 4 к. Розышлося 6 к.

29. За шкуру Чубѣ овечую 18 к. На питки и кузѣки 4 к. Карноуху 16 к., за 2 смушки бѣлыхъ 8 к.

30. За пошите ковдри 20 к. Привозившему родивный хлѣбъ молодичу 20 к., отъ в. Андрея Миклашевского, которому вчера родилась дочь Екатерина. На нитѣ Чубѣ и вравцю 10 к. На розницю розышлося 5 к. Куплено жита осмачокъ, дано за опос 14 р. 16 к. Дѣвцѣ за булки и за кури 18 к. Маляру Петру 3 р. 50 к.

Декабрь.

1. Confessus commisiavi. Розышлося на розницю 46 к. За пошите кунтушика Васевѣ 10 к. За зельзо Евданцѣ 5 к.

2. Рано отехали до Нижнего на крестины и тамъ весь день пробавили и почовали. Розышлося 55 к.

3. И весь день тамъ-же въ Нижніомъ пробавили и уже на ночь пріехали въ Стародубъ.

4. За роботу жупана и габяна блакитного для Ивана Лучанского 20 к.

5. Віехали зъ Стародуба и пообѣдавши въ Левенцѣ, прибыли до Перегону.

6. Обѣдали у насъ въ Перегонѣ Григоріева Гамалина, Дзевулская и Галецкая. Священнику зъ причетниками 25 к. Въ капунѣ на медь 20 к.

7. Въ Погарѣ ¹⁸⁶⁴⁾

¹⁸⁶⁴⁾ За снѣгъ въ рукописи вилетено нѣсколько листовъ чистой бумаги, вѣроятно въ замѣвъ утерявшихъ тетрадей Дневника. Между чистою бумагою вилетена тетрадка въ 12-ть страницъ съ «черными отпусками партикулярныхъ писемъ», възъ которыхъ нѣкоторые будутъ напечатаны въ приложеніяхъ. Затѣмъ начинается Дневникъ за 1742 г.

1742 году.

Мѣсяцъ генварь.

1. По поздравленіи г. генералу лейтепанту, генералу крисъ-коміссару и кавалеру Александру Борисовичу Бутурлину, нынешнему малороссійскому главному командиру, нового году, слушали службы Божой въ церкви св. Николая, а молебствія публичного въ церкви св. Варвары, бывшего при однократной пушечной палбѣ. Потомъ обѣдали и до позна гуляли у оногo-жъ г. генерала Бутурлина, а въ вечеру былъ фесрверкъ съ пуцаніемъ по землѣ и вверхъ многихъ ракетъ, которые дѣлали и справляли п. Максимъ Турковскій и п. Андрей Кондзеровскій.

2. Рано посѣщали насъ судія енеральный, его м. п. Федоръ Лисепко зъ сожительницею своею, п. Якубовичъ, асаулъ енеральный, и другіе; и весь день, послѣ вчерашнего гулянія, въ домѣ пребыть припужденъ.

3. Послѣ обѣда многіе посѣщали насъ въ кварталѣ, да и я къ нѣкоторымъ ездилъ.

4. Обѣдалъ я зъ женою у асаула енерального п. Якубовича и весь день у него пробавили, а оттуду какъ возвратился, то и у насъ гости были.

5. Службы Божой и водосвятіе слушать въ церквѣ св. Николая; потомъ заездилъ до п. Андрея Мнѣлашевского, а одголь возвратись въ домъ, вечерялъ зъ хоружимъ полковымъ черпѣговскимъ п. Леоптовичемъ. П. п. Федоръ и Александръ Корецкіи прибыли въ Глуховъ и стали квартирою въ домѣ полковника гадяцкого п. Галецкого.

6. Слушали обѣднѣ въ церкви св. Варвары, а потомъ какъ генераль, такъ и прочіе гг. великороссійскіе и малороссійскіе пошли за процессією церковною къ водосвятію на рѣку, где устроенъ былъ полкъ глуховского гварцѣзону и сотня глуховская и пушки поставлены; и когда водосвятіе окончилось, то перве солдаты и козаки бѣглымъ огнемъ выпалили, потомъ зъ мартиръ и пушекъ многихъ палено. По водосвятіи были у генерала многіе господа, а также и мы на водцѣ у асаула енерального п. Якубовича; потомъ прибывъ, въ домѣ я обѣдалъ. Сего-жъ числа подписовали писма къ

Государыни в къ гг. сенаторамъ, чрезъ отправляющихся депутатовъ въ С. П. Бурхъ посылаючися. Вечеромъ были у мене въ домѣ разные персоны, въ томъ числѣ и гг. подскарбій генералнй Скоропадскій и полковникъ зубенскій Апостоль.

7. Отклонились генералу наши депутаты и приняли свою экспедицію.

8. Опже депутаты отехали въ путь свой зъ Глухова, чрезъ которыхъ и я писалъ до Михайла Ивановича Новоторжцова секретаря, до канцеляриста Федора Афанасіевича Гнихова и до судіи полкового миргородского Федора Остроградского о дѣлѣ моемъ, стороны жалованной грамоты на деревнѣ Куровѣ и Чубаровѣ.

9. На вечери съѣзди въ Дунаецъ¹⁸⁵⁾, для посѣщенія болного сына и тамъ почовали.

10. Рано одтолъ возвратясь, слушали службы Божой въ церкви св. Николая; а потомъ будучому мнѣ у генерала, объявлено ехать по ставамъ, для турецкого посла учрежденнымъ, даже до самого Кіева, свѣдѣтельствовать заготовленные подводы, провизію и прочее. Сего жъ числа прибылъ изъ С. П. Бурха новопожалованный полковникъ, г. подполковникъ гусарского полку Божичъ, которому вручить клеймоты полковые и опубликовать егожъ мнѣ поручено¹⁸⁶⁾.

11. Отобравши я по порученныхъ мнѣ оныхъ дѣлахъ инструкція и указы, отехалъ зъ Глухова на почтѣ и прибылъ на сумерку въ Кролевецъ. Въ Глуховѣ сегодня трактовалъ у себе г. генералнй подскарбій Михайло Василювичъ Скоропадскій генерала Бутурлина и прочихъ. Въ Кролевецѣ взявъ у сотника подписку, что провизія для турецкого посла вся въ готовности, отехалъ на почтѣ къ Алтинцевцѣ¹⁸⁷⁾, а оттолъ до Батурина, куда прибылъ въ полночь, а передъ свѣтомъ тамъ же опостигъ мене полковникъ нѣжинскій Иванъ Шантилимоповичъ Божичъ. Одтолъ же зъ Батурина писалъ въ войсковую генералную канцелярію о томъ, что нятаго числа подводъ на ставъ батуринскій зъ полковъ черниговского и прилуцкого не по-

¹⁸⁵⁾ Село глуховскаго уѣзда.

¹⁸⁶⁾ Иванъ Хрущовъ былъ назначенъ полковникомъ въ сентябрѣ 1727 года, вмѣсто зятя Скоропадскаго—Толстого; свѣщенъ ояъ былъ постѣ долговременныхъ жалобъ нѣжинскихъ полчанъ, за его «здрѣтвенныя прихоты». Въ архивѣ генеральной канцеляріи имѣется цѣлое дѣло, наполненное жалобами на Хрущова (№ 3804).

¹⁸⁷⁾ Село кролевецкаго уѣзда.

ставлено; о чемъ и тѣхъ полковъ къ полковникамъ отъ мене предложено писменно.

12. Въ 8-мъ часу пополудни вѣхавъ зъ Батурина, прибыли въ Борзну купно зъ полковникомъ Божичомъ; и тутъ откушавши у сотника борзненского Пантелімона Забѣлы, разохались: онъ въ свой дворъ въ Буромку, а я къ Нѣжину, куда прибылъ уже почью и сталъ квартирою у судіи полкового Леонтія Грановского, за городомъ.

13. Рано былъ у полковника Івана Семеловича Хруцова и объявилъ ему инструкцію, данную мнѣ зъ войсковой еперальной канцеляріи, объ отказѣ ему-жь отъ деревень, на рангъ полковничества нѣжинского являющихся, о опредѣленіи полковника Божича и о прочемъ. Потомъ обеждали зъ полковникомъ и нѣжинскимъ комендантомъ Михайломъ Петровичемъ Пуццинымъ дворы, въ которыхъ провізія для турецкаго посла заготовлена и станѣ (кошопни) для лошадей стропны; и всего того осмотрѣвъ, обѣдали у одного зъ полковника Хруцова; а ввечеру, взявъ у него реверсъ о отездѣ его-жь до Глухова, чтобъ тамъ сталъ къ 18 числу сего генваря, и отобравъ отъ него перначъ, а прочіе klejноты приказавъ поутру отобрать, былъ у отца архимандрита нѣжинского Модеста Велецкого и, позабавившись вночь до нѣсколько часовъ, отехавъ по почтѣ до Носовки, где прибылъ по полуночи въ 1 часу, сталъ квартирою у обознаго полкового кіевскаго Андрея Шаулы.

14. Рано явился у мене гваріѣзону глуховскаго поручикъ Михайло Фомичъ Динисевъ и канцеляристъ войсковый Костенецкій, да сотникъ носовскій Карпъ Шаула и прочіи приставленные къ заготовленію провізій, подводъ и прочего для посла турецкаго; и въ чемъ отъ мене усмотрѣна несправность, о томъ отъ мене-жь писано въ полковныя канцеляріи нѣжинскую, кіевскую и перясловскую; да о томъ же и въ войсковую еперальную канцелярію послалъ репортъ; а за сотникомъ кобизскимъ Мандрыкою посланъ по инструкціи удеръ офицеръ, чтобъ его взять въ Носовку за ослушаніе въ непоставки провізій и прочего; потомъ зъ Носовки отехавъ и проехавъ Козарѣ, прибылъ въ Козелець по полудни въ 1-мъ часу, и обѣдалъ у брата отца Тоянна. Послѣ у полковника кіевскаго г. Танского и у дядка Федора Ханенка былъ, а квартирою сталъ въ домѣ князя Никиты Юевича Трубецкого.

15. Была у мене изъ села Лемшовъ¹⁸⁶⁾ новопожалованного дѣйствительнаго камсргера Алексія Григоріевича Разумовскаго matka Наталія Демянова дочь и вручила письмо для пересылки къ оному сину своему. Осматривалъ я квартиру и стаенъ для турецкаго посла заготовленныхъ; потомъ обѣдалъ у полковника, а по обѣдѣ былъ у асаула полковаго Матвѣя Шума, у Іосифовой сватовой, у Івана Покорскаго и у п. дядка Федора Ханенка; а потомъ ночью отъехалъ въ Посовку, где прибылъ по полуночи въ 1-мъ часу и сталъ квартирою у намѣстника тамошняго отца Малютина.

16. По пересмотрѣ приготовленныхъ въ Посовкѣ квартиру и конюшенъ и прочаго и пообѣдавши у оного жъ намѣстника посовскаго, отъехалъ отсюда и прибылъ въ Нѣжинъ коло вечерень, где сталъ квартирою у Димитрія Николаева, откупщика индукты. Тутъ же въ Нѣжинѣ засталъ я уже прибывшаго полковника Божича и у него въ квартирѣ, а въ домѣ здѣшняго войта Петра Стеріевича Тарнавіота до позна въ ночь забавлялись.

17. Рапо приказъ отдалъ собрать полкъ и отведши отъ моей квартиры, съ знаменами полковыми и музикою и перначемъ, такожъ съ сотенными корогами, устроить въ монастырѣ; потомъ приехалъ ко мнѣ на квартиру полковникъ Божичъ и тутъ мало пообѣдавши, пока полкъ устроень, отъехали съ нимъ въ однихъ саняхъ къ монастырю, где за прїѣздомъ нашимъ, съ музикою и приключеніемъ знаменъ, честь отдана. Послѣ того весь полкъ съ знаменами окружилъ насъ, а я съ полковникомъ Божичомъ, ставъ при знакахъ полковыхъ и созвавъ всю старшину полковую и сотниковъ, объявилъ имъ и всему полку, что ея императорское величество всемилостивѣйше пожаловала его, Божича, изъ гусарскихъ подполковниковъ полковникомъ въ полкъ нѣжинскій, и на то ему полковнику данный изъ войсковой енералиной канцеляріи універсалъ велѣлъ читать вслухъ, который и читалъ писарь полковаго Василь Кулаковскій; а по прочитанію взялъ я большое полковое знамя, вручилъ полковнику, потомъ дѣрначъ и значокъ полковній; и стали оного полковника

¹⁸⁶⁾ Козелецкаго уѣзда, мѣсто рожденія Разумовскихъ. Еще десять лѣтъ назадъ на одномъ изъ огородовъ небольшого владѣнія Тарховой, въ с. Лемшахъ видѣли мы кирпичный столбъ, обозначающій по преданію то мѣсто, гдѣ находилась хата, въ которой родился Алексѣй и Кирилль Разумовскіе.

поздравлять милостію ея императорского величества, и какъ по здешнему обычаю покрыли его шапками, то зпову музыка полковая играла. Потомъ я зъ полковникомъ и всѣ присутствовавшіе, якъ то: полковникъ и пѣжинскій комендантъ Михайло Петровичъ Цуцинтъ, полковникъ отставный гамбургского полку Зоть, подполковникъ Карнѣй Ивановичъ Басмановъ, парвского драгунского полку маіоръ Богданъ Михайловичъ Приклонской и проч. многіе офицеры и старшина полковая и сотники, пошли въ церковь и слушали службу Божой и молебствіе, которое отпировавалъ его преподобіе отецъ Модестъ Велецкій, архимандритъ здѣшняго монастыря пѣжинского, зъ многими священниками, монахами и мірскими, и по окончаніи оногo молебствія была одиножды изъ 9 пушекъ пальба; потомъ отъ церкви пошли церемоніально зъ знаками полковыми, а полковникъ самъ имѣлъ въ рукахъ черначъ, при игранию музыки полковой до квартиры его въ войтовъ домъ, тоже стали за крѣпготовленными столами кушать и при пушечной палбѣ гуляли долго вночь, а на остатокъ были еще и у отца архимандрита. Пришла свита посла турецкого.

18. У полковника-жъ Божича обѣдали; потомъ пролежали весь день въ домѣ послѣ вчерашнего трапезенту.

19. Рано приѣхалъ въ Пѣжинъ генералъ маіоръ Даревскій; потомъ прибылъ и полномощный турецкій посоль зъ всею своею свитою, которого встрѣчею и пушечною палбою почтено; онъ же вездилъ изъ своею музыкою, а по прибытіи его въ квартиру были мы у него жъ, посла, зъ спераломъ маіоромъ Даревскимъ, зъ которыми онъ лежа на своихъ подушкахъ, мало де що черезъ переводчика говорилъ, а потомъ зъ нимъ же генераломъ и прочими обѣдали у полковника Божича.

20 и 21. Отпращеніе чинили зъ маіоромъ Іаковомъ Любимовичемъ Поляцкимъ въ полки чернѣговскій, прилуцкій, переясловскій и пѣжинскій о наборѣ подводъ подъ посла.

22. Учинили турки нападеніе на дворъ войта пѣжинского Гарнавіота и взяли у него двоухъ дѣвокъ крещеныхъ, одну зъ отпустили, а другую увели къ послу. Отпращенъ отъ мене репортъ до Глухова въ войсковую сперальную канцелярію.

23, 24, 25 и 26. За наборомъ подводъ же отпращенія чинили.

27. Купаль я зъ маіоромъ Полянскимъ у отца Стефана Олховского, протопопа пѣжинского.

28. Самъ посель зъ своею свитою ездилъ до деревнѣ Сняковъ и тамъ нападеніе учинилъ на дворъ полковника Зота и немалое разореніе тамъ починилъ. Сего жъ числа отъ комиссіи при посельствѣ турецкомъ обрѣтаючейся, чтобъ вмѣсто сапей заготовлять поды онос поселство телѣги и роспуски, объявлено.

29. Объясно жъ, что посель турецкій совѣзмъ ити памѣрень на Переволочную, о чемъ отъ насъ послашь репортъ въ Глуховъ, чрезъ Стефана Карпѣку.

30. Явился сотникъ столыпскій ¹⁸⁹⁾ Іванъ Бобиръ къ подводамъ изъ полку черніговского набраннымъ. Одиравлены писма въ Товкачовку ¹⁹⁰⁾, до старости тамошнего и до судника о стаднянѣ нашей.

31. Набѣрали вездѣ, у кого ни сискались, коляски, возы, колеса и роспуски.

Февраль.

1. Принесены чрезъ Стефана Карпѣку указы зъ Глухова до мене и до маіора Полянского, чтобъ для слѣдованія посла турецкого отъ Пѣжина до Переволочной учинить по опредѣленнымъ станамъ надлежащее приуготовленіе, чего для присланные зъ Глухова поручикъ Курковъ и капцеляристъ Костелецкій по тракту на Прилуку, Пірятинъ, Лубиѣ, Хороль и потомъ къ Переволочной отправлены.

2. Для того жъ приуготовленія и судія полковый пѣжинскій Леонтій Грановскій, по инструкціи отъ насъ данной, тѣмъ же трактомъ отправленъ къ Переволочной; а ночью прислано требованіе отъ полковника Алеусева, все ли уже по оному до Переволочной тракту заготовлено и не будетъ ли ни за чимъ остановки или неудовольствія поселству.

3. Въ 8-мъ часу предъ полуднемъ оппй же полковникъ Алеусевъ объявилъ, что посель знову на Кіевъ свой путь воспріемлетъ и на Переволочную не пойдетъ, о чемъ отъ мене и къ полковнику прилуцкому Галагану для сообщенія и въ другіе полевые полки писано.

¹⁸⁹⁾ Мѣстечко Стольное, сосипцаго уѣзда.

¹⁹⁰⁾ Село прилуцкаго уѣзда.

4. Турки ввечеру и вночь долго отправляли свои молитвы съ музыкаю своею и бубнами ради байрама, завтра у нихъ праздновались имѣющаго.

5. Первой въ поселской квартере музыка ихъ турецкая играла и самъ посель нѣкоторые свои церемоніи по ихъ набожелству отправлялъ, потомъ она же музыка и по другимъ квартерамъ до знатнѣйшихъ турковъ ходила съ поздравленіемъ, а съ полдня стали собираться къ походу и нѣкоторая знатная часть поселской свиты почю изъ Нѣжина пошла до Носовки.—Василію, шведской націи столяру нѣжинскому, который договорился сдѣлать мѣбѣ шафу, даны 4 р., а еще ему надлежитъ додать 50 к.

6. По полуночи въ 8-мъ часу и самъ посель съ остальною свитою подвѣлся изъ Нѣжина, котораго сопровождено съ пушечною палбою и съ командами драгунскою и козацкою. Оный же посель обѣдалъ въ Дѣвиці (Володьковой), а на ночь прибылъ въ Носовку. Обѣ опомъ вездѣ посла отправленъ репортъ нашъ въ Глуховъ и отвѣтъ противъ указа о посланныхъ отъ насъ въ полки объявленіяхъ, что уже посель на Кіевъ тракть воспріялъ.

7. Мы изъ Нѣжина вѣхали, а посель изъ Носовки подвѣлся, обѣдалъ въ деревнѣ Ставицкое, а почовалъ въ Козельцѣ; мы же почовали въ Ставицкомѣ.

8. Изъ Козельца поселская свита рушила почю, а самъ посель въ 8-мъ часу по полуночи, въ какомъ часу и я прибылъ въ Козельцъ; посель же на ночь прятягъ въ Семиполки и почюжь оттоль подпался. Я почовалъ въ Сокиринѣ.

9. Обѣдалъ посель въ Димерцѣ, а въ Броварахъ прибравшись съ своею свитою въ лучшее платя и прибравъ своихъ лошадей стройпо, пошоль ешибно къ Кіеву и прибылъ въ Кіевъ въ 3-мъ часу по полудни, где его палбою съ многихъ пушокъ и полки въ строй поставленные салатовали. Я и маіоръ прибыли на ночь въ Бровари.

10. Посланы поручикъ Денисьевъ и сотникъ носовекій Шаула въ Кіевъ, а оттоль какъ прибылъ къ намъ въ Бровари Стефанъ Карпѣвка, то мы оттуду и сами отехали и прибыли на ночь въ Димерку, где захавъ въ дворецъ, застали тамъ маіора полку пѣхотного володимирского Николая Алексѣевича Хомутова.

11. Рано прибыли въ Семиполки, где догналъ насъ и капраль, въ Глуховъ посланный, которій привезъ намъ указъ о провизіи

въ полку кievскомъ заготовленной. Я заездилъ въ Секырино до Григорія Шарженка и до сестри Евфиміи, у которыхъ тамъ пообедавъ, прибылъ на ночь въ Козелець и тутъ сталъ квартирою у князя Трубецкого домѣ.

12. По молебствіи и службѣ Божой, перве были многіе въ моей квартирѣ; потомъ обѣдали у маіора Поляпского, а послѣ побывавъ у дядка Федора Хащенка и отца брата Іоана и простаясь съ ними, отехалъ поздно зъ Козельца и прибылъ на ночь до Козари.

13. Рано прибылъ въ Носовку, а передъ вечеромъ въ Нѣжинъ.

14. Обѣдалъ у полковника нѣжинского Івана Цантелимоновича Вожича, а вечерялъ у полковника и коменданта Пуццына.

15. Купилъ сувецка 20 локоть за 5 р. 40 к., четири юны за 4 р. 50 к., да у значкового товарища Медовниченка взялъ тронхъ суконъ за 19 р. 20 к. Обѣдалъ у коменданта Пуццына, у которого и джгарокъ свой зъ портретомъ оставилъ для напавы. Послѣ простаясь съ нимъ на квартирѣ маіора Поляпского, отехалъ поздно и прибылъ ночью въ Комаровку; тутъ до свѣта почивалъ.

16. По полуночи въ 9-мъ часу прибылъ въ Борзну и сталъ квартирою у Стефановой Забѣлиной, а обѣдалъ у сотника тамошнего; потомъ заездилъ до Стефана Рыби, который имѣеть за собою племянницу мою Іуліану, дочь Николая Забѣлы; а послѣ вечерень прибыли въ Батурино, куда поздно прибылъ же и Федоръ Чуйкевичъ.

17. Прибылъ до Кролевця въ 11-мъ часу, а потомъ въ Глуховъ и былъ поздно у генерала Бутурлина.

18. Обѣдалъ у генерала жъ и получилъ отпускъ въ домъ; а вечеромъ былъ у бригадира Іліина. Писалъ къ полковнику лубенскому въ Москву чрезъ полковника Телищева. Василу въ Дунасць отосланы папчопки и другія вещи.

19. Противъ сего числа ночью получилъ извѣстіе изъ С. П. Бурха генераль Бутурлинъ, что пожаловано его въ дѣйствительные камергеры, чимъ его превосходительство всѣ и поздравляли. Писалъ я до полковника полтавского г. Кочубея, благодаря за присылку ленчика крымского и 2 паръ тебенокъ. Асаулъ генералный и Якубовичъ отправленъ для учрежденія всякого приуготовленія подь посла турецкого, слѣдовать имѣющого зъ Кіева на Череволочную, которому дана отъ мене коляска для поезду, взятая у откупщика индуктарского Дмитрія Николаева Сердюкова. Я выехалъ зъ Глухова въ

3-мъ часу пополудни и прибылъ въ Локотки въ ночь 2 години, оттоль висхаль о полночи и въ Ображѣвцѣ переменявъ санѣ и коней, прибылъ

20 числа въ Новгородокъ въ 7 часу по полуночи; тамъ видѣлся зъ полковникомъ московского драгунского полку г. Лвовымъ и у сотника былъ; оттоль передъ обѣдомъ отехавъ, прибылъ въ Черегонъ въ 10 часу предъ полуночию.

21. Во время обѣда сотниязъ погарскій Соболевскій зъ женою своею и Григорій Шокасъ зъ женою жъ прибыли къ намъ въ Черегонъ и тутъ отобѣдавъ, довольно времени пробавили.

22. За нѣкоторыми покупками послана Петриха въ Стародубъ.

23. Былъ я зъ женою на Василовцѣ. За леченіе хлопца шолудивого заплачено теперь полтину, а передъ симъ другую.

24. Пріездиль изъ Новгородка муровицкѣ Стефанъ Жолдакъ. Василовскому одному человѣку позичепъ 1 р.

25. Муровицику Стефану Жолдаку въ задатокъ на работу 1 р. 90 к., а передъ симъ ему жъ дано 3 р. 10 к., да горѣлки кварть 32, и чрезъ него жъ посланъ стѣнный дзитаръ для напrawy, при писмѣ до намѣстника монастыря повгородского отца Алексія и о прислалъ къ намъ цегелишка.

26. Писаль въ Глуховъ до г. Скоропадского. П. Александръ Корецкій зъ женою прибылъ къ намъ въ Черегонъ и тутъ почоваль.

27. Отехаль оныъ же послѣ обѣда въ Левенку.

28. Писаль до полковника лубенского и до господина Скоропадского о своемъ дѣлѣ.

Мартъ.

1. Опые писма отпращены въ Новгородокъ для пересылки оттоль въ Глуховъ. Сего жъ числа на вѣчери отехаль я зъ дому, забираючи трактъ на полѣся и прибылъ въ Левенку около полночи; а оттоль зъ Александромъ Корецкимъ

2. Въ Стародубѣ позабавились за полдень, а потомъ вѣхавши прибыли на почъ въ деревню Стодолу и тутъ въ дворцѣ п. Івана Бороздни медведовского ночовали.

3. Оттоль рано поехавъ, персехавъ Рудию полковничую и прибыли въ Жовпець о полдни, а потомъ въ заводъ п. Корецкого¹⁹¹⁾, где и ночовали.

¹⁹¹⁾ Теперь деревни, Корецкій Заводъ, суражскаго уѣзда.

4. Приехали рано въ слободу Александра Корецкого Упоповъ, и тамъ въ дворцѣ Давидовича коней кормили и обѣдали, а потомъ отехавши прибыли на почъ въ Лотоки, где сталъ квартирою у Федора Пригаровского.

5. Сисковали священника зъ Поповой Горы отца Тарасія Хандожку, передъ которымъ и исповѣдались. Вылъ у мене въ квартирѣ сержантъ стародубского гваріѣзонного полку Герасимъ Григоріевъ, который зъ старостою моимъ Федоромъ Алексіевымъ подрался.

6. На службѣ Вожой въ Лотокахъ причащались зъ Александромъ Корецкимъ и всѣ люди при насъ бывшіе. Послѣ обѣда ездили на слободу въ урочище Имнищкое и тамъ обще съ Иваномъ Самоиловымъ и Стефаномъ Пригаровскимъ и зъ людьми лотоковскими разсматривали мѣсть, подъ селидбою тамъ же будущихъ, а отголъ заездили къ Стефану Пригаровскому. За 20 пудъ меду заплачено Федору Пригаровскому 21 р. 54 к.

7. Писано отъ мене къ прапорицку Сидору Нестровичу и къ другому прапорицку въ Мглинѣ стоящему, а имѣнному прибыть въ Лотоки для слѣдствія о помянутомъ сержанту Григоріеву въ обидѣ и побояхъ, людямъ нашимъ отъ него показанныхъ. Отъехали подводы наши зъ досками липовыми и дубовыми, которые привозили въ Лотоки хлѣба 16 осмачокъ, якое заплачено въ имбарѣ у Димыда, а поручено оное Федору Пригаровскому и Афанасу Сквину. По полудни вѣхали и самы зъ Лотоковъ и повечерявши въ дворцѣ монастырскомъ на Поповой Горѣ, прибыли почю въ Кузнеци и тамъ почовали.

8. Прибыли въ заводъ Корецкого въ 10-мъ часу предъ полуднемъ, где за 4 пары садовъ до плуговъ украинскихъ дано 1 р. 60 к. руднику Афанасу Грибу, которому и иташина лотоковская дана для оробковъ, якихъ паръ 10 къ празднику оны обѣщаль. Зъ заводу послѣ полдня поехавши, кормили лошадей въ Стодолѣ и отголъ прибыли въ Ярцевъ по полупночи къ Григорію Борознѣ.

9. Писалъ зъ Ярцова къ Ивану Борознѣ въ Медведовъ о слѣдцару Никитѣ; отголъ же поехавши, прибыли въ Стародубъ въ 10-мъ часу по полупночи, где погоди малъ часъ, была у мене старшина полковая.

10. Ивану теслѣ (плотнику) за его пужды въ щоть за работу давъ 1 р. Коло вечерень визитовали насъ Григорій Скорупа, Иванъ Гамалѣи

капитанъ Ланкъ съ женою и прочіе. Отдалъ Гамалѣя должные намъ 6 р. 70 к. и отехалъ оный же въ Юдиновъ.

11. На вечера вѣхали зъ Стародуба и прибывъ въ Левенку, тамъ ночовали.

12. Тамъ же въ домѣ Александра Корецкого видѣлась зъ нами бунучная Галецкая, а потомъ отехала къ Цогару; мы же отобѣдавши, отехали и прибыли въ Перегонъ на смерку. Ночю греблю пашу городискую порвало.

13. Получилъ указъ изъ еперальной канцеляріи о врученіи полковнику стародубскому Федору Дмитріевичу Максимовичу полковыхъ клейпотовъ и команды, чего для и вѣхалъ по полудни зъ Перегону къ Стародубу, куда и прибылъ я о 2 години въ ночь, а полковникъ коло полуночи.

14. Подлугъ отданного вчера приказу собранъ полкъ зъ знаменами передъ мою квартиру, а потомъ какъ прибылъ и полковникъ ко мнѣ, то отдава ему честь отъ всего полку поднятімъ ружья на караулъ и зъ музыкою; потомъ пошолъ полкъ строемъ къ соборной церквѣ и какъ тамъ построился въ триангуль, то и я зъ полковникомъ пріехалъ цугомъ предъ полкъ, где отдава намъ честь, при играю музыки, ружьемъ и выпалено зъ троухъ штукъ. Потомъ какъ приступили всѣ сотенные корогвы къ полковымъ знаменамъ и старшина полковая, и сотники, и значковые посередъ строю, при знаменахъ, стали, то я, учинивъ объявленіе о опредѣленіи въ полкъ стародубовскій полковникомъ г. Максимовича, велѣлъ читать въ слухъ всѣмъ данный изъ войсковой еперальной канцеляріи оному жъ господипу полковнику унѣверсалъ, который и читалъ писарь полковый Стефанъ Петруавичъ, а по прочтеніи уневерсалу, взявъ я перве большое полковое знамя, потомъ значокъ полковый же, оные вручилъ полковнику; потомъ показавъ ему жъ лѣтаври и музыку полковую и сотенные знамена, велѣлъ его всѣми знаменами окрить и по здешнему обычаю покрыть его жъ шапками, окончали тую церемонію поздравленіемъ его, полковника, полученіемъ той императорской милости, при чемъ таки изъ пяти штукъ выпалено, и пошли всѣ въ церковь, а по службѣ Божой было молебствіе при трократной изъ пушокъ палбѣ, а на остатокъ изъ мелкаго ружья козани одинъ залъ выпалили. Потомъ обѣдали у полковника, и при многократной зъ мартировъ и мелкаго ружья палбѣ, гуляли до позна въ ночь.

15. Старшина полковая и сотники рано у мене были, по томъ весь день пробавилъ я въ домѣ ради вчерашнего излишняго пята, послалъ по откупщика зборовъ Гаврила Яковецка, жителя глуховского.

16. Получилъ указъ ехать въ Глуховъ. Передъ полднемъ былъ у мене въ домѣ полковникъ со всею старшиною и сотниками, а отъ мене пошедши, гуляли у обозного, судіи и писаря полковыхъ и у писаря судебного Косача; потомъ у полковника кушали, где случился и Григорій Бороздна ярцевскій, который для сына моего подарилъ малого копейка.

17. Простившись съ полковникомъ и прочими, отехалъ съ Стародуба и мало давъ отдохнуть лошадямъ въ Случку, пріехалъ съ помощью Алексіемъ Хелкидоцкимъ еще завчасу до Перегону. Ночю знову порвало греблю городискую.

18. Припеселъ указъ съ суда еперального, чрезъ нарочного компанѣйца, объ отвѣтствіи противъ пунктовъ по дѣлу Соколовского съ Янушкевичемъ. Учиненъ контрактъ съ подданнымъ монастыря новгородского Тарасомъ Юденкомъ дѣлать целму, за которую платы давалъ ему отъ всякой тысячи по 7 гривенъ, и дапо ему-жъ задатку 4 р. Кравцю стародубовскому Евтуху дапо дѣлать двѣ пари платы нового, и кавалъ злоголавлый къ личинки, и на потреби къ той работѣ дапъ 1 р. Писаны въ полковую стародубовскую канцелярію два представленія: 1-е о откупщикахъ зборовъ, что лишнее берутъ, чего и указами не повелѣно, 2-е о форпостѣ лотоковскомъ и о сержантѣ тамо стоячомъ Герасію Григоріеву.

19. Отправлено довошеніе въ судъ еперальный съ отвѣтами по дѣлу Соколовского, чрезъ того-жъ компанѣйца, да и писма до г. бригадиря Шліппа, до Скоропадского и до Якубовича и до Романа въ дворъ, такожъ до Несторовича въ Новгородокъ о отселки бочокъ до Глухова. Преднамѣленные же представленія въ полковую стародубовскую канцелярію посланы чрезъ сторожа Гриневича и писмо до Кочержинского. Микита сиѣцарь, присланный отъ Івана Бороздни медведовского, началъ работу въ Городицѣ. Римарь Ярема наказанъ за пьянство и обѣщанъ впредъ не пить.

20. Маляръ, изъ Гринячого присланный, взялъ маіовать плащеницу до церкви городиской. Отобрамы у Петрихи съ шинку погарского за сталь оковитой (водки) 4 р., а за простой 2 р. Осер-

скій прислать должного 1 р., а до Багинского послана при письмѣ мѣра на стекло. Были у мене папѣкадилщикъ Никита Ивановъ и столяръ, съ которыми договарялся съ папѣкадилщикомъ о вилитю бляхъ на шоры, а съ столяремъ на работу 7 дверей до нового будинку; а давать имъ задатку по 2 р. и по четвертѣ муки житной. Сего числа взялъ Мойсѣй Оршава пивецъ для обученя хлопца съ Лотоковъ Василя Пятина.

21. Вышенамѣненные задаточные денги 4 р., да 2 четвертки муки, такожъ три осмачки жита Марьѣ Украинцѣ обѣщанные, отправлены въ Стародубъ чрезъ Грицка. Писаль до писаря полкового Петрункевича за Иваномъ Хряпковскимъ. Василь Мовчапенко суходолскій отпущенъ въ домъ.

22. Писаль до капитана Берга стороны прапорщика Козми Лвова, который на гробѣ на Ворѣ бралъ у нашихъ людей три конѣ въ подводу до Погари, и о заборѣ на торгу у людей нашихъ подводъ до Новгородка, для привезеня отголь овса въ Погарь.

23. Отправленъ до Мглина за стекломъ вухаръ Иванъ и дано ему 2 р. 10 к. и письмо до хоружого сотенного Тита Голяка. При указѣ ко мнѣ изъ войсковой генеральной канцеляріи привезъ значковый товарищъ Данило Зиневичъ цѣрначъ полку стародубовского, для врученя оного полковнику стародубовскому г. Максимовичу.

24. Писаль къ полковнику стародубовскому о полученіи цѣрнача и о присылки сторожа коліового для отрепортованія въ Глуховъ, такожъ о предложеніи въ сотню погарскую ордеръ, чтобъ давано, по требованіямъ моимъ, козаковъ съ куреней перегонского, даріевского, случевского и чаусовского, и оное письмо отправлено чрезъ Данила Зиневича, за которого и рекомендацію цедулою писаль. Господинѣ Василювской Варцѣ, которая отежала прошлого генваря 24, заплачено за ея службу, що надлежало, 90 коп. У шивкаря марковского (с. Марковска) за стаць горилки отобрано 2 р. 50 к.

25. Почовали въ Городницѣ, где по слушанію всепоцного и утренного цѣнія, а потомъ и литургіи, возвратились опять въ Перегопъ и тутъ какъ съ городецкими полами обома, такъ и съ отцемъ Алексіемъ, обще кушали обѣдъ.

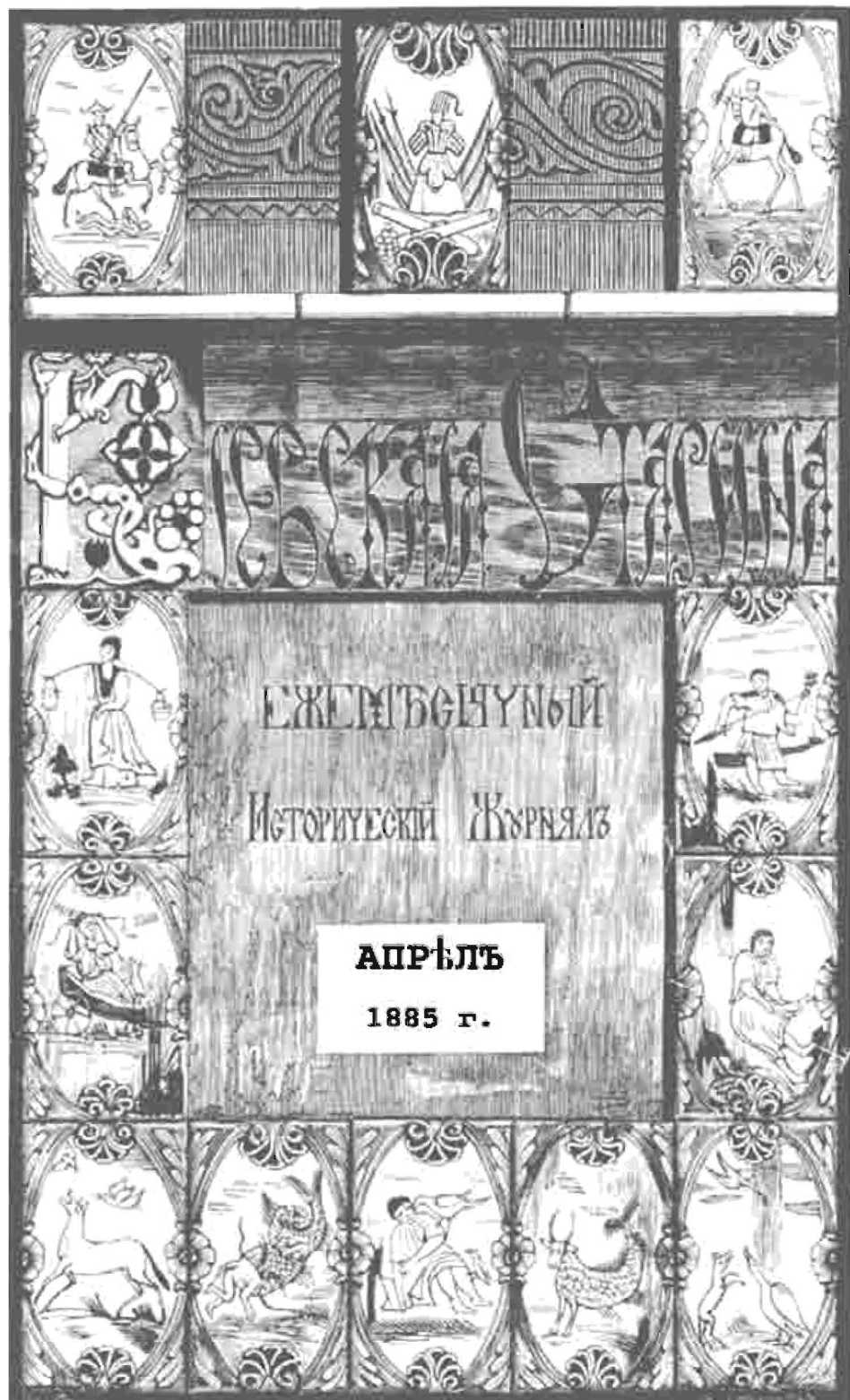
26. Писаль репортъ противъ указу стороны цѣрнача и чтобъ не ехать мнѣ въ Глуховъ передъ праздникомъ, о чемъ писаль же и до г. Скоропадского.

27. Оные репортъ и писмо отправлены до Глухова сторожемъ половымъ, присланнымъ, при писмѣ отъ полковника стародубовскаго г. Максимовича, а самъ я по обѣдѣ съ попомъ Алексіемъ, отехали къ Стародубу и прибыли уже туда позво.

28. Передъ службою Божою была у мене старшина полковая, а по службѣ, слушанной въ церквѣ Духовской, былъ у мене протопопъ, отецъ Іванъ стародубовскій, такожь п. Александръ Корецкій съ женою, и потомъ отехали я къ полковнику; и какъ только въехали въ дворъ, то съ музыкаю честь мнѣ отдано, и полковникъ съ всею старшиною встрѣтилъ передъ крыльцемъ; а когда вошелъ я въ большую избу, то выпалено съ трохъ штукъ, а послѣ велѣлъ принести перначъ и оный вручивъ полковнику, съ учиненнымъ ему поздравленіемъ; далѣе, за приуготовленнымъ большимъ столомъ сѣвши, кушали обѣдъ и пили за високія здравія при пушечной палбѣ и даже до позна гуляли. При якой компаніи былъ и братъ полковничій, п. Василь Максимовичъ, сотникъ волинскій (м. Волынки) съ женою своею. По отездѣ же моемъ изъ оной компаніи, учинилась ссора, въ которой обозный полковный Юркевичъ и арестованъ былъ.

29. Кушали у мене п. Александръ Корецкій съ женою, а между тѣмъ пріехалъ и полковникъ Максимовичъ, которого я упросилъ свободить отъ аресту обозного полкового Юркевича и отдать ему саблю, что и здѣлалось; и за приходомъ его и другой старшины полковой въ мой домъ, учинили прощеніе, и потомъ со мною простаясь, полковникъ и братъ его Василій, сотникъ волинскій, такожь старшина полковая отошли, а мы отехали на почъ до Левенки, куда въ вечеру прибыли и Григорій Бороздна ярцевскій съ своею женою.

30. Послано отъ старосты перегонскаго въ полковую стародубовскую канцелярію доношеніе на ратушю погарскую, что побрато людей нашихъ въ Погарѣ на торгу и послано въ Новгородокъ. Писалъ и до писаря полкового Петрункевича стороны опредѣленія козаковъ съ ближнихъ куреей, чтобъ напоминалъ полковнику, да и о томъ же доношеніе; такожь писалъ до сотника тональского Млджула о присылки съ Сытой Буды маляра Василя Шивоваренка; и рано отехавъ съ Левенки, прибыли до Перегону коло полдня. Писавъ репортъ въ войсковую егеральную канцелярію противъ указа присланнаго ко мнѣ о поездѣ для присутствія

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

АПРѢЛЬ

1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1885 г.

	СТР.
I. КИРИЛЛЪ И МЕОДИЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ	I—IV
II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). Бориса П—скаго	613
III. ЮАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.). Н. Ѡ. Сумцова	649
IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (<i>Продолженіе</i>)	678
V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. Николая Ваная	716
VI. УНИВЕРСАЛЪ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церква Николая Добраго въ Кіевѣ бернар- динскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ групповъ)	743
VII. ПРОЕКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕН- НЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССІИ ОБЛАСТЯХЪ	746
VIII. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.— Н. Сумцова .—б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.—в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.— Н. Каманина .—г) Н. Л. , Кіево-ляхайдѣвскій золотоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.— И. Каманина	755
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Кураковскій договоръ козаковъ съ поля- ками 1625 года. — Свящ. В. Пискафорова . — б) Кіевскія актовая рѣчь 1841 года.—Сообщ. прот. Е. Попруженко . — в) ^Н къ характе- ристикѣ шляхетско-козакаго быта XVIII в.— Ѡ. Н. —г) Изъ фамиль- ныхъ преданій.— С—ка .—д) Наслѣдники запорожскихъ земель.—Сообщ. Д. Базальтъ .—е) Изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.— И. Ревы .—ж) ^М алорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.—з) Три малорусскія пѣсни изъ періода крымской война- ни.—Сообщ. Н. И Барсовъ	767
X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (<i>Продолженіе</i>) 145-160	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старини“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XI.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Милорада ул., соб. домъ.

Дозволено цензурою. Київ, 20-го марта 1885 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XI.

АПРѢЛЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київ, 20-го марта 1885 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XI. 1885 г.

Январь, 1885 г.

	СТР.
I. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА. Н. Ѡ. Сумцова.	1
II. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.	20
III. ПРИЛУЦКИЙ ПОЛКОВОЙ АСАУЛЬ МИХАЙЛО МОВЧАНЬ И ЕГО ЗАПИСНАЯ КНИГА. В. Антоновича.	57
IV. ДРЕВНІЯ И НОВЫЯ СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Къ вопросу о томъ, можетъ-ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). С. Голубева. . . .	85
V. ДУНАЙЦЫ. А. Снальновскаго.	117
VI. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (<i>Продолженіе</i>). И. Ле- вицкаго.	133
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Ичела почаевская. Изборникъ пазидательныхъ по- ученій и статей, составленныхъ и списанныхъ преподаваемыхъ іованъ, пгуменомъ лавры почаевской (1581—1651 г.), издавний въ переводѣ съ славянскаго на русскій языкъ, по собственной рукописи преподава- наго, подъ редакціею профессора кіевской духовной академіи П. И. Цетрова. Почасвѣ. 1884 года.—С. Голубева.—б) Археологическое обозрѣніе, органъ ц. к. Музея древностей и львовскаго археологиче- скаго общества. Вып. 1—3. Львовъ. 1882—1883 гг.—И. Д.— в) Рада, украинскій альманахъ на 1884 г. Кіевъ. 1884 г.—Г. . .	157
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты, въ Переяславѣ или въ Кіевѣ.—П. Д.—б) Новый вариантъ думы «Алексѣй Поповичъ».—Н. Ѡ. Сумцова.—в) Нѣмецкій триянгельдъ на малорусской почвѣ.—С. Вльмискаго. ✓) Два письма Б. Хмель-	

никаго къ П. Сапѣгѣ, воеводѣ виленскому, великому гетману литовскому.—Сообщ. *Н. В. С. ко.*—д) Изъ народныхъ разсказовъ о Слободско-украинскихъ помѣщикахъ.—*А. Катрухина.*—е) Изъ воспоминаній о маневрахъ подъ Елисаветградомъ.—*Ф. И-на.*—ж) Изъ письма въ редакцію—з) Журнальчо газетныя статьи и материалы по южно-русской исторіи.—*Ф. Н.* 177
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Февраль, 1885 г.

I. МАЛУРУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ПРОЗВАНІЯ. <i>Н. В. Сумцова</i>	215
II. ВОСПОМИНАНІЕ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ ЕГО СЛУЧАЙНАГО УЧЕНИКА.
<i>Б. Суханова-Поднолзина</i>	229
III. ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. (О школѣ и грамотности въ кievской губерніи). <i>Бориса П-снаго</i>	235
IV. ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (Отвѣтъ С Т. Голубеву). <i>П. Л.</i>	268
V. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (<i>Продолженіе</i>)	282
VI. ХУДОЖНИКЪ КИРИЛЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛОВАЧЕВСКІЙ. (Биографическій очеркъ). <i>И. Бомерянова</i>	308
VII. АВТОБІОГРАФІЯ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1-Й ПОЛОВИНЫ XVIII СТ. Съ предисловіемъ	318
VIII. ВЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.	333
IX. КЪ ИСТОРИИ ПОГРАНИЧНЫХЪ НАПИХЪ СНОШЕНІЙ СЪ КРЫМСКИМЪ ХАНСТВОМЪ. (Путевой журналъ секундъ-маіора Матвѣя Миронова, въ командировку его къ крымскому хану, 1755 года). Съ предисловіемъ <i>А. Андр.</i>	339
X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ виленскомъ центральномъ архивѣ и виленской публичной библіотекѣ. Изданіе виленской археографической комисіи. Выпускъ I (1332—1548). Вильва. 1884 г.— <i>И. Каманьина.</i> —б) Читенія въ импер. обществѣ исторіи и древностей российскихъ при моск. университетѣ. 1884 г. книга 2— <i>Ф. Н.</i> —в) Древнѣйшія карты Россіи. Гамбургъ. 1885—91.— <i>N. S.</i> —г) <i>Ив. Франко.</i> —Затаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя Карпатской Руси въ XIII вѣдѣ. Львовъ. 1884 г.— <i>Г.</i>	357
XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Русская святыня па западѣ Европы.—б) Сербы въ Кіевѣ.—в) Волинская бывальщина.— <i>И. А. Шафарука.</i> —г) Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской	

исторія и этнографія. — *Н. О. Сумцова.* — д) Пребываніе императора Александра I-го въ Кіевѣ въ 1816 г. — Сообщ. *Левъ Мацневичъ.* — д) Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи. (Изъ письма въ редакцію). — *Г. Лебединца.* — е) А. О. Кистиковскій. (Некрологъ) — *И. Луцкичаго.* — ж) Библиографическое извѣщеніе. — *Г.*

377

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Мартъ, 1885 г.

- I. РЕЛИГИОЗНО-МИФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ МАЛУРУССКОЙ СВАДЬБЫ.
Н. О. Сумцова. 417
- II. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (*Продолженіе*) 437
- III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. (*Продолженіе*). *Н. М.* 465
- IV. БАПТИЗМЪ ИЛИ ШТУНДА ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. *П. Л.—ва.* 500
- V. ЕЩЕ ЦЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА. *Ө. Каминскаго.* 519
- VI. КЪ ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦІИ НОВОРОССИИ. 501
- VII. УНИВЕРСАЛЬ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКОВНИКА ЛИЗОГУВА 1690 Г.
(Въ разрѣшеніе земельных претензій польской шляхты, изгнанной изъ Черниговщины при Хмельницкомъ) 529
- VIII. СУПЛИКА, АБО ЗАМЫСЛЪ НА ПОПА 543
- IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Краткое описаніе о народѣ остянкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издавъ Л. Майковъ. С.-Петербургъ. 1884 г. — *Н. О. Сумцова.* — б) Харьковскій календарь и памятная книжка на 1885 г. Изданіе харьк. губ. статист. комитета. — *Дм. Багалъя.* — в) О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода. *І. Секигова.* Спб. 1884 г. — *П. Голубовскаго.* — г) Писцовыя книги пинскаго и клецакаго княжества. Изданіе виленской археографической комисіи. Вильна. 1884 г. — *И. Каманина.* 551
- X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ статьѣ г. Беркина „О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣрѣ“. — *П. Голубовскаго.* — б) Археологическія находки въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи. — *А. Доначевскаго.* — в) Германскій городъ. — *В. Е. Бучневича.* — г) Вулканъ въ Тавриѣ въ концѣ XVIII ст. — Сообщ. *С. Н. И.* — д) Кіевъ въ 1799 году. — *В. Горленка.* — е) Малорусская историческая шарада. — ж) Евгений Желеховскій. (Некрологъ). — з) Журнально-газетныя статьи и матеріалы по южно-русской исторіи. — *Ө. Н.* 569
- XI. ДѢВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728 — 1753 г.) (*Продолженіе*). 129—144
- ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Апрѣль, 1885 г.

	стр.
I. КИРИЛЛЪ И МЕФОДІЙ—ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ	I—VI
II. ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюдений). Бориса П—снаго	613
III. ЮАННЪ ВЫШЕНСКІЙ. (Южно-русскій полковникъ начала XVII ст.). Н. Ѡ. Сумцова	649
IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. (<i>Продолженіе</i>)	678
V. ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА. Николая Баная	716
VI. УНИВЕРСАЛЪ КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА. (Объ отдачѣ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ бернар- дянскихъ, іезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ)	743
VII. ПРОЕКТЪ КАЗЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ПРИСОЕДИНЕН- НЫХЪ ОТЪ ПОЛЬШИ КЪ РОССИИ ОБЛАСТЯХЪ	746
VIII. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ.— <i>И. Сумцова</i> .—б) Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна. 1884 года.—в) Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 года. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.— <i>И. Каманина</i> .—г) П. Л., Кіево-михайловскій златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ. 1885 годъ.— <i>И. Каманина</i> .	755
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мураковскій договоръ козаковъ съ поля- ками 1625 года.—Свщ. <i>В. Никифорова</i> .—б) Кіевская актовая рѣчь 1841 года.—Сообщ. прот. <i>Е. Попруженко</i> .—в) Къ характе- ристикѣ шляхетско-козакаго быта XVIII в.— <i>Ѡ. Н.</i> —г) Изъ семей- ныхъ преданій.— <i>С—ка</i> .—д) Наслѣдники запорожскихъ земель.—Сообщ. <i>Д. Багалій</i> .—е) Изъ времени польскаго возстанія 1863 года.— <i>И. Ревы</i> .—ж) Малорусская политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла.—з) Три малорусскія пѣсни изъ періода крымской компа- ніи.—Сообщ. <i>Н. И. Барсовъ</i>	767
X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (<i>Продолженіе</i>)	145-160

КИРИЛЛЪ И МЕОДИЙ — ПРОСВѢТИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ.

6-го апрѣля 885 г. въ столицѣ моравскаго княжества Велеградѣ, нынѣ заброшенномъ и малоизвѣстномъ городкѣ, мирно опочилъ отъ апостольскихъ трудовъ святитель Меодій, архіепископъ моравскій, который, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Константиномъ, въ схимѣ Кирилломъ, ранѣе его скончавшимся, увѣковѣчилъ память свою проповѣдію христіанской вѣры среди языческихъ славянскихъ племенъ и колоссальнымъ трудомъ перевода св. писанія и церковно-богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Смерть этого дивнаго по своимъ подвигамъ святителя прошла въ то время мало кѣмъ замѣченною, какъ обыкновенное явленіе въ мірѣ человѣческомъ. Враги его, враги славянскаго слова, жизни и силы — утѣшились, ученики и друзья его со слезами опустили гробъ его въ могилу, и только въ ихъ сердцахъ, да въ переложенныхъ св. Меодиѣмъ, вмѣстѣ съ братомъ, словенскимъ языкомъ книгахъ свитыхъ, хранилась скромная память объ немъ. Вскорѣ потомъ ученики его были изгнаны изъ Моравіи и дѣло св. братьевъ солунскихъ — православная греко-восточная вѣра, славянское богослуженіе, славянская проповѣдь — стерто, сглажено, прахомъ покрылось на мѣстахъ ихъ апостольскаго служенія.

Теперь, когда съ 6-мъ апрѣля сего 1885 г. наступаетъ тысячелѣтіе со дня кончины святаго Меодія, дѣло первоучителей славянскихъ разрослось широко и слава ихъ гремитъ повсюду. Волевуется католическій Западъ и какъ-бы оспариваетъ

у православія право чествованія священной ихъ памяти. На самомъ дѣлѣ со стороны католическаго Запада это только давнее, нынѣ уже тысячелѣтнее притязаніе его къ православному Востоку съ цѣлю подорвать его авторитетъ, унижить, раздѣлить, ослабить православное и неправославное славянство и рано или поздно привести его въ подчиненіе римскому престолу. Къ счастью всего славянскаго міра, во главѣ его стоитъ стомилліонная Россія и не страшны ему никакія ухищренія и подходы соединеннаго католическаго ультрамонтанства. Православная Россія, поддерживаемая симпатіями всего почти славянства, готовится со всеѣмъ великолѣпіемъ и торжествомъ отпраздновать тысячелѣтнюю память первоучителей славянскихъ, св. Кирилла и Меодія, въ день кончины послѣдняго, 6 апрѣля с. г. Во всеѣхъ церковно-общественныхъ, правящихъ и умственныхъ центрахъ ея идутъ дѣятельныя приготовленія къ этому великому торжеству. Въдомства духовное, военное, гражданское и учебное то раньше, то позже сдѣлали соответственныя распоряженія. Города и села, думы и приходы, благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, духовные и міряне, ученые и простые, художники и артисты—все стараются чѣмъ нибудь выразить свое сочувствіе памяти святыхъ учителей, общими силами создать всей Россіи великое торжество. Изготовлены или изготовляются въ различныхъ концахъ и кружкахъ хромолитографированныя изображенія св. братьевъ и иконы на доскахъ, пространныя и краткія ихъ жизнеописанія для бесплатной раздачи въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ, ученые изслѣдованія и карты славянскаго міра IX вѣка, церковныя, академическія, кружковыя рѣчи и просто рѣчи, идутъ пожертвованія, проектируются учрежденія и постройки съ цѣлю увѣковѣчить въ народѣ память славянскихъ первоучителей. Въ день кончины святителя Меодія, 6-го апрѣля, во всей православной Россіи совершатся торжественныя богослуженія, крестные ходы, молебствія; милліоны людей сольются въ одноѣмъ народно-историческомъ представленіи и сознаніи знаменательности и величія празднуемаго событія, милліоны голосовъ вознесутся къ небу съ

прославленіемъ дивнаго во святыхъ своихъ Господа и памяти св. братьевъ—учителей нашихъ. Отнынѣ день св. Кирилла и Мееодія станетъ снова праздникомъ всей православной Россіи и память о нихъ и великомъ, совершенномъ ими для всего славянства и для насъ дѣлѣ возрастетъ и укрѣпится незыблемо въ сознаніи народномъ. Да будетъ великъ и святъ этотъ день!

Какъ фактъ историческій, какъ фактъ даннаго времени и мѣста, жизнь и смерть св. Кирилла и Мееодія и все совершенное ими для славянства выступаютъ изъ сферы специальныхъ нашихъ изслѣдованій; но разсматривая трудъ великихъ учителей и проповѣдниковъ, какъ событіе обозначившееся въ исторіи различныхъ славянскихъ племенъ и ихъ соотношенійхъ многочисленными и весьма важными послѣдствіями, мы не можемъ не остановиться предъ нимъ съ чувствомъ благоговѣйнаго воспоминанія и тѣми думами, что навѣваются неволью какъ самымъ празднуемымъ событіемъ, такъ и близкими и далекими судьбами всего славянства и въ частности нашими.

Потому мы участники въ наступающемъ торжествѣ, что мы воспользовались, хотя и значительно позже другихъ, плодами письменности славянской, созданной трудами братьевъ солунскихъ; потому еще празднуемъ мы тысячелѣтную память ихъ, что они лично были въ нынѣшнихъ предѣлахъ земли нашей, видѣли раздвѣтавшее христіанство въ древнемъ Херсонесѣ, по берегамъ понта Эвксинскаго и пронесли слово ученія Христова до береговъ моря Хвалынскаго, въ страну невѣрныхъ хозаръ. И только,—если не считать того, что намъ досталась часть обрѣтенныхъ ими мощей св. Климента, которую мы не умѣли или не могли сохранить. Хотѣлось-бы однако думать, что мы нѣсколько болѣе близкіе участники предстоящаго торжества тысячелѣтія славянской письменности, хотѣлось-бы вѣрить, что св. братья Кириллъ и Мееодій просвѣтили свѣтомъ ученія Христова не однихъ инопородцевъ тогдашней Россіи, но и коренныхъ, хотя и не многихъ ея обитателей.

Начало нашей письменности теряется въ сумракѣ вѣковъ; но то извѣстный и неоспоримый фактъ, что невдалекѣ отъ Чернаго моря обитали какіе-то *руссы* и что св. братья Константинъ и Меодій нашли въ Херсонесѣ «евангеліе и псалтырь руськими письмены писано». Каковы были эти письмена, какъ отнеслись къ нимъ св. братья; въ особенности Константинъ, будущій изобрѣтатель славянской азбуки,—остается неизвѣстнымъ. Позволительно однако-жь думать, что не однимъ сорокадневнымъ постомъ Константинъ философъ подготовилъ себя къ начертанію письменъ славянскихъ...

Еще болѣе невыясненнаго, не досказаннаго, но, какъ намъ кажется, не лишенаго связи съ настоящимъ празднованіемъ въ сказаніи о началѣ у насъ христіанства. Позднѣйшая историческая критика отвергла все лѣтописное сказаніе о посольствахъ къ Владиміру и посольствахъ отъ него, оставивъ лишь голый фактъ крещенія его и имъ кіевлянъ и назвавъ все остальное легендою. Откуда однако самая легенда, откуда въ ней это имя Константина философа и не названнаго по имени его спутника? Въ эпоху крещенія Владиміра эти лица и ихъ дѣйствія стоятъ одиноко лишь въ нашей лѣтописи и ничего общаго имъ и всему лѣтописному сказанію мы не находимъ ни въ византійскихъ, ни въ болгарскихъ, ни въ иныхъ хроникахъ и преданіяхъ, а сто съ небольшимъ лѣтъ назадъ, когда въ Кіевѣ княжили Аскольдъ и Диръ, принявшіе крещеніе отъ грековъ, эти самыя лица и дѣйствія какъ разъ на мѣстѣ и почти тождественны у насъ, какъ и у грековъ и болгаръ. Почему нибудь патріархъ Фотій да говоритъ въ своемъ посланіи о томъ, что онъ просвѣтилъ *русскихъ* свѣтомъ вѣры Христовой, а св. братьевъ солунскихъ называетъ своими учениками и сотрудниками въ дѣлѣ благовѣстія Христова. Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься и покопаться. Путь Константина и Меодія изъ Херсонеса къ хозарскому хану не вполне опредѣленъ, а обратный и совсѣмъ неизвѣстенъ. Между тѣмъ примѣры перенесенія народною памятію преданій и легендъ съ одного времени и лица на другое позднѣйшее столько-же нерѣдки во всеобщей и въ частности въ нашей южно-рус-

ской исторіи, какъ и примѣры подтвержденія позднѣйшими розысканіями и письменными памятниками того, что считалось долго только легендами, плодомъ фантазіи народной. Не мѣсто и не время останавливаться здѣсь на подведеніи такихъ примѣровъ; но кто можетъ поручиться, что при дальнѣйшихъ историческихъ изысканіяхъ отвергнутая теперь легенда о пришествіи къ Владиміру греческихъ проповѣдниковъ, и одного съ именемъ Константина философа, не найдетъ себѣ дѣйствительнаго историческаго примѣненія и, быть можетъ, въ направленіи нами намѣчаемомъ...

Кстати припомнимъ здѣсь мнѣніе польскаго ученаго Мацѣевскаго о томъ, что «страна между р. Стырью, г. Луцкомъ и р. Бугомъ нѣкогда входила въ составъ епархіи св. Меодія», а мнѣніе это онъ основываетъ на официальномъ актѣ 973 г. о присоединеніи моравскаго архіепископства къ пражскому.

Участіе наше въ празднованіи тысячелѣтней памяти первоучителей славянскихъ расширяется, когда мы обратимся къ тѣмъ великимъ и благотворнымъ послѣдствіямъ, какія имѣли для насъ и другихъ славянъ изобрѣтенныя ими славянскія письмена и полученный отъ нихъ славянскій переводъ св. писанія и богослужебныхъ книгъ. Мирное и скорое распространеніе у насъ православно-христіанской вѣры, возможность созданія національной іерархіи, послѣдующее богатство и широкое развитіе нашего языка, обогащеніе нашей древней литературы переводными и оригинальными произведеніями, удобство умственнаго общенія съ другими славянскими народами—все это было и всѣмъ этимъ мы обязаны безсмертному труду св. Кирилла и Меодія.

Съ грустью однако мы должны припомнить при этомъ, что дѣлю сцѣпленія славянскихъ племенъ единствомъ греко-восточнаго ученія и общей всѣмъ имъ письменности, такъ славно начатое св. братьями солунскими, еще при жизни ихъ было поколеблено своекорыстіемъ нѣмецко-католическаго духовенства и коварною искони политикою Рима, то признававшего, то отвергавшаго славянскую службу. Послѣдствія сего не замедлили обнаружиться: въ единый славянскій міръ внесено раздѣленіе. племена западныя, путемъ вѣковыхъ

насилій и неправдъ, отторгнуты отъ духовнаго единенія съ юго-восточными, обрядъ ихъ и самыя письмена замѣнены латинскими. Не будь этого, духовное развитіе славянства пошло-бы инымъ путемъ и значеніе и положеніе его въ Европѣ было-бы, безъ сомнѣнія, иное. Отнимите и теперь отъ западныхъ славянъ гнетущую его силу Рима, снимите латинскій покровъ съ ихъ обряда и письменъ, и единство славянъ возстановится, національное развитіе ихъ быстро пойдетъ, сила ихъ возрастетъ и окрѣпнетъ. Но не къ тому стремился въ теченіе всего тысячелѣтія Римъ, заправлявшій романскимъ міромъ, не того онъ хочетъ и теперь, и самый праздникъ тысячелѣтней памяти славянскихъ просвѣтителей задуманъ имъ лишь въ подрывъ славянству. Пойметъ-ли онъ или его клеветы, что самый праздникъ этотъ служитъ обличеніемъ ихъ неправды и ухищреній, а кости первоподвижниковъ славянства, мирно почіющія въ Велеградѣ и Римѣ, нѣмымъ для нихъ укоромъ?

Что до насъ, то мы, какъ и оставшіеся единовѣрными и единомысленными съ нами славяне южные, съ чистымъ сердцемъ, съ непомятеннымъ прошлымъ, съ неподавленной совѣстію встрѣтимъ и почтимъ тысячелѣтній праздникъ просвѣтителей славянскихъ. Прямые наследники и вѣрными хранителями богатаго достоянія ихъ мы были и пребудемъ навсегда. Да будетъ радостенъ и свѣтелъ нашъ праздникъ, а объ отторгнутыхъ отъ насъ неправдами и насиліемъ братьяхъ нашихъ будемъ молить Бога, да придутъ и они въ единеніе вѣры, духа и слова!

ВОРОНЕЖСКІЕ ХОХЛЫ¹⁾.

(Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій).

Въ 1866 году изъ Поднѣпровья судьба занесла меня въ воронежскую губернію на Донъ. Чужо все казалось мнѣ. Таже русская рѣчь, которую я съ дѣтства привыкъ слышать въ городахъ на Украинѣ, въ школѣ и дома—здѣсь на чужбинѣ показалась мнѣ иною, мало знакомою. На самомъ дѣлѣ и теперь я могъ-бы указать на многія особенности тамошняго нарѣчія. Въ мѣсто моего водворенія—г. Павловскъ я прибылъ, послѣ недолгаго переѣзда, 30 іюля и на другой день по прибытіи устроился на дешевой квартирѣ у мѣщанина, на самомъ берегу р. Дона. Большія рѣки всегда хороши, а Донъ, въ зеленой рамкѣ луговой поросли, съ его мѣловыми горами, съ темнѣющими по-верхъ ихъ кустами чагарниковъ, съ его свѣтложелтыми отмелями, быстротекущей чистою водою, восхитительно прелестенъ. Съ особеннымъ какимъ-то упоеніемъ я пожиралъ глазами просторный пейзажъ, освѣщенный яркимъ утреннимъ солнцемъ. Рѣка, луговой, въ ту пору еще густой, старый лѣсъ, поросшія кустарникомъ высокія мѣловыя горы, теряющіяся въ си

¹⁾ Въ воронежской губерніи великорусскіе поселенцы называютъ малороссовъ *хохлами* и ихъ женъ *хохлушами*, а малороссы въ свою очередь зовутъ великороссовъ *москалями* и великорусскихъ женщинъ *московками*.

пѣющей дымкѣ по мѣрѣ удаленія къ краю горизонта, бѣлыя хатки задонскаго какого-то села... все это я обводилъ глазами, во всемъ этомъ душею искалъ успокоенія. Вдругъ слышу—трезвонъ, и городской берегъ рѣки сталъ сначала испещряться, а послѣ и вовсе потемнѣлъ отъ массы вытиснувшейся изъ улицы толпы народа. Показались кресты и хоругви. Это былъ крестный ходъ къ рѣкѣ по случаю праздника Маккавеевъ (1 августа). Наскоро приодѣвшись, я поспѣшилъ къ берегу и тутъ сразу попалъ въ кучку малороссіянъ,—но воронежскому хохловъ. Какимъ-же родными показались они мнѣ тогда!... Подстриженные въ кружокъ чубы, *очкики*, жупаны, лица родственныя, крестятся безъ отмахиванія головою нависающихъ на глаза волосъ... Ну, какъ есть свои, родные украинцы. Это, оказалось, были жители ближайшей къ городу задонской деревни изъ хутора Босовки, острогожскаго уѣзда. Считаю нужнымъ пояснить, что въ воронежской губерніи, въ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами, поселенія большія, гдѣ есть церковь (часто болѣе одной, ибо села здѣсь многолюдны), называются *слободами*, меньшія-же поселенія безъ церквей, а особенно безъ базаровъ, называются *хуторами*. Слобода вообще соответствуетъ великорусскому селу и украинскому мѣстечку, хуторъ—великорусскимъ поселку, выселкамъ, дворикамъ, почипкамъ и т. п. Хуторами, кромѣ того, называютъ одинокія фѣрмы, займища и пасѣки.

Моя квартирная хозяйка послѣ рассказала мнѣ, что недалеко отъ города на той (правой, западной) сторонѣ Дона есть святое мѣсто—Бѣлогорскія пещеры, основанная какою-то святою женщиною. «Идите, побудете на всеобщей, перепочуете тамъ, отстояте обѣдню и къ обѣду домой—такъ-то почти все дѣлають»,—убѣждала она меня. «Это недалеко, версты четыре, много пить отсюда», добавила она, какъ-бы догадываясь о моей неохотѣ къ пѣшему путешествію. Я съ удовольствіемъ согласился съ совѣтомъ хозяйки, чтобы чѣмъ нибудь разсѣять давившую меня на первыхъ порахъ тоску, и сейчасъ-же отправился въ мою комнату захватить съ собой кое-что въ дорогу. Вотъ какъ отмѣченъ мною этотъ эпизодъ моихъ здѣсь походовъ въ заимкахъ, какія я тогда писалъ про себя.

... Четыре часа по полудни. Жара спала. Надъ городомъ пронесся густой звукъ большого соборнаго колокола. Завтра большой праздникъ Преображенія Господня, Спаса по нашему (6 августа).

И поднялся съ лежанки въ полутёмной съ закрытыми ставнями комнатѣ, умылся, взялъ краюху хлѣба и отправился въ путь. Подъ городомъ переправился я на паромѣ черезъ Донъ и, не торопясь ко всенощной, поплелся лугомъ по-надъ рѣкою вверхъ по теченію, останавливаясь, любясь видами. Такъ дошелъ я до горы. Измятая ногами богомольцевъ песчаная тропка, то спускающаяся къ самой водѣ, то прячущаяся въ прибрежныхъ поросляхъ лозы, вербы и тополл, довела меня къ быстро-текущему протоку. Это обновляющееся русло Дона, который въ этомъ мѣстѣ поворачиваетъ отъ горъ на юго-востокъ, обходя луговой лѣсъ и поднимаясь къ г. Павловску. Вѣроятно, Донъ когда-то протекалъ сплошь подъ горами, что доказывается ихъ обрывистостью и обнаженіемъ мѣла. Теперь вода опять стала прорываться подъ гору и, нужно думать, когда нибудь Донъ пророетъ себѣ свое старое русло. Черезъ этотъ протокъ, не широкій, но быстрый и глубокій, устроенъ до пельзы плохой мостикъ. Это попросту звеня плетня, уложенныя на плехельныхъ углыхъ козлахъ. Весь этотъ мостикъ до того скрипѣлъ и шатался, что я, боясь полетѣть въ воду, пролѣзъ по немъ на четверенькахъ. Также продѣлывали, какъ я увидѣлъ на другой день, и другіе.

За протокомъ дорожка пошла подъ круглыми мѣловыми горами. Мѣлъ торчалъ громадными потрескавшимися слоями по склону горы и различной величины глыбами и даже россыпями доходилъ до самой воды. Сапоги побѣлѣли. Высоко вверху надъ мѣломъ видѣлся обрѣзъ покрывающей мѣлъ почвы, на которой сплошь поросъ мелкій орѣшникъ. Недалеко отъ протока гора прерывалась долиною. Тропка раздѣлилась на трое по склону горы, обрамляющей долину: одна пошла въ сторону отъ рѣки, одна повилась надъ самою водою, опять по-надъ кручею, а одна полѣзла на бѣлую, лишенную растительности «Лысую» гору. И полѣзъ на гору.

Взобравшись на гору, я очутился недалеко отъ баштава. бабки, по здѣшнему, около куреня которой раздавался веселый женскій смѣхъ. Это были хохлушки, стерегшія баштавъ, за отсутствіемъ сторожа—двое *дивчатъ* и одна *молодица*. Посидѣлъ я около нихъ, покурилъ. Но очевидно мое присутствіе ихъ стѣсняло. Шутки и смѣхъ ихъ выходили какими-то псеудачными и патянутыми. Не будучи настроенъ поддерживать, подзадоривать веселость, смѣхъ

и шутки, я ограничился пѣсколькими распросами у молодицы о шитыхъ золотомъ очинкѣхъ и висѣвшемъ на ея поясѣ, «кармошѣ», и съ удовольствіемъ услышалъ чистый малорусскій «жиночій» говоръ. Кромѣ того я паскоро срисовалъ узоры обшивки корсетовъ и шейные *хресты* и *дукачи*. Знакомство не ладилось. Я былъ слишкомъ объективенъ съ моими распросами при моей городской одеждѣ. Пораспросивши, куда идти, я пошелъ отъ нихъ, не оглядываясь и какъ-бы не слыша вновь раздавагося смѣха и задѣвающихъ шутокъ.

Отошедши за бугоръ, такъ что стало не видно ни бакчи, ни куреня, я улегся надъ крутымъ обрывомъ, закурилъ трубку и, всматриваясь въ обширную, открывшуюся предо мною картинну, предался невеселымъ размышленіямъ.

Вѣдь шель-то я за Днѣпъ именно къ этимъ или, лучше сказать, къ такимъ *дичатамъ*—мнѣ нужно было найти, увидѣть когонибудь изъ родныхъ людей. И что-же?! При первой встрѣчѣ я наткнулся на чужихъ, я самъ оказался чужимъ для нихъ, смѣшнымъ съ моею хоть-бы только наружною паясностію, съ моимъ деликатничаньемъ, съ моимъ любопытствомъ относительно такихъ обыкновенныхъ на ихъ взглядъ вещей, какъ *очинокъ*, *лядуки*, *хрестъ* или *дукачъ*. Чужой я имъ. А еще такъ недавно я былъ своимъ въ средѣ подобныхъ людей. Думы мои, какое-то жалкое, большое чувство, поспѣли далеко, далеко на западъ, на Подѣпровщану, въ недалекое утерянное, прошлое...

Уже совсѣмъ повечерѣло. Даль затянулась туманомъ. Подвѣшавшаяся высоко луна то и дѣло заволакивалась тучками, изъ коихъ одна побольше крапнула дождемъ, прервавшимъ мою задумчивость и заставившимъ подумать о пріютѣ на ночь. Монастырекъ былъ близко. Это я зналъ по недавно умолкнувшему звону колоколовъ, по доносящимся голосамъ людей. Я пошелъ надъ обрывомъ, стараясь разсмотрѣть впереди себя колокольню монастыря. Тучки совсѣмъ заволокли луну. Пропеидши немного, я наткнулся на какой-то курень. Нужно было спросить дорогу. Это была опять бакча. Осторожно переступая огудину, я подошелъ къ самому куреню; луна, вынырнувшая изъ-за тучекъ, освѣтила на мигу плетеный шалашигъ, кучу арбузовъ и бѣлаго, какъ лунь, дѣда-сторожа. Старый дѣдъ весь былъ бѣлый, начиная съ волосъ, подстриженныхъ спереди низко надъ глазами, и бороды, и кончая длинною, на выпускъ, ру-

бахомъ и бѣлыми спущенными на босня ступни ногъ штанами. Послѣ привѣтствія дѣдъ пригласилъ меня ѣсть сочный кавунъ. Разговорились мы съ нимъ. Оказался хохломъ и чуть не землякомъ. Еще маленькимъ онъ былъ завезенъ сюда изъ-подъ Кіева «изъ яконсъ Обуховой слободы» (не Обуховъ-ли кіевскій). Разказалъ мнѣ дѣдъ кое-что про монастырекъ, при которомъ онъ состоитъ братчикомъ, и совѣтовалъ идти почевать «на гостину». Послышались женскіе голоса. По межѣ подошли къ куреню нѣсколько велико-русскихъ бабъ, московокъ по тамошнему. Дѣдъ и ихъ подчивалъ арбузами; поѣли онѣ и, помолвившись, поблагодарили дѣда, на что тотъ отвѣчалъ: «*Богу святому дякуйте*». Пошли бабы въ «гостину», поплеся и я вслѣдъ за ними.

Черезъ какой-то перелазъ, по узкой тропкѣ между кустами, обдававшими насъ росой, дошли мы до большой простой хаты,—одной изъ нѣсколькихъ здѣсь жилыхъ построекъ, изъ-за крышъ которыхъ виднѣлся шницъ колокольни. Окна были освѣщены, и было людно на крыльцѣ и въ сѣняхъ. Мои спутницы, видно, бывалы уже здѣсь, отправились прямо въ хату, а я остался на крыльцѣ съ какими-то бабами. Вообще мужчинъ здѣсь не было видно.

— Что-же ты стоишь тутъ? Иди, родимый, въ избу-то! обратилась ко мнѣ какая-то богомолка.

И пошелъ. Большая, просторная изба была выбѣлепа и убрана чисто по малорусски: передній уголъ уставленъ образами, обвѣшанъ рунниками, лампадками и «голубицами»... Тѣ-же лавки подъ стѣнами, тотъ-же большой накрытый *настольникомъ* столъ у *покутя*. Бабъ было полно. Были хохлушки, были и московки. Сидѣли на лавкахъ и на полу. Сидѣли и лежали. Лампадки у образовъ и нѣсколько восковыхъ свѣчей мигали въ духотѣ, слабо освѣщая всѣхъ богомольцевъ.

— А вотъ, можетъ быть, онъ намъ прочитаетъ какуюнибудь *заповѣдь изъ божества*... отозвалась какая-то русачка.

— И то, родимый, почитай, потѣнь душу—ты, надо быть, грамотный...—приставилъ еще голоса. Вотъ она-то жажда духовной пищи, подумалъ я. Хохлушки молчали, а больше приставали московки. Я согласился читать. Нѣсколько книгъ духовнаго содержанія нашлось у завѣдующей этой избой женщины, которая вынесла ихъ изъ *валькира*. Я выбралъ Четыри Минеи. Нашлось «Житіе св. Ольги»

внягини, заложеное какъ на то-жъ тоненькой книжечкой московскаго изданія: «Житіе равноапостольнаго князя Владиміра». Я порѣшилъ это читать.

Меня усадили за столъ въ передней уголъ. Нѣсколько восковыхъ свѣчекъ въ рукахъ ближе ко мнѣ сидящихъ дали больше свѣта. Нѣсколько не зажженныхъ свѣчей было подано прямо на книгу, какъ-бы приношеніе. Все, что было въ избѣ, сдвинулось къ столу. Сцена меня воодушевляла. Я читалъ и неудобопонятное объяснял по русски и по малорусски. Бабы только вздыхали и были въ восторгѣ отъ меня

— И никто-жъ, никто намъ никогда такъ не читавъ!...

— Такъ прямо въ душу владе! слышались возгласы, сопровождаемые вздохами.—Отъ такъ читаете, наче розкажете!...

Прочитавъ я житіе св. Ольги и передъ чтеніемъ житія св. Владиміра рассказалъ связующія событія. Жарко было невыносимо. Бабы сняли съ меня жакетку, утирали рукавами потъ на моемъ лицѣ, привесли воды напиться, утирали мокрымъ полотенцемъ лицо мое—и все это такъ ласково, любяще. Я былъ растроганъ, воодушевленъ, читалъ и говорилъ до изнеможенія. Эта обстановка, эти добрыя, простыя, вѣрующія лица, эта искренняя вѣра и жажда слова живаго, все это было необычайно трогательно и возбуждающе.

Далеко за полночь продоллось наше засѣданіе. Дальше помѣстившіяся отъ стола, наморенныя—уснули. У меня кружилась голова, во рту все больше и больше пересыхало. Наконецъ я дочитавъ книжку и всталъ пзъ-за стола. Всѣ перекрестились и я съ ними. Бабы стали прискивать мнѣ мѣсто на лавкѣ, но я отказался и, напутствуемый благодарностями, направился къ выходной двери: мнѣ пужень былъ свѣжій воздухъ, возбужденные нервы не располагали ко сну.

— Пойдемъ-те вмѣстѣ, тамъ гдѣ нибудь примостимся заснуть,—отозвался пзъ угла избы густой мужской басъ, и предо мною предсталъ высокій, не старій еще мужчина, въ подрясникѣ, съ широкою бородою и подстриженными въ скобку волосами.

Какъ грѣхъ какой явился предо мною этотъ молодець. Я мнилъ себя совершенно однимъ съ богомолками, вовсе ни кѣмъ стороннимъ не наблюдасмымъ, и вдругъ оказывается, что этотъ человѣкъ все время сидѣлъ здѣсь и слушаъ.

Мы вышли изъ избы, переступая размѣстившихся въ сѣняхъ и на крыльцѣ богомольцевъ. Небо было чисто и безоблачно; луна ярко освѣщала все, тѣни рисовались отчетливо. Я положительно не зналъ, куда идти. Хотѣлось остаться самому, хотѣлось при томъ покурить, что было неловко дѣлать въ оградѣ, особенно между постройками, крытыми соломою. Вообще мнѣ было, что называется, *не по себѣ*. Мой новый знакомецъ предложилъ расположиться подъ навѣсомъ амбара, куда онъ еще съ вечера принесъ сѣна. Мы пачали моститься. Онъ все хвалилъ мое чтеніе.

— Вотъ-бы вамъ почитать у черницъ... онъ-бы васъ озолотилъ... Вѣдь вы читаете на славу и еще лучше объясняете. А знаете что?! произнесъ онъ шепотомъ, и обратился ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ, которое заставило меня заподозрить въ немъ случайнаго пришлеца и большой руки проходимца, что вскорѣ вполнѣ подтвердилось.

И отказавшись отъ предложенія и пошелъ за ограду. Кстати, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я сидѣлъ передъ приходомъ на бакчу къ дѣду, я забылъ носовой платокъ. Нашелъ платокъ и долго сидѣлъ надъ обрывомъ, покуривая трубку и мечтая.

Да! Мечталъ и думалъ... Вспоминая теперь, много лѣтъ спустя, мимовольно призадумался, и что-то болѣзненное, по вмѣстѣ съ тѣмъ приятное, повѣсть въ душу. Чужой всѣмъ, пикѣмъ незнакомый, сидѣлъ я надъ глухимъ обрывомъ въ какомъ-то отупѣніи уставшихъ нервовъ. Нашелъ-же я тогда возможность воспринять духомъ, удовлетворилъ-же я требованію этихъ чужихъ мнѣ людей, которымъ не было дѣла до того, кто я и откуда! Нашлась-же у меня точка соприкосновенія съ этими чужими людьми! Да! Все это, вся эта сцена въ избѣ, эта глушь надъ обрывомъ, эта лунная, тихая, мертвая спасовская почва—все это живо встаетъ въ моей памяти. Это моя молодость, это моя, теперь поломанная жизнью, молодая сила души, души еще не зачерствѣвшей, свѣжей:

Молодое лихо! якъ-бы ты вернулось,

Проминявъ-бы долю, що маю теперь.

Продолжаю выписку изъ замѣтокъ, пополняя и исправляя ихъ.

Когда я вернулся подъ навѣсъ амбара, моего знакольца не было. Шушуканье въ закутѣ указывало, гдѣ онъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Еще солнце не подымалось, какъ уже началось движеніе въ монастырѣ: раздался благовѣстъ, бабы умывались, оправлялись, пере-вызывали головные платки и шли въ пещерную церковь. Мой знако-мецъ, лѣниво позѣвывая, поднялся съ сѣна и сейчасъ-же назвался проводить меня всюду, куда я пожелаю. Мнѣ положительно нельзя было отвязаться отъ него.

Монастырь этотъ или, какъ здѣсь говорятъ, монастырекъ, былъ еще только, такъ сказать, въ зачаточномъ состояніи. Полагаю, что начало устройства этого, выросшаго на моихъ глазахъ монастыря можетъ служить объясненіемъ устройства и другихъ, если не всѣхъ, монастырей на Руси. Разница будетъ развѣ только въ подробностяхъ или въ фонѣ эпохи, въ которую устраивались обители. Поэтому-то считаю не лишнимъ рассказать здѣсь все, что мнѣ извѣстно про этотъ монастырь—Бѣлогорскія пещеры въ простонародьи.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ слободѣ Бѣлогорьѣ жила вдова козачка Марія Константиновна Шерстюкова. Она вела разгульную жизнь, доведшую ее до омерзительной болѣзни—половой истери-ческой раздражительности. Омерзительна она стала цѣломудреннымъ хохламъ, особенно когда болязненная страсть заставляла ее кидаться на всякаго мужчину. Отверженная, презираемая всѣми, она бродила по полямъ, гдѣ отъ нея положительно отбивались всѣ мужчины. Не знаятъ, какимъ образомъ она очутилась въ Кіевѣ, и тамъ какой то схимникъ убѣдилъ ее бросить эту грѣховную жизнь, смирить бушующую плоть трудомъ, постомъ и молитвою. Знакомый съ по-донскою мѣстностью схимникъ посоветовалъ Маріи предпринять тяжелый трудъ—копаніе пещеры въ мѣловыхъ горахъ. Возвратив-шись изъ Кіева въ 1796 г., Марія стала неузнаваемою. Вдали отъ всякаго жилья, въ дикомъ и глухомъ мѣстѣ мѣловыхъ надъ-дон-скихъ обрывовъ, она начала рыть пещеру, постоянно пребывая въ постѣ и молитвѣ. Этимъ она обратила на себя вниманіе однослобо-жанъ: на нее стали смотрѣть, какъ на спасающагося человѣка и, руководимые сначала любопытствомъ, а послѣ и набожностію, ея однослобожане приходили въ свободное время помогать ей, при чемъ приносили харчи и восковыя свѣчи. Такимъ образомъ рылись эти пещеры, и мѣсто это приобрѣтало себѣ все большую и большую извѣстность въ мѣстномъ народонаселеніи. Твердый сплошной мѣлъ далъ возможность устроить правильные своды корридоровъ, изъ

которых кое-гдѣ выдѣляются особыя помѣщенія, въ родѣ вѣлій и оларей. Пещеры совершенно такія-же, какъ и кievскія, только бѣлый мѣль, менѣе скрадывая свѣтъ, дѣлаетъ ихъ будто-бы болѣе свѣтлыми. Меньше кievскихъ эти пещеры только по протяженію.

Такія-же пещеры по Дону, въ предѣлахъ воронежской губерніи, въ мѣстностяхъ, населенныхъ малороссами, кромѣ Бѣлогорья, находятся и въ другихъ мѣстахъ: въ Лыскахъ, въ Костомаровой, въ Шатрищѣ, около Богучара,—но всѣ онѣ малоизвѣстны и никѣмъ не заняты. Всѣ эти пещеры вырваны въ этомъ уже столѣтіи. Можетъ быть, эта работа Маріи осталась-бы безъ всякаго особаго значенія, какъ и подобныя работы другихъ безвѣстныхъ труженниковъ-пещерокопателей по-донскихъ, но одно обстоятельство помогло ей. Мѣстное, слободы Бѣлогорья, духовенство обратило вниманіе на то, что по праздникамъ много народу ходитъ помогать Маріи и кромѣ того носить туда восковыя свѣчи, чѣмъ уменьшаютъ доходъ церкви. Въ то время выдѣлка и продажа восковыхъ церковныхъ свѣчей не составляла еще своего рода церковной монополіи, не была стѣснена и такъ сказать специализирована: приходящіе приносили въ церковь свѣчи своего издѣлія, какъ это и теперь кое-гдѣ можно видѣть на Украинѣ, но именно это вызывало неудовольствіе причтовъ въ сельскихъ приходахъ, гдѣ главный источникъ содержанія церкви заключался въ продажѣ свѣчей. Въ это-же время пошли въ ходъ разныя репрессаліи правительства, направленные противъ раскола. Отвлеченіе нѣкоторой части доходовъ было такъ сказать внутреннимъ стимуломъ борьбы, которую мѣстное духовенство повело противъ пещерокопателей, вѣшнымъ-же предлогомъ для нея выставились подозрѣнія въ возникновеніи какого-то толка. Пошли доносы, вмѣшалась свѣтская власть. Сначала ограничились удаленіемъ пещерокопателей и Маріи и забитіемъ (въ 1807 г.) входа въ пещеры; но когда пещеры опять были народомъ открыты и стали опять раздѣлываться, тогда Марію арестовали и посадили въ тюрьму (1808 г.). По дознанію начальства тогдашней слободско-украинской губерніи ничего въ этомъ дѣлѣ противозаконнаго не оказалось. Марія была освобождена изъ заключенія и возвращена въ Бѣлогорье. ~~Ея односельцы-хохлы~~, и безъ того не расположенные ко всѣмъ этимъ предержавнымъ властямъ, поверставшимъ ихъ дѣдовъ-козаконъ въ восточныхъ обывателяхъ, а теперь пре-

вращавшимъ ихъ въ государственныхъ крестьянъ, съ уничтоженіемъ привилегій винокуренія, стали на сторонѣ Маріи, увидѣли въ ней мученицу, гонимую за спасеніе души. Къ счастью, острогожскій уѣздъ въ это время отдѣленъ былъ отъ слободско-украинской губерніи и присоединенъ къ воронежской. Новыя власти забыли про Марію и пенцеровокопаніе. Работа, моленіе, посѣщеніе пещеръ—пошли своимъ чередомъ, явилось подвижничество, самомученичество, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и почитаніе Маріи и больше рвенія къ помощи ей. Ближайшія мѣстныя власти не переставали донимать Марію и ея почитателей, но разъ начатое дѣло двигалось въ силу своей внутренней интенсивности. Случайныя обстоятельства помогали ему и отклоняли отъ него преслѣдованіе.

Мѣстнаго священника, ѣхавшаго съ дѣлію разгонять молящихся въ пещерахъ, понесли лошади; священникъ испугался и подумалъ, что это Богъ караетъ его за преслѣдованіе Маріи. При этой мысли его лошади остановились на краю обрыва, и онъ былъ спасенъ. Появивъ это, какъ особое знаменіе Божіе, священникъ изъ преслѣдователя обращается въ покровителя пенцеровокопанія. Въ это время у Маріи появился постоянный сотрудникъ, какой-то Иванъ. Пещеры разрабатывались, слава о нихъ распространялась. Проѣзжала черезъ Павловскъ богатая донская козачка Иловайская, направляясь къ Сергію-Троицѣ и далѣе въ Петербургъ. Услыхавъ про Бѣлогорскія пещеры, она посѣтила ихъ и обѣщала свое содѣйствіе защитѣ этого дѣла отъ притѣсненій. Известно, что послѣ отечественной 1812 году войны донцы были въ милостяхъ у правительства. Пріѣзжавшіе въ Питеръ донцы были тамъ обласкиваемы, были принимаемы въ высшихъ кружкахъ. Вотъ эта-то Иловайская и рассказала въ Петербургѣ про пещеры, про Марію. Сейчасъ-же послѣдовала запросъ (1818 г.) мѣстнымъ, воронежскимъ уже властямъ о томъ, какой такой скитъ завелся на Дону около Павловска и не есть-ли это раскольничій скитъ. Власти испугались и допели о скитѣ, выгораживая себя, какъ о дѣлѣ святомъ и богоугодномъ, ничего общаго съ расколомъ не имѣющемъ. Иловайская знала объ этой перепискѣ и на обратномъ пути, посѣтивъ опять Марію, посоветовала ей заняться устройствомъ церкви и съ своей стороны сдѣлала пожертваніе, подарила между прочимъ въ пещеры икону въ серебрянной ризѣ. Это поощрило Марію и ея приверженцевъ.

Скоро, испросивъ разрѣшеніе, приступили здѣсь къ устройству церкви во имя св. Алоксандра Невскаго (въ 1819 г.). Марія задумала устроить женскій монастырь. Между тѣмъ молва о Бѣлогорьѣ прошла по Дону, и въ чашиніи учрежденія тамъ монастыря, къ Маріи прибыло до 30 дѣвушекъ-козачекъ съ Дону. Въ 1821 г. Марія видѣла монастырь какъ-бы уже на дѣлѣ. Окруженная ищущими спасенія, она старалась и обставить себя по монастырски, по духу гордыни проникъ въ ея сердце: она стала одѣваться въ черное длинное платье, затруднила доступъ къ себѣ приходящихъ, появляясь только послѣ доклада очередной келейницы, стала давать цѣловать свою руку—однимъ словомъ изображала изъ себя настоятельницу. А тутъ какой-то ворожей-татаринъ (sic), проживавшій въ г. Вирючѣ (воронежской губерніи), *прорекъ* Маріи, *что за ея гордыню* Богъ не сподобитъ ее увидѣть осуществленіе ея желаній—женскій монастырь въ *пещерахъ*. Кто-то не изъ знахарей объяснилъ ей, что, если разрѣшать устроить обитель, то игуменьей назначена будетъ не она, рачительница, а приплотъ кого-нибудь зъ *вельможного якою роду*. Разрѣшеніе какъ на бѣду не приходило; оно задерживалось просто неимѣніемъ достаточнаго фонда для обезпеченія существованія монастыря. Ничего этого не соображала Марія; напуганная знахаремъ и всякими толками, она озлобилась и, чтобы уничтожить всякій зачатокъ обители, разогнала дѣвицы-козачекъ. «Щобъ и духу московського тутъ не було», говорила Марія, разгоняя келейницъ; «бо вже вони й такъ остогыдили. Хай имъ сей та той, щобъ вони моими трудами користувались!» добавлялъ рассказывавшій мнѣ хохоль-старикъ.

Такъ и умерла Марія (въ 1822 г.), не видѣвъ монастыря. Къ ея не долго еще жившему сотруднику—Ивану *поприставали* кое-какіе старцы и, составивъ родъ братства, вѣдали дѣла этого скита. Такимъ и я засталъ въ 1866 году этотъ монастырекъ. *Братчики* завѣдывали хозяйствомъ и церковью, находившіюся въ вѣдѣніи бѣлогорскаго благочинія, и имѣвшей особаго, назначасмаго на жалованья священника.

Хорошіе эти были старики-братчики, хорошо, умѣло они хранили это почитаемое народомъ мѣсто. Окрестные жители-селяне по мѣрѣ возможности оказывали поддержку имъ—хлѣба давали, лѣску на постройки и ремонтъ, какую-нибудь нивку сѣнокосную...

кромѣ денежныхъ церковныхъ приношеній. Бабы—крестьянки окрестныя въ огородахъ всегда назначали грядку-другую капусты или картофеля на братію. Ладили Божіе старцы съ народомъ. Шли всѣ туда, какъ къ своимъ, простолудинъ чужь себя своимъ чело-вѣкомъ въ этой обители: отдохнулъ, помолился, поѣлъ въ общей трапезѣ, привѣтствованный, приласканный, нацѣтствуемый благодарностями за его неотвергнутую скудную лепту, богомолецъ уходилъ съ добрымъ чувствомъ, съ чувствомъ любви къ этому мѣсту, къ этимъ братчикамъ. Все это просто, любовно, сердечно. Любили ихъ и уважали за ихъ любовь, за ихъ труды, за строгость подвижнической жизни и главное за то, что это были свои люди.

Помню я одного изъ этихъ старцевъ—Андрій Николаѣвичъ Васильченко, въ монашествѣ Аптоній († 1876 г.) Его всѣ помнятъ и вспоминаютъ. Онъ былъ главнымъ распорядителемъ въ обители. Тихій, степенный, кроткій такой, привѣтливый. Только густыя, не сѣдѣющія брови, да каріе, пытливые глаза выказывали силу воли, какъ-бы какую-то властность его. Успокоивающее, умиротворяющее чувство навѣвали на душу бесѣды съ нимъ. Онъ не былъ ханжа, но его искренняя вѣра, религія души, если такъ можно выразиться, побѣждали холодность, индифферентизмъ собесѣдника. Въ немъ понималось *спасеніе отъ Нозъ*, уразумѣвалась возможность обрѣтенія благодати въ самомъ себѣ, сочетаніе наружной обрядности съ душевными вѣрою, надеждою и любовью. Жилъ онъ въ небольшомъ особливомъ домикѣ-келіи, построенномъ надъ самымъ обрывомъ. Около келіи чисто выметено. На дверяхъ въ рамкѣ за стекломъ церковно-славянскимъ письмомъ написано было.

Аще не увидишь въ дверяхъ ключа,

Отыди, другъ мой, молча, не стуча.

Аще же имѣешь ко мнѣ дѣло,

Толцы въ двери смѣло.

Въ домъ вошедъ, молитву сотвори,

А лишняго ничего не говори.

Не помню больше. Въ келіи чисто, скропно. Иконы, лампадки, рушникъ, простая скамья широкая, на которой онъ и спалъ. Книжки подъ иконами.

Въ 1867 или въ 1868 году скитокъ этотъ причислили къ митрофаньевскому воронежскому монастырю. Стали называть его филиаль-

нымъ монастыремъ, а по просту подворьемъ. Выслали туда часть братіи. Я слыхалъ, что высылались провинившіеся въ чемъ-либо за наказаніе. Воображаю, какъ больно это было старцамъ-братчикамъ. Авдрій Миколаѣвичъ припаялъ монашество. Опъ вскорѣ умеръ іеромонахомъ. Остальные митрофаньевскіе монахи и послушники далеко не споспѣшествовали доброй славѣ монастыря.

Относительно ихъ неприглядной жизни многое рассказывалъ мнѣ одинъ старикъ-хохолъ изъ ближайшаго хутора, желая охарактеризовать духъ ново-поселенной монастырской братіи. Иного и нельзя было ожидать отъ тѣхъ, которые посылаемы были сюда въ наказаніе. Естественно, что, вмѣсто исправленія, они только портили доброе имя зарождавшейся обители и производили смущеніе въ народѣ.

Въ 1870-хъ (1873 — 1875) годахъ случился въ монастырѣ скандалъ: два послушника удушили какую-то женщину изъ тѣхъ, что страдаютъ подъ названіемъ черничекъ, и стащили ее въ монастырскую баню. Водовозъ, которому приказали остатокъ воды въ банѣ слить въ чанъ, наткнулся на трупъ несчастной чернички и оповѣстилъ дѣло. Началось слѣдствіе. Настоятель, іеромонахъ Аврамій, спасая репутацію обители, вздумалъ послать судебному слѣдователю сто рублей. Судили въ острожскомъ окружномъ судѣ; присяжные признали виновными и послушниковъ и настоятеля; всѣхъ троицъ сослали.

Для устроенія монастыря присланъ новый настоятель, о. Петръ, бывшій духовникомъ воронежскаго архіепископа Серафима. Эпергичный и строгій, опъ, какъ видно, хорошій хозяинъ. Обитель теперь, по разрѣшенію св. синода, признана самостоятельнымъ монастыремъ. Теперь тамъ, кромѣ пещерной, устроены еще двѣ церкви, подъ одной изъ коихъ открыты гробы Маріи и Ивана. Это самопростѣйшіе саркофаги изъ того-же мѣла. Нѣсколько иконъ и лампадокъ, аналой—вотъ все убранство этого склепа, кромѣ того у входа на стѣпѣ два большаго фѳормата портрета пещерокопателей, Маріи и Ивана. Маріа написана одѣтою въ бѣлую свитку, какія и по сю пору носятъ крестьянки-хохлушки, и въ *намиткѣ*, повязанной по *очинку*, Иванъ въ обыкновенномъ халатѣ, въ длинныхъ волосахъ, расчесанныхъ по духовному по обѣ стороны головы. Приставленный къ этимъ гробамъ старикъ-монахъ читаетъ по книгѣ,

хотя, говорятъ, онъ неграмотный, и прикладывающихся къ иконѣ окропляетъ водою, при чемъ простонародію совѣтуетъ смачивать этою водою глаза: «многимъ помогаетъ...» говоритъ онъ. Монастырь за настоящее время приобрѣлъ небольшое имѣніе, въ которомъ исполняютъ «послухъ» испытуемые разнаго рода послушники, готовящіеся къ иноческой жизни. Трудность добыванія воды устранена устройствомъ водокачальной машины, устроенной подъ горою на берегу Дона при чертѣ найвысшаго весенняго подъема воды¹⁾. Вообще, повторяю, о. Петръ оказывается хорошимъ строителемъ обители; по внѣшнему виду она приобрѣтаетъ все больше благолѣпія, по внутреннему—порядка и постепеннаго совершенствованія, хотя трудно поднять сразу ту репутацію, которую такъ уронили ссыльные монахи. Какъ о всякомъ монастырѣ, и о обѣлгорскомъ пришлось выслушать мнѣ немало всякихъ разсказовъ: въ иныхъ видить отголоски прежней неурядицы, въ другихъ какое-то недоумѣніе.

Не такъ давно въ пещерахъ объявился схимникъ-затворникъ. Пребывалъ онъ *замурованнымъ* въ особой келійкѣ. Сквозь окошечко приходящіе подавали ему привошеніе и выслушивали его наставленія. Послѣ оказалось, что тутъ повторилась исторія, такъ огорчившая въ свое время въ кіево-михайловской обители ир. Ириней Фальковского²⁾; роль схимника здѣсь разыгрывалъ пребывавшій на послушаніи отставной солдатъ К., который, будучи выпущеннымъ изъ затворничества, не стѣсняясь, разсказывалъ подѣ въ вышивкѣ о своемъ ваточеніи.

Во время послѣдней турецкой 1877—1878 гг. войны въ монастырѣ проживалъ какой-то паломникъ, направившійся ко св. мѣстамъ изъ астраханской губерніи, но оставившійся здѣсь въ виду того, что пропускъ за границу по случаю войны былъ невозможенъ. Вступивъ въ обитель, внесъ онъ на храненіе или навсегда 600 руб. Когда война окончилась, паломникъ вздумалъ отправиться въ дальнѣйшее странствованіе и потребовалъ возврата внесенныхъ денегъ. Денегъ почему-то не выдали. Возникло дѣло. Паломникъ

¹⁾ Хронологическія данныя я почерпнулъ изъ описаній этой обит.ля проф. Данскаго, изд. въ 60-хъ годахъ, и ильскаго Н. Кравченкаго, изд. въ 1878 году. Остальное изъ разсказовъ.

²⁾ См. «Кіевскую Старину» за 1883 годъ, августъ, стр. 696.

долго таскался по судамъ, но въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства ничего не смогъ сдѣлать, такъ какъ у него не было во первыхъ никакой сохранной росписки, а во вторыхъ по дѣйствующему закону (2101 ст. X т., ч. I) монахи не могутъ принимать на сохраненіе денегъ или иного имущества. Неудовлетворенный судомъ, паломникъ затѣвалъ идти въ Питеръ, но гдѣ-то пропалъ безслѣдно.

Нѣкая старая дѣвица, мѣщанка Анастасія Рѣзанова, не живя постоянно дома, а путешествуя по святымъ мѣстамъ, отдала также на храненіе, но не въ кассу монастырскую, а одному изъ іеромонаховъ бѣлогорскаго монастыря, два билета внутренняго займа съ полными купонными листами. Послѣ одной изъ отлучекъ, возвратясь въ г. Павловскъ, она узнала, что іеромонахъ умеръ. Въ принятіи имъ билетовъ Рѣзановой никакой росписки и никакой замѣтки не было, да и самъ онъ о томъ, умирая, не успѣлъ сказать; найденные по смерти его билеты причтены къ числу имущества умершаго и по закону обращены въ собственность монастыря. Единственнымъ доказательствомъ права на билеты у Рѣзановой имѣлись квитанціи страхованія ихъ отъ погашенія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но ничто, кромѣ ся слезныхъ увѣреній, не доказывало, что билеты не подарены умершему, или чрезъ него монастырю. Братія не поддались ни на какія просьбы Рѣзановой, ни на ходатайство одного изъ сопровождавшихъ сенатора-ревизора чиновника, ни даже на высказанное въ письмѣ къ настоятелю желаніе высокопреосвященнаго Серафима воронежскаго уладить это дѣло, и билеты остались собственностію монастыря.

Еще одинъ случай. Устраивалась водокачалка, о которой я выше упоминалъ; дѣло какъ-то не ладилось. Монахи узнали, что въ слободѣ Бутурлиновкѣ есть механикъ-самоучка, нѣкій Григорій Матвѣевичъ Крайно, пользующійся извѣстностію. Его пригласили устроить водокачалку и согласились на предложенную имъ цѣну 800 рублей, но съ тѣмъ, чтобы принять водокачалку на ходу, въ дѣйствиіи. Крайно проработалъ тамъ съ помощниками 26 дней; водопроводъ оказался устроеннымъ вполне удовлетворительно. Но тогда братія предъявила ему письмо изъ какого-то механическаго заведенія, которое обѣщало прислать монастырю механика съ платою по 10 руб. въ день. Письменнаго договора не оказалось, и

Крайно долженъ былъ удовольствоваться 260 рублями; за то братія обѣщала записать его имя на вѣчное поминовеніе.

Не въ осужденіе бѣлогорской братіи я привелъ всё эти случаи, но лишь для того, чтобы показать, какъ отклонялась жизнь обители отъ первообраза пещерокопателей и братчиковъ-пещерниковъ, и какъ отодвигалась отъ народнаго идеала сама обитель, регламентируясь по общему типу и проникаясь заботами о «благопріобрѣтеніи» и «благоукрашеніи».

Руководясь въ моихъ замѣткахъ и воспоминаніяхъ единственно желаніемъ очертить развитіе народной жизни въ подпадавшей моему наблюденію мѣстности, я остановился, можетъ быть, болѣе долго, чѣмъ-бы слѣдовало, на описаніи бѣлогорскаго монастыря. Но мнѣ кажется, что возникновеніе, возростаніе и наконецъ доведеніе этой обители до степени самостоятельнаго монастыря, со всѣми присущими монастырямъ квалификаціями, есть тоже одно изъ явленій развитія духовной жизни народа. Насколько удачно проведено регламентированіе этого проявленія, на сколько осталось оно схожимъ со своимъ первообразомъ, судите сами, читатели.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу о моемъ первомъ посѣщеніи монастырька.

У заутрени вчерашнія слухательницы привѣтливо бивали мнѣ головами. Передъ ранней обѣдней я ходилъ съ богомольцами въ пещеры, и провожавшій насъ старецъ вывелъ насъ оттуда особымъ ходомъ, находящимся въ складѣ той-же горы, но ниже сажней на 5 отъ фронта пещерной церкви. И всегда, какъ вѣроятно, и всѣ, испытываю особое облегченіе, выходя изъ всякаго рода подземелій, какъ будто-бы освобождаешься отъ угнетающаго чувства страха. Но это отрадное чувство въ данномъ случаѣ усугублялось прелестію утра, яснаго солнца, обливающаго весь обширный видъ, открывавшійся съ небольшой площади, прокопанной въ цѣльномъ мѣлу передъ выходомъ изъ пещеры. Вида этого, его всей величавой прелести я не стану, да и не сумѣю описывать. Скажу только, что этотъ не менѣе какъ софокаверстный видъ совмѣщаетъ въ себѣ и широкую рѣку Донъ, и зеленый лугъ, и синѣющія въ дали горы, и села, и городъ Павловскъ, и безконечную, уходящую за край горизонта задонскую степь, и все это сразу охватывается глазами человѣка, телько что освободившагося отъ гнетащаго чувства. Я

думаю, что и всѣ богомольцы испытывали тоже, что и я. Всѣ мы стали и смотрѣли. Даже мой соночлежникъ молчалъ, оставивъ свои комментаріи, съ которыми онъ не отставалъ отъ меня все утро.

— Что-жъ, пойдѣте въ лѣсокъ; тамъ тоже хорошо и все видно... покурить можно,—прервалъ онъ мое любованіе картиной.

Я пошелъ за нимъ, всматриваясь въ его статную фигуру, въ эти могучія плечи, надъ которыми, точно стрѣха новопокрытой хаты, оттопыривались изъ-подъ измятаго картуза въ лицію высоко отхваченные ножницами густыя бѣлокурые волосы. Могучая фигура! Смотря на него и на лѣсокъ, поросшій по ложбистому скату горы, куда онъ велъ меня, мнѣ пришло мимовольно вспомнить спрятанный за жилеткой, не покидавшій меня никогда татарскій ножикъ. Береженаго Богъ бережетъ.

Мы поднялись къ постройкамъ и оттуда, переступивъ ветхій плетень, вошли въ лѣсную ложбину; большія деревья глушили свою тѣнью мелкую поросль, но въ лѣсочкѣ было не густо, и видъ передъ нами оставался почти тотъ-же, съузвившись только рамкою ложбины и закрывши отъ насъ рѣку.

Очевидно, мой спутникъ искалъ случая быть со мною съ глазу на глазъ. Едва успѣли мы закурить, какъ сейчасъ онъ принялся рассказывать о себѣ, начавъ съ того, что онъ родомъ съ Кавказа, ставропольской губерніи, причемъ показалъ паспортъ, гдѣ значилось, что ему 46 лѣтъ, росту средняго и волосы, брови, борода и усы темно-русые. Я уже послѣ, разставшись съ нимъ, вспомнилъ это несходство примѣтъ: ему нельзя было дать болѣе 30 лѣтъ и притомъ онъ былъ свѣтлый блондинъ. Смотря на паспортъ, я былъ все еще въ мечтательномъ состояніи. Кромѣ того у него имѣлось увольнительное свидѣтельство, данное ему на предметъ поступленія въ монахи. Былъ онъ, по его словамъ, въ донецкомъ монастырѣ, во святыхъ горахъ, былъ уже разъ и здѣсь, послѣ въ Воронежѣ и наконецъ въ Задонскѣ. Тамъ случилось съ нимъ что-то непріятное, недостаточно ясно объясненное имъ мнѣ. Жилъ онъ тамъ у какого-то мѣщанина, *облагодѣтельствовавъ* его, далъ ему нѣсколько рублей, но послѣ этотъ мѣщанинъ что-то на него выдумалъ, почему-то вмѣшалась полиція, кто-то ему обрѣзалъ волосы, и онъ уже, не заходя въ Воронежъ «отъ стыда», очутился здѣсь *въ критическомъ* положеніи, изъ котораго, какъ онъ наконецъ открылся мнѣ, я могъ-бы выру-

чтѣ его, давъ ему нѣсколько рублей... Въ карманѣ у меня было ровно пять копѣекъ, что тоже равнялось *критическому* положенію, а потому въ этомъ разѣ не вышелъ плюсъ отъ помноженія минуса на минусъ. Въ умѣ у меня промелькнули было соображенія объ отрѣзываніи кося дѣвицамъ и хвостовъ лошадаямъ, но благовѣстъ къ обѣднѣ прервалъ развитіе дальнѣйшаго осужденія *друга*, и мы, какъ-бы немного отчуждившіеся, пошли по направленію въ церкви.

Въ цѣлой цѣпи вытянувшихся по береговой тропѣ богомольцевъ я возвратился въ городъ.

Возлюбилъ я эту обитель и частенько хаживалъ туда. Старцы узнавали меня и всегда привѣтливо встрѣчали. Въ обители и по пути къ ней и обратно я успѣвалъ знакомиться съ тамошними хохлами. На баштанахъ, при оранжѣ и посѣвѣ, а послѣ и въ домахъ, я былъ знакомъ съ ними. Мнѣ всегда становилось какъ-то неловко, когда приходилось быть въ компаніи занятыхъ дѣломъ и трудомъ крестьянъ празднопатающимъя человекомъ. Моя наружная панскость мало извиняла мое бездѣлье и, что хуже, какую-то, что называется, *неприкаянность*. Люди работаютъ, трудятся, заняты дѣломъ, а я болтаюсь, бездѣльничая. Эту неловкость я испытывалъ, будучи школьникомъ, въ каникулярное время. Это самое пришлось испытывать и во время моихъ задонскихъ отлучекъ изъ г. Павловска. Во извиненіе этой моей неприкаянности мнѣ пришлось объяснять моимъ новымъ знакомцамъ обстоятельства, приведшія меня сюда. Это еще болѣе располагало ихъ ко мнѣ, усиливало ихъ привѣтливость, вызывало на распросы.

— Що-жъ у тебе й семья е—жишка, дити? участливо спрашивали меня.

— Бачь, якъ-то воно прийдеця чоловікови!—и т. п.

Старцы монастырскіе мою досужестъ объясняли, по всему вѣроятію, какъ и досужестъ иныхъ посѣтителей городскихъ, притомъ-же я бывалъ у нихъ обыкновенно днемъ и не разъ съ охотничьимъ ружьемъ, а иногда и съ добытою па охотѣ дичью. Къ осени приходящихъ богомольцевъ стало меньше—монастырекъ опустѣлъ. Ставропольскаго знаконца я разъ только встрѣтилъ идущимъ куда-то изъ монастырка, по направленію къ слободѣ Бѣлогорью, по какому-то дѣлу. Но почему-то я все еще мнилъ его постояннымъ жителемъ пещерной обители.

Разъ позднею осенью, уже подъ вечеръ, возвращаясь съ охоты, я подходилъ къ монастырскому плетню (каменной ограды тогда еще и помню не было). За плетнемъ высился только что сметавный стожокъ привезеннаго сѣна, виднѣлись выпряженные воли. Андрій Николаевичъ стоялъ тутъ-же, опершись на вилы, другіе старцы подгребали сѣно и управляли стожъ.

— Богъ въ помочь! привѣтствовалъ я старцевъ.

— Спасыби! отвѣчали мнѣ.

— Отъ бачъ, раньше не приходили—усебъ таки помогли дидамъ трудитьця—отозвался Андрій Николаевичъ, а то отъ якъ помо- рились...

— Та хибѣ-жь на цей разъ у васъ никого й нелучилось зъ бого- мольцявъ, щобъ пособить? У васъ-же тутъ усе проживае отой боро- датый москаль, чи що воно таке. Вы-бъ ёго заставили, не пору- шився-бъ,—сказалъ я.

— О! це той ставропольскій! Богъ зъ нимъ! Винъ намъ оце якого хлопоту паробивъ! Богъ зъ нимъ!

— Якого хлопоту?!

— Та такъ, просто халепа! У насъ тутъ усяки люде бувають... Хибѣ-жь намъ билети у нихъ спрошувать? Всяки бувають... Такъ и винъ. Оце навернется, поживе днівъ два-три, тай зайде кудись. Приходянци у насъ уже на гостини ночують. Оце соберуться, сви- чечки свои свитать, що небудь читають, або тамъ николи всальми якои заснивають, або що списують... Ну, пройдешь, подивишея— усе тихо, по Божому, ну и Богъ зъ ними! Коли оце разъ, саме у глуцу вичъ, чуемо, прибгас становый, старшина зъ понятыми... Такъ и накрыли ихъ рабивъ Божихъ. Оцей бородаць, та ще якійсь, та три якихсь-то черняци у насъ на гостини за столомъ хвальшени билеты-паспорты списують. Й печати захватили у нихъ. Господь ёго знавъ, що вони таке діють! Отъ вамъ й богомольци! Коли-бъ ще й намъ чого не було?! Богъ зъ ними!

Ц такъ здѣсь на Дону я сразу натолкнулся на цѣлительскую жажду слушать чтеніе «изъ божества», «заповѣдь какую-нибудь» и въ то-же время на поддѣльвателей паспортовъ. Жажда грамотности и практическое примѣненіе ея—цѣлительскій и крайній проза жизни.

Воронежскую губернію, а особенно ея южные уѣзды, я знаю лѣтъ семнадцать. Многое измѣнилось со времени моего перваго

пріѣзда сюда. Крестьянское самоуправленіе укрѣпилось (къ лучшему-ли—это другой вопросъ), крестьяне постепенно начинаютъ созавать себя въ земствѣ; на моихъ глазахъ устроились сельскія школы. *Школники*, какихъ я знавалъ по началу, теперь уже своихъ дѣтей посылаютъ въ школу. Человѣкъ, занятый постоянно наблюденіями народной жизни, могъ-бы многое сказать про эту жизнь, про эту хотя-бы сторону жизни народной—грамотность. Но я обстоятельствами былъ оттолкнутъ отъ народа, тѣсныхъ непосредственныхъ связей у меня съ селомъ не было; и потому приходится сводить только случайныя наблюденія, которыя давались мнѣ по старой привычкѣ, по не оставшему съ лѣтами интересу ко всему народному. Разумѣется, меня къ моихъ хотя-бы и случайныхъ наблюденіяхъ больше занимали хохлы, какъ народъ родной, болѣе мнѣ понятный.

Воронежскій хохоль не похожъ на украинца: онъ живѣе, поворотливѣе, пѣтъ въ немъ украинской недовѣрчивости, угрюмости, не глядитъ онъ изъ-подлобья, какъ по-дѣйпровецъ. Здѣшній, донской хохоль—колонистъ, совершенно потерявшій традицію и отдавшійся всецѣло устроенію себя на новомъ мѣстѣ. Далекіе предки его, умирая на первоначально занятыхъ ими, ближайшихъ къ родинѣ степяхъ теперешней харьковщины, въ могилу унесли и ихъ исторію, ихъ прошлое; а они, здѣшніе теперешніе хохлы, не знаютъ даже, откуда пришли ихъ отцы, а ужъ не говорю о томъ, что не знаютъ, кто были ихъ отцы. Столпувшись здѣсь, даже не на рубежѣ, а на нейтральной, брошенной ордою степи, съ великорусскими поселенцами подъ суровой, но тѣмъ не менѣе умиротворяюще регламентирующей властью, хохлы не воевали съ сосѣдями, съ сопосельниками мечемъ, но не избѣгли войны экономической, культурной. Въ этой борьбѣ съ колонистомъ сопосельникомъ хохлы остались побѣдителями, но въ свою очередь были побѣждены культурой метрополи. Здѣсь въ южныхъ уѣздахъ воронежской губерніи торговля вся и вся промышленность въ рукахъ хохловъ. Великоросъ преимущественно пахарь. Это отчетливо выражается тѣмъ, что здѣсь на югѣ торгово-промышленныхъ великорусскихъ селъ нѣтъ, а торгуютъ хохлацкія слободы,—разумѣется не всѣ, есть и хохлы пахари, торговыхъ-же русскихъ селъ въ южныхъ уѣздахъ воронежской губерніи нѣтъ положительно. Но этотъ

торгашь-хохоль значительно обрусѣлъ. Обрусѣлъ онъ всетаки не по здѣшнему, а по общерусскому образцу. Онъ, можно сказать, обрусѣлъ, но не обмосковился. Это опредѣленіе лучше всѣхъ поймутъ сами здѣшніе хохлы, если кто изъ нихъ прочитаетъ эти строки. Онъ ничего общаго не имѣетъ со своимъ великорусскимъ сопосельникомъ пахаремъ; онъ говоритъ языкомъ русскимъ, но не языкомъ своего сосѣда, нарѣчіе котораго онъ передразниваетъ; онъ не брачится съ великороссами, между ними есть какой-то особый антагонизмъ¹⁾. Онъ вообще на пути къ такому обрусѣнію, какому подпали мы люди книжные. Но тѣмъ не менѣе этотъ коверкающій русскій языкъ, этотъ бородастый, даже иногда подстриженный въ скобку и размашисто, «якъ отъ московски купци», крестящійся хохоль все таки нашъ природный малороссіянинъ. Нельзя-же на самомъ дѣлѣ въ этихъ названіяхъ: Перевертайловка, Сехотійловка, Голівка, Загузливка, Церанка, Дуванка, Бжджолінка, Пилипенкова, Макогоновъ, Хорольскій и т. п. видѣть московскія поселенія. Не могу-же я въ этихъ Кащенко-выхъ, Яцько-выхъ, Боровик-овыхъ, Сыроватскихъ, Масцѣвыхъ, Ругахъ, Зозулиныхъ, Дудецькихъ, Ляпогузахъ, Мерзлозадахъ, Рыбалкахъ, Лозовыхъ, Старосвѣтскихъ и т. п. и т. п., какъ-бы они ни *русьми*, видѣть русаковъ, а не хохловъ, особенно если я знаю ихъ происхожденіе, ихъ домашній бытъ, ихъ родъ-племя. Между собою, а особенно въ семьяхъ, они говорятъ по малорусски, ругаются, если въ мѣру, тоже по малорусски: «бисовъ сынъ, побила-бъ тебе лиха година» и т. п.; подъ чаркою у хохла вы тоже слышите родную рѣчь; но если нужно говорить съ чужакомъ, нужно превозноситься, если нужно въ сласть выругаться, тогда ужъ начинается говореніе *по російскому*. Забогатѣвшій купецъ-торговецъ усваиваетъ себѣ всѣ приемы русскаго купца, у него уже *не челядь*, а *молоды*, у него уже рѣчь русская звучитъ при обращеніи къ мелкой сошкѣ, онъ уже выражается о сѣромъ хохлѣ: «*хохла необразованна*». Онъ весь скрон-

¹⁾ Замѣчательно то, что антагонизмъ этотъ проявляется совершенно въ такихъ формахъ, въ какихъ, по рассказамъ, онъ встрѣчается у порубежныхъ русиновъ съ мазурами. Также воронежскій хохоль осмѣиваетъ простоватость москаля сосѣда, какъ люблявскій русинъ приглупость мазура. Анекдоты объ этомъ совершенно аналогичны; разнятся вставкою передразниваемой рѣчи и именами націй.

вается на образец виданнаго имъ московскаго купца, по купечески московски и въ церкви крестится—размашисто, патлами вскидывается. Это его идеаль вѣдь! Онъ даже, какъ я самъ видѣлъ, подписывается по неграмотному замоскворѣдскому образцу: Василей, вмѣсто Василій, и все это нарочно, сознательно, подражая своему идеалу. У стариковъ это выходитъ комично. Эта русская рѣчь смѣшна: старые захоlustные священники на Украйнѣ, писцы кievской, полтавской и черниговской консисторій, *шеви* съ Кожемякъ говорятъ похожимъ языкомъ. Что-жь дѣлать?! Это существующій фактъ; это тоже стадія культуры. Вѣдь не такъ еще давно на Подоліи, Волыни въ особенности, польская рѣчь была въ употребленіи въ семействахъ мѣстныхъ священниковъ православныхъ, вѣдь поетъ же австрійскій солдатъ-магуръ въ пѣснѣ «*nie masz jak w Miłańskiem landzie*», вѣдь осталось по сю пору въ русскомъ и малорусскомъ и даже въ польскомъ языкѣ много татарскихъ словъ. Жизнь беретъ свое! Хорошо-бы было умѣло изобразить разноокошныя стадіи развитія села. Меня давно занимаетъ эта мысль, кстати образцы передъ глазами. Я знаю слободы здѣсь, которыя на монъ глазахъ растутъ, если такъ можно выразиться, цивилизуются. Мерзвыи сами по себѣ эти проявленія цивилизаціи, онѣ отталкиваютъ отъ себя своимъ вѣшнимъ видомъ, тѣмъ, что начпнаются съ гниенія стараго строя, а всякое гниеніе противно; но такъ оно всегда бываетъ, это въ порядкѣ вещей. И зерно, проростая, истлѣвается, чтобы дать жизнь растенію.

— ИЦо-жь була ты, Галько, въ Воронцевій на ярмарку? Бачила тамъ хлопцывъ? Хорошидъ?—спрашивалъ я въ 1867 году молодую хохлушку-*дишину* въ Михайловкѣ, пахарской хохлацкой слободѣ, вернувшуюся съ ярмарки въ большой торговой слободѣ Воронцовкѣ.

— А то-жь и не бачила! Тамъ парубки не напешьськи-прости: усе въ *ниддѣвахъ* (крытыхъ полушубкахъ), въ *брюкахъ* (на выпускъ, поверхъ голенищъ штаны).

А теперъ, въ 1884 году, и въ Михайловкѣ уже *парубки* носятъ и *ниддѣвки* и брюки, помадятъ волосы, *ог гармонію грають* и сама Галька, которой вскорѣ послѣ моего съ нею разговора «на-сунули за весильнымъ столомъ очппокъ», врядь-ли носитъ это характерное головное малорусское украшеніе, а вѣроятно «на-криваетьця палю». Да!

По разсказамъ, лѣтъ 30—40 тому назадъ рязанская и орловская губернія дали сюда много выходцевъ, занявшихся здѣсь въ воронежской губерніи торговлею. Елецъ (орловской губерніи), онъ же по пословицѣ «всѣмъ ворамъ отецъ», особенно много своихъ обывателей вылустилъ въ эти южныя края для промысловъ, и «елецкіе», какъ ихъ здѣсь называютъ, торговали въ этихъ мѣстахъ на славу. Шибайный, скотный, хлѣбосыпочный промыслы были въ ихъ рукахъ. Послѣ крымской войны на югѣ воронежской губерніи по торговымъ слободамъ явилось много греческихъ торговыхъ по ссылкѣ зерна конторъ. Вальпо, Зидлы, Маурокардаки, и другіе *раки* южныхъ портовыхъ городовъ—Ростова, Таганрога забросали край этотъ если не золотомъ, то кредитными билетами,—они тогда были дешевы въ Ростовѣ и Нахичевани,—и тащили за море пшеницу и ленъ съ пововспахацныхъ степей. Конторы греческія приглушили было *елецкіихъ*. Но въ концѣ концовъ обучившіеся у нихъ хохлы превзошли и тѣхъ и другихъ. Греки сошли со сцены на взморьѣ, а *елецкіе* большею частію служатъ теперь *молодцами* у тѣхъ хохловъ, которыми они прежде помывали и которыхъ прежде обманывали.

Развитіе торговли и промысла на югѣ Россіи ожидаетъ еще своего историка. Этою исторіею многое-бы объяснилось въ нашей отечественной исторіи: объяснилось-бы стремленіе новгородцевъ на сѣверо-востокъ, объяснилось-бы современное намъ стремленіе на югъ и юго-востокъ, разъяснилось-бы, почему это воронежскіе хохлы еще такъ недавно, уступая у себя арену торговли ельчанамъ, сами промышленяли *на линіи* въ ставропольской губерніи, здѣсь даже понаселяли цѣлыя слободы; объяснились-бы эти параллели переселенческихъ тецеревицныхъ путей съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Многое-бы мы поняли. Но я отказываюсь разсуждать объ этомъ, а возвращаюсь къ описанію замѣченныхъ мною у здѣшнихъ хохловъ стремленій къ грамотности, къ цивилизаціи.

Въ 1866—1867 годахъ я не видалъ еще повсемѣстно по селамъ училищъ. Были училища, устроенныя помѣщиками, были школы частныя, случайныя. Чернички-келейницы, отставные солдаты, изрѣдка дьячки имѣли по нѣскольکو учениковъ.

— Оце, спасибѣ вамъ, вона стала трохи на ноги, а то мы вже думали отдавати їмъ до черницъ грамоти учительця, объясняла мнѣ

мать одной излеченной по моему указанію и рекомендаціи докторомъ дѣвушки.

— А теперь може й замизжь згодитьця, объясняла заботливая мать мнѣ, ставшему причиною неграмотности дѣвицы.

Новыя, и даже можно сказать вдругъ иновляющіяся условія жизни потребовали и грамотности. Сначала министерство народнаго просвѣщенія, а послѣ и явившееся земство созидали сельскія школы. Требованіе отъ окончившихъ семинарію пребыванія извѣстнаго срока въ должности учителя дали немалый контингентъ учителей. Новые суды, земство, всеобщая воинская повинность вызвали грамотность въ народѣ. Дѣло это вѣдь изъ самого себя растеть: грамотные родители непременно захотятъ видѣть грамотными своихъ дѣтей. При этомъ, разумѣется, потребность эта регулировалась спросомъ. Въ слободахъ торговыхъ, промышленныхъ потребность грамотности была большая, чѣмъ въ слободахъ пакарскихъ, гдѣ подростокъ съ еле сознанными имъ силами утилизовался, какъ когоннычъ, пастухъ и т. д.

Мнѣ случилось проживать въ большой торговой слободѣ, Бутурлиновкѣ. Это впрочемъ самая большая слобода въ воронежской губерніи; въ ней еще по ревизіи 1857 года считалось свыше 10,000 душъ. Слобода эта по ея оригинальному социальному строю, по условіямъ жизни, достойна особой монографіи, которою я займусь со временемъ. Промышленность и торговля создали въ ней съ одной стороны крупныхъ денежныхъ тузовъ, а съ другой горьчайшій пролетаріатъ—двѣ крайности экономическаго быта, экономической борьбы капитала и труда.

Въ Бутурлиновку я попалъ въ то время, когда дѣла греческихъ конторъ падали, когда мѣстные доки захватывали дѣло въ свои руки. На моихъ глазахъ росли тамошніе богачи, разумѣется, въ различныхъ степеняхъ богатства. Эти-то вожаки торговой и промысловой предприимчивости почти всѣ были кое-какъ грамотны—читали, умѣли кое-какъ писать. Но дѣти ихъ уже пишутъ бойко, одѣваются чисто по европейски и не прочь щегольнуть иностранными словами, говорятъ чисто по русски. Все это съ извѣстными градаціями. Кушцы тамошніе, недавніе *господа кушцы*, повторяю, употребляютъ иностранныя слова, изъ коихъ нѣкоторыя получили, такъ сказать, право гражданства въ ихъ рѣчи. Наприм: «сизеть»,

«мараль» (вмѣсто сюжета, мораль). «*Мы имѣли съ нимъ по этому поводу сюжетъ*», т. е. сужденіе. «*Я не хочу ни за что взять на себя этой марали*», т. е. чего-то грязнаго, стыднаго, марающаго меня. А то напримѣръ не угодно-ли:

— Тамъ, братецъ ты мой, у нихъ такая *библіотека* произошла, что только ну, тай годи. И, чортъ ихъ знаетъ, *зъ чою* эта у нихъ *инструкція* почалась?! Амбаринка, собственно говоря, самъ по себе пустой! Разви ужъ *внутреннее убѣжденіе* въ немъ (т. е. въ амбарѣ-то) что нибудь стоило?! А вѣдь *сюжетъ* (молва, разговоръ) пошелъ по всей ярмаркѣ—*мараль* такая! Вѣдь дошли до того, что чуть не за бороды другъ друга *мотивировали!* *Карамболь* просто!

И это вѣдь не выдуманное, а слышанное.

— Що це вы такъ запехаяли кимнату! Заразь-же приберить! Це *вовси не согласно зъ мненіяма!*—понукалъ хозяинъ постоялага двора семью, сводя меня въ компань. Такъ и видно, что мужъ сей былъ гласнымъ въ земскомъ собраніи. Или: «теперь они заключили между собою *междуметію*».

А ужъ дѣти этихъ людей, ихъ меньшіе братья и сестры учатся уже въ *прогимназіяхъ*, *гимназіяхъ*, *папсіонахъ* и даже въ *выспихъ* учебныхъ заведеніяхъ. Уже я знаю бутурлиновцевъ, вышедшихъ и выходящихъ въ близкомъ будущемъ технологами, прокурорами, врачами, инженерами, пепиньерками при институтѣ—ужъ мои уши услаждались музыкою бутурлиновской рояли. Положимъ, что это только въ Бутурлиновѣ, но вѣдь эта Бутурлиновка не можетъ-же не представлять изъ себя хоть и крайняго, но все-же народнаго стремленія къ цивилизаціи. Школьность и грамотность несомнѣнно развиваются. Въ самыхъ черноземныхъ слободахъ и хуторахъ пахарскихъ, особенно зимою, натыекаешься на хлопчиковъ съ сумочками, изъ которыхъ торчатъ книжечки, тетрадки и грифельная доска. Земство, воинская повинность дѣлають свое. Многого еще можно желать, но немало уже и имѣемъ по сравненію съ недалекимы прошлымъ.

Я помню случай въ началѣ 70-хъ годовъ, когда въ одномъ хуторѣ общество порѣшило на зиму учителя не нанимать, а школьный домъ сдать подъ вабакъ (Юниковъ хуторъ, семеновской волости павловскаго уѣзда). Теперь этакой случай невозможенъ. Это тоже вѣдь крайность. Въ пахарскихъ слободахъ и теперь еще можно

видѣть, что грамотность не составляетъ насущной жизненной, лучше сказать сельской потребности. Мало-мальски обучившіеся грамотѣ выбиваются изъ сельской пахарской жизни и попадаютъ въ дѣло далеко не пахарское: идутъ въ писаря, приказчики, служатъ мелкими сошниками въ штатѣ желѣзно-дорожной службы. Это объясняется спросомъ на грамотныхъ въ государствѣ и тяжелой обстановкою крестьянской сельской жизни.

— Вырѣ у насъ школьникъ; вывчитыца, писаремъ буде.

— Воца каже, буду вчитъ хлопцивъ, въ школу отдамъ, воца въ мене будуть образовани, въ очкахъ будуть ходить...

Такия *ria desideria* чадолюбивыхъ родителей слыхалъ я. Не улыбайтесь! Вѣдь эти пожеланія совершенно равнозначущи пожеланіямъ такимъ:

— Учись сынокъ, будешь попомъ, прокуроромъ, инженеромъ, докторомъ и т. п.

Разумѣется послѣднія пожеланія высказываются родителями, которые сами только попы, прокуроры, инженеры, доктора, люди не крѣпкіе земли, а граждане доходовъ и требовательныхъ вѣдомостей, люди, испытавшіе всю выгоду этихъ профессій, а не селяне, которые должны-бы учиться только ради ученія, ради того, чтобы умѣть лучше, осмысленнѣе жить въ своей сферѣ. Но такъ какъ пока еще у насъ грамотность не даетъ примѣнительнаго къ обыденной жизни знанія, и такъ какъ жизнь пахаря у насъ слишкомъ сурова, малоотраднѣ и многотруднѣ; то желаніе видѣть дѣтей своихъ живущими болѣе легкимъ трудомъ, ядущихъ болѣе вкусный кусокъ—простительно и пошито. Эти желанія родителей вполне совпадаютъ съ желаніями и самихъ дѣтей. Я знаю много грамотныхъ молодыхъ крестьянъ, которые попали въ военную службу или остались тамъ служить по окончаніи обязательнаго срока службы, либо вышедши въ запасъ, пристраивались нѣгъ условій сельско-пахарской жизни, и въ то-же время не могу припомнѣть ни одного хорошо знающаго грамотѣ солдата или крестьянъ, который занялся-бы по возвращеніи со службы пахарствомъ.

Разумѣется, это еще пока только стадія обще-народной грамотности; со временемъ, когда число грамотныхъ увеличится до того, что спросъ на нихъ во вѣ-пахарской жизни будетъ менѣ предложенія и когда самыя условія жизни пахаря потребуютъ болѣе,

чѣмъ непосредственнаго примѣненія физической силы къ землѣ,— грамотность займетъ надлежащее мѣсто и въ быту сельскомъ, хлѣборобномъ. Но пока еще, повторяю, грамотность крестьянъ сильно развивается въ слободахъ торговыхъ и промышленныхъ и слабо въ сѣромъ, пахарскомъ быту.

Въ полбрѣ 1864 г. мнѣ пришлось быть въ слободѣ Бутурлиновкѣ во время призыва. Мѣстный учитель двухкласснаго училища рассказывалъ мнѣ, что въ этотъ прывывъ попали почти все его ученики начала семидесятыхъ годовъ. Если принять во вниманіе, что въ Бутурлиновкѣ, кромѣ двухкласснаго училища, еще имѣется пять сельскихъ земскихъ училищъ, да еще много обучающихся у черницъ, солдатъ и дячковъ, то выйдетъ, что громадное число новобранцевъ этого года грамотны.

Говоря вообще о здѣшней грамотности, нельзя обойти молчаніемъ народныя школы. Лучшія изъ этихъ училищъ, это тѣ, которыя находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, а именно двухклассныя училища. Какъ образцовое во всѣхъ отношеніяхъ училище, я знаю двухклассное училище въ слободѣ Бутурлиновкѣ. Можетъ быть и это училище не выдавалось-би ничѣмъ изъ числа другихъ, но въ началѣ 70-хъ годовъ въ это училище учителемъ поцалъ очень хорошій человекъ, окончившій курсъ воронежской духовной семинаріи первымъ студентомъ Василій Андреевичъ Тихоновъ. Вообще нужно сказать, что въ воронежской семинаріи долго не выдыхался духъ начала 60-хъ годовъ, когда и въ Воронежѣ была литературная жизнь. Тогда издались сочиненія Никитина, издавалась «Воронежская Бесѣда», мѣстная интеллигенція отзывалась на общероссійскій прывывъ къ движенію впередъ, къ духовной жизни. «Записки семинариста» Никитина оказали свое вліяніе на воронежскихъ семинаристовъ, указали имъ жизнь внѣ стѣнъ бурсъ, вызвали въ нихъ критику по отношенію къ своему положенію, охоту читать, самообразовываться, совершенствоваться. И по сѣ пору въ Воронежѣ можно услышать, что все или, по крайней мѣрѣ, лучшія стихотворенія Кольцова написаны вовсе не имъ—Кольцовымъ, а семинаристомъ, нѣкимъ Серебрянскимъ. Это убѣжденіе твердо особенно у семинаристовъ. Разъ я видѣлъ въ Воронежѣ памятникъ Кольцова съ лицомъ обращеннымъ назадъ, на пьедесталѣ видны были грязныя слѣды сапогъ. Говорили, что эту штуку не разъ уже

продѣлывали семинаристы именно потому, что Кольцова считают похитителемъ славы семинариста Серебрянскаго.

Тихоновъ былъ изъ числа семинаристовъ, хранившихъ хорошія традиціи 60-хъ годовъ. Не чувствуя призванія къ священству, онъ, не смотря на всѣ преимущества, не взялъ на себя этого сана, а всего себя отдалъ дѣлу ученія. Училъ онъ другихъ и училъ себя. Состоя учителемъ бутурлиновскаго 2-хъ класснаго училища, онъ въ тоже время подготовлялся къ поступленію въ Петровско-разумовскую академію, куда и попалъ въ семидесятыхъ годахъ. Въ академіи онъ шелъ по двумъ отдѣламъ—дѣскому и сельско-хозяйственному, не зная, на какомъ изъ нихъ откроется прежде стипендія, которая дала-бы возможность ему учиться. Получивъ наконецъ стипендію, онъ, по выраженію его товарищей, «такъ засмаковалъ въ обоихъ отдѣлахъ, что и до окончанія курса шелъ по обоимъ и при томъ со скучѣйшимъ однообразіемъ въ отміткахъ: не имѣлъ ни по одному изъ предметовъ менѣе 5». Теперь уже г. Тихоновъ возвратился изъ двухгодичной съ ученою цѣлью поѣздки за границу, и мы всѣ его знакомые ждемъ отъ него чего нибудь больше обыкновеннаго завѣдыванія какимъ нибудь дѣсначествомъ. Вотъ этотъ-то Тихоновъ, при его умѣни и добросовѣстности, и умѣлъ хорошо поставить бутурлиновское 2-хъ классное училище. Память о немъ на долго сохранилась въ Бутурлиновѣ. Я такого другого учителя не видалъ, не видалъ и не знаю такъ отдавагося обученію дѣтей челоѣка, какимъ былъ Тихоновъ. Онъ смотрѣлъ на свою обязанность вполне серьезно и отдавался ей съ увлеченіемъ. Къ каждому уроку онъ готовился самымъ усерднымъ образомъ, много читалъ по части педагогіи, умѣлъ снискать любовь своихъ учениковъ, захотить ихъ. Школьныя пособія, небольшая, но избранная бібліотека и даже посильный музей,—все это дѣло Тихонова, но что всего важнѣе, это то, что онъ сумѣлъ это собственное сознаніе важности и неувоснительности дѣла обученія дѣтей всецѣло влить въ своего помощника, а теперь преемника, зятя своего Ив. Гр. Зеленскаго, который достойно продолжаетъ по сю пору дѣло, начатое Тихоновымъ. Да, это образцовое училище!

Не то, разумѣется, представляютъ собою иныя училища. Много недостатковъ можно-бы въ нихъ указать, но пока еще слава Богу и за то, что и такія училища есть у насъ. Училищныя совѣты по

уѣздамъ, дирекція училищъ губернская дѣлають по возможности свое дѣло. Я думаю, что сельское учительство, представляя собою убѣжище отъ воинской повинности, временную жизненную станцію для окончившихъ духовную семинарію, но не получившихъ мѣста священника и временное занятіе для молодыхъ дѣвиць, кончающихъ свою карьеру выходомъ замужъ, много теряетъ въ своей профессиональности. Всѣ эти временные учителя, не видя въ учительствѣ исключительной цѣли жизни, недостаточно усердные и часто мало-способные преподаватели. Въ земствѣ все дѣло школьное находится въ прямой зависимости отъ предсѣдателя управы, взглядъ коего на степень нужды и важность народнаго образованія, ставитъ это дѣло въ уѣздѣ на лучшую и худшую ногу, влияя на успѣшность дѣла какъ подборомъ учителей, такъ и контролемъ надъ ними, а равно и заботливостію о возможно лучшемъ вознагражденіи ихъ труда. Послѣднее особенно важно, ибо размѣромъ жалованья опредѣляется и качество учителей. Цифры этого жалованья отъ 100 до 240. Ну, какого въ самомъ дѣлѣ учителя, который не рвался-бы изъ своей профессіи, нанять можно за 100 рублей?! Разумѣется, при такомъ мизерномъ содержаніи и ютятся на учительствѣ или временные станціонеры, или то, что уже ни на что большее въ жизни и рассчитывать не можетъ, или, въ крайнемъ разѣ, тотъ, кто умѣетъ въ дѣлу учительства пристегнуть какіе нибудь иные заработки—частные уроки, посѣвы, занятіе въ управленіи ссудосберегательныхъ товариществъ, регенство и т. п. Я знаю одного учителя, который живетъ верстахъ въ трехъ отъ школы, арендуя водяную мельницу. Непригодность многихъ учителей, безконтрольность школы и по просту неразвитіе школьнаго дѣла лежать вполне на отвѣтственности предсѣдателей земскихъ управъ, какъ почти самовластныхъ распорядителей земскихъ дѣлъ и большею частію инициаторовъ всякихъ вопросовъ въ земствѣ. Училищный совѣтъ только вѣдаетъ школы въ уѣздѣ въ установленныхъ рамкахъ. Не говоря уже о томъ, что въ совѣты эти часто попадаютъ люди еле грамотные, но, что тоже отчасти зависитъ отъ предсѣдателя, совѣтъ не можетъ прибавить содержанія учителямъ и училищамъ. А это самое важное: «дешева рыбка—погана юшка», гласитъ народная пословица. И вотъ попалась въ одномъ селѣ эта «дешева рыбка» въ видѣ учительницы, съ жалованьемъ по 8 р. въ мѣсяцъ, и,

по словамъ одного изъ членовъ училищнаго совѣта, которому было поручено произвестъ о ней и ея дѣяніяхъ дознаніе, учила дѣтей только кричать «ура» (это ей особенно нравилось), пьянствовала и напоминала собою Марію Египетскую до ея покаянiя. На самомъ дѣлѣ это была особа, не годившаяся даже въ горничныя и получавшая жалованье меньшее, чѣмъ жалованье горничной. Но все таки въ виду существованiя въ каждомъ селѣ школы, такъ или иначе контролируемой, въ виду существующихъ уже на этотъ предметъ цифръ земскихъ бюджетовъ, нельзя не сказать и за это—слава Богу.

Да, село за послѣдніе 20 лѣтъ много прошло впередъ по пути цивилизаціи, которую нельзя не видѣть даже въ ея мерзвѣйшихъ проявленiяхъ. Цивилизація на столько заволаговываетъ село, что съ каждымъ годомъ подвластныхъ режиму *ржаного колоса* (Гл. Успенскаго) мужиковъ становится все меньше и меньше. Колосевъ-ли этихъ стало меньше, или ужъ *мудрствованіе* крестьянское такъ развивается?... А это *мудрствованіе* тоже вѣдь результатъ цивилизаціи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ деревенской грамотности. До 60-хъ годовъ крестьянинъ былъ положительно, такъ сказать, подъ игомъ всего, что было тогда мало мальски грамотно. Грамотѣй господствовали надъ нимъ, гнули его въ барашій рогъ, выжимали его въ свою пользу, замкнувшись въ непроницаемую для крестьянина сферу грамотности во всѣхъ ея проявленiяхъ, начиная отъ прикащикьяго наряда до распоряженій и узаконеній правительственной власти. Какъ изъ черной тучи металась на мужика изъ этой сферы громы и молніи, заставлявшіе его корчиться, сжиматься, припадать къ землѣ. Онъ видѣлъ, осязалъ дѣйствiя этой непаемой имъ силы, но ея, самой-то силы не понималъ. И вдругъ ему дается въ руки эта самая сила, онъ узнаетъ ее, самъ грамотится, въ судахъ, въ волости, въ земствѣ уразумѣваетъ эту силу. Возчувствовать это, онъ, этотъ пахарь-мужикъ, начинаетъ *мудрствовать*, старается по своему эксплуатировать это новое приобрѣтеніе: дѣлается кулакомъ, ищетъ жизненной удачи въ примененiи этой силы въ жизни, дѣлается сутягою, пускается во всѣ тяжкія. «Такъ вотъ въ чемъ вся сила!»—разсуждаетъ онъ, «это и я могу не хуже другихъ». И дѣйствительно можетъ! Посмотрите, какъ скоро этотъ мудрствующій мужикъ понялъ законъ о томъ, что долгъ доказывается только письменнымъ документомъ, какъ ловко научился во избѣжаніе

платежа долговъ переводить свое имущество на родичей, давать дутые векселя и т. п. Многое онъ можетъ. Умѣетъ напримѣръ подписывать, не будучи грамотнымъ, свое имя и фамилію на векселя или роспискѣ съ вынутаго изъ кармана образца и послѣ увѣряетъ, что онъ не могъ подписываться по своей неграмотности; увѣряетъ, что его сына, котораго на самомъ дѣлѣ онъ-же заставлялъ подписаться на договорѣ, подарками прельстилъ подписаться за него его коптрагентъ, помимо его о томъ вѣдома... А подлоги, а шантажи деревенскіе?! Это все дѣла прозрѣвшаго, начинающаго *мудрствовать* мужичка. Судъ въ его упрощенномъ видѣ тоже манить его. Въ средѣ крестьянъ развивается сутяжничество и при томъ съ полнѣйшею вѣрою въ то, что и самое неправое дѣло при умѣннн и ловкости можно выиграть. Онъ самъ при малѣйшемъ смеканіи судебной процедуры лично ведетъ процессы или старается закупить ту, не такъ давно еще непосредственно дававшую его, грамотную силу—разнаго рода ех-чповниковъ, стоящихъ не у дѣлъ, бывшихъ крючковъ, послугивается ими. Въ крайнихъ случаяхъ онъ становится болынымъ процессоманіей, въ лучшемъ разѣ онъ вѣрнть въ силу всякой шельмографіи: у него постепено теряется традиція Соломоновской правды, замѣняясь вѣрою въ крюкочтворство.

— Оце тобі четвертний (25 р. билетъ) и ще дамъ, менн не треба вже высужувать дела, а зроби тильки такъ, що ото у ёго (противника) есть витрякъ, такъ щобъ винъ ёго просудивъ, щобъ извився... излагаеть одинъ изъ тяжущихся свое желаніе адвокату.

— Это онъ, ваше высокородіе, меня за себя желаетъ *отговорщи-комъ* поставить—свое педоуміе мене передать,—г. е. мнѣ передаетъ защиту дѣла по своему неумѣнню.

— Я вотъ, что хочу попросить тебя: купи ты мнѣ *законъ*,—просилъ одинъ крестьянинъ знакомаго грамотника. Что онъ будетъ стоять?

— Какой *законъ*?

— Да вотъ такой, какъ у тебя есть, этотъ размалѣванный самый (судебные уставы взд. Анисимова, съ разноцвѣтнымъ обрѣзомъ). У меня теперь внукъ грамотѣ обученъ,—я самъ стану судиться.

— Ничого не высудишь, хоть и не судись; въ тебе кленки не стане перехитрить мене: не такі дела повертали, куды схотили.

И уси уходы знаю, вразъ закручу тебе,—нагло увѣряетъ мудроватый хохоль болѣ простоватаго противника.

Вотъ вамъ на выдержку нѣсколько случаевъ, по ихъ-бы можно набрать массу въ подтвержденіе вѣры мужика въ крочкотворство, въ силу грамотности, въ возможность извернуться, обойти законъ. Въ гражданскомъ процессѣ отвѣтчикъ прибѣгаетъ къ уловкамъ, къ изворотливости, въ уголовномъ онъ прибѣгаетъ съ полною вѣрою къ защитнику. Въ томъ и другомъ случаяхъ ему присуща вѣра въ то, что при умѣннн можно выйти изъ воды сухимъ.

— Эхъ вы! Аблакаты! Вывозите!—кричитъ лихой ящикъ на свою тройку, замаяшующую въ глубокомъ сугробѣ.

Пока еще, разумѣется, это только явленія, но въ нихъ нельзя не видѣть явленій, подтверждающихъ исполнѣ теорію Гл. Успенскаго о *мудрствованнн* мужика, выбивающагося изъ сферы *ржаного колоса*. И все это нечто иное, какъ цивилизація, какъ тоже самое извѣчное вкушаніе плода съ древа познанія добра и зла. Вся вина наша, общества-государства, въ томъ, что этотъ аппетитъ ко злу мы ничѣмъ не воздерживаемъ, ничѣмъ не развиваемъ вкуса къ добру. Гдѣ село цивилизованнѣе, тамъ и зла этого больше. А такъ какъ на югѣ воронежской губерніи малороссіяне культурнѣе великороссіявъ, то съ политическою грустью приходится сознаться, что хохлы здѣсь en masse порочнѣе москалей. Москаль, преимущественно пахарь, дичѣе хохла, а потому самому онъ примитивнѣе сохранилъ въ себѣ простоту, наивность, благодушнѣе селянина; онъ болѣе остался тѣмъ мужикомъ, въ которому мы въ 60-хъ годахъ простирали свои объятія.

Но тѣмъ не менѣе, повторяю, это все таки цивилизація, это ислѣваніе старыхъ формъ жизни и созиданіе новыхъ.

«Що було, те бачили, а що буде, побачимо». Нельзя не предугадывать того, что будетъ. Культура сдѣлаетъ свое—измѣнитъ понятія, взгляды, обряды и вѣрованія, передѣлаетъ весь строй жизни сельской вообще и жизни малорусскаго села въ частности. У москаля еще остается нетронутымъ крестьянскій костюмъ—нагольный тулупъ, лапоть, малахай, панѣвка, самодѣльное бѣлье и сукно, кичка; но и у него уже по праздникамъ является кумачевая рубашка, китайчатые синіе портки, *хранцузская* шаль, покрывающая кичву или копошникъ. У хохла этого уже мало: *пиддѣвка* (крытые сук-

номъ, казинетомъ, трикомъ полушубки) замѣнили кожану, *чосане* (лабочнаго сукна) пальта самодѣлковаго сукна—*халаты* и *черкески*, ситець—домашнее полотно и плахту, *карнитурови* (шелковое) платки—очипокъ, *итиблети*—черевки, *вытяжки*—прежній чоботь. Не говорю уже про большія торговыя слободы, гдѣ уже въ ходу скуртуки, *шлейхи*, *панье*, *визѣтки*, *картузы* и даже зонтики и непремѣнно глубокія балоши, надѣваемые на высокіе сапоги съ дутыми голенищами, не снимаемыя въ самую сухую погоду и даже въ комнатахъ. Только въ захолустныхъ, пахарскихъ слободахъ и хуторахъ у хохловъ остается простое сукно, нагольная или дубленая овчина, бѣлый домашній холстъ, очипокъ и изрѣдка, при черной работѣ, *дера*, т. е. *запаска—охватъ*. У *необразованныхъ* осталась пѣсня, свадебный обрядъ, выставка красныхъ флаговъ, въ смыслѣ доказательства дѣвственности *молодой*, *щедривка*, *посивання*, *колядка*, *кутя* на сочельникъ, *жарене порося* на Пасху. У *образованныхъ* торговыхъ слобожанъ молодежь не *посѣваетъ*, не *колядуетъ*, у нихъ не *верещать* дружки, не ходять *колядовать*, стыдятся по простому заявлять о дѣвственности *молодой*. Между этими крайностями, разумѣется, можно-бы размѣстить много такого, что посредствовало-бы между той или другою формою, приближаясь или отдаляясь къ крайностямъ, но нельзя не замѣтить прогрессивнаго уничтоженія *старовины*, старыхъ обрядовъ и формъ жизни. Слободской-сельскій строй жизни переходитъ въ мѣщанскій и затѣмъ, какъ это я имѣлъ уже случай указать, говоря о Бугурлиновкѣ, въ купеческій и даже совершенно европейскій—цивилизованный.

Сношенія съ торговымъ людомъ, знакомство съ городами, облегченное желѣзными дорогами и возникшими потребностями бывать въ судѣ и земствѣ, ознакомленіе села посредствомъ своихъ новыхъ солдатъ со виѣ-сельскою жизнью—значительно измѣняетъ фізіономію села. Новостроющаяся церковь уже не размазывается своимъ доморослымъ маляромъ, а украшается работою болѣе умѣлыхъ живописцевъ и рѣзчиковъ. Въ сѣромъ селѣ можно еще видѣть передній уголъ хаты уставленнымъ иконами сельскихъ живописцевъ, можно еще примѣтить на иконахъ предковскія украшенія шитыми *ручниками*, барвинкомъ, любисткомъ и другими цвѣтами, но въ торговыхъ слободахъ, въ домѣ молодоженовъ, въ углу стоитъ икона въ ризахъ, хотя и фольговыхъ, и за стекломъ въ ней видны вѣн-

инструментѣ. Во время призыва нашъ городъ оглашается звуками гармоніи, аккомпанирующей пѣснямъ *южиць*, т. е. призываемыхъ парней. Въ слободскихъ церквяхъ всегда имѣются сносные хоры пѣвчихъ, а въ большихъ торговыхъ слободахъ, особенно въ базарныхъ церквяхъ, содержатся на счетъ церкви и общества хорошіе регенты.

И такъ, сводя итоги сказаннаго, нельзя не видѣть, что здѣшнее малорусское населеніе цивилизуется, грамотѣетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняясь общерусской культурѣ, утрачиваетъ свою національность. Проявленія обрусѣнія наиболѣе замѣтны въ людѣ торговомъ, промышленномъ. Здѣсь дѣлается тоже, что съ кievскими старожилами, что можно встрѣтить въ мѣщанахъ южныхъ новороссійскихъ городовъ. Условія жизни тамъ и здѣсь неотразимо влекутъ къ такой культуризаціи; сѣрое пахарское село еще пока чисто малорусское, но и въ немъ нельзя не видѣть проявленій той-же руссификаціи, вліянія той-же культуры. Что-жъ, это существующій фактъ, это въ порядкѣ вещей! Одно непріятно поражаетъ въ этомъ явленіи: оно возникаетъ не изъ сознательнаго стремленія къ обрусѣнію, а изъ желанія только стать выше мужика, достигать положенія русскаго купца. Стараясь выйти изъ мужичества и передѣлываясь въ *кутцювъ*, здѣшніе хохлы въ силу лишь этого отстраняются отъ родной рѣчи, обряда и обычая, а затѣмъ, чувствуя совершившуюся въ нихъ перемѣну, не знаютъ уже, какъ и назвать себя.

— Положимъ, что мы не великороссы, но ужъ и малороссами, простыми хохлами насъ нельзя назвать.

— А какъ-же васъ назвать?—спросилъ я.

— Ну, ужъ по крайней мѣрѣ *бѣлороссами*: всетаки мы почище хуторскихъ хохловъ, необразованныхъ.

Бѣлая и черная кость, или одѣваться просто, черно и чисто, *бѣло*—вотъ источникъ этого слова: *бѣлороссы*, какъ видите, еще не додумался до объединяющаго слова *русскій*.

— Нѣтъ! Это што! Давайте заспѣваемъ нашей хохлацкѣй: «На всегда зъ друзьями рсталюся я...» или «Не бѣли снѣжки...» или «Взвейся иташка... Это все пѣсни *наши хохлацки* потому, что ихъ не поютъ сѣрые москали, а поютъ хохлы *образованни*.

Да! эти хохлы потеряли сознаніе себя, своей національности и не досрости еще до распознаванія ея у другихъ.

Борясь П—скій.

ЮАННЪ ВЫШЕНСКІЙ.

(Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.).

«Всякій человекъ рано или поздно нападаетъ на свою палочку»,—говорилъ В. Г. Бѣлинскій. Изреченіе вѣрное. Важное, однако, значеніе имѣетъ то обстоятельство, когда и при какихъ условіяхъ происходитъ распредѣленіе дѣятелей науки, литературы и искусства по историко-культурнымъ полкамъ. Одиѣ знаменитости забыты быстро и навсегда. Историкъ не останавливается надъ мимурными величіями. Интереснымъ въ данномъ случаѣ представляется лишь рѣшеніе вопроса, какова была общественная среда и условія быта, вызвавшія появленіе ложныхъ и беспочвенныхъ знаменитостей на поприще общественной или литературной дѣятельности, что выдвинуло ихъ на высоту, что дало имъ имя и извѣстность. Многіе дѣятели проходятъ свое жизненное поприще скромно, безъ шума, безъ прославленія. Слава ихъ вырастаетъ впоследствии при безпристрастной исторической оцѣнкѣ. Жаль только, что правильная оцѣнка таланта бываетъ иногда слишкомъ поздней, настолько поздней, что дѣлается очевиднымъ, какъ много потеряла извѣстная общественная среда, что по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, по собственной ли культурной отсталости или по причинѣ внѣшнихъ давленій и тормазовъ, своевременно не оцѣнила выпедшій изъ ея глубины талантъ и не воспользовалась плодами его духовной дѣятельности. Любопытнымъ явленіемъ въ исторіи культуры представляется то обстоятельство, что нѣкоторые общественные и литературные дѣятели при

своей жизни пользовавшіеся среди современниковъ почетной извѣстностью, потомъ въ водоворотѣ событій были забыты. Въ теченіе десятилѣтій, даже столѣтій длится забвеніе. Впослѣдствіи потомство отдастъ должное давнопрошедшему дѣятелю, извлекаетъ дорогое имя изъ забвенія и, стяхнувъ пылъ съ драгоценныхъ литературныхъ произведеній, разъясняетъ скрывавшіеся въ нихъ элементы любви къ истинѣ, правдѣ и добру.

Южно-русскій писатель начала XVII ст. Іоаннъ изъ Вышнихъ входитъ въ разрядъ временно забытыхъ. Среди современниковъ онъ пользовался извѣстностію и уваженіемъ. Лучшіе люди Малороссіи дорожили имъ. Его выдвигали, какъ энергическаго, умнаго и образованнаго защитника православнаго южно-русскаго народа отъ нападений латино-уніатовъ, пановъ и епископовъ. Близжайшее потомство его забыло. Два съ половиною вѣка длилось это забвеніе, рѣшительное и полное. Лишь въ послѣднія два десятилѣтія люди науки выдвинули имя Іоанна Вышенскаго и его сочиненія на видное мѣсто въ исторіи южно-русской литературы.

Въ 1865 г. археографическая коммисія издала второй томъ Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Сюда вошли акты отъ 1599 до 1637 г. Въ концѣ тома помѣщено четыре сочиненія аеопскаго монаха Іоанна Вышенскаго и одно сочиненіе іеродіавона печерскаго монастыря Леонтія о церковно-общественныхъ нестроеніяхъ въ южной Россіи. Эти сочиненія извлечены были изъ рукописи, хранящейся въ императорской публичной бібліотекѣ, писанной бѣлорусскимъ полууставомъ въ концѣ XVII в., въ 4-ку, на 203 листахъ. Іоанну Вышенскому принадлежатъ:

1) *Посланіе ко князю Василю Острожскому и ко всемъ православнымъ христіанамъ въ Малой Россіи*, стр. 205—224. Здѣсь говорится о римско-католической гордости, даются совѣты объ очищеніи церкви отъ «прелестей и забобонъ еретическихъ» и предлагается подробное объясненіе значенія иноческаго сана, иноческой жизни и въ особенности иноческой оджды.

2) *Посланіе ко всемъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси и Польско-Литовскаго королевства*, стр. 224—227. Здѣсь находится краткое перечисленіе церковно-общественныхъ нестроеній, обличеніе владыкъ и пановъ въ отступничество отъ вѣры, въ корыстолюбіи и роскоши и приглашеніе пробаваться въ царство

небесное путемъ терпѣнія и благочестія, не возлагая надеждъ на епископовъ.

3) *Посланіе къ митрополиту и епископамъ юго-западной Руси, принявшимъ унию*, стр. 227—254. Въ этомъ обширномъ посланіи находится строгое обличеніе епископовъ отступниковъ въ корыстолюбіи, роскоши, жестокости, гордости, превышеніи власти, доказываεται право мірянъ осудить измѣнившихъ вѣрѣ духовныхъ лицъ, оправдываются мѣры патріарха Іереміа, направленныя къ ограниченію епископской власти нравственнымъ контролемъ со стороны церкви, и подтверждается случившееся въ одной православной церкви чудо, что при совершеніи въ ней латинской «мши» во время таинства евхаристіи вино обратилось въ воду. Въ подтвержденіе этого чуда вставленъ довольно длинный рассказъ о нападеніи латинцовъ на афонскую гору слѣдующаго содержания: одни монастыри защищались, изъ другихъ монахи разбѣгались по лѣсамъ; въ одномъ монастырѣ привѣтливо приняли католиковъ, приняли католицизмъ и стали служить латинскую обѣдню; во время этого служенія упали стѣны: латинцы, увидѣвъ это знаменіе гнѣва Господня, посѣщили удалиться.

4) *Сочиненіе о заблужденіяхъ римской вѣры*, стр. 254—270. Здѣсь находится опредѣленіе прелести и мудрости змѣиной и опроверженіе латинскаго ученія *de Trilique*, древности римской церкви, главенствѣ папы и чистилищъ.

Въ 1883 г. С. Т. Голубевъ въ приложеніяхъ къ первому тому своего изслѣдованія о Петрѣ Могилѣ помѣстилъ «*Зачатку мудрою латынника съ глупымъ русиномъ въ диспутацию*» афонскаго инокъ Христофора. «Зачатка» извлечена издательствомъ изъ рукописи кievской духовной академіи. Составлена она въ началѣ XVII столѣтія. Имя автора Христофоръ мы считаемъ псевдонимомъ, подъ которымъ скрывается Іоаннъ Вышенскій. Доказательства находятся въ самой «Зачаткѣ». Предметы сужденія въ посланіяхъ Вышенскаго и въ «Зачаткѣ» сходны, иногда тождественны. То, что въ посланіяхъ изложено особенно усердно и страстно, въ чемъ обнаруживается личное чувство автора, и въ «Зачаткѣ» изложено съ увлеченіемъ, бойко, оживленно. Въ языкѣ «Зачатки» и посланій крайнее сходство; конструкція фразъ, словесные обороты, сложеніе словъ,—все это чрезвычайно сходно; попадаются тождественныя

риторическія фигуры вопроса и отвѣта: «а то чомъ?—для того»... «а то якъ и для чего? для того»... тождественныя фигуры заключенія мысли: «о семь дождѣ», тождественныя эпитеты и характеристики предметовъ: «коварная діалектика, поганскій красномовный Аристотель, мистръ и мудрецъ прелестнаго вѣка сего (дьяволъ), глупая Русь, мудрый латынниче» (въ ироническомъ смыслѣ). Псевдонимъ въ данномъ случаѣ могъ возникнуть или по чувству само-сохраненія или изъ желанія автора выразить однимъ словомъ свою близость къ источнику всякой истины и правды—Христу, вѣроятнѣе, изъ послѣдняго побужденія. Іоаннъ Вышенскій былъ человекъ не робкій. «Не для далекости отъ насъ будучи, писалъ онъ латинупіатамъ, я правду смѣле молву и правдою васъ постигаю, але за правду и умрети изволяю». «Зачанка» — одно изъ самыхъ большихъ посланій Іоанна. Въ книгѣ г. Голубева она занимаетъ стр. 67—108. Достоинства этого памятника—содержательность и сила. По ясности и простотѣ изложенія «Зачанка» немного уступаетъ «Посланіямъ», нужно думать, по той причинѣ, что автору пришлось тутъ вдаться въ богословскія разсужденія болѣе обширныя и сложныя, чѣмъ тѣ разсужденія, которыя находятся въ «Посланіяхъ».

Кромѣ четырехъ «Посланій» и «Зачанки» Іоанну Вышенскому, по свидѣтельству архіепископа Филарета, принадлежать еще: 1) *Наставленіе въ благочестіи старикъ Домникии* и 2) *Изорзище мысленное* (Обзоръ I. 244; ссылка на рукопись Царскаго № 486). Можно думать, что поименованными сочиненіями Іоанна не ограничивается его литературное достояніе. Можно думать, что въ теченіе четырехъ столѣтій нѣкоторыя сочиненія Іоанна Вышенскаго погибли. Такъ, авторъ «Зачанки» въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что онъ послалъ въ южную Русь три цвѣточка: 1) «Древо зовомое разумное, философія не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла; 2) Церковцу, въ которой о учтивости оной короткимъ письмомъ изображено есть и 3) Маленькую пѣсенку церковную». Цвѣточки эти не сохранились до настоящаго времени. Предлагая православнымъ издать «Соборникъ», Іоаннъ писалъ: «дайте намъ гласъ и поможемъ вамъ своимъ трудомъ на тое дѣло»... Какъ предложеніе Іоанна Вышенскаго было принято, и трудился-ли онъ по этому дѣлу—неизвѣстно.

Краткія замѣчанія, въ нѣсколько строкъ, объ Іоаннѣ Вышенскомъ находятся въ I томѣ «Обзора», въ III томѣ «Историческихъ Монографій» Н. И. Костомарова, въ «Исторіи возсоединенія Руси» г. Кулиша, во II томѣ «Изученіе византійской исторіи» Ф. А. Терповскаго, въ концѣ X тома «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, въ «Приложеніяхъ» г. Голубева въ I тому сочиненія о Петрѣ Могилѣ, въ сочиненіи г. Завитневича о «Палинодіи». Большая статья С. Л—ва объ Іоаннѣ Вышенскомъ напечатана была въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1875 г., № 15, 17—21. Мы не могли достать этой статьи. Заимствовавъ два біографическія извѣстія у Терповскаго и г. Голубева, мы все свое изслѣдованіе построили на «Посланіяхъ» и «Зачанкѣ», преимущественно на «Посланіяхъ» Іоанна Вышенскаго.

Іоаннъ родомъ галичанинъ изъ мѣстечка Вышня, землянъ и современникъ Сагайдачнаго. Гдѣ онъ получилъ образованіе, гдѣ постригся въ монашество—вопросы открытые. Документальные памятники не даютъ на нихъ отвѣта. Изъ сочиненій Вышенскаго легко убѣдиться, что онъ свой сильный отъ природы умъ развилъ чтеніемъ сочиненій отцовъ и учителей церкви, въ особенности чтеніемъ книгъ св. писанія. Постриженіе въ монашество и удаленіе на аеонскую гору произошло въ концѣ XVI ст. Дѣлая мимоходомъ замѣчаніе объ одномъ чудѣ, бывшемъ вскорѣ послѣ брестскаго собора, Іоаннъ замѣчаетъ: «самъ на той часъ у нашихъ краевъ нѣсмь былъ». Неизвѣстныя обстоятельства, вѣроятно, недовольство господствовавшими на родинѣ порядками, привели Іоанна на Аеонъ. Отсюда онъ посылалъ южно-русскому царю и магнатамъ суровыя и краснорѣчивыя посланія. Аеонъ былъ какъ нельзя болѣе подходящимъ мѣстомъ жительства для малоросса эмигранта XVII ст. Православный малороссіянинъ-аеонитъ могъ сохранять самыя тѣсныя связи съ православнымъ украинскимъ народомъ, получать вѣрныя свѣдѣнія о событіяхъ въ родномъ краѣ, безпрепятственно изучать греческую и славянскую церковную науку и наносить латино-уніатамъ тяжелые полемическіе удары, не подвергаясь опасности встрѣтить со стороны противниковъ гоненіе или покушеніе на жизнь. Вышенскій, повидимому, превосходно воспользовался благопріятными условіями пребыванія на Аеонѣ. Онъ внимательно слѣдилъ за церковно-общественными движеніями въ южной Руси начала XVII ст. и

своевременно сдѣлалъ нѣсколько весьма важныхъ разъясненій запутавшихся религиозныхъ дѣлъ. Признавая въ Іоаннѣ Вышенскомъ религиозно-политическаго эмигранта, нельзя однако, не замѣтить, что ему не было закрытъ доступъ въ Украину. Сколько-бы враговъ ни было у Іоанна, враговъ по религиознымъ вѣрованіямъ, по политическимъ и социальнымъ принципамъ, никто не могъ лишить его возможности по временамъ являться въ Малороссію и живымъ словомъ, личнымъ вліяніемъ укрѣплять впечатлѣнія, произведенное посланіями. Польско-турецкія границы были очень неопредѣленны, шатки, и никто ихъ не оберегалъ въ смыслѣ воспрепятствованія перехода въ предѣлы польскаго государства лицъ вредныхъ или почитаемыхъ за вредныхъ. Въ южно-русскомъ обществѣ находились люди разнообразныхъ вѣрованій и убѣжденій, люди притомъ настолько сильные и могущественные, что на ихъ покровительство и защиту можно было вполне положиться. Іоаннъ Вышенскій приходилъ съ Аѳона въ Украину, на что имѣется весьма цѣнное указаніе въ житіи Іова Княгиницкаго, составленномъ современникомъ Іоанна Вышенскаго іеромонахомъ Игнатіемъ изъ Любарова. Говоря о томъ, что знаменитый подвижникъ Іовъ Княгиницкій построилъ въ Галиціи скитъ, іеромонахъ Игнатій замѣчаетъ, что «въ той часъ (въ началѣ XVII ст.) отецъ Іоаннъ Вышенскій, другъ его, отъ святыхъ горы пріиде и поживъ съ нимъ нѣколко время». При этомъ іеромонахъ Игнатій отзывается объ Іоаннѣ Вышенскомъ такимъ образомъ: «баше бо и той зѣло любя безсловіе и святъ бѣ мужъ и трудолюбець, яко же и отъ многихъ слышится» (Голуб., прилож. 229). Эта любовь къ иноческому аскетизму не давала Іоанну возможности остаться въ Малороссіи, влекла его на таинственный Востокъ, на Аѳонъ; Іоаннъ Вышенскій, повидимому, не долго пробылъ въ Малороссіи. Онъ снова удалился на Аѳонъ; соборъ кievскій 1621 г. опредѣлялъ: «послать на аѳонскую гору, вызвать и привести преподобныхъ мужей русскихъ, въ томъ числѣ блаженныхъ Кириана и Іоанна, прозваніемъ Вышенскаго, и прочихъ, тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнью и богословіемъ» (Тернов., II, 24). Это соборное постановленіе показываетъ, гдѣ лучшіе южно-русскіе люди 20 годовъ XVII ст. искали духовной поддержки и просвѣщенія, въ чемъ они усматривали источникъ мудрости, куда склонялись ихъ симпатіи. Нужно пожалѣть, что вскорѣ

вторглась въ южно-русскую науку чуждая ей римско-католическая схоластика, мало по малу заглунившая хорошіе всходы національной украинской письменности на греко-славянскихъ началахъ. Быть можетъ, званіе не пришли; быть можетъ, они во вредъ родному краю добровольно похоронили себя въ крайнемъ аскетизмѣ и безмолвіи; быть можетъ, ихъ было недостаточно... А жизнь не ждала; потребность борьбы съ врагами вѣры и народности была слишкомъ велика, и черезъ десять лѣтъ пришлось уже схватиться за кievскую коллегію, какъ за наиболѣе подходящее орудіе религіозной борьбы и самозащиты. Какъ-бы то ни было, историческіе памятники ничего болѣе не говорятъ объ Іоаннѣ Вышенскомъ, и остается неизвѣстнымъ, пошелъ-ли онъ по призыву кievскаго собора на родину и здѣсь кончилъ свои дни, или отказался отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ и скончался на Аѳонѣ въ безмолвіи и неизвѣстности. Можно думать, что Іоаннъ Вышенскій всецѣло ушелъ въ безмолвіе и въ молитву, отказался на старости лѣтъ отъ всего, даже отъ горячо имъ любимой православной Руси. Войти въ сдѣлку съ міромъ онъ не могъ. Онъ былъ черезчуръ строгъ, слишкомъ требователенъ. При сильной любви къ родинѣ, при высокомъ патриотизмѣ, Іоаннъ Вышенскій былъ пессимистъ. Прилагая къ дѣйствительной жизни строгую нравственную мѣрку, онъ открывалъ въ современникахъ всеобщій упадокъ духовной жизни, крайнее развращеніе, и горевалъ, страдалъ за угнетенныхъ, рвалъ въ куски и давилъ своимъ чоботомъ угнетателей, ни мало не смущаясь тѣмъ, что подъ его «невытертымъ черевичищемъ» оказывались папа, король, епископы, свѣтскіе магнаты.

Мрачное, пессимистическое возрѣніе Вышенскаго на южно-русское общество обнаруживается во многихъ мѣстахъ посланій. «Поеретичѣхомъ вси обиталници Малої Россіи, писалъ онъ въ посланіи къ кн. Острожскому, и отъ Бога устранихомся далече къ несправдливости и зло житіе приираши». Въ другомъ мѣстѣ того-же посланія онъ обращается къ малороссіянину съ упрекомъ: «Русине, бывший благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрецъ, съ ляхи живущій нынѣ одѣтивѣлъ еси и раздѣлился». Съ особенной силой Іоаннъ обличаетъ южно-руссковъ въ посланіи своемъ ко всѣмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси и польско-литовскаго королевства: «Отъ главы и до ногъ острунѣли есте, отъ начальникъ, отъ священникъ и до простыхъ онечистѣли есте, осмрадиѣли есте

гноемъ міролюбія; образъ Божій огноили есте; нѣсть мѣста цѣлаго отъ грѣховнаго недуга,—все струпъ, все рана, все пухлина, все гнилство, все огнь пекельный, все болѣзнь, все грѣхъ, все неправда, все лукавство, все хитрость, все коварство, все кознь, все лжа, все мечтаніе, все сѣнь, все пара, все дымъ, все суета, все тщета, все привидѣніе; сущес-же нѣсть ничтоже, нѣсть гдѣ пластра приложить на исцѣленіе нѣкоея части,—все смертоносный грѣхъ, все пекломъ, адомъ и гесною вѣчною смердить».

Обличая южно-руссовъ въ упадкѣ духовной жизни и въ размноженіи грѣховъ, Іоаннъ Вышенскій въ посланіи къ православнымъ жителямъ юго-западной Россіи замѣчаетъ: «Ознаймую вамъ, яко земля, по которой ногами вашими ходите и въ ней-же въ жизнь сію рожденіемъ произведени есте и нынѣ обитаете, на васъ передъ Господомъ Богомъ плачетъ, стогнетъ и вопіетъ, просячи Сотворителя, яко да пошлетъ серпъ смертный, серпъ казни погибельной, яко-же дрвеле на содомляны, и всемірнаго потопу, который-бы васъ погубити и искоренити могъ, изволяючи лучше пуста въ чистотѣ стояти, нежели вашимъ безбожествомъ населена и беззаконными дѣлы осквернена и запустошена». Подобнаго рода сѣтованіе земли на человечество за его грѣхи встрѣчается въ апокрифахъ, откуда оно проникло въ духовные стихи. Нельзя, однако, съ достовѣрностію сказать, имѣлъ-ли Іоаннъ Вышенскій подъ руками извѣстный апокрифъ съ сѣтованіемъ земли, или воспользовался имъ случайно по памяти, вспомнивъ кстаті то, что давнымъ давно было прочитапо, или наконецъ, воспользовался апокрифическимъ сѣтованіемъ земли, какъ общимъ мѣстомъ, странствующимъ благочестивымъ рассказомъ, независимо отъ того апокрифическаго цѣлаго, изъ котораго онъ взять. Извѣстно, что подобнаго рода поэтическія мѣста апокрифовъ превращались въ отдѣльные рассказы и духовные стихи, которые путемъ письменной и устной передачи свободно странствовали въ народѣ, вполне удовлетворяя его набожности и благочестію.

На вопросъ о томъ, какія явленія южно-русской жизни представлялись Іоанну наиболѣе порочными и дурными, отвѣтить легко; это прежде всего и болѣе всего явленія религіозно-нравственной жизни народа и затѣмъ стояція отъ нихъ въ зависимости явленія социальныя. Въ эпоху наибольшаго возбужденія религіозныхъ споровъ, сильнаго проявленія, можно сказать, рѣшительнаго господства

въ народной жизни религіозныхъ вѣроисповѣдныхъ началъ, а такой эпохой было XVII столѣтіе, вниманіе Іоанна Вышенскаго естественно болѣе всего было обращено на поддержку православія и на устраненіе постороннихъ, противныхъ православію вѣроваій народа. Онъ боролся съ остатками язычества, съ ересями и въ особенности съ латинствомъ и уніей.

Такіе глубоко укоренившіеся въ народѣ языческіе праздники, какъ Коляда и Купало, такіа языческія формы жертвоприношенія и славословія, какъ щедривки, волочебныя пѣсни, поминальные пироги вызывали въ Іоаннѣ негодованіе и суровое слово обличенія. Въ посланіи къ князю Острожскому находится любопытный перечень южнорусскихъ праздниковъ и обрядовъ языческаго характера.

«Коляды зъ мѣсть и сель ученіемъ выженѣте; не хочеть бо Христось, да при Его рождествѣ дьявольскія коляды мѣсце мають, але нехай собѣ ихъ въ пропасть свою занесеть.

Щедрій вечеръ изъ мѣсть, изъ сель въ болота заженѣте, нехай зъ дьяволомъ сѣдять, а не съ христіанъ ся ругаетъ.

Волочельное по Воскресеніи, зъ мѣсть и зъ сель выволошни, утопите. Не хочеть бо Христось при своемъ славномъ Воскресеніи того смѣху и руганя дьявольскаго имѣти.

На Георгія мученика праздникъ дьявольскій на поле испедшихъ сатанѣ офѣру танцами и скоками чинити разорѣте; гнѣваетъ бо ся на землю вашу Георгій мученикъ, што не мать христіанина православнаго, которій ругане тое дьявольское очистити и изгнати могъ.

Пироги и яйца надгробныя въ Острожѣ и гдѣ бы ся находило упразднѣте, да ся въ христіанствѣ тотъ квась поганскій не находить.

Купала на Крестителя утопите и огненное скаканіе отсѣчете; гнѣваетъ бо ся Креститель на землю вашу, што ся на день памяти его попускаете дьяволу ругатися вами зъ васъ же ся самихъ.

Петръ и Павелъ молятъ васъ, если хочете отъ нихъ ласку мѣти, да потребите и поपालите колыски и шибеници, на день ихъ чиненыя на Волицю и Подолу, и гдѣ бы ся только тое находити мѣло; мерзко бо имъ на землю съ небеси смотрѣти на тое дьявольское позорище, христіанскимъ людемъ збираючися».

Не мало Іоаннъ Вышенскій заботился о томъ, чтобы малороссіяне не «раздирали церковь мнѣніемъ,... прилагающе отъ своего

умысла что или отънимающе безстудіемъ». Онъ стремился очистить церкви отъ «престей и забобоновъ еретическихъ». Еретическихъ «забобоновъ» въ его время было много въ юго-западной Россіи. Сюда проникло раціоналистическое ученіе Фауста Социна, требовавшее для разума полного простора въ объясненіи священнаго писанія, отвергавшее божественность Іисуса Христа, нѣкоторыя таинства и многіе обряды. Цвѣтущимъ періодомъ социніанства было время отъ 1585 до 1638 г., т. е. какъ разъ то время, когда жилъ Іоаннъ Вышенскій. Социніанскія общины были во многихъ городахъ Литвы и южной Россіи. Гвѣздомъ польско-литовскаго социніанства былъ городъ Раковъ, гдѣ находилась социніанская церковь, школа и типографія. Социніанство распадалось на многіе толки. Въ одномъ посланіи Іоаннъ указываетъ на разнообразіе религіозныхъ вѣроисповѣданій въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. «Овъ бо зовется папешникъ; овъ зась нынѣ зъ евангелія влѣзъ—евангелиста; овъ зась недавно выкрещенный; овъ зась—субботникъ». Вліяніе раціоналистическимъ сектъ въ Малороссіи было настолько сильно, что въ однихъ случаяхъ происходилъ открытый и рѣшительный переходъ въ секту, въ другихъ возникало равнодушное отношеніе къ православію, соблюденіе его внѣшней обрядовой стороны, да и то не всегда. Въ силу религіознаго индифферентизма, или опасенія подвергнуться насмѣшкамъ иновѣрцевъ, православные уклонялись отъ поклоненія иконамъ, въ особенности отъ поклоненія кресту. Іоаннъ находилъ необходимымъ напомнить своимъ соотечественникамъ: «Иконное поклоненіе съ учтивостью почитайте, и въ домѣхъ, идѣже пребываете, образъ Матери Божіа съ предвѣчнымъ ея Младенцемъ на стѣлахъ въ концѣ трапезы вашей пригвоздите. Крестомъ Христовымъ, до церкви пришедши, креститесь,—не соромѣте. Або вѣмъ, нынѣ христіане Малыя Россіи всѣ поеретничѣли, яко Креста Христова, славы своея, на Немъ же намъ спасеніе содѣяся, соромѣются. И не только въ церкви, але и на трапезу сѣдаючи, крестомъ знаменайте. Если-бы и латяпа, и еретикъ быти съ тобою ся прилучили, не соромейтеса рода ради прелюбодѣйнаго жизни сея, да не посрамлены будете на вселенскомъ позорницѣ, ибо нашея вѣры таинства весь міръ виѣстити не можетъ; ишиіе же вѣры всѣ суть прелести».

Если вліяніе иновѣрцевъ на православныхъ было такъ велико, что послѣдніе стѣснялись при постороннихъ, въ присутствіи ерети-

ковъ, поклоняться иконамъ и кресту, то тѣмъ болѣе они должны были стѣсняться въ присутствіи иновѣрцевъ входить въ общеніе съ неприглядными православными монахами. «Иноческаго чину не поругивайте...; благочестіе стратили и съ иноческаго чина ся смѣте, и духомъ провлятаго дьявола хулите», обращается Іоаннъ къ православнымъ. Такимъ образомъ оказывается, что православные монахи не пользовались въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. уваженіемъ, что надъ ними смѣялись одновѣрцы, отчасти, должно быть, подъ вліяніемъ иновѣрцевъ. Со стороны откормленныхъ, выхоленныхъ, иногда даже элегантныхъ и образованныхъ латино-уніатовъ, вѣроятно, сыпался градъ насмѣшекъ и колкостей на неприглядныхъ и темныхъ православныхъ монаховъ. Къ такому предположенію приводятъ посланія Іоанна Вышенскаго. Самыя страстныя и горячія выраженія употреблены имъ въ защиту православныхъ монаховъ отъ взводимыхъ на нихъ латино-уніатами обвиненій въ грубости, пьянствѣ и невѣжествѣ. Защита православнаго иночества составляетъ весьма характерную часть своеобразныхъ сочиненій Іоанна Вышенскаго, характерную по содержанію и формѣ, по обрисовкѣ личности автора и всего общества.—«Чому ся ты, рымлявине, смѣбели зъ духовнаго иноческаго чина? спрашиваетъ Іоаннъ Вышенскій, и предугадываетъ далѣе отвѣтъ католика: «Ты же мя, вѣдаю, отповѣси: для того ся смѣю, ижъ калтуръ или страшило на головѣ носитъ,—што мы зовемо клобукъ,—и зась смѣюся, ижъ волосе долгое носить и не подголився, и зась простое одѣне носить, што небыталтовне, яко въ мѣхъ, оболосся, и зась поясице нѣкчемное скужаное или ременное, черевичище—не машь на што поглядѣти, или чоботица левытертѣи, ажъ гадится поглядѣвши на нихъ; а до того—хлопъ простой, не знаетъ и проговорити съ чоловікомъ, коли его што запытаешъ». Этимъ, однако, не ограничивались неприглядныя стороны православнаго монашества. Іоаннъ Вышенскій, какъ человѣкъ искренній, прямой, не скрываетъ, что были и другія обвиненія, болѣе существенныя: «Але гась речеши, яко зло житіе мають иноки, по корчмахъ ходять и ушнваются, и по господахъ обѣды чинять, и пріятельство собѣ зъ мірскими еднають, и до того гроши збирають и на лихву дають». Во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, несомнѣнно, было много правды. Іоаннъ Вышенскій, какъ человѣкъ добросовѣстный, искренній, не могъ не признать извѣстной доли основа-

тельности упрековъ православнаго монашества въ пьянствѣ и крестолюбіи. «Не все бо ишеница въ поствѣванію ся находить, говорить онъ по этому поводу, але знайдешь другую ниву, которая больше куколю, нежели пшеницы народить. Также и межи иноки въ доствѣванію на звѣтяжество того чрева мало ихъ есть». Опроверженія латино-уніатскихъ нападковъ на православнаго монашества, приводимыя малороссомъ-аеонитомъ, съ логической стороны мало убѣдительны, но всѣ они въ высшей степени своеобразны и характерны, горячи и сильны. Защита Іоанна Вышенскаго распадается на двѣ части, на защиту внѣшнихъ сторонъ монашества,—иноческой одежды и на защиту моральной стороны современныхъ ему православныхъ монаховъ. Сначала Іоаннъ объясняетъ и оправдываетъ внѣшнюю неприглядность монашескаго клобука, пояса, сапогъ. Клобукъ, съ хвостомъ назади—страшило для бѣсовъ и знакъ презрѣнія къ міру и земной красотѣ. Длинные, не знающіе гребенки, волоса на головѣ—средство «женскую плоть въ огиду и мерзость на себя воздвигнуть», чтобы женщины при взглядѣ на косматаго и неумытаго монаха мыслью похотно не блудили, а «отъ мерзяки некраснаго образа помысломъ скоро отскочили и не согрѣшили». Ременный поясъ убиваетъ «подъ ремнемъ тѣлесныя кожи внутрь крыющіяся страсти, похоти и всякія прагненія грѣхолобивыя, придавляючи волю кожею и мощно стягивая черево». Нехорошую обувь монахъ для того носить, чтобы «безпечно на змію наступить и василиску голову сокрушить... Черевичище невытертое иноково якъ стало на одномъ мѣстѣ отъ вечера предъ Богомъ на молитву, тогда, яко камень неподвижный, доволь ажъ день освѣтитъ, стоитъ и бѣсы отъ той коморки, гдѣ ся молить, далеко отгоняетъ». Что касается до опроверженія нравственныхъ недостатковъ монашества, крестолюбія, пьянства и невѣжества, то первое Іоаннъ признаетъ и не оправдываетъ, второе признаетъ и оправдываетъ, а третье рѣшительно не признаетъ. Тѣхъ монаховъ, которые собираютъ деньги и отдають ихъ въ ростъ, онъ называетъ худой на иноческое имя, Іудами и хриstopродавцами. Наклонность къ выпивкѣ и излившеству въ бдѣ Іоаннъ называетъ «грошовымъ» грѣхомъ и замѣчаетъ при этомъ: «трафится ему (т. е. православному иноку) отъ того чрева и отъ того горла звѣтяжится, тому не мало не чудуйся, и я тому вѣрую, што трафляется и то въ вашей землѣ иноку, ижъ часомъ

и переночуетъ въ корчмѣ». Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ въ оправданіе допускаемой монахами случайной выпивки говоритъ: «Тому неборакови въ мѣсяць разъ трафится папитися, и то безъ браку, що знайдеть, горькое-ли, или квасное, пиво albo медъ, то е глосеть, только-бы тую поганку утробу насытити могль, а по насыченію зась теритъ, въ келію влѣзши, докола ся ему другій такий празникъ трафупкомъ намѣритъ (т. е. случится)... А онъ зась, отшедши зъ корчмы въ свою келію, тотъ кусъ смачный и кувель оплакавъ и отжаловавъ и прощеніе отъ Бога пріялъ». Что касается обвиненія православнаго монашества въ невѣжествѣ, то Іоаннъ Вышенскій не отвергалъ, что южно-русскіе монахи малоознаючи; опъ настаивалъ лишь на томъ, что ихъ малое знаніе есть дѣйствительное и богоугодное знаніе, а латино-уніатская мудрость—прелестъ міра сего. «Тое признаваю, што еси рекль, яко не умѣеть инокъ зъ двораны, смѣхотворци, курцыяны шкурты и блязны (шутки) говоритя, а то для того, ижъ онъ тые бесѣды и прожнѣмовства умориль, убиль и память тую мірскихъ справъ завамятанемъ погресъ, и въ простоту отъ мірскихъ хитростей ся переселилъ, только да съ Богомъ и къ Богу мыслію и памятью будетъ... А што-жъ инокъ не умѣеть бесѣдовати съ тобою: albo его пытаени о борбѣ духу съ тѣломъ, albo его пытаени о дьявольскихъ прилогахъ, albo его пытаени о скорбѣхъ внутреннихъ, albo его пытаени о томъ, въ чомъ животь вѣчный крѣтеться?.. Чѣмъ же ся ты ругаешь съ инока, ижъ съ тобою не умѣеть бесѣдовати? Albo мнимаешь, ижъ ты чого пожиточного въ замгузѣ научиль? albo мнимаешь, ижъ ты што цютливого у курвы слышалъ? albo мнимаешь, ижъ ты што богобойнаго отъ шипкарки навькъ? albo мнимаешь, ижъ ты што разсуднаго отъ дудки и скрипки и фрюлярника (польск. frujer—волоконта) разобравъ? albo мнимаешь, ижъ ты отъ трубача, сурмача, пицальника, шамайника, оргависты, регалисты, инструментисты и бубенисты што о дусѣ и духовныхъ рѣчахъ коли слышалъ? albo мнимаешь, ижъ ты отъ всѣхъ пастыревъ, мысливцовъ (охотниковъ) или возовозовъ, возницъ или скачомудрець, вухаровъ или пирогахитрцовъ-пекаровъ што о богомыслии навькъ? Чѣмъ ся ругаешь, брате дворянине, зъ инока, ижъ не умѣеть съ тобою говорити? А што-жъ ты маешь за скорбъ разуму, да инокъ зъ тобою говоритъ? А што-жъ за пожитокъ говорки или бесѣды инокови съ тобою? А

чѣго-жъ ся инокъ отъ тебе научить?... Зась оборачиваюся къ тобѣ, ругателеви иноческаго чина и чудуюся тому твоему несносному осѣдлаю тымъ тяжкимъ и бремениноснымъ сѣдломъ глупства? Чому ся смієшь зъ инока, ижъ онъ не умѣеть съ тобою говорити и трактovati, якъ пустое коло мыльное, крутячи и выворочаючи безпожиточный тотъ языкъ? А што-жъ ты здороваго знаєшь да говоришь?» Глубокимъ презрѣніемъ и страшнымъ негодованіемъ дышуть въ одномъ мѣстѣ опроверженія латино-уніатскихъ обличителей и поругателей малорусскаго народа, въ особенности его скромнаго и приниженаго духовенства. «Подвигъ и борьба есть жизнь тая (т. е. монашеская), которой ты не знаєшь; бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластоѣдъ, маслоѣдъ, пироѣдъ; еще еси периносналь, мягкоспаль, подушковспаль; еще еси тѣлу угодникъ; еще еси тѣлолюбителъ; еще еси кровопрагнителъ; еще еси перцолубецъ, шафранолубецъ, имберолубецъ, иввоздяколюбецъ, ѡминолюбецъ, цукролюбецъ и другихъ брѣдень горько и сладколюбецъ; еще еси конфектолюбецъ; еще еси чревоѡсникъ; еще еси гортановстекъ; еще еси гортаногрателъ, еще еси гортаномудрецъ; еще еси дѣтина, еще еси младенецъ; еще еси мископій. Якъ же ты хочєшь бѣду военника, буючогося и борючогося, у цици матерной у дома сидячи, розознати, розсудити?... Я вась упевняю и тую тайну вамъ открываю: если-бы тые каптуреници межѣ вами не были, уже бо есте давно погибли,... яко слина исчезаете и запусѣете».

«Терпятъ Богъ латину — тое тасмницы не знаєшь? спрашиваетъ далѣ Вышенскій и затѣмъ продолжаетъ: «але Руси (т. е. уніатовъ) не тернить, але змѣнниковъ русскихъ некорепяетъ!» Разъ Господь тернить латину,—Вышенскій, можно думать, и не трогальбы ее, не вступаль-бы съ нею въ борьбу, если-бы сама латина не вступала грубо завоевательнымъ образомъ. Латина внесла въ южную Русь раздоръ, кары, убійства, братоненавистничество. Латина разрывала южную Русь на части. Всѣ дурныя стороны человѣческой природы были взбудоражены и подняты латиной для того, чтобы бросить малороссіянъ подъ туфлю римскаго папы: корыстолюбіе, лицемѣріе, обманъ, ложь, клятвопреступничество, грубое насиліе, тѣлесное наказаніе, убійство. Возбуждали и усиливали корыстолюбіе

православныхъ іерарховъ, чтобы обѣщаніемъ папскихъ и королевскихъ наградъ привести ихъ къ униі; поддѣлывали богослужебныя книги и юридическіе акты, чтобы дать церковной униі каноническія и археологическія основанія; упорнымъ противникамъ подносили отраву, или бросали ихъ въ тюрьму, или подсылали подкупнаго убійцу. Всѣ мѣры, направленные къ духовному поработенію южной Россіи, получали въ Римѣ религиозную санкцію, въ Варшавѣ административное одобреніе, и мерзвѣйшія проявленія угнетенія, насилія, рабства, холоинства совершались на законномъ основаніи in majorem gloriam римскаго папы. Іоаннъ Вышенскій въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры перечисляетъ главныя проявленія воздвигнутыхъ католиками на православныхъ малоруссовъ гоненій: «сице нынѣ латина христіанамъ православнымъ творить, отновляюще прежде бывшее идолопоклонство и гоненіе, глаголюще: поклонися папѣ, прійми его календарь новоутворенный, на насъ истины ничтоже не маголи... Аще-же не хотите, то имѣте ихъ и мучите досадами и бѣдами. Вы, войтове, бурмистрове, ландвойтове, власть мірская градская и повсюду, не дадѣте Руси ни едино пространство въ жизни ихъ, въ судехъ по Руси не поборайте, паче-же и кривдите, въ сусѣдствѣ любви не показывайте, ниже съ ними ся общѣте, паче-же ихъ ненавидите, въ купляхъ, торгахъ, ремеслахъ русинъ съ папешникомъ воляности единой да не имать; въ цехахъ ремесницкихъ русину быти не достоинъ, доколѣ ся не попадежить; на власти войтовства и бурмистровства и прочихъ строительствъ отъ русскаго народа да ся не поставляютъ, доволѣ ся у папежа не увѣруютъ. Аще-же симъ Руси не досадите и папѣ идолопоклонитися не хочутъ, набоженство ихъ разорѣте, на праздники стараго календаря зовити не дадѣте, новый-же святити и праздновати съ силою понудѣте; аще-же и еше не послушаютъ, сакраментъ Христовъ обезчѣстете, на землю пролейте и ногами попрѣте и потопчѣте, церкви запечатайте и отъ всѣхъ странъ бѣдно творѣте и досаждайте, да поне сими бѣдами и досадами повинуются и поклонятся папѣ и костелеви римскому; аще-же и сими досадами имъ не одолѣете, въ темницахъ затворяйте и безъ вины вины на нихъ налагайте, бійте, безчестите и убійте во имя найсвятѣйшаго папы».

Но долгу чести, по чувству справедливости, по любви къ родному краю Іоаннъ Вышенскій не могъ остаться равнодушнымъ или

модчаливымъ зрителемъ южно-русскихъ религіозно-общественныхъ нестроений и латино-уніатскихъ козней. Онъ сталъ въ ряды мало-численныхъ защитниковъ православнаго южно-русскаго народа противъ нападеній могущественной и безцеремонной въ выборѣ средствъ «латины». Іоаннъ Вышенскій является однимъ изъ самыхъ раннихъ православныхъ религіозныхъ полемистовъ въ южной Россіи XVI—XVII столѣтій. Его религіозно-полемическая дѣятельность была отчасти опредѣлена предшествовавшими религіозно-церковными полемистами, преимущественно острожскимъ священникомъ Василиемъ, авторомъ небольшого противо-латинскаго сочиненія, вышедшаго въ 1588 г. «Хотѣхомъ, говоритъ Іоаннъ Вышенскій въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры, о таинственной вечерѣ, календарѣ и прочихъ премѣненіяхъ ихъ латинскихъ (отъ истины въ ложь и прелесть) обличительно писати; но занеже видѣхомъ, яко о всемъ томъ довольно Василій отъ божественнаго писанія написа, сего ради оставихомъ о семъ писати. Сіе Василіево писаніе испытахомъ извѣстно и увидѣхомъ, яко не отъ своей фантазіи новозобрѣтеннаго помысла, но отъ божественнаго писанія писа, яже написа». Содержаніе сочиненія Василія острожскаго распадается на шесть частей: 1) о единой, истинной, православной вѣрѣ; 2) о исхожденіи св. Духа; 3) о первенствѣ римскомъ; 4) объ опрѣсноклахъ; 5) о перемѣнѣ въ празднованіи Пасхи, или о календарѣ и 6) о храмахъ и почитаніи иконъ (Филар., Обзоръ I, 237). Полемикой противъ римской церкви Іоаннъ Вышенскій занимается въ одномъ посланіи и въ «Зачапкѣ». Въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры Іоаннъ Вышенскій сначала останавливается на опредѣленіи того, что такое прелесть и змѣнная мудрость, потомъ болѣе или менѣе подробно касается слѣдующихъ вопросовъ: 1) объ исхожденіи св. Духа, 2) о церкви старшей и начальнѣйшей, 3) о начальствѣ римскихъ папъ; 4) о послѣдн быти хотящихъ плодѣхъ латинскихъ (перемѣна праздниковъ, крестнаго знаменія и др.) и 5) о чистилищѣ. Въ «Зачапкѣ» находится опроверженіе двухъ мнѣній Скарги: 1) «Греки словенскому языку своей не повѣдали» и 2) «Счастливыи есть костелъ латинскій, ижъ всюды, по всѣхъ сторонахъ своего послушенства науки и школы фундовалъ».

Опроверженія латино уніатскихъ мнѣній въ сочиненіяхъ Іоанна Вышенскаго не представляютъ глубокаго и разносторонняго разбора

разностей между восточною и западною церквями; они не блестящи съ вѣшной, формальной стороны, со стороны фактической аргументаціи¹⁾; при всемъ томъ они убѣдительно, потому что просто и ясно изложены и при этомъ выдвинуты немногія, характерныя доказательства, легко укладывающіяся въ память; по самое главное то, что они проникнуты необыкновенной нравственной силой и искренностью. Іоаннъ Вышенскій писалъ,—употребляемъ выраженіе Бѣрце,—кровью своего сердца (*mit dem Blute des Herzens und dem Safte der Nerven*), и потому все имъ написанное такъ сильно, горячо и, растворенное безкорыстной любовью къ родинѣ, такъ неотразимо и убѣдительно.

Въ началѣ посланія къ князю Василію Острожскому Іоаннъ Вышенскій выдвигаетъ сильное обвиненіе латино-уніатовъ въ гордости. Гордость, какъ извѣстно, выдающійся порокъ латинства, естественно вытекающій изъ властолюбія Рима. «Римъ всегда хотѣлъ властвовать», говоритъ Г. Гейне. «Когда легіоны пали, онъ послалъ въ провинцію догматы. Какъ гигантскій паукъ, гнѣздилися Римъ въ центрѣ міра и заволокъ его безконечною сѣтью». Превосходно очерчена римско-католическая гордость въ романѣ Ф. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы», въ главѣ «Великій инквизиторъ». Спаситель пожелалъ появиться на время къ угнетенному всякаго рода бѣдствіями народу и спустился на землю въ Испаніи, въ Севильѣ, въ самое страшное время инквизиціи. Народъ непобѣдимой силой стремится къ Нему, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди ихъ съ тихою улыбкою безопечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ; лучи свѣта, просвѣщенія и силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, исцѣляетъ отъ недуговъ. Въ это самое время проходитъ по площади самъ кардиналъ великій инквизиторъ. Онъ сразу понялъ, что передъ нимъ Спаситель и приказалъ стражамъ взять Его и отвести въ тюрьму. Толпа перемѣнчива и робка. Она преклоняется

¹⁾ Ученіе о Пиліоке отвергается, какъ не подтверждаемое евангеліемъ мечтательное толкованіе; ученіе о первенствѣ римской церкви по времени возникновенія опровергается указаніемъ на возникновеніе христіанства и церкви Христовой въ Іерусалимѣ и т. д.

передъ великимъ инквизиторомъ, и Спасителя безпрепятственно отводить въ тюрьму. Здѣсь къ Нему является самъ великій инквизиторъ и говоритъ Спасителю, что пришествіе Его излишне и неумѣстно. Весь смыслъ суровой рѣчи инквизитора сводится къ тому: «все, дескать, передано Тобою папѣ, и все стало быть теперь у папы, а Ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мѣшай до времени по крайней мѣрѣ». «Я применилъ къ сонму тѣхъ, которые исправили подвигъ Твой», говоритъ великій инквизиторъ и грозитъ Спасителю костромъ. Латинское высокомѣріе, римско-католическая гордость всегда выступали ярко; въ особенности-же эти тяжелыя свойства латинства обнаруживались въ періоды гоненій за вѣру, между прочимъ, въ періодъ разыгравшейся и разбушевавшейся латинской пропаганды въ южной Россіи въ XVII столѣтіи. Здѣсь латинское высокомѣріе тѣмъ болѣе подняло свою голову, что опиралось на внѣшнее, такъ сказать, количественное, но тѣмъ не менѣе блестящее превосходство польской цивилизаціи надъ цивилизаціей южно-русской, имѣло на своей сторонѣ и въ свою пользу польско-іезуитскія коллегіи, широковѣщательныя казанья, историческую и богословскую литературу. Южно-руссамъ конца XVI и начала XVII столѣтія пришлось испытать на себѣ всю тяжесть латинскаго высокомѣрія, гордости и властолюбія, и потому такъ умѣстнымъ представляется суровое и правдивое обличеніе Іоанна Вышенскаго. «Въ той . . . книжкѣ (т. е. католической «Оборонѣ брестскаго собора») нашолъ есми аму глубокую, говоритъ Іоаннъ Вышенскій, аму, которая адовыхъ послѣднихъ концовъ досягаетъ, тая яма, которую духозрители пропастію вѣчною называютъ, тотъ ровъ знашолъ есми, который изривилъ его, самъ его си вмѣтаетъ, тую глубину знашолъ есми, съ которіи погрязнувшій николиже вернуться не можетъ. Которій-же то мененый ровъ, яма, глубина, пропасть? То есть превозлѣтающая мнимаемъ выше всѣхъ, зниходящая-же ся искусомъ ниже всѣхъ гордость, тая гордость, въ которой препочиваетъ вѣка сего таинство, тая гордость, которая высокое чинить сердце, о которой рече Премудрый, яко есть передъ Господомъ нечиста, тая гордость, которая истекаетъ отъ высокаго сердца и изрыгается нагло гвалтовнымъ языкомъ наявно; тая гордость, которая отъ преископненія сердечнаго вытискается въ широко-нечистые уста егвалтомъ и языкояднымъ гласомъ ураняетъ слышащихъ. И

что много мовити? Въ томъ гласѣ видѣлемъ явнаго фарисея»... Въ другомъ мѣстѣ посланія Іоаннъ Вышенскій даетъ краткую, но довольно выразительную характеристику того, въ чемъ преимущественно проявлялась въ его время латинская гордость: «тое возношеніе есть, который самага себя быти лѣбшимъ, зацѣвѣшимъ и мудрѣйшимъ отъ другихъ разумѣть и наивно тое розумѣніе о себѣ гласомъ изъявляеть». Какъ ни темень языкъ приведенныхъ мѣствъ, въ нихъ нельзя не видѣть, что основой латинско-польскаго высокоумѣрія во время Іоанна Вышенскаго были старожитность или древность рода и построенная на польско-латинскихъ началахъ образованность; это такъ сказать два красугольные камня польско-латинскаго высокоумѣрія. Послѣ этого понятно, почему Іоаннъ Вышенскій пускаеть сильные веруны своего краспорѣчія противъ паповъ и настойчиво приравниваетъ ихъ въ религіозно-правственномъ отношеніи къ хлопамъ; понятна и его ненависть къ Аристотелю, какъ схоластической основѣ латинскихъ коллегій.

Въ одномъ мѣстѣ Іоаннъ Вышенскій затрогиваетъ короля-инновѣрца. Предлагая православнымъ выбирать достойное лицо въ списка и просить короля о его утвержденіи, нашъ полемистъ далѣе замѣчаетъ: «котораго (т. е. духовнаго пастыря) если не схочеть вамъ подати и не послушаетъ васъ, узрите его (т. е. короля) скоро оглохнувшя и онѣмѣвшя; зане поставленъ судъ правый судити, а не своей вѣры прелести фалжговати» (содѣйствовать). Такой тонъ рѣчи относительно высшей предержанной власти въ Польшѣ, короля, къ которому малороссіянс всегда, даже въ половинѣ XVII ст., при возстаніи Хмельницкаго, относились весьма почтительно и искали въ немъ защиты, заранѣе показывасть, въ какомъ духѣ будетъ говорить Іоаннъ Вышенскій о тѣхъ «королевятахъ» — свѣтскихъ и духовныхъ магнатахъ, которые превратили Рѣчь-Посполитую въ панскій рай и мужицкій адъ, причемъ обрѣзали власть короля, такъ что отъ этой власти остались одни жалкіе обрывки. Отзывы Іоанна Вышенскаго о польской аристократіи, свѣтской и духовной, жестки, суровы, часто проникнуты язвительной насмѣшкой. «Постраждуть власти мірскія, — они-же талантъ добръ, отъ Бога имъ данный, въ своихъ похотяхъ и сластахъ гноятѣлеснаго погрѣбають, о размноженіи-же хвалы Божіей ничтоже

не дбають... Постраждуть и власти разумомъ владѣющія духовно, занеже за спасеніе душъ небрегутъ».

«Князья (польскіе) закону Божию не покарются, общиницы датеми, любяще мзду, гоняще за посулами, сиротамъ не судяще и суду вдовиць не внемлюще». Русскіе паны не далеко ушли отъ пановъ польскихъ: «на пановъ-же вашихъ русскаго рода не надѣйтесь, говоритъ Іоаннъ Вышенскій; въ нихъ-же нѣсть спасенія! всѣ бо живаго Бога и вѣры въ Него отступили, прелести-же еретической, любви духа тщеславнаго, жизнелюбію и лихоимству ся поклонили». Мало того: «нынѣ межн ляхи князья русскіе всѣ поеретичѣли и христіанства, истинной вѣры отступили, прическій чинъ ругаютъ, лгутъ, клеветуютъ»... Въ подтвержденіе своихъ словъ Іоаннъ Вышенскій указываетъ на князей Слуцкихъ, которые «въ панежа хитраго увѣрили, простоту русскую отбѣгли, и потому домъ ихъ сталъ пустъ»... Главные недостатки польско-русскаго панства—высокомѣріе, неправосудіе и въ особенности сластолюбіе и роскошь. «Панове надъ Бога богами вышними надъ своими подручными подданными ся почиши и надъ Творца, равнымъ зданіемъ образа своего всѣхъ почтившаго, судомъ беззаконнымъ вознеслися». «Некрещенные турки честиѣише суть предъ Богомъ въ судѣ и правдѣ какой-такой, нежели крещенные ляхи». Паны «въ златоглавыхъ подушкахъ и китайчаныхъ пелюхахъ родятся». «Чрево ихъ сластолюбивое, поправы богато утворенные, трапеза сребро-полмисная». Роскошь ихъ обнаруживается «во многихъ мисахъ, полмискахъ, приставкахъ черныхъ и сѣрыхъ, червонныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ скляницахъ и келишкахъ, и винахъ-мушкателяхъ, малвазяхъ, аляконтахъ, ревулахъ, пивахъ розмантыхъ, въ барылахъ съ медами, барылкахъ съ винами, шкатулахъ съ фляпами, наполненными виномъ, горѣлкою горко-дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ (коняхъ): валахахъ, дрыгантахъ, ступакахъ, едпоходникахъ,—колыскахъ, лектыкахъ, брожахъ, карытахъ (экипажахъ), въ обитіи слугъ». Франтовство и щегольство панское выражалось въ низкомъ стриженіи волосъ: «обычай бо есть мірскимъ на облупленную голову подголенца выструганаго, мыломъ вышарованнаго и вымаклеваннаго пыльно смотрѣти и мыслью похотною блудити». На голову надѣвали красивую шапку и ея вичились, «косычку или перце задявши», «перекривляючи макгерку то на той, то на сей бокъ,

шію напяливши, яко индійскій куръ»; разными одеждами себя украшали, имѣя ненасытную любовь «къ прелести шмата того, златоглаву или ядамашку, шкарлату и иныхъ суковъ». Тутъ упоминается и «златоглавая дѣля» и «алтебасовый копенякъ», продающіе въ адъ. Одной изъ забавъ польскихъ и русскихъ павовъ были «хорты, выжлы сытые и другіе кундысы (т. е. псы), а заботой— дабы «имъ боки полны, хребты ровны и гладки были». Любопытнымъ представляется еще слѣдующее обвиненіе павовъ въ сдачѣхъ ливковъ евреймъ: «ты всегда въ корчмѣ живени и самъ ливкаремъ еси корчмы запроеаеши, людскія сумнѣня ошоваеши скупостью корчемнаго торгу, съ Афраимами жидовскими людское чрево оцѣневаеши, и тое поганство видѣти не хочени, и очи, суда себе не видѣти, зажмурилъ еси».

Римско-католическое и уніатское духовенство въ погонѣ за благами міра сего не отставало отъ людей свѣтскихъ. «Днесъ бо въ людской землѣ, гонорить Іоаннъ Вышенскій, священники всеѣ, якоже древле нѣкогда Елизаветины жерцы, черевомъ, а не духомъ офѣрюють». Высшее латино-уніатское духовенство, какъ извѣстно, комплектовалось изъ людей зватныхъ, «уроженныхъ», причеми переходъ съ одной іерархической ступени на другую, высшую совершался очень быстро. «Не днесъ-ли каштеляне, говоритъ Вышенскій, дворяне, жолнѣры, воины, кровопролїицы, купцы, медвѣдники, а утро понами, а поутру бискупами, а по утру утрешнемъ арцибискупами починилися есте». Такое быстрое повышеніе обусловливалось или милостью короля, или, что гораздо чаще и обыиѣе было, являлось слѣдствіемъ подкуповъ. «Вамъ помогли (въ достиженіи іерархическаго сана), продолжаетъ Вышенскій, «румянцы (червоные, золотые) съ бѣлыми великими талары, полталарками, орты, четвертаки и потройники. А то якъ? Ото такъ, что славнѣйшимъ секретарямъ и рефендарямъ, похлѣбцамъ и тайнымъ лгарямъ его королевской милости, абы ся причинили и свѣдчили, якъ годный человекъ на панствованя бискупскихъ доходовъ и пожитковъ и своевольнаго и шпетечнаго мешьява на тыхъ имѣніяхъ и селахъ, бискупству належачихъ, за которую причину тому, особѣ завивши въ папирецъ сто, или якъ ся трафить, чирвоныхъ золотыхъ въ руку тыць, другому зась тыхъ-же шафранцовъ очелюбныхъ, завивши также, въ руку тыць; отправивши-же румяно-

любцовъ, потомъ ступимо до панеславнѣйшихъ особъ, тымъ зась ворочки (т. е. мѣшочки) понаполнявши овымъ великихъ бѣлыхъ таларовъ, овымъ зась полталарковъ, овымъ ортовъ и четвертаковъ, тому въ руку тыць, овому тыць и сему тыць, а писаредрачи южъ не бракують, и потройники съ грошами берутъ и деруть». Захлатьивъ такимъ способомъ духовную должность и связаннныя съ нею маестности, пастыри занимались только тѣмъ, что пили молоко овецъ и снимали съ нихъ волну, «алчными и жаждными чивили бѣдныхъ подданнхъ». Обращаясь къ латино-уніатскимъ владыкамъ, Іоаннъ Вышенскій говоритъ: «зъ сихъ, на сироты церковныя и превормленію ихъ отъ благочестивыхъ христіанъ наданныхъ, луните и съ гумна стоги и абороги (рогатый скотъ) волочите; сами и съ своими слуговинами прекормлюетесь, оныхъ трудъ и потъ кровавый, лежачи и сидячи, смѣючися и граючи, пожираете, горѣлки припущаные курите, пиво тройкое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете; сами и съ гостями своими пресыщаете, а сироты церковныя алчуть и жаждуть, а подданнныя бѣдныя въ своей неволѣ рочного обходу удовлетѣти не могутъ, съ дѣтьми ся стискають (горюють), оброку собѣ уймають, боячися, да имъ хлѣба до приплаго урожая дотягнеть!»... «Нынѣ владыкове проклѣтіи фольварки собѣ почивили зъ общихъ монастырей и мысливства (охотничьи своры) прекормлюють въ нихъ; съ тыхъ доходовъ, на богомольцы наданныхъ, дѣвкамъ своимъ вино (*вино*, приданое) готують, сыны одѣвають, жоны украшаютъ, слуги уможають, барвы (родъ ливрей) справують, пріятелей обогащаютъ, кариты зиждуть, возники сытныя и единообразныя спрягають». Страстью къ роскоши и корыстолюбіемъ высшаго духовенства Іоаннъ Вышенскій объясняетъ его переходъ въ унію. Переходомъ въ унію оно рассчитывало «прагнене непасычное утолить» относительно наполненія сундуковъ и удовлетворенія разныхъ похотей. Понятно, что о соблюденіи церковныхъ уставовъ и о правильности церковной службы духовные іерархи мало заботились. Словесныхъ пастырей можно было узнать только «по брюху и самолюбію»,—говоритъ Іоаннъ Вышенскій. Не ограничиваясь обвиненіемъ латино-уніатскаго духовенства въ цѣломъ его составѣ, онъ дѣлаетъ нѣсколько упрековъ въ сластолюбіи и роскоши Рагозѣ, Терлецкому, Потѣю и другимъ высшимъ іерархамъ русскимъ, перешедшимъ въ унію, причемъ упоминаеть объ убійствѣ Филиппа малаяра Терлецкимъ.

Іоаннъ Вышенскій возмущался тѣмъ, что свѣтскіе и духовные магнаты, при всей своей глубокой испорченности, свысока, презрительно и жестоко относились къ горожанамъ и крестьянамъ, жили всецѣло на ихъ счетъ и ихъ-же третировали en capaille, возмущался тѣмъ болѣе, что горожане и крестьяне составляли самый здоровый и правдиво-чистый слой населенія. Онъ возмущался тѣмъ, что лучшіе южно-русскіе люди-братчики иначе не слыли у епископовъ, какъ сапожники, кожевники, хлопцы. **Я**къ-же вы духовными, але и вѣрными зватися можете, коли брата своего, въ единой купели крещенія вѣроу и отъ единой матери благодати ровно съ собой породившагося, подлѣйшимъ отъ себѣ чините, уничижаете и ни за что быти вмѣяете, хлопаєте, кожемякаете, сѣдельникаете, шевцами на поруганіе прозываете... Пытаю тебя, ругателя имени, чимъ ты лѣпшій отъ хлопа; албо ты не хлопъ такой-же, скажи ми; албо ты не таяжъ матерія, глина и персть, ознайми ми; албо ты не тое тѣло и кровь; албо ты не таяжъ желчь хравотины, слина и тлѣніе; или ачей ты отъ камня утесанъ и не маешь кпщокъ и слюзу холопскаго; ознайми ми... А егда показати не можешь, яко ты каменный, костяной или наветь и золотый, только такой-же гвой, и тѣло, и кровь, яко и всякъ человекъ, чимъ-же ты ся лѣпшимъ показати можеша надъ хлопомъ? Явно, явно ничимъ другимъ, только хулоу и величаніемъ гордости предъ человекъ, а предъ всеядящимъ окомъ окаяннѣйшій и всѣхъ тварей безчестнѣйшій еси». Іоаннъ Вышенскій съ любовью останавливается на южно-русскихъ крестьянахъ и горожанахъ. **В**аша милости, обращается онъ къ униатскимъ владыкамъ, обнажаете изъ обороу кони, волы, овцы у бѣдныхъ подданныхъ, волочите дани пѣнажныя, дани пота и труда отъ нихъ вытягаете и овихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комыгъ и шкутъ (рѣчныхъ суденъ) безвременно зимоу и лѣтомъ въ непогодное время гоните... бѣдные подданные день и ночь на васъ трудять и мучать,—которыхъ кровь, силъ и працы, и подвига выссавши, и нагихъ въ оборѣ и коморѣ уничижиши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утрофинами и паразіями одѣваете, да красногладствоу тыхъ слуговицъ око накормите; а тые бѣдници подданные и простой сермяжки доброй, чимъ-бы наготу покрыти могли, не мають. Зѣ ихъ пота мѣшки, полны грошми золотыми, талармы, полталарки, орты, четвертаки и потройники, папихаете, сумы до-

кладаете, а тые бѣдници шеляга, за что соли купити, не мають!» Іоаннъ Вышенскій съ особенной силой и очевиднымъ сочувствіемъ говоритъ о простой жизни горожанъ и крестьянъ, о хлопакъ, которые «изъ одной мысочки борщикъ хлебчуть, бицькимъ або муравскимъ кгермачкомъ (т. е. свитой) покрываются и сами себѣ панове и слуги суть». Понятно, что Іоаннъ вполне одобрялъ то предпочтеніе, которое константинопольскій патріархъ оказывалъ братствамъ въ дѣлахъ церкви, причемъ указывалъ на Господа, не призваннаго Ану и Каіафу въ проповѣдники спасенія.

Одной изъ главныхъ причинъ высокомерія, гордости и нравственной раслущенности латино-уніатовъ Іоаннъ Вышенскій признавалъ, что они съѣли «много поганскихъ наукъ свѣди», «во тѣмъ поганскихъ наукъ затворидися». Злоковарная латинская душа насыщена языческими (поганскими) тщеславными и гордыми догматами. «Нивѣ поганскіе учителя, жалуется Іоаннъ Вышенскій, Аристотели, Платоны и другіе тѣмъ подобные машкарники и комедійники въ дворахъ Христа Бога владѣють». Очевидно, Іоаннъ Вышенскій имѣлъ слишкомъ смутное представленіе о великихъ греческихъ философахъ и судить о нихъ лишь по той «злоковарной» іезуитской поддѣлкѣ, въ которой они явились въ южной и западной Россіи. Онъ латино-уніатскую науку, построенную на схоластическихъ началахъ, считалъ продолженіемъ древней классической мудрости, и потому такъ энергично обрушился на «поганскихъ даскаловъ», Платона и Аристотеля. Въ его «Посланіяхъ» и въ «Зачапкѣ» разсыпано много колкостей на счетъ «философскаго ученія», «художества риторскаго ремесла», «хитродіалектическихъ силлогизмъ», «красномовнаго Аристотеля». Относясь вполне отрицательно къ латино-уніатской наукѣ, Іоаннъ Вышенскій отвергалъ все съ нею связанное, латино-уніатскія школы, латинскій языкъ, сценическія представленія. Школы латино-уніатскія—пропасть и погибель вѣчная; изъ нихъ выходятъ славолюбцы, болтуны, самохвалы, гордые фарисеи. Іоаннъ Вышенскій гордился тѣмъ, что православные латыни не знаютъ и комедій и машкаръ въ іезуитскихъ коллегіумахъ не изучають.

Развивавшуюся въ Малороссіи латино-польскую культуру Іоаннъ Вышенскій ни во что ставилъ, потому что она покупалась цѣпой измѣны родной вѣрѣ и родной народности. Его, однако, никоимъ

образомъ пельзя назватъ обскурантомъ, врагомъ знанія, Іоаннъ принципиально не отвергалъ знанія. Онъ требовалъ только, чтобы южно-русская наука питалась греко-славянскими источниками и служила всей народной массѣ; онъ не отдѣлялъ науку отъ православія и народности. Рѣшительно возставая противъ отдачи дѣтей православныхъ родителей въ латино-униатскія школы, Іоаннъ въ то-же время предлагалъ отдавать ихъ въ школы, находившіяся при православныхъ церквахъ: «Боячися, говоритъ онъ въ «Зачанкѣ», жебы есте дѣти своя хитростию и ересью латинскою не отравили и не поморили, залечаю вамъ православнымъ правобѣрную школу, и по-раду даю, чого ся учити имѣють, чтобы дѣти ваши спасли и по-вастъ благочестіе задержали и христіанство своея вѣры не стратили. Воцрвхъ Ключъ, или грецкую или словенскую грамматику да учать. По грамматичѣ-же, во мѣсто лживой діалектики, изъ бѣлаго въ черное, а изъ чернаго бѣлое перетворяти учащей, тогда-бо учать богомолбнаго и праведно-словнаго Часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силлогизмъ и велерѣчивой риторики тогда учать богоугодно молебный Псалтырь; во мѣсто философіи, по воздуху мысль разумную скитатися зиждущей, тогда учать плачивый и смиренномудрый Охтань, та-же конечное и богоугодное предсиѣяніе въ разумѣ—дѣльное богословіе; тогда учать святую евангельскую и апостольскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, по слухи (рѣчь умудривши токмо) чесати словомъ проповѣднымъ, але силу св. Духа влагати въ слышащихъ сердца». Требованія, очевидно, не малыя, вполне согласныя съ церковно-общественными потребностями южно-русского народа въ началѣ XVII ст. Тутъ предумотрѣно все главное въ религіозно-нравственномъ образованіи народа: воспринятіе науки на излюбленныхъ въ народѣ греко-славянскихъ началахъ и передача ее другимъ въ духѣ любви въ живомъ проповѣдномъ словѣ.

Замѣчательнымъ проявленіемъ національнаго самосознанія Вышенскаго служитъ, между прочимъ, энергическое отстаиваніе имъ въ посланіи къ кн. Острожскому и въ «Зачанкѣ» славянскаго языка, подъ который подкапывались латино-униаты, отъ котораго мало по малу отказывались и православные подъ вліяніемъ обольстительнаго богатства западной, латинской науки. «Книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте, говоритъ Іоаннъ Вышен-

скій... Нѣкоторые наши на словенскій языкъ хулятъ и не любятъ,— да знаешь запевно, яко того майстра дьявола дѣйствомъ творять. А то для того дьяволъ на словенскій языкъ борьбу тую маеть, занеже есть плодоносѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій; понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть граматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ простымъ прилежнымъ чтеніемъ, безъ всякаго ухищренія къ Богу приводить.

Малорусскій языкъ въ произведеніяхъ Іоанна Вышенскаго играетъ почетную роль образовательнаго элемента въ жизни народа, является средствомъ духовной бесѣды и нравственнаго назиданія. «Евангелія и Апостола, говоритъ Іоаннъ, въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворачайте; по литургіи-же, для выразумѣнія людскаго, по просту толкуйте и выкладайте».

Идеаль Іоанна Вышенскаго состоялъ въ томъ, чтобы малороссіяне, или, употребляемъ терминъ Іоанна, русины, достигли научнаго образованія и гражданскаго благосостоянія посредствомъ настойчиваго труда, не разрывая связей съ своимъ прошлымъ, на основаніи главныхъ краевыхъ особенностей, православной вѣры, церковно-славянскаго и малорусскаго языковъ, признанія за личностью крестьянина права на самостоятельность и свободу. «Не попы насъ спасутъ, писалъ онъ южнорусскому народу, не владыки, не митрополиты, но вѣры таинство нашей православной, хранение заповѣдей Божіихъ». Предлагая православнымъ издать «Соборникъ» и предвидя со стороны послѣднихъ замѣчаніе о недостаткѣ средствъ, Іоаннъ совершенно ясно высказываетъ свой идеаль общественнаго единенія для достиженія цѣлей образованія и гуманизма: «На тое вамъ отцовѣмъ добрый способъ еврейскаго разума: общій слогъ въ карванъ²⁾), кто вдовица ницетою двѣ лепты, шелюгъ, полгроша, а кто доволнѣйшій или панъ — золотый, десять, а наветь и сто за общую пользу и за свое спасеніе; ничто же дорожшее нѣтъ отъ душа, и въ то бы тое дѣлю быти могло». Въ Іоаннѣ Вышенскомъ подъ скромной монашеской рясой, подъ «страшиломъ клубукомъ», въ «невытертыхъ черевичницахъ» скрывался вели-

²⁾ Корвана — церковное казютранялаще въ древней іерусалимскѣмъ храмѣ. — Н. С.

кій гражданинъ южнорусской страны. Это былъ человекъ, который многое отрицалъ, но и многое могъ создать; его духовно-творческія стремленія основывались на народныхъ идеалахъ, сливаясь съ стремленіями и пожеланіями южнорусскихъ горожанъ и крестьянъ. Іоаннъ Вышенскій до нѣкоторой степени напоминаетъ Пушвинскаго пророка. Томимый духовной жаждой, онъ удалился въ Афонскія пустыни; здѣсь явился къ нему шестикрылый Серафимъ—любовь къ угнетенной, обманутой, осмѣянной родинѣ,—вынулъ изъ его груди трепетное сердце и вложилъ въ нее уголь, плающій огнемъ гнѣва и негодованія, открылъ ему зѣнцы и обратилъ его вниманіе на всѣ современныя ему явленія южнорусской жизни, хорошія и дурныя, радостныя и печальныя, и бѣдный, малообразованный малороссіянинъ—афонитъ сразу прозрѣлъ въ глубину южно-русской жизни, увидѣлъ тайные ходы латино-уніатскихъ гадъ, замѣтилъ прозябаніе хлопа, и пошелъ на родину жечь сердца людей своимъ горячимъ, одухотвореннымъ словомъ. Можетъ быть, онъ, какъ Лермонтовскій пророкъ, былъ угрюмъ, худъ, блѣденъ, нагъ и бѣденъ; навѣрно, латино-уніатскіе владыки и попы презирали его; при всемъ томъ онъ посильно выполнилъ святой завѣтъ, который высшая сила влагаетъ въ сердце каждому человѣку,—завѣтъ «провозглашать любви и правды чистыя ученья».

Въ заключеніе намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о полемическомъ тонѣ и о языкѣ Іоанна Вышенскаго. Многочисленныя извлеченія изъ его Посланій и Зачапки, сдѣланныя нами, даютъ намъ уже достаточно полное представленіе о рѣзкости и суровости полемическаго тона. Любопытнѣе всего то, что самъ авторъ Посланій сознавалъ эти особенности своей полемики; онъ оправдывалъ ихъ такимъ образомъ: «А если-бы зашь кто... на мене отъ зависти потварь сложити хотѣлъ, мовячи, яко доразливе и уципливе въ томъ писаню мовитъ, па тое вамъ такъ отповѣмъ: паучилея отъ Христа истины безъ похлѣбства ложъ ляжеу, волка волкомъ, злодѣя злодѣемъ, разбойника разбойникомъ, дьявола дьяволомъ звати». Рѣзкость и суровость полемическаго тона выкупалась у него силой и искренностью, что выразилось, между прочимъ, въ слогѣ и языкѣ. Фраза Іоанна Вышенскаго не длинна и не коротка, послѣдовательно разчленена на части, льется плавно, постепенно переходитъ съ одной степени усиленія на другую высшую степень и

удачно замыкается немногими сильными и выразительными словами. Скрытая въ ней сила авторскаго одушевленія тѣмъ выражается, что слова иногда начинаютъ ризмоваться, напримѣръ: «Запевне вѣдайте, нехай васъ тое гордое дмухане и пышное фукане и широкословное блекотане, грозное розказанье и толстое отрыганье того вашего выкриканья, яко мы прелюбодѣйчицами быти бы мѣли отъ своей вѣры, не упевнясть». Сила рѣчи обнаруживается въ сравненіяхъ, эпитетахъ и иносказательныхъ выраженіяхъ; таковы выраженія: «дождевидное пролітіе мечтательнаго мнѣванія (т. е. мнѣнія)»; «трупъ гласа папежскаго невѣрія, нагло здохлый»; «къ курвѣ римской на блудъ убѣгать» (переходъ въ унию); четверо-рогатые Исусоругатели (иезуиты). Разрѣшеніе вопроса—развязываніе узелка; разсмотрѣть прошлое—отвалить надгробный камень; нападеніе православнаго на католицизмъ—налетъ шершня на паутину; переходъ въ унию—лакомство на пироги. Сила рѣчи достигается, между прочимъ, употребленіемъ сложныхъ словъ: «аеровымыслный, скачомудрецъ, грошовладатель, богочревци, мясочревохотный, безхристорприходный, писародрачи», сопоставленіемъ синонимовъ: «буяеть, хвалится, возносится, щедруеть» и т. п., изрѣдка употребленіемъ глаголовъ, произведенныхъ отъ именъ существительныхъ: «кожемякать, сидѣльничать». Переводъ словъ довольно рѣдко встрѣчается: «студня или источникъ», «паздѣря или паутина», «уфундувати или основати», «дигнитарство или преложонство». Такой переводъ очевидно истекалъ изъ желанія Вышенскаго сдѣлать свои Посланія доступными для всѣхъ грамотныхъ людей южной Россіи. Лексиконъ Іоанна Вышенскаго—церковно-славяскій, съ значительной примѣсью народныхъ малорусскихъ и польскихъ словъ. Большинство малорусскихъ словъ Іоанна Вышенскаго встрѣчается и нынѣ въ Малороссіи повсемѣстно, напримѣръ: мусить, пожитокъ, заховать, пнечемный, омылка, скарбъ, подбгаты (подъ себя подвернуть въ борьбѣ), тесля, бридкый,—все слова хорошо извѣстны. Въ Посланіяхъ и Зачацкѣ находится нѣсколько любопытныхъ историко-культурномъ отношеніи словъ, требующихъ объясненія, напримѣръ: «кучка» въ значеніи дома, «хлоны мростые въ своихъ кучкахъ и домкахъ сидять» (стр. 242); цыгѣ малорусская куча, кучка употребляются въ значеніи кѣлги для куръ подъ печкой или подъ постельнымъ поломъ (см. Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ. II. 140); въ сербск. кутя—домъ; «атемба-

совый копенякъ» — свита или кафтанъ изъ дорогой матеріи, украшенный золотомъ; оба слова турецкаго происхожденія; alten-bazz — золотая матерія, Goldleinwand; кобенякъ, коренецъ — плацъ (Miklosich, Denkschrift, d. kais. Akad. d. Wissensch. in Wien 1884. XXXIV, XXXV); «златоглавая деля» — снапча изъ золотистой матеріи; «шкута и комяга утробная» — въ польскомъ языкѣ *szkuta* — барка, *komaga* — водоходное большое судно, «кермани пирожные» — подарки, отъ польск. *kiermasz*, храмовый праздникъ, ярмарка, пиръ; «гмахъ коптовный» — большой хорошо убранный домъ. Къ числу темныхъ, малоопытныхъ для малороссіянина польскихъ словъ въ Посланіяхъ и Зачацкѣ относятся: вынальзокъ (изобрѣтеніе, открытіе), прагнене (жажда), паздѣри (паутина), сакъ (мѣшокъ, сума), саклюбець (корыстолюбивый), статечность (постоянство, вѣрность), змаза (цятно), злюзнить (клеветать, худить), стлумить (укротить, унять), окгарь (огіег, жеребъ), выжла (лягавый щенокъ), хортъ (chart, борзая собака), блазна (блѣзнь), бѣва (стойло, хлѣвъ), кундысъ (дворовая собака), бадавія (бадавія), валахъ (меринъ, — встрѣчается и въ малорусскомъ языкѣ), прочимъ въ фамильныхъ названіяхъ), дрыкгантъ (дрисосць), лектыкъ (носилки), шафаръ (ключникъ, эконокъ), уфаче (утованіе), встеклый (бѣшеный), хелпить (гордиться), отуха (бодрость, мужество), кукловать (кривляться, шалить). Внимательный разборъ лексической стороны Посланій и Зачацки Іоанна Вышенскаго можетъ послужить предметомъ особаго, строго филологическаго изслѣдованія. Такого рода изслѣдованіе представитъ тѣмъ больший интересъ, если въ него войдутъ всѣ южнорусскіе литературные памятники конца XVI и начала XVII столѣтій, включительно съ «словено-россійскимъ лексикономъ». Намбы Берынды, который при подобнаго рода филологическомъ трудѣ, разумѣется, долженъ играть видную роль и занять въ изслѣдованіи первое и главное мѣсто.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(Продолженіе) ¹⁾.

XIII.

Будучи противниками поляковъ и турокъ, козаки въ то же время являются поводомъ къ враждебнымъ столкновеніямъ между этими двумя народами.

Если-бы не козаки на Украинѣ, Польша была-бы безопасна со стороны турокъ, говорили поляки.

Если-бы не козаки, рассуждали турки въ свою очередь, Турціи не нужно было-бы заботиться о защитѣ своихъ приднѣстровскихъ колоній и береговъ Черпаго моря, она могла-бы всё свои усилія обратить на завоеваніе христіанскаго міра. Тогда могъ-бы создаться калифатъ, достойный пророка, всё короли платили-бы султану дань.. и въ то время, какъ вся Европа дрожала передъ турками, одни только козаки осмѣливались мечтать объ уничтоженіи гидры, зсѣвшей въ Цареградѣ. Неустрашимость ихъ передъ турками выражается и въ пѣсняхъ, напримѣръ:

Та вже шабли поржавили,
Мушкеты безъ куркивъ,
А ще сердце козацькее
Не боиться туркивъ.

Побуждаемые угрозами султана, поляки пытались силою удержать козаковъ отъ походовъ на Черное море, и выстроили крѣпость у днѣпровскихъ пороговъ, но всё эти мѣры только раздражали

¹⁾ См. мартовск. кн. «Кіевской Старины», 1885 г., стр. 437—464.

козаковъ. Неудивительно, что въ Польшѣ шли оживленные споры о мѣрахъ, какія должно принять противъ нихъ, такъ какъ организація, подобная козачеству, не могла быть терпима въ краѣ, гдѣ господствовали паны.

Шляхта роптала на произволь козаковъ, а о своемъ собственномъ не хотѣла и слышать; войны турецкія приписывала козацкимъ набѣгамъ, а не вспоминала о своихъ походахъ на Молдавію и на Москву. Шляхтѣ все было дозволено, особенно въ мирное время. Такъ во время мира съ Турціей паны Потоцкій, Корецкій и Вишневецкій доставили своему родственнику Могилѣ молдавскій престолъ и тѣмъ самымъ вызвали турецкую войну. Съ Москвою также былъ миръ въ то время, какъ Мнишекъ велъ своего зятя, самозванца Дмитрія на московскій престолъ. Итакъ, не одно простое южно-русское козачество создавало затрудненія польскимъ королямъ: кромѣ козаковъ на Запорожьѣ и на Украинѣ, были въ Польшѣ и пельможные казаки, какъ Потоцкіе, Корецкіе, Мнишки, Вишневецкіе и др., предпринимавшіе въ мирное время походы противъ сосѣднихъ государствъ на собственные средства.

Для усмиренія козаковъ правительство назначило комиссію, которая собралась надъ рѣчкой Раставицей, ниже Паволочи, гдѣ стояло королевское войско. Комиссія поставила такія требованія: «козаки пообѣщаютъ и присягнутъ на томъ, что не только сами не стануть тревожить султанскихъ владѣній, но и другимъ этого не дозволятъ и уничтожатъ свои морскія лодки. Отъ козаковъ не должны терпѣть вражды жители королевскихъ, церковныхъ и панскихъ имѣній, и изъ козацкихъ реестровъ будутъ исключены ремесленники, купцы, шинкари, войты, бурмистры, рѣзники, портные и т. п.; они должны подчиниться старостамъ, «державцамъ» и панамъ, на землѣ которыхъ живутъ. Кто не захочетъ остаться крѣпостнымъ у пана, долженъ удалиться изъ его имѣнія ко дню св. Іліи 1620 г.». Само собою разумѣется, что принятые украинскими козаками условія не имѣли силы на Запорожьѣ; реестровые казаки избрали своимъ гетманомъ Бородавку, вслѣдствіе давленія со стороны поляковъ, которымъ желательно было сдѣлать противобѣсъ власти Сагайдачнаго.

Новая война съ Турціей дала возможность козакамъ возобновить ихъ морскіе походы; они опустошили побережье европейской Турціи и взяли богатый городъ Варну.

Въ 1621 г. посланъ былъ противъ турокъ коронный гетманъ Ходкевичъ, но силы его были слишкомъ ничтожны сравнительно съ турецкими; едва удалось собрать до 30,000 войска, да и тѣ бунтовались и расходились частью отъ страха, частью вслѣдствіе неуплаты жалованья и совсѣмъ разбѣжались-бы изъ лагера, если-бы правительство не обратилось къ козакамъ для спасенія государства. Живившись съ 30,000 запорожцевъ, Сагайдачный удвоилъ силы Ходкевича, избавилъ поляковъ отъ страха и, благодаря ему, подъ Хотиномъ сломаны были турецкія силы. Но Сагайдачный былъ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ. Между тѣмъ заключенъ миръ съ турками, при чемъ поляки обязались усмирить козаковъ въ награду за оказанную ими помощь; между прочимъ козакамъ строго воспрещалось отправляться на море и беспокоить татаръ и турокъ.

Но помимо мѣръ, принимаемыхъ противъ козачества, еще большія притѣсненія терпѣлъ весь южно-русскій народъ въ религіозномъ отношеніи. Со времени введенія уніи, принятой киевскимъ митрополитомъ, православные до 1620 г. не получали себѣ отдѣльнаго митрополита, не стало также и епископовъ и потому было рукополагать священниковъ; но въ 1620 г. случилось важное событіе, удержавшее быстрые успѣхи колонизаціи. Проѣзжалъ въ Москву черезъ Кіевъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ. По просьбѣ гетмана Петра Копашевича-Сагайдачнаго и представителей русской шляхты, патріархъ рукоположилъ имъ православнаго митрополита Юва Борецкаго и епископовъ въ Полоцкъ, Луцкъ, Владиміръ-Волыцскій, Перемышль, Холмъ и Пинскъ. Такимъ образомъ въ каждой изъ этихъ епархій являются по два епископа, православный и уніатскій.

Возстановленіе православной іерархіи было тяжкимъ ударомъ польской пропагандѣ, для которой главнымъ условіемъ успѣха было именно отсутствіе православнаго духовенства. Разумѣется, такое нарушеніе королевскихъ привилегій было очень смѣлымъ поступкомъ, по это была реакція, вызванная введеніемъ уніи. Король Сигизмундъ и всѣ ревностные католики были сильно раздражены этимъ фактомъ. Видя свои планы парализованными, король по

жалобамъ униатскихъ епископовъ объявилъ новонасвященныхъ православныхъ іерарховъ самозванцами и отступниками; правительство требовало ихъ ареста и смертной казни, но король все таки принужденъ былъ терпѣть возстановленіе іерархическаго строя русской церкви, уступая ходатайству русскихъ пановъ и въ особенности требованіямъ гетмана Сагайдачнаго, пока нуждался въ козацкой помощи. Такъ Сагайдачному удалось склонить козаковъ къ участию въ хотинскомъ походѣ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы правительство утвердило митрополита Борецкаго и православныхъ епископовъ въ ихъ епархіяхъ.

Козаки неavidѣли поляковъ также, какъ и крестьяне, но они понимали, что самоуправленіе ихъ зависитъ отъ ихъ собственной силы, а не отъ милости пановъ. Легко понять ненависть къ полякамъ крестьянъ—потомковъ тѣхъ козаковъ, которые сложили головы подъ Лубнами, по Сагайдачный умѣлъ примирять самыхъ непокорныхъ; политика его вполне соответствовала современному положенію вещей.

Украина лежала между двухъ враждебныхъ силъ; между тѣмъ какъ Польша стремилась къ моральному уничтоженію Руси, татары разорили ее матеріально. Вести борьбу съ обоими врагами одновременно не было возможности, и Сагайдачному приходилось раздумывать, съ кѣмъ воевать раньше. Война съ невѣрными, у которыхъ томилась въ неволѣ христіанскіе плѣнники, поминутно ожидая освобожденія отъ своихъ братьевъ, была главнымъ призваніемъ козаковъ; въ эту сторону имъ нужно было направить всѣ свои силы, по отношенію же къ полякамъ слѣдовало сохранять оборонительное положеніе. Заслуга козачества для Руси состояла въ противодействіи двумъ враждебнымъ силамъ, и Сагайдачный полякъ эту задачу. Онъ избѣгалъ вооруженныхъ столкновеній съ поляками, зная хорошо ихъ обычай—фактически отъѣзжать то, что еще вчера было подтверждено юридически. Поэтому его мало занималъ вопросъ о количествѣ вписанныхъ въ реестръ козаковъ, такъ какъ и не вписанные отъ этого не страдали, и дѣйствительно всякій, бравшійся за оружіе, становился козакомъ. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ нѣсколько фактовъ: на сеймѣ варшавскомъ 1616 г. поляки даютъ торжественное обѣщаніе туркамъ усмирить козаковъ; въ слѣдующемъ году повторяютъ тоже обѣщаніе надъ Днѣстромъ, а

въ 1618 г. обращаются къ козакамъ съ просьбою избавить отъ опасности московскаго плѣна королевича Владислава съ остатками польскаго войска; тоже повторилось въ 1621 г. и т. д.

При Сагайдачномъ поляки считаются уже съ козачествомъ, какъ съ силой и, пока нуждаются въ ней, до тѣхъ поръ Украина пользуется отъ нихъ нѣкоторымъ спокойствіемъ, но едва миновала опасность, какъ о заслугахъ козаковъ тотчасъ забываютъ; паны по прежнему настаиваютъ на постановленіяхъ растанвицкой комисіи и предлагаютъ козакамъ, недовольнымъ мѣстными порядками, уходить, куда захотятъ. Поэтому народъ съ давнихъ поръ направляется въ степи и, чтобы не погибнуть, шель туда, гдѣ не было произвола челоуѣка надъ челоуѣкомъ, и куда сверхъ того привлекала добыча на счетъ невѣрныхъ. Но мало по малу эти выходы очутились между поляками съ одной стороны и татарами съ другой. Куда-же теперь идти? разиѣ изъ польской неволи попасть въ татарскую или турецкую. Оставалось на выборъ—или подчиниться польскому праву, или защищать до послѣдней капли крови древне-русское общинное право. Уже въ другихъ русскихъ областяхъ шляхта овладѣла и землею, и крестьянами и подавила своими законами общинное право, поэтому не хотѣлось ей оставить и Украину съ ея прежнимъ внутреннимъ строемъ. Но паны не предвидѣли, сколько крови должно пролиться вслѣдствіе ихъ домогательствъ.

Казалось-бы по справедливости, что за помощь въ войпахъ: пиведской, московской и турецкой козаки заслужили отъ короля если не благодарность, то по крайней мѣрѣ право гражданства для своей вѣры и народности. Но не смотря на все это, Сигизмундъ III рѣшается искоренить въ предѣлахъ своего государства и православленную вѣру, и ея защитниковъ козаковъ. Напрасно самъ королевичъ Владиславъ заступался за угнетаемыхъ козаковъ, Сигизмундъ не обратилъ вниманія на его ходатайство.—Наконецъ въ 1625 г. козаки отправляютъ депутацію на сеймъ для предьявленія своихъ требованій: 1) обезпечить свободу православной вѣры; 2) возвратить церкви и церковныя имѣнія, отданныя уніатамъ; 3) признать законнымъ поставленное іерусалимскимъ патріархомъ духовенство; 4) дозволить козакамъ жить въ коронныхъ и панскихъ имѣніяхъ кievскаго воеводства; 5) разрѣшить имъ собственный судъ, право завѣщать свое имущество и т. д. Сверхъ того, къ этимъ пунктамъ присоеди-

вѣнъ былъ меморіаль, перечислявшій всѣ обиды, какія терпѣли православныя въ предѣлахъ Литвы и Коровы.

Впрочемъ козаки не ограничивались одной юридической защитой своей вѣры; приходилось имъ отстаивать свои права и другимъ путемъ. Такъ на примѣръ, козаки убили кіевскаго войта Ходьку за то, что тотъ запечатывалъ православныя церкви. Въ то-же время, по совѣту митрополита Іова Борецкаго, отправлено было къ московскому царю посольство съ просьбой—принять козаковъ подъ свое покровительство; во главѣ посольства стоялъ луцкій православный епископъ Исаакій Борисковичъ.

Этого не могло спокойно перенести польское правительство, и гетманъ Конецпольскій получилъ приказъ усмирить козаковъ вооруженной силой. Потерпѣвъ пораженіе при Куруковскомъ озерѣ, козаки, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, обѣщали покориться. Заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго число козацкаго войска сводилось до 6,000; изъ нихъ тысяча человѣкъ должны были поочередно находиться за порогами, чтобы препятствовать переправамъ непріятеля. Строго запрещалось ходить на море, или какимъ-бы то ни было образомъ нарушать миръ съ Турціею и Крымомъ; всѣ чайки должны быть сожжены. Не вошедшіе въ реестръ козаки должны подчиниться старостамъ или панамъ.—Въ такомъ смыслѣ заключенъ въ 1625 г. договоръ на урочищѣ «Медвѣжья лозы» при Куруковскомъ озерѣ, и козаки присягнули на этихъ статьяхъ.

Нуждаясь прежде въ военныхъ силахъ, польское правительство при Сагайдачномъ допускало и большее количество козаковъ сравнительно съ установленнымъ реестромъ; теперь-же куруковская коммисія большинство изъ нихъ обращаетъ въ крѣпостныхъ. Съ этого времени является названіе *выписчиковъ*, т. е. козаковъ, выписанныхъ изъ реестра. Выписчики избрали себѣ особаго гетмана Тараса Трясила въ 1627 г.

Послѣ пораженія, понесеннаго козаками при Куруковскомъ озерѣ, усиливается притѣсненіе православной вѣры, церкви русскія остаются въ пренебреженіи, въ городахъ увеличивается число религиозныхъ процессовъ, православные подвергаются арестамъ и т. д. Таково было положеніе дѣлъ, когда польскія войска расположились на постой на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ никогда еще не квартировали до того времени. Отсюда среди народонаселенія распро-

страшился слухъ, будто польскіе солдаты присланы для искорененія православной вѣры и истребленія южно-русскаго народа; а нѣяные солдаты, изъ ненависти къ схизматикамъ, съ своей стороны похвалялись уничтожить всѣхъ украинцевъ до самой московской границы.

Тогда гетманъ Тарасъ, выйдя изъ Запорожья, издалъ универсалъ, которымъ народъ украинскій призывался къ возстанію противъ поляковъ, и объявлялось, что всѣ желающіе могутъ поступать въ козаки; въ то-же время онъ отправилъ посольство къ коронному гетману съ требованіемъ, чтобы польскія войска не квартировали на Украинѣ восточнѣ Бѣлой-Церкви и чтобы отмѣнены были куруковскія статьи.

Между тѣмъ распространившіеся въ народѣ опасенія вполне подтвердилъ своими поступками коронный стражникъ Самуилъ Ляць. На первый день Пасхи 1630 г. панъ этотъ вырѣзалъ поголовно все населеніе мѣстечка Лысянки безъ различія пола и возраста; жители искали спасенія въ церкви, но солдаты ворвались туда и всѣхъ истребили. Другой его отрядъ вырѣзалъ всѣхъ жителей мѣстечка Дымера. Понятно, что народъ убѣгалъ къ Тарасу, вокругъ котораго вскорѣ собралось нѣсколько десятковъ тысячъ душъ, но войско это было не обучено и не вооружено.

Мы уже видѣли причины, усиливавшія составъ козацкаго войска; теперь-же къ прежнимъ контингентамъ прибавился еще одинъ. Принужденіе мѣщанъ къ принятію уніи, лишеніе ихъ магистратскихъ должностей, наказанія за сопротивленіе при опечатованіи церквей и отбраніи церковныхъ имуществъ и т. д.,—все это увеличивало количество бѣглецовъ.

Въ Переяславѣ сошлись всѣ козацкія силы, туда-же направился и Конецпольскій. Исходъ этой войны описываютъ различно, но свидѣтельства историковъ, какъ польскихъ, такъ и русскихъ сходятся въ одномъ, что Конецпольскій потерялъ подъ Переяславомъ больше войска, чѣмъ стоила ему трехлѣтняя шведская война. Наконецъ гетманъ Тарасъ попалъ въ руки поляковъ и былъ казненъ; это подтверждается и свидѣтельствомъ посла Пясочинскаго, извѣщавшаго Порту о томъ, что гетманъ козацкій и его старшина наказаны смертию.

Сигизмундъ III тѣшилъ мыслью, что ему удалось наконецъ обратить южно-руссовъ въ унію и католичество, и не замѣчалъ

въ своемъ ослѣпленіи, что навсегда разрознилъ своихъ подданныхъ, поселивши въ нихъ ненависть другъ къ другу по религіознымъ вопросамъ, ослабилъ Польшу путемъ пониженія культуры и приготовилъ могилу для государства, котораго онъ былъ королемъ. Внутреннее разстройство Польши при Сигизмундѣ III въ первый разъ породило мысль о раздѣлѣ этого государства. Молдавскій господарь Михайлъ, поддерживаемый австрійцами и турками, подумывать уже о раздѣлѣ Польши, основываясь на ненависти малорусскаго народа къ брестской униі. А между тѣмъ король не обращалъ вниманія на разстройство государственнаго организма, онъ всецѣло занятъ былъ диссидентами. Если признать, что упадокъ Польши начинается со времени Сигизмунда III, то спрашивается, чѣмъ-же вызвалъ его этотъ король? Исторія отвѣчаетъ: всею униію.

XIV.

Смерть Сигизмунда III, случившаяся въ 1632 г., оживила подавленные надежды русскаго народа. На провинціальный сеймъ въ Луцкѣ съѣхались около двухсотъ вольныхъ дворянъ и главнымъ предметомъ ихъ совѣщаній была православная вѣра. Остальные православные цари собрались въ Варшавѣ вокругъ Петра Могилы, явившагося въ качествѣ уполномоченнаго отъ митрополита Исая Копицкаго, и пытались юридическимъ путемъ принудить правительство къ возвращенію всѣхъ прежнихъ правъ и гарантій для православной церкви.

Главными дѣятелями православной партіи были въ то время: Адамъ Кисель, Лаврентій Древинскій и Вороничъ. Они требовали уничтоженія всѣхъ предписаній, издавшихся съ 1596 г. и направленныхъ въ пользу униатамъ и во вредъ православнымъ, которыми не только стѣснялась свобода совѣсти, но и запрещалось православнымъ строить церкви, занимать магистратскія должности и т. п. Требовали полной свободы совѣсти какъ въ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ и королевскихъ мѣстностяхъ не только для лицъ, удержавшихся въ православіи, но и для тѣхъ, которые пожелали-бы оставить унию и возвратиться къ прежней вѣрѣ. Далѣе требовали права основывать школы и типографію, права свободно издавать и читать кнѣги, не содержація въ себѣ ничего противъ короля и Рѣчи Поспо-

литой, чтобы никто изъ-за этихъ причинъ не привлекался ни къ духовному, ни къ свѣтскому суду, а чтобы, напротивъ, подвергался ответственности каждый, кто причинитъ насиліе церкви, или будетъ препятствовать собраніямъ православныхъ. Требовали также, чтобы признано было законнымъ посвященіе кіевскаго митрополита патриархомъ, чтобы всѣ епархіи, коллегии, типографіи и госпитали вмѣстѣ съ фундами, назначенными для ихъ содержанія и захваченными уніатами, были возвращены православнымъ, чтобы всѣ опечатанныя церкви были открыты для православнаго богослуженія, а папы католики разрѣшили-бы своимъ православнымъ поданнымъ строить церкви въ ихъ имѣніяхъ. Наконецъ требовали, чтобы русскимъ духовнымъ властямъ возвращены были всѣ захваченные уніатами церковныя акты и метрики, чтобы на будущее время всѣ спорныя дѣла между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ разбирались не въ Римѣ, а смѣшаннымъ судомъ въ мѣстныхъ трибуналахъ, чтобы въ своихъ занятіяхъ православные купцы и ремесленники пользовались равными правами съ католиками, наконецъ, чтобы шляхта православная не устранялась отъ должностей за свое вѣроисповѣданіе. Всѣ эти условія, по требованію православной партіи, должны быть внесены въ королевскую присягу.

Того-же самага требовали для себя и лица другихъ вѣроисповѣданій.

Послѣ долгихъ бесплодныхъ споровъ православные съ диссидентами обратились къ посредничеству Владислава и, благодаря его вліянію, проектировано было соглашеніе между уніатами и православными на слѣдующихъ условіяхъ: православнымъ возвращены будутъ кіевская митрополія со всѣми церквями и монастырями, за исключеніемъ Софійскаго собора и Выдубецкаго монастыря, львовская епархія со всѣми церквями и монастырями, не принявшими уніи, епархія луцкая и перемышльская, когда сдѣлаются вакантными, архимандрія печерская и жидичинская, въ Литвѣ епархія пинская и метиславская, и вездѣ объявлена будетъ свобода богослуженія; останутся неприкосновенными братства, школы, семинаріи и госпитали съ правомъ открывать новыя, а не-униты будутъ допущены къ занятію общественныхъ должностей въ городахъ; наконецъ прекращены будутъ всѣ религіозныя процессы, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священникъ привалъ

унію, а прихожане не пожелаютъ къ ней пристать, церковь должна быть отдана прихожанамъ.

Впрочемъ, ни католики, ни православные не удовлетворились такими уступками; послѣднимъ хотѣлось, чтобы этотъ компромиссъ послужилъ только основаніемъ для дальнѣйшихъ уступокъ въ будущемъ.

На избирательномъ сеймѣ явились также послы отъ козаковъ, которые съ своей стороны жаловались какъ на притѣсненіе своей вѣры, такъ и на сокращеніе своихъ правъ. «Всѣмъ извѣстно, какія тяжкія обиды переносили мы въ царствованіе покойнаго короля. Въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ мы на каждомъ сеймѣ просили со слезами о неприкосновенности нашей древней церкви, но насъ постоянно обманываютъ, откладывая рѣшеніе этого вопроса отъ сейма до сейма, до настоящаго времени. Паны украинскіе не желаютъ терпѣть козаковъ въ своихъ имѣніяхъ, и въ тоже время не даютъ намъ возможности удалиться, запрещая своимъ подданнымъ покупать наши дома и имущество, и т. д.»

Требуя полного уничтоженія уніи и терпимости для православныхъ, козаки обѣщаютъ, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ, не жалѣть жизни для защиты отечества. Итакъ не православіе, а религиозная нетерпимость навлекла на Польшу грозныя опасности.

На избирательномъ сеймѣ опять возобновился религиозный споръ и когда православные депутаты отказались заняться другими вопросами, пока ихъ дѣло не будетъ покончено, рѣшено было, чтобы обѣ стороны избрали не заинтересованное лицо для третейскаго суда. Такимъ третьимъ лицомъ могъ быть одинъ королевичъ Владиславъ, кандидатъ на престолъ. Къ нему и обратились депутаты обѣихъ сторонъ; по просьбѣ ихъ Владиславъ согласился принять роль полюбовнаго судьи и пригласилъ къ участию въ этомъ дѣлѣ двухъ сенаторовъ и четырехъ пословъ. Судьи признали справедливыми уступки, означенныя въ меморіалѣ конвокаціоннаго сейма, и рѣшеніе ихъ утверждено избирательнымъ сеймомъ.

Послѣ избранія его королемъ, Владиславъ выдалъ православнымъ грамоту, въ которой ясно опредѣлялась данная православной церкви свобода. Каждому дозволялось переходить въ унію, или изъ уніи въ православіе; православнымъ предоставлено право избранія

епископовъ и митрополита, послѣдній долженъ получать посвященіе отъ константинопольскаго патріарха; лудская епархія должна быть отдана немедленно, а перемышльская и львовская послѣ ихъ освобожденія; въ Литвѣ должны быть учреждены епархіи мстиславская, оршанская и могилевская; всѣ религіозныя процессы прекращены, и наконецъ кромѣ всѣхъ уступокъ, означенныхъ въ меморіалѣ, кіевскому митрополиту возвращенъ и Софійскій соборъ. Уніатскому митрополиту предоставлена была власть только надъ уніатами и для его жительства назначенъ Выдубицкій монастырь. Послѣ всѣхъ этихъ компромиссовъ обѣ стороны обязаны были жить въ мирѣ и согласіи.

Новый король благосклонно относился къ козакамъ, помня ихъ услуги въ московскихъ походахъ и нуждаясь въ ихъ помощи для новой войны съ русскими, уже осадившими Смоленскъ.

Однако доброе расположеніе короля не могло защитить козаковъ отъ ненависти шляхты, которая усматривала въ нихъ элементъ, опасный для государства.

Какъ мы уже видѣли, взгляды и стремленія шляхты и козаковъ были діаметрально противоположны между собою. Шляхта считала землю своею исключительно собственностью и не могла повясть своего существованія иначе, какъ съ подданными, съ панщиной и другими видами неволи. Напротивъ козаки, а за ними и весь народъ, признавали землю собственностью того, кто первый залялъ ее для обработки. Находясь подъ властью козаковъ, народъ платилъ только подать въ войсковую казну, былъ вполне свободнымъ и не испытывалъ никакихъ препятствій въ своихъ земледѣльческихъ занятіяхъ.

Хотя Владиславъ и уравнилъ въ правахъ православныхъ съ уніатами, но тѣмъ не менѣе свобода греко-восточной кѣры должна была остаться только на бумагѣ, такъ какъ на сторонѣ уніатовъ было почти все дворянство въ краѣ, между тѣмъ какъ за православіе стояла только небольшая часть шляхты и козаки, т. е. именно та часть народа, которая силилась только вырваться изъ неволи. Сверхъ того, такъ какъ сеймъ постановилъ одни церкви отдать православнымъ, другія уніатамъ, то потребовалась особая комиссія для выполненія этого дѣла; вмѣстѣ съ вопросомъ о церквахъ шель вопросъ о церковныхъ имуществвахъ, приводившій къ спорамъ, въ

которых одерживала верхъ та сторона, за которую стояло большинство шляхты.

Въ послѣдній день коронаціоннаго сейма была прочтана грамота въ пользу православныхъ; католики приняли ее съ большимъ раздраженіемъ.

И такъ примирительные пункты сейма и грамота короля Владислава IV, выданная русскому народу, не примирили религиозныхъ раздоровъ и не прекратили преслѣдованія православной вѣры, такъ какъ въ государственномъ организмѣ Польши укоренилась ипоземная, чуждая государственнымъ интересамъ, власть, которая стремилась наложить оковы на разумъ и совѣсть народа. Представителями этой власти было католическое духовенство и въ особенности иезуиты.

Едва изданы были вышеуказанные примирительные пункты, какъ тотчасъ поднялись протесты отъ всего католическаго и униатскаго духовенства. Примазь королевства, а вслѣдъ за нимъ и вся еривальная партія заявили, что никакія постановленія короля и сейма, направленные въ пользу православныхъ, не могутъ имѣть законной силы до тѣхъ поръ, пока не получаютъ утвержденія отъ папскаго престола. Вслѣдъ затѣмъ отъ лица католическаго и униатскаго духовенства послана была депутація къ папѣ Урбану VIII съ жалобою на распоряженія польскаго правительства, «*нарушавшія права римскаго костела въ пользу еретиковъ и отступниковъ*».

Владиславъ IV, ясно сознававшій, что интересы церкви не сходятся съ государственными интересами, которые въ свою очередь подвергаются опасности, напрасно старался убѣдить намѣстника св. Петра въ томъ, что возвращеніе русскому народу его религиозныхъ правъ основано на строгой справедливости, что въ противномъ случаѣ неизбежно должна вспыхнуть междоусобная война, и что наконецъ самое дѣло объединенія церковей подвергается опасности, если наша не утвердитъ пунктовъ, поставленныхъ сеймомъ для прекращенія религиозныхъ раздоровъ.

Урбанъ VIII передалъ дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи *de propaganda fidei*, которая отвергла какъ сеймовыя постановленія въ пользу православной вѣры, такъ и королевскую грамоту къ русскому народу, объявивши ихъ противными всѣмъ божескимъ и человеческимъ законамъ. Такъ были парализованы спасительныя для

Польша попытки Владислава IV, и унія, какъ и предсказывала этотъ король, римской политикой обрекалась на гибель, что вполнѣ подтверждалось дальнѣйшими событіями. Въ то-же время папскому нунцію въ Польшѣ предписывалось издать отъ имени апостольской столицы манифестъ, уничтожающій всѣ права, какія-бы ни были предоставлены православной церкви.

Вотъ почему въ то-же время уніатскій митрополитъ Рутскій получилъ на сеймѣ 1655 г. королевскую грамоту, обезпечивавшую уніатскимъ епископамъ все, что до того времени находилось во владѣніи уніатовъ, и предписывавшую, чтобы схизматики не имѣли ни одной церкви въ Витебскѣ, Полодкѣ и Новогородкѣ.

Со времени введенія уніи и до смерти Владислава IV польское правительство издаетъ 10 конституцій въ пользу греко-восточнаго вѣроисповѣданія, но всѣ онѣ остались безъ послѣдствій 1) потому, что католическое духовенство, ставившее церковь выше государства, не считало себя обязаннымъ подчиняться этимъ предписаніямъ, а 2) и потому, что всѣ конституціи касались одной только шляхты.

Православный панъ могъ, если хотѣлъ, въ своемъ имѣніи или староствѣ строить церкви и монастыри, покровительствовать духовенству и т. д.; но для нетолерантнаго католика всѣ конституціи оставались безсилны, помѣщики по прежнему захватывали церковныя имущества и самыя церкви обращали въ уніатскія; въ городахъ одни католики избирались на магистратскія должности, а во Львовѣ православнымъ священно было не только участвовать въ городской радѣ, но даже заниматься торговлею и вписываться въ ремесленные цехи. Львовскій магистратъ не позволялъ русинамъ ни спокойно жить, ни даже спокойно умереть¹⁾.

Въ 1634 г. воспитанники іезуитской коллегіи въ Луцкѣ напали на православный монастырь св. Креста, избѣли монаховъ, преподавателей, учениковъ и нищихъ въ госпиталѣ, разграбили кассу братства, затѣмъ разбивали дома, били козлявъ и нѣсколько челоуѣкъ убили на смерть; но, не подвергаясь никакой отвѣтственности, хвастали своими подвигами, называя ихъ дѣломъ богоугоднымъ.

На пространствѣ всей русской территоріи возникло безчисленное множество релігіозныхъ процессовъ. Іезуиты подстрекають като-

¹⁾ Bandtke, t. II, str. 367.

ливовъ и униатовъ доносить на православныхъ и обвинять ихъ въ оскорбленіи римско-католической вѣры; обжалованныхъ заковывали въ цѣпи и подвергали болѣе или менѣе продолжительному тюремному заключенію. Дезуниты вынуждены представлять на сеймѣ горькія жалобы на то, что законы, изданные при вступленіи Владислава на престолъ, не приводятся въ исполненіе и церковь православная страдаетъ по прежнему. Подобныя жалобы продолжаются до самаго 1648 г., но всегда остаются безъ послѣдствій.

Между тѣмъ какъ религіозный фанатизмъ мало по малу приводилъ государство къ паденію, ненормальность общественныхъ отношеній съ своей стороны неизбежно должна была привести къ тому-же результату.

Въ 1635 г. гетманъ Конецпольскій, въ видахъ укрощенія козаковъ, основалъ на низовьяхъ Днѣпра крѣпость Кодакъ. Въ іюлѣ того-же года козаки подѣ предводительствомъ Сулимы возвращались изъ морскаго похода; замѣтивъ новую крѣпость, козаки бросились на нее, взяли приступомъ и вырѣзали весь гарнизонъ. Подымалось новое возстаніе.

Подѣ знамена Сулимы пришли и реестровые козаки. Посоль ихъ сказалъ запорожскому войску: «Ляхи хочуть выгубить насъ усихъ до щенту; пріймѣть насъ до себе, то будемо разомъ борытысь». Самовольные козаки, не довѣряя реестровымъ, отвѣчали: «заприсягнуть намъ, що не маєтс на думци ничего злого». Реестровые принесли присягу; вооруженный отрядъ ихъ, посланный Конецпольскимъ для прекращенія бунта и превосходившій числомъ войска Сулимы, вошелъ въ окопы. Вскорѣ они арестовали Сулиму съ пятью старшинами и выдали ихъ Конецпольскому, который отослалъ плѣнниковъ въ Варшаву, гдѣ они были казнены по требованію татаръ и турокъ. Послѣ того гетманомъ избранъ Томиленко. Конецпольскій получилъ приказъ размѣстить свое войско на постоя въ Украинѣ; солдаты выказывали въ отношеніяхъ къ народу большую жестокость и произволь. Козаки съ своей стороны обращались съ жалобами къ королю и требовали уплаты слѣдуемаго имъ жалованья.

Въ это время крымскій ханъ воевалъ съ буджацкими татарами, часто тревожившими Польшу своими набѣгами. При этомъ случаѣ онъ вошелъ въ пріятельскія отношенія съ польскимъ пра-

вительство, которое позволило козакамъ оказать ему помощь. Между тѣмъ какъ отрядъ смѣльчаковъ изъ запорожцевъ и выписчи-ковъ, подъ предводительствомъ Павлюка, отправился на помощь къ хаву, оставшіеся дома послали на сеймъ депутатовъ съ жалобами и съ требованіемъ уплаты. Но и на этотъ разъ на свои жалобы козакъ, какъ и всегда, получили неблагопріятный отвѣтъ съ извѣстіемъ, что прислана будетъ комиссія для разслѣдованія дѣла. Комиссія состояла изъ Станислава Потоцкаго и Адама Киселя.

Козакъ требовали возврата Корсуня «на гармату», но съ своей стороны не соглашались отдать пушки, захваченныя въ Кіевѣ. Когда-же комиссія не могла успокоить козаковъ, Потоцкій обратился къ нимъ съ энергичною рѣчью: «Напрасно бунтуетесь, панове молодци; если-бы даже Рѣчь Посполитая наплась вынужденною обнажить противъ васъ мечъ, она его обнажить и изгладить самое имя ваше». Такъ аргументировалъ польскій панъ, и свойственное его племени самомиѣніе не позволяло ему допустить и мысли о томъ, чтобы козакъ могли подчиниться кому-нибудь другому.

Между тѣмъ Павлюкъ возвратился изъ похода и, узнавъ, что дѣлается на Украинѣ, сдѣлалъ набѣгъ на Черкасы, забралъ пушки и увезъ на Запорожье и вмѣстѣ съ тѣмъ разослалъ универсалы, въ которыхъ значилось, «что никто, желающій быть козакомъ, не долженъ быть принуждаемъ къ подданству панамъ». Сочувствіе къ Павлюку возрастало и среди реестровыхъ, часть ихъ изложила Томиленка съ уряда и выбрала на его мѣсто Савву Кононовича; Конецпольскій утвердилъ выборы, но утвержденіе уже не застало Кононовича въ живыхъ, такъ какъ Павлюкъ, услыжавъ о переселеніи, захватилъ Савву и нѣкоторыхъ старшинъ; по козацкому обычаю имъ прочитанъ приговоръ за измѣну ихъ козацкому дѣлу, послѣ чего они были казнены. Та-же самая рада, что судила Кононовича, объявила гетманомъ Павлюка, которому подчинился и Томиленко.

Убѣдившись, что поляки вмѣсто того, чтобы при помощи козаковъ держать турокъ въ повиновеніи, предпочитали покупать данью ихъ дружбу, чтобы имѣть возможность всѣ свои силы обратить противъ козаковъ, Павлюкъ разсылаетъ универсалъ, призывая народъ въ оружію, оставляетъ на Украинѣ чигиринскаго полковника Скидана, а самъ отправляется на Запорожье собирать силы. Между

тѣмъ Конецпольскій приказалъ полному гетману Николаю Потоцкому стягивать войска, которыя впрочемъ бунтовались, не получая жалованья. Время было весьма удобное для успѣшнаго нападенія на поляковъ и козаки съ нетерпѣніемъ ожидали Павлюка; но онъ напрасно потратилъ время, трактуя съ ханомъ о помощи. Ханъ отказалъ въ содѣйствіи, а между тѣмъ правительство дозналось о планахъ Павлюка.

Рѣшительная битва поляковъ съ козаками произошла подъ Кумейками. Вытѣсненные изъ лагеря, козаки окопались вблизи мѣстечка Боровицы; Потоцкій далъ отдыхъ своему войску, а козакамъ послалъ универсалъ, въ которомъ именемъ короля обѣщаль прощеніе, если они покорятся и будутъ просить милости. Между тѣмъ въ козацкомъ лагерѣ происходили несогласія. Полковники Скиданъ и Чечуга, видя свое дѣло проиграннымъ, ушли изъ лагеря въ надеждѣ сохранить себя на будущее время. Между тѣмъ появились универсалы Потоцкаго и письмо Киселя; реестровые забунтовались, сваливая всю вину на Павлюка, который подстрекнулъ ихъ, а самъ ушелъ въ Сѣчь и потерялъ удобное время. Нашлись ораторы, говорившіе, что слѣдуетъ выдать Павлюка и тѣмъ загладить свою вину передъ правительствомъ; этихъ послѣднихъ удерживалъ Гуня, распорядительности котораго козаки обязаны были своимъ спасеніемъ подъ Кумейками.

Когда Потоцкій приблизился къ Боровицѣ, реестровые козаки выдали Павлюка, Томиленка и Ивана Злого. Послѣ того имъ приказано было собраться на раду, сюда явились комиссары, вычтали козакамъ ихъ вины, объявили утрату прежнихъ правъ, низложили старшину и назначили новую. Козаки принуждены были дать письменное обязательство, скрѣпленное присягою, въ томъ, что будутъ повиноваться правительству, прекратятъ морскіе походы, сожгутъ лодки и т. д. Грамота эта, подписанная въ числѣ прочихъ и Хмельницкимъ, ставнимъ черезъ десять лѣтъ послѣ того во главѣ козачества и всего русскаго народа, можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, до какой степени бессильны всевозможные договоры, если они заключаются вопреки естественной логикѣ фактовъ и вопреки законамъ историческаго развитія.

По усмиреніи возстанія, Потоцкій отправился для наказанія крестьянъ въ свое имѣніе Нѣжинъ, гдѣ также подымались волне-

нiя; нѣсколько дней продолжалась экзекуція, послѣ чего, проѣзжая черезъ Кіевъ, Потоцкій приказалъ посадить на волю полковника Казима съ сыномъ. Павлюкъ, Томиленко и Иванъ Злой съ двумя товарищами въ цѣпяхъ доставлены въ Варшаву и здѣсь казнены, не смотря на усиленное ходатайство Киселя о дарованіи имъ жизни. «Они сдались добровольно, говорилъ онъ; я поручился, что республика оставитъ имъ жизнь; если теперь они будутъ казнены, народъ утратитъ довѣріе какъ къ поручителю, такъ и къ самому правительству». Однако заступничество его не помогло.

Послѣ казни Павлюка сеймъ варшавскій 1638 г. опредѣлилъ уничтожить всѣ права и привилегіи, какими пользовались еще казаки, ихъ самихъ обратить въ крѣпостныхъ и принудить къ униі. вмѣстѣ съ тѣмъ постановили овладѣть Запорожьемъ и организовать въ немъ постоянную стражу, которая не допускала-бы скопленія бѣглого люда для морскихъ походовъ и возмущенія Украины; что же касается реестровыхъ козаковъ, то имъ хотѣли поручить охрану днѣпровскихъ бродовъ, поставивъ ихъ сперва въ зависимость отъ короннаго гетмана, который долженъ былъ держать ихъ въ повиновеніи посредствомъ назначаемого имъ самимъ комиссара и т. д.

Комиссары прибыли на Украину, привели козаковъ къ обычной присягѣ: повиноваться правительству, не ходить на море, не созывать черной рады, никого не принимать въ свои ряды; два полка, чигиринскій и бѣлоцерковскій, подъ начальствомъ полковника Мѣлецкаго, назначеннаго комиссаромъ, отправлены на Запорожье съ предписаніемъ выгнать бѣглецовъ и остаться въ качествѣ пограничной стражи.

Между тѣмъ польскія войска занимаютъ и лѣвый берегъ Днѣпра и безчеловѣчно обращаются съ народомъ: повсюду торчали висѣлицы и колы. Народъ толпами бѣжалъ отъ притѣсненій въ московское государство, гдѣ украинцы получали достаточно земли для поселенія; иные по прежнему уходили въ Сѣчь.

Въ мартѣ 1639 г. полковникъ Мѣлецкій, приблизившесъ къ границамъ Запорожья, послалъ козацкихъ старшинъ объявить запорожцамъ королевскую милость и потребовать выдачи Скидана, Чечуги и другихъ предводителей, ушедшихъ изъ-подъ Боровицы. Въ отвѣтъ на эти требованія запорожцы арестовали пословъ. Мѣлецкій попробовалъ было употребить въ дѣло оружіе, но скорѣ убѣдился, что

реестровые козаки весьма неохотно шли противъ своихъ братьевъ, а часть ихъ прямо перешла на сторону запорожцевъ. Въ виду необходимости защиты запорожцы выбрали новаго гетмана, Острянина.

Весною того-же года Острянинъ и Скиданъ вышли въ Украину: козаки одержали сперва побѣду подъ Голтвой, затѣмъ встрѣтились съ поляками у Жоввина. Послѣ упорной битвы, продолжавшейся цѣлый день, поляки прорвали козацкій таборъ, отняли четыре орудіи и множество возовъ съ провіантомъ. Острянинъ съ частью конницы успѣлъ переправиться вплавъ черезъ р. Сулу и уйти. Этимъ поражениемъ оканчивается военная дѣятельность Острянина. Козаки тотчасъ выбрали предводителемъ Гуню и продолжали отстрѣливаться въ лагерѣ, отражая всѣ приступы Вишневецкаго въ надеждѣ скорѣе получить изъ-за Днѣпра подкрѣпленіе отъ Скидана; но узнавши, что на помощь полякамъ идутъ свѣжія силы, сняли лагерь и, отстрѣливаясь шагъ за шагомъ, направились къ югу и окопались при впаденіи рѣчки Старицы въ Днѣпръ, въ ожиданіи подкрѣпленія. Въ теченіи шести недѣль продолжалась осада, сопровождавшаяся постоянными стычками; положеніе козаковъ становилось все болѣе критическимъ; пачались переговоры о мирѣ,—Гуня наконецъ соглашался сдаться на милость короля. Это одно доказываетъ уже, что козаки подымали оружіе не противъ короля, а противъ распоряженій польской шляхты и сеймовъ.

Начавъ переговоры о мирѣ, Гуня рассчитывалъ на подкрѣпленіе, которымъ предводительствовалъ Филоненко, но поляки тоже своевременно узнали о приближеніи этой помощи и послали свои отряды, чтобы разбить подходившихъ козаковъ или по крайней мѣрѣ не допустить ихъ соединиться съ осажденными. Правда, Филоненку удалось прорваться въ козацкій лагерь, но въ схваткахъ съ поляками онъ потерялъ столько провіанта и амуниціи, что оставшихся въ цѣлости припасовъ едва могло достать на два дня. Не оставалось другаго исхода, какъ снова заключать договоръ съ поляками, но Гуня уже не принялъ въ немъ участія—онъ ушелъ изъ лагеря вмѣстѣ съ Филоненкомъ.

Козаки отправили пословъ къ королю съ просьбою о мирѣ. 4 декабря польскій гетманъ созвалъ ихъ на урочище «Масловъ Ставъ» для выслушанія отвѣта короля и Рѣчи Посполитой. Отвѣтъ былъ короткій: козаки лишаются всѣхъ прежнихъ правъ, въ томъ

числѣ и права избранія своихъ старшинъ, а вмѣсто выборнаго гетмана и прочей старшины, огнныѣ будутъ получать назначенныхъ правительствомъ чиповниковъ изъ шляхты.

Между тѣмъ Острянинъ и Гуня удалились въ предѣлы московскаго царства; съ ними ушло также значительное количество козаковъ, селившихся хуторами на плодородной равнинѣ бывшей харьковской и курской губерній.

Послѣ усмиренія козацкаго возстанія шляхта обратила всю свою месть противъ народа, но и ресестровому козачеству пришлось немногимъ лучше; полковники и комиссары присваивали въ свою пользу ихъ жалованье, обращались съ козаками, какъ со своими подданными и обогащались на ихъ счетъ.

Между тѣмъ на Украинѣ начинается новый экономическій распорядокъ, знатные магнаты, какъ Вишневецкіе, Ковенцпольскіе, Калиновскіе, Потоцкіе и др. получаютъ въ собственность огромные участки земли. По свидѣтельству Боилана, онъ основалъ для одного только короннаго гетмана сто селъ на территории бывшихъ свободныхъ козацкихъ поселеній; козакамъ запрещено было даже занятіе рыбной ловлей и охотой въ новыхъ панскихъ имѣніяхъ, а по мѣрѣ ихъ распространенія водворялись въ край іезуиты и распространялась увія. Однако занятіе обширныхъ пространствъ панами, вмѣсто желаннаго спокойствія, послужило залогомъ новыхъ неурядицъ въ будущемъ. Для того, чтобы имѣнія могли приносить доходы, они нуждались въ рабочихъ силахъ, которыя можно было привлечь только обѣщаніемъ льготъ на продолжительные сроки, по истеченіи которыхъ они становились поводомъ къ новымъ волненіямъ.

Мы видѣли, что кромѣ мѣщанъ и козаковъ и среди высшаго класса на Руси находились люди, подымавшіе свой голосъ на защиту своей вѣры и народности, но заступничество ихъ дѣлалось все рѣже, пока наконецъ совсѣмъ не прекратилось. Правда, среди русской шляхты были еще люди, преданные православію, но двойственность стремленій дѣлала ихъ неспособными къ энергичному протесту; между тѣмъ какъ симпатіи религіозныя могли связывать ихъ съ русскимъ народомъ, соціальныя выгоды привлекали ихъ на польскую сторону. Въ результатахъ получались жалобы отъ лица русской шляхты, но мы не встрѣчаемъ въ исторіи никакихъ

рѣшительныхъ дѣйствій, никакихъ жертвъ съ ихъ стороны на пользу православія. При возрастающихъ козацкихъ волненіяхъ многіе изъ русской шляхты, для сохраненія своей жизни и имущества, находились вынужденными или пристать къ козачеству, или сдѣлаться поляками, т. е., отрекшись отъ своей народности, принять католичество, чѣмъ только и обезпечивались для нихъ права польской шляхты и открывался путь къ полученію староствъ и другихъ должностей.

Отсюда происходило также, что по мѣрѣ того, какъ народное возстаніе принимаетъ болѣе широкіе размѣры и грозитъ большимъ опустошеніемъ края, измѣняется и смыслъ сеймовыхъ постановленій; въ постановленіяхъ этихъ мѣстные дворяне уже не трактуютъ ни о русской народности, ни о православной вѣрѣ, напротивъ, заявляютъ себя ревностными католиками. Правда, волынское дворянство проситъ еще о возвращеніи церквей, отнятыхъ у православнаго духовенства, но руководится въ этомъ случаѣ уже не преданностью вѣрѣ предковъ, а только желаніемъ предотвратить новое народное возстаніе.

Такая перемѣна въ духѣ сеймовыхъ постановленій доказываетъ, какъ быстро шла колонизація русской шляхты, благодаря постановленіямъ, правамъ и привилегіямъ, какими пользовались одни католики, въ особенности-же благодаря іезуитскому воспитанію; съ перемѣною религіи русскіе паны утрачивали и свою народность, усваяя польскій духъ и языкъ, нравы и обычаи; припавъ католичество и пользуясь всѣми правами, они уже считали себя поляками.

Правда, со времени введенія уни въ русское общество появилось было стремленіе поднять русскую униатскую церковь, а съ нею вмѣстѣ и русскую народность; желая парализовать православіе, хотѣли было создать новое русское просвѣщеніе, но крайней мѣрѣ религіозное, но это направленіе явилось уже слишкомъ поздно для ополченнаго зажиточнаго класса. Въ польской Руси трудно уже было представить себѣ лицъ, по происхожденію и состоянію принадлежащихъ къ высшему классу, иначе какъ съ польскимъ языкомъ и польскими правами. Подчиняясь польскому вліянію, этотъ высшій классъ уже не нуждался въ прежнихъ традиціяхъ и относился свысока ко всему русскому.

Простой народъ хотя и огорчался униженіемъ вѣры своихъ предковъ, но, какъ сословіе бессильное и безправное, ничѣмъ не могъ помочь горю и съ теченіемъ времени могъ-бы забыть прежнюю религію. Въ свою очередь и мѣщанство также не имѣло нужныхъ силъ для того, чтобы самому оказывать вѣское сопротивленіе, и потому, въ силу естественнаго хода вещей, современемъ все было-бы окатоличеннымъ и ополяченнымъ. Но, къ неудовольствію католиковъ и поляковъ, подымается противъ нихъ вооруженное козачество— цвѣтъ и матеріальная сила русскаго народа.

Время доказало, что унія, придуманная первоначально для привлеченія высшаго сословія, не понравилась ему,—паны предпочитали просто сдѣлаться католиками; въ концѣ концовъ оставался для обращенія въ унію только простой народъ, который прежде не имѣлся въ виду; вотъ почему новая вѣра и не могла пользоваться такимъ почетомъ, какъ вѣра пановъ. Итакъ, съ теченіемъ времени, католическая пропаганда начинала уже достигать намѣченной цѣли— русская шляхта подчинилась ей и одолячилась. Череманивъ на свою сторону такіе вліятельные русскіе роды, какъ Жолевскіе, Сапѣги, Чарторыйскіе, Рея и, что еще хуже, такихъ ученыхъ, какъ Саковичи, Смотрицкіе и др., Польша, повидимому, отняла у Руси все, что составляло самый прочный жизненный элементъ соціальнаго организма. Въ дѣйствительности-же оказалось, что она украсила свой латинскій бытъ только свѣжими вѣтвями русскаго дерева, между тѣмъ какъ корни и стволъ его остались невредимы и при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ въ состояніи были дать новые побѣги и цвѣты. Вотъ почему католическая пропаганда не могла уничтожить русскаго народа, какъ не могла къ нему привиться. Только разладъ становился сильнѣе, такъ какъ дворянство, отрекшись отъ своей вѣры и народности, порвало внутреннюю моральную связь съ русскимъ народомъ, сдѣлалось чуждымъ по отношенію къ нему, а власть, какую оно сохранило надъ мѣстными крестьянами, получаетъ характеръ иноземнаго господства. Отказавшись отъ своей національности, русскіе паны перестаютъ быть представителями русскіихъ интересовъ и теряютъ свои національныя и политическія традиціи.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ существовала тѣсная связь между тѣмъ, какъ народъ смотрѣлъ на свое прошлое и тѣмъ, какъ

онъ относился къ своему настоящему. Только забвеніе своего прошлаго или, что тоже, охлажденіе къ роднымъ преданіямъ было причиною перехода южно-русскаго общества отъ русскаго элемента къ польскому, отъ собственнаго центра къ чуждому. Однако, несмотря на всё препятствія, естественный ходъ народной жизни южно-русскаго края не прекратился. Связь Руси съ ея прошлымъ опиралась не на шляхтъ, не на Смотрицкихъ или Саковичахъ, она поддерживалась русскимъ народомъ и его представителями—Могичами, Борейками, Вышенскими. Они-то и спасли русскую національную самобытность.

Причины, вызывавшія колонизацію русскою шляхты, не имѣли вліянія на всю народную массу. Въ то время, какъ верхніе слои русскаго общества превращаются въ польскій элементъ при посредствѣ католической культуры, низшіе слои, при всей своей бѣдности и необразованности, не обрываютъ связи съ тѣмъ, что создало русскую жизнь еще во времена дотатарскія, они по прежнему остаются *русскимъ* народомъ, свято охраняющимъ основы своей національной самобытности—языкъ, вѣру предковъ и, по мѣрѣ возможности, общинное устройство.

Послѣ отпаденія дворянства мѣщане вѣстѣ съ убогимъ духовенствомъ остаются защитниками края и вѣры во имя Руси. Благодаря своей стойкости, мѣщанство послужило твердымъ оплотомъ въ дѣлѣ обороны русскою народности и если гдѣнибудь, то прежде всего въ Кіевѣ, олицетворяло собою русскій народъ среди польскаго. Не на шляхту кіевской земли, а на кіевскихъ мѣщанъ смотрятъ теперь православные жители Вильны, Полоцка, Могилева, Луцка, Львова и др. съ готовностію подражать имъ въ трудныхъ случаяхъ. Центръ тяжести національной жизни фактически перемѣстился въ Кіевъ—центръ Украины. Этимъ объясняется тотъ фактъ, почему впослѣдствіи унія, съ цѣлью привлеченія мѣщанъ, начинаетъ искать прозелитовъ среди городскихъ ремесленниковъ и, будучи прежде доступной только для лицъ высшаго сословія, начинаетъ съ теченіемъ времени возвышать людей низкаго происхожденія, какъ на примѣръ Іоасафата Кунцевича.

Кромѣ церкви православной, представителями которой являются духовенство и мѣщанство, на защиту русскаго дѣла, какъ мы видѣли, поднимаются прежде всего козаки. Хотя обѣ эти стороны и

не всегда соображались другъ съ другомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онѣ тѣмъ не менѣ шли въ одномъ направленіи и къ одной цѣли. Русскій народъ видѣлъ себя оставленнымъ панами, въ особенности послѣ того, какъ со смертью князя Константина Василя Острожскаго (1608 г.) погибла послѣдняя опора православной вѣры; легальные протесты оставались безъ послѣдствій, отъ короля тоже нельзя было ожидать никакихъ уступокъ,—выведенный изъ терпѣнія народъ долженъ былъ искать другой поддержки. И вотъ онъ начинаетъ группироваться вокругъ козацкихъ гетмановъ, пока наконецъ не подымается цѣлою массою подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ разрѣшить тотъ вопросъ, который не могъ быть разрѣшенъ русскою шляхтою путемъ сеймовыхъ совѣщаній. Такъ протестуетъ Русь сперва при посредствѣ своего дворянства, затѣмъ при посредствѣ мѣщанскихъ корпорацій и наконецъ переноситъ духъ оппозиціи противъ польщины въ козацкія громады. Такимъ образомъ козакамъ суждено было сдѣлаться борцами за русскую народность противъ Польши, защитниками православія, поборниками свободы и независимости южной Руси.

Послѣ неудачнаго возстанія подъ предводительствомъ Остринина и Гуни казалось, что силы козачества и всей Руси сломлены, и Украина должна утихнуть; но прошло всего лишь десять лѣтъ, и вспыхнуло возстаніе цѣлаго народа.

Какъ мы уже видѣли, послѣ подавленія возстанія 1638 г. козакамъ объявлено отъ польскаго правительства, что они навсегда теряютъ право избирать гетмана и старшину, подъ страхомъ смерти запрещалось имъ плавать по Черному морю или уходить на Запорожье. Сожжены козацкія чайки, артиллерія отобрана, въ старшины надъ реестровыми козаками назначены лица изъ польской шляхты, а вмѣсто гетмана присланъ польскій комиссаръ. Теперь вольные слобожане обращены въ панщинныхъ крестьянъ, а на свободныя общины старосты возлагали обязанность охраненія границъ; сверхъ того старосты захватываютъ въ свои руки всѣ наиболѣе обильные источники городскихъ доходовъ, мѣщане становятся въ подчиненіе владѣльцу города; подобно тому, какъ въ королевскихъ городахъ они находились въ зависимости отъ короля, въ панскихъ признавались подданными пановъ. Съ той поры гветь

польскій всюю своею тяжестью ложится на Украйну. Тихо и безъ протеста склонилъ свои головы русскій народъ; развѣ только тотъ, кто былъ посмѣльѣе, предпочиталъ скитаться по степямъ, или, оставивъ все родное и дорогое, уйти на Запорожье; но и сюда достигала уже рука правительства.

Такое положеніе дѣлъ въ теченіи десяти лѣтъ держалось по всей русской землѣ; но самому тяжелому гнету подпало то сословіе, которое стало во главѣ народа и которое могло, какъ того и справедливо опасались, разрушить шляхетскіе порядки и ввести народно-общинные. Вельможные паны и шляхта съ пренебреженіемъ смотрѣли на козака-хлопа, а козачество, еще недавно свободное и почти равное шляхетскому сословію, а теперь закрѣпощенное, думало объ улучшеніи своей участи и обсуждало въ подробностяхъ средства для возврата къ прежнему состоянію.

Лѣтопись Самовидца¹⁾ такъ отзывается о причинахъ, вызвавшихъ войны Хмельницкаго: «начатокъ и причина войны Хмельницкаго есть едино отъ ляховъ на православіе гоненіе и козакомъ отягощеніе; тогда бо онымъ не хотячи, чого не звиѣли были, панщины робити, на службу замковую обернено, которыхъ зъ листами въ городѣ до хандоженія коней старостове держали, въ дворахъ грубу, то есть печи топяти, псовъ хандожити, дворѣ зміѣтати и до иныхъ невзносихъ дѣлъ приставляли. Знову зась которіе zostавали козаками реестровими, а надъ оными полковникове шляхта панове отъ гетмана коронного насиланіи были, которіе-бъ объ ихъ волности бипамнѣй не дбаючи, але, яко могучи, оныхъ мѣрали, легце поважаючи; плату которая постановлена была на козаки отъ короля его милости и Рѣчи-Посполитой по золотыхъ тридцать на рокъ, тое на себе отбѣрали, зъ сотниками дѣлячися; бо сотниковъ не козаки оббирали и настановляли, але полковники кого хотѣли зъ своей руки, жебы онымъ зичливими были. Такъ-же полковникове козаковъ до всякои домовои незвичайной работы пристановляли; въ поля зась пойшовши, любо якій козакъ достане у татаръ коня доброго, того отоймутъ; знову зась, хочай бы якого язика татарского поймали козаки, то зъ язикомъ татарскимъ, на кого ласкавъ

¹⁾ Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 3—4.

полковникъ, якого жолнѣра своего высилаеть до гетмана коронного, а козацкую отвагу потлумляють» и т. д.

Итакъ горячаго матеріала слишкомъ много собрано было на Украинѣ. Государство, изъ-за религіознаго вопроса лишившее всѣхъ правъ производительную массу народную, т. е. большую часть народонаселенія, неизбежно должно было очутиться въ борьбѣ съ нею и подвергнуться ея ударамъ. Неудивительно поэтому, что на призывъ Хмельницкаго подымается весь южно-русскій народъ.

Желая удержать козаковъ отъ избранія гетмана, польское правительство само назначаетъ одного изъ старшинъ козацкихъ, Барабаша, наказнымъ гетманомъ въ зависимости отъ короннаго, а генеральнымъ писаремъ—Богдана Хмельницкаго. По совѣту этого послѣдняго Барабашъ дѣлаетъ представленіе королю о всѣхъ притѣсненіяхъ; король съ своей стороны дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ представленіе въ сенатъ, но безуспѣшно. Тогда король отвѣтилъ козакамъ: «вы сами рыцари, имѣете ружья и сабли, и можете сами защищать свои права; я-же вамъ не могу помочь».

Въ это самое время случилось, что чигиринскій подстароста Чаплипскій отнялъ у Хмельницкаго хуторъ съ пасѣвкой и мельницей на урочищѣ Суботовѣ, взялъ его жену и избилъ сына, отъ чего тотъ вскорѣ умеръ. Хмельницкій также искалъ правосудія въ Варшавѣ, но тамъ его осмѣяли. Возвратившись на Украину, Хмельницкій задумалъ было отомстить панамъ войною, но былъ схваченъ Потоцкимъ и приговоренъ къ смертной казни; онъ успѣлъ бѣжать въ Сѣчь, но, не чувствуя себя въ безопасности и тамъ, принужденъ былъ уходить дальше на низъ Днѣпра и наконецъ въ Крымъ.

Что не одна личная обида послужила причиною къ войнѣ, доказываютъ слова Хмельницкаго на радѣ въ Запорожьѣ: «оскорбляютъ святую вѣру, почтенныхъ епископовъ и монаховъ лишаютъ насущнаго хлѣба: ругаются надъ священниками; іезуиты преслѣдуютъ вѣру нашихъ предковъ, а уніаты пристають съ ножомъ къ горлу. На сеймахъ издѣваются надъ нашими просьбами и отвѣчаютъ на нихъ презрѣніемъ. Мало того, что безъ повода угрожаютъ нашей жизни, войска подъ предлогомъ усмиренія безпорядковъ ходятъ по селамъ и нерѣдко разрушаютъ до основанія цѣлыя города, какъ-бы намѣреваясь истребить все наше племя...

А въ довершеніе всѣхъ этихъ мученій отдали насъ въ неволю проклятому жидовскому племени¹⁾.

Всѣ возстанія, бывшія до Хмельницкаго, уже по тому одному не имѣли желаннаго успѣха, что козаки заботились исключительно о своихъ правахъ, оставляя въ сторонѣ народныя интересы. Сознавая эту слабую сторону и желая достигъ цѣли, Хмельницкій призываетъ универсаломъ весь южно-русскій народъ къ возстанію противъ Польши, обѣщая всѣмъ доставить козацкія права, или что то же, освободить народъ отъ тяжкаго подданства. Вотъ почему въ новой борьбѣ козачества противъ шляхты на сторонѣ козаковъ становится не одна голота, но вмѣстѣ съ нею идутъ также почетные селяне и мѣщане. Мало того, когда Хмельницкій явился подъ Замостьемъ, католическіе крестьяне изъ окрестностей Варшавы готовы были пристать къ нему, и по свидѣтельству Станислава Радзивилла, если-бы хоть одинъ козацкій полкъ явился подъ Варшаву, всѣ вельможные папы были-бы принуждены бѣжать изъ города.

Излагая причины и ходъ народныхъ возстаній въ южной Руси, мы не имѣемъ намѣренія описывать войны Хмельницкаго, обратимъ только вниманіе на главный интересъ борьбы.

Чего просить Хмельницкій послѣ побѣдъ при Желтыхъ Водахъ, подъ Корсунемъ и Баромъ? Того-же, чего еще раньше добивались другіе предводители, т. е. свободы вѣроисповѣданія и гарантіи козацкихъ правъ. Король по прежнему усиленно хлопочетъ, чтобы сенатъ прекратилъ кровопролитіе и не подвергалъ опасности цѣлое государство, но по прежнему безуспѣшно. Видя свои просьбы напрасными, Хмельницкій тайнѣ начинаетъ переговоры съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ о принятіи Украины подъ его покровительство.

Польскіе моралисты, отстаивающіе аристократическіе принципы, тоскуютъ надъ упадкомъ цивилизаціи, вызваннымъ по ихъ мнѣнію козацкими возстаніями. Правда, что польская цивилизація пострадала отъ нихъ, но она и не была тою истинною цивилизаціею, которая приходитъ къ народу путемъ экономическаго и умственнаго развитія массы; напротивъ она развивалась исключительно

¹⁾ Коховскій, *Annal.*, I, 25.

среди одного сословія на счетъ другихъ и приводила къ деморализаціи цѣлаго общества. Идеаломъ того культурнаго быта, какой завели паны на Украинѣ, была панщина, такъ какъ подчиненіе и неволя народа были неразлучны съ польской культурой.

XV.

По смерти Владислава до избранія новаго короля Хмельницкій не предпринималъ никакихъ дѣйствій противъ Польши и стоялъ со своимъ войскомъ, одинаково готовый на войну и миръ.

Однако польское правительство не умѣло разумнымъ образомъ воспользоваться козаками и подвластнымъ ему народомъ для блага Польши, а конвокаціонный сеймъ предложилъ Хмельницкому такія унизительныя условія, какъ если-бы онъ понесъ сильное пораженіе, и въ то же время, не рассчитывая на принятіе условій, выслалъ противъ него свои войска, которыя, встрѣтивъ козаковъ подъ Пилявцами, разбѣжались безъ малѣйшей битвы, оставивъ Хмельницкому весь свой обозъ. Послѣ этого скандала войска въ Польшѣ какъ не бывало. Самы поляки недоумѣвали, почему Хмельницкій оставался въ бездѣйствіи цѣлыхъ три недѣли, когда могъ за это время завоевать всю Польшу; одни считали это чудомъ, другіе—ослабленіемъ гетмана.

Между тѣмъ Хмельницкій ожидалъ выбора короля, такъ какъ онъ не былъ бунтовщикомъ и не думалъ о завоеваніи Польши, онъ думалъ только о сохраненіи того, что всего дороже для человѣка,— свобода и неприкосновенность семьи, имущества и вѣры предковъ. Съ другой стороны онъ разсуждалъ, что, послѣ завоеванія слѣдующихъ Руси правъ, выгоднѣе всего будетъ сохранить ихъ и на будущее время въ союзѣ съ Польшей.

Наконецъ избранный королемъ Янъ Казиміръ отправляетъ къ Хмельницкому свое извѣстное посольство съ предложеніемъ мира. Во время переговоровъ съ Адамомъ Киселемъ въ Переяславѣ, гетманъ, отзываясь о королѣ съ должнымъ уваженіемъ, въ то же время рѣзко упрекаетъ польскихъ пановъ и латинское духовенство за притѣсненіе козаковъ и ихъ вѣры и предлагаетъ слѣдующія условія мира:

1) Будутъ возвращены козакамъ всѣ прежнія права и привилегіи.

- 2) Удалены будутъ изъ предѣловъ Руси іезуиты и евреи.
- 3) Унія будетъ уничтожена.
- 4) Постоянный комплектъ козацкаго войска увеличится до 40,000.
- 5) Православный кievскій митрополитъ получить право засѣдать въ сенатѣ.
- 6) Всѣ должности и достоинства на Руси могутъ раздаваться только православнымъ.

Польскіе сенаторы не хотѣли и слышать о такихъ условіяхъ. Пока Хмельницкій осаждалъ въ Збаражѣ отрядъ Вишневецкаго, Янъ Казиміръ выступилъ противъ него съ войскомъ и былъ разбитъ подъ Зборовымъ; здѣсь козаки одержали такую блестящую побѣду, что легко могли взять въ плѣнъ самаго короля, но гетманъ приказалъ имъ «не касаться королевской особы». Король просилъ мира и получилъ его на указанныхъ выше условіяхъ съ однимъ дополненіемъ, чтобы коронное войско не могло квартировать въ тѣхъ городахъ, гдѣ будутъ жить козаки.

Но недолго народъ радовался своей побѣдѣ, вскорѣ наступило разочарованіе. По смыслу договора число реестровыхъ козаковъ сводилось до 40,000; всѣ остальные, принимавшіе участіе въ войнѣ должны были изъ войска возвратиться въ подчиненное состояніе и снова работать на тѣхъ самыхъ пановъ, которыхъ только что выгнали изъ своей земли. Когда гетманъ попытался привести въ исполненіе это условіе, противъ него поднялось такое сильное недовольство, что онъ принужденъ былъ оставить свое намѣреніе. Съ своей стороны и поляки также не выполнили условій, поэтому зборовскій договоръ не продержался и года. Правда король выдалъ грамоту, подтверждавшую права православной церкви, но она имѣла не больше силы, чѣмъ подобныя-же указы короля Владислава IV.

Итакъ зборовскій договоръ не удовлетворилъ ни той, ни другой стороны; нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ онъ могъ-бы привести къ извѣстнымъ результатамъ, но теперь было уже слишкомъ поздно; онъ не могъ уже быть исполненъ. «Не всѣхъ-ли насъ призывали сражаться за свободу? Не всѣ-ли мы были козаками?» — ропталъ русскій народъ. «Или мы слагали свои головы только за свободу этихъ сорока тысячъ, а остальные снова должны пойти въ неволю? Гдѣ-же обѣщанія Хмельницкаго?»... Крестьяне, не желавшіе возвращаться подъ власть пановъ, подвергались наказаніямъ со сто-

роны гетмана, отъ чего терялась его популярность, и войска стаповилось еще меньше, чѣмъ до возстанія.

Въ свою очередь и поляки не думали о выполненіи договора; не только унія не была отмѣнена, но даже митрополитъ кievскій не былъ допущенъ въ сенатъ послѣ того, какъ католическіе бискупы объявили, что сами оставятъ сенатъ, если въ немъ покажется схизматикъ. Поэтому обѣ стороны снова начинаютъ готовиться къ войнѣ. Коронный гетманъ Потоцкій нарушилъ границу, обозначенную зборовскимъ трактатомъ, и расположился съ войскомъ въ Подоліи подъ предлогомъ водворенія спокойствія среди крестьянъ. Пока Хмельницкій велъ новыя переговоры о томъ-же съ сенатомъ, поляки напали ночью на стоявшій подъ Краснымъ брацлавскій козацкій полкъ и разбили его на голову; узнавъ о такомъ пораженіи своихъ земляковъ, полковникъ Богунъ переправился со своимъ отрядомъ черезъ р. Богъ и также неожиданно напалъ на поляковъ въ то самое время, когда они торжествовали свою побѣду, и нанесъ имъ сильное пораженіе.

Снова начинается кровопролитная война, которая носить уже явно релігіозный характеръ. Янъ Казиміръ вторично получаетъ изъ рукъ папскаго мунція освященное знамя, а въ козацкомъ лагерѣ военнымъ лозунгомъ было: *«за вѣру, братья, за вѣру»*.

Послѣ битвы подъ Берестечкомъ польское войско вступило въ Украйну, но здѣсь встрѣтило неожиданное сопротивление; все народонаселеніе вмѣстѣ съ козаками защищается до послѣдней крайности, цока всѣ не погибнуть; женщины сражаются наравнѣ съ мужчинами. Наконецъ обѣ враждующія стороны, нуждаясь въ отдыхѣ, заключаютъ въ Вѣлой-Церкви миръ на невыгодныхъ для козаковъ условіяхъ; вмѣсто сорока тысячъ войска Хмельницкому оставлено только двадцать тысячъ, а евреямъ и іезуитамъ разрѣшено жить на Руси. Между тѣмъ народъ, стремившійся къ освобожденію изъ подъ панской зависимости, ропталъ и искалъ выхода.

Уже съ давнихъ поръ начались переселенія за Днѣпръ въ предѣлы Россіи, гдѣ съ теченіемъ времени появляются южно-русскія слободы вблизи Рыльска, Путивля и Бѣлгорода; послѣ того какъ обѣщанія Хмельницкаго не были исполнены, переселеніе принимаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры, такъ какъ даже многіе изъ козаковъ не хотѣли жить вблизи польской границы.

Первый примѣръ переселенія подали жители Волыни. Заручившись царскимъ разрѣшеніемъ, волынскіе выходцы основали на берегу рѣчки Тихой Сосны поселеніе Острогожскъ. Вслѣдъ за козаками начинаютъ переселяться въ большомъ количествѣ русины съ береговъ Днѣстра, Бога и т. д. въ вольныя степи московскаго царства, гдѣ не было ни польскаго шляхтича, ни ксендза, ни полновластнаго еврея арендатора, и основываютъ тамъ слободы: Ахтырку, Изюмъ, Корочу, Бѣлополе, Сумы, Харьковъ, Лебединъ и другія. Оставляя родное село, переселенцы сжигали свои хаты и гумна, чтобы они не достались полякамъ.

Такъ недалековидная и эксклюзивная политика поляковъ привела только къ уменьшенію польскаго населенія и къ заселенію Россіи.

Сомнѣваясь въ возможности вести борьбу съ одними наличными силами, Хмельницкій еще при началѣ возстанія входилъ въ переговоры съ московскимъ дворомъ и просилъ царя принять южную Русь подъ свое покровительство. Послѣ заключенія бѣлоцерковскаго трактата, онъ еще съ большей настойчивостью возобновляетъ свои просьбы.

Вскорѣ поляки нарушили и бѣлоцерковскій договоръ. Когда Тимофей Хмельницкій отправился въ Молдавію, чтобы жениться на дочери тамошняго господара Лупулы, польный гетманъ Калиновскій преградилъ ему путь подъ Батогомъ, но былъ разбитъ и отрядъ его истребленъ. Этотъ случай подалъ поводъ къ новой войнѣ. Гетманъ Богданъ въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ осадилъ короля подъ Жванцемъ. Ханъ преслѣдовалъ только собственную выгоду и согласился отступить, если поляки заплатятъ ему контрибуцію въ 100,000 червонныхъ злотыхъ и дозволятъ брать плѣнниковъ на возвратномъ пути. Поляки приняли условія и выговорили себѣ только одну уступку, а именно, чтобы татары грабили только въ теченіи сорока дней и брали въ плѣнъ однихъ русиновъ. Ханъ обѣщалъ съ своей стороны помогать впослѣдствіи полякамъ противъ козаковъ, чтобы совершенно истребить ихъ.

Трудно было Хмельницкому одновременно вести войну съ поляками и татарами, приходилось соглашаться на миръ, какія-бы ни были условія. Въ такомъ критическомъ положеніи гетманъ, послѣ долгаго раздумья, снова обращается къ царю съ просьбою принять

ожную Русь въ свое подданство, въ противномъ случаѣ она принуждена будетъ подчиниться султану. Наконецъ Алексѣй Михайловичъ созываетъ земскій соборъ для обсужденія этого вопроса; рѣшено принять предложеніе Хмельницкаго и объявить войну Польшѣ.

Въ 1654 г. собранная въ Переяславѣ великая рада козацкая приняла присягу на вѣрность царю.

Мы говорили въ свое время о люблинской униі, не слѣдуетъ опускать и постановленій переяславской рады, на которую собралась вся старшина и множество козаковъ, и куда прибыли также и царскіе послы. Гетманъ Хмельницкій сказалъ собравшимся: «Нѣтъ нужды и напомянать вамъ о притѣсненіяхъ польскихъ пановъ, — сами знаете, что они жида и собаку ставили выше нашего брата христіанина, а православный восточный царь одной съ нами вѣры. Великій государь христіанскій сжалился надъ тяжкимъ оскорбленіемъ церкви православной въ Малой Руси, не пренебрегъ нашими шестилѣтними просьбами, обратилъ къ намъ благосклонно свое царское сердце и прислалъ пословъ съ царскою милостью. Нигдѣ не найти намъ такого вѣрнаго пріюта, какъ подъ его высокой рукой, а если кто не согласенъ съ нами, пусть идетъ куда угодно, — путь свободенъ». Раздались возгласы: «Хотимъ подъ царя восточнаго». Переяславскій полковникъ, обходя присутствующихъ, спрашивалъ: «Всѣ-ли на то согласны?» — «Всѣ соглашаемся, — отвѣчали ему».

Послѣ того прочтаны были составленныя раньше условія новаго договора, слѣдующаго содержанія. Вся украинская козацкая земля присоединяется къ московскому царству подъ именемъ Малороссіи съ правомъ избранія гетмана, который могъ принимать иностранныхъ пословъ и сноситься съ другими государствами, съ правомъ выборнаго самоуправленія и самосуда. Гарантируется неприкосновенность правъ духовнаго и мѣщанскаго сословія. Число реестровыхъ козаковъ повышено до 60,000, но сверхъ того разрѣшалось имѣть и больше охочихъ козаковъ. Въ договорѣ Хмельницкаго отъ имени народа ясно сказано: «Мы сами разберемъ между собою, кто козакъ, а кто земледѣлецъ», и дѣйствительно болѣе состоятельные остались козаками, бѣднѣйшіе крестьянами. Козаки понимали свои вольности также какъ и поляки; они желали пользоваться привилегіями, какихъ не имѣли другіе. Значительное большинство поземельной собственности находилось въ рукахъ коза-

ковъ и приставшей къ нимъ шляхты. Даже среди самаго привилегированнаго козацкаго сословія утрачено прежнее равенство; оно распадается на *значныхъ* и *чернь*. Такое положеніе вещей начинается еще при Хмельницкомъ, окончательно-же вырабатывается послѣ его смерти.

Такъ уничтоженъ былъ трактатъ люблинской уніи переяславскими статьями. Религіозная нетерпимость, соединенная съ ополяченіемъ Руси, привела къ результатамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, какіе имѣлись въ виду.

Подчиненіе Хмельницкаго Россіи влечетъ за собою новую войну, которая вспыхнула одновременно въ Литвѣ и на Украинѣ, и здѣсь съ особенною силою. Весною 1654 г. польская армія вошла въ Подоліе; какой приемъ встрѣтила она отъ мѣстнаго народонаселенія, могутъ показать нѣсколько примѣровъ. Послѣ упорнаго сопротивленія городъ Немировъ былъ разрушенъ до основанія; въ большомъ каменномъ погребѣ заперлось до трехъ тысячъ человекъ; поляки обѣщали имъ пощаду, если выдадутъ старшинъ, но предложеніе отвергнуто; тогда ихъ начали выкуривать дымомъ: всѣ погибли, но никого не выдали.

Въ мѣстечкѣ Бушѣ собралось до 12,000 человекъ. Всѣ убѣжденія начальниковъ польскаго войска Чарнецкаго и Любомирскаго относительно сдачи не имѣли вліянія; тогда поляки отрѣзали воду и начали послѣдній приступъ: осажденные, видя свое безвыходное положеніе, сами зажгли свои дома и начали убивать другъ друга; женщины бросали дѣтей въ колодцы и сами бросались въ слѣдъ за ними. Жена сотника Зависного, зарѣзавши мужа, сѣла на бочку съ порохомъ и взорвала себя на воздухъ. Семдесятъ другихъ женщинъ съ оружіемъ въ рукахъ скрылись въ пещерѣ; полковникъ Целариусъ предлагалъ имъ сдаться, обѣщая оставить въ живыхъ, женщины отвѣчали выстрѣлами; тогда полковникъ приказалъ провести въ пещеру воду изъ источника: всѣ погибли, но не сдались. Подобные факты повторялись повсюду, русины вездѣ защищались до крайности; «лучше погибнуть, чѣмъ подчиниться полякамъ», говорили они. Коронный гетманъ писалъ королю: «горько будетъ слышать объ опустошеніи государства, по инымъ мѣрами трудно подавить злость хлопозъ».

Въ 1656 г. союзными шведскими и русскими войсками заняты были сѣверныя и западныя польскія области, взяты также обѣ столицы: Краковъ и Варшава и паденіе Польши казалось неизбежнымъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи Янъ-Казиміръ, по совѣту своихъ сенаторовъ, обращается къ царю Алексѣю Михайловичу, обѣщая ему польскую корону послѣ своей смерти. Получивъ надежду наследовать польскій престолъ, Алексѣй Михайловичъ смотритъ уже на Польшу, какъ на свою собственность, и не смотря на предостереженія Хмельницкаго, что поляки не сдержатъ условія, военныя дѣйствія были приостановлены. Тогда Хмельницкій, предвидя для Украины въ будущемъ прежнее подчиненіе полякамъ, входитъ въ договоръ съ трансильванскимъ княземъ Ракочи и шведскимъ королемъ Карломъ X о раздѣлѣ Польши. То былъ уже второй проектъ раздѣла Польши, причиною которому служило озлобленіе малороссіянъ.

Между тѣмъ, едва только положеніе дѣлъ въ Польшѣ измѣняется къ лучшему, какъ въ виленскому трактату перестаютъ относиться серьезно, какъ и предсказывалъ Хмельницкій; онъ вскорѣ умеръ и не видѣлъ уже исполненія своихъ словъ.

Между тѣмъ подчиненіе Украины Россіи было смертельнымъ ударомъ для Польши; оно ослабило ее настолько, насколько усилило Россію. Поэтому время Богданъ Хмельницкаго имѣетъ огромное значеніе въ исторіи обоихъ этихъ государствъ.

Въ семьѣ славянскихъ народовъ и Польша, и Русь являются съ самобытною историческою жизнью преимущественно передъ всѣми другими народами славянскаго племени, которые или раньше подпали чуждой власти и чуждому вліянію, или-же проявили свою историческую жизнь только противодѣйствіемъ иноплеменному натиску. Не смотря на сходныя, родственныя основы, государственныя и гражданскія строй, историческая дѣятельность и національный характеръ русскій и польскій различились между тобою и даже приняли у обоихъ народовъ не только различное, но прямо противоположное и взаимно враждебное другъ другу направленіе. Вотъ почему эти два народа, объединенные въ теченіи многихъ столѣтій, ведутъ между собою непрерывную, упорную борьбу. Польша стремилась пересоздать русиковъ на свой образецъ и долгое время первѣсь былъ на ея сторонѣ. Овладевши значительною частью рус-

свѣхъ земель послѣ присоединенія Червоной Руси и Литвы, Польша подвигается шагъ за шагомъ въ глубь русскаго міра и едва не овладѣваетъ имъ совершенно въ началѣ XVII ст. Мы видѣли выше, какія причины помѣшали ихъ сліянію, а эпоха Хмельницкаго дала другое направленіе старинному спору; на пути историческаго развитія она является поворотнымъ пунктомъ къ паденію Польши и усиленію Россіи; съ этого времени падаетъ окончательно перевѣсъ Польши въ борьбѣ между двумя народностями. Было, правда, еще нѣсколько попытокъ воротить его, но уже безуспѣшныхъ.

Такъ напримѣръ, Выговскій, получивъ гетманскую булаву, хотѣлъ было снова привести Украину къ союзу съ Польшею, и въ этомъ смыслѣ заключенъ былъ 1658 г. извѣстный гадячскій договоръ съ поляками, съ цѣлью поставитъ южную Русь въ такія отношенія къ Польшѣ, въ какихъ стояла къ ней Литва. На основаніи этого трактата Рѣчь Посполитая на будущее время должна была слагаться изъ трехъ равноправныхъ народовъ: польскаго, русскаго и литовскаго. Къ вновь возстановляемому княжеству русскому должны были принадлежать три воеводства: волынское, подольское и кіевское. Русь получала своего канцлера, маршалка, сенаторовъ, собственное судопроизводство, университетъ и школы; православный митрополитъ и епископы получаютъ мѣста въ сенатѣ; унія должна быть упразднена и обезпечена свобода православнаго вѣроисповѣданія. Русскимъ предоставлено право имѣть 40,000 постояннаго козацкаго войска и выбирать самимъ нѣсколькихъ кандидатовъ на гетманское достоинство, изъ которыхъ одинъ утверждался королемъ. Русскому духовенству и церквамъ обѣщана свобода отъ всѣхъ повинностей, отъ суда и патронажа надъ ними польскихъ пановъ. Въ городахъ и полякахъ, и русскіе должны были пользоваться равными правами на занятіе городскихъ должностей и т. д.

Нѣсколько нескрепно было отношеніе поляковъ къ союзу съ русью, можно видѣть уже изъ того, что когда гадячскій договоръ вызвалъ сильную оппозицію въ Варшавѣ, то самъ инициаторъ его Бѣльскій говорилъ: «Извѣстно, въ какомъ положеніи находитесь теперь Рѣчь Посполитая—съ одной стороны угрожаютъ шведы, съ другой Москва; раздражать теперь козаковъ значило-бы отвергать и ту помощь, какая предлагается. Въ настоящее время намъ нужно ласкою привлечь къ себѣ козаковъ, а впоследствии

можно будетъ все переимѣнить на прежній ладъ. Мысль эта была принята, и на гадячскихъ пунктахъ присягаетъ самъ король Янъ Казимиръ, а за нимъ примасъ Польши, бискупъ виленскій, польскіе гетманы, королевскій канцлеръ, маршалокъ сейма и другіе сановники, которые, принося присягу, мысленно клялись нарушить ее при первой возможности. Поэтому договоръ, утвержденный наконецъ сеймомъ 1661 г., а не былъ исполненъ. Съ другой стороны не пользовался онъ популярностью и на Украинѣ, гдѣ никто не могъ довѣрять ему послѣ столькихъ тяжелыхъ опытовъ.

Наконецъ гадячская конституція явилась уже слишкомъ поздно для русскаго народа. Выполненная добросовѣстно во времена Хмельницкаго и Киселя, она могла-бы утишить народныя волненія, теперь же однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій русскаго народа было стремленіе освободиться отъ польско-напскаго гнета, отъ безусловной зависимости, основанной на припидвахъ, на которыхъ развивалась польская жизнь. Послѣ договоровъ зборовскаго и бѣлоцерковскаго народъ понялъ, что служить только орудіемъ въ рукахъ козаковъ; потерявъ довѣріе къ козакамъ, онъ охладѣваетъ къ ихъ борьбѣ и начинаетъ переселяться въ предѣлы Россіи, въ такъ называемыя вольныя полки. Съ того времени всѣ надежды народа обращаются къ Россіи.

Между тѣмъ въ Украинѣ нерѣдко происходятъ волненія, по большей части изъ-за гетманскаго достоинства, зависѣвшаго отъ свободного выбора всѣхъ козаковъ; на гетманскую булаву являлось одновременно по нѣскольку претендентовъ, каждый со своею партіею. Въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ по смерти Богдана Хмельницкаго бывало по нѣскольку самозванныхъ гетмановъ заразъ, взаимно истреблявшихъ другъ друга съ помощью козацкаго войска; но какъ простой народъ, такъ и чернь козацкая поддерживаютъ только гетмановъ вѣрныхъ Москвѣ и не признаютъ тѣхъ предводителей, которые пытаются сблизиться съ Польшей. Причины такого нерасположенія кроются какъ въ религіозныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ, такъ и во враждѣ, которая выработалась, какъ результатъ вѣковой борьбы съ польскимъ государствомъ. Но еще большее значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ то инстинктивное чувство народа, которое подсказало ему, что старшина козацкая стремится создать изъ себя новую шляхту по образцу польской; народъ опасался, что въ союзѣ съ

Польшей цѣль эта легко будетъ достигнута, между тѣмъ какъ подъ покровительствомъ Россіи дѣло можетъ пойти иначе,—но и эта послѣдняя надежда не оправдалась.

Этимъ только и можно объяснить огульное нерасположеніе массы народной противъ гадячскихъ статей; народъ не переносилъ самой мысли о шляхтѣ во всѣхъ ея видахъ.

Въ силу указанныхъ причинъ противъ Выговскаго подымается значительное большинство козаковъ, которые и пристаютъ къ московскимъ воеводамъ. Въ 1659 г. гетманъ съ помощью крыскаго хана разбилъ своихъ противниковъ подъ Ковотопомъ, но вскорѣ послѣ того оставленъ былъ татарами и принужденъ бѣжать въ Польшу.

Вслѣдствіе подчиненія Выговскаго Польшѣ и невыполненія послѣднею виленскаго договора, Россія начинаетъ новую войну съ Польшей, продолжавшуюся съ перемежнымъ счастьемъ въ теченіи восьми лѣтъ. Въ этотъ краткій промежутокъ гетманы съ чрезвычайной быстротой сменяютъ другъ друга на Украинѣ.

Сперва народъ вмѣстѣ съ козаками въ противобѣсъ Выговскому выбираютъ гетманомъ Юрія Хмельницкаго, котораго утверждаютъ и царь. Но, разбитый поляками, Юрій Хмельницкій также измѣняетъ Россіи подъ вліяніемъ старшинъ, совѣтовавшихъ ему помириться съ поляками на условіяхъ гадячскаго договора. Въ Чудновѣ подписанъ былъ миръ, подтвердившій всѣ гадячскія статьи за исключеніемъ одной, касавшейся образованія русскаго княжества изъ трехъ воеводствъ. Впрочемъ король не могъ выполнить чудновскаго договора, какъ не выполнялъ и гадячскаго, благодаря постоянному противодѣйствію со стороны шляхты, магнатовъ и духовенства.

Послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго черная рада, собранная въ 1663 г. въ Нѣжинѣ, выбрала на его мѣсто Брюховецкаго. Въ 1665 гетманъ этотъ отправился въ Москву, женился тамъ на боярской дочери и получилъ отъ царя титулъ боярина и богатая помѣстья. Въ угоду московскому правительству самъ Брюховецкій совѣтовалъ сократить козацкое самоуправленіе и увеличить число московскихъ воеводствъ въ Малороссіи.

По возвращеніи своемъ изъ Москвы Брюховецкій становится во враждебныя отношенія ко всей Украйнѣ; всѣхъ поражаетъ титулъ боярина, но раздраженіе еще больше усиливается, когда явились, въ сопровожденіи стрѣльцовъ, новые воеводы, соединявшіе въ своихъ рукахъ власть военную, гражданскую и судебную. Наступаютъ новыя волненія; народъ отказывается платить подати воеводамъ и начинаетъ избивать московскихъ солдатъ; считая Брюховецкаго главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ, все населеніе—мѣщане, козаки и крестьяне—сражается съ гетманскими козаками, собираящими подати.

Вторая русско-польская война оканчивается въ 1667 г. миромъ, заключеннымъ въ Андрусовѣ, по которому Смоленскъ, Сѣверская земля, вся Малороссія по лѣвую сторону Днѣпра и Кіевъ съ прилежащимъ къ нему округомъ на правомъ берегу рѣки отошли къ Россіи, а правобережная Украина, подъ начальствомъ своего особаго гетмана, досталась Польшѣ.

Такимъ образомъ гетманщина была раздѣлена на двѣ части, восточную и западную, или на правобережную и лѣвобережную Украйну. Вслѣдствіе этого происходятъ неурядицы, которыхъ не слѣдуетъ оставлять въ сторонѣ, для выясненія вопроса о ростѣ Россіи и ослабленіи Польши.

Когда объявленъ былъ андрусовскій договоръ, панвическій страхъ охватилъ все населеніе праваго берега Днѣпра; начинаются постоянныя волненія, какъ посполство, такъ и козаки ввали въ уныніе: оказалось, что всѣ кровавыя возстанія и тяжелыя жертвы, всѣ бѣды и лишенія, испытанныя народомъ, не привели ни къ какимъ результатамъ. Если силы цѣлой Украйны оказались недостаточными для борьбы съ поляками, то что могла сдѣлать теперь половина края, обезлюдѣвшая и одушевленная въ теченіи продолжительныхъ войнъ? Слова возвратятся ненавистные папы и станутъ обращать въ крѣпостное состояніе народъ, привыкшій уже къ свободѣ. Еще скорѣе паѣдутъ ненавистные ксендзы латинскіе и униатскіе и снова начнутъ силою обращать народъ въ унию и католичество, отбирать церкви, изгонять духовенство и т. д. Народъ южно-русскій зналъ по опыту, что условія договора, обезпечивающія свободу совѣсти и личности, не

будутъ исполнены и кромѣ обычныхъ притѣсненій придется еще испытывать всю тяжесть мести за возстанія, опустошенія и войны.

Впрочемъ поляки сами идутъ на встрѣчу всѣмъ опасеніямъ въ этомъ смыслѣ. Региментарь Маховскій, явившись съ отрядомъ воюема въ Брацлавщину, начинаетъ опустошать ее огнемъ и мечемъ подъ предлогомъ приведенія жителей къ подчиненію ресубликѣ.

Послѣ того, какъ восточная половина Украины вмѣстѣ съ Кіевомъ отошла къ Россіи, всѣ помыслы жителей западной половины направляются къ тому, чтобы не отдѣляться отъ правобережной Украины. Гетманъ лѣвой стороны Дибяра Дорошенко обращается къ царю съ просьбою принять его съ краемъ въ свое подданство; но царь съ своей стороны не желаетъ нарушать мира и народъ волею-неволею принужденъ покориться своей участи. Такимъ образомъ пустыни, усѣянныя пожарищами и человѣческими костями, въ силу андрусовскаго договора снова достаются въ руки шляхты.

Народъ называетъ козацко-польскія войны *руиною*, потому что козакъ разрушилъ, «*зруйновали*» въ древне-русскихъ земляхъ шляхетскіе порядки. Съ одной стороны вельможные паны сѣются сдѣлать изъ Украины другую Польшу и утвердить въ ней польское право; съ другой природная приднѣпровская Русь, предчувствуя въ этихъ стремленіяхъ свою гибель, опустошаетъ и разоряетъ города и села, грабитъ и сжигаетъ панскіе замки, а въ особенности католическіе костелы и монастыри, выгоняетъ пановъ и евреевъ арендаторовъ, сноситъ польское право, желая сохранить общинный порядокъ и свою вѣру и удержать въ рукахъ народа тѣ земли, которыя паны раздѣлили только между дворянами.

Резюмируя всѣ указаные факты, становится яснымъ, что вся исторія Украины характеризуется стремленіемъ южно-русскаго народа и его представителей козаковъ къ демократическимъ институціямъ. Войны козацкія представляютъ борьбу народной демократіи съ шляхетскою. Затѣмъ слѣдуетъ ясно отвѣтить на вопросъ: почему среди православнаго южно-русскаго народа замѣчается такой сильный антагонизмъ именно противъ католиковъ и католицизма?

а) Паны католики захватили въ собственность всѣ земли и обращали свободный народъ въ крѣпостное состояніе.

б) Католицизмъ въ Польшѣ стремился къ полному уничтоженію православія и русской народности.

Итакъ ничто иное, какъ любовь къ свободѣ и родной землѣ, любовь къ вѣрѣ отцовъ и собственной національности порождаетъ этотъ антагонизмъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНИНЪ XVIII ВѢКА.

Еще со второй половины XVII вѣка среди южно-русскаго общества начала мало по-малу обособляться отдѣльная сословная группа — козацкая старшина, дѣлившаяся на генеральную, полковую и сотенную. Въ составъ этой социальной группы входили только лица, занимавшія въ край видные административныя посты — то были: полковники, обозные, судьи, писаря, асаулы, хорунжіе, бунчужные, сотники и проч. Всѣ эти лица выполняли военныя и гражданскія обязанности, насколько вторыя проникались первыми. Они предводительствовали въ походахъ, засѣдали въ судахъ, распоряжались общественными суммами, слѣдили за общественными нуждами, являлись представителями интересовъ края и проч. Къ первой половинѣ XVIII вѣка эта сословная группа въ количественномъ отношеніи настолько успѣла расшириться, что представляла уже изъ себя какъ-бы сословіе съ особенными правами, лично впрочемъ присвоенными. Въ это-же время она успѣла значительно обособиться, замкнуться отъ другихъ сословій, насколько конечно позволяла тогдашняя общественная жизнь южной Руси.

Интересы козачей старшины XVIII вѣка дѣлаются діаметрально противоположными интересамъ другихъ социальныхъ группъ: козачества, мѣщанства и крестьянства.

Всѣ пріобрѣтаемыя старшиною права, ея матеріальное благосостояніе создаются въ ущербъ этимъ общественнымъ группамъ. Нѣтъ болѣе въ жизни фактора, который сглаживалъ-бы возникшую сословную рознь. Въ будущемъ видѣлось одно только дальнѣйшее обособленіе

старшины, которая съ вѣтергѣвиемъ лишь ждала легальнаго расширенія своихъ правъ и преимуществъ. Это-то расширеніе не только прежнихъ правъ, но и дарованіе новыхъ законодательнымъ порядкомъ и произошло сто лѣтъ тому назадъ, въ достопамятный день 21-го апрѣля 1785 года, когда Екатерина II даровала грамоту на права и привилегіи русскому дворянству, въ составъ котораго должна была войти и южно-русская козачья старшина. Далекое не вдругъ конечно совершился переходъ южно-русской козачей старшины въ дворянство. Много было потрачено представителями послѣдней труда на хлопоты въ дворянскихъ присутствіяхъ, въ герольдіи и проч., чтобы досказать свои права на дворянство. Не мало было при этомъ и злоупотребленій, но объ этомъ въ другой разъ... Теперь-же посмотримъ, какъ жила, что дѣлала, чѣмъ занимался южно-русскій дворянинъ въ теченіи прошлаго вѣка, каковы были его стремленія, идеалы, потребности. Предупреждаемъ читателя, что отнюдь не претендуемъ на полную и всестороннюю характеристику.

Проста и незатѣйлива была домашняя жизнь южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, чуждая лоска и моды, лишняя въ большинствѣ случаевъ искусственности и иноземщины.

Не въ палатахъ бѣлокаменныхъ жилъ онъ, а въ будынкахъ простыхъ, выстроенныхъ почти всегда доморощенными мастерами, обращавшими вниманіе не на вычурность и архитектурность строенія, а на то, чтобы оно было пообширяѣе, да «во углахъ и замкахъ крѣпко, а въ стѣнахъ прямо и ровно». Образцемъ для постройки панскаго дома служила простая крестьянская изба, раздѣленная сѣнями на двѣ половины. Такія сѣни дѣлили на двѣ части и панскіе будынки, состоявшіе изъ четырехъ и болѣе комнат¹⁾.

Внутренняя обстановка дома тоже лишена была особеннаго блеска и также не поражала посѣтителя, какъ не поражала его и внѣшній видъ дома. Внутреннія стѣны его бѣлились или оклеивались шпалерами (обоями), разрисованными болѣею частію мѣстными малярами, и оби-

¹⁾ Сулямовскій Архивъ, № 168. Судіевко, Матеріалы для отечественной исторіи, т. I, отд. 3, стр. 5, 17 и др. Москвитянинъ, 1852 г., № 17. Историческіе матеріалы, стр. 25.

вазель плахтами. Въ покояхъ (комнатахъ) разставлены были «ослонци» мѣстной фабрикаціи, выкрашенные дубовые стулья, два три кресла, обитыхъ «красною шкурою», канане столовое, лабойкою выбитое, столы дубовые, покрытые скатертями мѣстныхъ ткачей, на стѣнахъ «картины повоманерные», портреты: Богдана Хмельницкаго, хозяйна и его родственниковъ близкихъ, вѣсти маляра-иконописца, подчасъ глиняныя статуи, росписаныя разными красками, твореніе рукъ доморощеннаго скульптора-гончара изъ Дубенъ, часы, купленные съ большимъ коштою — вотъ почти и вся обстановка комнатъ южно-русскаго дворянина прошлаго вѣка ¹⁾. Не щедрый на украшенія и мебель, дворянинъ щедрѣе былъ на посуду, которая отличается даже нѣкоторою роскошью. Тутъ находимъ: серебряныя доски на чай, серебряныя кубочки, ложки и чайники, фарфоровыя чашки и тарелки, хрустальныя стаканы и рюмки: впрочемъ, здѣсь-же блюда, полуиски и тарелки «цѣны аглицкой», а не то я прямо деревянныя ²⁾.

Но если не особенно красна была наша дворянская изба XVIII вѣка углами, то за то красна была она пирогами. Гостепримство и радушіе, составляющія до сихъ поръ отличительную черту малоросса, въ XVIII вѣкѣ среди дворянства южной Руси было чрезвычайно распространено. Не проходило недѣли, чтобы у того или у другаго державцы (помѣщика) не собирались сосѣди на обѣдъ, семейную вечеринку, приватный бенкетъ и проч. Главною, почти единственною забавою на такихъ собраніяхъ была игра въ карты: марьяжъ, кадрили, ломберъ, пикетъ, три листа — были въ полномъ ходу. Въѣстѣ съ карточной игрою воздавалось, конечно, достодолжное поклоненіе Бахусу. Гости на вечерникахъ «куликали, подпивали зѣло, гуляли шумно», а иногда цѣлый слѣдующій день проводили «въ веселой и шумной компаніи, переходя отъ сиданія къ обѣду, отъ обѣда къ полудню, отъ полудня къ пидвечерку, отъ пидвечерка къ вечеру, а въ промежуткахъ занимаясь все

¹⁾ Сулямовскій архивъ, № 82, 91; Дневникъ Н. Хапенка, «Кіевская Старина» 1884 г. № 5, стр. 43, № 3, стр. 11, № 4, стр. 20; Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 51 и 289; ч. II, стр. 185, 305, 97.

²⁾ Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 289; ч. II, стр. 131, 180, 183; Сулямовскій архивъ, № 162.

тѣми-же кадрилиями. Самые обѣды на этотъ разъ подслащаемы были, съ одной стороны, домашними настойками — циномоновыми, курдымоновыми, персиковыми и другими, венгерскимъ, бурговскимъ и волоскимъ винами, съ другой стороны легоминками: маковниками, вафлями, марцѣпаннами и проч. ¹⁾ Кроме частныхъ бенкетовъ, въ которыхъ принимали участіе лишь близкіе знакомые державцы, устраивались еще «бенкеты публичные» по случаю какого либо особенно-радостнаго общественнаго событія: восшествія на престолъ новаго государя, выбора гетмана, полковника, дарованія милостей и проч. Устраивали такіе бенкеты или гетманъ, или полковникъ, или наконецъ какой нибудь присланный въ Малороссію правитель: число гостей на этомъ празднествѣ было весьма значительно, такъ какъ тутъ принимала участіе почти вся мѣстная старшина ²⁾.

Но главное значеніе въ дворянскомъ быту XVIII вѣка, какъ источникъ продолжительныхъ увеселеній, имѣли дворянскія свадьбы. Много простоты, общенародныхъ чертъ можно найти въ этой свадьбѣ, отличающейся отъ крестьянской лишь большей роскошью, большимъ просторомъ, но не носившей еще вполне характера сословной исключительности. Не стѣснительный, многосложный свадебный этикетъ, не принесенныя церемоніи, лишеныя нерѣдко смысла и значенія, а простые народные обычаи имѣли главное мѣсто въ «весельномъ» пиршествѣ нашего дворянина прошлаго вѣка. Посмотрите на самое высватываніе, какъ просто, незатѣйливо, при полномъ отсутствіи современныхъ витригъ, подходцевъ и заднихъ цѣлей—совершается оно... Завидитъ бывало какой нибудь панъ вѣдущихъ черезъ деревню знатныхъ молодыхъ людей, приглянутся эти люди, «запросить оны до себе на вечеру и при той вечери скажетъ своей дочцѣ частовать; и почнетъ самъ свадьбу заводить, жовячи: если кому панна потребна, то смотрите! чаю не ветидъ буде до Чернигова (родины жениха) привезти. Потомъ на завтрашній день, запросивши на обѣдъ, да и свадьбу учинить и зянки сва-

¹⁾ Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 18, 30, 35, 44, 104; ч. II, стр. 6, 18, 70 и другія; «Кіевская Старина» 1833 г. № 10 и 12 (Разновѣдности марцѣпанна и ганусковой горѣлки).

²⁾ Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 119, 247, 429; ч. II, стр. 43, 108.

дебные подасть»¹⁾. Приѣдетъ женихъ домой, расскажетъ о случившемся, испроситъ согласія у отца и матери, а затѣмъ отправятся родственники сваты къ намѣченной женихомъ невѣстѣ. Приѣдутъ они къ родителямъ ея съ хлѣбомъ-солью, уговорятъ о приданомъ, передадутъ подарокъ невѣстѣ отъ жениха и заключатъ все это обильнымъ «куликашемъ»²⁾. Пройдетъ мѣсяць, кругой въ приготовленіи къ свадьбѣ... Возвратится «выправленный для купленія подарковъ и для спораженія денежныхъ рѣчей, потребныхъ до того акту весельного» женихъ, окончательно приготовится гардеробъ невѣсты, состоящій изъ десятка кунтушовъ, шнуровокъ аксамитовыхъ и къвѣтчастыхъ, сподницъ гранѣтуровыхъ, запасокъ красныхъ златоглавыхъ, а за это-же время родители новобрачныхъ успѣютъ, частію лично, частію при посредствѣ писемъ, пригласить своихъ родныхъ и знакомыхъ «допомогти весельной компаніи», мотивируя свое приглашеніе тѣмъ, что «таковіи весельные акты найвящше приукрашаемы бывають собраніемъ друзей и пріятелей»³⁾. Если приглашаемый на свадьбу не могъ прибыть лично, то онъ присылалъ родителямъ новобрачныхъ поздравительныя письма съ пожеланіемъ, чтобы Господь Богъ благословилъ честное это намѣреніе совершить весьма благополучно, укрѣпиль-бы союзъ супружескій вѣчностіемъ, долголѣтіемъ, здравіемъ и «сыны сыновъ своихъ видѣтъ даровалъ»⁴⁾... Но вотъ оставалось нѣсколько дней «до весельного акта». Въ домѣ державца, справлявшаго весельный актъ, въ это время шли самыя тщательныя приготовленія: вычищали посуду, прибирали комнаты, подметали дворъ; особенно-же рьяно мѣстныя поварихи работали на кухнѣ. Да и было надъ чѣмъ поработать, ибо гостепріимный державца «на зарѣзъ для веселья вылучилъ въ хуторѣ барановъ 40, яловницъ старыхъ двѣ, молодую одну, воловъ двухъ»⁵⁾. На канунѣ дня свадьбы на дворѣ пана

¹⁾ Записки черниговскаго статистическаго комитета. Выпускъ 5 и 6 (Черты быта и нравовъ XVII и XVIII в., ст. Лазаревскаго).

²⁾ Ibid., стр. 25. Дневникъ Марковича ч. I, стр. 72. Сулямовскій архивъ, № 153-й.

³⁾ Записки черниговскаго статистическаго Комитета. Выпускъ 5, 6, стр. 86. Сулямовскій архивъ № 154, 158, 68.

⁴⁾ Ibid., 70, 71.

⁵⁾ Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 409.

повлялись рыдваны и повозки кованые, а въ нихъ державцы въ жунаяхъ съ широкими гаптоваными золотомъ поясами, къ которымъ привѣшены были сабли; въ высокихъ козацкихъ шапкахъ, въ красныхъ сафьяныхъ сапогахъ; а тутъ-же и жены ихъ, разодѣтыя въ штофные цвѣтные кунтуши, полутабенковые желтые, грезетовые голубые, обложенные серебрянымъ и золотымъ газомъ, съ бархатными и парчевыми закладками, съ блестящими кораблями на головахъ¹⁾... Всѣ эти гости или раздѣщались въ дождь державцы, или-же его родныхъ, ожидая вѣнчанія. Передъ вѣнцомъ слѣдовало обычное благословеніе родителей, наконецъ послѣ вѣнчанія наступало самое свадебное гулянье съ музыкой, съ хорами, съ обильнымъ поклоненіемъ Бахусу, съ легомпиками и закусками, съ продолжительнымъ ходеніемъ перезвы по роднымъ и знакомымъ новобрачныхъ²⁾. Около недѣли тянулся свадебный пиръ южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, требовавшій много средствъ, много хлопотъ отъ хозяевъ, но доставлявшій не мало удовольствія и имъ и гостямъ посѣтителемъ. Шумная дворянская свадьба заканчивалась обдариваніемъ новобрачныхъ на первое хозяйство³⁾.

Другимъ семейнымъ праздникомъ было рожденіе ребенка. И тутъ разсылались пригласительныя письма, но послѣднія сопровождались всегда посылкой родильнаго хлѣба и родильнаго отвара, т. е. сушеныхъ фруктовъ: яблокъ, грушъ, сливъ, изюма, сваренныхъ въ водѣ; позже, въ концѣ XVIII в., родильный отваръ замѣнился у дворянъ посылкой бутылки вина и пряниковъ. Пріѣхавшіе гости ко дню крещенія новорожденнаго привозили подарки державцѣ, посвящая нѣсколько дней кушканью и выпиванью⁴⁾.

Не менѣе удовольствій дворянской семьѣ приносили наступающіе праздники Рождества Христова и Пасхи, въ особенности послѣдніе. И старъ, и младъ изъ семьи дворянина принималъ участіе на первый

¹⁾ Сулимовскій архивъ, № 154, 162; Куляшъ, Михайлъ Чарнишенко, стр. 10.

²⁾ Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г., № 4, стр. 27.

³⁾ Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 13. Сулимовскій архивъ № 42. Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 410, 417.

⁴⁾ Дневникъ Марковича, ч. I, стр. 69, 72; Шафоновскій, Топографическое описаніе черлиговскаго наѣстничества, стр. 27; Сулимовскій архивъ, № 31, 67.

день въ разговѣвахъ; мало этого — въ обѣдѣ принимали участіе и «чествѣйшіе служители»¹⁾.

Открытие праздника принадлежало юныхъ членамъ семьи — дѣтямъ дворянина, приготовлявшимъ для поздравленія вирши, написанныя учителемъ ихъ — какимъ либо студентомъ или дьячкомъ. Приятно было родителямъ видѣть своихъ юныхъ грамотѣевъ, приятно было воспитателю услышать благодарность отъ хозяевъ; вирши, наполненныя непонятной для ребенка мифологіей о томъ, напризмѣръ, какъ Плутонъ похитилъ Діану, принособлались иногда имъ самимъ къ семейному торжеству. Неприличнымъ казалось ему для поздравленія имя Плутона и вотъ недолго думая переимѣнялъ онъ его на знакомое имя тутъ-же стоявшаго дяди Платона²⁾. А не то бывало полѣвится воспитатель написать виршу, а подъ руками реторика, возьметъ оттуда готовое стихотвореніе, придѣлаетъ въ концѣ: «чего и вамъ желаю, съ праздникомъ поздравляю» и отдаетъ ученику. Выступаетъ тотъ съ знакомыми ему стихами и начнетъ декламировать:

Лишь дневной шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ
И крался тихо сквозь лѣсокъ...

Въ семьѣ смущеніе: отецъ улыбается, мать тихо укоряетъ дядю-воспитателя, дѣдъ и бабушка умильно посматриваютъ, а грамотѣй все больше и больше воодушевляется:

А притчу всю короткимъ толкомъ,
Позвольте, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семь родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать,

«чего и вамъ желаю, съ праздникомъ поздравляю». Родительскія объятія были лучшей наградой виновнику семейной утѣхи³⁾. На другой и на третій день праздниковъ къ дворянину (если онъ жилъ въ городѣ)

¹⁾ Дневникъ Марьковича, ч. I, стр. 68; Москвитянинъ, № 17, 1852 года, Историческіе матеріалы, стр. 17.

²⁾ Москвитянинъ, № 17, 1852 г., стр. 15.

³⁾ Ibid., стр. 16—17.

приходили съ поздравленіемъ цехи: кушнѣрскій, кузнечій, ткацкій, рѣзницкій, неся въ подарокахъ что либо отъ своихъ издѣлій. Приходили также крестьяне и козаки тоже съ даяніемъ, что называлось дачей на «ралець»¹⁾. Дѣломъ много удовольствія доставляли для дворянина южно-русскаго поѣздка по пасѣкамъ. Въ такихъ поѣздкахъ принимали участіе всѣ домашніе, а подчасъ и сосѣди державцы²⁾.

Среди всѣхъ этихъ семейныхъ увеселеній, число которыхъ, какъ мы видимъ, было значительно, дворянинъ не забывалъ своихъ нравственно-религіозныхъ обязанностей. Постройка и украшеніе на свой счетъ церкви, содержаніе священниковъ и всего церковнаго причта, отписываніе имущества на монастыри—явленія заурядна въ прошлой жизни нашего дворянина³⁾. При этомъ, заботясь объ устройствѣ церкви, онъ заботился въ тоже время и о нравственной сторонѣ священника-пастыря, который обязывался державцѣ: «съ парафіянами обходиться ласково и тихо, въ лишніа гулянья, непристойныа мѣста и шинки не ходить, не уиваться, парафіянъ-же обучать христіанскимъ обрядамъ, какъ почитать Всевышняго Творца и ему молиться»⁴⁾.

Мало того, даже въ домашней жизни религіозные обряды исполнялись строго; назначались домашніа эпитеміа: «Новый Заѣтъ прочесть черезъ годъ и внимательно набоженства слушать, мыслию не скитаяся», или «псалтырь прочесть не въ зачетъ обыкновеннаго чтенія», «по средамъ я пяткамъ по три канѣзны»⁵⁾. По умершемъ справлялись частые обѣды: третинный, девятиный, полусорочинный, сорочинный, роковой (голичный) обѣдъ и на святой въ четвергъ. Обѣды сопровождались щедрой раздачей денегъ: церковному причту, школьнымъ молодыкамъ, старцамъ, въ шпитали, на бурсу, наконецъ на «тѣхъ, которые по турмахъ сидятъ». Сорочоусты при этомъ справлялись въ двадцати и болѣе церквяхъ. Годичный расходъ на поминки доходилъ до нѣсколькихъ сотъ рублей⁶⁾.

¹⁾ Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина», № 10, стр. 103.

²⁾ Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 141.

³⁾ Сулямовскій архивъ, № 166, 168, 180.

⁴⁾ Сулямовскій архивъ, № 472.

⁵⁾ Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 106, 200.

⁶⁾ Сулямовскій архивъ, № 40, 47, «Кіевская Старина» 1883 г., № 11. Заѣщаніе Григорія Галагана, стр. 466; Записки черниговскаго статіястическаго комитета Висоцкаго, т. I, стр. 77 ст. Пазаневскаго.

Но какъ ни важны и ни дорого стоючи были всѣ эти заботы о спасеніи души и въ тоже время о разныхъ удовольствіяхъ, не онѣ главнымъ образомъ охватывали жизнь нашего дворянина, не въ нихъ онъ видѣлъ счастье своей жизни, не здѣсь сосредоточивалось главное его вниманіе. Были въ его жизни болѣе дорогія, болѣе близкія заботы, на которыя посвящалось много времени, силъ, труда. То были попеченія о семьѣ. Каковъ былъ идеалъ семейныхъ отношеній, лучше всего видно изъ слѣдующаго завѣщанія одного дворянина прошлаго вѣка (1746 г.): «всѣмъ вамъ дѣтямъ моимъ, старшимъ и младшимъ, когда придутъ въ возрастъ сей крайній, предаю завѣтъ, дабы вы, яко единокровные, другъ друга любили, житіе свое при всякихъ добродѣтеляхъ по заповѣдемъ Божиимъ производили и всякіе дѣла не сами собою, но за совѣтомъ старшихъ сестеръ и братьевъ, а паче въ замѣнствѣ (супружествѣ) и другихъ стажахъ вѣщали, и порученіе вамъ отъ мене имѣнія у добромъ порядкѣ содерживали и не расточевали оныхъ». Если-же кто нибудь изъ дѣтей расточалъ имѣніе, то другіе должны были лишиться его части наслѣдства и раздѣлиться ею; въ случаѣ-же несчастнаго разоренія имѣніе потерявшаго должно было поступить въ залогъ или продажу, но только его родственникамъ ¹⁾).

Семья дворянская никакимъ образомъ не допускала выдѣлять своего члена прежде женитьбы. Холостая жизнь внѣ семьи считалась новшествомъ, позорящимъ семью, удручающимъ родителей, противнымъ общенароднымъ обычаямъ. Даже женатые сыновья не всегда выдѣлялись изъ семьи, предпочитая жизнь подъ родительскимъ кровомъ, при взаимной помощи, жизни самостоятельной, внѣ семьи ²⁾. Много лежало заботъ у отца и матери о семьѣ; но главными изъ нихъ были воспитаніе дѣтей и возможно большее матеріальное ея обезпеченіе.

Первоначальное воспитаніе дѣтей велось на дому: съ этою цѣлью нанимаемы были дѣяки и семинаристы для мальчиковъ, учителя или инспекторы для дѣвочекъ. Дѣяки, собравъ достаточное число мальчиковъ, заводили нѣчто въ родѣ школы, гдѣ столы замѣняли классы.

¹⁾ Завѣщаніе бунчуковаго товарища Бутовича. Записки черниговскаго статистическаго комитета, Выпускъ 1 и 2, стр. 119, ст. Лазаревскаго.

²⁾ Сулжовскій архивъ, № 60.

Назывались они по предметамъ преподаванія: букварь, часословъ и псалтырь. «Школьники дѣлились на мальчиковъ, подростковъ и взрослыхъ. Писали сначала разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ воскомъ черныхъ дощечкахъ не сломстаго дерева, съ простроченными линейками, а пріученные писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго-же отдѣленія набирались охотники въ особый крмолойный классъ для церковнаго пѣнія, уроки котораго производились раза три въ недѣлю: зимою въ компатѣ дьяка, а по весѣ подъ навѣсомъ... А для вспоможенія себѣ дьякъ старшимъ поручалъ меньшихъ. Отцы за науку платили дьяку по условію за каждый классъ натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ было торжествомъ всей школы. Окончившій приносилъ въ школу большой горшокъ едобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ съ особымъ обрядомъ бралъ платокъ себѣ, школьники съѣдали кашу, а горшокъ разбивали палками гдѣ либо на пугтырь въ мелкіе куски. Къ праздникамъ дьякъ давалъ ученикамъ поздравительныя вирши»¹⁾.

Болѣе состоятельныя дворяне предпочитали имѣть у себя дома учителя. Бывало и такъ, что два или три семейства совместно договаривали воспитателя. Предметами обученія были: латинскій, нѣмецкій, французскій языкъ, политика, поэтичное искусство и учтивость. Съ учителями заключался обыкновенно контрактъ, чему онъ долженъ учить, а также, какое ему вознагражденіе. Вотъ, для примѣра, такой контрактъ: «Иванъ Аркадійскій обязался учить сына Мишу по латыни и по нѣмецки, а ему за ученіе 20 р. въ годъ, за столъ-же и прочее 50 р., муки пшеничной 1 четверть, гречневыхъ крупъ 1 четверть, муки житной 4 четверти, пшена поль-четверти, сахару двѣ головы». «Учителкѣ» къ подобнымъ условіямъ прилагались еще «лигоминки»²⁾.

Домашними учителями являлись чаще всего семинаристы, бродившіе по городамъ и селамъ за денежными пособіями. Прійдя въ деревню, семинаристы пѣли по церквямъ, затѣмъ посѣщали господскіе дома, гдѣ, вручивъ предварительно хозяину свои ораціи, играли интермедіи и распѣвали духовные стихи³⁾. Цержавца, нуждавшійся въ воспитателѣ,

¹⁾ Москвитянинъ, 1852 г., № 17, стр. 7.

²⁾ Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 392, 399, 403, 225, 264.

³⁾ Дневникъ Хансика, «Кіевская Старина» 1884 г. № 3, стр. 7, 16.

заставлялъ одного изъ принедашихъ семинаристовъ что нибудь процѣть, прочитать, а затѣмъ уже заключался контрактъ ¹⁾.

Научившись первоначальной грамотѣ, дворянскія дѣти поступали въ латинскія школы, гдѣ совершенствовались въ латинскомъ языкѣ, постигали затруднительное, темное стихотворство, краснорѣчіе, философію и отчасти новые языки. Такія латинскія школы существовали въ Кіевѣ съ именемъ академіи, Черниговѣ, Переяславѣ и Харьковѣ подъ названіемъ коллегій. Но главное мѣсто, куда направляли свои стопы дворяне, былъ Кіевъ. Здѣсь поступали они въ академію, живя на частныхъ квартирахъ подъ присмотромъ инспектора, привезеннаго изъ дому. На обязанности инспектора лежало веденіе продовольственной части, наблюденіе за исправнымъ посѣщеніемъ уроковъ воспитанниками, за ходженіемъ въ церковь, баню и проч. Инспекторъ поступалъ съ дѣтьми гуманно: ему не только не позволялось «за лобъ рвать, по головѣ бить, но даже назвать дѣтей мужикомъ или свищей» ²⁾. Ученіе, происходившее въ неизмѣннхъ классахъ: Фары, Инфимы, Грамматики, Синтаксиски, Поззіи, Риторики, Философіи и Богословіи, носило характеръ безжизненности, темноты и схоластичности. Покончивъ ученіе въ мѣстныхъ школахъ, часть воспитанниковъ поступала въ гражданскую службу, начиная ее въ войсковой генеральной канцеляріи, а позже въ малороссійской коллегіи ³⁾. Но значительное число покончившихъ съ домашней наукой продолжали искать свѣта въ польскихъ училищахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, а съ половины XVIII в. и въ нѣмецкихъ университетахъ. Охота продолжать ученіе въ заграничныхъ школахъ была настолько велика у воспитанника, что даже матеріальная нужда не страшила его. «Когда мнѣ не пришлютъ денегъ, пишетъ воспитанникъ изъ Вроцлава, и то, хоть хлѣба просячи, буду учиться. Богъ мене не оставитъ... Але теперь познаю, що то есть наука, що то учений человекъ? який зъ его пожитокъ! Также вѣра святая не можетъ стояти безъ науки: якъ можемъ церковь святую отъ еретиковъ чисту сохранить безъ науки? Не могу словами выразити» ⁴⁾.

¹⁾ Москвитинъ, *ibid.*, стр. 9.

²⁾ Сулимовскій архивъ, № 143. Дневникъ Марковича, ч. II, стр. 275.

³⁾ Шафонскій, стр. 35.

⁴⁾ Сулимовскій архивъ, № 34.

Интересны по своей значительности и разнообразію тѣ требованія, которыя предъявлялись подчасъ сыну со стороны отцовъ при отправкѣ его въ заграничный университетъ. Требовалось изучить латинскій, французскій, нѣмецкій языки настолько, чтобы «чинно и свободно оными разговаривать и самимъ изряднымъ стилемъ писать», но главное «высокихъ авторовъ на тихъ языкахъ не токмо читать, но и переводить и толковать»; сверхъ языковъ полагалось пройти: церковную и свѣтскую, генеральную и партикулярную исторію, поэтику, риторику, логику, физику, метафизику, отчасти ариметику, астрономику, геометрію, тригонометрію, архитектуру, географію, этику, экономику, политику, юриспруденцію и механику, да еще «живописства, музыки, либо какого другого мастерства». При этомъ все это требовалось постигнуть такъ, чтобы «за возвращеніемъ въ отечество показать въ самой вещи, яко не всеу въ чужихъ краяхъ было обращеніе и въ наукахъ не напрасно потеряно время»¹⁾. Допустимъ, что это максимумъ требованій, предъявляемыхъ учащемуся, допустимъ, что писавшій это письмо генеральный хорунжій, Николай Ханенко былъ человекъ въ то время по образованію и уму не заурядный, но все таки, если возьмемъ даже минимумъ требованій, то и тогда они будутъ значительны. Здѣсь мало одного формальнаго отношенія къ дѣлу. Нужна любовь къ наукѣ, особенная страсть и уваженіе къ просвѣщенію, чтобы, терпя значительныя матеріальныя средства, претерпѣвая перѣдко лишенія, вѣхать учиться въ чужія страны и одолѣть такую массу научнаго матеріала.

Что привязанность къ наукѣ была въ значительной степени развита среди южно-русскаго дворянства прошлаго вѣка, объ этомъ свидѣтельствуютъ литературныя занятія дворянина у себя на дому. Желаніе знать современныя событія повуждало его выписывать газеты французскія, нѣмецкія и русскія. Выписка заграничныхъ газетъ затруднена была тѣмъ обстоятельствомъ, что приходилось сначала высылать деньги въ Москву къ почтмейстеру и уже оттуда выписывались заграничныя газеты²⁾. Кроме газетъ, выписывались еще книги изъ Гданьска (Дан-

¹⁾ Дневникъ Ханенка. Предисловіе А. Лазаревскаго, «Кіевская Старина» 1884 г., № 3, стр. XI и XII.

²⁾ Дневникъ Ханенка, «Кіевская Старина» 1884 г., № 6, стр. 62; Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 181, 126; ч. 1, стр. 62.

цига), Москвы и другихъ мѣстъ. Постепенное накопленіе книгъ способствовало составленію домашнихъ библиотекъ, число томовъ которыхъ доходило иногда до нѣсколькихъ сотенъ ¹⁾. Иная книга переходила долго изъ рукъ въ руки прежде, чѣмъ бывала возвращена въ библиотеку. Судя по книгамъ, особенный интересъ среди дворянства имѣли сочиненія историческія: *Sulpitii Severi—historia sacra*; *Buddei—historia ecclesiae*; *Cleverii—introductio in universam geographiam*; *Puffendorfi—introductio ad historiam Europae*; *Historia Poloniae*; *Historia rerum in Europa*; *De bello scythico cosacico*; *Woyna domowa*; *geographia antiqua et nova—Celarii* и проч.

Непомѣрное чтеніе доводило иной разъ слишкомъ усерднаго читателя до сумашествія. Въ 1740 г. бунчуковый товарищъ Лаврентій Борозна помѣшался, началъ буйствовать, выгоняя изъ дому дѣтей и жену. Последняя жаловалась на мужа за его «непотребніе затѣйки», объясняя, что «то все ему не съ чего иного приходитъ, какъ только зъ его одного во умѣ помѣшательства, которое ему болѣе, уповаю, приключилось отъ излишняго пьяного папитку, такожь многого писання и излишняго тожь чтенія книгъ, ибо онъ, мужъ мой, и инѣ не токмо, чтобъ куда проездился или за экономію господаревую имѣлъ какое радѣніе, кроми одного разоренія, не прибавля по экономіи ничего, по здержуя я готовне, по излишеству его, денги, а болѣе, затворясь крѣпко въ избѣ, пишеть и читаетъ и чрезъ носѣмъ лѣтъ уже, по закону христіянскому, не сообщается всенайсвятѣйшимъ тайнамъ и въ церковь никогда не ходитъ; но когда пойдетъ, то развѣ подъ алтаремъ постоитъ мало, а внутрь церквѣ никогда ходу не имѣеть, имѣя о томъ нѣкоторое умовредное мнѣніе: взялъ-же себѣ въ мысль, что ежели неправедного, по его мнѣнію, человека убить, пѣвакова отвѣта предъ Богомъ не дастъ, но еще, за то и особенное получить спасеніе» ²⁾.

Трудно опредѣлить въ данномъ случаѣ содержаніе книгъ, чтеніе которыхъ такъ губительно отразилось на умственномъ состояніи Борозны.

¹⁾ Дневникъ Хавенка, «Кіевская Старина» 1884 года, № 8, стр. 67-Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 121, 225; ч. 1, 267.

²⁾ Записки черниг. статист. комитета. Вып. 1 и 2, стр. 73.

Видно одно только, что помимо чтенія въ данномъ случаѣ работала мысль и работала, по всей вѣроятности, сильно...

Послѣ всего сказаннаго о степени и характерѣ образованности южно-русскаго дворянства, намъ станутъ вполне понятны его просьбы къ русскому правительству объ открытіи въ краѣ университетовъ и гимназій. Первая попытка (1760 г.) въ этомъ родѣ принадлежитъ гетману Разумовскому, который внушилъ члену малороссійской коллегіи Теплому составить проектъ относительно учрежденія университета въ Батуринѣ. Мотивами къ устройству университета были выставлены, съ одной стороны, склонность малороссійскаго народа къ наукамъ, съ другой отсутствіе удовлетворительныхъ школъ для высшихъ занятій, ради которыхъ «желающіе» повятъ свыше того, что въ школахъ малороссійскихъ преподается, добровольно, положи надежду на щедрость подателей, выходятъ въ польскія училища, нѣмецкіе университеты, а иногда и до Рима, почитая оный, по ихъ мнѣнію, за древній Коринфъ». На постройку университета предполагалось часть суммы собрать изъ дворянъ «по пропорціи своего имущества», такъ какъ «сіе учрежденіе для воспитанія господскихъ дѣтей поставляется». Въ студенты университета могли поступать воспитанники, окончившіе курсы въ кievской, переяславской, черниговской, бѣлгородской и польскихъ школахъ. Курсы ученія полагался трехгодичный. Лекціи должны были читаться по слѣдующимъ каедамъ: 1) латинскаго краснорѣчія; 2) логики, метафизики, философіи практической; 3) натуральному праву и юриспруденціи; 4) древностямъ, исторіи литеральной и политической, генеалогіи и геральдики; 5) физикѣ теоретической и практической; 6) физикѣ экспериментальной и математикѣ со всѣми ея частями; 7) анатоміи; 8) химіи; 9) ботаникѣ и исторіи натуральной¹⁾.

Въ 1764 году было подано Екатериинѣ II прошеніе южно-русскаго дворянства о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, гдѣ между прочимъ была выражена просьба объ основаніи въ Малороссіи двухъ университетовъ: въ Кіевѣ съ четырьмя факультетами, въ Батуринѣ съ тремя. Въ этомъ-же прошеніи возбуждалось ходатай-

¹⁾ Чтенія московскаго общества исторіи и древностей руссійскихъ 1863 г. книга 2, стр. 67—85.

ство объ основаніи гимназій¹⁾. Три года спустя, когда выбирались депутаты въ «комиссію для сочиненія новаго уложенія», наше дворянство въ своихъ наказахъ снова проситъ императрицу пожаловать ихъ высочайшею милостію, учредить университетъ въ Переяславѣ, «яко сей городъ не послѣдній между малороссійскими городами»; затѣмъ просятъ учредить шляхетскій корпусъ, гимназію и «домъ воспитательный для дѣвицъ, ибо и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ добромъ воспитаніи». Но не суждено было осуществиться этимъ благороднымъ порывамъ южно-русскаго дворянства²⁾. Ни одинъ изъ проектируемыхъ университетовъ не былъ открытъ, а гимназіи начали открываться только въ началѣ XIX вѣка. Становится въ данномъ случаѣ непонятнымъ тотъ индифферентизмъ, съ какимъ правительство Екатерины II отнеслось къ просьбамъ дворянства о расширеніи мѣстнаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина любила просвѣщеніе и глубоко уважала дворянское сословіе. Нельзя думать, чтобы тутъ была боязнь или какое-нибудь преднамѣренное желаніе задержать образованіе края. По всей вѣроятности, военныя предпріятія екатерининской эпохи и другія дѣла внутри государства заставляли откладывать просвѣщеніе южной Руси въ долгій ящикъ.

Подводя теперь итогъ потребностямъ южно-русскаго дворянина прошлаго вѣка, мы увидимъ, что онѣ были довольно значительны. Начиная съ увеселеній, переходя къ религіознымъ потребностямъ и кончая стремленіемъ къ наукамъ и воспитанію дѣтей—все требовало значительныхъ матеріальныхъ затратъ, болѣе или менѣе высокой матеріальной обезпеченности, а также хорошаго состоянія тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ добывались средства, говорю хорошаго, такъ какъ въ противномъ случаѣ нужно было находить другія лазейки. Къ сожалѣнію, южно-русское дворянство прошлаго вѣка, стремясь къ обогащенію, сосредоточивало свои заботы только на количествѣ доходовъ, а какимъ образомъ они добывались, объ этомъ, какъ увидимъ, мало думали наши дворяне.

¹⁾ «Кіевская Старина» 1883 г., № 6, стр. 344.

²⁾ Авсѣенко, Малороссія въ 1767 г., стр. 48.

Главнымъ источникомъ матеріальныхъ средствъ для нашего дворянина служила земля, пріобрѣтеніе которой большею частію обходилось безъ затратъ, а если и съ затратами, то самими незначительными: получались земельные участки съ хуторами и селами въ подарокъ отъ государя или гетмана за службу, отъ родныхъ по наследству, отъ козаковъ путемъ покупки и отбранаія за долги, наконецъ присваивались ранговья имѣнія, т. е. отдавныя на время занятія извѣстной должности. Такимъ образомъ составлялись громадныя имѣнія въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земель, съ даровыми рабочими руками, явившимися въ лицѣ крестьянъ, жителей полученныхъ помѣстій¹⁾. Большая часть земель застѣвалась рожью, но послѣдняя рѣдко шла въ продажу. Для нея было другое употребленіе—это винокуреніе. Производство водки было сильно распространено между дворянскимъ сословіемъ XVIII в., что является вполне понятнымъ, если принять во вниманіе съ одной стороны полную свободу выкуриванія и продажи водки, безъ всякихъ налоговъ, а съ другой невозможность сбывать на рынкѣ рожь за отсутствіемъ большаго спроса. Вотъ почему въ XVIII в. почти въ каждомъ помѣщичьемъ хуторѣ находилась винокурня, выкуривавшая десятки кубъ (бочекъ) водки, которая путемъ продажи распространялась на мѣстѣ, а еще больше въ Великороссіи, на Кавказѣ и за границей²⁾. Каждый державца, имѣвшій винокурню, имѣлъ въ то-же время нѣсколько шинковъ по городамъ и селамъ. Шинки эти отдавались иногда въ аренду евреямъ, а иногда помѣщикъ садилъ туда честнѣйшаго изъ своихъ слугъ. Торговля въ шинкахъ была очень выгодна для державцы. Она доставляла ему и деньги и рабочую силу, ибо всякій крестьянинъ и козакъ, набравшій въ долгъ водки и не имѣвшій средствъ уплатить долга—поступалъ въ услуженіе къ державцѣ³⁾. Кромѣ земледѣлія, державцы занимались еще скотоводствомъ и ичеловодствомъ. Число овецъ державцы простиралось до нѣсколькихъ тысячъ; но содержаніе овецъ велось небрежно, что вызвало извѣстныя

¹⁾ Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 213; см. вын. 62.

²⁾ Авсѣяко, Малороссія въ 1767 г. Прибавленіе, стр. 142. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 339.

³⁾ Дневникъ Марковича, стр. 256, ч. 2.

мѣропріятія Петра I, разславшаго по Малороссіи регулы, т. е. правила, какъ содержать овецъ. Больше цѣнились вола, которыхъ много продавали въ Силезіи и Москвѣ. Распространены были также конскіе заводы, гдѣ содержались лошади разныхъ породъ: неаполитанской, англійской, гишпанской, датской, барбарской и проч. Лошади сбывались преимущественно въ Польшу¹⁾. Но самымъ любимымъ занятіемъ для дворянина было пчеловодство. Пасѣнки были громадны: каждая вмѣщала до 200 пней, а такихъ пасѣкъ бывало 4, 5 и больше. Непосредственное веденіе пасѣнки поручалось пасѣчнику, на обязанности котораго лежало: ульи дѣлать, аккуратно пчелъ кормить медомъ, выискивать удобныя мѣста для перевозки лѣтомъ пасѣнки, стараться объ увеличеніи прибыли, ставить ульи въ погребъ на зиму и навѣдываться туда²⁾. Существовало еще дупляное пчеловодство, иначе бортничество, особенно распространенное въ лѣсныхъ мѣстностяхъ.

Не менѣе было развито производство пеньки, особенно въ Стародубовщинѣ. Мало того, что дворяне сами разводили ее; они давали еще мужикамъ въ долгъ деньги, требуя возврата пенькой. Пеньку для продажи отправляли въ Ригу, Петербургъ и Архангельскъ, гдѣ частію продавали за деньги, частію-же промѣнивали на сукна и вино и на товары, необходимыя для домашняго обихода³⁾.

Существовали еще тютюнные (табачныя) плантаціи, преимущественно въ полкахъ черниговскомъ и нѣжинскомъ, въ сотняхъ конотопской и борзненской, отчасти въ полкахъ полтавскомъ, гадяцкомъ, прилуцкомъ и сотнѣ роменской. Табакъ производился: простой, виргинскій, амерфордскій, турецкій и гадяцкій. Для продажи его отправляли въ Бѣлоруссію, Сибирь, Петербургъ, Польшу, Крымъ, Курляндію и Запорожье⁴⁾. Что касается до заводовъ и фабрикъ, то ихъ, кромѣ винокурень и будъ (селитренныхъ заводовъ), въ южно-русскомъ краѣ было мало.

У нѣкоторыхъ державцевъ были заводы желѣзные въ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ. Руда, добываемая изъ болота, годилась только

¹⁾ Шафонскій, Топограф. опис. черв. нам., стр. 533. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 316; ч. 1, стр. 253.

²⁾ Сулимовскій архивъ, № 98.

³⁾ Сулимовскій архивъ, № 129.

⁴⁾ Шафонскій, стр. 10. Дневникъ Марковича, ч. 1. стр. 21, 39.

для плавления чугуна и мелкихъ полосъ желѣза. Последнее употреблялось исключительно на мѣстѣ ¹⁾. Больше было развито стеклянное производство. На гутахъ (такъ назывались въ южной Руси стеклянные заводы) выдѣлывалась посуда для домашняго обихода, часто изъ простаго зеленого стекла; благо-же оконнаго и хрустали почти не выдѣлывалось. Въ большомъ распространеніи, какъ и уже сказано, было селитренное производство. Въ каждомъ полку и сотнѣ находились буды, выдѣлывавшія селитру. Главнымъ мѣстомъ продажи ея были шостенскіе пороховые заводы ²⁾.

Наконецъ у помѣщиковъ въ домахъ выдѣлывались: домашніе холсты, скатерти, серветки, ковры, простыя бѣлыя и черныя сукна для домашняго употребленія и продажи ³⁾. Если товары продавались дворяниномъ на мѣстныхъ деревенскихъ и городскихъ ярмаркахъ, то покупателями ихъ чаще всего являлись мѣстные торговцы, называвшіеся «гадлювыми людьми». Эти гадлювные люди покупали: водку, тютюнъ, вовну, воскъ, лой, ганушь (анисъ) и проч., ведя торговлю въ Силезіи, Кролевицѣ прусскомъ, Слуцкѣ, Вильнѣ, Даяцигѣ, Могилевѣ и проч. ⁴⁾.

Такимъ образомъ предметовъ торговли въ большинствѣ случаевъ были сырыя матеріалы.

Вообще-же обрабатывающая промышленность и торговля края были весьма неразвиты и среди низшихъ сословій, и среди дворянства, такъ что съ «великою нуждою можно какую нибудь порядочно сдѣланную вещь получить, а должно почти все изъ Москвы или Петербурга доставать» ⁵⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 20; Сулямовскій архивъ, № 141.

²⁾ Шафонскій, стр. 21, 328, 412, 628, 650. Сулямовскій архивъ, № 142. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 310. Въ предѣлахъ полтавской и черниговской губерній до сихъ поръ сохранились названія селъ и хуторовъ: Буды, Рудни, Гуты, мѣста, гдѣ были въ XVIII в. заводы.

³⁾ Шафонскій, стр. 616 и др. Намъ приходилось видѣть въ Гадячѣ изъ этихъ издѣлій ковры; цвѣта перестг подобраны были удачно. Рисунки выполнены удовлетворительно и взяты изъ мѣстной жизни: бандуристъ сидящій, крестьяне въ національныхъ костюмахъ и проч.

⁴⁾ Архивъ малороссійской коллегіи при зарьковскомъ университетѣ, № 3216. Сообщеніемъ этого документа мы обязаны проф. Д. Н. Багатю.

⁵⁾ Шафонскій, *ibid.*, стр. 21.

Вотъ эта-та невозможность удовлетворить большую часть своихъ потребностей у себя дома, а также мѣстными произведеніями, въ связи съ неумѣренной страстью къ обогащенію заставляла дворянина искать другихъ источниковъ доходовъ. Этими источниками явились непожѣрные повинности крестьянъ, выражавшіяся въ двухъ ихъ положеніяхъ: одни «крестьяне панцину робили», другіе на «чиншѣ сидѣли». Кроме этого крестьяне должны были давать державцѣ еще такъ называемую осенцину. Она собиралась съ урожая по числу рогатаго скота: помимо хлѣба осенцина выплачивалась деньгами, домашней птицей, овцами, мотками нитокъ, орѣхами, хвѣлемъ, лядцами, произведеніями домашней утвари и проч. Платили также за позволеніе жениться, что называлось «куничными грошами». Съ насѣкъ брали ичелину, десятину (1 улей отъ десятины), очковое (отъ улья), съ тютюна-же—тютюнную.

Что касается до количественныхъ размѣровъ этихъ повинностей, то они опредѣлялись исключительно самимъ державцею. Отъ его воли зависѣло уменьшать или увеличить требованія, щадить крестьянъ и ихъ имущество, заботиться о развитіи ихъ хозяйства или, игнорируя всеѣмъ этимъ, стараться только лишь о возможно большемъ полученіи прибыли. Къ сожалѣнію среди южно-русскаго дворянства прошлаго вѣка проявились стремленія лишь втораго рода. Какъ панщина, такъ и другія повинности были неумѣренны, и тяжело ложились на крестьянское сословіе. Панщина, ограниченная 2-мя днями въ недѣлю, доходила до 4-хъ и 5 дней, благодаря чему крестьяне жаловались, что «нѣтъ не можно и хлѣба лѣтомъ заработать»¹⁾. Размѣры другихъ повинностей были настолько значительны, что окончательно разорили крестьянское хозяйство²⁾. Большею зависимости крестьянъ отъ державцы способствовали также частые ихъ займы денегъ и продуктовъ. Державца, дабы побольше получить себѣ выгоды, запрещалъ своимъ крестьянамъ зани-

¹⁾ См. Носовитые крестьяне, А. Лазаревского, стр. 48, 46.

²⁾ Ibid. Въ м. Шаповзловкѣ (борзешской сотни) крестьянъ считалось 78 домохозяевъ: многоземельныхъ 5, малоземельныхъ 27, огородниковъ 8 и безземельныхъ 38. Одни отдавали державцѣ жита батуринской мѣры 50 оскачковъ, овса 75 оскачковъ, пшеницы 3 четверти, пшона 3 четверти, гороху 3, сѣмена конопля-

мать что-либо у кого другаго, кромѣ себя. Заемъ для большей гарантіи производился иногда цѣлому обществу. Вотъ для примѣра условія займа: «слоутцы дали обликъ на 50 р., имъ данные займы, съ условіемъ возить намъ 10 лѣтъ дрова и дерево и всякаго года давать намъ на 1 или 2 дня косарей по 20 человѣкъ»¹⁾.

Нѣкоторыя державцы, занимавшіеся торговлей, имѣли обыкновеніе раздавать крестьянамъ для продажи свои товары: шелкъ, сафьянъ, вино и др. Цѣны на товаръ выставлялись высокія, такъ что крестьяне отъ продажи товара получали значительные убытки; но державца требовалъ означенную плату сполна, что и долженъ былъ выполнить посполитый, ибо въ противномъ случаѣ ему грозили «кіевіе побоища, мордерское обращенье», наконецъ тюрьма, куда сажали подъ часъ и ни въ чемъ невинную жену должника²⁾. Результатомъ такихъ угнетеній крестьянъ было то, что они бросали свои дома, бросали свое имущество и уходили искать лучшей жизни; но бывали еще худшія послѣдствія—крестьяне поднимали буйства, оканчивавшіяся весьма плохо для державцы: «онъ бывалъ забить, пробить и носъ ему отрѣзанъ»³⁾.

Боснувшись крестьянскихъ повинностей, какъ источника доходовъ южно-русскаго дворянина XVIII вѣка, нельзя тутъ-же не упомянуть о другой общественной группѣ XVIII вѣка—козачествѣ, приписавшемъ то-же немало прибыли дворянину. Правда, добываемая изъ этого источника средства, являются результатомъ насилія, цѣлаго ряда несправедливостей, нарушенія войсковаго права и носятъ какъ-бы частный, случайный характеръ, но они настолько все-таки значительны, что не упомянуть о нихъ нельзя. Прежде всего козакъ являлись рабочей силой для нашего дворянина. Недостатокъ въ работникахъ при обширности

наго 3 четверти; кромѣ того 300 квартъ масла (по квартѣ отъ вода), 300 квартъ олѣя, овецъ 230, кабанявъ годованихъ 60, гусей 300, утокъ 300, курей 600, яицъ 5000, грошей 200 золотыхъ (золотой 20 коп.), не говоря уже о томъ, что эти-же крестьяне бесплатно орали поле, косили сѣно, убирали лѣбъ, возили подводами въ Москву пашню и горѣлку. Въ большей или меньшей степени такой-же характеръ носили повинности и у другихъ державцевъ. Ibid., стр. 36—68.

¹⁾ Дневникъ Марковича, ч. 1, стр. 391; ч. 2, стр. 377, 387.

²⁾ Лазаревскій. Посполитые крестьяне, стр. 51, 63.

³⁾ Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 122.

магнетостей побуждалъ державцу, занимавшаго извѣстный урядъ (должность), произвести давленіе на козаковъ и заставить ихъ не только плотины гатить, дерево возить на разныя постройки, землю пахать своими плугами, хлѣбъ жать, но даже печи топить, дрова рубить, коней поить и проч. Вдовъ козачьихъ также сгоняли для всякой работы: бѣды мыть, посуду чистить, хаты бѣлить и всякое дѣло дѣлать, что прикажутъ наравнѣ съ наемными работницами ¹⁾.

Да при этомъ «жестъ вышненія» имѣлъ большое приложеніе, такъ что козаки заявляли, что «не мордовали такъ паня лядскіе (польскіе) своихъ подданныхъ и не забивали до смерти кіями», какъ панъ свой, «пренровождавшій до смерти и казѣдства» ²⁾.

Но на этомъ власть дворянина не останавливалась, она шла дальше; она посягала не только на личныя, но и на имущественныя права козака. Захватывали державцы у козаковъ поля, рыбныя ловли, млины, сѣнокосы; при этомъ съ такимъ «гвалтовнымъ нападеніемъ», что выбирали изъ жилыхъ хатъ двери и окна ³⁾.

Пути, которыми производились захваты козацкаго имущества, были разные.

Купить бывало державца въ своемъ полку часть земли и начнетъ отсюда мало по малу распространять свое давленіе на козаковъ, приобрѣтая все больше и больше грунтовъ. Заплатить одному, другому за землю, «а сотни людей неволю должны свое имущество оставлять; да настроить хуторовъ на свободныхъ степяхъ, и такое стѣсненіе сдѣлаетъ хуторами въ полку, что куда не глянешь, все его хутора и все будто купленные, а купчія беретъ, хотя и не рады продавать» ⁴⁾. А вотъ и другой путь. Отдастъ державца козаку изъ извѣстной части «вышиковать» въ своей деревнѣ водки, «а ищетъ къ такому дѣлу такихъ козаковъ, которые-бы удобнѣе у него забратъся и замотатъся могли» и достигнетъ своей цѣли. Пройдетъ извѣстный срокъ, помѣ-

¹⁾ Русскій Архивъ 1864 г., № 5, стр. 494. Жалоба лубенскаго козака на пана Марковича Петру II. «Кіевская Старина» 1882 г., № 3. Люда старой Малороссіи, Лазаревскаго, стр. 425.

²⁾ Русскій Архивъ 1875 г., № 7, стр. 252.

³⁾ Русскій Архивъ, 1875 г., № 3, стр. 324.

⁴⁾ Ibid., 1875 г., № 7, стр. 252.

щикъ задастъ козаку столько вина, что онъ не въ состояніи за него потомъ всё деньги улатить. Тогда начинается судебный процессъ по козацкому обязательству; въ итогъ получается потеря козакомъ грунтовъ своихъ, если-же ихъ мало, то и самъ поступаетъ въ державцѣ въ отслугу ¹⁾).

Такими или иными путями, козакъ, доведенный южно-русскимъ дворяниномъ до крайняго убожества и скудости, нерѣдко бросалъ свою козацкую службу, отказываясь отъ присвоенныхъ ему правъ и поступалъ къ державцѣ въ качествѣ простаго работника, крестьянина.

Другаго исхода отъ насилій у козака не было, такъ какъ дворянинъ, явившійся въ данномъ случаѣ его угнетателемъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ его военный и гражданскій начальникъ. Онъ могъ тѣснить на каждомъ шагу. Поданная въ судъ жалоба въ большинствѣ случаевъ не имѣла значенія, ибо была парализуема судьями, представлявшими собою людей, которые установили за принципъ: сильнаго милловать, слабого тѣснить. По селамъ процвѣтали корчменные суды, т. е. судили въ шинкахъ, гдѣ можно было скорѣе прійти къ желаемымъ результатамъ, благодаря спиванію. Въ городахъ дѣйствовала взятка и насиліе. Не сдерживаемый на урядѣ властію, смотрѣвшій на свои служебныя обязанности лишь только съ точки зрѣнія наживы, державца бывалъ плохимъ общественнымъ дѣятелемъ, еще худшимъ общественнымъ борцемъ, въ особенности, когда его личные интересы были въ сторуаѣ. Въ походахъ, въ судахъ, въ канцеляріяхъ, словомъ, гдѣ только можно было поживиться, онъ явился, не стыдился взятокъ, насилій, утайваній общественныхъ денегъ и проч. Ни слезы, ни молебны потерпѣвшихъ не могли смягчить его сердца. Стремленіе къ наживѣ, къ пріобрѣтенію богатства—все заслоняло предъ его глазами ²⁾. И дѣйствительно дворянинъ южно-русскій въ значительной степени этой цѣли

¹⁾ Куляшъ, Записки о южной Руси; Записка Теплова, стр. 193.

²⁾ Желаящихъ подробно ознакомиться съ общественною дѣятельностію украинскаго дворянства прошлаго вѣка отсылаемъ къ статьямъ почтеннаго исследователя южно-русской старины А. Лазаревскаго. См. Записки черниговскаго статистическаго комитета, Вып. 1 и 2; Русскій Архивъ, Очерки малорусскихъ фамилій, 1875 г., т. I, II, III; 1880 г., т. I; «Кіевская Старина» 1882 г., № 1, 3; 1884 г., № 1.

достигалъ. Матеріальное его положеніе въ ХVІІІ в. было, какъ мы видѣли, весьма удовлетворительно.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ государственныхъ повинностяхъ, которыя лежали на южно-русскомъ дворянствѣ.

Главныя изъ нихъ были: 1) содержаніе войскъ на зимнихъ квартирахъ, 2) раціи и порціи, взимавшіяся во время войнъ, 3) наконецъ участіе на свой счетъ лично въ походахъ и посылка крестьянъ въ такіе походы.

Всѣ эти повинности тяжело отражались на хозяйствѣ державцы. Размѣры порцій и раціи на консистентовъ (квартирующихъ солдатъ) и на армію не были строго установлены, почему эти палогіи взимались большею частію безъ мѣры, притомъ взимались экстренно, такъ что не было никакой возможности приготовиться заранѣе или просить отсрочки. При этомъ, если не выполнялось то или иное требованіе, то прибѣгали къ весьма строгимъ мѣрамъ. Чтобы показать, насколько эти требованія были разнообразны и значительны, я приведу два три примѣра. Староста державцы Марковича заявляетъ ему «о нуждахъ людскихъ, что были поборы людей съ подводами отъ квартирующихъ военныхъ воронжскаго полка, а также возка двойнаго провіанта и фуража, перевозка изъ магазиновъ кулей и возка сѣна кобылицамъ государевымъ въ два мѣста. На армію брали по 20 тысячъ и болѣе муки, овса, крупъ; брались раціи по нѣскольку разъ въ годъ; дача сѣна простирала до 500 тысячъ пудовъ, которое нужно было еще везти въ какую нибудь Царщанку за 993 версты. А тутъ переходила артиллерія, требовали отъ каждаго двухъ дворовъ по надежной подводѣ. Приѣхавши, прапорщикъ ярославскаго полка требовалъ въ это-же время воловъ съ чиновниковъ: съ полковниковъ по тридцати, съ бунчуковыхъ по 15, со значковыхъ по 1 ¹⁾. Много страдало хозяйство державцы отъ повинностей, но еще больше отъ насильственныхъ захватовъ солдатами продуктовъ, скота и проч. Солдаты забирали хлѣбъ у крестьянъ державцы, и не только тотъ, что на верху былъ, но и изъ ямъ; воловъ уводили, токъ нализи, иногда напередъ въ день на домъ державцы, со шнагами галасовали, а когда слуги державцы отняли у нихъ

¹⁾ Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 62, 82, 105.

пшаги, то солдаты занесли жалобу своему капитану, и слуги были побиты въ наказаніе палками. Или найдеть какой нибудь капраль на избу державцы и начнетъ здѣсь требовать себѣ незаконно постоя. Хозяинъ отказываетъ; тогда капраль дѣйствуетъ внушительнѣе: приводитъ на подмогу товарищей, нападаетъ на хозяина съ палашами, валитъ его на землю, таскаетъ за волосы, «порицая змѣнникомъ и другими скверными словами.» И прибѣетъ капраль державцу настолько сильно, что тѣло его опухнетъ, и самъ онъ «съ минуты на минуту смерти ожидаетъ»¹⁾.

Для предотвращенія такихъ притѣсненій на будущее время, шляхетство просило Екатериину II вновь подтвердить, чтобы своевольствъ солдаты не дѣлали: «лагерями безъ отводу не становились, излишнимъ употребленіемъ дровъ и обращеніемъ огорожи и другихъ строеній для топленья не наносили убытковъ, безденежно у обывателей хлѣбомъ и ничѣмъ не довольствовались, въ подводы и ни въ какія работы безъ добровольнаго найма и заплаты людей и скота ихъ не брали и несноснѣйшему озлобленію боями и безчестіями никому обидѣ не наносили, а паче злости военные начальники въ городахъ и землѣ поданныхъ нашихъ къ себѣ не брали и пристрастными розысками или наказаніями ихъ не озлобляли»²⁾. Не меньше ущерба хозяйству державцы приносили частыя высылки псполитыхъ для различныхъ сооруженій, а также и военные походы въ качествѣ погонщиковъ. Выслки такія доходили до десяти и болѣе тысячъ. Большая часть выслаемыхъ крестьянъ отъ тяжелаго климата и трудныхъ работъ умирали въ походѣ. «Съ выправленныхъ мною Сваржовцевъ (18 человекъ), замѣчаетъ Яковъ Марковичъ, въ походѣ прешлаго года (1738 г.), возвратился одинъ зайченокъ, да и у того ноги отморозены, о протчихъ объявляется, что всѣ померли»³⁾.

Въ этихъ-же походахъ принимали личное участіе и сами дворяне. То была одна изъ самыхъ тяжелыхъ ихъ обязанностей. Многіе не хо-

¹⁾ Записки черниговскаго статистическаго комитета. Вып. 1 и 2, стр. 43. Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 26, 40.

²⁾ Авсѣенко, стр. 53.

³⁾ Дневникъ Марковича, ч. 2, стр. 40.

тѣмъ идти, отиѣкивались, но отказать было трудно, такъ какъ въ будущемъ грозилъ большой штрафъ.

Приходилось дворянину идти, приходилось бросать родной кровъ, родную семью, излюбленное хозяйство, покидая все на попеченіе жены. Наставалъ тяжелый, грустный день проводъ; сумрачнымъ онъ казался державцѣ, страшило его неизвѣстное будущее, нелегкая походная жизнь, не совсѣмъ пріятное сосѣдство чужихъ людей; провожали его за 20, 30 верстъ жена, близкіе родные и знакомые и «гладили» на установленныхъ дорогахъ... Долго тянулось скучное шествіе въ походъ, много истрачивалъ средствъ дворянинъ на содержаніе себя и своихъ слугъ. Придя къ мѣсту, гдѣ строилась линія или крѣпость, или умирялись возставшіе горы, дворяне болѣли отъ тяжелого климата десятками; но возвращались домой, до окончанія похода, только тогда, когда нѣсколько докторовъ давали удостовѣреніе въ дѣйствительности болѣзни ¹⁾: Да и вообще положеніе ихъ было тяжелое... «О здешнемъ нашемъ поведеніи,» пишетъ дворянинъ матери съ сулавцкаго похода, «не освѣдчаю, бо гадко и освѣдчати, тилко еще милостію Божію ненарушимо въ здоровю зостаемъ. Денегъ сколько возьмемъ отъ вашей родительской милости, толко есть третая часть при мнѣ; много стратилемъ дороженетою купуючи... А о всякихъ болшъ вуждахъ не освѣдчаю, толко добродѣйку матку мою о призрѣніе добродѣйское на мене, здесь страждущого, всенокорѣйше прошу» ²⁾.

Другой державца въ своей автобіографіи замѣчаетъ: «въ 1760 году отправленъ былъ тысячною командою въ прусскій походъ и тамъ черезъ цѣлій годъ при арміи, въ чрезвычайныхъ трудахъ и бѣдахъ, з некалымъ убиткомъ имѣній моихъ, обрיתהя» ³⁾. Кратки эти замѣтки, но понятны... Вотъ почему возвращеніе дворянина домой съ походу было вторымъ свѣтлымъ праздникомъ для семьи. Выстрѣлы изъ полковыхъ пушекъ возвѣщали домашнимъ о возвращеніи съ похода. Дома же, въ этомъ случаѣ, не только устраивались бенкеты, но даже сочиняли близкіе родственники вирши, которыя и читали при встрѣчѣ съ возвратившимся».

¹⁾ Дневникъ Марковача, ч. I, стр. 9, 10, 16, 183, 196, 209.

²⁾ Сулимовскій архивъ, № 39.

³⁾ «Кіевская Старина» 1883 г., № 11, стр. 450.

Такова была жизнь южно-русскаго дворянина XVIII в. до той знаменательной поры, когда пришлось ему пережвѣнуть кунтушъ на вицмундиръ, шапку на шляпу, подбитый чубъ на искусственную косу, саблю козацкую на короткую шпагу. Станнымъ онъ казался въ такомъ нарядѣ среди своей семьи; но еще болѣе страннымъ представлялся онъ крестьянамъ, съ усмѣшкой смотрѣвшимъ теперь на своего пана. «То таки бывало выйде,» говорили они, «або на коня сяде, уже панъ якъ панъ; а теперь—абы-що; нимецъ не нимецъ, такъ соби ницципаный»¹⁾.

Николай Банай.

¹⁾ Москвитянинъ 1852 г., № 17. Исторія Малороссіи, стр. 13.

УНИВЕРСАЛЬ

КІЕВСКАГО ПОЛКОВНИКА ВАСИЛІЯ ДВОРЕЦКАГО 1660 ГОДА.

(Объ отдачь церкви Николая Добраго въ Кіевъ бернардинскихъ, иезуитскихъ и армянскихъ грунтовъ).

Приводимый здѣсь універсаль, какъ крѣпостной документъ на недвижимую собственность церкви Николая Добраго въ Кіевѣ, давно утратилъ свое значеніе, но сохранилъ свою цѣну историческую. Въ немъ содержится яркое указаніе на то, какъ шпріались поляки, ихъ ксендзы и костелы въ Кіевѣ, въ самой торговой его части — Подолѣ, до половины ХУП вѣка, какъ увеличивали они недвижимую собственность, какъ тѣснили православныхъ, съ участіемъ жидовъ и армянъ, и какъ радикально отдѣлялись отъ всѣхъ этихъ пришельцовъ козаки въ эпоху возстанія Хмельницкаго. Фактически всѣ они изгнаны при занятіи Кіева восторжествовавшей козацкою силою; но тогдашній полковникъ кіевскій Василій Дворецкій не удовольствовался этимъ, а испросилъ особую царскую грамоту, воспрещавшую кому-бы ни было изъ названныхъ пришельцовъ селиться въ Кіевѣ, — мѣра, сохранявшая относительно евреевъ всю свою силу до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, точнѣе до генераль-губернаторства князя И. П. Васильячкова и Н. П. Анненкова.

Въ этомъ-же документѣ находимъ подтвержденіе существованія полумонашескаго въ исторіи козачества гетмана Кушныя, но съ именемъ Матфея, а не Самойла, какъ въ думаютъ. Овъ былъ строптелемъ церкви Добраго Николая, и это, кажется, обстоятельство послужило поводомъ для полковника Дворецкаго отдать въ вѣчное владѣніе означенной церкви всѣ не козаками занятыя грунты бернардинскіе, иезуитскіе и орменскіе, съ обращеніемъ въ доходъ церкви и обычной отъ тѣхъ грунтовъ *куницы*, т. е. денежной платы и натуральной повинности отъ тѣхъ мѣшанъ, которые построились на нихъ. Гетманская де-скать, козацья церковь, пусть-же она и владѣетъ добромъ,

козачею шаблею добытымъ, «абы въ ней богомоліе было за его пресвѣтлое царское величество и на войско его запорозское изъ домовъ Божіихъ благословеніе zostавало, абы изъ Господь Богъ на кождыхъ мѣсцяхъ благословилъ и надъ непріятелми вѣры нашей православной побѣду и одолѣніе подалъ».

Универсалъ заимствованъ нами изъ документовъ церкви Добраго Николая, гдѣ оны хранятся въ подлинникѣ, съ именной восковою печатію, на которой въ изящной орнаментикѣ въ самой серединѣ помѣщенъ фамильный гербъ полковника, въ видѣ серпа и звѣзды въ центрѣ его, а на верху его инициалы: *В. Д.* На оборотѣ слѣдующая надпись, сдѣланная почеркомъ XVIII ст.: *Фундуишь, або универсалъ пана Василя Дворецкого, полковника кіевского, на владѣніе фундуишовъ шляхетскихъ, на церковь свято-добро-ніколаскую данный.*

Василій Дворецкій, полковникъ его царского пресвѣтлого величества войска запорожского кіевскій.

Всѣмъ вобще и каждому зъ-особна, кому-бы о томъ вѣдать належаю, а меновѣте ихъ милостямъ паномъ полковникомъ, эсавуломъ, сотникомъ, атаманомъ, городовымъ и всей черни козакамъ зъ войска его царского пресвѣтлого величества запорозского и каждое кондиціи людемъ, на урядахъ въ городе Кіеве теперъ и въ потомніе часы зостаючимъ, тымъ писанемъ моимъ до вѣдомости донену, иже мы, видечи, счо предъ часы одъ многихъ шляхтичовъ, въ Кіеве дворы для прѣвзду своего маючихъ, дѣялося стиспене церквамъ Божимъ и зничене оттоль уростало знаменитыхъ фундацій отъ православныхъ князей малороссійскихъ кіевскихъ и уйма чинилася, а ляхи—одни калуками (захватами), а другіе беручи себе одъ мѣщанъ дочки за жены, пососорами добръ по мѣщанахъ, у Кіеве будучихъ, ставалися; теде въ тотъ часъ кождый ляхъ, ку вѣры своей ближшимъ будучи, на своихъ пляцахъ костелы побудовали, а другіе и номуровали, утѣвъ великіи церквамъ Божимъ, обывателемъ и мѣщаномъ кіевскимъ за своего панства чинили и силомоцю грунты и пляцы одыймовали, где мы о томъ добре вѣдаючи и знаячи и тому въ потомные часы запобѣгаючи, жебы болшей меншкапцями въ Кіеве ляхи, ормяне, жиды не были вѣчными часы, одъ его царского пресвѣтлого величества на покрипость и грамоту городу Кіеву, за нашимъ старанемъ даную, выправилисмо; теде теперъ, угодаючи,

лебы стислымъ церквамъ Божиимъ кїевскимъ цвинтаря, где бы могли людей мертвыхъ класти, розширены я гробовска не по улицахъ были, але абы въ опасаню ширшомъ коло церквей Божіихъ мертвыхъ кладено и ховано было, на церковь святого Николы доброго, которую то церковь лебожынкъ славной памяти Матфей Кунка, гетманъ войска запорозского, фундацію заложивши, побудоваль, пляцы ксендзовъ барнадиновъ и езовѣтовъ и ормянскіе, лкые въ своей долгости и широкости мають зъ усими пожитками и куничниками, на нихъ будучими, хто колескъ зъ менцанъ, окромъ козаковъ, на вышпомененныхъ пляцахъ кляшторныхъ побудовался, надаемо и вѣчно легуемо, абы хвала Божая розширалася, а за его царское пресвѣтлое величество и за увесь стнклитъ его богомоліе было, и на войско его царского пресвѣтлого величества запорозкое изъ домовъ Божіихъ благословеніе zostавало, абы ихъ Господь Богъ на кождыхъ мѣсцахъ благословиль, и надъ непрітелмы вѣры нашої православної побѣду и одолѣніе подалъ; стороны зась козаковъ, которые собѣ волныхъ пляцовъ шляхетскихъ шаблей добыли и, за вѣдомостю прежнихъ полковниковъ и моею побудовавшися, живутъ, за заслуги на то листы одъ насъ и одъ ихъ милостей, нановъ гетмановъ войска запорозского даные мають и ведлугъ пунктовъ въ статяхъ на столицы при его царскомъ пресвѣтломъ величествѣ поставленыхъ, козакы зъ дѣтками и жонами своими зъ вышпоменоныхъ пляцовъ кляшторныхъ и шляхецкихъ отъ подачокъ и куніцъ волными быти мають. Которое то писаніе наше для болшое и далшое вѣры и певности напомъ ктиторомъ и парафіяномъ церкви святого Николы доброго съ подписомъ руки нашею и при печати полковой даемо. Дѣялося въ Кїеве, мая 12 дня 1660 року.

Вышменованный рукою власною.

(М. П.)

Проектъ казеннаго сельскаго хозяйства въ присоеди- ненныхъ отъ Польши къ Россіи областяхъ.

Проектъ этотъ официальнаго происхожденія. Онъ составленъ правителемъ канцеляріи литовскаго генераль-губернатора, надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Щепановскимъ въ 1801 г., подъ скромнымъ названіемъ «*Записки*», а достался намъ въ современной копіи въ числѣ бумагъ покойнаго профессора кievскаго университета Стравовскаго, извлекающаго этотъ, какъ и массу другихъ документовъ изъ архива потемкинскаго секретаря В. Попова.

Основная мысль проекта заключается въ томъ, чтобы въ ново-присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ, нынѣшнемъ сѣверозападномъ и юго-западномъ краѣ, въ оставшихся за казною населенныхъ мѣстностяхъ вести въ широкихъ размѣрахъ сельское хозяйство, съ помощію особой казенной администраціи, проэктируемой къ учрежденію запиской Щепановскаго. Ближайшимъ поводомъ являясь исходной точкой такого проекта служить мысль о необходимости содержать въ новоприсоединенныхъ областяхъ огромную военную силу, по крайней мѣрѣ въ числѣ 150,000 душъ. Содержаніе такой арміи обычнымъ и тогда подряднымъ способомъ заготовленія фуража по смѣтнымъ цѣнамъ обходилось-бы очень дорого, а получая главные предметы продовольствія—хлѣбъ и сѣно изъ казенныхъ мѣстностей въ натурѣ, можно было не только значительно уменьшить цифру содержанія войскъ, но и доставить казнѣ значительный доходъ, въ особенности при чрезвычайномъ плодородіи земли въ юго-западномъ краѣ. Такъ разсуждалъ авторъ проекта, и его разсужденіе, въ условіи практическаго приращенія, было вполне справедливо и основательно. Расходы не достигаютъ и 100,000, а барыши могли быть миллионныя. Кого не могла прельстить подобная мысль? Самъ составитель проекта настолько увлекся ею, что предлагаетъ не только прекратить дальнѣйшую раздачу земель, но взять въ казну старостинскія и католическія духовныя, равно выкупить пожалованныя прежде въ этихъ провинціяхъ мѣстности, владѣльцы которыхъ въ самое короткое время успѣли такъ обременить ихъ долгами, что были-бы рады казенной отъ нихъ покупкѣ.

Нельзя ли проектъ въ такомъ явнѣшнемъ видѣ дальнѣйшій ходъ, ни откуда не видно. Едва-ли однако записка столь важнаго содержанія, составленная при томъ въ центрѣ управления присоединенныхъ краевъ, могла быть писана такъ сказать на вѣтеръ, являясь для любопытства потомства. Саяая мысль записки едва-ли

принадлежала тому, кто на ней подписался полнымъ своимъ титуломъ и именемъ. Мысль эта могла принадлежать лишь людямъ, облеченнымъ болѣе широкою властью, надѣющимся на проведение самыхъ широкихъ плановъ. Такая мысль могла быть тогда въ ходу въ сферахъ вліятельныхъ, если не принадлежала самому тогдашнему генералъ-губернатору; а сопоставляя ее съ основною мыслью проекта устройства военныхъ поселеній, нельзя не видѣть между ними большаго сходства. Въ послѣднемъ проектѣ вся и разица въ томъ лишь, что военная администрація замѣняетъ не ясно очерченную здѣсь гражданскую сельско-хозяйственную администрацію. Промежутокъ времени между тѣмъ и другимъ проектомъ весьма незначительный. Помѣщическій проектъ могъ пройти нѣсколько инстанцій, претерпѣть измѣненія, быть болѣе разработаннымъ и точнѣе определеннымъ, на что указываютъ и заключительныя слова записки, но едва-ли мы ошибемся, предположивъ въ найденной нами Запискѣ первоначальный зародышъ военныхъ поселеній. Не даромъ военныя поселенія являются главнымъ образомъ съверо и юго-западномъ край, на сѣверѣ же Россіи, кромѣ печальной извѣстности Грузина, резиденціи Аракчеева, никакого другаго военнаго поселенія не находясь.

Помимо этого записка даетъ цѣнныя указанія на экономическій строй присоединенныхъ провинцій, выхъ съ взглядами на оныя новыхъ правителей, и любопытна, какъ давнишній проектъ довольствія войскъ безъ посредства подрядовъ.

Физическое положеніе присоединенныхъ отъ Польши въ Россіи провинцій по воѣмъ политическимъ правиламъ требуетъ, чтобы содержать въ нихъ преимущественно предъ другими знатную военную силу.

Пространство же и изобиліе въ оныхъ дозволяютъ удобно расположить и продовольствовать до 150,000 войска, которыя, кромѣ нужной преграды отъ чужихъ земель, еще въ разные виды удовлетворяютъ полезныя государственныя предположенія.

Отрицательная государственная польза будетъ та, что сія войска въ тѣхъ мѣстахъ продовольствоваться могутъ провіантомъ и фуражемъ по цѣнамъ, не превосходящимъ штатнаго положенія, такъ что въ сравненіи съ состоящими нынѣ тамъ цѣнами останутся, за продовольствіемъ вышеписаннаго количества войскъ, но меньшей мѣрѣ двѣ трети издерживаемой нынѣ суммы въ казнѣ.

Вѣрнѣйшее и не опровергаемое средство къ достиженію сей значной прибыли для казны есть—учредить въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ *казенныя земледѣльческія привлеченія*.

Для удостовѣренія въ томъ, что цѣна и количество собираемаго зерна въ помѣстьяхъ провинцій соотвѣтствуютъ выше упомянутому пред-

положенію, довольно истребовать, гдѣ слѣдуетъ, вѣдомость всеѣмъ въ казенныхъ имѣніяхъ по инвентарямъ количествомъ и цѣною въ доходъ показаннымъ продуктамъ.

Таковыя вѣдомости не только ясно докажутъ, что даже при нынѣшнемъ весьма нерадивомъ доводствѣ продукты къ продовольствію войскъ способны, состоятъ не выше штатной цѣны положенія, но что, замѣняя прочіе плоды земли и наличные доходы въ главкой предметъ продовольствія войскъ, цѣна провіанту и фуражу гораздо уменьшится, такъ что казна изъ своего земледѣлія, кромѣ другихъ выгодъ (о которыхъ ниже сказано будетъ), вѣрныхъ до 25 процентовъ изъ своего капитала получить ежегодно. Къ тому же добавить должно неминуемо ежегодно возрастающую прибыль отъ удобренія земли и порядочнаго соблюденія земледѣльческихъ правилъ.

Полагая содержать въ присоединенныхъ провинціяхъ 150,000 войскъ, а именно; въ бѣлорусскихъ, минской, виленской, гродненской, кіевской, подольской и волынской губерніяхъ, должно быть казеннаго имѣнія по малой мѣрѣ 100,000 дымовъ или 200,000 мужеска пола душъ, дѣйствительно къ земледѣлію опредѣленныхъ. Въ кіевской, волынской и подольской губерніяхъ, по поводу доброты земли, меньше казеннаго имѣнія имѣть нужно, нежели въ другихъ губерніяхъ.

Извѣстно, что при присоединеніи сихъ провинцій къ Россіи количество дымовъ въ казенныхъ имѣніяхъ превосходило выше связанное предполагаемое количество; но какъ послѣ того Высочайше угодно было все милостивѣйше пожаловать разнымъ чинамъ знатное изъ нихъ число въ вѣчно потомственное, а инымъ во временное владѣніе, почему уповательно, нынѣ толкое количество не состоитъ въ казенномъ вѣдомствѣ; то къ пріобрѣтенію онаго представляются слѣдующія средства:

1-е.

Отнынѣ впредь не давать въ награжденіе никому никакое казенное имѣніе во временное владѣніе; удостоившихся же монаршей милости мужей государь довольно имѣетъ способовъ жаловать, а истинный сынъ отечества не можетъ того желать, что есть съ ущербомъ онаго.

2 - е.

Состоящіе нынѣ казенныя всякаго рода имѣнія *по привилегіямъ польскимъ* во временномъ владѣніи у помѣщиковъ взять въ казенное владѣніе (разумѣется само про-себя, что государю императору чинить изыятіе предоставляется), въ мѣсто же того опредѣлить имъ (такъ, какъ въ Пруссіи здѣлано) на томъ же имѣніи получать ежегодно деньгами ту часть доходовъ, которая имъ по послѣдней 1798 года люстраціи предоставлена была по значенію инвентарей.

Кромѣ очевидной казенной пользы, всѣ правила политической экономіи и моральности одобряютъ сіи распоряженія, *во первыхъ* по тому, что рѣдко которые изъ сихъ владѣльцовъ могутъ доказать, что они свою привилегію получили за оказанную отечеству полезную услугу. Напротивъ того происшествія минувшаго столѣтія доказываютъ ясно, что оныя имѣнія были въ слабыхъ рукахъ королей польскихъ орудіемъ разстройки, а по интригамъ вельможей и причиною уничтоженія отечества, *во вторыхъ*, всѣ безъ изыятія казенныя во временномъ владѣніи у дворянъ состоящія имѣнія, по той-же самой причинѣ, пахотятся по всѣмъ частямъ въ отчужденно худомъ состояніи; великій владѣлецъ старается какъ можно скорѣе и больше получить пользы, не употребляя на нужные издержки ко удобренію оныхъ даже и тѣ способы, которые дозволяютъ мѣсто, положеніе и угоды, *въ третьихъ*, почти всѣ таковыя имѣнія по древнему обыкновенію отданы владѣльцами въ откупъ небогатымъ дворянамъ за возвышенную противу инвентаря цѣну; сіи откупщики употребляютъ всякіе чрезвычайные способы, дабы на сроки заплатить за откупъ и себѣ получить пользу, что безъ тягости для крестьянъ, изнуренія земель и прочихъ угодій статься не можетъ; и въ семъ-то видѣ предстаетъ ошутительная картина нерадѣнія, ибо настоящій помѣщикъ государь покупаетъ нынѣ для продовольствія войскъ, назначенныхъ къ защищенію отечества, провіантъ и фуражъ у старостинскаго откупщика, платитъ ему трижды дороже, нежели въ инвентарѣ сихъ имѣній цѣна положена онымъ продуктамъ; староста же и его откупщикъ въ воздаліи раззоряютъ часъ отъ часу больше имѣнія, а что всего хуже отягощаютъ крестьянъ посредствомъ изобрѣтенія особенныхъ прибылей, а тѣмъ самымъ уничтожаютъ источ-

ники главной (по политической экономіи) государственной пользы, понеже утружденные крестьяне, не имѣя защиты, бѣгутъ за границу, гдѣ нарочито привлекаютъ земледѣльцовъ отчужденными выгодами; государь для содержанія войскъ, къ сохраненію государственной и частной безопасности необходимыхъ, платитъ дорого за собственной свой хлѣбъ тѣмъ, которые для полученія сей прибыли уменьшаютъ число подданныхъ, предопредѣленныхъ къ военной службѣ и къ продовольствію военно-служащихъ. *Четвертое*, продолжающееся и по нынѣ въ сихъ провинціяхъ обыкновеніе, что дворяне отдаютъ собственныя и по привилегіямъ состояція у нихъ во времяномъ владѣніи казенныя имѣнія въ срочныя откупы дворянамъ, противно основнымъ законамъ самодержавнаго правленія.

Утвердительно доказать можно, что къ паденію Польши сіе обыкновеніе было главной причиною, ибо дворяне откупщики не знали привязанности къ отечеству, а единственно къ знатымъ помѣщикамъ, которые давали имъ съ выгодною свои имѣнія на откупъ; но за то во время сейяновъ употребляли ихъ голоса по своимъ прихотямъ, то есть по мѣрѣ, какъ они королямъ или какою соосѣдственною державою обольщаемы были.

Сей однако же порокъ былъ такъ сказать извинительнымъ слѣдствіемъ непростительной погрѣшности главнаго постановленія, по которому всѣ государственныя гражданскія должности бесплатно дворянами исполняемы были, равно какъ и военныя офицерскія чины покупаемы быть могли заживными только дворянами, небогатые же принуждены были откупамъ и служеніемъ у богатыхъ заниматься; но въ самодержавномъ государствѣ, а особливо Россіи, гдѣ гражданскіе и воинскіе мѣста доставляютъ дворянству и пропитаніе и всякаго рода чести, должно употребить всѣ способы, дабы устранить сіе вредное обыкновеніе, ибо хотя въ самодержавномъ правленіи вліяніе вельможей не столько быть можетъ предосудительнымъ въ отношеніи самаго правленія, но не меньше того таковыя откупы отвлекаютъ большую часть дворянъ отъ государственной службы, не считая и того, что сіи откупщики пользуются защитою правительства и благоденствіемъ государства, не чувствуя никакой тягости прочихъ согражданъ, поелику обыкновенно всѣ

государственные подати и платимы суть дѣйствительными помѣщиками, а откупщикъ и самъ безъ всякихъ податей пользуется и не рѣдко бываетъ причиною, что притѣсненные имъ крестьяне бѣгутъ за границу, а по меньшей мѣрѣ дѣлаются бесполезными своему отечеству.

Изъ сего явствуетъ необходимость, чтобы, пока помѣщики, узнавши сіе зло, свои возьмутъ мѣры, казна не отлагательно собственными своими имѣніями сама управляла.

Полезныя слѣдствія изъ такового правленія неизчислимы, ибо кромѣ дешеваго продовольствія войскъ, въ тѣхъ мѣстахъ преимущественно нужныхъ, количество доходовъ безирерывно возрастать должно по мѣрѣ порядочнаго управленія.

Извѣстно, что въ домоводство нерѣдко одинъ рабочій день одного человѣка приноситъ пользу до 5-ти рублей, удобренію земли, возведенію казенныхъ строеній, даже крѣпостей и по положенію мѣсть соответственныхъ разнаго рода заводовъ, при которыхъ ручная работа крестьянина засунаетъ знатные денежные издержки, всѣ сіи источники суть неизчисленные прибыли для государя, а крестьянину доставлятъ чрезъ непосредственную зациту и пособія приличное благоденствіе.

3 - е.

Но тѣмъ же самымъ причинамъ слѣдуетъ (также не безъ изъятія) взять въ казенное вѣдомство всѣ казенныя имѣнія, кои все милостивѣйше пожалованы разнымъ чинамъ во временное владѣніе, назначивъ кибѣнникамъ владѣльцамъ, какъ выше сказано, ту часть доходовъ, которая по инвентарю того имѣнія значить, наличными деньгами. Можно даже надѣяться, что многіе изъ нихъ охотно на сіе согласятся, потому что они, будучи въ отсутствіи внутри Россіи по мѣстамъ, принуждены или отдавать въ откупъ свои имѣнія, или поручать оныя за глазами въ управленіе неспособныхъ и невѣрныхъ служителей, а въ обоихъ случаяхъ едва могутъ надѣяться получать и инвентарнаго дохода, а особливо когда со стороны казны соблюдены будутъ всѣ способы къ прекращенію всякаго злоупотребленія.

4 - е.

Казна можетъ пріобрѣсть имѣній въ знатномъ количествѣ, взявъ въ свое вѣдомство всѣ римско-католическія духовныя имѣнія; поводомъ

самымъ справедливымъ къ тому служить могутъ въ особой здѣсь предлагаемой запискѣ показанія причины, равно и способы, которые употребить можно для содержанія въ тѣхъ мѣстахъ сего званія людей.

5 - е.

Приобрѣтеніе въ казну имѣній въ тѣхъ провинціяхъ производимо еще быть можетъ посредствомъ покупки, особливо у тѣхъ помѣщиковъ, кои въ всемилостивѣйшее жаловано тамъ изъ казенныхъ имѣній въ вѣчно потомственное владѣніе.

Извѣстно, что большая часть сихъ помѣщиковъ, живучи внутри Россіи, принуждены или отдавать въ откупъ, или заочно управлять своими имѣніями; а потому охотно согласятся за сходную цѣну продать оныя въ казну.

Таковая покупка и потому для казны выгодна, что почти все сіи имѣнія находятся въ закладѣ въ государственныхъ банкахъ, и по расчету казнѣ доплатить не много придется, помѣщики же, освободясь симъ способомъ отъ долговъ, остальные деньги по своей волѣ употребятъ въ свою пользу.

Для облегченія таковой покупки можно выпустить единственно къ тому предмету служащія, нужное количество особенныхъ государственныхъ обязательствъ, кои быть могутъ отъ 50, 100, 200, 500 и до 1,000 рублей цѣны, съ тѣмъ, что капиталъ по истеченіи 15 лѣтъ по частямъ и по очереди платимый будетъ; а между тѣмъ владѣтели оныхъ получать будутъ по четыре процента въ годъ противу существующихъ нынѣ государственныхъ ассигнацій.

Сии обязательства служить помѣщикамъ по всемъ ихъ надобностямъ наравнѣ, какъ и наличные деньги, въ теченіи же 15-ти лѣтъ уповательно казна выручитъ все тѣ суммы изъ доходовъ купленныхъ имѣній.

Покупка имѣній въ казну должна быть производима съ крайнею разсмотрительностію, дабы приобретеніе оныхъ соответствовало и положеніемъ мѣстъ и угодами ожидаемой отъ того вынесказанной государственной пользы; особливо бдѣть должно о приобретеніи мѣсныхъ дачъ, безъ которыхъ домоводство удобно производимо быть не можетъ.

Покупка имѣній въ тѣхъ провинціяхъ произведена быть можетъ отъ 150 до 200 рублей за одну мужеска пола душу, которая деньги безъ всякаго сомнѣнія въ теченіи пятнадцати лѣтъ въ казну возвращаются, не считая политическихъ польвъ, какія отъ такового распоряженія неминуемо воспослѣдуютъ.

Наконецъ казенное домоводство въ тѣхъ провинціяхъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ доставить, кромѣ провіанта и фуража, кожи, полотна, холста и сукна для войскъ, и сіи вещи навѣрно не превзойдутъ цѣнъ, по штату положенныхъ.

Казенныя *земледѣльческія привленія*, подъ названіемъ *казенныхъ имѣній администрацій*, должны быть въ тѣхъ провинціяхъ три. А именно: *первое* для виленской, гродненской и минской губерній, *второе* для бѣлорусскихъ и *третье* для волынской, подольской и кievской губерній.

Всѣ сіи администраціи, подъ защитою губернскаго начальства, относятся будутъ непосредственно къ министру финансовъ, который соразмѣрно съ важностію предмета, положеніемъ и образомъ домоводствованія въ тѣхъ мѣстахъ составитъ и дастъ имъ особенныя наставленія.

ШТАТЪ ОДНОЙ АДМИНИСТРАЦІИ.

1-нъ главный администраторъ,	5-го класса.
ему жалованья въ годъ 4,000 рублей, казенная квартира, гдѣ и канцелярія будетъ, и отопка съ казенныхъ лѣсовъ.	
1-нъ вице-администраторъ, ему жалованья 2,500 рублей, квартира и дрова казенныя.	6-го класса.
2-ва секретаря по 1,200 рублей каждому.	8-го класса.
6-ть ревизоровъ по 800 рублей каждому.	9-го класса.
3-хъ землехѣровъ по 800 рублей каждому.	9-го класса.
2-хъ архитекторовъ по 600 рублей одному.	9-го класса.
1-нъ казначей 1,000 рублей.	8-го класса.
1-нъ стряпчій 1,000 рублей.	8-го класса.
1-нъ переводчикъ 600 рублей.	9-го класса.
3-ри магазейна смотрители по 1,200 рублей каждому	8-го класса.
4-хъ канцелиристовъ по 350 рублей каждому.	
8-мъ писарей по 250 рублой каждому.	14-го класса.
На канцелярскіе расходы 1,000 рублей въ годъ.	
На разные проѣзды и экстренныя надобности 3,600 рублей въ годъ.	

Итого для одной администраціи 31,500 рублей въ годъ.

А для трехъ 94,500 рублей.

Сумма, по сему штату положенная, можетъ казаться велика; но важность предмета и необходимость, дабы служащіе при администраціи чиновники, имѣя достаточное содержаніе, изъ опасенія лишенія онаго, не покушались ни на какое злоупотребленіе, оправдать должны сіе положеніе.

Содержаніе для мѣстныхъ по фольваркамъ управителей не можетъ быть навѣрно опредѣлено, а платимы будутъ соразмѣрно трудовъ ихъ и пространства управляемаго ими имѣнія, однако-же смотря по обыкновеннымъ установленіямъ въ тѣхъ мѣстахъ, содержанія ихъ, не превосходятъ 12-й или 15-й части собираемыхъ съ имѣнія продуктовъ: но для сбереженія и по сей части казеннаго интереса можно опредѣлять къ таковымъ мѣстамъ выслуженныхъ грамотныхъ военныхъ нижнихъ чиновъ.

Смотря на нынѣшнее разстроенное состояніе казенныхъ имѣній въ тѣхъ мѣстахъ, нужно будетъ въ первые годы для скорѣйшаго исправленія онаго принимать по контрактамъ землемѣровъ и ревизоровъ и сверхъ штата, нужнаго по обстоятельствамъ числа.

Когда состоится учрежденіе сихъ администрацій, то состояція нынѣ по казеннымъ палатамъ камеральныя экспедиціи, яко не нужныя, уничтожены быть могутъ, и положенная для оныхъ по штату сумма, образца будетъ на штатное содержаніе экономической администраціи.

Не меньше того обращены быть могутъ къ сему предмету и положенныя нынѣ суммы на содержаніе въ тѣхъ мѣстахъ оберъ-форштмейстеровъ, въ коихъ тогда не будетъ надобности; ибо кромѣ того, что администрація непосредственнымъ своимъ управленіемъ чрезъ нижніе лѣсные служители удобнѣе и по сей части сбережетъ казенную пользу; но и существо домоводства того требуетъ, чтобы лѣсныя угоды, столь сопряженныя съ земледѣльческою статьею, имѣли и взаимно воздавали себѣ немедлительное пособіе, что при раздѣленномъ и независимомъ начальствованіи почти никогда сбыться не можетъ.

А наконецъ и въ содержаніи по провіантской части чиновниковъ въ тѣхъ мѣстахъ не будетъ надобности; ибо расположенныя войска безъ затрудненія продовольствоваться могутъ взъ казенныхъ экономическихъ магазиновъ; относительно-же расцетовъ военныхъ и финансовъ министры учинить могутъ свои соображенія.

Подробнѣйшія объясненія по сему предмету, по востребованію, доставлены будутъ.

Библіографія.

Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. 1884. XXXIV—XXXV B-de. (Памятники императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ. 1884 годъ).

Серьезный историко-культурный интересъ представляетъ разложене лексическаго состава языка, какъ отдѣльнаго народа, такъ и отдѣльнаго замѣчательнаго писателя на части, съ опредѣленіемъ, что оригинально и что заимствовано, когда и отъ кого заимствовано. Большая или меньшая обширность лексигона опредѣляется степенью и силой духовнаго развитія народа или автора, широтой и разносторонностью природныхъ дарованій и благопріобрѣтенныхъ познаній о мірѣ и чело-вѣчествѣ. У народовъ, стоящихъ на низкой ступени цивилизаціи, мало понятій, мало знаній, потому мало словъ. Съ развитіемъ образованности, съ накопленіемъ знаній, съ возникновеніемъ и усиленіемъ международныхъ отношеній и связей усиливается лингвистическій составъ языка, впрочемъ только до извѣстныхъ предѣловъ, преимущественно до того періода духовнаго народнаго творчества, когда слово начинаетъ терять живой этимологическій смыслъ и превращается въ отвлеченное обозначеніе предмета, дѣлается механическимъ орудіемъ для выраженія мысли. Опредѣленіе состава лексическаго достоянія народа—дѣло крайне трудное и, можно сказать, никогда вполне неисчерпываемое словарями. Не столь труднымъ дѣломъ представляется опредѣленіе лексическаго богатства и разнообразія отдѣльнаго писателя, такъ какъ самый гениальный писатель не пользуется всѣмъ достояніемъ языка роднаго народа, не овладѣваетъ даже пятой его частью. Лексиконъ Шекспира—самый богатый и однако въ немъ насчитываютъ немного болѣе десяти тысячъ словъ. Такъ какъ въ исторіи культуры важное значеніе имѣетъ изло-

женіе взаимныхъ вліяній народовъ, то особенный интересъ получаетъ опредѣленіе иноземныхъ элементовъ народнаго или авторскаго лексикона. Есть такіе языки, напр. англійскій, гдѣ, строго говоря, все лингвистическое цѣлое построено на симметрическомъ сочетаніи разнородныхъ элементовъ, такъ что нельзя опредѣлить, въ чемъ состоитъ главное лингвистическое ядро языка. Огромное однако большинство народовъ, всѣ славянскіе народы обладаютъ такимъ лингвистическимъ ядромъ. У славянъ — лингвистическое ядро вполне славянское, и рѣчь можетъ идти только о наслоеніяхъ постороннихъ лингвистическихъ элементовъ, наслоеніяхъ болѣе или менѣе густыхъ и крупныхъ.

Составные элементы малорусскаго народнаго лексическаго достоянія весьма разнообразны. Малороссіянамъ приходилось входить въ близкія связи со многими иноплеменными народами, съ румынами, нѣмцами, татарами, греками. Естественно, происходила обмѣня предметовъ и понятій и *eo ipso* словъ. Въ однихъ случаяхъ пропикали слова церковныя, въ другихъ слова, касающіяся военнаго дѣла, скотоводства или огородничества. Для опредѣленія инородныхъ элементовъ лексическаго состава малорусскаго языка сдѣлано очень мало; намѣчены лишь пути, указаны исходные пункты; на первое время и этому немногому нужно порадоваться, тѣмъ болѣе, что указателями пути въ данномъ случаѣ явились такіе авторитетные и строгіе ученые, какъ Миллошичъ и Потебня.

Въ настоящей замѣткѣ и намѣренъ остановиться на появившемся въ печати обширномъ изслѣдованіи Миллошича о тюркскихъ элементахъ въ языкахъ южной и восточной Европы, греческомъ, албанскомъ, румынскомъ, болгарскомъ, сербскомъ, малорусскомъ, великорусскомъ и польскомъ. Трудъ Миллошича напечатанъ въ XXXIV—XXXV томахъ Записокъ вѣнскаго академіи наукъ проплага 1884 года и затѣмъ вышелъ отдѣльно въ двухъ частяхъ.

Миллошичъ указываетъ на три періода, когда приливъ тюркскихъ словъ въ славянскіе языки обнаруживался съ большой силой. Первый періодъ относится къ первымъ столѣтіямъ христіанской эры, до переселенія славянъ на западъ. Къ этой отдаленной эпохѣ относится заимствование словъ: клобукъ, колпакъ, топоръ. Второй періодъ относится ко второй половинѣ седмаго столѣтія, ко времени подчиненія славянъ на правомъ берегу Дуная тюркскимъ болгарамъ. Къ этому времени Миллошичъ относитъ заимствование слова санъ (по турецки — уваженіе), перешедшее потомъ чрезъ церковныя книги въ Россію. Третій періодъ начинается съ половины XIV ст., когда турки твердо стали на Балканскомъ полуостровѣ. Миллошичъ дѣлаетъ, между прочимъ, оговорку, что въ рус-

скій языкъ тюркскія слова проникли не только съ юга, но и съ сѣвера и востока.

Теперь остановимся на нѣкоторыхъ малорусскихъ словахъ тюркскаго происхожденія.

Дрянь — кислое козье молоко изъ аѣган — сыворотка, кислое молоко.

Лембикъ (слово, пропущенное Миклошичемъ), болгарское аламбикъ, сербское ламбикъ, польское alambik. Въ арабскомъ, по Миклошичу — alambik — Gefäß zum destilliren. Миклошичь указываетъ при этомъ и греческій *амбика*, *амбикось* — чаша. Малорусское лембикъ — сосудъ для перегонен водки.

Лоша, *лошыця*, русское лошадь, сербское алаша — тюркское alaşa въ значеніи лошади.

Альтембасъ, польское altembas, изъ alten и bazz, Goldleinwand; alten — золото, деньги, отсюда алтынъ.

Андиракъ — женское платье, болгарск. и сербск. антериъ изъ турецкаго anteri — нижнее платье.

Балобанъ — въ старинное время весьма извѣстная малорусская фамилія; въ турецкомъ balaban — толстый, густой. Русское балобанить — пустомелить.

Балта, *балда* — изъ турецкаго balta — слуга при дворцѣ. Здѣсь можно припомнить прозваніе Впшиневецкаго балдой.

Базаръ, въ болгарскомъ и сербскомъ *пазаръ*, польское и великорусское, румынское, албанское базаръ изъ турецкаго bazar — торговое мѣсто, рынокъ.

Бакиръ (шанка на бакиръ) вѣроятно изъ турецкаго beki — шьяница; въ румынскомъ bekiu — распутный, невоздержанный.

Баштанъ, болгарское, румынское, сербское *боштанъ*, персидское и курдское bustan, греческое *миостани*, — изъ турецкаго bostan — огородъ, Gemüsegarten, Melonengarten.

Буздыганъ, въ сербскомъ, болгарскомъ, русскомъ, польскомъ, чешскомъ, румынскомъ, греческомъ и мадьярскомъ звучитъ какъ будыганъ, буздоганъ, бузоганъ, — изъ турецкаго bozdogan — дубина, жезлъ, булава, Keule, Streitkolben.

Булюкъ — въ Малороссіи довольно распространенное фамиліное прозваніе. Въ турецкомъ bölük — отрядъ солдатъ, bölük başi. Слово булюкъ встрѣчается въ болгарскомъ, сербскомъ, албанскомъ, греческомъ языкахъ. Сюда примыкаетъ фамиліное прозваніе Булюбашъ.

Бре — рѣче было объяснено профессоромъ А. А. Потебней въ III ч. «Жъ исторіи звуковъ русскаго языка», стр. 15. Гуцульское бре, сербское бре, новогреческое mire; у Намвы Верынды — море — спрѣчь кроде, дурню. Миклошичь указываетъ на турецкое bre.

Буджакъ, татары буджацкіе—въ турецкомъ budzak—уголь; въ румынскомъ буджакомъ называется Бессарабія.

Бокай, Бакай—въ Малороссіи встрѣчаются крестьяне съ такимъ фамильнымъ названіемъ; въ болгарскомъ букаджія, букай, бокай, польскомъ bugajce въ значеніи kajdany,—отъ турецкаго bukadze—налагать цѣли, приковывать, retten, fesseln.

Булава—знакъ гетманскаго и полковничьяго сана, русское булава, отъ турецко-татарскаго bulava—знакъ военачальника, Commandostab.

Бунчукъ отъ турецкаго bündžuk—раковина, жемчугъ, Muschel, Perle.

Черга. У Миклошича приводится одно турецкое слово, которымъ можно объяснить малорусское слово черга (пропущенное иль-же). Въ персидскомъ находится čeragah—въ значеніи пастбища, Weideplatz, Wiese; у сербовъ чергія—лугъ.

Дерга—часть женскаго костюма, верхнее платье въ родѣ короткой юбки, плотно охватывающее тѣло; въ болг. черга—грубый коверъ; у сербовъ черга—цыганскій шатеръ; румын. черге или джерче—покрывало, коверъ,—отъ турец. čerge въ значеніи палатки, хижины, Zelt, Hütte.

Цячка, у Іоанна Вишенскаго часто встрѣчается въ смыслѣ цаца, игрушка, должно быть, происходитъ отъ упоминаемаго Миклошичемъ турецкаго слова čiček—цвѣтокъ, Blume.

Цыжмы—сапоги; слово вполне турецкое; кромѣ малороссійскаго оно встрѣчается въ польскомъ, сербскомъ, румынскомъ.

Чабанъ—въ турецкомъ и персидскомъ пастухъ; вошло въ сербскій, болгарскій, малорусскій, польскій, румынскій, греческій языки.

Чунай—родъ архалука или свиты, болгарское, сербское чога, изъ турецкаго čoha—сувно, Fisch.

Драбантовать, драбантъ встрѣчается во многихъ европейскихъ языкахъ, между прочимъ, и въ малорусскомъ, происходитъ отъ турецкаго derban—привратникъ, Thorwart.

Доломанъ, въ сербскомъ и болгарскомъ *долама*, русскомъ и польскомъ *долома*, изъ турецкаго dolama—платье, которое носили анычары въ торжественныхъ случаяхъ.

Душманъ—зашло въ Малороссію изъ турецкаго или персидскаго языка, гдѣ слово это означаетъ врага.

Ариать—работникъ, наемникъ (см. «Къ ист. звук.» Потебни III, 15)—не отъ греческаго слова, а повидному, вмѣстѣ съ греческимъ *еритесь*, болгарскимъ и румынскимъ *арять* изъ турецкаго erged—наемщикъ, Fagelöhner.

Фирезилъ, феришь, болгарское и сербское фереджа изъ турецкаго efradže—верхняя одежда женщины.

Пундыки—родъ пирожнаго; у Котларевскаго «полтавськи пундыки хряженъ». Кажется, что объясненія этого слова надо искать въ находящемся у Миклошича персидскомъ fendeck—въ смыслѣ орѣшка или ружейной пули.

Фудулный, фудулатый—гордый изъ турецкаго fodul—гордый.

Гайда, айдуць отъ турецкаго hajde—пошелъ, hajdad—разбойникъ.

Гайдамакъ—въ турецкомъ погонщикъ стада, eine Herde Vieh-treiber.

Кобзарь, вѣроятно изъ персидскаго hokka—baz—скоморохъ, музыкантъ, gaukler, въ румынскомъ kabaz.

Гѣрбузь (тыква), арбузь изъ персидскаго karbiz—дыня, тыква.

Кавуць (у малороссовъ арбузь) изъ турецкаго kavun--сахарная дыня.

Козакъ въ турецкомъ языкѣ значитъ легко вооруженный воинъ, искатель приключеній.

Кунтушь изъ турецкаго kontoş—родъ одежды.

Калика, калѣва отъ персидскаго kalak—уродливый, безобразный. Таково-же происхожденіе древне-русскаго каліки (перехожаго), въ польскомъ kaleka, въ румынскомъ kalik; въ румынскомъ kaliki—просить милостыню.

Кобенль отъ турецкаго kerenek—родъ плаща изъ шерстяной матеріи, войлокъ.

Кишень—тур. kese—кошелекъ.

Килимъ—персидскій kilim—коверь; въ болгарскомъ, сербскомъ, польскомъ, русскомъ и румынскомъ *килимъ* также означаетъ коверъ.

Ни—ничъ, въ смыслѣ «вовсе нѣтъ», ранѣе было объяснено Потебней въ III вып. «Къ ист. звуц.» стр. 15. Миклошичъ приводитъ самый турецкій оригиналъ малороссійскаго слова: güc—сила, Gewalt.

Локшина, русское лапша отъ персидскаго lakše,—то-же, что русская лапша или вермишель, Art Nudeln.

Левенець—у Миклошича пропущено; но въ словарѣ приведено одно персидское слово, какъ нельзя болѣе подходящее для объясненія малорусскаго значенія слова левенець. Въ персидскомъ levend—солдатъ доброволецъ на турецкихъ галерахъ, бродяга, должно быть первоначально означало левантинца. Въ малорусскомъ левенець—рослый человекъ, бродяга, пегодай.

Лимль—въ турецкомъ гавань, Hafen; встрѣчается въ сербскомъ, польскомъ, румынскомъ, греческомъ.

Люлька, люля—персидское lule—трубка, Röhre, Pfeife.

Моюричъ—отъ арабскаго maharidž—расходъ, выдача, Ausgeben; въ славянскіе языки вошло черезъ турецкій.

Гамазия, маизинь—отъ арабскаго mahzan—лавка, торговый домъ.

Мандрька — сырное кушанье, родъ пампушекъ изъ сыра овечьяго. Не отъ турецкаго-ли mandra — ограда, овчарня, Hürde?

Молжура — фамильное прозваніе. Не стоитъ-ли оно въ связи съ турецкимъ — manzig — любимый, geliebt?

Мартолось — фамильное прозваніе, происхожденія турецкаго; въ турецкомъ martolos — солдатъ христіанской вѣры.

Машкара, маска, изъ арабскаго maskara — насмѣшка, Gespött.

Майданъ — изъ арабскаго meidan — открытое мѣсто, площадь, мѣсто сраженія; встрѣчается въ сербскомъ, болгарскомъ, польскомъ, русскомъ, румынскомъ, греческомъ.

Мелешъ — фамильное прозваніе; въ исторіи извѣстенъ Мелешко; въ турецкомъ melis — незаконнорожденный, смѣшанный, Rastard, gemischt.

Бешикетъ (оскорбленіе, обида), изъ персидскаго beshket — почетъ, награда, Trinkgeld, Ehrengabe.

Шабашъ — довольно, по Миллошичу, отъ персидскаго šabaš — хорошо, отлично.

Шапка — въ турецкомъ şarka — картузь, Hut.

Таборъ — въ турецкомъ tabor — войско, отрядъ.

Потебня — фамильное прозваніе. Миллошичъ въ объясненіе малорусскаго слова тебенъки (на что указано у Потебни «Къ ист. звуковъ» IV, 49) приводитъ турецкое tebengii — боковыя части сѣдла, Sattelriemen.

Торба — болгарское, сербское, польское, малорусское — изъ турецкаго, torba — мѣшокъ, Sack.

Товаръ — рогатый скотъ отъ турецкаго скотъ, Zieh, Reitthier, Schaf.

Туманъ — въ турецкомъ tuman — туманъ, десять тысячъ.

Уичуръ — въ турецкомъ uşkur — поясъ, Hosenband.

Оставляемъ въ сторонѣ тюркскія слова, вошедшія въ малорусскій и великорусскій языки и довольно извѣстныя; напримѣръ: яръ, барышъ, башмакъ, чанъ, чабанъ, чамаданъ, чай, чекмень, чума, ботинъ (по турецки гусь, въ старин. книгахъ баснословная птица), вишкаль, амбаръ.

Турецко-татарскій мѣръ, судя по словарю Миллошича, оказалъ на малороссіянъ вліяніе относительно вѣшинныхъ знаменъ власти, вооруженія, скотоводства и огородничества.

Н. Сумцовъ.

Виленскій календарь на 1885 годъ. Вильна 1884 года.

Холмскій народный календарь на 1885 г. Кіевъ, 1884 г. Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства.

Пересматривая огромную массу календарей, этихъ особаго рода періодическихъ изданій, являющихся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ,

быстро раскупаемых и едва-ли кѣмъ изъ интеллигентныхъ покупателей читаемыхъ, пересматривая всѣ эти календари, начиная отъ календарей «всеобщихъ» до «календарей для учащихся», отъ объемистыхъ, цѣною въ рубль, до крошечныхъ, цѣною въ копейку,—календари ученые (къ сожалѣнію, не многіе) и юмористическіе (для большаго числа праздныхъ людей), «русскіе», народные вообще и въ частности по мѣстностямъ, мы не можемъ не замѣтить, что каждый изъ нихъ старается, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья, отвѣтить требованіямъ мѣста, времени и обстоятельствъ. Само собою разумѣется, что виленскій и холмскій календари подчиняются этому общему правилу, и намъ остается только уважать по характеру календарныхъ статей на ту злобу текущей години, которая волнуетъ нашъ западъ и сѣверо-западъ, и опредѣлить, насколько умѣло ведутся такіе изданія въ городахъ, далекихъ отъ центровъ умственной жизни и дѣятельности и удовлетворяются-ли ими означенныя требованія.

Начнемъ съ виленскаго календаря.

Это весьма изящная книжка, разумно и цѣлесообразно составленная. Въ ней выдается прежде всего церковный отдѣлъ; тутъ помѣщены житія не только мѣстныхъ святыхъ, но и вообще русскихъ. Для насъ важнѣе, конечно; первыя, такъ какъ въ нихъ излагается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторія внутренней жизни сѣверо-западнаго края. Къ сожалѣнію, редакция календаря на каждое житіе, безъ различія мѣста дѣятельности святого, удѣлила по одинаковому числу страницъ. Изъ числа житій западно-русскихъ святыхъ мы отмѣтимъ только малозвѣстныхъ. Напримѣръ, подъ 20-мъ апрѣля разсказывается о печальной судьбѣ св. Гавріила, заблудовскаго мученика-младенца, мощи котораго хранятся теперь въ слупскомъ монастырѣ. Редакція чрезвычайно осторожно даетъ понять, что этотъ св. младенецъ былъ замученъ свреями въ 1690 году съ фанатически-религіозною цѣлю, и ссылается на судебныя книги заблудовскаго городского магистрата, гдѣ это дѣло было разобрано. Подъ 5-мъ сентябри изложена кратко жизнь преподобно-мученика Аванасія Филипповича, брестскаго игумена, а подъ 7-мъ—преподобно-мученика Макарія, бывшаго сначала настоятелемъ въ овручскомъ, а потомъ въ каневскомъ монастырѣ, и обезглавленнаго въ 1678 году, при нападѣніи на Каневъ турокъ. Далѣе слѣдуютъ житія преподобнаго Юва, почаевского игумена, князи Оеодора Острожскаго и другихъ святыхъ, прошедшихъ свою жизнь въ борьбѣ за вѣру и народность. Изложеніе житій строго объективно и сжато; главные факты нигдѣ не опущены, выдвинуты на первый планъ и выразительно говорятъ сами за себя. Такими-же достоинствами отличается и «отрывокъ изъ исторіи уни въ Бѣлоруссіи», въ которомъ изображена полная трагизма борьба витебскихъ и полоцкихъ мѣщанъ

со своимъ епископомъ Іосафатомъ Кунцевичемъ, преданнымъ уніи до фанатизма. «Краткое описаніе сурасльскаго благовѣщенскаго монастыря», а равно біографія недавно умершаго мнискаго архіепископа Антонія Зубка заставляеть авторовъ этихъ статей коснуться исторіи уніи за все время ея господства, т. е. отъ конца XVI-го и до первой почти половины XIX-го вѣка. Объ архіепископѣ Антоніѣ достаточно замѣтить, что онъ былъ школьнымъ товарищемъ, другомъ, а потомъ и главнымъ сотрудникомъ митрополита Іосифа Сямашка въ дѣлѣ воссоединенія уніатовъ. Всѣ статьи, при полной точности и историческомъ безпристрастіи, изложены литературнымъ языкомъ, легкимъ и удобопонятнымъ. Приложенный къ календарю, литографированный, прекрасной работы, портретъ цесаревича Николая Александровича напоминаетъ намъ приложенія, какія въ былое время давались «Кіевскимъ Народнымъ Календаремъ». И все это за 30 копѣекъ!

Нельзя не отдать полной справедливости умѣнью и такту редакціи виленьскаго календаря: при выборѣ статей она руководилась исключительно желаніемъ познакомить своихъ читателей съ роднымъ прошлымъ, воздерживаясь отъ полемики, хотѣла дать имъ духовное оружіе для духовной-же борьбы съ католицизмомъ и полонизмомъ, этимъ большимъ мѣстомъ сѣверо-западнаго края. Въ пользѣ такихъ изданій сомнѣваться нельзя, за успѣхъ ихъ ручаться можно.

Холмскій народный календарь, изданный холмскимъ свято богородицимъ братствомъ, которое ставитъ цѣлью своего существованія и дѣятельности поддержаніе и распространеніе православія въ Забужной Руси, имѣетъ національно-религіозный полемическій характеръ; этотъ послѣдній образно выражается въ виньеткѣ оберточного листа, гдѣ представлено преніе о вѣрѣ князя Романа Галицкаго съ послами папы Иннокентія III. Содержаніе виньетки передано словами Радзивилловской лѣтописи (на второмъ листѣ), которыя и составляютъ такимъ образомъ эпитаграфъ книги. Обычныя календарныя свѣдѣнія здѣсь совершенно отсутствуютъ, если не считать правилъ о приемѣ учениковъ въ холмское духовное училище да списка ярмарокъ въ губерніи ихъ привислянскаго края (даже пѣть разбора вексельной и гербовой бумаги). Святцы православной и католической церкви, а также все, что касается богослуженія и праздниковъ, сообщено весьма обстоятельно. Рядомъ со святцами и обычнымъ историческимъ календаремъ помѣщены народныя примѣты о погодѣ и урожаяхъ; но это примѣты великорусскаго происхожденія и едва ли подходятъ подъ климатическія условія Холма и его окрестностей. Мы думаемъ, что въ каждой мѣстности есть своя особенная метеорологія и свои обычаи въ сельскомъ хозяйствѣ, которымъ и слѣдовало-бы дать здѣсь мѣсто,

какъ сдѣлано это, напр., въ Календарѣ юго-западнаго края на 1873 годъ, лучше и полише котораго у насъ до сихъ поръ не появлялось въ Кіевѣ ни одного. Остальные статьи въ холмскомъ календарѣ историческаго содержанія и приближаютъ его нѣсколько къ древнимъ сборникамъ XIV и XV вѣковъ (Златая Чешь, Матица Златая или Жемчугъ, Изнарагдъ, Маргаритъ и проч.), особенно-же къ тѣмъ изъ нихъ, которые назывались хронографами или палеями и въ которыхъ, по преимуществу, помѣщались историческія и полепическія произведенія. Первая изъ его статей излагаетъ исторію «города Холма и его святины», чудотворной иконы Божіей Матери, стечетливое изображеніе которой и приложено при этомъ. Авторъ предполагаетъ основаніе города еще при Владимірѣ св. и заканчиваетъ рассказомъ о неудачной попыткѣ татаръ взять городъ въ 1260 году; неудача приписывается заступничеству Божіей Матери, которой икона, праневная татарамъ, стала съ тѣхъ поръ чествоваться христіанами. Это серьезная статья и одна изъ лучшихъ въ календарѣ. Далѣе слѣдуетъ житіе «св. преподобномученика Афанасія Филипповича, игумена брестскаго», составленное по его «Діаріулу»; оно выиграло-бы въ живости изложенія и въ точности характеристики этого святого, если-бы авторъ воспользовался очеркомъ жизни и дѣятельности Филипповича, напечатанномъ г. Орестомъ Левницкимъ въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1878-й годъ. Житіе преподобнаго пустынножителя Снуфрія», подвизавшагося въ Фивадской пустынѣ, изложено весьма подробно, въ ущербъ житію Филипповича, имѣющему мѣстный интересъ. Первое съ удобствомъ могло-бы быть сокращено, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ. Статьи: «Наша родная исторія» и «О томъ, какъ древняя Польша любила Русь послѣ брестской церковной уніи», очерчиваютъ кратко исторію козацкихъ войнъ до Богдана Хмельницкаго и въ его время; ради послѣдовательности слѣдовало-бы переставить ихъ одну на мѣсто другой; вторая статья—проста перепечатка изъ извѣстнаго «Вѣстника Юго-Западной Руси» г. Говорскаго. Слѣдуетъ затѣмъ сказаніе 1766 года о страданіяхъ мліевскаго старосты Данила Кушніра, замученнаго поляками за преданность православію. Сказаніе передается безъ обработки, какъ сырой матеріалъ; въ такомъ видѣ оно не разъ уже переходило изъ одного сборника въ другой и приобрѣло большую извѣстность, благодаря своей характерности. Честь открытія сказанія принадлежитъ о. П. Г. Лебединцеву; въ первый разъ оно было напечатано имъ въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» за 1860 г., потомъ вошло въ составъ брошюры, предназначенной для народнаго чтенія: «Сказанія о стародавнихъ людяхъ кіевской земли» (Кіевъ. 1865 года), затѣмъ помѣщено въ «Собраніи сочи-

невій М. А. Максимовича» (стр. 555), наконецъ перепечатано въ «Сборникѣ документовъ пропаганды» (стр. 239) и отсюда уже заимствовано редакціей календаря. Краткій, но любопытный «Разсказъ восьмидесятилѣтняго старика объ обрядахъ, сохранившихся въ народѣ со времени древняго благочестія», касается лишь обрядовъ при вѣнчаніи, крещеніи и иванихдѣ, которые, выведенныя въ эпоху униі изъ употребленія въ церкви, стали исполняться съ тѣхъ поръ православными дома; это—обведеніе жениха и невѣсты вокругъ аналоя, наложеніе вѣнцовъ на нихъ, обведеніе кула и кулы вокругъ купели и служеніе панихиды на закупнойной просфорѣ. «Отношенія южно-русскаго народа къ полякамъ и жидамъ во времена униі» изображены по народнымъ пѣснямъ хотя рѣзко, но живо и обстоятельно. Этотъ трудъ г. Янковскаго производитъ на читателя тяжелое впечатлѣніе, вызывая горькое чувство при мысли о пережитыхъ народомъ страданіяхъ. «Поѣздка въ Кіевъ и Почаевъ въ 1884 году» описана весьма подробно священникомъ Алек. П...нымъ; въ описаніи не мало сценъ, вызывающихъ умиленіе; выѣстъ съ тѣмъ онъ указываетъ на тотъ весьма прискорбный фактъ, что католичество и до сихъ поръ, не будучи господствующимъ исповѣданіемъ, продолжаетъ вести, и не безъ успѣха, борьбу съ православіемъ. Этотъ-же фактъ еще убѣдительнѣе подтверждается Виленскимъ Календаремъ, по которому въ Супрасльскомъ пмѣніи (бѣлостокскаго уѣзда, гродненской губерніи) въ 1867 году было 1327 человекъ обоего пола православныхъ, а въ 1884 году всего 125; остальные католики и лютеране.

«Выписки изъ древняго историческаго календаря» привели насъ просто въ недоумѣніе. Ни на какой древній историческій календарь здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія. Это ничто иное, какъ переданныя словами неизвѣстнаго автора выдержки изъ нѣсколькихъ извѣстныхъ историковъ Карамзина, Копылова, Даниловскаго, Петрушевскаго, Шараневскаго и другихъ по разнымъ вопросамъ мѣстной исторіи. Трудно понять, почему потребовалось несоотвѣтствующее содержанію заглавіе. Въ календарѣ есть не мало историческихъ изреченій и анекдотовъ, характеризующихъ враждебныя отношенія народностей въ краѣ. Все это заканчивается древними духовными виршами и нотами къ нимъ. Въ календарѣ для тамошняго народа это едва-ли не лучшее.

Сопоставляя оба названныя календари, мы видимъ, что содержаніе ихъ отъ начала до конца вызвано и обусловлено потребностями культурной и религіозной борьбы національностей и оба они имѣютъ въ виду эту пменно цѣль; тѣмъ не менѣе они замѣтно отличаются другъ отъ друга. Въ то время какъ Виленскій Календарь старается излагать печальные факты исторіи безъ всякихъ прикрасъ и комментариевъ, въ виду, конечно,

того, что факты сами за себя и отъ себя говорятъ, — Холмскій, напротивъ, давая извѣстный отбѣнокъ этимъ фактамъ, получаетъ весьма замѣтный полемическій характеръ. Само собою разумѣется, что эта разница должна быть объясняема взглядами и характеромъ самихъ редакцій.

Искренне желаемъ успѣха обоимъ изданіямъ въ достиженіи намѣченной цѣли. Указывая на слабыя стороны календарей, мы съ удовольствіемъ отмѣчали все, что заслуживаетъ вниманія и уваженія въ нихъ. Въ заключеніе, не можемъ не выразить надежды, что полезное это дѣло не прекратится и въ будущемъ году и что обѣ редакціи, снабжая народную массу хлѣбомъ духовнымъ, не откажутъ ей въ указаніяхъ, необходимыхъ иногда при добываніи и хлѣба насущнаго. Въ этомъ случаѣ мы позволяемъ себѣ указать, какъ на примѣръ, на календари кіевскіе.

И. Каманинъ.

II. *Л., Кієво-михайловскій золотоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кієвъ. 1885 годъ.*

Ну, чтобы, вѣжеся, проще, какъ имѣть нашему «Вогомъ хранимому граду Кієву» свою подробную исторію? А между тѣмъ мы, не смотря на близящеся трехсотлѣтіе духовной академіи и недавно исполнившееся пятидесятилѣтіе университета, до сихъ поръ не имѣемъ ни исторіи городской общины, ни исторической топографіи города. Собираются пока матеріалы. Исторіи отдѣльных мѣстъ, древностей, зданій, хотя и давно уже разрабатывается многими славными мужами, но цѣльнаго до сихъ поръ еще нѣтъ ничего. Капитальный трудъ г. Закревскаго: «Описаніе Кієва» требуетъ пересмотра, исправленій и дополненій и скорѣе можетъ служить сводомъ матеріала для исторіи, чѣмъ самой исторіей. Бесъма многогіе вопросы разрѣшаются гадательно и нерѣдко даютъ поводъ къ продолжительнымъ и горячимъ спорамъ. Разрѣшенію мѣстныхъ вопросовъ посвящаетъ свои труды и уважаемый авторъ названной брошюры П. Я. Онъ не первый годъ работаетъ по исторіи нашего края вообще и города въ частности, и это не первая его работа; каждая изъ нихъ всегда заключала въ себѣ что-либо новое и неожиданное. Благодаря глубокому знанію нашихъ лѣтописей и подробному критическому анализу мелкихъ данныхъ лѣтописи и ихъ удачной комбинаціи, у автора всегда получается въ результатъ такое рѣшеніе затронутаго вопроса, что оно, будучи наиболѣе вѣроятнымъ, измѣняетъ

сложившіяся раньше мнѣнія. Цѣль брошюры «Описаніе михайловскаго монастыря» дать кievскимъ паломникамъ краткое руководство при обозрѣніи одной изъ древнихъ мѣстныхъ святынь. Составленное вполне научно и обстоятельно, это описаніе, при бѣдности у насъ такого рода произведеній, является вполне желанной и отрадной новинкой. Авторъ описанія, хорошо знакомый съ литературой своего предмета, сообщаетъ новыя и выбираетъ наиболѣе основательныя мнѣнія. Такъ подъ рубрикой: «начало монастыря» онъ излагаетъ свое мнѣніе о томъ, что на мѣстѣ теперешняго златоверхо-михайловскаго монастыря существовалъ прежде дмитріевскій, основанный въ 1060 году великимъ княземъ Изяславомъ-Дмитріемъ Ярославичемъ, около 1086 г.—св. Петра, а въ 1108 году заложена была церковь во имя архистратига Михаила великимъ княземъ Святополкомъ-Михайломъ Изяславичемъ. Въ 1128 г. «перешла печеряне (т. е. власти печерскаго монастыря) церковь св. Дмитрія и нарекоша ю Петра». Съ этого времени исчезло названіе церкви св. Дмитрія; поведеніе печерянъ летописецъ называетъ «всѣмъ грѣхомъ и неправдою». По мнѣнію автора церковь св. Дмитрія погибла среди запустѣнія Кіева въ теченіи XV вѣка, уцѣлѣла же только михайловская, которая и даетъ теперь монастырю свое имя, вошедшее въ употребленіе не ранѣе XVI вѣка¹⁾. Далѣе авторъ излагаетъ исторію сооруженія и расположенія храмовъ монастыря, иллюстрируя ее приложеннымъ въ концѣ книги планомъ, описываетъ иконостасъ, отдѣльныя замѣчательныя иконы, алтарь и мозаику въ немъ; передаетъ рассказъ о судьбѣ мощей св. великомученицы Варвары, исчисляетъ лицъ, погребенныхъ въ михайловскомъ храмѣ и его придѣлахъ, описываетъ колокольню, ограду, гостинницу, архіерейскій домъ и монашескія келіи, а равно земельныя угодья, прежде принадлежавшія и нынѣ принадлежащія, и монастыри, зависимыя отъ михайловскаго. Авторъ говоритъ кратко, между прочимъ, о ризницѣ и бібліотекѣ; о послѣдней только упоминаетъ, а между тѣмъ людямъ, наученнымъ книжному искусству (какъ мѣстнымъ, такъ и посѣщающимъ Кіевъ) прежде всего интересно было-бы имѣть, конечно, не каталогъ, а хотя-бы общее знакомство съ содержаніемъ книгъ и рукописей и временемъ ихъ изданія; этихъ-то указаній въ брошюру и вѣтъ, къ сожалѣнію. Наконецъ въ ней приводится списокъ настоятелей кievо-михайловскаго монастыря, начиная съ 1503 года и до благополучно правящаго имъ нынѣ преосвященнаго Виталія Іосифова; въ заключеніе описана живописная дача монастыря—Феофанія.

И. Каманинъ.

¹⁾ Подробности объ этомъ см. въ «Чтеніяхъ историческаго общества Нестора летописца, кн. I, 1873—1877 г. стр. 28—36.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

КУРАКОВСКІЙ ДОГОВОРЪ КОЗАКОВЪ СЪ ПОЛЯКАМИ 1625 ГОДА.

Кураковскій договоръ принадлежитъ къ числу самыхъ тягостныхъ и унижительныхъ для козаковъ. Мѣсто заключенія его опредѣляется въ исторіи Кураковымъ озеромъ и урочищемъ «Медвѣжьи лозы». Очевидно, договоръ былъ заключенъ вдали отъ населенныхъ мѣстъ, на походѣ или на мѣстѣ сраженія. Опредѣленіе мѣста его заключенія, кромѣ прямого своего интереса, можетъ служить объясненіемъ невыгодности самаго договора и его тяжелыхъ условій. Въ этомъ и заключается поводъ и цѣль настоящей замѣтки.

Для ясности дѣла очертимъ вкратцѣ политическое положеніе козаковъ и всего православнаго населенія южной Россіи въ 20-хъ годахъ XVII ст. и вызванное имъ вооруженное столкновеніе между козаками и польскими силами, закончившееся кураковскимъ договоромъ, а затѣмъ уже попытаемся съ возможною точностію опредѣлить мѣсто заключенія этого договора.

Двадцатые годы XVII ст. были однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ въ жизни южной Руси. Длилось царствованіе фанатика-короля, игроульца магнатовъ, орудія римской курии, слуги іезуитовъ. По побужденіямъ внутренней и внѣшней политики правительство Сигизмунда III напирало всё усилія къ тому, чтобы сломить выросавшую на его глазахъ грозную козачью силу, мѣшавшую давно задуманной имъ и всѣми мѣрами проводимой полити-

ческой и церковной униі; но въ тоже самое время ему пришлось не разъ искать спасенія въ этой самой силѣ отъ вѣдшихъ враговъ, какъ было въ войны шведскую и турецкую. Судьба козаковъ и всего православнаго населенія Польши облегчалась по мѣрѣ неудачъ поляковъ въ войнахъ съ сосѣдями. Гетману Сагайдачному, выручившему дважды изъ неминуемой гибели королевича Владислава, удалось отстоять права козаковъ, возстановить православную іерархію, съ возвратомъ отнятыхъ униатами церквей и монастырей, и добиться провозглашенія свободы православнаго исповѣданія; но лишь только онъ скончался отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ подъ Хотиномъ, какъ всѣ плоды его умной и твердой политики обращены въ ничто. И при жизни впрочемъ его притѣсненія козаковъ, гоненія на православныхъ не прекращались. Правительство польское давало самыя противурѣчивыя обѣщанія, которыхъ никогда не думало да и не могло исполнить. Не разъ отъ лица сейма оно торжественно обязывалось смирить козаковъ и не допускать ихъ до набѣговъ на турецкія и татарскія владѣнія; но, прибѣгая къ помощи тѣхъ-же козаковъ для собственной защиты, оно должно было дѣлать уступки въ пользу ихъ и всего южно-русскаго народа, а между тѣмъ никогда не отступало отъ своего давняго плана совершеннаго уничтоженія православія и народности русскаго, поддерживаемое въ этомъ всѣми силами польской шляхты, іезуитовъ и самаго папы. Неудивительно, что со смертію Сагайдачнаго строгости противъ козаковъ, стѣсненія православныхъ усилились вновь. Православный митрополитъ не былъ признанъ въ своемъ званіи, прочіе православные епископы были вовсе изгнаны изъ своихъ епархій, возвращенныя недавно церкви и монастыри вновь отняты, исповѣдники православія подвергались самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ. Въ 1625 году православные епископы отправили своихъ пословъ на сеймъ съ цѣлію добиться легальнымъ путемъ возстановленія попираемыхъ повсюду ихъ правъ. Но въ то время, когда они съ нетерпѣніемъ ждали, какую-то вѣсть принесутъ имъ депутаты съ сейма, гоненія на православіе открылись въ самой колыбели его Кіевѣ. Представитель общественнаго здѣсь самоуправленія, кіевскій войтъ Феодоръ Ходыка, уступая давленію польско-униатской партіи, началъ въ самомъ Кіевѣ печатать церкви, отнимать у нихъ угодыя, имущества. При первой вѣсти объ этомъ козаки двинулись на

Кіевъ, отпечатали церкви, возвратили имъ отнятыя угоды, убили самаго Ходяку. Сеймъ требовалъ укротить козаковъ силою оружія, и противъ нихъ двинуть былъ Конецпольскій съ войскомъ.

Козаки оставили Кіевъ и поспѣшили отступить къ Каневу, куда не замедлилъ прибыть и Конецпольскій. Козаки просили его не начинать противъ нихъ войны, заявляя, что они желаютъ войти съ Рѣчью-Посполитою въ переговоры, лишь только прибудетъ съ Низу ихъ гетманъ Жмайло. Между тѣмъ, часть козаковъ, числомъ 3 тысячи, ушла изъ Канева по направленію къ Черкасамъ, а затѣмъ къ Боровицѣ. За ушедшими послана погоня. Пользуясь раздѣленіемъ силъ Конецпольскаго, и остальные козаки ушли изъ Канева по направленію къ тому-же мѣсту, т. е. Черкасамъ и Боровицѣ, куда и прибыли 19 октября. Здѣсь опять обратились козаки къ Станиславу Конецпольскому съ просьбою приостановить военныя дѣйствія, направленныя противъ нихъ.

Не получая отвѣта, козаки опять отступаютъ и достигаютъ 25 октября мѣстечка Крылова, находящагося въ углу, на лѣвой сторонѣ р. Тясмина, при впаденіи ея въ Днѣпръ. На другой день прибылъ сюда и Конецпольскій и тотчасъ-же послалъ условія козакамъ. Условія были невыгодныя, унижительныя; козаки собрали раду и тутъ-же отвергли ихъ.

Конецпольскій, рассмотрѣвъ съ высокаго кургана въ зрительную трубу козацкій лагерь и замѣтивъ его слабыя стороны, быстро ударилъ на козаковъ; тѣ дали отчаянный отпоръ. Битва продолжалась цѣлый день, до поздняго вечера, и все таки осталась нерѣшительною. На другой день Конецпольскій отдаетъ приказъ штурмовать козацкій таборъ. Находясь въ невыгодной позиціи и ослабѣвъ въ силахъ, козаки не надѣялись устоять противъ настойчиваго и опытнаго вождя Рѣчи-Посполитой, а потому рѣшились тайно переправиться на лѣвый берегъ Днѣпра; но подвѣявшаяся буря не допустила ихъ до переправы. Нѣкоторые смѣльчаки бросились вплавь, но тутъ-же, на глазахъ своихъ, потонули. Что оставалось дѣлать? Козаки опять рѣшаются отступить, рассчитывая, быть можетъ, на помощь запорожцевъ. Переправаясь черезъ рѣчки (*Тясминъ* и *Цыбулицкъ*), они достигаютъ «старого городища» надъ Кураковымъ озеромъ, на Медвѣжьихъ Лозахъ». Конецпольскій по пятамъ слѣдуетъ за ними, пославъ предварительно кавалерійскій отрядъ обружнымъ

путемъ, чтобы перерѣзать отступавшимъ путь. Увидѣвъ себя окруженными съ двухъ сторонъ, козаки пріостановились, рѣшившись еще разъ попытать счастья на полѣ битвы. Нѣсколько разъ они бросались въ битву, но безуспѣшно. Не видя ни откуда помощи, истощивъ свои огнестрѣльные припасы, козаки согласились наконецъ на условія, предложенныя имъ Конецпольскимъ, и заключили съ Рѣчью-Посполитою, такъ называемый, *Кураковскій договоръ въ 1625 году, 6-го ноября.*

Теперь перейдемъ къ вопросу, гдѣ найти, къ чему пріурочить то мѣсто, на которомъ козаки, побѣжденные Конецпольскимъ, рѣшились на тяжелыя условія, выраженныя въ кураковскомъ договорѣ?

Чтобы отыскать это мѣсто, рассмотримъ тѣ примѣты и названія, которыя упоминаются историками, повѣствующими объ изложенныхъ выше событіяхъ.

Припомнимъ, что козаки начали отступление свое отъ Крылова 28 октября, что еще нѣсколько дней прошло въ битвахъ и что самый кураковскій договоръ окончателно заключенъ только 6-го ноября того-же, т. е. 1625 г., мы легко прійдемъ къ тому заключенію, что козаки отъ мѣста своего послѣдняго отступления не могли далеко уйти внизъ по Днѣпру. Большіе пески, находящіяся ниже Крылова, въ днѣпровскихъ плавняхъ, задержали отступление козаковъ, потому они успѣли пройти, быть можетъ, не болѣе 20—25 верстъ. На такомъ разстояніи мы и будемъ искать историческихъ слѣдовъ мѣста заключенія этого договора.

Первая примѣта, обозначающая мѣсто заключенія кураковского договора, есть «старое городище», а въ районѣ разсматриваемой мѣстности есть три городища: *табурищенское, камяно-потоцкое и кремешурское.*

Табурищенское городище находится на мысу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Цыбульница въ Днѣпръ. На этомъ самомъ мѣстѣ Эрихъ Лясота, плывшій по Днѣпру въ Запорожье въ 1593 г., видѣлъ татарскую мечеть; а если была мечеть, то существовало, конечно, и не малое поселеніе, отдѣльныя-же поселенія не обходились въ то время безъ какихъ либо укрѣпленій. И дѣйствительно тутъ должно существовали остатки стараго укрѣпленія. Въ 1860 г., по словамъ прежняго священника с. Табурица (теперь онъ въ Новогеоргіевскѣ, бывшемъ Крыловѣ), жилъ въ этомъ селѣ столѣтній

старикъ, который передавалъ, что въ дѣтствѣ своемъ онъ еще видѣлъ полусгнившіе дубы, окружавшіе частоколомъ городище и что тогда уже этимъ дубамъ, по ихъ ветхости, давали болѣе ста лѣтъ. Итакъ лѣтописное «старое городище» легко приурочивается къ нынѣшнему селенію Табурище. Здѣсь Днѣпръ близко подходитъ къ Табурищу. Далѣе горы, идущія вдоль праваго берега Днѣпра, отходятъ отъ него на разстояніи отъ 1 до 7 верстъ. Затѣмъ горы опять понижаются въ Днѣпру и упираются въ него при самомъ селеніи Камяно-потоцкомъ. Между Табурищемъ и Камяно-потоцкимъ мы видимъ прекраснѣйшую долину, испещренную лѣсками, рощами, наполненную озерами, ручьями, извѣстную въ народѣ подъ названіемъ «Днѣпровскихъ плавень». Разстояніе между двумя пунктами, указанными выше, будетъ 20—25 верстъ.

Камянопотоцкое городище находится на скатѣ горы, въ селѣ этого имени, возлѣ самой церкви. Относительно времени его происхожденія я не имѣю никакихъ свѣдѣній: ни письменныхъ, ни печатныхъ, ни устныхъ.

Городище кременчугское находилось на лѣвой сторонѣ Днѣпра тамъ, гдѣ теперь Кременчугъ. Въ татарскій періодъ здѣсь была крѣпость, называвшаяся по татарски «Керменчикъ». Последнее слово въ устахъ нашего народа могло легко измѣниться въ Кременчугъ, подобно тому, какъ Херсонесъ въ Херсонъ. Ласота видѣлъ и это городище. Если авторъ повѣствованія о возстаніи козаковъ въ 1625 г. подъ именемъ «старого городища» разумѣлъ именно кременчугское, въ такомъ случаѣ его слова надобно понимать такъ: уходя изъ-подъ Крылова, козаци приплы къ тому мѣсту, которое находится противъ «старого городища», лежащаго на лѣвой сторонѣ р. Днѣпра.

Второй признакъ, указывающій на мѣсто заключенія кураковского договора, есть Кураково озеро.

Названіе это у разныхъ авторовъ приводится различно именно: Кураково и Краково, Куруково и Круково. Последнее слово въ устахъ народа измѣнилось въ Крюковъ. Въ настоящее время нѣтъ ни озера, ни рѣчки съ именемъ «Крюковъ». Но въ прошломъ столѣтіи одна изъ рѣчекъ въ днѣпровскихъ плавняхъ называлась «Крюковъ». Объ этомъ свидѣлствуетъ Семень Степановичъ Шишчевичъ въ своихъ «Запискахъ», изданныхъ въ прошломъ году профес-

сорокъ московскаго университета г. Поповымъ. При этомъ меня не затрудняетъ то обстоятельство, что Пишчевичъ прилагаетъ названіе «Крюковъ» не къ озеру, а къ рѣчкѣ. Кто видѣлъ днѣпровскія плавни въ разное время года, тотъ не могъ не замѣтить, какъ лѣтомъ и осенью, особенно при сушѣ, рукава, заливы и ручьи обращаются въ озера, а при возвышеніи воды изсохшіе ручьи опять наполняются водою. Поэтому не будетъ съ моей стороны ошибки, если я скажу, что «Кураково озеро» у польскихъ писателей и рѣчка «Крюковъ» у Пишчевича, жившаго въ прошломъ столѣтіи, есть одно и то же. Кураковскій договоръ заключенъ въ началѣ ноября, когда убыль воды, особенно въ сухую осень, достигаетъ самаго большаго пониженія и когда, слѣдовательно, многія рѣчки обращаются въ озера, а въ томъ числѣ, конечно, и Крюковъ. Пишчевичъ же переѣзжалъ черезъ рѣчку Крюковъ раннею весною, когда, слѣдовательно, вода прибавляется отъ таянія снѣговъ и когда потому многія озера обращаются въ рѣчки, а въ томъ числѣ и Крюково (Крюково).

Наконецъ третій признакъ, указывающій на мѣсто заключенія кураковскаго договора, есть урочище: «Медвѣжья Лоза».

Въ днѣпровскихъ плавняхъ, въ окрестностяхъ Крюкова, лоза растетъ въ большомъ изобиліи. Она бываетъ разныхъ сортовъ: бѣлая, красная, черная. Лозы здѣсь названы медвѣжьими, конечно потому, что въ нихъ водились медвѣди. Лесота, возвращаясь сухимъ путемъ изъ Запорожья по направленію къ Чигирину, проѣзжалъ отъ окрестностей пнишшняго Крюкова не болѣе какъ въ двадцати верстахъ, гдѣ повстрѣчался съ медвѣдемъ. Да и писатели XVIII и даже XVII столѣтій упоминаютъ между прочимъ о медвѣдяхъ, водившихся въ лѣсныхъ мѣстахъ сѣверо-западной части пнишшняго александрійскаго уѣзда.

Припомнимъ теперь кратко путь, по которому двигались козацкія и польскія силы, и мы увидимъ ясно мѣсто послѣдней ихъ стычки и самаго договора. Козаки, переправившись черезъ рѣчку Тяминъ, пошли вдоль праваго берега Днѣпра, перешли рѣчку Цыбульничъ и пройдя мимо «старога городища», которое называю табурищенскимъ, вступили въ днѣпровскую долину, или плавни. Осенью и лѣтомъ здѣсь очень хорошо и удобно проходить и проѣзжать. Конецпольскій съ главными силами пошелъ вслѣдъ за коза-

ками, а обходной отрядъ слѣдовалъ конечно по горѣ, идущей въ 6—7 верстахъ отъ Днѣпра. Возлѣ нынѣшняго Крюкова и было то мѣсто, гдѣ козаки, увидѣвъ себя атакованными съ двухъ сторонъ, вынуждены были согласиться на тяжкія условія, предложенныя имъ Конецпольскимъ, заключивъ кураковскій или куруковскій договоръ 6 ноября 1625 года. Это именно мѣстности нынѣшняго посада Крюкова, лежащаго на правой сторонѣ Днѣпра, на супротивѣ уѣзднаго города Кременчуга, полтавской губерніи. Тутъ, какъ и подъ Крыловымъ, козаки очутились какъ-бы въ западнѣ: спереди и сзади ихъ давили поляки, съ боковъ были Крюково озеро и горы, Медвѣжьи Лозы и за ними Днѣпръ. Какъ ни были тяжки условія, предложенныя Конецпольскимъ, козаки должны были принять ихъ. Это вынуждала не только слабость ихъ силъ, но и позиція, въ которую они попали, тщетно ожидая съ низу подкрѣпленія.

Свещ. В. Нинифоровъ.

КІЕВСКАЯ АКТОВАЯ РѢЧЬ 1841 ГОДА.

Въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ кіевскихъ, да и другихъ, публичные акты явились недавно, съ 60-хъ годовъ. Прежде ихъ замѣняли публичные экзамены, соединявшіеся до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія съ публичными-же диспутами. Тогда какъ теперь ядро актовъ заключается въ составляемыхъ по неизмѣнной формѣ отчетахъ и жизнь заведенія, даже знанія и поведеніе учениковъ представляются въ цифрахъ, тогда все это выставялось, такъ сказать, натурою. Да, это въ собственномъ смыслѣ была выставка знанія и успѣховъ учащихся и притомъ съ вазоваго конца. Испытаній въ обыкновенномъ смыслѣ тутъ не было,—они производились раньше при закрытыхъ, такъ сказать, дверяхъ, для публичныхъ-же не только въ училищахъ и семинаріяхъ, но даже въ академіи назначалось заранѣе, кто и что долженъ отвѣчать по тому или другому предмету. Назначались, конечно, лучшіе и болѣе казистые студенты; по два на предметъ. Предсѣдательствовавшій владыка объявлялъ лишь предметъ, по которому слѣдуетъ испытаніе; кого и объ чемъ именно спросить—предоставлялось профессору. Конечно, отвѣты не могли быть иными, какъ только самыми лучшими по

всѣмъ вообще предметамъ. Въ частности интересъ отвѣта зависѣлъ не только отъ темы, удачно выбранной, но и отъ бойкости отвѣчавшаго, такъ какъ владыка дѣлалъ свои замѣчанія, поправки и возраженія, на которыя долженъ былъ отвѣчать испытуемый студентъ. Въ такомъ видѣ публичные экзамены отнюдь не были обменомъ публики, но только выставкою предъ нею знанія и науки, точь въ точь какъ производили это наши дворяне XVIII ст. предъ роднею и сосѣдами съ своими Петрусями и Ясями, по обученіи ихъ дома или за границей. Роль отца здѣсь занималъ владыка и ему конечно должны были выразить публично свои чувства и испытуемья имъ дѣти и приставленные къ нимъ учителя, а онъ публично-же ихъ похвалялъ и благодарилъ. Выраженіе чувствъ производилось въ двухъ рѣчахъ: привѣтственной предъ началомъ экзамена и благодарственной по окончаніи онаго. Рѣчи обращались обыкновенно къ лицу владыки. Конечно, рѣчи готовились заранее, прочитывались, исправлялись и даже прослушивались, а для составленія и сказыванія рѣчей выбирались самые рѣчистые и съ хорошею дикцією студенты. Все это лежало на заботѣ и обязанности профессора красно-рѣчія. Въ 40-хъ годахъ такимъ профессоромъ въ кievской академіи былъ глубоко памятный намъ Яковъ Козьмичъ Амфитеатровъ. Это былъ человѣкъ оригинальнаго ума и высокихъ дарованій. Однообразіе сказываемыхъ на публичныхъ экзаменахъ рѣчей и выражаемыхъ ими чувствъ претило ему, и вотъ въ X курсѣ академіи, оканчивавшемся въ 1841 году, онъ пожелалъ пооригинальничать рѣчью и для этой цѣли выбралъ въ ораторы оканчивавшаго тогда курсъ молдована Василя Скрибана-Попеску, впоследствии архіепископа яесскаго Филарета. Рѣчь имъ сказанная произвела глубокое, поражающее впечатлѣніе. Плакалъ старецъ—владыка Филаретъ, глоталъ слезы говорившій, прослезились многіе и многіе изъ слушавшихъ. О рѣчи говорили много и долго, студенты и семинаристы списывали ее и теперь она циркулируетъ во многихъ и многихъ спискахъ. Вотъ эта блестящая, глубоко трогающая рѣчь.

Высокопреосвященнѣйшіи владыко!

Милостивый архипастырь и отецъ!

Я здѣсь чужеземецъ; мой родъ, мое отечество далеко отсюда, и языкъ у насъ иной; но здѣсь, въ этой колыбели вѣры и просвѣщенія величайшей въ свѣтѣ монархіи, я принять какъ свой, и, можетъ быть, болѣе чѣмъ свой. Два года провелъ я здѣсь, подъ твоимъ отеческимъ покровительствомъ, подъ руководствомъ добрыхъ наставниковъ, въ пріязни отъ всѣхъ меня окружающихъ, и эти два года почитаю лучшими въ своей жизни. Кто болѣе меня обязанъ глубочайшею благодарностію и сему святилищу наукъ, и особенно твоимъ, милостивѣйшіи архипастырь, попеченіямъ и христіанской любви? Мои сотоварищи по наукѣ, братья по вѣрѣ, други по душѣ и юношеской пріязни оспаривали у меня слово благодаренія, но я сказалъ имъ; «вы свои, вы имѣете право на благодаренія, и вамъ остается цѣлая жизнь для подвиговъ благодарности: предоставьте мнѣ, страннику, послѣднюю минуту и послѣднее слово благодаренія для изліянія священныхъ чувствій души, глубоко признательной. Они предоставили, и я почитаю себя исполнѣ счастливымъ, что могу изречь предъ тобою, милостивѣйшіи архипастырь, тѣ чувства, съ которыми оставляю сіе незабвенное для меня мѣсто, гдѣ обрѣлъ я сокровище истинной христіанской мудрости и православнаго ученія вѣры, которыхъ не находилъ я нигдѣ.

Если возвращусь на мою родину, и мое отечество спроситъ у меня: позналъ-ли ты истинную мудрость и благочестіе христіанское? я скажу имъ: не только позналъ, но и видалъ ихъ, и укажу на тебя, іерархъ благочестивый.

Если сосѣдній моему отечеству гордый мусульманинъ спроситъ у меня: чѣмъ твой вѣра лучше другихъ? я скажу ему: христіанскою безкорыстною любовію, и укажу на тебя, іерархъ христіолюбивый! на великодуніе и гостепрѣимство великаго народа русскаго, воспитаннаго въ вѣрѣ православной и видимо осѣняемаго благословеніемъ Вышняго.

Если похваляющійся всезнаніемъ европеецъ войдетъ со мною въ состязаніе, я скажу ему: можетъ быть, вы и все знаете; но вы не видали православной церкви въ древней чистотѣ и благолѣпії, и я не видалъ между вами особъ православныхъ.

Такъ милостивѣйшій архипастырь и отецъ, въ твоей паствѣ, въ твоей академіи изучалъ я обширную науку вѣры православной, здѣсь видѣлъ я чинъ и устройство истинной церкви Христовой, видѣлъ благолѣпіе церковное во всей красѣ и чистотѣ древней; при твоёмъ священнослуженіи молился въ древнѣйшихъ храмахъ Руси православной; и все, что могъ познать, могъ видѣть, все понесу въ мою любезную родину, и все постараюсь обратить въ назиданіе себѣ и своимъ соотечественникамъ. Это мой святой обѣтъ, и кромѣ исполненія сего обѣта мнѣ нечѣмъ возблагодарить великій народъ, у котораго жить я гостемъ;— нечѣмъ возблагодарить тебя, милостивѣйшій архипастырь.

И у меня есть владыка, старецъ благоговѣйный и милостивый. О, какъ будетъ радоваться духъ его, когда я приѣду къ нему, и принесу ему твою любовь, и твое христіанское лобзаніе! Какъ вожделѣнно будетъ для цѣлаго моего отечества, когда принесу ему плоды христіанскаго просвѣщенія изъ того самаго вертограда, который насаждалъ одинъ изъ сыновъ его, столь извѣстный своею равностію по вѣрѣ христіанской.

Посторонніе посѣтители публичнаго экзамена академіи въ тотъ день, слыша эту рѣчь, получили конечно высокое представленіе объ ораторскомъ талантѣ студента-молдована и о томъ, какъ быстро и превосходно овладѣлъ онъ русскою рѣчью; для насъ-же сокурсниковъ Скрибана-Понеску ясно было лишь то, что онъ отличился усвоилъ эту рѣчь, проникся ея духомъ и мастерски произнесъ ее своимъ особымъ акцентомъ, но ни для кого не составляло секрета, что настоящимъ ея авторомъ былъ все тотъ-же знаменитый и приспомятанный нами Яковъ Козьмичъ.

Сообщ. прот. Е. Попруженно.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ПЛЯХЕТСКО-КОЗАЧАГО БЫТА XVIII В.

(Два партикулярныя письма).

Ниже приводятся два частныхъ письма первой половины XVIII ст., совершенно различныя по содержанію, по имбюціи, кромѣ своей характерности, еще то общее качество, что оба относятся къ

обыденной, домашней южно-русской жизни первой половины прошлаго вѣка. Даже скудные, отрывочныя бытовыя указанія на пережитыя формы жизни весьма цѣнны для исторіи. Тѣмъ цѣннѣе для нея указанія точныя, недвусмысленныя, яркія. А такія именно и заключаются въ приводимыхъ письмахъ, заимствованныхъ нами изъ фамильныхъ бумагъ А. С. Лашкевича, частью которыхъ мы еще воспользуемся при удобномъ случаѣ.

Вышедшій въ прошломъ году въ Петербургѣ 8-й томъ «Исторической библіотеки», издаваемой археографической комиссіей (рецепція—въ октябр. кн. «Кіев. Стар.» за 1884 г.) помѣстилъ подробную опись *скарбовъ* низложеннаго гетмана Самойловича, и читающая публика получила понятіе о поразящемъ множествѣ и разнообразіи цѣнностей гетманскаго имущества. Между прочимъ въ описи сразу бросается въ глаза то, что въ безконечномъ ряду описываемыхъ предметовъ—чарокъ, кубковъ, кружекъ, четвертинъ, братинъ, блюдеъ, чашъ, поясовъ, перстней, шубъ, сподницъ, сѣделъ, ружей и проч. и проч.—нѣтъ, какъ у насъ теперь, или по крайней мѣрѣ весьма мало—«дюжины», «сервизовъ», «костюмовъ», вообще того, что пріобрѣтается нарочито, съ подборомъ. Тамъ каждый слѣдующій предметъ только по названію похожъ на предыдущій, всѣмъ остальнымъ—вѣсомъ, формой, матеріаломъ—отличается отъ него. Это обстоятельство какъ нельзя лучше подтверждаетъ историческія свидѣтельства, что колоссальныя «скарбы» гетманскіе собирались по крупицамъ. Собственно о Самойловичѣ лѣтописи говорятъ, что этотъ человѣкъ отличался большимъ «здирствомъ», слѣдовательно сокровища его въ значительной долѣ и составлены именно путемъ неустаннаго насильственнаго извлеченія изъ чужихъ рукъ всего, что только удостоилось непосредственнаго или посредственнаго вниманія его ясновельможности.

Но составъ имущества Самойловича можно, не рискуя ошибиться, принять за типическій, что подтверждается извѣстными доселѣ многочисленными описями приданнаго богатыхъ и знатныхъ малороссіянокъ,—«виновными записями» (отъ слова вѣно), какъ онѣ иногда назывались.

Какъ составлялись скарбы, подобныя Самойловичевскому, у другихъ гетмановъ? Несомнѣнно, что въ значительной степени изъ подарковъ. Дарили всѣ сословія и по всѣмъ случаямъ: являлась-ли

генеральная старшина и всѣ бывшіе «при боку гетманскомъ», по случаю какого-либо семейнаго или иного праздника; приѣзжали-ли въ гетманскую резиденцію полковая старшина; прибывалъ-ли какой «посоль государевъ» или просто купецъ «россійской породы»; поздравлялъ-ли письменно какой-либо игуменъ «съ полноприщемъ великаго поста»; добивался-ли кто-нибудь юстиціи «рейментарской», а тѣмъ паче вниманія и милостей—все это непременно сопровождалось приношеніями всѣхъ видовъ, сортовъ и способовъ. Въ напечатанной въ прошедшемъ номерѣ нашего журнала «Сушникѣ на пона», чисто народной и нѣкогда весьма распространенной пьескѣ, прямо говорится, что къ гетману безъ сукна не ходи. Отсюда, рядомъ съ произведеніями художествъ, въ родѣ «золотаго корабля съ человѣчними парсунами, щоглами и пушечками», рядомъ съ нѣмецкими картинами, часами и проч. въ гетманскихъ кладовыхъ оказываются старыя пистолеты, сѣдла, собольи шубы, нарчевыя «спидныци», ломъ серебра, «люльки», нагайки, сукно и проч. Жаль, что червонцы не имѣли особыхъ примѣтъ, а то-бы и они показали, что сплылись къ гетману изъ разныхъ источниковъ, иногда въ дарахъ, вовсе несоотвѣтствующихъ, на нашъ современный взглядъ, гетманскому великолѣпію.

Послѣднее обстоятельство подтверждаетъ и помѣщаемый ниже документъ. Пишетъ полковникъ стародубовскій, извѣстный Лукьянъ «Журавко» ¹⁾ стародубовскому войту Симеону Тихоновичу, изъ Глухова въ Стародубъ, что пять червонныхъ золотыхъ, присланные паномъ войтомъ чрезъ нарочнаго «на поклонъ пану гетмановѣ», онъ полковникъ получилъ, но вручить его ясневельможности тотчасъ не можетъ, «понеже не по тому теперь часъ», т. е. неподходящее время. Дѣло происходитъ 8 октября 1718 года. Почему время было неудобно для «ознаймения» о панѣ войтѣ предъ ясневельможнымъ, находимъ отвѣтъ въ «Дневныхъ запискахъ» Якова Марковича, гдѣ на стр. 4, подъ 1718 годомъ, читаемъ: «Мѣсяца октоврія 12, въ недѣлю, въ Глуховѣ веселье было. Гетманъ Скоропадскій дочь свою Уліяну отдалъ за Петра Петровича Толстаго,

¹⁾ Журавка былъ согникомъ повгородскимъ; возведенъ на полковничій урядъ самимъ Петромъ Великимъ въ 1708 году, за проведеніе царскихъ войскъ въ укрѣпленный Мазепою Новгородсѣверскъ.

сына тайнаго совѣтника Петра Андреевича. Разумѣется, гетману, въ хлопотахъ по приготовленію къ свадьбѣ было не до войта стародубовскаго.

Письмо Журавки написано на полулистѣ, замѣчательно красивымъ почеркомъ. Вотъ текстъ его.

Па не вуйте майстрату стародубовскаго!

Червонныхъ золотихъ пять, на поклонъ ясневелможному пану гетмановѣ отъ вйти чрезъ козака посланные, дошли рукъ нашихъ. Съ взглядомъ самого вйти и его войтовскаго уряду, не предлагалисмо еще его панской велможности, понеже не потому теперъ часъ. Однакъ же потрафивши благополучное время, ознаймити не забудемъ о вйти, и який будетъ его рейментарской на тое отвѣтъ, листовне не замедлимъ о томъ дати вѣдомо. А теперъ похваляемъ вйти, же ниѣте коло оправовая города нашего полковаго старанне, и не лѣнивее о томъ же имѣти тцакію пиано, нилю жадаемъ, и ему жъ доброго отъ Госнода Бога здоровья зичимъ. Зъ Глухова. октовріа 8, 1718 року.

Вйти зичливий его царского пресвѣтлоо величества войска запор.

Полковникъ стародубовскій *Лукианъ Жоравко*.

А пайбарзѣи о войсковомъ погребѣ имѣйте повеченно зъ господаремъ.

На другой сторонѣ:

Пану Сумеону Тихоновичу, майстрату стародубовскаго войтовѣ, подати.

Изъ дневниковъ Марковича, Халевка, изъ находящагося въ редакціи «Кіевской Старшны» рукописнаго дневника Лашкевича и другихъ источниковъ мы знаемъ, что малороссійская козацкая старшина прошлаго вѣка, рядомъ съ веденіемъ обширнаго хозяйства, занималась и торговлею, сбывая преимущественно продукты собственнаго хозяйства. Торговля не ограничивалась предѣлами Малороссіи; очень часто партіи товаровъ и скота препровождались въ Великороссію и даже за границу: стада воловъ гоняли въ Москву и Данцигъ, табакъ и водка шли въ Персію или Сѣчь, хлѣбъ въ Азовъ и т. д. Во всѣхъ этихъ рынкахъ поставщики-помѣщики имѣли знако-

мыхъ купцовъ и факторовъ, съ которыми вели даже дѣловую переписку, поручая имъ разныя комиссіи.

Второй изъ нашихъ документовъ и есть именно образчикъ такого дѣловаго письма. Пишетъ въ 1739 году изъ Риги нѣмецъ, какой-то Готгардъ Христіанъ Гартманъ братьямъ Тищенкамъ, помѣщикамъ Стародубовщины, искони отличавшейся производствомъ пеньки, вывозимой оттуда и въ настоящее время въ огромномъ количествѣ. Нѣмецъ пишетъ по польски, довольно чистымъ языкомъ и нѣмецкимъ почеркомъ. Въ концѣ письма приложенъ характерный счетъ предметовъ нарочитой покупки, порученной Гартману Тищенками. Между сельдами, рукавицами и окулярами фигурируетъ неизмѣнный «пурганць», которымъ, сколько можно судить по тѣмъ же дневникамъ, считали долгомъ время отъ времени поцѣлиться люди, обладавшіе вполне здоровыми желудками.—Мы передаемъ письмо по русски, удержавъ (въ русской транскрипціи) только непере译имое обращеніе тогдашнихъ польскихъ и южно русскихъ писемъ.

Мнѣ велце мосци панс и добродію,

Мосци пане Тыщенскъ! (sic.)

За письменное увѣдомленіе покорнѣйше благодарю, отъ души желая, что-бы Всевысочайшій Богъ и ваши милости, пановъ, благоволилъ сохранять и содержать на долгія времена въ добромъ здоровьѣ и всякомъ счастьи. Какъ мнѣ прїятно было изъ письма вашего получить свѣдѣнія о товарахъ тамошнихъ, такъ и я готовъ вашимъ милостямъ объяснить, какъ здѣсь дѣла стоятъ въ торговлѣ. До сихъ поръ мало вѣрнаго касательно будущей весенней цѣны, потому что главныхъ сдѣлокъ еще не слыхать. Было нѣсколько—по 9 талеровъ за берковецъ чистой пеньки, заплативъ половину наличными деньгами; безъ денегъ—9 съ половиною талеровъ. Пенька *половая*¹⁾ по 6¹/₄ талеровъ. Изъ Польши все пишутъ, что тамъ пенька уродила очень короткая и ожидается небольшое количество; поэтому по веснѣ, при малой партіи оттуда, цѣна можетъ быть гораздо выше; я такъ полагаю, что по крайней мѣрѣ чистая пенька ниже не будетъ, какъ 10 талеровъ или 10¹/₂

¹⁾ Сѣрожелтая, худшій сортъ.

рублей, половая—по 6 съ половиной. Последнюю пенку, которая тутъ была и которую доставили къ осени, продали по 10 талеровъ чистую и по 6 талеровъ половую. Такъ взялъ Петръ Вольскій за свою партию, которую теперь имѣлъ здѣсь доставленною; еще и самъ онъ тутъ. Рожь что-то идетъ въ гору: лѣтомъ продали по 19 талеровъ дастъ, теперь даютъ 23—24 талера за полнолѣсную. Конопля по 17 штакоевъ, или по 90 копѣекъ за бочку. Сѣмя льняное, если имѣть 108 фунтовъ вѣсу, по 7 съ половиною тымфовъ или 120 коп. Пакля ни по чѣмъ и рѣшительно не слѣдуетъ отправлять, никто не покупаетъ. Цѣна на золото высока: платили 2 битыхъ тажера и 11 грошей за червонный золотой,—мало имѣется этой монеты. Талеры теперь идутъ по 105 коп. Такъ какъ тутъ теперь много купцовъ смоленскихъ, прїѣхавшихъ за деньгами, то и золото дорого стало: на рубль—2 руб. 24 коп. Сообразно съ этимъ благоволите, милостивые государи, сдѣлать свои соображенія, и зимою—дай Воже, въ добромъ здоровьѣ—прїѣхать сюда, что-бы я могъ сторговать что-либо порядочное и продолжать съ вашими милостями давнее знакомство. Требуемая вещи, перечисленные въ письмѣ, что только могъ достать, я постарался, и посылаю вашей милости съ сей оказіей, какъ ниже показано. Желаю, что-бы все дошло въ цѣлости. Оносительно очковъ для его милости родителя вашего, не знаю, успѣлъ-ли во время; поклонъ мой нижайшій посылаю ему, при желаніи здоровья и всякаго спокойствія въ его старости. Желаю того-же самаго и вашимъ милостямъ, нанамъ братьямъ, отдаю себя въ неизмѣнную доброжелательную дружбу вашу, подносясь вашей милости пана и благодѣтеля моего нижайшимъ слугою.

Готгардъ Христіанъ Гартманъ.

Въ Ригѣ 31 октября
1739 года.

P. S. Прошу васъ, постарайтесь, по добротѣ своей объ общемъ долгѣ отъ извѣстнаго вамъ Семена (?); хорошо было-бы взискать сколько нибудь и употребить въ помощь (?). Весьма рекомендую этотъ интересъ и готовъ отслужить.

2 осьмушки свѣжей сельди по 5 орт. . . 2 тал. 45 гр.

4 барилка лянпреды (многи) по $\frac{1}{2}$

талер. и 2 шост. 2 — 40 —

60 колъ (? не разобрано) сухихъ миногъ едва досталь по 12 за кал.	5 тал. „	гр.
2 пары лосиныхъ рукавиць, одна 3 орт., друга 3 ¹ / ₂	1 —	56 ¹ / ₂ —
7 фунтовъ сахару леденцу	1 —	„ —
Пурганцу (слабительнаго) за ¹ / ₂ тал.	„ —	45 —
Окуляры съ футляромъ.	„ —	40 —
Итого		13 тал. 36 гр.
Ө. Н.		

ИЗЪ ФАМИЛЬНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

Во второй половинѣ прошлаго вѣка въ прятинскомъ повѣтѣ жило семейство Александровичей. Предки его занимали разные уряды въ гетманщинѣ. Тогдашній представитель этого рода, бунчужковый товарищъ, Иванъ Ильичъ Александровичъ былъ сначала лубенскимъ подкоморіемъ, а потомъ прилуцкимъ полковымъ писаремъ.

У Ивана Ильича было много дѣтей: два сына—Варсоломей и Порфирій—и пять дочерей, младшую изъ нихъ звали Ульяной. Судьба Ульяны Ивановны настолько своеобразна, что мы позволимъ себѣ остановитъ на ней вниманіе читателя.

Когда М. И. Голенцевъ-Кутузовъ, будущій князь смоленскій, еще въ маленькомъ чинѣ стоялъ съ полкомъ въ Пирятинѣ, онъ познакомился съ семьей Александровичей и сталъ часто бывать на ихъ хуторѣ Великой Кручѣ (нынѣ село). Ему приглянулась красивая Ульяна, взаимно его полюбившая, и онъ хотѣлъ на ней жениться; но влюбленные ничего еще не говорили родителямъ, какъ вдругъ Ульяна опасно заболѣваетъ. Всѣ лѣченія ничего не помогали и мать въ отчаяніи дала обѣтъ, что если дочь выздоровѣетъ, то останется всю жизнь дѣвственницей. Ульяна выздоровѣла, вмѣстѣ съ этимъ возросла взаимная любовь молодыхъ людей. Когда мать объявила Ульянѣ, чему обязала она, по ея мнѣнію, спасеніемъ отъ смерти, они было призадумались, но вскорѣ любовь превозмогла другія чувства и они просили у родителей благословенія на бракъ. Мать отговаривала, боясь кары Божіей, но потомъ не препятствовала счастью любимой дочери. Уже былъ назначенъ день свадьбы, какъ

вдругъ, невѣста заболѣваетъ горячкою. Женихъ былъ въ страшномъ отчаяніи и принималъ всё мѣры къ спасенію несчастной невѣсты—она не умерла, но поразившій ее параличь сдѣлалъ ее калѣкою на вѣки. Всё видѣли въ этомъ персть Провидѣнія. Хотя Кутузовъ все настаивалъ на совершеніи брака, но несчастная Ульяна рѣшительно не захотѣла «завязывать ему свѣтъ». Она стала постоянно молиться и сохранила къ любимому человѣку тихую святую привязанность и добрую память до послѣднихъ дней своихъ († 1836 г.). Кутузовъ постоянно съ ней переписывался; когда-же Ульяна Ивановна умерла, то приказала положить ей въ гробъ подъ голову письма къ ней Кутузова.

Порфирій Ивановичъ Александровичъ служилъ въ военной службѣ и участвовалъ, въ чинѣ маіора, въ турецкой войнѣ 1789 года, въ корпусѣ Суворова.

Однажды Суворовъ дѣлалъ смотръ. Былъ жаркій день; Суворова долго не было; а тутъ море влекло къ себѣ томившихся отъ жары воиновъ. Порфирій Ивановичъ, рассчитывая, что успеетъ выкупаться до приѣзда Суворова, быстро раздѣлся и бросился въ воду. Вдругъ какъ-то незамѣтно подѣхалъ Суворовъ. Увидѣвъ купавагося, онъ крикнулъ: «что ты тамъ дѣлаешь, маіоръ Александровичъ». Злосчастный маіоръ нашелся: «съ измѣряю, вап... ство, глубину моря!» бойко отвѣчалъ онъ.

Суворовъ засмѣялся, и Порфирій Ивановичъ моментально одѣлся и побѣжалъ къ своей части.

С—ко.

НАСЛѢДНИКИ ЗАПОРОЖСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Промадныя степныя, луговныя и лѣсныя пространства, составлявшія территорію Запорожья, по уничтоженіи самой Сѣчи въ 1775 году, стали достояніемъ людей привилегированныхъ классовъ, которые, по понятіямъ того времени, одни считались правоспособными владѣть землею и поселеными на нихъ людьми. Въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1882 г. помѣщена была инструкция относительно раздачи этихъ земель, въ размѣрѣ отъ 1,500 до 12,000 десятинъ на одно лице съ микроскопическою помѣрною платою и съ обязательствомъ заселить въ извѣстный срокъ дозволенными зако-

номъ людьми податнаго класса. Тамъ-же замѣчено, что главными участниками въ паступившемъ раздѣлѣ явились самъ Потемкинъ, генераль-прокуроръ князь Вяземскій и князь А. Прозоровскій, послѣдніе получили по 100,000 десятинъ; сколько взялъ Потемкинъ, остается неизвѣстнымъ.

Намъ удалось найти довольно длинный списокъ другихъ лицъ, получившихъ большія или меньшія доли изъ запорожскаго наслѣдства, по... въ одномъ лишь екатеринославскомъ уѣздѣ бывшей азовской губерніи, составлявшей лишь половину бывшей Новороссійской провинціи, которая образована была изъ запорожской территоріи и которой генераль-губернаторомъ былъ назначенъ самъ Потемкинъ. Списокъ этотъ интересенъ для исторіи заселенія Новороссіи, представляя имена небольшого числа первыхъ ея колонизаторовъ и полученныхъ ими земельныхъ участковъ. Приводимъ этотъ списокъ въ современной копіи, обязательно сообщенной намъ г. Манджурую.

Копія.

Екатеринославъ.

Вѣдомость учиненная въ азовской губернской канцеляріи, во-
лнкое число въ екатеринославскомъ уѣздѣ состоятъ вновь
отведенныя къ отводу назначенныхъ помещикамъ земель.

1776 ГОДЪ.

	Число десятинъ удобной. неудоб.	
Отставному секундъ-маіору <i>Василію Лосеву</i> на реке Большой Терновкѣ по теченію правой стороны .	6000	80
Старшинѣ <i>Караванцу</i> на речкѣ Богатой по те- ченію правой стороны	1500	32
Отст. св.-маіору <i>Неплюеву</i> по теч. реки Боль- шой Терновки слѣвой стороны	12000	400
Прем.-маіору <i>Сергею Неплюеву</i> на р. Большой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	3000	70
Сек.-маіору <i>Никольичу</i> на р. Днѣпрѣ на реч. Воропой по теченію правой стороны	2500	1275
Капитану <i>Рябому</i> на речкѣ Кельгени	9000	87

	Число десятинъ удобной. неудоб.	
Провіантмейстеру <i>Синельникову</i> на р. Днѣпрѣ при устьи реч. Вороной по теченію слѣвой стороны .	3000	1700
Подполковнику <i>Синельникову</i> на р. Днѣпрѣ при устьи реч. Вороной по теченію слѣвой стороны .	3000	1644
Маіору <i>Герсванову</i> на р. Орель по теченію слѣвой стороны къ реч. Богатой	6400	182
Подполков. <i>Колпаку</i> на р. Орели по теч. слѣв. стор. при устьи реч. Богатой	4500	450
Самарскому жителю <i>Непійбриги</i> на р. Клягени по теченію правой стороны	3000	218
Бывшему запорожскому полковнику Гараджѣ на р. Большой Терновкѣ по теченію правой стороны . .	3005	38
Поруч. <i>Легкоступу</i> про Солономъ Лиманѣ и на реч. Волчой по теченію слѣвой стороны.	3000	840
Поручику <i>Лосеву</i> на реч. Большой Терновке по теченію слѣвой стороны.	3000	43
Прапорщику <i>Лосеву</i> на реч. Большой Терновке по теченію слѣвой стороны.	3000	31
Полковому старшинѣ <i>Хижняковскому</i> на реч. Орели и Орели по теченію слѣвой стороны . . .	1500	400
Ротмистру <i>Вишневецкому</i> на реч. Нижней Терсѣ по теченію слѣвой стороны	3000	300
Маіору <i>Киртову</i> между реч. Осокировки и Отногой Осокировки	1500	150
Порутчику Николаю <i>Черткову</i> на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны.	9000	6570
да къ мельнице	150	
Ген. - порутчику князю <i>Прозоровскому</i> на р. Волчѣй при устьи Нижней Терсы	10000	3200
да на р. Днѣпрѣ и реч. Татаркѣ	3000	3562
Маіору <i>Мерлину</i> на реч. Нижней Терсѣ по теченію слѣвой стороны	3000	330

	Число десятинъ удобной. меуд.	
Подполк. <i>Лазану</i> на реч. Орели по теченію слѣвой стороны	3000	600
Порутчику <i>Озерову</i> на реч. Осокировки по теч. слѣвой стороны	3000	300
Порутч. Алексѣю <i>Попову</i> на реч. Большой Тер- новка по теченію правой стороны	3000	45
Прапорщ. <i>Пекезицу</i> въ вершинѣ реч. Осокировки по теченію правой стороны	1500	150
Полковому старшинѣ <i>Попову</i> на реч. Проговчи по теченію слѣвой стороны.	1500	541
Маіору <i>Мерлину</i> на реч. Волчей по теченію слѣвой стороны	3000	300
Прапорщичку <i>Тимофееву</i> при базкѣ Березяного- ватой	3000	150
Старшинѣ <i>Рудю</i> въ вершинѣ реч. Осокировки по теченію правой стороны	3000	300
Капитану <i>Черткову</i> на реч. Самарѣ по теченію правой стороны	3000	300
Маіору <i>Выродову</i> на реч. Самарѣ по теченію правой стороны.	4500	160
Отставному сотнику <i>Коростовицу</i> на реч. Боль- шой Терновкѣ по теченію правой стороны	1500	26
Порутчику <i>Павлову</i> на реч. Богатой по теченію правой стороны	1500	30
Полковому старшинѣ <i>Рудю</i> на вершинѣ Нижней Теря	9000	300
Оборъ - полицмейстерской канцеляріи переводчику <i>Коростовицу</i> на реч. Большой Терновкѣ по теч. пра- вой стороны	1500	40
Подпорутчику <i>Косинскому</i> на речки Большой Терновкѣ по теченію правой стороны	6000	406
Провіантъ-коллегару Коху на реч. Большой Тер- новкѣ по теченію правой стороны	1500	21

	Число десятков удобнѣ. меух.	
Прокурору <i>Ракицкому</i> на Нижней Теревъ справой стороны	3000	300
Адъютанту <i>Турченеву</i> на вершинѣ реч. Вороной справой стороны	3000	540
Прек.-маіору <i>Заврову</i> на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	4500	350
Прапорщику князю <i>Муснегову</i> на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	3000	260
Маіору <i>Гиржеву</i> на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	4500	210
Секундъ.-маіору <i>Герсеванову</i> между реч. Двѣпра и Протовчи	1500	1585
Полковому старшинѣ <i>Гордьенку</i> на реч. Малой Терновкѣ справой стороны	3000	46
Маіору <i>Герсеванову</i> на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	3000	270
Полковому старшинѣ <i>Высочину</i> на реч. Волчей и верхней Терси по теченію слѣвой стороны	3000	300
Маіору <i>Лисовицкому</i> на реч. Малой Терновкѣ по теченію справой стороны	3000	98
Вахмистру <i>Лисовицкому</i> на реч. Малой Терновкѣ по теченію слѣвой стороны	6000	
Осадчему <i>Мураеву</i> при Дубовой балкѣ	1500	13
Порутчику <i>Головатому</i> на реч. Кильчени по теченію справой стороны	3000	593
Ген.-порутч. <i>Спиридову</i> по реч. Волчей по теченію слѣвой стороны	12000	400
Маіору <i>Надоржинскому</i> по р. Самарѣ по теченію справой стороны	3000	200
Бригадиру <i>Куредову</i> на р. Кильчени по теченію справой стороны	1500	
Прокурору <i>Сабурову</i> на р. Волчей по теченію слѣвой стороны	6000	600

	Число десятинъ удобной. исуд.	
Маіору <i>Суханову</i> по р. Проговчи по теченію слѣвой стороны	4500	312
Порутч. <i>Черткову</i> на р. Самарѣ по теченію правой стороны	3000	70
Порутч. <i>Александрову</i> на верш. р. Вязовской по теченію правой стороны	3000	17
Прапор. <i>Шуцу</i> на р. Нижней Терсѣ по теченію правой стороны	1500	120
Полковому старшинѣ <i>Кобезчину</i> на р. Самарѣ по теченію правой стороны	4500	136
Подскому полковнику <i>Джараю</i> на р. Самарѣ по теченію правой стороны	6000	136
Сотнику <i>Коростовцу</i> на р. Опалихѣ по теченію правой стороны	1500	29
Порутчику <i>Минину</i> на р. Малой Терновкѣ по теченію правой стороны	3000	63
Прапорщику <i>Билимову</i> на р. Малой Терновкѣ по теченію правой стороны	1500	52
Оберъ-провіантмейстеру <i>Бушину</i> на р. Большой Терновкѣ слѣвой стороны	6000	120
Сек. - маіору <i>Писемскому</i> на р. Самарѣ по теченію правой стороны	4500	520
Бригадиру <i>Балабину</i> на р. Брятой по теченію слѣвой стороны	6000	200
Маіору <i>Герсеванову</i> къ тремъ плотинамъ по р. Самарѣ по теченію правой стороны	360	90
Сарп. <i>Попатенку</i> между дачъ поруч. <i>Легкоступа</i> и прапорщ. <i>Тимофѣева</i>	1500	480
Ген.-порутч. <i>Черткову</i> на р. Волчей по теченію слѣвой стороны къ устью Солоненькой	3000	800
Ген.-порутч. князю <i>Прозоровскому</i> для колонистовъ на р. Волчей при мельницѣ Колотечиной	3000	1210

	Число десятинъ улобной. неуд.	
Поручику <i>Писменному</i> на р. Нижней Терсѣ по теченію правой стороны	6000	600
Регистратору <i>Ставровскому</i> на р. Нижней Терсѣ по теченію правой стороны	1500	60
Надворному Совѣтнику <i>Шалигину</i> на балкѣ Охтырѣ	4500	350
Маіору <i>Лаврову</i> по теченію р. Вороной правой стороны	9000	700
Полковнику <i>Мартинову</i> на р. Дяблрѣ при устьѣ реч. Осиковки по теченію правой стороны	3000	920
Пустынникодаевскому монастырю на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны и при балкѣ Лозоватой	1500	240
Дачѣ <i>Хоцовой</i> мельницѣ	120	
Старшинѣ <i>Кореневскому</i> на р. Кильчени по теченію правой стороны	1500	125
Полковому старшинѣ <i>Балицкому</i> на р. Волчѣй по теченію слѣвой стороны	1500	150
Сек. - маіору <i>Надаржинскому</i> на р. Опалихѣ по теченію оной слѣвой стороны	3000	120
Статскому совѣтнику <i>Семичеву</i> на р. Самарѣ по теченію слѣвой стороны и при балкѣ Скотоватой Имачки	4500	450
Ему же <i>Семичеву</i> на р. Самарѣ по теченію правой стороны	1000	300
Генераль-маіору и кавалеру <i>Потемкину</i> на р. Нижней Терсѣ слѣвой стороны	12000	2680
Полковому старшинѣ <i>Щекину</i> въ вершинѣ балки Скотоватой	1500	90
Прапорщику <i>Галичу</i> на р. Опалихѣ слѣвой стороны	1500	210
Генераль-маіору <i>Юзюпову</i> по правой сторонѣ р. Самары	12000	600
Капитану <i>Черняевскому</i> при р. Орели по теченію слѣвой стороны	3000	180

	Число десятинъ удобной. неуд.	
Коллежскому ассессору <i>Титову</i> на вершинѣ реч. Вязовской	3000	30
Екатеринославскому купцу <i>Фалтееву</i> по правой сторонѣ р. Самары для фабрики	12000	400
Сек.-маіору <i>Наковальнину</i> въ верш. р. Ниж- ней Терсы	6000	620
Дивизионъ-квартирмейстеру <i>Федорову</i> на р. Ниж- ней Терсѣ по теченію слѣвой стороны	6000	560
Валдмейстеру <i>Кесареву</i> на р. Нижней Терсѣ справой стороны	3000	80
Вагмейстеру Ивану <i>Горленскому</i> на р. Нижней Терсѣ справой стороны	3090	30
Регистратору <i>Башнатову</i> на р. Нижней Терсѣ по теченію справой стороны	1500	50
Архивариусу <i>Бурманнъ</i> на р. Нижней Терсѣ отъ дачи регистратора Башнатова внизъ	1500	50

На подлинномъ тако подписано по листамъ:

Въ должности секретаря поручикъ *Петръ Осиповъ*.

Регистръ *Антонъ Степановъ*.

На коніи по листамъ написано: подлинное читалъ копиецъ

Павелъ Перекрестовъ.

Съ копіей вѣрно *Ив. Манжура*.

Сообщ. Д. Багалъй.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1863 ГОДА.

Однимъ изъ польскихъ помѣщиковъ кievской губерніи, наиболѣе человѣчно относившихся къ своимъ крестьянамъ, былъ панъ Бардашевицкій, помѣщикъ с. Кожанки, липовецкаго уѣзда. Онъ не иначе называлъ ихъ, какъ дѣтьми, и никогда между нимъ и крестьянами не было никакихъ враждебныхъ столкновеній. Крестьяне въ свою очередь любили своего «пана» и всегда охотно «слушали сго», если пану что-либо требовалось сверхъ обязательной ихъ работы.

Но вотъ вспыхнуло возстаніе и крестьяне получили возможность выместить на ненавистныхъ имъ панахъ свои старыя обиды. Бардашевицкій на ту пору заболѣлъ, слегъ въ постель и не принималъ никакого участія въ творившейся вокругъ суматохѣ. Однажды, въ самый разгаръ возстанія, ему докладываютъ, что пришла «громада» и жадаеть его видѣть.

— Скажите имъ, отвѣтилъ панъ, что я боленъ, лежу и никого принять теперь не могу; пусть прійдутъ послѣ.

Но громада не уходила и настойчиво домогалась свиданія съ паномъ. Не вида возможности отдѣлаться отъ посѣтителей, Бардашевицкій позвалъ крестьянъ въ свою спальню и ласково спросилъ ихъ:

— Чого вамъ треба, дитки? Адже вы бачите, що я слабый... лежу...

— Та воно такъ, паночку, отвѣчала ему громада; бачити мы бачимо, але дило, знаете, у насъ таке...

— Яке-жъ тамъ у насъ дило?

— Таке дило, паночку, що якъ-же це тепера буде? Вже вси люди своихъ панивъ повязали та у городъ позавозили, а мы насъ ще й доси не займали!.. Ждали мы, ждали, та дали думаемо, що вже й намъ безъ того пилкъ обійтися не можна...

И крестьяне связали Бардашевицкаго и отправили его у «городъ»...

Комментаріи излишни тутъ; замѣчу только, что эта «исторія» рассказана миѣ тѣми самими крестьянами, которые были въ ней дѣйствующими лицами.

И. Рева.

МАЛОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА НА ПОЛЬШУ ПО ПОВОДУ ЕЯ РАЗДѢЛА.

Враждебныя отношенія, вѣкамъ установившіяся между поляками и малороссіянами, давали послѣднимъ побужденіе при всякомъ политическомъ кризисѣ Польши выражать свои дѣйствительныя чувства къ ней, язвить ее игривой насмѣлкой, или злой сатирой. Примѣръ первой представленъ нами въ мартовской книжкѣ журнала въ письменномъ памятникѣ 1733 года, названномъ нами «Политическая шарада», въ которой неизвѣстный малорусскій политикъ того времени мѣтко и съ добродушнымъ смѣхомъ рисуетъ

политику европейскихъ державъ въ вопросѣ о наследствѣ польскаго престола и безшабашно равнодушное и самодовольное положеніе въ этомъ дѣлѣ Рѣчи Посполитой, заключаая тонкой, но полной глубокаго политическаго знанія проніей надъ жалкимъ разложеніемъ государственно-общественнаго организма Польши, какимъ-то рокомъ, подъ вліяніемъ Сатурна, обездоленнаго въ Римѣ (намекъ на польско-католическій ультрамонтанизмъ), выдыхающей изъ себя политической хладъ и несчастье и ими гнетущей всю страну, все подвластное ей населеніе. Образчикъ второй мы видимъ въ помѣщаемой ниже политической сатиры позднѣйшаго времени, когда пастушили уже раздѣлы Польши. Форма этой сатиры, безъ сомнѣнія, страшная для нашего времени, но мы имѣемъ дѣло съ историческимъ памятникомъ и тѣмъ отдаленнымъ временемъ, когда подобныя, крайне разнообразныя формы были въ ходу и даже доживали свои послѣдніе годы. Онѣ не будутъ удивлять насъ, если мы вспомнимъ памфлеты виленскихъ іезуитовъ XVI и XVII столѣтія, въ родѣ листовъ съ неба, писемъ и молитвъ къ апостолу Петру отъ лица православнаго мѣщанина, пробирающагося въ рай,—переполненныхъ грубою, циничною бранью. Чѣмъ явились елтолики православныхъ, тѣмъ платили православныя католикамъ. Мы читали въ старой рукописи конца XVII в. политическій памфлетъ, написанный замѣчательно чистымъ южнорусскимъ языкомъ въ формѣ священной исторіи, начинающейся сотвореніемъ міра и оканчивающейся крестною смертію Іисуса Христа. Распинателями и мучителями Спасителя міра представлены здѣсь поляки и жидаы, а защитниками Его козаки, тщетно пытающіеся избавить отъ смерти невинную жертву злобы и мщенія за праведное обличеніе. Въ настоящемъ памятникѣ формою сатиры избранъ такъ называемый польско-католическій *паціержъ*, или повседневныя молитвы: *Ойче-нашъ, Здравась Марія, Віерже въ Бога и дієсієнциоро пржіказанъ Божскихъ*. Такимъ образомъ историческому и политическому шляхтичу, куралесившему столько вѣковъ и теперь погибавшему отъ собственнаго своевольтва и безцутства, приходится самому, какъ-бы въ молитвѣ къ Богу, исповѣдывать вины и виновниковъ его политической гибели и произпосить приличныя, такъ сказать, случаю мольбы и пожеланія. Форма даетъ сатиру всю соль и ядъ и заставляетъ шляхтича презекать горькія для него, но глубоко вѣрныя истины. «Да изыдець царствіє твое изъ нашей Полши,

вовити обезумілий шляхтичъ; «права нашего не ламай намъ и оставь намъ нашу волюность». Вотъ единственное его желаніе при послѣднемъ издыханіи ойчизны! Иноземныя войска входятъ и выходятъ изъ нея и располагаются въ ней, какъ дома, забирая у пацовъ провіантъ по квитанціямъ, а уплаты надо долго, даже тицетно ожидать. Отсюда полное самаго їдкаго сарказма *прошеніе*: «И остави намъ долги ваша, якоже и мы отпуцаемъ фуражъ должникомъ нашимъ». Непокорность королю, пренебреженіе имъ, обуявшая шляхтича страсть къ мятежнымъ политическимъ союзамъ, раздиранимъ Польшу на части, вызываетъ не менѣе ядовитую насмѣшку въ 3-й по польско-католическому счету заповѣди: «нисть лѣтъ конфедерацію твори, да совершиши все безстраіе твое; на единое лѣто суббота королю-господу твоему». Испытанное уже барскими конфедератами (1768 г.) многолѣтнее пребываніе въ Сибири вызываетъ еще болѣе злую насмѣшку въ 4-й заповѣди: «И да долголѣтень будеши на Сибири, которую Господь твой далъ тебѣ за непокорность твою». Характеренъ конецъ 5-й заповѣди: «не убий москалей, не дадутся бо тебѣ». «Не лжесвидѣтельствуй въ газетахъ, уже бо никто не ївритъ» — записано можно сказать съ живаго голоса всей Европы. «Не пожелай» въ 10-й заповѣди — послѣднее, самой злой ироніи полное указаніе на тѣ нестерпимые поборы, которыми шляхта обременяла беззащитныхъ своихъ «подданныхъ». Достоинно особаго примѣчанія, что въ этой политической исповѣди польскаго шляхтича, — свидѣтеля паденія Рѣчи Посполитой, онъ съ особою яростію обрушивается на короля Фридриха и тѣмъ выставляетъ его во главѣ послѣдовавшихъ раздѣловъ, вопреки распространенному и теперь мнѣнію *меллончиковъ*, что всему злу виною была Екатерина II. Изъ этой сатиры не мѣшало-бы многое припомнить затѣйщикамъ современной польской sprawy.

Списокъ приводимой за симъ сатиры заимствуемъ изъ огромной записной книги (конца прошлаго вѣка) нѣкоего «капитана Ивана Михайлова сына Новаковича», принесенной въ даръ редакціи многоуважаемымъ А. А. Скальбовскимъ. Къ этому богатому сборнику любопытнѣйшихъ памятниковъ южно-русской письменности XVIII ст. намъ придется не разъ еще обращаться, а пока дѣлаемъ изъ него это первое заимствованіе.

Во имя цесарское государство и короля прусскаго (здесь въ рукоисп пропускъ).

Аминь.

I.

Отче нашъ, иже еси въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ! Да святится имя твое въ тѣхъ областяхъ, да увидеть царство твое изъ нашей Польши, да будетъ воля твоя, яко въ Австрiи, Брандбургiи, такъ и въ Москвѣ; права нашего насущнаго не ламай намъ, но оставь намъ нашу волность, якоже и мы отнущаемъ фуражъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушение, но избави насъ отъ удумення или давлення. Аминь.

II.

Радуйся Марiя Терезия, благодати полской полная, Фридерикъ съ тобой! Благословенна ты въ австрiйцахъ и благословенъ плодъ чрева твоего, Иосифъ цесарь.

III.

Вѣрую въ Екатерину императрицу российскую, самодержицу всея Россiи, вѣрую въ Фридерика брандбургскаго, короля прусскаго, предателя единого, воплотившагося отъ духа военного и вочеловѣчшася отъ неосторожности полской, страдавшаго подъ русскимъ адомъ, распятаго при Лаудонѣ и Даунѣ, но не умершаго, погребеннаго и снисходнаго во адъ и съ подчиненности полской воскресшаго при третемъ королѣ, возшедшаго на тронъ королевскiй, и сѣдющаго одесную всѣхъ монарховъ, и грядущаго трети живыми и мертвыми; вѣрую въ Иосифа цесаря христанскаго, святую соборную христанскую церковь, а не въ едину затѣю католицкую, монарховъ за погибелъ нашу отщипение, домовъ разоренiе, тела падение, волности потеряние, и муку вѣчную. Аминь.

IV.

1. Авъ есмь Станиславъ-Августъ король твой, изведый ты изъ расцутства полскаго, изъ дому смятення; не будутъ теби короли иные, развѣ мене.

2. Не приеми всеу имени короля господствующаго тобою, монархъ бо будетъ мстити тебе за сие.

3. Помни день снисхождения или пощущения святити; шесть лѣтъ конфедерацию твори. да совершиши все безстрашия твое, на седмое лѣто суббота королю—господу твоему.

4. Чти пруссакъ отца твоего, императрицу мать твою, да благодати будетъ и долголѣткѣ будещи на Сибири, которую Господь твой далъ тебѣ за непокорливость твою.

5. Не убій ты, ни маршалокъ твой, ни конфедерация твоя, ни съ чуждой ограды взятый скотъ, ни французъ, пришлецъ твой, прелестившій тебе во вратахъ твоихъ; не убий москалей, не дадутся бо тебѣ.

6. Не прелюбодѣйствуй, да не умножишия помощию прелюбодѣянна.

7. Не украдещи, уже бо ничего.

8. Не лжесвидѣтельствуй въ газетахъ, уже бо никто не вѣрять.

9. Не пожелаи ни оружія, ни подружія или жены ближняго твоего.

10. Ни кони его, ни слуги его, ни вола его, ни барана его, ни петуха его, ни гуся его, ни поросенка его, ни теленка его, ни всего, еже есть ближняго твоего, но довольствуйся кускомъ сухаря, отъ фуража оставшаго.

ТРИ МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ ИЗЪ ПЕРІОДА КРЫМ-СКОЙ КОМПАНИИ ¹⁾).

Пѣсня графу Паскевичу-Эриванскому.

То не ясный соболя
Яструбовъ взбивае:
То Паскевичъ за Кавказомъ
Басурманъ ганяе.

* * *

То не буйный вихорь
Сосны вывертае:
То Паскевичъ у Варшавѣ
Ляховъ пресемирае.

¹⁾ Малорусское пѣсенное творчество не оскудѣваетъ. Мы знаемъ мѣстности, гдѣ и теперь простой крестьянинъ слагаетъ пѣсни, отмѣчая событія текущей изъ жизни. Время освобожденія крестьянъ оставило намъ рядъ пѣсенъ, между которыми

То не сиза хмара
Громожъ выгремляе:
То Паськевичъ за Дунаємъ
Суностаць карае.

* *
* *

Слава-жъ тобі, пане,
Велка слава,
Що ворогамъ святой Руси
Ты якъ Божа кара!

* *
* *

Честь и тобі, мати,
Стара Украино,
Що ты на свѣтъ породила
Багатыря—сына ¹⁾!

Пісня греко-славянська.

Гомоніть, гомоніть по Востоку
Занумѣли вербы;
Стрепенулись наши греки,
Болгары и сербы.
Натерпѣлись, кажуть, лиха,
Подъ турчиномъ лютымъ,
Прійшла пора розирвати
Залѣзний пута!
Прійшли жнива великіи,
Житечко поспѣло...
Нуте-жъ, братья, живо, живо!
Нуте въ дѣло смѣло!

много чисто народныхъ. Приводимыя заѣсь три пѣсни не принадлежатъ къ числу народныхъ, но въ нихъ очень замѣтно стремленіе приблизиться къ тѣлу и сыладу народныхъ, что мѣстами и удается неизвѣстному изъ слагателя. Проникли-ли онѣ въ народъ, не знаемъ. Всѣ три пѣсни взяты изъ одного рукописнаго сборника 1850—1860 годовъ. Очевидно онѣ относятся къ событіямъ русско-турецкой войны 1853—1854 годовъ.

¹⁾ Князь Паськевичъ—уроженецъ полтавской губерніи.

Святый Богъ намъ помогаетъ
 За наши молитвы:
 Русь святую посылаетъ
 На святын битвы.
 Зѣ врагомъ Христа зъединились
 Галлы вѣтрогоны,
 И ты, многихъ водъ царица,
 Дочка Вавилона!
 Блаженъ, кто дастъ вамъ отплату
 За вале безчиные!
 Кто розбѣе й дѣтей вашихъ
 Объ бѣзе камѣня!

Письма про турковъ.

Бѣе и вѣе хуртовина
 На морѣ глыбокѣмъ
 Згнущается лютой турокъ
 Надъ святымъ Востокомъ.
 Ой часъ-пора, хуртовино,
 Покой морю дати!
 Годѣ тебѣ, вражій турче,
 Годѣ лютовати!
 Спустошивъ ты край веселый,
 Ставь вѣнъ якъ темница:
 Наглумився ты зъ христьянства
 Якъ зъ бидной вдовици...
 Летить орель отъ пѣвночи,
 Якъ синая хмара:
 То-жь на тебе, вражій турче,
 Летить Божя кара!
 Орель летить, перо дзвенить,
 Крякнули орлята;
 Стрепенулись, обозвались
 Ясни соколята...
 Бѣда тоби, вражій турче,
 Бѣда немивуча!

Дивись: летитъ одъ Западу
Вже воронѣвъ ключа.
Вже почувли твою гибель,
Кругомъ тебе грають,
Тобѣ въ вѣчи заглядвають,
Труна поджидають.
Згнѣнь-же вража злая сила,
У мори глыбокомъ!
Засвѣтися сонце правды
Надъ святымъ Востокомъ!

Сообщ. Н. И. Барсовъ.

Отъ редакціи. Прилагавшійся доселѣ отдѣльно къ каждому тому журнала Указатель личныхъ и географическихъ именъ редакція «Кіевской Старины» признаетъ за лучшее издать въ концѣ въ видѣ Общаго Указателя ко всему годовому изданію, находя это болѣе удобнымъ и для единства Указателя и для справокъ, какія понадобятся читателю.

въ комиссіи своду книгъ правныхъ. Писаны письма въ Москву къ полковнику лубенскому Апостолу, къ Ивану Гамалии, къ Федору Корецкому, къ Петру Паскевичу, къ секретарю Новоторжцову, а въ Глуховъ къ г. бригадиру Глину, подскарбію Скоропадскому, асаулу Якубовичу, бундучному Оболонскому енералнымъ, да до сотниа мглинского Лисаневича и до старости нашего Поленского, въ Товкачовку.

А п р и л ь .

1. Григорій Борозна ярцевскій зъ женою своею, такожъ Никита Кореневъ, едучи къ Глухову, были у мене въ Перегонѣ и пообѣдавъ, въ путь свой отехали, при которыхъ отправленъ до Глухова-жь и Іосифъ племѣнникъ и чрезъ него какъ предпомянутые письма, такъ и челобитная въ судъ енералный на Іваниху Миклашевскую Евдокію и сына ея Павла посланы; емужь на дорогу дано 50 к., а Василю (сыну) послать 1 р.

2. Превеликая была стужа зъ жестокимъ вѣтромъ и метелю и продолжалась цѣлыя сутки.

3. За роботу барвы (одежды) служителямъ заплачено кравцѣ погарскому Гришку 3 р. Приѣздилъ мѣщанинъ погарскій Гордѣй Кружило зъ инструкцію о зборщинахъ, что берутъ лишнее, которому зъ владѣнія нашего и сказка дана.

4. Отецъ Михайло Пулчевскій, возвратясь зъ Стародуба, объявилъ, что по дѣлу ихъ никакой резолюціи не показано, такожъ и суворовскій (с. Суворова) прикажчикъ Самойло Семеновъ доносилъ, что и въ ихъ дѣлахъ ничего въ резолюцію не показано-жь. Роздана служителямъ и служапкамъ барва, въ томъ числѣ Ивану, телѣ, кунтушъ блакитный, кабанъ мамсовый, рямару Яремѣ кунтушъ блакитный, кабанъ мамсовый и поясъ коломійковый и прочимъ.

5. Прибылъ полевій сторожъ зъ Глухова и привезъ писма отъ г. Скоропадского, отъ г. Якова Марковича зъ Москвы и календарь С. П. Бурскій, и отъ старости товкачовского. Чрезъ тогожь сторожа писалъ къ Кочержинскому, зъ посылкою писма до Гольяки, хоружого сотенного мглинского, до Будрицкого, зъ посылкою писма до Багинского, о сдѣланіи шила великого до оконъ, на которое и мѣра послана.

6. Привезены свѣчи и нѣкоторыя покупки, справленные Исакомъ Ляшонкомъ зъ Стародуба, а именно свѣчь 49 позолочованныхъ и зеленыхъ.

7. За оныя-жь покупки послано къ Ляшонку 2 руб., чрезъ Исака Мигалева, и писалъ къ Кочержинскому о присилки сукень и о протчемъ. Послѣ полдня отехалъ зъ дому къ Курковичамъ за дѣломъ зъ Лавриненками и Ломаками и мимоездомъ былъ въ Борщовѣ, у паней Григоріевой, а на ночь прибылъ въ Андрейковичи. Сего числа былъ у мене въ Перегонѣ комисаръ сотенній погарскій Сосновскій.

8. Прибылъ рано въ Курковичи, где былъ у мене священникъ отецъ Симеонъ Тимоновичъ и атаманъ Осипенокъ, зъ возаками, при которыхъ за продерзость бывшій дякъ курковскій Федоръ Карповъ наказалъ. Писалъ къ сотнику полковому Якимовичу о козаку Івану Михайлову сыну Осипенку, чтобъ его оставлено при церкви курковской отправлять гитарство и въ походъ нынѣ не нажимать, да до Гришка стелмаха писалъ же о разныхъ дворовыхъ потребахъ. Послѣ обѣда ездилъ въ слободу Ломакину и заставляющихся мельницъ и прочего осматривалъ и уже позно возвратился въ Курковичи.

9. Омеляну Чеху даны денги на заплату за станъ колесъ колясочныхъ, которыхъ два стана дѣлать подрядился на Ломакиной слободѣ колесникъ Мипа Федьченкокъ, станъ по 8 гривенъ, да на простіе колеса на 4 станы емужь дано 1 р. 5 к. У шинкарки курковской Горпины взято денегъ шинковыхъ 2 р., впредь до порохунку, а преждежь она отдала Омеляну Чеху 1 р. 80 к., якіе далъ онъ въ задатокъ на драць. Оной шинкарцѣ выдано по се число горѣлки нашей полтретя стана, а прежде одинъ станъ, взятый у попа курковского. У Омеляна Чеха отобралъ за проданное сѣно денегъ 2 р. 40 к., да онъ же роздалъ сѣна нашего курковскимъ жителемъ въ займи 12 возъ, которое они отдать въ осень будутъ должны, и по дню работать. Зъ Курковичъ послѣ обѣда отехавши, прибылъ завременно до Перегону.

10. Писалъ писма къ полковнику и подполковнику московского драгунскаго полку о томъ, что безъ бытности моея былъ въ деревняхъ моихъ на экзекуціи квартирмистръ ротный Власевъ зъ драгунами (на которыхъ выдано сѣна пять возъ, овса четверть и за 8

шаговъ рыбы) за нѣкоторые доимочные деньги, о чемъ отъ подполковника Ангеляра и отвѣтъ полученъ. Отправленъ Грицко въ Глуховъ по Василю.

11. О томъ же писалъ и до полковника стародубовского Максимовича и послалъ тое писмо чрезъ Антона Дона. Чрезъ скляра писалъ до Кудрицкого о Ломакиномъ закладномъ писмѣ чрезъ отправленнаго вчера до Глухова Грицка. Послалъ дзигарокъ старый сребный до направи въ новгородскій монастырь, и майстеру за работу посланъ 1 р., а ему Грицку даны 30 к. Якову гончару погарскому за постановленіе въ новыхъ будипкахъ печей калузской, да другой зеленой, даны 2 р., а передъ симъ ему жъ за тую жъ работу даны 2 р.

12. Писалъ въ Курковичи къ тамошнему священнику отцу Семену Тимоновичу о ктитару Ивану Осипенку, чтобъ онъ смотрѣлъ строенія церковнаго, да и Россарию, что подсуѣдку нашему Супапенку за 2 годы за службу не платитъ, до Омеляна Чеха—о деньгахъ провіантовыхъ доимочныхъ и на меклембурцовъ, о колесахъ протыхъ, чтобъ прислалъ. Въ Лотоки писалъ чрезъ Сквопневого зятя объ немъ къ тестю его Афанасу Сквопню и до Федора Пригаровского о деньгахъ за хлѣбъ и о прочемъ, да до рудника Афанаса Гриба въ заводъ п. Корецкого о плуговыхъ желѣзахъ, о полицахъ до лемешовъ и о зробленію треаршинной кухни со всѣмъ и о присилки штупокъ¹⁸²⁾. Росплатка учинена зъ шклярами: новгородскому Семену Леонову за 13 оконъ большихъ, а малыхъ 3 заплачено 2 р. 96 к. и четвертку жита, а шкляру стародубовскому, въ дворѣ нашемъ мешкающему Яремѣ, за 5 большихъ, да за пять меньшихъ 1 р. 60 к., а на немъ осталось еще долгу нашего, что онъ долженъ впредь отробить 70 к. и четвертка жита. Гришку кравцю погарскому за работу его дана четвертка жита.

13. Послалъ Косикъ въ Стародубъ за нѣкоторыми нуждами, чрезъ котораго писалъ и до Кудрицкого о присилки подлиннаго отъ Ломаки даннаго писма, и до Стефана Кочержинского о хлопцю Юску и о прочемъ, чрезъ него жъ Косика отосланы гусли п. писару полковому Петрункевичу.

¹⁸²⁾ Т. е. пшпцъ, разумѣется здѣсь рябчнковъ и тетеревей, которыми, какъ видно, изобилывали тогда за-ипутскіе лѣса.

14. Оный Косикъ возвратился и привезъ многіе писма, въ томъ числѣ и отъ полковника Максимовича, стороны присланной экзекуціи на деревню мою за доимочными деягами; онъ же привезъ дробь и порохъ, фарбовашные (подкрашенные) купиды и протчее.

15. Въ Городищѣ, въ новомъ нашемъ будинку, посвятили двѣ избы, прихожую и наугольную, къ старымъ будинкамъ стоятіе. Сего жъ числа имѣли исповѣдь передъ отцемъ Михаиломъ Пулчевскимъ, священникомъ городецкимъ, и на службѣ Божой причащались. Посланы въ закладъ до паней Григоріевой Гамалиной дукать въ 50 червонныхъ и мѣлкихъ 55 червонныхъ же, да 27 тарялей битыхъ, а отъ неи взяли въ позикку денегъ 249 рублей, и сіе справовано чрезъ отца Алексія Халкидонского. Чрезъ присланныхъ зъ Лотоковъ людей Василя Маркова припесены провіантовыя денги 7 р., а чрезъ Ивана Курганского и Ивана Куриленка, слобожанъ кургановскихъ, писано до Афанаса Сквонья и до Федора Пригаровского о хлѣбѣ напомя, тамъ въ Лотокахъ оставленомъ, и о протчемъ, и отпущены они обратно, а при отпуску дано имъ въ позикку 20 к. Павлика Шмигелского женѣ болной дано въ задатокъ за пиву 10 к. и четверку жита. Василю снѣ нашъ приехалъ изъ Глухова и попривозилъ де которые писма, тако жъ и указъ зъ суда егералного до Ивановой Миклашевской, по челобитію жены, о денгахъ 200 руб.

16. Уговорили господара на Васильювѣ Дмитра Шабалдина зъ женою его, на годъ давать ему платы 5 р. и ему-жъ и женѣ по свѣтѣ, а начали они служить сего году на всеядной, то есть февраля зъ среднихъ чисель.

17. Паникадилцику Никитѣ Иванову, который дѣлаеть до шоръ бляхи, дапо еще три рубли денегъ, гарнецъ горѣлки, кромѣ того, что передъ симъ дано ему-жъ 2 р. и четверку житной муки, да у него-жъ прпято уже тѣхъ бляхъ и прочихъ штукъ числомъ 116, а въ нихъ вѣсу 15½ фунтовъ. Чрезъ того-жъ паникадилцика писалъ къ Кочержинскому, чтобъ взявши у Карпа котляра мѣди 4 фунта, вручилъ ему да велѣлъ-бы здѣлать до кулбакъ пряжокъ 6 паръ зъ валками, а до уздечокъ столвожь, такожь и стрименъ 2 пары болшіе для мене, меншіе для сына Василя.

18. Въ сей Свѣтлаго Воскресенія Господня день обыкновенного набожества слушали въ церквѣ вознесенской городецкой, а послѣ

службы Божой кушали въ перегонскомъ домѣ; потомъ какъ поехали къ вечернѣ въ Городище, то встрѣтились зъ панеею Григоріевою Гамалиною и по вечернѣ вечеряли купно зъ ею въ Городищѣ.

19. Слушали обѣди въ Борцовѣ и тамъ-же у паней Григоріевой Гамалиной, обѣдали; потомъ возвратились въ Городище и тутъ ночовали. Товкачовскіе подводы прибыли и привезли то сирѣ, то масло и денги, а для Александра Корецкаго пару лебедей.

20. Пробавили весь день въ Перегонѣ.

21. Сотникъ Соболевскій зъ урядомъ и зъ женою своею, такожь канцеляристъ Шокасъ, и Данило Роговичъ, и Леонтій Сорока зъ женами были у насъ въ Перегонѣ и тутъ кушали и до вечера пробавили.

22. Протопопъ погарскій зъ женою своею у насъ-же былъ послѣ обѣда и до вечера просидѣли.

23. Оный-же протопопъ знову былъ у насъ въ Перегонѣ, протестуючись на сотника погарского Соболевского о показанной ему обидѣ и безчестіи въ церквѣ.

24. Приѣздилъ къ намъ въ Перегонъ дозорца гремящій Леонтій Максимовичъ за своимъ дѣломъ, что турбують его чернци пустынно-николского кіевского монастыря за грунти въ селѣ ихъ Дѣвочкахъ, имѣючіеся въ полку переяславскомъ, о чемъ отъ нихъ запесена на него челобитная въ судъ евералный.

25. Въ сей день, ради коронаціи ся величества Елисаветы I императрицы самодержавицы всероссійской, совершатись въ Москвѣ имѣючей, были вездѣ, въ томъ числѣ въ Стародубѣ и въ Погарѣ благодарственныя молебствія, при пушечной, где есть артиллерія, палатѣ. Сего-жъ числа прибылъ къ намъ въ Городище зъ Погари генераль-лейтенантъ и кавалеръ князь Васплій Никитичъ Реципичъ зъ княгинею и зъ дѣтми, простуючись до Глухова, и почоваль въ домѣ нашемъ; а вечеромъ къ намъ-же приехалъ и Александръ Корецкій зъ женою и почоваль у насъ въ Перегонѣ.

26. Оный г. генераль рано, а Корецкій послѣ обѣда отъехали. Кравецъ Динивъ приѣздилъ зъ Стародуба и взялъ щить епанчу зимнюю Василковѣ, которому на потребы и за работу дано 40 к.

27. Столяру Никитѣ, который дѣлаеть окна до нового городецкого будивку, дано 1 р. 50 к. впредь до щоту, що ему за работу доведется.

28. Прислалъ Александръ Корецкій письмо, поручаючи мнѣ и о своей части, въ добрахъ Рубановскихъ спадающей, дѣйствовать по моему разсмотренію¹⁹³⁾. Получилъ писма отъ судін полкового черніговского Тимофія Сенюты и отъ архимандрита троецкого черніговского отца Іраклія Комаровского о томъ, что еще въ прошломъ 1741 году, въ юлѣ мѣсяцѣ, состоялась архіерейская резолюція сооронить намъ при церквѣ крестовоздвиженской городецкой придѣлъ во імя святого Іоанна Богослова, противъ которыхъ писемъ отписалъ къ судін Сенютѣ, а до писара полкового стародубовского Петрункевича писалъ стороны Іванихи Миклашевской, и стихотвореніе Данилевского послано.

29. Цегелнику новгородскому Тарасу Юдепку еще дано въ заработокъ 50 к. Отецъ протопопъ погарскій былъ у мене и стороны придѣла во имя св. Іоанна Богослова учинилъ зъ нимъ постановленіе, когда оный надобно будетъ закладывать.

30. Отправлены предъ симъ возки къ Новгородку зъ кухаремъ и Косикомъ.

М а і ѣ.

1. Старостѣ погарскому Федору Алексіеву, въ зачоть службы его, дано рубли два денегъ. Сего числа по литургіи въ церкви городецкой отправованъ молебень благодарственный о коронаціи ея імператорского величества Елисаветы Петровны, самодержицы все-россійской, отправованной прошлаго априля 25 дня въ Москвѣ; на которомъ молебствіи присутствовали священники отецъ Алексій Халкидоцкій, отецъ Михайло Пулчевскій и отецъ Григорій Костантѣевъ, и я, и атаманъ городецкій зъ козаками и посполитими. Сего-жъ числа о полдни выехалъ я зъ Перегону къ Глухову и прибылъ смеркомъ до Новгородка, а по дорогѣ за Гримячимъ пошался намъ кухаръ Яковъ Варшаконскій.

2. Въ монастырѣ новгородскомъ обѣдни и молебня благодарственного о коронаціи слушали, потомъ были въ келіи намѣстника Авксентія и отъезавъ отъ монастыря, встрѣтились о 3 версти отъ Новгородка зъ полковникомъ гадяцкимъ Петромъ Галецкимъ¹⁹⁴⁾,

¹⁹³⁾ См. прилѣч. 104.

¹⁹⁴⁾ См. прилѣч. 25.

зъ которымъ и возвратились пакы до Новгородка, и у него обѣдали, а потомъ, пожегавшись, отехали въ путь свой къ Широовки и тутъ переправившись чрезъ Десну, заездили на пороховой заводъ (шостенскій) и прибыли позно въ монастырь гамаліевскій, где и ночовали.

3. Рапо зъ Гамаліевки віехавши, попасали въ Собичевѣ, а одголь прибыли до Глухова по полднѣ, откуда и одправленъ въ домъ Грицею зъ пятма копми. Былъ у г. Скоропадского и тамъ видѣлся зъ асауломъ Валкевичемъ и бунчучнымъ Оболонскимъ енералными.

4. Писалъ писма въ Москву къ полковнику лубенскому г. Апостолу, къ Якову Марковичу, къ суди полковому миргородскому Федору Остроградскому и къ Федору Корецкому и отпразилъ опые чрезъ асаула полку лубенского Прійму. Да писалъ въ домъ, къ женѣ, о присилки Івана теслѣ въ Глуховъ и послалъ чрезъ писара дворового гримацкого. Рапо былъ у полковника Тютчева и у асаула енералного Якубовича, а въ вечерѣ у Скоропадского. Отъ войта нѣжинского Стеріевича присланъ бочонокъ вина.

5. Зранку ездилъ въ канцелярію енералную и тамъ видѣлся зъ судею Лисенкомъ и писаремъ Безбородкомъ енералными; потомъ обѣдалъ у асаула енералного Якубовича зъ Федоромъ Чуйкевичемъ, где между обѣдомъ прибыла и жена писара суда енералного Івана Шковця, Елена Лизогубовна. Въ вечеру былъ у брегадіра Івана Кондратовича Ілина, потомъ у коллежского совѣтника Постникова и уже позно въ ночь пріехалъ въ домъ.

6. Былъ въ енеральной канцеляріи и комисіи своду¹⁸⁵⁾. Обѣдалъ у Скоропадского и зъ нами Валкевичъ, Федоръ Чуйкевичъ и сотникъ волинскій Максимовичъ. На вечерѣ былъ у мене бунчучный енералный Оболонскій и при немъ прибывшій въ Глуховъ отецъ Петръ Кибалчичъ, протопопъ погарскій, былъ у мене.

7. Въ комисіи свода чрезъ нѣсколко часовъ присутствовалъ, а потомъ, прибывъ въ домъ, писалъ писма: въ Козелець до п. дядка Федора Хавсика, до отца брата и до асаула полкового Шума, въ Нѣжинъ до коменданта Пуцива о суевку, чтобъ купилъ 13 локоть,

¹⁸⁵⁾ Объ этой комисіи см. книгу А. Ф. Кистяковского: «Права, по которымъ судился малороссійскій народъ», стр. 8 и слѣд.

до отца Ольховского, протопопы нѣжинского о шафѣ, а до старосты товкачовского о той-же шафѣ, чтобъ отобразши, прислалъ сюда на подводахъ, да и о теляхъ и протчемъ, съ сообщеніемъ купчей на футоръ артополотскій. Якіе письма отправилъ чрезъ племѣнника Іосифа, которому и на дорогу даны 58 к. Василко сынъ отехалъ въ Дунаецъ.

8. По обѣднѣ, слушанной въ церквѣ веригинской, былъ у генерала-лейтенанта князя Василія Никитича Репнипа и позабавился у него болѣе двохъ часовъ, а послѣ обѣда былъ у асаула енералнаго Ягубовича, у котораго и книжку, уставомъ писанную, да тетрадь о походахъ государя Петра Великаго імператора и самодержца всероссійскаго взялъ; потомъ у енералныхъ писара Безбородка и бунчужнаго Оболенскаго былъ-же.

9. Обѣднѣ слушали въ церквѣ святаго Николая, а потомъ были у священника той церкви Шолупилы на водкѣ; я обѣдалъ у бунчужнаго и даже до вечера забавлялись въ карты. Послѣ былъ у обознаго енералнаго г. Лизогуба. Сотникъ погарскій Соболевскій взялъ подъ арестъ въ мѣнистерскую канцелярію, а протопопъ погарскій-же выпущенъ на квартиру подъ карауломъ.

10. Писалъ письма въ домъ къ женѣ и къ старостѣ перегонскому, да къ сотнику мглинскому Лисаневичу, отъ котораго присланы 5 паръ оробковъ. Сего числа асаулъ енералный Ягубовичъ отехалъ зъ Глухова.

11. Посланъ компанѣецъ надворной корогвы зъ писмомъ моимъ до сотника красноколядинскаго Петра Максимовича за Прокопомъ Дмитровымъ синомъ, тамъ удержаннымъ, и копей строкатымъ. Служителю г. Скоропадскаго Петру даны чотыри рубли денегъ, которые занималъ на наши потребности Романъ Галоновъ.

12. Зрانا были въ домѣ писара енералнаго, который и осятницею свѣжою обослалъ мене, а обѣдалъ я у г. Скоропадскаго.

13. Были у мене на квартирѣ отецъ игумень петро-павловскій глуховскій отецъ Варнава Старжицкій и протопопъ кролесведкій Калиновскій. Ломати отправились, чрезъ которыхъ и до жены я писалъ о дачи имъ денегъ 250 р.

16. Въ комисіи своду сидѣли до 12 часа полуденного; обѣдалъ въ домѣ, куда по обѣдѣ приходилъ протопопъ Кибалничъ зъ капраломъ караулнымъ. Информаторъ пріездилъ зъ Дунайца¹⁸⁶⁾.

15. Отправлены писма въ Новгородокъ: 1-е до сотника, стороны драгѣ и дзигарка, 2-е до жены о домовыхъ потребахъ и о Ивану теслѣ, который сего-жъ дня сюда прибылъ и поцривозилъ де якое бѣлое платѣ; а чрезъ подводчика знову писалъ до жены о разныхъ домашнихъ пуждахъ и меморіаль посланъ, да до Каврайского писано о присылки кулбавъ и байбарака Іосифового. Ивану теслѣ на дорогу дано 50 к.

16. По обѣднѣ, рано слушанной въ церквѣ святой Варвары, былъ съ протчами первой у бригадира Ілина, потомъ у генерала князя Репнина; одтолъ прибывъ въ квартиру, обѣдалъ у мене коллежскій совѣтникъ Афанасій Григоріевичъ Постелниковъ. Послѣ обѣда проезджался зъ попомъ Алексіемъ въ борокъ (лѣсокъ), а одтолъ заездилъ къ писару суда енералного Пиковцю, где и Безобразова зъ женою засталъ, а оттуду заездилъ къ доктору Боку и взялъ 12 прошковъ; началъ оныя принимать.

17. Сей весь день не выходилъ зъ двора, за употребленіемъ прошковъ, и рано вѣзитовали мене Огроновичъ и сотникъ березанскій Василій Думитрашко-Райча, по обѣдѣ писарь полку лубенского Столповскій и Федоръ Чуйкевичъ. Передъ вечеромъ возвратился зъ Козелца племянникъ Іосифъ и привезъ писма отъ дядка, брата и протчихъ.

18. Привезенъ дзигарокъ старій зъ Новгородка. Былъ у мене полковника кіевского синъ Михайло Танскій, такожъ Романъ и Яковъ и откупщикъ стародубовскій Гаврило Яковенко. Принималъ я лекарство проносное.

19. Писано въ домъ чрезъ сына Наумоваго Евдскименоваго и послано цукру голову, наперъ и сургучъ. Докторъ былъ, пушаль мнѣ кровь зрачку, и весь день промедлѣлъ я въ домѣ, не выходя никуда. Вечеромъ посѣщалъ мене п. Скоропадскій.

¹⁸⁶⁾ Воспитатель или гувернеръ дѣтей Млх. Вас. Скоропадскаго, съ которыми вмѣстѣ воспитывался и старшій сынъ автора дневника—Василій. См. ниже подъ числомъ 21-жъ.

20. Равно былъ у мене п. Думитрашко, сотникъ березанскій, а по обѣдѣ проезжалъся я въ поле, потомъ былъ у г. Скоропадского и у Валкевича; оттоль-же прибывъ въ домъ, вскорѣ потомъ приѣхалъ ко мнѣ п. писарь енералный Безбородко зъ судією чернѣговскимъ Сениогою и уже позно отехали. Прибыли сего-жъ дня телѣ и сторожъ нанятый зъ Товжачовки, изъ которыхъ послалъ двоихъ зъ Романомъ за деревомъ до Кочергъ.

21. Послѣ лекарствъ первый разъ въехали зъ дому до комисіи и тамъ просидѣлъ до 12 часа; какъ прибылъ въ дворъ, то и Василя (сына) тутъ засталъ. Информатору Юнгансу за науку сына моего Василя прошлаго 1741 году съ апріля мѣсяца надлѣжащей плати часть, а именно 10 р. даны и за кулаку, Васильковѣ купленную, вѣмецкую заплатилъ 3 р. 50 к. информатору-жъ, а послѣ поручицѣ отдано 8 р. Писалъ къ жемѣ чрезъ Іосифа и отправлены 2 конѣ въ домъ чрезъ него-жъ, кучерявый, строкатый и панюшка, а Грицка Дмитренко при себѣ удержалъ.

22. Взята спазня (карега) ваша дорожаая для дѣтей г. Скоропадского, имѣющихся ехать до Хомутця, и велѣлъ оную вручить кому извѣстному. У Мандзенка златолаву, до кунтуша зеленого на лиштвы, взяли поллоктя за 2 рубли. Приѣхалъ въ Глуховъ генераль-лейтенантъ Андрей Петровичъ Дебрини и сталъ квартирою въ домѣ Якова Марковича, въ городѣ. Писма зъ Козелца везенные пропали.

23. Послѣ обѣденъ, слушавшихъ въ городѣ, обѣдалъ я купно зъ писаремъ енералнымъ Безбородкомъ у генерала-лейтенанта и кавалера князя Василя Никитича Репнина, и сего-жъ дня опять привезена коляска наша зъ Дунайця зъ Василкомъ, который и все свое цоиривозилъ.

24. Ради именинъ сына полковника Тютчева, обѣдали у него оба вышепоказанные генерали, бригадиръ Глинъ и другіе зъ велико и малороссійскихъ персонъ и до вечера просидѣли, а оттоль приѣхавъ въ домъ Скоропадского, имѣли зъ Валкевичемъ разговоръ стороны Рубановки.

25. Весь день въ домѣ ради вчерашнего шумства (пьянства) пролежалъ, нигде не бувалъ, толко надвечери проезжалъся въ поле.

26. Послѣ обѣда былъ въ комиссію; потомъ кушали у мене Федоръ Чуйковичъ и Стефанъ Савицкій; по обѣдѣ-же былъ у мене-же секретарь министерской канцеляріи Василь Маркелловичъ Леонтьевъ.

27. Въ сей день Вознесенія Господня слушали обѣдни въ церкви св. Варвары, потомъ были у генераловъ Дебрина и Репнина; по обѣдѣ ездилъ я къ футору винадиному осматривать заводячихся отъ нихъ для кошеня намъ сѣножатей.

28. Генераль Дебрина отехалъ зъ Глухова; я былъ зрана въ комиссію, а по обѣдѣ оной комиссіи дѣла перенесены въ домъ покойного Івана Мануйловича ²⁹⁷).

29. Звано мене на свадьбу въ домъ бывшой сотницковой Уманцовой, которая выдаетъ дочь свою за писаря полкового прилуцкаго Івана Александровича. Сего числа началъ учить Василка по французку новыи информаторъ.

30. Приехалъ зъ Городища Іосифъ и привезъ 30 р. денегъ и другое де-що. И послѣ обѣда ездилъ до Сваркова, стороны маляра Петра Свѣдерского.

31. Тотъ-же маляръ былъ у мене и общалъ отробить 7 р., должныя отъ него отцу Алексію Хельвидонскому.

Мѣсяцъ Іюнь.

1. Посланъ въ домъ Іосифъ, чрезъ которого и писма къ женѣ и до Баврайского отправлены. Новому информатору давъ 1 р. Косикъ бѣжалъ.

2. Ради тезоименитства ігумена петропавловскаго глуховскаго Никифора Грибовскаго обѣдали у него комиссіавты, въ томъ числѣ и я, и до вечера гуляли. Тамъ-же видѣлся зъ сотникомъ полко-

²⁹⁷) Иванъ Мануйловичъ—человѣкъ невзвѣстнаго происхожденія, занималъ въ первой половинѣ XVIII в. видное мѣсто въ ряду войсковои старшины. Вывелъ Мануйловича въ люди его вотчиня—Василій Ялоцкій, бывшій въ началѣ XVIII в. глуховскимъ сотникомъ, который, умирая, имѣнія свои (Бачевскъ, Семеновку и Степановку) передалъ сынку. Послѣдній женился на дочери Алексѣя Турянскаго, который изъ глуховскихъ сотниковъ, послѣ измѣны Мазены, поставленъ былъ генеральнымъ судьей. Съ помощью тестя Мануйловичъ въ 1714 г. сталъ глуховскіяи сотникомъ; потомъ въ 1727 г. назначенъ отъ Румянцева однимъ изъ трехъ «правителей генеральной канцеляріи», а когда, съ назначеніемъ Апостола въ гетманы, эта должность была упразднена, Мануйловичъ въ 1729 г. былъ сдѣланъ генераль-

вымъ прилуцкимъ Стефаномъ Лукомскимъ и протопопомъ тамошнимъ Богдановичемъ и, о чемъ надлежало, имѣлъ разговоръ. Куплено для сына Василя сукна василковаго 4 локтѣ безъ четверти за 4 руб. 65 к.

3. Весь день пробавилъ въ домѣ, ради вчерашнего шумства, и посѣщали мене сотникъ березанскій Думитрашко и Федоръ Чуйкевичъ. Отданы маляру Свѣдерскому два стола для маіюваня и на фарбу 15 к.

4. Былъ въ комиссіи свода и въ суду енералномъ по дѣлу Соколовскаго, тако-жъ и въ енеральной канцеляріи. Припровождено компанѣйцами сотника яготинскаго Филипа Купчинскаго, которій поехалъ былъ къ Москвѣ мимо-вѣдомо канцеляріи енеральной¹⁰⁹). Кухару Якову Варшавковскому на рубашокъ 2 пары дано 44 коп. Ему-жъ да и Грицку Дмитренку даны черески изъ паруснаго полотна.

5. Коло вечерень пріехала жена въ Глуховъ зъ дочерю Насту-сею. На всенощной была въ церквѣ святого Василя.

6. Передъ службами ездили съ поздравленіемъ праздника Пентекостіи (Штядесятницы) къ генералу лейтнанту и кавалеру князю Репнину, а обѣдни слушали и вечернѣ зъ коленопреклоненіемъ въ церквѣ святого Николая, а потомъ обѣдъ купали, зъ сотниками козелецкими—Алексіемъ Подвисоцкимъ и Василіемъ Думитрашкою Райчею березанскимъ, въ домѣ.

7. Сегодня обѣдъ купали у генерала князя Репнина и послѣ обѣда долго забавлялись у его-жъ генералской квартерѣ, где и жида металники разные свои фиглѣ показывали.

нымъ есауломъ и оставался на этомъ урядѣ до смерти въ 1740 г. Послѣ него осталась одна дочь, бывшая замужемъ за бунч. тов. Иваномъ Пирюцкимъ, который продолжалъ начатый еще при жизни тестя процессъ за имѣнія съ генер. бунчучнымъ Демьяномъ Оболюскимъ, роднымъ племянникомъ Мануйловича (по сестрѣ Настасьѣ, жены сосницкаго сотника Василя Оболюскаго). Пользуясь милостями императрицы Елисаветы (см. Марк., II, 217, 230), Оболюскій процессъ выигралъ и отобралъ отъ Пирюцкаго большую часть имѣній Мануйловича. Имѣнія эти впоследствии перешли къ Красовскимъ.

¹⁰⁹) Купчяевскій вѣдиль въ Москву съ доносомъ на Безбородка. См. Русскій Архивъ 1875 г., I, 313.

8. Писалъ въ домъ къ старостѣ перегонскому и къ Каврайскому, чтобъ отправили въ Товкачовку 11 куфь горѣлки, и о прочемъ коло исправленія въ господарствѣ, и посланъ на пропускъ той-же горѣлки пашпортъ. Обѣдали у мене зъ женами маіоръ Полянскій, секретарь Леонтиевъ, канцеляристъ Покасъ, а вадвечери былъ у мене-жъ и совѣтникъ Безобразовъ зъ женою, долго пробавили у насъ.

9. Былъ зрана въ комиссіи и обѣдалъ въ домѣ. Гопчару новгородскому, которій дѣлалъ дѣчи до будинку нашего городиского, дано 3 р., а прежде ему-жъ дано 4 р.

10. Писано въ домъ къ старостѣ и Каврайскому стороны Кизенка и Синицѣ и о другихъ господарскихъ дѣлахъ, и отправлено оное письмо чрезъ человекъ перегонского.

11. Писалъ письма въ Москву къ секретарю Новоторацову, къ Петру Ласкевичу и къ судіи полковому миргородскому Федору Остроградскому о свосмъ дѣлѣ, имѣючомся въ сенатѣ, о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Ради тезоименитства отца Варлавы Старжицкого, соборного погарского, обѣдали у него и долго забавлялись; потомъ вечеромъ были у г. Скоропадского.

12. Чрезъ сотника старого козелецкого Алексія Подвысоцкого писалъ до полковника лубенского г. Апостола, а къ нему-жъ писанные въ май мѣсяци письма, тако-жъ къ швагру Івану Гамалин и къ Федору Корецкому о покупкѣ на палу потребу цѣни (цинковыхъ) талѣрокъ 3 тузие, полумисковъ 2 тузие, въ томъ числѣ было-бъ посуды новомодной зъ кривками штукъ 6, ложекъ цинковыхъ малыхъ тузней 2, болшихъ ложекъ 2, Василковѣ чулокъ бѣлыхъ нитныхъ и нестрыхъ по двѣ пары, да и письма къ секретарю Новоторацову и Ласкевичу, включенные въ одинъ пакетъ, вручены канцеляристу войсковому Стефану Бѣлоцерковцю, отправляющомся къ Москвѣ. Сия покойного Андрея Ханенка, а мой племянникъ Михайло Ханенко присланъ при писмѣ отъ п. Федора Чуйкевича.

13. Обѣдали у мене гг. подскарбій Скоропадскій и Валькевичъ асаулъ енералные, да изъ комиссіантовъ нашихъ п.п. Семевъ Чуйкевичъ, Стефанъ Савицкій и Семевъ Столповскій, такожь сотникъ березанскій Думитрашко.

14. Куплено сукно для жены у Мандзенка за 9 р. 60 к. и заплачено. Надвечери были у насъ судія енералный г. Лисенко зъ

своею женою и жена бунчучного Оболонского. Хлопецъ Иванъ перехристь отославъ, а Данило городискій пришолъ къ намъ.

15. Послѣ полдня отехала жена къ Товкачовцѣ, которую провожалъ я съ синомъ Василемъ къ Слѣпороду; а потомъ заездилъ въ квартиру г. Якубовича, асаула евералного и былъ у асаула евералного-жъ г. Валкевича, где и съ графомъ Мойсеемъ Ивановичемъ Владиславичемъ и съ Иваномъ Бороздною видѣлся.

16. Поутру рано ездилъ къ генералу князю Репнину, который, при пожегнанюся съ всѣми тамо бывшими, отскалъ поутру-жъ въ путь свой на комиссію розграниченя съ турками быть имѣючого. Послѣ обѣда ездилъ съ г. Своронадскимъ до графа Мойсея Ивановича, где съ нимъ и съ графинею, братовою Анною Бороздною, при нашемъ посиденю, перве приехалъ полковникъ Тютчевъ, потомъ бунчучный Оболонскій и полковникъ стародубовскій Максимовичъ, а уже надвечери оттоль приехали.

17. Поутру былъ у мене Павелъ Ивановъ сынъ Миклашевскій и говорили съ нимъ о долгу 200 руб., отъ него женѣ моей належномъ, который потомъ далъ на имя жены моей и облѣккъ на тѣ денги, до первого сентября сего году. Дзигармистру, въ домъ г. Якубовича мешкаючому, далъ до исправленя часы мои серебряные карманные съ портретомъ, а вчора взялъ другіе часы серебряные жъ ко исправленю чернецъ Меркурій.

18 Часы съ портретомъ отобраны и дано за исправленіе 40 к. Писано письмо къ старостѣ перегонскому и Каврайскому о смотрѣніи дому, господарства и протчего.

19. Писалъ въ Москву до п. Маскевича о дѣлѣ моемъ и включилъ письмо отъ Барановского, канцеляристи войскового, до отнима его, сотвика козелецкого, Алексія Подвисоцкого. Писано жъ письмо до старости товкачовского Поленского, чтобъ онъ высалъ съ Товкачовки въ Григоровку 25 человекъ рабочихъ, когда востребуеть тамошний господаръ, съ запасомъ на мѣсяцъ.

20. За роботу и прикладъ къ мундѣру, сыну Василевъ Максимомъ кравцомъ дѣланному, даво 6 р., а еще за сукна василкового 3¹/₂ локтя надлежить Мандзенку 4 р. 50 к. По обѣднѣ, слушапной въ церкви святой Анастасіи, заходили до попадѣ покойного отца Мойсея Богаевского, капеляна войскового жены, а оттоль къ писару евералному и къ бунчучному; потомъ я обѣдалъ съ попомъ Алек-

сіемъ Халкидонскимъ у подскарбія енералнаго г. Скоропадского, а надвечеря былъ у мене п. Іванъ Новицкій, товаришъ бунчужовый.

21. Зъ вчерашнего противъ сего числа, бѣжалъ сотникъ яготинскій Филипъ Купчивскій изъ своей квартиры, невѣдомо куда. Пришлоу указъ изъ Сената въ войсковую енералную канцелярію о бытіи главнымъ коммендіромъ надъ министерскою и енералною канцеляріями генералу лейтнанту Бибикову. Въ вечерѣ былъ у мене полковникъ стародубовскій г. Максимовичъ и долго въ почъ просидѣлъ.

22. Рано былъ я у полковника стародубовского и зъ нимъ простился, а послѣ обѣда, коло вечерень, отехалъ зъ Глухова погъ Алексій Халкидонскій, которому въ росплату даны 4 р. 80 к. и чрезъ него жъ послано письмо до п. Андрея Миклашевского о брусѣ, драгѣ и 20 р. должныхъ. Писаны письма въ Товкачовку до старости и къ нему жъ для отсылки отправлены въ Золотоношу до сотниковъ тамошнего и крапивянского да значкового Леонтія Петровича и отъ Каврайского; въ Луку до тамошнего священника отца Федора и до старости лучанского жъ стороны сожженного двора Гаврилового, до п. Александра Саковича о Івану Григоровичу, и о купленю коней пуга, и до жены въ Товкачовку.

23. Оныя письма отданы въ енеральной канцеляріи канцеляристу Андрію Гуленку для отсылки оныхъ въ Прилуку, а одтоль въ Товкачовку. Писалъ до Алексія Подвисоцкого противъ его письма, зъ-подъ Карачева писанного, да до атамана погарского Бѣлая о Косику и до старости погарского о домашнихъ дѣлахъ, чрезъ Самойла, поповича суворовского. Приехали зъ Москви сотникъ Іванъ Тодорскій.

24. Чрезъ онога жъ Тодорскаго получилъ я письма отъ полковника лубенского и судіи міргородского Остроградского. Писма къ Подвисоцкому, къ Москвѣ, вручилъ для пересылки Богдановичу. Писалъ къ Каврайскому о домашнихъ дѣлахъ, и до атамана погарского стороны лобою, учиненного Синицѣ отъ куровского жителя Бондаренка и стороны слѣдствія о Косику. Въ вечеру прибылъ нечаянно генералъ лейтантъ Іванъ Івановичъ Бибиковъ, опредѣленный на правленіе въ Малой Россіи.

25. Компанѣйцю, посланному зъ указомъ до Ивановой Миклашевской и до сина ея Павла, по челобитю жены моей о 200 р.,

данъ за сездъ 1 р. Рано у генерала Бибикова всѣ мы и великороссійскіе персоны были съ поздравленіемъ прибытія его сюда.

26. Будучи званны къ г. генералу Бибикову, кушали у него обѣдъ, потомъ былъ я у г. Скоропадского. Вечеромъ прибылъ п. Іванъ Гамалѣя и почовалъ въ моемъ домѣ.

27. Рано поздравляли генерала полтавскою викторією. Службы Божой и молебствія въ церкви святой Варвары слушали; потомъ были у подскарбія Ушакова, тоже у генерала, и я ради п. Гамаліи отехалъ обѣдать въ домъ, где при окончаніи обѣда прибыла и жена съ Товкачовки, а п. Гамалѣя отехалъ.

28. Отпущены тестѣ товкачовскіе въ Товкачовку и при нихъ Данило городискій, чрезъ которыхъ писалъ до старости товкачовского о домашнихъ дѣлахъ, и посланы желѣза до плуга, лемѣшъ и чересло. Писалъ въ отвѣтъ до асаула енералного п. Якубовича, стороны сѣножатій Выдидныхъ и о протчемъ. Отданы денги Роману Янченку за полотно швабское 12 р., да судіи енералному г. Лисенку за дворъ остальные 10 руб., изъ привезенныхъ женою съ Товкачовки.

29. Послѣ службы Божой и молебствія, бывшего съ пушечною палбою изъ 21 штуки, былъ банкетъ у генерала Бибикова, на которомъ были генераль маіоръ Кезерлингъ съ женою и другіе великороссійскіе и малороссійскіе господа; и при столѣ пушечная палба продолжалась долго и многіе здѣлались шумны.

30. Весь день съ похмеля пробавлялся въ домѣ и въ комиссіи не былъ.

Ю л ь.

1. Былъ въ комиссіи, где и доношеніе сочинили объ отпускѣ на канѣкулярные дни въ дома.

2. Едучи, по именному указу съ Кіева, превелебный отецъ Симонъ Тодорскій къ Москвѣ, за прибытіемъ своимъ въ Іллухова, былъ перве въ комиссіи нашей, потомъ и въ домѣ моемъ, и сего жъ числа съ дому моего отехалъ въ путь свой.

3. Писару суда енералного Івану Пиковцю родилась дочь Марфа.

4. Оное доношеніе отъ комиссіи нашей подано генералу чрезъ ігумена петропавловскаго Никифора Грибовского. Сегожъ числа кушали генераль съ прочими гг. великороссійскими и малорос-